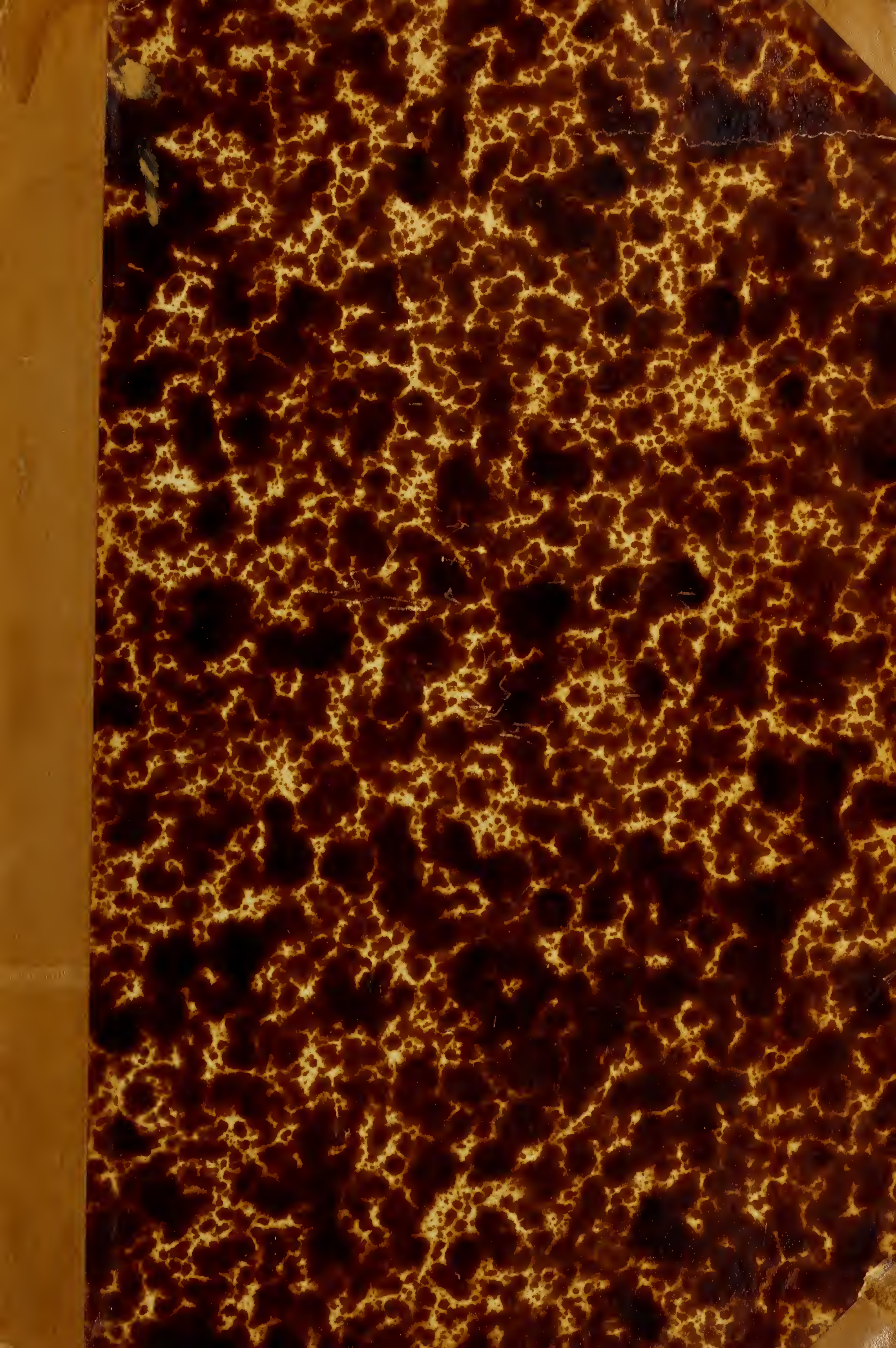
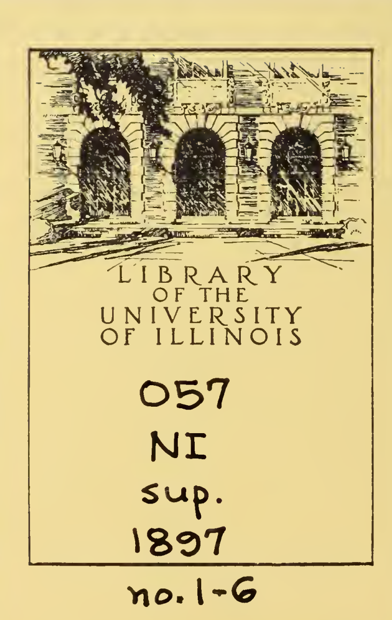




[illegible]

[illegible]

[illegible]

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

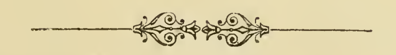
ЖУРНАЛУ „НИВА“

НА

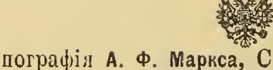
1897 г.

ЗА

Январь, Февраль, Мартъ и Апрѣль.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.



Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая, № 1.

Дозволено цензурою. 3 апрѣля 1897 г. СПБ.

Оглавленіе.

Смѣсь:

Для успокоенія нервовъ.

Изъ записокъ одного очень почтеннаго человѣка.

П. П. Гнѣдича.

I.

Сегодня у меня консиліумъ.

Консиліумъ собранъ спеціально для меня, по настоянію моей жены. Очевидно, я боленъ — и серьезно: иначе зачѣмъ же платить тремъ докторамъ за разъ? Когда, два дня тому назадъ, меня убѣдили въ необходимости созыва этого ареопага, я почувствовалъ впервые, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ наступилъ кризисъ, и такъ или иначе, а надо выйти изъ того гнуснаго положенія, въ которое поставила меня жизнь. Я согласился, — пусть пріѣзжаютъ трое, четверо, цѣлый факультетъ, цѣлая академія, — чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Въ сущности, я совершенно здоровъ, — гораздо болѣе здоровъ, чѣмъ сотни тысячъ людей. Но я самъ знаю, что за послѣднее время у меня развилась раздражительность и нервность, свойственныя людямъ, перевалившимъ за сорокъ лѣтъ, обезпеченнымъ, хорошо поставленнымъ, но живущимъ напряженною мозговой работой. Мнѣ многіе завидуютъ: говорятъ, что я слишкомъ рано получилъ «дѣйствительнаго» и звѣзду. А знаютъ ли они, какой работой досталась мнѣ и звѣзда, и «дѣйствительный»? Безсонныя ночи наканунѣ докладовъ у министра, редактированіе каждой вздорной бумаги, идущей изъ моего департамента, непріятности и подкопы со стороны товарищей, газетныя статьи съ намеками и попреками. А впрочемъ, дѣло не въ министерствѣ и не въ моемъ положеніи.

Женѣ теперь подъ-сорокъ лѣтъ. Она черноглазая, полная, еще красивая женщина, — изъ тѣхъ женщинъ, которыя въ ея года могутъ нравиться лицеистамъ и правовѣдамъ, не кончившимъ курса. У насъ есть дочка шестнадцати лѣтъ, но почему-то съ голубыми глазами, хотя я лично обладаю сѣрыми. Жену мою зовутъ Людмилой Павловной, а дочку «Натой», что, въ переводѣ на православный календарь, должно обозначать Наталью. Людмила Павловна превосходно воспитана, т. е. владѣетъ языками, играетъ на фортепіано, знаетъ, когда въ театръ надо надѣвать въ ложу шляпку, когда не надѣвать, принимаетъ въ гостиной атташэ изъ посольствъ разныхъ національностей и весьма серьезно слѣдитъ за воспитаніемъ Наты. Ната несомнѣнно пойдетъ по стопамъ мамаши. Натѣ внушено, что она должна непремѣнно кончить курсъ въ частной гимназіи Борзенковой, и если она хо-

рошо кончитъ, то черезъ годъ выйдетъ замужъ за отличнаго мужа,—и тогда будетъ самостоятельной женщиной, т. е. будетъ ѣздить не въ отцовской каретѣ, а въ своей собственной или, вѣрнѣе, въ мужниной, и будетъ имѣть своихъ собственныхъ дѣтей, изъ которыхъ можно впослѣдствіи сдѣлать атташэ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, или даже въ Парижѣ. Ната, я это чувствую, получитъ нынче весною если не золотую, то серебряную медаль, — она усердно занимается и алгеброй, и исторіей, сознавая всю пользу отъ ученія, т. е. возможность получить, благодаря своему воспитанію, хорошаго мужа, — слѣдовательно, хорошую карету и хорошихъ дѣтей.

Недѣлю тому назадъ, сонная Ната простилась со мной и съ матерью, чмокнувъ насъ по очереди въ губы, и пошла, натыкаясь на мебель, къ себѣ въ спальню. Мы сидѣли еще за самоваромъ. Жена, проводивъ ее глазами, сказала:

— Бѣдная дѣвочка — какъ занимается.

Въ отвѣтъ, я изложилъ ей устно все то, что только что изложено здѣсь письменно. Жена посмотрѣла на меня большими, удивленными глазами.

— Ты преувеличиваешь,—сказала она. — Но если бы даже это и было такъ, — въ чемъ же ложь положенія Наты? Неужели же ты хотѣлъ бы, чтобъ она осталась въ дѣвкахъ и не вышла замужъ? Я понимаю, что нельзя выдавать за перваго встрѣчнаго, но нельзя же ей не выйти замужъ совсѣмъ?

Мнѣ все это показалось настолько противнымъ, что даже лѣнь было отвѣчать ей. Я допилъ чай, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и засѣлъ за свои бумаги. Но Людмила Павловна явилась и сюда, успѣвъ перемѣнить дневное платье на пестрый турецкій капотъ.

— Не сердись, я только на минуту, — заговорила она, останавливаясь у стола и облокачиваясь на него локтями.—Милый, ты ужасно раздражителенъ. Тебя эти бумаги окончательно уморятъ. Я не могу этого дальше допустить. Ты такъ сталъ относиться за послѣднее время ко мнѣ и къ Натѣ, что я не знаю...

Въ это время ей понадобился платокъ, такъ какъ, по смыслу діалога, надо было заплакать. И она достала платокъ изъ кармана, чистый, сложенный, еще пахнущій сашѐ, вытерла глаза и высморкалась. Потомъ она поправила на рукѣ браслетъ, — мой предсвадебный подарокъ, съ которымъ она никогда не разставалась,— и опять стала говорить.

— Нельзя такъ продолжать, я не допущу... Ты разстраиваешь свое здоровье, разстраиваешь меня, портишь дочь. Она боится тебя, твоихъ замѣчаній. Ты требуешь отъ шестнадцатилѣтней дѣвочки философскаго пониманія жизни...

Я хотѣлъ сказать, что она требуетъ отъ Наты опытности сорокалѣтней кокетки, но воздержался, и, перевернувъ страницу, началъ читать:

«Въ отношеніи отъ двадцать второго марта, губернаторъ —ской губерніи, сообщая...»

Платокъ снова припалъ къ глазамъ, и на этотъ разъ еще съ бо́льшей паузой и съ легкими подергиваніями плечъ.

— Какъ хочешь, — вдругъ заговорила она настолько громко, точно дѣло происходило на сценѣ, а не въ комнатѣ, гдѣ былъ одинъ слушатель, которому было достаточно самаго легкаго шопота,—какъ хочешь, но я не могу допускать подобнаго отношенія къ семьѣ. Еслибъ у насъ не было дочери,—я бы не говорила. А то я обязана, какъ мать...

Мнѣ такъ хотѣлось сказать ей, что

она мнѣ мѣшаетъ, что все это она говоритъ вздоръ и наборъ словъ; но я былъ тоже вѣдь человѣкъ воспитанный, и потому долженъ былъ скрыть свое недовольство. И я сунулъ носъ въ бумаги и продолжалъ читать: «...на означенное ходатайство, послѣдовало...»

Моя вѣжливость была понята въ другую сторону: супруга вдругъ разразилась рыданіями, воскликнула: — «Нѣтъ, это ужасно, ужасно!»—и выбѣжала изъ кабинета.

Тогда я заперъ дверь на ключъ, и продолжалъ читать: «а потому министерство находитъ необходимымъ...»— и читалъ эту дребедень до четырехъ часовъ ночи.

II.

Послѣдствіемъ только что разсказанной теплой семейной сцены было два новыхъ семейныхъ разговора, въ которыхъ приняла участіе спеціально выписанная съ Васильевскаго острова моя теща,—веселая черноглазая старушка, чрезвычайно заботливая относительно всего, что ея не касается. Она говорила скоро, захлебываясь и очень убѣдительно. Она меня просила «не запускать», увѣряя, что иначе окончится дѣло плохо; она умоляла меня созвать консиліумъ, если не для себя, то для успокоенія семьи. Если принять во вниманіе, что при этомъ жена сидѣла съ грустнымъ выраженіемъ лица на диванѣ, а дочь задумчиво смотрѣла въ окно и думала о томъ, какія знакомства будутъ у ея мужа, — то картина получалась во всѣхъ отношеніяхъ трогательная. И я растрогался, поцѣловалъ у старушки руку и сказалъ:

— Очень радъ сдѣлать вамъ что-нибудь пріятное.

Отъ моего рѣшенія всѣ повеселѣли и стали ко мнѣ еще болѣе предупредительны. Черезъ день теща увѣдомила, что консиліумъ назначенъ на завтра въ два часа, и что она поэтому проситъ не ѣздить раньше трехъ въ министерство. Я въ отвѣтъ ей написалъ, что надѣюсь видѣть и ее въ числѣ консультантовъ.

И вотъ, они сегодня всѣ собрались: три извѣстныхъ доктора — Брунстъ, Мельвиль и Лапотягинъ.

Брунста я давно знаю: онъ нашъ домашній докторъ. Онъ кругленькій, толстый, съ розовымъ, сплюснутымъ лицомъ, — точно на этомъ лицѣ кто-нибудь просидѣлъ цѣлый вечеръ и примялъ его. Онъ спеціалистъ по внутреннимъ и особенно желудочнымъ болѣзнямъ. Гдѣ-то что-то читаетъ съ каѳедры, имѣетъ огромную практику, и испанскую мушку прописываетъ отъ всѣхъ болѣзней. Меня онъ знаетъ отлично, знаетъ, что лѣчить меня не надо, и смотритъ окомъ авгура на своихъ товарищей—такихъ же гаруспициевъ.

Мельвиль еще молодъ; онъ быстръ, подвиженъ, носитъ черепаховые очки и держится съ военной выправкой. Еврей онъ или американецъ—не знаю, но знаю, что онъ очень скоро себѣ составилъ репутацію блестящаго діагноста: его опредѣленія отличаются необычайной проницательностью. Онъ даже не лѣчитъ, а только опредѣляетъ степень и качество болѣзни, — какъ купоръ при розливѣ винъ пробуетъ вино на языкъ, но даже не глотаетъ, а только пишетъ цифру продажной цѣны. Поэтому Мельвиля усиленно приглашаютъ на консиліумы, и онъ противъ этого рѣшительно ничего не имѣетъ. Къ паціенту онъ очень внимателенъ, и при осмотрѣ у него отъ натуги потѣетъ лобъ. Встрѣчался я съ нимъ и раньше, но не лѣчился у него никогда.

Лапотягина я никогда не видалъ, только слышалъ о немъ. Еслибъ увидѣлъ хоть разъ—никогда не забылъ бы его облика. Онъ пріѣхалъ первый

и еле прошелъ въ обѣ раскрытыя половинки дверей. Это была огромная куча мяса, костей и жира, уложенная въ широкій форменный сюртукъ, какъ въ мѣшокъ съ пуговицами. Изъ мѣшка сверху высовывалась небольшая головка съ умными, проницательными глазами и оттопыренными отъ вѣчной одышки губами. Лапотягинъ былъ психіатръ и, несмотря на свою тучность, работалъ непрерывно. Онъ, кажется, менѣе всѣхъ вѣрилъ въ необходимость консиліума, и только нашелъ единственную пріятную вещь сказать мнѣ сразу какъ вошелъ:

— Хорошо, что вы живете въ нижнемъ этажѣ.

Когда я спросилъ у него, почему «хорошо», онъ шлепнулъ себя по животу и сказалъ:

— А эти потроха каково таскать по лѣстницѣ!

Въ четверть третьяго всѣ были въ сборѣ. Двери въ кабинетъ заперли. Трое одѣтыхъ въ сюртуки мужчинъ стали осматривать четвертаго, совершенно раздѣтаго, поворачивая его изъ стороны въ сторону, заставляя дышать и не дышать, кашлять и подымать руки. Появились плессиметры и началось постукиванье. Брунстъ вытащилъ какую-то вновь изобрѣтенную трубку съ кишкой, которая присасывалась къ тѣлу, и чрезъ кишку прослушивались легкія. Наконецъ, раздѣтому человѣку стало холодно, и онъ попросилъ позволенія одѣться. Тогда Лапотягинъ, мало принимавшій участія въ осмотрѣ, внезапно такъ надавилъ два позвонка на спинѣ, что голый человѣкъ какъ-то хрюкнулъ отъ боли, чѣмъ доставилъ Лапотягину искреннее удовольствіе.

Потомъ они отправились въ гостиную и тамъ стали говорить хотя и тихо, но по-русски. Мельвиль на минуту еще разъ зашелъ ко мнѣ, засталъ меня объ одномъ сапогѣ, и предложилъ весьма неожиданный и странный вопросъ, на который я сразу даже не отвѣтилъ.

— Да вы не конфузьтесь, я вѣдь докторъ,—подбодрилъ онъ меня.

— Чего мнѣ васъ конфузиться,—возразилъ я.—А только еслибъ меня теща спросила объ этомъ—еще я понялъ бы причину вопроса, а вамъ-то какое дѣло?

— Ну, какъ хотите,—сказалъ онъ, обидѣвшись, и ушелъ назадъ къ своимъ товарищамъ.

Теща оказалась легкой на поминѣ, и тоже явилась. Я надѣлъ форменный фракъ, чтобы ѣхать въ министерство, какъ только кончится консиліумъ, и велѣлъ подавать лошадь. Доктора заявили, что тайнъ никакихъ нѣтъ, и они готовы предъ всѣми открыто дать свои выводы. Теща и жена усѣлись въ кресла, я къ письменному столу, эскулапы по стульямъ, а Лапотягинъ на турецкомъ диванѣ. Брунсту поручили, какъ домашнему врачу, все резюмировать. Брунстъ сдѣлалъ масляные глаза и началъ, не торопясь, объяснять, какъ обстоятъ дѣла моего организма.

Въ сущности, опасности нѣтъ. Комплекція моя здорова, даже удивительно здорова. Но нѣтъ такого механизма, который не требовалъ бы ремонта. Ремонтъ необходимъ. Послѣ сорока лѣтъ, организмъ уже не столь энергиченъ, какъ въ молодости, иногда къ нему надо приходить на помощь. Сердце, напримѣръ, работаетъ слабовато,—имѣется ожирѣньице. Печень увеличена и при прощупываніи болѣзненна, есть запущенный бронхитъ. Нервы возбуждены и подняты. Нервная система возбуждена вообще настолько, что надо на этотъ счетъ кое-что предпринять.

— То-есть что же?—спросилъ я.

— А хоть на время снять вашъ вицмундирчикъ, — мягко замѣтилъ Брунстъ.—То-есть не въ смыслѣ от-

ставки, ну, а скажемъ — двухмѣсячнаго отпуска.

— И куда-нибудь отсюда подальше,—внезапно заговорилъ Лапотягинъ такимъ басомъ, какъ будто захрипѣлъ органъ въ католической церкви,—куда-нибудь къ чортикамъ на кулички. Въ Испанію, напримѣръ. Хорошее мѣсто. Матадоры, пикадоры, кастаньеты, донны Инезильи! Тамъ теперь лимономъ и лавромъ пахнетъ. А здѣсь—снѣжище проклятый.

Мельвиль посмотрѣлъ на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ упрекомъ: онъ никакъ не могъ себѣ представить такой способъ разговора съ паціентомъ. Поэтому онъ поспѣшилъ прервать своего коллегу.

— Словомъ,—сказалъ онъ, отчеканивая каждый слогъ,—вамъ надо хотя на время оставить прежній образъ жизни, свои занятія, привычки и уйти въ иную сферу. Какимъ путемъ это сдѣлать—рѣшать не намъ,—это дѣло вашего вкуса и средствъ. Но чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ скорѣе сбросите съ себя хандру и удрученное состояніе. Вы почувствуете, что съ васъ свалилось нѣсколько лѣтъ, что вы помолодѣли и окрѣпли.

— Барашкомъ запрыгаете,—прибавилъ Лапотягинъ,—хвостъ кренделькомъ подымете и пируэтцами такими, пируэтцами.

III.

Въ концѣ концовъ, вѣроятно, не желая получать даромъ деньги, почтенные медики досидѣли у меня до четырехъ часовъ. Когда они откланялись, мнѣ оставалось только, по совѣту Брунста, снять вицмундиръ, хотя бы на время.

— Ну, куда же вы ѣдете?—спросила меня теща.

— Да въ министерство ужъ поздно,—возразилъ я.

— Нѣтъ, я про совѣтъ профессоровъ—уѣхать на время изъ города?

Я задумался.

— Въ Пунка-Харью, скорѣй всего.

Теща безсмысленно посмотрѣла на меня и переспросила названіе.

— Пунка-Харью — это сосновый лѣсъ на берегу озера въ Финляндіи. Тамъ имѣніе моего вице-директора. Теперь тамъ никого нѣтъ, раздолье,—вотъ туда и отправлюсь.

— Богъ съ вами!—завопила старушка,—да вы тамъ на стѣны полѣзете съ тоски. Вы слышали, васъ въ Испанію посылаютъ.

— Ну, это Лапотягинъ сказалъ только при васъ, чтобы сказать что-нибудь смѣшное. Что я буду въ февралѣ мѣсяцѣ тамъ дѣлать? Съ кастаньетами плясать? Такъ это не подобаетъ моему чину. Еще если бы меня министерство послало осмотрѣть что-нибудь по казенной надобности,—да у испанокъ ничего такого нѣтъ, по спеціальности нашего министерства.

Въ пятомъ часу пришла изъ гимназіи Ната.

— Папу посылаютъ отдохнуть на два мѣсяца за границу, — сказала ей жена такимъ тономъ, словно я находился при послѣднемъ издыханіи.

Ната, какъ дѣвочка хорошо воспитанная, не удивилась, а только спросила:

— Куда же ты, папа, думаешь?

— А я, моя душа, совсѣмъ объ этомъ не думаю.

Оказалось, что заговоръ противъ меня былъ составленъ гораздо хитрѣе, чѣмъ я думалъ. Когда передъ обѣдомъ я вошелъ въ гостиную, съ женою и тещей сидѣлъ мой пріятель Иванъ Ивановичъ Обьюшинъ. Я зналъ его лѣтъ тридцать,—съ третьяго класса гимназіи. Когда я вошелъ, разговоръ сразу оборвался: очевидно, говорили обо мнѣ. Обьюшинъ поднялся ко мнѣ навстрѣчу, протянулъ обѣ руки и радостно проговорилъ:

— Какъ я радъ,—слышалъ, что ты

ѣдешь за границу. Я ѣду на первой недѣлѣ поста,—ѣдемъ вмѣстѣ.

— Это жена ѣдетъ съ своей мамашей, а не я.

Теща даже взвизгнула.

— Какъ жена съ мамашей! Мы и не думали ѣхать. Вѣдь для васъ былъ собранъ консиліумъ.

— Да вѣдь я вамъ надоѣлъ своею нервностью,—началъ объяснять я.— Вы хотите отъ меня избавиться? Такъ не проще ли вмѣсто того, чтобы посылать меня, куда я совсѣмъ не желаю ѣхать, отправиться самимъ въ Парижъ? Чудесно было бы. Я бы денегъ далъ.

Все это проговорилъ я самымъ мягкимъ голосомъ, съ самой убѣдительной лаской, на какую только былъ способенъ. Но жена за послѣднее время такъ привыкла плакать по три раза въ день, что ей не составило никакого труда заплакать и на этотъ разъ, повторяя изъ-за платка:

— Это безбожно,—думать, что я хочу отъ него отдѣлаться, и насильно посылаю его за границу!

Доложили, что обѣдъ готовъ. Я взялъ подъ руку Ивана Ивановича и повелъ въ столовую.

Иванъ Ивановичъ года на полтора старше меня. Лицо у него самое пріятное: такія лица образуются послѣ сорока лѣтъ у старыхъ холостяковъ, которые ѣздятъ ежегодно въ Парижъ и носятъ галстуки по самой послѣдней модѣ. Мнѣ кажется, они и подбородокъ бреютъ затѣмъ, чтобы борода не закрывала галстука. Но, правду сказать, подбородокъ у Ивана Ивановича самый пріятный—съ ямочкой посрединѣ. Усы онъ причесываетъ кверху, но не закручивая въ одинъ кончикъ, а распуская волоски въ разныя стороны, какъ носятъ обыкновенно коты. Вообще онъ похожъ па кота, на хорошаго сѣраго кота изъ приличнаго купеческаго дома. Послѣ обѣда онъ такъ же щурится, какъ коты послѣ мыши, и такъ же пріятно мурлычитъ, если съ нимъ заговорить о пріятныхъ вещахъ. Его всѣ любятъ, вездѣ принимаютъ, и онъ вездѣ домашній человѣкъ, хотя совершенно самостоятеленъ и ни въ комъ не нуждается, а службу имѣетъ такую пріятную, что обрѣтается болѣе шести мѣсяцевъ въ отпуску каждый годъ. Я убѣжденъ, что онъ искренно обрадовался вѣсти о томъ, что я ѣду за границу, и очень радъ былъ мысли ѣхать вмѣстѣ. Тѣмъ больнѣе было его разочарованіе.

— Скажи, да что тебя удерживаетъ здѣсь?—удивлялся онъ, нѣжно прижимая мой локоть къ своему боку.—Отчего тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, не проѣхаться со мной по Франціи и Италіи?

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Зачѣмъ всѣ ѣздятъ!

Онъ налилъ доппель-кюммеля пополамъ съ англійской горькой, выпилъ, закусилъ анчоусомъ, вытеръ усы, сказалъ женѣ комплиментъ по поводу сливочнаго масла,—какъ будто порядочное масло—ископаемая рѣдкость,— и снова обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Зачѣмъ всѣ ѣздятъ за границу?

— Купцы—за товаромъ, больные— лѣчиться, барыни—за модами, ты— изучать парижанокъ средняго разбора...

— Позволь, позволь, — перебилъ онъ, — во-первыхъ, всѣ ѣдутъ путешествовать; понимаешь—путешествовать.

— Ну, этого я не понимаю. Я понимаю, когда путешествуетъ Ливингстонъ, Стенли, Пржевальскій. Но когда путешествуетъ Иванъ Ивановичъ и Марья Сидоровна,—мнѣ это непонятно.

— Все это, мой другъ, парадоксы.

Въ это время подали бульонъ; вошла Ната, которая, по мнѣнію матери, не должна была участвовать въ истребленіи закусокъ: она была слишкомъ молода для анчоусовъ и паштета. Уви-

дя неожиданно Ивана Ивановича, она чуточку вспыхнула, что она считала нужнымъ дѣлать при видѣ каждаго мужчины. Конечно, это была краска неожиданности: какъ, молъ, это я вышла, не посмотрѣвшись въ зеркало, можетъ-быть, у меня что-нибудь не въ порядкѣ, а у Ивана Ивановича большое знакомство, и онъ достанетъ мнѣ хорошаго мужа. Иванъ Ивановичъ и ей сказалъ комплиментъ по поводу ея красоты, отчего она уже покраснѣла какъ надо.

— Ну, вотъ мы спросимъ Наталью Сергѣевну,—заговорилъ онъ, засовывая уголъ салфетки за шею, и обратился къ дочери:—Скажите, Наталья Сергѣевна, какъ по-вашему, зачѣмъ люди ѣздятъ за границу?

Ната ожидала всякаго вопроса, но не такого. Она слегка даже разинула ротикъ,—что въ сущности было верхомъ неприличія. Но потомъ оправилась и сказала:

— Да вѣдь надо же куда-нибудь ѣхать.

— Почему же надо?—спросилъ я.

— Все одно и то же вѣдь скучно. А впрочемъ, мы писали въ прошломъ году сочиненіе,—вдругъ припомнила она,—о путешествіяхъ съ образовательной и религіозной цѣлью... По поводу «Писемъ» Карамзина и «Хожденія Даніила Паломника». Значитъ, можно ѣздить съ образовательной цѣлью и съ религіозной.

— Ты бывалъ когда-нибудь за границей?—спросилъ строго Иванъ Ивановичъ.

Мнѣ вдругъ захотѣлось соврать, такъ-таки ни съ того, ни съ сего, безо всякаго злого умысла, какъ вретъ большинство людей. Я утаилъ, что во дни своей юности ѣздилъ за границу съ «образовательной» цѣлью. Съ женой я, кажется, никогда не говорилъ объ этомъ. Помню, долженъ я былъ объѣхать Германію, Швейцарію и закончить дорогу Парижемъ. Но я почему-то попалъ тотчасъ же въ Парижъ, и черезъ мѣсяцъ вернулся прямо домой, такъ какъ денегъ у меня еле-еле хватило на обратный проѣздъ. Впрочемъ, образованіе мое за мѣсяцъ было значительно пополнено. И я рѣшился утаить объ этомъ путешествіи. и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я никогда за границей не былъ.

IV.

— О, тогда ты не можешь себѣ представить и вообразить, что тебя ожидаетъ. Довѣрься мнѣ. Я знаю Европу, какъ свои пять пальцевъ. Ты не будешь скучать ни минуты. Поѣдемъ прямо въ Парижъ. Теперь всюду по Европѣ Sleeping-Car'ы, а въ Германіи Garmonium-Zug'и. Ты доѣдешь какъ въ люлькѣ и не почувствуешь, какъ черезъ два дня будешь на берегахъ Сены. Возьми маленькій чемоданъ и осеннее пальто, — ѣдемъ налегкѣ. Походимъ по театрамъ, я свезу тебя на разныя таинственныя представленія, гдѣ ты увидишь истлѣвающихъ и оживающихъ покойниковъ...

— Господи, что вы говорите!—замѣтила теща.

— Потомъ, если захочешь на югъ, поѣдемъ въ Ниццу, въ Монако, хочешь—въ Неаполь, въ Сицилію.

— Ахъ, папа, какъ тамъ хорошо теперь, я думаю!—сказала Ната.

— Хочешь поѣхать?—предложилъ я.

— А гимназія?—съ испугомъ спросила она.

— Зачѣмъ тебѣ гимназія, — вѣдь можно и не кончать. Я, по крайней мѣрѣ, ничего противъ не имѣю.

— Это ужасно, что вы всегда говорите Натѣ,—покачивая головой, сказала теща.—Хорошо, что она дѣвочка благоразумная. А другая въ самомъ дѣлѣ перестала бы учиться...

— Ну, и слава Богу,—отвѣтилъ я.

Теща—добрѣйшая старуха, но никакъ не можетъ стать ни на одну мою точку зрѣнія. Ей кажется, что я все порчу: внучку ея порчу, дочь—порчу, желудокъ—порчу. За послѣдніе года она была только разъ вполнѣ довольна мною, когда я получилъ «дѣйствительнаго», и даже у швейцара про меня недѣли двѣ спрашивала: «генералъ дома?» Одинъ изъ пунктовъ вѣчнаго нашего пререканія—Ната. Она утверждаетъ, что при дѣвочкѣ нельзя говорить по-человѣчески, то-есть называть бѣлое—бѣлымъ, а черное—чернымъ, что это портитъ женщину и пріучаетъ ее смотрѣть на вещи слишкомъ прямо. Сама старушка смотритъ на все косо, и такъ все и принимаетъ подъ угломъ. Всему, чему ее научили въ дѣтствѣ, она повѣрила. Ей сказали, что Швейцарія—восхитительная страна,—она повѣрила; сказали, что Рафаэль великій художникъ,—она говоритъ то же; сказали, что итальянская опера лучшая въ мірѣ,—и она на стѣну лѣзетъ изъ-за итальянской оперы. То же она старается внушить и внучкѣ, но Ната умнѣе ея,—она даже умнѣе матери и потому не сразу поддается на увѣщанія. Ната готова признать Рафаэля геніемъ, но подъ условіемъ, чтобъ его показали; а если покажутъ, она скажетъ: «можетъ, онъ и геній, только я этого не понимаю».—А бабушка, та не сознáется, что не понимаетъ, а будетъ восхищаться: «А! Рафаэль! У! Рафаэль!» Мать—переходная ступень къ дочери. Она въ трудныхъ вопросахъ молчитъ или, какъ «женщина семидесятыхъ годовъ», отвѣчаетъ такъ, что ничего нельзя понять: оно какъ будто и такъ, а можетъ-быть и не такъ. Но она всегда соблюдаетъ достоинство, и со стороны можно подумать, что она и не вѣсть какъ умна. Впрочемъ, семнадцать лѣтъ назадъ она мнѣ казалась очень умной, и я ей не разъ высказывалъ это въ лицо, а она на это мнѣ говорила:

— Ахъ, до чего я счастлива!

Всѣ эти мысли вертуномъ шли у меня въ головѣ, пока ѣли супъ, подавали какую-то разварную рыбу съ разварнымъ картофелемъ. Иванъ Ивановичъ говорилъ этимъ временемъ, что парижскіе бульвары «поражаютъ, — прямо-таки поражаютъ». Онъ увѣрялъ, что человѣкъ, попавшій въ круговоротъ парижской жизни, съ перваго раза обалдѣваетъ и просыпается отъ своего обалдѣнія только черезъ недѣлю, и тутъ только начинаетъ различать, какъ черезъ туманъ, Тюильри, Лувръ, Елисейскія поля и Итальянскій бульваръ. Когда онъ это говорилъ, передо мной пронеслись смутной фантасмагоріей черные глазки Yvette—которые и были причиной, что я не видѣлъ ни Монблана, ни дрезденской Мадонны. Гдѣ эта Yvette теперь? Сорокалѣтняя толстая прачка? Или, быть-можетъ, еще красивая, во вкусѣ французскихъ гвардейцевъ, полная женщина,—она катается теперь, развалясь въ коляскѣ, по аллеямъ Булонскаго лѣса и приводитъ въ трепетъ посѣдѣвшихъ защитниковъ Парижа? Ахъ, что это была за красота, за живость, за прелесть, за остроуміе! Привезти бы ее тогда въ Петербургъ и подарить папашу черноглазой невѣсткой!..

— Главный городъ Германіи — Франкфуртъ-на-Майнѣ,—внезапно выстрѣливаетъ теща.

Всѣ хохочутъ. Хохотъ этотъ выводитъ меня изъ глубокихъ размышленій и заставляетъ присоединиться къ присутствующимъ за столомъ. Ната, краснѣя отъ волненія и радости, что бабушка сказала невозможную глупость, начинаетъ разсказывать насчетъ объединенія Германіи послѣ войны, и все прочее, что имъ говорилъ учитель сверхъ программы.

— Ну. Берлинъ, тотъ самъ по себѣ,—соглашается бабушка,—но и Франкфуртъ-на-Майнѣ, это тоже столица,—первопрестольная, какъ у насъ Москва.

Всѣ опять смѣются.

Красное вино очень удачной выписки заставляетъ Ивана Ивановича особенно масляно щурить глаза. Онъ, послѣ ростбифа съ томатнымъ соусомъ, похлопываетъ меня по рукѣ.

— Поѣдемъ, милый другъ, поѣдемъ. Покатаемся въ венеціанскихъ гондолахъ, слазимъ на Везувій, посмотримъ римскаго Петра. Ну, что здѣсь киснуть,—ну, скажи ради Бога? Въ департаментѣ ты всѣмъ надоѣлъ,—они съ такимъ удовольствіемъ примутъ извѣстіе о твоемъ отпускѣ, что ты и представить себѣ не можешь.

И онъ ласково жметъ мою руку и ласково, какъ только что накормленный котъ, смотритъ мнѣ въ глаза.

V.

Кофе подали намъ въ кабинетѣ. Мы лежали на диванѣ. Иванъ Ивановичъ выпускалъ изо рта кверху дымъ тоненькой-тоненькой струйкой и любовался, какъ онъ переходилъ въ облако, точно дымъ какой-нибудь огнедышащей горы. Въ столовой бренчали ножи, ложки и посуда. Лампа горѣла ярко, на знакомыхъ картинахъ, какъ всегда, проступала заря надъ Невою, лился какой-то тирольскій водопадъ, бѣлѣла зима. Книги въ шкапахъ привѣтно золотились своими корешками. Часы тикали такъ задушевно. И бросить это все, и скакать за тридевять земель, чортъ знаетъ ради чего!

— Ты мнѣ скажи заранѣе, — соннымъ голосомъ сказалъ Иванъ Ивановичъ, — скажи общій планъ маршрута и назначь день выѣзда. Я поѣду въ контору Sleeping-Car и распоряжусь всѣмъ, чтобъ не было какой задержки. Мы и билеты всѣ здѣсь получимъ въ Петербургѣ, и постели, понимаешь—все, что надо.

— Я подумаю, — еще болѣе соннымъ голосомъ сказалъ я, и въ тотъ же самый моментъ рѣшилъ, не знаю почему, что надо ѣхать, и что я поѣду во всякомъ случаѣ. Въ смутныхъ мысляхъ, вереницей несшихся въ головѣ, совершенно ясно проступало сознаніе необходимости этой поѣздки. Вся нелѣпость и глупость безцѣльной толкотни человѣка, попавшаго безо всякой надобности въ чужой край, совершенно опредѣленно рисовавшаяся полчаса назадъ, теперь уже не казалась нелѣпостью. Передо мною слабымъ воспоминаніемъ мелькнули башни Нотръ-Дамъ и фонтаны у Египетскаго обелиска, мелькнулъ жирный подбородокъ Ивана Ивановича, слегка всхрапывавшаго во снѣ,— и все сокрылось въ безпросвѣтный мракъ послѣобѣденнаго сна.

Черезъ полчаса я услышалъ какое-то бульканье. Это Иванъ Ивановичъ потребовалъ сифонъ, и теперь съ жадностью поглощалъ кипучую влагу, покрякивая и обсасывая усы.

— Оттого и печень жирѣетъ, что мы спимъ послѣ обѣда,—философскимъ тономъ проговорилъ онъ. — Вотъ ужъ за границей этого не будетъ.

— Perpetuum mobile?—спросилъ я.

— Perpetuum mobile.

— И отъ этого я выздоровѣю, если я только боленъ?

— Выздоровѣешь.

— Хорошо.

Иванъ Ивановичъ совсѣмъ проснулся.

— Душечка, дай тебя обнять. Ты не можешь себѣ представить, въ какомъ я восторгѣ.

Черезъ пять минутъ весь домъ уже зналъ о моемъ рѣшеніи, и чудесной гирляндой сидѣли передо мной мамаша, дочка и теща.

— Я такъ вамъ благодарна, Иванъ Ивановичъ, что вы уговорили его, — объясняла моя супруга.—Его здоровье меня такъ безпокоитъ.

Иванъ Ивановичъ принялъ эту благодарность настолько серьезно, точно онъ дѣйствительно уговорилъ меня ѣхать.

— Жребій брошенъ, — говорилъ онъ уже въ прихожей, — возврата нѣтъ. Завтра я заказываю билеты на Францію и Италію, и черезъ недѣлю — ѣдемъ.

И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ мнѣ сказалъ: «жребій брошенъ», я потерялъ свой покой, потерялъ аппетитъ, потерялъ сонъ. Какіе-то кошмары стали наползать на меня по ночамъ. Внутри—какое-то безпокойство, головныя боли. Не знаю, отчего все это произошло, но я чувствовалъ нарастаніе внутри себя чего-то нехорошаго, посторонняго.

Отпускъ мнѣ тотчасъ же дали, я пересталъ ходить на службу. Дома я не находилъ себѣ занятія. Курить бросилъ совсѣмъ: дымъ былъ ѣдокъ и противенъ. Квартира, мебель, жена,— все это было очень хорошо, но въ то же время невыносимо. Мнѣ требовалось сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы не волноваться отъ каждаго слова, сдерживаться въ границахъ, не быть рѣзкимъ съ прислугой. Сдерживался я, насколько могъ, и чувствовалъ, что болѣе уже сдерживаться не могу, и торопилъ самъ съ отъѣздомъ. Но у Ивана Ивановича скопились свои дѣла, и ранѣе начала февраля онъ не могъ выѣхать.

Рѣшилъ купить записную книжку и заносить туда все, что будетъ меня удивлять, поражать и восхищать.

Изъ записной книжки.

Петербургъ ... февраля 1896 года.

Сегодня получилъ на шесть мѣсяцевъ зеленый паспортъ съ обычнымъ обозначеніемъ, что, молъ, такой-то «reist in's Ausland», «se rend à l'étranger» и прочее. Одновременно съ полученіемъ паспорта, занялся покупкой книгъ для дороги. Купилъ путеводителей Бедекера, семь томовъ, набранныхъ такой мелкой печатью, что читать ихъ во всякомъ случаѣ невозможно, а разсматривать карты тѣмъ паче. Но книжки во всякомъ случаѣ красивыя: въ красненькихъ переплетахъ съ пестренькими обрѣзами. Не знаю, оставлять ли ихъ дома или брать съ собой? Затѣмъ я захватилъ «Письма русскаго путешественника» Карамзина, въ видѣ путеводителя по Парижу, для сравненія — насколько русскому путешественнику черезъ сто лѣтъ Парижъ покажется въ иномъ свѣтѣ. Затѣмъ я пріобрѣлъ желудочныхъ капель и чемоданъ съ несессеромъ. Женѣ на память о себѣ купилъ два горшка съ гіацинтами, которые она такъ любитъ, какъ любятъ ихъ только голландки. Дочери я купилъ брелокъ на часы съ хорошенькими брильянтиками. Словомъ — всѣмъ будетъ весело, когда я уѣду. День отъѣзда назначенъ. Въ домѣ всѣ озабочены. Теща бываетъ каждый день и привезла мнѣ на дорогу фуфайку, такую толстую, что въ ней только можно ловить треску въ Нѣмецкомъ морѣ, а ужъ никакъ не сидѣть въ ней въ вагонѣ. Озабоченъ кучеръ, — два раза спрашивалъ меня насчетъ того, что «ежели безъ вашей милости дорога распустится, какъ поступить въ разсужденіи дрожекъ, у которыхъ резина на переднихъ колесахъ пообилась?» Кухарка стала все пересаливать, горничныя усиленно забили посуду. Дочь считаетъ необходимымъ сидѣть возлѣ меня по получасу послѣ обѣда въ виду близкой разлуки. Она, въ самомъ дѣлѣ, хорошѣетъ, даже я начинаю замѣчать. Рѣсницы у нея вздрагиваютъ чаще чѣмъ нужно. Руки и ноги не

кажутся утиными, какъ два года назадъ. Жалко, что она близорука: щурится и тычется носомъ, если хочетъ что видѣть. Шейка у нея чудесная, бѣленькая, особенно сзади, съ затылка.

И такъ—я ѣду. Зачѣмъ? Я здоровъ, дѣла у меня никакого за границей нѣтъ. Отдохнуть? Но почему же это называется отдыхомъ? Вставать я долженъ не тогда, когда болѣе не хочется спать, а когда поѣздъ придетъ на таможню. Чаю я не могу порядочнаго напиться, потому что почти вездѣ за границей чай скверный, да и кофе тоже скверный. Обѣдать придется или по звонку, съ англичанами, или бѣгать наугадъ и искать порядочныхъ ресторановъ. Наводилъ справки у опытныхъ людей и заносилъ ихъ свѣдѣнія въ памятную книжку. Справки касались того, гдѣ и въ какихъ гостиницахъ останавливаться. Выписываю страницу изъ отдѣла «Италія».

Гостиницы въ Неаполѣ.

Перекусихинъ (бывшій семь разъ въ Помпеѣ) совѣтуетъ: единственный хорошій отель—«Бристоль». Полный комфортъ, дивная кухня.

Васюкановъ, Петръ Ѳедоровичъ, говоритъ, что Перекусихинъ вретъ: въ «Бристолѣ» дороговизна, помѣщается онъ въ какомъ-то переулкѣ, наверху, и изъ него нѣтъ никакого вида. Единственное мѣсто — «Grand-Hôtel»: на самомъ берегу моря, съ очаровательнымъ видомъ, на самую «Promenade», противъ Везувія. Въ остальныхъ отеляхъ нѣтъ воздуха и мало озона.

Теререщенко, Василій Петровичъ, исколесившій всю Европу, говоритъ, что въ «Grand-Hôtel» можно умереть отъ сырости въ февралѣ мѣсяцѣ, такъ какъ онъ окутанъ морскими испареніями. Въ «Bristol», кромѣ англичанъ, никто не выдерживаетъ строгости режима, а ужъ если поселяться гдѣ, такъ въ «Victoria» или «Hôtel Britannique», потому что, во-1-хъ, — ну, и т. д.

Всѣ остальныя страницы въ этомъ родѣ. Интереснѣе всего Парижъ. Изъ восемнадцати мнѣній нѣтъ ни одного сходнаго: всѣ увѣряютъ, что та гостиница, въ которой они останавливаются, лучшая, и что тотъ кабачокъ, въ которомъ они ѣдятъ,— идеаленъ. Иванъ Ивановичъ говоритъ, что надо обойти въ Парижѣ всѣ ресторанчики, какіе только существуютъ. Я энергично протестую.

— Да вѣдь это интересно!—настаиваетъ онъ.—Мы будемъ обѣдать у Дюрана, у Маргериттъ, въ Ришельё, на Пуасоньерѣ.

— Не лучше ли намъ обѣдать дома?—пробую я привести его въ естественное состояніе.

— Скука, мой ангелъ. А тамъ народъ, движеніе, жизнь.

И опять та же мысль неотвязно преслѣдуетъ меня. Зачѣмъ же мы, праздные, откормленные петербуржцы, будемъ занимать въ ресторанчикахъ мѣста у стола и мѣшать голоднымъ, только что окончившимъ свой трудовой день, парижанамъ, прибѣжавшимъ сюда въ силу необходимости—подкрѣпиться, перехватить кусочекъ. Да и зачѣмъ каждый день носиться изъ стороны въ сторону и мѣнять кухню, если порядочно будутъ кормить въ той гостиницѣ, гдѣ мы остановимся? Наконецъ, я не понимаю всей важности этого вопроса: чтò ѣсть, какъ ѣсть, гдѣ ѣсть. Процессъ ѣды для меня всегда былъ самымъ противнымъ. Я всегда стараюсь отобѣдать какъ можно скорѣе, и терпѣть не могу обѣдать въ гостяхъ, гдѣ приходится сидѣть по два часа за столомъ. Ну, еще вопросъ о спокойномъ номерѣ является для меня имѣющимъ значеніе: тонкая стѣна или дверь къ сосѣду, котораго

всю ночь мучаетъ кашель или морская болѣзнь, способна довести человѣка до изступленія и проклясть всѣ гостиницы въ мірѣ. Ѣзда съ ранняго утра по улицѣ или крики во дворѣ—тоже представляютъ изъ себя не мало наслажденій. Всѣ эти мерзости надо предотвращать. Но заботиться о томъ, буду ли я завтракать у Дюваля или у Дюрана,—да не все ли это равно!

Я съ самаго ранняго дѣтства не выношу никакого движенія, кромѣ ходьбы пѣшкомъ. Съ семи лѣтъ дѣдъ меня сажалъ на лошадь, и я гарцовалъ по нашему двору. Послѣ этого мнѣ приходилось по разнымъ обстоятельствамъ изъѣздить верхомъ многіе сотни верстъ,—и я терпѣть не могу лошади. При видѣ петербургскаго извозчика я чувствую дрожь въ спинѣ. Отъ вагона я прихожу въ самое изступленное состояніе, въ какомъ бы чудесномъ настроеніи ни былъ. Пароходъ я выношу скорѣе, даже во время качки, хотя ничего не имѣю противъ хорошей погоды. Я и лошадей держу только затѣмъ, чтобъ по возможности скорѣе и короче проѣзжать тѣ разстоянія, которыя проѣхать необходимо. Экипажи я заказываю самые узкіе и легкіе, чтобы не слышать отъ кучера разговора о томъ, что лошади тяжело и нельзя скоро ѣздить. И кучеровъ держу молодыхъ,—они ѣздятъ бойчѣе и всегда торопятся домой, потому что влюблены или въ горничную, или въ прачку. При всѣхъ подобныхъ моихъ недостаткахъ, вообразите, какое удовольствіе я долженъ получить отъ предполагаемаго путешествія!

А впрочемъ, чортъ его знаетъ, можетъ, оно и развлечетъ меня!

VI.

... февраля 1896 г.
Sleeping-Car Варш. дор.

Записываю протокольно свои впечатлѣнія.

Всталъ рано. Началась окончательная укладка. Посрединѣ кабинета мой чемоданъ. Прислуга мечется какъ на пожарѣ. Пересчитываю деньги, кладу въ карманъ паспортъ, запираю столы и шкапы, пишу послѣднія записки. Дочь ушла въ гимназію. Теща и жена считаютъ своимъ долгомъ проводить меня на вокзалъ, хотя я умоляю ихъ не продѣлывать этой собачьей комедіи. Но вмѣсто выраженія «собачья комедія» я мягко говорю: «дальніе проводы — лишнія слезы». Убѣжденія мои сводятся къ нулю. Жена, для доказательства искренности чувствъ, плачетъ.

Приходитъ старшій дворникъ, человѣкъ степенный, въ отличномъ драповомъ пальто съ бархатнымъ воротникомъ. Я не держу лакея,—терпѣть не могу мужской прислуги,—и поэтому отправляю вещи на вокзалъ со старшимъ дворникомъ. Онъ забираетъ два чемодана и свертокъ съ пледами, получаетъ должное внушеніе, что надо ѣхать на варшавскій вокзалъ, а не на финляндскій, и исчезаетъ.

Наступаетъ моментъ отъѣзда. Швейцаръ позвонилъ на кухню три раза: знакъ, что кучеръ у подъѣзда. Часы показываютъ, что до отхода остался только часъ. Пора! Но теща не пускаетъ: говоритъ, передъ отъѣздомъ надо присѣсть.

Мы присѣли. Затѣмъ прощанія и поцѣлуи, точно мы не ѣдемъ на вокзалъ, гдѣ можно все это продѣлать. Вырвавшись изъ объятій, бѣгу на лѣстницу. Обѣ дамы за мной.

День морозный, солнечный, веселый. Резины мягко шуршатъ по снѣгу, а не визжатъ, какъ желѣзные ободы. Кучеръ везетъ съ необыкновенной быстротой, надѣясь, что, по случаю отъѣзда, я дамъ ему трехрублевку. Удобство проводовъ заключается въ томъ, что я долженъ сидѣть на переднемъ мѣстѣ и смотрѣть на густыя какъ у алмеи брови тещи и

на сложенный бантикомъ ротикъ жены. Мнѣ внезапно приходитъ на мысль: а что если меня гдѣ-нибудь за границей на смерть придавитъ, и я больше не увижу ни Московской каланчи, мимо которой мы ѣдемъ, ни церкви Введенія, ни Обуховской больницы? Строго говоря, и часть, и церковь, и больница — довольно-таки жалкой архитектуры и никто ничего не потеряетъ, если никогда въ жизни ихъ не увидитъ. Но, тѣмъ не менѣе, внутри подымается и растетъ какое-то странное чувство сожалѣнія. Вдругъ вспоминается дѣтство и то, что я съ матерью гулялъ какъ разъ по Загородному проспекту...

— Все ли взялъ?—спрашиваетъ жена, какъ будто есть возможность возвратиться домой, если что забыто. Я знаю, что забылъ дорожный револьверъ, хотя, въ сущности, онъ ни на что не нуженъ.

— Ты откуда напишешь? — не отстаетъ жена.

— Изъ Парижа,—говорю я.

— Пиши подробно.

— О чемъ?

— Обо всемъ.

— Да вѣдь мнѣ доктора запретили заниматься письменными дѣлами. Я предложу тебѣ вотъ что. Я совсѣмъ не буду тебѣ ни писать, ни телеграфировать. Но даю слово, если что случится,—получишь депешу немедленно.

— Какой вы странный!—удивляется теща.

— А тебѣ можно писать?—спрашиваетъ жена, и въ ея голосѣ звенитъ нотка оскорбленія.

— Сколько хочешь.

— А ты будешь читать?

— О, да, постараюсь. Только пиши разборчивѣе.

Я тоскливо озираюсь. Ѣдемъ мимо памятника Славы. Теперь ужъ скоро.

— Не потерялъ ли дворникъ вашихъ вещей?—дѣлаетъ предположеніе теща.

— Весьма возможно.

— Отчего же вы такъ хладнокровны? Съ вами трудно разговаривать.

Я и съ этимъ соглашаюсь. Наконецъ, вотъ и Обводный каналъ, и башня вокзала. У подъѣзда дворникъ насъ дожидается и почтительно высаживаетъ подъ руку.

Иванъ Ивановичъ уже на вокзалѣ; усы побѣдоносно торчатъ поверхъ боброваго воротника. На лицѣ оживленіе.

— Поѣхали!—говоритъ онъ радостно, хотя мы совсѣмъ не поѣхали, а стоимъ на сквозномъ вѣтру. Я предлагаю идти въ буфетъ. Чтобы какъ-нибудь скоротать остающіяся сорокъ минутъ, я рѣшаюсь спросить ветчины и начинаю ѣсть, увѣряя себя, что это необходимо.

За сосѣднимъ столомъ проводы: сидитъ мамаша съ непозволительно толстымъ носомъ и дочка съ пронзительными глазками, недурненькая, но не первой молодости. Ихъ провожаетъ коллекція молодыхъ офицеровъ и молодыхъ людей въ цилиндрахъ и шинеляхъ съ мѣховыми лацканами. Дочка оживлена и болтаетъ безъ умолку. Мать иногда ее останавливаетъ, но на лицѣ у нея остается выраженіе безграничной любви къ своему созданію:

— Ангелъ, а не дѣвушка!

Ангелъ особенно заигрываетъ съ кавалергардомъ, очень молоденькимъ, но хорошенькимъ. Мамаша все что-то говоритъ съ господиномъ, обладающимъ сѣдою бородкой и золотымъ пенснэ. Тотъ ходитъ за билетами, распоряжается багажомъ и фамильярно обходится съ дочкой, хотя мамаша говоритъ ему «вы» и называетъ Иванъ Антоновичемъ.

Когда подаютъ шампанское, мамаша трясетъ носомъ, говоритъ, что она никогда не допуститъ, чтобы въ такое время, въ полдень, пили шампанское, и сама выпиваетъ два бокала. Дочка, незамѣтно отъ мамаши, выпиваетъ три,

глазки ея разгораются еще больше, и она откровенно говоритъ:

— Мнѣ, право, господа, очень жалко, что наша компанія разстраивается. Какіе вы всѣ глупые, что не можете ѣхать съ нами.

— Рита! — останавливаетъ ее съ притворнымъ ужасомъ мать, — развѣ это можно...

Раздается первый звонокъ. Теща спрашиваетъ, гдѣ моя дорожная сумка. Я говорю, что ѣзжу всегда безъ дорожной сумки. Она спрашиваетъ, что̀ же у меня въ рукахъ? Я говорю: «ничего».

— Вы странный человѣкъ,—опять повторяетъ она, хотя лично я нахожу странными тѣхъ людей, которые ѣдутъ въ дорогу нагруженные всякой дрянью.

Второй звонокъ; поцѣлуи, объятія, восклицанія; третій—поѣздъ трогается, и платформа съ женой, тещей, кавалергардами и шинелями уходитъ назадъ.

Направляюсь въ купэ.

— Что же, мы здѣсь будемъ висѣть одинъ надъ другимъ? — спрашиваю я. — Вѣдь это одиночное заключеніе, а сюда сажаютъ двоихъ.

— Прекрасное купэ!—восхищается Иванъ Ивановичъ.—Посмотри, какой бархатъ на обивкѣ, какая политура стѣнъ: вѣдь это палисандровое дерево. Вотъ звонки къ кондуктору, вотъ столъ.

— Постой. Кто же будетъ висѣть наверху и рисковать тѣмъ, что можетъ рухнуть внизъ? И кто будетъ внизу, рискуя, что его на́-смерть задавитъ верхняя кровать?

Иванъ Ивановичъ смущается.

— Какъ хочешь, я готовъ и наверху и внизу. Какъ тебѣ удобнѣе.

— Мнѣ удобнѣе всего быть внизу, подъ условіемъ, чтобы никого наверху не было.

Иванъ Ивановичъ разводитъ руками.

— Но это невозможно.

Отправляюсь къ кондуктору. Черезъ десять минутъ мы водворены въ просторномъ большомъ купэ. У каждаго свой широкій диванъ. Я плачу за лишнія два спальныя мѣста и растягиваюсь на своемъ диванѣ.

— Вотъ теперь удобно, — говорю я, развертываю записную книжку и заношу въ нее все, что только что написано.

VII.

... февраля 189* г.
Въ нѣмецкой гармоникѣ.

Россія осталась за рубежомъ. Мы сидимъ въ нѣмецкой гармоникѣ.

Рано утромъ насъ подняли. Прусскіе жандармы, ежась отъ холода и морщась отъ фонарей, вѣжливо перетрясли наши чемоданы. Офицеры всѣ суровы. Но когда дочка Риточка запустила глазки, одинъ усачъ улыбнулся.

— Garmonium-Zug? — спрашиваетъ Иванъ Ивановичъ.

— Oh, ja! — такимъ тономъ отвѣчаетъ носильщикъ, какъ будто кромѣ гармоніумъ-цуговъ ничего другого по Пруссіи ходить не можетъ.

Пьемъ кафе-о-ле (сливки пропадаютъ!). Эйдкуненъ мраченъ и заспанъ. Подаютъ «гармоники». Это поѣздъ, гдѣ каждый вагонъ связанъ кожанымъ переходомъ съ сосѣднимъ вагономъ. Кожа сложена гармоникой. Переходы широкіе: можно гулять по всему поѣзду.

Трогаемся безъ звонка. Ѣдемъ скоро, трясетъ мало. Кондукторъ помимо билетовъ взыскиваетъ за право сидѣть на своемъ мѣстѣ и выдаетъ желтые билеты на каждаго. Молоденькій кельнеръ раздаетъ карточки, съ предложеніемъ завтракать и обѣдать въ вагонѣ, такъ какъ кухня и погребъ помѣща-

ются на поѣздѣ. Въ нашемъ купэ и мамаша съ дочкой. Знакомство съ Иваномъ Ивановичемъ затѣвается немедленно. Я вытаскиваю Карамзина и весь ухожу въ «Письма русскаго путешественника».

— Мы каждый годъ ѣздимъ за границу, — говоритъ мамаша, стараясь пытливымъ окомъ разглядѣть, есть ли у насъ подъ перчатками обручальныя кольца.—Мы такъ привыкли, что для насъ постъ не въ постъ, если мы остаемся въ Петербургѣ.

«Прекрасный лужокъ,—читаю я,— прекрасная рощица, прекрасная женщина,—однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его. Образъ милой саксонки остался въ моихъ мысляхъ къ украшенію картинной галлереи моего воображенія...»

Смотрю на говорящую мамашу и думаю объ украшеніи картинной галлереи моего воображенія. Носъ у нея необычайно мясистый и съ насморкомъ, отчего она его часто доитъ въ платокъ не первой свѣжести. Дочка тоже не первой свѣжести: ей должнобыть не удалось сегодня подмазаться, и она блѣднѣе и тусклѣе, чѣмъ всегда. Но она не хуже сотенъ другихъ барышень и даже представляетъ нѣкоторый интересъ.

— Мы цѣлые вороха̀ платьевъ увозимъ изъ Парижа,--говоритъ мамаша.— У насъ на таможнѣ цѣлая исторія. Это очень выгодно...

«Утро было прекрасное; птички пѣли и молодые олени играли на дорогѣ», — читалъ я, и глаза мои смыкались отъ ранняго вставанья. Постепенно все путается, уходитъ изъ глазъ, и на нѣсколько минутъ я переношусь въ свой департаментъ и вижу вице-директора съ портфелемъ, у котораго нѣтъ Platz-karte и потому онъ никуда не можетъ сѣсть на мѣсто и начать докладъ.

Когда мысли снова проясняются, я слышу глухо, точно черезъ ватную повязку, объясненіе старухи:

— Кормятъ здѣсь въ вагонахъ скверно. Вотъ вы увидите. Рита, хочешь чего-нибудь покушать?

Рита такъ воздушна, что не можетъ питаться ничѣмъ, кромѣ кофе. Кельнеръ приноситъ ей огромную суповую чашку съ кофеемъ, хлѣба и масла. Воздушное существо накидывается на снѣдь, и черезъ десять минутъ на столѣ остаются только крошки.

Я звоню въ крохотную пуговку розетки. Кельнеръ, запыхавшійся, съ тремя бутылками пива въ рукахъ, показывается въ двери. Я требую себѣ Kalbs-Cotelette.

— Проголодались? — со снисходительной улыбкой спрашиваетъ мать. А дочь смотритъ на меня такъ, точно она ничего не ѣла.

Но я снова, въ ожиданіи котлетки, ухожу въ Карамзина:

«Нельзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земного творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни, гдѣ меланхолическая пустота искони царствуетъ...»

Иванъ Ивановичъ совсѣмъ разошелся:

— Я васъ сведу въ Парижѣ въ одинъ ресторанъ,—говоритъ онъ,—въ которомъ, я убѣжденъ, вы никогда не были. Это удивительно...

Обѣ дамы чавкаютъ губами въ предвкушеніи удивительнаго ресторана.

Вотъ и котлета. Полбутылки рислинга золотится на прусскомъ солнцѣ. Я ѣмъ съ аппетитомъ.

— Неужели хорошо?—спрашиваетъ мамаша.

— Чудесно,—отвѣчаю я и пробую рейнвейнъ.

Котлета съѣдена, я хочу еще ѣсть. Кельнеръ предлагаетъ Paar warme Würstchen. Черезъ пять минутъ ароматъ капусты и сосисокъ распростра-

няется по купэ. Всѣ смотрятъ мнѣ въ ротъ. Я не стѣсняюсь и ѣмъ.

Рейнвейнъ выпитъ, кофе выпито, столъ убранъ. Въ купэ молчаніе.

Вдругъ Иванъ Ивановичъ не выдерживаетъ и тянется къ звонку.

— Мнѣ тоже рейнскаго, — сконфуженно говоритъ онъ,—и филе, только хорошо прожаренный.

«Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую,— читалъ я, — видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земного творенія?»

— Ты говоришь, сосиски хороши?— спрашиваетъ Иванъ Ивановичъ.

— Чудесныя,—говорю я, не поднимая глазъ.

Иванъ Ивановичъ съѣдаетъ и филе, и сосиски, и выпиваетъ цѣлую бутылку рейнскаго. Его аппетитъ окончательно выводитъ изъ себя дамъ.

— Кельнеръ, — дрожащимъ голосомъ говоритъ мамаша, — дайте намъ сейчасъ же завтракать. Сперва приготовьте яичницу...

Кельнеръ, мокрый, запыхавшійся, киваетъ въ тактъ головой и все повторяетъ:

— Ja, ja!

Я опять засыпаю. Еще рано, только одиннадцатый часъ. Засыпаю солидно и просыпаюсь въ три. Иванъ Ивановичъ пьетъ чай съ печеньемъ. Смотрю въ окна—направо и налѣво: изъ купэ въ коридоръ выходятъ широкія зеркальныя окна, такъ что можно смотрѣть въ обѣ стороны. Мы несемся по унылой мѣстности, плоской, какъ бильярдъ, симметрично усаженной подстриженными деревьями. Мелькаютъ колоколенки съ пѣтухомъ вмѣсто креста. Чувствую аппетитъ. Звоню.

У кельнера картузикъ съѣхалъ на затылокъ, глаза стали мутные.

— У васъ какой бульонъ? — спрашиваю я, хотя терпѣть не могу какихъ бы то ни было бульоновъ.

Словомъ, я обѣдаю; черезъ полчаса обѣдаетъ Иванъ Ивановичъ; еще черезъ полчаса—барыни. Въ купэ пахнетъ виномъ, капустой, перцемъ, ветчиной. Солнце закатывается. Я читаю:

«Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ выйти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ натурою, и умираютъ гдѣ родятся; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ, ищетъ вездѣ наслажденій и находитъ ихъ, вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія, вездѣ радуется бытіемъ своимъ и благословляетъ свое человѣчество...»

Иванъ Ивановичъ тихонько вызываетъ меня въ коридоръ.

— Слушай: спальнаго вагона въ этомъ поѣздѣ за Берлиномъ не будетъ. Переночуемъ въ гостиницѣ.

— А что я буду дѣлать съ восьми часовъ въ Берлинѣ?

— Пойдешь въ театръ.

— А развѣ барыни выходятъ въ Берлинѣ?—ставлю я рискованный вопросъ.

Онъ смущается.

— Да. Онѣ, видишь ли, на три дня. А мы только переночуемъ.

Я машу рукой.

— Дѣлай какъ хочешь.

Подъ Берлиномъ получаемъ счетъ съѣденнаго: вчетверомъ съѣли на пятьдесятъ марокъ. Мамаша удивляется:

— Боже мой, неужели это все мы?

VIII.

На другой день. Суббота. Гармоника.

Полдень. Опять гармоника. Вчера успѣлъ съѣздить въ театръ и въ одиннадцать былъ ужъ дома и спалъ на

чудесномъ нѣмецкомъ пуховикѣ. Иванъ Ивановичъ что-то долго возился, долго горѣла электрическая люстра посерединѣ залы, которую отвели намъ подъ видомъ номера. Въ театрѣ я былъ безъ спутника. Публика дисциплинирована удивительно: во время дѣйствія не только не чихаетъ, но и не дышитъ. Утромъ Иванъ Ивановичъ тащилъ въ Національную галлерею и еще въ какой-то музей, но я уперся и запросился въ гармонику. Иванъ Ивановичъ провелъ вечеръ съ нашими дамами, которыхъ фамилія была Левкой-Брусиловы, и ему хотѣлось еще вечерокъ побыть съ ними. Впрочемъ, дамы окружены были небольшой стаей молодыхъ людей, встрѣтившихъ ихъ на вокзалѣ Фридрихштрассе съ букетами. Очевидно, въ каждомъ городѣ находились интересовавшіе ихъ выводки, которыхъ приручала дочка. Даже номеръ имъ былъ уже занятъ и, я думаю, оплаченъ. Номеръ былъ рядомъ съ нашимъ. Мамаша все ходила по коридору, какъ сомнамбулистка, въ бѣломъ пеньюарѣ, и бранилась съ прислугой, хотя прислуга была премилая. Въ Парижъ онѣ обѣщали пріѣхать въ среду, а Иванъ Ивановичъ клялся ихъ встрѣтить.

— Быть въ Берлинѣ и не видѣть знаменитаго берлинскаго музея! Удивительно!

Это говоритъ Иванъ Ивановичъ, сидя въ гармоникѣ.

— Вѣдь я, душенька, ничего не понимаю ни въ статуяхъ, ни въ картинахъ,—объясняю я.

— Но все-таки.

— Что все-таки?

— Для порядка надо.

Мы опять ѣдимъ, какъ папуасы. Кельнеръ постарше вчерашняго и помедлительнѣе. Читаю Карамзина и заношу въ записную книжку пришедшую мнѣ философскую мысль:

«Путешествіе не было бы столь пріятно, если бы воображеніе не ласкалось мыслію ранняго или поздняго возвращенія въ отчизну».

Иванъ Ивановичъ киснетъ безъ дамскаго общества и потому спитъ, какъ котъ, весь день. Поспитъ, поѣстъ, прогуляется по коридору и опять спитъ. Я слѣдую его примѣру. Кромѣ насъ никого въ купэ нѣтъ. Вагонъ сегодня трясетъ больше вчерашняго, писать неловко. Впечатлѣнія въ головѣ путаются по своей быстротѣ. Третьяго дня, въ полдень, жена мочила слезами мой галстукъ; вчера вечеръ я провелъ въ Deutsches Theater, спалъ на чудесныхъ пуховикахъ, а теперь вотъ подъѣзжаю къ Кёльну. У Ивана Ивановича голова болтается во всѣ стороны, какъ у фарфороваго зайца, но спитъ онъ непробудно. Горитъ въ купэ четыре газовыхъ рожка. Вотъ и Рейнъ. Вереница огней, рѣшётка моста. Надо собираться: три часа остановки.

— Иванъ Ивановичъ, перейди въ живую дѣйствительность!—бужу я его.

Онъ открываетъ глаза, тупо смотритъ на меня и наконецъ узнаетъ.

— А я сейчасъ былъ въ нашемъ клубѣ,—говоритъ онъ,—и что-то много проигралъ въ безикъ.

* * *

11 ч. ночи. Кёльнъ.

Гуляли сейчасъ по площади. Весь городъ торгуетъ однимъ одеколономъ. Кёльнскій соборъ окруженъ цѣпью одеколонныхъ магазиновъ. Обошли кругомъ соборъ. Башни такъ высоки, что когда на нихъ смотришь снизу, съ площади, кажется, что онѣ загибаются завитушками и падаютъ на тебя. Собаки бѣгаютъ и лаютъ какъ всегда. Станція умопомрачающая по величинѣ: въ ней умѣстятся три уѣздныхъ города. Ѣли опять съ тоски: какую-то рейнскую рыбу съ какимъ-то

рейнскимъ виномъ. Кельнеръ уже полугарсонъ—эльзасецъ.

* * *

Четыре часа спустя.
Sleeping-Car. Гдѣ-то въ Бельгіи.

Вишу въ воздухѣ. Иванъ Ивановичъ спитъ гдѣ-то въ пропасти подо мной. Человѣкъ—эгоистъ. Мнѣ предоставленъ былъ выборъ: что я хочу—быть раздавленнымъ, или самому раздавить Ивана Ивановича. Я предпочелъ послѣднее, и теперь подвѣшенъ подъ самый потолокъ, какъ снѣгирь въ клѣткѣ.

Очевидно, я пользуюсь послѣднимъ словомъ комфорта и цивилизаціи. Днемъ я отоспался, спать не хочу. Видъ, представляющійся мнѣ, съ моей точки зрѣнія таковъ. Потолокъ орѣховаго цвѣта. По немъ разбросаны букеты и летаютъ птички. Ниже я вижу свои собственныя ноги, упирающіяся въ верхнюю часть оконной шторы. Если лечь на правый бокъ, то передо мной окажется зеркало вмѣсто стѣны, и тогда кажется, будто рядомъ лежитъ другой дѣйствительный статскій совѣтникъ. Фонарь горитъ уже не такъ ярко, какъ у нѣмцевъ, потому что въ немъ два рожка вмѣсто четырехъ. Съ одной стороны фонарь задернутъ зеленой шторкой и разливаетъ полумракъ. Другая стѣнка зато ярко освѣщена, и на ней изображены виды гостиницы въ Египтѣ, хотя туда никто, кажется, не собирается ѣхать. Рядомъ съ гостиницей, какъ два висѣльника, мотаются на вѣшалкѣ наши пальто. Еще ниже, если заглянуть, перегнувшись, за край постели, въ пропасти виднѣется содовая вода на столикѣ и слышится сопѣніе Ивана Ивановича.

Вагонъ жестоко швыряетъ изъ стороны въ сторону, я катаюсь все время. Отъ безсонницы соображаю: если меня сброситъ отъ толчка внизъ, то обо что я попаду бокомъ? Оказывается, какъ разъ объ уголъ стола. Это меня начинаетъ безпокоить. Я рѣшаю его передвинуть. Начинаю осторожно спускаться; попадаю ногой прямо на локоть Ивана Ивановича. Тотъ, со сна, вцѣпляется въ меня обѣими руками. Пріятное недоразумѣніе, которое вскорѣ разъясняется.

Начинаю какъ будто засыпать. Осторожный стукъ въ дверь.

— Французская таможня. Надо выходить.

— У меня насморкъ, — заявляю я черезъ дверь.

— Надо выходить, — раздается за дверью настойчивый голосъ.

Бужу Ивана Ивановича. Тотъ съ остервенѣніемъ садится на своемъ ложѣ.

— Да что мы, контрабандисты, что ли? — спрашиваетъ онъ. — Чего насъ осматривать?

— Не философствуй, а вылѣзай, — совѣтую я.

На станціи горятъ огни. Льетъ дождь. Вокругъ грязно и тускло.

Мы въ прекрасной Франціи.

(Продолженіе будетъ.)

Упадокъ или возрожденіе?

Очеркъ современныхъ теченій въ искусствѣ. **Игоря Грабаря.**

Художественное произведеніе есть кусокъ природы, профильтрованный сквозь темпераментъ художника.
Э. Золя.

Есть слова, на долю которыхъ выпадаетъ совершенно исключительное счастье превращаться въ ходячую монету съ того момента, когда они въ первый разъ пущены въ оборотъ. Къ числу такихъ счастливыхъ словъ надо отнести и слово «декадентъ». Сначала эта кличка была присвоена группѣ парижскихъ поэтовъ, противополагавшихъ свою поэзію, «la poésie de la décadence», поэзіи «парнасцевъ». Очень скоро это слово изъ области литературы попало въ среду художниковъ, и постепенно подъ именемъ «декадентства» привыкли понимать всѣ тѣ новыя теченія и направленія, которыя съ нѣкоторыхъ поръ стали обнаруживаться въ живописи.

Совершенно незамѣтно мы начали усваивать цѣлый рядъ терминовъ, о которыхъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ не было и помину. Теперь уже не рѣдкость прочесть статью, въ которой слова «пленэръ», «пленэризмъ», «импрессіонизмъ», «символизмъ» упоминаются совершенно такъ же легко и просто, какъ просто и легко упоминали раньше о «реализмѣ», «натурализмѣ». Теперь и въ обществѣ, въ театрѣ, на улицѣ, на выставкѣ картинъ вы не очень удивляетесь, если слышите громкій разговоръ о «прерафаэлитахъ», «пуэнтилистахъ», «Rose Croix». Въ концѣ громкаго разговора всѣ эти страшныя и на самомъ дѣлѣ очень рѣдко что-нибудь объясняющія слова сводятся къ одному «декадентству». Декадентство—это состояніе упадка, упадочность, décadence. Рѣчь идетъ такимъ образомъ объ упадкѣ искусства, литературы, живописи *). Но тутъ есть одно недоразумѣніе, которое слѣдовало бы выяснить. Вѣроятно, всякій согласится со мной, что для того, чтобы съ одинаковымъ правомъ примѣнять понятіе упадка къ литературѣ и живописи, необходимо прежде всего, чтобы условія, при которыхъ явился упадокъ въ той и другой области, были хотя бы приблизительно сходны; необходимо указать въ ближайшей къ намъ исторіи такую блестящую эпоху, которая оправдывала бы «упадочность» нашихъ дней.

Въ литературѣ упадокъ произошелъ на нашихъ глазахъ. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія умолкли послѣдніе изъ великихъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. Поэзія умерла вмѣстѣ съ ними. Не умерли, однако, крупные писатели: литература, возродившись въ формѣ романа, повѣсти, разсказа, имѣетъ до нашего времени огромныхъ мастеровъ, и если рядомъ съ ними и вслѣдъ за послѣдними аккордами вдохновенныхъ пѣсенъ великихъ романтиковъ раздается лепетъ о голубыхъ звукахъ и желтой зависти, то рѣчь объ упадкѣ понятна. Можетъ-быть нѣтъ повода съ такой жестокостью нападать на поэтовъ голубого лепета, можетъ-быть не зачѣмъ такъ рѣшительно и безповоротно утвер-

*) Можно бы еще говорить о декадентствѣ музыки—о Григѣ, Свенсенѣ, если хотите,—о григизмѣ, пожалуй о нашихъ русскихъ «кучкистахъ», о декадентствѣ архитектуры (Гарнье), скульптуры (Родэнъ), но это завело бы насъ слишкомъ далеко.

ждать, что изъ этого временного состоянія исканія и блужданія ничего не выработается: исторія знаетъ достаточно примѣровъ, показывающихъ, какъ рискованно сводить на-нѣтъ явленіе, когда современникъ наблюдаетъ его лишь въ состояніи зарожденія и видитъ лишь первые шаги его движенія. Но во всякомъ случаѣ тутъ есть несомнѣнный поводъ говорить объ упадкѣ, есть основаніе спорить, горячиться, ломать журнальныя копья.

Ничего этого нѣтъ въ области живописи. Со смертью испанца Веласкеза, фламандца Вандика и голландца Рембрандта настали потемки, которыя только по странному недоразумѣнію могли считаться пріостановившимися для французовъ—Ватто, Шардэна и Бушэ; геній не являлся, и живопись спала глубокимъ, непробудимымъ сномъ. Почти двѣсти лѣтъ, тянулся онъ, этотъ сонъ, двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ наступилъ упадокъ. Если бы рѣчь шла объ этомъ двухсотлѣтнемъ упадкѣ, то на это было бы трудно что-нибудь возразить. Но говорятъ объ упадкѣ именно нашихъ дней въ сравненіи съ очень недавними еще временами. Откуда же этотъ упадокъ? Гдѣ та блестящая эпоха сильныхъ людей, геніевъ, въ сравненіи съ которой нынѣшняя живопись можетъ быть названа живописью упадка? Ужъ не живопись ли послѣдователей Давида, не классическія ли фигуры ихъ героевъ съ гражданскими позами и жестами? Или, можетъ-быть, эта эпоха вылилась въ красивыхъ историческихъ композиціяхъ 40 и 50 гг., тѣхъ самыхъ, которыя производили на Золя впечатлѣніе «асфальтоваго моря»? Да, послѣ ихъ коричневыхъ холстовъ мы отворачиваемся отъ этой радуги цвѣтовъ, отъ нынѣшнихъ фіолетовыхъ, ярко-зеленыхъ, синихъ тоновъ. Но неужели за этой модной радугой мы не видимъ ничего, неужели она совершенно закрыла намъ глаза на то здоровое, сильное, свѣжее, что рядомъ съ больнымъ, крикливымъ, моднымъ внесла въ современное искусство могучая волна возрожденія. Да, это возрожденіе, а не упадокъ, мы переживаемъ такую же эпоху возрожденія живописи, какую въ свое время пережила Европа во всѣхъ областяхъ проявленія человѣческаго духа. Тогда живопись родилась для того, чтобы къ половинѣ XVII вѣка дойти до апогея своего развитія и затѣмъ замереть? Два столѣтія прошло до того времени, пока она снова обнаружила признаки прежней жизни, и мы свидѣтели ея возрожденія. А между тѣмъ съ очень легкой совѣстью и сердцемъ мы свалили все, что есть сильнаго и слабаго въ искусствѣ нашихъ дней въ одну кучу, дали ему кличку декадентства и смѣемся, издѣваемся надъ нимъ, даемъ волю своей изобрѣтательности и остроумію, чтобы окончательно доконать ихъ, этихъ неполюбившихся намъ декадентовъ живописи.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня одна сцена изъ удивительнаго романа Золя «L'Oeuvre». Клодъ Лантье, художникъ, первый пленэристъ, импрессіонистъ, словомъ—«декадентъ», отправилъ свою картину, стоившую ему нечеловѣческихъ мученій, въ салонъ. Ее не приняли, и она попала въ одну изъ залъ «отверженныхъ». Авторъ отправился ее разыскивать. Подходя къ этой залѣ, онъ вздрогнулъ отъ страшнаго, неудержимаго хохота, доносившагося оттуда. Войдя въ нее, онъ остановился какъ вкопанный: толпа народа стояла передъ какой-то картиной, которой нельзя было разобрать изъ-за массы головъ, и хохотала. Онъ никогда не слыхалъ такого хохота, никогда не видалъ такихъ зловѣще-веселыхъ лицъ, такого дружнаго издѣвательства. Онъ узналъ свою вещь! Каждый разъ, когда мнѣ приходится слышать эти безконечныя насмѣшки по адресу живописи «упадка», мнѣ припоминается злополучная судьба бѣднаго Клода. Полноте, господа, такъ ли это, есть ли тутъ поводъ для глумленія и нѣтъ ли здѣсь чего-то, что отъ насъ ускользаетъ, чего мы не видимъ.

Прежде чѣмъ сдѣлать попытку разо-

браться въ этихъ новыхъ теченіяхъ и вѣяніяхъ, необходимо условиться насчетъ того, что понимать подъ художественнымъ произведеніемъ и какой критерій примѣнять при его оцѣнкѣ. Художникъ, въ какой бы формѣ ни проявлялось его искусство, непремѣнно черпаетъ свой матеріалъ изъ природы, жизни; самая фантастическая греза, перенесенная на полотно, не можетъ быть выражена иначе, какъ при помощи образовъ, заимствованныхъ иногда цѣликомъ, иногда частью изъ природы. Природа—это логически и психологически необходимый, неизбѣжный объектъ, надъ которымъ художнику приходится оперировать, и оторвать себя отъ природы онъ не въ силахъ. Для наличности художественнаго произведенія, кромѣ природы, необходимъ моментъ творчества, моментъ претворенія воспринятаго впечатлѣнія въ извѣстный образъ. Уже самый процессъ творчества исключаетъ возможность безстрастнаго, объективнаго отношенія къ природѣ; на первый планъ, напротивъ, выступаетъ личность, со всѣми ея особенностями, оригинальностями, съ ея темпераментомъ. «Природа сквозь темпераментъ художника»—вотъ тотъ принципъ субъективизма въ искусствѣ, который громко говоритъ съ холстовъ старыхъ мастеровъ. Ихъ принципъ можетъ служить критеріемъ для оцѣнки художественнаго произведенія. Они владѣли при этомъ ремесломъ своего искусства — формой, техникой— такъ, какъ никто послѣ нихъ, и только художникъ, сидѣвшій годами за изученіемъ глазъ или носа, можетъ сознавать всю громадность ихъ знаній, умѣнья и мастерства. Они обладали изумительной силой творческаго духа, они видѣли красиво, по-своему, не такъ, какъ всѣ, но поднимаясь на огромную высоту надъ общимъ уровнемъ своихъ современниковъ, и силой и обаяніемъ своего генія заставляли толпу слѣдовать за собой и заставляли ее видѣть такъ, какъ видѣли они. Искусство великихъ мастеровъ было искусствомъ самостоятельнымъ, которому не навязывалось никакой служебной роли, оно не проповѣдывало, не громило пороки, не разсказывало нравоучительныхъ исторій; оно было замкнуто въ себѣ и въ своихъ художественныхъ задачахъ. Я очень хорошо знаю, что такой взглядъ на искусство имѣетъ своихъ враговъ, я понимаю, что у нихъ есть очень вѣскій доводъ, когда они спрашиваютъ: какой же смыслъ искусства, если оно не приноситъ пользы? Тогда это только эгоистическое наслажденіе и ничего больше. Да, искусство есть наслажденіе, радость для художника, и, какъ это ни обидно можетъ-быть для самолюбія его жрецовъ, но филантропическій принципъ «полезности» никогда не убьетъ его эгоистическихъ проявленій. Мы совершенно оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ о «смыслѣ и значеніи» такого искусства, отложивъ бесѣду о немъ до другого случая. Мнѣ хотѣлось теперь указать только кое-какія данныя, которыя говорятъ въ пользу возрожденія современнаго искусства въ смыслѣ возвращенія его на путь старыхъ мастеровъ. Мнѣ хочется показать, что теперь, когда началась эта новая эпоха возрожденія, установилась уже очевидная связь нашего искусства съ искусствомъ великаго прошлаго, и что есть факты, говорящіе громко о томъ, что уже не далеко время, когда мы снова овладѣемъ чарами мастерства этихъ волшебниковъ и можетъ-быть двинемся дальше ихъ, сдѣлаемъ еще шагъ впередъ.

Для того, чтобы понять эту связь современности съ прошлымъ и уяснить себѣ тотъ фазисъ, въ который вступило искусство въ наши дни, необходимо заглянуть въ темную полосу, отдѣляющую наше время отъ момента, когда умолкли послѣдніе изъ великихъ. Исторія не создается случайно и лишь прихотью отдѣльныхъ лицъ; законъ, по которому одно явленіе сцѣпляется съ другимъ, непосредственно за нимъ слѣдующимъ, переплетаясь и перепутываясь съ сопутствующими ему,—сказался и въ исторіи искусства. Искусство нашего времени, какъ и всякой другой эпохи, есть сумма того, что сохранилось изъ прошлаго, и того,

что внеслось требованіями и условіями данной минуты.

I.

Прежде научитесь всему, что имѣетъ отношеніе къ вашему искусству, а потомъ начинайте дѣлать.

Леонардо да-Винчи.

Во второй половинѣ XVII вѣка одинъ за другимъ умерли геніи, въ лицѣ которыхъ искусство достигло своего высшаго развитія:—не стало Веласкеза, Вандика, Рембрандта. Эпоха вдохновенія, единственная, которая можетъ стать въ уровень съ вѣкомъ Перикла,—миновала, и вслѣдъ за ней погибло все. Во Франціи начинаетъ господствовать ложный вкусъ великолѣпія. «Magnificence» губитъ даже талантливыя силы такихъ портретистовъ, какъ Латуръ, Ларжильеръ, Риго. Въ Нидерландахъ живопись сбивается на маленькій жанръ, который былъ рабскимъ подражаніемъ, простымъ повтореніемъ старыхъ petits maîtres *). Знаніе Италіи питало всю Европу, не давъ ей ни одного таланта послѣ смерти послѣдняго могикана изъ плеяды меньшихъ братьевъ «великихъ» — Тьеполо. Испанія совершенно замолкла, Германія также. Англія—которой волна славной эпохи вовсе не коснулась—все еще ждала своего первенца—Гогарта. Къ концу прошлаго вѣка угасли послѣдніе проблески искусства. И вотъ надъ Европой вихремъ проносится эпоха революціи. Живопись въ лицѣ Давида, этого народнаго трибуна, говорившаго кистью о братствѣ и о гражданскомъ долгѣ, служитъ идеямъ національнаго собранія и конвента. Когда же, послѣ страшной, кровавой эпопеи Наполеоновскихъ погромовъ, вспомнили снова о служеніи прекрасному въ искусствѣ, всѣ традиціи и идеалы прошлаго были утрачены. Ложный классицизмъ Давида во Франціи, потомъ Винкельманъ и Рафаэль Мэнгсъ въ Германіи тщетно передавали молодому поколѣнію священный огонь искусства съ треножника эллиновъ. Искусство, сдавленное канономъ, умирало. Связь съ жизнью, то-есть самая суть искусства,—передача и отраженіе жизни,—была порвана, техника и мастерство всецѣло утрачены.

Въ эту мертвую полосу жизни европейскаго искусства только въ Англіи, благодаря особенностямъ развитія ея художественныхъ школъ, сохранилась живая пора. Только тамъ Тернеръ и Конетэбль оставались еще учениками природы, ея влюбленными толкователями и ненасытными наблюдателями.

Въ 1798 году во Франціи родился Евг. Делакруа *). Онъ былъ юношей, когда два удивительныхъ самородка Жерико и Гро указали ему на Англію. Делакруа былъ надѣленъ талантомъ изъ ряду вонъ выдающимся; живое слово изъ-за Ламанша запало ему въ душу, и онъ пошелъ войной на мертвое искусство. У послѣдняго была, однако, сильная партія: все, что жило рутиной, было за него. Делакруа проповѣдывалъ движеніе, страсть. Весь огонь своей души онъ положилъ на то, чтобы свергнуть человѣка канона и замѣнить его человѣкомъ живымъ. Это была страшная борьба, для которой онъ не щадилъ своихъ силъ. Онъ утрировалъ тонъ, онъ утрировалъ движеніе, чтобы своими героями вытѣснить героевъ Давида. Необыкновенно чуткій къ вопросамъ искусства, онъ сознавалъ, что то, на что имъ потрачено было столько энергіи и силъ, не было дѣломъ чистаго искусства, что его даръ сбивался съ пути и служилъ хотя и широкимъ, но не чисто-художественнымъ цѣлямъ. Въ то время люди вѣрили въ чувство, въ братство; знамя романтизма, это торжество, эта побѣдная пѣснь сердца, развѣвалось повсюду, и Де-

*) Такъ принято называть нидерландскихъ мастеровъ второй величины (голландцы ванъ-Остадэ, Мирисъ, Вуверманъ и фламандцы Теньеръ, Броуеръ) въ отличіе отъ великихъ мастеровъ: Рембрандта, Франца Хальса, Рубенса

*) Род. въ 1798 г., ум. въ 1863 г.

лакруа, съ сердечной мукой, съ воплемъ въ душѣ, заглушая голосъ инстинкта, отдавалъ свой геній на служеніе идеямъ человѣчества. О томъ, какъ рвался онъ на свободу, къ свѣту, къ живописи свидѣтельствуютъ его двѣ картины, висящія въ Луврѣ рядомъ съ его «боевыми» произведеніями: «Еврейская свадьба» и «Алжирскія женщины».

Такая жертва не осталась безплодной: палъ человѣкъ ложнаго классицизма, человѣкъ съ заученными театральными жестами, и вмѣсто него на холстахъ зажилъ человѣкъ страстей. То, что было подъ силу одному человѣку, Делакруа сдѣлалъ. Недоставало еще достаточнаго мастерства,—техники. Бытовая и историческая живопись, не задумываясь надъ вопросами техники, разсказывала сотни фальшивыхъ исторій; одинъ Деларошъ *) нѣсколько выдѣлялся среди другихъ, но и онъ очень незначительно двинулъ впередъ ремесло искусства. Явилась яркая краска, явилось движеніе, но живописи не было.

Но вотъ въ маленькой деревенькѣ Барбизонъ, въ трехъ миляхъ отъ Фонтенебло, судьба соединила нѣсколькихъ художниковъ, изъ которыхъ каждый могъ бы составить славу своей родины. Это были Теодоръ Руссо, Камилль Коро, Жюль Дюпрэ, Франсуа Миллэ и Нарциссъ Діазъ. Они писали въ лѣсу, почти жили въ лѣсу, пряча свой завтракъ, свой холстъ и краски въ расщелинахъ скалъ. Никогда еще художники не жили такъ близко къ природѣ, какъ жили они. Они наблюдали ее, эту природу, которая стала ихъ матерью, съ утра до ночи и съ ночи до утра, прислушивались къ ея таинственной пѣснѣ, осязали на себѣ ея волшебное дыханіе, когда утренняя роса покрывала ихъ алмазными искрами, когда согрѣвало ихъ полуденное солнце, когда золотой мѣсяцъ въ ясныя ночи ласкалъ ихъ влюбленные глаза. Лѣсъ и поле были ихъ мастерской и открывали имъ свои тайны. Исторія

*) 1797—1856 г.

ихъ жизни — это поэтическая эпопея, которая одна можетъ занять цѣлые томы. Удивительно то, что каждый изъ нихъ совершенно самостоятельно, безъ вліянія другихъ, пришелъ къ сознанію тѣхъ задачъ, которыя создали барбизонскую школу.

Руссо *)—сынъ бѣднаго портного. Когда у него обнаружились способности къ рисованію, его отдали къ пейзажисту Летьеру; однако мальчикъ не выдержалъ бремени «классическаго пейзажа», ушелъ отъ своего преподавателя и, взявъ ящикъ съ красками, сталъ бродить по окрестностямъ Парижа, стараясь передавать природу не по заученнымъ правиламъ, а такъ, какъ онъ ее видѣлъ. Его первыя вещи, написанныя въ эту эпоху, уже не имѣютъ ничего общаго съ классическими зáмками и синими схематическими деревьями. Въ 1833 г. онъ попадаетъ въ Барбизонъ, и съ этого времени начинается его главная дѣятельность. Сынъ эпохи романтизма, онъ былъ чуждъ всякаго идеализма; это былъ вѣчный искатель правды, безпокойный, съ утра до ночи работающій, всегда недовольный собой, неудовлетворенный, ненасытный. Его живопись—есть живопись дѣльности и простоты. Никакихъ эффектовъ, ничего посторонняго, кромѣ того, что видѣлъ его глазъ; все безпристрастно, объективно и правдиво.

Совершенной противоположностью ему являлся Коро *). «Руссо—это орелъ,—говорилъ онъ,—я же всего только жаворонокъ, поющій свои пѣсни въ сѣрыхъ облакахъ.» Руссо былъ пластикъ, никогда не говорившій со своими учениками о красках и всегда повторявшій: «форма—это первое, что надо наблюдать». Коро самъ сознавался, что рисунокъ, форма не есть его сильная сторона. Онъ былъ поэтомъ красокъ. Пейзажъ Руссо, это—эпосъ барбизонской школы; живопись Коро — лирика, идиллія. Въ то время, какъ въ природѣ Руссо есть сила и мощь, природа

*) 1812—1867 г.

Коро глядитъ съ его холстовъ нѣжно и женственно, то грустно, то задумчиво и всегда ласкающе. Въ ней всегда звучитъ какая-то меланхолическая нота. Однажды утромъ, проснувшись, Коро съ дѣтской радостью воскликнулъ: «Я видѣлъ во снѣ совершенно розовое небо; это было восхитительно: оно еще совсѣмъ ясно передо мною; это было бы чудно, если бы написать». И онъ нерѣдко писалъ то, что видѣлъ во снѣ. О томъ, какая это была поэтическая натура, можно судить по слѣдующему отрывку его удивительнаго письма къ Жюлю Дюпрэ, въ которомъ онъ описываетъ день художника, любящаго природу. «Встаешь рано, часа въ три утра, до солнца; садишься подъ деревомъ и ждешь. И вѣдь нѣтъ ничего особеннаго. Природа похожа на бѣловатое полотно, на которомъ едва выдѣляются очертанія какихъ-то массъ; все наполнено благоуханіемъ, все вздрагиваетъ отъ свѣжаго дыханія зари. Чу!.. Солнце проясняется... Солнце еще не разорвало дымки, за которой прячутся долина, лугъ, возвышенія горизонта... Ночные пары ползутъ еще какъ серебристые хлопья по травѣ, какъ-то особенно позеленѣвшей отъ утренняго холода. Тс!.. первый лучъ солнца... второй лучъ солнца... Маленькіе цвѣточки какъ будто просыпаются, радостные... На каждомъ дрожитъ капля росы...» Въ концѣ письма настоящая ода вечеру, которая принадлежитъ къ перламъ французской лирики: «Природа засыпаетъ... между тѣмъ свѣжій воздухъ вечера вздыхаетъ въ листьяхъ... роса покрыла жемчугомъ бархатную землю... Нимфы бѣгутъ... прячутся... и хотятъ, чтобы ихъ видѣли... Дзинь!.. Звѣздочка съ неба опрокинулась въ прудъ... Очаровательная звѣзда, вода дрожитъ, и ты еще ярче сверкаешь, ты смотришь на меня... ты улыбаешься мнѣ, подмигивая глазомъ... Дзинь! вторая звѣзда уже въ водѣ; открывается второй глазъ. Добро пожаловать, юныя, очаровательныя звѣзды! Дзинь! Дзинь! Дзинь! Три, шесть, двадцать звѣздъ... Всѣ звѣзды неба назначили свиданіе въ этомъ счастливомъ прудѣ... Все еще покрыто мракомъ... Одинъ прудъ сверкаетъ... Онѣ копошатся какъ муравьи, эти звѣзды... Солнце сѣло, — солнце внутреннее, солнце души, солнце искусства встаетъ... Хорошо! Вотъ моя картина готова!»

*) 1796—1875 г.

Если Руссо былъ художникъ эпоса, Коро—лирикъ, то Жюль Дюпрэ *) является трагикомъ барбизонской школы. Его деревья стонутъ, небо поетъ то мрачно, заунывно, то торжественно и побѣдно. Онъ до безумія любилъ грозу, вихрь, бурю съ ливнемъ, съ раскатами грома, молніей; онъ бросалъ все, когда начиналась гроза, чтобы созерцать природу въ эти страшныя минуты мощнаго владычества стихіи.

Діазъ **), испанецъ по происхожденію, соединилъ съ тонкой наблюдательностью капризное, игривое изящество и вкусъ, вывезенные имъ съ родины. Природа для него являлась музыкальнымъ инструментомъ, на которомъ онъ разыгрывалъ свои капризныя фантазіи. И онѣ очаровательны, эти мелодіи на холстахъ; онѣ сверкаютъ какъ жемчужины и брильянты среди живописи его современниковъ. Самый молодой изъ членовъ барбизонской школы—Добиньи ***), если и не обладалъ творческимъ духомъ своихъ старшихъ товарищей, все же внесъ много въ ихъ общее дѣло. Барбизонъ вызвалъ къ жизни живопись животныхъ съ знаменитымъ Тройономъ ****) во главѣ.

Самой крупной величиной барбизонскаго кружка былъ Жанъ-Франсуа Миллэ *****). Его жизнь—это цѣлая цѣпь препятствій, невзгодъ и злополучія. Нужно было обладать энергіей этого удивительнаго человѣка, чтобы сдѣлать то, что сдѣлано было Миллэ. До сихъ поръ трудно

*) 1812—1889 г.
**) 1807—1876 г.
***) 1846—1886 г.
****) 1810—1865 г.
*****) 1814—1875 г.

объяснить, какъ этотъ колоссъ могъ быть при жизни такъ мало понятымъ и оцѣненнымъ, какъ могли допустить его современники, чтобы этотъ «великій крестьянинъ» влачилъ такое жалкое, почти нищенское существованіе до самой смерти. Въ эпоху расцвѣта своихъ силъ и таланта, онъ принужденъ былъ дѣлать копіи за 20 фр. и портреты за 5 фр. Онъ умеръ въ совершенной нищетѣ. И какая злая иронія судьбы! Парижъ встрепенулся послѣ его смерти, и не успѣли засыпать его тѣло землей, какъ состоялся аукціонъ оставшихся послѣ него рисунковъ и набросковъ, давшихъ его семьѣ 321,000 фр. Вещи, которыя пошли тогда за двѣ, три тысячи, нѣсколько лѣтъ спустя перепродавались уже за 20, за 30 тысячъ. Знаменитый «Angelus» проданъ былъ почти за милліонъ франковъ. Теперь имя Миллэ стоитъ на совершенно исключительной высотѣ. Въ то время, какъ его барбизонскіе друзья писали деревья, траву, небо, ища въ нихъ жизни, Миллэ писалъ жизнь деревни и ея обитателей, жизнь поля, поселянина. Настроеніе, которымъ проникнуты его картины изъ сельской жизни, не поддается описанію. Ихъ надо видѣть, и не одну или двѣ, а цѣлую серію ихъ, чтобы непосредственно на себѣ испытать это удивительное дѣйствіе его таинственнаго дара. Простая, несложная жизнь деревни на холстахъ Миллэ превратилась въ музыкальный аккордъ. Его рисунки углемъ и карандашомъ имѣютъ едва ли не бóльшее еще значеніе, чѣмъ его живопись. Это цѣлое откровеніе, это простота и мощь, дѣйствующія на васъ такъ, какъ дѣйствуютъ только рисунки старыхъ мастеровъ, рисунки бóльшаго стиля: Рафаэля, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи, Рембрандта.

Значеніе барбизонской школы громадно: былъ созданъ пейзажъ, былъ созданъ и жанръ; Франція была родиной этихъ поэтовъ-художниковъ, и съ этой минуты Парижъ сталъ центромъ художественной жизни Европы. Формула: природа сквозь темпераментъ,—къ которой шагъ за шагомъ подходило искусство, была снова найдена. Личности художника въ его произведеніи открывается громадный просторъ; нѣтъ школы, нѣтъ педантизма. Миллэ провозгласилъ принципъ: «le beau c'est le vrai»—и исканіе правды стало руководящей нитью въ дальнѣйшей исторіи живописи. Въ поискахъ за правдой каждый идетъ своимъ путемъ; только двѣ крайнія точки опредѣляютъ границы этого пути: *жизненная правда* съ одной стороны и *художественная правда*—съ другой.

Крайнимъ проповѣдникомъ жизненной правды явился Курбэ *). Въ глуши деревни, въ уединеніи ее исповѣдовали уже барбизонскіе друзья; но надо было громко заявить объ этомъ свѣту, необходимъ былъ художникъ-борецъ, который обладалъ бы нечеловѣческой энергіей для того, чтобы пробить нарождавшимся идеаламъ дорогу въ публику. Курбэ былъ именно такимъ человѣкомъ. Грубый, самонадѣянный, онъ, подъ градомъ издѣвательствъ и насмѣшекъ, схватилъ за волосы будничную жизнь и втащилъ ее въ область искусства. Публика, которая успѣла уже сжиться съ живописными драмами романтиковъ, а о существованіи Барбизона и не подозрѣвала, стояла въ негодованіи передъ «Барышнями» Курбэ: безъ борьбы не получаетъ права гражданства ничто, что идетъ въ разрѣзъ со вкусами, привычками, традиціями, въ которыхъ мы выросли. Художникъ-борецъ всегда жертвуетъ чисто-художественной стороной своего дѣла служенію идеѣ. Такой же борецъ—Делакруа—геніальный artiste né—это сознавалъ; бахвалъ Курбэ, сражаясь своими картинами, совершенно не чувствовалъ, что рядомъ съ тѣмъ великимъ, которое онъ проповѣдывалъ, онъ попираетъ живопись. Онъ не замѣчалъ, что, рядомъ съ выхваченными изъ жизни типами и сценами, отъ него ускользала правда красокъ. Онъ называлъ Тиціана «старымъ обманщикомъ»,

*) 1819—1877 г.

а самъ писалъ чернѣе самыхъ черныхъ болонцевъ или неаполитанцевъ. Когда ему указывали на его промахи, онъ задиралъ голову и всячески старался выказать своимъ врагамъ презрѣніе. Когда на всемірной выставкѣ 1855 г. его картинамъ отвели второстепенное мѣсто, онъ немедленно взялъ ихъ обратно и помѣстилъ въ деревянномъ баракѣ, который тутъ же сколотилъ у входа на выставку. На баракѣ крупными буквами красовалась надпись: *Реализмъ г. Курбэ.*

Это было его знаменемъ. Его выставка явилась какъ бы публичнымъ демонстрированіемъ тѣхъ взглядовъ, о которыхъ онъ кричалъ въ пивныхъ, кричалъ въ художественныхъ кружкахъ, кричалъ въ своихъ боевыхъ брошюрахъ. И онъ имѣлъ право кичиться своимъ дѣломъ. Несмотря на черноту его живописи, онъ все же первый бросилъ открыто художникамъ и публикѣ перчатку, онъ первый настежь открылъ ту дверь, сквозь которую въ мастерскія ворвалась окружающая жизнь. Онъ не признаетъ еще всѣхъ принциповъ Барбизона, но одинъ изъ нихъ—правду,—внѣшнюю, голую, правду типовъ,—онъ развиваетъ дальше, возводя его въ единственную цѣль искусства; въ этомъ смыслѣ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, отставъ на одинъ шагъ отъ Коро и Діаза въ красках.

Курбэ поработалъ для другихъ. Это доля многихъ сильныхъ натуръ: только всеобъемлющій геній можетъ сразу найти новому слову совершенную форму. Всѣ остальные должны дѣлить между собой эту задачу.

Съ Курбэ въ искусствѣ открылось два пути; по одному пошли тѣ, которымъ пришлось по сердцу толкованіе Прудона, этого комментатора Курбэ: они поняли одно, что искусство есть сколокъ съ жизни, что благодаря ему меньшая братія, все невидное, незамѣтное, негероическое въ жизни, можетъ превратиться въ интересное, достойное наблюденія; что нѣтъ въ искусствѣ мѣста героямъ, какъ нѣтъ имъ мѣста и въ жизни. Какъ искусство Делакруа было иллюстраціей литературныхъ идеаловъ романтизма, такъ и искусство послѣдователей Курбэ стало иллюстраціей правдивости литературы ихъ времени. Эпосъ холстовъ сталъ тономъ ниже, герои ихъ изъ міра фантазіи вышли на улицу. Одновременно съ этимъ явилась проповѣдь о меньшой братіи, тенденція. Всѣ галлереи, на стѣнахъ которыхъ нашлось мѣсто для новѣйшей исторіи живописи, переполнены произведеніями этой грустной эпохи «головного» художества. Да, голова была у него, но не было ногъ, не было того, на чемъ такъ твердо стояли старыя школы. Но зато бокъ-о-бокъ съ нимъ развилось и такое искусство, у котораго были только ноги, а не было головы. Слово Курбэ упало и на другую почву. Природа—стало призывнымъ крикомъ; все въ ней дорого, все мило, только бы передать ее такъ, какъ она есть, въ капризной игрѣ солнечнаго луча на травѣ, въ каждомъ движеніи живой фигуры. Все достойно кисти, лишь бы оно было вѣрно природѣ. Реализмъ вступилъ во вторую стадію своего развитія; въ отличіе отъ его первой стадіи, той, къ которой относится и дѣятельность самого Курбэ и которая характеризуется исканіемъ *реализма мысли*, идеи, новѣйшій реализмъ можно назвать *реализмомъ* формы. Примѣромъ перваго можетъ служить знаменитая картина отца реализма—Курбэ, находящаяся въ Луврѣ—«Похороны въ Орнани». Каждая изъ этой массы фигуръ здѣсь разсказываетъ всѣмъ своимъ видомъ цѣлую исторію: одинъ плачетъ съ оттѣнкомъ притворства, другой искренно груститъ, третій явился только по долгу товарищества, четвертый—просто изъ любопытства,—и все это подчеркнуто для того, чтобы какъ можно очевиднѣе «разсказывать» зрителю. И это вся задача Курбэ, въ этомъ онъ видѣлъ правду и жизнь и ничѣмъ другимъ не интересовался; его послѣдователи пошли еще дальше въ смыслѣ развитія этого головного искусства,

этого «реализма мысли». Въ видѣ образчика «искусства безголоваго» съ однѣми ногами, реализма формы, можно привести любого изъ первыхъ пленэристовъ, заботившихся только о правдѣ рисунка и, главнымъ образомъ, о правдѣ красокъ. Они брали клочокъ природы, фигуры подъ открытымъ небомъ («en plein air»—на открытомъ воздухѣ) и старались передать этотъ клочокъ не коричневыми, асфальтовыми красками реалистовъ идеи, а такими свѣтлыми, серебристыми, воздушными, какія видитъ нашъ глазъ. Людей, шедшихъ этимъ путемъ, громила литература, а они первые добывали снова тѣ сокровища красокъ и формъ, которыя были утрачены съ тѣхъ поръ, какъ умолкъ великій испанецъ. Между художникомъ и природой начался рукопашный бой. Не щадя себя, своихъ силъ, энергіи, онъ старался овладѣть ея тайнами. Реализмъ, это слово, созданное Курбэ, сдѣлался школой. На ряду съ обѣими формами реализма явился, наконецъ, такой, который соединилъ въ себѣ то, что было сильнаго въ искусствѣ головномъ, съ тѣмъ, что внесло свѣжаго искусство, стоявшее на однѣхъ ногахъ. Обѣ формы реализма въ своемъ соединеніи дали длинный списокъ славныхъ именъ, которыя составляютъ гордость послѣдней трети XIX столѣтія. Въ рядахъ проповѣдниковъ реальной школы стоятъ крупнѣйшіе художники новаго времени: Бастьенъ Лепажъ, Менцель, Бонна, Рѣпинъ. Лучшіе мастера реализма—такіе силачи таланта, что борьба съ непосильнымъ врагомъ—природой не свалила ихъ. Они создали chef d'oeuvr'ы движенія (Кормонъ, Менцель), экспрессіи (Рѣпинъ), воздуха (Фріанъ), формы (Бонна, Лермиттъ); только личность свою прятали они за природу, и оттого въ ихъ мастерскихъ, сильныхъ произведеніяхъ есть все кромѣ одного: художественности впечатлѣнія. Они объективны до того, что идеаломъ ихъ является созданіе двойника: если поставить портретъ рядомъ съ оригиналомъ, то иллюзія должна быть настолько сильна,—чтобы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ никто не могъ отличить натуру отъ ея копіи. Рѣпинъ и Фріанъ пошли дальше всѣхъ въ этомъ направленіи и достигали иногда несомнѣнной иллюзіи натуры*). А между тѣмъ, какъ мы видѣли, главнымъ основаніемъ для оцѣнки художественнаго произведенія является формула: художественная, т.-е. пропущенная сквозь личность художника передача жизни. Если бы это не было такъ, то фотографія, которая дѣлаетъ поразительные шаги и уже теперь на пути къ тому времени, когда она составитъ роковую конкуренцію реализму,—фотографія, дойдя до передачи красокъ и свѣта, должна бы убить искусство. Кто видѣлъ усовершенствованный кинематографъ Люмьера, тотъ хорошо пойметъ мою мысль. Я думаю, что реалистъ-художникъ долженъ вздрогнуть, когда видитъ такую движущуюся фотографію—бѣгущихъ людей, пѣнящееся море; мнѣ кажется, онъ долженъ почувствовать какую-то ноющую боль въ душѣ, если онъ представитъ себѣ, что̀ такое будетъ тотъ же кинематографъ, когда къ нему прибавятся еще краски. Послѣдовательный реалистъ долженъ признать, что съ этого момента настанетъ конецъ искусству. Останется только техника, мастерство, но кому они будутъ нужны тогда? И столько мастерства, столько генія было потрачено на то, чтобы сдѣлать возможнымъ это философское противорѣчіе: реализмъ въ искусствѣ, эту проповѣдь безотносительной правды тамъ, гдѣ все только мимолетное впечатлѣніе, обусловленное личностью.

---

*) Впрочемъ, значеніе Рѣпина лежитъ не въ этомъ изумительномъ умѣньи дѣлать двойниковъ (портр. Ц. Кюи, г. Герарда и др.), но въ томъ совершенно исключительномъ, феноменальномъ талантѣ схватывать экспрессію, въ которомъ онъ не знаетъ въ Европѣ ни одного соперника. Если когда-нибудь суждено поблекнуть славѣ автора этихъ портретовъ, то автора «Ивана Грознаго», «Не ждали», «Царевны Софьи» не забудутъ никогда.

Трудно сказать, съ какого момента появились первые признаки, свидѣтельствовавшіе о начинавшемся недовольствѣ противъ принциповъ реализма.

Можно только замѣтить, что сильнѣйшее выраженіе этого недовольства, неудовлетворенности совпало съ появленіемъ въ Европѣ новой художественной волны, которая всколыхнула весь міръ искусства. Она явилась съ далекаго Востока въ лицѣ японцевъ.

Отсюда начинается уже исторія современнаго искусства, его послѣдняго фазиса, его новѣйшихъ стремленій, направленій, теченій.

II.

Природа есть лексиконъ, а не книга.

Делакруа.

Японія жила совсѣмъ особенной жизнью, и искусство ея не имѣло ничего общаго съ искусствомъ Европы. А между тѣмъ это искусство имѣетъ уже исторію, насчитывающую нѣсколько тысячелѣтій. Японецъ живетъ среди природы; природа встрѣчаетъ утро его жизни, природа ласкаетъ его послѣдній, потухающій взоръ. Оттого и наблюдательность японскаго художника лежитъ уже въ его крови; онъ любитъ ее, эту волшебницу-природу, и его искусство есть причудливое, капризное зеркало, въ которомъ природа отражается такъ, какъ онъ ее понимаетъ и любитъ. По самой своей натурѣ японскій художникъ—артистъ; онъ чуждъ всякаго реализма, далекъ отъ узкаго фотографированія природы. У него есть своего рода изумительное мастерство. Стоитъ посмотрѣть на любой рисунокъ хорошаго японскаго художника, чтобы понять, какъ много можно выразить небольшимъ, какъ будто случайнымъ пятномъ туши. Чувство пятна у нихъ поразительно; пятна такъ тонко взяты, такъ художественно раскиданы по бумагѣ; съ удивительной смѣлостью, увѣренностью и часто совсѣмъ непонятнымъ образомъ они передаютъ предметъ, который они должны изображать. Японцы очень чутки къ воздушной перспективѣ; двумя-тремя широкими штрихами кисти они достигаютъ необыкновеннаго впечатлѣнія дали, воздуха, разстоянія. Композиція ихъ также не похожа на композиціи европейцевъ. Не говоря уже о классицизмѣ съ его пирамидальной группировкой фигуръ, и реалисты послѣ Курбэ не могли выбиться изъ-подъ гнета сочинительства, придуманности, дѣланности, которыми отличаются ихъ картины. Японецъ не сочиняетъ. Онъ беретъ такъ же случайно, какъ случайно группируется все въ жизни: онъ не знаетъ центра, его фигуры разбросаны по рисунку, двѣ налѣво, одна направо, три сзади и двѣ совсѣмъ близко на первомъ планѣ. То же вѣдь и въ жизни: люди не позируютъ, а каждый дѣлаетъ свое дѣло, не замѣчая, наблюдаетъ ли его художникъ. Но главное достоинство японцевъ лежитъ въ томъ совершенно исключительномъ дарѣ видѣть краски, которыми природа надѣлила японца. Это все сплошь такая гармонія, такое нѣжное, тонкое сочетаніе красокъ, соотношеніе тоновъ, что часто трудно оторваться отъ клочка бумаги, по которому прошлась рука японца. Чувство мѣры какъ будто сверхъестественною силою управляетъ глазомъ художника; у него это что-то инстинктивное, чему нельзя научиться, съ чѣмъ надо родиться.

Въ первой половинѣ нашего столѣтія въ Японіи жилъ и работалъ геніальный художникъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединились всѣ достоинства японскаго искусства: гармонія красокъ, наблюдательность, мастерство, вкусъ, умѣніе схватывать движеніе. Это былъ Хокусаи (Hokusai) *). Ему Европа обязана многимъ. Когда въ 60 гг. Японія отрѣшилась отъ своей замкнутой жизни и пріобщилась къ европейской культурѣ, въ Парижъ попали рисунки Хокусаи, а затѣмъ и цѣлыя собранія образчиковъ японскаго искусства перебывали въ рукахъ тогдашнихъ литераторовъ и

*) 1760—1849 г.

художниковъ; самыми ярыми и краснорѣчивыми проповѣдниками этого искусства являлись братья Гонкуры и Золя. Это было открытіе для художественнаго міра Парижа. Было найдено наконецъ слово, вертѣвшееся на языкѣ у многихъ. Теперь только поняли, чего не хватало Курбэ и реализму: послѣдніе были объективны, дидактичны, документальны; японцы открыли глаза на *субъективизмъ* художественнаго произведенія. Теперь только поняли, что̀ такое значитъ для художника умѣнье «не все сказать», дать намекъ тамъ, гдѣ это подсказываетъ натура и артистическое чутье, и выдвинуть то, что просится быть выдвинутымъ,—увидали, что есть другой способъ рисованія, тотъ, который передаетъ впечатлѣніе не потому, что все выдѣлано, всѣ мелочи обработаны, фотографически вѣрно скопированы, а потому, что мѣстами именно не выдѣлано, пропущено, не досказано. Поняли, что законченность произведенія не равносильна степени его детальной обработанности и что послѣдняя только вопросъ терпѣнія. Теперь научились смотрѣть проще на натуру, проще, естественнѣе, жизненнѣе группировать фигуры, открыли совершенно новую, неизвѣстную раньше или, вѣрнѣе, утраченную послѣ Веласкеза область *гармоніи* красокъ.

Наше умѣніе видѣть краски кажется тяжелымъ, скучнымъ, грубымъ, жесткимъ въ сравненіи съ взглядомъ японца. Мы музыканты, различающіе только тонъ отъ полутона,—не больше; ухо японца слышитъ минимальныя градаціи тона. У него нѣтъ въ краскахъ ничего рѣжущаго, ничего кричащаго; все спокойно, все мелодично, какъ стройный аккордъ. Если перевести это на языкъ красокъ, то можно сказать, что мы понимали прежде красочный тонъ только какъ окраску каждаго предмета въ томъ или другомъ, конечно, освѣщеніи. Японцы научили насъ брать тонъ, какъ единицу, какъ ключъ для составленія извѣстной красочной гармоніи. Они научили насъ не передавать краски, а гармонизировать ихъ. Чтобы ясно представить себѣ разницу, какая можетъ сказаться въ результатѣ примѣненія того или другого принципа «смотрѣнія» на натуру, можно взять портретъ, писанный реалистомъ, но конечно не однимъ изъ тѣхъ силачей-реалистовъ, о которыхъ мы говорили: огромный талантъ и чуткость заставила ихъ нѣсколько измѣнить свои первоначальныя задачи,—а реалистомъ прежняго времени или зауряднымъ нынѣшнимъ. Такой реалистъ, нисколько не задумываясь, пишетъ фигуру въ платьѣ холоднаго чернаго тона на тепломъ красномъ фонѣ; онъ передаетъ и черный тонъ и красный совершенно вѣрно каждый въ отдѣльности; сильный человѣкъ найдетъ и ихъ соотношеніе, близкое къ дѣйствительности. Но съ появленіемъ японцевъ этого для многихъ становится уже недостаточнымъ; японцы показали намъ, что въ одной и той же картинѣ, эти два тона такъ же непріятно дѣйствуютъ на художественный глазъ, какъ дѣйствуютъ на музыкальное ухо двѣ фразы пьесы, взятыя въ дисгармоничныхъ ключахъ.

Несмотря на сильное увлеченіе японцами, покорившими своими акварелями и рисунками лучшихъ и утонченнѣйшихъ представителей парижской литературы и живописи въ началѣ 60 гг., необходимъ былъ изъ ряда вонъ выдающійся художникъ, нуженъ былъ геній для того, чтобы съ малопонятнаго, чуждаго намъ языка японцевъ перевести дивную книгу ихъ искусства на языкъ европейца. И такой человѣкъ нашелся. Его имя, золотыми буквами написанное на страницахъ исторіи новѣйшей живописи и благословляемое художественнымъ міромъ Европы—Эдуардъ Манэ *).

Въ дѣятельности Манэ, этого признаннаго отца современной живописи, необходимо различать четыре періода, существенно рознящихся одинъ отъ другого. Его первыя картины до 1862 г. писаны

*) 1833—1883 г.

совершенно въ той же манерѣ, въ какой писали всѣ первые реалисты съ Курбэ во главѣ: такой же асфальтовый, коричневый тонъ, тѣ же черныя тѣни, заимствованныя у болонскихъ и неаполитанскихъ мастеровъ. Манэ инстинктивно чувствовалъ, что это не то, что надо писать иначе, видѣть иначе,—но какъ? Среди этой внутренней борьбы, среди поисковъ за истиной онъ напалъ на живопись Веласкеза. Сначала онъ видѣлъ только то, что было въ Луврѣ, и уже луврскій Веласкезъ сдѣлалъ въ немъ цѣлый переворотъ. До сихъ поръ онъ зналъ изъ старыхъ мастеровъ тѣхъ, кого признавали его современники,—итальянцевъ и отчасти фламандцевъ и голландцевъ. Теперь онъ открылъ еще одного стараго мастера, который показался ему интереснѣе всѣхъ другихъ. Онъ ѣздилъ въ Испанію, чтобы увидать еще что-нибудь, написанное художникомъ, который сдѣлался его любимцемъ. Знаменитыя произведенія Веласкеза, украшающія стѣны музея Прадо въ Мадридѣ, сдѣлали изъ Манэ раба этого мастера. Теперь онъ во снѣ и на-яву видитъ и бредитъ живописью испанца, и результатомъ этого страстнаго увлеченія является рядъ картинъ, которыя не что иное, какъ только сколокъ съ портретовъ Веласкеза. Все,—тонъ, серебристо-сѣрый, манера ставить фигуры, даже самыя позы,—напоминаетъ картины мадридскаго музея. Надо отдать справедливость Манэ: для того, чтобы умѣть такъ имитировать великаго мастера, надо самому обладать огромнымъ талантомъ.

Его портретъ пѣвца Фора все же крупное произведеніе, въ которомъ видно, что принципы Веласкеза были очень вѣрно поняты Манэ.

Манэ, однако, не довольствуется этимъ повтореніемъ мадридскихъ оригиналовъ своего кумира. Онъ жаждетъ сказать что-нибудь свое, хочетъ освободиться отъ этого магнетическаго вліянія, и въ 1863 году пишетъ свой знаменитый «Завтракъ», съ обнаженными и одѣтыми фигурами на воздухѣ. Это былъ первый «plein air». Художникъ поставилъ себѣ задачу, которая не приходила въ голову никому изъ его современниковъ; онъ искалъ свѣта, красокъ, наблюдалъ рефлексы зеленой травы на розовомъ нѣжномъ тѣлѣ: Веласкезъ научилъ его видѣть по-новому. Онъ работаетъ надъ собой, наблюдаетъ, изучаетъ, и въ цѣломъ рядѣ картинъ даетъ ту жизнь формы и красокъ, которой не было у реалистовъ идеи; въ этотъ третій періодъ дѣятельности Манэ, періодъ его увлеченія пленэризмомъ, имъ первымъ вызваннымъ къ жизни, онъ является величайшимъ реалистомъ формы, и послѣдующіе реалисты обязаны ему всецѣло открытіемъ свѣта, воздуха и красокъ. Его chef d'oeuvre на этомъ пути реализма—портретъ его пріятеля-художника де-Нитисъ и жены послѣдняго, въ саду подъ открытымъ небомъ. Это была одна изъ послѣднихъ вещей, написанныхъ имъ до 1870 г., когда онъ былъ принужденъ отправиться на войну и временно пріостановить свою кипучую дѣятельность.

Какъ же отнеслись публика и художники къ этому смѣлому реформатору?

Въ 1865 г. жюри салона отвело художникамъ, не принятымъ на выставку, такъ-называемымъ refusés, отверженнымъ, нѣсколько боковыхъ залъ. Сюда попали и двѣ картины Манэ: «Бичеваніе Христа» и «Дѣвочка съ кошкой». Около нихъ стояла вѣчная толпа и хохотала. Сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ та же толпа, только въ другихъ цилиндрахъ, съ другими прическами и воротничками, такъ же точно стояла передъ первыми произведеніями романтиковъ и вышучивала ихъ, бросая имъ афоризмъ: «красивое это то, что безобразно». Позже она же, все та же толпа, снова въ другихъ цилиндрахъ и съ другими воротничками, издѣвалась надъ картиной перваго реалиста—Курбэ. И вотъ теперь опять та же толпа является передъ картинами такого же реалиста, но реалиста формы и красокъ, и зала выставки дрожитъ отъ ея страшнаго смѣха. Публика,

свыкшаяся уже съ красками Курбэ, приняла эту новую живопись за насмѣшку, за личное оскорбленіе себѣ; если бы въ ту минуту кто-нибудь сказалъ, что эти два холста дадутъ толчокъ къ цѣлой революціи въ области искусства, что съ нихъ начнется новая эра, то его сочли бы за сумасшедшаго. Дѣло дошло до того, что пришлось принять совершенно исключительныя мѣры для огражденія картины Манэ отъ нападокъ взбѣшенной толпы, отъ массы зонтиковъ и палокъ, которыми эта толпа собиралась уничтожить эту живопись, такъ ее шокировавшую.

Художники, въ особенности молодежь, отнеслись, за нѣкоторыми, конечно, исключеніями, иначе къ Манэ. Старикъ Делакруа былъ единственнымъ членомъ жюри салона, стоявшимъ за принятіе его первыхъ картинъ; но постепенно его стремленія начинають понимать и другіе, и въ короткое время вся живопись подпадаетъ подъ вліяніе взглядовъ реформатора, и создается современная реальная школа. Но безпокойный и вѣчно ищущій геній Манэ на этомъ не остановился. Образъ Веласкеза снова возстаетъ передъ нимъ и, укоризненно качая головой, говоритъ ему, что, открывъ міръ свѣта и красокъ, онъ, увлекаясь реализмомъ, забылъ тотъ завѣтъ, который прочелъ въ его вдохновенныхъ холстахъ въ Мадридѣ. Японцы, ходившіе по рукамъ его литературныхъ друзей и часто бывавшіе у него, еще больше заставили его призадуматься. И онъ понялъ ихъ, понялъ то, что у нихъ было общаго съ испанцемъ, величайшимъ «гармонистомъ» всѣхъ временъ, понялъ, что онъ слишкомъ подавлялъ въ себѣ личность и теперь, передавая натуру, пытается передать ее не такъ объективно, начинаетъ вкладывать въ нее свою душу, свое чувство. Уже въ періодъ увлеченія реализмомъ онъ не всегда оставался полнымъ объективистомъ, а теперь открыто провозглашаетъ просторъ личности. Четырнадцать картинъ, написанныхъ имъ одна за другой послѣ окончанія войны, составляютъ сокровище новѣйшей исторіи; съ нихъ начинается новая эра, онѣ были тѣмъ фундаментомъ, на которомъ стало воздвигаться зданіе новой живописи. Это зданіе еще не окончено, сотни и тысячи художниковъ приносятъ по камню для этой грандіозной постройки, она растетъ съ каждымъ днемъ, но сказать, когда придетъ конецъ этой общей работѣ, теперь для современника и свидѣтеля трудно. Картины, относящіяся къ этой послѣдней эпохѣ творчества Манэ, къ сожалѣнію, разошлись по частнымъ рукамъ, и очень рѣдко можно видѣть ихъ; въ извѣстныхъ галлереяхъ попадаются иногда вещи художника, но онѣ обыкновенно относятся къ первымъ годамъ его дѣятельности.

О томъ, какое вліяніе оказали на него японцы, видно изъ извѣстнаго разсказа Луи Гонза, посѣтившаго его выставку въ сопровожденіи одного японца. Послѣдній былъ очень удивленъ, когда, послѣ осмотра салона, увидалъ картины Манэ, и сказалъ своему спутнику, что тамъ, въ салонѣ, онъ былъ на выставкѣ картинъ, а здѣсь ему кажется, будто онъ попалъ въ какой-то цвѣтущій садъ. «Я пораженъ,— говорилъ онъ,—жизненностью этихъ фигуръ,—впечатлѣніе, котораго я никогда не выносилъ изъ вашихъ картинныхъ галлерей». Японцу было легко узнать вліяніе своего великаго соотечественника. И дѣйствительно, всѣ картины Манэ, написанныя имъ въ этотъ періодъ, свидѣтельствуютъ объ упорномъ стремленіи художника перенести изъ японскаго искусства все то сильное и свѣжее, что онъ увидалъ въ немъ, въ искусство Европы, такъ сказать, культивировать его, примирить съ техникой и пріемами европейскаго художника взглядъ на природу свойственный японцу. И ему удалось достигнуть огромныхъ результатовъ и создать такіе шедэвры, какъ «Нана»,—эта удивительная, гармоническая гамма голубыхъ и сѣрыхъ тоновъ, «Лодка»,—такъ красиво обрѣзанная въ рамѣ—этого совершенно не знали до Манэ и японцевъ,—«Весна» и цѣлый рядъ

другихъ. Послѣднія выставки Манэ въ концѣ семидесятыхъ годовъ уже не возбуждали смѣха, онъ началъ даже продаваться, если и не входилъ въ моду. Манэ умеръ въ 1883 году, и въ каталогѣ его посмертной выставки Золя уже писалъ: «Вотъ оно, его вліяніе; оно съ каждымъ новымъ салономъ становится безспорнѣе и очевиднѣе. Подумайте только о томъ, что было двадцать лѣтъ тому назадъ, вспомните о тѣхъ черныхъ салонахъ, въ которыхъ даже этюды голаго тѣла казались темными, какъ будто они были покрыты модной пылью. Въ большихъ рамахъ купались Исторія и Миѳологія въ цѣломъ океанѣ асфальта; нигдѣ не было намека на экскурсію въ область дѣйствительнаго міра, въ жизнь, въ настоящій свѣтъ. Рѣдко попадались на глаза пейзажи, изъ которыхъ нерѣшительно и застѣнчиво глядѣлъ на васъ клочокъ синяго неба. И вотъ постепенно салоны свѣтлѣютъ, римляне и греки изъ краснаго дерева и фарфоровыя нимфы исчезли, между тѣмъ какъ теченіе новаго искусства, взявшагося за изображеніе повседневной жизни, росло съ каждымъ годомъ, затопляло стѣны салоновъ и обдавало ихъ солнечнымъ свѣтомъ. Это не было только новымъ временемъ, это была новая живопись, стремленія которой были направлены къ свѣту,—живопись, которая уважала законы гармоніи, которая освѣщала каждую фигуру и ставила ее на свое мѣсто не по заведенному шаблону идеализма».

Вотъ какъ быстро идеи революціонера Манэ, maître impressioniste и основателя современной живописи, распространились въ публикѣ. Слово «импрессіонизмъ» появилось впервые въ 1871 году, когда на частной выставкѣ у Надара въ каталогѣ можно было читать: «Impression de mon pot au feu», «Impression d'un chat qui se promène» и когда Жюль Клареси, въ своей статьѣ по поводу этой выставки, въ первый разъ заговорилъ о «салонѣ импрессіонистовъ». Съ тѣхъ поръ это слово облетѣло всю Европу, породило цѣлую бездну недоразумѣній и до сихъ поръ еще продолжаетъ вызывать недоумѣнія благодаря тому, что его смыслъ и значеніе до сихъ поръ не для всѣхъ выяснены. Что же такое этотъ импрессіонизмъ?

Курбэ и реалисты говорили, что надо изображать правдиво, т. е. такъ, какъ есть. Это была проповѣдь *правды жизненной*. Манэ, поработавъ сначала для той же жизненной правды, сдѣлалъ въ этомъ направленіи огромный шагъ впередъ, основавъ свою собственную реальную школу,—школу «пленэристовъ»,—и, не довольствуясь этой правдой, показалъ, что на ряду съ ней есть еще правда, *правда художественная*, правда не объективная, не фотографическая, голая, такая, какая есть внѣ насъ, нашей души, нашего чувства, а правда субъективная, единственнымъ основаніемъ которой является внутренній міръ художника-созерцателя, правда его чувства. «Правдиво не то, что есть,—говорилъ онъ,—а то *впечатлѣніе*, которое я получаю отъ того, что есть». Передача впечатлѣнія (impression) и есть *импрессіонизмъ*. Впечатлѣніе можетъ быть интересное и неинтересное, художественное и нехудожественное, оно можетъ быть передано талантливо и неталантливо; все это обусловливаетъ интересъ и значеніе произведенія импрессіониста. Художникъ долженъ быть надѣленъ утонченнѣйшимъ вкусомъ, природнымъ даромъ красиво видѣть, красиво въ смыслѣ формы и въ смыслѣ гармоніи красокъ и,—это едва ли не главное условіе,—онъ долженъ обладать огромнымъ чувствомъ художественной мѣры. Между тѣмъ, обыкновенно принято называть импрессіонизмомъ всю ту ужасную фабрику безпорядочныхъ кляксъ и пятенъ, бѣшеныхъ упражненій во всѣхъ цвѣтахъ радуги, иногда какъ будто совершенно нелѣпыхъ и безсмысленныхъ красочныхъ оргій, которая ежегодно выбрасываетъ на художественный рынокъ Европы десятки тысячъ холстовъ. Какъ же относиться къ этимъ оргіямъ? Но вѣдь

это и есть то декадентство, которое мы высмѣиваемъ.

Манэ провозгласилъ торжество личности художника; само собою разумѣется, что съ этой минуты выдвигаются впередъ и всѣ тѣ особенности, странности, оригинальности, уродливости, которыми можетъ быть надѣленъ отдѣльный художникъ. Очевидно, что на этомъ пути необходимо должны были развиться кое-какія теченія, которыя по своей рѣзкости, горячности непріятно дѣйствуютъ на зрителя. Во всякой борьбѣ, вызванной реакціей противъ застоявшихся идеаловъ, возможны увлеченія, даже карикатуры. И не только возможны, онѣ должны быть; но къ тѣмъ, которымъ въ такую переходную эпоху борьбы приходится играть роль застрѣльщиковъ, роль пушечнаго мяса, нельзя относиться только съ однѣми насмѣшками; они слѣпыя жертвы этой роковой борьбы, безъ которой нѣтъ движенія, и, какъ жертвы, скорѣе заслуживаютъ сожалѣнія. Въ своемъ увлеченіи они всѣмъ своимъ существомъ возстаютъ противъ мертвыхъ, безжизненныхъ, черныхъ холстовъ, до сихъ поръ еще преслѣдующихъ ихъ на выставкахъ; они такъ нервно-воспріимчивы къ краскамъ, съ такой восторженностью пожираютъ ихъ глазами, что для нихъ форма теряетъ все свое обаяніе, все значеніе и смыслъ; они видятъ почти безформенныя пятна, дающія имъ ихъ художественную радость, и внѣ этихъ пятенъ для нихъ нѣтъ искусства. Да, это карикатура, но, какъ это ни странно, эта карикатура,—если, конечно, она искренна и чистосердечна,—все же ближе стоитъ къ завѣтамъ и идеаламъ далекаго прошлаго, чѣмъ все приличное искусство классиковъ и даже сильное само по себѣ искусство реалистовъ. Спокойный, величавый геній великаго мастера прошлаго спокойно и величаво передавалъ свое впечатлѣніе отъ природы; нервные люди нашего времени передаютъ свое впечатлѣніе такъ, какъ оно иногда отражается въ ихъ расшатанной душѣ. Пусть бы это было только искренно, пусть бы оно не было вызвано борьбой за существованіе, нынѣшней конкуренціей, заставляющей и талантливыхъ людей бросаться въ омутъ модничанья, оригинальничанья, художественнаго гаерства на коммерческой подкладкѣ, — и тогда и эта карикатура внесетъ свою долю пользы въ общее дѣло искусства, откроетъ можетъ-быть новые красочные темы и эффекты, изъ которыхъ кто-нибудь сумѣетъ извлечь жемчужное зерно.

Мнѣ кажется, это единственно правильное отношеніе къ этому роду декадентства, къ декадентству красокъ. Не будемъ же изощрять свое остроуміе для того, чтобы издѣваться надъ нимъ, и оставимъ его идти своей дорогой. Однако вопросъ о декадентствѣ не исчерпывается этой группой красочныхъ эквилибристовъ. Можно говорить еще о декадентствѣ въ самой концепціи художественнаго произведенія. Оно имѣетъ также свои основанія и причины.

III.

Искусство начинается
тамъ, гдѣ кончается жизнь.
Рихардъ Вагнеръ.

Личное впечатлѣніе, получаемое отъ природы, сдѣлалось исключительнымъ источникомъ вдохновенія новой школы; отсюда естественный переходъ привелъ къ тому, что внутренній міръ художника начинаетъ затмевать для него міръ внѣшній, и вотъ являются лица, пробующія черпать свои впечатлѣнія не столько изъ природы, сколько изъ себя, изъ области своихъ собственныхъ фантазій, мыслей, чувства.

Реализмъ появился и окрѣпъ въ ту эпоху, когда господствовало увлеченіе философіей Конта. Литература обратилась къ здоровой жизни, къ изображенію нравовъ; позитивизмъ въ лицѣ Конта, Тэна, Литрэ и Сенъ-Бэва руководитъ общественнымъ мнѣніемъ. Метафизика была заброшена и сдана въ архивъ, какъ нѣчто ненаучное.

Предлагаютъ наукой замѣнить нравственность, любовью къ человѣчеству—религію. Наука хочетъ овладѣть тайнами природы своимъ безстрастнымъ методомъ; живопись такъ же безстрастно желаетъ одними глазами завоевать эту природу. Вездѣ, на всѣхъ выставкахъ, жизнь бьетъ свѣжимъ ключомъ, вездѣ правда и жизнь, вездѣ солнце и свѣтъ.

Но вотъ начинается медленная реакція. Люди чувствуютъ потребность получить что-нибудь взамѣнъ разбитой религіи и, не получая ничего, не находятъ ничего лучшаго, какъ возвратиться къ ней снова. Позитивизмъ пошатывается, и метафизика снова пробиваетъ себѣ дорогу въ область современной философіи. Литература дѣлаетъ попытки уйти въ сторону отъ большой дороги Золя съ его «документами человѣческой жизни». Музыка выливается въ мощныхъ аккордахъ фантастическихъ грёзъ Вагнера, и Бетховенъ снова становится величайшимъ изъ геніевъ. Искусство начинаетъ смотрѣть не одними глазами, а призываетъ на помощь душу, чувство. Постепенно, шагъ за шагомъ начинаютъ появляться симптомы, самымъ очевиднымъ образомъ указывающіе на возвращеніе къ жизни забытаго уже идеализма. Этотъ «*возрожденный идеализмъ*» красной нитью проходитъ по всѣмъ сферамъ духовной жизни современнаго общества и замѣтно отразился на искусствѣ эпохи, которую мы переживаемъ.

Въ идеализмѣ 30 гг. главной нотой была отзывчивость сердца; въ современномъ идеализмѣ на первомъ планѣ самоуглубленіе и исканіе формъ для чисто-личныхъ душевныхъ движеній. Тогда было больше идей, теперь больше эмоціи; тогда въ искусствѣ было больше филантропіи, а теперь больше стремленій и задачъ чисто-художественнаго порядка; тогда человѣкъ былъ предметомъ сочувствія, и художникъ ограничивался тѣмъ, что разсказывалъ о своихъ мысляхъ по этому поводу, разсуждалъ кистью на эту тему,—теперь самъ художникъ съ его внутреннимъ міромъ является объектомъ творчества и съ своихъ холстовъ говоритъ о своихъ личныхъ чувствахъ. Теплота живого *чувства* даетъ художественному произведенію то обаяніе, котораго не давала ему самая зрѣлая *мысль*.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ отступленій современнаго искусства отъ той тропинки, которая, крутясь и извиваясь, поворачивая назадъ и снова подаваясь впередъ, все же соединяетъ вѣкъ Веласкеза съ вѣкомъ Манэ, является группа *прерафаэлитовъ* въ Англіи. Ихъ было нѣсколько необыкновенно талантливыхъ людей. Найдя себѣ пророка въ лицѣ эстетика и критика Рэскина, они принялись за неблагодарное дѣло проповѣди кистью. Ихъ борьба сначала съ реализмомъ, а потомъ уже и съ дѣтищемъ его—импрессіонизмомъ, привела лишь къ тому, что они, растративъ свой талантъ, дали міру только нѣсколько прочувствованныхъ композицій. Одно, чему они несомнѣнно научили, это—интересности душевнаго движенія, какъ объекта художественнаго творчества, и простотѣ его выраженія. Отрицая реализмъ, они обратились къ наименѣе реальной эпохѣ, какая была въ исторіи искусства, къ эпохѣ Quattro cento, ко времени итальянскихъ примитивовъ. Они утверждали, что искусство начало падать съ момента появленія въ Римѣ Рафаэля, перваго «язычника» живописи, и принялись изучать Ботичелли, Мантенья и болѣе раннихъ—Беноцо Гоццоли, Беато Анжелико. Въ искренности, простотѣ и наивности послѣднихъ они видѣли средство спасти новое искусство, обновить его, освободивъ отъ грубой корки реализма и скучной правды. Важна не правда, а чувство, не правда жизни, голая и отвратительная, а правда чувства, нѣжнаго и граціознаго. Они были такіе же протестующіе, какими были Манэ и его послѣдователи, но результаты ихъ живыхъ протестовъ имѣли очень немного общаго. Самый крупный изъ прерафаэлитовъ и основатель этого оригинальнаго

движенія, Данте Росетти *), былъ одновременно и поэтомъ, и, если хотите, первымъ декадентомъ поэзіи. Благодаря огромному таланту, онъ, вмѣстѣ съ другимъ, такъ же исключительно одареннымъ художникомъ Бэрнъ-Джонсомъ **), далъ нѣсколько chef d'oeuvr'овъ чувства и какой-то особенной подкупающей глаза красоты, а нашъ современникъ Ватсъ ***), сумѣвшій присоединить къ чувству и чисто-живописныя задачи, можетъ быть причисленъ къ лучшимъ представителямъ искусства послѣдняго времени.

Прерафаэлиты и ихъ многочисленные послѣдователи на материкѣ иллюстрируютъ душевную жизнь какъ таковую, но есть и другая группа художниковъ, на этотъ разъ дѣйствующихъ главнымъ образомъ въ Германіи, которые извлекаютъ изъ жизни душевной только впечатлѣнія, вызванныя природой, но впечатлѣнія не конкретныя, а созданныя воображеніемъ. У нихъ есть свои прародители въ прошломъ; стоитъ вспомнить «Сатира, преслѣдующаго нимфу» Джорджоне (галлерея Питти во Флоренціи), «Медузу» Леонардо да-Винчи (Уффици — во Флоренціи же), «Искушеніе св. Антонія» Теньера (Берлинскій музей). Однако въ нашъ вѣкъ они являются бьющими въ глаза своей оригинальностью. Швиндъ ****), Бэклинъ *****), Штукъ ******) наслѣдуютъ одинъ у другого право населять природу фантастическими существами, которыя должны собой выражать душевное волненіе, испытываемое художникомъ подъ вліяніемъ видѣннаго. Иллюстраціей такого типа идеализма можетъ служить «Лѣсная тишина» Бэклина. Впечатлѣніе тишины, безмолвной, жуткой, таинственной, кажется художнику какой-то фигурой, сидящей на единорогѣ, который медленно выдвигается изъ-за деревьевъ, и онъ пишетъ то, что подсказываетъ ему фантазія. Игра морскихъ волнъ, этотъ страшный, загадочный, никогда не умолкающій шумъ и говоръ воды кажется ему голосами какихъ-то таинственныхъ существъ, населяющихъ море, наядъ, тритоновъ: они играютъ, шумятъ, хохочутъ, гоняясь другъ за другомъ, и оттого шумитъ такъ странно вода. («Игра волнъ» въ новой Пинакотекѣ въ Мюнхенѣ.)

Фантазія отрываетъ человѣка отъ міра дѣйствительнаго, и съ нею вмѣстѣ онъ вступаетъ изъ міра реальныхъ ощущеній въ міръ ощущеній таинственныхъ, неясныхъ, кажущихся и нерѣдко вымышленныхъ. Для ихъ изображенія нужны были новыя формы, новыя слова. Явился символъ. Кто горячо чувствовалъ, тотъ находилъ и живой символъ, и оставался художникомъ; кто больше мыслилъ,—сталъ придумывать, сочинять, и явилась цѣлая школа произведеній, въ которыхъ забыто все художественное, на которыхъ всецѣло лежитъ уже печать надуманности, сочиненности. Европа назвала ихъ *символистами*. Крэнъ пишетъ своихъ «Лошадей Нептуна»; на ярко-синемъ фонѣ точно нанизанъ цѣлый рядъ бѣлыхъ гипсовыхъ лошадокъ. Должно-быть художникъ сильно прочувствовалъ то, что хотѣлъ выразить этимъ символомъ, если каждому, кто видѣлъ эту картину, волна, бѣгущая за пароходомъ, кажется лошадьми Нептуна. Рядомъ съ такимъ символистомъ вы видите, однако, и другихъ; есть такіе, передъ картинами которыхъ публика, прочитывая предварительно цѣлые комментаріи въ прозѣ и стихахъ, все-таки ничего не понимаетъ и при всѣхъ условіяхъ не можетъ добраться до какого бы то ни было здраваго смысла въ картинѣ. Почти всегда картины этого рода, въ смыслѣ живописи, ниже всякой критики, и при самомъ добромъ желаніи найти въ нихъ что-нибудь, заслуживающее внима-

*) 1828—1882.

**) Род. 1833, работаетъ и выставляетъ ежегодно и теперь.

***) Род. 1818, также работаетъ и теперь еще.

****) 1804—1871.

*****) Род. 1827, нашъ современникъ.

******) Род. 1863, самый молодой представитель этого направленія.

нія, ихъ часто приходится относить къ безплоднымъ продуктамъ моды и безсильныхъ потугъ творчества. Символисты нашли въ Парижѣ пристанище въ обществѣ Rose Croix, глава котораго, Пеладанъ, думая возродить великую школу Леонардо да-Винчи и загипнотизированный его «Тайной Вечерью», «Джіокондой» и «Іоанномъ Крестителемъ», проповѣдуетъ въ искусствѣ только его идеальность, понимая подъ этимъ словомъ все то, что не есть матерія, тѣло. Задачи живописи здѣсь совершенно исключены, и дилетантъ—хотя и страстный, горячій поклонникъ искусства—Пеладанъ забываетъ, что «la grande oeuvre» («Cenacolo»—«Тайная Вечеря», въ Миланѣ) Леонардо да-Винчи основана на глубокомъ изученіи природы, а не на безпочвенномъ шатаніи мысли и чувства. Любовь Пеладана къ искусству чисто-платоническая и сказывается главнымъ образомъ въ его горячихъ и восторженныхъ репликахъ по адресу этого искусства и его жрецовъ. Но какъ этими репликами могъ онъ вскружить головы даже сильнымъ и талантливымъ людямъ,—это совершенно непонятно. Когда въ 1892 г. въ первый разъ открылась выставка этихъ «розенкрейцеровъ» искусства, былъ изданъ каталогъ выставки, въ началѣ котораго помѣщено напутствіе Пеладана художникамъ. Оно не лишено извѣстной поэзіи, хотя почти сплошь представляетъ наборъ громкихъ, напыщенныхъ фразъ, произносимыхъ съ паѳосомъ и торжественностью пиѳіи, изрекающей свои пророчества съ дельфійскаго треножника.

«Художникъ, ты — жрецъ: искусство есть великое таинство, и если твой геній зоветъ тебя къ творчеству, то лучъ Божества ниспадаетъ на твой алтарь. О, истинное присутствіе Божества! Ты свѣтишь намъ въ возвеличенныхъ именахъ: Винчи, Микель-Анжело, Бетховенъ, Вагнеръ.

«Художникъ, ты — король: искусство есть настоящее королевство. Если твоя рука начертала совершенную линію, херувимы снисходятъ съ неба и смотрятся въ твое твореніе, какъ въ зеркало.

«Вдохновенный рисунокъ, полная души линія, прочувствованная форма, ты даешь нашимъ грёзамъ осуществленіе: Самоѳракія и Святой Іоаннъ, Сикстинская Мадонна и Тайная Вечеря, Парсифаль, Девятая симфонія, соборъ Парижской Богоматери.

«Художникъ, ты—волшебникъ: искусство есть великое чудо и подтверждаетъ наше безсмертіе. Кто сомнѣвается еще?»

Въ такомъ родѣ составлено все напутствіе великаго жреца, короля и волшебника Пеладана.

Теперь спрашивается, какъ относиться къ этому декадентству? Мы видѣли, что въ декадентствѣ красочномъ вопросъ сводится къ степени таланта того или другого декадента и къ его искренности. То же можно сказать и про декадентство концепціи художественнаго произведенія. Если бы Росетти, Бэрнъ-Джонсъ, Бэклинъ, наиболѣе крупные изъ символистовъ, были такъ же сильны въ живописи, въ чисто-художественной сторонѣ ихъ искусства, то они были бы геніями. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ этой области не появилось еще художника, который показалъ бы, что и такая дорога можетъ привести къ созданію великихъ произведеній. Обыкновенно идея настолько поглощаетъ художника этого типа, что въ его сердцѣ не остается мѣста для живописи. Если крупнымъ талантамъ это не удается вполнѣ до сихъ поръ, то о мелкихъ величинахъ говорить нечего.

Что же дѣлаетъ въ это время импрессіонизмъ и какова его дальнѣйшая судьба?

Всѣ отступленія чувства и мысли отъ здоровой художественной правды не помѣшали этой послѣдней пѣть свою торжествующую пѣснь въ современномъ искусствѣ и найти себѣ такихъ выразителей, имена которыхъ никогда не погибнутъ.

Возрожденный идеализмъ оказалъ кос-

венное вліяніе и на дальнѣйшее развитіе задачъ импрессіонизма. Появились художники, которыхъ стали утомлять и эта кипучая жизнь, бьющая съ модныхъ холстовъ, и свѣтъ, блескъ солнечнаго дня, рѣжущаго глазъ, «donnant comme un soufflet aux ombres». Ихъ утонченный глазъ и развитой вкусъ начинаютъ искать полутона, ихъ манитъ туманъ; и мысль, что не все то хорошо, чѣмъ живетъ и дышитъ человѣкъ, чѣмъ дышитъ улица, заставляетъ ихъ задумываться надъ выборомъ впечатлѣнія, надъ его культурой; заговорили о воспитаніи этого впечатлѣнія на старыхъ мастерахъ. Культъ Веласкеза, живопись котораго до сихъ поръ остается на недосягаемой высотѣ, растетъ съ каждымъ днемъ, пополняя списки своихъ жрецовъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Манэ несомнѣнно уже принадлежалъ всецѣло этому культу. Онъ выбиралъ уже свои впечатлѣнія, отдѣляя художественныя отъ нехудожественныхъ. Золя *), его близкій другъ, совершенно не замѣтилъ, что между Манэ-пленэристомъ и Манэ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ лежитъ пропасть. Для него онъ до конца жизни оставался борцомъ за жизненную правду, и если онъ и видѣлъ его стремленія къ правдѣ художественной, то не придавалъ имъ особеннаго значенія. Съ его точки зрѣнія это было очень естественно. Но въ ту же ошибку впалъ, повидимому, и Мутеръ; онъ ведетъ исторію импрессіонизма съ момента появленія первыхъ пленэровъ Манэ и пленэризмъ отождествляетъ съ импрессіонизмомъ, между тѣмъ какъ въ основѣ обоихъ понятій лежитъ огромное различіе. Пленэризмъ—это впечатлѣніе глаза, и только; импрессіонизмъ—впечатлѣніе чувства, возникающаго при посредствѣ глаза. Такихъ реалистовъ, какъ Бастьенъ Лепажъ, Лермиттъ, Дантанъ и Жервексъ, Мутеръ нашелъ возможнымъ причислить къ группѣ послѣдователей Манэ, давшихъ дальнѣйшее развитіе идеямъ своего учителя. Да, они развивали дальше принципъ пленэризма, но къ импрессіонистамъ пристегнуть ихъ никакъ нельзя. Какое основаніе у него называть Бонна и Королюса Дюрана реалистами, а Дантана и въ особенности Жервекса и Фріана относить къ представителямъ новѣйшихъ стремленій и взглядовъ—совершенно непонятно. Фріанъ — это послѣднее слово реализма; достаточно вспомнить его «День всѣхъ святыхъ». То направленіе искусства, которое послѣднее приняло съ момента распространенія идей импрессіонизма, съ недавняго времени стали называть *натурализмомъ* искусства. Натурализмъ состоитъ въ томъ, что природа, la nature, вдохновляетъ, а не подавляетъ художника. Удивительныя слова Делакруа: «природа есть лексиконъ, а не книга» — вотъ исходный пунктъ натурализма. Искусство зажило своей жизнью, опираясь на природу; художникъ освободился изъ-подъ гнета физической стороны зрѣнія, но еще крѣпче связалъ себя съ окружающимъ міромъ. Теперь отъ художника начинаютъ требовать, чтобы изъ своей личности онъ сдѣлалъ такой чуткій инструментъ, на которомъ мелодія, подсказываемая природой, звучала бы гармонично и художественно.

Разъ личность художника играетъ такую видную роль, то понятно, что, задаваясь цѣлью разобраться въ направленіяхъ, какія можно намѣтить въ современномъ искусствѣ, приходится говорить о различныхъ представителяхъ этого искусства.

Мнѣ пришлось видѣть всѣ болѣе или менѣе интересныя выставки Европы за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Теперь хотѣлось бы подѣлиться тѣми общими выводами, какіе мнѣ удалось сдѣлать изъ всей этой массы впечатлѣній, подѣлиться по крайней мѣрѣ той ихъ частью, которая можетъ имѣть общій интересъ и имѣетъ отношеніе къ тому, что составляетъ предметъ настоящаго очерка.

(Окончаніе будетъ.)

*) Несмотря на то, что ему принадлежитъ формулировка принципа: «природа сквозь темпераментъ».

* * *

Тихою ночью надъ міромъ они пролетали—
Дѣти глубокой, сверкающей звѣздами дали.
Были задумчиво-кротки ихъ лики чудесные,
Пѣли о небѣ святомъ ихъ уста безтѣлесныя,
Арфы въ рукахъ ихъ въ отвѣтъ этимъ пѣснямъ звенѣли,—
Чудныя грезы надъ спящей землею летѣли.

Весь осребренный луною, въ сіяніи нѣжномъ,
Путь свой свершалъ этотъ міръ въ океанѣ безбрежномъ.
Горныя выси дремали на немъ исполинами,
Плавно туманы вставали въ низахъ, надъ долинами...
Юной землѣ, въ безконечныхъ обителяхъ Бога,
Чужды казались вражда, и печаль, и тревога!..

Но отчего же, тебя не коснувшись крылами,
Грезы небесъ пролетѣли незримыми снами?
Видѣли ихъ и долины, и скалы могучія,
Видѣли волны, и тучи, и дебри дремучія...
Иль мимо тѣхъ, кто томится любовью земною,
Въ трепетѣ ангелы неба летятъ стороною?..

Сергѣй Сафоновъ.

Нищій-уродъ.

Изъ приключеній Шерлока Холмса.

А. Конанъ-Дойля.

(Съ англійскаго.)

Иза Уитней, братъ покойнаго Ильи Уитней, профессора богословскаго факультета въ Сентъ-Джорджѣ, предавался куренію опіума. Привычку эту онъ пріобрѣлъ еще въ университетѣ, гдѣ, прочитавъ описанія ощущеній, которыя испытываются при употребленіи одуряющихъ средствъ, онъ сталъ примѣшивать къ табаку опіумъ, стараясь вызвать въ себѣ подобныя ощущенія. Вскорѣ онъ, какъ и многіе до него, понялъ, что легче пріобрѣсти такую привычку, чѣмъ отдѣлаться отъ нея; онъ сдѣлался рабомъ своего порока и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предметомъ состраданія и отвращенія всѣхъ своихъ родственниковъ. Я какъ теперь вижу его желтое опухшее лицо, съ отяжелѣвшими вѣками и крошечными зрачками, и осунувшуюся, сгорбленную фигуру—печальную развалину когда-то благороднаго человѣка.

Какъ-то вечеромъ,—это было въ іюнѣ 1889 года,—у моей двери раздался звонокъ въ тотъ самый часъ, когда человѣкъ, въ первый разъ зѣвнувъ, обыкновенно взглядываетъ на часы. Я выпрямился въ креслѣ, а жена моя уронила на колѣни работу, и на лицѣ ея выразилась досада.

— Вѣрно какой-нибудь больной! — сказала она. — Тебѣ опять придется идти.

Я вздохнулъ при этой мысли, такъ какъ только что вернулся послѣ утомительнаго дня.

Мы слышали, какъ отперли дверь, кто-то поспѣшно сказалъ нѣсколько словъ, и раздались быстрые шаги по линолеуму передней. Дверь нашей гостиной распахнулась, и въ комнату вошла дама, одѣтая въ черное платье, съ густымъ вуалемъ на лицѣ.

— Извините, что я такъ поздно потревожила васъ, — заговорила она и вдругъ, потерявъ самообладаніе, подбѣжала къ моей женѣ, обняла ея шею и, прижавшись къ ея плечу, разразилась рыданіями. — Ахъ, у меня такое горе! — пробормотала она. — Помогите мнѣ!

— Что это? — вскрикнула моя жена, подымая съ ея лица вуаль. — Да вѣдь это Кэтъ Уитней! Какъ ты испугала меня, Кэтъ! Когда ты вошла, я и не подозрѣвала, что это ты!

— Я не знала, что мнѣ дѣлать, и потому побѣжала прямо къ тебѣ!

Это всегда бывало такъ: у кого было горе, того непремѣнно влекло къ женѣ моей, какъ птицу—къ огню.

— И отлично сдѣлала! Выпей сперва воды съ виномъ, садись и разскажи, въ чемъ дѣло. Или, можетъ-быть, намъ лучше будетъ послать Джэмса спать?

— О, нѣтъ, нѣтъ, я очень дорожу совѣтомъ доктора. Дѣло въ томъ, что уже два дня какъ Иза не возвращается домой. Я такъ безпокоюсь о немъ!

Она уже не первый разъ говорила съ нами, т.-е. со мной, какъ съ докторомъ, а съ женой моей, какъ съ близкой подругой дѣтства, о несчастной страсти своего мужа. Мы постарались, насколько могли, успокоить ее, разспрашивая, знаетъ ли она, гдѣ ея мужъ, и не можемъ ли мы какъ-нибудь вернуть его къ ней.

Это, повидимому, было возможно. Она знала навѣрно, что въ послѣднее время, когда на него находилъ припадокъ, ея мужъ отправлялся въ одинъ тайный притонъ, гдѣ исключительно торговали опіумомъ, на самомъ краю восточной части Сити *) Лондона. До сихъ поръ оргіи его никогда не длились болѣе одного дня, и онъ, разбитый и дрожащій, обыкновенно возвращался къ вечеру домой. Но на этотъ разъ припадокъ продолжался уже двое сутокъ, и онъ, вѣроятно, лежалъ тамъ теперь среди грубой сволочи, вдыхая въ себя ядъ, или, одурѣвъ отъ него, спалъ гдѣ-нибудь въ углу этого гнуснаго притона. Она была увѣрена, что его найдутъ въ этомъ вертепѣ, который называется «Золотой рудой», на улицѣ Суандэмъ-Ленъ. Но что же ей дѣлать? Какъ могла она, молодая и робкая женщина, пробраться туда и отыскать тамъ своего мужа среди окружавшихъ его воровъ и разбойниковъ?

Вотъ въ чемъ было дѣло; тутъ, очевидно, былъ только одинъ исходъ. Она просила меня проводить ее въ это мѣсто. Обдумавъ все хорошенько, мы рѣшили, что ей собственно не было никакой надобности ѣхать туда; я, какъ домашній докторъ Изы Уитней, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на него: мнѣ легче было одному справиться съ нимъ. Я обѣщалъ прислать его домой черезъ два часа въ извозчичьей каретѣ, если дѣйствительно найду его въ томъ самомъ мѣстѣ, которое она указала мнѣ. Итакъ, десять минутъ спустя, я, покинувъ свою уютную гостиную и удобное кресло, ѣхалъ на извозчикѣ исполнять порученіе по этому, какъ мнѣ тогда уже казалось, странному дѣлу; впослѣдствіи, однако, оно должно было оказаться еще болѣе страннымъ.

Въ первой части моего предпріятія не представилось никакихъ затрудненій. Суандэмъ-Ленъ—грязная улица, скрытая за

*) Сити называется центральная часть Лондона на берегу Темзы, почти исключительно занятая торговыми домами, фабриками, верфями и кораблестроительными мастерскими.

высокими верфями, окаймляющими сѣверный берегъ Темзы на востокъ отъ Лондонскаго моста. Тамъ, между лавкой готоваго матросскаго платья и питейнымъ погребомъ, находится крутая лѣстница, которая ведетъ внизъ, въ черную яму, похожую на входъ въ подвалъ; это и есть тотъ самый притонъ, который мнѣ надо было обыскать. Велѣвъ извозчику обождать, я спустился по ступенямъ, истоптаннымъ безпрерывными шагами пьяныхъ ногъ, при свѣтѣ мерцавшей керосиновой лампы ощупалъ ручку двери и попалъ въ длинную низкую комнату, переполненную густымъ, тяжелымъ дымомъ опіума. Вдоль ея стѣнъ были уставлены въ нѣсколько рядовъ койки, какъ въ передней части переселенческаго парохода.

Сквозь дымъ неясно виднѣлись человѣческія фигуры, лежавшія въ самыхъ необыкновенныхъ положеніяхъ, со сгорбленными плечами, поднятыми колѣнями, закинутыми назадъ головами. То здѣсь, то тамъ тусклый взглядъ мутныхъ глазъ падалъ на новаго пришельца. Среди дымнаго мрака изрѣдка блестѣли маленькіе огненные кружки, то вспыхивая, то потухая, по мѣрѣ того, какъ разгорался или погасалъ ядъ въ металлическихъ трубкахъ. Бо̀льшею частью люди эти молчали; нѣкоторые изъ нихъ что-то бормотали про себя, другіе разговаривали между собой страннымъ, тихимъ, однообразнымъ голосомъ; ихъ разговоръ иногда вдругъ прерывался, и каждый изъ нихъ продолжалъ бормотать про себя, не обращая вниманія на собесѣдника. Въ дальнемъ углу комнаты стояла жаровня съ горячимъ углемъ; около нея, на трехногой деревянной скамьѣ, сидѣлъ высокій, худой старикъ, подперевъ подбородокъ обоими кулаками, поставивъ локти на колѣни и вперивъ глаза въ уголья.

Когда я вошелъ, ко мнѣ подбѣжалъ желтолицый малаецъ-слуга, съ трубкой и запасомъ опіума въ рукахъ, и указалъ на свободную койку.

— Благодарю васъ, я пришелъ не курить, — сказалъ я. — Здѣсь долженъ быть мой пріятель, м-ръ Иза Уитней; мнѣ надо поговорить съ нимъ.

Направо отъ меня послышалось движеніе, раздалось восклицаніе, и сквозь густой дымъ я разглядѣлъ блѣдное, истощенное лицо Изы Уитней съ растрепанными волосами; его глаза испуганно уставились на меня.

— Боже мой! Это Уатсонъ! — проговорилъ онъ. Онъ, очевидно, находился въ жалкомъ состояніи реакціи, и каждая жилка въ его тѣлѣ содрогалась. — Скажите мнѣ, Уатсонъ, который часъ?

— Около одиннадцати.

— А какой день нынче?

— Пятница, 19-е іюня.

— Боже мой! А я думалъ, что среда. Нѣтъ, среда навѣрно. Зачѣмъ вы меня такъ пугаете?

Онъ закрылъ лицо руками и слабо и жалобно зарыдалъ.

— Я говорю вамъ, что пятница. Жена ваша ждетъ васъ цѣлыхъ два дня. Какъ вамъ не стыдно?

— Да мнѣ и стыдно. Право, вы ошибаетесь, Уатсонъ, я провелъ здѣсь только нѣсколько часовъ и выкурилъ всего три, нѣтъ, четыре трубки, — не знаю сколько. Теперь я поѣду съ вами домой; я не хочу мучить Кэтъ, мою бѣдную Кэтъ! Дайте мнѣ руку. Есть у васъ извозчикъ?

— Да, онъ ждетъ на улицѣ.

— Такъ я поѣду на немъ. У меня здѣсь есть счетъ. Узнайте, сколько я долженъ, Уатсонъ. Я совсѣмъ одурѣлъ, ничего не могу самъ сдѣлать.

Я пошелъ отыскивать хозяина притона вдоль узкаго прохода, раздѣлявшаго оба ряда спавшихъ, стараясь удерживать дыханіе, чтобы не вдыхать въ себя омерзительный, одуряющій дымъ яда. Проходя мимо высокаго старика, сидѣвшаго у жаровни, я вдругъ почувствовалъ, какъ кто-то дернулъ меня за полу сюртука, и тихій голосъ прошепталъ: «Пройдите мимо, а потомъ оглянитесь на меня». Слова эти совершенно ясно долетѣли до моего слуха. Я

посмотрѣлъ внизъ. Никто, кромѣ старика, не могъ произнести ихъ; онъ, однако, сидѣлъ все такъ же безучастно и неподвижно; худая, сгорбленная фигура его нагнулась впередъ, а трубка съ опіумомъ выскользнула изъ ослабѣвшихъ пальцевъ и болталась между его колѣнями. Пройдя еще шага два, я оглянулся и съ трудомъ удержался отъ возгласа удивленія. Старикъ повернулся спиной ко всѣмъ такъ, что никто, кромѣ меня, не могъ видѣть его лица. Спина его выпрямилась, морщины исчезли, тусклые глаза оживились, и передо мной явился не кто иной, какъ мой другъ, Шерлокъ Холмсъ. Улыбаясь моему удивленію, онъ сдѣлалъ едва замѣтное движеніе рукой, маня меня къ себѣ, и въ то же время опять повернулъ къ остальному обществу свое лицо, которое мгновенно приняло прежнее выраженіе тупой старческой слабости, съ отвислой губой и тусклымъ взглядомъ.

— Холмсъ! — прошепталъ я. — Скажите на милость, что̀ вы здѣсь дѣлаете?

— Говорите тише, — отвѣчалъ онъ.— Я отлично слышу. Сдѣлайте одолженіе, сбудьте съ рукъ вашего полоумнаго пріятеля, мнѣ хочется поговорить съ вами.

— Меня ждетъ у входа извозчичья карета.

— Такъ отправьте его домой. Теперь вы вполнѣ можете положиться на него: онъ, повидимому, уже настолько отупѣлъ, что не выкинетъ больше никакой штуки. Совѣтую вамъ тоже, съ тѣмъ же извозчикомъ, предупредить запиской вашу жену, чтобы она не ждала васъ, такъ какъ вы встрѣтились со мной. Подождите меня на улицѣ, минутъ черезъ пять я выйду къ вамъ.

Трудно было не покориться желаніямъ Шерлока Холмса: онъ всегда изъявлялъ ихъ такъ опредѣленно и такимъ повелительнымъ тономъ. Къ тому же я зналъ, что, усадивъ Уитнея въ карету, я исполню все, что̀ требовалось отъ меня, а участвовать въ одномъ изъ тѣхъ похожденій, которыя составляли нормальный образъ жизни моего друга, было для меня величайшимъ наслажденіемъ. Я быстро написалъ записку, заплатилъ за Уитнея, вывелъ его на улицу и усадилъ въ карету, которая тотчасъ же исчезла въ ночномъ мракѣ. Вскорѣ въ отверстіи подвала показалась фигура старика, и мы вмѣстѣ съ Шерлокомъ Холмсомъ пошли по улицѣ. Первыя двѣ улицы онъ прошелъ все такъ же сгорбившись и волоча за собой ноги; потомъ, быстро оглянувшись вокругъ, онъ выпрямился и громко захохоталъ.

— Вы, вѣроятно, полагаете, Уатсонъ,— сказалъ онъ,—что я, кромѣ впрыскиваній кокаиномъ и остальныхъ моихъ мелкихъ слабостей, о которыхъ вы такъ часто излагали мнѣ свой медицинскій взглядъ, предаюсь еще и куренію опіума?

— Признаюсь, я очень удивился, встрѣтивъ васъ въ этомъ подвалѣ.

— Не болѣе, чѣмъ я изумился вашему присутствію тамъ.

— Я пріѣхалъ отыскивать пріятеля.

— А я врага.

— Врага?

— Да, одного изъ моихъ естественныхъ враговъ, или, лучше сказать, мою естественную добычу. Однимъ словомъ, Уатсонъ, я въ настоящую минуту занятъ очень замѣчательнымъ изслѣдованіемъ и надѣялся найти нѣкоторыя указанія въ несвязномъ бреду этихъ тупоумныхъ существъ, какъ это нѣсколько разъ уже удавалось мнѣ. Если бы меня узнали въ этомъ притонѣ, я, очень вѣроятно, поплатился бы за это жизнью. Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось бывать въ немъ по своимъ дѣламъ, и мошенникъ-содержатель его, ласкаръ*) по происхожденію, поклялся отомстить мнѣ. Въ задней стѣнѣ дома есть потайная дверь, которая выходитъ на уголъ Павловской верфи; мало ли что̀ выбрасывается изъ этой двери въ рѣку въ безлунныя ночи!

---

*) Ласкары—туземные солдаты въ Индіи, находящіеся на англійской службѣ.

— Неужели вы думаете — мертвыя тѣла?

— Да, мертвыя тѣла, Уатсонъ. Мы были бы богатыми людьми, если бы получали по тысячѣ фунтовъ за каждаго несчастнаго, съ которымъ покончили въ этомъ притонѣ. Это самое скверное мѣсто на всемъ берегу рѣки; я очень боюсь, что и Невилль С.-Клеръ, попавъ разъ туда, никогда больше не выйдетъ оттуда. Однако экипажъ нашъ долженъ быть уже здѣсь.

Онъ сунулъ въ ротъ два пальца и громко свистнулъ. Въ отвѣтъ на этотъ сигналъ издали раздался такой же свистъ, и вслѣдъ за нимъ послышался звукъ колесъ и топотъ лошадиныхъ копытъ.

— Теперь, Уатсонъ,—сказалъ Холмсъ, когда къ намъ подъѣхалъ высокій кабріолетъ, освѣщая темноту двумя зажжеными фонарями, — вы поѣдете со мной, не правда ли?

— Да, если я могу быть вамъ полезенъ.

— О, вѣрный товарищъ всегда бываетъ полезенъ. Въ моей комнатѣ, въ Седарсѣ, двѣ кровати.

— Въ Седарсѣ?

— Да, это усадьба м-ра С.-Клера. Я живу тамъ, пока длится это разслѣдованіе.

— Да гдѣ же она?

— Около Ли, въ Кентѣ. Намъ предстоитъ проѣхать семь миль.

— Я рѣшительно ничего не понимаю.

— И не удивительно. Сейчасъ вы все узнаете. Влѣзайте! Хорошо, Джонъ, вы намъ больше не нужны. Вотъ вамъ полгинеи. Ждите меня завтра около одиннадцати. Пустите ее! Вотъ такъ!

Онъ ударилъ лошадь кнутомъ, и мы поѣхали по безконечному ряду темныхъ улицъ и по широкому мосту, подъ которымъ блестѣла грязная рѣка. За мостомъ опять пошли такія же опустѣлыя улицы, въ которыхъ слышались только равномѣрные шаги полицейскаго или пѣніе и крики запоздалыхъ гулякъ. Небо тускло свѣтилось, мѣстами пробивалась звѣздочка сквозь тихо плывшія облака. Холмсъ молча правилъ лошадью, опустивъ голову на грудь и, очевидно, находясь въ глубокомъ раздумьѣ. Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ, съ любопытствомъ глядя на него и спрашивая себя: какое могло быть это дѣло, которое, казалось, такъ напрягало всѣ его умственныя силы? Но я не рѣшался прервать его размышленія. Мы проѣхали нѣсколько миль и выѣзжали уже изъ окраинъ городскихъ предмѣстій, усѣянныхъ дачами съ садами, когда онъ вдругъ встряхнулся, пожалъ плечами и закурилъ трубку съ видомъ человѣка, который убѣдился въ томъ, что все, что̀ онъ дѣлаетъ, хорошо.

— У васъ великая способность молчать, Уатсонъ. Это неоцѣненное достоинство въ собесѣдникѣ, — сказалъ онъ. — Для меня много значитъ имѣть при себѣ кого-нибудь, съ кѣмъ я могу поговорить; собственныя мысли мои не очень-то радостны. Я все время думаю только о томъ, что̀ я скажу этой милой молодой женщинѣ, когда она встрѣтитъ меня на крыльцѣ?

— Вы забываете, что я ничего не знаю.

— Пока мы доѣдемъ до Ли, я еще успѣю разсказать, въ чемъ дѣло. Оно кажется простымъ до пошлости, но я почему-то не могу напасть на слѣдъ, по которому можно было бы идти. Безъ сомнѣнія, и тутъ есть руководящая нить, но я не могу схватить ея конецъ. Постараюсь коротко и ясно изложить вамъ все дѣло, Уатсонъ: можетъ-быть, вы найдете искорку тамъ, гдѣ все темно въ моихъ глазахъ.

— Разсказывайте, пожалуйста.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ маѣ 1884 г., въ Ли пріѣхалъ одинъ господинъ, по имени Невилль С.-Клеръ, повидимому, богатый человѣкъ. Онъ купилъ усадьбу, окружилъ ее красивымъ садомъ и, поселившись въ ней, сталъ вести пріятную жизнь зажиточнаго человѣка. Мало-по-малу онъ сблизился съ сосѣдями и въ 1887 году женился на дочери одного изъ нихъ, владѣльца пивоваренного завода,

отъ которой у него теперь уже двое дѣтей. Опредѣленныхъ занятій у него не было, но онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ обществахъ, уѣзжалъ каждое утро въ городъ и возвращался каждый вечеръ съ поѣздомъ, отходящимъ въ 5 ч. 14 м. со станціи Каннонъ-Стрита. М-ру С.-Клеру теперь 37 лѣтъ; у него самыя умѣренныя привычки, онъ добрый мужъ, очень нѣжный отецъ, и любимъ всѣми, кто знаетъ его. Можно еще прибавить, что въ настоящую минуту долги его, насколько мы могли удостовѣриться, не превышаютъ суммы 88-ми фунт. 10-ти шиллинговъ, а въ банкѣ у него лежатъ 220 фунтовъ; какъ видите, нѣтъ причины предполагать, что его безпокоили денежныя затрудненія.

Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ м-ръ Невилль С.-Клеръ уѣхалъ въ городъ раньше обыкновеннаго, сказавъ передъ отъѣздомъ, что ему надо уладить два важныхъ дѣла, и обѣщалъ привезти сыну ящикъ съ кирпичиками. Жена его совершенно случайно получила въ этотъ же самый понедѣльникъ телеграмму, извѣщавшую ее о томъ, что въ контору эбердинскаго корабельнаго общества прибыла посылка довольно большой цѣнности, которую она ждала нѣсколько времени. Если вы знаете Лондонъ, то вамъ извѣстно, что контора этого общества находится въ Фресно-Стритѣ, который выходитъ изъ Суандэмъ-Лена, гдѣ вы встрѣтили меня сегодня. Мистриссъ С.-Клеръ, позавтракавъ, уѣхала въ Сити. Справивъ тамъ нѣкоторыя покупки, она отправилась въ контору общества, получила посылку и ровно въ 4 ч. 35 м. проходила по Суандэмъ-Лену, направляясь къ станціи. Вы слѣдите за мной?

— Да, все это мнѣ вполнѣ ясно.

— Если вы помните, въ понедѣльникъ было очень жарко, и мистриссъ С.-Клеръ шла очень медленно, оглядываясь и надѣясь встрѣтить извозчика, такъ какъ улица, по которой она шла, казалась ей нѣсколько подозрительной. Подвигаясь по Суандэмъ-Лену, она вдругъ услышала восклицаніе или крикъ, и похолодѣла отъ испуга, увидавъ мужа своего, смотрѣвшаго и, какъ ей показалось, манившаго ее къ себѣ изъ окна во второмъ этажѣ одного изъ домовъ. Окно было открыто, и она ясно видѣла его лицо, которое показалось ей необыкновенно взволнованнымъ. Онъ неистово замахалъ руками и исчезъ изъ окна такъ быстро, какъ будто бы его кто-то сзади отдернулъ отъ него. Одно обстоятельство особенно поразило ея быстрый женскій глазъ, а именно то, что хотя онъ и былъ одѣтъ въ темный сюртукъ, но на немъ не было ни воротника, ни галстука.

Убѣжденная въ томъ, что съ мужемъ что-то не ладно, она бросилась внизъ по ступенямъ въ тотъ самый подвалъ, гдѣ мы встрѣтились съ вами сегодня вечеромъ, и, пробѣжавъ первую комнату, хотѣла взойти на лѣстницу, ведущую въ первый этажъ; но у лѣстницы ее встрѣтилъ тотъ самый ласкаръ-хозяинъ, о которомъ я только что говорилъ вамъ, остановилъ ее и съ помощью слуги вытолкалъ вонъ на улицу. Самыя ужасныя подозрѣнія и сомнѣнія овладѣли ею, и она въ отчаяніи побѣжала по улицѣ. Въ Фресно-Стритѣ ей, по счастливой случайности, попались нѣсколько полицейскихъ въ сопровожденіи своего инспектора, обходившіе участокъ. Инспекторъ и двое полицейскихъ пошли съ нею назадъ и, несмотря на сопротивленіе хозяина, вошли въ ту комнату, въ окнѣ которой мистриссъ С.-Клеръ въ послѣдній разъ видѣла мужа. Тамъ не было и слѣда его, да и во всемъ этажѣ не было никого, кромѣ уродливаго, искалѣченнаго нищаго, очевидно, жившаго тамъ. Оба они съ хозяиномъ божились и увѣряли, что, кромѣ нихъ, въ этой комнатѣ съ самаго полудня не было никого. Увѣренія ихъ были такъ положительны, что полицейскій инспекторъ остановился въ недоумѣніи и выразилъ сомнѣніе, не ошиблась ли мистриссъ С.-Клеръ. Тутъ она вдругъ вскрикнула, подбѣжала къ небольшому деревянному ящику, стоявшему въ углу, и

сорвала съ него крышку; изъ ящика посыпались игрушечные кирпичики. Именно такой ящикъ ея мужъ обѣщалъ привезти домой.

Это открытіе и видимое смущеніе, которое обнаружилъ при этомъ нищій, навели полицейскаго инспектора на мысль, что подъ этимъ кроется серьезное дѣло. Всѣ комнаты тщательно обыскали и нашли въ нихъ указанія на ужасное преступленіе. Передняя комната съ окномъ на улицу бѣдно меблирована и служитъ гостиной; изъ нея ведетъ дверь въ маленькую спальню, окно которой выходитъ на заднюю сторону верфи. Между верфью и окномъ этой спальни протекаетъ узкій каналъ, сухой при отливѣ, но во время прилива наполненный водой фута на четыре. Окно въ спальнѣ широкое и открывается внизъ. При обыскѣ на подоконникѣ этого окна нашли слѣды крови; на полу спальни оказалось тоже нѣсколько капель крови. Въ передней комнатѣ нашли, спрятанную за занавѣской, всю одежду м-ра Невилль С.-Клера, за исключеніемъ его сюртука. Его сапоги, носки, шляпа, часы — все было налицо. Ни на одномъ предметѣ его платья не было видно слѣдовъ насилія, но не было и другихъ слѣдовъ его присутствія. Очевидно, онъ скрылся въ окно, такъ какъ другого выхода нельзя было открыть, а зловѣщія кровяныя пятна на подоконникѣ не допускали предположенія, что онъ спасся вплавь черезъ каналъ, который, по случаю прилива, былъ наполненъ водой въ трагическую минуту.

О двухъ мошенникахъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, узнали вотъ что: ласкаръ, хозяинъ дома, извѣстенъ своей дурной жизнью и нехорошимъ прошлымъ, но такъ какъ, по указаніямъ мистриссъ С.-Клеръ, онъ встрѣтилъ ее у лѣстницы секунды двѣ послѣ появленія ея мужа у окна, то онъ могъ участвовать въ преступленіи развѣ только какъ укрыватель. Въ защиту себѣ онъ высказалъ полное невѣдѣніе, увѣряя, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ образѣ жизни своего жильца, Юга Буна, и не можетъ объяснить, почему платье исчезнувшаго господина очутилось въ его комнатѣ.

Вотъ все, что касается хозяина; относительно же зловѣщаго калѣки-нищаго, который безспорно былъ послѣднимъ человѣкомъ, видѣвшимъ м-ра Невилль С.-Клера, узнали слѣдующее: имя его Югъ Бунъ, и его уродливое лицо знакомо всѣмъ, кто часто бываетъ въ Сити. Онъ — нищій по профессіи, хотя и торгуетъ восковыми спичками, чтобы отвести глаза полиціи. На Треднидль-Стритѣ есть ниша въ стѣнѣ одного изъ домовъ на лѣвой сторонѣ улицы. На этомъ мѣстѣ онъ просиживаетъ весь день, скрестивъ ноги, съ небольшимъ запасомъ спичекъ на колѣняхъ. Видъ его возбуждаетъ жалость прохожихъ, и въ его засаленную шапку, лежащую передъ нимъ, сыплется мелкій дождь подаяній. Я не разъ уже наблюдалъ за нимъ, прежде чѣмъ мнѣ пришлось ближе познакомиться съ нимъ, и удивлялся обильному сбору, который онъ получаетъ въ теченіе самаго короткаго времени. Видъ его такъ поразителенъ, что никто не проходитъ мимо, не замѣтивъ его. Шапка ярко-рыжихъ волосъ, блѣдное лицо, изуродованное отвратительнымъ шрамомъ, который подтягиваетъ кверху край его верхней губы, выдающійся впередъ подбородокъ, какъ у бульдога, и очень хитрые, проницательные глаза, темный цвѣтъ которыхъ рѣзко отличается отъ его волосъ,—все это бросается въ глаза и выдвигаетъ его изъ толпы обыкновенныхъ нищихъ. Къ тому же онъ и очень остроуменъ, у него всегда есть въ запасѣ шутливая прибаутка въ отвѣтъ на каждое слово, случайно брошенное ему прохожимъ. Вотъ каковъ человѣкъ, который оказался теперь жильцомъ въ притонѣ курильщиковъ опіума и, вѣроятно, онъ видѣлъ того, кого мы ищемъ.

— Но вѣдь онъ калѣка!—сказалъ я.— Что можетъ онъ одинъ сдѣлать съ сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ?

— Онъ калѣка въ томъ смыслѣ, что ходитъ съ костылемъ; но въ остальномъ онъ кажется мнѣ сильнымъ и хорошо выкормленнымъ малымъ. Вѣроятно, и вашъ медицинскій опытъ подтвердитъ вамъ, что слабость одного члена часто уравновѣшивается необыкновенной силой другихъ.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Съ мистриссъ С.-Клеръ сдѣлалось дурно при видѣ кровяныхъ пятенъ на подоконникѣ, и полиціи пришлось отвезти ее домой на извозчикѣ, такъ какъ присутствіе ея не могло быть полезнымъ при дальнѣйшемъ слѣдствіи. Полицейскій инспекторъ Бартонъ, которому было поручено это дѣло, очень тщательно провѣрилъ всѣ данныя, но не нашелъ ничего, что̀ уяснило бы его. При этомъ была сдѣлана одна ошибка, а именно—Буна не сейчасъ арестовали и дали ему время сговориться со своимъ пріятелемъ ласкаромъ; но ошибку эту скоро поправили: его захватили и обыскали, но не нашли ничего, по чему можно было бы прямо обвинить его. Правда, правый рукавъ его рубашки былъ тоже замаранъ кровью, но онъ указалъ на свой четвертый палецъ, который былъ порѣзанъ около ногтя, и объяснилъ, что кровь шла оттуда, прибавивъ при этомъ, что онъ недавно подходилъ къ окну, и потому пятна, замѣченныя на подоконникѣ, вѣроятно, происходили отъ той же причины. Онъ настойчиво отрицалъ, что когда-либо видѣлъ м-ра Невилль С.-Клера, и увѣрялъ, что присутствіе его платья въ этой комнатѣ такъ же необъяснимо для него, какъ и для полиціи. На показанія мистриссъ С.-Клеръ, что она видѣла своего мужа у окна, онъ отвѣчалъ только, что она сошла съ ума или видѣла это во снѣ. Его отвели въ полицейскій участокъ, несмотря на громкій протестъ, а инспекторъ остался на мѣстѣ, ожидая отлива и надѣясь тогда найти новые слѣды.

И дѣйствительно, на днѣ канала нашли новое указаніе, хотя и не то, что ожидали и чего боялись. Когда вода отлила совсѣмъ, на днѣ канала оказался сюртукъ Невилль С.-Клера, а не онъ самъ. И что̀, думаете вы, нашли въ карманахъ этого сюртука?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Нѣтъ, этого и отгадать-то нельзя! Всѣ карманы были биткомъ набиты мелкой монетой,—въ нихъ оказалось четыреста двадцать одинъ пенни и двѣсти семьдесятъ полупенни. Не удивительно, что вода не унесла сюртука съ собой, но человѣческій трупъ — это другое дѣло. Между верфью и домомъ очень быстрое теченіе, и потому вполнѣ возможно, что тяжелый сюртукъ остался на днѣ, а мертвое тѣло уплыло съ отливомъ въ рѣку.

— Но вы говорите, что все остальное платье нашли въ комнатѣ. Неужели же убитый былъ одѣтъ въ одинъ только сюртукъ?

— Нѣтъ, но это довольно легко объяснить. Предположимъ, что этотъ Бунъ выбросилъ Невилль С.-Клера въ окно, и ни одинъ человѣческій глазъ не могъ этого видѣть. Что̀ пришлось бы ему послѣ этого сдѣлать? Онъ сейчасъ же постарался бы сбыть съ рукъ выдававшее его платье. Представимъ себѣ, что онъ схватилъ сюртукъ и хочетъ выбросить его въ воду; тутъ ему приходитъ въ голову мысль, что сюртукъ поплыветъ, а не пойдетъ ко дну. Ему остается мало времени, онъ слышитъ уже внизу голоса, когда жена его жертвы хотѣла ворваться въ комнату, и, можетъ-быть, знаетъ уже черезъ своего пріятеля-хозяина, что полиція идетъ къ нимъ. Ему нельзя терять ни минуты. Онъ спѣшитъ къ тому тайнику, гдѣ онъ хранитъ свои ежедневныя подаянія, и набиваетъ всѣ карманы сюртука мѣдяками, чтобы онъ пошелъ ко дну. Потомъ онъ выбрасываетъ его въ окно, и сдѣлалъ бы то же и съ остальнымъ платьемъ, если бы не услыхалъ шаговъ внизу; и только что успѣлъ захлопнуть окно, какъ они вошли.

— Это, разумѣется, очень вѣроятно.

— Хорошо, будемъ считать эту гипотезу исходной точкой, за неимѣніемъ другой. Буна, какъ я уже говорилъ вамъ, арестовали и отвели въ участокъ. Въ его прошлой жизни, однако, нельзя было найти никакихъ уликъ противъ него. Онъ уже нѣсколько лѣтъ проситъ милостыню, но, повидимому, всегда велъ при этомъ спокойную и честную жизнь. Вотъ положеніе дѣла въ настоящую минуту, и вотъ вопросы, требующіе разрѣшенія: что̀ м-ръ Невилль С.-Клеръ дѣлалъ въ притонѣ курителей опіума? что̀ случилось съ нимъ тамъ? гдѣ онъ теперь? въ чемъ именно заключается роль Юга Буна въ этомъ дѣлѣ? — И мы теперь такъ же мало можемъ разрѣшить ихъ, какъ и прежде. Признаюсь вамъ, что не помню такого дѣла, которое сперва казалось бы столь простымъ, какъ это, и притомъ представляло бы столько затрудненій.

Пока Шерлокъ Холмсъ подробно излагалъ мнѣ весь рядъ этихъ событій, мы успѣли проѣхать предмѣстья громаднаго города и, миновавъ послѣдніе разбросанные дома, катились теперь по деревенской дорогѣ, огороженной съ обѣихъ сторонъ заборами. Когда онъ окончилъ свой разсказъ, мы проѣзжали деревню; въ разбросанныхъ домишкахъ ея еще свѣтились огоньки.

— Мы въѣзжаемъ въ Ли, — проговорилъ мой спутникъ.—Видите тамъ свѣтъ между деревьями? Это—Седарсъ; тамъ у лампы сидитъ женщина и въ своемъ безпокойствѣ, безъ сомнѣнія, уже услыхала топотъ нашей лошади.

— Почему же вы не ведете все это дѣло изъ Бэкеръ-Стрита?—спросилъ я.

— Потому что бо̀льшую часть слѣдствія приходится производить здѣсь. Мистриссъ С.-Клеръ была такъ любезна и дала мнѣ двѣ комнаты въ мое полное распоряженіе; вы можете быть увѣрены, что она радушно приметъ васъ, какъ моего друга и товарища. Мнѣ такъ тяжело видѣть ее, когда нѣтъ возможности сообщить ей что бы то ни было о ея мужѣ. Вотъ мы и пріѣхали!.. Эй, кто тамъ, эй!

Онъ остановилъ лошадь передъ большимъ домомъ, окруженнымъ садомъ и лугами. Конюхъ выбѣжалъ изъ конюшни и взялъ лошадь подъ уздцы. Выпрыгнувъ изъ кабріолета, я пошелъ за Холмсомъ по усыпанной щебнемъ дорожкѣ, ведшей къ дому. Въ это время входная дверь распахнулась, и на порогѣ показалась маленькая бѣлокурая дама, одѣтая въ свѣтлое лѣтнее платье, съ чѣмъ-то розовымъ вокругъ ворота и на рукавахъ. Фигурка ея отдѣлялась на яркомъ фонѣ освѣщенной комнаты; положивъ одну руку на ручку двери, поднявъ другую кверху, слегка нагнувшись и вытянувъ шею, съ оживленными глазами и раскрытыми губами, она представляла собой настоящее олицетвореніе вопроса.

— Ну, что?—воскликнула она.—Ну, что?

Когда она увидѣла, что насъ двое, у нея вырвалось радостное восклицаніе, которое перешло въ стонъ, когда спутникъ мой отрицательно покачалъ головой и пожалъ плечами.

— Нѣтъ хорошихъ извѣстій?

— Никакихъ.

— И дурныхъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Слава Богу и за это! Но войдите, пожалуйста. Вы, вѣрно, устали послѣ такого утомительнаго дня.

— Это—другъ мой, д-ръ Уатсонъ. Онъ не разъ уже помогалъ мнѣ въ важныхъ случаяхъ; я случайно встрѣтилъ его и привезъ сюда, познакомивъ его съ нашимъ дѣломъ.

— Очень рада видѣть васъ,—проговорила она, дружелюбно пожимая мнѣ руку.—Вы, вѣрно, снисходительно отнесетесь къ нашему здѣшнему хозяйству, если вспомните, какой страшный ударъ поразилъ насъ.

— Увѣряю васъ,—отвѣчалъ я,—что я не избалованъ и, къ тому же, по всему, что̀ я вижу, вамъ, право, нѣтъ осно-

ванія извиняться. Если я хоть сколько-нибудь могу быть полезенъ или вамъ, или моему товарищу, я буду вполнѣ счастливъ.

— Теперь, м-ръ Шерлокъ Холмсъ, — сказала дама, когда мы вошли въ хорошо освѣщенную столовую, гдѣ былъ накрытъ холодный ужинъ, — мнѣ очень хотѣлось бы поставить вамъ два-три прямыхъ вопроса, на которые я прошу васъ отвѣтить мнѣ просто и откровенно.

— Да, если вы этого желаете.

— Не безпокойтесь о моихъ чувствахъ. Я не подвержена истерическимъ припадкамъ и не падаю въ обморокъ. Я желаю только знать ваше настоящее, искреннее мнѣніе.

— О чемъ именно?

— Думаете ли вы, въ глубинѣ души, что Невилль живъ?

Шерлокъ Холмсъ, казалось, былъ смущенъ этимъ вопросомъ; онъ откинулся на спинку плетенаго стула, на которомъ сидѣлъ.

— Говорите откровенно! — повторила она, стоя у камина и съ волненіемъ глядя на него.

— Откровенно говоря, я не думаю этого.

— Вы думаете, что его нѣтъ въ живыхъ?

— Да.

— Что онъ убитъ?

— Этого я не говорю. Можетъ-быть.

— Въ какой день, думаете вы, его постигла смерть?

— Въ понедѣльникъ.

— Въ такомъ случаѣ, м-ръ Холмсъ, будьте такъ добры объяснить мнѣ, какимъ образомъ я могла получить отъ него сегодня вотъ это письмо?

Шерлокъ Холмсъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный.

— Что̀ вы?—вскрикнулъ онъ.

— Да, сегодня.

Она улыбалась, держа въ поднятой рукѣ маленькую записочку.

— Можно мнѣ взглянуть на него?

— Разумѣется.

Онъ рѣзкимъ движеніемъ вырвалъ письмо изъ ея рукъ и, расправивъ его на столѣ, пододвинулъ лампу и сталъ внимательно разсматривать его. Я тоже всталъ со стула и смотрѣлъ черезъ его плечо. Конвертъ былъ изъ очень грубой бумаги, и на немъ былъ штемпель почтовой конторы въ Грэвзендѣ сегодняшняго числа или, вѣрнѣе говоря, вчерашняго, такъ какъ было уже за полночь.

— Какой грубый почеркъ! Это не можетъ быть почеркъ вашего мужа.

— На конвертѣ нѣтъ, но письмо написано имъ.

— Я вижу тоже, что тотъ, кто написалъ адресъ, не зналъ его и долженъ былъ справляться о немъ.

— Почему вы это знаете?

— Имя и фамилія, какъ видите, написаны совершенно черными чернилами, которыя высохли сами. Остальная же часть адреса — того сѣроватаго цвѣта, который принимаютъ чернила при употребленіи пропускной бумаги. Если бы весь адресъ былъ написанъ сразу, и потомъ наложена была пропускная бумага, то на адресѣ не было бы ни одного вполнѣ чернаго слова. Тотъ, кто адресовалъ это письмо, написалъ сперва имя и фамилію; потомъ наступилъ перерывъ передъ окончаніемъ адреса, который можно объяснить только тѣмъ, что писавшій не зналъ его. Это, разумѣется, мелочь, но нѣтъ ничего важнѣе мелочей. Теперь посмотримъ письмо! А! Здѣсь было вложено что-то?

— Да, кольцо съ его печатью.

— Вы увѣрены, что это почеркъ вашего мужа?

— Да, одинъ изъ его почерковъ.

— Т.-е. какъ?

— Онъ пишетъ такъ, когда очень спѣшитъ. Этотъ почеркъ вовсе не похожъ на его обыкновенную руку, но хорошо знакомъ мнѣ.

«Милая, не бойся! Все кончится хорошо. Тутъ громадная ошибка; чтобъ

исправить ее, надо время. Вооружись терпѣніемъ. Невилль».

— Написано карандашомъ на бѣломъ листѣ, вырванномъ изъ книги въ восьмую долю листа, безъ водяного знака. Гм! Отправлено сегодня изъ Грэвзенда кѣмъ-то, у кого былъ грязный большой палецъ. Тотъ, кто заклеилъ конвертъ, жевалъ табакъ... Вы не сомнѣваетесь въ томъ, что это—почеркъ вашего мужа?

— Нѣтъ. Письмо это написалъ Невилль.

— И оно было отправлено сегодня изъ Грэвзенда. Ну, мистриссъ С.-Клеръ, тучи, кажется, начинаютъ рѣдѣть на нашемъ небѣ, но я не смѣю еще утверждать, что опасность миновала.

— Но вѣдь онъ живъ, м-ръ Холмсъ?

— Если это не ловкая поддѣлка, съ цѣлью навести насъ на ложный слѣдъ. Кольцо еще ничего не доказываетъ: оно могло быть отнято у него.

— Нѣтъ, нѣтъ: это навѣрно, навѣрно его собственный почеркъ!

— Положимъ, что такъ; но письмо это могло быть написано въ понедѣльникъ и отправлено только сегодня.

— Да, это возможно.

— А если такъ, то многое могло случиться въ этотъ промежутокъ времени.

— О, не отнимайте у меня надежды, м-ръ Холмсъ! Я увѣрена, что все хорошо! Мы такъ близки другъ къ другу, что я навѣрно почувствовала бы, если бы онъ былъ въ опасности. Въ самый тотъ день, когда онъ въ послѣдній разъ уѣхалъ отсюда, онъ наверху, въ спальнѣ, порѣзалъ себѣ руку, и я, будучи здѣсь, въ столовой, бросилась бѣжать наверхъ въ увѣренности, что съ нимъ что-то случилось. Неужели вы думаете, что я, чувствуя такую мелочь, не почуяла бы его смерти?

— Мнѣ самому слишкомъ часто приходилось видѣть, что женская впечатлительность бываетъ вѣрнѣе выводовъ самаго логичнаго анализа, чтобы не вѣрить вамъ. Письмо это, конечно, очень вѣскій доводъ въ пользу того, что вы утверждаете; но если вашъ мужъ живъ и въ состояніи писать письма, почему же онъ не возвращается домой?

— Этого я не могу объяснить себѣ. Это совершенно непостижимо.

— Въ понедѣльникъ онъ ничего не говорилъ вамъ передъ отъѣздомъ?

— Ничего.

— И вы очень удивились, когда увидѣли его въ Суандэмъ-Ленѣ?

— Очень.

— Окно было открыто?

— Да.

— Такъ онъ могъ бы позвать васъ?

— Да, могъ бы.

— А онъ, какъ вы сказали, только вскрикнулъ?

— Да.

— Вамъ показалось, что онъ звалъ на помощь?

— Да; онъ такъ отчаянно махалъ руками.

— Но, можетъ-быть, онъ вскрикнулъ только отъ удивленія и взмахнулъ руками при вашемъ неожиданномъ появленіи?

— Можетъ-быть.

— И вамъ показалось, что его кто-то вдругъ оттащилъ отъ окна?

— Да, потому что онъ скрылся такъ внезапно.

— Положимъ, что онъ могъ и самъ отскочить назадъ. Вы никого другого не видѣли въ комнатѣ?

— Нѣтъ, но вѣдь этотъ ужасный человѣкъ сознался, что былъ тамъ, а ласкаръ стоялъ внизу, у лѣстницы.

— Совершенно вѣрно. Мужъ вашъ, насколько вы могли видѣть, былъ одѣтъ, какъ обыкновенно?

— Да, но безъ воротника и галстука. Я очень ясно видѣла его голую шею.

— Говорилъ онъ вамъ когда-нибудь о Суандэмъ-Ленѣ?

— Никогда.

— Замѣчали вы въ немъ когда-нибудь признаки употребленія опіума?

— Никогда.

— Благодарю васъ, м-ссъ С.-Клеръ.

Мнѣ главнымъ образомъ хотѣлось уяснить себѣ эти подробности. Теперь мы, съ вашего позволенія, поужинаемъ и уйдемъ къ себѣ; завтра намъ предстоитъ еще не мало дѣла.

Намъ отвели большую уютную комнату съ двумя кроватями, и я поспѣшилъ влѣзть въ постель, утомленный этимъ вечеромъ и всѣми его приключеніями. Шерлокъ Холмсъ, однако, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, принявшись за разрѣшеніе какой-нибудь задачи, способны проводить нѣсколько дней, иногда даже недѣлю безъ отдыха. Онъ безпрерывно перебиралъ дѣло въ умѣ, приводилъ въ порядокъ всѣ извѣстные ему факты, разсматривалъ ихъ съ разныхъ сторонъ и не могъ успокоиться, пока не находилъ разрѣшенія этому вопросу, или же не убѣждался въ недостаточности данныхъ ему указаній. Я скоро замѣтилъ, что онъ готовился просидѣть всю ночь, не засыпая. Снявъ съ себя сюртукъ и жилетъ, онъ надѣлъ широкій голубой халатъ и отправился по всей комнатѣ собирать подушки съ дивановъ и креселъ. Онъ сложилъ ихъ вмѣстѣ наподобіе турецкаго дивана, на который усѣлся, скрестивъ ноги и положивъ передъ собой мѣшочекъ съ табакомъ и коробочку спичекъ. Готовясь заснуть, я въ неясномъ свѣтѣ лампы видѣлъ, какъ онъ сидѣлъ тамъ съ коротенькой деревянной трубкой во рту, устремивъ глаза на уголъ потолка; синій дымъ, крутясь, подымался отъ него вверхъ, и лампа освѣщала его рѣзко очерченное, неподвижное лицо. Такъ онъ сидѣлъ, когда я заснулъ, и въ томъ же положеніи я увидѣлъ его при свѣтѣ лѣтняго солнца, ярко свѣтившаго въ окно, когда громкое восклицаніе разбудило меня. Трубка все еще была у него во рту, дымъ, все такъ же крутясь, подымался вверхъ и успѣлъ уже наполнить всю комнату, но запасъ табаку, лежавшій передъ нимъ, совершенно истощился.

— Что, проснулись, Уатсонъ? — спросилъ онъ.

— Да.

— Хотите прокатиться со мной?

— Разумѣется, хочу.

— Такъ одѣвайтесь. Въ домѣ все еще тихо, но я знаю, гдѣ спитъ конюхъ; кабріолетъ будетъ сейчасъ готовъ.

Говоря это, онъ тихо посмѣивался про себя, глаза его блестѣли весело и лукаво, и онъ казался совершенно другимъ человѣкомъ, вовсе не похожимъ на того мрачнаго мыслителя, котораго я въ прошлую ночь, засыпая, видѣлъ передъ собой.

Одѣваясь, я взглянулъ на часы; не удивительно, что всѣ еще спали: было только двадцать минутъ пятаго. Я кончалъ одѣваться, когда Холмсъ вошелъ въ комнату и объявилъ, что конюхъ закладываетъ лошадь.

— Мнѣ хочется провѣрить свою мысль, — проговорилъ онъ, натягивая на ноги сапоги. — Знаете что, Уатсонъ: передъ вами величайшій дуракъ во всей Европѣ. Въ сущности, меня слѣдовало бы хорошенько высѣчь; теперь, однако, кажется, ключъ всего этого дѣла наконецъ-таки въ моихъ рукахъ.

— А гдѣ же онъ? — спросилъ я, улыбаясь.

— Вонъ тамъ, въ уборной, на умывальномъ столѣ, — отвѣчалъ онъ. — Право, я не шучу, — продолжалъ онъ, замѣтивъ мой недовѣрчивый взглядъ. — Я только что былъ тамъ, взялъ его и положилъ вонъ въ этотъ мѣшокъ. Теперь пойдемте, другъ мой, и посмотримъ, не подойдетъ ли онъ къ замку.

Мы по возможности тихо сошли съ лѣстницы и вышли на дворъ, освѣщенный яркимъ утреннимъ солнцемъ. Передъ крыльцомъ стоялъ кабріолетъ съ запряженной лошадью, которую держалъ подъ уздцы полуодѣтый конюхъ. Мы оба влѣзли въ экипажъ и покатились по дорогѣ въ Лондонъ. Нѣсколько деревенскихъ тележекъ съ овощами двигались въ городъ, но ряды дачъ по обѣ стороны дороги были совершенно безжизненны и молчаливы, и казались погруженными въ глубокій сонъ.

— Дѣло это во многихъ отношеніяхъ представляло много страннаго,—сказалъ Холмсъ, погоняя лошадь, такъ что она перешла въ галопъ. — Признаюсь, я былъ слѣпъ, какъ кротъ, однако все-таки лучше прозрѣть поздно, чѣмъ совсѣмъ не прозрѣть.

Когда мы стали въѣзжать въ городъ, изъ нѣкоторыхъ оконъ начали выглядывать заспанныя лица. Проѣхавъ по улицѣ, ведущей къ Ватерлооскому мосту, мы переѣхали черезъ рѣку, потомъ, поднявшись на Веллингтонъ-Стритъ, круто повернули направо и очутились въ Боу-Стритѣ. Шерлока Холмса хорошо знали въ полиціи, и оба полицейскіе, стоявшіе у крыльца участковаго отдѣленія, поклонились ему. Одинъ изъ нихъ взялъ лошадь подъ уздцы, а другой повелъ насъ во внутренность зданія.

— Кто дежурный?—спросилъ Холмсъ.

— Инспекторъ Брэдстритъ, сударь.

— А! Брэдстритъ, какъ поживаете?

Высокій, плотный полицейскій чиновникъ подошелъ къ намъ по коридору, вымощенному каменными плитами.

— Мнѣ надо сказать вамъ два слова, Брэдстритъ.

— Очень буду радъ, м-ръ Холмсъ. Пожалуйста сюда, ко мнѣ.

Мы вошли въ маленькую комнату; здѣсь на столѣ лежала большая счетная книга, а на стѣнѣ виднѣлся телефонъ. Инспекторъ сѣлъ къ столу.

— Чѣмъ я могу служить вамъ, м-ръ Холмсъ?

— Я пріѣхалъ по дѣлу нищаго Буна, того, который обвиненъ въ соучастіи въ исчезновеніи м-ра Невилль Сентъ-Клера изъ Ли.

— Да, его привели сюда, и онъ содержится въ предварительномъ заключеніи до дальнѣйшаго допроса.

— Да, я слышалъ. Онъ здѣсь, у васъ?

— Здѣсь.

— Что, онъ спокоенъ?

— О, да, онъ ничѣмъ не тревожитъ насъ. Грязенъ только страшно.

— Грязенъ?

— Да, мы едва могли уговорить его вымыть хоть руки, а лицо у него черное, какъ у трубочиста. Ну, когда дѣло его будетъ рѣшено, его надлежащимъ образомъ выстираютъ въ ваннѣ, по заведенному порядку. Если бы вы видѣли его, вы тоже нашли бы, что это необходимо.

— Мнѣ очень хочется его видѣть.

— Хотите? Это очень легко. Пойдемте вотъ сюда. Свой мѣшокъ вы можете пока оставить здѣсь.

— Нѣтъ, я ужъ лучше возьму его съ собой.

— Какъ угодно. Вотъ сюда пожалуйте.

Онъ повелъ насъ по коридору, отворилъ дверь, заложенную желѣзной перекладиной, поднялся по витой лѣстницѣ и ввелъ насъ въ выбѣленный проходъ, въ который съ обѣихъ сторонъ выходили двери.

— Третья дверь направо, — сказалъ инспекторъ.—Вотъ она!—Онъ спокойно отодвинулъ верхнюю доску двери и заглянулъ въ отверстіе.

— Онъ спитъ, — проговорилъ онъ. — Вамъ легко будетъ разглядѣть его.

Мы оба приблизились къ отверстію. Нищій лежалъ лицомъ къ намъ, медленно и тяжело дышалъ во снѣ. Это былъ человѣкъ средняго роста, грубо одѣтый, какъ и подобало его профессіи, пестрая рубаха виднѣлась изъ-подъ его разорваннаго сюртука. Онъ былъ, какъ и говорилъ инспекторъ, необыкновенно грязенъ, но темный слой, покрывавшій лицо его, не могъ скрыть его уродливости. Широкій шрамъ старой раны пересѣкалъ все лицо отъ глаза до подбородка и съ одной стороны поддергивалъ край его верхней губы, изъ-подъ которой виднѣлись постоянно оскаленные три зуба. Обильные ярко-рыжіе волосы росли надъ самыми бровями его.

— Вотъ красавецъ-то, неправда ли?— проговорилъ инспекторъ.

— Дѣйствительно, онъ нуждается въ нѣкоторой стиркѣ,—замѣтилъ Холмсъ.— Я такъ и думалъ, и потому захватилъ съ

собой необходимыя для этого принадлежности.

Говоря это, онъ раскрылъ мѣшокъ и, къ моему удивленію, вынулъ изъ него большую губку.

— Хи-хи-хи! Какъ это вамъ вздумалось!—засмѣялся инспекторъ.

— Теперь будьте такъ добры и тихонечко отоприте намъ эту дверь; вы увидите, что мы скоро придадимъ ему болѣе приличный видъ.

— Почему же и нѣтъ, — возразилъ инспекторъ.—Въ такомъ видѣ и держать-то его непріятно.

Онъ всунулъ ключъ въ замокъ, и мы всѣ трое тихонько вошли въ комнату. Спавшій арестантъ пошевелился, но продолжалъ спать все тѣмъ же крѣпкимъ сномъ. Холмсъ нагнулся къ кружкѣ съ водой, помочилъ въ ней губку и крѣпко и быстро провелъ ею по лицу нищаго.

— Позвольте познакомить васъ,—воскликнулъ онъ,—съ м-ромъ Невилль Сентъ-Клеромъ изъ Ли, въ графствѣ Кэнтъ!

Никогда, во всю мою жизнь я не видалъ подобнаго превращенія. Все лицо этого человѣка сошло отъ прикосновенія губки, какъ кора съ дерева. Исчезъ грубый, темный цвѣтъ кожи; исчезъ отвратительный шрамъ, пересѣкавшій его; исчезла и поддернутая губа, постоянно скалившая зубы. Съ головы слетѣли запутанные рыжіе волосы, и передъ нами очутился молодой человѣкъ съ блѣдными, тонкими чертами лица, черными волосами и гладкой кожей, и, сидя на постели и протирая глаза, растерянно и испуганно оглядывался кругомъ. Понявъ вдругъ, что обманъ его обнаруженъ, онъ вскрикнулъ и бросился лицомъ внизъ на подушку.

— Боже мой! —воскликнулъ инспекторъ. — Это именно и есть тотъ, кого искали. Я узнаю его по карточкѣ.

Арестантъ повернулся къ намъ съ отчаяннымъ видомъ человѣка, который перестаетъ бороться противъ судьбы.

— А если такъ, — сказалъ онъ, — то въ чемъ же меня обвиняютъ?

— Въ убійствѣ м-ра Невилль Сентъ... Послушайте, однако, въ этомъ нельзя васъ обвинять, если не назвать это попыткой на самоубійство, — отвѣчалъ инспекторъ, улыбаясь.—Двадцать семь лѣтъ я служу въ полиціи и, право, ничего подобнаго не видалъ.

— А если я дѣйствительно м-ръ Невилль Сентъ-Клеръ, то, очевидно, никакого преступленія тутъ не было, и меня совершенно незаконно держатъ здѣсь.

— Преступленія тутъ не было, но была очень крупная ошибка,—сказалъ Холмсъ.— Лучше было бы вамъ съ самаго начала просто довѣриться женѣ вашей.

— Я не жену берегъ, а дѣтей,—простоналъ арестантъ.—Избави Богъ, чтобы они постыдились своего отца! Боже мой, какой срамъ! Что мнѣ дѣлать?

Шерлокъ Холмсъ сѣлъ къ нему на кровать и ласково потрепалъ его по плечу.

— Если вы предоставите суду разъяснить это дѣло,—сказалъ онъ,—то, конечно, вамъ едва ли удастся избѣгнуть огласки. Съ другой же стороны, если вы докажете полиціи, что противъ васъ не можетъ быть обвиненія, я не вижу никакой надобности, чтобы дѣло это дошло до газетъ. Инспекторъ Брэдстритъ окажетъ вамъ услугу записать все то, что вы можете сообщить намъ, и передастъ это кому слѣдуетъ. Такимъ образомъ дѣло ваше вовсе и не дойдетъ до суда.

— Благослови васъ Богъ!—горячо воскликнулъ арестантъ.—Я съ радостью перенесъ бы заключеніе, да, даже наказаніе, скорѣе, чѣмъ выдалъ бы свою пошлую тайну, которая навѣки легла бы пятномъ на моихъ дѣтей. Никто до васъ еще не слышалъ разсказа моей жизни. Отецъ мой былъ школьнымъ учителемъ въ Честерфильдѣ, гдѣ я получилъ отличное образованіе. Въ молодости я много путешествовалъ, былъ нѣсколько времени актеромъ на сценѣ и подъ конецъ сдѣлался сотрудникомъ одной изъ вечернихъ газетъ въ Лондонѣ. Разъ какъ-то нашъ издатель пожелалъ напечатать цѣлый

рядъ статей о нищенствѣ въ столицѣ, и я вызвался написать ихъ. Для того, чтобы собрать достаточный матеріалъ для моихъ статей, мнѣ необходимо было самому на время сдѣлаться нищимъ-любителемъ. Это было началомъ всѣхъ моихъ приключеній.

«Будучи актеромъ, я, разумѣется, долженъ былъ научиться всѣмъ тайнамъ гримировки и тогда уже считался великимъ мастеромъ этого искусства. Я воспользовался этимъ, намазалъ себѣ лицо и, чтобы вызвать еще большее состраданіе въ прохожихъ, сдѣлалъ себѣ шрамъ черезъ все лицо и съ одной стороны подклеилъ край своей верхней губы кусочкомъ пластыря тѣлеснаго цвѣта. Нарядившись въ рыжій парикъ и подходящее платье, я усѣлся въ самой оживленной части Сити, будто бы торгуя спичками, и сталъ просить милостыню. Я просидѣлъ тамъ семь часовъ и, вернувшись вечеромъ домой, къ удивленію своему замѣтилъ, что успѣлъ набрать не менѣе двадцати шести шиллинговъ и четырехъ пенни.

«Я написалъ свою статью и забылъ обо всемъ этомъ. Черезъ нѣсколько времени мнѣ какъ-то пришлось поручиться за одного моего товарища, и мнѣ представили къ платежу вексель въ 25 фунтовъ стерлинговъ. Я рѣшительно не зналъ, откуда взять эти деньги, и тутъ мнѣ пришла въ голову неожиданная мысль. Я выпросилъ у кредитора отсрочку на двѣ недѣли, взялъ у своего издателя отпускъ и, переодѣвшись нищимъ, провелъ это время, прося милостыню въ Сити. Въ десять дней я собралъ нужныя мнѣ деньги и заплатилъ долгъ.

«Вы можете себѣ представить, что мнѣ не легко было возвратиться къ утомительной правильной работѣ за два фунта содержанія въ недѣлю, когда я зналъ, что могу собрать столько же въ два дня, вымазавъ себѣ лицо и сидя на одномъ мѣстѣ. Между моей гордостью и жаждой наживы произошла продолжительная борьба, но корысть восторжествовала. Я бросилъ свою газету и пошелъ сидѣть день за днемъ на улицѣ, въ знакомомъ мнѣ углу, возбуждая общую жалость своимъ отвратительнымъ видомъ и наполняя карманы мѣдяками. Одинъ только человѣкъ и зналъ мою тайну: это былъ хозяинъ того гнуснаго притона въ Суандэмъ-Ленѣ, откуда я каждое утро выходилъ на улицу грязнымъ, хромымъ нищимъ и гдѣ я вечеромъ превращался въ хорошо одѣтаго человѣка, разъѣзжавшаго по всему городу. Хозяину этому, ласкару по происхожденію, я хорошо платилъ за комнату и зналъ, что онъ не выдастъ моей тайны.

«Вскорѣ мнѣ удалось накопить такимъ образомъ порядочную сумму денегъ. Я не хочу этимъ сказать, что каждый нищій на улицѣ въ Лондонѣ можетъ заработать семьсотъ фунтовъ въ годъ, — что̀ составляетъ менѣе моего обыкновеннаго дохода,—но я пользовался особенными преимуществами, а именно моимъ искусствомъ гримироваться и умѣніемъ отвѣчать ловкими прибаутками на случайно обращенныя ко мнѣ слова прохожихъ. Чѣмъ болѣе я упражнялся въ этомъ, тѣмъ болѣе имѣлъ успѣха, и скоро сталъ общеизвѣстной личностью въ Сити. Весь день сыпался на меня обильный дождь мѣдяковъ вперемежку съ серебромъ, и рѣдкій день не приносилъ мнѣ двухъ фунтовъ.

«По мѣрѣ того, какъ я богатѣлъ, честолюбіе мое возрастало; я купилъ себѣ усадьбу въ деревнѣ и женился, но никто и не подозрѣвалъ, чѣмъ я собственно занимаюсь. Добрая жена моя знала, что у меня есть какое-то дѣло въ Сити, но не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, какого рода было это дѣло.

«Въ понедѣльникъ я, окончивъ попрошайничать, переодѣвался въ своей комнатѣ надъ самымъ подваломъ курильщиковъ опіума и, случайно выглянувъ въ окно, къ изумленію и ужасу своему вдругъ увидѣлъ жену, которая, стоя на улицѣ, смотрѣла прямо на меня. Я вскрикнулъ отъ испуга и взмахнулъ руками, что-

бы закрыть себѣ лицо. Я тотчасъ же бросился къ своему довѣренному ласкару и умолялъ его не впускать никого, кто захочетъ войти ко мнѣ. Внизу я услышалъ голосъ жены, но зналъ, что ей не дадутъ подняться по лѣстницѣ. Поспѣшно сбросивъ съ себя платье, я опять переодѣлся нищимъ, замазалъ лицо и надѣлъ парикъ. Тутъ мнѣ пришло въ голову, что, можетъ-быть, сдѣлаютъ обыскъ у меня въ комнатѣ, и тогда платье мое выдастъ меня. Я поспѣшно распахнулъ окно и тутъ снова расцарапалъ себѣ палецъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ порѣзалъ его дома въ это же утро. Схвативъ сюртукъ, отягощенный мѣдяками, которые я только что пересыпалъ въ его карманы изъ кожанаго мѣшка, куда я собиралъ свой ежедневный заработокъ, я вышвырнулъ его въ окно, и онъ погрузился въ Темзу. Въ ту минуту, какъ я собирался сдѣлать то же и съ остальнымъ платьемъ, на лѣстницѣ раздались поспѣшные шаги полицейскихъ, и черезъ нѣсколько минутъ я, признаюсь — къ своему облегченію, узналъ, что, не подозрѣвая, что я м-ръ Невилль Сентъ-Клеръ, меня обвиняли въ убійствѣ его.

«Вотъ, кажется, все, что̀ надо было объяснить вамъ. Я рѣшился какъ можно дольше скрывать свою настоящую личность, оттого-то я такъ упорно и отказывался умыться. Зная, что жена моя будетъ очень безпокоиться, я снялъ свое кольцо и передалъ его ласкару, улучивъ минуту, когда никто изъ полицейскихъ не смотрѣлъ на меня, вмѣстѣ съ наскоро нацарапанной запиской, въ которой я увѣрялъ ее, что ей нѣтъ причины бояться за меня.

— Записку эту она получила только вчера,—сказалъ Холмсъ.

— Боже мой! Въ какомъ страхѣ она должна была провести эту недѣлю!

— Хозяинъ-ласкаръ находится подъ надзоромъ полиціи,—замѣтилъ инспекторъ Брэдстритъ,—ему не легко было украдкой отправить письмо. Вѣроятно, онъ поручилъ это какому-нибудь матросу, посѣтителю его подвала, а тотъ просто забылъ во̀-время отправить его.

— Да, совершенно вѣрно, — сказалъ Холмсъ, кивая головой,—я увѣренъ, что это было именно такъ. Васъ, однако, никогда не преслѣдовали за нищенство?

— Нѣсколько разъ; но вѣдь мнѣ ничего не стоило заплатить штрафъ.

— Теперь все это должно прекратиться. Если вы хотите, чтобы полиція замяла это дѣло, то никакого Юга Буна больше быть не можетъ.

— Я клянусь вамъ въ этомъ самыми священными клятвами!

— Въ такомъ случаѣ, я думаю, можно будетъ надѣяться, что ничего болѣе не будетъ предпринято противъ васъ. Если же васъ еще разъ увидятъ нищимъ, то все выйдетъ наружу. М-ръ Холмсъ, мы очень обязаны вамъ за разъясненіе этого дѣла. Хотѣлось бы знать, какимъ путемъ вы приходите къ вашимъ заключеніямъ?

— Къ этому заключенію я пришелъ,— отвѣчалъ другъ мой,—тѣмъ, что просидѣлъ ночь на пяти подушкахъ и выкурилъ цѣлый мѣшокъ табаку. Послушайте, Уатсонъ: мнѣ кажется, что если мы теперь поѣдемъ съ вами ко мнѣ, въ Бэкеръ-Стритъ, мы пріѣдемъ къ самому завтраку.

* * *

Что ты ни спросишь—
Все такъ наивно,
Что ни отвѣтишь—
Все такъ уныло...
Такъ отчего же
Только съ тобою
Сердце не плачетъ,
Разумъ не ропщетъ.
Смотрятъ ли въ окна
Вешнія ночи
Розовымъ небомъ,
Мутною далью,—
Вечеръ ли хмурый
Осени темной,
Какъ привидѣнья—
Бурей грозится,—
Я предъ тобою
Вдругъ замолкаю,
Въ счастіе вѣрю,
Смерти не жажду.
Другъ мой прекрасный,—
Что ты ни спросишь,
Что ни отвѣтишь—
Все такъ наивно!
Только я вѣрю,—
Мы точно птицы
Загнаны стужей,
Бурей одною!
Оба трепещемъ,
Робки и зябки,
Въ пламени тускломъ
Чуждаго міра!..

К. Фофановъ.

Чума и ея прививатели.

Очеркъ **Ѳ. Д. К—ва.**

Бомбей, 29 декабря (10 января 1897 г.), веч. Чума распространяется. Въ Карачи было опять 52 случая заболѣванія и всѣ со смертельнымъ исходомъ. Съ пятницы заболѣло тамъ 220 человѣкъ, изъ нихъ 214 умерло. (*Росс. Тел. Аг.*).

Смертный исходъ отъ укушенія мухи. Вѣнская газета „Vaterland" разсказываетъ слѣдующій несчастный случай. Нѣкто Стефанъ Фаркасъ, служившій машинистомъ на Венгерской желѣзной дорогѣ, отправился на похороны одного своего знакомаго. Когда онъ находился въ комнатѣ, гдѣ лежалъ трупъ, со лба покойника муха перелетѣла на носъ Фаркаса и укусила его. Въ скоромъ времени его лицо сильно распухло, и приглашенный докторъ могъ только констатировать отравленіе крови трупнымъ ядомъ. Черезъ нѣсколько дней Фаркасъ умеръ. (*Петерб. Газ.*, 21 ноября 1896 г.).

I.

Непредвидѣнный аргументъ.

Какъ-то разъ случилось мнѣ ѣхать изъ Петербурга до Москвы въ вагонѣ 2-го класса Николаевской желѣзной дороги. Время было осеннее, ненастное: мелкій дождь, съ порывистымъ, холоднымъ вѣтромъ, непривѣтливо стучалъ по стекламъ оконъ вагона, и бѣлыя облака густого пара, вылетавшаго изъ трубы локомотива, весьма услужливо и кстати, почти непроницаемою стѣною закрывали по обѣимъ сторонамъ дороги далеко не привлекательный видъ обнаженныхъ полей, пожелтѣвшаго лѣса, да слякоти и грязи.

Отъ скуки я занялся нескромнымъ разсматриваніемъ и изученіемъ двухъ моихъ сосѣдей: первый изъ нихъ, помѣщавшійся сбоку отъ меня, былъ уже старикъ, лѣтъ подъ 60; сидѣлъ онъ, плотно прижавшись въ уголокъ дивана, и, устремивъ, поверхъ золотыхъ очковъ, въ потолокъ свой неподвижно-пристальный взглядъ, казалось, былъ всецѣло поглощенъ своей глубокой думой.

Другой, помѣстившійся какъ разъ насу-

противъ старика, былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ подъ 30, высокаго роста, атлетическаго тѣлосложенія, съ явными признаками вѣчнаго спокойствія души и завиднаго цвѣтущаго здоровья. Замѣтно выдавшіеся наружу, большіе масляписто-оловянные глаза его безъ устали перебѣгали съ одного предмета на другой, а широкая, мускулистая, красная рука, съ обгрызанными и грязными ногтями, ежеминутно подиималась то къ рыжей бородѣ, то къ подстриженному въ скобку широкому затылку и нетерпѣливо производила здѣсь и тамъ ожесточенное почесываніе. Одѣтъ онъ былъ въ широкій синій архалукъ, высокіе смазные сапоги бутылками и порыжѣлый, покрытый масляными пятнами, картузъ. Когда онъ взглядывалъ на своего сосѣда, старика, глаза его съ замѣтнымъ вниманіемъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго уваженія и даже страха, на минуту пріостанавливались, ротъ открывался, губы видимо подергивались желаніемъ спросить что-то; но черезъ нѣсколько секундъ онъ нерѣшительно опускалъ глаза книзу, а потомъ, спустя еще моментъ, уже видимо безцѣльно, блуждалъ ими по всѣмъ угламъ вагона. Такъ проѣхали мы двѣ станціи; начинало замѣтно смеркаться; въ вагонѣ воцарился тотъ непріятный полумракъ, въ которомъ представляется единственное отрадное развлеченіе—дремать подъ убаюкиваніе однообразнаго грохота колесъ по рельсамъ. Откинувъ голову на спинку дивана, я невольно закрылъ глаза; вскорѣ мысли мои спутались, звуки стали слышаться слабѣе, тише—и я забылся...

— Милостивый государь, извините, что рѣшаюсь обезпокоить васъ маленькою просьбою,—вдругъ раздался впереди меня чей-то робкій и просящій голосъ.

Я, не отнимая головы отъ спинки дивана, полуоткрытыми глазами обвелъ вокругъ себя и увидѣлъ, что просьба эта была обращена моимъ vis-à-vis къ сосѣду, сидѣвшему рядомъ со мною. Успокоенный, что обращаются не ко мнѣ, я снова закрылъ глаза, но уже забыться попрежнему не могъ: завязавшаяся затѣмъ между моими сосѣдями бесѣда невольнымъ образомъ привлекла къ себѣ мое вниманіе, и я, съ постепенно возрастающимъ любопытствомъ, сталъ къ ней прислушиваться.

— Чѣмъ могу служить-съ? весь къ вашимъ услугамъ! — любезно отозвался старикъ.

— Да вотъ-съ, разъясните мнѣ, пожалуйста: по вашему убѣжденію, что̀ такое будетъ Провидѣніе-съ? — спросилъ молодой.

При этомъ вопросѣ глаза мои моментально открылись во всю свою ширину и съ изумленіемъ уставились на предложившаго вопросъ.

Сосѣдъ мой тоже былъ видимо пораженъ и озадаченъ такою неожиданною и прямою постановкою вопроса.

— Прежде всего, позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?—раздался его мѣрный, тихій голосъ.

— А мы будемъ, такъ сказать, къ примѣру, второй гильдіи купцы.

Онъ назвалъ свое имя и мѣстность, гдѣ жилъ.

— Торгуемъ мы лѣсомъ,—продолжалъ онъ:—у насъ тамъ и собственная пристань есть; мы-съ, вдвоемъ съ тятенькою-съ; у насъ и собственный тамъ домъ есть; живемъ своимъ хозяйствомъ; землица есть, лѣску маленько, однимъ словомъ, все какъ быть должно-съ... А вы, осмѣливаюсь спросить, кто такіе будете-съ?—въ свою очередь полюбопытствовалъ молодой купецъ.

— Да, какъ бы вамъ сказать,—нерѣшительно и съ едва замѣтною ироніею отвѣчалъ мой сосѣдъ:—зовутъ меня Максимъ Максимычъ.

— А по фамиліи-съ?

— А по фами... да тоже Максимовъ!—какъ-то рѣшительно заключилъ старикъ.

— Весьма пріятно познакомиться-съ!—протягивая свою красную и жилистую руку, отчеканилъ молодой человѣкъ.

Максимъ Максимычъ молча протянулъ ему свою и потомъ, быстрымъ, незамѣтнымъ движеніемъ обтеревъ ладонь о край подушки дивана, спокойно принялъ прежнюю уютную позу.

— Какъ же-съ, какъ же-съ,—немного помолчавъ, продолжалъ купецъ:—живемъ-съ, какъ быть должно, по закону, значитъ-съ: и жена, къ примѣру, есть, и дѣти; а глядишь,—все какъ-то неладно: нѣтъ-нѣтъ, да лукавый тебя и смутитъ.

— Въ чемъ же это?

— Да какъ бы вамъ доложить-съ: дѣло вѣдь наше темное, неученое; родители вѣдь наши, къ примѣру такъ сказать, будутъ по старинной вѣрѣ — ну, и насъ ведутъ тѣмъ же порядкомъ-съ, въ строгости да богобоязни: разсужденіевъ то-есть никакихъ-съ! Насчетъ книжной тамъ премудрости, окромя того, что требуется по церковному положенію, и думать не моги; относительно же вольнодумства тамъ или чего другого прочаго— запретъ наистрожающій. А сумлѣній-то въ своихъ мечтаніяхъ и дѣвать некуда, — думаешь, это, себѣ иной-то разъ, думаешь, а толку все мало: и то-то, вотъ, кажись не такъ быть должно, и это-то вотъ кажись не ладно, самъ-то вотъ съ своей башкой ничего путемъ не рѣшишь, а спросить-то не у кого, да и растолковать-то некому. Вотъ, и радъ радёшенекъ, какъ иной разъ приведетъ Господь съ умнымъ да съ ученымъ человѣкомъ душу свою отвести.

— Да почему же вы думаете, что я непремѣнно долженъ быть и умный, и ученый человѣкъ? — съ усмѣшкою полюбопытствовалъ Максимъ Максимычъ.

— Да какъ же-съ, помилуйте, это вѣдь сейчасъ видно, и по глазамъ, и такъ сказать-съ по всему обличью.

Сосѣдъ мой снисходительно улыбнулся, а я, чтобы не мѣшать завязавшейся между ними оживленной и интимной бесѣдѣ, притворился спящимъ, продолжая, однако, съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ прислушиваться.

— Ну, а по субботамъ въ баню ходить обязательно каждому должно?—озабоченно-наивно освѣдомлялся молодой купчикъ и, получивъ отвѣтъ, немедленно же обращался съ новымъ вопросомъ.—Ну, а жену свою бить ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ? Ну, а по средамъ и пятницамъ скоромное, какъ будетъ по-вашему?— безостановочно допытывался онъ и, съ подобострастнымъ вниманіемъ выслушавъ отвѣтъ, многозначительно покачивалъ головою, разговаривая какъ бы самъ съ собою:

— Такъ-съ, такъ-съ...

Мало-по-малу разговоръ перешелъ на болѣе возвышенную тему.

— Такъ вы изволите излагать, что все созданное Богомъ-съ, всякое прозябаніе, растительность и тварь, все это создано на потребности и на ублаготвореніе человѣка-съ?.. Такъ-съ, такъ-съ,— оно точно: вотъ, хоть бы къ примѣру взять корову, али лошадь-съ,—хоть они ѣдятъ и сѣно и овесъ, а человѣкъ, хоть ни сѣна, ни овса не ѣстъ, зато онъ и лошадь и корову ѣстъ, да окромя того еще и пользуется ими при ихъ жизни; слѣдовательно и выходитъ-съ, что и сѣно и овесъ созданы, такъ сказать, не для лошади, коровы и овцы, а все-таки для человѣка-съ! И въ концѣ концовъ выходитъ-съ, что этотъ самый человѣкъ, какъ вѣнецъ созданія Божія, какъ бы, такъ сказать, царь надо всѣмъ и стоитъ выше всѣхъ, всѣмъ пользуется для своей прихоти и пользы, а потому-то значитъ все и пьетъ и ѣстъ!.. Это точно-съ!.. А я, кажется, васъ затруднилъ немного-съ... Да оно, по правдѣ-то признаться, ужъ и поздно-съ; вы, кажется, зѣвнуть изволили-съ, такъ не лучше ли и соснуть маленько?

— Пожалуй что и такъ! — охотно согласился съ нимъ Максимъ Максимычъ и сталъ уютнѣе примащиваться всѣмъ своимъ тѣломъ въ уголокъ дивана.

Купецъ, снявъ картузъ и набожно перекрестившись на всѣ четыре стороны,

развязными пріемами сталъ слѣдовать его примѣру.

Тутъ я умышленно громко зѣвнулъ и, протирая открытые глаза, показалъ видъ, что только-что проснулся.

— Изволили пріятно започивать-съ?— любезно обратился ко мнѣ молодой человѣкъ.

— Да, соснулъ-таки... Да еще къ тому же и сонъ преоригинальный видѣлъ,—отвѣтилъ я ему съ наипріятнѣйшею улыбкою.

Это видимо подкупило въ мою пользу моего собесѣдника, и онъ уже крайне любезнымъ голосомъ спросилъ:

— А любопытно было бы послушать...

Я былъ въ шутливомъ настроеніи и сталъ ему разсказывать выдуманный мною сонъ:

— Видѣлъ я, что сижу въ этомъ вагонѣ и на этомъ самомъ мѣстѣ, а какъ разъ напротивъ меня, на диванѣ, вотъ на этомъ самомъ пустомъ мѣстѣ (я указалъ рукою на мѣсто, остававшееся незанятымъ, рядомъ съ молодымъ купчикомъ)— сидитъ какой-то благообразный сѣдой старикъ, весь въ бѣломъ, и пристально такъ смотритъ на меня черными, большими глазами...

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, съ испугомъ оглянулся на пустое мѣсто, торопливо снялъ картузъ и, набожно перекрестившись, произнесъ:

— Съ нами крестная сила!..

А я, однообразно-медленнымъ тономъ сказочника, продолжалъ:

— Смотрѣлъ, смотрѣлъ онъ этакъ на меня да потомъ какъ вдругъ разинетъ свой беззубый и широкій ротъ, да и говоритъ мнѣ такимъ глухимъ, ужаснымъ, какъ будто бы откуда-то изъ могилы выходящимъ голосомъ: «Сынъ мой...»

— Страсти какія!.. Съ нами крестная сила!..—снова пробормоталъ купчикъ.

Я продолжалъ передавать рѣчь призрака:

— «Сынъ мой! ты, по присущей тебѣ слабости и людской гордынѣ, думаешь, что все живущее, растущее и произябающее на землѣ создано исключительно для удовлетворенія твоихъ потребностей и прихотей! Смирись! Оставь свою гордыню! Я докажу тебѣ сейчасъ, что есть еще существа, для которыхъ исключительно и ты созданъ!...»

Тутъ я замолчалъ и медленнымъ взглядомъ обвелъ своихъ слушателей. Максимъ Максимычъ сидѣлъ, попрежнему прижавшись въ уголокъ, и съ легкой усмѣшкой смотрѣлъ на меня поверхъ своихъ очковъ. Лицо же молодого человѣка было серьезно. Видя его возбужденное любопытство, я умышленно медлилъ и еще съ минуту помолчалъ.

— Ну, и онъ сказалъ?—робко спросилъ онъ меня.

— Сказалъ!

— Для чего же мы созданы-съ?

— Для вшей и клоповъ!—рѣзко отчеканилъ я и снова замолчалъ.

Максимъ Максимычъ брезгливо поморщился и, какъ бы разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, пересталъ пристально смотрѣть на меня, а молодой человѣкъ развелъ въ недоумѣніи руками.

— Да какъ же это такъ-съ?.. для вшей и клоповъ?—проговорилъ онъ, какъ бы спрашивая самого себя.

— Да, вотъ, подите,—отозвался я.— Я и самъ было обратился къ своему старцу съ этимъ же вопросомъ.

— Ну а онъ-съ?... а они-съ?—торопливо поправился мой собесѣдникъ.

— Ну, а онъ и говоритъ мнѣ: «а если ты не вѣришь, то и докажи противное, докажи, что безъ существованія человѣка могли бы существовать на свѣтѣ сами по себѣ и эти твари Божіи!...» Тутъ я проснулся.

Молодой человѣкъ окончательно растерялся; онъ, видимо, не зналъ, какъ отнестись къ моимъ словамъ: принимать ли ихъ за шутку, или нѣтъ. Привычка вѣрить всякимъ снамъ и привидѣніямъ, очевидно, боролась въ немъ съ попыткой осмыслить то, что онъ сейчасъ услыхалъ.

— Максимъ Максимычъ!... да что же это такое выходитъ-съ? — обратился онъ наконецъ къ моему сосѣду.

Тотъ сперва молча пожалъ плечами, потомъ, какъ будто желая дать мнѣ высказаться до конца, нехотя процѣдилъ:

— Непредвидѣнное обстоятельство... изъ виду упущенный аргументъ...

Наступило общее молчаніе.

Молодой человѣкъ сначала выжидательно посматривалъ на насъ обоихъ, а потомъ боязливо оглянулся на сосѣднее съ нимъ мѣсто и спросилъ меня:

— А «они», вы говорите, на этомъ самомъ мѣстѣ изволили сидѣть-съ?

— Привидѣніе-то? Да, да, какъ же, вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, рядомъ съ вами.

Молодой человѣкъ еще разъ боязливо покосился, помолчалъ, поводилъ глазами по вагону, потомъ всталъ и началъ снимать съ крючка свой засаленный дорожный мѣшокъ.

— Куда же это вы?—догадываясь въ чемъ дѣло, обратился я къ нему.

— Да дуетъ тутъ маленечко отъ двери-то, а у меня, признаться, зубы что-то ноютъ-съ; пересяду вонъ на ту сторону-съ!... Прощенья просимъ-съ!... Покойной ночи-съ!... — торопливо проговорилъ онъ, нахлобучивая на носъ свой картузъ.

— Ну, это выходитъ, стало-быть, «соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто!» — улыбаясь, сказалъ я ему вслѣдъ, и съ наслажденіемъ растянулся на освобожденномъ имъ диванѣ.

А молодой купецъ, увидавъ мое перемѣщеніе, на минуту съ недоумѣніемъ пріостановился, потомъ какъ-то странно покачалъ головой...

— Да что же это такое, милостивый государь?! — слышится мнѣ теперь недовольный голосъ читателя.—Озаглавили вы свою статью «чумою», а подносите намъ слабые портреты какихъ-то никому не интересныхъ лицъ.

— Маленькое терпѣніе, читатель! — отвѣчу я ему на это и великодушно попрошу его вниманія еще на одну вводную главу, въ которой даю выдержки изъ книги А. Богданова, называющейся «Зоологія и зоологическая хрестоматія».

Этотъ случайный разговоръ въ вагонѣ, въ связи съ тѣмъ, что̀ я прочиталъ въ этой книжкѣ, вызвали у меня нѣсколько воспоминаній и навели на рядъ мыслей, которыми я и хочу подѣлиться съ читателями, въ надеждѣ, что моя статья принесетъ кому-нибудь пользу, а можетъ-быть обратитъ вниманіе и тѣхъ, отъ кого зависитъ помочь темному человѣку, боящемуся привидѣній и не сознающему всѣхъ ужасовъ окружающей его дѣйствительности.

Итакъ, за дѣло.

II.

Въ первомъ томѣ только что названной хрестоматіи, въ отдѣлѣ «Животныя безпозвоночныя», напечатано слѣдующее:

«Наземные клопы».

«Представителемъ наземныхъ клоповъ, наиболѣе извѣстнымъ, является нашъ постельный клопъ Cimex (или Acanthia) lectularius. Первоначальная родина этого любопытнаго насѣкомаго достовѣрно неизвѣстна; но полагаютъ, что она есть Индія. Что клопы не завезены изъ Америки, какъ это стараются доказать нѣкоторые, видно изъ того, что клопъ былъ извѣстенъ Аристотелю, и указанія на него встрѣчаются у Плинія и у Діоскорида. Діоскоридъ говоритъ даже, что клопы употреблялись, какъ медицинское средство, что ихъ примѣшивали для этого въ пищу и считали это полезнымъ при затруднительныхъ мочеиспусканіяхъ, при кровотеченіяхъ и пр. Азара, дѣлавшій въ Парагваѣ естественно-историческія наблюденія, высказываетъ мнѣніе, что клопы не нападаютъ на человѣка въ дикомъ его состояніи, но только тогда, когда уже онъ болѣе или менѣе вышелъ изъ этого состоянія, и потому думаетъ, что клопы появились гораздо позже человѣка на землѣ, а именно тогда, когда онъ уже нѣсколько оцивилизовался. Клопъ преимущественно размножается въ домахъ нечисто содержимыхъ и здѣсь преимущественно выбираетъ для своего мѣстопребыванія трещины постелей, обоевъ и стѣнъ, находящіяся недалеко отъ того мѣста,

гдѣ спятъ люди. Плоское тѣло его позволяетъ ему пользоваться самомалѣйшей трещиной, изъ которой почью онъ выходитъ на добычу. Уколы, производимые его хоботкомъ, очень болѣзненны и сопровождаются иногда маленькимъ мѣстнымъ воспаленіемъ. Если удастся клопу, то онъ высасываетъ довольно много крови, и тѣло его раздувается; но если случая для этого не представляется, то онъ можетъ очень долгое время поститься, по мнѣнію Геце, даже до шести лѣтъ, и тогда тѣло его становится все болѣе и болѣе прозрачнымъ и плоскимъ. Обоняніе у клоповъ очень сильно развито, и они по накожнымъ испареніямъ узнаютъ присутствіе человѣка, на счетъ котораго можно покормиться. Какъ кажется, различіемъ запаха накожныхъ испареній у различныхъ людей можно объяснить себѣ и то, что въ одной и той же комнатѣ они сильнѣе нападаютъ на одного человѣка, чѣмъ на другого. Размноженіе происходитъ въ теплое время года, и нѣкоторые допускаютъ у нихъ до четырехъ поколѣній въ годъ. Человѣку такъ надоѣли клопы, что онъ изобрѣлъ до 200 средствъ къ истребленію ихъ; но, несмотря на эти средства, клопы живутъ, размножаются и благоденствуютъ на счетъ человѣка».

«Комары и москиты».

«Комары—говорятъ Кирби и Спенсъ—по всей справедливости считаются за непослѣднее зло. Они преслѣдуютъ насъ повсюду, вторгаются въ наши самыя сокровенныя убѣжища, осаждаютъ насъ и въ городѣ, и въ деревнѣ, и въ домѣ, и въ полѣ, на солнцѣ и въ тѣни. Мало этого, они преслѣдуютъ насъ въ постели и, отгоняя сонъ, заставляютъ прислушиваться къ неумолкаемому жужжанію своихъ быстрыхъ крыльевъ, которыя, по расчисленію барона де-Латура, машутъ до 3,000 разъ въ минуту. Они безпрестанно стараются сѣсть на лицо, или на какую-нибудь другую, непокрытую часть нашего тѣла, и если, несмотря на все это, мы заснемъ, то пробуждаютъ насъ тою острою болью, которою сопровождается вонзаніе ихъ жала. Но всѣ такія страданія наши ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что претерпѣвается отъ этихъ насѣкомыхъ въ другихъ странахъ, особенно по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ или къ экватору. Тамъ комары въ высшей степени мѣшаютъ спокойствію и удобствамъ человѣка и становятся однимъ изъ величайшихъ мученій, истиннымъ бѣдствіемъ въ его жизни. Съ перваго взгляда кажется, что насѣкомыя не должны быть слишкомъ надоѣдливы въ тѣхъ странахъ, гдѣ холодный полярный вѣтеръ раздвигаетъ на огромномъ пространствѣ ледяные предѣлы своего царства, а между тѣмъ, при всемъ вѣроятіи такого предположенія, оно совершенно противорѣчитъ факту, ибо нигдѣ комары не встрѣчаются въ такомъ множествѣ, какъ подъ полюсами. Эти животныя одарены, повидимому, особенною способностью выносить всевозможныя степени холода и всевозможныя степени жара. Въ Лапландіи они до того многочисленны, что полетъ ихъ можно сравнить тамъ съ густо-падающими хлопьями снѣга, или съ поднявшеюся съ земли пылью. Туземцы не могутъ проглотить куска пищи, или лечь спать въ своихъ хижинахъ, безъ того, чтобы предварительно не напустить въ нихъ дыму почти до удушья. На открытомъ же воздухѣ вы не можете вздохнуть свободно безъ того, чтобы ротъ вашъ и ноздри не наполнились комарами. Дегтярная мазь, рыбій жиръ, или сѣтки, пропитанныя сильно пахучимъ березовымъ масломъ, едва защищаютъ даже загрубѣлую кожу лапландца отъ ужаленія этихъ кровопійцъ. Точный въ наблюденіяхъ Реомюръ сообщаетъ намъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи ему случалось видѣть людей, у которыхъ руки и ноги были совершенно обезображены комарами, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были доведены до такого состоянія, которое невольно заставляло его думать—не лучше ли было бы отнять эти члены. Въ Крыму солдаты принуждены были спать въ мѣшкахъ, чтобы защититься отъ комаровъ, но и этого средства было недостаточно, ибо многіе изъ нихъ умирали вслѣдствіе гангрены, происходившей отъ ихъ ужаленія. Фактъ этотъ переданъ докторомъ Кларкомъ, который вѣроятность его основываетъ на томъ, что самъ онъ жестоко страдалъ отъ этихъ насѣкомыхъ. Онъ говоритъ, что все тѣло, какъ у него самого, такъ и у его товарищей, несмотря на перчатки, мундиры и платки, которыми они были прикрыты, превратилось въ одну сплошную болячку, и что отъ такого чрезмѣрнаго раздраженія и опуханія у нихъ произошла сильная лихорадка. Въ самую душную ночь, при совершенномъ безвѣтріи, изнемогая отъ усталости, боли и жара, онъ укрылся въ своей каретѣ, и хотя почти задыхался въ ней, однако, не смѣлъ открыть окна, опасаясь нападенія комаровъ. Но ничто не помогло: они цѣлыми роями пробрались въ его убѣжище, и хотя онъ укуталъ платками себѣ голову, однакоже они набились ему въ ротъ, въ ноздри и въ уши. Посреди такой пытки ему удалось зажечь лампу, которая въ ту же минуту погасла отъ безчисленнаго множества насѣкомыхъ, трупы которыхъ падали въ стек-

ляппую трубку лампы и образовали большую коническую кучу надъ свѣтильнею. Люди, слыхавшіе о комарахъ только въ Англіи, не могутъ составить себѣ никакого понятія о жужжаніи, издаваемомъ ими во время полета. Это самый страшный звукъ для всѣхъ, кто его разъ слышалъ. Путешественники и мореплаватели, бывавшіе въ жаркихъ климатахъ, подобнымъ же образомъ описываютъ мученія, испытанныя ими отъ этихъ маленькихъ демоновъ. Одинъ путешественникъ по Африкѣ жалуется, что на протяженіи пятидесяти миль комары не давали ему покоя, что лицо его и руки отъ ихъ ужаленія казались какъ будто бы пораженными сильнѣйшею оспою. Д-ръ Арнольдъ, внимательнѣйшій и точнѣйшій наблюдатель, разсказываетъ, что на востокѣ, въ Батавіи, уязвленіе комаровъ самое злокачественное, какое ему когда-либо случалось испытывать, и что оно причиняетъ самый невыносимый зудъ, продолжающійся нѣсколько дней сряду. Жужжаніе одного такого комара на всю ночь отбивало у него охоту спать, или вынуждало вставать неоднократно съ постели. Капитанъ Стедманъ, въ доказательство бѣдственнаго состоянія, въ которое онъ и солдаты его ввергнуты были этими насѣкомыми въ Америкѣ, говоритъ, что они могли спать не иначе, какъ всунувъ головы въ ямы, вырытыя при помощи штыковъ, и обернувъ шею походными одѣялами. Отъ Гумбольдта мы узнаемъ также, что и между маленькой гаванью Игуерота и устьемъ Ріо-Унаре у несчастныхъ жителей въ обычаѣ ложиться на землю и спать всю ночь не иначе, какъ зарывшись въ песокъ дюйма на три или на четыре глубиною и оставивъ наружу одну только голову, которую покрываютъ платкомъ. Знаменитый путешественникъ этотъ подарилъ насъ подробнымъ описаніемъ тамошнихъ насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ семейству комаровъ, и мы узнаемъ, что между ними есть дневные, сумеречные и ночные виды или роды: такъ, москиты, или Simulia, летаютъ днемъ; Temporaneros, вѣроятно, родъ Culex, появляются въ сумеркахъ и Zoncudos или Culices господствуютъ ночью. Отъ этого тамошніе жители не знаютъ покоя ни днемъ, ни ночью, за исключеніемъ кратковременной поры между исчезаніемъ одного вида и появленіемъ другого. Изъ всего вышесказаннаго видно, что въ разсказѣ о персидскомъ царѣ Сапорѣ вынужденномъ снять осаду Низибиса вслѣдствіе того, что комары напали на его слоновъ и на вьючный скотъ и тѣмъ довершили разбитіе его арміи, нѣтъ никакого невѣроятія, хотя пораженіе это и было приписано чуду. Нѣтъ ничего несбыточнаго и въ томъ, что жители многихъ городовъ, какъ видно изъ показаній, выбранныхъ Муффетомъ у различныхъ писателей, были вынуждены, вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія комаровъ, покинуть ихъ.»

«Слѣпни».

«Слѣпневыя (Tabaninae) суть тѣ мухи, которыя дѣлаютъ болѣзненные уколы на кожѣ человѣка и животныхъ и высасываютъ изъ нихъ кровь. Мухи, относящіяся сюда, имѣютъ довольно значительную величину, тѣло ихъ вездѣ равно широко и голова очень велика. У самцовъ глаза соединяются на затылкѣ, у самочекъ же между ними остается узкая полоса. При жизни на глазахъ замѣчается иризація, т.-е. полосы ярко-зеленаго и краснаго металлическаго цвѣта. Самцы отличаются болѣе спокойнымъ образомъ жизни и сидятъ на стволахъ деревьевъ; самки же, въ особенности въ яркіе солнечные дни, быстро летаютъ, отыскивая крови для пищи. Верхнія и нижнія челюсти ихъ составляютъ острые ланцеты, съ помощью которыхъ они производятъ свои, чрезвычайно болѣзненные, уколы. Усики вытянутые, трехчлениковые, но третій членикъ кольчатый; голова поперечная и плотно прилегающая къ груди. Брюшко сплюснутое, восьмичлениковое, ножки слабыя. Личинки имѣютъ удлиненное тѣло, живутъ на лугахъ въ землѣ и, по мнѣнію однихъ, питаются корешками растеній, а по другимъ—плотоядны. Въ маѣ личинка уже окончательно вырастаетъ и обращается въ куколку, сбрасывая свою прежнюю кожу; куколка—сѣраго цвѣта и у задняго края члениковъ тѣла снабжена бахромкою длинныхъ сѣрыхъ волосковъ, а на послѣднемъ членикѣ замѣчается вѣнчикъ щетинокъ; на передней части замѣчаются два бугорка, въ которыхъ лежатъ дыхальцы. Въ іюнѣ изъ куколки выходитъ взрослое насѣкомое. Слѣпень бычачій (Tabanus ovinus): грудь черновато-коричневая съ желтоватыми волосками, брюшко коричневато-красное съ черными пятнами и на срединной линіи съ желтымъ пятномъ на каждомъ членикѣ. Кроволизъ дождевой (Haematopoda pluvialis) пепельно-сѣраго цвѣта, грудь съ бѣловатыми полосами, а на брюшкѣ того же цвѣта ряды точекъ; крылья съ сѣровато-коричневыми жилками; нападаетъ на человѣка въ особенности при наступленіи грозы. Хризопы имѣютъ пятнистые золотисто-зеленые глаза, крылья съ темными полосами, заднія голени съ конечными шипиками. Встрѣчаются часто лѣтомъ и кусаютъ людей».

«Мухи».

«Можно сказать безъ преувеличенія, что ни одно животное не составляетъ такого неизмѣннаго спутника человѣка,—говоритъ Ташенбергъ, — какъ наша домашняя муха; она также умѣетъ ужиться въ холодной Лапландіи, какъ въ мѣстностяхъ, одаренныхъ самымъ жаркимъ климатомъ. Цѣлыя миріады мухъ населяютъ наши жилища и одолѣваютъ насъ не столько своимъ кусаньемъ, сколько постояннымъ жужжаньемъ, постояннымъ безпокойствомъ, доставляемымъ ими. Въ жаркихъ странахъ онѣ еще докучливѣе: Азара разсказываетъ, что въ Парагваѣ, послѣ бурь, когда наступаетъ невыносимый жаръ, мясныя мухи осаждали его въ такомъ множествѣ, что менѣе чѣмъ въ полчаса все платье на немъ было усѣяно положенными ими яичками. Но, кромѣ безпокойства, мухи могутъ причинить и вредъ: бывали случаи, что люди, страдавшіе кровотеченіемъ изъ посу, во время сна подвергались страшной головной боли, отъ которой избавлялись только тогда, когда изъ ноздрей у нихъ выходило нѣсколько личинокъ мясной мухи. Въ Ямайкѣ встрѣчаются большія мухи, постоянно увивающіяся около горячечно-больныхъ и старающіяся положить свои яички въ носъ, ротъ или десны больного. Наши мясныя мухи также охотно кладутъ свои яички въ раны человѣка и животныхъ, и заражаютъ ихъ червями, если только представится къ тому возможность. Въ Англіи былъ случай, что личинки мухъ заѣли одного нищаго. Этотъ нищій имѣлъ привычку: избытокъ отъ оставшагося у него подаянія, состоявшаго изъ хлѣба и мяса, класть за пазуху, между рубашкой и тѣломъ. Однажды, имѣя съ собой такой запасъ, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и прилегъ въ полѣ. Тутъ вскорѣ мясо испортилось, такъ какъ погода стояла жаркая, и гнилой запахъ его привлекъ мухъ, которыя напали не только на говядину, но и на тѣло самого нищаго. Когда несчастнаго нашли сосѣди, то онъ былъ уже до того изъѣденъ червями, что погибель его была неизбѣжною: большіе бѣлые черви ползали снаружи и внутри его тѣла, и видъ его былъ ужасенъ. Можно было бы привести много подобныхъ случаевъ, въ которыхъ мухи дѣлались страшными даже для самой жизни человѣка.

«Осенью появляются въ нашихъ комнатахъ больно кусающіяся мухи, которыхъ обыкновенно смѣшиваютъ съ нашей домашней. Мухи эти принадлежатъ къ особому роду Stomoxys, а обыкновенный видъ Stomoxys calcitrans развиваетъ свои личинки въ лошадиномъ пометѣ. Хоботокъ ея твердый, спереди заостренный и длинный, неимѣющій значительнаго расширенія на концѣ. Наша обыкновенная муха откладываетъ свои яички на навозъ, а если случится,—то и на мясо».

«Овода и вредъ, приносимый ими».

«Овода принадлежатъ къ наиболѣе вреднымъ насѣкомымъ, опаснымъ не только для домашнихъ животныхъ, разводимыхъ человѣкомъ, но часто и для него самого. Такъ какъ личинки различныхъ оводовъ живутъ или подъ кожею животныхъ, или же въ замкнутыхъ полостяхъ ихъ, или же, наконецъ, въ кишечномъ каналѣ, то оводовъ можно подраздѣлить на три группы: кишечныхъ (Gastricola), полостныхъ (Cavicola) и подкожныхъ (Cuticula), тѣмъ болѣе, что каждая изъ этихъ группъ представляетъ и въ совершенномъ возрастѣ нѣкоторыя особенности.

«Къ первой группѣ кишечныхъ оводовъ принадлежитъ лошадиный оводъ (Gastrus equi), отличающійся тѣмъ, что личинки его живутъ въ кишечномъ каналѣ лошади. Въ іюлѣ происходитъ полетъ этихъ оводовъ, которые послѣ оплодотворенія откладываютъ въ лѣтніе дни свои яички преимущественно на волоски переднихъ ногъ, рѣже на гриву, лопатки и задъ тѣла лошади. Такъ какъ яички, при своемъ выхожденіи, окружены бываютъ липкою жидкостью, то они тотчасъ же прилипаютъ къ волоскамъ и крѣпко пристаютъ къ нимъ. При кладкѣ яичекъ, самка овода садится на короткое время на лошадь и тотчасъ же отлетаетъ, чтобы начать тотъ же процессъ на новой лошади. Яички бѣлаго цвѣта, удлиненно-яйцеобразныя и нѣсколько изогнутыя; на тупомъ, косо обрѣзанномъ концѣ ихъ замѣчается крышечка, приподнимающаяся при выходѣ личинки. Относительно того, какъ эти личинки попадаютъ въ кишечный каналъ лошади, существуютъ два мнѣнія: одни полагаютъ, что лошади, облизывая одна другую, проглатываютъ ихъ; другіе же полагаютъ, что сами личинки вползаютъ потомъ въ порошицу лошади, что подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ прямой кишкѣ лошади, и притомъ въ особенности на лѣвой сторонѣ ея, иногда замѣчается громадное число личинокъ, до нѣсколькихъ сотъ ихъ. Въ кишечномъ каналѣ личинки остаются до десяти мѣсяцевъ и потомъ, выросши въ это время, онѣ въ маѣ или іюнѣ слѣдующаго года выпадаютъ вмѣстѣ съ испражненіями на землю; тогда, если земля рыхла, то онѣ пробуравливаются въ нее, а если тверда, то остаются на поверх-

ности и обращаются въ черную куколку, изъ которой, черезъ 4—6 недѣль, выходитъ оводъ. Личинки встрѣчаются только у такихъ лошадей, которыя пасутся на пастбищахъ. Если число личинокъ не велико, то онѣ не приносятъ особеннаго вреда лошади, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ совершенно прободаютъ стѣнки кишекъ и желудка. Если личинки живутъ въ глоткѣ лошади, то онѣ затрудняютъ глотаніе и, попавъ въ начало дыхательнаго горла, онѣ могутъ произвести воспаленіе, кашель и даже смерть животнаго. Питаются онѣ — высасывая кровь. Вмѣстѣ съ предыдущимъ видомъ овода, попадается у лошади часто оводъ геморроидальный (Gastrus haemorrhoidalis). Кромѣ того, у лошадей встрѣчаются еще слѣдующіе два вида оводовъ: 1) двѣнадцатиперстный (Gastrus duodenalis), личинки котораго чаще всего попадаются въ двѣнадцатиперстной кишкѣ; 2) носовой оводъ (Gastrus nasalis), личинки коего встрѣчаются въ желудкѣ лошади, осла, оленя и козы.

«Вторую группу составляютъ полостные овода, представителемъ которыхъ можетъ быть овечій оводъ (Cephalomyia ovis), имѣющій довольно значительную величину. Голова у него черновато-коричневая, большая, глаза блестяще-черные. Грудь свѣтлокоричневая, усаженная многими блестящечерными возвышеніями. Брюшко состоитъ изъ пяти члениковъ, сверху черновато-коричневое, снизу сѣрое. Крылья длиннѣе брюшка, прозрачныя и у основанія имѣютъ 4 темно-коричневыя точки, расположенныя треугольникомъ. Оводъ этотъ летаетъ съ весны до поздней осени и откладываетъ свои яички на носъ или въ ноздри овецъ, откуда вышедшія личинки переползаютъ въ носовую и въ лобную полости, въ которыхъ онѣ и развиваются. Когда личинки достигли своего полнаго роста, тогда онѣ выходятъ изъ носовыхъ полостей черезъ носъ, падаютъ на землю и тамъ обращаются въ куколку. Прежде считали овечій оводъ за причину вертежа, что̀, какъ мы уже знаемъ, несправедливо; но личинки дѣйствительно могутъ производить насморкъ, чиханье, потерю аппетита и неправильность въ движеніяхъ.

«Къ третьей группѣ, т. е. къ подкожнымъ оводамъ, принадлежитъ бычачій оводъ (Hypoderma bovis). Онъ чернаго цвѣта, только брюшко у основанія усажено бѣлыми, а у порошицы желтыми волосками. Оводъ этотъ составляетъ страшный бичъ для рогатаго скота, въ особенности въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ; полетъ его происходитъ въ іюлѣ и августѣ. Говорятъ, что часто, когда стадо услышитъ жужжаніе этого овода, то оно со всѣхъ ногъ бросается бѣжать и старается попасть въ воду, чтобы укрыться отъ него; многіе, однакоже, полагаютъ, что стадо обращается въ бѣгство не отъ оводовъ, а отъ слѣпней, мучащихъ его своими уколами. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно бы имѣть наблюденіе надъ тѣмъ, какую боль доставляетъ оводъ при прокалываніи кожи и откладкѣ въ нее своихъ яичекъ. Но и здѣсь еще не совершенно точно извѣстно: дѣйствительно ли оводъ прокалываетъ кожу, или же онъ только откладываетъ свои яички на волоски, а уже сами личинки пробираются подъ кожу. Обыкновенно овода нападаютъ преимущественно на молодую скотину и откладываютъ яички чаще всего на спину, иногда въ числѣ 30—40 яичекъ на одно животное. Вскорѣ по выходѣ личинки изъ яйца, на мѣстѣ прокола кожи образуется большой, величиною съ голубиное яйцо, нарывъ, изъ котораго и извлекаетъ свою пищу личинка. Личинка обыкновенно лежитъ въ самомъ нарывѣ и выставляетъ наружу только свои дыхательныя отверстія. Когда личинки вполнѣ разовьются, тогда онѣ выходятъ изъ нарыва, что̀ происходитъ черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ откладки яичекъ, и обращаются въ черную куколку въ землѣ или между растеніями; чрезъ нѣсколько недѣль выходятъ изъ нихъ овода. Нарывы портятъ кожу рогатаго скота, и бычачій оводъ производитъ ихъ также на лошадяхъ, ослахъ, овцахъ, откладывая иногда яички и на этихъ животныхъ.

«Нѣкоторые путешественники, въ прошедшемъ столѣтіи изучавшіе Южную Америку, наблюдали тотъ фактъ, что тамъ часто, какъ подъ кожею, такъ и въ ноздряхъ человѣка, бываютъ находимы личинки оводовъ. Гумбольдтъ указалъ также на нѣсколько подобныхъ фактовъ: между прочимъ, онъ видѣлъ одного индійца, котораго животъ былъ покрытъ небольшими опухолями, происшедшими, по мнѣнію его, отъ личинокъ овода. Зоологи, на основаніи этого, стали предполагать существованіе особаго вида овода — человѣчьяго (Oestrus hominis). Въ новѣйшее время Руленъ и Гоппъ описали также нѣсколько личинокъ оводовъ, найденныхъ у человѣка, но уже Руленъ высказалъ мысль, что видѣнная имъ въ Америкѣ личинка овода, извлеченная изъ опухоли человѣка, была чрезвычайно схожа съ личинками тѣхъ оводовъ, которые водятся у туземнаго скота и принадлежатъ къ роду Cuterebra, отличающагося нѣсколько вздутой спереди головой и овальнымъ третьимъ членикомъ усиковъ, несущимъ перистую щетинку. Въ 1854 году докторъ Андра имѣлъ случай сдѣлать болѣе подробное наблюденіе надъ чело-

вѣчьимъ оводомъ въ Бразиліи. Присутствіе личинки овода на человѣкѣ проявляется сначала краснотою на извѣстномъ мѣстѣ, а потомъ опухолью. Черезъ нѣсколько времени опухоль уменьшается, и тогда уже можно замѣтить отверстіе, черезъ которое прошелъ паразитъ подъ кожу; изъ этого отверстія вытекаютъ гной и бѣловатая жидкость, а у человѣка появляются лихорадочные припадки. Опухоль преимущественно появляется на поясницѣ, животѣ и конечностяхъ. По наблюденію Андре, оводъ, которому принадлежали эти личинки, кладетъ свои яички какъ на человѣкѣ, такъ и на домашнихъ животныхъ. Извѣстны также нѣкоторые случаи нахожденія личинокъ оводовъ на людяхъ и въ Сѣверной Америкѣ. На основаніи этихъ и нѣкоторыхъ послѣдующихъ наблюденій, теперь полагаютъ, что особеннаго вида овода человѣчьяго не существуетъ, но что случается, что овода рода Cuterebra, откладывающіе обыкновенно свои яички на скотъ, кладутъ ихъ, если представится возможность, и на человѣка».

«Блохи».

«Блохи принадлежатъ къ общеизвѣстнымъ, хотя нельзя сказать, чтобы къ общелюбимымъ насѣкомымъ. Блохи живутъ на человѣкѣ, млекопитающихъ и птицахъ. Ихъ описано много видовъ, но изъ нихъ мы остановимся только на самыхъ обыкновенныхъ и болѣе замѣчательныхъ. Между всѣми блохами безспорно наибольшею извѣстностью пользуется блоха обыкновенная (Pulex irritans), преимущественно нападающая на человѣка и часто доставляющая ему не малое безпокойство. Блоха эта особенно распространена въ Европѣ и сѣверной Африкѣ. Она встрѣчается также и въ другихъ странахъ свѣта — въ Австраліи, Америкѣ и Азіи. Въ жаркихъ мѣстностяхъ она надоѣдаетъ болѣе, чѣмъ въ странахъ умѣренныхъ. Особенно много ихъ въ нечистоплотныхъ жилищахъ, казармахъ и лагеряхъ. На дюнахъ около Монпелье и Цете онѣ выводятся въ громадномъ количествѣ, и бѣда человѣку, вздумавшему отдохнуть на этихъ дюнахъ. Самка блохи отличается большею величиною, а самецъ меньше и граціознѣе. Самка кладетъ около 20 яичекъ въ каждую кладку въ трещины паркета, грязное бѣлье, деревянныя опилки и даже подъ ногти у нечистоплотныхъ людей.

«На различныхъ домашнихъ животныхъ водятся блохи различныхъ видовъ, какъ напр. блоха собачья, мышиная и проч. Различныя формы блохъ описаны Коленати во второмъ томѣ трудовъ русскаго экономическаго общества».

III.

Жертва науки.

Мы ознакомились въ предыдущей главѣ съ происхожденіемъ на свѣтъ, образомъ жизни и, наконецъ, со степенью вреда, приносимаго человѣку тѣми насѣкомыми, которыхъ, по справедливости, называютъ «бичами рода человѣческаго». Но это не все; для большаго уясненія того, что̀ я намѣренъ сказать, забудемъ ихъ на короткое время и перенесемся воображеніемъ въ храмъ медицины, въ то его отдѣленіе, которое носитъ названіе «препаровочной комнаты».

Тамъ, на анатомическомъ столѣ, лежитъ обезображенный трупъ одного изъ бывшихъ нашихъ собратій, душа котораго уже паритъ въ томъ загадочномъ обѣтованномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ «ни слезъ, ни воздыханій, а только жизнь безконечная».

Кругомъ стола дружною толпою тѣснится кружокъ юныхъ послѣдователей Эскулапа, будущихъ свѣтилъ науки и доблестныхъ «друзей здравія человѣческаго». Въ рукахъ у одного изъ нихъ виднѣется окровавленный скальпель, которымъ онъ исполняетъ свой практическій урокъ изслѣдованія внутренняго строенія человѣческаго тѣла. Не особенно еще твердою и привычною рукою, онъ все-таки довольно смѣло и даже искусно производитъ на немъ всевозможные продольные и поперечные разрѣзы, постепенно отдѣляя отъ давно уже окоченѣвшаго трупа его части, изуродованныя болѣзнью. Серьезное выраженіе лицъ окружающихъ его товарищей нерѣдко замѣняется веселымъ взрывомъ задушевнаго смѣха, вызываемаго въ нихъ мѣткимъ словомъ или остроумною выходкою кого-либо изъ товарищей. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ за дѣло имъ до того, кому передъ тѣмъ принадлежало это тѣло?

Они весело и спокойно исполняютъ только долгъ свой: они служатъ наукѣ. Но

вотъ анатомирующій вдругъ слегка поблѣднѣлъ, невольно вздрогнулъ и выпустилъ изъ рукъ окровавленный скальпель.

Смѣхъ и говоръ моментально смолкли, глаза всѣхъ съ тревожнымъ напряженіемъ и даже страхомъ неподвижно устремлены на одну и ту же точку,—а точку эту составляетъ едва замѣтная царапина, уколъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, разрѣзъ на пальцѣ ихъ товарища, выронившаго изъ рукъ скальпель.

Всѣ хотя смутно, но сознаютъ возможность ужаснаго исхода отъ этой, повидимому, ничтожной царапинки. И хотя немедленно пускается въ дѣло обычное высасываніе, промываніе и даже прижиганіе пораженнаго мѣста, но выраженіе серьезной тревоги уже не сходитъ съ лицъ за минуту передъ тѣмъ веселаго кружка, озабоченнаго теперь участью ихъ несчастнаго, неосторожнаго товарища; всѣ они сознаютъ, что въ большинствѣ случаевъ, за весьма рѣдкими исключеніями, дѣло кончается тѣмъ, что черезъ нѣсколько дней на этомъ же самомъ анатомическомъ столѣ появляется уже новый трупъ, — трупъ этой юной, случайной жертвы науки. Слѣды мучительной агоніи замѣнили теперь на лицѣ его слѣды недавняго безпечнаго смѣха.

Исторія медицины могла бы привести тысячи подобныхъ фактовъ,—фактовъ неосторожнаго зараженія трупнымъ ядомъ,—зараженія почти всегда безпощаднаго. Ядъ разлагающагося трупа настолько силенъ и безусловно смертеленъ, что достаточно самаго незначительнаго укола отъ какого бы то ни было зараженнаго имъ орудія, чтобы черезъ соединеніе его съ кровью здороваго существа вызвать въ немъ общее зараженіе, а затѣмъ смерть.

Теперь перенесемся воображеніемъ въ другія мѣстности обширнаго нашего отечества и прослѣдимъ тамъ нѣкоторыя сцены, не менѣе печальныя и грустныя, чѣмъ только что описанная нами.

IV.

Новгородскія болячки.

Іюль. Съ безоблачной выси ярко-золотистыми лучами немилосердно палитъ полуденное солнце. Голубовато-дымчатая даль слегка перебирается едва замѣтною рябью раскаленнаго воздуха. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не колышетъ пожелтѣвшаго колоса высоко вытянувшейся ржи, и въ отдаленной синевѣ неподвижною стѣною высится громада какъ бы очарованнаго лѣса. Кругомъ—ни человѣческаго голоса, ни малѣйшаго живого звука... все будто вымерло или, по крайней мѣрѣ, заснуло.

Мѣстами низменные, мѣстами слегка возвышенные берега рѣки покрыты едва зеленѣющею, выжженною солнцемъ жиденькою травкою, да кое-гдѣ разбросанными кустиками чахлаго вереска и тальника. Несмѣтными роями кишатъ въ воздухѣ массы мухъ и комаровъ, и между ними съ непріятнымъ гуломъ снуютъ взадъ и впередъ безконечныя вереницы кровожадныхъ слѣпней и оводовъ. Оставаться въ полѣ нѣтъ ни малѣйшей возможности. Еще издали увидѣвъ гладкую зеркальную поверхность рѣки, вы съ отрадною надеждою бросаетесь къ ней; но, странное дѣло, чѣмъ ближе вы подходите къ ней, тѣмъ болѣе и болѣе обдаетъ васъ какимъ-то невыносимо смраднымъ, тяжелымъ и удушливымъ запахомъ. Вы съ недоумѣніемъ осматриваетесь по сторонамъ, пристальнѣе вглядываясь въ берега рѣки; и вотъ, въ одномъ мѣстѣ, на совершенно голой и открытой мѣстности вы замѣчаете неопредѣленную массу чего-то шевелящагося на пескѣ. Подходите ближе, — и отвратительная, отталкивающая картина представляется удивленному вашему взгляду. Цѣлая стая хищныхъ птицъ—коршуновъ, воронъ и сорокъ,—окровавленными клювами теребитъ какую-то падаль и съ жаднымъ крикомъ отбиваетъ другъ у друга куски этой от-

вратительной добычи. При вашемъ приближеніи вся эта испуганная ватага хищниковъ, видимо недовольная, отлетаетъ недалеко въ сторону и, разинувъ, отъ нестерпимаго зноя, окровавленныя пасти, злобно, искоса посматриваетъ на васъ жадными глазами. Зажавъ посъ, вы подходите къ ихъ добычѣ и тотчасъ съ омерзѣніемъ отворачиваетесь: полуобъѣденный трупъ павшей лошади, съ разинутымъ ртомъ, вырваннымъ языкомъ, выклеванными глазами, растасканными внутренностями, по которымъ тучами толкутся мухи и уже ползаютъ бѣлые черви, такъ сильно поражаетъ ваше чувство, что вы, почти закрывъ глаза, бѣжите въ сторону; но не успѣете вы пробѣжать и нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, какъ снова наталкиваетесь на подобную же картину,—и куда бы вы ни повернули взглядъ вашъ, повсюду встрѣчаете вы или бѣлѣющія груды костей, или терзаемый трупъ только что павшей лошади.

«Откуда же такая масса этихъ ужасныхъ труповъ? И преимущественно по берегамъ рѣки?» — мысленно задаете вы себѣ вопросъ и въ недоумѣніи останавливаетесь...

И тутъ, какъ бы въ отвѣтъ на него, до вашего слуха доносится откуда-то издалека унылая пѣсня. Вы съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваетесь, — и вотъ вамъ чудится, что это не пѣсня, а какіе-то душу раздирающіе стоны, скорѣе погребальный плачъ или заунывный вой откуда-то доносящагося вѣтра. Вы начинаете пристальнѣе всматриваться въ эту сторону, и глазамъ вашимъ представляется новая печальная картина: изъ-за выступа берега медленно вытягивается вереница что-то тянущихъ лошадей... Но нѣтъ, нѣтъ... это не лошади, это скорѣе жалкая пародія, карикатурныя тѣни этихъ благородныхъ и красивыхъ животныхъ! И въ самомъ дѣлѣ, вы видите какіе-то живые остовы, обтянутые косматою шкурой, мѣстами содранною и повсемѣстно покрытою гнойными ранами. Если вы рискнете подойти ближе и взглянуть на эти раны, то съ ужасомъ увидите, что онѣ покрыты цѣлыми массами копошащихся въ нихъ червей, вышедшихъ изъ положенныхъ туда яичекъ мясной мухи. Оставшіяся еще нетронутыми мѣста на шкурѣ этихъ заживо пожираемыхъ и разлагающихся труповъ покрыты сплошными массами слѣпней и оводовъ, сосущихъ изъ нихъ кровь, а если къ этому добавить ежеминутно наносимые лошадямъ жестокіе удары варварскимъ кнутомъ погонщиковъ-бурлаковъ, то причина массы валяющихся кругомъ и гніющихъ труповъ уже не будетъ для васъ загадкою.

Пораженные ужасомъ, безсильнымъ негодованіемъ и сожалѣніемъ, вы остаетесь неподвижны на мѣстѣ, а на васъ, все тѣмъ же порядкомъ, медленно, шагъ за шагомъ, надвигается эта убійственная живая картина. Вотъ протащились, наконецъ, мимо васъ эти четвероногія мученицы. Слѣдомъ за ними прошли и ихъ двуногіе тираны; въ ушахъ вашихъ еще раздается свистъ отъ безпощадныхъ взмаховъ ихъ плетей, сопровождаемый отвратительной руганью и дикимъ завываньемъ. Протащилась передъ вами и неуклюжая баржа, не въ мѣру переполненная грузомъ ея хозяина-кулака, спящаго на кормѣ...

А вы попрежнему стоите неподвижно; безотрадныя думы, одна за другою, тяжелымъ кошмаромъ проходятъ въ вашей головѣ...

Но вотъ тамъ, впереди васъ, куда протащилась баржа, произошла маленькая остановка и поднялась возня: вы всматриваетесь и видите, что одна изъ тянувшихъ лямку лошадей упала, остальныя всѣ остановились. Погонщики съ усиленною бранью бросаются къ изнемогшей жертвѣ и безпощадными ударами кнутовъ стараются поднять ее на ноги; но лошадь, безсильно раскинувъ ноги и вытянувъ облитую кровью и потомъ исхудалую шею, съ раскрытымъ ртомъ и помутившимися глазами, лежитъ неподвижно, безропотно принимая послѣднюю на-

граду за всю свою непосильную службу на пользу преждевременно убившаго ее человѣка. А этотъ человѣкъ, убѣдившись, наконецъ, въ полнѣйшей безполезности своихъ стараній, съ бранью стаскиваетъ съ нея лямку и, набросивъ ее на шею сосѣдней лошади, снова взмахиваетъ кнутомъ... и наконецъ — слава Богу! — картина мало-по-малу скрывается за угломъ ближайшаго пригорка.

Не успѣли вы опомниться, какъ надъ головою вашею со свистомъ раздается тяжелый взмахъ крыльевъ; вы поднимаете глаза — и видите, какъ торопливо, съ глухимъ карканьемъ, проносится надъ вами воронъ и, покружась надъ только-что упавшею, еще живою жертвою, спиральною линіею медленно опускается и садится прямо ей на голову. Потомъ онъ быстро опускаетъ клювъ свой — и, спустя моментъ, при блескѣ солнца, вамъ видится сверкнувшій выклюнутый глазъ, такъ добродушно-кротко смотрѣвшій на васъ еще минуту назадъ. Рой слѣпней и оводовъ сплошною массою покрываетъ павшую лошадь. Со всѣхъ сторонъ слышатся надъ вашей головой торопливый полетъ и радостные крики хищныхъ коршуновъ, и всѣ они стремительно бросаются на новую жертву... Бросаетесь и вы — бросаетесь бѣжать, куда попало, но только какъ можно дальше отъ этого убійственнаго мѣста пытки и казни безсловесныхъ тварей, отъ зрѣлища взаимнаго поядѣнія тварями другъ друга.

Но на любой судоходной русской рѣкѣ, гдѣ еще есть конная тяга, вы опять неизбѣжно натолкнетесь на подобныя сцены безчеловѣчной эксплоатаціи силъ благороднаго животнаго.

Посмотримъ теперь, какими тяжелыми послѣдствіями отражается это печальное явленіе на самомъ человѣкѣ.

V.

Ветлянская зараза.

Было время на Руси, когда сдѣлался общеизвѣстнымъ маленькій уголокъ ея, носящій названіе Ветлянской станицы; куда, бывало, ни придешь тогда, въ первомъ же десяткѣ сказанныхъ словъ непремѣнно услышишь названіе этой отдаленной станицы, о существованіи которой до тѣхъ поръ врядъ ли кому было даже извѣстно. Возьмешь любую газету, и на первой же страницѣ, чуть не въ заголовкѣ ея, опять-таки увидишь то же самое названіе. Да, громкую, хотя и печальную извѣстность пріобрѣла она себѣ тогда! Но мы не поведемъ туда нашего благосклоннаго читателя, такъ какъ для насъ это будетъ совершенно лишнее. Кто, подобно мнѣ, десятки лѣтъ пошатался по матушкѣ-Руси, исколесилъ ее вдоль и поперекъ, тому рѣшительно безразлично, носитъ ли такая-то мѣстность названіе Ветлянки или какое-либо другое, въ родѣ «Нагишей» *), «Смердящей-Дѣвицы» **) и т. п. Дѣло въ томъ, что, къ несчастью, какъ наружный видъ всѣхъ ихъ, такъ и условія ихъ быта, домашней обстановки ихъ населенія, до поражающаго безобразія совершенно одинаковы; поэтому мы возьмемъ въ описаніи ихъ только тѣ черты, которыя необходимы для уясненія разсматриваемаго нами вопроса. Взглянемъ на «медаль» хотя съ лучшей, лицевой ея стороны, и войдемъ въ первую попавшуюся избу любого зажиточнаго русскаго крестьянина. Наружный видъ его помѣщенія даже какъ будто говоритъ въ пользу привычки его обладателя къ чистотѣ и опрятности. Просторная изба съ рѣзными украшеніями, тесовая крыша, раскрашенныя ставни, крыльцо съ узорчатыми перилами, прочныя ворота, ведущія на просторный крытый дворъ, скворечница и даже вырѣзанный изъ листового желѣза конекъ на выбѣленной трубѣ этого дома. Войдемъ въ ворота. Первое, что̀ бросается на дворѣ въ глаза, — это груды невывезеннаго навоза, нижніе слои котораго лежатъ тутъ не первый годъ;

*) Тульской губерніи.
**) Воронежской губерніи.

повсюду наваленныя безпорядочныя кучи всевозможнаго мусора; никогда не имѣющія стока зловонныя лужи жидкихъ нечистотъ и грязи; и если на васъ нѣтъ высокихъ непромокаемыхъ охотничьихъ сапогъ, то лучше и не рискуйте ступить въ это вѣчно смрадное и гноящееся болото.

Никогда не чищенныя, косматыя лошади, шершавыя, вѣчно грязныя свиньи и поросята безпорядочными группами снуютъ передъ вашими глазами. Тутъ же, по соломеннымъ крышамъ клѣтей и амбаровъ, разостланы для просушки только что содранныя шкуры съ овецъ и барановъ. По самой срединѣ двора валяются неприбранными разлагающіяся внутренности этихъ животныхъ, пожираемыя назойливою кучкою дерущихся сорокъ и воронъ. Миріады всевозможныхъ мухъ кишатъ кругомъ васъ, и вы невольно, зажавъ носъ, торопливыми шагами направляетесь въ избу и, къ удивленію вашему, находите, что тамъ, пожалуй, нисколько не лучше. Въ темныхъ и грязныхъ сѣняхъ вы неизбѣжно наткнетесь или на испуганнаго вашимъ появленіемъ теленка, или на напугавшую васъ самихъ неожиданнымъ своимъ появленіемъ громко хрюкающую свинью съ цѣлой дюжиной пронзительно визжащихъ поросятъ.

Но положимъ, что вы совершенно благополучно добрались до «свѣтлицы» и съ трудомъ перешагнули черезъ высокій порогъ ея.

Названіе свѣтлицы развѣ только въ смыслѣ жестокой ироніи можетъ относиться къ тѣмъ темнымъ и грязнымъ палатамъ, въ которыхъ теперь вы очутились. Неизбѣжная громадная печь съ широкой лежанкой занимаетъ аккуратно четверть всего помѣщенія; закопченыя бревенчатыя голыя стѣны и такой же потолокъ, съ придѣланными къ нему темными и грязными «полатями», съ прогнившими досками,—а по бо̀льшей части и совсѣмъ безъ нихъ, — грязный, никогда не мытый полъ; по стѣнамъ—общая деревянная скамья; въ переднемъ углу почернѣвшій кіотъ да подъ нимъ простой обѣденный столъ—составляютъ непремѣнныя условія обстановки каждой порядочной избы. Масса таракановъ на печи и по стѣнамъ; вѣчно поющій сверчокъ за печкою; пыльная бахрома паутины по угламъ; миріады жужжащихъ мухъ на загрязненныхъ, тусклыхъ стеклахъ оконъ; бѣгающіе по полу цыплята и поросенокъ, и повсемѣстно весело скачущія блохи да меланхолично ползающіе клопы дополняютъ неизбѣжные атрибуты этой картины.

Съ досадливой грустью осмотрѣвъ все это, вы переводите глаза на существа, болѣе достойныя вашего вниманія и изученія: съ полатей свѣсилась какъ бы изъ воску вылѣпленная голова чуть не столѣтней, сморщенной, беззубой, высохшей старухи; едва слышно шамкая блѣдно-синими губами, она хриплымъ голосомъ проситъ «испить кваску маленько». У печки, сгорбившись въ дугу, съ совершенно лысою головою и бѣлою бородою до пояса, сидитъ босоногій дѣдъ и, усердно поплевывая на скрюченные, заскорузлые пальцы, угрюмо расчесываетъ намычкою пряжу; у ногъ его, забравъ въ ротъ край подола грязной рубашонки, ползаетъ грудной ребенокъ и крошечной ручонкой старается поймать бѣгающихъ подъ лавкою цыплятъ. Другой ребенокъ, еще моложе этого, надрываясь, неумолкаемо кричитъ въ грязной люлькѣ. Это отживающіе вѣкъ свой патріархи да только-что народившіеся представители этого дома; всѣ остальные члены семьи находятся далеко, на полевыхъ работахъ.

— Гдѣ же мать плачущаго ребенка?— спрашиваете вы у дѣда.

— А понесла, родимый, обѣдъ въ поле— мужу да старшимъ дѣткамъ.

— Что же вы какъ-нибудь не успокоите ребенка?—снова съ участіемъ освѣдомляетесь вы.

— А чѣмъ его уймешь, пострѣла?

Знамо дѣло, дитя малое, неразумное, оттого и блажитъ, пострѣлъ!

— Да, можетъ-быть, онъ ѣсть хочетъ?

— Извѣстное дѣло, хочетъ!.. какъ не хотѣть!.. Хоть и разума еще нѣтъ, а видно тоже чувствуетъ, что голодъ-то не тетка!

— Да ты бы ему хоть рожокъ пососать далъ.

— Какого тамъ еще рожна, пострѣлу, нужно!.. Не замай себѣ, пусть оретъ, а умается—и такъ перестанетъ ;вотъ, должно, ужъ скоро и мать прибѣжитъ, тогда накормитъ. Цыцъ, проклятый!—глубокомысленно рѣшаетъ дѣдъ, добродушно обернувшись къ люлькѣ. Но увѣщаніе не подѣйствовало: ребенокъ заплакалъ еще пуще того.

Вы подходите къ люлькѣ, отдергиваете грязный пологъ изъ грубой холстины, и сморщенное, заплаканное лицо ребенка представляется вамъ во всей своей прелести: едва завернутый въ грязное и мокрое тряпье, лежитъ онъ, посинѣвшій отъ напрасныхъ стараній разжалобить когонибудь своимъ крикомъ; неотвязный рой докучливыхъ мухъ сплошною черною массою облѣпилъ его искривленный ротикъ и мокрые глазенки; на обнаженныхъ мѣстахъ его тѣльца сплошными массами виднѣются небольшія красненькія пятна съ едва примѣтными укусами повсюду въ изобиліи прыгающихъ блохъ.

Вы отгоняете мухъ, поправляете скомкавшіяся въ люлькѣ тряпки, устраняете причины безпокойства несчастнаго ребенка, и онъ, хоть немного облегченный, успокаивается и вскорѣ засыпаетъ.

— Родимый... дай еще испить кваску маленько, — снова слышится съ полатей едва внятное шамканье старухи.

Сгорбленный дѣдъ, кряхтя, тяжело подпимается со скамейки и, едва ковыляя изсохшими босыми ногами, направляется къ печкѣ. Зачерпнувъ деревяннымъ ковшомъ изъ стоящей въ углу кадушки какой-то блѣдно-желтой, мутной жидкости, онъ скрюченными пальцами начинаетъ вылавливать плавающихъ въ ней мухъ и таракановъ.

— Отчего вы хоть таракановъ-то не изведете?—снова обращаетесь вы къ нему съ вопросомъ.

Дѣдъ сперва смотритъ на васъ удивленными глазами, потомъ впалыя его губы тщетно стараются изобразить насмѣшливую улыбку, и онъ уже дрожаще-смѣшливымъ тономъ говоритъ:

— Та-ра-ка-новъ?.. Да какъ ихъ извести-то?.. Вишь ихъ, пòгани-то, какая сила!.. ничего ты съ нею не подѣлаешь!.. — махнувъ рукою, рѣшаетъ онъ авторитетно.

— Ну, а мухи, чай, тоже крѣпко одолѣваютъ?

— Му-хи-то? Ну, про этихъ чтò и говорить!.. просто наказаніе божеское—да и только!.. Муха страсть одолѣваетъ!.. Да и какъ ей не одолѣвать-то? Вѣдь вишь вонъ кругомъ навозъ!.. Какъ ей тутъ не одолѣвать?

— Ну, навозъ вывозили бы; дворы почище держали бы.

— Навозъ!.. Ну, навозъ опять-таки вывозить весь нельзя; навозъ и нàпредь завсегда нуженъ!.. А дворъ тебѣ какъ еще чистить? Кажись, и такъ, слава Тебѣ Господи, все въ порядкѣ; чего еще чистить?

— Такъ, чего добраго, и блохи и клопы васъ совсѣмъ не безпокоятъ?

— Да чтой-то ты, родимый, да развѣ и этой нѐчисти тутъ много? Да кажись, тутъ ся и вовсе не видать!.. — внушительно продолжаетъ дѣдъ, обѣими руками почесывая разныя мѣста своего искусаннаго тѣла...

Наступаетъ вечеръ. Семья вся въ сборѣ и усаживается ужинать въ переднемъ углу, подъ иконами.

На главномъ мѣстѣ, подъ кіотомъ, сидитъ самъ хозяинъ, мужикъ лѣтъ подъ-сорокъ; по бокамъ его размѣстились остальные члены семьи, по большей части молодыя еще бабы, да обоего пола подростки.

— Что же у васъ такъ мало мужиковъ-то?—съ любопытствомъ освѣдомляетесь вы, удивленные такимъ замѣтнымъ перевѣсомъ женскаго персонала.

— Да откудова ихъ больше взять-то?—съ добродушною усмѣшкою отзывается хозяинъ:—было прежде много, да, какъ говорится, теперь вотъ всѣ вышли!—заключаетъ онъ, съ добродушною усмѣшкою посматривая на бабъ.

Тѣ при этомъ какъ-то странно потупляютъ головы и хмурятъ брови; у одной въ углахъ красивыхъ, прикрытыхъ длинными рѣсницами глазъ показались двѣ блестящія слезинки и, быстро скользнувъ по загорѣлымъ пухлымъ щекамъ, тяжело упали на колѣни,—но она показала видъ, какъ будто бы ихъ вовсе не замѣтила.

— Какъ всѣ вышли? куда?—еще болѣе удивленно освѣдомляетесь вы.

— Да на войну угнали всѣхъ, подъ турку,—отвѣчаетъ уже съ грустью хозяинъ и принимается еще усерднѣе хлебать изъ общей деревянной чашки квасъ съ накрошеннымъ въ него хлѣбомъ и лукомъ.

Вы невольно задумываетесь.

— У меня, вотъ, у одного,—минуту помолчавъ, снова продолжаетъ хозяинъ: — ушло туда два брата, да старшій мой сынишко; вотъ жены-то ихъ теперь съ малыми ребятенками, одинокими, и остались. Оно бы все не бѣда, да вотъ съ полевою-то уборкою безъ нихъ, поди-ко-сь, какъ тяжко. Теперь вонъ, слышно, будто-бы и возвратятъ скоро.

— И подай-то, Господи милостивый!.. Царица Небесная!—слышится съ лежанки едва внятный шопотъ старухи.

— А что̀, правду сказываютъ, что тамъ будто, въ этой самой Туречинѣ, на нашихъ сильный моръ напалъ? Чума тамъ, стало-быть, какая, али смертная лихоманка,—съ любопытствомъ допытывается хозяинъ,—а только, сказываютъ, что наши тамъ мрутъ какъ мухи.

— Ну, мухи-то у васъ, кажется, не больно-таки мрутъ,—съ досадливою иронiею замѣчаете вы.

— А чтобъ имъ пусто было, пòгани проклятой! — злобно соглашается вашъ собесѣдникъ и, взмахнувъ надъ столомъ своею широкою пятернею и захвативъ при этомъ пару мухъ, съ силою бросаетъ ихъ на скамейку. Потомъ, минуту помолчавъ, онъ начинаетъ снова:—И отчего бы это могъ тамъ моръ приключиться? А ужъ, должно-быть, и взаправду говорятъ, что эта самая-то Туречина самое что ни на-есть чумное мѣсто и есть!

— Да, и тамъ ничѣмъ не лучше, чѣмъ у насъ, грѣшныхъ,—вставляете вы свое замѣчаніе.—И тамъ не въ диковину увидѣть, какъ неприбранныя дохлыя собаки да лошади цѣлыми недѣлями по улицамъ валяются!

— Ну, ужъ и впрямь басурманщина нечистая! Что и толковать!—соглашается съ вами хозяинъ, набожно крестясь и грузно вылѣзая изъ-за стола.

Соглашаетесь безмолвно и вы съ нимъ; да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не согласиться! Возьмите хоть овчиный его полушубокъ, который онъ такъ усердно подкладываетъ себѣ въ уголъ вмѣсто подушки; возьмите ту дырявую сермягу, которую разстилаетъ онъ себѣ на скамейкѣ вмѣсто матраца. Да что̀ сермяга, что̀ полушубокъ! Возьмите просто-напросто его взъерошенную, нечесанную голову, его всклоченную бороду, его усы:—вѣдь все это представляетъ богатѣйшую сокровищницу всевозможныхъ паразитовъ.

— Ходите вы купаться?—спросите вы любого изъ этихъ мужиковъ.

— Купаться?—съ иронической усмѣшкою переспроситъ онъ, и потомъ добавитъ:—А гдѣ купаться-то? Въ рѣчушкѣ-то нашей, почитай, что̀ и въ половодье будетъ только хромому воробью по колѣно; прудъ весь заросъ и засорился: одной тины въ немъ, лягушекъ, головастиковъ, да разной нечисти и не оберешься! Туда и добрая свинья не полѣзетъ! Такъ гдѣ купаться-то?

— Ну, а въ баню?

— Въ баню, подъ великій праздникъ, оно, дѣйствительно, случается, что и ходимъ. Да опять-таки какія у насъ бани? Одно только званіе, что бани, а на дѣлѣ-то простая землянка на юру; иная баба отъ усердія-то чихнетъ сильно, такъ того и гляди, что баня развалится. Да, пожалуй, что и придешь оттудова, еще хуже испаскудившись, да завалявшись. Ну, а вотъ дома иной разъ случается, истопишь этакъ пожарче печку-то, залѣзешь, значитъ, въ нее, ну и попаришься отмѣнно!

Ночь наступила. Въ избѣ воцаряется глубокій мракъ, все позавалилось и попряталось, куда только возможно. Въ ночной тишинѣ неумолкаемымъ концертомъ раздается изъ всѣхъ угловъ мѣрный храпъ и тяжелое сопѣніе спящихъ, которому изрѣдка вторитъ жалобное мяуканье голодной кошки да нетерпѣливый трескъ сверчка за печкою. Душно, тяжело, невыносимо становится въ крестьянской избѣ непривычному заѣзжему человѣку.

Вотъ легкій эскизъ картины, такъ хорошо знакомой всякому, побывавшему въ черноземной, степной полосѣ матушки-Россіи, — лицомъ къ лицу встрѣчавшемуся со всѣми свѣтлыми и темными сторонами ея благодушныхъ обывателей. Но пусть читатель не упуститъ изъ вида и того, что на этотъ разъ я бросилъ бѣглый взглядъ только на лицевую сторону медали,—на домашній бытъ зажиточнаго крестьянина. Кажется, будетъ лишнимъ показывать еще тѣ дома, гдѣ царитъ уже прямо вопіющая нужда.

Такъ вернемся опять въ эту, только что оставленную нами, избу и прослѣдимъ въ ней другія сцены и картинки, при иныхъ условіяхъ, при другой обстановкѣ.

Зима только что установилась. Поля уже покрыты блестящей пеленою; пріятный, легкій морозецъ сковалъ вонючія лужицы и непроходимыя, гнилыя болота знакомаго намъ широкаго двора. Весь внутренній видъ его сталъ теперь какъ-то болѣе сносенъ и, если хотите, даже привлекателенъ: груды мусора и навоза прикрыты бѣлымъ пухомъ только-что выпавшаго снѣга; вся домашняя скотина, не безпокоимая болѣе своими крылатыми тиранами, какъ будто почистилась, пополнѣла, смотритъ весело и оживленно, и только одна свинья, — какъ весь свой вѣкъ была свиньею, такъ и теперь ею осталась: и тутъ нашла она себѣ возможность, въ отдаленномъ углу сарая, раскопать замерзшую кучу мусора и навоза, и, вся вывалявшись въ немъ, отъ вѣчно хрюкающаго рыла до вѣчно дергающагося хвоста, идетъ, какъ живой протестъ временно установившемуся порядку и чистотѣ.

Зато внутри самой избы сдѣлалось какъ будто еще непривлекательнѣе и грязнѣе: все населеніе ея, согнанное теперь въ одну общую кучу морозомъ, кое-какъ тѣснится по угламъ, на печкѣ и на полатяхъ. Удушливый запахъ копоти и сажи, смѣшанный съ паромъ, влетающимъ въ избу изъ холодныхъ сѣней отъ безпрестанно отворяемой двери, непріязненно охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ и раздражительно щекочетъ у васъ въ носу и въ горлѣ.

Въ знакомой намъ семьѣ сегодня день великой радости, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и великой скорби: вернулся съ войны старшій сынъ хозяина, принесшій съ собою горестное извѣстіе, что оба дяди его умерли на басурманской землѣ, доблестно отстаивая своею грудью святое и правое дѣло.

Обѣ молодыя вдовы, съ прижавшимися къ нимъ оторопѣлыми сиротами, въ дальнемъ углу составляютъ невеселую группу. Громкій ихъ плачъ и надрывающія душу причитанія далеко слышатся за стѣнами избы, привлекая въ нее новыя толпы соболѣзнующихъ, а чаще—только любопытныхъ сосѣдей.

Въ другомъ углу, за занавѣской, со-

вершенно иная картина: тамъ сіяющая радостью молодая жена вернувшагося примѣряетъ принесенные мужемъ подарки и обновки. Вотъ, съ торжествующимъ видомъ, набрасываетъ она на себя турецкій шерстяной платокъ, хвастливо называемый ея мужемъ турецкою шалью, и поворачивается въ немъ на всѣ четыре стороны, показывая его пришедшимъ навѣстить ее сосѣдкамъ; тѣ съ завистливымъ любопытствомъ осматриваютъ подарокъ съ лица и съ изнанки, гладятъ его руками, щупаютъ пальцами.

Но тутъ случилось никѣмъ не замѣченное и, повидимому, совершенно ничтожное обстоятельство: въ одной изъ складокъ этого, туго завернутаго на дорогу злосчастнаго платка пріютился турецкій клопъ, и хотя онъ сильно прозябъ и проголодался во время длиннаго пути, однакоже совершенно здравымъ и невредимымъ прибылъ теперь на далекую, но благопріятную для него чужбину. И вотъ, отогрѣвшись на теплой груди своей новой, совершенно счастливой хозяйки, онъ тоже радостно вздохнулъ и переползъ изъ своей засады къ молодой женщинѣ за пазуху.

До̀-сыта наговорившись и насоболѣзновавшись, сосѣди расходятся по своимъ домамъ, а члены знакомой намъ семьи, плотно поужинавъ, укладываются по всевозможнымъ угламъ скамеекъ и полатей на обычный покой.

Проходитъ ночь, проходитъ день, и къ концу его въ этой семьѣ приключается новое, никѣмъ не предвидѣнное обстоятельство: молодая и счастливая жена возвратившагося съ войны солдата чѣмъто сильно захворала, а къ утру въ страшныхъ мукахъ отдала Богу свою молодую душу.

Снова поднимается вой и плачъ въ избѣ, снова сходятся сердобольные сосѣди и сосѣдки; заворачиваетъ къ нимъ на дворъ и кумъ, случайно проѣзжавшій въ это время мимо изъ сосѣдняго Пришибинскаго села. Всѣ охаютъ, вздыхаютъ на всевозможные тоны, воютъ, причитаютъ: но уже не помочь всѣмъ этимъ навѣки усопшей! Неподвижно лежитъ она въ переднемъ углу на столѣ подъ иконами.

А въ это самое время страшная, невѣдомая и никѣмъ даже не подозрѣваемая сила предательски творитъ да творитъ себѣ свое убійственное дѣло: несмотря на обычное омовеніе, оставшіеся на усопшей паразиты, за неимѣніемъ нужной имъ теплоты и питательныхъ соковъ, торопливо расползаются и прыгаютъ во всѣ стороны; и вотъ одна ничтожная блошка ловкимъ скачкомъ очутилась на полушубкѣ у сердобольствующаго «пришибинскаго» кума...

Прошла недѣля. Изъ знакомой намъ семьи въ живыхъ не осталось ни единой души: всѣ отъ мала до велика сдѣлались жертвами ужасной смерти. Изба заглохла, опустѣла.

Зараза въ той же силѣ перешла почти одновременно и на сосѣдніе дворы; «перескочила» и въ село Пришибино, гдѣ первой жертвой оказался нашъ сердобольный кумъ.

Поднялись шумъ, гвалтъ, суматоха: «чума!.. зараза!..» Сельскія власти донесли о томъ кому слѣдовало; тѣ дальше... дальше... и вотъ летятъ со всѣхъ концовъ и слѣдственныя коммиссіи, и высшія медицинскія и административныя власти, и санитарные отряды, и отряды «Краснаго Креста»; всполошилось земство: «давайте денегъ!.. карантины! войско!..»

— Да позвольте, господа, прежде всего спросить у васъ: на что именно понадобилось вамъ все это—и деньги, и карантины, и войско? Противъ какого именно врага идете вы воевать? Гдѣ онъ? Въ чемъ онъ?

— Какъ гдѣ? Развѣ не видите? Чума!.. зараза!..

— А позвольте у васъ спросить: чумато, по-вашему, что̀ такое?

Вмѣсто отвѣта — молчаніе; на васъ смотрятъ только удивленныя и недоумѣвающія лица.

— Жечь!—вдругъ раздается чей-то разумный голосъ.

— Да что же именно прикажете жечь?.. Гдѣ жечь?

Снова тѣ же недоумѣвающія лица и то же молчаніе...

— Все жечь!—авторитетно раздается тотъ же голосъ... И противъ раціональности такого требованія не можетъ быть уже никакихъ возраженій.

———

— А что, братцы мои,—слышится въ ночномъ мракѣ и повсемѣстной тишинѣ пискливый голосъ молодого солдатика на карантинномъ посту, устроенномъ по большому тракту изъ Ветлянской станицы на Царицынъ.—Говорятъ, что эта самая чума-то живая... и будто бы ходитъ?..

— Ври больше, собачій сынъ!—раздается въ отвѣтъ ему грубый голосъ унтера.

— Нѣтъ, право слово, говорятъ такъ,—отзывается солдатикъ,—и будто бы она, эта самая чума, ходитъ во образѣ беззубой злющей старухи, а одѣта старуха въ бѣлый погребальный саванъ! Саванъ этотъ весь покрытъ кровяными пятнами и гноемъ; на лбу у этой самой старухи огромнѣйшій желвакъ, а въ срединѣ его гнойная рана; въ одной рукѣ держитъ она небольшую мазилку, а въ другой— пучокъ разрывъ-травы... Вотъ, какъ ночь-то наступитъ, послѣ двѣнадцати часовъ, и ходитъ она себѣ по деревнямъ, и какъ только, значитъ, приставитъ къ желваку свою мазилку, да, напитавъ ее гноемъ, обрызнетъ имъ чьи-либо ворота, такъ, значитъ, въ этомъ домѣ и помирать всѣмъ до единаго!

Въ этотъ самый моментъ неподалеку, на опушкѣ дремучаго лѣса, блѣднымъ фосфорическимъ свѣтомъ блеснули два огонька, и заунывно переливающійся, протяжный вой голоднаго волка огласилъ окрестность... Гдѣ-то въ отдаленіи слабо отозвалось ему едва слышное эхо, и снова мертвая тишина водворилась повсюду...

Оба собесѣдника невольно вздрогнули и перекрестились.

— Смотри, еще бѣды не накликай!— отозвался теперь уже менѣе сурово унтеръ и, приставивъ обѣ руки ладонями ко рту, во всю глотку зычно заоралъ:

— Слу-у-у-ша-а-й!

Минуту спустя съ другой стороны лѣса до чуткаго его слуха донесся другой такой же окликъ:

— Слу-у-у-ша-а-ай!

Но то былъ не отголосокъ, не эхо, а окликъ такого же бдительнаго ихъ товарища съ другого карантиннаго поста.

Оба собесѣдника встрепенулись и снова съ напряженнымъ вниманіемъ стали прислушиваться и всматриваться въ окружающую ихъ темноту.

VI.

Сибирская язва.

Много лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ жить въ одномъ изъ уѣздовъ Саратовской губерніи. Въ этомъ году стояло сухое лѣто. Дождя уже нѣсколько недѣль не было ни капли; солнце почти отвѣсными раскаленными лучами немилосердно палило съ безоблачной вышины, и плохо налившійся колосъ озимыхъ хлѣбовъ не обѣщалъ ничего хорошаго сельскому хозяину.

Въ сосѣдней татарской деревушкѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ того имѣнія, въ которомъ я жилъ, на рогатомъ скотѣ появилась ужасная болѣзнь, носящая названіе сибирской язвы. Несчастный скотъ падалъ ежедневно цѣлыми десятками. Мѣстная администрація, въ лицѣ уѣзднаго исправника и становового пристава, по обыкновенію, переполошилась не на шутку: пошли разныя отношенія, донесенія, приказы, справки и т. п. Въ зачумленную деревушку изъ уѣзднаго городишка былъ командированъ фельдшеръ съ богатымъ запасомъ всевозможныхъ совѣтовъ и наставленій. И вотъ, въ итогѣ отъ всѣхъ мѣропріятій властей, осталось только единственно-разумное и стро-

жайшее приказаніе немедленно зарывать павшій скотъ неободраннымъ и на извѣстную глубину въ землю. Но отъ слова до дѣла великое море; такъ, конечно, случилось и тутъ: зараженная павшая скотина не только вовсе не зарывалась въ землю, но цѣлыми грудами, ободранною, валялась по всѣмъ полямъ далеко за околицей, наполняя и безъ того спертый воздухъ смраднымъ запахомъ гніющаго мяса.

При такомъ положеніи вещей дѣло Богъ знаетъ чѣмъ бы окончилось, если бы въ него такъ кстати и такъ неожиданно не вмѣшалось само Провидѣніе.

Все небо вдругъ заволокло тучами, полились почти ежедневно холодные дожди, продолжавшіеся ровно три недѣли. Къ тому времени въ зараженной деревушкѣ весь скотъ окончательно повымеръ; новыхъ жертвъ въ наличности еще не было; валяющіеся трупы частью были съѣдены хищными звѣрями и птицами; воздухъ послѣ дождя совершенно очистился, освѣжился, и зараза, не распространившись далѣе, ограничилась одною этою деревушкою.

Но еще до періода наступленія дождей, въ самый разгаръ заразы, со мною приключилось маленькое происшествіе, которое тогда еще глубоко поразило меня своею новизною и навело меня на мысли и разсужденія, выводами изъ которыхъ я и тороплюсь теперь подѣлиться со всѣмъ ученымъ и даже вовсе не ученымъ міромъ.

Однажды, въ пятомъ часу пополудни, возвращался я домой верхомъ на своей любимой, молодой и горячей степной лошади. Дорога моя лежала неподалеку отъ зараженной татарской деревушки. Вдругъ моя лошадь, шедшая до этого момента совершенно спокойно, высоко вскинула задомъ и, несмотря на всѣ мои старанія успокоить ее, продолжала съ ожесточеніемъ бить передними и задними ногами, трясти головою и неправильными скачками бросаться въ разныя стороны. Я тотчасъ же смекнулъ, что съ нею случилось что-нибудь особенное, и, быстро соскочивъ съ сѣдла, внимательно сталъ доискиваться настоящей тому причины.

Лошадь, какъ будто понявъ мое доброе относительно нея намѣреніе, немного успокоилась и хотя стояла смирно, но не переставала судорожно вздрагивать всѣмъ тѣломъ, и налившимися кровью глазами косилась на-сторону. Осматривая ее внимательно со всѣхъ сторонъ, я вдругъ увидѣлъ у нея подъ брюхомъ, между задними ногами, на самомъ нѣжномъ и чувствительномъ мѣстѣ, огромнаго слѣпня, съ видимымъ наслажденіемъ вонзившаго туда свое жало.

Осторожнымъ и ловкимъ пріемомъ я — навѣрное, съ неменьшимъ наслажденіемъ, чѣмъ онъ пилъ кровь моей лошади—поймалъ его на мѣстѣ преступленія и съ чувствомъ удовлетворенной мести немедленно раздавилъ его. На прокушенномъ имъ мѣстѣ выступила маленькая капля крови, и видимо успокоенная лошадь, какъ бы въ знакъ благодарности, усердно закачала головой. Я поторопился сѣсть на нее снова и уже ускоренною рысью продолжалъ свой путь дальше. На другой день утромъ пришедшій ко мнѣ кучеръ съ озабоченнымъ и опечаленнымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что лошадь чѣмъ-то нездорова: ничего не пьетъ и не ѣстъ. Я поспѣшно отправился въ конюшню и, къ величайшему моему горю, въ первый же моментъ убѣдился въ справедливости его словъ. Прежнюю лошадь почти не было возможности узнать: съ совершенно помутившимся взглядомъ стояла она въ своемъ стойлѣ, опустивъ до самой земли воспаленную голову и видимо съ трудомъ дышала.

Я внимательно осмотрѣлъ ее и нашелъ, что какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я наканунѣ поймалъ у нея слѣпня, теперь былъ уже желвакъ, величиною въ кулакъ, и изъ небольшого отверстія въ немъ медленно просачивался густой и мутный гной. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что у лошади была настоящая сибирская язва. Я немедленно употребилъ въ дѣло

все, что до того времени было признаваемо въ этихъ случаяхъ полезнымъ: собственноручно, съ помощью кучера и другихъ конюховъ, прорѣзалъ ей желвакъ, выдавилъ накопившійся въ немъ гной и, старательно промывъ рану теплою водою, наложилъ на нее компрессъ изъ крѣпкаго настоя нашатыря и свинцовой примочки. Но ничто не помогло: часа черезъ три лошадь въ жестокихъ судорогахъ, видимо ужасно страдая, издохла. Подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ она немедленно, тщательно прикрытая рогожею, была вывезена далеко за околицу и тамъ—конечно, неободранною—глубоко зарыта въ землю. Стойло ея въ конюшнѣ было также приведено въ порядокъ: навозъ, солома, сѣно и овесъ немедленно были вывезены изъ конюшни, и все это сожжено въ полѣ; затѣмъ самыя стѣны и ясли вымыты и окурены паромъ уксуса, выливаемаго на раскаленные кирпичи, и, къ величайшей моей радости, этимъ, хотя и очень для меня прискорбнымъ, единичнымъ случаемъ окончилось дѣло мое съ заразою. Ни я самъ, ни помогавшіе мнѣ люди, ни стоявшія рядомъ другія лошади не заболѣли, а въ скоромъ времени и въ зараженной деревушкѣ болѣзнь совершенно прекратилась. Но мысль о страшномъ желвакѣ, появившемся именно на мѣстѣ укушенія слѣпнемъ, съ тѣхъ поръ глубоко засѣла мнѣ въ голову, а въ концѣ концовъ привела меня къ тому глубокому убѣжденію, которымъ я намѣренъ теперь подѣлиться съ читателями.

VII.

Чумной ядъ.

Вернемтесь теперь на минуту на берегъ сплавной рѣки, къ оставленной нами тамъ несчастной издыхающей лошади. Впрочемъ, нѣтъ, теперь она уже и не несчастная: ни безпощадный ударъ кнута, ни острые когти и клювъ хищной птицы, ни вонзающееся жало слѣпня—ничто уже не въ состояніи теперь обезпокоить ее. Вѣрою и правдою, безропотно и терпѣливо отслужила она короткій вѣкъ свой на пользу всю жизнь истязавшаго ее человѣка и теперь лежитъ бездыханная, съ пренебреженіемъ брошенная на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Оставимъ брезгливость, подойдемъ поближе къ трупу лошади и посмотримъ, что теперь надъ нею творится?

Вотъ, при вашемъ приближеніи, поднялась съ нея цѣлая стая громко кричащихъ воронъ и сорокъ, плавными кругами высоко взвился и стервятникъ — бѣлоголовый коршунъ; могучимъ взмахомъ крыла потянулъ въ безконечную даль уныло каркающій, осторожный воронъ, и страшно изуродованный трупъ предсталъ передъ вашими глазами во всемъ его отталкивающемъ безобразіи. Тяжелымъ смрадомъ разлагающагося мяса пахнуло отъ него на васъ; но имѣйте маленькое терпѣніе и со вниманіемъ прослѣдите еще минуту: вотъ, слышите ли, сбоку отъ васъ раздался непріятный гулъ маленькаго кровопійцы, и моментъ спустя вы видите, какъ огромный слѣпень быстрымъ налетомъ впился въ шею павшей лошади и вонзилъ въ нее свое жало. Но прошла минута, и вы ясно видите, какъ онъ, будто бы съ недоумѣніемъ, съ досадою вытаскиваетъ обратно свое жало и, убѣдившись, что голодному его брюху уже нечего добыть оттуда, какъ будто въ раздумьѣ, потеревъ другъ о друга заднія лапки, снова расправляетъ жесткія крылья и съ сердитымъ гуломъ отлетаетъ прочь.

Это только намъ и нужно было.

Прослѣдимъ теперь за дальнѣйшимъ полетомъ крылатаго кровопійцы. Вотъ летитъ онъ съ поразительною быстротою черезъ луга, поля, овраги, пока не налетаетъ на пасущееся въ полѣ стадо быковъ, коровъ и лошадей.

Долго не думая, слѣпень съ прежнимъ азартомъ налетаетъ на перваго попавшагося быка и, влѣпившись въ его могучую морщинистую шею, прежнимъ жаднымъ

пріемомъ вонзаетъ въ него свое острое жало. Обезпокоенное животное приходитъ въ замѣтное недовольство, бьетъ въ землю передней ногой, хлещетъ по ребрамъ длиннымъ хвостомъ и, скосивъ на-бокъ сердитые глаза, тщетно вертитъ изъ стороны въ сторону своими страшными рогами,—но все напрасно: крѣпко сидитъ у него на шеѣ его маленькій тиранъ и капля-по-каплѣ сосетъ его кровь.

Но вотъ голодъ утоленъ, и слѣпень, медленно вынувъ свое жало, тихо отлетаетъ.

Встревоженное животное успокаивается и снова принимается щипать траву. Этимъ все, казалось бы, и должно было кончиться,—на самомъ же дѣлѣ выходитъ противное. Повидимому, столь незначительно уколотый быкъ въ этотъ же день заболѣваетъ, а на-завтра его уже навѣрно постигаетъ участь бѣдной павшей лошади; вслѣдъ за нимъ заболѣваютъ и другія животныя изъ стада, и губительная зараза распространяется по всему околотку, нерѣдко уничтожая цѣлыя стада и вызывая обѣднѣніе цѣлаго края.

Теперь, спрашиваю я васъ, читатель, не то ли же самое мы видѣли въ предпослѣдней главѣ со случайно завезеннымъ изъ зачумленной страны клопомъ? не то ли же самое случилось и съ моей бѣдной лошадью? и, въ концѣ концовъ, не то ли же самое мы видѣли и въ препаровочной комнатѣ анатомическаго театра?

Несчастный студентъ поплатился жизнью за неосторожную, едва замѣтную царапину на рукѣ отъ зараженнаго труннымъ ядомъ скальпеля, — а жала всѣхъ вышеозначенныхъ насѣкомыхъ, отравленныя труннымъ ядомъ, не представляются ли такими же скальпелями?

Если мы видѣли во второй главѣ, какія послѣдствія могутъ произойти отъ самаго невиннаго укушенія жаломъ незараженныхъ комаровъ, то что̀ должно последовать отъ укушенія тѣмъ же самымъ жаломъ, да еще съ прибавленіемъ къ нему смертоноснаго яда разлагающагося трупа? И выходитъ, что по-своему правъ даже и суевѣрный солдатикъ на карантинномъ посту, увѣрявшій своего товарища, что чума — живое существо и даже ходитъ. Да, — готовъ я добавить къ этому, — чума, дѣйствительно, не только ходитъ, прыгаетъ и скачетъ, а въ лѣтнюю пору еще и на сотни верстъ летаетъ, — но не въ образѣ отвратительной старухи, а въ образѣ тѣхъ съ виду ничтожныхъ и незначительныхъ существъ, о страшномъ вредѣ которыхъ мы вовсе и не подозрѣваемъ!..

Не спасутъ насъ отъ нихъ ни карантины, ни войско, ни санитарные отряды, ни всяческія коммиссіи, а спасетъ насъ отъ чумы только собственная наша опрятность и чистота. Послѣдовательнымъ порядкомъ изложивъ въ легкихъ наброскахъ мой взглядъ на причину всѣмъ извѣстной и страшной заразы, я попытаюсь перечислить и средства для ея устраненія. Начнемъ съ доводовъ самыхъ неудобоисполнимыхъ и почти невозможныхъ.

Если принять за аксіому, что, вообще, какая бы то ни была чума, сибирская язва и имъ подобныя болѣзни суть не что иное, какъ перенесеніе трупнаго яда — различнаго по степени разложенія трупа — на здоровый организмъ посредствомъ привитія этого яда зараженнымъ жаломъ одного изъ вышеозначенныхъ насѣкомыхъ, то само собою явствуетъ:

1) что если бы вовсе не было стоячихъ водъ и болотъ, то не было бы и комаровъ;

2) если бы вовсе не было навоза и разлагающихся на открытомъ воздухѣ нечистотъ, то было бы полнѣйшее отсутствіе мухъ, слѣпней и оводовъ;

3) если бы всѣ люди безъ исключенія усвоили себѣ привычку быть людьми, а не уподобляться грязнымъ и нечистоплотнымъ животнымъ, то нигдѣ не было бы клоповъ и блохъ и всѣхъ другихъ, столь хорошо знакомыхъ человѣку, насѣкомыхъ;

4) и если бы даже и было все это, но только не существовало бы на открытомъ

воздухѣ разлагающихся труповъ, то не было бы и насѣкомыхъ съ жалами, зараженными ядомъ этихъ труповъ, почему и не существовало бы никогда на свѣтѣ ни «индійской», ни «левантской», ни «сибирской», ни «ветлянской» заразы, язвы и чумы. А изъ всего этого явствуетъ: что если перваго условія достигнуть немыслимо,—второго, хотя и возможно, но крайне затруднительно,—третьяго, кромѣ того, что возможно, но и крайне желательно,—то четвертаго достигнуть не только легко, но прямо-таки обязательно, такъ какъ въ этомъ-то послѣднемъ и заключается вся суть и корень смертельной заразы.

———

Я кончилъ. Живо представляется мнѣ теперь снова забытая уже было мною сцена въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги. Такъ и чудятся мнѣ опять устремленные на меня взгляды съ удивленіемъ и даже страхомъ открещивающагося отъ привидѣнія молодого купчика.

Неужели, дорогіе читатели, поступите и вы подобно ему въ настоящемъ случаѣ и броситесь бѣжать отъ небывалаго привидѣнія? Тогда я съ грустью долженъ буду сказать вамъ:—успокойтесь, господа! я только пошутилъ съ вами! вѣдь я не авторитетъ, не медикъ, не ученый.

Но я вѣрю и знаю, что иногда и самый простой человѣкъ способенъ оказать во-время сказаннымъ словомъ услугу человѣчеству. И если то, что я написалъ, встрѣтитъ хоть малую долю сочувствія и одобренія, я буду счастливъ и съ чувствомъ полнаго удовлетворенія скажу: — «Ворона — прочь съ мѣста!.. А ясные соколы, господа ученые и медики, покорнѣйше прошу васъ пожаловать на мѣсто! Возвысьте ваши авторитетные голоса и заставьте насъ немножко почиститься: въ Ветлянкѣ еще нѣтъ чумы, но въ Индіи— она уже есть».

РѢЧКА И МѢСЯЦЪ.

Ясный, кроткій мѣсяцъ въ рѣчку заглядѣлся,
Что бѣжала въ рощѣ межъ дубовъ сѣдыхъ,
Заглядѣлся въ холодъ струй ея прозрачныхъ,
Въ темень водъ глубокихъ, чистыхъ и живыхъ.

Заглядѣлся мѣсяцъ и, любуясь, слушалъ
Говоръ-плескъ немолчный рѣчки молодой,
Про ея скитанья, и тоску, и слезы
Въ этой темной рощѣ, старой и глухой.

И шептала рѣчка тихо, боязливо,
Что простора хочетъ, свѣта и лучей.
Но дубы сѣдые, слыша эти рѣчи,
Зашумѣли грозно купами вѣтвей;

Зашумѣвъ склонились, заслонили мѣсяцъ,
Ревности и злобы къ дерзкому полны.
Но бурлила рѣчка: жалобы неволи
Слышались все громче въ ропотѣ волны...

А влюбленный мѣсяцъ, блѣдный лучъ роняя
Сквозь густую чащу, волны цѣловалъ,

Про раздолье моря, про свободы сладость,
Про иную долю рѣчкѣ онъ шепталъ...

И она очнулась... Закипѣла бурей,
Вырвалась изъ рощи на просторъ степной,
Блескомъ залитая, развернула силы,—
И помчалась къ морю полною рѣкой...

* * *

(Сонетъ.)

Нѣтъ, родная, не солнце намъ свѣтитъ съ тобой,
И судьба не даритъ насъ участьемъ,
Мы послѣднія силы въ борьбѣ роковой
Напрягаемъ—въ погонѣ за счастьемъ.

Много пролито слезъ, много прожито мукъ,
Впереди—не одно испытанье,
Но никто нашихъ рукъ, нашихъ стиснутыхъ рукъ
Не разниметъ въ минуты страданья...

Погляди на меня: я усталъ, изнемогъ,
Подъ собой я не слышу натруженныхъ ногъ,—
Но чѣмъ дальше, тѣмъ ярче пылаетъ

Этотъ свѣточъ любви въ бѣдномъ сердцѣ моемъ,
Эта вѣра слѣпая, что только вдвоемъ
Насъ блаженство съ тобой ожидаетъ!..

ДВА СОЗНАНІЯ.

Я—человѣкъ!.. Отрадное сознанье,
И гордъ я имъ въ сердечной простотѣ!
Я—человѣкъ, вѣнецъ всего созданья,
И равнаго мнѣ нѣтъ по красотѣ!
Я—царь земли! Подвластна мнѣ природа,
Всѣ тайны я постигъ своимъ умомъ,
И, если есть безсмертье и свобода,—
Они мои—теперь или потомъ!
Я—человѣкъ... Печальное сознанье,
И вѣчный стыдъ за жалкій родъ людской!
Я—человѣкъ, я—сѣятель страданья,
Разврата, слезъ и распри міровой...
Я лжи отецъ, я лести другъ презрѣнный,
Я злата рабъ, и мысли фарисей,
Я рабъ всего,—въ кичливости надменной
Гордящійся свободою своей!..

А. Грешнеръ.

Грѣхи дѣтства.

Повѣсть **Болеслава Пруса.**

(Съ польскаго.)

Я родился въ эпоху, когда каждому человѣку обязательно присваивался титулъ, хотя и не всегда соотвѣтствующій его достоинству.

По этой причинѣ нашу помѣщицу называли графиней, моего отца—ея управляющимъ, а меня очень рѣдко Казей или Лѣсневскимъ и очень часто—сорвиголовой, пока я былъ дома, и осломъ, когда я поступилъ въ гимназію.

Напрасно сталъ бы кто-нибудь искать имя графини въ спискѣ родовитыхъ аристократическихъ фамилій. Мнѣ кажется, что блескъ ея графской короны не простирается далѣе управительства моего покойнаго отца. Я припоминаю даже, что титулъ графини былъ своего рода памятникомъ, которымъ мой отецъ увѣковѣчилъ радостный случай повышенія его жалованья на сто злотыхъ въ годъ. Наша госпожа молча приняла поднесенный ей титулъ, а черезъ нѣсколько дней спустя мой отецъ изъ эконома превратился въ управляющаго и получилъ въ награду, вмѣсто диплома, неслыханной величины свинью, продавъ которую, онъ въ первый разъ купилъ мнѣ сапоги.

Отецъ, я и моя сестра Зося (матери у меня уже не было въ живыхъ) жили въ каменномъ флигелькѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ господскаго дома. Господскій домъ занимала сама графиня съ дочерью Леней, моей ровесницей, съ ея гувернанткой, старой ключницей Соломоніей и огромнымъ числомъ горничныхъ и сѣнныхъ дѣвушекъ. Эти дѣвушки по цѣлымъ днямъ шили, изъ чего я вывелъ заключеніе, что большіе господа существуютъ на то, чтобы рвать одежду, а дѣвушки — чтобы ее исправлять. Объ иныхъ предназначеніяхъ важныхъ дамъ и бѣдныхъ дѣвушекъ я не имѣлъ понятія, что̀, въ глазахъ моего отца, было однимъ изъ моихъ достоинствъ.

Графиня была молодой вдовой, которую мужъ довольно рано повергъ въ безутѣшную скорбь. Насколько мнѣ извѣстно изъ разсказовъ, покойнаго никто не величалъ графомъ, а онъ никого не звалъ своимъ управляющимъ. Вмѣсто того, сосѣди, съ удивительнымъ въ нашемъ краю единодушіемъ, называли его полковникомъ. Какъ бы то ни было, это былъ человѣкъ замѣчательный: загонялъ верховыхъ лошадей, топталъ, охотясь, крестьянскіе посѣвы и съ сосѣдями дрался на дуэляхъ изъ-за собакъ и зайцевъ. Дома терзалъ жену ревностью, а дворнѣ отравлялъ жизнь длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Когда онъ умеръ, его верховыя лошади стали возить навозъ, а собакъ раздарили. Свѣтъ получилъ послѣ него въ наслѣдство маленькую дочку и молодую вдову. Ахъ, виноватъ: остался еще писанный масляными красками портретъ покойника, съ фамильнымъ перстнемъ на пальцѣ, и тотъ черешневый чубукъ, который, благодаря несоотвѣтственному примѣненію, выгнулся, какъ турецкая сабля.

Господскаго дома я почти не зналъ: во-первыхъ, потому, что мнѣ больше нра-

вилось безпрепятственно рыскать по полямъ, чѣмъ ежеминутно падать на скользкомъ паркетѣ, а во-вторыхъ, потому, что меня не пускали туда лакеи, такъ какъ я на первомъ же шагу имѣлъ несчастіе разбить большую севрскую вазу.

Съ дочерью графини, до моего поступленія въ гимназію, я игралъ только одинъ разъ, когда намъ обоимъ не было еще и десяти лѣтъ. Пользуясь случаемъ, я хотѣлъ было научить ее искусству лазить по деревьямъ и съ этой цѣлью втащилъ ее на заборъ такимъ образомъ, что дѣвочка стала кричать не своимъ голосомъ, за что ея гувернантка побила меня голубымъ зонтикомъ, говоря, что я могъ сдѣлать Леню на всю жизнь несчастной.

Съ тѣхъ поръ я почувствовалъ презрѣніе къ маленькимъ дѣвочкамъ, изъ которыхъ ни одна не была въ состояніи ни лазить по деревьямъ, ни купаться со мною въ пруду, ни ѣздить верхомъ, ни стрѣлять изъ лука, ни бросать камни изъ пращи. Во время же битвъ, безъ которыхъ и игра не въ игру, почти каждая изъ нихъ распускала нюни и бѣжала кому-нибудь жаловаться. А такъ какъ съ дворовыми мальчишками отецъ тоже не позволялъ мнѣ водить знакомства, а сестра почти цѣлые дни проводила въ господскомъ домѣ, то я росъ одинъ, какъ хищный птенчикъ, брошенный родителями на произволъ судьбы. Я то купался подъ мельничными колесами, то въ дырявомъ челнокѣ плавалъ по пруду, а въ паркѣ, съ кошачьей ловкостью, гонялся по деревьямъ за бѣлками. Однажды мой челнокъ опрокинулся, и я полдня просидѣлъ на пловучемъ островкѣ величиной не болѣе лохани. Еще однажды черезъ дымовую трубу я такъ неудачно вскарабкался на крышу, что пришлось связать двѣ лѣстницы, чтобы достать меня оттуда. Въ другой разъ я цѣлыя сутки проплуталъ въ лѣсу, а еще разъ старая верховая лошадь покойнаго помѣщика, вспомнивъ вѣроятно былое, цѣлый часъ носила меня по полямъ и въ концѣ концовъ—по всей вѣроятности, нехотя—довела до перелома ноги, которая, впрочемъ, зажила потомъ очень скоро.

Лишенный человѣческаго общества, я поневолѣ жилъ съ природой. Я зналъ въ паркѣ каждый муравейникъ, въ полѣ—каждую норку хомяка, въ саду—каждую лазейку крота. Мнѣ были знакомы всѣ гнѣзда и всѣ дупла, въ которыхъ водились молодыя бѣлки. Я различалъ шелестъ каждой липы около дома и умѣлъ напѣвать то, что̀ вѣтеръ наигрываетъ на деревьяхъ. Не разъ я слышалъ въ лѣсу чьи-то незримые шаги, хотя не зналъ, чьи они? Я всматривался въ мерцаніе звѣздъ, бесѣдовалъ съ ночной тишиной, и такъ какъ мнѣ некого было цѣловать, то я цѣловалъ дворовыхъ собакъ. Мать моя давно уже опочила въ землѣ. Подъ придавившимъ ее камнемъ успѣло образоваться отверстіе, достигавшее, вѣроятно, до самаго гроба. Какъ-то разъ, когда меня за что-то выпороли, я отправился туда, сталъ звать ее, прикладывалъ ухо къ отверстію, прислушивался, не отвѣтитъ ли,—но она ничего мнѣ не отвѣтила: должно-быть, и въ самомъ дѣлѣ умерла.

Въ то время въ умѣ моемъ складывались первыя представленія о людяхъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ моемъ воображеніи, управляющій непремѣнно долженъ былъ обладать нѣкоторой полнотой, имѣть румяное лицо, опущенные книзу усы, большія брови надъ сѣрыми глазами, густой басъ и по крайней мѣрѣ такую способность кричать, какъ мой отецъ. Особу, которую звали графиней, я не могъ представить себѣ иначе, какъ высокой дамой съ прекраснымъ лицомъ и печальными глазами, молча прогуливающейся по парку въ бѣломъ платьѣ со шлейфомъ.

Зато о человѣкѣ, носившемъ титулъ графа, я не могъ составить себѣ никакого понятія. Такой человѣкъ, если бы онъ даже существовалъ въ дѣйствительности, представлялся мнѣ вещью, заслуживающей несравненно меньшаго внима-

нія, чѣмъ графиня, и даже вещью вовсе не нужной и неприличной. По моимъ взглядамъ, только широкое одѣяніе, съ длинными полами, могло соотвѣтствовать титулу его свѣтлости; всякія же принадлежности костюма, короткія, плотно прилегающія къ тѣлу, а тѣмъ болѣе составленныя изъ двухъ половинокъ, могли годиться только сельскимъ экономамъ, винокурамъ и, въ лучшимъ случаѣ, управляющимъ.

Таково было мое представленіе о вліятельныхъ особахъ, основанное на наставленіяхъ отца, который неустанно старался внушить мнѣ, что нужно любить и уважать госпожу графиню. Впрочемъ, если бы я когда-нибудь случайно забылъ объ этихъ наставленіяхъ, то достаточно мнѣ было взглянуть на выкрашенный въ вишневый цвѣтъ шкапъ въ канцеляріи моего отца, гдѣ, рядомъ съ хозяйственными расписками и замѣтками, висѣла на гвоздикѣ пятихвостая плетка,— воплощеніе основъ общественнаго порядка! Для меня она была въ нѣкоторомъ родѣ энциклопедіей: взирая на нее, я припоминалъ себѣ, что не нужно рвать башмаковъ, тянуть жеребятъ за хвостъ, что всякая власть исходитъ отъ Бога и т. д.

Отецъ мой былъ человѣкъ неутомимый въ работѣ, безукоризненно вѣжливый и даже мягкій по характеру. Изъ крестьянъ и дворни онъ никого не тронулъ пальцемъ, а на виновныхъ только страшно кричалъ. Если же подчасъ онъ былъ строгъ по отношенію ко мнѣ, то, очевидно, не безъ уважительныхъ причинъ. Нашъ органистъ,—которому я подсыпалъ въ нюхательный табакъ немного чемерицы, благодаря чему онъ, вмѣсто того, чтобы пѣть, чихалъ въ продолженіе цѣлой обѣдни и постоянно ошибался въ нотахъ, — часто говаривалъ, что, имѣй онъ такого сына, какъ я, онъ влѣпилъ бы ему пулю въ лобъ.

Его слова крѣпко врѣзались у меня въ памяти.

Графиню отецъ называлъ ангеломъ доброты. Дѣйствительно, въ ея деревнѣ не было ни голодныхъ, ни оборванныхъ, ни обиженныхъ. Кто терпѣлъ какую-нибудь несправедливость,—приходилъ къ ней съ жалобою; кто былъ боленъ,— получалъ въ усадьбѣ лѣкарство; у кого рождался ребенокъ,—тотъ просилъ помѣщицу быть воспріемницей. Моя сестра училась вмѣстѣ съ дочерью графини, и самъ я, хотя и уклонялся отъ знакомства съ аристократами, имѣлъ, однако, случай убѣдиться въ чрезвычайной добротѣ графини.

У моего отца было нѣсколько родовъ оружія, и каждое изъ нихъ имѣло особое назначеніе. Огромная двустволка должна была служить для избіенія волковъ, которые давили телятъ нашей помѣщицы; кремневый пистолетъ предназначался для охраны всякой другой собственности графини, а сабля—для защиты ея чести. Свое имущество и честь отецъ защищалъ бы, навѣрное, простою палкой, потому что все это ратное вооруженіе, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ смазанное жиромъ, лежало гдѣ-то такъ далеко на чердакѣ, что даже я не могъ его найти.

Но я зналъ объ этомъ оружіи и очень тосковалъ по немъ. Не разъ мнѣ казалось, что я совершу такой благородный подвигъ, за который отецъ разрѣшитъ мнѣ стрѣлять изъ огромнаго пистолета, а пока что — я убѣгалъ къ полѣсовщикамъ и учился стрѣлять изъ ихъ длинныхъ одностволокъ, которыя имѣли ту особенность, что при выстрѣлѣ непосредственный ущербъ наносили моимъ зубамъ, не трогая ни одного творенія.

Однажды, во время смазыванія масломъ двустволки, предназначенной для волковъ, пистолета на защиту имущества и сабли на защиту чести графини, мнѣ удалось стащить у отца горсть пороху, который, насколько я помню, не имѣлъ спеціальнаго назначенія. Когда отецъ уѣхалъ въ поле, я схватилъ огромный ключъ отъ амбара,—ключъ, въ которомъ было отверстіе, напоминавшее жерло пушки, а также

имѣлась дырочка сбоку,—и отправился на охоту.

Этотъ ключъ я до половины набилъ порохомъ, насыпалъ сверху щепотку поломанныхъ пуговицъ отъ той части костюма, называть которую не принято, забилъ, какъ слѣдуетъ, паклей, а чтобы можно было выстрѣлить, захватилъ съ собою коробку фитилей.

Едва я очутился за домомъ, какъ тотчасъ же замѣтилъ нѣсколькихъ воронъ, гонявшихся за дворовыми утятами. Почти на моихъ глазахъ одна ворона схватила утенка и, не будучи въ состояніи достаточно легко справиться съ нимъ, присѣла на крышѣ хлѣва.

При видѣ этого во мнѣ заиграла кровь предковъ изъ-подъ Вѣны. Я подкрался къ хлѣву, приложилъ фитиль, прицѣлился ключомъ въ лѣвый глазъ вороны, чиркнулъ спичкой, зажегъ... Грохнуло—точно громъ ударилъ. Съ крыши хлѣва скатился на землю уже задавленный утенокъ; ворона, пораженная смертельнымъ страхомъ, перелетѣла на самую высокую липу, я же съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ моихъ рукахъ отъ большого ключа осталось только ухо, но зато изъ соломенной крыши хлѣва стала подыматься небольшая струйка дыма, точно кто-то курилъ трубку.

Нѣсколько минутъ спустя хлѣвъ, стòящій около пятидесяти злотыхъ, былъ уже весь охваченъ огнемъ.

Прибѣжали люди, прискакалъ на лошади мой отецъ, и въ присутствіи всѣхъ этихъ отважныхъ и почетныхъ особъ недвижимость «сгорѣла до самой земли»,—какъ выразился винокуръ.

Въ это время со мною творились неслыханныя вещи. Сперва я побѣжалъ домой и повѣсилъ на прежнее мѣсто ухо разорваннаго ключа; потомъ убѣжалъ въ паркъ съ намѣреніемъ утопиться въ прудѣ; черезъ секунду затѣмъ совершенно измѣнилъ проектъ, рѣшилъ лгать, какъ сельскій экономъ, и отпереться отъ ключа, стрѣлянья и хлѣва. Когда же меня изловили—я сразу признался во всемъ.

Меня повели въ господскій домъ. На террасѣ я увидѣлъ моего отца, графиню въ платьѣ со шлейфомъ, дочь графини, одѣтую въ короткое платьице, и мою сестру—обѣихъ плачущими; потомъ — ключницу Соломонію, камердинера, лакея, буфетчика, повара, поваренка и цѣлый рой горничныхъ, служанокъ и дворовыхъ дѣвушекъ. Когда я повернулъ глаза въ противоположную сторону, я увидѣлъ за постройками зеленыя верхушки липъ, а немного дальше — золотисто-коричневый столбъ дыма, который, какъ будто нарочно, подымался надъ пепелищемъ.

Въ эту минуту мнѣ припомнились слова органиста, который говорилъ о необходимости влѣпить мнѣ пулю въ лобъ, и я пришелъ къ заключенію, что, какъ тамъ ни разсуждай, а сегодня мнѣ навѣрное придется умереть насильственной смертью. Я поджегъ хлѣвъ, испортилъ ключъ отъ амбара; сестра плачетъ, вся дворня въ полномъ сборѣ стоитъ передъ домомъ,—чтò же это можетъ означать?... Я смотрѣлъ только, захватилъ ли поваръ съ собою ружье, такъ какъ на его обязанности лежала охота на зайцевъ, а также пристрѣливаніе опасно больныхъ домашнихъ животныхъ.

Меня привели къ самой графинѣ. Она взглянула на меня печальными глазами, а я, заложивъ руки назадъ (какъ это я имѣлъ обыкновеніе машинально дѣлать въ присутствіи моего отца), поднялъ голову кверху, потому что графиня была высокаго роста.

Въ такомъ положеніи мы въ теченіе нѣсколькихъ минутъ молча глядѣли другъ на друга. Дворня тоже хранила молчаніе, а въ воздухѣ носился запахъ гари.

— Мнѣ кажется, господинъ Лѣсневскій, что этотъ мальчикъ очень живого темперамента?—сказала мелодичнымъ голосомъ графиня моему отцу.

— Негодяй!.. поджигатель!.. испортилъ мнѣ ключъ отъ амбара!—отвѣчалъ отецъ и

потомъ быстро добавилъ:—Кланяйся въ ноги графинѣ, разбойникъ!..

И онъ слегка подтолкнулъ меня впередъ.

— Если вы хотите меня убить, такъ убейте, но я никому не стану кланяться въ ноги!—отвѣчалъ я, не спуская глазъ съ графини, которая произвела на меня удивительное впечатлѣніе.

— Ахъ ты... Боже!..—вздохнула огорченная Соломонія, складывая руки.

— Успокойся, мой мальчикъ, здѣсь тебя никто не обидитъ,—сказала графиня.

— Какъ же, никто!.. Какъ будто я не знаю, что вы пустите мнѣ пулю въ лобъ... Это мнѣ и органистъ обѣщалъ,—отвѣтилъ я.

— Ахъ ты... Боже!..—воскликнула второй разъ ключница.

— Позоритъ онъ мою старость!—отозвался отецъ.—Три шкуры спустилъ бы я съ него, подлеца, и посыпалъ бы солью, если бы вы, графиня, не взяли его подъ свою защиту.

Стоявшій на углу террасы поваръ закрылъ рукою ротъ и смѣялся до того, что весь посинѣлъ. Я не могъ сдержаться и показалъ ему языкъ.

Дворня стала отъ удивленія перешептываться, а отецъ, схвативъ меня за плечо, крикнулъ:

— А, ты опять за продѣлки!.. Въ присутствіи графини смѣешь показывать языкъ!..

— Я показалъ языкъ повару, чтобъ онъ не думалъ, будто меня можно такъ же пристрѣлить, какъ старую буланку...

Графиня еще больше опечалилась. Она отвела рукою волосы у меня со лба, глубоко поглядѣла въ мои глаза и сказала отцу:

— Кто знаетъ, господинъ Лѣсневскій, что̀ еще выйдетъ изъ этого ребенка!..

— Висѣльникъ! — коротко отвѣтилъ огорченный отецъ.

— Неизвѣстно еще, — отвѣтила она, гладя мои топорщившіеся ежомъ волосы.— Слѣдовало бы отдать его въ гимназію, а то здѣсь онъ одичаетъ.

Потомъ, уходя въ гостиную, она прибавила вполголоса:

— Изъ него можетъ выйти человѣкъ, господинъ Лѣсневскій!.. Нужно только учить его.

— Все будетъ сдѣлано согласно волѣ графини! — отвѣчалъ отецъ, давая мнѣ подзатыльникъ.

Всѣ ушли съ террасы; я остался одинъ, неподвижный, какъ камень, не сводя глазъ съ дверей, за которыми скрылась наша помѣщица. Теперь только я съ сожалѣніемъ подумалъ, отчего я не упалъ къ ея ногамъ, и почувствовалъ, какъ что-то сдавило мнѣ грудь. Если бы она приказала, я охотно легъ бы на пепелище хлѣва и медленно изжарился бы на немъ:—не за то, что она не позволила ни застрѣлить меня повару, ни избить меня, но за то, что у нея былъ такой нѣжный голосъ и печальный взоръ.

Съ этого дня насталъ конецъ моей свободѣ. Графинѣ не хотѣлось терять отъ пожара остальныхъ построекъ, отцу было жаль, что онъ не могъ по-своему свести со мной счетовъ за сожженый хлѣвъ, а я самъ долженъ былъ готовиться въ гимназію. Учили меня органистъ и винокуръ. Поговаривали даже, что со мною будетъ заниматься гувернантка изъ господскаго дома. Но когда эта дама, при первомъ знакомствѣ со мной, увидѣла, что у меня полны карманы ножей, камней, дроби и пистоновъ, она такъ перепугалась, что не захотѣла видѣть меня вторично.

— Я такимъ бандитамъ не даю уроковъ,—объявила она моей сестрѣ.

Къ этому времени я, однако, уже остепенился. Только разъ какъ-то пришло мнѣ въ голову желаніе, для пробы, повѣситься. Но потомъ подвернулось подъ руку какое-то другое занятіе, и я не сдѣлалъ себѣ ничего дурного.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ августа, меня отвезли въ гимназію.

Экзаменъ я выдержалъ отлично, благодаря рекомендательнымъ письмамъ графини. По окончаніи экзаменовъ отецъ

устроилъ меня на квартирѣ съ репетиторомъ, родительской опекой и всевозможными удобствами за 200 злотыхъ и пять мѣрокъ мѣсячины въ годъ, и сдѣлалъ мнѣ гимназическій мундиръ.

Новый нарядъ такъ завладѣлъ моимъ вниманіемъ, что, не имѣя возможности достаточно налюбоваться имъ въ теченіе дня, я всталъ тихонько ночью, надѣлъ впотьмахъ мундиръ съ краснымъ воротникомъ, надѣлъ на голову фуражку съ краснымъ околышемъ и хотѣлъ было просидѣть такъ нѣсколько минутъ. Но въ виду того, что ночь была дождливая, отъ дверей тянуло холодомъ, а мундиромъ и шапкой было прикрыто совершенное неглиже, я слегка вздремнулъ и незамѣтно проспалъ въ этомъ облаченіи до утра. Такой способъ ночевки весьма развеселилъ моихъ коллегъ, но въ хозяинѣ нашей квартиры пробудилъ подозрѣніе, что у него въ домѣ необычайный сорванецъ. Ни минуты не медля, онъ побѣжалъ въ гостиницу, гдѣ остановился мой отецъ, и объявилъ ему, что ни за какія сокровища не хочетъ держать меня на квартирѣ,—развѣ только если отецъ прибавитъ ему еще пять мѣрокъ картофеля въ годъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, порѣшили на трехъ мѣркахъ, но зато, въ свою очередь, отецъ попрощался со мной такимъ демонстративнымъ образомъ, что я нимало не сожалѣлъ, когда онъ собрался въ обратный путь, и очень мало тосковалъ по домѣ, гдѣ меня часто могли встрѣчать подобныя оваціи.

Прохожденіе мною науки въ первомъ классѣ не представляетъ особенно выдающихся моментовъ. Теперь, разсматривая то время въ исторической перспективѣ,—необходимой, какъ извѣстно, для произнесенія объективнаго приговора,—я прихожу къ заключенію, что, въ общихъ чертахъ, жизнь моя измѣнилась мало. Въ гимназіи я немного дольше просиживалъ въ комнатѣ, дома—немного больше бѣгалъ на свѣжемъ воздухѣ. Я перемѣнилъ партикулярное платье на мундиръ, а лица, трудившіяся надъ гармоническимъ развитіемъ моихъ физическихъ и душевныхъ способностей, вмѣсто плетки пользовались розгой.

Вотъ и все.

Школа, какъ извѣстно, благодаря своему разнохарактерному обществу, приготовляетъ мальчиковъ къ жизни на людяхъ и даетъ имъ такія знанія, какихъ они ни за что не пріобрѣли бы, живя въ одиночку. Въ этой истинѣ я убѣдился черезъ недѣлю по поступленіи въ гимназію, гдѣ я научился искусству *жать масло*, что̀ требуетъ по меньшей мѣрѣ трехъ человѣкъ и, слѣдовательно, не можетъ существовать внѣ предѣловъ товарищества.

Теперь только я открылъ въ себѣ тотъ несомнѣнный талантъ, природа котораго оберегала меня отъ умозрительныхъ потугъ и толкала въ сторону общественной дѣятельности. Я принадлежалъ къ числу перворазрядныхъ игроковъ въ мячъ, бывалъ *маткой* въ битвахъ, устраивалъ внѣклассныя прогулки, называемыя *вагусами* (vago—блуждать), дирижировалъ въ классѣ всеобщимъ топаньемъ или мычаньемъ, что̀ мы, для отдохновенія, устраивали подчасъ въ числѣ шестидесяти человѣкъ. Но я чувствовалъ себя одинокимъ среди грамматическихъ правилъ, исключеній, склоненій и спряженій, составляющихъ, какъ извѣстно, основу философскаго мышленія, и, при столкновеніяхъ съ ними, немедленно ощущалъ въ душѣ какую-то пустоту, изъ глубины которой подымалась сонливость.

Если, при такой способности лѣниться, я отвѣчалъ уроки подчасъ довольно гладко, то единственно благодаря хорошему зрѣнію, которое позволяло мнѣ свободно читать по книгѣ, лежавшей на второй или на третьей скамейкѣ отъ меня. Изрѣдка случалось, что я отвѣчалъ совершенно не то, что̀ было задано, но тогда я прибѣгалъ къ обычному въ такихъ случаяхъ оправданію: я говорилъ въ такихъ случаяхъ, что не разслышалъ вопроса, или же—что «испугался».

Вообще, я былъ ученикомъ будущаго, не только потому, что возбуждалъ неудовольствіе въ старыхъ рутинерахъ и привлекалъ симпатіи молодыхъ, но и потому, что хорошія отмѣтки изъ разныхъ предметовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ надежду на переводъ въ высшій классъ я видѣлъ только въ мечтахъ, убѣгавшихъ далеко за предѣлы настоящей дѣйствительности.

Мои личныя отношенія съ учителями были различны.

Учитель латинскаго языка ставилъ мнѣ дурныя отмѣтки за то, что я прилежно учился гимнастикѣ, которую преподавалъ онъ же. Ксендзъ совсѣмъ не ставилъ мнѣ отмѣтокъ, потому что я постоянно забрасывалъ его вопросами, на которые неизмѣннымъ отвѣтомъ съ его стороны было: «Лѣсневскій, стань на колѣни!» Учитель рисованія и чистописанія оказывалъ мнѣ вниманіе, какъ художникъ, но порицалъ, какъ каллиграфъ; а такъ какъ въ его представленіи искусство чистописанія было самымъ важнымъ предметомъ, то перевѣсъ оказывался на сторонѣ каллиграфіи, и онъ ставилъ мнѣ единицы, а коекогда—двойки.

Ариѳметику я зналъ прекрасно, потому что преподаваніе этого предмета было основано на наглядномъ методѣ, то-есть на «битьѣ по ладони» въ случаѣ незнанія. Учитель польскаго языка пророчилъ мнѣ блестящую карьеру, потому что, однажды, мнѣ удалось написать ко дню его именинъ стихотвореніе, въ которомъ прославлялась его строгость. Наконецъ, отмѣтки изъ другихъ предметовъ зависѣли отъ того, хорошо ли подсказывали мои сосѣди, и была ли на надлежащемъ мѣстѣ раскрыта книга, лежащая на предыдущей партѣ.

Но съ кѣмъ я былъ совершенно на короткой ногѣ, такъ это съ инспекторомъ. Этотъ человѣкъ такъ привыкъ къ изгнанію меня изъ класса во время уроковъ и къ свиданіямъ со мной послѣ уроковъ, что казался очень озабоченнымъ, если въ теченіе цѣлой недѣли я почему-либо не приходилъ ему на память.

— Лѣсневскій!—позвалъ онъ однажды, видя, что я уже ухожу изъ класса домой. — Лѣсневскій!.. А почему ты не остаешься?..

— Но я вѣдь ничего не сдѣлалъ, — отвѣчалъ я ему.

— Какъ, и ты не былъ записанъ въ штрафной журналъ?

— Ей-Богу, не былъ!

— И зналъ всѣ уроки?

— Но вѣдь меня сегодня не спрашивали!..

Инспекторъ задумался.

— Тутъ что-то не такъ! — пробормоталъ онъ.—Знаешь, Лѣсневскій, останься-ка ты лучше на часъ.

— Господинъ инспекторъ, да вѣдь я ни въ чемъ не виноватъ!.. Ей-Богу!..

— Ага!.. Ты божишься, оселъ!.. Останься, я тебѣ говорю!.. А если ты и въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ не провинился, такъ это тебѣ зачтется на другой разъ!..

Вообще я имѣлъ у инспектора открытый кредитъ, что̀ въ гимназіи доставляло мнѣ нѣкоторую популярность, тѣмъ болѣе дѣйствительную, что она никого не побуждала къ конкуренціи.

(Продолженіе будетъ.)

Гигіеническія бесѣды.

Проф. **Ф. Ф. Эрисмана.**

(Продолженіе.)

9. Искусственная вентиляція; связь ея съ отопленіемъ. Мѣстная вентиляція: вентиляціонные камины и печи. Центральная вентиляція, основанная на разности температуръ; санитарныя требованія. Вентиляція при помощи механической силы.

Искусственный обмѣнъ воздуха требуется вездѣ тамъ, гдѣ естественная вентиляція, даже при усиленіи ея тѣми простыми средствами, о которыхъ рѣчь была въ концѣ предыдущей бесѣды, не можетъ обезпечить достаточной чистоты комнатнаго воздуха. Сюда относятся помѣщенія, въ которыхъ существуютъ какіе-нибудь особенные, неустранимые источники порчи воздуха (какъ, напримѣръ, мастерскія въ ремесленныхъ заведеніяхъ, на фабрикахъ и заводахъ), или въ которыхъ значительное количество людей имѣютъ свое временное или постоянное пребываніе — концертныя и театральныя залы, больницы, казармы, учебныя заведенія и т. п. Правда, и въ подобныхъ помѣщеніяхъ естественная вентиляція не исключается, и устройство искусственной вентиляціи не избавляетъ насъ отъ необходимости заботиться о томъ, чтобы вездѣ можно было отъ времени до времени основательно освѣжать воздухъ при помощи открытыхъ оконъ или форточекъ. Плоха была бы, съ санитарной точки зрѣнія, та школа или больница, въ окнахъ которой, въ расчетѣ на искусственный обмѣнъ воздуха, не было бы устроено фортокъ въ надлежащемъ количествѣ и надлежащихъ размѣровъ. И въ школѣ, и въ больницѣ, и въ тюрьмѣ, и въ казармѣ всегда найдется время, когда въ извѣстныхъ помѣщеніяхъ можно вентилировать при помощи открытыхъ оконъ или фортокъ, и *никогда не слѣдуетъ пренебрегать этимъ простымъ средствомъ*, потому что воздухъ, непосредственно входящій въ комнаты естественными путями, всегда имѣетъ извѣстныя преимущества передъ тѣмъ воздухомъ, который притекаетъ черезъ длинные каналы и на своемъ пути приходитъ въ прикосновеніе съ нагрѣвательными поверхностями. Но такъ какъ въ дурную или холодную погоду нельзя открывать фортокъ въ то время, когда тутъ находятся учащіеся, или больные, или солдаты и т. д., а между тѣмъ помѣщеніе, во избѣжаніе сильной порчи воздуха, нуждается въ постоянномъ возобновленіи его, то и необходимо въ такихъ мѣстахъ устраивать искусственныя приспособленія для безпрерывнаго притока свѣжаго и притомъ предварительно слегка подогрѣтаго воздуха.

При искусственной вентиляціи, для того, чтобы привести воздухъ въ движеніе, мы пользуемся тѣми же силами, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ и естественная вентиляція, то-есть *разностью температуръ* и *механической силой*; разница заключается только въ томъ, что при искусственномъ обмѣнѣ воздуха послѣдній приводится въ движеніе не естественными температурными разницами и не вѣтромъ, а при помощи нарочно для этого устроенныхъ, часто весьма сложныхъ, приспособленій. Бо́льшей частью вентиляціонныя системы основаны на разности въ температурѣ воздушныхъ массъ и болѣе или менѣе неразрывно связаны съ приборами для отопленія, потому что въ этомъ случаѣ температурныя разницы, необходимыя для вентиляціи, получаются съ возможно меньшей затратой. Иногда даже одинъ и тотъ же воздухъ употребляется и для нагрѣванія помѣщеній, и для провѣтриванія ихъ. Эта традиціонная связь между отопленіемъ и вентиляціей несомнѣнно имѣла свои хорошія стороны, такъ какъ, удешевляя устройство сооруженій для искусственной вентиляціи, она безспорно способствовала широкому примѣненію послѣдней; въ то же время, однако, она послужила существеннымъ препятствіемъ для надлежащаго усовершенствованія вентиляціонныхъ сооруженій, такъ какъ техники, въ составленіи своихъ проектовъ, всегда были стѣснены извѣстными рамками. Вполнѣ понятно, что

зависимость вентиляціи отъ отопленія могла бы быть оправдываема только въ такомъ случаѣ, если бы потребность наша въ теплѣ и въ свѣжемъ воздухѣ во всякое время возрастала и уменьшалась въ одинаковой мѣрѣ. На самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ: въ чистомъ воздухѣ мы нуждаемся *постоянно*, тогда какъ необходимость отапливать замкнутыя помѣщенія является лишь *временно*, и потребность въ искусственномъ развитіи тепла, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, значительно мѣняется, въ зависимости отъ времени года и отъ погоды. Менѣе всего опаснымъ подчиненіе вентиляціи отопленію представляется зимой, во время холодовъ; здѣсь мы нуждаемся въ теплѣ и въ притокѣ свѣжаго воздуха приблизительно въ одинаковой мѣрѣ, и нѣтъ никакой бѣды въ томъ, если мы, желая сильнѣе отапливать какое-либо помѣщеніе, въ то же время получаемъ и возможность энергичнѣе вентилировать его. Другое дѣло въ переходныя времена года—осенью и весной; здѣсь роль отопленія становится второстепенной, и для поддержанія комнатной температуры на надлежащей высотѣ намъ не нужно много искусственнаго тепла; вентиляція же какъ разъ въ это время должна быть усилена, такъ какъ, вслѣдствіе небольшихъ температурныхъ разницъ между наружнымъ и внутреннимъ воздухомъ, условія для естественнаго обмѣна воздуха представляются неблагопріятными. Здѣсь, слѣдовательно, потребности въ теплѣ и въ чистомъ воздухѣ не совпадаютъ: въ интересахъ вентиляціи нужно усиленно топить; но такъ какъ для нагрѣванія помѣщеній тепла требуется немного, то получается болѣе или менѣе значительный излишекъ его, котораго некуда дѣвать. Это, конечно, невыгодно и въ экономическомъ отношеніи. На этомъ основаніи и гигіенисты, и техники стремятся въ настоящее время къ тому, *чтобы искусственную вентиляцію сдѣлать по возможности независимой отъ отопленія* и пользоваться для вентиляціи приборами, служащими для отопленія, лишь настолько, насколько это возможно безъ ущерба для обмѣна воздуха въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, то-есть тамъ, гдѣ эта комбинація не мѣшаетъ намъ, смотря по потребности, усиленно вентилировать при слабомъ нагрѣваніи помѣщеній, или даже, совершенно прекращая послѣднее, пустить въ ходъ одну вентиляцію.

Искусственная вентиляція можетъ быть устроена такъ, что каждое помѣщеніе имѣетъ свои отдѣльные вентиляціонные приборы, дѣйствующіе самостоятельно и независимо отъ приборовъ, существующихъ для обмѣна воздуха въ другихъ помѣщеніяхъ того же зданія; въ этомъ случаѣ мы называемъ вентиляцію *мѣстной*. Однако, во многихъ случаяхъ приборы, служащіе для вентиляціи отдѣльныхъ помѣщеній, соединены съ однимъ общимъ источникомъ тепла или силы, приводящимъ въ движеніе воздухъ для цѣлаго зданія или, по крайней мѣрѣ, для значительной части его; это — такъ-называемая *центральная* вентиляція. Въ томъ и другомъ случаѣ движущей силой можетъ служить температурная разница; что же касается механическихъ приборовъ, то они употребляются почти исключительно при центральной вентиляціи.

Надлежащее устройство искусственной вентиляціи обнимаетъ собой какъ *притокъ свѣжаго*, такъ и *удаленіе испорченнаго воздуха*, хотя и при мѣстныхъ и при центральныхъ системахъ вентиляціи нерѣдко ограничиваются приспособленіями для послѣдней цѣли, предоставляя тому воздуху, который долженъ замѣнять собой удаляемый воздухъ, самому выбирать себѣ путь проникновенія. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, нельзя ручаться за чистоту притекающаго воздуха, такъ какъ онъ будетъ входить въ вентилируемое пространство не только снаружи, но и изъ смежныхъ помѣщеній, если только, по той или другой причинѣ, вытяжная вентиляція работаетъ слабо. Здѣсь, слѣдовательно, можетъ получаться притокъ воздуха весьма разнообразнаго происхожденія и далеко не всегда безупречнаго качества. Поэтому, съ санитарной точки зрѣнія, *заслуживаютъ предпочтенія такія системы искусственной вентиляціи, при которыхъ существуютъ не только приборы для удаленія (вытягиванія) испорченнаго комнатнаго воздуха, но и спеціальныя приспособленія для притока свѣжаго и чистаго воздуха снаружи.*

Количество приборовъ и системъ для искусственной вентиляціи весьма многочисленно и разнообразно, начиная отъ простыхъ вентиляціонныхъ каминовъ и печей и кончая чрезвычайно сложными и дорого стоящими сооруженіями, въ достоинствахъ и недостаткахъ которыхъ трудно оріентироваться для неспеціалиста, тѣмъ болѣе, что строго-научная оцѣнка и критическая провѣрка предлагаемыхъ системъ далеко не всегда идетъ параллельно съ энергіей изобрѣтателей. Поэтому мы познакомимъ здѣсь читателя лишь съ нѣсколькими типами устройства мѣстной и центральной вентиляціи, а также съ тѣми принципами, которыми должно руководствоваться при сооруженіи и при санитарной оцѣнкѣ ихъ.

Самымъ простымъ приборомъ для *мѣстной* искусственной вентиляціи представляется *усовершенствованный каминъ*, который, по имени своего изобрѣтателя, называется каминомъ *Дугласа-Дальтона* и получилъ широкое примѣненіе въ Англіи, въ особенности въ англійскихъ больницахъ и казармахъ. Представьте себѣ, что чугунная дымогарная труба камина, начиная съ очага и до высоты 4 — 5 аршинъ, окружена каналомъ или болѣе или менѣе широкой камерой, наполненной воздухомъ. Находясь въ соприкосновеніи со стѣнками дымогарной трубы, этотъ воздухъ будетъ нагрѣваться, и если нижняя часть камеры черезъ особый каналъ, проложенный подъ поломъ, имѣетъ сообщеніе съ наружнымъ воздухомъ, а верхняя часть камеры, непосредственно подъ потолкомъ или, по крайней мѣрѣ, на значительной высотѣ, сообщается съ комнатой при помощи отверстія, закрытаго рѣшеткой, то, вслѣдствіе образующейся при топкѣ камина температурной разницы, устанавливается воздушное теченіе, при которомъ наружный воздухъ притекаетъ въ камеру, тамъ нагрѣвается, а затѣмъ вступаетъ въ комнату. Притокъ свѣжаго воздуха, а, стало-быть, и размѣръ вентиляціи, регулируются изъ самой комнаты особымъ клапаномъ. Тѣмъ же способомъ, а равно и силой огня въ очагѣ камина, регулируется и температура вентиляціоннаго воздуха. Испорченный комнатный воздухъ извлекается изъ послѣдней черезъ очагъ камина. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ видоизмѣненіемъ камина устраняются вышеупомянутые недостатки простыхъ каминовъ и, главнымъ образомъ, сильное привлеченіе, къ очагу камина, воздуха со всѣхъ сторонъ, такъ какъ удаляющійся черезъ очагъ воздухъ возмѣщается преимущественно черезъ притокъ изъ воздушной камеры. Вентиляціонный эффектъ такихъ каминовъ можетъ быть довольно значителенъ, и въ странахъ съ мягкимъ климатомъ они могутъ оказывать хорошія услуги; въ мѣстахъ же съ суровой зимой они не практичны, потому что, въ качествѣ приборовъ для отопленія, при большихъ и продолжительныхъ морозахъ, они не удовлетворяютъ существующимъ требованіямъ, — здѣсь необходимо соединить вентиляцію съ приборами, которые лучше отапливаютъ, чѣмъ камины, т. е. съ печами.

Если въ голландской печи, на ряду съ ходами, предназначенными для дыма, проложить другіе ходы изъ огнеупорнаго матеріала, напримѣръ, изъ гжельскихъ трубъ, соединяя ихъ внизу съ каналомъ, приводящимъ свѣжій воздухъ, тогда какъ верхній конецъ, черезъ особое отверстіе, сообщается съ комнатой, то получается *вентиляціонная печь*: находящійся внутри печи воздухъ нагрѣвается, становится удѣльно легче и вытѣсняется въ комнату напирающимъ на него снизу холоднымъ внѣшнимъ воздухомъ. Количество поступающаго въ печь воздуха регулируется особымъ клапаномъ, который, при извѣстной постановкѣ, болѣе или менѣе суживаетъ или совершенно закрываетъ просвѣтъ приводящаго свѣжій воздухъ канала. Само собой разумѣется, что размѣры воздухопроводныхъ трубъ въ такихъ комнатныхъ печахъ не могутъ быть особенно значительны и что послѣднія могутъ доставлять лишь ограниченныя количества вентиляціоннаго воздуха, а, слѣдовательно, удовлетворяютъ лишь потребностямъ частныхъ квартиръ или другихъ, не особенно многолюдныхъ, помѣщеній; для общественныхъ же зданій и вообще тамъ, гдѣ въ сравнительно короткое время необходимо вводить большія количества свѣжаго воздуха, простыя вентиляціонныя печи не могутъ конкурировать съ другими, болѣе сложными, устройствами. Конечно, усиленной топкой самой печи можно ускорить и движеніе поступающаго воздуха, и увеличить его количество; но такая усиленная топка требуется лишь при большихъ морозахъ, въ остальное же время она не нужна и ведетъ къ излишнимъ расходамъ, тѣмъ болѣе, что печь, при большомъ количествѣ проходящаго черезъ нее воздуха, быстро остываетъ. Вообще, непосредственная зависимость, въ которой здѣсь вентиляція находится отъ отопленія, значительно суживаетъ кругъ примѣняемости этихъ печей, и нерѣдко даже тамъ, гдѣ онѣ устроены, въ скоромъ времени наружное отверстіе приводящаго холодный воздухъ канала наглухо закрывается.

Вмѣсто того, чтобы пользоваться тепломъ внутри печи для нагрѣванія вентиляціоннаго воздуха, той же цѣли можно достигнуть и слѣдующимъ образомъ. Представимъ себѣ печь, на нѣкоторомъ разстояніи (6—10 верш.) окруженную кожухомъ, сдѣланнымъ изъ плохо проводящаго тепло матеріала. У основанія кожуха, въ пространство между нимъ и печной стѣнкой, открывается каналъ, приводящій наружный воздухъ, а въ крышкѣ кожуха, или въ верхней части его стѣнокъ, вставлена рѣшетка. Легко понять, что, при нагрѣваніи печи, въ пространствѣ между ней и кожухомъ устанавливается безпрерывное теченіе воздуха, при которомъ послѣдній, нагрѣвшись около печи, вступаетъ въ вентилируемое помѣщеніе, а въ кожуховое пространство поступаетъ свѣжій воздухъ извнѣ. Особыми клапанами съ одной стороны, и болѣе или менѣе энергичной топкой печи—

съ другой, регулируется какъ скорость вентиляціоннаго воздуха, такъ и его температура. При вентиляціонныхъ печахъ этой, или вообще какой бы то ни было, конструкціи должны быть устроены особыя приспособленія для удаленія испорченнаго воздуха; для этой цѣли обыкновенно пользуются тепломъ дымогарныхъ трубъ, прокладывая, стѣнка въ стѣнку съ дымогарной трубой, особый вытяжной каналъ, или окружая желѣзную дымогарную трубу на небольшомъ разстояніи концентрической трубой бо̀льшаго діаметра (изъ кирпича), при чемъ пространство между обѣими трубами служитъ вытяжнымъ каналомъ; въ томъ и другомъ случаѣ тепло дымогарной трубы вызываетъ необходимую для такъ-называемой «побудительной тяги» температурную разницу. При оцѣнкѣ примѣнимости этихъ печей необходимо имѣть въ виду вышесказанное о другихъ вентиляціонныхъ печахъ.

Въ извѣстныхъ случаяхъ, *для удаленія испорченнаго воздуха можно пользоваться приборами искусственнаго освѣщенія*, при чемъ развиваемое ими тепло служитъ для установленія побудительной тяги. Но примѣненіе этого способа очень ограничено, такъ какъ основанная на немъ вентиляція дѣйствуетъ только во время горѣнія лампъ, и значеніе его заключается не столько въ его вліяніи на общій обмѣнъ воздуха въ помѣщеніяхъ, сколько въ удаленіи продуктовъ горѣнія освѣтительныхъ матеріаловъ и развиваемой при этомъ излишней, весьма непріятной для присутствующихъ, теплоты. До всеобщаго примѣненія электричества для освѣщенія театровъ, во многихъ подобныхъ учрежденіяхъ были устроены спеціальныя приспособленія съ цѣлью утилизировать тепло, развиваемое большими газовыми люстрами, для вентиляціи зрительныхъ залъ (Парижъ, Вѣна и друг.). Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ домѣ М. М. Рукавишникова, предназначенномъ для помѣщенія пансіонеровъ нижегородскаго братства свв. Кирилла и Меѳодія, учителемъ В. В. Малининымъ устроена вентиляція, при которой не только удаленіе продуктовъ горѣнія лампъ и развиваемаго ими тепла, но отчасти и поступленіе въ помѣщенія свѣжаго воздуха основано на утилизаціи тепла этихъ же лампъ.

Вмѣсто того, чтобы устраивать въ каждомъ помѣщеніи отдѣльный источникъ тепла, приводящій воздухъ въ движеніе и обусловливающій какъ удаленіе испорченнаго, такъ и притокъ свѣжаго воздуха, можно для извѣстнаго количества помѣщеній или для цѣлаго зданія, если оно не особенно велико, установить *одинъ центральный источникъ тепла*, къ которому подводятся всѣ вытяжныя трубы или каналы изъ отдѣльныхъ помѣщеній и который служитъ для возбужденія побудительной тяги, необходимой для того, чтобы привести воздухъ въ движеніе. Такими центральными источниками тепла могутъ служить: такъ-называемые «кошельковые» камины, затѣмъ дымогарныя трубы паровыхъ котловъ, резервуары, наполненные горячей водой, металлическія трубы отъ водяного или парового отопленія и т. п.—*Кошельковые камины* устанавливаются въ подвальныхъ помѣщеніяхъ или въ нижнихъ этажахъ. Они состоятъ изъ чугуннаго очага, имѣющаго, приблизительно, форму реторты и вмазаннаго въ кирпичную кладку; отходящая отъ очага желѣзная дымогарная труба концентрически окружена кирпичной трубой, и между обѣими трубами образуется пространство, которое нагрѣвается тепломъ дымогарной трубы и съ которымъ, у самой подошвы трубы, сообщаются вытяжные каналы изъ отдѣльныхъ помѣщеній. Въ такомъ же видѣ могутъ быть приспособлены для вытяжной вентиляціи *дымогарныя трубы водяныхъ или паровыхъ котловъ*. Водяные резервуары или трубы отъ водяного или парового отопленія, служащія для производства побудительной тяги, устанавливаются или въ подвалѣ, или на чердакѣ, и заключаются въ камеру, съ которой, съ одной стороны, сообщаются вытяжные каналы изъ отдѣльныхъ помѣщеній, и которая, съ другой стороны, представляетъ начало большой центральной вытяжной трубы. Вытяжные каналы проводятся въ капитальныхъ стѣнахъ зданія, по возможности во внутреннихъ, получаютъ направленіе или кверху или книзу, смотря по расположенію центральнаго источника тепла, и въ подвалѣ или на чердакѣ собираются въ одинъ общій каналъ («боровъ»), который затѣмъ впадаетъ въ вышеуказанную камеру.

Такое же, въ принципѣ, устройство служитъ и для доставленія помѣщеніямъ *свѣжаго* воздуха. Въ подвалѣ устраивается *центральная камера*, величина которой зависитъ отъ величины зданія или той части его, для которой она предназначена. Въ камерѣ помѣщается источникъ тепла, бо̀льшей частью въ видѣ металлическихъ трубъ отъ парового или водяного отопленія, служащихъ для предварительнаго подогрѣванія вентиляціоннаго воздуха; кромѣ того, здѣсь должны находиться приспособленія для увлаживанія этого воздуха. Послѣдній поступаетъ въ камеру черезъ особый каналъ, идущій къ ней снаружи и начинающійся или на нѣкоторомъ разстояніи отъ зданія, при

чемъ надъ его наружнымъ отверстіемъ ставится будка, окруженная растительностью, или же прямо въ цоколѣ зданія; послѣднее устройство въ настоящее время предпочитается первому, такъ какъ трудно слѣдить за чистотой длинныхъ, проложенныхъ подъ землей, вентиляціонныхъ каналовъ. Подогрѣтый и увлажненный воздухъ поступаетъ изъ камеры, черезъ особыя отверстія въ сводѣ ея, въ каналы, проводящіе его кверху, въ вентилируемыя помѣщенія. Все это движеніе воздуха происходитъ въ силу температурной разницы, вызываемой находящимся въ камерѣ источникомъ тепла.

Само собой разумѣется, что эта общая схема устройства полной центральной вентиляціи, основанной на разности температуръ, на практикѣ подлежитъ различнымъ видоизмѣненіямъ, смотря по потребностямъ даннаго зданія и по взглядамъ и склонностямъ устроителя; но всѣ эти видоизмѣненія не имѣютъ принципіальнаго значенія, и мы можемъ здѣсь ихъ не касаться. Есть, однако, нѣкоторыя обстоятельства, которыя, съ санитарной точки зрѣнія, заслуживаютъ особаго вниманія. Такъ, напримѣръ, весьма существеннымъ является вопросъ: *на какомъ мѣстѣ, на какой высотѣ вентилируемаго помѣщенія слѣдуетъ устраивать отверстія для поступающаго въ него и для извлекаемаго изъ него воздуха*,— такъ-называемые «душники» и «отдушины». Этотъ вопросъ долго оставался спорнымъ, но въ настоящее время техники и гигіенисты пришли почти къ единогласному заключенію, *что въ зимнее время умѣренно нагрѣтый свѣжій воздухъ слѣдуетъ вводить въ помѣщеніе какъ можно дальше отъ находящихся въ послѣднемъ людей, а что испорченный воздухъ должно отводить какъ можно ближе отъ людей или другихъ источниковъ его порчи.* Соотвѣтственно этому отверстія для *притока* свѣжаго воздуха (душники) устраиваются всегда *въ верхней части* вентилируемыхъ помѣщеній, подъ потолкомъ, а отверстія *для извлеченія испорченнаго воздуха* (отдушины) располагаются внизу, непосредственно надъ поломъ. Такимъ образомъ, въ помѣщеніи получается общее теченіе воздуха сверху внизъ, при чемъ вводимый свѣжій воздухъ доходитъ до присутствующихъ въ возможно чистомъ видѣ, не смѣшавшись съ воздухомъ, испорченнымъ продуктами ихъ дыханія и кожнаго испаренія. Иногда, однако, представляется болѣе раціональнымъ отводить испорченный воздухъ изъ верхнихъ частей помѣщенія; это тогда, когда, вмѣстѣ съ воздухомъ, желательно удалять и излишнюю теплоту, что почти всегда имѣетъ мѣсто въ помѣщеніяхъ для публичныхъ собраній — въ концертныхъ залахъ, театрахъ и т. п., гдѣ воздухъ сильно нагрѣвается массой людей, а иногда и искусственнымъ освѣщеніемъ (гдѣ нѣтъ электричества). Здѣсь, слѣдовательно, отдушины устраиваются бо̀льшей частью наверху, а свѣжій, предварительно нагрѣтый, воздухъ вводится снизу (зрительныя залы въ театрахъ). Въ общемъ, для того, чтобы удовлетворять всякой, могущей встрѣтиться, потребности, вытяжному каналу даютъ обыкновенно въ каждомъ помѣщеніи 2 отверстія — одно надъ поломъ, а другое подъ потолкомъ.

Весьма обыкновенная ошибка, при устройствѣ искусственной вентиляціи, заключается въ томъ, что какъ приводящіе и отводящіе воздухъ каналы, такъ и ихъ отверстія въ помѣщеніяхъ, дѣлаются *черезчуръ узкими*, вслѣдствіе чего, для достиженія надлежащаго обмѣна воздуха, скорость его движенія должна быть слишкомъ велика. Не нужно забывать, что слишкомъ быстрое движеніе вентиляціоннаго воздуха вызываетъ у присутствующихъ, а въ особенности у чувствительныхъ людей, весьма непріятныя ощущенія, нерѣдко дающія поводъ къ закрытію вентиляціонныхъ отверстій, а потому скорость воздуха, тамъ, гдѣ онъ вступаетъ въ помѣщеніе или оставляетъ послѣднее, т. е. въ просвѣтѣ душниковъ и отдушинъ, *не должна превышать 70 центиметровъ въ секунду.* При такой малой скорости воздуха, надлежащій обмѣнъ его получается только въ такомъ случаѣ, если каналамъ и отверстіямъ ихъ дается *большое сѣченіе.* Принимая количество вентиляціоннаго воздуха, необходимое въ часъ на человѣка, равнымъ 100 куб. метрамъ, мы увидимъ, при помощи простого расчета, что на 1 человѣка должно приходиться отверстіе въ 400 квадр. центиметровъ, а на 10 человѣкъ—отверстіе въ 0,4 квадр. метровъ. Въ каналахъ допускается нѣсколько бо̀льшая быстрота воздуха и потому просвѣтъ ихъ можетъ быть соотвѣтственно у̀же. Весь этотъ вопросъ о величинѣ каналовъ, душниковъ и отдушинъ мы здѣсь особенно подчеркиваемъ, отчасти вслѣдствіе его большого практическаго значенія, отчасти потому, что вообще лишь въ новѣйшее время на него было обращено должное вниманіе.

Необходимо еще указать на то, *что въ многоэтажныхъ домахъ каждый этажъ долженъ имѣть свои отдѣльные каналы какъ для вводимаго, такъ и для удаляемаго воздуха;* вытяжные каналы различныхъ этажей могутъ соединяться только въ общемъ собирательномъ каналѣ, т. е. на чердакѣ или въ подвалѣ. Причина лежитъ въ слѣдующемъ: если въ многоэтажномъ домѣ одинъ

и тотъ же каналъ будетъ доставлять свѣжій воздухъ различнымъ этажамъ, то равномѣрнаго распредѣленія воздуха нельзя ожидать, потому что, въ силу физическихъ законовъ, вышележащіе этажи будутъ получать больше воздуха, чѣмъ нижніе. Если, съ другой стороны, одинъ и тотъ же каналъ будетъ служить для удаленія воздуха изъ различныхъ этажей, то и здѣсь правильное движеніе воздуха невозможно, и вытяжныя отверстія будутъ работать неодинаково въ отдѣльныхъ этажахъ.

Предварительное нагрѣваніе вентиляціоннаго воздуха въ камерахъ, въ которыя онъ поступаетъ снаружи, должно быть умѣренное, а потому нагрѣвательныя поверхности въ этихъ камерахъ не должны имѣть высокой температуры. Температура воздуха, при его вступленіи въ вентилируемое помѣщеніе, должна превышать температуру комнатнаго воздуха лишь на 2—3 градуса и, слѣдовательно, равняться приблизительно 18 град. по Реомюру.—*Относительная влажность вентиляціоннаго воздуха должна быть не ниже 40—45 процентовъ*, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, воздухъ вызываетъ у присутствующихъ непріятное ощущеніе сухости во рту и въ горлѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезчуръ сушитъ и, слѣдовательно, портитъ мебель и другіе деревянные предметы; слишкомъ сухой воздухъ также неблагопріятенъ для комнатныхъ растеній. Къ сожалѣнію, способы увлаживанія воздуха при центральной вентиляціи составляютъ до сихъ поръ слабую сторону вентиляціонной техники, и въ большинствѣ случаевъ съ трудомъ достигается вышеуказанный низшій предѣлъ влажности вводимаго воздуха, несмотря на всѣ старанія спеціалистовъ, придумавшихъ разнообразные, отчасти довольно сложные, приборы для этой цѣли. Но слѣдуетъ надѣяться, что, при упорныхъ требованіяхъ со стороны гигіенистовъ, надлежащее усовершенствованіе приборовъ для увлаживанія вентиляціоннаго воздуха не заставитъ себя долго ждать. Въ настоящее время лучшіе результаты достигаются непосредственнымъ впусканіемъ пара въ вентиляціонную камеру; но это средство, во-первыхъ, не вездѣ примѣнимо и, во-вторыхъ, имѣетъ также свои слабыя стороны.

Всякая система искусственной вентиляціи должна допускать произвольное регулированіе движенія воздуха какъ въ приточныхъ, такъ и въ вытяжныхъ каналахъ. Эта регуляція можетъ быть двойная: съ одной стороны, она можетъ имѣть мѣсто въ вентиляціонной камерѣ (для притока) и въ главной вытяжной трубѣ, а съ другой—она можетъ происходить на мѣстахъ вступленія въ комнаты свѣжаго воздуха (т. е. въ душникахъ) и въ мѣстахъ удаленія его (въ отдушинахъ). Въ душникахъ и отдушинахъ устраиваются простыя рѣшетки, имѣющія видъ жалюзи, которыя легко сдвигаются и раздвигаются. Эти приспособленія позволяютъ регулировать, соотвѣтственно потребности даннаго момента, притокъ и вытяжку въ каждомъ помѣщеніи въ отдѣльности. Регуляція же *общаго* притока и *общей* вытяжки для всего зданія, или для извѣстной части его, производится обыкновенно тѣмъ, что при помощи какого-либо механизма, съ одной стороны, главный приточный каналъ (черезъ который вентиляціонная камера снабжается свѣжимъ воздухомъ), а съ другой—верхнее отверстіе главной вытяжной трубы закрываются крышкой—совсѣмъ или отчасти, смотря по потребности. Управленіе этими крышками лучше всего производится изъ самаго вентилируемаго помѣщенія, что, въ техническомъ отношеніи, не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій. При регулированіи притока руководствуются температурой входящаго въ помѣщеніе воздуха, измѣряемой посредствомъ термометра, резервуаръ котораго находится внутри воздухоприводнаго канала, не далеко отъ душника, тогда какъ шкала помѣщается снаружи, на стѣнѣ: если температура воздуха превышаетъ 18° по Реомюру, то увеличиваютъ доступъ наружнаго воздуха къ вентиляціонной камерѣ; если же температура въ каналѣ падаетъ ниже указанной нормы, то притокъ воздуха въ камеру уменьшается частичнымъ закрываніемъ крышки. Температура нагрѣвательныхъ приборовъ въ вентиляціонной камерѣ должна быть соразмѣрена съ температурой наружнаго воздуха. Нагрѣвательные приборы въ главной вытяжной трубѣ отапливаются только въ переходныя времена года; зимой же, во время большихъ морозовъ, эта труба работаетъ хорошо и безъ побудительной тяги.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—аудиторіи, мастерскія и вообще помѣщенія, въ которыхъ людьми, газовыми горѣлками и проч. въ короткое время развивается много тепла,—является иногда желательнымъ произвести *охлажденіе* введеніемъ вентиляціоннаго воздуха болѣе низкой температуры. Это пріобрѣтеніе новѣйшей вентиляціонной техники возможно, конечно, только въ высокихъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ отверстія для притока холоднаго воздуха могутъ быть устроены высоко надъ головами присутствующихъ. Кромѣ того, въ этихъ случаяхъ представляется раціональнымъ *разбить токъ входящаго воздуха на отдѣльныя струи* и, вмѣсто одного или двухъ впускныхъ отверстій

большихъ размѣровъ, устроить, на значительномъ протяженіи, цѣлый рядъ мелкихъ душниковъ, позволяющихъ входящему холодному воздуху быстрѣе и равномѣрнѣе смѣшиваться съ комнатнымъ воздухомъ; такимъ образомъ устраняется непріятное ощущеніе, которое у присутствующихъ вызывала бы сплошная струя спускающагося съ потолка холоднаго воздуха. При такомъ устройствѣ можетъ быть значительно увеличена и скорость вступающаго въ помѣщеніе воздуха, вслѣдствіе чего воздухообмѣнъ происходитъ гораздо быстрѣе и энергичнѣе, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Лучше всего дробленіе притока достигается тѣмъ, что подъ потолкомъ устраивается широкій каналъ, въ видѣ карниза, свободная сторона котораго снабжается множествомъ небольшихъ квадратныхъ отверстій.

Поступающій въ вентиляціонную камеру атмосферный воздухъ можетъ содержать много пылевыхъ частицъ, въ особенности въ большихъ городахъ. Желательно, конечно, чтобы эта пыль не доходила до вентилируемыхъ помѣщеній, а была чѣмъ-нибудь удерживаема на пути къ нимъ. Заботы о чистотѣ вентиляціоннаго воздуха дали поводъ къ изобрѣтенію такъ-наз. «*воздухо-очистительныхъ фильтровъ*», устраиваемыхъ или въ видѣ частыхъ металлическихъ сѣтокъ, или же въ видѣ экрановъ изъ рыхлой ткани различной плотности, задерживающей пылевыя частицы, но свободно пропускающей воздухъ. Но при вентиляціи, основанной исключительно на разностяхъ температуръ, экраны изъ такихъ тканей представляютъ весьма существенное препятствіе для воздушнаго тока, черезчуръ уменьшающее скорость его движенія. Поэтому фильтры такой конструкціи употребляются только тамъ съ успѣхомъ, гдѣ воздухъ приводится въ движеніе при помощи механической силы. Тамъ же, гдѣ такой силы нѣтъ, пользуются обыкновенно лишь частыми металлическими сѣтками, задерживающими наиболѣе крупныя пылевыя частицы. Много мелкой пыли осѣдаетъ, конечно, и на пути воздуха, т. е. въ вентиляціонной камерѣ и въ воздухопроводныхъ каналахъ. Поэтому камеры и находящіеся въ нихъ нагрѣвательные приборы должны быть отъ времени до времени очищаемы; а для того, чтобы облегчить содержаніе камеръ въ чистотѣ, необходимо, чтобы онѣ были легко доступны и свѣтлы, а не помѣщались бы въ какихъ-нибудь темныхъ углахъ.

Изложенная здѣсь въ общихъ чертахъ система центральной вентиляціи имѣетъ нѣкоторую связь съ центральной же системой отопленія, ибо, какъ было выше упомянуто, нагрѣвательные приборы въ вентиляціонной камерѣ и въ главной вытяжной трубѣ составляютъ обыкновенно принадлежности системы центральнаго водяного или парового отопленія. Но эта связь не должна служить препятствіемъ къ тому, чтобы вентиляція могла дѣйствовать и по прекращеніи отопленія, что̀ въ техническомъ отношеніи легко достижимо. Между тѣмъ, иногда, при центральныхъ системахъ отопленія, вентиляція связывается съ послѣднимъ настолько тѣсно, что она перестаетъ дѣйствовать, когда зданіе не отапливается. Это происходитъ, когда центральное отопленіе соединяется съ мѣстной вентиляціей, т. е. когда притокъ свѣжаго воздуха совершается черезъ тѣ нагрѣвательные приборы, которые установлены въ вентилируемыхъ помѣщеніяхъ. Представимъ себѣ, что въ комнатахъ находятся металлическія печи, которыя изъ одного центральнаго источника наполняются горячей водой. Представимъ себѣ дальше, что черезъ эти печи проложены вертикальныя трубы, нижніе концы которыхъ, черезъ пробитые въ наружной стѣнѣ каналы, сообщаются непосредственно съ атмосфернымъ воздухомъ, тогда какъ верхніе концы ихъ сообщаются съ комнатой. Когда вода въ печи нагрѣвается, то въ пролегающихъ черезъ послѣднюю трубахъ устанавливается восходящее теченіе воздуха, при чемъ внѣшній воздухъ проникаетъ въ эти трубы, тамъ нагрѣвается и затѣмъ переходитъ въ комнату. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ, стало-быть, не центральную, а мѣстную доставку свѣжаго воздуха, которая на первый взглядъ кажется очень простой и удобопримѣнимой. Наблюденіе, однако, показываетъ, что подобныя системы вентиляціи страдаютъ существенными недостатками: во-первыхъ, здѣсь вентиляція находится въ полной зависимости отъ отопленія,— она вмѣстѣ съ послѣднимъ прекращается, при сильной топкѣ усиливается, при слабой топкѣ уменьшается, а потому какъ разъ въ переходныя времена года будетъ весьма незначительна; во-вторыхъ, она часто будетъ недостаточна, вслѣдствіе обусловленнаго самимъ устройствомъ приборовъ ограниченнаго діаметра доставляющихъ свѣжій воздухъ трубъ; въ-третьихъ, регуляція воздушнаго обмѣна здѣсь чрезвычайно осложняется. Мы приходимъ, слѣдовательно, къ заключенію, *что такія системы вентиляціи, т. е. мѣстная доставка свѣжаго воздуха, тѣсно связанная съ центральной системой отопленія, значительно уступаютъ центральнымъ системамъ вентиляціи при центральномъ же отопленіи.*

Еще сравнительно недавно вентиляціон-

ная техника увлекалась мыслью *объ употребленіи механической силы для нагнетанія свѣжаго воздуха въ вентилируемыя помѣщенія*, и во многихъ общественныхъ зданіяхъ — театрахъ, тюрьмахъ, больницахъ—были введены системы вентиляціи, устроенныя на этомъ принципѣ. Огромные вентиляторы различной конструкціи, приводимые въ движеніе паровыми машинами и вращающіеся съ головокружительной быстротой, были устроены для доставленія этимъ зданіямъ возможно большихъ количествъ воздуха, и защитники этихъ системъ совершенно справедливо указывали на нѣкоторыя существенныя преимущества ихъ передъ системами, основанными на разности температуръ. Главныя изъ этихъ преимуществъ заключаются: 1) въ полной независимости такой вентиляціи отъ отопленія; 2) въ возможности произвольно и по мѣрѣ надобности усиливать или ослаблять, въ каждый моментъ, притокъ свѣжаго воздуха; 3) въ устраненіи притока испорченнаго воздуха изъ смежныхъ помѣщеній; 4) въ возможности обезпечить воздухообмѣнъ не только въ переходныя времена года, при незначительной разности температуръ между наружнымъ и внутреннимъ воздухомъ, но даже, въ случаѣ надобности, и лѣтомъ; 5) въ увѣренности, что вентилируемыя помѣщенія будутъ получать воздухъ дѣйствительно изъ того мѣста, откуда желаютъ имъ доставлять его. — Сравнительныя наблюденія, произведенныя, лѣтъ 40 тому назадъ, въ парижскихъ больницахъ, снабженныхъ различными системами вентиляціи, не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительно въ то время системы, основанныя на нагнетаніи свѣжаго воздуха при помощи механической силы, заслуживали предпочтенія передъ системами, пользовавшимися, въ качествѣ двигательной силы, разностью температуръ. Съ тѣхъ поръ, однако, многое измѣнилось; вентиляціонная техника сдѣлала огромные успѣхи; она усовершенствовала системы центральной вентиляціи во всѣхъ направленіяхъ и научилась настолько хорошо пользоваться разностью температуръ, что основанная на послѣдней вентиляція можетъ удовлетворять всѣмъ санитарнымъ требованіямъ. Поэтому въ настоящее время мы нуждаемся въ вентиляторахъ, т. е. механической силѣ для доставленія зданіямъ свѣжаго воздуха, еще только въ исключительныхъ случаяхъ. Довольно часто механическая вентиляція встрѣчается и теперь еще въ фабричныхъ помѣщеніяхъ, при чемъ вентиляторы употребляются, отчасти, для вдуванія чистаго воздуха, отчасти—для извлеченія испорченнаго воздуха. Широкое примѣненіе этой системы вентиляціи объясняется здѣсь, совершенно естественно, тѣмъ, что на фабрикахъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣется готовая паровая сила, эксплоатація которой, въ цѣляхъ вентиляціи, обходится сравнительно дешево. Въ настоящее время, слѣдовательно, было бы несправедливо отдавать механической вентиляціи предпочтеніе, опираясь на тѣ, вышеуказанныя, преимущества ея, которыя она когда-то, дѣйствительно, имѣла, но которыя теперь уже не существуютъ. Вообще, при выборѣ системы вентиляціи для какого-либо зданія, *никогда не слѣдуетъ поступать шаблонно*; необходимо серьезно взвѣшивать, съ одной стороны, потребности даннаго зданія, въ зависимости отъ его назначенія, а съ другой — тѣ санитарныя требованія, которыя нами приведены выше. Въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ при нашихъ климатическихъ условіяхъ, окажется возможнымъ остановиться на системѣ, болѣе или менѣе подходящей къ той, схематическое устройство которой мы старались передать здѣсь въ возможно доступномъ изложеніи.

(Продолженіе будетъ.)

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки **Р. И. Сементковскаго.**

Въ одномъ изъ нашихъ столь немногочисленныхъ литературныхъ обществъ мнѣ недавно довелось прочесть рефератъ на тему: какіе характеры нужны Россіи? Мнѣнія раздѣлились. Руководствуясь отчасти выводами новѣйшихъ изслѣдователей человѣческаго характера, Рибо, Фулье, Полана (*Психологія характера*), Кейра́, книга котораго: *Характеры и нравственное воспитаніе*— скоро появится въ русскомъ переводѣ, отчасти наблюденіями надъ русскимъ обществомъ, я защищалъ уравновѣшенныя, цѣльныя натуры. Г. Боборыкинъ, отзывчивость котораго ко всѣмъ литературнымъ и общественнымъ

вопросамъ скорѣе возрастаетъ, чѣмъ ослабѣваетъ съ годами и заслугами его предъ роднымъ словомъ, отдавалъ предпочтенiе впечатлительнымъ, страстнымъ натурамъ, при чемъ онъ имѣлъ преимущественно въ виду писателей, художниковъ, вообще людей, посвящающихъ себя творческой дѣятельности. Но если съ высотъ подобной дѣятельности спуститься въ низины обыденной жизни съ ея сѣрыми требованiями, если имѣть въ виду не исключительныхъ людей, а легiоны заурядныхъ дѣятелей на всѣхъ житейскихъ поприщахъ, то какой отвѣтъ получится на поставленный мною вопросъ?—другими словами, какiе характеры могутъ принести тутъ больше пользы: уравновѣшенные и цѣльные, или впечатлительные и страстные?

Предоставимъ отвѣтить на этотъ вопросъ автору только что оконченной обширной повѣсти. Она рисуетъ намъ именно такого зауряднаго дѣятеля, отличающагося впечатлительностью, страстностью. «Андрей Мологинъ»—имя этого дѣятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заглавiе новой обширной повѣсти г. Головина (*Вѣстникъ Европы*, №№ 10—12). Мы знакомимся съ его судьбой въ тотъ моментъ, когда онъ кончаетъ курсъ въ московскомъ университетѣ, и ему предстоитъ рѣшить вопросъ, какой избрать себѣ жизненный путь. Надо замѣтить, что Андрей Мологинъ принадлежитъ къ числу столь часто встрѣчающихся у насъ счастливыхъ натуръ, которыя умѣютъ завоевать съ первой встрѣчи наши симпатiи, которыхъ мы привыкли называть душа-человѣкъ, которые всѣмъ милы, всѣмъ прiятны, которые оживляютъ общество, вносятъ всюду тепло, невольно заставляютъ всякаго улыбнуться доброю улыбкою. Авторъ, кромѣ того, изображаетъ его очень способнымъ человѣкомъ. Въ товарищескихъ кружкахъ—онъ общiй любимецъ, на него возлагаютъ большiя надежды. И вотъ Мологинъ вступаетъ въ жизнь. Подчиняясь модному вѣянiю, онъ задумываетъ основать вмѣстѣ съ товарищами интеллигентную земледѣльческую колонiю и съ этою цѣлью собирается ѣхать на югъ. Но предварительно онъ заѣзжаетъ въ имѣнiе своей тетки, чтобы ближе присмотрѣться къ сельскому быту. Тутъ онъ встрѣчаетъ чрезвычайно интересную и, къ тому же, богатую дѣвушку, въ которую безъ ума влюбляется. Онъ такъ милъ, такъ симпатиченъ, такъ жизнерадостенъ и такъ преданъ своимъ идеямъ, что, конечно, его чувство не остается безъ взаимности. При такихъ обстоятельствахъ мысль объ основанiи земледѣльческой колонiи разлетается какъ дымъ. Его невѣста, однако, идейная барышня, также думаетъ о томъ, какъ бы придти на помощь меньшой братiи и, слѣдовательно, Андрею Мологину не приходится отказаться отъ своихъ идеаловъ. Бѣда только въ томъ, что, вслѣдствiе обстоятельствъ, которыхъ я здѣсь излагать не буду, нашему герою приходится до свадьбы ждать цѣлый годъ. А натура у него такая впечатлительная, пылкая, страстная! Какъ не пожалѣть бѣднаго юношу! Пожалѣла его другая—сосѣдняя—помѣщица, большая кокетка и очень соблазнительная женщина, и нашъ Андрей Мологинъ заходитъ въ своемъ ухаживанiи за ней слишкомъ далеко, оскорбляетъ этимъ идейную свою невѣсту; происходитъ разрывъ; онъ уѣзжаетъ съ соблазнительною кокеткою за границу; тамъ у него по временамъ не хватаетъ денегъ, приходится жить отчасти на чужой счетъ; потомъ кокетка его увольняетъ, умираетъ его отецъ, надо поступить на службу; онъ попадаетъ въ земскiе начальники, но, благодаря своей крайней впечатлительности, и тутъ удержаться не можетъ, и такъ со ступеньки на ступеньку Мологинъ доходитъ до растраты земскихъ денегъ.

Это — судьба очень многихъ у насъ впечатлительныхъ людей, неустойчивыхъ въ своихъ жизненныхъ цѣляхъ, слѣпо подчиняющихся своимъ влеченiямъ. Не всѣ кончаютъ такъ печально, какъ Мологинъ, но жизнь ихъ складывается столь же безтолково. Мысль автора повѣсти осталась бы, однако, невыясненною, если бы онъ не окружилъ своего печальнаго героя цѣлымъ рядомъ другихъ лицъ, не безотчетно подчиняющихся своимъ влеченiямъ, а избравшихъ опредѣленную жизненную цѣль и стремящихся къ ней болѣе или менѣе сознательно и энергично. Всѣ эти бывшiе товарищи Андрея Мологина становятся каждый въ своей сферѣ полезными общественными дѣятелями. Нѣсколько сухой, разсудочный Бессеръ занимаетъ каѳедру въ Харьковѣ; милый, на видъ безалаберный Коля Аѳонскiй превращается въ ученаго чиновника, живо интересующагося сельскимъ хозяйствомъ; скромный Васьковъ держится крѣпко за свою профессiю земскаго доктора; поэтъ и музыкантъ Ульяновъ не только печатаетъ стихи въ журналахъ, успѣшно сочиняетъ симфонiи, но даже, къ общему удивленiю, оказывается дѣльнымъ хозяиномъ.

Интереснѣе всего, однако, судьба ближайшаго друга Андрея Мологина, Курцова. Авторъ очевидно изображаетъ въ его лицѣ положительный типъ. Это—человѣкъ, какъ бы стоящiй въ сторонѣ отъ всякаго рода модныхъ теорiй и вѣянiй. Въ студенческихъ кружкахъ къ нему относятся равнодушно и даже нѣсколько недружелюбно. Самъ Андрей Мологинъ называетъ его «замороже-

нымъ англійскимъ лэндлордомъ». Однако, это не значитъ, чтобы Курцовъ не усвоилъ себѣ лучшихъ стремленій русскаго интеллигентнаго общества. Напротивъ, онъ ими проникнутъ до глубины души; но, въ отличіе отъ своего друга Мологина, онъ не кричитъ, не шумитъ, а дѣлаетъ свое дѣло тихо, незамѣтно, но, вѣрно. Ему и въ голову не приходитъ сразу пересоздавать Россію; онъ считается съ существующими условіями. Но въ то время, какъ, не говоря уже объ Андреѣ Мологинѣ, даже и болѣе удачливые его товарищи идутъ прото默енными дорогами, Курцовъ избираетъ путь самостоятельный, который его приводитъ къ наиболѣе вѣрному воздѣйствію на нежелательныя условія и къ облегченію участи крестьянъ. Онъ прежде всего запасается сельско-хозяйственными знаніями, старается привести свое имѣніе въ образцовый порядокъ, пріобрѣсти вліяніе въ уѣздѣ и полное довѣріе крестьянъ. Не покидая почвы практическихъ требованій жизни, онъ вездѣ дѣйствуетъ съ успѣхомъ, и тамъ, гдѣ другіе увлекаются либо широкими затѣями, либо личными цѣлями, онъ работаетъ на пользу общую и, пріобрѣтая вліяніе, становится общественнымъ дѣятелемъ, съ которымъ серьезно должны считаться враги его симпатичныхъ начинаній. Это—человѣкъ, спокойно обдумывающій, хладнокровно разсчитывающій, мало увлекающійся, твердо идущій къ своей цѣли, вооруженный теоретическими и практическими знаніями, хорошо знакомый съ окружающими его условіями и людьми, но въ сущности заботящійся только о томъ, какъ бы двинуть культурные успѣхи своей родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить благополучіе меньшей братьи. Другими словами—мы имѣемъ тутъ дѣло съ уравновѣшенною, цѣльною натурою, хотя, быть-можетъ, въ сравненіи съ Андреемъ Мологинымъ, не особенно даровитою, и авторъ постоянно подчеркиваетъ эту противоположность между двумя друзьями, такъ что его повѣсть, по основной своей идеѣ, составляетъ филиппику противъ столь распространенныхъ у насъ широкихъ стремленій и апологію практическаго жизненнаго дѣла.

Если теперь приглядѣться къ дѣйствительности, то мы не замедлимъ убѣдиться, что Мологиныхъ на каждомъ шагу очень много, а Курцовыхъ у насъ очень мало, и что, можетъ-быть, именно этимъ обстоятельствомъ объясняются главнымъ образомъ слабые культурные успѣхи нашей родины. Измѣнять условія, помимо измѣненія людей, нѣтъ возможности. Эта истина проникаетъ съ большимъ трудомъ въ наше сознаніе. Но интересъ, который мы все сильнѣе проявляемъ къ нравственнымъ вопросамъ, служитъ косвеннымъ ея подтвержденіемъ.

Я далеко не исчерпалъ содержанія повѣсти г. Головина, но долженъ ограничиться пока указаніемъ на основную ея идею, потому что иначе мнѣ не удастся познакомить читателей съ другими, не менѣе существенными новинками нашей литературы. Одна декабрьская книжка *Вѣстника Европы»* содержитъ такъ много поучительнаго и интереснаго, что мы могли бы наполнить ею весь нашъ очеркъ, не опасаясь утомить вниманія читателей. Въ этой книжкѣ нѣтъ ни одной статьи, о которой не хотѣлось бы поговорить. Приходится, однако, и тутъ многое обойти молчаніемъ и остановиться лишь на самомъ существенномъ. Ближе всего къ основной идеѣ повѣсти г. Головина подходятъ записки Бѣлоголоваго, въ которыхъ, какъ уже извѣстно читателю, онъ характеризуетъ личность декабриста А. В. Поджіо. Въ заключительной части этихъ записокъ мы находимъ очень мѣтко набросанную картину жизни нашихъ эмигрантовъ, поселившихся въ 60-хъ годахъ въ Женевѣ. Центральное положеніе тутъ занималъ еще Герценъ. «Онъ,—пишетъ Бѣлоголовый, — былъ крайнимъ радикаломъ, воинствующимъ публицистомъ съ неотразимой силой огромнаго таланта, но въ это время уже терявшій реальную почву подъ ногами вслѣдствіе двадцатилѣтняго выѣзда изъ Россіи и потому неясно разбиравшійся въ томъ гигантскомъ броженіи умовъ, какое внесло на родинѣ первое десятилѣтіе новаго царствованія; въ одинаковомъ же положеніи находился и его ближайшій сотрудникъ Огаревъ. А вокругъ сошедшаго со сцены Поджіо и уже сходившаго съ нея Герцена бурлила и шумѣла молодая эмиграція... То была группа нигилистовъ, потому что, состоя изъ незрѣлыхъ юношей и недоучившихся студентовъ, она не имѣла опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, и вся программа ея сводилась на огульное отрицаніе всего прошлаго Россіи и заслугъ ея прежнихъ дѣятелей на пользу общества и народа, а въ настоящемъ — на полное уничтоженіе всякаго государственнаго и общественнаго строя; впослѣдствіи группа эта, вступивъ въ интернаціоналъ-соціалистическое общество, существовавшее въ Женевѣ, усвоила ученіе соціализма и стала ближе всего сходиться съ Бакунинымъ и его проповѣдью анархизма... Молодая эмиграція, сильная только въ своемъ отрицаніи всего существующаго, не была способна ни къ систематической работѣ вообще, ни къ литературному труду въ частности, а еще того менѣе къ выясненію политическихъ и общественныхъ задачъ вре-

мени; въ этихъ молодыхъ умахъ не сложилось пока ничего опредѣленнаго, а царилъ полный хаосъ и смутныя вожделѣнія лучшаго, какъ прямое слѣдствіе переходнаго времени... Герцена она признавала человѣкомъ отсталымъ и потерявшимъ всякое вліяніе на формированіе рядовъ оппозиціи... Только что пріѣхавшій изъ внутренней Россіи, Поджіо убѣдился тамъ, на мѣстѣ, въ инертности нашего общества, въ его неподготовленности къ самодѣятельности, а потому всѣ свои надежды на освобожденіе онъ возлагалъ на добрую волю правительства, думая, что въ послѣдовательномъ ходѣ собственныхъ реформъ оно само неизбѣжно придетъ къ сознанію необходимости дальнѣйшихъ реформъ, если только ему никто не будетъ въ томъ мѣшать; а такими помѣхами Поджіо считалъ всѣ нараставшія противодѣйствія какъ со стороны реакціонной партіи, такъ и со стороны радикальной печати, подпольной и заграничной, а, стало-быть, въ томъ числѣ и *Колокола*; онъ находилъ также несвоевременнымъ возстаніе въ Польшѣ и непрерывныя броженія среди учащейся молодежи и т. п.».

И такъ, съ одной стороны незнаніе жизни и необузданная страсть къ противодѣйствію; съ другой—знаніе жизни, нерасположеніе къ противодѣйствію и полное недовѣріе къ обществу. Но обѣ партіи сходились въ одномъ: на общество они не разсчитывали, были болѣе или менѣе одинаково убѣждены въ его «инертности», «неспособности къ самодѣятельности», и это убѣжденіе было присуще не однимъ женевскимъ эмигрантамъ: его раздѣляла и русская литература въ лицѣ видныхъ своихъ представителей: Гончарова, Достоевскаго, Тургенева, Писемскаго, Лѣскова. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы еще лучше поймемъ, что хотѣлъ намъ сказать г. Головинъ, рисуя намъ своего Мологина и противопоставляя ему своего Курцова. Авторъ обошелся, можетъ-быть, слишкомъ жестоко съ своимъ героемъ, изобразивъ его натурою уже чрезмѣрно дряблою, и, можетъ-быть, повредилъ этимъ впечатлѣнію повѣсти; но, повторяю, одно вѣрно: Мологиныхъ, впечатлительныхъ, увлекающихся, склонныхъ подчиниться всякимъ вѣяніямъ, у насъ очень много; Курцовыхъ, твердо и сознательно идущихъ къ своей цѣли и на живомъ дѣлѣ доказывающихъ, что русское общество не инертно, что оно способно къ самодѣятельности, къ сожалѣнію, очень мало.

Но не будемъ забѣгать впередъ въ изложеніи нашей мысли. Декабристъ Поджіо признавалъ возстаніе въ Польшѣ несвоевременнымъ. Возстаніе это было вызвано польскими Мологиными. Какъ же его аттестуетъ одинъ изъ компетентныхъ въ польскихъ дѣлахъ публицистовъ, г. Спасовичъ? Онъ посвятилъ въ томъ же *Вѣст. Европы* (№ 12) статью недавно умершему польскому историку Адольфу Павинскому (ему же посвятилъ и г. Райскій въ *Сѣв. Вѣстн.* (№ 12) статью, которая, конечно, блѣднѣетъ передъ статьею нашего извѣстнаго польско-русскаго публициста). Судъ г. Спасовича надъ польскимъ возстаніемъ 1861 — 1863 гг. чрезвычайно суровъ. «Оба мы (т. е. г. Спасовичъ съ покойнымъ Павинскимъ), — говоритъ онъ,— наблюдали, какъ очевидцы, ту свирѣпствовавшую эпидимическую болѣзнь, подобную тифу, которая носитъ названіе польскаго движенія. Оба мы считали это движеніе величайшимъ народнымъ бѣдствіемъ. Оба мы были душевно на сторонѣ великаго, но неудачнаго бойца, маркиза Веліопольскаго». Какъ извѣстно, маркизъ Веліопольскій всячески старался предупредить возстаніе, или, какъ его называетъ г. Спасовичъ, эпидимическую болѣзнь, охватившую польское общество. Я не стану здѣсь распространяться о томъ, на что разсчитывали лица, зараженныя этою болѣзнью; для нашей мысли важнѣе указать на основную цѣль движенія, заключавшуюся въ возстановленіи прежней Польши. Покойный профессоръ Павинскій, какъ историкъ, занимался преимущественно изученіемъ парламентскаго строя прежней Польши, и вотъ какъ г. Спасовичъ резюмируетъ выводы польскаго ученаго. Предпославъ глубоко-вѣрную мысль, что «свобода, конечно, большое благо и условіе счастья въ жизни, но она — не сама цѣль жизни и въ особенности не сама жизнь», онъ говоритъ: «Польское государство представляетъ собою организмъ крайне своеобразный, но вполнѣ средневѣковый, т. е. столь неспособный жить при современныхъ условіяхъ государственности, какъ неспособны были бы нынѣ жить при измѣнившихся условіяхъ біологическихъ тѣ ископаемыя животныя первичныхъ эпохъ земного шара, которыми занимается палеонтологія... Не можетъ государство польское быть названо нововѣковымъ по двумъ капитальнымъ причинамъ: во-первыхъ... въ сеймикѣ (мѣстныхъ парламентахъ), какъ въ крѣпости, оборонялся духъ средневѣковаго индивидуализма, всѣ головы были по одному ранжиру, — сколько головъ, столько мнѣній; головы эти были неугомонныя, ничего выше своего мнѣнія не признающія и отступающія отъ него только когда ихъ увлечетъ общій неудержимый порывъ чувства, вспышка патріотическаго энтузіазма. Во-вторыхъ, это государство было насквозь средневѣковое еще и потому, что правоотношенія не выростали изъ одного корня, изъ общечело-

вѣчности, изъ одинаковой для всѣхъ гражданъ правоспособности, но выводимы были изъ принадлежности къ привилегированному состоянію, которое въ XVII вѣкѣ считало около полутора милліона головъ при общемъ числѣ народонаселенія въ 14 милліоновъ».

Между тѣмъ, этотъ строй, которому г. Спасовичъ такъ краснорѣчиво поетъ отходную, только послѣ движенія 61—63 годовъ сталъ признаваться польскими историками строемъ не-идеальнымъ, а до этого печальнаго событія онъ представлялся всѣмъ чѣмъ-то вожделѣннымъ, и изъ-за него, отчасти, проливались потоки крови между двумя братскими народами. Положимъ, что не въ немъ одномъ была сила, что преслѣдовалась еще другая, высшая цѣль. Но если бы польская интеллигенція прониклась тѣми мыслями, которыя защищаютъ новѣйшіе польскіе историки и которыя нашли себѣ выраженіе въ статьѣ г. Спасовича, то ходъ событій въ Польшѣ былъ бы, вѣроятно, иной. Доброжелательныя начинанія императора Александра I встрѣтили бы среди польской интеллигенціи больше сочувствія; вмѣстѣ съ тѣмъ не произошло бы столкновенія, которое привело къ революціи 1831 года съ ея позднѣйшимъ отголоскомъ—возстаніемъ 1863 года, заставившимъ усомниться въ пользѣ дальнѣйшихъ реформъ, по предсказанію декабриста Поджіо, и нынѣ столь рѣшительно осуждаемымъ г. Спасовичемъ. Недостатокъ трезваго отношенія къ дѣйствительности, увлеченія мечтою, неспособность избрать, вслѣдствіе этого, вѣрныя средства для достиженія своихъ цѣлей, чрезмѣрная впечатлительность, побуждающая къ самымъ розовымъ надеждамъ или мрачному отчаянію,—все это сказывается такъ же сильно въ исторіи общественныхъ движеній какъ Польши, такъ и Россіи. Г. Спасовичъ упоминаетъ о томъ, что въ годы жесточайшаго революціонного кризиса, который переживало во время послѣдняго возстанія польское общество, «лучшая часть интеллигентнаго молодого поколѣнія не дѣлала демонстрацій, не политиканствовала, но весьма усидчиво работала». «Изъ этого поколѣнія, — прибавляетъ нашъ авторъ: — вышло все самое даровитое по части умственнаго развитія и литературной дѣятельности въ нынѣшней русской Польшѣ. Улица волновалась и бушевала, но въ лучшихъ умахъ уже совершалось отрезвленіе,—они переходили на новые пути». Улица, это—Мологины; усидчивые работники, открывающіе новые спасительные пути, это — Курцовы.

Но Курцовымъ приходится вести упорную и трудную борьбу. Наше общество слишкомъ довѣряетъ Мологинымъ, слишкомъ легко подчиняется ихъ крику и шуму, ихъ впечатлительности, забывая о томъ, что они въ жизни приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы. Загробные голоса Поджіо и Павинскаго встрѣтятъ во многихъ умахъ недоброжелательный отпоръ: не мирятся эти голоса съ привычнымъ взглядомъ на вещи. А какую путаницу идейный консерватизмъ вноситъ въ наши сужденія, показываетъ хотя бы печатавшійся въ *Мірѣ Божьемъ* обширный этюдъ г. Иванова о Писемскомъ, нынѣ благополучно завершенный въ декабрьской книжкѣ этого журнала. Какъ водится, критикъ въ заключеніе своего этюда дѣлаетъ окончательный выводъ, при чемъ оказывается, что онъ причисляетъ Писемскаго и Фета къ одной категоріи писателей. «Необычайно воспріимчивые къ явленіямъ внѣшняго міра, какъ таковымъ, — говоритъ онъ, — они болѣе или менѣе равнодушны къ ихъ нравственному смыслу. Есть, конечно, множество степеней *чисто-художественной* даровитости отъ Фета до нашего автора (Писемскаго),—степеней въ способности вообще воспринимать или наблюдать разныя области явленій или природы, или человѣческой жизни. Это, такъ сказать,—поэтическій вкусъ; отъ разнообразія его не мѣняется самая сущность психологіи».

Вы перечитываете нѣсколько разъ эти строки; вы глазамъ не вѣрите: Фетъ, пѣвецъ «робкаго дыханія» и «трелей соловья», и Писемскій, авторъ «Горькой судьбины», «Тысячи душъ», «Взбаламученнаго моря»,—оба причислены однимъ взмахомъ пера къ представителямъ чисто-художественнаго творчества. Что́ же это такое? Какъ объяснить себѣ это совершенно несообразное умозаключеніе? Вѣдь еще одинъ шагъ на этомъ пути, и мы договоримся до того, что и покойный Болеславъ Маркевичъ былъ жрецъ чистаго искусства...

Впрочемъ, эта очевидная несообразность находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ элементарныхъ противорѣчій. Такъ, критикъ въ одномъ мѣстѣ своего этюда говоритъ: «Искусство Писемскаго въ сильной степени, благодаря самымъ недостаткамъ его личной натуры, его умственнаго склада, выполнило единственное въ своемъ родѣ назначеніе: *слилось съ исторіей* и завѣщало потомству документы и свидѣтельства, часто болѣе надежные, чѣмъ чисто-фактическія записки и свидѣтельскія показанія». И такъ, Писемскій—художникъ объективный; его произведенія представляютъ собою безстрастную исторію. Въ другомъ мѣстѣ критикъ говоритъ: «Писемскій до конца дней оставался натурой художественной, даже бросившись въ беллетристическую публицистику. Искус-

ство и творчество, *независимо отъ идей* и задачъ, пребывали его символомъ». Все это вполнѣ подтверждаетъ мысль критика, что Писемскій—объективный писатель, представитель чисто-художественнаго творчества, и что, благодаря этимъ качествамъ, онъ писалъ не романы и драмы, а исторію. Но нѣсколькими страницами раньше мы читаемъ у того же г. Иванова: Писемскій «безпрестанно переходитъ въ тонъ запальчивой журнальной статьи, авторъ нерѣдко лично появляется на сцену дѣйствующимъ и разсуждающимъ лицомъ... Для него *объективность*, въ сущности, до конца остается *недостижимою цѣлью*. Вотъ названія отдѣльныхъ главъ въ тѣхъ частяхъ романа (*Взбаламученнаго моря*), гдѣ авторъ думаетъ писать по объективному методу: *Благодѣтельная гласность*, *Начинающееся служеніе идеѣ*, *Братскій праздникъ съ народомъ*... Достаточно этихъ выраженій, чтобы предугадать содержаніе. Если это — исторія, то развѣ только въ тэновскомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ заранѣе обдуманнаго *памфлета* на непріятныхъ людей и ненавистныя событія».

Опять глазамъ не вѣришь. Что же такое Писемскій,—объективный или тенденціозный писатель, историкъ или памфлетистъ? Очевидно, самъ критикъ не въ состояніи разобраться въ этомъ вопросѣ и поэтому путаетъ немилосердно: то произведенія Писемскаго—чистѣйшая исторія, а онъ—самъ жрецъ чистаго искусства, то его произведенія—памфлетъ, а онъ самъ—тенденціозный до мозга костей писатель.

Я не сталъ бы останавливаться на этихъ просто комическихъ противорѣчіяхъ, если бы они не бросали свѣтъ на пріемы и міросозерцаніе подобнаго рода критиковъ и тѣхъ читателей, которые могутъ мириться съ такимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ простому здравому смыслу. Я сказалъ, что, руководствуясь логикою г. Иванова, можно договориться до того, что и Болеславъ Маркевичъ—жрецъ чистаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ, если исходною точкою нашихъ разсужденій о томъ или другомъ русскомъ писателѣ второй половины истекающаго вѣка намъ будетъ служить его отношеніе къ данному общественному движенію, которому мы сочувствуемъ, если мы будемъ признавать всѣхъ писателей, относившихся отрицательно къ этому движенію, жрецами чистаго искусства, а писателей, сочувствовавшихъ ему, общественными дѣятелями въ истинномъ значеніи этого слова, то, понятно, мы не будемъ имѣть никакого основанія не причислять и Писемскаго, и Маркевича къ жрецамъ чистаго искусства. Критикъ, понятно, не можетъ не признать Писемскаго выдающимся писателемъ. Онъ даже въ смыслѣ объективности ставитъ его выше всѣхъ русскихъ писателей. Но какъ же быть съ его явнымъ несочувствіемъ и даже ненавистью, напр., къ движенію 60-хъ годовъ или съ его желчнымъ осужденіемъ русскаго общества. Въ глазахъ такихъ критиковъ, какъ г. Ивановъ, это не мирится съ признаніемъ писателя выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, и вотъ они придумываютъ такую дешевую лазейку, какъ провозглашеніе писателя объективнымъ историкомъ своего времени. Имъ и въ голову не приходитъ, что они сами себя побиваютъ жесточайшимъ образомъ. Вѣдь существенною чертою писательскаго темперамента Писемскаго была именно неумолимая борьба съ отрицательными сторонами нашей эпохи «бурнаго натиска», и не только этой эпохи, но и вообще нашего общества. Достаточно вспомнить два основныхъ произведенія Писемскаго, чтобы въ этомъ убѣдиться: *Тысячу Душъ* и *Взбаламученное море*. Въ этихъ произведеніяхъ онъ неумолимо казнитъ наше общество, показывая, какъ неразумно оно относилось даже къ свѣтлымъ дѣятелямъ и начинаніямъ. Въ этомъ смыслѣ Писемскій насквозь общественный писатель, не жрецъ чистаго искусства, не поклонникъ вѣчной красоты, а глубоко тенденціозный писатель, проникнутый общественными вѣяніями данной эпохи и занимающій по отношенію къ нимъ совершенно опредѣленное боевое положеніе. Слѣдовательно, устранить эту точку зрѣнія въ судѣ надъ Писемскимъ нѣтъ никакой возможности, а провозглашать его объективнымъ писателемъ, представителемъ чисто-художественнаго творчества—просто нелѣпо.

Но сдѣлаемъ шагъ дальше. Если Писемскій написалъ *Взбаламученное море*, то Тургеневъ написалъ *Новь*, Лѣсковъ — *Некуда*, Гончаровъ — *Обрывъ*, Достоевскій — *Бѣсы*. Значитъ, судъ г. Иванова надъ Писемскимъ долженъ быть распространенъ на всѣхъ этихъ писателей. Подумаешь, сколько у насъ жрецовъ чистаго искусства, или, точнѣе говоря, подумаешь, какая путаница происходитъ въ умахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ критиковъ вслѣдствіе непризнанія ими простой истины, что движеніе 60-хъ годовъ въ указанномъ нами смыслѣ имѣло свою крупную отрицательную сторону и во многомъ было явленіемъ очень нежелательнымъ. Не даромъ декабристъ Поджіо, вмѣстѣ съ перечисленными писателями, признавалъ его, по меньшей мѣрѣ, несвоевременнымъ, подобно тому, какъ г. Спасовичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ польское возстаніе 1863 г. Неужели и теперь, на разстояніи нѣсколь-

кихъ десятилѣтій, мы еще не научились различать плевелы отъ пшеницы, то, что было свѣтлаго въ движеніи 60-хъ годовъ, отъ того, что было въ немъ печальнаго и что привело къ очень нежелательнымъ послѣдствіямъ. Крупные наши писатели той эпохи въ значительномъ большинствѣ прекрасно уяснили себѣ именно эту сторону дѣла, и приговоръ, который произнесли Писемскій, Лѣсковъ, Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ надъ тогдашними увлеченіями, теперь уже окончательно утвержденъ очевидными для всѣхъ историческими событіями. Во всякомъ случаѣ, мы научимся цѣнить нашихъ крупныхъ писателей по достоинству и перестанемъ впадать въ такія нелѣпыя противорѣчія, какъ г. Ивановъ, только тогда, когда мы сами вооружимся нѣкоторымъ безпристрастіемъ въ оцѣнкѣ эпохи «бурнаго натиска». А пока мы къ этому не придемъ, намъ очень трудно будетъ уяснить себѣ, насколько наши крупные писатели тенденціозны или объективны; сами же мы несомнѣнно останемся критиками тенденціозными.

Противъ тенденціозности въ критикѣ все чаще теперь говорятъ и пишутъ, и это, на мой взглядъ, служитъ явнымъ признакомъ поворота во взглядахъ самого общества. Другой вопросъ, однако, — насколько этотъ поворотъ можетъ считаться благопріятнымъ. Если во время эпохи «бурнаго натиска» между большинствомъ крупныхъ русскихъ писателей и общества произошло недоразумѣніе, доходившее иногда до прямого разрыва, если Писемскому, Лѣскову, Гончарову, Достоевскому, Тургеневу пришлось такъ сильно пострадать за свои убѣжденія и въ значительной степени утратить свою популярность, то потому, что они разошлись съ обществомъ въ взглядахъ на путь, который слѣдовало избрать въ эпоху великихъ реформъ. Теперь, вѣроятно, найдется уже не много людей, склонныхъ отрицать, что въ крупномъ спорѣ, возгорѣвшемся между нашими писателями и обществомъ, первые были дальновиднѣе, и эта дальновидность, очевидно, объясняется лучшимъ знаніемъ жизни. Если мы восторгаемся произведеніями такихъ писателей, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Писемскій и Лѣсковъ, то, конечно, въ значительной степени потому, что они раскрываютъ намъ жизнь глубже, чѣмъ мы сами въ состояніи себѣ ее уяснить. Но если мы это вообще признаемъ, то почему же мы склонны отрицать ихъ разумѣніе жизни въ частномъ случаѣ, въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ нашего общественнаго самосознанія. Во всякомъ случаѣ, если судъ нашихъ писателей надъ русской дѣйствительностью представляется намъ невѣрнымъ, одностороннимъ, недостаточнымъ, то прямая наша обязанность заключается въ томъ, чтобы изучить жизнь основательнѣе, чѣмъ они, и такую обязанность главнымъ образомъ несутъ современные писатели и критики. Вотъ почему нельзя не пожалѣть, когда наиболѣе талантливые изъ нихъ избираютъ путь, далеко увлекающій ихъ отъ пониманія окружающей насъ дѣйствительности.

Эта мысль невольно напрашивается на умъ при чтеніи сборника критическихъ очерковъ г. Мережковскаго, озаглавленнаго: «Вѣчные спутники». Авторъ—даровитый поэтъ, составившій себѣ широкую извѣстность своими стихотвореніями и романомъ «Отверженный». Но онъ не довольствуется лаврами поэта, а выступаетъ иногда и критикомъ. Такъ, года три тому назадъ появилась его книга: «О причинахъ упадка русской литературы», а теперь г. Мережковскій выступаетъ съ новымъ сборникомъ критическихъ статей уже по всемірной литературѣ, включая въ нее и нашихъ родныхъ писателей: Достоевскаго, Гончарова, Майкова, Пушкина. Если въ двухъ словахъ опредѣлить основу критической мысли г. Мережковскаго, то мы скажемъ, что онъ рѣшительно порвалъ съ традиціями 60-хъ годовъ, что онъ далекъ отъ матеріалистическаго міросозерцанія, возмущается тенденціей въ искусствѣ и поклоняется новымъ богамъ. Такимъ образомъ, мы можемъ на немъ прослѣдить тотъ поворотъ въ умахъ, о которомъ я упомянулъ, не отмѣтивъ еще, признаю ли я его явленіемъ отраднымъ или печальнымъ. Въ предисловіи къ своему сборнику г. Мережковскій опредѣляетъ направленіе своихъ критическихъ очерковъ въ смыслѣ «откровенно субъективнаго». Выражаясь проще, можно сказать, что г. Мережковскій критикуетъ всемірныхъ писателей, какъ Богъ на душу положитъ, не считая себя нисколько обязаннымъ принимать во вниманіе мнѣнія своихъ предшественниковъ или современниковъ. Дѣло, по его словамъ, сводится къ тому, чтобы совершенно субъективно показать «живую душу» писателя и «ея дѣйствіе на умъ, волю и сердце критика», т. е. г. Мережковскаго. Несомнѣнно, такая задача можетъ представлять нѣкоторый интересъ. Авторъ самъ не мало писалъ, онъ даровитъ, образованъ, и, конечно, его мнѣнія о выдающихся представителяхъ всемірной литературы поэтому могутъ занять читателя, хотя бы и только для лучшаго выясненія духовнаго облика самого поэта-критика. Но не эта сторона вопроса насъ интересуетъ, а недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться подчасъ мѣткихъ и всегда кра-

сиво выраженныхъ сужденій автора. Насъ занимаетъ другой вопросъ, именно: къ чему приводитъ «откровенно-субъективное» направленіе даже со стороны даровитаго и образованнаго писателя? Мы съ перваго шага наталкиваемся на слѣдующую странность. Книга его носитъ подзаголовокъ: «Портреты изъ всемірной литературы», и среди этихъ портретовъ на первомъ мѣстѣ красуется аѳинскій Акрополь. Странно: Вышгородъ, Кремль, крѣпость попали вдругъ въ «портреты изъ всемірной литературы». Положимъ, что въ аѳинскомъ Акрополѣ сосредоточиваются замѣчательные образцы древне-греческаго искусства, но все-таки не литературы; писать же съ крѣпости портретъ — довольно странно. Затѣмъ, на второмъ мѣстѣ, среди этихъ портретовъ, мы находимъ буколическую поэму: «Дафнъ и Хлоя»; а далѣе уже слѣдуетъ перечень писателей, изучаемыхъ въ книгѣ. Почему же авторъ счелъ возможнымъ включить крѣпость въ разрядъ портретовъ по всемірной литературѣ или отождествить произведеніе съ писателемъ? Мы скажемъ, что тутъ видна какая-то безпорядочность, растрепанность мысли; но г. Мережковскій съ нами, конечно, не согласится, потому что онъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ: видитъ ли онъ крѣпость, читаетъ ли онъ буколическую поэму или какого-нибудь великаго писателя,—постоянно у него напрашивается на умъ одна и та же мысль, одно и то же сопоставленіе, и притомъ мысль не самостоятельная, а заимствованная у Ибсена. Вездѣ г. Мережковскій видитъ указаніе на пришествіе новаго царствія, которое примиритъ «небо и землю, природу и человѣка, добро и зло», примиритъ влеченіе нашей плоти съ нравственнымъ закономъ, жизнерадостность древней Эллады и христіанское самоотреченіе. Созерцая красоту Парѳенона и Пропилей, онъ погружался въ эту мысль; мѣсто, посвященное военной славѣ, заставляетъ его мечтать о пришествіи третьяго царствія; на эту же мысль его наводитъ буколическая поэма, «цѣломудренно-грѣшная прелесть» которой заставляетъ его также философствовать въ этомъ духѣ.

Мы не можемъ, понятно, перечислить здѣсь всѣхъ мѣстъ книги, гдѣ онъ возвращается къ своей неотвязчивой мысли. Достаточно будетъ для курьеза упомянуть, что и въ трагедіи, разыгравшейся между Маркомъ Волоховымъ и Вѣрою, онъ усматриваетъ также пришествіе третьяго царствія. Но вотъ какъ откровенный субъективизмъ зло подсмѣивается надъ г. Мережковскимъ! Оказывается, напримѣръ, что Ницше—родной сынъ Гете, а Л. Толстой—родной сынъ Пушкина. Вы, конечно, не поймете на первый разъ, путемъ какихъ хитросплетеній г. Мережковскій устанавливаетъ подобную несообразную генеалогію. Но для поясненія мы скажемъ, что Гете былъ «язычникъ», а Пушкинъ преисполненъ «галилейской мудрости»; Ницше тоже «язычникъ», хотя и «безумный»; гр. Л. Толстой также «галилеянинъ» и, по словамъ г. Мережковскаго, столь же «безумный», какъ и Ницше. Теперь для васъ ясно, въ чемъ дѣло. Все это, конечно, вамъ можетъ казаться нѣсколько страннымъ, потому что Гете, несмотря на свое язычество, проповѣдывалъ альтруизмъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова (Фаустъ умираетъ въ сладостномъ сознаніи, что онъ отвоевалъ пядь земли на благо своихъ ближнихъ), и потому еще, что вы съ Пушкинымъ привыкли связывать представленіе о свѣтлой, залитой солнцемъ поэзіи. Но г. Мережковскій никакъ не можетъ отрѣшиться отъ своей неотвязчивой мысли, которая заставляетъ его тутъ же сказать, что авторъ *Войны и мира* и *Анны Карениной* — «язычникъ (только что онъ былъ «галилеяниномъ») не свѣтлаго, героическаго типа, а темнаго варварскаго, сынъ древняго хаоса, слѣпой титанъ», представляющій собою «совершенную противоположность и *отрицаніе* Пушкина въ русской литературѣ». Это—родной-то сынъ!..

Но не въ этихъ патетическихъ возгласахъ заключается то, на что мы хотѣли обратить особенное вниманіе читателей. Съ нашей точки зрѣнія гораздо интереснѣе фактъ, что поэтъ, начавшій съ изученія русской дѣйствительности, все болѣе и болѣе уходитъ въ дебри чужой, заимствованной философіи. Въ этомъ отношеніи г. Мережковскій, выражаясь его же словами, «родной сынъ» эпохи 60-хъ годовъ, съ тою разницею, что если тогда царилъ матеріализмъ, то у него матеріализмъ замѣненъ ибсенизмомъ, символизмомъ, декадентствомъ. Мы должны отмѣтить тутъ даже явный регрессъ, потому что если въ шестидесятые годы заимствованная философія играла преобладающую роль, если тенденція заѣдала искусство, то все-таки на ряду съ этимъ главнымъ теченіемъ наблюдалось и другое, именно изученіе жизни, а г. Мережковскій совсѣмъ пересталъ ее изучать и весь ушелъ въ голую тенденцію, узкую, одностороннюю, не имѣющую отношенія даже къ жизни другихъ странъ. Мистицизмъ, символизмъ, декадентство играетъ и на западѣ роль третьестепеннаго фактора. Искусство и тамъ посвящено главнымъ образомъ жизни. Главная заслуга Ибсена, котораго наши символисты провозглашаютъ пророкомъ ихъ сомнительной художественной

теоріи, состоитъ, какъ я уже выяснялъ въ печати (*Истор. Вѣстн.*, 1894, № 9), въ чрезвычайно мѣткомъ и глубокомъ изображеніи норвежской жизни, а наши символисты, поклоняющіеся этому писателю, даже не задаются вопросомъ, какое отношеніе имѣетъ мнимая философская теорія Ибсена къ бытовымъ условіямъ его родины. Словомъ, наши искатели «новой красоты» прочно усвоили себѣ одну изъ отрицательныхъ сторонъ эпохи 60-хъ годовъ и чуждаются всего, что въ ней было положительнаго.

Но г. Мережковскій принадлежитъ къ числу искреннихъ, талантливыхъ и образованныхъ символистовъ. Что же сказать объ остальныхъ, которые не обладаютъ ни его талантомъ, ни его знаніями, ни его искренностью? Пусть на этотъ вопросъ отвѣчаетъ вмѣсто меня г. Вас. Немировичъ-Данченко или, точнѣе говоря, его послѣднее произведеніе, очеркъ *Удача.* «Какой-то дуракъ, — пишетъ онъ,—пустилъ въ ходъ мнѣніе, что старое искусство умерло, точно есть смерть для вѣчнаго. Былые боги ушли изъ міра, а другіе еще не народились... Новое искусство приходится-де создавать съ новой манеры письма и наблюденія... Вѣдь моментальная фотографія открыла же такіе переходы движеній, какихъ и не подозрѣвалъ никто. Улови также у солнца зеленый блескъ на тѣлѣ, багровый отсвѣтъ тамъ, гдѣ его никто и не усматривалъ, голубые лучи, все проникающіе насквозь и дѣлающіе людей похожими на призраки»... «Великій панъ умеръ» (любимое изреченіе г. Мережковскаго), — говоритъ главный герой очерка, художникъ Костецовъ, и принимается творить въ духѣ символизма и декадентства. Онъ имѣетъ громадный успѣхъ, но вотъ что ему говоритъ старый художникъ: «Вы въ мерзость по-уши влѣзли и нѣтъ вамъ оправданія!.. Красота—въ сліяніи идеи или чувства съ формою, а у васъ—однѣ формы, футляры... Кисть, какъ мечъ; она на стражѣ всего слабаго и беззащитнаго, она мститъ за безвинно измученныхъ, призываетъ людей къ любви, добру, покаянію, состраданію... На что мнѣ новые ваши пріемы, если въ нихъ содержаніе мерзостное? Вѣдь это—паденіе искусства, когда люди талантливые собираются брать только формою... Оставьте ее тѣмъ, кто уже выработалъ и идеи, и понятія. Что мы съ вами сдѣлали для этого? Бездонный океанъ непонятаго народа, ему бы служить, пока рука кисть держитъ, а вы бурьяномъ да чертополохомъ тощую ниву глушите». Но и помимо стараго художника, Костецовъ приходитъ къ сознанію, что онъ «развратитель, измѣнникъ», что «его удача— знаменіе обезстыженнаго и исподличившагося времени», что онъ въ сущности только «ловилъ публику» и, несмотря на громадный успѣхъ его картинъ, онъ бѣжитъ на выставку и самъ собственноручно уничтожаетъ ихъ. Произошелъ большой скандалъ на выставкѣ, а появленіе очерка г. Вас. Немировича-Данченко составляетъ маленькій скандалъ въ благородной литературной семьѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ краснорѣчивый очеркъ напечатанъ въ *Сѣверн. Вѣстникѣ* (№ 12), т. е. въ журналѣ, который преимущественно давалъ мѣсто произведеніямъ нашихъ символистовъ и декадентовъ, разныхъ искателей «новой красоты» и, при случаѣ, ихъ горячо защищалъ. Будемъ надѣяться, что это означаетъ отрезвленіе журнала отъ крайне сомнительныхъ художественныхъ теорій и возвращеніе его къ жизни съ ея насущными и обязательными для всѣхъ требованіями и задачами.

Библіографія.

К. А. Ивановъ. Средневѣковая деревня и ея обитатели. Съ рисунками. СПБ. 1896 г. Ц. 75 к. (VI+139 стр.).

Настоящая книжка г. Иванова примыкаетъ по своему содержанію къ составленнымъ имъ очеркамъ бытовой стороны среднихъ вѣковъ — «Средневѣковый за̀мокъ», «Средневѣковый городъ» и «Средневѣковый монастырь» (см. «Лит. прилож.» къ *Нивѣ*, 1895, декабрь). Въ нѣсколькихъ очеркахъ авторъ изображаетъ средневѣковую деревню, остановившись въ своемъ повѣствованіи на XIII и XIV вѣкахъ, т. е. на времени, наиболѣе яркомъ въ жизни крестьянъ Западной Европы. Не ограничиваясь картиной деревенской жизни, г. Ивановъ посвятилъ въ своей книжкѣ цѣлую главу объясненію феодализма и связанныхъ съ нимъ явленій. Эта мысль автора, безспорно, хороша: феодализмъ окрасилъ всю средневѣковую жизнь, а безъ знакомства съ нимъ трудно уловить и социальную сторону крестьянства. Въ первомъ своемъ очеркѣ (1—37) авторъ разсматриваетъ новую жизнь, возникшую на развалинахъ Рима, даетъ характеристику варваровъ (германцевъ, по Тациту) и отмѣчаетъ взаимодѣйствіе между ними и римской имперіей. При объясненіи феодализма и его

please, do not
remove anything.

Thanks.

R. N

~~2/23/1989~~, URBANA.

~~[illegible]~~
4/14/1989 URBANA

происхожденія, г. Ивановъ пользуется трудами проф. Виноградова, проф. Карѣева и Вызинскаго. Однако, говоря о возникновеніи королевскихъ пожалованій (бенефицій), авторъ держится въ настоящее время устарѣлаго взгляда, что особенно странно, такъ какъ у проф. Виноградова, на сочиненіе котораго ссылается авторъ, высказывается и поддерживается какъ разъ противоположное мнѣніе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ рисуетъ намъ французскую деревню, вводитъ насъ въ жилища крестьянъ и, пользуясь тѣмъ, что обитатели деревни всѣ ушли на работу, разсказываетъ о подраздѣленіяхъ крестьянскаго сословія. Отъ рабочаго дня авторъ переходитъ къ изображенію воскресенія въ деревнѣ (50—70 стр.), указываетъ на характеръ проповѣдей и знакомитъ читателя съ играми и забавами крестьянъ. Г. Ивановъ разставилъ въ книжкѣ всѣ необходимыя для его темы фигурки: къ вечеру появляется феодальный владѣлецъ, отъ группы крестьянъ отдѣляется дѣвушка съ просьбой о разрѣшеніи вступить ей въ бракъ... Это даетъ автору поводъ разсказывать о значеніи такихъ просьбъ. Хотя крестьяне отъ души веселились, но положеніе ихъ было тяжелое, что видно изъ многочисленныхъ возстаній XIII и XIV в. Объ этихъ возстаніяхъ авторъ разсказываетъ въ IV очеркѣ и переходитъ къ изображенію крестьянъ средневѣковой Германіи. Прекраснымъ матеріаломъ для знакомства съ нѣмецкимъ крестьянствомъ служатъ эпическія стихотворенія того времени. Очень кстати авторъ передаетъ содержаніе одного изъ нихъ—колоритное и поэтичное произведеніе, изображающее испорченность молодого крестьянина («Мейеръ Гельмбрехтъ»). Съ любовью написанъ очеркъ о деревенскихъ праздникахъ, главнымъ образомъ весны и Рождества, о гаданіяхъ и повѣріяхъ. Заканчивается книжка характерной средневѣковой легендой о крестьянинѣ и фландрскомъ графѣ. Книжка г. Иванова, написанная просто и удобопонятно, составлена не только по лучшимъ руководствамъ, но и по источникамъ, даетъ много интереснаго и поучительнаго. Однако, не мѣшало бы автору оставить ту искусственность тона, какая замѣчается во всѣхъ его книжкахъ. Нерѣдко, на одной и той же страницѣ, авторъ говоритъ разнымъ языкомъ. Послѣ серьезныхъ, чтобъ не сказать сухихъ, разсужденій о сервахъ, вилланахъ и т. п., вдругъ слышится идиллическій тонъ: почти каждая глава оканчивается заходомъ солнца. Это—старый пріемъ «заманивать» читателя. Книжка издана опрятно, рисунки хороши, прочтется она съ удовольствіемъ и несомнѣнной пользой. Можно пожелать г. Иванову полнаго успѣха въ дальнѣйшемъ изданіи его очерковъ культурной исторіи средневѣковья. Намъ нужны такія книги при бѣдности нашей исторической литературы.

Сочиненія Людвига Берне, въ переводѣ **Петра Вейнберга**. Въ 2-хъ томахъ. Со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ. Изданіе 2-е. СПБ. Изданіе «Книгопродавческой складчины». 1896. Ц. 3 р.

Въ нынѣшнемъ году, въ февралѣ, минетъ шестьдесятъ лѣтъ, какъ скончался Берне. Всего за нѣсколько лѣтъ до его смерти вышло первое изданіе избранныхъ его сочиненій, доставившихъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ германской литературѣ. Кто такой былъ Берне? По словамъ француза Распайля, сказаннымъ надъ раскрытой могилой Берне, «въ его прозрачномъ, мизерномъ тѣлѣ жила душа, горѣвшая сочувствіемъ ко всему хорошему, страдавшая при видѣ всего дурного, сражавшаяся за священное дѣло народа; тѣло Берне принадлежало покорному своей судьбѣ больному человѣку, глубокомысленному и скромному писателю, мученику, готовому на всякія страданія, на терпѣливое перенесеніе всякихъ пытокъ...» Лучшую же характеристику произведеній Берне далъ онъ самъ въ «объявленіи» (предисловіи) къ изданію избранныхъ его сочиненій. «Что я говорилъ—тому я всегда вѣрилъ. Что я писалъ—то диктовалось моимъ сердцемъ; я долженъ былъ повиноваться ему... Я старался дѣйствовать на душу; аргументаторовъ и безъ меня было не мало. Кто говоритъ съ головами—долженъ знать много языковъ, а хорошо знать можно только одинъ языкъ; кто говоритъ съ сердцами—понятенъ для всякаго, слова его—музыка, въ которой каждый слышитъ себя, слышитъ тихій отвѣтъ на каждый тихо-произнесенный вопросъ». Каждое его слово, однако, было настолько искренно и прочувствовано, настолько было дѣйствительно написано кровью сердца и сокомъ нервовъ, что дѣйствовало и на сердца, и на умы. Не удивительно поэтому, что на писательство Берне смотрѣли какъ на самоотреченіе, какъ на подвигъ, требующій отрѣшенія отъ привычекъ и предразсудковъ, отъ привязанностей, противорѣчащихъ нравственной правдѣ и, главнымъ образомъ, отъ той невольной робости, которую ощущаетъ каждый, оставаясь съ-глазу-на-глазъ со своимъ разумомъ и со своей совѣстью. Безсмертенъ его «простой» рецептъ: «Какъ сдѣлаться оригинальнымъ писателемъ?»—«Возьмите,—говоритъ онъ,—нѣсколько листовъ бумаги и три дня сряду, безъ всякой фальши и лицемѣрія, пи

шите на нихъ все, что придетъ вамъ въ голову. Пишите, что вы думаете о самомъ себѣ, о вашей женѣ, о войнѣ съ турками, о Гёте, объ уголовномъ процессѣ Фонка, о страшномъ судѣ, о вашихъ начальникахъ,—и, по истеченіи этихъ трехъ дней, вы придете въ неописуемое изумленіе, увидѣвъ, сколько новыхъ, невѣдомыхъ мыслей вышло изъ вашей головы. Вотъ въ чемъ состоитъ искусство—въ три дня сдѣлаться оригинальнымъ писателемъ». Берне свято слѣдовалъ этому трудному рецепту до конца своей жизни, и, благодаря этому, его сочиненія такъ же говорятъ съ сердцами, такъ же «даютъ тихій отвѣтъ на каждый тихо произнесенный вопросъ» теперь, какъ и полвѣка тому назадъ. Суровая искренность, безпощадная сатира во имя высшихъ идеаловъ свободы, правды и добра, облеченная въ блестящую литературную форму,—вотъ что придало, придаетъ и будетъ придавать сочиненіямъ Берне неумирающій интересъ, неизгладимое впечатлѣніе. На русскомъ языкѣ былъ переводъ сочиненій Берне, сдѣланный уже давно; изданіе это давно уже совершенно разошлось, и поэтому новое изданіе сочиненій Берне слѣдуетъ привѣтствовать отъ всей души. Въ изданіи этомъ не помѣщены всѣ сочиненія Берне, а лишь избрано, во-первыхъ, все, что есть въ нихъ лучшаго и что яснѣе всего характеризуетъ дѣятельность и убѣжденія автора, во-вторыхъ, все то, что не утратило интереса и въ настоящее время. Въ первомъ томѣ помѣщена обстоятельная и очень интересная статья Петра Вейнберга «Жизнь и литературная дѣятельность Людвига Берне».

Іоганнъ Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, подъ ред. и съ примѣч. **П. И. Вейнберга.** Въ двухъ томахъ, состоящихъ изъ 20 выпусковъ. Подписная цѣна на 20 вып.—6 р., съ дост. и перес.—8 р.

«Всеобщая исторія литературы» Іоганна Шерра есть исторія всѣхъ тѣхъ устныхъ, писанныхъ и печатныхъ произведеній, которыя, благодаря ихъ содержанію и формѣ, хорошо извѣстны, или, по крайней мѣрѣ, доступны всѣмъ образованнымъ людямъ. Въ это понятіе литературы Шерръ включилъ, главнымъ образомъ, художественную словесность, произведенія въ стихахъ и изящной прозѣ, отличающіяся у каждаго народа отъ соотвѣтствующихъ произведеній другихъ націй, независимо отъ различія по языку, особымъ національнымъ духомъ и тономъ. За истекшіе почти полвѣка «Всеобщая исторія литературы» І. Шерра выдержала 9 изданій на нѣмецкомъ языкѣ и была переведена на многіе иностранные языки, въ томъ числѣ и на русскій. Новое русское изданіе этого труда, предпринятое теперь книгоиздательствомъ Д. В. Байковъ и К°, въ переводѣ подъ редакціей П. И. Вейнберга, заслуживаетъ особаго вниманія, помимо достоинствъ самаго перевода, еще и тѣмъ, что оно снабжено значительнымъ числомъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ въ Штутгардтѣ, тамъ же, гдѣ вышло послѣднее изданіе «Всеобщей исторіи литературы», съ котораго и сдѣланъ переводъ настоящаго русскаго изданія. Все изданіе раздѣлено на 20 выпусковъ, которые должны составить два объемистыхъ тома. Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, къ каждому выпуску приложены отдѣльно по нѣскольку листовъ, содержащихъ въ себѣ копіи съ картинъ, портреты, автографы извѣстныхъ писателей. Всѣ эти рисунки исполнены очень отчетливо, даже изящно.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община (la cité antique). Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Перев. съ послѣдняго XIV изд. **Н. Н. Спиридонова.** Москва. Ц. 2 р.

Это уже третій переводъ знаменитаго, вызвавшаго много полемики, труда Фюстель-де-Куланжа (первые два перевода были выпущены еще въ шестидесятыхъ годахъ и уже давно распроданы). Значеніе этой книги опредѣляется отчасти тѣмъ, что здѣсь внѣшнія достоинства, форма гармонично сливается съ богатствомъ содержанія; но изящество, ясность изложенія, стройность аргументаціи, вообще, впечатлѣніе художественнаго цѣлаго, получаемое отъ чтенія названной нами книги,— являются лишь второстепенными факторами при ея оцѣнкѣ. Выясненіе руководящихъ принциповъ древняго періода человѣческаго развитія, указаніе на внутреннюю связь между различными отраслями народной жизни и на зависимость подробностей отъ немногихъ основныхъ идей,—вотъ что придаетъ классическому сочиненію Фюстель-де-Куланжа важное значеніе. Вѣрованія, право, учрежденія—составляютъ главное содержаніе этой работы: внѣшнія событія, смѣна царствованій, подробности войны и т. д. совершенно стушовываются, и все вниманіе сосредоточивается на внутреннемъ строѣ. Родовой культъ, все собою опредѣляющій, сліяніе въ античномъ мірѣ религіи и политики характеризуютъ древнюю жизнь: изъ культа вытекаютъ сакральное и гражданское права, культъ вызываетъ объединеніе и замкнутость рода, культъ даетъ государству федеративный характеръ, культъ опредѣляетъ пониманіе международныхъ отношеній, какъ борьбы и соглашенія боговъ—родоначальниковъ и покровителей; наконецъ,

культъ создаетъ борьбу между патриціями и плебеями или эвпатридами и демотами. Однимъ словомъ, все въ жизни древнихъ народовъ проникнуто религіей, и безъ нея все кажется неяснымъ, — думаетъ Фюстель-де-Куланжъ. Когда же культъ ослабѣваетъ, когда измѣняется религія, то измѣняется и весь строй народной жизни. Безъ сомнѣнія, такой взглядъ на древній міръ — выведеніе всего изъ одного культа предковъ — является слишкомъ одностороннимъ: авторъ совершенно забываетъ и многообразіе миѳологическихъ и этическихъ вліяній, и самостоятельность правового и экономическаго развитія; желая обрисовать своеобразность и особенность античнаго времени, онъ впадаетъ въ рѣзкую односторонность, но это обстоятельство, конечно, не можетъ уничтожить его заслуги, не можетъ отнять у его книги права на названіе классической.

Викторъ Острогорскій. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Изд. 2-е. СПБ. 1896.

Авторъ этихъ писемъ, извѣстный педагогъ, указываетъ на то, что вопросъ о воспитаніи юношества поставленъ у насъ неправильно, т.-е., что всѣ заботы школы направлены теперь только на формальное развитіе ума и на обогащеніе его знаніями, а воспитаніе чувства и воображенія учащихся оставлено совершенно въ сторонѣ; указывая на послѣдствія такой образовательной системы, авторъ рисуетъ, въ частности, результаты ея въ области отечественнаго языка и словесности, отмѣчаетъ нашу, почти общую, литературную беззаботность, отсутствіе вкуса и даже малограмотность, и рекомендуетъ, какъ единственное спасеніе, перейти къ системѣ эстетическаго воспитанія. Но раньше всего онъ требуетъ, чтобы воспитаніе начиналось не въ школѣ, а въ самой семьѣ ребенка, гдѣ руководительство воспитаніемъ ребенка должно принадлежать всецѣло матери,—такъ и свою брошюру авторъ посвящаетъ «русскимъ матерямъ»,— и даетъ краткій очеркъ тѣхъ средствъ, какими можетъ располагать мать для правильнаго, эстетическаго воспитанія своего ребенка. Въ книжкѣ, съ которою очень полезно было бы познакомиться каждой матери, разсыпано много чрезвычайно мѣткихъ и цѣнныхъ замѣчаній, хотя отчасти и не новыхъ; но есть истины, которыя полезно повторять ежедневно; а что̀ можетъ быть болѣе важно, чѣмъ образованіе цѣлыхъ поколѣній будущихъ дѣятелей нашей дорогой родины? Можно пожелать этой книжкѣ самаго широкаго распространенія.

Изслѣдованіе вопроса о предсказаніи погоды по атмосферному давленію, влажности, горизонтальному и вертикальному движенію воздуха и проч. Составилъ **Н. И. Рейнботъ.** СПБ. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Предсказаніе погоды въ послѣднее время перешло изъ области утопій въ самую живую дѣйствительность, увѣнчавъ собою быстрые успѣхи метеорологіи и климатологіи за вторую половину девятнадцатаго столѣтія; вмѣстѣ съ тѣмъ, метеорологическія наблюденія распространились и среди массы городскихъ обывателей, а потому сборникъ свѣдѣній, дающихъ возможность любому мало-мальски образованному человѣку предсказывать погоду при помощи несложныхъ инструментовъ и наблюденій является весьма желательнымъ, тѣмъ болѣе, что умѣнье предугадать погоду ближайшаго будущаго часто, особенно же для сельскаго хозяина, имѣетъ громадное практическое значеніе. Книжка г. Рейнбота прекрасно отвѣчаетъ своему назначенію. Ознакомляя читателей съ различными приборами, необходимыми для предсказанія погоды, авторъ постепенно учитъ ихъ, какъ можно предсказывать погоду по направленію вѣтра (по флюгеру), по атмосферному давленію (по барометру), а также по обоимъ этимъ факторамъ, далѣе— по степени влажности воздуха (по гигрометру, психрометру, спектроскопу, сцинцилометру), по состоянію неба и облакамъ, по атмосферному давленію, относительной влажности и направленію вѣтра въ совокупности, по влажности, температурѣ и атмосферному давленію въ совокупности, по восходящимъ и нисходящимъ токамъ воздуха. Текстъ иллюстрированъ рисунками приборовъ и отличается полною общедоступностью. Жаль только, что авторъ, изъ практическихъ соображеній, не указалъ стоимости всѣхъ описываемыхъ имъ приборовъ, да еще можно пожалѣть и о томъ, что книжка, при своемъ незначительномъ объемѣ (79 страницъ), выпущена въ продажу по такой дорогой цѣнѣ: вѣдь это можетъ препятствовать ея большому распространенію, а между тѣмъ она можетъ очень пригодиться каждому образованному человѣку.

Теорія и практика громоотводовъ. Составилъ **Д. Головъ.** СПБ. 1896 г. Цѣна 1 р. 60 к.

Книга г. Голова имѣетъ цѣлью собрать въ систематическомъ порядкѣ практическія указанія относительно примѣняемыхъ въ настоящее время пріемовъ устройства громоотводовъ для защиты зданій отъ молніи и дать такимъ образомъ практическое руководство для архитекторовъ, домовладѣльцевъ, сельскихъ хозяевъ и пр. И авторъ вполнѣ справился со своею задачей. По-

дробно изложивъ всѣ детали устройства громоотводовъ, авторъ предпослалъ этому описанію краткія научныя свѣдѣнія объ атмосферномъ электричествѣ, а въ заключеніе привелъ свѣдѣнія объ испытаніяхъ громоотводовъ и иллюстрировалъ книгу множествомъ рисунковъ, облегчающихъ уясненіе текста. Издана книга фирмой К. Л. Риккера, по обыкновенію, прекрасно.

М. Маховъ. Дуэль, ея происхожденіе и современный характеръ. СПБ. 1896. Цѣна 50 к.

Интересующимся исторіей возникновенія и постепеннаго развитія дуэли въ разныхъ государствахъ Европы мы рекомендуемъ старательно составленную брошюру г. Махова, кратко описывающую главнѣйшія фазы развитія этого выработаннаго обычнымъ правомъ института, сложившагося на почвѣ непониманія завѣтовъ религіи и извращенныхъ представленій о чести. Печальна, но поучительна исторія этого обычая, благополучно процвѣтающаго и понынѣ во всѣхъ государствахъ, — гдѣ тайно, гдѣ явно,—въ томъ числѣ и въ нашемъ, нѣкогда сумѣвшемъ однимъ законодательнымъ актомъ вырвать изъ народной жизни печальной памяти обычай мѣстничества. Относительно дуэли г. Маховъ не рѣшается сказать откровеннаго и рѣзкаго слова, какъ о нелѣпомъ обычаѣ рѣшать вопросы чести, хотя бы и самые щекотливые, возмутительно грубымъ, несправедливымъ и жестокимъ путемъ. Но то, чего не договариваетъ г. Маховъ, договариваютъ за него приводимые имъ факты. Вотъ одинъ изъ такихъ краснорѣчивыхъ, говорящихъ за себя фактовъ, приведенный въ книгѣ г. Махова: «Бюсси Рабютэнъ съ четырьмя своими секундантами готовился къ дуэли. Проходившій мимо незнакомый дворянинъ предложилъ ему себя въ секунданты. Бюсси, поблагодаривъ его, отвѣтилъ, что у него послѣднихъ достаточно. Наговоривъ Бюсси массу любезностей, незнакомецъ откланялся и съ тѣмъ же предложеніемъ обратился къ противнику Бюсси, который согласился на его желаніе. Но такъ какъ силы сторонъ оказывались неравными (четыре противъ пяти), то одинъ изъ секундантовъ, отправясь искать пятаго, встрѣтилъ неизвѣстнаго ему мушкатера и объяснилъ ему затрудненіе, въ которомъ находилась вся компанія. Тотъ сейчасъ же счелъ своимъ долгомъ прійти на помощь и драться на смерть, Богъ вѣсть за что, съ людьми, которыхъ до тѣхъ поръ онъ никогда не видалъ» (стр. 17). Г. Маховъ дважды замѣчаетъ, что законъ 13 мая 1894 г., регламентировавшій дуэль въ офицерской средѣ, имѣлъ цѣлью содѣйствовать повышенію общаго уровня понятій о чести. Но если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то неужели такъ высоко стоялъ уровень понятій о чести въ эпоху, къ которой относится только-что приведенный нами случай!

Пятидесятилѣтіе книжнаго и картиннаго производства фирмы И. А. Голышева. Владиміръ на Клязьмѣ.

Въ этой брошюрѣ, составленной секретаремъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, дается краткій очеркъ полувѣковой дѣятельности первой въ краѣ книжной народной торговли, возникшей въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, въ концѣ 1840 года. Основателемъ этой чрезвычайно полезной фирмы былъ крестьянинъ вотчины гр. Панина Александръ Голышевъ, по ремеслу иконописецъ. Особенную же извѣстность этой фирмѣ придалъ сынъ его, Иванъ Александровичъ Голышевъ, родившійся въ 1836 г. Научившись грамотѣ въ мѣстной приходской школѣ, И. А. Голышевъ отданъ былъ въ ученіе въ литографію въ Москвѣ. Въ 1858 г. И. А. уже сдѣлался владѣльцемъ большой литографіи, присоединивъ къ отцовской книжной торговлѣ торговлю картинами, которыхъ онъ печаталъ въ своей литографіи до полумилліона штукъ ежегодно. Кромѣ того, И. А. Голышевъ занимался этнографіей и археологіей Владимірской губерніи и помѣстилъ не мало статей въ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Голосѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Древней и Новой Россіи», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и др. изданіяхъ. Просвѣтительная дѣятельность И. А. Голышева нашла правильную себѣ оцѣнку со стороны общества и правительства; въ день 50-лѣтняго юбилея фирмы И. А., его торжественно чествовали рѣчами, адресами и обѣдомъ, и онъ получилъ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. Брошюра украшена портретомъ И. А. Голышева и эпиграфомъ изъ Некрасова, такъ подходящимъ къ характеристикѣ всей дѣятельности И. А. Голышева: «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное, сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ». 9 декабря истекшаго года И. А. Голышевъ скончался въ своей родной слободѣ Мстерѣ.

Влад. Птицынъ. Селенгинская Даурія. Очерки Забайкальскаго края. Въ двухъ частяхъ. Съ 10 рис. и географ. картой Забайкалья. СПБ. 1896. Цѣна 2 руб.

Въ нашей «великой и обильной» матушкѣ Россіи есть такіе далекіе, самимъ Господомъ Богомъ забытые уголки, до которыхъ не только три—трижды три года скачи, да и то не доскачешь. Въ такихъ уголкахъ и порядки своеобразные, и нравы особенные,

процвѣтающіе на почвѣ невѣжества и дикости такимъ пышнымъ цвѣтомъ, о которомъ вѣрное представленіе могли имѣть развѣ что наши прапрадѣды. Со временемъ, когда вся Россія покроется сѣтью желѣзныхъ дорогъ и Сибирь въ представленіи большинства перестанетъ быть «краемъ свѣта», тихо и мирно покончатъ свое существованіе подобные уголки, мало-по-малу преображаясь подъ вліяніемъ культуры. А пока они существуютъ, нужно быть благодарнымъ каждому изслѣдователю, который на всенародныя очи выставляетъ и ихъ горькія нужды, и ихъ горькое невѣжество, въ изобиліи порождающее прискорбныя и уродливыя явленія въ странѣ мѣстной жизни. Селенгинская Даурія, одна изъ щедро одѣленныхъ природою мѣстностей Сибири, представляетъ собою подобный заброшенный уголокъ. «Съ проведеніемъ по ней рельсоваго пути, страна эта развернетъ свои природныя богатства и вѣроятно со временемъ займетъ первое мѣсто въ Восточной Сибири»,—замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги, а пока... А пока въ общественной жизни имѣютъ мѣсто многочисленные факты, въ родѣ слѣдующаго: «Про одного, нынѣ уволеннаго, селенгинскаго исправника разсказываютъ, что онъ обыкновенно періодически навѣдывался въ дацаны (буддійскіе монастыри) своего округа, требовалъ къ себѣ ширетуя (настоятеля) дацаны и говорилъ ему черезъ переводчика: Ширетуй, я вотъ ѣхалъ къ вамъ; да около дацана потерялъ двѣсти рублей... Поди-ка заставь ламу поискать!» О частной же жизни можно составить себѣ нѣкоторое представленіе по разсказамъ «Забайкальскіе волки», «Лукичъ» и «Изъ быта даурскихъ милліонеровъ». Въ книгѣ г. Птицына большой интересъ представляютъ также статьи о Кяхтѣ, игравшей нѣкогда не малую роль въ торговлѣ чаями, а нынѣ все болѣе и болѣе утрачивающей свое значеніе. Книгѣ вредитъ только нѣкоторая сухость изложенія.

Списокъ книгъ, доставленныхъ въ редакцію для отзыва:

Бехтеревъ, В. М. О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1896.

Бразоль, Л. Е., докт. мед. Публичныя лекціи о гомеопатіи. СПБ. 1896. Ц. 1 р.

Бразоль, Л. Е., докт. мед. Самуилъ Ганеманъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. СПБ. 1896. Ц. 50 к.

Будищевъ, Ал. Степные волки. Разсказы. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Введенская, Е. В. Ради дѣтей. Разсказы. СПБ. 1897. Цѣна 1 руб.

Вейнбергъ, Петръ. Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунк. Е. М. Бемъ, Н. Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. С. Соломко. СПБ. 1896.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томы II, III и IV. СПБ. 1891, 1892, 1895 гг. СПБ. Ц. 4-хъ томовъ 12 р.

Волконскій, Сергѣй, князь. Очерки русской исторіи и русской литературы. Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ. СПБ. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣтринскій, Ч. (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историч. очеркъ. М. 1897. Ц. 1 р. 60 к.

Герцль, Т. Еврейское государство. Опытъ новѣйшаго разрѣшенія еврейскаго вопроса. Одесса. 1896. Ц. 50 к.

Гокинсъ, Э. Англійско-русскій карманный словарь. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ и Харьковъ. 1896. Ц. 60 к.

Догановичъ, Анна. Ѳомка-дуракъ. Разск. для дѣтей. М. 1896. Ц. 15 коп.

Ибсенъ, Генрихъ. Собраніе сочиненій. Изд. І. Юровскаго. Томъ IV. СПБ. 1896. Ц. кажд. тома 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Ивановъ, И. Путеводитель по Волгѣ. Казань. 1896. Ц. 30 к.

Калымовъ, В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для дѣтей. Книжки I, II и III. М. 1896. Цѣна кажд. кн. 15 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Изд. К. К. Банза. Вып. XXX. М. 1896.

Кругловъ, А. В. Литература „маленькаго народа“. Крит.-педаг. бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. Вып. I и II. М. 1897. Ц. кажд. вып. 85 к.

Кругловъ, А. В. Стихотворенія. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Лейкинъ, Н. А. Среди причта. Романъ. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Менделевичъ, Р. А. Святочныя поэмы. М. 1897. Ц. 50 к.

Навроцкій, А. А. Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Плещеевъ, А. Н. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Плещеевъ, А. Н. Повѣсти и разсказы. Подъ ред. П. В. Быкова. Томъ II. СПБ. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

Портіусъ, К. І. С. Начальное руководство къ самостоятельному изученію шахматной игры. Изд. М. В. Попова. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Поспѣловъ, Н. Букварь для начальныхъ школъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1896. Ц. въ папкѣ 12 к.

Поспѣловъ, Н. Первая книжка послѣ букваря для начальн. городскихъ и сельскихъ училищъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1897. Ц. въ папкѣ 20 к.

Предтеченскій, Е. Кометы и падучія звѣзды. Популярно-научныя бесѣды. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1896. Ц. 40 к.

Русановъ, Н., протоіерей. Катихизическія поученія, приспособленныя къ пониманію простого народа. Изд. И. Л. Тузова. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Свѣтловъ, П. Я., проф.-свящ. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанской религіи и философіи. Изд. И. Л. Тузова. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Симоненко, П. Кузнечно-слесарное, мѣдно-литейное и жестяное производство. Изд. Г. Т. Брилліантова. М. 1896. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Фарраръ, Ф. Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Разсказъ изъ временъ Св. Іоанна Златоуста. Перев. **А. Лопухина.** Изд. И. Л. Тузова. СПБ. 1897. Ц. 3 р.

Федоровъ, Д. Драматическіе этюды. М. 1896.

Цигенъ, В., д-ръ. Вліяніе алкоголя на нервную систему. Популярная лекція. Перев. **Я. Братина.** СПБ. 1896. Ц. 20 к.

Шапиръ, Ольга. Любовь. Романъ. СПБ. 1897. Ц. 2 р.

Шопенгауэръ, А. Метафизика любви. Перев. съ нѣм. **Р. Кресинъ.** Харьковъ. 1896. Ц. 30 к.

Шперкъ, Ѳедоръ. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. СПБ. 1897. Ц. 40 к.

СМѢСЬ.

Безсознательная работа мозга. Всякій, много работавшій, знаетъ, что приступать къ работѣ труднѣе, чѣмъ продолжать ее, что она идетъ легко, катится какъ по рельсамъ лишь тогда, когда мы втянемся въ нее, когда она идетъ не прерываясь. Дѣло привычки,— говорили въ старину, дѣло увлеченья,—говорятъ теперь. Нашъ мозгъ—очень сложный и деликатный аппаратъ, самъ способенъ увлекаться работой, которую мы продѣлываемъ напряженно и постоянно, увлекаться подобно лошади на скаковомъ кругу, велосипедисту или коллекціонеру-любителю. Едва ли всѣмъ извѣстно, что мозгъ въ этомъ случаѣ продолжаетъ работать безъ всякаго произвольнаго участія съ нашей стороны, даже когда мы вовсе не подозрѣваемъ объ его работѣ и заняты совершенно другимъ дѣломъ или даже спимъ. Вѣроятно многіе изъ читателей замѣтили, что при усиленныхъ занятіяхъ они иногда просыпались утромъ съ почти готовымъ рѣшеніемъ, тогда какъ наканунѣ оно вовсе не давалось, несмотря на сильное напряженіе мысли. Обыкновенно это объясняютъ тѣмъ, что организмъ, отдохнувшій за ночь, съ большими силами приступаетъ къ работѣ, которая наканунѣ, вслѣдствіе утомленія, и не могла быть продуктивной. Но это не вѣрно, и въ дѣйствительности мы имѣемъ здѣсь дѣло съ безсознательною работою мозга во время сна, о которой столь много говорятъ нынѣ въ ученыхъ кружкахъ. Весьма интересное сообщеніе по этому вопросу мы нашли въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ американскаго журнала The American Naturalist. Это разсказъ извѣстнаго американскаго ученаго Гильпрехта, прекрасно характеризующій увлеченіе нашего мозга работой. «Однажды,— пишетъ мистеръ Гильпрехтъ,—я чрезмѣрно утомился, дешифрируя надписи, высѣченныя на двухъ агатовыхъ кольцахъ, которыя, какъ предполагали, въ очень древнія времена принадлежали одному изъ вавилонянъ. Разборъ былъ тѣмъ затруднительнѣе, что на камнѣ сохранились лишь остатки письменъ и знаковъ; подобныя имъ встрѣчались въ храмѣ Бэлы въ Нипурѣ, но изъ этого нельзя было сдѣлать никакого заключенія». Кромѣ того, мистеру Гильпрехтъ приходилось работать не по оригиналу, а по списку, сдѣланному однимъ изъ членовъ вавилонской экспедиціи. Все, что онъ могъ опредѣлить, было, что эти надписи относятся къ періоду исторіи Вавилона между 1700 и 1140 годами до Р. Х., и что одинъ изъ знаковъ, вѣроятно, означаетъ Ку, что давало нѣкоторое основаніе предполагать, что надписи относятся ко времени царя Куригольцу. Въ одинъ изъ вечеровъ мистеръ Гильпрехтъ долѣе обыкновеннаго старался проникнуть въ тайну надписи, но безуспѣшно, и около полночи, совершенно утомленный и раздосадованный, пошелъ спать, крѣпко заснулъ, и ему приснился удивительный сонъ. Онъ увидѣлъ высокаго, худого, одѣтаго очень просто, жреца, который подошелъ къ нему, заставилъ встать и повелъ въ сокровищницу храма Бэлы въ Нипурѣ. Она была невелика, низка, безъ оконъ; въ глубинѣ виднѣлся большой деревянный сундукъ, около лежали осколки агата и лапись-лазули. Указавъ на эти осколки, жрецъ произнесъ: «куски агата, которые васъ интересуютъ, не кольца, какъ вы думаете. Вотъ ихъ исторія. Царь Куригольцу (1300 г. до Р. Х.) прислалъ однажды въ храмъ Бэлы, по обѣту, между прочими предметами изъ лапись-лазули и агата, цилиндръ изъ агата съ надписями. Въ это же время мы получили приказаніе приготовить для статуи бога Нинибъ сережки изъ агата, что поставило насъ въ затрудненіе, такъ какъ у насъ тогда не было агатоваго камня. Намъ пришлось взять пожертвованный царемъ цилиндръ и вырѣзать изъ него три кольца; изъ двухъ изъ нихъ и сдѣлали серьги, которыя теперь въ вашихъ рукахъ. Соедините ихъ вмѣстѣ, и вы убѣдитесь, что я правъ». Съ этими словами онъ исчезъ, а мистеръ Гильпрехтъ проснулся, пораженный сномъ. Чтобы не забыть его, онъ тотчасъ же разсказалъ его своей женѣ, а утромъ, къ великому удивленію, увидѣлъ, что всѣ разъясненія, данныя жрецомъ, вполнѣ справедливы. Соединивъ надписи, онъ безъ труда прочелъ: Божеству Нинибъ, сыну бога Бэлы, Куригольцу, понтифексъ Бэлы, принесъ сей даръ». Мистеру Гильпрехтъ не оставалось ничего больше, какъ опубликовать эту надпись, которая и была принята всѣмъ ученымъ міромъ. Но для мистера Гильпрехтъ оставался все-таки одинъ сомнительный пунктъ: судя по описанію, кольца были разнаго цвѣта, чего не могло быть, если бы они составляли часть одного камня. Но и это сомнѣніе разъяснилось, когда мистеръ Гильпрехтъ, въ бытность свою въ Константинополѣ, лично осмотрѣлъ въ музеѣ эти кольца. Приложивъ ихъ другъ къ другу, онъ легко увидѣлъ, что жрецъ въ его сновидѣніи безусловно правъ, разница же цвѣта зависѣла отъ того, что рѣзчикъ искусно выдѣлилъ въ одно кольцо бѣловатую жилку. Въ музеѣ эти кольца хранились въ разныхъ витринахъ, ни ученому хранителю, ни другимъ ученымъ, ихъ разсматривавшимъ, никогда не приходило въ голову тождество ихъ происхожденія.

Эта исторія имѣетъ вполнѣ характеръ чего-то таинственнаго и сверхъестественнаго, но она объясняется совершенно просто. Сокровищница, которую видѣлъ мистеръ Гильпрехтъ во снѣ, была въ дѣйствительности открыта нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что, конечно, было ему извѣстно; вся обстановка, одѣяніе жреца, жертвенные цилиндры и пр., также были хорошо ему извѣстны и, по ассоціаціи идей, его мозгъ легко могъ прійти къ выводу, который и вылился во снѣ. Этотъ случай интересенъ не только потому, что онъ прекрасно характеризуетъ безсознательную работу мозга, изслѣдованіе которой еще далеко не закончено, но и потому, что онъ указываетъ, что во снѣ мы не всегда имѣемъ дѣло съ вымысломъ, фантазіей, но иногда и съ истиной. Быть-можетъ, многіе вѣщіе сны, занесенные на страницы исторіи и окружавшіеся современниками таинственностью, обязаны своимъ происхожденіемъ этой работѣ мозга.

Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Въ настоящее время опубликованы очень интересныя свѣдѣнія о дѣятельности за 1895 г. германскихъ учрежденій для страхованія рабочихъ на случай старости и инвалидности. За 1895 годъ выплачена была рента 217,600 лицамъ по достиженіи условленнаго старческаго возраста и 130,900 лицамъ по случаю инвалидности. Сумма денегъ, выплаченныхъ первымъ, равнялась 26,6 милліоновъ, послѣднимъ—15,5 милл. марокъ. Значительная часть получателей ренты понятно ограничивается сравнительно небольшой суммой, но всякій пойметъ, какое громадное значеніе имѣетъ и такая небольшая рента для стариковъ, лишенныхъ силъ къ труду и подчасъ къ тому же—помощи и поддержки родныхъ и близкихъ. Такую же громадную пользу приноситъ и страхованіе рабочихъ на случай инвалидности. Притомъ не слѣдуетъ еще забывать, что эти же страховыя учрежденія затратили около 7½ милліоновъ марокъ на устройство жилищъ для рабочихъ и пожертвовали очень солидныя суммы на дѣло оздоровленія рабочихъ. Таковы практическіе результаты страхованія рабочихъ въ Германіи — оно медленно, но все шире и шире развивается въ странѣ, являясь однимъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ соціальнаго благосостоянія Германіи.

Обломки судовъ и бутылочные посты. Къ числу опасностей, встрѣчаемыхъ въ океанѣ мореплавателями, хотя и мало извѣстныхъ непосвященнымъ, относятся брошенные, никому не принадлежащіе остатки судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе или покинутыхъ, вслѣдствіе пожара или другихъ причинъ. Обломки эти плаваютъ большею частью такъ, что вовсе, или почти вовсе, не видны изъ-подъ воды и очень рѣдко—килемъ кверху. Поэтому ночью, или въ туманную погоду, они совсѣмъ не замѣтны, и суда весьма часто натыкаются на нихъ. Обломки судовъ гораздо опаснѣе ледяныхъ горъ, потому что о встрѣчѣ съ послѣдними заранѣе предупреждаетъ паденіе барометра, вслѣдствіе охлажденія воздуха, производимаго массою льда. Изъ 49 столкновеній съ обломками судовъ въ Атлантическомъ океанѣ — 9 судовъ пошло ко дну, а 17 получили такія тяжкія поврежденія, что едва могли добраться до гавани.

Это обстоятельство побудило сѣверо-американское гидрографическое вѣдомство (Hydrographic office) выпускать отъ времени до времени указатели плавающихъ обломковъ, чтобы обратить на нихъ вниманіе мореплавателей. Число такихъ обломковъ изъ года въ годъ увеличивается: въ 1894 году гидрографическое вѣдомство объявляло о 1,584 носящихся по морю остаткахъ судовъ. Обыкновенно остатки эти плаваютъ мѣсяца два и потомъ тонутъ; но четвертая часть носится по водѣ около полугода, а нѣкоторые даже три, четыре года. Весьма дурной славой пользуется одно разбитое судно съ грузомъ краснаго дерева. Его видѣли двадцать семь разъ, и по исчисленіямъ оно совершило уже 5,000 морскихъ миль пути. Американское правительство высылаетъ отъ времени до времени торпедныя суда для уничтоженія такихъ обломковъ, но въ этомъ случаѣ подобная мѣра не удобопримѣнима, потому что взрывъ усѣялъ бы море плавающимъ лѣсомъ, который также могъ бы причинять поврежденія, напримѣръ, поломку парового винта.

Иногда носятся по морю и совершенно цѣлыя, но покинутыя экипажемъ суда. Такъ, напр., въ августѣ 1893 было встрѣчено на высотѣ Гаттераса австрійское судно «Вила» съ грузомъ костей. На немъ не было ни одной человѣческой души, хотя судно не имѣло никакихъ поврежденій. Такое непонятное сразу явленіе объяснилось лишь впослѣдствіи аналогичнымъ случаемъ. А именно, вскорѣ послѣ открытія «Вилы», вышло одно судно съ такимъ же грузомъ изъ Монтевидео въ Филадельфію и, придя къ мѣсту назначенія, экипажъ объявилъ, что никогда больше не согласится идти съ грузомъ костей. Во время пути, скорпіоны, всевозможныя насѣкомыя и ядовитые гады вылѣзли изъ костей, и отъ нихъ не было никакого спасенія. Кости были собраны въ степи и, по всей вѣроятности, скорпіоны и другіе гады заложили въ нихъ свои яйца, изъ которыхъ, подъ тропическимъ солнцемъ, выползли молодые выводки. Вѣроятно, то же случилось и съ австрійскимъ судномъ «Вила»

Несомнѣнно, что несчастные случаи отъ столкновенія съ обломками судовъ въ дѣйствительности гораздо многочисленнѣе, чѣмъ становится извѣстнымъ, и добрая часть судовъ, пропадающихъ безъ вѣсти, дѣлается жертвою такихъ столкновеній. Упомянутый выше указатель, выпускаемый гидрографическимъ вѣдомствомъ въ Вашингтонѣ, въ видѣ «Лоцманской карты Сѣвероатлантическаго океана», раздается ежемѣсячно судамъ. Въ указателѣ обозначены всѣ направленія, какія принимаютъ плавающіе обломки.

Но именно благодаря передвиженіямъ этихъ обломковъ, плывущихъ вмѣстѣ съ морскимъ теченіемъ, практическое значеніе такихъ картъ сильно ослабляется. Зато гидрографическое вѣдомство напало на мысль:— по передвиженію обломковъ изслѣдовать научно пути морскихъ теченій при помощи бутылочныхъ постовъ. Выставленіе бутылочныхъ постовъ, иначе сказать—выбрасываніе бутылокъ съ записками, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ практиковалось мореплавателями, когда они, при крушеніяхъ, хотѣли подать вѣсть о себѣ остальному міру. Употребляли ихъ также и для установленія морскихъ теченій. Но до сихъ поръ дѣло это было обставлено весьма несовершенно, и бутылки или разбивались, или не были найдены на берегу, куда ихъ выбрасывало, или онѣ тонули, потому что облѣплялись морскими животными и уходили ко дну, вслѣдствіе увеличившагося груза. Гидрографическое вѣдомство въ Вишингтонѣ поэтому изготовило особый родъ бутылокъ, видимыхъ издалека по цвѣту и формѣ. Онѣ снабжены вмѣстѣ съ тѣмъ номеромъ и буквами H. O.— Hydrographic office. Бутылки такъ устроены и наполнены балластомъ, что онѣ всегда держатся въ водѣ вертикально, и номеръ ихъ виденъ издалека. Замѣтивъ бутылку, капитанъ приближается къ ней настолько, чтобы различить номеръ, и затѣмъ оставляетъ ее въ покоѣ. О времени и мѣстѣ такихъ встрѣчъ сообщается въ Вашингтонъ, и изъ подобныхъ отчетовъ можно со значительной достовѣрностью судить о направленіи и скорости морскихъ теченій. Такія бутылки будутъ раздаваться заходящимъ въ американскіе порты торговымъ судамъ, съ указаніемъ, въ какихъ пунктахъ бутылки должны быть выброшены за бортъ. Въ виду важнаго значенія для мореплаванія и науки точнаго изслѣдованія морскихъ теченій, нельзя не привѣтствовать принятую Америкою систему и не выразить надежды, что она дастъ желаемые результаты.

Афоризмы.

На міровой сценѣ, судьба—суфлеръ, читающій пьесу спокойно и шопотомъ, безъ жестовъ, безъ декламацій и не обращая никакого вниманія на то, трагедія ли она, или комедія. Крики, свистки, аплодисменты и все прочее производятъ люди. *(Бёрне.)*

Я собирался написать музыкальную пьесу: *Любовь, тема съ варіаціями,* — но потомъ отказался отъ этого намѣренія, потому что въ былое время я могъ легко найти тему, а для варіацій у меня не хватало знаній; теперь же я могъ бы написать варіаціи, но мнѣ уже не по силамъ самая тема. (*А. Рубинштейнъ.*)

Противно, когда въ домѣ пахнетъ кухней, но мнѣ еще противнѣе быть въ домѣ, гдѣ пахнетъ деньгами. (*А. Рубинштейнъ.*)

Люди сдѣлали судьбу всемогущей богиней, чтобы сваливать на нее свои глупости. (*Оксенштіернъ.*)

Мухи чуютъ раны, пчелы — цвѣтъ; люди низкіе—недостатки, благородные — достоинства. (*Бетлингкъ.*)

Съ появленіемъ Евы Адамъ лишился рая, но зато сталъ человѣчнѣе. (*Ауэрбахъ.*)

Изъ Фридриха Ницше.

— Эгоизмъ — это законъ перспективы чувствъ: ближайшее кажется крупнымъ и тяжелымъ, и наоборотъ—всѣ предметы, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ насъ, теряютъ въ величинѣ и вѣсѣ.

— Помогай самъ себѣ, — тогда тебѣ и каждый поможетъ. Въ этомъ основы любви къ ближнему.

— Придавленный червякъ сгибается, и это умно: онъ такимъ образомъ уменьшаетъ вѣроятность быть окончательно раздавленнымъ. На языкѣ морали это называется *смиреніемъ.*

— Можно и по отношенію къ добродѣтели не сумѣть сохранить собственнаго достоинства и оказаться льстецомъ.

— Ничѣмъ нельзя лучше утѣшить нуждающихся въ утѣшеніи, какъ сказавъ имъ, что для ихъ великаго горя нѣтъ утѣшенія. Тогда они отъ гордости снова бодро поднимаютъ голову.

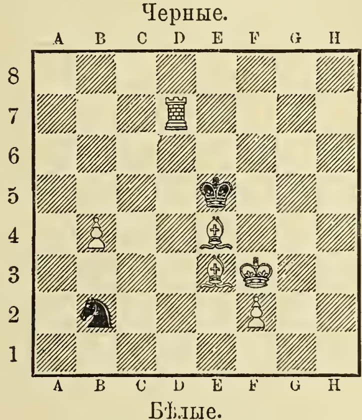
— Есть много людей, которые говорятъ правду не потому, чтобъ они не хотѣли воспользоваться выгодами лести, а потому, что не надѣются на свои актерскія способности; боясь быть изобличенными въ лести, они предпочитаютъ «играть въ правду».

— Этотъ человѣкъ взлетѣлъ высоко и поднимается все выше и выше; а въ глазахъ того, кто не можетъ летать, онъ представляется все уменьшающейся точкой.

ШАХМАТЫ
подъ редакц. Э. С. Шифферса.

Задача №. 1.
О. Немо и д-ръ Ф. Шиндлеръ.
(Изъ II конкурса „Münchener Neueste Nachrichten“).

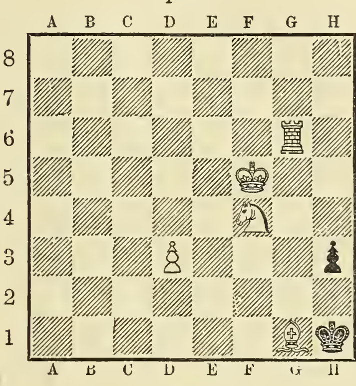
Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача №. 2.
О. Вюрцбургъ (Grand-Rapids).

Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

Курсъ дебютовъ.

ВѢНСКАЯ ПАРТІЯ.
(Окончаніе.)

1. e2—e4, e7—e5; 2. К. b1—c3.

D.

2.	. . .	К. g8 — f6
3.	К. g1 — f3 (1,2.)	С. f 8 — b4

К. c6 приводитъ къ деб. 4-хъ коней, d7—d6 къ защитѣ Филидора.

4.	К. c3 — d5	. . .

Или 4. К : e5, Ф. e7; 5. f4, d6; 6. К. f3, С : c3; 7. dc, К : e4; 8. С. e2, 0—0; 9. 0—0 (4... С : c3; 5. dc, d6; 6. К. f3, К : e4; 7. С. d3. К. f6; 8. 0—0, 0—0=)

4.	. . .	К. f6 : d5
5.	e4 : d5	e5 — e4
6.	К. f3 — d4	c7 — c6
7.	c2 — c3	С. b4 — c5
8.	К. d4 — b3	С. c5 — e7
9.	d5 : c6	d7 : c6
10.	d2 — d3	e4 : d3
11.	С. f1 : d3	0 — 0
12.	Ф. d1 — c2	f7 — f5
13.	С. c1 — e3	∞
	+	

1.

3.	g2 — g3	c7 — c6
4.	С. f1 — g2	С. f8 — b4
5.	d2 — d4	e5 : d4
6.	Ф. d1 : d4	Ф. d8 — e7
7.	К. g1 — e2	С. b4 — c5
8.	Ф. d4 — d3	К. b8 — a6
9.	a2 — a3	0 — 0
10.	С. c1 — e3	К. f6 — g4
	—	—

2.

3.	f2 — f4	d7 — d5!
4.	e4 : d5 (a,b)	К. f6 : d5
5.	D. d1 — h5	. . .

Или 5. К : d5, Ф : d5; 6. fe, К. c6; 7. К. f3, С. g4; 8. С. e2, К : e5;=

5.	. . .	К. d5 : f4
6.	Ф. h5 : e5+	К. f4 — e6
7.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
8.	С. f1 — b5	С. c8 — d7
9.	С. b5 : c6	С. d7 : c6
10.	0 — 0	С. f8 — d6
11.	Ф. e5 — h5	0 — 0
	∞	+

Или 4... e4; 5. d3, С. b4; 6. de, К : e4; 7. Ф. d4, Ф. e7; 8. С. e2, 0—0; 9. С. d2, К : d2; 10. Ф : d2, С. g4; 11. 0—0—0, С : c3; 12. Ф : c3, С : e2;=.

a.

4.	d2 — d3	d5 : e4 1)

Здѣсь лучше всего 4... ef!; 5. e5 (5. ed, К : d5, 6. К : d5, Ф : d5; 7. С : f4, С. c5;

8. К. f3, 0--0∓), d4!; 6 ef, dc и т. д. къ выгодѣ черныхъ; или 5.... К. g4; 6. С: f4, d4; 7. К. e4, К. c6; 8. К. f3, Ф. d5; 9. С. e2, К : e5; 10. 0—0, С. e7!∓.

5.	f4 : e5	К. f6 — g4
6.	К. c3 : e4	К. g4 : c5

или 6.... К. c6; ∓

∞

1.

4.	. . .	С. f8 — b4
5.	f4 : e5	К. f6 : e4
6.	d3 : e4	Ф. d8 — h4+
7.	Кр. e1 — e2	С. b4 : c3
8.	b2 : c3	С. c8 — g4+
9.	К. g1 — f3	d5 : e4
10.	Ф. d1 — d4!	С. g4 — h5
11.	Кр. e2 — e3	С. h5 : f3
12.	С. f1 — b5+	c7 — c6

Лучше 12. gfu; черные даютъ вѣчный шахъ.

13.	g2 : f3	c6 : b5
14.	Ф. d4 : e4	Ф. h4 : e4+

∞ +

b.

4.	f4 : e5	К. f6 : e4
5.	Ф. d1 — f3	. . .

Ходъ Л. Паульсена. Можно также 5. К. g1—f3, С. g4; 6. С. e2, С : f3; 7. С : f3, К. c6; и т. д.; или 5.... С. b4 или 5.... С. e7.

5.	. . .	f7 — f5!

Или 6.... К : c3; 7. bc, С. e7; 8. d4, 0—0; 9. Ф. f2, f6∓.

6.	К. g1 — e2!	. . .

Или 6. ef (6. d3, К : c3; 7. bc, d4!; 8. С. b2, c5!∓), К : f6; 7. d4, С. e7; 8. С. d3, 0—0; 9. К. g1—e2, К. f6—e4; 10. Ф. h5, Л. f5!.∓

6.	. . .	c7 — c6
7.	К. e2 — f4	g7 — g6

— —

E.

2.	. . .	К. b8 — c6
3.	С. f1 — c4 1)	. . .

3. f2—f4, e5 : f4; 4. К. g1—f3 или 4. d2—d4 будетъ разсмотрѣно въ отдѣлѣ королевскаго гамбита. 3. К. g1—f3 приводитъ къ дебюту 3-хъ коней.

3.	. . .	С. f8 — c5 (a)
4.	d2 — d3	d7 — d6!
5.	К. g1 — f3	. . .

Если 4.... К. a5; то 5. С : f7+ (или К. g1—e2), Кр : f7; 6. Ф. h5+, Кр. e6 (можно и f8); 7. Ф. f5+, Кр. d6; 8. f4, Ф. e7; 9. К. f3, К. h6; 10. fe+, Кр. c6; 11. С : h6, gh; 12. К. d5, Ф. e6; 13. b4±.

a.

3.	. . .	К. g8 — f6
4.	d2 — d3	С. f8 — c5
5.	С. c1 — e3	d7 — d6

или 4. f4, С. c5; 5. К. f3, d6; 6. d3, С. g4; 7. К. a4, К. d4; 8. К : c5, С : f3; 9. gf, dc; 10. c3, К. c6=.

1.

3.	g2 — g3	С. f8 — c5
4.	С. f1 — g2	К. g8 — e7

(или К f6.)

5.	К. g1 — e2	0 — 0
6.	0 — 0	f7 — f5
7.	d2 — d3	a7 — a6
8.	Кр. g1 — h1	d7 — d6
9.	f2 — f4	. . .

Игра равна.

Черные могутъ въ подобныхъ варіантахъ или допустить К. a4 и К : c5; или же заблаговременно играть a7—a6, чтобы на К. a4 отвѣтить С. a7.

(Продолженіе будетъ.)

Матчъ В. Стейница съ Э. Ласкеромъ.

Въ послѣднее время главный интересъ шахматнаго міра былъ сосредоточенъ въ Москвѣ, на матчѣ-реваншъ, на первенство въ мірѣ (championship of the world). 2 января матчъ окончился. Ласкеръ выигралъ 10 партій, проигралъ 2 при 5-ти ничьихъ. Послѣднюю партію Ласкеръ выигралъ на 63 ходу.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПАРТІЯ.

Третья партія матча.
(Играна 5 ноября 1896 г.)

	В. Стейницъ. Бѣлые.	Э. Ласкеръ. Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
3.	С. f1 — c4	С. f8 — c5
4.	c2 — c3	К. g8 — f6
5.	d2 — d4	e5 : d4
6.	c3 : d4	С. c5 — b4+
7.	К. b1 — c3?	. . .

Лучше 7. С. d2, С : d2+ (7.... К : e4; 8. С : b4; К : b4; 9. С : f7+, Кр : f7; 10. Ф. b3+, d5; 11. Ф : b4 или 11. К. e5+); 8. К. b1 : d2, d7—d5 (или К : e4); 9. Ф. b3, К. c6—e7; 10. 0—0, 0—0; съ равной партіей.

7.	. . .	К. f6 : e4
8.	0 — 0	С. b4 : c3!

Плохо 8.... К : c3; 9. bc; С : c3; 10. Ф. b3!, С : a1; 11. С : f7+, Кр. f8; 12. С. g5, К. e7; 13. К. e5 и бѣлые должны выиграть.

9.	b2 : c3	d7 — d5!
10.	С. c1 — a3?	. . .

Этотъ ходъ, изобрѣтенный Стейницемъ, разбирается въ его „Modern Chess Instructor“ въ пользу бѣлыхъ.

10.	. . .	d5 : c4
11.	Л. f1 — e1	С. c8 — e6

Черные довольствуются лишней пѣшкой. Въ первой партіи матча Ласкеръ игралъ здѣсь 11.... f5; 12. К. d2, Кр. f7; это продолженіе даетъ бѣлымъ шансы на ничью; лучше 12.... С. e6; 13. К : e4, fe; 14. Л : e4. Ф. d7 и т. д.

12.	Л. e1 : e4	Ф. d8 — d5
13.	Ф. d1 — e2	0 — 0 — 0

Теперь бѣлые могутъ надѣяться лишь на ничью въ виду разноцвѣтныхъ слоновъ; а потому нововведеніе Стейница (7. К. c3 въ связи съ 10. С. a3 не оправдывается).

14.	К. f3 — e5	Л. h8 — e8
15.	К. e5 : c6	Ф. d5 : c6
16.	Л. a1 — e1	Л. e8 — g8!
17.	Л. e4 — e5	b7 — b6

Не допуская ладью на c5 или a5.

18.	С. a3 — c1	g7 — g5!
19.	Л. e5 : g5?	. . .

Этой пѣшки нельзя было брать. Если 19. С : g5, то h7—h6.

19.	. . .	Л. g8 : g5
20.	С. c1 : g5	Л. d8 — g8
21.	f2 — f4	С. e6 — d5
22.	g2 — g3	Кр. c8 — b7
23.	h2 — h3	Ф. c6 — b5!

Чтобы поставить ферзя по діагонали передъ слономъ.

24.	Кр. g1 — h2	Л. g8 — g6
25.	Ф. e2 — f2	f7 — f6
26.	С. g5 — h4	С. d5 — c6
27.	g3 — g4?	. . .

Слѣдовало играть 27. f5, Л. h6; 28. Л. e6; а потому чернымъ лучше было предварительно играть 25.... С. c6 и 26.... Ф. d5.

27.	. . .	Ф. b5 — d5
28.	Ф. f2 — c2?	. . .

Лучше было 28. f5.

28.	. . .	h7 — h5
29.	g4 — g5	f6 : g5
30.	С. h4 : g5	h5 — h4!

Черные грозятъ пойти ладьей на e6, e3 и затѣмъ g3.

31.	Л. e1 — f1	. . .

Чтобы на Л. e6 отвѣтить 32. f4—f5. Если 31. Л. g1, то 31.... Л : g5; 32. fg, Ф. d6+. Это самое было возможно и теперь.

31.	. . .	Л. g6 — g8?
32.	Ф. c2—d2	a7 — a5
33.	a2 — a4	Л. g8 — e8
34.	f4 — f5	Л. e8 — g8!

Сдался.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ №№ 10 и 11 „Литер. Прилож.“ Нивы“ за октябрь и ноябрь 1896 г.

№ 47. **Вальтеръ фонъ-Вальтгоффенъ.** Матъ въ 4 хода.

1. Л. f4—f1, Кр. d5; 2. Л. f5+, Кр. e6; 3. Л. e5+ и т. д.

1. . . ., Кр. b4 (или ∞); 2. Л. b1,∞; 3. К. a4+ и т. д.

№ 48. Его же. Матъ въ 3 хода. (Съ черной пѣшкой на f3).

1. **К. c6 : d4**; a6 (С. f1); 2. Ф. b5 и т. д.

1. . . ., ed; 2. Л. e3 и т. д.

1. . . ., Л. a5; 2. ba и т. д.

1. . . ., Л. b4; 2. Ф : b4 и т. д.

1. . . ., e4; 2. К. b5+ и т. д.

На другіе ходы послѣдуетъ или 2. Ф. b5, или 2. К. b5+.

№ 55. К. Шлехтеръ. Матъ въ 3 хода.

1. **Ф. g8—b3**, С : b3; 2. c6,∞; 3. Л+.

1. . . ., b5; 2. Ф : a4+, ∞; 3. Л+.

№ 56. О. Вюрцбургъ. Матъ въ 3 хода.

1. **Кр. b4—a5**, Кр : d4; 2. Ф. e1,∞; 3. Ф+.

Правильныя рѣшенія прислали: **Н. С. Даржанъ, Подписчикъ съ Охты** (СПБ.); **Л. К. Истоминъ** (Харьковъ) (всѣхъ задачъ). **С. П. Соколовъ** (Калуга) (47, 48); **Л. Ш. Готтесманъ** (Любарь) (47, 48,); **С. Трембицкій** (Смол. губ.) (48, 55, 56); **В. Михайловъ** (Орелъ), **А. Шарыгинъ** (СПБ.) (48). **Покушко** (Гомель) (56); **С. Волковъ** (Москва) (56); **И. Каменецкій** (Конотопъ) (55, 56); **П. Соловьевъ** (Москва) (55); **Н. Бончковскій** (Москва) (55, 56); **М. Т. Шуваловъ** (55, 56); **И. Михайловъ** (Орелъ) (55, 56). **Г. Томанъ** (Уфа) (62); **А. Богородицкій** (Старобѣльскъ) (62, 63); **Л. С. Мееровичъ** (Бердичевъ) (63).

Корреспонденція.

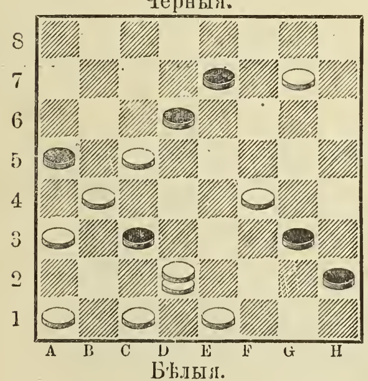
Н. И. (СПБ.). Задача слишкомъ проста. **В. Л.** (Кинешма), **П. Я. Б.** (Казан. г.), **С. К.** (Ошмяны).—Задачи не годятся.

ШАШКИ.

Задача № 3.

А. П. Кирилловъ (Москва).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и двѣ простыя.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ №№ 10 и 11 „Литературн. Прилож. Нивы“ за Октябрь и Ноябрь 1896 г.

№ 49. **С. П. Соколова.** Запереть дамку.

1. g5—f6; 2. h4—e7; 3. g3—f4; 4. g1 : b4; 5. d8—e7; 6. a1—b2; 7. e7—b4; 8. c1—b2; 9. e1 : c3.

№ 50. **Его же.** Запереть дамку и простую

1. g5—f6; 2. d6—e7; 3. a1—b2; 4. g1—h2; 5. a7 : h4; 6. h4 : e7; 7. h2—e5; 8. a5—c3; 9. f8 : h6; 10. h6 : c1.

№ 57. **Н. И. Голева.** Запереть дамку и простую.

1. e3—c1; 2. b4—c5; 3. e1—d2; 4. a1—b2; 5. c7—d8; 6. d8—c3; 7. b8 : b2.

№ 58. **А. С. Егорова.** Запереть дамку.

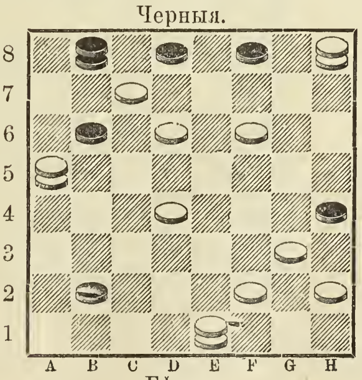
1. f8—g7; 2. g3—h4; 3. f4—c7; 4. a5 : c3; 5. h6—g7; 6. a1 : f6; 7. h4—f6.

Правильныя рѣшенія прислали: **Т. Л. Преображенскій** (с. Троянъ Тавр. г.); **К. И. Фанталовъ** (Муромъ); **Л. Ш. Готтесманъ**, (Любарь); **А. Карповъ, Ф. А. Стручковъ**, (Рига); **Т. Бычковъ** (Прѣснов. ст., Акмол. обл.); **Н. О. Копанеевъ** (Ижев. зав.); **М. Волуйскій, А. П. Кирилловъ** (Москва); **И. И. Труневъ** (СПБ.); **А. Ветлицкой** (Красн. Холмъ); **В. В. Лаптевъ** (Кинешма); **К. К. Мишинъ** (Верейка, Ворон. губ.); **С. И. Карасевъ** (Саратовъ); **С. А. Соколовъ** (Москва); **С. П. Соколовъ** (Калуга).

Задача № 4.

А. К. Мишинъ (Б. Верейка, Ворон. губ.).

Черныя.



Бѣлыя.

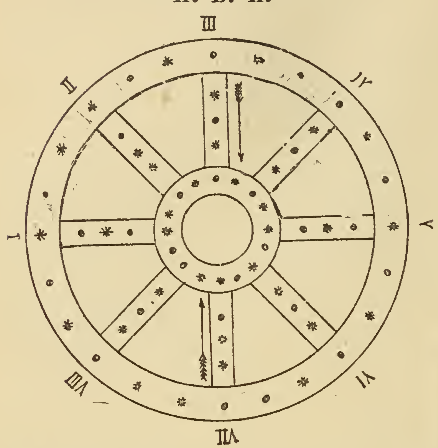
Запереть дамку и простую.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

под редакціей **Ю. О. Г.**

Задача буквъ №. 5.

Н. В. П.



Изъ 64 буквъ: 6а, 1б, 2в, 1г, 5д, 7е, 1ж, 1з, 1и, 3л, 1м, 1н, 9о, 1п, 5р, 6с, 6т, 1у, 1ч, 2ъ, 3ь—составить восемь пятибуквенныхъ словъ со слѣдующими значеніями: 1) Греческій богъ, 2) Атмосферическое явленіе, 3) Металлъ, 4) Пушной звѣрь, 5) Герой французской революціи, 6) Рыба, 7) Шелковая ткань и 8) Ложное ученіе; буквы этихъ словъ расположить на *спицахъ* колеса, на мѣстахъ звѣздочекъ и точекъ. Затѣмъ остальными буквами заполнить промежутки между спицами такъ, чтобы на *ободѣ* колеса и на *втулкѣ* его можно было прочесть пословицу.

Звѣздочки указываютъ на мѣста согласныхъ, а точки—на мѣста гласныхъ и полугласныхъ буквъ въ фигурѣ.

Рѣшеніе задачъ магическихъ квадратовъ:

№. 53.

э	и	о	с
п	и	л	а
о	л	е	г
с	а	г	а

№. 54.

а	н	и	с
п	о	р	а
и	р	а	н
с	а	н	и

Рѣшеніе задачи буквъ (ходъ короля) №. 59.

(помѣщ. въ „Лит. прил.", № 11 за 1896 г.).

Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды;
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ.

А. Майковъ.

Правильное рѣшеніе этой задачи доставлено отъ М. С. Яхниса (Умань).

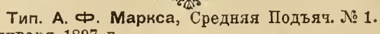
Рѣшеніе ребуса №. 61

(помѣщ. въ „Лит. прил.", № 11 за 1896 г.).

„Подъ лежачій камень вода не течетъ".

Ребусъ. Задача №. 6.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **А. А. Тихоновъ (А. Луговой)**



Тип. А. Ф. Маркса, Средняя Подъяч. № 1.

Дозволено цензурою. СПБ. 11 января 1897 г.

Для успокоенія нервовъ.

Изъ записокъ одного очень почтеннаго человѣка.

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе.)

IX.

Прекрасная Франція.
Воскресенье, 11 вечера.

Пріѣхали сегодня утромъ въ Парижъ. Дождь лилъ съ утра. Подъѣзжая, не видѣли даже башни Эйфеля, которая торчитъ бѣльмомъ надо всѣмъ городомъ.

Какъ много значитъ иллюзія! Вспоминаю себя двадцать лѣтъ назадъ, когда впервые попалъ я сюда. Мнѣ сразу показалось, что я очутился въ волшебномъ царствѣ. Было это вечеромъ, ужъ горѣли огни, и бульвары свѣтились сплошною иллюминаціей. Потомъ, когда на другой день я вышелъ на Place de la Concorde, увидѣлъ Луксорскій обелискъ и чудесные фонтаны, я чуть не плакалъ отъ восторга. Я ахалъ на все, какъ моя теща: «Oh, Champs-Elysées! Oh, Madelaine! Oh, Cours la Reine!» На бульварахъ я готовъ былъ цѣловать если не камни мостовой, то газетные кіоски.

Какое разочарованіе теперь,—когда уже идетъ человѣку пятый десятокъ!

Поѣздъ останавливается въ мрачномъ дебаркадерѣ. Послѣ кёльнскаго и берлинскаго вокзаловъ, противно взглянуть на Gare du Nord. Грязь, копоть, всюду наваленный мусоръ, грязные блузники, какое-то пасмурное уныніе на всемъ. Площадь еще грязнѣе вокзала. Тощая лошадь тянетъ насъ двоихъ, весь нашъ багажъ и карету. Хлыстъ то и дѣло прогуливается по ея бокамъ, и она силится бѣжать рысью. Я сижу, прижавшись въ уголъ каретки, и смотрю сквозь заплаканныя стекла на посудныя лавки Rue de la Fayette, на огромные омнибусы, съ утра переполненные народомъ, на мансарды, безъ которыхъ немыслимъ ни одинъ домъ Парижа, и мнѣ дѣлается невыразимо грустно. Даже Опера какъ-то почернѣла, потускнѣла, состарилась. Еще одинъ заворотъ, и мы во дворѣ гостиницы.

Заняли два номера рядомъ. Изъ моего окна я вижу пузатый выступъ бокового крыла Оперы, мокрую площадь и мокрыя каретки, точно покрытыя лакомъ. Въ комнатѣ сыро и холодно. Я распоряжаюсь затопить каминъ. Гарсонъ вѣжливо предупреждаетъ, что охапка дровъ стоитъ три франка, и при помощи прутиковъ и «Figaro» растапливаетъ каминъ. Еще вѣжливѣе предупреждаютъ меня, что за электричество надо платить отдѣльно, и за прислугу отдѣльно.

Дождь пріостановился. Какъ будто хочетъ выглянуть солнце. Иванъ Ива-

новичъ, вымытый и душистый, является ко мнѣ.

— Пойдемъ гулять!

— По грязи?

— Ну, что такое грязь! Пріѣхали, такъ нечего сидѣть.

— Куда же мы идемъ?

— На бульвары.

— Зачѣмъ?

— Это пульсъ, нервъ Парижа.

Одѣваюсь. Спускаемся внизъ по широчайшимъ лѣстницамъ. Иванъ Ивановичъ начинаетъ выхвалять гостиницу.

— Внизу, въ конторѣ,—говоритъ онъ,—размѣнная касса, желѣзнодорожные билеты и спальные вагоны, телеграфъ, телефонъ, почта, театральные билеты, русскія газеты; словомъ—всѣ удобства.

Мнѣ не нужно ни телеграфовъ, ни телефоновъ, ни почты. Выходимъ на бульвары, переходимъ площадь.

Неужели это тѣ парижскіе бульвары, которые мнѣ рисовались эдемомъ? Всѣ деревья, вмѣсто листвы, покрыты цвѣтными лентами серпантиновъ. Мокрыя бумажки облѣпили сплошь голые сучья, и по нимъ скатываются на прохожихъ струйки дождя. Нѣтъ ни одного дерева, не увитаго этой гадостью. Теперь бульвары похожи на чухонское кладбище, гдѣ на черныхъ желѣзныхъ крестахъ всегда навѣшаны пестрыя ленточки. Тротуары кажутся возмутительно неопрятными отъ массы мелкихъ рѣзаныхъ бумажекъ, прилипшихъ плотно къ камнямъ, отъ окурковъ и апельсинныхъ корокъ. Мальчишки-газетчики визжатъ во весь голосъ, выкрикивая названіе только что вышедшихъ газетъ. Разносчики рекламъ вопятъ басомъ. Омнибусы съ грохотомъ катятся по мостовой. По тротуарамъ снуютъ какіе-то декаденты и сутенеры. Дамы подобрали платье съ боковъ и до колѣнъ показываютъ ноги, не то отъ грязи, не то въ силу какихъ-нибудь другихъ побужденій. Дѣвочки-цвѣточницы, съ синевой подъ глазами, продаютъ букетики ландышей и фіалокъ. Половина магазиновъ закрыта. Иванъ Ивановичъ ведетъ меня куда-то въ «идеальный» ресторанъ.

На окнахъ лежатъ вареные лангусты. Входимъ. Еще нѣтъ никого. За мраморными столиками сидятъ гарсоны и не встаютъ при входѣ.

— Ты понимаешь—республика, равенство, братство!—шепчетъ мнѣ Иванъ Ивановичъ.

Мы садимся за столикъ. Одинъ изъ гарсоновъ нехотя оставляетъ товарищей и лѣниво подходитъ къ намъ съ карточкой. Иванъ Ивановичъ, который всегда въ Петербургѣ говоритъ ресторанному татарину «ты» и обходится съ нимъ фамильярно, здѣсь дѣлается до неузнаваемости вѣжливымъ.

— Вы будете добры, — говоритъ онъ,—дать намъ «соль нормандъ» и бутылку бѣлаго «ординеръ».

Пробую бѣлое ординеръ.

— Душа моя, — заявляю Ивану Ивановичу,—вѣдь это препорядочная скверность.

Онъ тоже пробуетъ, снисходительно смотря въ стаканчикъ.

— Нѣтъ, это не очень дурно,— умиротворяющимъ тономъ говоритъ онъ.—Ты не забудь—всего полтора франка бутылка.

— Но согласись, что наше бессарабское за эту цѣну лучше!

— Да вѣдь у насъ есть прекрасныя бессарабскія вина,—вдругъ съ видомъ глубокаго патріота замѣчаетъ онъ.— Дешевыя вина во Франціи, конечно, хуже нашихъ. Здѣсь удивительныя вина, которыя свыше пяти франковъ, особенно красныя.

Кое-какъ позавтракали. Иванъ Ивановичъ все хвалитъ.

— Я сюда больше не пойду,—говорю я.

— Отчего? — изумляется Иванъ Ивановичъ.

— Оттого, что у насъ въ гостиницѣ буфетъ лучше.

Онъ, по своей привычкѣ, пожимаетъ плечами:

— Не понимаю, что за охота обѣдать съ англичанами и надѣвать для этого сюртукъ.

— Сюртука я надѣвать не буду, а приду въ чемъ буду. Какое мнѣ дѣло до англичанъ и ихъ туалетовъ?

— Хорошо. Ну, а теперь пойдемъ въ маленькій кафе-шантанчикъ. Здѣсь есть чудесный на бульварѣ. Можно пить кофе, курить и смотрѣть въ то же время на сцену.

Отъ кафе-шантанчика я отказался наотрѣзъ и отправился шататься по улицамъ.

X.

Но, Боже, какъ я жестоко былъ наказанъ, оставшись обѣдать въ нашемъ отелѣ!

Я ни слова не говорю объ обѣдѣ: все было чудесно—и вино, и кушанья. Всѣ сидѣли за отдѣльными маленькими столиками, люстры сіяли, лакеи съ утонченной вѣжливостью разносили блюда, — но при этомъ... играла музыка.

Тутъ нужна нѣкоторая объяснительная записка. Съ самаго нѣжнаго дѣтства я не выношу этой отрасли изящныхъ искусствъ, поставившей своей цѣлью воздѣйствіе на барабанную перепонку. Я самъ терпѣть не могъ свистулекъ, дудокъ и бубновъ, которые въ изобиліи дарились намъ родителями. Я нарочно протыкалъ барабаны братьевъ, чтобы скорѣе ихъ забросили на чердакъ, а изъ трубъ ухитрялся выковыривать какую-то дудѣлку, въ которой и былъ весь секретъ. Не мало способствовала дальнѣйшему развитію моего паническаго ужаса къ звукамъ наша старшая кузина Мери, окончившая какую-то музыкальную школу съ дипломомъ. Она истязала рояль по цѣлымъ днямъ, такъ что настройщикъ Фрюхте всегда говорилъ:

— У m-lle очень много силы на пальцахъ!

Наша собачонка Бубся обыкновенно забивалась въ минуты игры Мери подъ кровать и тамъ слезливо мигала, зная, что если она завоетъ, то ее выдерутъ. Я ложился на кровать и сверху накрывался двумя подушками. Мать много разъ меня уговаривала не ломаться и не уходить изъ залы во время музыки. Но чѣмъ же я былъ виноватъ, когда отъ звуковъ воющаго рояля у меня разливался зудъ отъ уха по всему боку и, подкатываясь подъ ложечку, производилъ невозможную тоску?

Впослѣдствіи я, укрѣпивъ нервы, переносилъ игру разныхъ маэстро, хотя послѣ двухъ-трехъ номеровъ приходилось нѣсколько дней принимать бромистый калій, чтобы успокоить вибраціи организма, который у меня продолжалъ дрожать въ унисонъ сыграннаго концерта. Разъ, впрочемъ, меня заинтересовала игра покойнаго Антона Григорьевича. Онъ игралъ въ залѣ какую-то «Бурю». Зала была небольшая, и буковый стулъ, стоявшій передо мной на паркетѣ, подпрыгивалъ на полвершка каждый разъ, когда мощные пальцы композитора касались ревѣвшей клавіатуры. За время пьесы стулъ переѣхалъ вбокъ на аршинъ. Когда я сообщилъ объ этомъ пѣвцу, стоявшему возлѣ, онъ посмотрѣлъ на стулъ равнодушно и ничего даже не сказалъ. А я понялъ, почему музыкой можно двигать камни, и со многимъ примирился.

Но съ однимъ я не могъ примириться: съ музыкой во время ѣды. Мнѣ кажется, музыка мѣшаетъ правильной циркуляціи крови, поэтому

при музыкѣ желудокъ долженъ варить скверно. Оркестръ, игравшій сегодня, былъ, вѣроятно, превосходный,—но чего бы я не далъ, чтобы его не было и чтобы съ высокихъ мраморныхъ хоръ не неслись эти проникающіе до мозга костей звуки!

Тотчасъ послѣ обѣда явился Иванъ Ивановичъ съ билетами.

— Идемъ въ театръ. У тебя серьезное направленіе, поэтому я взялъ мѣста въ Gymnase.

— Какъ? Опять слушать увертюру?

— Нѣтъ, вѣдь у французовъ нѣтъ оркестра.

Я вспомнилъ, что оба культурные народа—и нѣмцы, и французы—изгнали оркестръ изъ драмы. Вотъ истинные плоды истинной цивилизаціи!

Мы развернули зонтики и зашагали въ Gymnase. Въ театрѣ мнѣ больше всего понравилось отсутствіе оркестра, хотя и играли очень усердно. Послѣ второго акта я сталъ просить объ отпускѣ.

— Какъ? Тебя не интересуетъ Gymnase?

— Голубчикъ, да вѣдь это то же, что нашъ Михайловскій театръ. И актеровъ этихъ я десятки разъ въ Петербургѣ видѣлъ.

Иванъ Ивановичъ окончательно разсердился.

— Иди, куда хочешь,—я остаюсь.

На бульварѣ хоть и было сыро, но все же больше воздуха, чѣмъ въ театрѣ. Теперь, при блескѣ электричества, деревья съ серпантинами казались еще пошлѣе. У кофеенъ сидѣли мужчины въ цилиндрахъ и нагло смотрѣли на некрасивыхъ, накрашенныхъ женщинъ, скромно сидѣвшихъ за столиками. Вся толпа, двигавшаяся по грязи, говорившая, смѣявшаяся, напоминала мнѣ маскарадную толпу дрянного клуба. Кафе, сквозившія черезъ стекла, были тоже въ клубномъ стилѣ: расписаны пестро, съ золочеными колонками и фресками. У одного окна стояла толпа: за стекломъ поставленъ былъ манкенъ человѣческой руки, которая то сгибала, то разгибала указательный палецъ, какъ будто говорила толпѣ: «вотъ вамъ, бродяги, вотъ вамъ!»

Въ гостиницѣ у насъ было лучше. Я просмотрѣлъ русскія газеты, появившіяся на другой день послѣ моего отъѣзда, и вышелъ посидѣть на главный дворъ,—Cour d'honneur, какъ называли его въ отелѣ. Терраса уставлена цвѣтами. Въ плетеныхъ креслахъ сидятъ англичане съ сигарами въ зубахъ. Дворъ покрытъ сверху хрустальнымъ колпакомъ. По-серединѣ бьетъ фонтанъ, мѣняя постоянно цвѣта. Иногда слышится звонкій бой подковъ о камни, изъ тройной арки воротъ показывается фіакръ и, описавъ полукругъ, останавливается у террасы. Изъ него вылѣзаютъ англичанинъ и англичанка. Онъ — снисходительно молчаливый, она—снисходительно улыбающаяся. Англичанинъ даетъ кучеру два франка, тотъ дѣлаетъ подъ козырекъ и отъѣзжаетъ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго пришелъ Иванъ Ивановичъ.

— Что ты здѣсь сидишь?

— А что же, здѣсь лучше, чѣмъ въ Gymnase.

— Пойдемъ спать.

Мы сѣли въ каретку, напоминающую портъ-шезъ эпохи Людовиковъ, и понеслись во второй этажъ. Иванъ Ивановичъ хотѣлъ спать и клевалъ носомъ.

— Если ты не любишь спать впотьмахъ,—сказалъ онъ,—спроси veilleuse,—тебѣ подадутъ.

Но я спросилъ вмѣсто veilleuse содовой воды.

XI.

Вотъ ужъ два дня, какъ мы въ Парижѣ. Я много хожу, смотрю, изучаю.

Гдѣ же парижане?

Я вижу на улицахъ женщинъ, одѣтыхъ пестро и безвкусно. Я вижу мужчинъ—комми изъ магазиновъ. Я вижу въ театрахъ раскрашенныхъ женщинъ, безусыхъ пью-пью, какихъ-то странныхъ молодыхъ людей съ цилиндрами и въ длинныхъ сюртукахъ.

Пошелъ въ оперу, спеціально чтобъ смотрѣть, а не слушать. Дирижоръ безъ перчатокъ. Первые ряды во фракахъ, задніе—въ тужуркахъ. Въ бель-этажѣ—размалеванная старуха декольте. Въ бенуарѣ—красивая женщина, настолько открывшая плечи, что весь театръ смотритъ на нее, а не на сцену, гдѣ воютъ «Аиду».

Гдѣ же парижане? Гдѣ общество?

— Поѣзжайте въ Булонскій лѣсъ,—говоритъ мнѣ одинъ русскій парижанинъ.—Тамъ около пяти теперь разгаръ катаній. Вы тамъ увидите настоящихъ парижанокъ.

Взялъ ландо и Ивана Ивановича. Дѣйствительно, ѣздятъ въ каретахъ съ желтыми и красными колесами, довольно плохой работы, скромныя дамы съ умными глазами и открытыми чистыми лбами. Онѣ выходятъ изъ каретъ, гуляютъ по дорожкамъ, садятся на скамейки. Онѣ одѣты въ темныя платья: ни одного рукава пузырями. Шляпки не тѣ, что на улицахъ Парижа: нѣтъ вздернутыхъ кверху бантовъ и пучковъ перьевъ. Теперь, ранней весной, сюда ѣздятъ мало, и потому гуляютъ непринужденно и свободно. Со стороны можно принять ихъ по костюму за скромныхъ гувернантокъ, если бы не многотысячные золотистые рысаки въ шорахъ, на черныхъ мускулистыхъ ногахъ, танцующіе на вожжахъ у толстаго грума.

— Наши русскія барыни,—разсказывалъ мнѣ потомъ тотъ же русскій парижанинъ,—побывавъ здѣсь, привозятъ въ Россію бульварныя моды, воображая, что это мода парижская. Онѣ думаютъ, что въ театрѣ Palais Royal самая отборная публика и подражаютъ швейкамъ и конторщицамъ. А парижскіе приказчики, зная вкусъ русскихъ барынь, всегда имъ навяжутъ самаго дрянного залежалаго товара:—это, дескать, самая послѣдняя новость. Въ Парижѣ ни одна жена депутата не надѣнетъ того, что у васъ надѣваютъ въ театры и собранія. Истая парижанка всегда одѣта скромно и никогда не слѣдуетъ модному журналу. Жена одного изъ здѣшнихъ министровъ остроумно сказала про свое платье:—«это самая послѣдняя мода, потому что платье на мнѣ *теперь*».

Я хожу по улицамъ Парижа и утромъ, и вечеромъ, и днемъ. Иногда захожу въ магазины. Меня поражаетъ — чѣмъ существуютъ ювелиры на Avenue de l'Opéra и на Rue de la Paix? Одинъ проситъ за ривьеру семьдесятъ тысячъ франковъ и говоритъ, что хорошую ривьеру можно достать только за двѣсти тысячъ. Другой, лукаво улыбаясь, говоритъ, что истинные капиталисты покупаютъ фальшивые камни. Ихъ никто не заподозритъ въ подложности, а между тѣмъ они избавляютъ себя этимъ отъ мертваго безпроцентнаго капитала, какимъ являются камни.

— Знаете, такъ теперь дѣлаютъ фальшивые алмазы,—говоритъ старичокъ-ювелиръ,—что мы сами на первый взглядъ обманываемся. Удивительно!

Я никогда не могъ понять, почему крупный бриліантъ стòитъ сумасшедшихъ денегъ. Я понимаю, что это красивое украшеніе и что за него можно дать даже нѣсколько сотенъ рублей. Но почему камень можетъ стòить милліонъ, — то-есть то же, что огромный домъ, что цѣлая тысяча экипажей, нѣсколько тысячъ лошадей? Люди условились считать кусокъ блестящаго камня дороже всѣхъ этихъ предметовъ, и изъ поколѣнія въ по-

колѣніе переходитъ, какъ святое преданіе, это вздорное положеніе, и никому въ голову не приходитъ крикнуть: кого вы обманываете? Самихъ себя? Какъ вамъ не стыдно увѣрять себя, что осколокъ, совершенно безполезный, камня можетъ стóить колоссальныхъ суммъ?

Поддѣлка брильянтовъ совершенствуется съ каждымъ годомъ. Это чудесно. Поддѣлыватели доказываютъ этимъ самымъ, что въ сущности чудовищная цѣна алмазовъ — вздоръ, что если весь вопросъ объ извѣстномъ преломленіи свѣтовыхъ лучей, то можно этого добиться и другимъ путемъ. Настанетъ день, когда поддѣлка сравнится совершенно съ оригиналомъ. Тогда спадетъ повязка съ глазъ, и мы не будемъ играть въ жмурки.

Въ аркадахъ Лувра, у модныхъ выставокъ такая же толкотня дамъ, какъ у насъ въ Гостиномъ дворѣ. Женщина, идущая мимо модныхъ магазиновъ, преображается. Куда пропадаетъ ея кокетство! Глаза ея расширяются и впиваются въ стекла магазиновъ; она ничего не видитъ и не слышитъ. Если она встрѣтитъ знакомаго — она не узнаетъ его; она толкается, къ ней можно лѣзть въ сумку, она не почувствуетъ, что у нея крадутъ деньги: она загипнотизирована. Стóитъ только выйти ей изъ-подъ аркадъ — совершается неожиданное преображеніе: платье ловко подобрано, глазки осмыслены,—она внимательна ко всѣмъ и ко всему: гипнозъ конченъ.

Обелискъ и фонтаны прелестны попрежнему. Въ Тюильрійскомъ саду, который русскими туристами называется «тюльерійскимъ», уже зеленѣетъ трава, а хорошенькіе мальчики въ кокетливыхъ беретахъ играютъ въ мячъ. Почтенный аббе съ толстымъ брюшкомъ, въ черной ряскѣ, безъ шляпы, коротко стриженый, съ бѣленькой слюнявочкой подъ бритымъ подбородкомъ, суетится больше всѣхъ. Онъ красенъ отъ постоянныхъ прыжковъ и бѣготни: онъ душа всей игры. Когда летитъ мячъ, онъ еще издали бочкомъ и въ припрыжку мчится къ нему навстрѣчу и, прежде чѣмъ тотъ коснется земли, ловкимъ ударомъ носка вскидываетъ его кверху на десятокъ метровъ. Ребята визжатъ отъ восторга, визжитъ и аббе,—и всѣхъ ихъ золотитъ и грѣетъ весеннее солнце, ласково сіяя изъ-за Сены.

Я сижу подолгу на стульяхъ у рѣшётки, противъ обелиска и фонтановъ, и смотрю на живую, кипучую жизнь. Катятся мимо трамваи, каретки, коляски, велосипеды. Французъ и француженка залѣзли въ самоѣдскія шкуры, поставили самоѣдскія сани на колесики, обвѣсили себя рекламами о танцклассахъ, и тутъ же катаются на сѣверныхъ оленяхъ. Иногда прокатывается колоссальный возъ на колоссальныхъ колесахъ, запряженный парой колоссальныхъ першероновъ. Вдаль убѣгаетъ прямая аллея Елисейскихъ полей и вѣнчается далекой «Аркой звѣзды». Лѣвѣе, изъ-за садовъ и домовъ, кажетъ свою вершину Эйфелева башня. Мнѣ она представляется безобразнымъ скелетомъ, царящимъ надъ Парижемъ, какъ memento mori. Еще лѣвѣе—Сена, съ своимъ зеленоватымъ, точно морскимъ, цвѣтомъ воды. Сзади—огромные дворцы, площади, памятники, тріумфальныя арки и музеи. И все это, какъ муравейникъ, кипитъ, движется, живетъ, радуется, любитъ и плачетъ...

XII.

Во имя чего вся эта гигантская работа Парижа?

Я вижу, какъ голодные, усталые комми въ шесть часовъ жадно ѣдятъ въ маленькихъ ресторанахъ Дюваля. Я вижу, какъ усталые рабочіе спѣшатъ домой или въ кабарэ послѣ дневной

работы. Я вижу усталыхъ, измученныхъ лошадей, я вижу поломанные отъ усиленной ѣзды экипажи. Я вступаю въ разговоры съ блузниками, съ сосѣдями по столамъ въ ресторанчикахъ,—и странный кругозоръ открывается передо мною.

— Я служу помощникомъ машиниста въ театрѣ,—говоритъ одинъ.

— И довольны своей службой?

— Я сижу за сценой, подъ сценой и надъ сценой. Я изъ тѣхъ дѣятелей, которые никогда не бываютъ на сценѣ. Докторъ говоритъ, что пыль мнѣ вредно дѣйствуетъ на легкія, но у меня нѣтъ другой спеціальности. Если мнѣ удастся взять привилегію за вновь изобрѣтенные полеты, —тогда я буду богатый человѣкъ и не буду сидѣть подъ сценой.

Черезъ часъ другая бесѣда.

— Цѣлые дни я показываю дамамъ матеріи. О, monsieur, много значитъ умѣть показать! Вотъ за что мнѣ платитъ хозяинъ: я заставляю покупательницъ брать товаръ, я умѣю ихъ убѣждать. Это очень трудно.

И онъ, усталый отъ трудной работы, ѣстъ баранье рагу съ картофелемъ и запиваетъ кислымъ ординеромъ.

Слесарь, чинившій замокъ въ моемъ чемоданѣ, жаловался, что у него большая семья, но что, къ счастью, онъ получилъ заказъ на огромные бронзовые замки въ новомъ отелѣ. Онъ не знаетъ, чей это отель и зачѣмъ его строятъ, но заказъ несомнѣнно выгодный.

Когда около часа ночи лифтъ поднимаетъ меня наверхъ, я вижу соннаго, усталаго дежурнаго, терпѣливо то подымающагося, то спускающагося по огромному зданію въ плотно закупоренной кареткѣ. Онъ вѣжливо всѣмъ дѣлаетъ подъ козырекъ, выпуская на площадку, и ему кажется совершенно нормальнымъ все это скопище иностранцевъ, ничего не дѣлающее, лѣнивое, которое не можетъ пройти нѣсколькихъ шаговъ по лѣстницамъ, а ѣздитъ на подъемной машинѣ. Если я даю ему полфранка, онъ не удивляется, считая это долгомъ съ моей стороны, считая это обмѣномъ труда и капитала.

Всѣ трудятся, но во имя чего—никто не знаетъ. Цѣль работы не ясна. Комми не вполнѣ сознаетъ необходимость продавать какъ можно дороже шелковыя матеріи глупымъ иностранкамъ. Слесарь даже не знаетъ, зачѣмъ нужны роскошные замки въ какой-то отель. Машинистъ даже не интересуется знать, какое содержаніе той пьесы, для которой онъ изобрѣтаетъ усовершенствованные полеты.

И всѣ хотятъ получить больше денегъ. Больше денегъ нужно за тѣмъ, чтобы вечеромъ посидѣть на улицѣ съ кружкой пива или пойти съ знакомой наверхъ въ театръ, гдѣ играютъ пошлую и скабрезную пьесу. Съ одной стороны—нелѣпый трудъ, съ другой—нелѣпый отдыхъ. Фабриканты стараются выдѣлывать эксцентричныя матеріи для опереточныхъ пѣвицъ; рабочій, корпящій за паровымъ станкомъ, отдаетъ заработанныя деньги за право видѣть эту матерію на пѣвицѣ. Пѣвица, путемъ позора и униженія, достаетъ деньги, на которыя дѣлаетъ платье, нужное ей для того, чтобы понравиться и вынести новый позоръ и новое униженіе. И такъ идетъ этотъ круговоротъ, вѣковѣчный и безтолковый!

Я встрѣтилъ инженера, который изобрѣлъ какіе-то новые золотники въ паровозахъ и еще что-то увеличивающее скорость хода поѣзда. Онъ былъ синяго цвѣта—такъ заработался въ своихъ мастерскихъ. Результатъ этого изобрѣтенія будетъ тотъ, что «Train de luxe hebdomadaire», идущій спеціально для однихъ англичанъ по понедѣльникамъ, будетъ ходить на

три часа скорѣе, чѣмъ теперь. Англичане считаютъ такое изобрѣтеніе геніальнымъ, но не сознаютъ, почему имъ надо ѣхать какъ можно скорѣе туда, куда имъ совсѣмъ не надо ѣздить, куда ѣздятъ только для развлеченія.

Я встрѣтилъ драматурга, который поставилъ на маленькомъ театрикѣ пьесу, выдержавшую сотню представленій. Онъ ставилъ новую пьесу, для которой было заказано сорокъ манкеновъ-лошадей и панорамный видъ Средиземнаго моря. Цѣль всего этого писанія—устроить литературный салонъ съ обѣдами, при чемъ толстая арлезіанка, его жена, должна была разыгрывать роль литературной дамы. Къ чему все это дѣлалось — неизвѣстно, и зачѣмъ этому юркому человѣчку нуженъ былъ салонъ, а не просторная дѣтская для полудюжины черномазыхъ ребятишекъ, ютившихся гдѣ-то наверху, въ мансардѣ, — этого никто не могъ рѣшить. Жена жаловалась, что старшій сынъ крадетъ у нея булки, предназначенныя для гостей. Очевидно, онъ былъ голоденъ.

При этомъ всѣ притворяются, что несутъ міровую работу и заслуживаютъ поклоненія. У насъ на этотъ счетъ проще. Чиновники въ моемъ департаментѣ открыто говорятъ, что хотятъ работать какъ можно меньше и получать какъ можно больше. Мнѣ, конечно, они этого не говорятъ, но показываютъ это всею своею дѣятельностью. По крайней мѣрѣ откровенно.

XIII.

Мамаша съ дочкой пріѣхали. Иванъ Ивановичъ моментально отъ меня отлипъ и отвалился. Онъ ѣздилъ утромъ на грязный вокзалъ встрѣчать ихъ, взялъ для нихъ номеръ и повелъ ихъ куда-то завтракать.

Начались тотчасъ восклицанія:

— Наконецъ, мы въ нашемъ миломъ Парижѣ!

— Я въ восторгѣ, только здѣсь и дышу!

— Боже мой, бульвары!

Я ожидалъ отъ нихъ всякой глупости. Но то, что произошло въ первый день, превысило всѣ мои ожиданія.

— Первымъ дѣломъ, — объяснила мамаша,—надо пойти въ собачій магазинъ.

Я наивно думалъ, что мамаша хочетъ пріобрѣсти себѣ собачку. Поэтому я сказалъ:

— Собачьи магазины на правомъ берегу Сены, за Лувромъ.

Она стала отъ души смѣяться и махать руками.

— Mais non: намъ надо, гдѣ приданое для собачекъ. Здѣсь есть магазинъ собачьихъ модъ.

— У насъ дома,—подхватила дочка,—два пёсика: Бьюти и Бомсъ. Имъ надо пріобрѣсти туалеты.

— Туалеты?

Должно-быть, лицо мое было очень глупо, потому что обѣ барыни такъ и покатились отъ смѣха.

— Ну, да! Вѣдь здѣсь центръ Европы. Вы знаете, собаки — это друзья человѣчества. Онѣ нечистоплотны. Задача цивилизаціи—сдѣлать ихъ чистоплотными. Поэтому открыли для нихъ магазинъ.

Это все сообщила дочка. Мамаша прибавила:

— Болѣе того: на англійскомъ языкѣ издается журналъ собачьихъ модъ. Даже къ «The New-Jork Herald» прилагаются раскрашенныя картинки попонъ для собачекъ.

Онѣ пошли разыскивать магазинъ. Мнѣ сдѣлалось противно, и я отказался имъ сопутствовать.

За обѣдомъ я увидѣлъ обѣихъ дамъ въ восторгѣ.

— Ахъ, что это за магазинъ! Пред-

ставьте, даже есть калоши для собакъ. Собаки пачкаютъ лапки въ грязи. Потомъ ласкаются, дѣлаютъ ласы на дорогомъ платьѣ. Для предупрежденія этого, есть такія калоши. Премилыя!

Послѣ обѣда мнѣ показали покупки. Два браслета на заднія лапки Бьюти и Бомса. Браслеты никелированные, изъ шариковъ, соединенныхъ цѣпочкой. Потомъ, четыре попонки съ кармашками для конфетъ и мѣховой оторочкой возлѣ горлышка. Одна попонка была бѣлая съ букетикомъ флёръ-д'оранжа. Ошейники съ бантиками и безъ бантиковъ. Былъ мнѣ показанъ и англійскій журналъ съ изображеніемъ собачьихъ туалетовъ для морскихъ путешествій, для горныхъ прогулокъ, для зимнихъ, снѣжныхъ дней. Я разсмотрѣлъ все это внимательно и почему-то сказалъ:

— Какой яркій признакъ вырожденія человѣчества!

Дамы посмотрѣли на меня, но ничего не сказали.

Вечеромъ онѣ должны были отправиться къ своимъ знакомымъ. Иванъ Ивановичъ загрустилъ и сталъ звать меня въ театры.

— Не пойду.

— Пойдемъ въ Variétés. Тамъ ревю, и преинтересное. Хорошенькія статистки.

— Не пойду.

— Ну, въ Palais Royal: тамъ идетъ «Индюкъ», должно-быть, смѣшно.

Я наотрѣзъ отказался.

— Ну, такъ я знаю куда тебя повезти: или въ Chat Noir, или еще... У меня есть на примѣтѣ одинъ кабарэ. Ты вѣдь любишь все мистическое?

— Почему ты думаешь?

— Теперь, въ концѣ вѣка, всѣ предались мистицизму. Я знаю, куда тебя повезти.

— Я не люблю сюрпризовъ.

— Вообрази — подземелье, гробы, среди нихъ — представленіе. Пойдемъ, душечка. Я для тебя много дѣлаю, — сдѣлай и мнѣ удовольствіе.

— Но зачѣмъ же намъ туда ѣхать?

— Изъ любопытства. Все надо испытать, все испробовать, — это мой девизъ.

— Не знаю, зачѣмъ же пробовать всякую гадость?

— Такъ ты не хочешь ѣхать?

— Напротивъ, съ удовольствіемъ. Меня начинаетъ тяготить парижская жизнь. Можетъ-быть, это меня встряхнетъ.

— Въ такомъ случаѣ, ѣдемъ вечеромъ, въ половинѣ десятаго. Ты увидишь нѣчто оригинальное, не поддающееся описанію.

Но я, все-таки, попробую все это описать.

XIV.

Толстобрюхій извозчикъ запихалъ насъ въ скверный фіакръ и, постегивая бичомъ, покатилъ по мокрымъ мостовымъ куда-то въ мокрую темень, еле освѣщенную газовыми фонарями. Стекла каретки дребезжали и плакали крупными дождевыми слезами. Сквозь слезы расползаясь лучистыми звѣздами, мелькали огни магазиновъ и тощія деревья бульваровъ. Парижанки сновали какъ тѣни, такъ высоко поднявъ платья надъ своими тощими икрами, что казалось, будто идутъ не женщины, а птицы на длинныхъ, худыхъ лапахъ съ перьями, какъ у драхвы, и съ пѣтушинымъ гребнемъ на головѣ. Дилижансы плыли какъ ковчегъ Ноя во время потопа. Даже внутри кареты было сыро, мокро и скверно. Ѣхали мы узкими улицами и довольно долго. Голова кружилась, мысль работала толчками, неувѣренно. Я молчалъ. Молчалъ и Иванъ Ивановичъ, и только одинъ разъ повторилъ:

— Быть-можетъ, это тебя развлечетъ!

Наконецъ, гражданинъ великой республики остановился. Мы полѣзли снова на дождь. Фіакръ стоялъ передъ мрачнымъ домомъ. Надъ дверью горѣлъ большой зеленый фонарь, разливая кругомъ мертвенный свѣтъ. Какой-то блѣдный, худой подростокъ дребезжащимъ голосомъ быстро что-то заговорилъ, засмѣялся и подвелъ насъ ко входу. Но дверей не было. Прямо на улицѣ висѣла суконная толстая завѣса, которая отдѣляла комнату отъ тротуара. Въ комнатѣ пахло выпитымъ пивомъ и стоялъ какой-то землистый запахъ. Было темнѣе, чѣмъ на улицѣ. Первое, что кинулось мнѣ въ глаза, — двѣ тоненькія восковыя свѣчки. Онѣ были прилѣплены къ черному деревянному гробу, стоявшему на низкомъ катафалкѣ. По бокамъ гроба были скамьи и на одной сидѣли два какихъ-то длинныхъ господина. Передъ ними стояло по кружкѣ пива у самыхъ свѣчекъ. Они молчали и какъ-то странно озирались.

— Вотъ еще двое желающихъ околѣть прибыло сюда,—раздался глухой голосъ изъ темнаго угла комнаты, и къ намъ медленно приблизился человѣкъ, очень похожій лицомъ на факельщика. Онъ осмотрѣлъ насъ внимательно и спросилъ нараспѣвъ:

— Чувствуете ли вы искреннее желаніе издохнуть сегодня? Если да, то клянусь костями моихъ дѣтей—вы увидите себя издохшими.

Иванъ Ивановичъ повернулъ ко мнѣ свое изумленное лицо: я понялъ, что онъ этого не ожидалъ. На лицѣ было написано желаніе удрать отсюда немедленно. Но было уже поздно. Факельщикъ взялъ его за плечи и посадилъ у свободнаго гроба, а меня заставилъ сѣсть возлѣ. У двери помѣстился дюжій гробокопатель, повидимому, способный придушить всякаго непокорнаго посѣтителя.

— Что это за вертепъ? — спросилъ я.

— Чортъ знаетъ что,—сконфуженно пробормоталъ мой другъ.

— Вотъ вамъ свѣчи, — продолжалъ факельщикъ, зажигая ихъ и прилѣпляя на гробъ передъ нами. — А теперь я вамъ предложу чудеснаго пивца изъ одного гробика.

Онъ повернулся куда-то къ стѣнѣ и крикнулъ:

— Эй! Дайте двѣ кружки пива изъ бочки съ микробами. Есть посѣтители, желающіе видѣть себя нынче же околѣвшими.

Кружки явились. На блюдечкахъ подъ ними была сдѣлана надпись: «съ микробами».

— Пейте! — предложилъ факельщикъ, — но предварительно заплатите мнѣ по полтора франка, а то, вѣдь, что съ васъ возьмешь, съ издохшихъ!

Въ это время занавѣска откинулась, и двѣ барыни съ нѣсколькими мужчинами появились на порогѣ. Ихъ должно-быть настолько изумила увидѣнная картина, что одна взвизгнула.

— Вотъ и барыни съ своими прихвостнями! — обрадовался факельщикъ. — Милости просимъ, — свободные гробики найдутся, милости просимъ.

Швейцаръ проталкивалъ вошедшихъ отъ входа, помахивая вмѣсто булавы берцовою костью. Вошедшіе были, какъ и мы, смущены привѣтствіемъ, а факельщикъ все кланялся.

— Милости просимъ, милости просимъ, — говорилъ онъ, — еще сегодня привезли двухъ холерныхъ покойничковъ. Угостимъ васъ на славу. Эй, пивка этимъ дѣвицамъ! Знаешь, съ бациллами которое...

Между тѣмъ «эти дѣвицы», оказавшіяся двумя очень почтенными замужними дамами, держали за пальто своихъ мужей и говорили:

— Уйдемъ, уйдемъ отсюда!

— Ха-ха-ха! — заговорилъ трагически факельщикъ.—Теперь на попятный? Нѣтъ! Отъ смерти назадъ не уходятъ.

И онъ поставилъ передъ каждымъ по свѣчкѣ и по стакану съ пивомъ, и, похлопывая по гробу рукой, сказалъ:

— Да, вотъ здѣсь лежитъ пара оспенныхъ старушекъ. Если бы, милостивые государи, ваши дѣвицы или ваши лэди захотѣли ихъ посмотрѣть...

— Какъ вы смѣете такъ обращаться съ нами?!—вдругъ заревѣлъ одинъ изъ мужей и треснулъ кулакомъ по гробу такъ, что одна свѣчка упала и разлила вокругъ пламени восковую лужицу.—Я научу васъ вѣжливому обращенію!

— Передъ лицомъ смерти кричать неприлично,—послышался невозмутимый голосъ изъ глубины.—И великолѣпная лэди, и уличная дрянь—равно истлѣютъ и изъ красоты обратятся въ прахъ.

На порогѣ, противъ входной двери, стоялъ сѣдой монахъ, весь въ землѣ, съ черными нависшими бровями.

— Смотрите,—продолжалъ онъ,—видите вы эту люстру изъ человѣческихъ череповъ? Такіе же черепа у всѣхъ васъ. И когда душа ваша переселится въ горнія страны, вы можете по завѣщанію подарить нашему заведенію скелеты, и мы будемъ гордиться вашими пустыми головами, въ которыхъ, наконецъ, явится проблескъ свѣта. А пока онѣ еще темны, не будемъ, братія, обижаться и ссориться, будемъ жить въ мирѣ. Эти дѣвицы обидѣлись, что ихъ назвали лэди,—или, наоборотъ, лэди обидѣлись, что ихъ назвали этими дѣвицами. Такое тонкое самолюбіе здѣсь, въ домѣ смерти, неумѣстно. Выпейте по нѣскольку стаканчиковъ нашего пива, и вы поймете, что не далеки отъ вѣчнаго блаженства...

XV.

Кабарэ сталъ все больше и больше наполняться посѣтителями. Всѣ гробы были заняты, теплилось множество свѣчей, но въ воздухѣ было что-то жуткое, тяжелое. Если это забава—это пошло. Если это театральное представленіе—оно плохо. Я всталъ и сдѣлалъ два шага къ выходу. Факельщикъ загородилъ мнѣ дорогу.

— Единственный разъ въ жизни вы попали на истинный путь,—пѣвучимъ голосомъ заговорилъ онъ, растягивая гласныя,—и какъ разъ хотите съ него свернуть въ сторону.

Его лицо было такъ возмутительно глупо, что я не выдержалъ и разсмѣялся.

— Въ сосѣдней залѣ,—шопотомъ заговорилъ онъ,—будетъ преинтересно, не уходите.

Между тѣмъ монахъ, потряхивая сѣдой бородою, протягивалъ руку по направленію къ картинѣ, висѣвшей рядомъ съ входной дверью.

— Милыя дѣвицы, почтенные посѣтители нашего дома! Взгляните на эту картину. Вы видите здѣсь миннезингера, поющаго при свѣтѣ луны. Какой любовью горитъ его взглядъ, какой нѣгой звучитъ его пѣсня! Какъ улыбается мѣсяцъ! Но вы думаете вѣчна эта поэзія любви? Нѣтъ! Смотрите, что ожидаетъ пѣвца.

Старикъ махнулъ рукой. Комната погрузилась въ мракъ, только наши маленькія свѣчи догорали на гробахъ. Картина измѣнилась. Луна не улыбалась больше, а смотрѣла на пѣвца съ ужасомъ; а вмѣсто трубадура сидѣлъ скелетъ, игравшій на лютнѣ и оскалившій свой черепъ по направленію неба.

— Теперь смотрите сюда,—продолжалъ старикъ, постучавъ костью, отчего опять стало свѣтло.—Видите вы эту огромную картину, изображающую

«Moulin rouge»—этотъ вертепъ парижской вакханаліи. Видите вы, какъ несутся въ вихрѣ вакхическаго танца присутствующіе? Смотрите, сколько правды и жизни придалъ имъ талантливый художникъ. Несомнѣнно, во всей этой шушерѣ, танцующей и кутящей, мои почтенные посѣтители узнаютъ своихъ знакомыхъ, родственниковъ, самихъ себя наконецъ. На первомъ планѣ изображенъ полицейскій, который допускаетъ веселіе въ предѣлахъ приличія. Но посмотрите съ другой стороны на этотъ праздникъ.

Опять мракъ. Во французской кадрили танцуютъ и кривляются одни скелеты среди шумной залы: музыканты, капельмейстеръ,—все обратилось въ бѣлые костяки, только полицейскій неизмѣнно стоитъ въ прежнемъ видѣ.

— Такъ все погибаетъ, все уничтожается, кромѣ вѣчно бодрствующаго ока полиціи!—заключаетъ старецъ.

— Пусть каждый возьметъ въ руки свой свѣтильникъ, — поетъ факельщикъ,—и посмотритъ, какимъ онъ будетъ лежать на вѣчномъ одрѣ смерти.

Всѣ берутъ въ руки свѣчи. По очереди спускаемся въ темное низкое подземелье. Тамъ старикъ отбираетъ свѣчи, и предлагаетъ заглянуть въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ. Въ трехъ шагахъ отъ себя каждый видитъ отраженіе собственнаго лица, но какого-то зеленоватаго цвѣта. Лицо помѣщается въ отверстіи савана, которымъ укутано все тѣло, и вся фигура втиснута въ стоймя - стоящій гробъ. Дамы снова взвизгиваютъ и отворачиваются.

— Но это еще не все, господа!—продолжаетъ монахъ, протягивая руки за деньгами.—Интересно посмотрѣть постепенную степень измѣненія, которое мы будемъ претерпѣвать послѣ смерти. Благородныя лэди, — ваши сіятельства,—милости просимъ въ слѣдующій залъ.

Въ слѣдующемъ залѣ устроенъ альковъ, задрапированный чернымъ сукномъ съ серебрянымъ глазетомъ. Въ глубинѣ стоитъ ярко освѣщенный, стоймя поставленный гробъ.

— Господа,—поетъ факельщикъ,—не найдется ли среди вашей шайки какой-нибудь баронессы или графа, которые пожелали бы помѣститься въ этомъ послѣднемъ жилищѣ?

— Графъ, не хотите ли! — громко говорю я Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ конфузится и толкаетъ меня локтемъ.

— Графъ желаетъ помѣрить свое послѣднее жилище?—продолжаетъ факельщикъ.—Милости просимъ, графъ, вы окажете честь нашему гробу.

Но мой графъ кусаетъ губы и упрямится. Тогда вылѣзаетъ изъ заднихъ рядовъ какой-то румяный, толстый буржуа, отъ котораго такъ и несетъ краснымъ ординеромъ.

— Дѣлайте со мной, что хотите,—говоритъ онъ, и лѣзетъ самъ въ «послѣднее жилище».

Его укутываетъ какой-то палачъ, весь въ красномъ, бѣлой простыней, затыкая ее за галстукъ. Получается комическая фигурка съ краснымъ носомъ, красными щеками и большой всклоченной шевелюрой. Веселіе дополняется тѣмъ, что почтенный мужъ высовываетъ палачу языкъ и говоритъ:

— Осторожнѣе, я боюсь щекотки.

Но вотъ онъ одинъ стоитъ неподвижно, какъ мумія, передъ всею компаніей. Лицо его блѣднѣетъ. Подъ глазами появляются пятна. Ротъ бѣлѣетъ, проваливается, глаза дѣлаются широкими, синими, кожа отпадаетъ, и остается одинъ голый, безглазый черепъ. Скверный органъ играетъ «De profundis»,—дамы смотрятъ съ жадностью.

— Теперь, господа, обратное явленіе! Полная матеріализація. Музыка! пожалуйста что-нибудь веселенькое.

Музыка играетъ шестую фигуру кадрили. Подъ эти звуки буржуа постепенно оживаетъ. Мертвенныя краски сбѣгаютъ съ лица, красненькій носъ выступаетъ снова, и лукавые глазки смотрятъ такъ же хитро и весело.

— Ну, что вы чувствовали?—спрашиваютъ у него, когда онъ появляется среди насъ.

— Легкое желаніе чихнуть, и то потому, что отъ этого палача пахнетъ камфарой и гвоздикой.

— А что же вы видѣли въ это время?

— Васъ видѣлъ!

— А когда ваша голова пропадала?

Буржуа щупаетъ шею.

— Даю вамъ слово, она никуда отсюда не отлучалась. Если же вамъ это казалось, такъ вѣдь нынче такъ усовершенствованы эти фантасмагоріи. Вотъ на бульварѣ Капуциновъ показываютъ кинематографъ,—тамъ люди ходятъ, играютъ, поливаютъ цвѣты, пьютъ, ѣздятъ на велосипедахъ.

— Не желаете ли, джентльмены и милэди, перейти въ сосѣдній залъ?— снова предлагаетъ монахъ, и вся толпа валитъ въ сосѣднюю компату.

Здѣсь уже настоящая сцена. Всѣ, шумя, топая ногами, весело переговариваясь, усаживаются по скамейкамъ. Представленіе дѣлается балаганнымъ: только не ѣдятъ горящую паклю. Нѣкоторые аксессуары бутафоріи и откровенные костюмы носятъ такой характеръ, что дамы отворачиваются, но, впрочемъ, не уходятъ. Въ заднихъ рядахъ вдругъ я замѣчаю нашу барышню съ мамашей и фалангой молодыхъ людей. Онѣ хихикаютъ, мамаша снисходительно улыбается и думаетъ:

«Дастъ Богъ, хоть теперь выйдетъ замужъ».

Наконецъ, мнѣ дѣлается невыразимо скверно отъ всей этой пошлости. Я встаю.

— Вы желаете, monsieur, пойти на сцену и изобразить спирита? — спрашиваетъ монахъ.

Я сую ему франкъ въ руку и совѣтую ему провалиться въ преисподнюю.

— А мы собираемся въ Moulin rouge,—громко говоритъ мнѣ дѣвица.

— Хорошее мѣсто,—отвѣчаю я.

— Вы ѣдете съ нами?

— Я думаю, мнѣ неприлично.

Дѣвица вспыхиваетъ и отворачивается.

Мамаша старается поправить выходку дочери:

— Сколько мы сегодня церквей осмотрѣли,—говоритъ она,—даже въ Магдалинѣ были.

— А теперь собираетесь въ танцклассъ?

Иванъ Ивановичъ, по обыкновенію, не пошелъ со мной. Онъ хотѣлъ все узнать, все испытать, а я хотѣлъ остаться въ хорошемъ настроеніи духа, и отправился домой пѣшкомъ.

XVI.

Сегодня пришли отъ жены и отъ дочери письма. Письма написаны такъ, что ихъ можно было заготовить за пять лѣтъ до моей поѣздки. Жена пишетъ:

«Какъ ты поживаешь, другъ мой, въ Парижѣ? Успокоились ли твои нервы? Желаю тебѣ полнаго выздоровленія. Ходи больше по театрамъ, больше гуляй. У насъ оттепель и грязь на улицѣ страшная. Ната безъ тебя скучаетъ. Воспользовавшись твоимъ отсутствіемъ, она очень занимается музыкой. Вчера былъ квартетъ: віолончель, флейта, скрипка и Ната на фортепіанахъ; она сдѣлала огромные успѣхи въ техникѣ. Мамаша очень тебѣ кланяется и желаетъ всего хорошаго. Ждала отъ тебя письма, но я знаю твои воззрѣнія на письма. Дай о себѣ вѣсточку и не забывай всей душой любящую тебя женку».

Ната пишетъ:

«Какъ я скучаю безъ тебя, дорогой папочка. Въ гимназіи все хорошо, и, надѣюсь, ты мною будешь доволенъ. Вчера мы были въ театрѣ, смотрѣли нѣмцевъ, и вспоминали тебя: что-то ты вчера смотрѣлъ въ Парижѣ? Пишу мало: много занятій къ завтрему. Цѣлую крѣпко-крѣпко тебя. Твоя Ната».

Я на это сейчасъ же отправилъ телеграмму.

«У насъ, славу Богу, дождикъ, чего и вамъ желаю. Натѣ совѣтую играть въ квинтетахъ и секстетахъ. Для собакъ здѣсь продаютъ попоны».

Не знаю, глупѣе ли моя телеграмма ихъ писемъ?

* * *

... февраля.

Сегодня проходилъ мимо галлереи Лувра и зашелъ взглянуть на безрукую Венеру. Народу много, больше блузники. Мнѣ хотѣлось еще посмотрѣть на портретъ Деннера, о которомъ писалъ покойный Ипполитъ Тэнъ какъ о вещи необычайной законченности въ техническомъ отношеніи. Пошелъ я въ залу, обозначенную въ каталогѣ, — въ конецъ той безконечной галлереи, что тянется безъ перерыва черезъ все зданіе Лувра. Поискалъ-поискалъ—нѣтъ. Обращаюсь къ смотрителю.

Онъ, первымъ дѣломъ, исковеркалъ фамилію Деннера, назвавъ его по-французски — Dennair, потомъ сказалъ, что отлично знаетъ эту работу—portrait d'un fini que nul autre artiste n'a su dépasser—началъ искать, и не нашелъ. Пришелъ другой смотритель въ треуголкѣ. Заглянули въ мой каталогъ, увидѣли номеръ 2706,—и все-таки ничего не могли сдѣлать.

Такъ я и не видѣлъ Деннера.

* * *

... февраля.

Разговорился въ Булонскомъ лѣсу съ почтеннымъ сѣдобородымъ парижаниномъ.

— Вы ждете выставки 1900 года съ нетерпѣніемъ?

Лицо его выразило не нетерпѣніе, а негодованіе.

— О, monsieur! Мы перебили эту выставку у императора Вильгельма, а сами теперь не знаемъ, что дѣлать.

— Вотъ какъ!

— Каждая наша всемірная выставка портитъ Парижъ на нѣсколько лѣтъ. Она портитъ наши улицы, наши мостовыя, мѣшаетъ свободному проѣзду по улицамъ, портитъ цѣны. Выгодно тѣмъ, кто сдаетъ свои квартиры и дома̀ въ наемъ. Но кто остается жить тамъ, гдѣ жилъ, тотъ несетъ убытки. Все дорожаетъ, Парижъ теряетъ свой характеръ и обращается въ одинъ огромный караванъ-сарай. Но главная бѣда не въ этомъ. Экономическое положеніе провинціи во время выставки дѣлается очень печальнымъ.

— Почему?

— Центръ торговли переносится въ Парижъ. Представители фирмъ и наиболѣе выгодные покупатели уѣзжаютъ туда. Города пустѣютъ. Наживаются парижане, особенно гостиницы. Наживаются желѣзныя дороги. Наживаются тѣ, кто вообще хорошо торгуетъ. Городъ обезображивается такими возмутительными постройками, какъ Эйфелева башня... Нѣтъ, избавьте насъ отъ всемірныхъ выставокъ, и мы скажемъ вамъ спасибо. Отчего у васъ, въ Россіи, не устраивается всемірныхъ выставокъ?

— Говорятъ, мѣста нѣтъ, — отвѣтилъ я.

Французъ такъ расхохотался, что даже раскашлялся.

— Въ Россіи нѣтъ мѣста для выставки! Какъ это остроумно. Ахъ,

какъ это остроумно! Это надо запомнить!

* * *

... февраля.

Не пора ли отсюда?

Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые, пріѣхавъ въ Парижъ, находятъ, что все превосходно. По-моему, очень скверно, что въ театрахъ нѣтъ фойэ и приходится въ антрактахъ выходить на улицу. По-моему, очень скверно, что за мѣста дерутъ вдвое больше нашего. Глупо, что за кулисами стучатъ дубиной, точно выбиваютъ ворота, и это служитъ сигналомъ начала представленія. Я не могу согласиться, что зала Оперы — верхъ изящества. Она очень оляповата, и въ ней слишкомъ много золота. Я не могу согласиться, что тамъ поютъ хорошо, и въ хорахъ есть ансамбли. Я не могу восхищаться бульварами, магазинами, дамскими модами. Я все пересмотрѣлъ, что меня интересовало, и долѣе жить здѣсь не хочу. Иванъ Ивановичъ тоже былъ за послѣдніе дни какъ-то не въ духѣ, и тотчасъ согласился на отъѣздъ.

Билеты у насъ уже были куплены на круговую поѣздку. Оставалось только взять спальныя мѣста, на одну ночь до итальянской границы.

Посылаю внизъ, въ контору, человѣка съ деньгами взять два мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ возвращается назадъ.

— Monsieur, пятьдесятъ франковъ мало.

— Вотъ тебѣ разъ! За спальное мѣсто?

Даю еще пятьдесятъ. Вскорѣ является съ квитанціей.

— Monsieur, съ васъ слѣдуетъ дополучить за спальныя мѣста шестьдесятъ девять франковъ.

— Какъ, за одну ночь?

— По восемьдесятъ четыре франка пятьдесятъ сантимовъ за постель.

— Что же, намъ дадутъ салонъ?

— Нѣтъ: двѣ койки одна надъ другой.

— Опять висѣть?

— Всѣ висятъ, monsieur.

И я повисъ въ узкой койкѣ, на жесткихъ подушкахъ, сдѣлавъ «незначительную приплату къ проѣздной цѣнѣ», какъ публикуютъ Sleeping-Car'ы въ своихъ рекламахъ.

XVII.

Мы въ Генуѣ. Вчера вечеромъ выѣхали изъ Парижа. Сегодня утромъ проѣхали родиной Тартарена, мимо Тараскона, смотрѣли на бѣлесоватые домики и желтыя городскія ворота. Останавливались въ Арлѣ—гнѣздѣ самыхъ красивыхъ французскихъ женщинъ, но ни одной не видали. Потомъ засинѣло и зазеленѣло Средиземное море, и мы пріѣхали въ Марсель. Потомъ въ Тулонъ. Въ Вентимилью пріѣхали обѣдать. Здѣсь поѣзда приходилось ждать часа два. Противъ насъ за столомъ въ вокзалѣ помѣстилась пара: небольшого роста лысый человѣкъ, съ отпяченными губами и черной сѣдѣющей бородкой, и тощая, высокая, похожая на него дама. Едва Иванъ Ивановичъ сказалъ нѣсколько словъ по-русски, какъ онъ заговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Позвольте представиться: археологъ Травкинъ. Сестра моя Клавдія Ивановна.

Клавдія Ивановна, желая ближе познакомиться, показала намъ большіе желтые зубы.

— Заканчиваемъ туръ, — продолжалъ онъ. — Ѣдемъ въ Неаполь, хотимъ посмотрѣть на послѣднія раскопки Помпеи. Мы не надолго: недѣли на три.

— Однако!—замѣтилъ я

— Вамъ кажется много? Отнюдь не много. Всего на три недѣли. Я разъ уже выжилъ тутъ мѣсяцъ. Если хотите, я буду вашимъ спутникомъ.

Иванъ Ивановичъ началъ говорить, что ему очень пріятно, или что-то въ этомъ родѣ, но я поспѣшилъ перебить его.

— Мы ѣдемъ въ Римъ.

— Вотъ въ Римѣ,—замѣтилъ онъ,— менѣе двухъ мѣсяцевъ нельзя оставаться.

— Нѣтъ, мы денька на два.

Ротъ археолога обратился въ нуликъ, глаза расширились.

— Только на два дня! — изумился онъ.

— Только на два дня!—повторила Клавдія Ивановна.

— Да что жъ тамъ дѣлать? Ватиканъ меня не интересуетъ.

— Ватиканъ не интересуетъ! — взвизгнула Клавдія Ивановна.—Что же васъ послѣ этого интересуетъ.

— Да вотъ солдаты итальянскіе. Меня война въ Африкѣ интересуетъ. Интересуютъ уличныя манифестаціи. Вчера въ Римѣ, говорятъ, на площади стрѣляли.

— Да вѣдь это безпорядки?—спросилъ Травкинъ.

— Что жъ изъ этого?

— Вы любите безпорядки?

Очевидно, онъ былъ глупъ, какъ тыква. И лицо у него было похоже на тыкву.

— Все-таки для меня уличное движеніе Рима въ десять разъ интереснѣе Аполлона Бельведерскаго.

— Вы варваръ?

— Нѣтъ, я даже ношу нѣкоторый чинъ.

И я назвалъ себя.

Археологъ еще разъ развелъ руками.

— Какъ же, ваше превосходительство, вы такъ презираете искусство?

— Полагаю, это не искусство, а рухлядь. Такая же, какъ въ Луврѣ, въ Эрмитажѣ, въ Берлинѣ. Вообще, я долженъ сознаться, терпѣть не могу двухъ отраслей искусства: музыки и скульптуры.

Клавдія Ивановна пошла на примиреніе.

— Въ такомъ случаѣ, васъ должна заинтересовать Помпея: тамъ восхитительная живопись. Я вотъ теперь въ лихорадкѣ отъ ожиданія, отъ мысли, что черезъ два дня ее увижу.

— Я люблю древность,—говорилъ археологъ,—и сестрица моя тоже любитъ. Мы въ Греціи жили съ ней въ прошломъ году больше мѣсяца.

— Вотъ тоска-то! — вырвалось у меня.

— Въ Греціи тоска!—завопила сестрица.—Да вы тамъ были?

— Ни за какія коврижки не поѣду. Солнопекъ и старая ветошь.

— Ай-ай-ай! Какъ это грустно такое отношеніе къ реликвіямъ древности. Вѣдь это наслѣдство, оставленное намъ предками.

— Я отказываюсь отъ утвержденія въ правахъ этого наслѣдства и готовъ все передать вамъ. Ну, скажите, пожалуйста, какую пользу приноситъ это изученіе портиковъ и фронтоновъ? Что общаго между старой Греціей и нынѣшней Европой? Посмотрите, у насъ, въ Россіи, одно время строили казармы и церкви въ античномъ стилѣ,—что за чепуха получалась! У насъ есть и готика, и византія, и нашъ старый московскій стиль — за коимъ чортомъ намъ лѣзть въ Грецію и Римъ? А впрочемъ, я во всемъ этомъ ничего не понимаю и готовъ въ этомъ сознаться.

Скоро мы разстались: они сѣли во второй классъ, мы—въ скверное купэ перваго класса. Поѣздъ шелъ по Ривьерѣ, такой же сладкой, приторной и прилизанной, какъ и нашъ Крымъ. Только здѣсь въ февралѣ все сплошь залито созрѣвшими апельсинами, и огромныя пальмы тихо качаютъ своими перистыми вѣтвями надъ игольча-

тыми кактусами. Морской прибой шумитъ у самаго поѣзда. Я съ грустью вспоминаю, сколько русскихъ денегъ погибло здѣсь, на этомъ модномъ побережьѣ; сколько золота проиграно въ рулетку; сколько перестрѣлялось и переотравлялось народу! Со всего міра сюда стекается праздный, безшабашный людъ и восторгается моремъ, небомъ и рулеткой. Какъ все можно опошлить: и море, и берега, и темно-синее небо!

Въѣхали въ Геную. Застучали колеса омнибуса по мостовой, мелькнулъ памятникъ. Видны были крохотные переулки съ газовыми фонарями.

— Не забудьте посмотрѣть Кампо-Санто! Кладбище! — доносился изъ окна вагона голосъ археолога.—Здѣсь вы въ недѣлю все осмотрите, успѣете!

XVIII.

Къ счастью, мы все осмотрѣли въ одно утро. Я уже объяснилъ, что въ скульптурѣ ничего не понимаю: поэтому я никакъ не могъ оцѣнить прелестей Кампо-Санто. Вообразите себѣ огромную галлерею, идущую квадратомъ, въ которой помѣщено нѣсколько сотенъ надгробныхъ памятниковъ. Тутъ есть толстыя плачущія вдовы въ перетянутыхъ платкахъ, старички съ эспаньолками въ длиннѣйшихъ редингогахъ, пузатые амуры, чахоточные ангелы смерти. Можетъ-быть, все это сдѣлано превосходно, особенно кружева и складки на юбкахъ; но ни въ одномъ лицѣ я не могъ подмѣтить и признака какого-нибудь выраженія или, какъ теперь принято говорить, экспрессіи. Вся экспрессія выражается въ слезахъ, которыя изображены въ видѣ небольшихъ бородавокъ на щекахъ. Въ композиціи монументовъ несомнѣнно болѣе принимали участія родственники умершихъ, чѣмъ художникъ. Художникъ только исполнялъ прихотливыя желанія заказчиковъ. Нѣкоторые изъ памятниковъ прямо-таки безобразны. Но все это опять-таки на мой взглядъ профана. Быть-можетъ, это великолѣпно, но у меня нѣтъ органа, которымъ я могъ бы воспринять это великолѣпіе.

Потомъ мы колесили по игрушечному городку, съ игрушечными площадями, игрушечными монументами и игрушечнымъ городскимъ садомъ. Мимо насъ бѣгали вагоны электрической дороги, такой, какая есть теперь въ Кіевѣ, но какой нѣтъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Иные изъ переулковъ и улицъ имѣли праздничный видъ: изъ оконъ одного дома къ противоположному перекидывались веревки по всѣмъ этажамъ и на нихъ развѣвались разноцвѣтные флаги. Ихъ были сотни всякихъ цвѣтовъ и формъ. По ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что это выстиранное бѣлье, и хитрые зубцы флаговъ — не болѣе, какъ обыкновенныя рубашки и панталоны. Иванъ Ивановичъ таскалъ меня въ какой-то Палаццо-Дураццо, гдѣ была мраморная лѣстница, которую всѣ смотрятъ, но которая рѣшительно ничѣмъ не замѣчательна.

Никакихъ тревогъ и волненій въ городѣ не замѣчалось.

За обѣдомъ я спросилъ у гарсона:

— А скажите, много вашихъ побито?

— Въ Миланѣ много, мосье,—отвѣчалъ онъ, и прибавилъ въ поясненіе:—Полиція арестовывала за манифестаціи и многихъ побила.

Въ концѣ обѣда я спросилъ счетъ. На мою долю пришлось девять лиръ. Лира—то же, что франкъ. Я далъ размѣнять сто франковъ французскихъ. Лакей сконфузился, принесъ сто лиръ и еще три лиры и сказалъ, что за обѣдъ получено сполна. Что значитъ курсъ во время войны!

Вечеромъ опять мы понеслись по туннелямъ, а на зарѣ уже подъѣзжали

къ Риму, окруженному вѣнцомъ развалившихся зданій и акведуковъ. Иванъ Ивановичъ волновался и говорилъ:

— Roma! Roma! O, Roma!

* * *

Ну, разумѣется, поѣхали въ храмъ Петра и Ватиканъ. Извозчики, съ великолѣпными цѣпями на жилетахъ, похожи на поваровъ изъ кондитерскихъ. Лошаденки тощія, надрывающіяся изъ послѣднихъ силъ. Площадь передъ соборомъ—цѣлая пустыня. Посрединѣ — тумба съ крестомъ, по бокамъ—два плохенькихъ фонтана.

Иванъ Ивановичъ не вытерпѣлъ:

— Чтобы судить о величинѣ собора, нужно отъѣхать за десять верстъ отъ Рима,—сказалъ онъ.

— Я не поѣду,—отвѣтилъ я.

На растрескавшихся, покоробленныхъ, неремонтированныхъ лѣтъ двѣсти ступеняхъ собора насъ встрѣтилъ рябой итальянецъ въ короткихъ клѣтчатыхъ панталонахъ и съ грязными руками. Онъ заявилъ, что за ничтожное вознагражденіе готовъ показать все великолѣпіе Ватикана. Иванъ Ивановичъ началъ увѣрять, что все найдетъ по Бедекеру, но я предпочелъ итальянца съ ничтожнымъ вознагражденіемъ.

И только что мы согласились, какъ сдѣлались тотчасъ же добровольными мучениками. Чичероне, заговоривъ безъ четверти одиннадцать, говорилъ безъ умолку до половины пятаго, заведя насъ въ такія трущобы Ватикана, откуда свѣжему человѣку никогда не выбраться. Онъ намъ показывалъ производство какихъ-то мозаикъ, ложи, капеллы, дворы, проходы, галлереи, бельведеры. Мы видѣли статуи съ носами, статуи безъ носовъ, съ одной головой, съ двумя головами, совсѣмъ безъ головы. Одинъ античный чурбанъ былъ лишенъ не только головы, но обѣихъ ногъ и обѣихъ рукъ, и потому считался лучшимъ произведеніемъ Ватикана. Видѣли мы каретные сараи папы и осматривали экипажи. Видѣли облупленныя стѣны и обвалившуюся штукатурку зданій.

Повторяю, я ничего не понимаю въ искусствѣ, но въ экипажахъ толкъ знаю, и скажу, что выѣздное ландо папы могло быть и лучшей работы. Что же касается скульптурнаго и живописнаго музея Ватикана, то меня удивляетъ одно: почему въ самомъ архикатолическомъ центрѣ Западной Европы, рядомъ съ огромнымъ соборомъ, въ самомъ домѣ, гдѣ живетъ земной намѣстникъ Христа, должны находиться тысячи обнаженныхъ языческихъ богинь и тысячи картинъ самаго игриваго содержанія, прикрытаго прозрачной маской миѳологіи?

Я не знаю также, почему такъ ругалъ нашъ чичероне Наполеона за то, что онъ увезъ изъ Ватикана Венеру Милосскую. Теперь итальянцы показываютъ только то мѣсто, тщательно огороженное рѣшёткой, гдѣ стояла дивная статуя. Власть папы не настолько сильна, чтобы достать обратно изъ всемірнаго Вавилона это величайшее созданіе человѣческаго рѣзца: ему легче освободить изъ ада любого нераскаяннаго грѣшника. Французы знаютъ цѣну своей Венеры и не отдадутъ ее ни за какіе милліоны. Да и лучше ей стоять въ маленькой комнаткѣ Лувра, чѣмъ подъ святымъ крыломъ Рима вѣчно слушать колокольный звонъ, призывающій къ молитвѣ. И, по-моему, эта огороженная пустая площадка съ воспоминаніемъ о милосской статуѣ — лучшее мѣсто Ватикана.

До носатыхъ и безносыхъ римскихъ императоровъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и, по-моему, это ненужный хламъ. Чтобъ восхищаться Микель-Анджело, нужно сперва знать анатомію, а ей я не учился. Что же касается Рафа-

эля, то я у него рѣшительно не могу найти того чувства, которымъ согрѣта начальная школа итальянской живописи, когда рисовали въ десять разъ хуже Рафаэля. Моей душѣ Рафаэль чуждъ. Мнѣ рѣшительно все равно, что подумають обо мнѣ и моемъ мнѣніи знатоки и цѣнители: католическій мистицизмъ Рафаэля мнѣ непонятенъ. Ему какъ разъ мѣсто въ Ватиканѣ, въ домѣ его святѣйшества. Рафаэлемъ пускай восхищается теща.

Тутъ же папы сохраняютъ сидячую ванну римскихъ матронъ. Это прекрасное изобрѣтеніе: я непремѣнно, по возвращеніи въ Петербургъ, сдѣлаю модель и возьму привилегію. Чистоплотность и остроуміе римскихъ дамъ просто трогательно.

Когда мы уже были совершенно измучены и концы усовъ Ивана Ивановича повисли долу, проводникъ вывелъ насъ на отвратительный дворъ и повелъ къ храму Петра. Сквозь грязную, тяжелую цыновку мы коекакъ пробрались въ папскую усыпальницу, въ этотъ апоѳеозъ папской власти.

Куда ни взглянешь, со всѣхъ сторонъ смотрятъ во весь ростъ роскошныя статуи папъ. Подъ великолѣпной золотой сѣнью, гдѣ покоятся мощи апостола, молится мраморный папа. Вокругъ сѣни—мраморныя лица женщинъ, изображающихъ на лицѣ страданія. Чичероне говоритъ, что это сдѣлано на текстъ: «и въ мукахъ будешь рождать чадъ своихъ». Для изображенія бо́льшихъ страданій, сдѣлано у каждой дамы по три огромныхъ пчелы, поѣдающихъ ея тѣло.

Всюду свѣтъ, мраморныя статуи, золото.

— А вѣдь это очень похоже на Grand Opéra, — говорю я Ивану Ивановичу.

— Я только что самъ объ этомъ думалъ,—отвѣчаетъ онъ.

Чичероне вдругъ начинаетъ разсказывать про императора Николая I, который пріѣзжалъ къ папѣ разрѣшить свое сомнѣніе: кто имѣетъ больше правъ на папскій престолъ—онъ или папа.

— И знаете, что на это отвѣтилъ папа?—умиленно спрашиваетъ итальянецъ.—Онъ сказалъ: «а для меня этотъ вопросъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, я безспорно имѣю гораздо болѣе правъ, чѣмъ ваше величество». Какой глубоко-философскій отвѣтъ!

Мнѣ вспомнилось кое-что другое. Наверху, въ куполѣ собора, говорятъ, есть собственноручная надпись: «здѣсь молился за благоденствіе Россіи Николай». А пониже другая:

«Et moi aussi. Paul Kozlow».

Чичероне былъ недоволенъ выраженіями нашихъ лицъ.

— Я по вашимъ лицамъ вижу, что вы не вполнѣ восторгаетесь геніальнымъ произведеніемъ Буонаротти?

— Не вполнѣ,—отвѣтилъ я.

— Да, созерцаніе такихъ красотъ недоступно многимъ!—вздохнувъ, сказалъ итальянецъ.

Въ маленькомъ кіоскѣ сидѣлъ жирный патеръ съ длинной удочкой и читалъ черезъ очки какую-то маленькую книжку. Повидимому, онъ читалъ весьма внимательно, но чтеніе это не мѣшало ему продѣлывать удивительныя престидижитаторскія штуки. Возлѣ его будочки паслось стадо маленькихъ дѣвочекъ въ черныхъ платьицахъ, подъ руководствомъ опытной монахини. Одна изъ дѣвочекъ выдѣлялась отъ своихъ подругъ, быстро подбѣгала на нѣкоторое разстояніе къ патеру и присѣдала. Патеръ, не поднимая глазъ, ударялъ своей удочкой по дѣвочкѣ и всегда попадалъ ей по темени. Тогда дѣвочка вскакивала и бѣжала къ другимъ, а на смѣну ей выбѣгала новая. Такая игра, очевидно, доставляла всѣмъ не малое удовольствіе и въ то

же время являлась обрядомъ индульгенціи.

Сходство съ парижской Оперой еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что внезапно запѣлъ органъ, и довольно весело. Даже сумрачные лики иконъ какъ будто прояснились, и женщины, которымъ суждено было въ мукахъ родить чадъ, не такъ уже страшно корчились, какъ во время сумеречной тишины собора.

Когда Иванъ Ивановичъ далъ десять лиръ рябому итальянцу, онъ какъ будто обидѣлся, но приподнялъ шляпу и сказалъ:

— Мы еще не все посмотрѣли, — быть-можетъ, вы захотите еще разъ вернуться сюда завтра?

* * *

Вотъ что я занесъ въ свою записную книжку:

«...Отличительной чертой римскихъ улицъ является то, что экипажи держатся лѣвой стороны, а пѣшеходы не держатся ни правой, ни лѣвой, и, толкаясь, не извиняются. Тамъ, гдѣ ѣзда не велика, ходятъ посрединѣ улицы. Развалины содержатся плохо. Слѣдовало бы устроить еще три-четыре форума и нѣсколько храмовъ,— это привлекло бы еще больше англичанъ. Для простоты, развалины даже можно было бы сдѣлать изъ папье-машэ и оградить рѣшётками, чтобы не дотрагивались пальцами. Въ настоящее время, самыя интересныя руины—Коллизея, гдѣ ежедневно бываетъ травля туристовъ голодными проводниками. По улицамъ нѣтъ прохода отъ патеровъ, они расхаживаютъ генералами, и имъ даже уступаютъ дорогу. Поговорку, «быть въ Римѣ и не видѣть папу»,—осуществить весьма легко, такъ какъ его никто не видитъ. Онъ даже катается въ экипажѣ только по собственному садику, но, во избѣжаніе превратныхъ толкованій, далѣе не выѣзжаетъ. Макаронъ на улицахъ руками не ѣдятъ и тарантеллы не танцуютъ. Да и волосъ итальянки не прилизываютъ по вискамъ, какъ это рисуютъ на всѣхъ картинкахъ; не вѣрьте, милыя дѣти, художникамъ: всѣ прачки и зеленщицы причесаны по модѣ, волосы назадъ, и даже національныхъ костюмовъ никто не носитъ».

Къ вечеру мнѣ городъ до того опротивѣлъ, что, сидя за длиннымъ табльд'отнымъ столомъ и слушая гнусный оркестръ, я началъ проситься у Ивана Ивановича въ Неаполь.

— Да что тебѣ за сласть Неаполь?—спросилъ онъ.

— Ну, все-таки—Везувій, Помпея и все прочее.

— Поѣдемъ. Только сегодня не стоитъ, хотя въ полночь есть поѣздъ.

— Поѣдемъ, мамочка, ночью, все равно.

Но ночью потому не пришлось ѣхать, что не оказалось спальныхъ мѣстъ. Въ номерѣ холодъ чертовскій. Спросилъ дровъ, растопилъ огромный каминъ, какъ разъ возлѣ самой кровати, спросилъ себѣ горячаго грога, покрылся тремя одѣялами и пледомъ и, желая доставить удовольствіе Ивану Ивановичу, который спалъ въ той же комнатѣ, все повторялъ:

— О, Roma! О, dolce Roma!

На утро все-таки мы загромыхали въ огромномъ дилижансѣ, туго набитомъ англичанами, на вокзалъ.

Мы ѣхали по тѣмъ самымъ площадямъ, гдѣ два дня назадъ были стычки у народа съ жандармами, и гдѣ теперь мирно разгуливали козлы, ослы и мулы. Какая-то дѣвочка лѣтъ десяти танцовала на церковной паперти, при чемъ единственнымъ ея зрителемъ былъ вислоухій щенокъ, изрѣдка на нее тявкавшій. Возлѣ меня, притиснувъ совсѣмъ мое бѣдное тѣло къ двери, сидѣла крас-

новолосая англичанка въ шляпѣ съ лиловыми фіалками. Отъ нея было очень жарко и пахло «испанской» кожей. Противъ меня, щелкая своими колѣнями объ мои, сидѣлъ просвѣщенный мореплаватель, совершенно безбровый, съ канареечнымъ пухомъ на головѣ. Хотя отъ встряхиванья мы метались по дилижансу и колотились то о потолокъ, то другъ о друга, тѣмъ не менѣе, онъ ухитрялся читать Бедекера въ красномъ переплетѣ, держа его руками въ красныхъ перчаткахъ. Когда насъ выгрузили на вокзалѣ, я былъ мокръ, какъ устрица, отъ такого получасового и усерднаго взбалтыванья.

(Окончаніе будетъ.)

* * *

Я посѣтилъ, мой другъ, нашъ деревенскій домъ,
Гдѣ мы работали и предавались лѣни.
Поднявшись на крыльцо, черезъ большія сѣни—
Съ высокимъ стрѣльчатымъ окномъ—
Прошелъ я въ комнаты. Угрюмая, нѣмая
Кругомъ царила тишина.
Съ невольною тоской былое вспоминая,
На все глядѣлъ я. Вотъ она—
Свѣтлица скромная, гдѣ ты жила, мечтая.
Все въ ней попрежнему: кроватка у стѣны,
И шкафикъ съ книгами, на нихъ сохранены
Помѣтки—дѣлать ихъ любила ты, читая.
И маленькій рояль, и кипы разныхъ нотъ,
И на каминѣ бюстъ съ кудрявой головою,—
Все, все, какъ и тогда, въ тотъ памятный мнѣ годъ,
Когда работалъ я и отдыхалъ съ тобою.
Да, все попрежнему осталось, только нѣтъ
Души, которая отсюда отлетѣла:
Лишь ты одна вносить умѣла
Въ жизнь красоту и смыслъ, и счастіе и свѣтъ!

Я вышелъ въ садъ. Спускаясь по уступамъ,
Я посмотрѣлъ еще на старый домъ,—и онъ
Мнѣ въ этотъ мигъ вдругъ показался трупомъ,
Печально ждущимъ похоронъ.

Александръ Кругловъ.

Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.

Историческій очеркъ **С. Н. Шубинскаго.**

I.

Въ Москвѣ, на Остоженкѣ, близъ Пречистенскихъ воротъ, возвышается огромный и красивый каменный домъ, съ массивнымъ фронтономъ, укрѣпленнымъ на колоннахъ коринѳскаго ордера, и съ обширнымъ дворомъ, выходящимъ на улицу и обнесеннымъ желѣзной рѣшёткой. Домъ этотъ въ настоящее время составляетъ собственность московскаго коммерческаго училища, а въ прошломъ столѣтіи принадлежалъ генералъ-аншефу Петру Дмитріевичу Еропкину, одному изъ «Екатерининскихъ орловъ», которыхъ въ изобиліи создало это славное царствованіе.

Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ.

Принадлежа къ древнему дворянскому роду, сынъ заслуженнаго генерала, Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ поступилъ, по тогдашнему обыкновенію, въ военную службу, не достигнувъ совершеннаго возраста, въ 1736 г., и на тринадцатомъ году отъ рожденія былъ произведенъ въ офицеры. Постепенно подвигаясь въ чинахъ, онъ командовалъ сперва Воронежскимъ пѣхотнымъ, а затѣмъ Троицкимъ кирасирскимъ полками, и въ Семилѣтнюю войну, участвуя почти во всѣхъ сраженіяхъ, выказалъ замѣчательную храбрость и распорядительность, за что былъ награжденъ въ 1750 г. чиномъ генералъ-маіора, а въ 1760 г. орденомъ св. Анны первой степени, съ назначеніемъ въ должность дежурнаго генерала арміи. Императрица Екатерина II, при своемъ восшествіи на престолъ, возложила на него, въ 1762 г., орденъ св. Александра Невскаго, въ слѣдующемъ году произвела въ генералъ-поручики, а въ 1765 г., согласно выраженному имъ желанію, повелѣла присутствовать въ пятомъ московскомъ департаментѣ правительствующаго сената.

Мы не знаемъ причинъ, побудив-

шихъ сорокадвухлѣтняго Еропкина прервать свою блестящую военную карьеру, удалиться, несмотря на благоволеніе императрицы, отъ двора и поселиться въ Москвѣ. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что, по своему прямодушію и самостоятельности, онъ не хотѣлъ искать и унижаться передъ тогдашнимъ фаворитомъ Екатерины, Григоріемъ Орловымъ, который въ маленькомъ чинѣ служилъ подъ его начальствомъ въ Семилѣтнюю войну и былъ на одиннадцать лѣтъ моложе его годами. Низкопоклонство было не въ характерѣ Еропкина, и онъ не могъ раболѣпствовать передъ этимъ «случайнымъ» человѣкомъ, низкаго происхожденія, требовавшимъ отъ всѣхъ безусловнаго себѣ подчиненія и зазнавшагося даже до мечты о бракѣ съ государыней.

Переѣхавъ на жительство въ Москву, Еропкинъ сразу занялъ въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ видное положеніе, какъ по своимъ заслугамъ, такъ и по личнымъ качествамъ. Онъ и жена его, Елизавета Михайловна, рожденная Леонтьева, отличались своимъ умомъ, простотою, безъ всякой кичливости, доступностью и рѣдкой добротою. Владѣя хорошимъ состояніемъ, Еропкинъ считалъ унизительнымъ для себя увеличивать свои доходы посредствомъ откуповъ, винокуренія, поставокъ и тому подобныхъ оборотовъ, и ограничивался лишь оброкомъ съ своихъ крестьянъ, который былъ имъ установленъ всего въ два рубля съ души. Такое снисходительное отношеніе къ крѣпостнымъ поневолѣ заставляло его быть бережливымъ. Онъ одѣвался весьма скромно, вставалъ всегда въ шесть часовъ утра и начиналъ день молитвою; садясь за чай, онъ приказывалъ читать житіе святого того дня; затѣмъ шелъ гулять пѣшкомъ. Москвичи хорошо знали его и торопливо снимали шапки, завидя фигуру высокаго, худощаваго, нѣсколько сгорбленнаго, генерала, съ пріятной и привѣтливой наружностью, орлинымъ носомъ, большими проницательными глазами и напудренными волосами, спереди завитыми въ три локона (à trois marteaux, какъ говорили тогда), а сзади собранными въ небольшой пучокъ. По возвращеніи съ прогулки, подавался обѣдъ, къ которому могли являться всѣ желающіе, знакомые и незнакомые, лишь съ однимъ условіемъ: быть опрятно одѣтыми и вести себя за столомъ чинно; и сколько бы ни сѣло человѣкъ, на всѣхъ хватало и приборовъ и кушанья, не замысловатаго, но вкуснаго и свѣжаго. Послѣ обѣда Еропкинъ или ѣхалъ въ гости, или, удалившись въ свой кабинетъ, принимался за чтеніе. Не зная ни одного иностраннаго языка, онъ читалъ почти всѣ книги, печатавшіяся по-русски, хорошо помнилъ все прочитанное и часто удивлялъ своими здравыми сужденіями о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Свои выѣзды въ гости онъ любилъ обставлять нѣкоторой торжественностью. Карета всегда запрягалась цугомъ, съ форейторомъ, на запяткахъ стоялъ ливрейный лакей, а впереди ѣхалъ верхомъ егерь; подъѣхавъ къ воротамъ, егерь трубилъ въ рожокъ, давая этимъ знать о пріѣздѣ своего барина. Еропкинъ и жена его, какъ уже сказано, были необыкновенно добры и всѣ сбереженія свои употребляли на благотворительность. Особенно нѣжное сердце имѣла Елизавета Михайловна. Она не могла видѣть ничьихъ слезъ, чтобы не постараться утѣшить, и когда дѣлала кому-нибудь добро, то прежде всего требовала, чтобы это оставалось тайной. Про нее сохранился слѣдующій трогательный разсказъ.

Однажды пріѣзжаетъ къ Еропкиной сосѣдка по имѣнію и, убиваясь, со слезами разсказываетъ, что ея сына постигло несчастіе: онъ потерялъ ка-

зенныя деньги, и ему предстоитъ не только быть выгнаннымъ со службы, но и сосланнымъ въ Сибирь.

Еропкина стала сперва спрашивать:

— Да что твой сынъ, мать моя, не мотишка ли, или, можетъ статься, онъ деньги-то въ карты проигралъ?

Сосѣдка божится и клянется, и подробно объясняетъ, какъ случилась бѣда. Увѣрившись въ справедливости ея словъ, Еропкина стала ее утѣшать:

— Да ты, голубка, не плачь, помолись Богу, Богъ-то и пошлетъ невидимо. А много ли пропало у него?

— Много, матушка, много, и не выговоришь,—пять тысячъ!

— Ай-ай-ай! Эка бѣда какая, и подлинно, что не мало, легко ли сколько! Я готова тебѣ помочь, да ужь это больно много... А вотъ погоди плакать-то, обожди здѣсь меня, сама становись на молитву, а я пойду, посчитаю, увижу, чѣмъ могу тебѣ помочь.

И пошла къ себѣ. Выходитъ, немного погодя:

— Ну что, молилась ли Богу, голубка моя?

— Молилась, моя родная.

— Ну, пойдемъ же ко мнѣ.

Привела въ свою комнату и говоритъ ей:

— Положи три поклона земныхъ передъ образомъ и бери, что завернуто въ бумагу подъ образомъ, только не развертывай и не смотри, пока домой не вернешься.

Сосѣдка бросилась ей въ ноги благодарить.

— Постой, постой, выслушай, что я тебѣ скажу: поклянись передъ образомъ, слышишь, что никому не скажешь, что я тебѣ въ бѣдѣ пособила, а то начнутъ благовѣстить, что Еропкина деньги раздаетъ. Сохрани тебя Богъ, если я только узнаю, что ты про меня болтаешь, тогда ко мнѣ и на глаза не кажись.

Еропкина продержала гостью у себя весь день, и какъ той ни хотѣлось посмотрѣть, что завернуто въ бумагу,—ослушаться не смѣла. Пріѣхавъ домой, развернула—5,000 рублей! Можно представить себѣ ея радость и счастіе. Она сдержала слово, и пока Еропкина была жива, никому не разсказывала о ея поступкѣ и открыла его только послѣ ея смерти.

Проводя зиму въ Москвѣ, а лѣто въ имѣніи, въ селѣ Успенскомъ, Калужской губерніи, Еропкины были вполнѣ довольны своей тихой и покойной жизнью. Они питали другъ къ другу самую нѣжную привязанность и скорбѣли лишь о томъ, что у нихъ не было дѣтей. Чтобы наполнить пустоту, чувствовавшуюся въ домѣ, Елизавета Михайловна охотно брала осиротѣвшихъ дѣвочекъ, воспитывала ихъ и затѣмъ выдавала замужъ, награждая приданымъ. Далекій отъ всякихъ честолюбивыхъ помысловъ, Еропкинъ не желалъ ничего лучшаго и надѣялся прожить такимъ образомъ до конца своихъ дней. Но неожиданныя обстоятельства внезапно нарушили его покой и выдвинули на дѣятельность, которая прославила его имя.

II.

Весной 1770 года, русская армія, возобновляя кампанію противъ Турціи, вступила въ Молдавію и здѣсь встрѣтила врага, оказавшагося для нея гораздо болѣе опаснымъ турокъ,—чуму. Въ концѣ лѣта чума перешла русскія границы, распространилась по Малороссіи, начала появляться и на границахъ Великой Россіи, въ Сѣвскѣ и Брянскѣ. Чтобы предохранить Москву отъ заноса чумы, Московскую губернію окружили съ юга заставами и приняли обычныя карантинныя мѣры. Было предположено обнести и всю столицу палисадомъ или рогатками и запретить въ нее въѣздъ, но московскій главнокомандующій, дрях-

лый фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, воспротивился этой мѣрѣ. «Въ такомъ великомъ городѣ,—писалъ онъ императрицѣ,—столько людей, кои питаются привознымъ харчомъ, кромѣ помѣщиковъ, и тѣ получаютъ изъ своихъ деревень; товары къ портамъ везутъ черезъ Москву; всѣ мяса, рыбы и прочее, все черезъ здѣшній городъ идетъ; низовые города, Украйна, — со всѣхъ сторонъ ѣдутъ,—воспретить невозможно».

Не задерживаемая ничѣмъ, страшная гостья быстро подвигалась къ Москвѣ, и въ декабрѣ обнаружились первые случаи заболѣванія, въ Лефортовѣ, въ маломъ госпиталѣ, находившемся на Введенскихъ горахъ. Наступившій холодъ пріостановилъ развитіе эпидеміи, но въ мартѣ 1771 года, съ наступленіемъ оттепели, сдѣлалось извѣстно, что за Москвою - рѣкою, близъ Каменнаго моста, на большой суконной фабрикѣ, умираютъ люди и погребаются тайно, въ ночное время. Главнокомандующій послалъ на фабрику нѣсколькихъ врачей, которые, послѣ осмотра, удостовѣрились, что на фабрикѣ умерло 130 человѣкъ и остается больныхъ 21, и заключили, что «болѣзнь есть гніючая, прилипчивая, заразительная и очень близко подходитъ къ моровой язвѣ». Салтыковъ тотчасъ созвалъ сенаторовъ московскихъ департаментовъ, и на общемъ совѣщаніи было рѣшено фабрику закрыть, отправить больныхъ за городъ въ Угрѣшскій монастырь, а здоровыхъ перевести въ наемный домъ, за Мѣщанскую улицу, въ поле, оцѣпить его и прервать всякое съ нимъ сообщеніе. Но прежде чѣмъ это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, 2,000 фабричныхъ, узнавъ о грозившемъ имъ заключеніи, разбѣжались по всему городу и, скрываясь у родныхъ и знакомыхъ, разнесли такимъ образомъ заразу въ разные кварталы столицы. Бѣдствіе разрасталось, и московскія власти не находили средствъ бороться съ нимъ.

Императрица, озабоченная тревожными извѣстіями, получаемыми ею изъ Москвы, предложила московскому сенату рядъ мѣръ, которыми, по ея мнѣнію, возможно было остановить развитіе заразы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду старости графа Салтыкова, она сочла необходимымъ придать ему въ помощь по охраненію столицы человѣка дѣятельнаго и энергичнаго. Выборъ ея остановился на Петрѣ Дмитріевичѣ Еропкинѣ. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 25-го марта 1771 года, Еропкину, «по извѣстному его усердію къ отечеству и человѣколюбію», поручалось, «подъ главнымъ надзираніемъ графа Салтыкова», принять въ свое исключительное завѣдываніе народное здравіе въ Москвѣ и «гораздо усугубить всѣ предосторожности и попеченіе о сохраненіи столицы».

31 марта, Еропкинъ вступилъ въ исправленіе своей трудной и тяжелой обязанности. Первымъ дѣломъ его было назначеніе во всѣ четырнадцать частей города особыхъ смотрителей, взятыхъ изъ чиновниковъ разныхъ коллегій и канцелярій. Въ ихъ распоряженіи находились полицейскіе офицеры и доктора. Смотрители должны были объявить всѣмъ жителямъ своихъ участковъ, чтобы они тотчасъ же давали знать на съѣзжій дворъ о всякомъ заболѣвшемъ въ ихъ домѣ, кто бы онъ ни былъ, а особенно о тѣхъ, которые заболѣваютъ внезапно или внезапно умираютъ. Получивъ такое свѣдѣніе, смотритель отправлялся, вмѣстѣ съ докторомъ, въ указанный домъ, и если больной оказывался чумнымъ, доносилъ о томъ Еропкину, по распоряженію котораго всѣ живущіе въ одномъ домѣ съ заболѣвшимъ немедленно перевозились въ другіе покои, а больной, вмѣстѣ съ своимъ

платьемъ и со всѣмъ, что «около него въ употребленіи было», отвозился въ Угрѣшскій монастырь особыми служителями, одѣтыми въ вощаное платье; около дома ставился караулъ, никого не пропускавшій со двора, а комната, гдѣ находился больной, окуривалась можжевельникомъ. Фабричныхъ, бѣжавшихъ съ суконной фабрики, велѣно было тщательно разыскивать и водворять въ Даниловъ и Покровскій монастыри, оцѣпленные кордономъ. Въ Симоновомъ монастырѣ былъ учрежденъ главный карантинъ. Кромѣ того, Еропкинъ уговорилъ московскихъ купцовъ, а за ними и раскольниковъ, устроить на свой счетъ особые карантины и лазареты. Для погребенія умершихъ отъ язвы отведены особыя кладбища за чертой города. Во всѣхъ церквахъ священники должны были читать народу, составленныя докторами, наставленія, гдѣ излагались разныя указанія относительно эпидеміи. Работы на фабрикахъ и заводахъ были прекращены, а общественныя бани закрыты. Въ виду невозможности совершенно изолировать Москву, было рѣшено хоть отчасти запереть ее; изъ восемнадцати главныхъ заставъ, которыми обыкновенно въѣзжали въ столицу, оставлены свободными для проѣзда только семь. Особенное вниманіе было обращено на то, чтобы зараза не могла проникнуть въ Петербургъ. Съ этой цѣлью, всякое лицо, ѣхавшее изъ Москвы не только въ Петербургъ, но и въ мѣстности, лежащія по пути къ нему, пропускалось лишь послѣ освидѣтельствованія докторами и съ письменнымъ удостовѣреніемъ, что оно слѣдуетъ «изъ здоровыхъ и неприкосновенныхъ заразительной болѣзни домовъ, равно и товары или вещи, съ нимъ отправляемыя, — свободны отъ заразы». Всѣмъ же проѣзжающимъ черезъ Москву въ Петербургъ запрещено было проѣзжать черезъ московскія заставы, а велѣно было слѣдовать мимо города, особыми дорогами.

Еропкинъ проявлялъ изумительную дѣятельность. Съ утра до вечера онъ распоряжался, объѣзжалъ Москву, лично наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ предписанныхъ мѣръ, посѣщалъ карантины и лазареты, ежеминутно подвергаясь опасности заразиться. Сохранился разсказъ одного очевидца, гвардейскаго офицера, Прокудина-Горскаго, свидѣтельствующій о томъ самоотверженіи, съ которымъ Еропкинъ отдавался своему долгу въ эти тяжелые дни.

«Однажды,—разсказываетъ Прокудинъ - Горскій, — послѣ обѣда, онъ (Еропкинъ) предложилъ мнѣ прогуляться; мы сѣли въ карету четверо; я имѣлъ честь сѣсть съ нимъ рядомъ, по правую руку, а два доктора напротивъ; нѣсколько полицейскихъ верхами сопровождали насъ. Любезно было бесѣдовать съ нимъ; онъ утѣшалъ своими разговорами всякаго; ни единаго раза въ жизни моей не случалось, когда бы я съ нимъ бывалъ, чтобы не осталось въ памяти моей навсегда полезнаго, добродѣтельнаго и того, чтò сердце человѣческое услаждаетъ. Путь нашъ продолжался, какъ я послѣ увидалъ, въ Симоновъ монастырь, гдѣ былъ главный карантинъ. Гдѣ мы проѣзжали по частямъ, насъ встрѣчали частные пристава для полученія отъ него какихъ-либо словесныхъ приказаній. Наконецъ, мы достигли златоглавыхъ, готическихъ башенъ Симонова монастыря. Еропкинъ выходитъ изъ кареты поспѣшнымъ образомъ, идетъ напередъ, хватается за желѣзное кольцо у калитки и отворяетъ ее. Доктора бросаются къ нему со словами:

«— Что вы дѣлаете? Металлъ сей можетъ умертвить васъ. (Ибо черезъ эту калитку провождались зараженные больные и брались за нее.)

«— Господа!—отвѣчалъ онъ съ тою же пріятностью, которую всегда сохранялъ на лицѣ своемъ, — пожалуйста, будьте покойны. Билетъ на мою кончину еще не вышелъ. Выполняйте свою должность, порученную вамъ отъ государыни императрицы.

«Сказавъ это, шествуетъ въ симоновскія стѣны, нимало не останавливаясь, скорымъ шагомъ, куда и я съ трепетомъ ему послѣдовалъ. По его приказанію, являются пристава, доктора, лѣкари, раскладываютъ огни и выводятъ зараженныхъ язвою, съ коими онъ разговариваетъ черезъ огонь, спрашиваетъ, все ли положенное они получаютъ. Они его благодарятъ. Потомъ направляетъ шествіе свое къ другимъ казармамъ, въ тѣхъ же симоновскихъ стѣнахъ устроеннымъ, гдѣ не такъ опасно больные и подающіе надежду на выздоровленіе, вопрошаетъ ихъ о нуждахъ, о пищѣ и одеждѣ. Они также благодарятъ его, какъ отца, а не командира. Возвращаясь обратно и отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе отъ сего ужаснаго мѣста, гдѣ все дышало смертью, обращаетъ взоръ свой съ обыкновенною любезностью на меня и, улыбаясь, говоритъ:

«— Вы, мнѣ кажется, робѣли?

«— Великій мужъ! — отвѣтствую я, — я подъ созвѣздіемъ героевъ не родился и дивлюсь великой душѣ твоей».

Еропкинъ дѣлалъ все, что могъ, для спасенія Москвы, но онъ не былъ въ состояніи перевоспитать народъ, вселить въ него сознательное отношеніе къ общему дѣлу и желаніе помогать правительственнымъ распоряженіямъ, безъ чего послѣднія не могли имѣть успѣха. Точно такъ же онъ не въ силахъ былъ создать для исполненія своихъ мѣропріятій и надзора за ними людей самоотверженныхъ, способныхъ, честныхъ, которые не позволяли бы себѣ злоупотребленій, не пользовались бы общимъ несчастіемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Жители Москвы не столько боялись чумы, сколько карантиновъ и больницъ, и потому скрывали больныхъ, не объявляя о нихъ властямъ. Одни не хотѣли отрѣшиться отъ христіанскаго обычая, обмывали своихъ покойниковъ, цѣловали ихъ «послѣднимъ цѣлованіемъ», провожали до могилы и заражались. Другіе, оставляя заболѣвшихъ въ домахъ, безъ помощи и попеченія, сами разбѣгались, разнося съ собою заразу. Третьи скрытно выносили изъ домовъ мертвыхъ и бросали ихъ на улицахъ для того, чтобы не лишиться зараженныхъ вещей и не подвергаться осмотру. Четвертые тайно закапывали покойниковъ въ садахъ и огородахъ, распространяя кругомъ трупные міазмы. Богатые люди спѣшили покинуть зараженный городъ и бросали на произволъ судьбы свою многочисленную челядь, безъ всякихъ средствъ къ прокормленію, вслѣдствіе чего всюду начались грабежи.

Зараза развивалась неудержимо. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, не полнымъ и случайнымъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ умерло въ Москвѣ отъ чумы 778 человѣкъ; въ маѣ — 880; въ іюнѣ — 1,099; въ іюлѣ—1,708; въ августѣ — 7,268, а въ сентябрѣ смертность достигла громадной цифры: ежедневно умирало до 900 человѣкъ. «Каждое утро,—пишетъ одинъ очевидецъ,—фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе поднимали на улицахъ, клали въ телѣгу и везли за городъ; у кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и безобразно мотается; человѣкъ по двадцать взваливали на телѣгу». Но скоро уже некому было вывозить и подбирать трупы: полицейскіе и фурманщики почти всѣ сдѣлались жертвами заразы; при-

шлось обратиться къ помощи преступниковъ и каторжниковъ, находившихся въ московскихъ тюрьмахъ. Для этихъ страшныхъ «мортусовъ» были отведены особые дома при каждой части, гдѣ они и содержались подъ карауломъ, получая все необходимое отъ казны и имѣя въ своемъ распоряженіи особую упряжь, лошадей, носилки и крючья для захватыванія труповъ, а также смоленую и вощаную одежду, маски и рукавицы.

Наконецъ, чума посѣтила и домъ Еропкина. Иначе и быть не могло, потому что, — говоритъ современное свидѣтельство—«не только домъ его и покои ежечасно наполнены были разнаго званія, а особливо подчиненными ему людьми, изъ всѣхъ опасныхъ мѣстъ приходящими и отъ него различныхъ приказаній требующими, но и самъ онъ своею особою часто во всѣ мѣста, гдѣ самая видимая опасность настала, не оставлялъ пріѣзжать, дабы тѣмъ унылыхъ и отчаянныхъ жителей ободрить и узнать, все ли по его учрежденію исполняется». Зараза появилась сперва между его вѣстовыми солдатами и писарями, а затѣмъ перешла на прислугу, такъ что въ домѣ умерло разомъ семь человѣкъ. Неизвѣстно, поколебало ли это обстоятельство мужество Еропкина, или онъ созналъ всю безплодность своей борьбы съ эпидеміей, но только онъ рѣшился просить объ увольненіи отъ возложенныхъ на него обязанностей.

14 сентября, старикъ Салтыковъ отправилъ императрицѣ слѣдующее отчаянное донесеніе: «Болѣзнь уже такъ умножилась, и день-ото-дня усиливается, что никакого способу не остается оную прекратить, кромѣ чтобъ всякъ старался себя охранить. Мретъ въ Москвѣ въ сутки до 900 человѣкъ, выключая тѣхъ, коихъ тайно хоронятъ, и все отъ страха карантиновъ, да и по улицамъ находятъ мертвыхъ тѣлъ по 60 и болѣе. Изъ Москвы множество народа подлаго побѣжало, особливо хлѣбники, калачники, маркитанты, квасники и всѣ, кои съѣстными припасами торгуютъ, и прочіе мастеровые; съ нуждою можно что купить съѣстное; работъ нѣтъ, хлѣбныхъ магазиновъ нѣтъ; дворянство все выѣхало по деревнямъ. Генералъ-поручикъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ старается и трудится неусыпно оное зло прекратить, но всѣ труды его тщетны; у него въ домѣ человѣкъ его заразился, о чемъ онъ меня просилъ, чтобъ донесть Вашему Величеству и испросить милостиваго увольненія отъ сей коммиссіи. У меня въ канцеляріи также заразились, кромѣ что кругомъ меня во всѣхъ домахъ мрутъ, и я заперъ свои ворота и сижу одинъ, опасаясь и себѣ несчастья. Я всячески генералъ-поручику Еропкину помогаю, да тутъ и помочь нечѣмъ: команда вся раскомандирована, въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ дѣла остановились и вездѣ приказные служители заражаются. Пріемлю смѣлость просить мнѣ дозволить на сіе злое время отлучиться, пока оное, по наступающему холодному времени, можетъ утихнуть. И коммиссія генералъ-поручика Еропкина нынѣ лишняя и больше вреда дѣлаетъ, и всѣ тѣ частные смотрители, посылая отъ себя и сами ѣздя, болѣе болѣзнь развозятъ».

Отправивъ это донесеніе и не дождаясь на него отвѣта, Салтыковъ въ тотъ же день уѣхалъ въ подмосковную. Такимъ образомъ, Еропкинъ остался единственнымъ представителемъ власти въ Москвѣ, среди населенія которой, объятаго страхомъ и ужасомъ, начало проявляться, — какъ говоритъ офиціальный документъ того времени,—«неудовольствіе, роптаніе, отчаяніе». Надо было ожидать взрыва, и поводъ къ нему не замедлилъ представиться.

III.

Архіепископъ московскій Амвросій Зертышъ-Каменскій не пользовался расположеніемъ своей паствы. Причина этого заключалась въ его малорусскомъ происхожденіи и необычайной строгости, съ которой онъ наблюдалъ не только за внѣшнимъ, но и за духовнымъ приличіемъ церкви и духовенства. Послѣднее само разжигало въ народѣ непріязнь къ архіепископу, озлобленное отмѣной и запрещеніемъ стариннаго обычая церковнаго наемничества, состоявшаго въ томъ, что всѣ безмѣстные священники могли каждое утро собираться у Спасскихъ воротъ, какъ на базаръ, и ожидать, чтобы кто-нибудь нанялъ ихъ на этотъ день служить обѣдню, отправлять панихиду, пѣть молебенъ и т. п. Распоряженія Амвросія во время чумы еще болѣе усилили общую ненависть къ нему. Онъ приказалъ священникамъ исповѣдывать и причащать больныхъ, не прикасаясь къ нимъ, а черезъ двери и окна; при крещеніи дѣтей не брать ихъ въ руки и не погружать въ воду, а поручать это повивальнымъ бабкамъ; не отпѣвать умершихъ, ни на дому, ни въ церквахъ, и даже не возить ихъ въ церковь, а отправлять прямо на кладбище. Затѣмъ, когда священники начали ежедневно служить въ своихъ приходахъ молебны о прекращеніи эпидеміи и совершать крестные ходы, способствуя тѣмъ скопленію народа въ церквахъ, на площадяхъ и улицахъ, и невольно помогая заразѣ, вмѣстѣ съ зараженными, переходить изъ одного конца города въ другой, Амвросій запретилъ и эти сборища. Священники были недовольны, потерявъ свои доходы, а прихожане роптали потому, что лишились, — какъ они думали,— духовнаго утѣшенія.

У Варварскихъ воротъ, въ Кремлѣ, на стѣнѣ, давно уже находился старинный образъ Боголюбской Божіей Матери, до сихъ поръ не привлекавшій къ себѣ особеннаго почитанія. Вдругъ, неизвѣстно почему (есть указаніе, что это было сдѣлано, по наущенію попа церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ), какой-то фабричный сталъ разглашать о будто бы видѣнномъ имъ чудѣ. Онъ разсказывалъ, что во снѣ ему явилась Богородица и объявила, что такъ какъ находящемуся у Варварскихъ воротъ образу ея никто, въ теченіе 30 лѣтъ, не пѣлъ молебна и не ставилъ свѣчи, то Господь хотѣлъ было за это послать на Москву каменный дождь, но она, Богородица, умолила Его сжалиться надъ Москвой и послать на нее трехмѣсячный моръ. Помѣстившись у Варварскихъ воротъ, фабричный повторялъ всѣмъ проходившимъ свой сонъ и взывалъ: «порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу!» Вѣсть о необычайномъ снѣ фабричнаго быстро облетѣла городъ. Все повалило къ Варварскимъ воротамъ — больные и здоровые, женщины и дѣти. Священники, руководимые корыстолюбіемъ и пренебрегая запретомъ архіепископа, бросились въ Кремль, разставили у воротъ аналои, и пошло молебствіе отъ ранняго утра до поздней ночи! «Это было не богомоліе, а торжище», — поясняетъ современникъ. Такъ какъ икона помѣщалась высоко надъ воротами, то, чтобы ставить ей свѣчи, народъ подмостилъ въ воротахъ лѣстницу и совершенно загородилъ проходъ и проѣздъ. Для сбора приношеній иконѣ притащили сундукъ, который скоро наполнился мѣдными и серебряными монетами.

Амвросій, узнавъ о происходившемъ у Варварскихъ воротъ, поѣхалъ къ Еропкину и просилъ его помощи для прекращенія соблазна. Онъ хотѣлъ снять икону и отобрать собранныя

деньги. Еропкинъ нашелъ не безопаснымъ снимать икону въ такое смутное время и совѣтовалъ лишь запечатать сундукъ и перенести его въ безопасное отъ расхищенія мѣсто. Рано утромъ, 15 сентября, по распоряженію Амвросія, архіерейскій подьячій, въ сопровожденіи унтеръ-офицера и шести солдатъ, явился къ Варварскимъ воротамъ, чтобы приложить къ сундуку консисторскую печать. Толпа, увидя это, пришла въ волненіе. Кто-то обратился къ ней со словами: «архіерей не оказалъ ни одного раза должнаго почтенія Божіей Матери съ служеніемъ по своему чину, а какъ свѣдалъ, что можетъ взять тысячу рублей, которые доброхотные датели, изъ послѣдняго имѣнія своего, сложили, то уже взять деньги безъ всякихъ замедлительствъ готовъ. Онъ безбожникъ, его надо убить передъ этимъ самымъ образомъ!» Возбужденная такими словами толпа бросилась на подьячаго и солдатъ и начала ихъ бить. Произошла свалка. «Богородицу грабятъ! Богородицу грабятъ!»—раздались крики. Въ ближайшей церкви ударили въ набатъ; его подхватили въ другихъ церквахъ, и скоро набатъ загудѣлъ по всей Москвѣ. Народъ, и безъ того наэлектризованный страшными сценами чумнаго времени, двинулся со всѣхъ сторонъ къ Варварскимъ воротамъ, вооружаясь дорогой чѣмъ попало—дубинами, кольями, топорами, камнями и т. п. Расправившись съ солдатами, толпа, подстрекаемая разными темными личностями, убѣждавшими ее «постоять за Мать Пресвятую Богородицу», направилась къ Чудову монастырю, гдѣ жилъ Амвросій. Предупрежденный послушникомъ, прибѣжавшимъ отъ Варварскихъ воротъ, архіепископъ поспѣшилъ уѣхать въ Донской монастырь и рѣшился ожидать здѣсь конца начавшагося въ городѣ волненія. Чернь, ворвавшись въ Чудовъ монастырь и не найдя Амвросія, принялась грабить: «Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ,—говоритъ очевидецъ, — было похищаемо, разоряемо и до основанія истребляемо. Верхнія и нижнія архіерейскія кельи, экономическія, консисторскія и всѣ монашескія, также казенная палата, со всѣмъ, что въ нихъ было, разграблены; окна, двери, печи и вся мебель разбиты и разломаны; библіотека, картины, портреты, образа, даже одѣянія съ престола въ архіерейской церкви, сосуды, утварь и самый антиминсъ, въ лоскутки изорваны и ногами потоптаны. Наконецъ, были разбиты чудовскіе погреба, отдаваемые купцу Птицыну въ наемъ подъ винные склады, и тогда всѣ, мужчины и женщины, предались пьянству. Цѣлыя сутки былъ грабленъ и расхищаемъ Чудовъ!»

Московскій оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ пытался уговорить толпу разойтись, но ему отвѣчали, что народъ рѣшилъ «стоять за Мать Пресвятую Богородицу до послѣдняго издыханія». Бахметевъ поѣхалъ съ донесеніемъ къ Еропкину. Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакой военной силы, такъ какъ Великолуцкій полкъ, квартировавшій въ Москвѣ, былъ выведенъ, по приказанію Салтыкова, для предохраненія отъ чумы, за 30 верстъ, Еропкинъ поневолѣ ограничился отвѣтомъ: «дѣлайте все то, что предусмотрите къ лучшему, а я вамъ ни команды, ни способовъ дать не могу».

Между тѣмъ, чернь, ничѣмъ не сдерживаемая, пьянствовала весь вечеръ и ночь. Утромъ, 16-го числа, кому-то удалось вывѣдать, что архіепископъ скрывается въ Донскомъ монастырѣ, и толпа двинулась туда съ криками и проклятіями. Предупрежденный и на этотъ разъ, Амвросій намѣревался, переодѣвшись въ простое платье, спа-

стись за городъ; но пока закладывали кибитку и онъ переодѣвался, толпа уже прибѣжала къ монастырю и стала ломать ворота. Тогда Амвросій пошелъ въ церковь, гдѣ шла литургія. Приводимъ разсказъ очевидца (племянника Амвросія, Н. Н. Бантыша-Каменскаго) о потрясающей драмѣ, которая произошла затѣмъ.

«Разсѣявшаяся по монастырю чернь, состоявшая изъ дворовыхъ людей, фабричныхъ и разночинцевъ, имѣла въ рукахъ рогатины, топоры и всякія убійственныя орудія, искала вездѣ архіерея. Всѣхъ, кто имъ ни попадался, били, домогаясь узнать, гдѣ онъ скрылся, и, наконецъ, свѣдавъ, что владыка находится въ церкви, ворвались въ оную, ожидая конца обѣдни. Преосвященный, увидавъ изъ алтаря, что народъ, съ орудіемъ и дрекольемъ, вошелъ въ церковь, — приблизился къ престолу Божію, преклонилъ колѣна передъ онымъ и, воздѣвъ къ жертвеннику руки, со слезами произнесъ сію молитву: «Господи! остави имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ, не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленія ихъ: и якоже смертію Іоны укротилось волненіе моря, такъ смертію моею да укротится нынѣ волненіе сего свирѣпствующаго народа». Послѣ сего исповѣдался онъ у служащаго священника и, пріобщившись Святыхъ Тайнъ, скрылся на хорахъ, позади иконостаса, въ алтарѣ находящагося. Мятежники, не дождавшись конца обѣдни, ворвались въ алтарь и начали вездѣ тамъ искать свою жертву. Упоенные буйствомъ суевѣрія, ничего не пощадили они въ своемъ изступленіи,—самая святыня, престолъ, на коемъ приносится чистѣйшая Господу жертва, былъ опрокинутъ нечестивыми ихъ руками. Вездѣ злодѣи искали служителя Божія и нигдѣ его не находили. Уже готовились они выйти изъ алтаря, какъ вдругъ одинъ мальчикъ, примѣтивъ вверху полу платья несчастнаго преосвященнаго, закричалъ: «Сюда! Архіерей на хорахъ!» При сей вѣсти убійцы съ радостными восклицаніями кинулись въ то мѣсто, гдѣ укрывался злополучный Амвросій! Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ порочныхъ и виновныхъ людей, а тогда безвинный архіерей и пастырь вытащенъ былъ отъ своихъ овецъ на закланіе. Изверги рода человѣческаго, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а особливо церковь кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія ворота, гдѣ колокольня. Тамъ, у самой рогатки, начали они ему сперва дѣлать вопросы: зачѣмъ не ходилъ съ попами въ ходахъ и молебствіяхъ? для чего велѣлъ запечатать бани? учредилъ карантины, запретилъ хоронить мертвыхъ при церквахъ? и т. д. Преосвященный отвѣтствовалъ на всѣ сіи вопросы голосомъ, исполненнымъ твердости и рѣшимости, представлялъ имъ, что не онъ одинъ, а само правительство, принимая таковыя, непріятныя для нихъ мѣры, дѣйствовало по онымъ для собственной ихъ безопасности, отечески увѣщавая ихъ, дабы они повиновались предержащимъ властямъ, съ терпѣніемъ сносили предстоящія имъ бѣды, въ упованіи на милосердіе Божіе. Однимъ словомъ, говорилъ имъ съ столь убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, что самые злѣйшіе изъ окружавшихъ его злодѣевъ были онымъ до глубины сердца тронуты. Уже колебались они въ томъ, что надлежало имъ тогда дѣлать; не знали, оставить ли имъ невиннаго пастыря и съ раскаяніемъ удалиться отъ него, или остаться при немъ еще на нѣкоторое время для изъявленія ему онаго и полученія въ винѣ своей прощенія. Въ то время, какъ происходила въ нихъ подобная борьба чувствъ, и грѣшники готовы были обратиться на путь истинный,

одинъ злодѣй, дворовый г. Раевскаго человѣкъ, Василій Андреевъ, въ изступленіи отъ вина, прибѣжалъ изъ сосѣдняго къ монастырю кабака и, усмотря такую въ народѣ нерѣшимость, бросился на невиннаго пастыря со словами: «Чего глядите вы на него? Развѣ не знаете, что онъ колдунъ и васъ морочитъ!» Сказавъ сіи слова, онъ первый ударяетъ страдальца коломъ въ лѣвую щеку и повергаетъ на землю. Тогда изверги забываютъ свое раскаяніе и кидаются также на него. Ни санъ архіерейскій, ни сѣдины, ни заслуги, ни добродѣтельная жизнь Амвросія не могли удержать рукъ ихъ отъ кровопролитія. Они мучительнымъ образомъ били и терзали его до тѣхъ поръ, пока увидѣли умершаго. До послѣдняго издыханія Амвросія произносимо было устами его Имя Сына Божія, Которому онъ, вручивъ духъ свой, спустя четверть часа скончался».

Когда Еропкину дали знать о страдальческой смерти Амвросія, онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Подчиняясь охватившему его негодованію, въ порывѣ своего отважнаго характера, онъ рѣшается ѣхать къ бунтовщикамъ, надѣясь грознымъ и властнымъ словомъ образумить ихъ и вернуть къ повиновенію. Приказавъ подать себѣ лошадь, онъ поспѣшно надѣваетъ мундиръ, шпагу и шляпу. Внезапное рѣшеніе мужа привело Елизавету Михайловну въ ужасъ. Сознавая всю опасность, которой добровольно подвергаетъ себя любимый человѣкъ, и пытаясь его удержать, она бросается къ нему съ словами:

— Петръ Дмитріевичъ! Куда ты ѣдешь? Тебя убьютъ!

— Оставь меня, не удерживай! — отвѣчалъ онъ. — Знаешь ли ты, что архіерей убитъ и Москва гибнетъ! Въ такую минуту я не могу и не долженъ думать о моей жизни!

Сказавъ это, Еропкинъ торопливо накидываетъ на себя плащъ и начинаетъ спускаться съ лѣстницы. Къ счастью, на подъѣздѣ онъ встрѣчается съ своимъ другомъ, членомъ Соляной конторы, А. А. Мосоловымъ, который, узнавъ о бунтѣ и безпокоясь о Еропкинѣ, пріѣхалъ его навѣстить. Горячія убѣжденія Мосолова не рисковать безцѣльно жизнью, столь нужною Москвѣ именно въ такія тяжелыя минуты, подѣйствовали на Еропкина. Онъ вернулся и тотчасъ же велѣлъ своимъ вѣстовымъ взять на конюшнѣ лошадей и скакать въ ближайшія части съ приказаніемъ, чтобы всѣ солдаты, какіе тамъ находились, не медля ни минуты, явились къ нему. Часа черезъ два, около его дома собралось 130 человѣкъ съ двумя пушками. Съ этимъ сборнымъ и ничтожнымъ отрядомъ Еропкинъ двинулся къ Кремлю, куда мятежники снова вернулись. По дорогѣ онъ захватилъ священника съ крестомъ и заставилъ идти съ собою. При входѣ въ Кремль, черезъ Боровицкія ворота, отрядъ былъ встрѣченъ толпой съ дубьемъ и камнями. Еропкинъ послалъ оберъ-коменданта, князя Грузинскаго, увѣщать бунтовщиковъ; ему отвѣчали бранью и кирпичами, и чуть не убили. Тогда Еропкинъ выѣхалъ самъ впередъ, но и его осыпали палками и каменьями, ранивъ въ двухъ мѣстахъ. Видя, что увѣщаніями не поможешь, Еропкинъ велѣлъ сдѣлать залпъ изъ пушекъ и ружей. До сотни мятежниковъ легло на мѣстѣ, остальные обратились въ бѣгство; но солдаты успѣли отрѣзать и захватить 250 человѣкъ. Очистивъ Кремль отъ толпы, разставивъ въ разныхъ мѣстахъ караулы и сдѣлавъ необходимыя распоряженія на случай возобновленія безпорядковъ, Еропкинъ вернулся домой, истомленный нравственно и физически, въ сильнѣйшей лихорадкѣ, и слегъ въ постель. Вечеромъ въ Москву пріѣхалъ графъ Салтыковъ, увѣдо-

мленный Еропкинымъ обо всемъ эстафетой. Одновременно съ нимъ вступилъ въ городъ и Великолуцкій полкъ, получившій приказаніе прибыть на подводахъ. На другой день, 17-го числа, на разсвѣтѣ, толпы народа опять начали ломиться въ Кремль, въ Спасскія ворота, требуя, чтобы имъ отдали всѣхъ товарищей, захваченныхъ наканунѣ, чтобы бани были распечатаны, карантины уничтожены и лѣкаря уволены. Вслѣдствіе болѣзни Еропкина, Салтыковъ поручилъ начальство надъ Великолуцкимъ полкомъ оберъ-полицеймейстеру Бахметеву и приказалъ ему идти противъ мятежниковъ. Бахметевъ, окруживъ ихъ съ трехъ сторонъ и выстроивъ полкъ въ боевомъ порядкѣ, обратился къ нимъ со словами: «Расходитесь по домамъ, въ противномъ случаѣ всѣ безъ милосердія побиты будете!» Видя передъ собою внушительную военную силу, народъ повиновался, и черезъ нѣсколько минутъ Кремль и прилегающія къ нему мѣстности опустѣли. Такимъ образомъ бунтъ былъ усмиренъ.

Еще раньше, чѣмъ вѣсть о московскомъ бунтѣ и убійствѣ Амвросія дошла до императрицы, она рѣшила послать въ Москву довѣренное лицо съ широкими полномочіями. Выборъ ея остановился на самомъ близкомъ къ ней человѣкѣ,—графѣ Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ. Въ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, Орлову предоставлялась неограниченная власть «поступать во всемъ такъ, какъ общее благо того требовать будетъ, отмѣнять то изъ сдѣланныхъ учрежденій, что ему казаться будетъ не вмѣстно или не полезно, и устанавливать все, что онъ найдетъ поспѣшительнымъ къ общему благу». При этомъ повелѣвалось «не токмо всѣмъ и каждому его слушать и вспомогать, но и всѣмъ начальникамъ быть подъ его повелѣніемъ». Одновременно съ назначеніемъ Орлова, фельдмаршалъ графъ Салтыковъ былъ уволенъ «отъ всѣхъ дѣлъ».

Орловъ пріѣхалъ въ Москву 26 сентября, въ сопровожденіи большой свиты, гвардейскихъ офицеровъ и команды отъ четырехъ полковъ гвардіи, и немедленно вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Еропкинъ не счелъ для себя возможнымъ находиться въ подчиненіи у Орлова и подалъ въ отставку.

«Петръ Дмитріевичъ! — отвѣчала ему Екатерина 5 ноября,—подписавъ, по вашему желанію, приложенный указъ о вашемъ увольненіи, посылаю его вамъ, дабы вы его объявили тогда, когда заблагоразсудится, что всегда будетъ для службы рано; видя ревность вашу, нельзя чтобъ я думала иначе».

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, Еропкинъ получилъ слѣдующій рескриптъ: «Патріотическая ревность и мужественный духъ, съ которымъ вы столь храбро и благоразумно защитили столицу нашу отъ бѣдственнаго невѣждъ и пустосвятовъ возмущенія, удостоиваютъ васъ предъ нами особливаго нашего къ вамъ благоволенія и признанія, въ доказательство чего мы съ удовольствіемъ всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ нашего перваго ордена святого Андрея Первозваннаго, знаки коего здѣсь включаются съ Высочайшимъ отъ насъ изволеніемъ, чтобы вы оные, сами на себя возложа, носили, и мы твердо надѣемся, что сія вамъ наша знаменитая отличность будетъ служить новымъ подвигомъ въ дѣлахъ патріотическихъ».

Такіе знаки вниманія, расположенія и признанія заслугъ со стороны государыни, побудили Еропкина не предъявлять своей отставки; но, тѣмъ не менѣе, онъ уклонился отъ всякаго участія въ дѣлахъ и лишь изрѣдка посѣщалъ сенатъ. Въ 1773 году, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тай-

ные совѣтники, что чрезвычайно его огорчило, и онъ выразился въ письмѣ къ императрицѣ, что «желалъ бы кончить жизнь свою въ чинѣ генералъ-поручика, пріобрѣтенномъ имъ въ тридцатисемилѣтнее служеніе въ воинскихъ чинахъ». Однако, просьба его почему-то не была уважена, и тогда онъ объявилъ въ сенатѣ состоявшійся въ 1771 году указъ объ увольненіи его отъ службы.

Двѣнадцать лѣтъ прожилъ Еропкинъ частнымъ человѣкомъ. Общее уваженіе и популярность, которыми онъ пользовался въ Москвѣ, побудили Екатерину въ 1786 году, по увольненіи отъ должности московскаго главнокомандующаго графа Брюса, предложить этотъ постъ Еропкину съ переименованіемъ его въ генералъ-аншефы. Еропкинъ съ радостью согласился на такое высокое назначеніе и съ обычной энергіей отдался новымъ обязанностямъ, открывавшимъ широкій просторъ его желанію принести пользу тому городу, который онъ, съ своей стороны, горячо любилъ. Сдѣлавшись главнокомандующимъ столицы, Еропкинъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего скромнаго образа жизни и даже не переѣхалъ въ казенный домъ, а остался въ своемъ, на Остоженкѣ. «Управляя Москвою, — говоритъ его біографъ, Прокудинъ-Горскій, — старался онъ быть, по обыкновенію своему, ласковъ и привѣтливъ ко всѣмъ; установлены были отъ него положенные дни, и не только благородные люди, но и всякаго званія жители Москвы были допускаемы съ ихъ просьбами, даже крестьянинъ всякій въ назначенное время его видѣлъ, и печально ни одинъ человѣкъ отъ него не возвращался; а какъ домъ его былъ не пространенъ, то онъ выходилъ выслушивать просьбы низкихъ людей на лѣстницу, и, выслушивая терпѣливо оныя, давалъ скоро рѣшительныя и согласныя съ закономъ резолюціи». Вообще, доступность Еропкина, его ласковое обращеніе со всѣми, готовность помочь нуждающемуся, настойчивое наблюденіе за правильнымъ и скорымъ теченіемъ дѣлъ и заботы о благоустройствѣ столицы усилили еще болѣе его популярность и снискали ему расположеніе Екатерины, которая постоянно вела съ нимъ самую дружескую переписку. Въ воспоминаніяхъ Д. Благово приведены два разсказа, прекрасно характеризующіе личность Еропкина.

Въ одно изъ посѣщеній Екатериною Москвы, онъ давалъ въ честь ея праздникъ у себя въ домѣ. Государыня, крайне довольная всѣмъ видѣннымъ ею, спросила его:

— Что я могу для васъ сдѣлать? Я желала бы васъ наградить.

— Матушка государыня, — отвѣчалъ Еропкинъ, — я доволенъ твоими богатыми милостями и награжденъ не по заслугамъ: андреевскій кавалеръ и начальникъ столицы. Заслуживаю ли я это?

— Вы ничего не берете на угощеніе Москвы, а между тѣмъ, я знаю, у васъ открытый столъ. Не задолжали ли вы? Я заплачу ваши долги.

— Нѣтъ, государыня, я тяну ножки по одежкѣ, долговъ у меня нѣтъ, а что имѣю, тѣмъ угощаю, милости просимъ кому угодно моего хлѣба-соли откушать. Да и статочное ли дѣло, матушка, мы будемъ должать, а ты станешь за насъ платить. Нѣтъ, это не приходится такъ.

Екатерина пожаловала ему орденъ св. Владиміра первой степени, а женѣ его—орденъ св. Екатерины.

Еропкинъ былъ очень друженъ съ сенаторомъ Собакинымъ, очень богатымъ человѣкомъ, который питалъ къ нему безграничную привязанность. Собакинъ не имѣлъ дѣтей, и все его имѣніе долженъ былъ наслѣдовать родной

племянникъ. За что-то Собакинъ разсердился на племянника и, рѣшивъ лишить его наслѣдства, пріѣхалъ къ Еропкину.

— Я, братецъ мой, къ тебѣ съ просьбой. Ты знаешь, какъ я тебя люблю; дѣтей у меня нѣтъ, и я желаю отдать тебѣ все свое имѣніе.

— А твой племянникъ? — спросилъ Еропкинъ.

— Мерзавецъ, мотъ, только и ждетъ моей смерти. Ничего ему не оставлю.

— Ну, какъ хочешь, а я не приму; у меня тоже нѣтъ дѣтей.

— Такъ ты, стало-быть, отказываешься?

— Отказываюсь.

— Ну, хорошо; жаль, я думалъ о тебѣ иначе.

Собакинъ уѣхалъ недовольный. Послѣ его отъѣзда Еропкинъ подумалъ: «глупо я сдѣлалъ, что отказался; онъ, пожалуй, кому-нибудь другому отдастъ, и тогда племянникъ взаправду всего лишится». Велѣлъ подать карету и отправился къ Собакину.

— Прости меня, что я съ тобою погорячился и не принялъ, что̀ ты мнѣ отдавалъ по дружбѣ.

— Стало-быть, теперь ты готовъ принять?

— Да, не откажусь.

— Ну, ладно, помиримся и обнимемся.

Собакинъ передалъ по купчей все имѣніе Еропкину. Когда же онъ умеръ, то Еропкинъ, объяснивъ племяннику, почему рѣшился взять имѣніе, возвратилъ его сполна законному наслѣднику.

Еропкинъ управлялъ Москвой до 1790 года, когда, какъ выразился онъ въ письмѣ къ Екатеринѣ, «ослабѣвшая память и болѣзнями истощенныя силы» вынудили его просить объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ, на что̀ императрица, съ сожалѣніемъ, согласилась, оставивъ ему получаемое жалованье. Въ 1801 году скончалась Елизавета Михайловна, и эта потеря тяжело отразилась на немъ. Онъ пересталъ совсѣмъ выѣзжать изъ дому, дѣлая исключеніе лишь для церкви, проводилъ время за чтеніемъ священныхъ книгъ и тихо угасалъ. Еропкинъ умеръ 7 февраля 1805 г. Многочисленные друзья, почитатели и облагодѣтельствованные имъ люди провожали его гробъ, оплакивая потерю этого благороднѣйшаго человѣка, который вполнѣ достоинъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди «Екатерининскихъ орловъ».

ВЪ БАШКИРСКОЙ СТЕПИ.

Ковыль цвѣтетъ. Вся степь какъ бы сѣдая.
Я ѣду вдаль... Куда ни посмотрю,—
Вездѣ просторъ безъ грани и безъ края,
И все поетъ, цвѣтетъ, благоухая,
Какъ гурію, привѣтствуя зарю.

Я опьяненъ.—Иль вижу въявѣ диво?
Иль грезитъ степь былымъ передо-мной?
Арабскій конь промчался горделиво:
То Зюлькарнейнъ ведетъ полки спесиво-
Но мирный скиѳъ отхлынулъ предъ войной.

Войска прошли. Опять игра тумана.
Чудь... Половцы... Біармія орда...
Какъ сонмы тучъ, какъ волны океана,
Колышутся обозы Тамерлана,
Звенятъ мечи, кровь льется какъ вода.

Кричатъ орлы. Зловѣщій воронъ стонетъ...
Туманъ исчезъ, и даль опять свѣтла.
Но кто тамъ вновь? Иль вѣтеръ тучу гонитъ?
Иль снова степь кого-нибудь хоронитъ?
То Русь идетъ... гудятъ колокола.

Очнулся я... Волшебствъ исчезла сила.
Передо-мной безпечно степь цвѣтетъ.
Нѣмой курганъ, безвѣстная могила...
Лишь о минувшей вольности уныло
Башкиръ-ямщикъ тоскуетъ и поетъ.

А. М. Өедоровъ.

Упадокъ или возрожденіе?

Очеркъ современныхъ теченій въ искусствѣ. **Игоря Грабаря.**

(Окончаніе.)

IV.

Природѣ рѣдко удается быть картиной.

Вистлеръ.

Парижъ и Мюнхенъ—это два художественные центра современной Европы, два города, въ которыхъ искусство срослось съ жизнью, два города, въ которыхъ живетъ столько художниковъ, что ихъ могло бы хватить съ избыткомъ на всю Европу, два города, поглощающихъ на своихъ выставкахъ добрую половину всего того, что ежегодно выбрасывается на художественный рынокъ изъ мастерскихъ Новаго и Стараго Свѣта. На эти выставки со всѣхъ концовъ отправляются цѣлые поѣзда картинъ, статуй, рисунковъ, и все видное и замѣтное находитъ себѣ здѣсь пріютъ. Выставки Парижа и Мюнхена имѣютъ очень много общаго между собой. Въ Парижѣ есть огромный «Дворецъ промышленности»,—Palais de l'Industrie,—помѣщающійся въ Елисейскихъ поляхъ; здѣсь бываетъ ежегодная выставка—*Салонъ Елисейскихъ полей*, офиціальная, поддерживаемая правительствомъ. Здѣсь ежегодно происходитъ распредѣленіе наградъ, медалей всевозможныхъ сортовъ, почетныхъ отзывовъ. Это самая большая выставка Европы.

Въ Мюнхенѣ есть тоже громадный «дворецъ», такъ-называемый «Стеклянный»—*Glaspalast*, потому что онъ весь построенъ изъ желѣза и стекла; и здѣсь каждое лѣто помѣщается такая же офиціальная, поддерживаемая правительствомъ, выставка, съ той же раздачей медалей. Это вторая по величинѣ выставка Европы.

Въ Парижѣ на ряду съ офиціальнымъ Салономъ есть салонъ частный, существующій всего лѣтъ десять и основанный группой художниковъ, отдѣлившихся—съ Мессонье во главѣ—отъ большого салона. Это *Салонъ Марсова поля*. Въ Мюнхенѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ группа художниковъ, недовольныхъ порядками, традиціями и взглядами, господствовавшими на большой выставкѣ, выдѣлилась изъ состава ея членовъ и—съ Дилемъ и Штукомъ во главѣ—основала

новое общество и новую выставку—*Сецессіонъ.* Салонъ Марсова поля и Сецессіонъ имѣютъ много общаго по своимъ задачамъ и цѣлямъ. Это двѣ самыхъ смѣлыхъ, самыхъ свободныхъ и широкихъ въ смыслѣ признанія новѣйшихъ вѣяній и теченій въ живописи выставки. Въ смыслѣ общаго уровня и интересности онѣ оставляютъ за собой далеко всѣ другія. Исключеніе составляютъ развѣ лондонская «New-Gallery» и нѣсколько небольшихъ частныхъ выставокъ Парижа, нерѣдко очень интересныхъ. Что касается большой лондонской «академической выставки», то она одна изъ самыхъ скучныхъ и мертвыхъ, какія открываются въ Европѣ за сезонъ.

Салонъ Елисейскихъ полей почти такъ же скученъ и мертвъ. Вся эта безконечная вереница залъ съ тысячами холстовъ наводитъ какую-то тоску. Невольно приходитъ въ голову мысль: для чего и для кого нужна эта масса картинъ, такихъ однообразныхъ, такихъ скучныхъ, какъ будто уже тысячу разъ гдѣ-то виданныхъ и все же черезъ годъ непремѣнно появляющихся снова здѣсь. На стѣнахъ громадныхъ залъ все еще висятъ знакомыя фигуры съ красивыми жестами, точно сорвавшіяся съ холстовъ луврской коллекціи стараго и добраго времени французской живописи; здѣсь есть еще вволю матеріала, способнаго привести въ настоящій восторгъ любителей и поклонниковъ «коричневаго соуса», асфальта, о которомъ говорилъ Золя. Что здѣсь мало новаго, оригинальнаго, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: все молодое, свѣжее, оригинальное перебралось на ту сторону Сены на Марсово поле, и тотчасъ послѣ закрытія Салона, который продолжается всего два мѣсяца, перекочевываетъ въ Мюнхенскій Сецессіонъ, открытый до начала ноября. Но что въ Елисейскихъ поляхъ особенно бросается въ глаза, такъ это масса вещей, написанныхъ даже не всегда умѣло, часто почти по-дилетантски. Мнѣ во что бы то ни стало хотѣлось добраться до причины такой странной снисходительности членовъ жюри. Оказывается, что значительная часть Салона наполнена вещами лицъ, которымъ протежируютъ разные вліятельные художники, очень часто черезъ вторыя и третьи руки; нерѣдко бываетъ достаточно войти въ кружокъ двухъ-трехъ художниковъ, имѣющихъ вѣсъ, чтобы обезпечить себѣ одинъ и даже два №№—больше двухъ не имѣетъ право выставить никто—въ каталогѣ Салона. Но есть еще одна причина такого множества слабыхъ вещей, это—традиціонное право выставлять внѣ жюри—hors concours,—которое дается послѣ нѣсколькихъ медалей, полученныхъ въ томъ же Салонѣ на прежнихъ выставкахъ. Господъ, имѣющихъ «hors concours», очень много, и они, пользуясь возможностью, ставятъ вещи, часто заставляющія художниковъ краснѣть за нихъ и за тѣхъ, которые могли когда-то присудить имъ право «hors concours». И вотъ эти послѣдніе висятъ въ Салонѣ на первомъ мѣстѣ, въ первомъ ряду; это ихъ право и преимущество. Надъ ними во второмъ ряду тянутся произведенія гг. протежируемыхъ, и уже на худшихъ мѣстахъ виднѣются имена художниковъ, не родившихся подъ счастливой звѣздой. Это обыкновенный порядокъ вещей, къ которому всѣ привыкли; но, конечно, бываютъ и исключенія.

Художественный уровень парижской публики и требованія, какія она предъявляетъ къ художественному произведенію, несравненно ниже, чѣмъ этого можно было бы ожидать отъ такого огромнаго центра, гдѣ живутъ и работаютъ тысячи художниковъ, гдѣ выставки бываютъ круглый годъ, чуть ли не ежедневно. Лучшимъ показателемъ художественнаго развитія публики обыкновенно можно считать тѣ репродукціи, фотографіи, гравюры, которыя расходятся въ публикѣ. Въ Парижѣ нѣтъ почти никакой возможности пріобрѣсти снимка съ картины автора, давно уже пользующагося крупнымъ именемъ

среди художниковъ и знатоковъ, но еще не проникшаго въ большую публику. Во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ вамъ даютъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, если вы ищете такую фотографію: «Ахъ, вамъ надо, повидимому, что-нибудь художественное; къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ничего въ этомъ родѣ, у насъ исключительно вещи для публики, для большой публики, а съ художественными вещами, вы сами понимаете, пришлось бы зубы на полку класть». Это откровенно, даже цинично, но въ то же время чрезвычайно характерно для Парижа: торговецъ самымъ несомнѣннымъ образомъ правъ. Художественная репутація создается тамъ совершенно своеобразно, и публика играетъ въ этомъ случаѣ очень пассивную и довольно забавную роль. Происходитъ это такъ. Сначала художникъ, имѣющій несчастье обладать оригинальной физіономіей, остается съ глазу-на-глазъ съ своими произведеніями гдѣ-нибудь на мансардѣ Монмартра. Его знаютъ и цѣнятъ развѣ двое-трое изъ его пріятелей, и только въ томъ случаѣ, если они не изъ слишкомъ завистливыхъ пріятелей. На этой стадіи можетъ и окончиться карьера художника; не одинъ десятокъ ихъ былъ оцѣненъ только долго спустя послѣ ихъ смерти, и это случалось въ Парижѣ чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Вторая стадія карьеры, это—извѣстность среди художниковъ. Въ это время талантливый и сильный человѣкъ можетъ десять лѣтъ появляться на выставкахъ и быть извѣстнымъ только въ средѣ своихъ собратій. Третья стадія начинается съ того момента, когда, благодаря художникамъ, его начинаетъ благосклонно замѣчать и критика, идущая въ Парижѣ въ послѣднее время за художниками и не имѣющая никакой собственной физіономіи. Исключеніе составляли, можетъ-быть, одни Гонкуры, но ни въ какомъ случаѣ не Теофиль Готье и не Вольфъ; отъ этого дѣло, впрочемъ, не проигрывало. Наконецъ, послѣдняя стадія наступаетъ тогда, когда критика успѣетъ пустить въ ходъ въ большую публику художника. Очень не многимъ удается дожить до этой стадіи, и далеко не всегда—самымъ достойнымъ: исторія Миллэ и барбизонской школы намъ это достаточно ясно доказала.

Большинство того, что было выставлено въ 1896 году въ Салонѣ Елисейскихъ полей, относится къ разряду живописи реализма; очень рѣдко попадаются вещи, въ которыхъ есть намекъ на натурализмъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы условились понимать это слово. Очень много было здѣсь и тенденціозныхъ художниковъ, среди которыхъ особенно выдѣлялся Таттегрэнъ: его колоссальная картина «Безполезные рты» оставила за собой всѣхъ реалистовъ этого оттѣнка. Это уже реализмъ Курбэ, но въ такой безобразной формѣ, какая не снилась никому изъ его самыхъ ярыхъ послѣдователей, реалистовъ идеи. Представьте себѣ долину, покрытую снѣгомъ; на заднемъ планѣ выступаютъ стѣны осажденнаго города-крѣпости, а на переднемъ—огромная толпа голодныхъ, больныхъ, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ. Это «безполезные рты», выброшенные въ критическую минуту за стѣны города; они мучаются отъ голода и стужи, и когда одинъ, не выдержавъ страшной пытки, умираетъ, то на его еще теплое, еще вздрагивающее тѣло набрасываются эти страшные люди съ блестящими глазами и вырываютъ внутренности, разрываютъ на части, чтобы утолить свой голодъ. Вотъ до чего договорился Таттегрэнъ. О живописи его лучше не говорить. «L'humanité!» Пелеза не многимъ отстала отъ «Безполезныхъ ртовъ»; здѣсь голодные и сытые противопоставлены одни другимъ съ такимъ подчеркиваніемъ, что становится обидно за художника, обладающаго несомнѣнными знаніями и талантомъ. Были въ Салонѣ и картины со всѣми оттѣнками символизма, были и прерафаэлитскія вещи, но ничего такого, на чемъ бы стоило останавливаться. Лучшими картинами выставки были пейзажи Луиджи Луара, нѣ-

сколько уже наскучившаго своей манерой писать, но все еще большого мастера,—находящагося на несомнѣнной дорогѣ Манэ,—и фризы для парижской думы (Hôtel de ville) Анри Мартэна. Послѣдній принадлежитъ къ группѣ *пуэнтилистовъ*, или—если попробовать перевести это слово на русскій языкъ — «точечниковъ». Они пишутъ точками, доказывая, что иначе писать трудно, если художникъ желаетъ передать ту вибрацію воздуха и свѣта, какая окружаетъ человѣка. Въ ихъ принципѣ — это тоже своего рода декаденты красокъ—есть много правды, и талантливые люди, въ родѣ Мартэна, главы этого направленія, создаютъ удивительныя художественныя произведенія, писанныя такими точками, короткими штришками.

Попадая изъ этого большого Салона въ Салонъ Марсова поля, вы испытываете нѣчто въ родѣ того, что испытываетъ человѣкъ, попадающій изъ какого-нибудь офиціальнаго учрежденія, гдѣ все по номерамъ и на все свои параграфы, гдѣ вы внезапно теряете присутствіе духа и говорите шопотомъ,—въ частное учрежденіе, гдѣ можно и на стулъ сѣсть, и даже громко засмѣяться. Картинъ втрое меньше, нѣтъ первыхъ и вторыхъ медалей, нѣтъ злополучныхъ ярлыковъ «hors concours», но зато здѣсь почти все интересно. Такъ какъ общій характеръ этой выставки сходенъ съ характеромъ Сецессіона и, до извѣстной степени, и Glaspalast'а, начавшаго въ послѣдніе три-четыре года соперничать съ Сецессіономъ въ свободѣ и широтѣ взглядовъ, то о нихъ удобнѣе говорить сразу, тѣмъ болѣе, что одни и тѣ же художники попадаются на двухъ, а иногда и на всѣхъ трехъ выставкахъ.

Въ послѣднее время взоры всего художественнаго міра направлены на сѣверъ Европы; сѣверяне сосредоточиваютъ на себѣ все большій и большій интересъ; единственными соперниками ихъ въ смыслѣ новизны и свѣжести является только группа американцевъ, выдвинувшихся изъ среды своихъ скучныхъ собратій и внесшихъ свою долю въ натуралистическое движеніе нашихъ дней.

Сѣверяне—это шведы, норвежцы, датчане, голландцы, шотландцы.

Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, посмотримъ, что дѣлаютъ французы, насколько они подвинули дѣло своего великаго соотечественника.

Талантливые и крупные современники Манэ, Дегасъ и Клодъ Монэ, писавшіе въ первой импрессіонистической манерѣ своего друга и «maître», смотрятъ еще нѣсколько слишкомъ «глазами», не всегда объединяя свое впечатлѣніе. Въ послѣднемъ отношеніи дальше всѣхъ пошли Карьеръ, Бенаръ, Аманжанъ, Жакъ Бланшъ. Въ своихъ портретахъ они добиваются не только внѣшняго сходства, а стараются создать произведеніе, которое давало бы возможно большую сумму художественнаго наслажденія и человѣку, никогда не видавшему изображеннаго на холстѣ лица. То они берутъ портретъ въ красивой гаммѣ тоновъ, въ гармоніи, заботясь о томъ, чтобы ни одна мелочь не нарушала ея, не кричала изъ глубины рамы; то интересуются красотой движенія, благородствомъ посадки, необыкновеннымъ свѣтомъ, ставящимъ трудную задачу, которая даетъ волшебный результатъ, если разрѣшена удачно. Дальше всѣхъ по этой послѣдней дорогѣ пошелъ Бенаръ, основатель цѣлой школы «люминистовъ» и создавшій нѣсколько образчиковъ истиннаго, высокаго искусства, къ которымъ надо отнести его удивительную обнаженную фигуру женщины, грѣющейся у камина (въ Люксембургскомъ музеѣ). Къ сожалѣнію, на ряду съ дѣйствительно художественными произведеніями у него нерѣдко попадаются вещи, гдѣ слишкомъ бросаются въ глаза задачи люминизма, въ которыхъ онъ утрируетъ впечатлѣнія, и притомъ впечатлѣнія исключительно зрительныя, совершенно не заботясь о сведеніи ихъ въ единство. Такія картины онъ выставилъ и въ Салонѣ Марсова поля въ 1896 году, и въ Салонѣ предыдущаго

года; такія же были на прошлогодней берлинской выставкѣ. Эти увлеченія въ сторону боевой дѣятельности, въ которой теперь уже нѣтъ никакой надобности, сильно умаляютъ значеніе его искусства. Во всякомъ случаѣ даже въ своихъ увлеченіяхъ онъ остается вездѣ крупнымъ талантомъ и оригинальной натурой. Жакъ Бланшъ сумѣлъ соединить грацію англійскихъ портретистовъ съ мастерствомъ француза, а умѣньемъ видѣть красиво очаровывалъ всѣхъ въ Салонѣ и Сецессіонѣ. Аманжанъ еще интереснѣе и своеобразнѣе; онъ обладаетъ необыкновенной чуткостью тона, видитъ всегда гармонично и всегда интересно. Его нѣсколько портретовъ, выставленныхъ въ Салонѣ, обращали на себя исключительное вниманіе художниковъ и показываютъ, что онъ съ каждымъ годомъ идетъ впередъ. Въ особенности удивительно пріятно и граціозно былъ взятъ портретъ дѣвушки на скамьѣ, въ сумерки, въ гармоніи сѣрыхъ и блѣдно-зеленыхъ, фисташковыхъ тоновъ. Самый сильный изъ французскихъ художниковъ этого направленія— несомнѣнно Карьеръ. Его природа какъ будто подернута какой-то нѣжно-меланхолической дымкой, онъ не любитъ сильнаго свѣта, рѣзкихъ очертаній и отдаетъ предпочтеніе тѣмъ причудливымъ, неяснымъ, полуспутаннымъ впечатлѣніямъ, какія можно наблюдать въ сумерки въ комнатѣ, куда свѣтъ и днемъ не врывается слишкомъ открыто, чтобы не нарушать этой спокойной гаммы полумрака. Его портреты напоминаютъ какъ будто сонъ, мечту, чудную, красивую грёзу. При всемъ этомъ Карьеръ огромный мастеръ, удивительный знатокъ формы, и послѣдняя не теряется никогда въ его самыхъ туманныхъ портретахъ. Лучшія вещи, имъ написанныя, это портретъ Додэ съ его дочерью, находящійся у писателя, «Maternité» Люксембургскаго музея и портретъ дамы, выставленный въ послѣднемъ Сецессіонѣ.

Любовь къ изображенію сумерекъ особенно бросается въ глаза въ современномъ искусствѣ. Въ каталогахъ послѣднихъ выставокъ слова «Crépuscule», «Dämmerung», «Shadow» попадаются такъ же часто, какъ имя св. Себастьяна въ каталогахъ собраній старыхъ венеціанцевъ. Передать эту трудно-уловимую красоту того момента, когда день еще не совсѣмъ ушелъ и ночь не успѣла вступить въ свои права, эти теряющіеся на фонѣ вечерней мглы силуэты фигуръ, деревьевъ, зданій пробуетъ каждый изъ художниковъ, идущихъ по пути широкаго натурализма. Французы первые подмѣтили эту красоту и до сихъ поръ имѣютъ мало соперниковъ въ передачѣ настроенія и впечатлѣнія, навѣваемаго сумерками. Сильнѣйшій «художникъ сумерекъ» — Казэнъ, въ послѣднее время мало выставляющій; очень талантливъ и оригиналенъ Ад. Бинэ, бывшій теперь въ Салонѣ и въ Сецессіонѣ.

Совсѣмъ особенное сочетаніе задачъ школы Манэ съ отголосками возрожденнаго идеализма представляетъ гигантская фигура Пюви де-Шаваня. Онъ пишетъ почти исключительно картины аллегорическаго содержанія, обыкновенно огромныхъ размѣровъ, носящія характеръ декоративныхъ панно. Вмѣстѣ съ Карьеромъ это, послѣ Манэ, два величайшихъ художника Франціи, два натуралиста чистѣйшей воды, хотя они не имѣютъ между собой ничего общаго на первый взглядъ. Какъ ни кажутся далекими отъ натуры тотъ и другой, въ особенности послѣдній, они подошли къ ней ближе другихъ. Пюви де-Шавань стилизуетъ свой рисунокъ и этимъ напоминаетъ Рафаэля, всегда стилизовавшаго, не довольствовавшагося натурщиками и искавшаго той красоты формы, того стиля, который ему былъ нуженъ и который онъ любилъ, боготворилъ. Въ Салонѣ была цѣлая зала, въ которой помѣщались только рисунки Пюви де-Шаваня, и здѣсь можно было видѣть, какъ на одномъ и томъ же листѣ бумаги художникъ рисуетъ фигуру такъ, какъ она была въ дѣйствительности, и тутъ же, ря-

домъ стилизуетъ ее. Такіе листки изъ альбома Рафаэля я видѣлъ въ галлереѣ Uffizi во Флоренціи и въ венеціанской академіи. Пюви де-Шаваль несомнѣнно подражатель Рафаэля, въ особенности Рафаэля ватиканскаго, Рафаэля станцъ и ложъ. Кто видѣлъ ихъ въ оригиналѣ, не можетъ въ этомъ сомнѣваться. Но въ то же время манеру видѣть краски, гармонизировать, художникъ взялъ у Веласкеза, японцевъ и Манэ. Это самое причудливое и капризное сочетаніе задачъ очень различныхъ, иногда и прямо противоположныхъ. Что Пюви де-Шаваню удалось выйти побѣдителемъ изъ такъ оригинально задуманной задачи, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: достаточно видѣть его фрески въ Hôtel de ville и въ Сорбоннѣ, чтобы признать, что это геній нашего времени. Впечатлѣніе отъ его фресокъ нельзя передать — ихъ надо только видѣть. Послѣднія фрески нынѣшняго Салона значительно слабѣе его недавнихъ произведеній. И Франція признала его, онъ «maître», онъ первый изъ избранниковъ французскаго искусства.

Изъ «сѣверянъ» первыми появились на европейскомъ горизонтѣ голландцы, съ Израэльсомъ во главѣ. Его живопись — это перенесеніе Миллэ изъ Франціи въ Голландію; Израэльсъ такъ и извѣстенъ подъ именемъ голландскаго Миллэ. Онъ художникъ по преимуществу чувства, сердца, и вся школа, созданная имъ, изображаетъ въ картинахъ, проникнутыхъ теплымъ чувствомъ, простой бытъ крестьянъ и рыбаковъ, ихъ интимную жизнь. Ихъ живописи присвоено названіе «la peinture de l'intimité» за ихъ стремленіе передать уютность, скромность, несложность голландской будничной жизни. Израэльсъ послѣдняго времени менѣе интересенъ, чѣмъ въ своихъ прежнихъ работахъ, но зато онъ создалъ школу художниковъ, давшихъ рядъ изумительныхъ перловъ этой intimité.

Послѣ голландцевъ появились датчане. Они имѣютъ съ первыми что-то общее, но разнообразнѣе и разностороннѣе ихъ. Ихъ лучшіе художники Кройеръ и Іогансенъ — это крупныя имена европейскаго искусства. Они нѣсколько жестки, но во всякомъ случаѣ отъ ихъ произведеній вѣетъ молодостью и свѣжестью впечатлѣнія. Послѣ нихъ явились шведы и норвежцы. Норвежцы еще напоминаютъ голландцевъ и датчанъ; они ищутъ настроенія, разрѣшаютъ свѣтовыя задачи (Кройеръ и норвежецъ Вереншіольдъ), но, въ то же время, они уже тоньше по живописи и обладаютъ такимъ художникомъ, какъ Фрицъ Тауловъ, одинъ изъ величайшихъ пейзажистовъ нашихъ дней. Выставляемые имъ въ послѣднее время пейзажи являются украшеніемъ выставокъ. Тауловъ лучшій знатокъ воды, и никто не можетъ съ нимъ соперничать въ передачѣ зеркальной колышущейся поверхности рѣчки или пруда, по которой бѣгутъ узоры отраженій. Его сумерки и въ особенности лунныя ночи—верхъ изящества, красоты и гармоніи. Особенно хороши были тѣ, которыя находились въ Сецессіонѣ.

Шведы больше увлекаются мастерствомъ и задачами техники. Такихъ художниковъ, какъ Сальмсонъ, Кренгеръ, Ларсонъ и принцъ Евгеній Шведскій, достаточно, чтобы сдѣлать выставку, на которую они попадаютъ, интересной. Въ особенности сильны послѣдніе два. Ларсонъ—это безпокойная, разносторонняя натура, бросающаяся отъ живописи къ скульптурѣ, отъ скульптуры къ офорту, иллюстраціямъ. Сегодня онъ пишетъ какъ маленькій Фортуни, завтра ищетъ настроенія Миллэ, еще черезъ день разрѣшаетъ свѣтовыя задачи Бенара и Кройера. У него нѣтъ никакой вполнѣ установившейся физіономіи, но на всемъ, за что онъ берется, лежитъ отпечатокъ огромнаго, хотя и не уравновѣшеннаго таланта. Его «Послѣдніе лучи»—картина, обращавшая на себя всеобщее вниманіе на прошлогодней венеціанской выставкѣ, одна изъ тѣхъ жемчужинъ, одна изъ блестокъ, которыми сверкаетъ его талантъ. Принцъ Евгеній,—художникъ исключительнаго настроенія и въ своихъ «сумеркахъ» даетъ новую ноту въ

этомъ стремленіи современнаго художника овладѣть тайной красотъ вечера.

Но самый крупный шведскій художникъ—Цорнъ. Онъ не шведъ даже, если хотите, это чистѣйшей воды французъ, со всѣмъ изяществомъ, вкусомъ послѣдняго. Это какой-то баловень судьбы, котораго природа надѣлила всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ художника-артиста. Мастерство его изумительно; его парижскіе пріятели приходятъ къ нему просто для того, чтобы смотрѣть, восторгаться, удивляться той необузданной смѣлости и увѣренности, которыя управляютъ его кистью. Это бѣшеное, стихійное мастерство, съ которымъ можно сравнить развѣ мастерство Хальса. Его талантъ гибокъ и капризенъ и потому не всегда ровенъ; на ряду съ удивительнымъ произведеніемъ, онъ можетъ дать и заурядную вещь. Въ одно и то же время на берлинской юбилейной выставкѣ висѣли «Тостъ» и «На парижскомъ бульварѣ»; это два шедевра, два произведенія изумительнаго творчества, и въ то же время въ Салонѣ и потомъ въ Сецессіонѣ появился его собственный портретъ, писанный художникомъ, и онъ несравненно ниже не только бульварной дамы, но и флорентинскаго портрета (Pitti, собраніе портретовъ художниковъ, писанныхъ ими самими). Глядя на лучшія вещи этого 36-ти-лѣтняго мастера, кажется, что онѣ написаны только вслѣдствіе каприза художника, которому доставляетъ наслажденіе браться за задачи, недоступныя другимъ; и это наслажденіе, эта художественная радость невольно передается зрителю. Кажется, нѣтъ такой трудной задачи, съ которой этотъ человѣкъ не справился бы такъ же легко, какъ легко онъ находитъ подлѣ себя темы для своихъ картинъ. Это можетъ-быть единственный его недостатокъ: онъ слишкомъ мало задумывается, слишкомъ скоро останавливается на первомъ подвернувшемся впечатлѣніи, и отсутствіе строгаго художественнаго критерія нерѣдко лишаетъ его творчество того обаянія, которое оно могло бы производить при иныхъ условіяхъ.

Но есть въ современномъ искусствѣ одинъ художникъ, котораго природа одарила еще больше, можетъ-быть, чѣмъ Цорна. Я говорю: можетъ-быть—потому что Цорнъ пишетъ всего десять лѣтъ, и какъ онъ развернется дальше, сказать трудно, а этотъ уже на склонѣ своихъ лѣтъ. Его имя Вистлеръ (James Mc. Neill Whistler). Онъ такой же мастеръ, какъ и Цорнъ; можетъ-быть его мастерство не такое бѣшеное, энергичное, нѣтъ этого горячаго темперамента мастерства, но оно строго, спокойно, величественно, сознательно и уравновѣшено. При этомъ природа надѣлила его такимъ божественнымъ даромъ видѣть краски, гармонизировать, понимать красоту формы, линіи, общаго, какого послѣ Веласкеза не было ни у кого. Кто онъ, какой народъ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ вышелъ изъ его среды? Это трудно сказать. Онъ родился въ Америкѣ (въ 1834 г.), свои дѣтскіе годы провелъ въ Россіи, гдѣ его отецъ былъ однимъ изъ инженеровъ, строившихъ николаевскую дорогу, художественное образованіе получилъ во Франціи, гдѣ написалъ свои первыя крупныя произведенія, и живетъ теперь въ Лондонѣ. Его нельзя назвать ни американцемъ, ни французомъ, ни англичаниномъ; онъ просто Вистлеръ, художникъ, создавшій цѣлую школу, продолжающую задачу, начатую Манэ. У послѣдняго еще не было такихъ знаній, не было мастерства; онъ не успѣлъ еще сказать свое послѣднее слово гармоніи и единства впечатлѣнія, и умеръ для того, чтобы оставить сказать это слово другому. Вистлеръ исполнилъ это. Въ 1865 г. его имя было въ числѣ тѣхъ отверженныхъ Салона, къ которымъ принадлежалъ и Манэ. Какъ и Манэ, онъ попалъ подъ сильное вліяніе японцевъ, и самъ неоднократно публично заявлялъ, что онъ всѣмъ обязанъ японцамъ и Веласкезу. Первые научили его видѣть, послѣдній научилъ понимать и и любить форму, любить красоту, обоб-

щать, объединять, передавать цѣльность впечатлѣнія; послѣ японцевъ онъ понялъ и гармонію Веласкеза. Гармонію онъ возводитъ въ культъ и свои картины называетъ «гармоніями», «ноктюрнами», «симфоніями»: «гармонія синяго съ золотомъ», «гармонія сѣраго и серебра», «симфонія въ бѣломъ», «arrangement желтаго съ бѣлымъ»,—вотъ его лучшія произведенія. Обыкновенно это портреты, иногда пейзажи, сумерки, ночь. Онъ рѣдко появляется на выставкахъ, а въ извѣстныхъ галлереяхъ Европы его также нельзя найти. Только въ Люксембургскомъ музеѣ въ Парижѣ виситъ его знаменитый портретъ его матери «Arrangement en noir et en gris». Въ 1895 году мнѣ удалось только въ Венеціи на выставкѣ и въ Сецессіонѣ видѣть его двѣ вещи. Въ 1894 г. на антверпенской выставкѣ было нѣсколько лучшихъ произведеній этого волшебника гармоніи и художественнаго чувства; они всѣ въ частныхъ рукахъ. Трудно сказать, что лучше, которой гармоніи или симфоніи отдать предпочтеніе.

Шотландцы—прямые ученики и послѣдователи Вистлера; у нихъ нѣтъ только его знаній, его мастерства и его вкуса. До сихъ поръ на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ ни одного соперника. Самые талантливые изъ шотландцевъ—Гэтри, Вальтонъ, Леври—разрабатываютъ тѣ же задачи гармоніи и единства впечатлѣнія. Брангвинъ, необыкновенно оригинальный художникъ, меньше другихъ прямой подражатель Вистлера, каждый годъ является съ новыми перлами своего творчества, сдѣлавшаго его необыкновенно популярнымъ среди молодого поколѣнія художниковъ. Бывшіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Салонѣ Марсова поля «Пираты» — лучшее, что онъ написалъ. Выставленная имъ въ этомъ году въ Салонѣ и потомъ въ Сецессіонѣ картина «Saint Simon Stylite» слабѣе, хотя въ ней такъ же удивительно оригинально разрѣшена задача борьбы послѣднихъ солнечныхъ лучей съ наступающими сумерками. «Мадонна» (Сецессіонъ)—красивое, гармоническое произведеніе, оставляющее чарующее впечатлѣніе. Художнику всего двадцать пять лѣтъ, и при такомъ началѣ можно многаго ожидать отъ него. Его другіе соотечественники всѣ еще очень молоды, что дало поводъ къ названію ихъ школы—«Boys of Glasgow»—гласговскіе мальчики. Понятно, почему художественный міръ Европы ждетъ отъ нихъ каждый годъ чего-нибудь новаго; однако до сихъ поръ они продолжаютъ давать то, что выставили въ первый разъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; ничего новаго пока нѣтъ, и впечатлѣніе отъ ихъ послѣдней выставки было уже значительно меньше.

Довольно близко къ шотландцамъ примыкаетъ группа американцевъ, на которыхъ Вистлеръ оказалъ свое вліяніе. Это Александеръ, Гаррисонъ, Сарджентъ, Дэннэтъ и Мэлкерсъ. Послѣдній только недавно примкнулъ къ нимъ, принадлежа до того къ группѣ американцевъ, изучавшихъ современныхъ голландцевъ (Вальтеръ Гэ и др.).

Изъ художниковъ другихъ странъ первенствуютъ итальянцы Морелли и Микетти (оба участвовали на прошлогодней венеціанской выставкѣ), — таланты первой величины и блестящіе мастера. Итальянецъ Больдини сталъ почти французомъ и живетъ въ Парижѣ. Его можно сравнить съ Ж. Бланшомъ, но у него больше мастерства; послѣднее сближаетъ его съ Цорномъ. Совсѣмъ въ сторонѣ стоитъ нѣмецкій портретистъ Ленбахъ. Когда-то реалистъ, онъ послѣ страстнаго изученія старыхъ мастеровъ, въ особенности венеціанцевъ, пришелъ къ заключенію, что надо подражать имъ. И онъ проникся настолько этимъ духомъ Тиціана, Джорджоне, Веронеза и Тинторетто, что его копіи съ нихъ нельзя отличить отъ оригинала. Онъ мало задается задачами живописи, но старые мастера научили его пониманію формы, и это одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ рисовальщиковъ нашего времени. Онъ нашелъ свой стиль въ рисункѣ. Достаточно

вспомнить про его манеру трактовать глаза. Въ Glaspalast'ѣ была въ этомъ и въ прошломъ году особая зала, исключительно посвященная произведеніямъ этого огромнаго мастера.

Цорнъ и Вистлеръ остаются двумя художниками, въ лицѣ которыхъ наше искусство достигло своего высшаго апогея. Вистлеръ издалъ нѣсколько брошюръ объ искусствѣ, къ сожалѣнію, не переведенныхъ ни на одинъ изъ языковъ материка. Его книга «The gentle art of making enemies» (London, 1892), въ которой собраны его разныя статьи по искусству и разсказана исторія его знаменитаго процесса съ Рэскиномъ, представляетъ замѣчательное литературное произведеніе, тонкое, остроумное, которое читается съ захватывающимъ интересомъ. Взгляды, высказанные здѣсь Вистлеромъ, могутъ служить апологіей современнаго искусства, и я счастливъ, что могу привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этой удивительной книги, которые какъ нельзя болѣе подходятъ для заключенія настоящаго очерка.

Вистлеръ прежде всего врагъ тенденціи въ искусствѣ и, опираясь на старыхъ мастеровъ, признаетъ искусство только какъ выраженіе идеаловъ красоты. Онъ врагъ и реализма, котораго также не знали старые мастера. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: «Природа заключаетъ въ себѣ, въ видѣ красокъ и формъ, элементы всѣхъ картинъ, какъ клавіатура содержитъ въ себѣ ноты для всякой музыкальной пьесы. Но сказать художнику, что надо брать природу такъ, какъ она есть, это—предложить піанисту сѣсть на клавіатуру. Что природа всегда права, это афоризмъ настолько же ложный, насколько общепринятый. Нѣтъ, природа очень рѣдко права, и это настолько вѣрно, что можно съ большимъ успѣхомъ утверждать, что она обыкновенно *не права*. Это значитъ, что условія, которыя должны вызвать гармонію впечатлѣнія, достойную картины въ природѣ, встрѣчаются черезчуръ рѣдко. Да, рѣдко природѣ удается быть картиной! Открыть картину въ природѣ—дѣло художника. Ему открываются ея тайны, ему ея уроки дѣлаются понемногу ясными. Онъ не обрекаетъ себя на безсмысленное воспроизведеніе этой природы, не все и не всегда въ ней прекрасно и мило, онъ находитъ въ ней указанія для своихъ собственныхъ соображеній, и такимъ образомъ природа является для него вѣчнымъ источникомъ. Она всегда къ его услугамъ и ни въ чемъ ему не отказываетъ. Сквозь мозгъ художника, какъ сквозь окончательный фильтръ, проходитъ та мысль, которую бросили въ нее боги; развить эту мысль они поручили художнику». Взглядъ на природу художника и не художника Вистлеръ опредѣляетъ такъ: «Солнце печетъ, вѣтеръ дуетъ съ востока, на небѣ ни облачка, и кругомъ все точно раскаленное желѣзо. Стеклянныя окна Хрустальнаго дворца видны со всѣхъ концовъ Лондона. Воскресные гуляки радуются прекрасному дню, а художникъ отворачиваетъ и закрываетъ глаза. Какъ мало это понимаютъ и какъ часто случайное въ природѣ считаютъ красивымъ, видно изъ того безграничнаго восторга, который ежедневно вызываетъ самый глупый закатъ солнца. Все благородство снѣговыхъ вершинъ теряется отъ рѣзкости ихъ очертаній, но радость туриста велика, если ему удается увидать на нихъ путника. Желаніе видѣть, чтобы видѣть—единственное, которое стремится удовлетворить масса; отсюда и восторгъ ея отъ подробностей. Когда же вечерній туманъ тонкой дымкой окутываетъ берегъ рѣки въ поэзію, и жалкія лачужки теряются въ сѣромъ небѣ, длинныя трубы превращаются въ стройныя колокольни, а фабрики кажутся дворцами ночи, и весь городъ точно виситъ въ небесахъ, а кругомъ насъ разстилается сказочная страна,—тогда путникъ спѣшитъ домой, и работникъ и культурный человѣкъ, мудрецъ и жуиръ, всѣ они перестаютъ понимать, потому что всѣ они перестали видѣть; а природа, которая наконецъ-то запѣла въ тонъ, поетъ свою див-

ную пѣсню только для художника, ея сына и владыки: сына—потому, что онъ ее любитъ, владыки—оттого, что онъ ее знаетъ».

По вопросу о значеніи сюжета въ художественномъ произведеніи Вистлеръ говоритъ, что, какъ музыка — поэзія звука, такъ живопись—поэзія зрѣнія, а сюжетъ не имѣетъ ничего общаго съ гармоніей звуковъ и красокъ. Всѣ великіе музыканты знали это, они писали просто музыку, а не занимались разсказами. Бетховенъ писалъ симфоніи и гармоніи. Вистлера упрекали въ желаніи бить на оригинальность, когда онъ началъ называть свои картины просто симфоніями и гармоніями, и онъ говоритъ въ свое оправданіе: «Искусство должно быть внѣ всякихъ побрякушекъ и взывать только къ артистическому чутью глаза и уха; религіозность, любовь, патріотизмъ примѣшивать сюда нельзя: они ничего общаго съ искусствомъ не имѣютъ. Оттого я называю свои картины просто симфоніями, гармоніями, arrangement». Въ публикѣ нерѣдко существуетъ мнѣніе, что законченность картины—есть мельчайшая отдѣлка подробностей: чѣмъ тоньше выдѣланы брови, рѣсницы, листочки на деревьяхъ, тѣмъ законченнѣе картина. Вистлеръ возстаетъ противъ этого мнѣнія, уничтожающаго весь смыслъ и значеніе искусства и низводящаго Веласкеза на степень посредственности, а фотографа-ретушера, надѣленнаго отъ природы особенно счастливымъ терпѣніемъ, возводящаго на самый недоступный пьедесталъ. «Картина закончена, когда всѣ слѣды ея работы уничтожены»—говоритъ Вистлеръ. Оттого величайшими произведеніями Веласкеза являются не картины первой эпохи его творчества, на которыхъ видны слѣды долгаго штудированія, мученій, а послѣднія созданія его творчества, когда кисть его не умѣла уже не слушаться его, когда мастерство его дошло до такого предѣла, за которымъ нѣтъ уже назойливаго вопроса техники и остается только поле для вдохновенія и творчества. Какой смыслъ и цѣль художественнаго произведенія, если оно такъ углубляется въ свои собственныя задачи? «Художественное произведеніе, — говоритъ Вистлеръ, — это цвѣтокъ, прелестный еще въ бутонѣ, восхитительный въ расцвѣтѣ; ему не нужно никакихъ объясненій причины его существованія: онъ радость для художника, разочарованіе для филантропа, удивленіе для ботаника, случайность чувства и подборъ красокъ для публициста».

Вистлеръ, этотъ величайшій изъ современныхъ художниковъ, артистъ съ головы до ногъ, художникъ, на произведеніяхъ котораго лежитъ печать генія, въ дивныхъ созданіяхъ красоты и гармоніи нашелъ послѣднее звено той цѣпи, которую вѣка порвали, цѣпи, соединяющей отнынѣ эпоху Веласкеза съ искусствомъ нашихъ дней. Наше время—это дни не упадка, не мелкихъ страстей мелкихъ художниковъ, это дни блестящаго возрожденія, дни надеждъ и упованій. Къ чему эти жалобы, это вѣчное нытье? Надо быть слѣпымъ, чтобы за мелкимъ и ничтожнымъ, которому наше время отдаетъ свою дань, какъ отдавала эту дань и эпоха Веласкеза, Вандика, Рембрандта, Тиціана, не замѣчать того великаго, что она намъ принесла. Остановимся, бросимъ эту никому не нужную минорную ноту и будемъ больше смотрѣть, смотрѣть и чаще задумываться, прежде чѣмъ произносить свои роковые приговоры. Вистлеръ если не родной, то единокровный братъ Веласкеза, не рабъ и подражатель его, а геніальный продолжатель. Теперь, когда мы дожили до времени такого возрожденія, когда являются братья великихъ мастеровъ прошлаго, теперь должно быть не далеко то время, когда явятся люди, которые сумѣютъ сдѣлать уже шагъ впередъ, двинуться дальше старыхъ. Кто будутъ эти желанные люди, въ какомъ направленіи они сдѣлаютъ свой шагъ впередъ, — этого сказать нельзя. Но мы имѣемъ всѣ данныя для того, чтобы надѣяться и ожидать.

Будемъ ждать.

Мюнхенъ, декабрь 1896 г.

Путешествіе по пустынѣ. Караваны.

Очеркъ **А. Брэма.**

(Съ нѣмецкаго.)

Съ 4 рисунками.

На окраинѣ пустыни, среди густой группы пальмъ, раскинутъ небольшой шатеръ. Вокругъ него, пестрымъ валомъ, нагромождены ящики и тюки, а за ними, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стоятъ, сидятъ на корточкахъ и полулежатъ нубійскіе мальчишки въ своемъ праздничномъ нарядѣ, т.-е., иначе сказать, со свѣже-натертой маслами лоснящейся кожей.

Въ шатрѣ собрались путешественники, прибывшіе на лодкѣ вверхъ по Нилу, которые намѣрены миновать большой путь рѣки, богатой порогами и быстринами, и проѣхать дальше, прямо наперерѣзъ степи.

Полдень. Солнце стоитъ почти отвѣсно надъ шатромъ на безоблачномъ, темносинемъ небѣ, и его палящіе лучи едва умѣряются рѣдкими вѣерообразными листьями финиковыхъ пальмъ. Давящій зной спустился на равнину, между рѣкою и пустыней, и воздухъ надъ раскаленной землей дрожитъ и колеблется, придавая всѣмъ предметамъ неясныя, фантастическія очертанія.

На горизонтѣ внезапно вынырнула кучка всадниковъ и направилась прямо къ нашему шатру, не заворачивая въ лежащую нѣсколько въ сторонѣ деревушку. Смуглолицые, бѣдно одѣтые люди, завернутые въ длинные, широкіе, скорѣе сѣрые, чѣмъ бѣлые, бурнусы, подъѣхавъ къ группѣ пальмъ, слѣзаютъ съ своихъ худыхъ, но благородныхъ коней. Одинъ изъ прибывшихъ идетъ къ шатру и входитъ въ него съ видомъ царственнаго величія. Это — глава погонщиковъ верблюдовъ (шейхъ-эль-джемали), котораго мы, путешественники, извѣстили о своемъ желаніи имѣть для дороги проводниковъ, погонщиковъ и верблюдовъ.

— Богъ да хранитъ васъ! — говоритъ онъ, входя и прикладывая, въ видѣ привѣтствія, руку къ губамъ, лбу и сердцу.

— Храни Богъ и тебя, о, шейхъ; да будетъ надъ тобою Его милость и благословеніе! —слышится нашъ отвѣтъ.

— Велика была моя жажда увидѣть васъ, о, чужестранцы, и услышать ваши желанія, — продолжаетъ онъ, опускаясь рядомъ съ нами на подушки и притомъ съ правой, т.-е. съ почетной стороны.

— Да воздастъ тебѣ Всесильный за твою жажду, о, шейхъ, и да благословитъ Онъ тебя,— возражаемъ мы и приказываемъ подать ему кофе и трубки раньше, чѣмъ намъ самимъ.

Полузакрывъ глаза, услаждаетъ онъ свое бренное тѣло душистымъ кофе, а свой безсмертный духъ—трубкой табаку. Густыя облака дыма скрываютъ отъ насъ его выразительное лицо. Почти полная тишина царитъ въ шатрѣ, наполненномъ благоуханіями драгоцѣннаго джебелійскаго табака и легкимъ, не отягощающимъ дымомъ; наконецъ, мы рѣшаемъ, что можно приступить и къ переговорамъ, не нарушая правилъ туземной вѣжливости.

— Какъ твое здоровье, о, шейхъ?

— Слава Расточителю всѣхъ благъ! Здоровье мое хорошо; радъ служить тебѣ. А какъ твое драгоцѣнное?

— Слава и честь Властителю міра:

здоровье мое хорошо. Велика была наша жажда увидѣть тебя, о, шейхъ!

— Да воздастъ вамъ милосердый Богъ за вашу жажду и да благословитъ Онъ васъ! Всѣ ли вы въ добромъ здоровьѣ?

— Хвала Аллаху и его пророку, да будетъ надъ нимъ милость Божія!

— Аминь; да будетъ по словамъ твоимъ!

Является новый запасъ трубокъ, потомъ слѣдуетъ новый, безконечный обмѣнъ вѣжливостей, и, наконецъ, мѣстный обычай позволяетъ начать рѣчь о дѣлѣ.

— О, шейхъ, я намѣренъ съ помощью Милосердаго проѣхать чрезъ пустыню.

— Да поможетъ тебѣ Аллахъ!

— Имѣешь ли ты въ своемъ распоряженіи верховыхъ и вьючныхъ верблюдовъ?

— Имѣю. Все ли ты въ добромъ здоровьѣ, братъ мой?

— Благодареніе Всевышнему: здоровье мое хорошо. Сколько ты можешь поставить мнѣ верблюдовъ?

Но, вмѣсто отвѣта, изъ устъ шейха исходятъ только безконечныя облака дыма, и только послѣ повтореннаго вопроса онъ на нѣсколько мгновеній откладываетъ трубку въ сторону и говоритъ съ достоинствомъ:

— Господинъ! Число верблюдовъ Бени-Саидъ извѣстно одному Аллаху; ни одинъ сынъ человѣческій не считалъ ихъ!

— Хорошо; такъ пришли мнѣ двадцать пять верблюдовъ и въ томъ числѣ шесть верховыхъ. Да еще десять большихъ мѣховъ.

Шейхъ снова углубляется въ куренье, не говоря ни слова.

— Такъ ты пришлешь ихъ? — повторяемъ мы уже настойчивѣе.

— Пришлю, чтобы услужить тебѣ; но владѣльцы верблюдовъ требуютъ очень высокія цѣны.

— А именно?

— Они требуютъ, по крайней мѣрѣ, вчетверо противъ обычнаго вознагражденія

— Но, шейхъ, да будетъ надъ тобой благословеніе всемогущаго Аллаха; это неслыханная цѣна!

— Хвала Вседержителю и благословеніе Его пророку! Ты ошибаешься, другъ. Купецъ, что остановился тамъ, наверху, предлагаетъ мнѣ вдвое больше, и только изъ дружбы къ тебѣ я назначаю такую низкую цѣну.

Торговаться и вести дальнѣйшіе переговоры, повидимому, безполезно. Приносятъ новыя трубки, обмѣниваются новыми привѣтствіями, съ обѣихъ сторонъ несчетное число разъ призываютъ имя Аллаха и его пророка, безпрестанно освѣдомляясь о взаимномъ состояніи здоровья; наконецъ, церемоніалъ туземныхъ приличій исчерпанъ, и терпѣніе европейца готово лопнуть.

— Такъ знай же, шейхъ, что я имѣю охранительныя грамоты отъ хедива и отъ шейха Сулеймана; вотъ онѣ; каковы будутъ теперь твои требованія?

— Но, господинъ, если ты имѣешь охранительныя грамоты его высочества, такъ зачѣмъ же ты прямо не требуешь головы своего раба! Она къ твоимъ услугамъ, она во власти его высочества. Я возложу твою волю на свои очи, на свою главу. Повелѣвай: рабъ твой будетъ повиноваться. Ты вѣдь знаешь казенныя цѣны. Да хранитъ тебя Аллахъ! Завтра утромъ я пришлю тебѣ людей, животныхъ и мѣхи.

Но путешественникъ, который возмнилъ бы, что этимъ окончены всѣ приготовленія къ путешествію, выказалъ бы тѣмъ полное незнаніе нравовъ и привычекъ туземцевъ. На утро нѣтъ ни свиты, ни погонщиковъ, ни верблюдовъ, и только послѣ обѣда начали они собираться понемногу; къ выступленію же можно было приступить лишь послѣ полудня слѣдующаго дня. «Buckra inschallah» — «Завтра, если Богу угодно!» — таковъ лозунгъ, противъ котораго безсильна всякая власть. Въ сущности, дѣла остается еще пропасть: надо многое распредѣлить, многое приве-

сти въ порядокъ и исправить, прежде чѣмъ пуститься въ путь.

Вокругъ шатра развертывается пестрая, оживленная картина. Среди тюковъ движется кучка загорѣлыхъ сыновъ пустыни. Дѣло плохо спорится, но шумъ и гамъ стоитъ невѣроятный. Сложенные въ видѣ вала тюки растаскиваются въ стороны; ихъ поднимаютъ, взвѣшиваютъ, пробуютъ объемъ и тяжесть, сравниваютъ съ другими, швыряютъ, перерываютъ, складываютъ въ кучу и снова растаскиваютъ. Каждый погонщикъ старается перехитрить другого; каждый старается выбрать для своихъ верблюдовъ ношу полегче: поэтому каждый встрѣчаетъ протестъ со стороны остальныхъ, и всѣ кричатъ, бранятся, спорятъ, клянчатъ и осыпаютъ другъ друга ругательствами. Съ своей стороны, и верблюды способствуютъ общей сумятицѣ, и если нѣкоторые пока еще молчатъ, то лишь потому, что ихъ время еще не наступило. Уши европейца невыносимо страдаютъ, готовясь лопнуть отъ непривычнаго смѣшенія всевозможныхъ звуковъ и голосовъ. Цѣлые часы длится эта ругань, крики и суматоха; и когда, наспорившись и наругавшись до пресыщенія, достигнутъ, наконецъ, какого-нибудь соглашенія, то это только конецъ перваго дѣйствія.

Уладивъ кое-какъ спорные вопросы, приступаютъ къ витью бечевъ и веревокъ изъ волоконъ финиковой пальмы. Всѣ ящики и тюки весьма остроумнымъ способомъ обвязываютъ и оплетаютъ веревками, оставляя свободныя петли или ушки, за которыя можно быстро сцѣпить два тюка, перекинутые по обѣимъ сторонамъ вьючнаго сѣдла, и такъ же скоро расцѣпить ихъ. Затѣмъ наскоро поправляютъ захваченныя съ собою готовыя сѣтки, предназначенныя для болѣе мелкой поклажи, и, наконецъ, принимаются за осмотръ мѣховъ, которые также, въ большинствѣ случаевъ, требуютъ починки. Вымазавъ ихъ снаружи вонючимъ дегтемъ изъ колоцинтовыхъ сѣмянъ, осматриваютъ еще разъ вывяленное на солнцѣ мясо, наполняютъ часть мѣшковъ изъ луба кафрскимъ просомъ или дурра, часть—древеснымъ углемъ и часть—верблюжьимъ пометомъ; кое-какъ споласкиваютъ мѣха, наливаютъ ихъ водой, взятой прямо изъ рѣки, и заканчиваютъ томительныя, долгія приготовленія единогласнымъ, много разъ повтореннымъ: «El hamdu lillahi!» (т.-е. Слава Богу! Слава Богу!).

Всѣми этими приготовленіями руководитъ шабиръ или проводникъ каравана. Смотря по значенію послѣдняго, проводникъ занимаетъ болѣе или менѣе высокое положеніе; во всякомъ случаѣ, онъ долженъ оправдывать свое названіе, т. е. хорошо знать пути и мѣстныя условія вообще, и быть способнымъ вести караванъ. Испытанная честность, умъ, мужество и храбрость—вотъ отличительныя свойства, которыхъ требуетъ его трудный, нерѣдко опасный постъ.

Онъ знаетъ пустыню, какъ шкиперъ море; свѣдущъ въ небесныхъ свѣтилахъ; въ каждомъ оазисѣ, у каждаго колодца по пути чувствуетъ себя, какъ дома; въ каждой палаткѣ бедуина или начальника кочующихъ пастуховъ — онъ желанный гость; знаетъ всякія средства противъ трудностей и опасностей ѣзды; можетъ излѣчить укусъ змѣи и ужаленіе скорпіона, или, по крайней мѣрѣ, облегчить страданія потерпѣвшаго; одинаково искусно владѣетъ оружіемъ воина и охотника, носитъ ученіе пророка въ устахъ и въ сердцѣ, произноситъ «fatiha» при выступленіи въ путь, замѣняетъ въ указанное время муэдзина и имама, однимъ словомъ—онъ глава многочисленнаго тѣла, движущагося по пустынѣ. Тамъ, гдѣ, повидимому, ничто не указываетъ пути, по которому проходили другіе караваны, гдѣ слѣды послѣдняго верблюда тотчасъ заметаетъ вѣтеръ пустыни,—у него имѣются свои особыя примѣты, по которымъ онъ умѣетъ найти дорогу. Когда сухой, зловѣщій туманъ скрываетъ вѣковѣчныя звѣзды, ему свѣтитъ звѣзда его разума:

онъ изслѣдуетъ пески, примѣчаетъ ихъ волны, сообразуется съ ихъ направленіемъ, опредѣляетъ по былинкѣ страну свѣта. Каждый караванъ, каждый путешественникъ, не колеблясь, довѣряетъ ему свою судьбу. Древніе, весьма своеобразные, неписанные, но всѣмъ извѣстные законы дѣлаютъ его отвѣтственнымъ за успѣхъ путешествія и за жизнь отдѣльныхъ членовъ, если только ихъ не постигнутъ какія-либо особыя, не предотвратимыя, предопредѣленныя свыше бѣдствія.

Въ благословенный часъ, во время послѣобѣденной молитвы, передъ путешественниками и погонщиками появляется проводникъ, чтобы извѣстить, что все готово къ выступленію. Во всѣ стороны кидаются смуглые люди, ловятъ, ведутъ, сѣдлаютъ и навьючиваютъ своихъ верблюдовъ. Догадливыя животныя сопротивляются всѣми силами; повидимому, въ нихъ слишкомъ живо еще воспоминаніе о цѣломъ рядѣ такихъ же тяжкихъ дней. Теперь наступило ихъ время. Побуждаемые неподражаемыми гортанными возгласами своихъ хозяевъ и легкими ударами плети, они съ ревомъ, крикомъ, мычаньемъ и стонами опускаются на согнутыя колѣна, съ ревомъ подставляютъ подъ нагрузку свою горбатую спину и, навьюченные, съ ревомъ же поднимаются на ноги. Многіе пытаются лягнуть или укусить проводника, и только неисчерпаемое терпѣнье погонщиковъ можетъ преодолѣть сопротивленіе этихъ упрямыхъ созданій. Терпѣнье и ловкость укрощаютъ, однако, и верблюда. Какъ только удастся поставить на колѣна сопротивляющееся животное, одинъ изъ погонщиковъ наступаетъ ему на подогнутыя переднія ноги и быстрымъ движеніемъ зажимаетъ ему носъ, чтобы имѣть возможность, по желанію, затруднить ему дыханіе; двое другихъ взваливаютъ съ двухъ сторонъ на вьючное сѣдло одинаковаго вѣса тяжести; четвертый скрѣпляетъ петли и ушки деревянными колышками, и такимъ образомъ животное оказывается навьюченнымъ, прежде чѣмъ успѣетъ опомниться.

Затѣмъ приводятъ осѣдланныхъ бѣговыхъ верблюдовъ. Каждый всадникъ прикрѣпляетъ къ высокому, корытообразному, лежащему поверхъ горба, сѣдлу всѣ необходимые ему въ пути припасы и оружіе, и приготовляется взлѣсть на своего скакуна. Новичку это рѣдко удается сразу. Всадникъ долженъ быстро, однимъ прыжкомъ, вскочить въ сѣдло, и верблюдъ, какъ только онъ коснется сѣдла, тотчасъ начинаетъ вставать на ноги. Онъ приподымается толчками, сначала на переднія сгибы ногъ, затѣмъ на длинныя заднія ноги и, наконецъ, окончательно на переднія. При второмъ толчкѣ новичка, обыкновенно, постигаетъ горькая чаша. Онъ или вылетаетъ изъ сѣдла, головой внизъ,—по извѣстному выраженію, «закапываетъ рѣдьку»,—или падаетъ на шею животнаго, гдѣ и старается удержаться. Верблюдъ—слишкомъ сердитое животное, чтобы принять подобную продѣлку за простительную шутку или случайность. Крикъ гнѣва срывается съ его уродливыхъ губъ; онъ пускается бѣжать, увеличивая незавидное положеніе наѣздника, и отряхивается до тѣхъ поръ, пока не сброситъ его съ себя вмѣстѣ съ его поклажей. Только послѣ продолжительнаго упражненія, европеецъ пріучается, посредствомъ своевременнаго и соотвѣтственнаго наклоненія верхней части корпуса впередъ и назадъ, удерживаться въ сѣдлѣ при вставаніи животнаго.

Мы вскакиваемъ въ сѣдла съ ловкостью туземцевъ, пришпориваемъ нашихъ верховыхъ верблюдовъ ударами хлыста, держимъ ихъ въ поводу посредствомъ тоненькой носовой уздечки и спѣшимъ вслѣдъ за проводникомъ. Наши бѣговые верблюды—стройныя, легкія, высоконогія животныя—тотчасъ берутъ ровную, крупную, необычайно спорую рысь,—къ которой ихъ пріучили смолоду и которой они превосходятъ всѣхъ вьючныхъ,—и быстро догоняютъ проводника. Животныя вытягиваютъ далеко впередъ свои малень-

кія головки, легко подкидываютъ подъ себя длинныя ноги, подпимая позади себя столбъ песку и мелкихъ камешковъ. Бурнусы всадниковъ развѣваются по вѣтру; слышится звонъ и бряцанье оружія; раздаются понукающіе возгласы, и наслажденіе путешествіемъ всецѣло охватываетъ вашу душу. Грузовой караванъ скоро остается назади; не видно ни малѣйшаго слѣда человѣческаго жилья, и со всѣхъ сторонъ разстилается безконечная пустыня...

Кругомъ рѣзко ограниченная, она покрываетъ огромную область — бо́льшую часть Сѣверной Африки, отъ Краснаго моря до Атлантическаго океана и отъ Средиземнаго моря до степи, заключая въ себѣ цѣлыя страны и плодородные участки земли, тысячекратно измѣняясь и въ сущности все же оставаясь всегда и всюду одинаковою, по меньшей мѣрѣ сходною. Площадь, занимаемая этою удивительною областью, въ девять-десять разъ превышаетъ всю соединенную Германію, въ три-четыре раза превосходитъ Средиземное море. Ни одинъ смертный не изслѣдовалъ ея, не обошелъ изъ конца въ конецъ; но каждый человѣкъ, побывавшій въ пустынѣ и прошедшій ее хотя мѣстами, потрясенъ до глубины души ея просторомъ и величіемъ, ея чарами, ея ужасами; каждый, даже самый холодный, разсудочный европеецъ, разъ попавъ въ пустыню, неизгладимо запечатлѣваетъ въ своемъ сердцѣ палящіе лучи ея солнца и ея жгучій дневной жаръ, небесное спокойствіе и сказочныя видѣнія ея ночей, призраки знойнаго колеблющагося воздуха, ужасъ бурь, сдвигающихъ съ мѣста цѣлыя горы, и, подобно туземцу, страстно захочетъ впослѣдствіи еще разъ вернуться туда, хотя на одинъ день, на одинъ часъ, чтобы подышать тѣмъ воздухомъ, увидѣть воочію призрачныя картины, пробудить въ душѣ «невыразимые аккорды», звучащіе въ сердцѣ одареннаго поэтическимъ чувствомъ человѣка, однимъ словомъ—онъ почувствуетъ къ пустынѣ настоящую тоску по родинѣ...

Пустыня воистину есть «El bahhr bela maa», т. е. море безъ воды—подобіе и противоположность морю. Она не подчиняется водѣ, какъ вся остальная земля: на ней безсильно вліяніе всеоживляющей, могучей стихіи. «Воды да обнимутъ вселенную»,—одну только пустыню не обнимаютъ онѣ. По всей землѣ разносятъ вѣтры посланцевъ моря — облака: но они умираютъ отъ зноя пустыни. Рѣдко можно увидѣть въ ней легкое, едва замѣтное облачко, или по утрамъ влажное дыханіе ночи на листьяхъ растеній. Утренняя и вечерняя заря проявляется въ ней ничтожными парами, которые исчезаютъ, едва успѣютъ появиться. Всюду, гдѣ вода достигла господства, она превращаетъ пустыню въ плодородную землю, которая, однако, не переступаетъ границъ, такъ сказать, положенныхъ свыше. Тамъ, гдѣ волны божественнаго Нила, поднятыя волею человѣка выше уровня рѣки, уходятъ въ песокъ, тамъ и есть эта граница, настолько рѣзкая, что одна нога путника, идущаго по направленію къ нильскимъ возвышенностямъ, стоитъ на зеленѣющемъ хлѣбномъ полѣ, другая—въ пустынѣ; ибо росту растеній препятствуетъ не самый песокъ, а пронизывающій его палящій зной. Если песокъ постоянно или временно орошается и пропитывается влагою, то и среди пустыни появляется улыбающійся зеленый коверъ на землѣ, лишенной до того всякой растительности; иногда даже произрастаютъ кустарники и деревья.

Бѣдна, безконечно бѣдна пустыня, но не мертва, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ людей, которые умѣютъ искать и находить въ ней жизнь. Кто взглянетъ на пустыню близорукими глазами, тотъ, конечно, не увидитъ ничего, кромѣ песчаной равнины, каменистыхъ холмовъ, голыхъ низменностей и обнаженныхъ горъ; проглядитъ, быть-можетъ, и рѣдкую камышеобразную траву, и кустарниковыя деревья, попадающіяся въ болѣе глубокихъ низинахъ, равно какъ и немногихъ

живыхъ существъ, встрѣчающихся въ ней; но тотъ, кто хочетъ видѣть, увидитъ несравненно больше. Въ глазахъ близорукихъ людей пустыня есть не что иное, какъ царство смерти и запустѣнія; дневной зной такъ удручаетъ ихъ, что даже восхитительная ночь не доставляетъ имъ никакой отрады, никакого отдыха; они со страхомъ въѣзжаютъ въ пустыню и съ содроганіемъ оставляютъ ее, ощущая однѣ только тягости, однѣ только трудности путешествія; а того, что безконечно величаво въ ней, не можетъ вмѣстить ихъ узкое сердце. Но тотъ, кто дѣйствительно изучилъ пустыню, судитъ иначе.

Бѣдна, но не мертва она. Уже почвенныя условія ея чрезвычайно измѣнчивы, хотя и носятъ одинъ и тотъ же характеръ. На далекія пространства пустыня представляетъ собою каменистое море съ отдѣльно стоящими конусами скалъ, круто спускающимися стѣнами и глубокими оврагами, рѣзко окаймленными хребтами и удивительно нагроможденными вершинами, которыя вѣчно вѣющій вѣтеръ то заноситъ пескомъ, заполняя ущелья, то снова открываетъ ихъ, но постоянно обрабатываетъ и шлифуетъ камни, долбитъ ихъ, оттачиваетъ и заостряетъ конусомъ. Черныя, блестящія на солнцѣ, массы песчаника, гранита и сіенита, рѣже—известняка и сланца, мѣстами же и вулканическія образованія громоздятся въ красиво очерченныя цѣпи горъ; дующій съ одной стороны вѣтеръ обнажаетъ ихъ отъ всякаго покрова, но непрерывно переноситъ черезъ нихъ тонкій песокъ и, превращаясь въ бурю, совершенно окутываетъ ихъ этимъ пескомъ, какъ покрываломъ, перенося его черезъ самыя высокія вершины; другую же, не подвѣтренную, сторону горы онъ устилаетъ золотисто-желтыми, изъ чистѣйшаго сыпучаго песка, слоями, которые ложатся одинъ на другой на метръ толщины, находятся вѣчно въ движеніи, непрерывно сдвигаются сверху внизъ, постоянно возмѣщаясь съ одной стороны, и образуютъ словно широкія ленты, ярко выдѣляющіяся на темныхъ стѣнахъ горъ, видимыя издалека и, при извѣстномъ освѣщеніи, переливающія блестящими цвѣтами. Подобныя цѣпи горъ смѣло могутъ быть названы драгоцѣнными жемчужинами пустыни. Кто не знаетъ знойнаго юга, тотъ не въ состояніи представить себѣ чуднаго богатства красокъ, сіянія и блеска, которые изобильный солнечный свѣтъ порождаетъ на самыхъ пустынныхъ, дикихъ горахъ. Горы пустыни никогда не бываютъ увѣнчаны красивымъ, зеленѣющимъ лѣсомъ; самыя высокія верхушки ихъ едва допускаютъ скудный ростъ низкаго, тернистаго кустарника, который удовлетворяется осаждающимися наверху ничтожными испареніями; горамъ этимъ недостаетъ шелеста бука, шума елей и сосенъ, веселаго журчанья ручейковъ, которые въ нашихъ горныхъ вершинахъ то образуютъ серебряныя ленты, окаймленныя зеленѣющею растительностью, то, низвергаясь водопадами, окутываютъ гору радужными цвѣтами; имъ недостаетъ ледяного и снѣжнаго покрова, который солнце во время утренней и вечерней зари окрашиваетъ пурпуровымъ цвѣтомъ, а въ полдень надѣляетъ ослѣпительнымъ блескомъ; имъ недостаетъ сочной, свѣжей зелени луговъ,—однимъ словомъ, онѣ лишены всѣхъ прелестей и красотъ сѣверныхъ горъ; и, тѣмъ не менѣе, онѣ едва ли уступаютъ послѣднимъ въ роскоши красокъ и ужъ, конечно, не уступаютъ въ грандіозности и величіи. Въ горахъ пустыни каждый отдѣльный слой получаетъ свое особое значеніе. Впрочемъ, не эти слои, хотя иногда очень ярко окрашенные и рѣзко отличающіеся цвѣтомъ одинъ отъ другого, а созданныя вѣчно шлифующимъ пескомъ причудливыя формы и величавыя очертанія горъ, конусы, верхушки, зубцы, выемки, трещины и ущелья вызываютъ волшебную игру солнечныхъ лучей. Это такая непрерывная смѣна свѣта и тѣни, такое безостановочное возникновеніе и исчезновеніе цвѣ-

4*

товъ и тоновъ, что душа пьянѣетъ отъ созерцанія ихъ. Горы пустыни, какъ и всякія другія, горятъ пурпуромъ при первыхъ и послѣднихъ лучахъ солнца; даль разстилаетъ и надъ ними свою голубую дымку: и онѣ живутъ, потому что свѣтъ даетъ имъ жизнь.

Въ другихъ мѣстахъ пустыня представляетъ ровную, слегка волнующуюся поверхность. На цѣлыя мили покрываетъ ее мелкій золотисто-желтый песокъ, въ которомъ человѣкъ и животное вязнутъ на нѣсколько сантиметровъ. Здѣсь часто не видно ни былинки, ни живого существа. Голубое, однообразное небо, опрокидываясь сводомъ надъ золотой равниной, много способствуетъ тому, чтобы сдѣлать ее похожею на море. И въ ней, какъ въ морѣ, мгновенно уничтожается слѣдъ, оставленный ея кораблемъ — верблюдомъ; и въ ней нѣтъ проложенныхъ путей, нѣтъ признаковъ дороги; и для нея, какъ и для моря, былъ изобрѣтенъ компасъ. Болѣе разнообразны, но не болѣе привлекательны другія части пустыни, гдѣ почва состоитъ изъ рыхлаго, землистаго или пыльнаго песку, взращивающаго ядовитую горькую тыкву или цѣлебный александрійскій кустъ. Здѣсь низкіе, далеко тянущіеся холмы чередуются съ неглубокими и узкими выемками; и тѣ, и другія покрыты, кажущимся издали свѣжимъ, ковромъ названныхъ растеній. Люди и животныя избѣгаютъ такихъ мѣстъ, ибо какъ погонщикъ, такъ и верблюдъ часто вязнутъ на футъ глубины въ рыхломъ слоѣ почвы. Другія мѣстности пустыни бываютъ покрыты крупными голышами или кремнистыми камнями, нѣкоторыя даже желѣзистыми, наполненными пескомъ, полыми шарами, происхожденіе которыхъ пока еще въ точности неизвѣстно, но которые кажутся сдѣланными руками человѣческими. Иногда въ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ дорога остается хорошо замѣтною по непрерывнымъ верблюжьимъ слѣдамъ, встрѣчаются во множествѣ кристаллы кварца, или отдѣльными камнями, или же сгруппированные, походящіе въ послѣднемъ случаѣ на искусно оправленныя алмазныя розы. Дѣйствіе солнца на нихъ чисто-волшебное: они блестятъ, искрятся и сверкаютъ до такой степени, что невольно приходится отвести ослѣпленные глаза. Въ самыхъ глубокихъ низменностяхъ, наконецъ, почва состоитъ изъ пыльной земли и неизбѣжно украшается похожею на осоку, но очень жесткою, сухою, острою, темнозеленою альфою, зонтиковидною мимозою и иногда даже полынью, весело свидѣтельствующими о присутствіи и здѣсь жизни.

Впрочемъ, жизнь проявляется также и животнымъ міромъ. Тотъ, кто считаетъ пустыню мертвою, ошибается такъ же, какъ и тотъ, кто считаетъ ее родиною львовъ. Она слишкомъ бѣдна, чтобы взрастить льва, но достаточно богата для продовольствованія тысячъ другихъ животныхъ. И всѣ живущія въ пустынѣ породы въ высшей степени достойны вниманія, ибо во всѣхъ отношеніяхъ являются истинными, характерными дѣтьми ея.

Животныя пустыни, помимо своей шкурки, всегда строго сообразованной съ преобладающею почвенною окраскою, а потому имѣющей песчаный цвѣтъ, отличаются легкимъ, красивымъ строеніемъ тѣла, чрезвычайно большими, сильно изощренными глазами и ушами, невзыскательностью и самоувѣренностью. Всѣмъ созданьямъ пустыни самою судьбою предназначено быть постоянными скитальцами, потому что пустыня слишкомъ бѣдна пищей для того, чтобы эту пищу можно было во всякое время находить въ каждомъ данномъ мѣстѣ; но зато пустыня надѣлила своихъ дѣтей необыкновеннымъ проворствомъ, неутомимостью и выносливостью; изощрила ихъ чувства, чтобы то немногое, что̀ она даетъ, могло быть ими найдено; снабдила ихъ, наконецъ, особымъ одѣяніемъ, одинаково пригоднымъ для нападенія и для бѣгства, и, такимъ образомъ, приспособила своихъ дѣтей къ жизни, можетъ-быть, и бѣдной, но не безотрадной.

Благодаря свойственному почти всѣмъ животнымъ пустыни цвѣту, сходному съ окружающею ихъ обстановкою, сливающемуся съ нею, мало наблюдательный путешественникъ усматриваетъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ путешествія по пустынѣ, очень немногое изъ окружающаго его животнаго міра.

Газели, отдыхающія въ тѣни мимозы.

Пустыня уже потому кажется беднѣе, чѣмъ она есть, что большинство живущихъ въ ней животныхъ оставляетъ свои логовища и убѣжища, и начинаетъ жить только вечеромъ; но нѣкоторыя, тѣмъ не менѣе, не могутъ не кидаться въ глаза даже самымъ близорукимъ людямъ. Даже тотъ, кто не обратитъ вниманія на всюду попадающіеся всевозможные виды жаворонковъ, отличающихся именно необыкновеннымъ, достойнымъ замѣчанія, сходствомъ перьевъ съ почвою и несоразмѣрно развитыми двигательными органами, не можетъ, однако, не замѣтить

куръ пустыни: даже тотъ, кто безъ всякаго вниманія проѣдетъ мимо зарытыхъ въ землѣ построекъ тушканчика, долженъ замѣтить пасущихся невдалекѣ отъ дороги газелей.

Антилопу можно считать прототипомъ всѣхъ животныхъ пустыни. При вообще пропорціональномъ строеніи, ея голова и органы чувствъ кажутся слишкомъ большими, а ноги и всѣ члены—такими тонкими, нѣжными, что, кажется, сейчасъ переломятся. Но зато въ черепной полости этой головы находится мозгъ, отличающій газель необыкновеннымъ между жвачными животными умомъ и способностью къ духовной дѣятельности, а члены ея обладаютъ крѣпостью и упругостью стали. Кто видѣлъ газель въ неволѣ, не можетъ судить, какова она въ пустынѣ. Сколько живости, ловкости и гибкости, красоты и граціи обнаруживается въ ней на ея родинѣ! Какъ понятно становится, что жители Востока, и въ особенности пустыни, избрали ее эмблемой женственной красоты! Надѣясь на свое песочнаго цвѣта одѣяніе, а также на свою живость и быстроту, она безпечно смотритъ своими ясными глазами на верблюдовъ и всадниковъ. Какъ будто не тревожась приближеніемъ каравана, продолжаетъ она мирно пастись. Съ цвѣтущаго куста мимозы срываетъ она почку или свѣжій отростокъ, среди острой травы эспарто (альфы) отыскиваетъ нѣжный стебелекъ. Но караванъ все болѣе и болѣе приближается къ ней. Она поднимаетъ голову, прислушивается, поводитъ ноздрями, смотритъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и продолжаетъ пастись. Но вдругъ она пригибаетъ упругія ноги къ землѣ и скачетъ такъ быстро, проворно, ловко и граціозно, какъ будто самыя невозможныя движенія для нея—игрушка и шутка. Чрезъ песчаную равнину несется она со скоростью мысли, черезъ большіе камни или кусты тамариска перелетаетъ она, словно на крыльяхъ. Она какъ будто не касается земли: такъ поразительно красивъ ея бѣгъ. Въ ней словно олицетворяется поэзія: такъ чарующе дѣйствуетъ ея несравненная легкость и грація. Черезъ нѣсколько минутъ она уже внѣ всякой опасности; ни одинъ скакунъ, ни одна борзая собака не могутъ догнать ее. Вскорѣ она умѣряетъ свой бѣгъ; еще нѣсколько минутъ—и она уже стоитъ и высматриваетъ попрежнему. Любя подразнить, она дозволяетъ всаднику, не на шутку преслѣдующему ее, приблизиться къ ней во второй и въ третій разъ, и снова убѣгаетъ, прежде чѣмъ онъ приблизится на разстояніе ружейнаго выстрѣла, пока, наконецъ, перепуганная, помчится безъ устали, уже не останавливаясь. Все болѣе и болѣе скрываются ея изящныя очертанія, все болѣе сливается она съ песчаной поверхностью и, наконецъ, исчезаетъ совсѣмъ, разсѣвается, какъ паръ. Родная пустыня укрыла ее, чудеснымъ образомъ спрятала отъ глазъ и сдѣлала невидимой. Но образъ скрывшагося животнаго тѣмъ ярче оживаетъ въ сердцѣ. Житель западныхъ странъ начинаетъ понимать, въ свою очередь, почему газель такъ вдохновляетъ поэтическую душу жителя Востока; почему послѣдній такъ высоко цѣнитъ ее; почему онъ сравниваетъ глаза, воспламенившіе его сердце, съ глазами газели, почему ту шею, которую онъ обнимаетъ въ сладкіе часы любви, онъ называетъ шеей газели; почему житель пустыни приводитъ въ палатку къ осчастливленной радостнымъ ожиданіемъ женѣ прирученную газель, чтобы мать могла любоваться прекрасными глазами животнаго и красоту ихъ передать по наслѣдству ожидаемому ребенку; почему даже богобоязненный пѣвецъ считаетъ прекрасную антилопу лучшею эмблемою своего стремленія къ высокому. И на него, отрѣшившагося отъ міра, повѣяло, вѣроятно, тѣмъ пыломъ, который вылился въ страстныхъ хвалебныхъ гимнахъ этому животному и породилъ множество стиховъ и риѳмъ.

Менѣе прекрасны, но не менѣе замѣчательны и другія животныя пустыни.

Среди скудно произрастающей альфы снуетъ взадъ и впередъ, вприпрыжку, многочисленная стая птицъ, величиною съ голубя. Роясь въ землѣ, работая клювомъ, онѣ разыскиваютъ себѣ пищу. Беззаботно даютъ онѣ всаднику подъѣхать къ себѣ на разстояніе менѣе ста шаговъ. При помощи хорошей зрительной трубки можно разглядѣть не только каждое ихъ движеніе, но и главнѣйшіе цвѣта ихъ перьевъ. Нагнувъ головку, втянувъ шею и почти горизонтально держа туловище, бѣгаютъ онѣ, разыскивая сѣмена, зерна немногихъ травъ, свѣжія цвѣтныя метелки и насѣкомыхъ. Нѣкоторыя время отъ времени, вытягивая шею, останавливаются настороже, другія, напротивъ, безпечно роются въ пескѣ, чистятся и разглаживаютъ перья, или же лежатъ—частью на брюшкѣ, частью бочкомъ, грѣясь на солнцѣ. Все это можно ясно разсмотрѣть, сосчитать ихъ и убѣдиться, что ихъ болѣе пятидесяти—немногимъ менѣе сотни. Сердце охотника разгорается отъ восторга! Увѣренный въ успѣхѣ, онъ складываетъ свою зрительную трубку, берется за ружье и медленно подъѣзжаетъ къ пестрой группѣ. И вдругъ птицы исчезаютъ на его глазахъ. Ни одна не улетѣла и ни одна не убѣжала, а между тѣмъ ихъ уже нѣтъ,—словно земля поглотила ихъ. Дѣло въ томъ, что онѣ, полагаясь на одинаковую окраску почвы и своихъ перьевъ, довѣрились матери-землѣ и просто-напросто плотно прижались къ ней, мгновенно превратившись въ камни или маленькія кучки песку. Неопытный охотникъ подъѣзжаетъ совсѣмъ близко, не замѣчая ихъ, и невольно вздрагиваетъ, когда онѣ внезапно, съ громкимъ крикомъ, вспархиваютъ изъ-подъ его ногъ и съ шумомъ улетаютъ. Если ему все-таки удастся убить одну изъ птицъ, его поразитъ необыкновенный цвѣтъ и рѣдкостный рисунокъ ея перьевъ. Песчаная, переходящая то въ сѣрое, то въ свѣтло-желтое окраска верхней стороны прерывается и разнообразится широкими и узкими полосками, красивыми каемками, пятнышками, точками и зубчиками, такъ что можно предположить, что курочка эта должна быть замѣтна издали; а между тѣмъ вся эта смѣсь красокъ есть не что иное, какъ точное воспроизведеніе окраски самаго песка, такъ что, повидимому, каждое темное, каждое свѣтлое пятно, каждый камешекъ, каждая песчинка отразились на ея опереніи. Не удивительно, послѣ того, что пустыня дѣйствительно вбираетъ птицу въ себя, какъ будто даже изглаживаетъ ея фигуру, и столь же хорошо охраняетъ ее отъ опасности, какъ и ея сильныя, одаренныя изумительной быстротой, крылья. Поэтому арабская поэзія воспѣваетъ и эту птицу въ фантастическихъ образахъ и изысканныхъ выраженіяхъ; красота ея поражаетъ глазъ, а изумительно быстрый полетъ вызываетъ тоску въ сердцѣ прикованнаго къ землѣ человѣка.

Всѣ прочія животныя пустыни отличаются тѣми же характерными признаками, какъ и вышеупомянутыя. Въ пустынѣ живетъ своя порода рыси—каракалъ: она стройнѣе остальныхъ, имѣетъ болѣе высокія ноги, длинныя уши и большіе глаза, но, вмѣсто полосъ и пятенъ, вся она песчанаго цвѣта до самыхъ черныхъ кончиковъ ушей, до бровей и губныхъ пятенъ, и только, смотря по мѣстности, которую обитаетъ, бываетъ свѣтлѣе или темнѣе, красноватѣе или желтоватѣе. Въ пустынѣ живетъ и своя маленькая лисица—фенекъ: этотъ карликъ изъ всей собачьей породы носитъ палевое одѣяніе и обладаетъ гигантскими ушами. Въ пустынѣ водится свой особый видъ грызуна, такъ-называемый прыгунъ: это родъ зайчика, напоминающій маленькаго кенгуру, съ чрезвычайно высокими задними ногами, крошечными передними лапками, съ пушистымъ, длиною превосходящимъ туловище, хвостомъ; онъ безвреднѣе и добродушнѣе, но также проворнѣе и ловчѣе всѣхъ другихъ грызуновъ. Тотъ же характеръ носятъ птицы, пресмыкающіяся и даже насѣкомыя. Если среди

желто-песочнаго или рядомъ съ нимъ появляются другіе цвѣта, если въ шерсти, перьяхъ или на чешуѣ встрѣчается черное или бѣлое, пепельное или темно-коричневое, красное, синее и т. д., то цвѣта эти, часто очень украшающіе животное, выступаютъ только на такихъ мѣстахъ, гдѣ, смотря на животное сверху или сбоку, ихъ нельзя разсмотрѣть. Если среди пустыни громоздятся горы, то и ихъ разнообразныя свойства тотчасъ же отражаются на живущихъ въ нихъ животныхъ; такъ, на темныхъ скалахъ аравійскихъ горъ карабкается каменный баранъ, ютится короткохвостая сайга, гнѣздится ягнятникъ; верхушки, ущелья, скаты и долины населяетъ множество другихъ видовъ птицъ, между тѣмъ какъ съ бурыхъ утесовъ болѣе низменныхъ мѣстъ раздается только звучная пѣснь совершенно чернаго каменнаго чеккана.

Такимъ образомъ, единство пустыни проявляется во всѣхъ ея частяхъ, во всѣхъ ея обитателяхъ, усиливая тѣмъ впечатлѣніе, производимое ею на всякаго мыслящаго и чувствующаго человѣка,—впечатлѣніе, которое возникаетъ съ перваго дня и еще болѣе возрастаетъ въ послѣдующіе.

Правда, отъ человѣка, который хочетъ ознакомиться и до извѣстной степени сродниться съ нею, пустыня требуетъ силы, воспріимчивости и выносливости. Кто не въ состояніи переносить неизбѣжныхъ трудностей путешествія, кто боится солнца и песковъ, тому лучше избѣгать ея. День въ пустынѣ, и при ясной погодѣ, и при спокойномъ, чистомъ воздухѣ, даже при прохладномъ вѣтеркѣ съ сѣвера, очень тяжелъ. Онъ настаетъ почти внезапно, безъ разсвѣта. Только вблизи моря или большихъ, протекающихъ черезъ пустыню, рѣкъ утренняя заря предшествуетъ дню, окаймляя пурпуромъ восточный край неба; но среди обширныхъ песчаныхъ равнинъ, какъ только займется на востокѣ заря, показывается и солнце. Оно восходитъ надъ песчаной равниной въ видѣ огненнаго шара, который будто хочетъ сразу сорвать съ пустыни всѣ ея покровы. Съ его появленіемъ утренняя свѣжесть исчезаетъ. Непосредственно по восходѣ солнце жжетъ, словно въ полдень. Если дующій нѣсколько мѣсяцевъ освѣжающій сѣверный вѣтерокъ и не даетъ неравномѣрно разрѣженнымъ жарою слоямъ воздуха принимать видъ моря, то, во всякомъ случаѣ, не можетъ устранить своеобразнаго дрожанія и колебанія лежащаго надъ пескомъ воздуха. Ослѣпительный свѣтъ заливаетъ небо и землю; невыразимый жаръ солнечныхъ лучей отражается раскаленнымъ пескомъ; съ каждымъ часомъ свѣтъ и зной усиливаются,—и ни отъ того, ни отъ другого нѣтъ убѣжища, нѣтъ спасенія.

Нашъ вьючный караванъ трогается въ путь съ первыми лучами солнца и беззвучно двигается по пустынѣ. Широко ступаютъ вьючные верблюды; рядомъ и позади ихъ легкою, эластичною походкою идутъ погонщики. Вскорѣ ихъ обгоняютъ верховые верблюды, и ѣдущіе на нихъ всадники быстро теряютъ изъ виду весь вьючный караванъ. Кости трещатъ у насъ отъ толчковъ, причиняемыхъ бѣгущими полною рысью верховыми животными. Солнце печетъ нестерпимо и жжетъ сквозь всѣ слои одежды, сколько бы ихъ ни было надѣто. Подъ толстымъ покровомъ потъ струится по всему тѣлу, подъ болѣе легкимъ—на рукахъ и ногахъ, онъ испаряется тотчасъ же по мѣрѣ появленія на кожѣ. Языкъ прилипаетъ къ гортани. Воды, воды, воды!—вотъ первая мысль того, кто еще не освоился съ тягостями путешествія. Но вода, вмѣсто желѣзной или стеклянной посуды, перевозится въ мѣхахъ, везется нѣсколько дней подъ рядъ, при сильнѣйшемъ зноѣ, на спинѣ верблюда, а потому не только совершенно тепла, но вонюча, густа, темна, пропитана запахомъ кожи и колоцинтоваго дегтя; однимъ словомъ, такъ отвратительна на вкусъ, что вызываетъ тошноту и даже рвоту. Такая вода не утоляетъ жа-

Караванъ въ пустынѣ.

жды, а причиняетъ лишь новыя страданія, иногда даже сильныя боли въ желудкѣ. Но ни улучшить, ни замѣнить ее нечѣмъ. Ея острый вкусъ и запахъ не даютъ возможности пить ее даже въ видѣ кофе или чая, или смѣшанную съ виномъ или водкою; чистое же вино или водка еще болѣе усиливаютъ жгучую жажду и удручающій жаръ. Положеніе путешественника становится мучительнымъ еще до полуденнаго зноя и становится все тяжелѣе по мѣрѣ порчи воды. Но, такъ или иначе, все это надо вынести, и дѣйствительно выносится. Если европеецъ никогда не можетъ привыкнуть къ водѣ въ мѣхахъ, то къ невыносимой жарѣ онъ привыкаетъ сравнительно скоро, а къ трудностямъ верховой ѣзды—тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе онъ, такъ сказать, срастается со своимъ верховымъ верблюдомъ. На будущее время онъ только позаботится о чистой водѣ, но примирится съ ея теплотой и уже, конечно, не будетъ жаловаться на трудности верховой ѣзды.

Хорошо выспавшись, хотя и грубо пробужденный ревомъ трогающихся въ путь вьючныхъ верблюдовъ, путешественникъ, уже обжившійся въ пустынѣ, пропускаетъ впередъ вьючный караванъ, подкрѣпляетъ тѣло и духъ—кофе и табакомъ, затѣмъ влѣзаетъ на дромадера и мчится съ товарищами такъ скоро, какъ могутъ бѣжать верблюды. Не произносится ни слова; слышны только хрустѣнье песка подъ упругими копытами да громкое сопѣнье и глухое рычанье верблюдовъ. Въ короткое время всадники догоняютъ и значительно опережаютъ караванъ. Недалеко отъ пути пасется газель, возбуждая радужныя надежды охотниковъ. Граціозными прыжками несется передъ преслѣдующими ее всадниками олицетворенная поэзія пустыни, а за ней крупною рысью бѣгутъ усердно понукаемые, запыхавшіеся верблюды. Козочка беззаботно подпускаетъ къ себѣ ѣдущихъ; всадники дѣлаютъ видъ, что хотятъ проѣхать мимо, но нѣсколько сдерживаютъ своихъ верблюдовъ; одинъ незамѣтно соскакиваетъ съ сѣдла, останавливаетъ на минуту животное и изъ-подъ его брюха даетъ выстрѣлъ. Въ одно мгновеніе проводникъ также соскакиваетъ на землю, подхватываетъ убитую газель, съ радостными криками тащитъ ее къ намъ, искусно прикрѣпляетъ къ сѣдлу,—и путешественники снова трогаются въ путь. Около полудня останавливаются на отдыхъ. Если случится вблизи низменное мѣсто, то тамъ навѣрное найдется зонтиковидная мимоза, которая доставитъ нѣкоторую тѣнь; если же передъ всадниками разстилается необозримая песчаная равнина, то просто втыкаютъ въ песокъ четыре пики, между ними натягиваютъ шерстяное одѣяло, и такимъ образомъ получаютъ хотя скудную тѣнь. Но, Боже, какъ жгучъ песокъ, долженствующій служить ложемъ, какъ жарокъ и удушливъ воздухъ, которымъ приходится дышать! Вялость и сонливость одолѣваютъ даже туземцевъ, а тѣмъ болѣе—сѣверныхъ жителей. Люди жаждутъ покоя и отдыха, и не находятъ его. Ослѣпленные яркимъ свѣтомъ солнца и блестящимъ воздухомъ, закрываютъ они глаза, но напрасно поворачиваются на своемъ горячемъ ложѣ. Палящій зной и мучительная жажда прогоняютъ сонъ. Такъ нестерпимо тянутся тяжелые дневные часы.

Вьючный караванъ, медленно покачиваясь, проходитъ мимо и скрывается изъ глазъ въ наполненномъ парами воздушномъ морѣ, и кажется, будто верблюды висятъ въ его волнообразныхъ слояхъ. Положеніе все еще не измѣняется, и страданія продолжаются. Солнце давно уже перешло полуденную высоту, но попрежнему льетъ свои палящіе лучи. Наконецъ, въ позднее послѣобѣденное время мы снова пускаемся въ дорогу. И опять начинается быстрая ѣзда верхомъ, вызывающая почти прохладное встрѣчное теченіе воздуха, продолжающаяся до тѣхъ поръ, пока не покажется снова вьючный караванъ. Съ пѣснями идутъ погонщики за своими верблюдами. Одинъ изъ нихъ запѣваетъ, остальные заканчиваютъ каж-

дый отдѣльный стихъ правильно повторяющеюся риѳмою.

Взвѣсивъ всѣ трудности, которыя переноситъ погонщикъ верблюдовъ во время путешествія по пустынѣ, невольно удивляешься, слыша его поющимъ. До разсвѣта онъ навьючилъ своего верблюда, подѣлившись съ нимъ нѣсколькими горстями варенаго дурра, составляющаго единственную пищу ихъ обоихъ; цѣлый день шелъ за караваномъ, безъ всякой пищи, развѣ только изрѣдка подкрѣпляя себя вонючей водой изъ мѣха; солнце пекло его темя, каленый песокъ жегъ подошвы ногъ, жаркій воздухъ сушилъ его пропотѣвшее тѣло; онъ не имѣлъ ни минуты отдыха; приходилось, можетъ-быть, перегружать нѣкоторыхъ верблюдовъ, нѣкоторыхъ, отбѣжавшихъ, ловить,—и, несмотря на все это, онъ теперь — поетъ! Такъ дѣйствуетъ приближеніе ночи въ пустынѣ...

Съ закатомъ солнца эти закаленные сыны пустыни, повидимому, пріобрѣтаютъ новую эластичность членовъ, сливаясь жизнью съ величавою матерью своей, пустыней. Вмѣстѣ съ нею они сожигаются полуденнымъ солнцемъ; вмѣстѣ съ нею расцвѣтаютъ ночью. Какъ только заходитъ солнце, ихъ поэтическая душа рисуетъ имъ золотыя грёзы на-яву. Пѣвецъ прославляетъ изобильные водою источники, группы пальмъ вокругъ нихъ и темный шатеръ; онъ воспѣваетъ смуглую дѣву, встрѣчающую его блаженнымъ привѣтомъ, прославляетъ ея красоту, сравниваетъ ея глаза съ глазами газели, ея уста— съ розою, благоуханія которой льются въ видѣ словъ и жемчужинами нанизываются въ раковины его уха; ради этой дѣвы онъ отвергаетъ первородную султанскую дочь и страстно призываетъ тотъ часъ, въ который судьба дозволитъ ему раздѣлить шатеръ со своею возлюбленной. Однако, товарищи побуждаютъ его къ еще болѣе возвышеннымъ чувствамъ, и потому мысли его все болѣе и болѣе обращаются къ пророку, «утоляющему наши желанія, наши помыслы».

Такова пѣснь, которая несется навстрѣчу чужеземцу-сѣверянину, и его уста невольно повторяютъ свои собственныя родныя пѣсни. И когда лишь послѣдніе розовые отблески закатившагося солнца напоминаютъ о минувшемъ днѣ, когда ночь разстилаетъ свой волшебный покровъ надъ пустынею, ему начинаетъ казаться, что всѣ перенесенныя имъ страданія были ничтожны, что онъ не чувствовалъ ни зноя, ни жажды, ни утомленія. Весело соскакиваетъ онъ съ сѣдла и, пока погонщики развьючиваютъ и связываютъ верблюдовъ, разравниваютъ и собираютъ въ кучу песокъ для своего ночлега, разстилаетъ коверъ и одѣяло и съ наслажденіемъ предается желанному отдыху.

Только на нѣсколько шаговъ кругомъ освѣщаетъ небольшой костеръ равнину. Дѣятельно копошатся вблизи его полунагіе, смуглые сыны пустыни. Пламя отбрасываетъ на нихъ волшебный свѣтъ, и въ ночной полутьмѣ они кажутся тѣнями: тюки и ящики, сѣдла и утварь принимаютъ причудливыя формы; широкимъ кругомъ расположившіеся верблюды превращаются въ привидѣнія, и глаза ихъ, при отраженіи огня, блестятъ мрачнымъ свѣтомъ. Все тише и тише становится въ лагерѣ. Сыны пустыни одинъ за другимъ оставляютъ верблюдовъ, съ которыми дѣлились скуднымъ ужиномъ, укутываются въ свои длинные бурнусы, опускаются на землю и сливаются съ пескомъ. Огонекъ вспыхиваетъ еще разъ, меркнетъ и потухаетъ. Въ лагерѣ наступаетъ полный покой.

Кто можетъ описать ночь въ пустынѣ, кто, кромѣ вдохновеннаго Богомъ поэта? Кто можетъ выразить словами ея красы, хотя бы самъ видѣлъ ихъ воочію, хотя бы самъ пережилъ, промечталъ и прогрезилъ безъ сна напролетъ всю эту дивную ночь? Тихая и кроткая, она спускается, послѣ дневного зноя, къ утомленному путнику, вознаграждаетъ и ласкаетъ его, пробуждаетъ въ душѣ его высокія, радостныя чувства, и онъ ждетъ ея, какъ свиданія съ возлюбленной.

«Leïla», свѣтлая звѣздная ночь пустыни, олицетворяетъ для арабовъ все высокое и прекрасное. Леилой зоветъ онъ свою дочь; словами: «моя звѣздная ночь» ласкаетъ онъ свою возлюбленную; «Leïla, o. Leïla!», —прибавляетъ онъ къ своей пѣснѣ, какъ звучную, конечную риѳму. Но что же это за ночь, которая здѣсь, въ пустынѣ, послѣ всѣхъ дневныхъ тягостей и мукъ, охватываетъ чарами чувства и душу? Съ невообразимой чистотой и ясностью свѣтятъ звѣзды на темномъ небесномъ сводѣ; ближайшія изъ нихъ бросаютъ даже легкія тѣни на свѣтлый фонъ пустыни. Полною грудью вдыхаетъ человѣкъ чистый, свѣжій, прохладный и подкрѣпляющій воздухъ; глаза его съ восторгомъ переходятъ съ одного солнца на другое. Свѣтъ звѣздъ какъ будто болѣе и болѣе спускается къ нему; духъ сбрасываетъ земныя оковы и вступаетъ въ общеніе съ другими мірами. Ни одинъ звукъ, ни одинъ шумъ, ни даже чирканье саранчи не прерываютъ его чувствъ и мыслей. Только теперь познаетъ онъ красоту и величіе пустыни, и невыразимый миръ проникаетъ въ его душу. Но въ то же время и гордое самосознаніе наполняетъ его грудь: здѣсь, среди необъятной пустыни, одинъ, лишенный человѣческаго общества и помощи, предоставленный самъ себѣ, онъ ощущаетъ, какъ крѣпнутъ его увѣренность, мужество и надежда. Невыразимо чарующія грёзы носятся передъ его бодрствующимъ взоромъ, и продолжаютъ рисоваться и сплетаться въ причудливые образы даже тогда, когда звѣзды начинаютъ мерцать и дрожать, мысли спутываются, и глаза смыкаются сномъ...

(Окончаніе будетъ.)

Грѣхи дѣтства.

Повѣсть Болеслава Пруса

(Съ польскаго.)

(Продолженіе.)

II.

Между нѣсколькими десятками первоклассниковъ, изъ которыхъ одинъ брилъ уже усы настоящей бритвой, трое по цѣлымъ днямъ дулись подъ скамейкой въ карты, а остальные были здоровы, какъ рекруты,—находился одинъ калѣка, Юзя. Это былъ горбатый мальчикъ, карликъ для своихъ лѣтъ, худощавый, съ маленькимъ синимъ носомъ, безцвѣтными глазами и гладко причесанными волосами. Онъ былъ такъ слабъ, что принужденъ былъ отдыхать, идя домой изъ школы, и такъ труслив, что, когда его вызывали, онъ со страху терялъ способность отвѣчать. Никогда онъ ни съ кѣмъ не дрался, только просилъ, чтобы его не били. Когда ему однажды хорошенько «заѣхали» въ худую, какъ щепка, руку—съ нимъ сдѣлалось дурно, но, придя въ себя, онъ не пошелъ жаловаться.

И отецъ, и мать его были въ живыхъ, но отецъ выгналъ мать изъ дому, а Юзю удержалъ при себѣ, желая лично заняться его воспитаніемъ. Онъ самъ хотѣлъ провожать сына въ гимназію, ходить съ нимъ на прогулку, помогать ему готовить уроки, но заняться всѣмъ этимъ мѣшалъ ему недостатокъ времени, которое удивительно быстро уплывало у него въ питейномъ заведеніи Мошки Липы.

Такимъ образомъ Юзя оставался безъ всякаго присмотра, и мнѣ подчасъ казалось, что на такого мальца даже Богъ неохотно смотритъ съ неба.

Тѣмъ не менѣе, у Юзи водились деньги — по три, по пяти копеекъ въ день. На эти деньги онъ долженъ былъ покупать себѣ, каждый день, во время большой перемѣны, двѣ булочки и колбаску. Но такъ какъ всѣ его преслѣдовали, то онъ, желая хоть чѣмъ-нибудь обезопасить себя, покупалъ по пяти булочекъ и раздавалъ ихъ самымъ сильнымъ товарищамъ, чтобы этимъ задобрить ихъ и привлечь на свою сторону.

Эти подачки не приносили ему существенной пользы, такъ какъ за плечами пятерыхъ привлеченныхъ на его сторону стояло трижды столько же жаждавшихъ подобнаго привлеченія. Надоѣдали ему безъ конца. Одинъ его щипалъ, другой таскалъ за волосы, третій старался уколоть, четвертый давалъ щелчки въ ухо, а менѣе отважный называлъ его, по крайней мѣрѣ, горбуномъ.

Юзя только улыбался на эти шутки товарищей, иногда просилъ: «оставьте меня въ покоѣ!..» — а иногда ничего не говорилъ, только закрывалъ лицо худыми руками и всхлипывалъ.

Товарищи кричали тогда: «смотрите, какъ у него трясется горбъ!» — и приставали къ нему еще назойливѣе.

Я сперва мало смотрѣлъ на горбуна, который казался мнѣ не стоящимъ вниманія. Но однажды тотъ большой товарищъ, который уже брилъ усы, сѣлъ за спиной Юзи и сталъ награждать его щелчками то въ одно, то въ другое ухо. Горбунъ плакалъ навзрыдъ, а классъ ревѣлъ отъ смѣха. Тогда что-то кольнуло меня въ сердце. Я схватилъ раскрытый перочинный ножикъ, всадилъ его въ руку верзилѣ, который мучилъ горбуна, и крикнулъ, что такъ будетъ съ каждымъ, кто позволитъ себѣ тронуть Юзю хоть пальцемъ!..

У верзилы брызнула изъ руки кровь, онъ поблѣднѣлъ, какъ стѣна, и, казалось, вотъ-вотъ упадетъ въ обморокъ. Весь классъ вдругъ пересталъ смѣяться, а потомъ раздались крики: «такъ ему и надо, пускай не пристаетъ къ калѣкѣ!»

Въ эту минуту вошелъ учитель и, узнавъ, что я ранилъ перочиннымъ ножикомъ товарища, хотѣлъ привести инспектора и сторожа съ розгой. Но всѣ стали просить за меня, даже самъ раненый верзила; поэтому мы поцѣловались — сначала я съ верзилой, потомъ онъ съ Юзей, потомъ Юзя со мной; на томъ дѣло и кончилось.

Послѣ этого я замѣтилъ, что горбунъ въ теченіе всего урока поворачивалъ голову въ мою сторону и улыбался, вѣроятно оттого, что въ теченіе цѣлаго часа не получилъ ни одного щелчка. Во время перемѣны никто также не надоѣдалъ ему, а нѣкоторые даже объявили, что будутъ его защищать. Онъ поблагодарилъ ихъ, но — прибѣжалъ ко мнѣ и хотѣлъ дать мнѣ булку съ масломъ. Я отказался; это слегка его смутило; потомъ онъ тихо сказалъ:

— Знаешь что̀, Лѣсневскій, я хочу сказать тебѣ по секрету...

— Говори, — отвѣчалъ я, — но только поскорѣе...

Горбунъ оторопѣлъ, и, немного погодя, спросилъ:

— У тебя есть уже пріятель?

— А что̀ мнѣ изъ того?..

— Потому что, видишь, если бы ты хотѣлъ, то я могъ бы быть твоимъ пріятелемъ.

Я поглядѣлъ на него сверху внизъ. Онъ смѣшался еще больше и снова спросилъ тонкимъ и сдавленнымъ голосомъ:

— Отчего ты не хочешь, чтобы я былъ твоимъ пріятелемъ?

— Потому что я не вожу знакомства съ такими, какъ ты!.. — отвѣчалъ я.

У горбуна сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, посинѣлъ носъ. Онъ хотѣлъ было уйти прочь, но еще разъ возвратился ко мнѣ, говоря:

— Быть-можетъ, ты хочешь, чтобы я сидѣлъ рядомъ съ тобой?.. Видишь, я слѣжу за тѣмъ, что̀ задаютъ учителя, и рѣшалъ бы за тебя задачи... Я умѣю хорошо подсказывать...

Послѣдній аргументъ я нашелъ убѣдительнымъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, я принялъ горбуна къ себѣ на скамейку, а мой сосѣдъ согласился, за пять булокъ, уступить ему свое мѣсто.

Послѣ большой перемѣны Юзя переселился ко мнѣ. Это былъ мой самый искренній приверженецъ, помощникъ и поклонникъ. Онъ подыскивалъ слова и дѣлалъ за меня всевозможные переводы, онъ рѣшалъ задачи, носилъ чернильницу, перья и карандаши для насъ обоихъ. А какъ онъ подсказывалъ!.. За время, проведенное мною въ гимназіи, многіе подсказывали мнѣ, нѣкоторымъ даже случалось стоять за это на колѣняхъ; но въ искусствѣ подсказыванья никто не могъ сравниться съ Юзей. Въ этой области горбунъ былъ профессоромъ, такъ какъ умѣлъ подсказывать, закрывъ ротъ, и корчилъ при этомъ такую невинную мину, что никто изъ учителей ничего и подозрѣвать не могъ...

Сколько разъ ни приходилось мнѣ сидѣть въ карцерѣ, горбунъ всегда приносилъ мнѣ украдкой хлѣбъ и мясо отъ своего обѣда. А когда меня встрѣчала какая-нибудь еще большая непріятность, онъ со слезами на глазахъ увѣрялъ товарищей, что я не дамъ себя въ обиду.

— О-о,—говорилъ онъ,—Казя такой сильный. Онъ схватитъ сторожа за плечи и броситъ его на землю, какъ перышко. Не бойтесь!..

Понятно, товарищи и не боялись, только онъ, бѣдный, боялся за насъ обоихъ.

Если горбуну на какомъ-нибудь урокѣ не нужно было внимательно слушать, тогда онъ разсыпался въ комплиментахъ по моему адресу:

— Боже мой, если бы я былъ такимъ сильнымъ, какъ ты!.. Боже мой, если бы у меня были такія способности!.. Знаешь, еслибъ ты хотѣлъ, ты въ одинъ мѣсяцъ сдѣлался бы первымъ ученикомъ.

III.

Однажды, совершенно неожиданно, учитель нѣмецкаго языка вызвалъ меня къ каѳедрѣ. Перепуганный Юзя едва успѣлъ подсказать мнѣ, что къ четвертому склоненію относятся всѣ существительныя женскаго рода, напримѣръ: die Frau—госпожа...

Я смѣло подошелъ къ каѳедрѣ и съ большимъ апломбомъ довелъ до свѣдѣнія учителя, что къ четвертому склоненію относятся всѣ существительныя женскаго рода, напримѣръ: die Frau — госпожа... Но дальше этого мои знанія не шли.

Учитель поглядѣлъ на меня, покачалъ головой и велѣлъ переводить. Я плавно и громко прочиталъ нѣмецкій текстъ разъ, потомъ, еще плавнѣе—второй разъ, но когда я сталъ въ третій разъ читать тотъ же самый отрывокъ, учитель отправилъ меня на мѣсто.

Возвращаясь на мѣсто, я замѣтилъ, что Юзя очень внимательно, съ чрезвычайно озабоченнымъ лицомъ, слѣдитъ за движеніемъ карандаша учителя.

Я машинально спросилъ горбуна:

— Не знаешь, что онъ мнѣ поставилъ?

— Не знаю...—со вздохомъ сказалъ Юзя.

— Но какъ тебѣ кажется?

— Я,—отвѣтилъ горбунъ,—поставилъ бы тебѣ пятерку или, по крайней мѣрѣ, четверку, а онъ...

— А сколько онъ поставилъ?

— Кажется мнѣ, что—единицу... Но онъ оселъ, что онъ тамъ понимаетъ!..—замѣтилъ Юзя тономъ глубокаго убѣжденія.

Несмотря на слабость своего здоровья, мальчикъ этотъ былъ прилеженъ и сообразителенъ. Я обыкновенно занимался въ классѣ чтеніемъ романовъ, а онъ слушалъ объясненія учителя и потомъ передавалъ ихъ мнѣ.

Однажды я спросилъ его, о чемъ говорилъ нашъ учитель естественной исторіи?

— Видишь ли, о томъ, — отвѣчалъ горбунъ съ таинственной миной, — что растенія имѣютъ сходство съ животными.

— Дуракъ онъ!—безапелляціонно рѣшилъ я.

— Нѣтъ, — замѣтилъ горбунъ, — онъ правъ. Я ужъ немного понялъ его.

Я принялся хохотать и сказалъ:

— Ну, если ты такой умный, такъ скажи мнѣ: въ чемъ сходство между вербой и коровой?

Мальчикъ задумался и медленно началъ:

— Видишь ли, корова растетъ и верба тоже растетъ...

— Что̀ же дальше?

— Видишь ли, корова питается и верба тоже питается соками изъ земли...

— А дальше?

— Корова женскаго рода, ну,—и верба женскаго рода,—объяснялъ Юзя.

— Но корова машетъ хвостомъ! — отвѣчалъ я.

— А верба машетъ вѣтвями! — отвѣчалъ онъ.

Такая сумма доказательствъ сокрушила мою вѣру въ существованіе разницы между животными и растеніями. Самый способъ доказательства понравился мнѣ, и съ той поры во мнѣ проснулась любовь къ естественной исторіи, кратко изложенной въ книжкѣ Писулевскаго. Благодаря доводамъ горбуна, я сталъ получать изъ этого предмета пятерки.

Какъ-то разъ Юзя не пришелъ въ классъ, а на слѣдующій день, передъ большой перемѣной, мнѣ сказали, что меня кто-то желаетъ видѣть. Я выбѣжалъ въ коридоръ, нѣсколько встревоженный, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, но, вмѣсто инспектора, увидѣлъ плотнаго мужчину съ пунцовымъ лицомъ, фіолетовымъ носомъ и красноватыми глазами.

Незнакомецъ спросилъ меня нѣсколько сиплымъ голосомъ:

— Ты, малышъ, и есть Лѣсневскій?

— Я.

Онъ переступилъ съ ноги на ногу, какъ будто пошатываясь, и сказалъ:

— Зайди-ка къ моему сыну Юзѣ, этому горбатому, знаешь? Онъ боленъ, третьяго дня его слегка переѣхали...

Снова онъ зашатался, взглянулъ на меня блуждающимъ взоромъ и ушелъ, громко стуча сапогами. Меня точно кто кипяткомъ окатилъ. Мнѣ казалось, что скорѣе меня должны были бы переѣхать, чѣмъ бѣднаго горбуна, такого добраго и слабаго.

Послѣ полудня у насъ уже не было уроковъ. Я не пошелъ домой на обѣдъ, а побѣжалъ прямо къ Юзѣ.

Они съ отцомъ жили на окраинѣ города, въ двухъ комнаткахъ одноэтажнаго домика. Когда я вошелъ, то засталъ горбуна въ короткой кроваткѣ. Онъ былъ совершенно одинъ. Дышалъ онъ тяжело и дрожалъ отъ холода, потому что печка не была протоплена. Зрачки его расширились такъ, что глаза стали почти черными. Въ комнатѣ пахло сыростью, а съ потолка падали капли таявшаго инея.

Я наклонился надъ кроватью и спросилъ:

— Что̀ съ тобой, Юзя?

Онъ оживился, открылъ ротъ, какъ будто желая улыбнуться, но только застоналъ, взялъ меня за руку высохшими пальцами и сталъ говорить:

— Я, вѣроятно, умру... Но мнѣ страшно такъ... одному... Поэтому я просилъ тебя придти... Это... видишь... не долго, а мнѣ будетъ немного веселѣе.

Никогда еще Юзя не казался мнѣ такимъ, какъ сегодня. Мнѣ казалось, что̀ калѣка превращается въ гиганта.

Онъ началъ глухо стонать и кашлялъ такъ сильно, что на губахъ у него появилась окрашенная кровью слюна. Потомъ онъ закрылъ глаза и тяжело дышалъ, а минутами и совсѣмъ не дышалъ. Если бы я не чувствовалъ пожатія его горячихъ рукъ, то я думалъ бы, что онъ умеръ.

Такъ мы просидѣли молча часъ, два, три часа. Я почти совершенно утратилъ способность соображать; Юзя заговаривалъ рѣдко и съ большимъ усиліемъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что на него наѣхалъ сзади какой-то возъ, что у него страшно болѣлъ горбъ, но теперь уже не болитъ, что отецъ вчера прогналъ служанку, а сегодня отправился за другой...

Потомъ, не выпуская моей руки, онъ попросилъ, чтобы я прочелъ ему нѣсколько молитвъ. Я прочиталъ, и когда началъ молитву Ангелу-хранителю, онъ прервалъ меня:

— Прочитай еще, — сказалъ онъ, — «Нынѣ отпущаеши...» Я завтра уже, вѣроятно, не проснусь...

Солнце зашло, и наступила какая-то сѣрая ночь, такъ какъ за тучами все еще свѣтилъ мѣсяцъ. Въ домѣ не было свѣчи, да я и не думалъ зажигать ее. Юзя съ каждой минутой становился все безпокойнѣе, бредилъ и только минутами приходилъ въ сознаніе.

Было уже поздно, когда съ улицы громко стукнула калитка. Кто-то прошелъ черезъ дворъ и, насвистывая, отворилъ дверь нашей избы.

— Это ты, отецъ? — простоналъ горбунъ.

— Я, мой сынокъ! — отвѣчалъ тотъ хриплымъ голосомъ.—Какъ ты себя чувствуешь? Навѣрно, лучше? Такъ и быть должно!..

— Папа... нѣтъ свѣчи...

— Глупости — свѣча!.. А это кто?— воскликнулъ онъ, натыкаясь на меня.

— Это—я...

— Ага! Лукашова? Прекрасно!.. Проспишься сегодня, а завтра — встанешь... Я губернаторъ!.. Ромъ-ямайка!..

— Покойной ночи, папа!.. Покойной ночи!..—шепталъ Юзя.

— Покойной ночи, покойной ночи, дитя мое!..—отвѣчалъ отецъ и, нагнувшись надъ кроватью, поцѣловалъ меня въ голову.

Я почувствовалъ, что у него подъ мышкой бутылка.

— Выспись,—прибавилъ онъ,—а завтра — маршъ въ гимназію!.. Шагомъ — маршъ!.. Ромъ-ямайка!..—закричалъ онъ и ушелъ въ другую комнату.

Тамъ онъ грузно усѣлся, очевидно, на сундукъ, ударился головой о стѣну, а черезъ минуту послышалось равномѣрное бульканье, какъ будто кто-нибудь пилъ.

— Казя! — прошепталъ горбунъ, — когда я буду уже... тамъ... приходи ко мнѣ изрѣдка. Скажешь мнѣ, что задано на урокъ...

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось восклицаніе:

— Здравія желаемъ господину губернатору!.. Виватъ!.. Я — губернаторъ!.. Ромъ-ямайка!..

Юзя началъ дрожать и говорить все безпокойнѣе:

— Меня такъ ломитъ!.. Не усѣлся ли ты на меня, Казя? Казя!.. Ахъ, не бейте меня такъ!..

— Ромъ!.. Ромъ-ямайка!..—слышалось въ сосѣдней комнатѣ.

Снова что-то забулькало, а потомъ бутылка съ страшнымъ стукомъ звякнула о-полъ.

Юзя притянулъ мою руку къ губамъ, схватилъ зубами за палецъ и — вдругъ отпустилъ. Онъ уже не дышалъ.

— Послушайте! — закричалъ я.— Послушайте! Юзя умеръ...

— Что ты тамъ чушь городишь?—пробурчалъ голосъ изъ другой комнаты.

Я сорвался съ кровати и сталъ въ дверяхъ, вглядываясь въ темноту.

— Юзя умеръ!.. — повторилъ я, весь дрожа.

Человѣкъ повернулся на сундукѣ и крикнулъ:

— Пошелъ вонъ, болванъ!.. Я его отецъ и лучше знаю, умеръ онъ или нѣтъ!.. Да здравствуетъ господинъ губернаторъ!.. Ромъ-ямайка!..

Я перепугался и убѣжалъ.

Всю ночь я не могъ уснуть, меня трясла лихорадка, мучили какія-то страшныя видѣнія. Утромъ меня осмотрѣлъ хозяинъ нашей квартиры, сказалъ, что у меня горячка, что, вѣроятно, я заразился отъ Юзи, и велѣлъ поставить мнѣ на поясницу двѣнадцать банокъ. Отъ этого средства наступилъ, какъ утверждалъ хозяинъ, такой благодѣтельный кризисъ, что я цѣлую недѣлю вынужденъ былъ пролежать въ постели.

IV.

Я не былъ на похоронахъ Юзи, котораго провожалъ на кладбище весь нашъ классъ съ учителями и ксендзомъ. Мнѣ разсказывали, что его похоронили въ черномъ атласномъ гробу, такомъ маленькомъ, какъ ящикъ изъ-подъ скрипки.

Отецъ его страшно плакалъ, а на кладбищѣ схватилъ гробикъ и хотѣлъ съ нимъ бѣжать. Несмотря на это, Юзю все-таки похоронили, а его отца приставъ съ помощью городового выпроводилъ съ кладбища.

Когда я въ первый разъ послѣ болѣзни пошелъ въ гимназію, мнѣ передали, что кто-то каждый день справляется обо мнѣ. Какъ-то, часовъ около одиннадцати, меня вызвали изъ класса. Я вышелъ: за дверями стоялъ отецъ умершаго Юзи. Лицо у него было блѣдно-фіолетоваго цвѣта, а носъ—сѣроватый. Онъ былъ совершенно трезвъ, только у него тряслись голова и руки.

Онъ взялъ меня за подбородокъ, долго всматривался въ мои глаза и потомъ вдругъ сказалъ:

— Ты вступился за Юзю, когда къ нему приставали товарищи?..

«Ужъ не рехнулся ли старый?» — подумалъ я, но ничего ему не отвѣтилъ.

Онъ обнялъ меня за шею и нѣсколько разъ поцѣловалъ въ голову, шепча:

— Да благословитъ тебя Богъ!..

Онъ выпустилъ мою голову и снова спросилъ:

— Ты былъ при его смерти? Скажи мнѣ правду, сильно онъ мучился?..

Потомъ онъ спохватился и быстро добавилъ:

— Впрочемъ, нѣтъ... ничего не говори!.. О, никто не знаетъ, какъ я несчастливъ!..

Изъ глазъ его закапали слезы. Онъ обѣими руками схватился за голову, отвернулся отъ меня и побѣжалъ къ лѣстницѣ, крича:

— Бѣдный я!.. бѣдный... бѣдный...

Онъ кричалъ такъ громко, что въ коридоръ вышли изъ классовъ учителя. Они поглядѣли ему вслѣдъ, покачали головами и велѣли мнѣ возвратиться въ классъ.

Подъ вечеръ какой-то факторъ принесъ ко мнѣ на квартиру сундучокъ и записку, на которой стояло только:

«Отъ бѣднаго Юзи—на память».

Въ сундучкѣ было множество прекрасныхъ книгъ, оставшихся послѣ покойника Юзи, а между ними: «Книга міра», «Донъ-Кихотъ», «Дрезденская галлерея» и другія. Книги эти пробудили во мнѣ страстную охоту къ серьезному чтенію.

Поздней весною я собрался первый разъ на могилку Юзи. Я былъ тамъ такимъ же маленькимъ и сгорбленнымъ, какъ онъ самъ. Могилу, какъ я замѣтилъ, кто-то обсадилъ зелеными вѣточками. Шагахъ въ двухъ отъ нея, въ травѣ, я нашелъ нѣсколько бутылокъ съ этикетками: Rum-Jamaica. Я провелъ на могилкѣ около часу, но не сказалъ Юзѣ, что̀ задано на уроки, такъ какъ и самъ не зналъ, да и онъ не спрашивалъ.

Черезъ недѣлю я снова пришелъ на кладбище, снова замѣтилъ свѣжесорванныя вѣточки на могилѣ Юзи, а въ травѣ снова нашелъ нѣсколько цѣлыхъ и разбитыхъ бутылокъ.

Въ первыхъ числахъ мая по городу разнеслась любопытная вѣсть: утромъ, около могилки Юзи, нашли трупъ его отца. Подлѣ него лежала наполовину опорожненная бутылка съ этикеткой: Rum-Jamaica.

Доктора говорили, что онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Эти событія подѣйствовали на меня отрезвляющимъ образомъ. Съ той поры мнѣ стало въ тягость общество товарищей и надоѣли ихъ шумныя игры. Я то погружался въ чтеніе книжекъ, которыя оставилъ мнѣ Юзя, то уходилъ за городъ, въ овраги, поросшіе кустарникомъ, и тамъ размышлялъ—Богъ вѣсть о чемъ. Не разъ я спрашивалъ себя, отчего

такъ грустно окончилась жизнь Юзи, и отчего отецъ его чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, что долженъ былъ постоянно посѣщать могилу сына. Я понялъ тогда, что самымъ большимъ несчастіемъ является одиночество, и понялъ, отчего бѣдный горбунъ искалъ во мнѣ пріятеля.

Мнѣ также нуженъ былъ теперь другъ. Но ни къ кому изъ товарищей какъ-то не лежало мое сердце. Вспомнилась мнѣ сестра. Нѣтъ, сестра не замѣнитъ друга!

Товарищи говорили обо мнѣ, что я одичалъ, а хозяинъ нашей квартиры нимало не сомнѣвался въ томъ, что меня ожидаетъ каторга.

V.

Наступилъ годичный актъ, на которомъ инспекторъ довелъ до свѣдѣнія всего свѣта, что я удостоенъ перевода во второй классъ. Случай этотъ повергъ меня въ радостное изумленіе. Вдругъ мнѣ стало казаться, что хотя въ гимназіи есть и другіе старшіе классы, но что ни одинъ изъ нихъ и въ сравненіе не можетъ идти со вторымъ. Я увѣрялъ товарищей, что ученики остальныхъ классовъ, отъ третьяго до седьмого включительно, повторяютъ только то, что они прошли во второмъ, и въ душѣ ужасно боялся, чтобы учителя не спохватились послѣ каникулъ, что меня перевели только по ошибкѣ, и не вернули бы меня обратно въ первый классъ.

На слѣдующій день я немного освоился со своимъ счастьемъ, а когда возвращался домой на вакаціи, то въ продолженіе всей дороги старался внушить кучеру, что я одинъ изъ всего класса переведенъ по заслугамъ, и что у меня отмѣтки были самыя лучшія. Я приводилъ ему такіе убѣдительные аргументы, что онъ началъ зѣвать. Когда же, однако, я умолкъ, то почувствовалъ со страхомъ, что самъ далеко не увѣренъ въ этомъ.

Подъѣзжая къ дому, я встрѣтилъ на дорогѣ сестру Зосю, которая выбѣжала навстрѣчу ко мнѣ. Я первымъ долгомъ сообщилъ ей, что уже во второмъ классѣ, и что мой пріятель, Юзя, умеръ, такъ какъ его переѣхалъ возъ. Она, въ свою очередь, сообщила, что соскучилась по мнѣ, что ея курица принесла десять цыплятъ, что къ графинѣ дважды въ недѣлю пріѣзжаетъ съ визитомъ какой-то господинъ, что у нихъ есть гувернантка, которая влюблена въ эконома, и что покойникъ Юзя совсѣмъ будто бы ее, Зосю, не интересуетъ, потому что онъ былъ горбунъ, но что ей все-таки жаль его.

Говоря это, она старалась казаться взрослой барышней.

Отца я увидѣлъ въ полдень. Онъ очень привѣтливо поздоровался со мной и сказалъ, что на вакаціи дастъ мнѣ лошадь и позволитъ стрѣлять изъ большого пистолета, а потомъ прибавилъ:

— Ступай сейчасъ же въ господскій домъ и поздоровайся съ госпожой графиней, хотя...

При этихъ словахъ онъ махнулъ рукой.

— Что же такое случилось, папа?..— спросилъ я, какъ взрослый человѣкъ, и самъ испугался своей смѣлости.

Сверхъ ожиданія, отецъ отвѣчалъ безъ гнѣва, но съ оттѣнкомъ горечи въ голосѣ:

— Теперь ей уже не нуженъ старый управляющій. Вскорѣ здѣсь будетъ новый господинъ, а этотъ и самъ сумѣетъ...

Онъ остановился и, отвернувшись, проговорилъ сквозь зубы:

— Проиграть имѣніе въ карты...

Въ моемъ умѣ мелькнуло подозрѣніе, что за время моего отсутствія здѣсь произошли большія перемѣны. Я пошелъ поздороваться съ помѣщицей. Она приняла меня ласково, но я замѣтилъ, что ея когда-то печальные глаза глядѣли теперь совсѣмъ иначе.

Возвращаясь, я встрѣтилъ на дворѣ отца и сообщилъ ему, что графиня показалась мнѣ такой веселой, какъ никогда: вертится, хлопаетъ въ ладоши, совсѣмъ какъ горничная.

— Ба! каждая женщина передъ свадьбой чувствуетъ себя превосходно...—отвѣ-

чалъ отецъ, какъ будто говоря самъ съ собой.

Въ эту минуту къ господскому дому подкатилъ легкій экипажъ, и изъ него выскочилъ высокій мужчина съ черной бородой и огненными глазами. Кажется, графиня выбѣжала на крыльцо, такъ какъ я увидѣлъ, какъ изъ двери протянулись къ нему двѣ руки.

Отецъ шелъ впереди меня, тихо посмѣивался и бормоталъ:

— Га! га!.. Всѣ бабы съ ума сошли!.. Барыня льнетъ къ франту, а гувернантка— къ эконому... Для Соломоніи остался я или ксендзъ-пробощъ... Га! га!..

Мнѣ шелъ двѣнадцатый годъ, и я уже достаточно наслышанъ былъ о любви. Тотъ товарищъ, который брилъ усы и три года сидѣлъ въ первомъ классѣ, не разъ разсказывалъ намъ о своихъ чувствахъ къ какой-то барышнѣ, которую по два раза въ день онъ видѣлъ на улицѣ или же черезъ форточку. Наконецъ, я самъ прочелъ нѣсколько чрезвычайно занимательныхъ романовъ и прекрасно помню, сколько огорченій причиняли мнѣ ихъ герои.

Поэтому намеки отца произвели на меня непріятное впечатлѣніе. Я преисполнился симпатіи къ нашей помѣщицѣ и даже къ гувернанткѣ, но возненавидѣлъ франта и эконома. Я никогда не признался бы вслухъ (я не смѣлъ даже объ этомъ опредѣленно подумать), но мнѣ казалось, что и наша госпожа, и гувернантка сдѣлали бы куда лучше, если бы стали вздыхать... по мнѣ!..

Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней я обѣгалъ деревню, паркъ, конюшни, ѣздилъ верхомъ, катался на лодкѣ, но вдругъ почувствовалъ, что мнѣ начинаетъ дѣлаться скучно. Отецъ все чаще разговаривалъ со мной, какъ съ взрослымъ человѣкомъ, винокуръ приглашалъ меня на «старку», а сельскій экономъ напрашивался на дружбу и даже обѣщалъ разсказать мнѣ о страданіяхъ, которыя онъ терпитъ изъ-за гувернантки,—но меня это не интересовало. И старку винокура, и признанія эконома я отдалъ бы за одного хорошаго товарища. Но когда я въ мысляхъ перебиралъ тѣхъ, которые вмѣстѣ со мною перешли во второй классъ, я приходилъ къ заключенію, что ни одинъ изъ нихъ не могъ бы подойти къ моему теперешнему настроенію.

Иногда изъ глубины моей души подымался печальный образъ умершаго Юзи и говорилъ мнѣ о невѣдомыхъ вещахъ, голосомъ болѣе тихимъ, чѣмъ дуновеніе лѣтняго вѣтерка. Тогда мною овладѣвала какая-то тоска, и я грустилъ, самъ не вѣдая о чемъ...

Когда однажды, подъ наплывомъ такихъ думъ, я слонялся по зарастающимъ травою дорожкамъ парка, передо мной неожиданно выросла на дорогѣ Зося.

— Отчего ты не играешь съ нами?— спросила она.

Меня въ жаръ бросило.

— Съ кѣмъ?..

— Со мной и съ Леней.

Останется вѣчной загадкой, отчего въ эту минуту имя Лени смѣшалось у меня съ образомъ Юзи, и отчего я покраснѣлъ такъ, что у меня горѣло лицо и на лбу проступилъ потъ.

— Что-жъ это—ты не хочешь съ нами играть?—съ удивленіемъ спросила сестра.— На Пасхѣ здѣсь былъ одинъ ученикъ третьяго класса и вовсе не важничалъ, какъ ты. Онъ по цѣлымъ днямъ гулялъ съ нами.

И снова, безъ всякой причины, я почувствовалъ ненависть къ этому третьекласснику, котораго и въ глаза не видѣлъ. Я отвѣчалъ Зосѣ запальчивымъ тономъ, хотя въ сердцѣ не имѣлъ противъ нея обиды:

— Я не знаю этой Лени.

— Какъ не знаешь? Развѣ ты не помнишь, какъ тебѣ досталось за нее отъ прежней гувернантки? Развѣ не помнишь, какъ Леня плакала и просила, чтобы тебѣ не дѣлали ничего худого, когда сгорѣлъ этотъ... хлѣвъ?..

Понятно, что я все помнилъ, и лучше

всего самоё Леню; я долженъ, однако, признаться, что мнемоническія способности сестры разсердили меня. Мнѣ казалось вещью, несообразной съ достоинствомъ моего мундира, что люди въ деревнѣ, а особенно дѣвочки-подростки, обладаютъ такой хорошей памятью.

Подъ давленіемъ этихъ чувствъ я отвѣчалъ, какъ самый послѣдній грубіянъ:

— Ахъ, оставь ты меня въ покоѣ вмѣстѣ съ твоей Леней.

И я пошелъ вглубь парка, одинаково недовольный какъ неумѣстными воспоминаніями сестры, такъ и тѣмъ, что я не играю съ дѣвочками. Самъ я, впрочемъ, не могу утвердительно сказать, чего именно мнѣ хотѣлось; но я былъ такъ золъ, что, когда мы сошлись опять съ Зосей дома, я не захотѣлъ разговаривать съ ней.

Смущенная сестра старалась не попадаться мнѣ на глаза, но тогда я самъ сталъ искать ее, чувствуя, что мнѣ чего-то недостаетъ, что вопросъ о совмѣстныхъ играхъ я поставилъ на ложную почву. Поэтому, для исправленія положенія дѣлъ, когда огорченная Зося взялась за шитье, я схватилъ первую попавшуюся книжку и, послѣ двухминутнаго перелистыванія страницъ, швырнулъ ее на столъ, говоря какъ будто бы про себя:

— Всѣ дѣвчонки глупы!..

Мнѣ казалось, что этотъ афоризмъ выйдетъ чрезвычайно глубокомысленнымъ. Однако, едва я его окончилъ, какъ почувствовалъ, что въ немъ что-то неладно. Мнѣ сдѣлалось жаль сестры, сдѣлалось стыдно... Не говоря ни слова, я поцѣловалъ сестру въ обѣ щеки и пошелъ въ лѣсъ.

Боже! какимъ несчастнымъ я чувствовалъ себя въ тотъ день... Но это было только начало моихъ страданій.

Не хочу ничего скрывать. Цѣлую ночь мнѣ снилась Леня, и съ того времени, вмѣсто бѣднаго горбуна, я видѣлъ въ моихъ мечтахъ ея образъ. Мнѣ казалось, что она одна могла бы быть для меня тѣмъ другомъ, въ которомъ я давно нуждался. Въ мечтахъ я говорилъ съ ней такъ длинно и такъ хорошо, какъ пишутъ въ романахъ, и былъ вѣжливъ, какъ настоящій маркизъ. Въ дѣйствительности же я не могъ собраться съ духомъ, чтобы пойти въ паркъ, гдѣ играли дѣвочки; къ ихъ веселому смѣху, прерываемому замѣчаніями гувернантки, я прислушивался изъ-за забора.

Я хорошо помню то мѣсто, куда изъ господскаго дома выбрасывали соръ и гдѣ росли лопухи и высокая крапива. Я простаивалъ тамъ по цѣлымъ часамъ, чтобы уловить нѣсколько неясныхъ фразъ, услышать топотъ ботинокъ по дорожкѣ и увидѣть мелькающее платье Лени, когда она прыгала черезъ веревочку.

Черезъ минуту все смолкало въ паркѣ, и тогда я чувствовалъ палящій зной солнца и слышалъ безконечное жужжанье мухъ, кружившихся надъ сорною кучей. Потомъ снова долетали ко мнѣ отголоски смѣха и бѣготни, черезъ щелку въ заборѣ мелькали платьица, а потомъ снова слышался только шопотъ деревьевъ, щебетанье птицъ, было жарко, и назойливыя мухи лѣзли мнѣ чуть не въ ротъ.

Вдругъ изъ господскаго дома послышался голосъ:

— Леня!.. Зося!.. идите въ комнаты...

Это гувернантка. Я возненавидѣлъ бы и ее, если бы мнѣ не было извѣстно, что она также страдаетъ отъ любви.

VI.

Во время одной изъ экскурсій подъ заборъ, я убѣдился, что одиночество мое не полное. Съ бугорка я увидѣлъ, среди зеленой чащи лопуха, сѣрую отъ времени соломенную шляпу, сквозь которую виднѣлись изжелта-бѣлые волосы, такъ какъ у шляпы не было дна.

Когда я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ту сторону,—волосы и шляпа поднялись надъ лопухомъ, и показался семи, а можетъ-быть, восьмилѣтній мальчикъ въ длинной, но грязной рубашкѣ, стянутой

около нея веревкой. Я заговорилъ съ нимъ, но мальчикъ сорвался съ своего мѣста и убѣжалъ, какъ заяцъ, по направленію къ полю. Красный воротникъ моего мундира и серебряныя пуговицы вообще производили сильное впечатлѣніе на крестьянскихъ дѣтей.

Я медленно отошелъ въ сторону усадьбы, и по мѣрѣ того, какъ я удалялся, мальчикъ приближался къ забору. Когда я скрылся за пристройкой, онъ взобрался на сорную кучу и приложился глазомъ къ той самой щелкѣ, черезъ которую я заглядывалъ въ садъ. Очень сомнѣваюсь, чтобы онъ что-нибудь видѣлъ, хоть онъ и не отрывалъ глазъ.

Когда на другой день я пришелъ на обычный постъ, чтобы подсматривать за играми дѣвочекъ, — я снова примѣтилъ между лопухами сѣрую шляпу, надъ ней—изжелта-бѣлые волосы, а подъ оборванными полями—пару устремленныхъ на меня глазъ. Солнце жгло немилосердно, поэтому мальчикъ потихоньку сорвалъ большой листъ лопуха и закрылся имъ, какъ зонтикомъ. Я не видѣлъ уже болѣе ни шапки, ни волосъ, а только грязную рубашку, слегка раскрытую на груди.

Когда я отошелъ, мальчикъ снова взобрался на сорную кучу и снова, какъ вчера, приложилъ ухо къ щелкѣ, думая, вѣроятно, что хоть теперь-то я не успѣлъ высмотрѣть всего любопытнаго, чѣмъ привлекалъ насъ обоихъ паркъ.

Въ ту минуту я постигъ весь комизмъ моего поведенія. Вотъ было бы хорошо, если бы отецъ, или винокуръ, или даже—сама Леня увидѣли, что я, ученикъ второго класса, въ мундирѣ, выстаиваю часами подъ заборомъ, на сорной кучѣ, чередуясь съ какимъ-то кандидатомъ въ пастухи, который—не знаю—носилъ ли даже когда-нибудь чистую рубашку!

Стыдъ охватилъ меня. Развѣ я не имѣю права открыто входить въ садъ, не прячась по угламъ, какъ этотъ мальчикъ въ оборванной шляпѣ?..

Сорная куча и щелка въ заборѣ опротивѣли мнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ во мнѣ проснулось любопытство: что̀ это за мальчикъ? Дѣти въ его годы уже пасутъ гусей, а онъ безъ пользы тратитъ самую лучшую пору молодости, шатаясь за усадьбой, подсматриваетъ за чужими дѣлами, а когда его спрашиваютъ, онъ, вмѣсто того, чтобы учтиво отвѣчать, убѣгаетъ, какъ кроликъ.

«Погоди же,—подумалъ я,—здѣсь ты меня больше не увидишь, но зато я прослѣжу, что̀ ты за человѣкъ».

Я помнилъ, что въ романахъ, на ряду съ героями и героинями, попадаются такіе загадочные незнакомцы, относительно которыхъ надо держаться на-сторожѣ, чтобы во̀-время разрушить ихъ интриги.

Черезъ два дня, никого не разспрашивая, я узналъ все, что̀ было нужно, о таинственномъ незнакомцѣ. Это не былъ злокозненный интриганъ. Это былъ Ва̀лекъ, сынъ дворовой судомойки, котораго всѣ знали, но никто имъ не интересовался. Благодаря этому, мальчикъ имѣлъ много свободнаго времени и, какъ я самъ потомъ убѣдился, проводилъ его не совсѣмъ пріятнымъ для другихъ образомъ.

Ва̀лекъ никогда не зналъ отца—обстоятельство, которымъ всѣ досаждали его матери, женщинѣ немного игриваго темперамента. На остроты дворни судомойка отвѣчала крикомъ и бранью, а такъ какъ это ей не доставляло, видимо, полнаго удовлетворенія, то остальное она доколачивала на Валекѣ.

Мальчикъ еще ползалъ на четверенькахъ, въ рубашкѣ, собранной узломъ на шеѣ (что производило такое впечатлѣніе, какъ будто ея совсѣмъ не было), а его уже называли найдёнышемъ.

— Ты его нашелъ?..—спрашивала тогда мать, и продолжала кричать: — А чтобъ васъ Богъ покаралъ за мою обиду!.. А чтобъ у васъ отсохли руки и ноги!.. А чтобъ ты пропалъ!..

Послѣднее пожеланіе относилось къ Валеку, который вслѣдъ за тѣмъ получалъ пинокъ пониже узла рубашки. Ребенокъ,

пока былъ глупъ, отвѣчалъ на такое потчиванье громкимъ плачемъ. Но когда онъ набрался ума, что наступило довольно скоро, то сталъ молчать, какъ кроликъ, и прятался подъ лавку, за большую лохань, въ которой давали свиньямъ кормъ. Вѣроятно, онъ не хотѣлъ быть вторично обвареннымъ кипяткомъ, что ему однажды пришлось испытать.

Бывало и такъ, что Валекъ просиживалъ подъ лавкой цѣлый часъ, пока не сходились люди къ обѣду или ужину. Изрѣдка, видя голову ребенка, высовывающуюся изъ-подъ лавки, и его глаза, въ которыхъ блестѣли слезы недавней обиды, а также—интересъ къ клецкамъ, парубки спрашивали у матери:

— А тому не дадите, котораго нашли въ картофелѣ?..

— А чтобъ онъ вмѣстѣ съ тобой грызъ землю,—отвѣчала раздразненная женщина и, хотя раньше имѣла намѣреніе накормить Валека, теперь не давала ему ѣсть.

— Однакоже такъ нельзя, чтобы мальчикъ, хотя и найденышъ, околѣвалъ съ голоду,—урезонивали ее другія бабы.

— И сдохнетъ на зло вамъ, если вы такъ бѣснуетесь!..

А такъ какъ она сидѣла на ведрѣ, почти спиною къ лавкѣ, то Валекъ получалъ пяткой въ зубы.

Тогда парубки, наперекоръ матери, доставали его изъ-подъ прикрытія и кормили.

— Ну, Валекъ, — говорилъ одинъ, — поцѣлуй Каштанку въ хвостъ, тогда получишь клецокъ.

Мальчикъ въ точности исполнялъ приказаніе и зато глоталъ большія клецки, даже не разжевывая ихъ.

— Ну, а теперь съѣзди-ка мать по затылку, тогда получишь молока.

— А чтобъ вамъ руки покривило! — кричала судомойка, и мальчикъ исчезалъ подъ лавку.

Часто запыхавшійся, перепуганный, онъ опрометью бѣжалъ на дворъ и скрывался въ густыхъ кустахъ насупротивъ господскаго дома. А когда высыхали на глазахъ его слезы, онъ видѣлъ на балконѣ прекрасный столикъ, предъ нимъ два маленькихъ стула, а на нихъ Леню и мою сестру, которымъ горничная подвязывала салфетки подъ подбородокъ, Соломонія наливала бульонъ, а графиня говорила:

— Дуйте, дѣтки, не обожгите языка, не испачкайте платьевъ... Быть-можетъ, не солоно?..

Вскорѣ парубки уходили на работу, и въ кухнѣ никого не оставалось; тогда судомойка выходила на дворъ и кричала:

— Валекъ!.. Валекъ!.. Ступай сюда...

Мальчикъ по самому зову узнавалъ, что онъ можетъ безопасно выйти изъ своего убѣжища, и бѣжалъ къ кухнѣ. Тамъ онъ получалъ отъ матери кусокъ хлѣба, деревянную ложку и немного борщу въ огромной мискѣ, изъ которой ѣло шесть человѣкъ. Онъ садился на землю, мать ставила ему миску между ногами и, поправивъ рубашку на плечахъ, говорила:

— А если ты еще когда-нибудь поцѣлуешь собаку въ хвостъ, такъ я тебѣ всѣ кости пересчитаю. Помни это!

Затѣмъ она удалялась мыть посуду.

Тогда, какъ изъ-подъ земли, вылѣзалъ откуда-то дворовый песъ и садился напротивъ мальчика. Сперва онъ щелкалъ зубами, отгоняя мухъ, зѣвалъ, облизывался. Затѣмъ нюхалъ борщъ разъ, другой, и осторожно погружалъ въ него языкъ. Валекъ билъ его ложкой по лбу. Песъ отходилъ, снова зѣвалъ и снова дѣлалъ два-три хлебка, но уже немного смѣлѣе. Послѣ этого мальчикъ могъ сколько угодно колотить его ложкой по лбу: песъ, набравшись аппетиту, ни за какія сокровища не вынулъ бы морды изъ миски. Тогда и Валекъ соображалъ, что тому будетъ лучше, кто больше съѣстъ, — и онъ ѣлъ, чуть не задыхался, съ одной стороны, а песъ хлебалъ съ другой.

Когда мать была въ хорошемъ настроеніи, и Валекъ попадался ей подъ руку, тогда ему подчасъ перепадали и лакомства съ барскаго стола.

— На, полакомься, — говорила судомойка, давая ему крошки печеній, тарелку, испачканную соусомъ, рыбью голову, необглоданное крылышко, или же стаканъ, на днѣ котораго оставалось еще нѣсколько капель кофе и кусочекъ нерастаявшаго сахару.

Когда онъ все высасывалъ изъ стакана или до-чиста вылизывалъ тарелку, мать его спрашивала:

— А что—вкусно?

Валекъ подбоченивался, какъ это дѣлали обыкновенно парубки послѣ обѣда, глубоко вздыхалъ и, заломивъ на̀-бокъ свою старую шляпу, отвѣчалъ:

— Наѣлся человѣкъ—и слава Богу!.. Нужно идти на работу...

Онъ оставлялъ кухню и уходилъ куда-нибудь на цѣлыхъ полдня.

Свои игры онъ приноравливалъ къ тому, что̀ дѣлали старшіе. Во время пахоты онъ доставалъ изъ-за корыта кнутъ, вытаскивалъ изъ изгороди первый попавшійся колъ или же бралъ корень выворочепнаго дерева, и пахалъ по цѣлымъ часамъ, толчась на одномъ мѣстѣ и покрикивая:

— Ну-ну!..

Когда ловили рыбу, онъ отыскивалъ въ мусорѣ старое рѣшето и съ неослабнымъ терпѣніемъ погружалъ его въ воду; въ другой разъ садился верхомъ на палочку и отправлялся поить лошадей. Однажды, найдя около овчарни старый лапоть изъ липоваго лыка, онъ пустилъ его на воду и какъ будто бы плавалъ въ лодкѣ—конечно, въ воображеніи. Словомъ, онъ забавлялся какъ нельзя лучше, но при этомъ никогда не смѣялся. Съ его дѣтскаго лица не сходило выраженіе невозмутимой серьезности, которое временами смѣнялось страхомъ. Въ большихъ глазахъ виднѣлось постоянное удивленіе, какъ у людей, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ глядѣли на невиданныя вещи.

(Окончаніе будетъ.)

Очерки Кавказа.

В. В. Уманова-Каплуновскаго.

(Посвящается Вас. И. Немировичу-Данченко.)

I.

Терекъ.

Не зная на пути преградъ,
Питомецъ гордаго Казбека
Несется средь нѣмыхъ громадъ,
Не замѣчая человѣка.
Съ неудержимой быстротой
Чрезъ валуны перелетая,
Онъ плещетъ мутною волной
И мчится вдаль, не уставая.
Не разъ онъ злобно поглощалъ
Лихихъ наѣздниковъ аула
И вѣковыя глыбы скалъ
Въ порывѣ гнѣвнаго разгула.
Шли дни, и вдругъ съ сѣдыхъ высотъ
Упалъ утесъ такой могучій,
Что взвылъ кругомъ водоворотъ
И глянулъ Терекъ черной тучей...

Но не рѣшился въ бой вступить
И, затаивъ съ обидой мщенье,
Онъ обошелъ, чтобъ путь пробить,
Чтобъ самому найти спасенье,
И побѣжалъ онъ, застонавъ,
То извиваясь полосою,
Бросаясь по камнямъ стремглавъ,
То вмигъ теряясь подъ скалою...

II.

На Зекарскомъ перевалѣ.

Потокъ у ногъ моихъ бѣжалъ
И съ шумомъ въ безднѣ пропадалъ;
Чинары обвиты плющемъ;
Лѣсъ рододендроновъ кругомъ...
Я дальше, дальше поспѣшалъ,—
Впередъ, впередъ!
Вотъ буки, лавры и каштанъ;
Вотъ пальма—гордый великанъ...
Но мысль одна меня влекла
Туда, гдѣ снѣжная скала,
Гдѣ рѣетъ утренній туманъ,—
Впередъ, впередъ!
Чѣмъ выше,—тѣмъ бѣднѣй нарядъ...
Ужъ не мелькалъ магнолій рядъ;
Орлы кричали въ сторонѣ;
Сшибались вѣтры въ вышинѣ...
Съ восторгомъ устремлялъ я взглядъ
Впередъ, впередъ!
Я скрылся въ бѣлыхъ облакахъ...
Мнѣ сердце сжалъ невольный страхъ;
Воскресли въ памяти друзья,
И домъ родимый, и семья...
Но мигъ—и снова на устахъ:
«Впередъ, впередъ!»
И вотъ у цѣли я стою
Въ другомъ, заоблачномъ краю,
Гдѣ такъ свободно дышитъ грудь...
Ужель оконченъ длинный путь!
Я рвусь догнать мечту свою
Впередъ, впередъ!
Въ изнеможеньи я упалъ...
Не знаю, спалъ я иль не спалъ...
Мелькали горы, облака...
Шумѣла весело рѣка,
И чей-то голосъ все звучалъ:
«Впередъ, впередъ!»

„Укоры совѣсти г-жи Дюранъ“. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Юмористическій очеркъ **Андріена Вели.**

I.

Поль Задира, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей нашей репортерской клики, находится въ затруднительномъ положеніи. Весь опустившись, онъ скорѣе лежитъ, нежели сидитъ въ своемъ креслѣ передъ большимъ редакціоннымъ столомъ. Онъ въ тревогѣ; онъ въ недоумѣніи, и перо его, только что размашисто бѣгавшее по бумагѣ, теперь бездѣйствуетъ. На бѣломъ листѣ, который лежитъ передъ нимъ, ничего еще не написано; а между тѣмъ, время быстро идетъ впередъ, и «*Цырюльникъ*» рискуетъ выйти сегодня неполнымъ, т. е., вѣрнѣе говоря, съ однимъ незаполненнымъ полустолбцомъ. Положимъ, этотъ пробѣлъ можно хоть сейчасъ заполнить вырѣзками изъ другихъ газетъ, хотя бы даже вчерашнихъ. Но этотъ весьма удобный пріемъ противенъ чувству добросовѣстности, которое очень цѣнитъ въ себѣ Задира. Онъ въ высшей степени уважаетъ свое... искусство (простите, чуть-было не сказалъ: *ремесло!*). Съ той минуты, какъ онъ сопричисленъ къ сотрудникамъ газеты «*Цырюльникъ*», не проходило дня, чтобы его бойкое перо не дарило читателей какимъ-нибудь новымъ и, особенно,—сенсаціоннымъ извѣстіемъ. Сегодня же, впервые, онъ положительно сталъ втупикъ.

Время шло, онъ кусалъ перо, ломалъ себѣ голову; но ничего изъ этого не выходило. Вдругъ лицо его просіяло; онъ вскричалъ: «Эврика!», и перо его съ изумительной быстротою забѣгало по бѣлому листу бумаги. Затѣмъ, когда дѣло сдѣлано, онъ спускается самъ въ типографію и передаетъ свою рукопись метранпажу, прося его не болтать и стараясь при этомъ сохранить такой невинный и безучастный видъ, который не далъ бы никому изъ окружающихъ заподозрить всю важность только что сдѣланнаго имъ сообщенія.

А вечеромъ подписчики «*Цырюльника*» съ удивленіемъ прочитали на его столбцѣ «Новости и отголоски» нижеслѣдующія строки, которыя мы приводимъ дословно:

«**Важное событіе въ драматическомъ мірѣ.** Одинъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, который считается наиболѣе знакомымъ съ даннымъ вопросомъ, не дальше, какъ вчера, увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что нашъ знаменитый драматургъ, Эме Лажье, поклявшійся ничего больше не писать для сцены, внезапно измѣнилъ своей клятвѣ. Онъ занятъ теперь исключительно созданіемъ новой большой пятиактной комедіи, которую онъ, будто бы, предназначаетъ для одного изъ нашихъ лучшихъ театровъ, и, пожалуй, для «Французской Комедіи».

«Эта высокопоставленная особа была даже настолько откровенна, что сообщила и названіе пьесы,—названіе столько же загадочное, сколько и заманчивое: «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*».

«Остается только узнать, когда она появится на сценѣ?...»

Можно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе произвело это извѣстіе, сообщенное публикѣ самымъ распространеннымъ органомъ парижской печати! На утро его уже подхватили второстепенные

газеты и листки, и волненіе пошло все возрастая. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ «*Сантильянъ*» было напечатано:

«На горизонтѣ виднѣется новинка. Маститый академикъ, нашъ уважаемый Эме Лажье, который, повидимому, отказался отъ стяжанія драматическихъ лавровъ, отъ творчества, отъ созданія перловъ сценическаго искусства, хочетъ, однако, снова возвратиться къ своей первой любви. Его новая пятиактная драма носитъ любопытное названіе: «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*» и предназначается для «Французской Комедіи», или, пожалуй, для котораго-либо изъ другихъ подобныхъ театровъ. Мы счастливы, что можемъ сообщить нашимъ читателямъ такую пріятную новость.»

Газета «*Непримиримый*» сообщила то же извѣстіе, но съ еще большими подробностями:

«Директоръ одного изъ парижскихъ театровъ, объ имени котораго мы умолчимъ, ставитъ въ близкомъ будущемъ интересную траги-комедію въ трехъ дѣйствіяхъ. Называется она «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*»; авторъ ея—Эме Лажье. Это прекрасное произведеніе великаго драматурга готовится къ постановкѣ для открытія сезона...»

Что за говоръ, что за суматоха закипѣли въ закулисномъ мірѣ! Читатели газетъ, принесшихъ такія разнорѣчивыя извѣстія, только и говорили, на всѣ лады, что о новомъ дѣтищѣ маститаго драматурга, любимца публики—Лажье. Не было, кажется, во всей столицѣ такого театра, директоръ котораго оставался бы въ покоѣ. Тревога овладѣла не только директорами, но и виднѣйшими артистами и артистками. Директора объявляли, что текущая пьеса идетъ «въ *послѣдній* разъ», чтобы дать публикѣ возможность предположить, будто у нихъ начнутся спѣшныя приготовленія къ постановкѣ будущей пьесы Эме Лажье. Въ тотъ же вечеръ, въ театрѣ «*Буффъ*», во время антракта, «звѣзда» отозвала директора въ сторонку, и, таинственно пошептавшись, оба заперлись наединѣ въ его кабинетѣ. Другая—тоже знаменитость—нарочно пріѣхала изъ дому въ театръ во время представленія и битыхъ два часа проговорила со своимъ импрессаріо.

На слѣдующій день, «*Приказчичья Газета*» такимъ образомъ блестяще заключила отчетъ о вчерашнемъ спектаклѣ:

«Кстати, намъ случилось мимоходомъ уловить отрывокъ изъ разговора двухъ директоровъ, жестоко враждующихъ между собою.

«— Итакъ, вы, видно, въ сорочкѣ родились, счастливецъ, что вамъ выпала на долю честь ставить у себя на сценѣ «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*»?

«— Позвольте вамъ сказать, что я объ этомъ еще и слухомъ не слыхалъ, и видомъ не видалъ! Почемъ знать? Можетъ-быть, Эме Лажье намѣревается пьесу отдать не мнѣ, а *вамъ?*

«— Вы шутите, голубчикъ!.. Впрочемъ, на всякій случай, я пригласилъ Софи Бенаръ. Лучше ужъ заблаговременно быть наготовѣ!»

Такимъ образомъ, послѣдствія всѣхъ толковъ и извѣстій получились самыя разнообразныя и поразительныя.

Одни говорили, что новая пьеса Лажье—драма или комедія въ шекспировскомъ духѣ, а слѣдовательно, вещь просто неисполнимая. Другіе выдавали за достовѣрное, что эта драма предназначается для сцены «*Одеона*». И въ самомъ дѣлѣ: директоръ послѣдняго уже поговаривалъ о томъ, чтобы уничтожить первые три ряда креселъ и отвести ихъ подъ оркестръ въ тѣхъ видахъ, что музыка, написанная къ этой драмѣ знаменитымъ композиторомъ Жюлемъ Массе, требуетъ усиленія оркестровыхъ силъ... То, вдругъ, откуда-то разнеслись слухи, что Эме Лажье, въ припадкѣ великодушія, предоставилъ задуманный имъ планъ пьесы въ распоряженіе извѣстнаго либреттиста Луи Моэллага, и что этотъ послѣдній взялся создать изъ него либретто для брюссельской Оперы.

А на другой день уже сообщалось (подъ строжайшею тайной, конечно!), что цензура предполагаетъ сдѣлать значительныя урѣзки въ этой пьесѣ, самое названіе которой даетъ поводъ предположить въ ней нѣкоторыя не совсѣмъ цензурныя мѣста.

Нашлись и такія личности, которыя громко возмущались, вопіяли къ правосудію: «помилуйте! да это разбой, грабежъ среди бѣла дня!» Одна изъ такихъ личностей объяснила, что лѣтъ десять тому назадъ она поставила въ «Фоли-Мариньи» драму подъ заглавіемъ: «*Раскаяніе г-жи Дюронъ*». Ну, а «*раскаяніе*» или «*укоры совѣсти*», «*Дюронъ*» или «*Дюранъ*», — развѣ не есть прямое и вопіющее доказательство плагіата, соединеннаго съ мошенничествомъ? Нашелся еще и такой писатель, который признавался «по секрету», что еще за полгода до Эме Лажье онъ написалъ правоописательную комедію, содержаніе и даже заглавіе которой имѣло близкое сходство съ пьесой Лажье: очевидно, такое совпаденіе—дѣло не случайное и не говоритъ въ пользу добросовѣстнаго отношенія «великаго Лажье» къ чужой собственности!

Между тѣмъ, и «*Сумерки*», газета съ серьезнымъ и дѣловитымъ направленіемъ, противъ своего обыкновенія, обратила вниманіе на это чрезвычайное происшествіе, которому еще не бывало равнаго въ театральномъ мірѣ.

И вотъ въ какихъ выраженіяхъ заговорили «*Сумерки*» объ этомъ важномъ обстоятельствѣ..... на первой страницѣ, тотчасъ же за передовой статьей:

«Нѣкоторыя газеты, якобы изъ достовѣрныхъ источниковъ, сообщаютъ за послѣднее время самые противорѣчивые и самые, смѣемъ сказать, недостовѣрные слухи о новомъ драматическомъ произведеніи нашего симпатичнаго академика, г. Эме Лажье.

«До сей поры мы благоразумно держались въ сторонѣ отъ этихъ слуховъ и пересудовъ, считая недостойнымъ себя вмѣшиваться въ эту взаимную травлю репортеровъ. Тѣмъ не менѣе, когда дѣло дошло до клеветы, которую они не задумались бросить въ лицо нашему знаменитому писателю и другу, мы сочли своей священной обязанностью вмѣшаться въ это дѣло и направили къ нему нашего отвѣтственнаго редактора.

«Какъ извѣстно, г. Эме Лажье уже давно принялъ благоразумное рѣшеніе не поддаваться никакимъ «*интервью*», а слѣдовательно, и тому нескромному любопытству, которое является ихъ естественнымъ двигателемъ. Итакъ, мы не мало гордимся своимъ успѣхомъ: намъ удалось побороть вполнѣ понятное отвращеніе великаго писателя къ подобнаго рода аудіенціямъ. Мало того: мы имѣемъ полное право съ гордостью сказать, что онъ принялъ насъ даже безъ всякихъ затрудненій. Вотъ, во всей строжайшей подробности, отчетъ объ интервью нашего отвѣтственнаго редактора съ почтеннымъ академикомъ.

«— Прежде всего, позвольте вамъ выразить, дорогой учитель, мои чувства признательности и умиленія... умиленія, въ которое невольно повергаетъ меня оказанная мнѣ высокая честь видѣть васъ въ вашемъ кабинетѣ...

«— Полноте, полноте, другъ мой! Ничего нѣтъ такого особеннаго въ томъ, что я принимаю васъ у себя, какъ отвѣтственнаго редактора «*Сумерекъ*». Двери мои закрыты для такихъ господъ, которые и безъ того не имѣютъ ко мнѣ доступа, напримѣръ, для всѣхъ юныхъ кропателей и репортеровъ, работающихъ въ «*Сантильянѣ*», «*Непримиримомъ*» и т. п., не говоря уже о...

«— Вы, вѣроятно, угадываете причину, по которой я вынужденъ оторвать васъ на время отъ вашихъ драгоцѣнныхъ занятій?

«— И не подозрѣваю!

«— Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Правда ли, что вы пишете большую пятиакт-

ную пьесу подъ заглавіемъ: «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*»?

«— Милый другъ! Вамъ, кажется, извѣстно, что я уже давнымъ-давно отказался отъ чести быть драматургомъ и посвятилъ себя исключительно неблагодарному труду—спеціалиста по предисловіямъ.

«— Все это мнѣ извѣстно. Однако...

«— Я устарѣлъ, я это чувствую, и не хочу на себѣ испытать злосчастную судьбу, жертвою которой палъ нашъ бѣдный... Впрочемъ, для большей ясности, я приведу вамъ маленькій анекдотъ, котораго я до сихъ поръ еще не повѣрялъ никому и достоинство котораго состоитъ въ его несомнѣнной правдивости. Надѣюсь, я могу разсчитывать на вашу скромность?

«— Вполнѣ, maître!

«— Хорошо. Я вамъ вѣрю. Представьте же себѣ, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ,—когда я уже становился довольно извѣстнымъ,—мнѣ случилось быть въ кабинетѣ Шериньи... знаете, того самаго, что былъ директоромъ «Драматическаго Лицея». Я пришелъ предложить ему одну изъ своихъ пьесъ и только что готовился изложить вкратцѣ ея содержаніе, какъ ему подали чью-то карточку. Директоръ заглянулъ въ нее, передернулъ плечами и, бросая ее на конторку, проговорилъ съ досадой:

«— Опять этотъ назойливый старикашка!... Скажите: пусть подождетъ!

«Я стоялъ близко, и мнѣ не трудно было прочесть имя, стоявшее на карточкѣ: Е. Скрибъ.

«Переговоривъ съ директоромъ, я раскланялся съ нимъ и вышелъ, а въ передней стоялъ старикъ, убѣленный сѣдинами, и терпѣливо, смиренно дожидался своей очереди...

«Такъ вотъ, милый другъ, какимъ образомъ случилось, что я далъ себѣ слово никогда не доводить себя до позора дежурить въ передней. Теперь вы понимаете, почему я, человѣкъ еще сравнительно молодой, рѣшился навсегда распроститься съ театромъ?

«— И это рѣшеніе... непоколебимо?

«— Да, непоколебимо!... Впрочемъ, до невмѣняемости я еще не дошелъ и, чего добраго... когда-нибудь, случайно... пока я еще въ силахъ приносить нѣкоторую пользу...

«— Такъ эта пьеса, о которой такъ много говорятъ... «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*»?..

«— Тсс!... (писатель слегка хлопаетъ рукой по увѣсистой кучкѣ бумагъ на правой сторонѣ стола). Вотъ она!

«— А! значитъ, готово дѣло?

«— Гм!.. Гм!.. Было бы, пожалуй, преждевременно или даже неосторожно утверждать что-либо заранѣе... Въ сущности, эта мысль или, вѣрнѣе говоря, это названіе мнѣ улыбается; но до сихъ поръ мои труды ограничиваются лишь кой-какими замѣтками. Можетъ-быть, я ихъ и не уничтожу... Какъ знать? Онѣ могутъ мнѣ пригодиться въ будущемъ. До сихъ поръ, повторяю, я еще ни на чемъ не остановился... Конечно, когда-нибудь, пожалуй... если ничто особенное не помѣшаетъ... Все можетъ статься... Ну, до свиданья, милый другъ... И—главное—никому ни гу-гу о нашей бесѣдѣ!..»

II.

Нѣсколько времени спустя, Лажье вдругъ сдѣлался невидимкой. Обыкновенно самый аккуратный посѣтитель академическихъ засѣданій,—онъ пропустилъ ихъ нѣсколько подъ рядъ. Въ кругу знакомыхъ онъ больше не показывался, и его, въ шутку, и тамъ прозвали невидимкой. Ежедневно, отъ пяти до семи, онъ прогуливался въ Булонскомъ лѣсу; но теперь и тамъ бросалось въ глаза его отсутствіе. Въ фойе «Французской Комедіи» также его не было, какъ не было его и въ оперѣ, гдѣ у него былъ абонементъ. Наконецъ,—что̀ еще важнѣе! — онъ пересталъ писать предисловія...

Однажды, совершенно неожиданно, раз-

неслась молва, что Эме Лажье боленъ и уѣхалъ для поправленія здоровья на живописные берега Женевскаго озера... А въ одно прекрасное утро, мѣсяца два спустя послѣ его исчезновенія, газета «*Цырюльникъ*» подарила своихъ читателей пріятною новостью:

«Кто это поднялъ, нѣсколько времени тому назадъ, такой страшный шумъ и гамъ по поводу мнимой «болѣзни» Эме Лажье? Какъ бы то ни было, нашъ остроумный драматургъ для поправленія своего здоровья употребляетъ довольно странный и своеобразный пріемъ. Казалось бы, что г. Эме Лажье все время проводитъ въ обществѣ эскулаповъ и ихъ всемогущихъ средствъ! А между тѣмъ, намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что третьяго дня онъ уже вернулся въ Парижъ съ толстой, вполнѣ законченной рукописью «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*». Это комедія въ пяти дѣйствіяхъ, о которой мы первые, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, имѣли счастіе оповѣстить нашихъ читателей. Вчера же маститый драматургъ успѣлъ побывать во «Французской Комедіи» и собственноручно передалъ свою комедію въ «комитетъ для чтенія», который обѣщалъ принять ее единогласно...»

Прошелъ еще мѣсяцъ—и стало извѣстно, что драма (въ концѣ концовъ, это оказалась не комедія, а драма) уже репетируется. Вскорѣ было назначено и первое представленіе. Публика, которую газеты ежедневно увѣдомляли обо всемъ, касавшемся будущей новинки, съ нетерпѣніемъ ожидала желаннаго дня. Задолго до него, какъ только была объявлена продажа билетовъ, всѣ мѣста были разобраны по баснословной цѣнѣ. За мѣсто на галлереѣ, на третьей скамейкѣ, платили по десяти золотыхъ!..

За день до перваго представленія драмы Эме Лажье, во всѣхъ газетахъ появилось нижеслѣдующее письмо, адресованное къ нему:

«Милостивый государь!

До моего свѣдѣнія только что дошло, что вы намѣреваетесь давать на сценѣ пьесу подъ названіемъ: «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*». Я ни въ какомъ случаѣ, ни за какія деньги не соглашусь допустить, чтобы трепалось на подмосткахъ или пересуживалось въ печати, падкой на скандалы, доброе имя честной женщины, моей супруги,—матери моихъ дѣтей!..

Съ совершеннымъ почтеніемъ

М. П. Дюранъ,

членъ торговаго дома Вермере, Дюранъ и К°, въ Безансонѣ».

Среди сумятицы, произведенной появленіемъ такого неожиданнаго вмѣшательства какого-то почтеннаго торговца и отца семейства, Эме Лажье не потерялъ присутствія духа: онъ тотчасъ же рѣшилъ, что его г-жа Дюранъ будетъ писаться черезъ *t*: «*Durant*» вмѣсто «*Durand*», во избѣжаніе нареканій со стороны почтеннаго члена торговаго дома Дюранъ и К° (Durand & C°).

И объ этомъ говорили, какъ о крупномъ событіи.

Въ день представленія, утромъ, не обошлось безъ приключенія. Въ газетахъ снова появилось письмо торговца, но уже иного содержанія: онъ бралъ свои слова назадъ, но взамѣнъ просилъ, чтобы ему прислали даровой купонъ въ ложу, что̀ и было великодушно исполнено.

Пьеса пошла подъ своимъ первоначальнымъ названіемъ, безъ всякихъ поправокъ.

*

Намъ остается только констатировать несомнѣнный, громадный успѣхъ пятиактной драмы Эме Лажье «*Укоры совѣсти г-жи Дюранъ*» (черезъ «*d*»).

Въ то время, какъ публика бушевала, выражая свой восторгъ, въ уголку коридора, ведущаго въ оркестръ, редакторы газетъ «*Сантильянъ*», «*Сумерки*», «*Непримиримый*» оживленно бесѣдовали и пожимали другъ другу руки, радуясь своей обоюдной проницательности.

Во время послѣдняго антракта, за одной изъ кулисъ, Эме Лажье долго говорилъ съ молодымъ репортеромъ «*Цырюльника*», Полемъ Задирой, который во все продолженіе разговора набрасывалъ бѣглыя замѣтки въ своей книжечкѣ. Проходя мимо, одинъ изъ статистовъ ясно разслышалъ заключительныя слова ихъ разговора.

Говорилъ Эме Лажье, пожимая руку юному журналисту:

— Да, молодой человѣкъ, учитесь!.. Вотъ какъ создаются пятиактныя пьесы!..

Гигіеническія бесѣды.

Проф. **Ф. Ф. Эрисмана.**

(Продолженіе.)

10. Отопленіе.—Санитарныя требованія, предъявляемыя къ нагрѣвательнымъ приборамъ.—Приборы мѣстнаго отопленія; костры, жаровни, камины, металлическія, засыпныя, голландскія печи.

На значительномъ протяженіи земного шара климатическія условія являются таковыми, что въ зимнее время, для сохраненія необходимой теплоты въ нашихъ квартирахъ. приходится прибѣгать къ средствамъ, искусственно увеличивающимъ температуру внутри домовъ и создающимъ въ послѣднихъ какъ бы искусственный, теплый, климатъ. Такимъ средствомъ служитъ намъ *отопленіе*, при чемъ мы пользуемся теплотой, развивающейся при горѣніи богатыхъ углеродомъ веществъ (дровъ, каменнаго угля, торфа и проч.), т. е. при превращеніи ихъ въ простыя химическія соединенія—въ углекислоту и воду. Сожигая упомянутыя вещества, такъ называемое «*топливо*», въ особыхъ приборахъ, накапливающихъ получаемую ими теплоту и затѣмъ постепенно передающихъ ее нагрѣваемымъ помѣщеніямъ, мы имѣемъ возможность доводить температуру послѣднихъ, даже во время сильныхъ морозовъ, до желаемой высоты и удерживать ее на этой высотѣ въ теченіе какого угодно времени.

Но какая температура является наиболѣе цѣлесообразной и наиболѣе желательной въ помѣщеніяхъ, служащихъ для пребыванія человѣка? Установленіе какой-нибудь *общей* нормы, пригодной для всѣхъ разнообразныхъ условій, въ которыхъ можетъ находиться человѣкъ, конечно, немыслимо. Здѣсь многое зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей и привычекъ людей, отъ назначенія помѣщеній и т. д. Практика показываетъ, что для обыкновенныхъ жилыхъ помѣщеній самая пріятная температура равняется 14—15 градусамъ по Реомюру (17,5—19 град. по Цельсію); въ спальныхъ комнатахъ температура можетъ быть ниже на 1—2 град.; впрочемъ, многіе любятъ въ спальняхъ еще болѣе низкую температуру; встрѣчаются даже люди, которые предпочитаютъ спать и зимой въ нетопленныхъ комнатахъ или при открытомъ окнѣ, и привычка эта особенно распространена въ умѣренномъ климатѣ средней Европы. Не возражая противъ того, чтобы здоровые молодые люди, при сравнительно мягкихъ климатическихъ условіяхъ, спали при открытомъ окнѣ даже въ зимнее время, если они располагаютъ мягкой, теплой постелью и если комната все же отъ времени до времени протапливается, мы, съ санитарной точки зрѣнія, положительно высказываемся противъ спанья, зимой, въ неотапливаемыхъ помѣщеніяхъ, потому что стѣны такихъ помѣщеній, поглощая выдѣляемый людьми водяной паръ, легко отсырѣваютъ и въ такомъ видѣ представляютъ явную опасность для здоровья жильцовъ (см. выше). Отъ холода, проникающаго черезъ открытое окно, можно легко защититься теплымъ покрываломъ; но отъ сырости стѣнъ существуетъ только одна защита—отапливаніе и вентилированіе помѣщеній. Въ мастерскихъ, въ которыхъ работа совершается при употребленіи значительнаго физическаго напряженія, температура можетъ быть нѣсколько ниже, чѣмъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Маленькія дѣти, старики, выздоравливающіе отъ болѣзней нуждаются въ нѣсколько болѣе высокой температурѣ окружающаго воздуха, чѣмъ здоровые молодые люди. Въ театрахъ, концертныхъ залахъ и другихъ мѣстахъ сборищъ людей первоначальная температура не должна быть выше 10—12 град. по Р., потому что въ такихъ помѣщеніяхъ публика, а нерѣдко и приборы для искусственнаго освѣщенія, развиваютъ

большія количества тепла, черезчуръ поднимающія температуру, въ особенности при неудовлетворительной вентиляціи, къ концу представленій или собраній.—Для того, чтобы и при наибольшемъ, наблюдаемомъ на данномъ мѣстѣ, холодѣ, въ помѣщеніяхъ всегда можно было имѣть надлежащую температуру, при устройствѣ приборовъ отопленія требуется извѣстный разсчетъ, такъ какъ величина нагрѣвательныхъ поверхностей, въ каждомъ помѣщеніи, должна быть согласована съ условіями охлажденія даннаго помѣщенія, то-есть съ величиной и характеромъ охлаждающихъ поверхностей—наружныхъ стѣнъ, оконъ, дверей и проч.,—обусловливающими количество тепла, теряемаго помѣщеніемъ, при извѣстной разницѣ въ температурѣ, въ извѣстное время. Количество тепла, выраженное въ калоріяхъ (единицахъ теплоты), которое теряется съ 1 квадратнаго метра стѣнной поверхности въ часъ на 1 град. Цельсія разности температуръ, зависитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, отъ матеріала, изъ котораго построена стѣна, и отъ толщины послѣдней: для кирпичной стѣны въ полметра толщины потеря тепла равняется почти 1 калоріи, при толщинѣ же стѣны въ 1 метръ она понижается почти до $^1/_2$ калоріи; стѣны изъ песчаника или известняка охлаждаются скорѣе, чѣмъ кирпичныя стѣны, послѣднія скорѣе деревянныхъ. Для простыхъ оконъ тепловая потеря въ 1 часъ, на 1 град. разности температуръ («коэффиціентъ тепловой потери»), опредѣляется въ 3—4 единицы тепла, для двойныхъ рамъ—въ 1,5—2 калоріи, для половъ и потолковъ—въ 0,4—0,7 калоріи, для дверей — въ 1,3—1,5 калоріи. Скажу еще, что одна хорошая голландская печь, при климатическихъ условіяхъ средней Россіи, можетъ отапливать помѣщеніе, площадь пола котораго равняется 15—20 кв. саж., такъ что для одноэтажнаго дома, имѣющаго 60—70 квадр. саж., требуется не менѣе 4-хъ голландскихъ печей; размѣръ же печей долженъ быть таковъ, чтобы на каждую куб. сажень помѣщенія приходилось 4—5 квадр. футовъ нагрѣвательной поверхности печи. Особенное значеніе правильное опредѣленіе необходимой величины нагрѣвательныхъ поверхностей представляетъ при различныхъ системахъ центральнаго отопленія.

Для нашего субъективнаго самочувствія очень важно, *чтобы при искусственномъ нагрѣваніи нашихъ квартиръ теплота, доставляемая нагрѣвательными приборами, распространялась въ помѣщеніи по возможности равномѣрно*, то-есть чтобы разница въ температурѣ воздуха надъ поломъ и подъ потолкомъ, около внутреннихъ стѣнъ и вблизи окна не была особенно ощутительной. Это требованіе, конечно, исполнимо только до извѣстной степени, такъ какъ во всякомъ помѣщеніи даны условія, благопріятствующія неравномѣрному распредѣленію тепла. Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе присущаго теплому воздуху стремленія подниматься кверху (то-есть уступать давленію со стороны напирающаго на него болѣе холоднаго воздуха), въ верхней части комнатъ, подъ потолкомъ, температура воздуха всегда будетъ выше, чѣмъ внизу, надъ поломъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда при помощи искусственной вентиляціи устанавливается обратное теченіе воздуха—сверху-внизъ (см. выше). Точно такъ же около внутреннихъ стѣнъ и близъ нагрѣвательныхъ поверхностей воздухъ будетъ всегда теплѣе, чѣмъ у оконъ или вообще около наружныхъ стѣнъ и вдали отъ нагрѣвательныхъ приборовъ, такъ что и въ горизонтальномъ направленіи не существуетъ вполнѣ равномѣрнаго распредѣленія тепла. Цѣлесообразныя системы отопленія стараются достигнуть возможнаго устраненія этого недостатка различными путями—самимъ устройствомъ или расположеніемъ нагрѣвательныхъ приборовъ, расположеніемъ вентиляціонныхъ отверстій и т. п.,—но при всемъ томъ абсолютная равномѣрность въ распредѣленіи тепла въ различныхъ направленіяхъ представляетъ трудно-разрѣшимую задачу, а потому приходится удовольствоваться требованіемъ, чтобы разность температуръ въ тѣхъ слояхъ комнатнаго воздуха, въ которыхъ вращается человѣкъ, не превышала извѣстныхъ предѣловъ, то-есть 2—3 градусовъ по Ц. въ вертикальномъ и 1—2 град. въ горизонтальномъ направленіи.

Большое значеніе, въ санитарномъ отношеніи, имѣетъ и *характеръ тепла*, сообщаемаго отапливаемому помѣщенію. Въ одной изъ предшествовавшихъ бесѣдъ мы видѣли, что человѣческое тѣло отдаетъ тепло окружающей средѣ, между прочимъ, путемъ *излученія* и посредствомъ *проведенія*, т. е. непосредственнаго нагрѣванія соприкасающагося съ нимъ воздуха. Точно такъ же совершается отдача тепла нагрѣвательными поверхностями печей или другихъ источниковъ тепла, — они повышаютъ комнатную температуру отчасти излученіемъ тепла въ различныхъ направленіяхъ, отчасти—нагрѣваніемъ воздуха путемъ прикосновенія. Но между этими двумя способами распредѣленія тепла въ нагрѣваемомъ помѣщеніи существуетъ немаловажная разница въ санитарномъ отношеніи: лучистая теплота производитъ сильное и быстрое, но односторон-

нее нагрѣваніе тѣла, при чемъ послѣднее получаетъ сразу большое, иногда даже черезчуръ большое, количество теплоты на сторонѣ, обращенной къ источнику тепла, тогда какъ на другой сторонѣ можетъ являться ощущеніе холода, въ особенности въ такомъ случаѣ, если окружающіе предметы — мебель, стѣны, окна и пр. — еще не успѣли нагрѣться, такъ что по направленію къ нимъ происходитъ усиленная отдача тепла съ поверхности кожи. Наоборотъ, теплота, получаемая воздухомъ черезъ прикосновеніе съ источниками тепла, распредѣляется гораздо равномѣрнѣе; здѣсь одностороннее нагрѣваніе тѣла отсутствуетъ и послѣднее какъ бы омывается теплотой со всѣхъ сторонъ одинаково. Вслѣдствіе этого, *гигіена отдаетъ рѣшительное предпочтеніе такимъ нагрѣвательнымъ приборамъ и способамъ отопленія жилыхъ помѣщеній, которые нагрѣваютъ главнымъ образомъ путемъ прикосновенія и при которыхъ излученіе тепла доведено до возможнаго минимума*; приборы, нагрѣвающіе преимущественно посредствомъ теплоизлученія, она допускаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, напр. въ такихъ помѣщеніяхъ, которыя отапливаются лишь періодически и не надолго, гдѣ, слѣдовательно, быстрая передача тепла нагрѣвательнымъ приборомъ является желательной.

Одно изъ наиболѣе важныхъ требованій, предъявляемыхъ гигіеной къ отопленію, заключается въ томъ, *чтобы послѣднее по возможности мало измѣняло составъ комнатнаго воздуха и не портило его примѣсью постороннихъ, небезразличныхъ въ санитарномъ отношеніи, веществъ.* Это требованіе, къ сожалѣнію, едва ли можетъ быть удовлетворено абсолютно и вполнѣ. Нѣкоторому измѣненію составъ воздуха подвергается неизбѣжно уже при незначительномъ повышеніи его температуры. Въ одной изъ первыхъ бесѣдъ мы видѣли, что воздухъ всегда содержитъ извѣстное количество влаги и что способность его къ воспріятію воды въ парообразномъ состояніи увеличивается или уменьшается въ зависимости отъ повышенія или пониженія температуры. Слѣдовательно, если воздухъ, содержащій извѣстное количество водяныхъ паровъ, нагрѣвается, безъ соотвѣтственнаго прибавленія влаги, то онъ становится *относительно* бѣднѣе водой, его относительная влажность уменьшается, онъ съ бо́льшей жадностью, чѣмъ прежде, поглощаетъ воду, отнимая ее у всѣхъ влажныхъ поверхностей, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе, между прочимъ и у человѣческаго тѣла, и потому вызываетъ ощущеніе сухости. Если стѣны отапливаемыхъ помѣщеній способны отдавать значительныя количества влаги (новыя, не просохшія каменныя стѣны), или если въ помѣщеніи находится много людей или другихъ источниковъ влаги, то, подъ вліяніемъ ихъ, влажность нагрѣваемаго воздуха снова увеличивается и послѣдній перестаетъ казаться сухимъ. Наоборотъ, если нагрѣтому воздуху не откуда взять влаги, то онъ продолжаетъ производить впечатлѣніе сухости. Это впечатлѣніе еще усугубляется, если воздухъ находится въ усиленномъ движеніи (напр., при энергической вентиляціи), такъ что съ тѣломъ присутствующихъ соприкасаются все новыя и новыя количества нагрѣтаго воздуха.

Еще другое, небезразличное измѣненіе претерпѣваетъ комнатный воздухъ при нагрѣваніи. Мы уже знаемъ, что этотъ воздухъ всегда содержитъ извѣстное количество пыли, въ которой находятся, между прочимъ, и органическія вещества. На поверхности нагрѣвательныхъ приборовъ, которая часто имѣетъ весьма высокую температуру, *эти пылевыя частицы пригораютъ*, при чемъ получаются различные газообразные продукты неполнаго сгоранія (сухой перегонки) органическихъ веществъ, сообщающіе воздуху весьма непріятный запахъ. Впрочемъ, для пригоранія органической пыли не требуется даже особенно высокой температуры, — оно начинается уже при температурахъ ниже 100 град. Цельсія (70—80 град.), и только соблюденіе самой тщательной чистоты какъ комнатнаго воздуха, такъ и поверхности нагрѣвательныхъ приборовъ, можетъ предохранять отъ порчи нагрѣваемаго воздуха этимъ путемъ. Примѣсь къ воздуху этихъ продуктовъ сухой перегонки пыли на печахъ и другихъ нагрѣвательныхъ поверхностяхъ тѣмъ болѣе непріятна, что она, кромѣ дурного запаха, вызываетъ еще раздраженіе слизистыхъ оболочекъ рта, зѣва и горла и чувство щекотанія, производящее такое впечатлѣніе, будто мы находимся въ сухомъ воздухѣ. И если тотъ или другой способъ отопленія даетъ иногда поводъ къ жалобамъ на сухость воздуха, то одна изъ причинъ этихъ жалобъ, повидимому, лежитъ въ пригораніи, на приборахъ отопленія, органическихъ пыльныхъ частицъ.

Отопленіе можетъ сдѣлаться причиной порчи комнатнаго воздуха еще при нецѣлесообразномъ устройствѣ нагрѣвательныхъ приборовъ или при неумѣломъ и небрежномъ обращеніи съ ними, когда, по той или другой причинѣ, въ отапливаемое помѣщеніе проникаютъ продукты горѣнія топлива. Вѣдь обыкновенно въ печахъ не происходитъ

полнаго сгоранія топлива въ углекислоту и воду, и удаляющаяся черезъ дымогарную трубу газовая смѣсь всегда содержитъ болѣе или менѣе значительное количество продуктовъ неполнаго сгоранія (окись углерода, частицы несгорѣвшаго углерода — такъ-наз. «копоть», и проч.). Тѣ виды топлива, которые, на ряду съ углеродомъ, содержатъ лишь минимальныя количества летучихъ составныхъ частей (коксъ, древесный уголь, антрацитъ), даютъ наиболѣе чистый, бѣлый дымъ, состоящій только изъ углекислоты и окиси углерода, съ примѣсью атмосфернаго воздуха; черный же дымъ, содержащій много продуктовъ неполнаго сгоранія, получается изъ тѣхъ видовъ топлива, въ которыхъ, на ряду съ плотнымъ углеродомъ, находится большое количество летучихъ составныхъ частей (каменный уголь, торфъ, дрова, нефть и проч.). При хорошемъ устройствѣ нагрѣвательныхъ приборовъ и при правильномъ уходѣ за ними, всѣ эти газообразныя вещества, вмѣстѣ съ угольными частицами, удаляются непосредственно въ дымогарную трубу и не представляютъ никакихъ неудобствъ, никакой опасности для здоровья жильцовъ. Но для этого необходимо, чтобы въ трубѣ была хорошая тяга, т. е. чтобы въ ней не представлялось никакихъ препятствій для движенія кверху горячихъ газовъ и чтобы давленіе въ ней всегда было меньше того давленія, подъ которымъ комнатный воздухъ поступаетъ въ очагъ печи («отрицательное» давленіе). При нарушеніи этого условія, если по какой-либо причинѣ давленіе въ дымогарной трубѣ становится «положительнымъ», дымъ уже не можетъ подниматься по ней и обращается назадъ, выступая черезъ очагъ въ то помѣщеніе, въ которомъ производится топка. Причина этого *обратнаго теченія дыма*, которое часто наблюдается въ началѣ топки, лежитъ обыкновенно въ какихъ-нибудь недостаткахъ въ устройствѣ и расположеніи дымоходовъ, благопріятствующихъ, въ особенности при извѣстныхъ условіяхъ погоды, увеличенію давленія въ дымогарной трубѣ. Всякое охлажденіе дымогарной трубы замедляетъ и затрудняетъ поднятіе по ней дыма, уменьшаетъ тягу; поэтому сами печные газы, при переходѣ въ трубу, должны имѣть извѣстную минимальную температуру (120 — 200 градусовъ по Цельсію), такъ какъ болѣе значительное охлажденіе ихъ въ дымоходахъ печи черезчуръ ослабляетъ тягу въ трубѣ. Неблагопріятно дѣйствуетъ также устройство вытяжного отверстія изъ кухни непосредственно въ стѣнкѣ дымогарной трубы, такъ какъ удаляющійся изъ кухни водяной паръ, съ одной стороны, затрудняетъ движеніе печныхъ газовъ по трубѣ, а съ другой — даетъ поводъ къ усиленному осажденію на стѣнкахъ ея сажи. Чаще всего *вѣтеръ* производитъ въ дымогарныхъ трубахъ обратную тягу и становится причиной выхожденія дыма изъ топочныхъ отверстій; и это вліяніе вѣтра обнаруживается обыкновенно на такихъ трубахъ, которыя не выведены надъ конькомъ крыши или вблизи которыхъ находятся стѣны высокихъ домовъ или другіе предметы, господствующіе надъ верхнимъ концомъ дымогарной трубы и отражающіе вѣтеръ, при извѣстномъ направленіи его, книзу. Поэтому всегда слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы дымогарныя трубы имѣли надлежащую, соотвѣтствующую мѣстнымъ условіямъ, высоту. Иногда *дождь* уменьшаетъ тягу въ дымогарной трубѣ тѣмъ, что смачиваетъ наружную или внутреннюю поверхность ея стѣнокъ, при чемъ, вслѣдствіе послѣдующаго испаренія воды, труба болѣе или менѣе охлаждается. Даже *солнечные лучи*, попадая сверху въ дымовую трубу, въ извѣстныхъ случаяхъ, по не вполнѣ выясненной причинѣ, ослабляютъ въ ней тягу; вѣроятно, тутъ играютъ извѣстную роль водяные пары, которые, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, быстро нагрѣваются, сразу занимаютъ значительно больше мѣста и этимъ временно затрудняютъ выходъ дыма изъ трубы.

Наибольшаго вниманія, однако, заслуживаетъ, съ санитарной точки зрѣнія, то увеличеніе давленія внутри печей, которое происходитъ отъ слишкомъ ранняго закрыванія дымоотводныхъ трубъ *заслонками* или такъ-назыв. *вьюшками*. Эти приспособленія устраиваются для того, чтобы препятствовать потерѣ тепла, могущей произойти вслѣдствіе вытѣсненія накопившихся въ печи горячихъ газовъ притекающимъ черезъ топочное отверстіе воздухомъ. Но цѣль эта достигается лишь въ ущербъ безопасности нагрѣвательнаго прибора для здоровья, а иногда даже для жизни, обывателей, такъ какъ при слишкомъ раннемъ закрытіи клапановъ или вьюшекъ, когда процессъ горѣнія топлива еще не совсѣмъ оконченъ, почти полное прекращеніе доступа воздуха даетъ поводъ къ несовершенному сгоранію оставшагося топлива и къ накопленію продуктовъ этого неполнаго сгоранія, которые потомъ, вслѣдствіе увеличеннаго давленія внутри печи, выступаютъ наружу, въ комнату, или черезъ топочное отверстіе, или черезъ пазы и случайныя щели въ дымоходахъ и въ печныхъ стѣнкахъ. Наибольшую опасность этотъ выходъ газовъ изъ печей въ обитаемыя человѣкомъ помѣщенія представляетъ въ такомъ

случаѣ, если онъ совершается ночью, когда люди спятъ и потому не замѣчаютъ его, или когда между выступающими изъ печи газами преобладаютъ такіе, которые не имѣютъ характернаго запаха, какъ, напримѣръ, окись углерода. Этимъ и объясняются сравнительно частые случаи отравленія людей *угаромъ*, самой ядовитой составной частью котораго является *окись углерода*; и потому понятно, что гигіенисты давно настаиваютъ на удаленіи всякихъ заслонокъ или вьюшекъ изъ дымооборотовъ или изъ дымогарныхъ трубъ. Ихъ можно замѣнить такъ-называемыми «*герметическими*» *топочными дверцами*, которыми, въ сущности, достигается та же цѣль, ради которой примѣняются заслонки, только безопаснымъ для обывателей путемъ, такъ какъ здѣсь, по прекращеніи горѣнія, вслѣдствіе закрытія дверецъ, печнымъ газамъ путь въ дымогарную трубу не отрѣзанъ и они могутъ свободно подняться по ней при малѣйшемъ увеличеніи давленія внутри печи. Съ экономической точки зрѣнія, т. е. въ смыслѣ возможно лучшей эксплоатаціи топлива, герметическія дверцы оказываютъ не меньшія услуги, чѣмъ клапаны. Прибавлю, что во многихъ городахъ Германіи, въ интересахъ общественнаго здоровья, устройство клапановъ въ печахъ, по крайней мѣрѣ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, запрещено обязательными постановленіями.

Вообще, въ виду ядовитости окиси углерода, необходимо всячески заботиться о томъ, *чтобы несовершенные продукты сгоранія какого бы то ни было топлива, и какими бы мы ни пользовались нагрѣвательными приборами, никогда не переходили въ воздухъ жилыхъ помѣщеній*. Вѣдь токсическое дѣйствіе окиси углерода зависитъ отъ того, что она, проникая вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ въ легкія и переходя оттуда въ кровь, вытѣсняетъ изъ красныхъ кровяныхъ шариковъ часть кислорода и сама становится на его мѣсто, вслѣдствіе чего кровь дѣлается неспособной къ исполненію своего назначенія; красные кровяные шарики, при этихъ условіяхъ, перестаютъ быть носителями кислорода, нормальное питаніе центральныхъ органовъ нервной системы нарушается, и, при явленіяхъ общаго паралича ихъ, наступаетъ смерть. У мелкихъ животныхъ признаки отравленія, съ сильной одышкой и общей слабостью, обнаруживаются уже при содержаніи 0,1—0,2 процента окиси углерода въ вдыхаемомъ воздухѣ; присутствіе же 0,4—0,5 процентовъ этого газа въ воздухѣ убиваетъ этихъ животныхъ. Для человѣка, повидимому, болѣе чувствительнаго къ окиси углерода, чѣмъ животныя, граница ядовитаго дѣйствія этого газа лежитъ, по всей вѣроятности, приблизительно при содержаніи 0,05 процентовъ этого газа въ вдыхаемомъ воздухѣ; менѣе значительныя количества, повидимому, могутъ быть признаны безвредными. Въ случаѣ отравленія кого-либо окисью углерода необходимо, прежде всего, вынести больного на свѣжій воздухъ и затѣмъ производить искусственное дыханіе. Эти мѣры могутъ сопровождаться успѣхомъ, если въ крови отравленнаго не черезчуръ большое количество кислорода было вытѣснено окисью углерода и пораженіе нервныхъ центровъ не было слишкомъ глубокимъ. Впрочемъ, необходимо сказать, что токсическое дѣйствіе угара обусловливается не однимъ только содержаніемъ въ немъ окиси углерода, а зависитъ, въ немалой мѣрѣ, и отъ недостатка кислорода и обилія углекислоты; при совокупномъ дѣйствіи этихъ трехъ факторовъ, признаки отравленія наступаютъ раньше и имѣютъ иной характеръ, нежели при дѣйствіи разведенной обыкновеннымъ атмосфернымъ воздухомъ окиси углерода. Прибавимъ, что случаи отравленія окисью углерода были бы, навѣрное, гораздо чаще, чѣмъ они наблюдаются на самомъ дѣлѣ, если бы, при неполномъ горѣніи топлива, вмѣстѣ съ окисью углерода, не развивались другіе, сильно пахнущіе газы, которые и служатъ вѣстникомъ предстоящей опасности.

Характеръ тѣхъ нагрѣвательныхъ приборовъ, которыми пользуется человѣкъ для нагрѣванія жилыхъ помѣщеній и общественныхъ зданій, *представляетъ крайнее разнообразіе по времени и мѣсту*. На устройствѣ этихъ приборовъ отражается вліяніе климата, экономическихъ соображеній и культурныхъ условій. Въ одно и то же время, въ различныхъ мѣстахъ земного шара, человѣкъ пользуется и открытымъ костромъ, и весьма сложными, по своему механизму, системами отопленія; и современная техника вызвала къ жизни огромное количество усовершенствованныхъ приборовъ отопленія, болѣе или менѣе отвѣчающихъ предъявленнымъ гигіеной требованіямъ. Наша задача здѣсь, конечно, не можетъ заключаться въ систематическомъ описаніи всѣхъ этихъ приспособленій, и мы ограничимся краткимъ изложеніемъ главныхъ представителей ихъ, съ нѣсколькими указаніями на ихъ санитарныя достоинства или недостатки.

Здѣсь, какъ и при вентиляціи, нужно различать между приборами, служащими только для того помѣщенія, въ которомъ они установлены, и такими, которые служатъ для цѣлаго зданія или значительной части его. Въ первомъ случаѣ отопленіе называется *мѣстнымъ*, во второмъ—*центральнымъ*.

Не останавливаясь долго ни на *курныхъ избахъ*, отапливаемыхъ печами безъ дымогарныхъ трубъ (съ черной топкой), ни на *жаровняхъ*, часто употребляемыхъ въ южныхъ странахъ, скажемъ только, что въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой совершенно *первобытныя* приспособленія, главный недостатокъ которыхъ заключается въ томъ, что они снабжаютъ комнатный воздухъ огромнымъ количествомъ продуктовъ горѣнія топлива, отчасти раздражающихъ слизистыя оболочки дыхательныхъ органовъ и глазъ, отчасти дѣйствующихъ токсически (см. выше). Съ этой точки зрѣнія, оба эти способа отопленія противорѣчатъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены, и если они до сихъ поръ существуютъ, отчасти благодаря привычкѣ и рутинѣ, отчасти по экономическимъ соображеніямъ, то, во всякомъ случаѣ, поступательное движеніе культуры должно скоро вытѣснить ихъ окончательно, такъ какъ человѣкъ, въ потребности котораго входитъ хоть самый элементарный комфортъ, съ ними мириться не можетъ.

Каминъ, съ которымъ мы уже познакомились при описаніи вентиляціонныхъ приспособленій, представляетъ болѣе совершенный приборъ отопленія, нежели печка съ черной топкой или жаровня, такъ какъ здѣсь продукты горѣнія топлива не переходятъ въ отапливаемое помѣщеніе, а выводятся вонъ черезъ дымогарную трубу. Тѣмъ не менѣе, отопленіе каминами, съ гигіенической точки зрѣнія, имѣетъ существенные недостатки, такъ какъ каминъ дѣйствуетъ исключительно *лучистой теплотой* своего пламени и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ равномѣрнаго распредѣленія тепла; вѣдь дѣйствіе лучистой теплоты быстро уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ источника тепла, а потому въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ камина, температура всегда будетъ много ниже, чѣмъ въ сосѣдствѣ его. Въ экономическомъ отношеніи каминное отопленіе весьма невыгодно, такъ какъ болѣе 90 процентовъ всей развиваемой топливомъ теплоты уходитъ въ трубу, что̀ обусловливается устройствомъ камина, въ которомъ не существуетъ никакихъ дымооборотовъ, въ которыхъ тепло могло бы быть задерживаемо, и никакихъ нагрѣвательныхъ поверхностей, посредствомъ которыхъ тепло могло бы быть передаваемо отапливаему помѣщенію. Каминъ, какъ приборъ отопленія, есть роскошь; единственное оправданіе его заключается въ доставляемомъ имъ эстетическомъ наслажденіи.—Гораздо больше простого камина заслуживаетъ вниманія усовершенствованный каминъ Douglas-Galton'а, описанный нами въ другомъ мѣстѣ (см. бесѣду о вентиляціи) и представляющій собой маленькій приборъ для воздушнаго отопленія, соединеннаго съ вентиляціей; въ этомъ каминѣ на пользу отапливаемаго помѣщенія идетъ до 30 и болѣе процентовъ развиваемой топливомъ теплоты.

Комнатная печь отличается отъ камина тѣмъ, что она имѣетъ не открытый очагъ, какъ послѣдній, а закрытую топку, затѣмъ—нагрѣвательное пространство съ оборотами дымохода (горизонтальными или вертикальными) и нагрѣвательныя поверхности. Вслѣдствіе этого, въ печи происходитъ бо̀льшее охлажденіе продуктовъ горѣнія, бо̀льшее накопленіе тепла въ самомъ нагрѣвательномъ приборѣ, бо̀льшій «полезный эффектъ» *) послѣдняго, и, наконецъ, нагрѣваніе отапливаемаго помѣщенія не только лучистой теплотой, но и проведеніемъ тепла, т. е. непосредственнымъ прикосновеніемъ комнатнаго воздуха съ нагрѣвательной поверхностью. Въ результатѣ всего этого является, какъ преимущество печного отопленія передъ каминнымъ, во-первыхъ, продолжительное дѣйствіе печи и по окончаніи топки, и, во-вторыхъ, значительно болѣе равномѣрное распредѣленіе тепла по отапливаемымъ помѣщеніямъ. Однако, преимущества эти не принадлежатъ всѣмъ печамъ безъ различія и въ одинаковой мѣрѣ; они въ значительной степени связаны съ конструкціей печи и съ качествомъ матеріала, изъ котораго она построена; и если хорошая печь, по крайней мѣрѣ въ суровомъ климатѣ, заслуживаетъ рѣшительнаго предпочтенія передъ каминомъ, даже весьма усовершенствованнымъ, то, съ другой стороны, нельзя не сказать, что мѣстами до сихъ поръ употребляются печи, во всѣхъ отношеніяхъ уступающія вышеописанному камину Дугласа-Гальтона.

Съ санитарной точки зрѣнія, достоинство печи опредѣляется главнымъ образомъ *свойствами матеріала*, изъ котораго она сдѣлана, потому что отъ него именно зависитъ, въ значительной степени, толщина стѣнокъ, характеръ нагрѣвательныхъ поверхностей и расположеніе дымооборотовъ внутри печи. И въ этомъ отношеніи всѣ комнатныя печи распадаются на двѣ главныхъ группы—*быстрогрѣющія* и *массивныя* печи, при чемъ къ первой группѣ принадлежатъ печи, построенныя исключительно или преимущественно изъ хорошихъ проводниковъ тепла—*чугуна*, *желѣза* и проч., тогда какъ вторая группа обнимаетъ печи, стѣнки которыхъ исключительно

*) „Полезнымъ эффектомъ" нагрѣвательнаго прибора называется отношеніе того количества тепла, которое идетъ въ пользу нагрѣваемаго помѣщенія, къ общему количеству тепла, развиваемаго даннымъ количествомъ топлива.

или преимущественно состоятъ изъ дурныхъ проводниковъ тепла — *кирпича*, *глины*, *изразцовъ* и т. п.

Всякому извѣстны тѣ маленькія, состоящія или изъ чугуна, или изъ листового желѣза и имѣющія видъ прямоугольной коробки или пустотѣлаго цилиндра, печки, которыя носятъ названіе «чугунки» и весьма часто встрѣчаются въ жилыхъ помѣщеніяхъ малоимущихъ людей, нерѣдко употребляются въ сырыхъ квартирахъ для просушки стѣнъ и вообще ставятся въ такихъ помѣщеніяхъ, гдѣ періодически и на короткое время нужно развивать большой жаръ. Для удаленія печныхъ газовъ служитъ желѣзная же труба, проведенная въ ближайшую дымогарную трубу. Эти печи отличаются малой теплоемкостью, т. е. онѣ не способны накоплять тепло; онѣ нагрѣваются быстро, но, по прекращеніи топки, быстро же остываютъ. Отъ разведеннаго въ нихъ огня стѣнки ихъ сильно (до̀-красна) накаливаются, и небольшая раскаленная поверхность ихъ даетъ огромное количество весьма непріятной для обывателей лучистой теплоты. О равномѣрномъ распредѣленіи тепла при этихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, на раскаленной поверхности ихъ всегда пригораютъ носящіяся въ воздухѣ органическія пылевыя частицы, которыя при этомъ издаютъ весьма непріятный запахъ, никогда вполнѣ не отсутствующій въ помѣщеніяхъ, отапливаемыхъ простыми желѣзными или чугунными печами. Гигіена, слѣдовательно, должна вооружаться противъ употребленія подобныхъ печей въ жилыхъ помѣщеніяхъ, хотя взводимое на нихъ обвиненіе, будто бы онѣ, пропуская черезъ свои раскаленныя стѣнки окись углерода, даютъ поводъ къ отравленію обывателей этимъ газомъ, при ближайшемъ изслѣдованіи оказалось вымышленнымъ.

Нѣкоторое усовершенствованіе желѣзныхъ печей заключается *въ выстилкѣ ихъ огнеупорной глиной или таковымъ же кирпичомъ* (такъ-называемымъ «шамоттомъ»). Такимъ образомъ, металлическая печь становится какъ бы массивнѣе, получаетъ больше тѣла, дѣлается болѣе способной къ накопленію тепла, нагрѣвается медленнѣе, но зато медленнѣе и остываетъ; наконецъ, получаемое отъ такой печи тепло гораздо пріятнѣе, чѣмъ получаемое отъ чисто металлической печи: она не такъ сильно накаливается, издаетъ меньше лучистой теплоты и нагрѣваетъ помѣщеніе болѣе равномѣрно. Само собой разумѣется, что санитарное достоинство подобныхъ печей, въ которыхъ желѣзо комбинируется съ матеріаломъ большей теплоемкости, увеличивается по мѣрѣ того, какъ металлъ, въ конструкціи ихъ, уступаетъ кирпичу.

Другое усовершенствованіе металлическихъ печей заключается въ томъ, что ихъ, на нѣкоторомъ разстояніи, окружаютъ *металлическимъ же футляромъ или кожухомъ*, при чемъ между послѣднимъ и печными стѣнками образуется слой воздуха, воспринимающій теплоту отъ поверхности печи и передающій ее затѣмъ помѣщенію. Футляръ при этомъ нагрѣвается умѣренно, во всякомъ случаѣ не накаливается, и обывателямъ такихъ помѣщеній не приходится страдать отъ лучистой теплоты.

Къ группѣ металлическихъ быстрогрѣющихъ печей относятся и такъ-называемыя «*засыпныя*» печи, которыя представляютъ собой значительный шагъ впередъ въ конструкціи этого рода нагрѣвательныхъ приборовъ. Внутри этихъ печей, сверху - внизъ, приблизительно до половинной высоты ихъ, идетъ такъ-называемый наполнительный цилиндръ или «*желудокъ*», сверху покрытый плотно прилегающей крышею. Цилиндръ открытъ снизу, а подъ его нижнимъ отверстіемъ находится желѣзная рѣшётка съ приподнятыми краями, въ родѣ корзины; подъ этой рѣшёткой помѣщается зольникъ. На небольшомъ разстояніи отъ очага и наполнительнаго цилиндра находится печная стѣнка, выложенная слоемъ шамотта, а все это, опять-таки на нѣкоторомъ разстояніи, окружено металлическимъ, нерѣдко весьма изящнымъ футляромъ, открытымъ снизу и сверху, такъ что между нимъ и печной стѣнкой можетъ циркулировать комнатный воздухъ. Въ конструкціи этого футляра желѣзо иногда замѣняется, отчасти, изразцами. Дымъ отводится сбоку, нѣсколько выше середины печи. Самымъ лучшимъ топливомъ для такихъ печей является коксъ или антрацитъ. Для затопки ихъ, корзина подъ нижнимъ отверстіемъ наполнительнаго цилиндра наполняется деревянными стружками и щепками, которыя тутъ же зажигаются; затѣмъ, когда дерево разгорится, сверху насыпается въ «желудокъ» антрацитъ, который падаетъ непосредственно на горящія щепы; желудокъ наполняется топливомъ до верху. Всѣ подобныя печи снабжены приспособленіемъ для регулированія притока воздуха къ очагу, такъ что можно, смотря по потребности, усиливать или ослаблять горѣніе топлива, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивать или уменьшать количество получаемой въ единицу времени теплоты. Новѣйшей конструкціи печи этого типа имѣютъ, кромѣ того, приспособленія для вентиляціи (т. е. для удаленія комнатнаго воздуха), которыя, по желанію, могутъ функціонировать или нѣтъ. Засыпка печей

производится разъ или два въ день, смотря по надобности. Для усиленія влажности комнатнаго воздуха печи снабжены чашками, въ которыя наливается вода, болѣе или менѣе быстро испаряющаяся подъ вліяніемъ тепла. Для наблюденія за горѣніемъ топлива, въ топочныхъ дверцахъ сдѣланы окошки, закрытыя слюдой. Отсюда видно, что общіе, свойственные металлическимъ печамъ, недостатки здѣсь въ значительной степени смягчены, и что засыпныя печи, при хорошей конструкціи, дѣйствительно, обладаютъ нѣкоторыми достоинствами, которыя и являются причиной ихъ быстраго и широкаго распространенія. Особенное значеніе онѣ пріобрѣтаютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дрова обходятся дорого и гдѣ поэтому обыватели пользуются преимущественно минеральнымъ топливомъ; здѣсь подобныя печи, въ силу экономическихъ соображеній, являются даже необходимостью, и задача гигіены и техники заключается лишь въ усовершенствованіи ихъ устройства въ томъ смыслѣ, *чтобы онѣ, по возможности, приближались къ типу «массивныхъ» печей.* Большое значеніе засыпныя печи имѣютъ также для всѣхъ тѣхъ помѣщеній, въ которыхъ желательно довести уходъ за нагрѣвательными приборами до минимума—для многихъ общественныхъ зданій, не имѣющихъ центральнаго отопленія, для жилищъ рабочихъ, для торговыхъ, банкирскихъ и т. п. конторъ, для станцій желѣзныхъ дорогъ и проч. Для всѣхъ подобныхъ мѣстъ положительно можно рекомендовать хорошія засыпныя печи, при которыхъ, разъ засыпка сдѣлана, все наблюденіе за исправнымъ дѣйствіемъ печи ограничивается регулированіемъ притока воздуха къ топливу, въ зависимости отъ потребности даннаго момента.

Лучшимъ примѣромъ *массивной* печи можетъ служить наша *голландская* печь, которая, съ тѣми или другими видоизмѣненіями въ своемъ устройствѣ, употребляется у насъ повсюду и вообще имѣетъ широкое примѣненіе во всѣхъ странахъ съ болѣе или менѣе суровымъ климатомъ. Какъ очагъ, такъ и дымообороты этихъ печей строятся изъ кирпича на глинѣ, безъ всякой примѣси металла; снаружи онѣ бо̀льшей частью одѣваются изразцами. Слой глины между кирпичами не долженъ быть, однако, черезчуръ толстъ, потому что въ противномъ случаѣ глина, высыхая, легко даетъ трещины, допускающія переходъ продуктовъ горѣнія изъ дымооборотовъ въ отапливаемыя помѣщенія. То же наблюдается и тогда, когда при кладкѣ печи отдѣльные кирпичи слишкомъ мало смачиваются водой, такъ какъ глина, которая кладется между ними тонкимъ слоемъ, недостаточно крѣпко связываетъ сухіе кирпичи, отнимающіе у нея весьма быстро большія количества влаги, вслѣдствіе чего глина крошится и между кирпичами образуются прогалины. Внутри голландской печи находятся вертикальные дымообороты, такъ называемые «колодцы», послѣдній изъ которыхъ сообщаетъ печь съ дымогарной трубой; число дымовыхъ оборотовъ зависитъ отъ величины печи и обыкновенно колеблется между 4 и 8. Голландскія печи, состоящія изъ матеріала, обладающаго значительной теплоемкостью, способны накоплять въ себѣ большія количества тепла и затѣмъ отдавать эту теплоту постепенно, равномѣрно, въ теченіе всего промежутка времени между двумя топками. Но наружная поверхность ихъ, вслѣдствіе малой теплопроводности кирпича и глины, и благодаря значительной толщинѣ ихъ стѣнокъ, нагрѣвается медленно, а потому голландскія, какъ вообще всѣ массивныя, печи неудобны для такихъ помѣщеній, которыя нуждаются въ теплѣ лишь періодически, всегда на сравнительно короткое время, и потому должны быть нагрѣваемы по возможности быстро. Но зато *эти печи представляютъ положительно самый пріятный изъ всѣхъ способовъ мѣстнаго отопленія для жилыхъ помѣщеній*, во-первыхъ, потому, что отъ нихъ получается сравнительно мало лучистой теплоты и онѣ нагрѣваютъ воздухъ преимущественно прикосновеніемъ; во-вторыхъ, потому, что онѣ позволяютъ довольно (хотя и не абсолютно) равномѣрное распредѣленіе тепла; въ-третьихъ, потому, что онѣ, разъ нагрѣвшись, не скоро остываютъ, а удерживаютъ тепло въ теченіе продолжительнаго времени, и, въ-четвертыхъ, потому, что, при правильномъ устройствѣ и надлежащемъ уходѣ за ними, онѣ ничѣмъ не портятъ комнатнаго воздуха, не придаютъ ему никакихъ непріятныхъ или опасныхъ въ санитарномъ отношеніи свойствъ. Съ экономической точки зрѣнія, обыкновенныя голландскія печи не особенно выгодны, такъ какъ, вслѣдствіе значительной толщины ихъ стѣнокъ, сильно затрудняется передача тепла отъ дымооборотовъ къ нагрѣвательной поверхности, а потому довольно большой процентъ развиваемаго топливомъ тепла не идетъ въ пользу отапливаемыхъ помѣщеній. Вообще въ нихъ много тепла теряется, и «полезный эффектъ» ихъ не превышаетъ 40 проц., опускаясь, при небрежномъ отношеніи прислуги къ топкѣ печей, до 20 и даже до 15 процентовъ. Поэтому въ настоящее время голландскія печи строятся съ гораздо болѣе тонкими стѣнками, чѣмъ прежде. Съ той же цѣлью, т. е. для увеличенія полезнаго эффекта печей, не-

однократно предлагалось примѣнять къ ихъ конструкціи и желѣзо, напримѣръ, обшивать вертикальные дымообороты листовымъ желѣзомъ; и этому же стремленію обязаны своимъ происхожденіемъ такъ-называемыя *«утермаркскія»* печи, въ которыхъ облицовка изразцами замѣнена таковой изъ листового желѣза. Впрочемъ, здѣсь увеличеніе полезнаго эффекта достигается въ ущербъ санитарнымъ преимуществамъ печей. О приспособленіи голландскихъ печей къ вентиляціи рѣчь была въ одной изъ предыдущихъ бесѣдъ.

(Продолженіе будетъ.)

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки **Р. И. Сементковскаго.**

Наши журналы помѣщаютъ драматическія произведенія лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и это имѣетъ нѣкоторое основаніе. Въ романѣ или повѣсти авторъ многое обстоятельно поясняетъ, что онъ въ драмѣ или комедіи обходитъ молчаніемъ въ расчетѣ, что актеръ мимикою, жестами и интонаціею голоса восполнитъ недосказанное. Поэтому драматическія произведенія требуютъ отъ читателя больше сосредоточенности, вниманія и напряженія фантазіи, чѣмъ остальная беллетристика. Когда еще живъ былъ Островскій, его пьесы аккуратно печатались въ журналахъ, но съ тѣхъ поръ не народилось сильныхъ драматическихъ талантовъ, и поэтому драмы и комедіи появляются въ нашихъ журналахъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Между тѣмъ въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ наша повременная печать наводнилась произведеніями этого рода. Сперва напечатана была комедія г. Чехова *Чайка*; ее смѣнила комедія г. Шпажинскаго *Питомка*; одновременно печаталась драма г. Ибсена *Джонъ Габріэль Боркманъ*, и на смѣну ей явились пьеса г. Мэтерлинка: *Аглавэна и Селизета* и драма г. Карпова *Мірская вдова*.

Читатель можетъ подумать, что всѣ эти пьесы представляютъ особенный интересъ, если наша повременная печать сочла нужнымъ отступить ради нихъ отъ установленнаго правила. Но это предположеніе далеко не вполнѣ оправдывается. Между помѣщенными пьесами есть положительно слабыя, и если мы ихъ подвергнемъ разбору, то только потому, что онѣ, въ связи съ остальнымъ беллетристическимъ матеріаломъ, даютъ намъ возможность полнѣе охарактеризовать литературное движеніе нашихъ дней.

Старые боги умерли, новые еще не народились,—повторяютъ намъ теперь со всѣхъ сторонъ, при чемъ подразумѣвается, что если новые боги еще не народились, то они уже нарождаются. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались усиленные поиски за этими нарождающимися «новыми богами». Мы, русскіе, отреклись бы отъ всего хода нашего умственнаго развитія и отъ свойственной намъ подражательности, если бы стали искать «новыхъ боговъ» у себя дома, а не за границею. Въ области драматическаго творчества мы ихъ ищемъ преимущественно у гг. Ибсена и Мэтерлинка.

Посмотримъ же, что̀ новаго раскрываютъ міру эти драматурги въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ.

Начнемъ съ пьесы г. Мэтерлинка *Аглавэна и Селизета* (*Сѣв. Вѣстн.*, № 1). Судя по словамъ восторженнаго комментатора этой пьесы, г. Минскаго, авторъ ея «вышелъ теперь на новый, болѣе свѣтлый путь творчества». Онъ всегда признавался нашими искателями «новой красоты» и «новыхъ боговъ» своимъ вождемъ, какъ смѣлый новаторъ, открывающій міру новые горизонты въ области философской мысли и художественнаго творчества. Нынѣ, какъ оказывается, онъ «вышелъ еще на новый путь творчества». Новѣе этого, значитъ, ужъ ничего быть не можетъ, и въ этомъ смыслѣ его пьеса должна представлять ужъ самый животрепещущій интересъ. Какъ при такихъ обстоятельствахъ съ нею не познакомиться, не прочитать ее съ жаднымъ вниманіемъ?

Къ сожалѣнію, однако, самъ комментаторъ насъ сильно расхолаживаетъ. Такъ, говоря о прежнихъ пьесахъ г. Мэтерлинка, онъ выдаетъ имъ слѣдующій неожиданный аттестатъ: «Еще немного, и трагедіи г. Мэтерлинка превратились бы въ поэтическіе сеансы, гдѣ вмѣсто дѣйствующихъ лицъ толпились бы медіумы, вызывая призракъ смерти». Говоря о новой пьесѣ бельгійскаго писателя, г. Минскій заявляетъ: «Во всемъ репертуарѣ Мэтерлинка Селизета является первымъ живымъ лицомъ съ человѣческими страстями, съ человѣческою волею». Значитъ, до сихъ поръ въ пьесахъ г. Мэтерлинка фигурировали только духи. Вполнѣ соглашаясь съ

г. Минскимъ, я рѣшусь даже сказать, что это были не духи, а простыя маріонетки, мнимыя радости которыхъ не могли ни трогать, ни даже просто заинтересовать читателя. Далѣе комментаторъ говоритъ, что въ прежнихъ пьесахъ г. Мэтерлинка эти маріонетки вели между собою «дѣтскія рѣчи», а въ новой пьесѣ онѣ представляютъ собою «большихъ дѣтей». Такъ вотъ тотъ «новый, свѣтлый путь творчества», на который теперь «вышелъ» бельгійскій драматургъ! Г. Минскій, очевидно, самъ не замѣчаетъ, какою глубокою ироніею звучатъ его слова. Дѣйствительно, о чемъ бы ни заговорили герои этого драматурга, все у нихъ сводится къ слезамъ или поцѣлуямъ. Слезы, улыбки, поцѣлуи смѣняются иногда разсужденіями о томъ, что вкусно или не вкусно, красиво или не красиво, нравится или не нравится. Подобными разговорами съ томительнымъ однообразіемъ наполнены всѣ пять актовъ пьесы. Чтобы дать читателю понятіе объ этомъ «дѣтскомъ» лепетѣ, я приведу наудачу нѣсколько выдержекъ, при чемъ для читателя совершенно безразлично, кто говоритъ, потому что у г. Мэтерлинка всѣ говорятъ на одинъ ладъ: и мужчины, и женщины, и старъ, и младъ. «Мнѣ хотѣлось бы еще разъ поцѣловать тебя, Аглавэна. Странно, раньше я не могла цѣловать тебя. О, я боялась твоихъ губъ. Не знаю, почему... а теперь... Онъ цѣлуетъ тебя часто?»—«Онъ?»—«Да.»—«Да, Селизета, и я его тоже цѣлую».—«Зачѣмъ?»—«Есть вещи, которыя можно выразить только поцѣлуемъ. Самое глубокое и чистое не исходитъ изъ души, не вызванное поцѣлуемъ».—«Ты можешь цѣловать его, когда я вижу, Аглавэна».—«Я не стану больше цѣловать его, если ты этого не желаешь, Селизета».—Тутъ Селизета начинаетъ плакать и говоритъ: «Ты можешь также цѣловать его, когда я не вижу»,—а Аглавэна утѣшаетъ ее: «Не плачь, Селизета, ты становишься такой прекрасной». Теперь возьмемъ разговоръ между Мелеандромъ и Селизетой. «Поцѣлуй меня, Селизета. Твои поцѣлуи,—вотъ единственное, что осталось намъ отъ утреннихъ розъ».—«Нѣтъ, у меня нѣтъ времени, меня ждутъ. Ты поцѣлуешь меня сегодня вечеромъ».—«Что съ тобой, Селизета?»—«Ничего, ничего. Поцѣлуй меня, но скорѣй». И Селизета «страстно» цѣлуетъ Мелеандра, цѣлуетъ его до крови. Возьмемъ еще разговоръ Селизеты съ маленькой дѣвочкой, своей сестрой Исалиной. «Я не плачу, Исалина, я думаю, думаю... Поцѣловала ли я бабушку, прежде чѣмъ уйти?»—«Да, уходя, ты поцѣловала ее».—«Сколько разъ?»—«Одинъ разъ, сестрица. У насъ не было времени» и т. д. Дѣйствующія лица цѣлуются до крови, и въ концѣ концовъ такъ надоѣдаютъ другъ другу, что отговариваются уже недостаткомъ времени для дальнѣйшихъ поцѣлуевъ. Бабушка, та рѣшительно протестуетъ: «Нѣтъ, не цѣлуйте меня сегодня». О Мелеандрѣ, единственомъ мужчинѣ въ пьесѣ, и его возлюбленной, красавицѣ Аглавэнѣ, уже и говорить нечего: они то и дѣло обнимаются и не просто «цѣлуются», а «цѣлуютъ другъ друга», вѣроятно, для усугубленія удовольствія. Даже восторженному комментатору г. Мэтерлинка становится жутко отъ этихъ поцѣлуевъ, и онъ съ тайнымъ трепетомъ спрашиваетъ: «Неужели ревность къ поцѣлуямъ явится будущимъ рокомъ человѣчества?» Въ своихъ понятіяхъ о красотѣ герои г. Мэтерлинка доходятъ до невѣроятныхъ наивностей. Оказывается, напримѣръ, что «нѣтъ ничего прекраснѣе ключа, покуда не знаешь, что имъ открывается». Такая мысль можетъ, понятно, придти въ голову лишь ребенку, и то очень любопытному. А между тѣмъ комментаторъ автора, г. Минскій, выдаетъ Аглавэнѣ, высказывающей ее, аттестатъ профессора въ пониманіи красоты.

Обратимся, однако, къ сущности пьесы. Что можно ожидать отъ дѣтей, кромѣ слезъ, улыбокъ, поцѣлуевъ и вѣчныхъ разговоровъ на тему, что это вкусно, а это не вкусно, это мнѣ нравится, а это мнѣ не нравится? Понятно, строгой послѣдовательности отъ нихъ ожидать нельзя. Между «большими дѣтьми», изображенными намъ г. Мэтерлинкомъ, на первомъ планѣ стоятъ Мелеандръ, его жена, Селизета, и возлюбленная—Аглавэна. Значитъ, пьеса посвящена адюльтеру. Комментаторъ называетъ это «вѣчной трагедіей любви» и прибавляетъ, что на этотъ разъ трагедія разыгрывается между людьми, которые «какъ боги, и мудры, и кротки, и правдивы». Не знаю, путемъ какихъ логическихъ умозаключеній или, точнѣе говоря, путемъ какой нравственной извращенности можно додуматься до того, что адюльтеръ составляетъ «вѣчную трагедію любви», а не ея профанацію. Но все-таки любопытно посмотрѣть, какъ подобная трагедія любви разъигрывается между «мудрыми, кроткими и правдивыми людьми». И вотъ тутъ оказывается, что она разыгрывается точь-въ-точь, какъ между самыми обыкновенными смертными. Женатому Мелеандру полюбилась Аглавэна. Оба они, будучи «мудрыми, какъ боги», преисполнены, конечно, сознанія красоты вообще и нравственной въ особенности. Они сидятъ въ бесѣдкѣ и разсуждаютъ, какъ имъ теперь быть? Они страстно любятъ другъ друга, но ни за что не хотятъ обидѣть Селизету. И вотъ, они судятъ и рядятъ

на эту тему очень долго. Наконецъ Аглавэна приходитъ къ твердому рѣшенію. Она говоритъ: «Пока, если нужно, чтобы кто-нибудь страдалъ, пусть это будемъ мы... Есть тысячи обязанностей, Мелеандръ; но я думаю, что рѣдко ошибаешься, когда желаешь снять страданія съ болѣе слабаго и взять ихъ на себя».

Да, конечно, это самое мудрое рѣшеніе. Мелеандру и Аглавэнѣ остается только разойтись. Но въ отвѣтъ на эти мудрыя слова Мелеандръ обнимаетъ свою возлюбленную съ возгласомъ: «Ты—прекрасна, Аглавэна», а послѣдняя, въ свою очередь, обнимаетъ возлюбленнаго съ возгласомъ: «Я люблю тебя, Мелеандръ»,—и они начинаютъ «цѣловать другъ друга». И такъ продолжается долго. Поцѣлуи смѣняются поцѣлуями и безконечными разсужденіями о красотѣ до тѣхъ поръ, пока Мелеандръ съ Аглавэной своими безконечными поцѣлуями не доводятъ Селизеты, глубоко преданной своему мужу, до тяжкой болѣзни и смерти. И этихъ-то людей г. Минскій называетъ «мудрыми, какъ боги»! Самые обыкновенные смертные, и тѣ не подвергли бы бѣдной Селизеты такимъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ: если они уже не рѣшились бы порвать между собою, то, по крайней мѣрѣ, избавили бы Селизету отъ зрѣлища ихъ счастливой любви, ихъ безконечныхъ поцѣлуевъ.

Таковы «новые люди» и «новые боги», выведенные г. Мэтерлинкомъ въ его послѣдней пьесѣ. Уже изъ краткаго анализа мы убѣждаемся, что ничего новаго тутъ нѣтъ. Мелеандръ и Аглавэна принадлежатъ къ числу закоренѣлыхъ себялюбцевъ, какихъ во всякое время было великое множество. Другая ихъ отличительная черта—коренной разладъ между словомъ и дѣломъ, разговоры о высокой честности, о любви къ ближнему въ связи съ полною неспособностью придерживаться въ жизни этихъ высокихъ принциповъ. Эта черта встрѣчается также въ избыткѣ во всѣ времена. Такимъ образомъ, какъ и въ прежнихъ произведеніяхъ г. Мэтерлинка, новымъ можно развѣ считать его до безобразія вычурную форму, его склонность выдавать за литературное произведеніе безсмысленный дѣтскій лепетъ. Впрочемъ, вина тутъ не столько его, сколько тѣхъ комментаторовъ, которые, въ погонѣ за новизною, превозносятъ то, что не заслуживаетъ даже порицанія, а вызываетъ лишь улыбку сожалѣнія.

Обратимся теперь къ драмѣ г. Ибсена: *Джонъ Габріэль Боркманъ* (*Приложеніе къ Нов. Времени* №№ 7465—84). Какого же рода людей выводитъ знаменитый норвежскій драматургъ? Къ сожалѣнію, наши русскіе комментаторы г. Ибсена не успѣли еще вполнѣ высказаться о новой его драмѣ, но мы не сомнѣваемся, что когда они это сдѣлаютъ, то ими открыто будетъ нѣчто совершенно «новое». А пока дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Главный герой пьесы, Боркманъ, бывшій рудокопъ, благодаря своимъ способностямъ и своему ненасытному честолюбію, добрался до поста директора банка, увлекся грандіозными проектами, самовольно растратилъ на нихъ деньги акціонеровъ, угодилъ подъ судъ, попалъ въ тюрьму и живетъ съ сильно запятнанной репутаціей, скрываясь отъ общества. Двѣ женщины его любили, двѣ родныя сестры. Онъ оказалъ одной изъ нихъ предпочтеніе, не по любви, а чтобы вѣрнѣе устроить свою карьеру. Жена его, столь же честолюбивая, какъ онъ самъ, не можетъ простить ему его позорнаго паденія и возлагаетъ всѣ свои надежды на сына, который поможетъ ей возстановить доброе имя Боркмановъ. Она до того ненавидитъ своего мужа, что даже не желаетъ поддерживать съ нимъ никакихъ сношеній. Другая сестра остается вѣрна любимому человѣку и въ разлукѣ съ нимъ продолжаетъ заботиться какъ о немъ, выдавая ему средства къ жизни, такъ и объ его сынѣ. Самъ Боркманъ, все время занятый грандіозными своими проектами или подавленный обрушившимся на него позоромъ, не находитъ ни минуточки времени, чтобы заняться своимъ сыномъ. Такимъ образомъ отецъ проявляетъ полное равнодушіе къ сыну, мать требуетъ, чтобы онъ жилъ исключительно для возстановленія добраго имени семьи, тетка страстно желаетъ получить награду за свою самоотверженную любовь къ племяннику, котораго она воспитала, т. е. хочетъ, чтобы онъ жилъ для нея. Ну, а молодой человѣкъ хочетъ жить для себя. Онъ бросаетъ и отца, и мать, и тетку, чтобы жуировать съ какою-то авантюристкой.

Вотъ фабула драмы. Какъ и въ пьесѣ г. Мэтерлинка, мы имѣемъ тутъ дѣло съ эгоистами, заботящимися исключительно о себѣ и забывающими о другихъ, даже о наиболѣе близкихъ людяхъ. Исключеніе составляетъ развѣ только тетка, которая, какъ и Селизета у г. Мэтерлинка, вслѣдствіе безнадежной любви становится жертвою смертельнаго недуга.

Но между двумя пьесами есть громадная разница; ихъ раздѣляетъ цѣлая пропасть. Дѣтскій лепетъ г. Мэтерлинка, его кукольная комедія замѣняется у г. Ибсена глубокою жизненною драмою. Читая эту драму, вы не можете оторваться отъ нея; не смотря на многіе ея недостатки въ частностяхъ, она общимъ своимъ содержаніемъ и боль-

шей или меньшей типичностью выведенныхъ въ ней лицъ глубоко васъ захватываетъ. Но и тутъ, вѣроятно, случится то, что случилось съ большинствомъ пьесъ г. Ибсена: его глашатаи въ русской печати будутъ ее прославлять, а русскій читатель отнесется къ ней довольно равнодушно. Да что уже говорить о читателѣ! Такой извѣстный критикъ, какъ г. Михайловскій, въ спеціальномъ этюдѣ, посвященномъ норвежскому драматургу (*Литература и жизнь*, *Русск. Бог.* №№ 11 и 12), чистосердечно признается, что долгое время пьесы г. Ибсена «проходили, такъ сказать, мимо его сознанія», что онъ «не могъ бы даже просто разсказать фабулы только что прочитанной драмы: онѣ не производили на него достаточно сильнаго впечатлѣнія ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ». Но вотъ въ одной изъ драмъ онъ натолкнулся на знакомый ему мотивъ, на тему, которую онъ самъ неоднократно разрабатывалъ по поводу Щедрина, г. Гл. Успенскаго и т. д. Тема эта—«больная совѣсть». Тутъ драмы г. Ибсена живо заинтересовали критика, до того заинтересовали, что онъ имъ посвятилъ большой этюдъ, въ которомъ тщательно подобраны всѣ мѣста драмъ Ибсена, подтверждающія, что норвежскій драматургъ разрабатываетъ главнымъ образомъ именно эту тему. Почему же, однако, г. Михайловскому долгое время казалось, что пьесы г. Ибсена не представляютъ никакого интереса? Должно-быть, указанный имъ мотивъ не играетъ въ нихъ такой значительной роли, какъ это теперь ему кажется. Мало того, если взять любого писателя, правдиво изображающаго жизнь, то, конечно, мы у него найдемъ не мало мѣстъ, посвященныхъ «больной совѣсти». Для примѣра укажемъ хотя бы на Шекспира, на его леди Макбетъ, стирающую съ рукъ воображаемыя пятна крови, на Гамлета, котораго все терзаетъ мысль, что онъ не можетъ должнымъ образомъ отмстить за смерть любимаго отца. Подобныя сцены производятъ потрясающее впечатлѣніе на читателя. Но кто же станетъ утверждать, что Шекспиръ — писатель «больной совѣсти?» Кто не понимаетъ, что это значитъ слишкомъ сузить значеніе великаго англійскаго драматурга?

Конечно, г. Ибсену далеко до Шекспира. Но и его міросозерцаніе гораздо шире, чѣмъ міросозерцаніе тѣхъ писателей, которые, осѣдлавъ какого-нибудь конька, то и дѣло гарцуютъ на немъ. При оцѣнкѣ литературныхъ произведеній очень опасно искать въ нихъ не того, что авторъ хочетъ сказать намъ, а лишь то, что намъ самимъ хочется ему приписать. Г. Михайловскій очень мѣтко осмѣиваетъ другого русскаго комментатора Ибсена, г. Минскаго, указывая, что видѣть въ г. Ибсенѣ представителя одного лишь пессимизма — точка зрѣнія слишкомъ узкая. Въ своей біографіи норвежскаго драматурга г. Минскій, всякій разъ, когда онъ встрѣчаетъ въ его пьесахъ свѣтлыя явленія, говоритъ о неожиданности. Но такихъ неожиданностей оказывается много, и г. Михайловскій очень справедливо замѣчаетъ, что «когда критикъ встрѣчаетъ въ изучаемомъ писателѣ столько неожиданностей съ своей точки зрѣнія, то это значитъ, что онъ стоитъ на ложной, ошибочной точкѣ зрѣнія». Но не совершаетъ ли и г. Михайловскій той же ошибки, какъ совершаетъ ее и г. Мережковскій, вѣчно толкующій о пришествіи «третьяго царствія».

Въ новой драмѣ г. Ибсена нѣтъ рѣчи ни о пессимизмѣ, ни о третьемъ царствіи, ни о больной совѣсти. Это просто яркая картинка норвежской жизни. Жена Боркмана любитъ своего мужа до тѣхъ поръ, пока онъ удовлетворяетъ ея честолюбію. Сестра ея любитъ Боркмана ради него самого и остается ему вѣрна до послѣдняго его вздоха. Самъ Боркманъ въ сущности не любитъ ни той, ни другой: онъ весь поглощенъ своею мыслью открыть новыя богатства, разбудить «дремлющихъ духовъ золота», скрытаго въ глубинѣ земли. Въ налаженную, однообразную, тихую норвежскую жизнь врывается духъ промышленной иниціативы, сулящій быстрое обогащеніе, быструю славу, и этотъ духъ всецѣло овладѣваетъ и Боркманомъ. Подчиняясь ему, онъ забываетъ возлюбленную, жену, сына, онъ страстно увлекается своею общественною ролью и увлекаетъ ею и свою жену, но приходитъ къ полному банкротству, окончательно разочаровываетъ и жену, которая возлагаетъ всѣ свои надежды на сына. На него же возлагаетъ всѣ свои надежды покинутая возлюбленная Боркмана, разсчитывающая, что сынъ замѣнитъ ей до извѣстной степени отца, наполнитъ ея семейный очагъ тѣмъ свѣтомъ и тепломъ, которыхъ она въ жизни была лишена. Новый промышленный духъ, такимъ образомъ, разрушаетъ одинъ изъ устоевъ норвежской жизни, — сильное семейное чувство. Но въ норвежскую жизнь врывается еще другое внѣшнее теченіе; это — жажда предосудительныхъ, но сильныхъ наслажденій. Въ драмѣ Ибсена этотъ элементъ воплощенъ въ обольстительной иностранкѣ, которая увлекаетъ молодого Боркмана и отнимаетъ его отъ семьи: онъ уѣзжаетъ съ нею за границу. А у семейнаго очага остаются двѣ тѣни, двѣ женщины, похоронившія всѣ свои надежды на счастье. Чтобы еще полнѣе

оттѣнить эту мысль, авторъ заставляетъ иноземную прелестницу увлечь за собою, кромѣ молодого Боркмана, и скромную дѣвушку, любимую дочь обиженнаго судьбою отца.

Если взглянуть на драму съ этой точки зрѣнія, то мы увидимъ, какой свѣтъ она проливаетъ на норвежскую жизнь. А если вспомнить содержаніе и другихъ пьесъ норвежскаго драматурга, то мы получимъ освѣщенную во всѣхъ частностяхъ картину жизни норвежскаго общества, переживающаго глубокій внутренній кризисъ. Подъ вліяніемъ промышленнаго духа, новыхъ нравственныхъ, соціальныхъ и политическихъ теорій, проникшихъ въ страну, крѣпкіе устои норвежской жизни расшатываются; нѣтъ уже прежней увѣренности въ спасительности этихъ устоевъ; нѣтъ уже прежней богобоязненности въ протестантскомъ духѣ; нѣтъ уже прежняго крѣпкаго семейнаго начала. Все это подтачивается, все это колеблется. Индивидъ, подчинявшійся семейному и общественному строю, начинаетъ возставать противъ него; онъ сбрасываетъ съ себя цѣпи, наложенныя на него вѣрою, семьею и обществомъ; онъ хочетъ самостоятельно завоевать себѣ счастье въ болѣе широкой сферѣ, чѣмъ какую представляетъ традиціонная, нѣсколько мѣщанская и нетерпимая норвежская жизнь. Вспомнимъ всѣхъ типичныхъ представителей норвежскаго общества, изображенныхъ намъ яркою кистью г. Ибсена, всѣхъ этихъ Норъ, Штокмановъ, Боркмановъ, Сольнесовъ, Росмеровъ, не говоря уже о многихъ другихъ,—и мы легко убѣдимся въ этомъ новомъ вѣяніи среди норвежскаго общества. На ряду съ нимъ авторъ выводитъ намъ противоположные типы людей, преданныхъ старымъ началамъ норвежской жизни, глубоко религіозныхъ, семейственныхъ, влюбленныхъ въ свою родину съ ея природными красотами и успѣшной вѣковой культурной работой. Борьба между этими двумя противоположными типами или же внутренняя борьба, происходящая въ человѣкѣ между этими двумя противоположными началами, постепенное перерожденіе норвежской жизни подъ вліяніемъ новаго міросозерцанія и промышленнаго духа, представляетъ глубоко интересный кризисъ для посторонняго наблюдателя,—кризисъ, изображенный г. Ибсеномъ подчасъ мастерски, и такъ какъ этотъ переломъ имѣетъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что происходитъ въ другихъ странахъ, то драмы г. Ибсена пріобрѣтаютъ общій интересъ и во многихъ отношеніяхъ могутъ быть и для насъ весьма поучительны. Но понятно, что и надлежащая ихъ оцѣнка будетъ возможна только тогда, когда мы откажемся отъ разныхъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, отъ желанія подводить ихъ подъ тѣ или другія общія категоріи, въ родѣ символизма, человѣконенавистничества, пришествія третьяго царствія, исканія новой красоты, или въ родѣ больной совѣсти и т. д., и будемъ видѣть въ нихъ лишь то, что онѣ дѣйствительно собою представляютъ, то-есть мѣткія и подчасъ глубокія характеристики норвежской жизни, въ которыхъ субъективный элементъ, конечно, не отсутствуетъ, но имѣетъ второстепенное значеніе и обусловливается преимущественно темпераментомъ и обстоятельствами жизни ихъ автора,—человѣка, лично выстрадавшаго многое изъ того, что онъ приписываетъ своимъ героямъ. Въ общемъ, г. Ибсенъ сдѣлалъ для своего отечества то, что сдѣлалъ Тургеневъ для нашей родины: поэтическое его дарованіе и мѣткая наблюдательность сблизили норвежскую жизнь съ жизнью остального цивилизованнаго міра и заставили его отнестись къ ней съ интересомъ и сочувствіемъ. Если эта роль г. Ибсена затемняется, то только потому, что онъ нашелъ себѣ въ Европѣ очень неумѣлыхъ комментаторовъ въ лицѣ мистиковъ, пессимистовъ, символистовъ или тенденціозныхъ критиковъ, которые пользуются произвольно выхваченными изъ его произведеній образами и словами для того, чтобы возвеличивать или прославлять собственную личность. Эти комментаторы сильно вредятъ какъ самому г. Ибсену, такъ и той службѣ, которую могли бы сослужить его пьесы, содѣйствуя яркимъ изображеніемъ норвежской жизни болѣе глубокому пониманію общественныхъ отношеній.

Перенесемся теперь изъ Норвегіи въ Россію, сопоставимъ драму г. Ибсена съ комедіей г. Чехова *Чайка* (*Русская Мысль*, № 12). Сюжетъ ея не возбуждаетъ живого интереса, какъ сюжеты большинства русскихъ даже выдающихся писателей, и это, конечно, главнымъ образомъ повредило сценическому ея успѣху. Но нельзя не задуматься надъ выведенными въ пьесѣ лицами. Если Боркманъ и его сынъ представляютъ, до извѣстной степени, въ норвежской жизни людей новыхъ, поклоняющихся «новымъ богамъ», то и въ комедіи г. Чехова мы также натолкнемся на «новыхъ» людей. Но, Боже великій, какъ они жалки, какъ они ничтожны въ сравненіи съ героями г. Ибсена! Тамъ вы видите людей сильныхъ, жизнерадостныхъ, внушающихъ намъ извѣстное почтеніе вслѣдствіе неуклонности, съ какою они стремятся къ своей жизненной цѣли. Вы видите, что, если они терпятъ крушеніе, то не по недостатку внутренней силы, не вслѣдствіе нравственной дряблости, развинченности, а вслѣдствіе несоотвѣтствія ихъ цѣлей съ

окружающими ихъ условіями. А въ комедіи г. Чехова? Тутъ что ни личность, то какое-то нравственное безсиліе, какая-то раздвоенность, неспособность жить для избранной себѣ цѣли, даже когда она вполнѣ доступна, когда благодаря талантливости и достигаются нѣкоторые успѣхи. Въ драмѣ г. Ибсена выведенъ писатель, всю свою жизнь мечтающій о томъ, чтобы написать трагедію. Онъ ее пишетъ, постоянно перерабатываетъ, относится къ ней съ неослабѣвающимъ жаромъ, твердо вѣритъ, что она доставитъ ему славу, хотя и жить-то ему осталось уже немного. У г. Чехова выведено два писателя,—пользующійся извѣстностью Тригоринъ и начинающій беллетристъ Треплевъ. Первый такъ характеризуетъ свою писательскую дѣятельность: «День и ночь одолѣваетъ меня одна неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать... Едва кончилъ повѣсть, какъ уже *почему-то* долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей четвертую,—пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, и иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь!.. Я не люблю себя, какъ писателя. Хуже всего, что я въ какомъ-то чаду и часто *не понимаю*, что и какъ я пишу... Я умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я фальшивъ, и фальшивъ до мозга костей». Словомъ, Тригоринъ отбываетъ какую-то постылую, надоѣдливую барщину. Надо же чѣмъ-нибудь разнообразить свой каторжный трудъ. И вотъ онъ срываетъ цвѣты удовольствія, губя при этомъ жизнь другихъ людей, напримѣръ, героини комедіи,—Нины.

Начинающій беллетристъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ свою писательскую дѣятельность: «У меня въ мозгу точно гвоздь,—будь онъ проклятъ вмѣстѣ съ моимъ самолюбіемъ, которое сосетъ мою кровь, сосетъ какъ змѣя... Я ношусь въ хаосѣ грезъ и образовъ, *не зная*, для чего и кому это нужно. Я не вѣрую и не знаю, въ чемъ мое призваніе». Этотъ Треплевъ—символистъ или декадентъ; онъ ищетъ новыхъ формъ, но самъ не вѣритъ въ эти формы и сочиняетъ свои произведенія, какъ лунатикъ. Въ жизни онъ самый ничтожный человѣкъ, неспособный высвободиться изъ-подъ мелкаго деспотизма своей матери, своимъ безволіемъ, своею нравственною дряблостью расхолаживающій любимую дѣвушку, ту же Нину, погубленную Тригоринымъ, и при видѣ ея нравственнаго страданія кончающій жизнь самоубійствомъ, утративъ всякую вѣру и въ себя, и въ другихъ людей. А сама Нина? Ее соблазняетъ слава актрисы. Но вмѣсто того, чтобы твердо идти къ своей цѣли, какъ шла къ своей цѣли жена Боркмана, она сперва влюбляется въ Треплева, потомъ въ Тригорина и, разбитая физически и нравственно, ведетъ безотрадную жизнь, продолжая гоняться за славою, какъ за блуждающимъ огонькомъ, на потѣху «образованнымъ купцамъ, пристающимъ къ ней съ любезностями». Есть въ пьесѣ и другая актриса, пользующаяся уже славой, Аркадина. Но что это за личность! Единственная ея цѣль въ жизни—скопить кругленькій капиталъ, и своей страсти она приноситъ въ жертву родного сына. Это какъ будто по мысли автора единственная сколько-нибудь энергичная личность въ его комедіи. Она держитъ при себѣ беллетриста Тригорина, который, по нравственной своей дряблости, не въ силахъ разстаться съ нею. Ихъ отношенія прямо отвратительны. Но и Аркадина въ сущности какая-то психопатка. Вотъ, напримѣръ, ея разговоръ съ сыномъ. Тотъ въ припадкѣ бѣшенства говоритъ ей: «Не признаю я васъ, не признаю ни тебя, ни его (Тригорина).—Декадентъ!—Отправляйся въ свой милый театръ и играй тамъ въ жалкихъ, бездарныхъ пьесахъ. — Ты и жалкаго водевиля написать не въ состояніи. Кіевскій мѣщанинъ! Приживалъ!—Скряга!—Оборвышъ! (Тутъ Треплевъ начинаетъ плакать). Ничтожество!» Аркадина начинаетъ волноваться, успокаивать сына: «Не плачь, не нужно плакать!» затѣмъ она сама плачетъ, цѣлуетъ его въ лобъ, щеки, въ голову: «Милое мое дитя, прости, прости свою грѣшную мать, прости меня, несчастную!» Но несмотря на этотъ приливъ материнскихъ чувствъ, она отказываетъ сыну въ самомъ необходимомъ, называетъ его оборвышемъ, и въ то же время ни за что не хочетъ дать ему денегъ на приличный костюмъ...

Какъ-то жутко становится на душѣ при чтеніи подобныхъ вещей. Что за мелкія, ничтожныя личности въ сравненіи съ тѣми, которыя выводитъ г. Ибсенъ! Тамъ, въ Норвегіи, происходитъ борьба сознательная, упорная. У насъ, въ Россіи, житейская пошлость заѣдаетъ людей, безсмысленно ихъ губитъ при полномъ отсутствіи всякаго сильнаго душевнаго влеченія, всякой твердой и цѣлесообразной дѣятельности. Если Нины, Треплевы, Тригорины должны служить представителями окружающей насъ нынѣ русской дѣйствительности и въ этомъ смыслѣ могутъ быть признаны «новыми» русскими людьми, то получается картина, которая своею пошлостью можетъ вполнѣ удовлетворить крайнихъ пессимистовъ. Имъ не зачѣмъ обращаться къ г. Ибсену...

Но перейдемъ къ премированной комедіи г. Шпажинскаго *Питомка* (*Русс. Вѣстн.*,

№ 12). Тутъ уже все болѣе или менѣе старо: и сюжетъ, и его разработка, и мелодраматическіе пріемы. Высокопоставленное лицо, сановникъ, вспоминаетъ, по прошествіи слишкомъ двадцати лѣтъ, что у него была мимолетная связь, отъ которой родилась дочь, отданная въ воспитательный домъ. Изъ питомокъ дѣвочка попала въ горничныя. Вспомнивъ о своей дочери, сановникъ разыскиваетъ ее, беретъ къ себѣ въ домъ и, послѣ неудачной попытки сдѣлать изъ нея барышню, выдаетъ ее замужъ за ея возлюбленнаго, штабнаго писаря. И дочь, и отецъ вполнѣ довольны. Такъ кончается эта заурядная комедія.

Но вотъ что въ ней любопытно. Центральная фигура комедіи, если не въ сценическомъ отношеніи, то по концепціи фабулы,—указанный сановникъ, Ветлугинъ. Онъ вспоминаетъ о своей дочери по случаю смерти бывшаго предмета любви, съ которымъ уже лѣтъ двадцать какъ разошелся. Это уже нѣсколько странно. Но допустимъ, что сановникъ, чувствуя приближеніе старости, страшится одиночества и, подчиняясь наплыву этого чувства, разсчитываетъ найти въ дочери усладу на закатѣ своихъ дней. Надо, однако, полагать, что дѣятель, искушенный въ государственныхъ дѣлахъ, не проявитъ въ этомъ отношеніи необдуманности, легкомыслія, страстности, заставляющихъ его совершить цѣлый рядъ несообразностей. Между тѣмъ въ комедіи онъ именно все это проявляетъ. Напавъ на слѣдъ своей дочери, но еще не увѣренный въ томъ, что найденная дѣвушка дѣйствительно его дочь, онъ стремительно самъ отправляется въ домъ, гдѣ она служитъ, чтобы окончательно удостовѣриться въ своемъ счастьи. Кажется, проще и благоразумнѣе было бы кого-нибудь послать вмѣсто себя. Но оказывается, что онъ не ошибся. Въ то же время, однако, выясняется, что его дочь не получила никакого образованія, что это—типичная горничная, при случаѣ даже занимающаяся воровствомъ. И вотъ такую-то особу сановникъ беретъ прямо къ себѣ въ домъ, раскрываетъ ей тайну ея рожденія и увѣренъ, что онъ, при содѣйствіи своей домоправительницы и нѣсколькихъ учителей, переродитъ ее въ короткій срокъ. Экономка прямо ему указываетъ на полную несообразность его затѣи, но это только его раздражаетъ. Онъ выходитъ изъ себя, сердится, какъ мальчишка, убѣждаясь въ томъ, что ожидаемое перерожденіе не осуществляется, и т. д.

Все это было бы еще понятно, если бы авторъ хотѣлъ намъ изобразить какого-нибудь психопата или дурака. Но на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ другихъ мѣстъ комедіи, онъ его хочетъ изобразить человѣкомъ въ сущности добрымъ и умнымъ. Что же это такое: авторскій недочетъ или какой-то странный взглядъ на человѣческую природу? Не будемъ углубляться въ этотъ вопросъ и замѣтимъ только, что непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ, какая-то умственная и сердечная развинченность составляютъ характеристическую черту современности, и что очень часто бываетъ трудно отличить, страдаетъ ли всѣмъ этимъ самъ авторъ или изображаемыя имъ лица.

Недавно еще мнѣ приходилось говорить объ этомъ вопросѣ по поводу произведеній г. Тимковскаго: *Сергѣй Шумовъ* и *Маленькія дѣла и большіе вопросы.* Указавъ на чрезвычайную склонность прежнихъ и новѣйшихъ беллетристовъ заниматься всякаго рода психопатами и выставлять ихъ лучшими людьми въ окружающемъ ихъ обществѣ, я въ то же время отмѣтилъ, что въ настоящее время въ этомъ отношеніи какъ будто происходитъ нѣкоторый поворотъ въ томъ смыслѣ, что авторы, изображая намъ своихъ психопатовъ, повидимому, сами хорошенько не знаютъ, какъ къ нимъ отнестись. Если въ указанныхъ произведеніяхъ г. Тимковскаго сочувствіе автора какъ будто еще довольно ясно на сторонѣ изображенныхъ имъ психопатовъ, если онъ видитъ въ нихъ представителей лучшихъ стремленій современнаго общества, то въ повѣсти г. Куприна: *Молохъ* (*Русс. Богатство*, № 12) эта двойственность замысла автора уже проявляется такъ наглядно, что вы рѣшительно недоумѣваете, хочетъ ли онъ въ своемъ психопатѣ изобразить намъ отрицательный или положительный типъ. Съ одной стороны не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ не сочувствуетъ тѣмъ порядкамъ, которые установились въ нашемъ крупномъ заводскомъ и фабричномъ производствѣ. Ужъ одно заглавіе его повѣсти указываетъ на это. Подъ «молохомъ» онъ подразумѣваетъ отчасти огромный заводъ, пожирающій и калѣчащій массу человѣческихъ жизней, отчасти крупнаго дѣльца, орудующаго всѣмъ этимъ заводомъ и при случаѣ пожирающаго невинныхъ дѣвушекъ.

Надо отдать справедливость автору, что онъ ведетъ свой разсказъ очень живо, мѣстами съ огонькомъ, а иногда съ художнической жилкою. Но на ряду съ этою отрицательною картиною онъ рисуетъ намъ душевный процессъ главнаго лица разсказа, инженера Боброва, служащаго на заводѣ и возмущающагося его порядками. Прилагаетъ ли Бобровъ, однако, руку къ ихъ измѣненію въ доступной ему сферѣ? Мы этого не видимъ;

мы видимъ только, что онъ жестоко страдаетъ. Значитъ, онъ во всякомъ случаѣ—человѣкъ съ хорошимъ настроеніемъ. И дѣйствительно, авторъ не скупится на краски, изображая всѣ душевныя муки, претерпѣваемыя Бобровымъ при видѣ того, что творится на заводѣ. Но это только съ одной стороны. Съ другой—онъ намъ его рисуетъ совершенно неспособнымъ къ какой бы то ни было сознательной и послѣдовательной дѣятельности, направленной къ устраненію причины хотя бы части своихъ страданій. Въ одномъ только онъ преуспѣваетъ, именно въ добросовѣстномъ и даже талантливомъ исполненіи своихъ обязанностей инженеръ-технолога. Онъ даже на отличномъ счету у лица, фактически управляющаго заводомъ и возлагающаго на него большія надежды. И вотъ тутъ-то получается окончательная странность. Оказывается, что Бобровъ—форменный неврастеникъ, морфиноманъ, что онъ отъ жизнерадостнаго настроенія быстро переходитъ къ полному отчаянію и наоборотъ. Это съ нимъ повторяется ежеминутно. Я не стану входить въ мелкіе эпизоды разсказа, но отмѣчу только, что онъ безъ ума влюбляется въ пустую дѣвушку изъ-за ея миловиднаго личика, то ей безусловно довѣряетъ, то столь же безусловно въ ней разочаровывается, и когда эта дѣвушка съ полною готовностью предоставляетъ себя на съѣденіе «молоху», онъ съ отчаянія нализывается какъ сапожникъ, и въ состояніи безумія совершаетъ рядъ несообразностей и въ концѣ концовъ возвращается къ спасительному средству отъ всѣхъ напастей и горестей, — морфію. На этомъ и кончается повѣсть г. Куприна.

Нельзя не спросить себя, что же собственно авторъ хотѣлъ сказать своимъ произведеніемъ? Во всякомъ случаѣ, онъ столь же рѣзко осуждаетъ заводскіе порядки, какъ и тѣхъ лицъ, которыя могли бы устранить многія печальныя ихъ стороны, если бы не были натурами дряблыми, развинченными, психопатическими. Но допустимъ, что авторъ ничего не хотѣлъ сказать, а хотѣлъ только дать картинку современной дѣйствительности. Однако, и въ такомъ случаѣ надо признать, что эта картина производитъ столь же безотрадное впечатлѣніе, какъ и комедія г. Чехова.

Не знаю, — случайность ли это, но такой мрачный выводъ получается почти изъ всѣхъ произведеній, которыя мнѣ довелось прочесть въ послѣднихъ книжкахъ нашихъ журналовъ. Какое безотрадное впечатлѣніе производитъ и разсказъ г. Ивановича, *Глупости* (*Нов. Слово*, № 3). «Глупостями» авторъ саркастически называетъ служеніе обществу въ прогрессивномъ смыслѣ, въ духѣ принциповъ свободы, равенства, братства. Одинъ изъ его героевъ говоритъ, что «только въ пору этихъ глупостей человѣкъ живетъ по-человѣчески». И вотъ оказывается, что постепенно дружная группа студентовъ, «выйдя въ люди, людьми быть перестала». «Человѣкомъ» пересталъ быть и главный герой разсказа Капорцевъ, женившійся на дочери банковаго туза и самъ угодившій въ директора банка; въ немъ, правда, происходитъ борьба между эгоистическими инстинктами и «человѣческими» чувствами, но первые торжествуютъ надъ вторыми. Всю свою любовь, однако, Капорцевъ сосредоточиваетъ на своей единственной дочери въ надеждѣ, что она, по крайней мѣрѣ, выйдя въ люди, останется «человѣкомъ». Но можно ли примирить непримиримое? По мнѣнію автора разсказа, это почти невозможно. Онъ, однако, кажется, самъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, до какой степени онъ считаетъ это невозможнымъ. Изъ всѣхъ товарищей-студентовъ, только одинъ не пересталъ быть «человѣкомъ». Это нѣкто Мухинъ. Къ сожалѣнію, авторъ насъ очень поверхностно знакомитъ съ его судьбою. Пробавлялся онъ уроками, писалъ корреспонденціи, былъ библіотекаремъ, пристроился къ земству. Но чѣмъ онъ собственно живетъ, трудно себѣ уяснить. Во всякомъ случаѣ, матеріальныя его средства крайне необезпечены. Въ разсказѣ онъ выступаетъ одинъ только разъ, произноситъ очень хорошія слова, но, между прочимъ, такъ сказать мимоходомъ, занимаетъ у Капорцева тысячу рублей и притомъ, какъ видно, безъ отдачи. Значитъ, единственный человѣкъ, сохранившій «человѣческія» чувства, повидимому, живетъ на чужой счетъ... О дочери Капорцева и ея товаркахъ по курсамъ и студентахъ мы не говоримъ, потому что они живутъ на счетъ родителей, да и скоро оказываются гдѣ-то на «далекомъ сѣверѣ». И вотъ получается слѣдующій выводъ, очевидно, не совсѣмъ предусмотрѣнный самимъ авторомъ: сохранить «человѣческія» чувства и не жить на чужой счетъ—невозможно. Въ университетѣ молодежь живетъ на счетъ родителей или родственниковъ, получаетъ вспомоществованія, стипендіи и т. д., затѣмъ, по окончаніи курса, приходится либо поступиться своими «человѣческими» чувствами, либо жить на чужой счетъ. Такова мораль разсказа г. Ивановича. Интересно только знать, не составляетъ ли элементарная честность также «человѣческаго» чувства, т.-е. не обязанъ ли всякій человѣкъ, желая жить для духовныхъ благъ или «человѣческихъ» чувствъ, самъ заботиться о средствахъ къ существо-

ванію и по возможности менѣе обременять собою родителей, родственниковъ, друзей, общество, государство? Тогда, пожалуй, легче будетъ сохранить и остальныя «хорошія чувства»...

Какъ бы то ни было, разсказъ г. Ивановича служитъ весьма печальною иллюстраціею нашихъ понятій о «человѣческихъ» чувствахъ, и въ особенности о личной и общественной честности. На такія же грустныя размышленія наводитъ и разсказъ г. Авсѣенко *Столкновеніе* (*Вѣстн. Европы*, № 1). Намъ нечего передавать читателю, въ чемъ заключается это столкновеніе. Оно не играетъ существенной роли. Настоящая же тема разсказа, это—окончательное вырожденіе славянофильства и западничества или, по крайней мѣрѣ, характеристика отношеній нашего общества къ современной формѣ этихъ двухъ направленій: чисто - внѣшней самобытности и слѣпому подражанію западнымъ модамъ. Собственно, какъ вытекаетъ изъ разсказа, наше общество перестало относиться серьезно или даже съ увлеченіемъ къ самобытности и западничеству, а пользуется только этими ярлычками для препровожденія времени или для обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ. Таково настроеніе всѣхъ лицъ разсказа; авторъ не выводитъ намъ ни одного убѣжденнаго человѣка. Даже наиболѣе симпатичный по своимъ взглядамъ герой разсказа, молодой адвокатъ Скворецкій, въ сущности «необъятный» эгоистъ, болѣе или менѣе добросовѣстно исполняющій свои адвокатскія обязанности, но живущій только для удовлетворенія своихъ прихотей. О бывшемъ казначеѣ «кружка для содѣйствія возрожденію древле-русскаго стиля въ зодчествѣ», занятомъ преимущественно тѣмъ, чтобы выдать свою дочь замужъ, о самой этой дочери, быстро мѣняющей свои убѣжденія, чтобы вѣрнѣе найти себѣ жениха, о докторѣ Лишаевѣ, обдѣлывающемъ дѣлишки подъ флагомъ споспѣшествованія отечественной промышленности вообще и разведенія на Кавказѣ рициноваго сѣмени въ частности, и т. д.—уже и говорить нечего. Всѣ фразы этихъ славянофиловъ и западниковъ о «нетлѣнной красотѣ» русскаго народа, объ «опасномъ характерѣ игры въ національное самомнѣніе, потому что оно тянетъ насъ не впередъ, а назадъ», и т. п. производятъ комическое впечатлѣніе въ устахъ субъектовъ, озабоченныхъ исключительно собою и своими личными выгодами. Когда люди, всю свою жизнь боровшіеся за свои убѣжденія, произносятъ эти фразы, то чувствуешь, что это не пустой звукъ. Когда г. Жемчужниковъ поетъ въ своемъ стихотвореніи *О жизни* (*Вѣстн. Евр.*, № 1):

Намъ говорятъ, что шли мы слишкомъ шибко.
Едва ли! Но положимъ, что и такъ.
А вспять идти—не также ли ошибка?
И на Руси вѣдь человѣкъ—не ракъ,—

мы прислушиваемся къ его голосу, потому что вѣримъ въ его искренность, и потому еще, что мысль его выражена въ очень мѣткой и пластической формѣ. Но когда разные Скворецкіе намъ говорятъ приблизительно то же, но въ полубезграмотныхъ рѣчахъ, то мы не только имъ не вѣримъ, но намъ становится безнадежно грустно за наше общество, въ которомъ находится такъ много людей, пользующихся хорошими мыслями и чувствами для преслѣдованія чисто личныхъ цѣлей. И явленіе это все болѣе у насъ распространяется, становится просто повальною болѣзнью.

Славянофильское направленіе выродилось въ пристрастіе къ древле-русскимъ узорамъ, западническое—въ заимствованіе символизма и декадентства. Несмотря на игрушечный характеръ этихъ знаменъ, они собираютъ вокругъ себя все еще много сторонниковъ, по большей части преслѣдующихъ чисто личныя цѣли. Эта сторона вопроса иллюстрируется разсказомъ г. Авсѣенки. Но онъ имѣетъ въ виду еще другую, не менѣе существенную отрицательную сторону. Эти мишурныя знамена скрываютъ отъ насъ настоящую жизнь съ ея неотложными нуждами и настоятельными потребностями. Мы это только что видѣли на примѣрѣ г. Ибсена. Русскіе комментаторы норвежскаго драматурга изображаютъ намъ его какимъ-то новаторомъ, провозвѣстникомъ новаго слова, представителемъ символизма. При этомъ истинное значеніе его талантливыхъ произведеній совершенно упускается изъ виду, даже никѣмъ не разъясняется. Шумное восхваленіе символизма скрываетъ отъ читателя здоровое ядро творчества норвежскаго писателя. Между тѣмъ, простое сопоставленіе норвежской жизни съ русской, насколько оно проявляется въ художественныхъ произведеніяхъ, могло бы насъ многому научить. Въ драмахъ г. Ибсена люди ведутъ упорную борьбу, прилагаютъ умѣлыя усилія къ достиженію своихъ цѣлей, и если страдаютъ, если терпятъ крушеніе, то ужъ никакъ не вслѣдствіе нравственной дряблости. Это—люди сильные, сознательно избирающіе себѣ жизненный путь, умѣющіе преодолѣвать препятствія, достойные потомки древнихъ варяговъ. Соотвѣтственно складывается и норвежская народная жизнь съ ея сравнительно высокимъ благосостояніемъ, культурностью и образованностью. Русская же жизнь, какъ она изображена въ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ, поражаетъ

именно отсутствіемъ сильныхъ людей. Это какая-то коллекція дряблыхъ натуръ, декадентовъ, психопатовъ, морфиномановъ и алкоголиковъ. Вотъ надъ чѣмъ есть основаніе призадуматься, вотъ какая картина представляется взору, не ослѣпленному побрякушками, въ родѣ споспѣшествованія отечественному производству касторового масла или символической абракадабры.

Къ счастью, однако, въ перечисленныхъ произведеніяхъ гг. Чехова, Авсѣенки, Куприна, Ивановича русская жизнь изображается односторонне или, точнѣе говоря, въ нихъ нельзя найти отраженія *всей* русской жизни. Кромѣ отмѣченныхъ въ нихъ печальныхъ явленій, есть еще и много другихъ, свѣтлыхъ, подчасъ даже радостныхъ. Размѣры моего очерка не позволяютъ мнѣ коснуться ихъ на этотъ разъ, какъ не могу пока коснуться и поучительной драмы г. Карпова *Мірская вдова* (*Новое Слово*, № 4). А между тѣмъ, сколько интереснаго представляютъ въ этомъ отношеніи послѣднія книжки журналовъ! Какъ, напримѣръ, долженъ поразить защитниковъ нашей самобытности слѣдующій фактъ, отмѣчаемый г. Матросовымъ въ его интересныхъ очеркахъ: *Заокеанская Русь* (*Истор. Вѣстн.*, № 1). Оказывается, что изъ 200,000 русскихъ евреевъ, переселившихся въ Нью-Іоркъ, четвертая часть продолжаютъ «говорить въ домашнемъ быту и частныхъ между собою сношеніяхъ исключительно по-русски... Эти 50 тысячъ русскихъ евреевъ чувствуютъ, сознаютъ, признаютъ и именуютъ себя русскими, живо интересуются Россіей и русскими дѣлами, искренно любятъ Россію, проявляютъ нерѣдко русскій патріотизмъ, какимъ мы были положительно изумлены, считаютъ русскій народъ сердечнѣйшимъ, справедливѣйшимъ и симпатичнѣйшимъ народомъ въ мірѣ, признаютъ Россію и народъ русскій вмѣстилищемъ ума, таланта, человѣчности, искренности, высокихъ порывовъ и, что всего замѣчательнѣе, вѣрятъ въ Россію несравненно болѣе, нежели множество самихъ русскихъ... Не мѣшаетъ замѣтить, что лицами, явившимися въ русское консульство въ Нью-Іоркѣ для принесенія вѣрноподданнической присяги по восшествіи на престолъ Императора Николая II, были исключительно русскіе евреи. Изъ этой русской части русскаго еврейства исходятъ устройство русскихъ спектаклей, русскихъ баловъ и музыкальныхъ вечеровъ, заложеніе русскихъ общественныхъ учрежденій, изданіе русскихъ газетъ».

Не менѣе краснорѣчивою иллюстраціею къ темѣ объ увлеченіи узорами на полотенцахъ является и статья г. Кони *Докторъ Гаазъ* (*Вѣстн. Евр.*, № 1). Эта статья прочтется всѣми гуманными людьми съ величайшимъ интересомъ. Мы къ ней еще вернемся, а здѣсь укажемъ только, что задолго до того, какъ русская литература, въ лицѣ своихъ выдающихся представителей, обратила надлежащее вниманіе на ужасное состояніе нашихъ тюремъ, на безчеловѣчныя условія, въ которыхъ содержится ихъ населеніе и преступники, пересылаемые по этапу въ Сибирь, нѣмецъ Фридрихъ-Іосифъ Гаазъ или, какъ его называла вся Москва, Федоръ Петровичъ, положилъ всю свою душу, чтобы облегчить по мѣрѣ возможности участь этихъ несчастныхъ, вина которыхъ не всегда обусловливалась ихъ злою волею, а очень часто общественными неустройствами. Сердце отдыхаетъ при мысли, что и въ давно минувшее время, когда все въ Россіи было сковано, отдѣльная личность могла сдѣлать такъ много на пользу ближняго. И теперь, слава Богу, наше отечество не оскудѣло подобными личностями, они встрѣчаются на всѣхъ житейскихъ поприщахъ и встрѣчаются, конечно, гораздо чаще, чѣмъ въ то далекое время. Чтобы вспомнить и почтить хотя бы только недавно умершихъ дѣятелей, я укажу на извѣстнаго самарскаго врача Португалова и на предсѣдателя вятской губернской земской управы Батуева, сдѣлавшихъ такъ много для родины, исключительно благодаря своей неутомимой энергіи и любвеобильному сердцу. А сколько другихъ дѣятелей этого рода мнѣ уже приходилось перечислять въ моихъ очеркахъ! Нѣтъ, въ разобранныхъ мною беллетристическихъ произведеніяхъ далеко не отражается *вся* русская жизнь...

Болѣе полную ея картину представляютъ какъ новый романъ г. Боборыкина: *По другому* (*Вѣстникъ Европы*), такъ и нѣкоторые другіе романы, печатающіеся съ новаго года въ нашихъ журналахъ. Но на нихъ я, къ сожалѣнію, пока еще не могу остановиться, имѣя въ рукахъ лишь ихъ первыя главы.

Библіографія.

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи 1868 — 1888 гг. Обвинительныя рѣчи. Руководящія напутствія присяжнымъ. Кассаціонныя заключенія. Изданіе третье. СПБ. 1897 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

«Судебныя рѣчи» А. Ѳ. Кони извѣстны

всей Россіи, извѣстны каждому юристу, какъ образецъ, которому нужно слѣдовать, и интересуютъ все общество, какъ блестящія литературныя произведенія талантливаго писателя. Въ настоящемъ томѣ, вышедшемъ третьимъ изданіемъ, сгруппированы судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони, произнесенныя имъ за 20 лѣтъ, съ 1868 по 1888 г. Здѣсь собрано 15 его обвинительныхъ рѣчей, 3 руководственныхъ напутствія присяжнымъ засѣдателямъ и 8 оберъ-прокурорскихъ заключеній... Здѣсь все почти рѣчи обвинительныя, каждая изъ нихъ порознь можетъ служить образцомъ судебнаго краснорѣчія и обвинительной техники, а всѣ вмѣстѣ должны быть настольнымъ руководствомъ для каждаго судебнаго дѣятеля, стремящагося, въ цѣляхъ защиты права, раскрывать истину... Этой великой цѣли посвящены всѣ рѣчи А. Ѳ. Кони, вся его почтенная долголѣтняя дѣятельность. Въ лицѣ А. Ѳ. Кони сочетались выдающійся знатокъ права, крупный художникъ слова, глубокій аналитическій умъ и замѣчательный психологъ, и каждая изъ его рѣчей отражаетъ въ себѣ всѣ эти стороны его ума и души, являясь, такимъ образомъ, не только блестящимъ юридическимъ произведеніемъ, но и произведеніемъ, имѣющимъ животрепещущій жизненный смыслъ, цѣннымъ матеріаломъ для исторіи русскаго общества. А. Ѳ. Кони, его рѣчамъ, много обязана русская юриспруденція возбужденіемъ и правильною и широкою постановкою цѣлаго ряда серьезныхъ вопросовъ права и судебнаго процесса, ему обязано и все русское общество строго-логическимъ выясненіемъ многихъ больныхъ вопросовъ жизни, которые онъ всегда смѣло подымалъ и посильно разрѣшалъ по поводу разнообразныхъ судебныхъ драмъ, завершавшихся его вѣскимъ и краснорѣчивымъ оберъ-прокурорскимъ словомъ.

А. Ѳ. Кони съ нынѣшняго года оставилъ постъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, но остался попрежнему присутствовать въ Сенатѣ. Эта книга такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другой его книгой «За послѣдніе годы» (Судебныя рѣчи 1886—1896. Воспоминанія и сообщенія. Юридическія замѣтки. СПБ. 1896), служатъ какъ бы отчетомъ всей прокурорской дѣятельности А. Ѳ. Кони предъ лицомъ государства и общества. Но если въ уходѣ А. Ѳ. Кони съ этого высокаго и тяжелаго поста нельзя не признать извѣстной потери для суда, все-таки присутствіе его въ Сенатѣ не можетъ не отразиться на ходѣ дѣлъ и ясности правовыхъ воззрѣній въ нашемъ высшемъ судилищѣ, а въ то же время открывающійся досугъ дастъ возможность А. Ѳ. Кони продолжать его выдающуюся учено-литературную дѣятельность.

А. Н. Плещеевъ. Повѣсти и разсказы. Томъ второй. СПБ. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

По поводу выхода въ свѣтъ второго тома повѣстей и разсказовъ покойнаго нашего талантливаго поэта мы можемъ повторить только то, что сказали о первомъ. Плещеевъ-разсказчикъ стоитъ значительно ниже Плещеева-поэта. Это въ равной мѣрѣ относится какъ къ содержанію, такъ и къ формѣ его произведеній. О формѣ его разсказовъ и повѣстей можно только сказать, что она во всѣхъ отношеніяхъ литературна и симпатична, но никакими особенными художественными достоинствами не блещетъ. Что же касается до содержанія, то основныя черты плещеевской музы присущи и разсказамъ нашего поэта: мягкость, сострадательность, живая отзывчивость ко всему доброму, незлобивость, придающая и сатирическому настроенію характеръ мягкой грусти, идеальный строй души, а вмѣстѣ съ тѣмъ неспособность художественно воспроизводить реальную жизнь,—все это опредѣляетъ обликъ Плещеева, какъ симпатичнаго, но не глубокаго разсказчика. При вечерней и утренней зарѣ глазъ не вполнѣ ясно различаетъ окружающую насъ природу: она можетъ быть прелестна или красива, но ей недостаетъ еще яркаго солнечнаго свѣта. Очертанія туманны, все какъ бы дремлетъ, и дороги еще ясно не видно,—таковъ основной колоритъ всѣхъ произведеній Плещеева. Нарождается что-то красивое, душу волнуютъ смутныя стремленія, и хочется вѣрить, что ожиданія насъ не обманутъ, что солнце, когда взойдетъ, дѣйствительно освѣтитъ міръ, сіяющій красотою. Но пока одно лишь смутное предчувствіе, одно лишь ожиданіе...

Второй томъ «Повѣстей и разсказовъ» изданъ такъ же роскошно, какъ и первый. можетъ-быть, даже слишкомъ роскошно. Оба тома можно было бы соединить въ одинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понизить цѣну наполовину. Теперь приходится платить за томъ стихотвореній и два тома повѣстей и разсказовъ 10 рублей. Это помѣшаетъ широкому распространенію произведеній такого писателя, который «пробуждалъ» одни лишь «добрыя чувства». Считаемъ нужнымъ еще отмѣтить, что въ корректурномъ отношеніи книга не безупречна. Не говоря уже о досадныхъ опечаткахъ въ текстѣ, мы читаемъ на заглавномъ листѣ, что во второмъ томѣ помѣщены произведенія, написанныя Плещеевымъ съ 1859—1868 г. Въ оглавленіи же сказано, что томъ этотъ обнимаетъ произведенія, написанныя съ 1859—1870 г.;

изъ самой же книги видно, что послѣдній въ ней помѣщенный очеркъ относится къ 1869 г. Итакъ, три различныхъ показанія,— которому вѣрить?

Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества **А. Н. Плещеева.** Изд. 3-е. СПБ. 1897. Ц. 1 рубль.

Это изданіе можетъ служить прекраснымъ подаркомъ для дѣтей; отпечатанное роскошно, вполнѣ образцово въ типографскомъ отношеніи, на превосходной бумагѣ, оно можетъ удовлетворить самому строгому вкусу и притомъ выпущено въ продажу по весьма умѣренной цѣнѣ. Въ книжку вошло около полусотни стихотвореній покойнаго поэта, подобранныхъ очень умѣло и вполнѣ доступныхъ пониманію дѣтскаго ума. То, что книжка эта выходитъ уже третьимъ изданіемъ, свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ ея среди того міра читателей, для котораго она предназначается.

Петръ Вейнбергъ. Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунками Е. М. Бёмъ, Н. Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. С. Соломко. СПБ. 1896.

Въ книжкѣ г. Вейнберга всего 12 стихотвореній, но они отличаются большимъ разнообразіемъ мотивовъ; въ ихъ числѣ имѣются, между прочимъ, легенды бретонская и древне-германская, сказки шварцвальдская и ново-греческая, есть переводы изъ Гейне, Коппе, Ады Кристенъ. Весь сборникъ посвященъ авторомъ «чуткому дѣтскому сердцу», и отъ него авторъ ожидаетъ награды себѣ, «если забьется отрадно чуткое сердце дѣтей». Съ внѣшней стороны книжка—съ портретомъ автора—издана превосходно, а за достоинство стихотвореній говоритъ имя ихъ извѣстнаго автора.

Н. М. Минскій. Стихотворенія. Изданіе третье, значительно дополненное. СПБ. 1896 г. Ц. 2 р.

Въ ряду современныхъ русскихъ поэтовъ г. Минскій занимаетъ видное мѣсто, хотя, быть-можетъ, менѣе видное, чѣмъ онъ этого заслуживаетъ. Имя г. Минскаго хорошо извѣстно литературнымъ кружкамъ и пользуется среди нихъ заслуженнымъ уваженіемъ, но нельзя сказать, чтобы стихотворенія г. Минскаго были популярны въ большой массѣ читателей, чтобы они волновали общество, оставались въ памяти и передавались изъ устъ въ уста, какъ это бываетъ со стихотвореніями всѣхъ выдающихся поэтовъ. Покойный Надсонъ пользовался въ этомъ отношеніи по праву гораздо бо́льшей популярностью, чѣмъ г. Минскій. Оба они—пѣвцы скорби и страданія; но скорбь Надсона оказалась близкой русскому человѣку: съ оттѣнкомъ вѣры въ свѣтлое будущее, это была скорбь сердечная; у г. Минскаго же эта скорбь—головная, скорбь человѣка, постигшаго тщету и этой скорби, и этой вѣры въ избавленіе отъ нея. Для Надсона — «настанетъ пора, и погибнетъ Ваалъ», — для г. Минскаго — «текущій мигъ блаженства иль заботы, едва родясь, отравленъ созерцаньемъ». Г. Минскій въ сферѣ своей поэзіи аристократиченъ и, такимъ образомъ, естественнымъ путемъ выходитъ изъ рамокъ всякой національности. Мы отнюдь не поставимъ послѣдняго обстоятельства г. Минскому въ вину, несмотря на общепризнанный тезисъ, что поэтъ, для того, чтобъ быть крупнымъ поэтомъ, долженъ быть народнымъ поэтомъ. Еслибъ г. Минскій началъ писать въ русскомъ духѣ или на чисто русскіе мотивы, это вышло бы только комично, и все, что у него попадается въ этомъ родѣ, производитъ впечатлѣніе туманныхъ пятенъ на неудавшемся фотографическомъ снимкѣ. Не замѣтно въ поэзіи г. Минскаго и еврейскаго духа, которымъ богата и сильна, напримѣръ, поэзія г. Фруга, и который наложилъ свою печать на книгу того же г. Минскаго «При свѣтѣ совѣсти». Въ лучшихъ своихъ стихотвореніяхъ г. Минскій является тѣмъ типомъ «всечеловѣка», который у всѣхъ народовъ встрѣчается еще лишь въ ограниченномъ числѣ.

Но несмотря на разсудочность бо́льшей части стихотвореній г. Минскаго, по многимъ его чисто лирическимъ пьесамъ можно видѣть, что глубокое и горячее чувство и ему не чуждо; напротивъ, онъ, повидимому, постоянно готовъ откликнуться всѣмъ сердцемъ на чей-то желанный и давно ожидаемый призывъ беззавѣтной любви; но какъ будто не слыша ниоткуда этого призыва, не надѣясь даже на отвѣтъ проявленіямъ своего чувства и больше вѣря въ то, что подсказываетъ ему холодный умъ, чѣмъ въ то, чего жаждетъ его сердце, онъ, чтобы не оказаться отвергнутымъ, предпочитаетъ постоянно драпироваться въ скептицизмъ.

Лучшимъ произведеніемъ въ этомъ сборникѣ стихотвореній г. Минскаго намъ кажется его большая поэма «Свѣтъ правды» (Индійская легенда). Это превосходная, законченная вещь, достойная того, чтобы, на ряду съ лучшими образцами русской литературы, войти во всѣ хрестоматіи. Написанная на тему mundus vult decipi, то-есть, что люди охотно поддаются обману, когда этотъ обманъ соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ,—поэма проникнута и возвышеннымъ стремленіемъ къ правдѣ, и гуманнымъ отношеніемъ къ заблуждающимся. «Не будь жестокъ напрасно къ слѣпцу за то, что свѣта ждетъ онъ страстно», и подъ вліяніемъ этого

страстнаго ожиданія вѣритъ даже лжи, — вотъ Leitmotiv этой поэмы.

Нѣсколько менѣе выдержана въ цѣломъ, хотя читается съ не меньшимъ интересомъ, драматическая поэма «Смерть Кая Гракха», глубокая по замыслу и богатая отдѣльными красивыми и сильными выраженіями. И здѣсь, какъ и въ предыдущей поэмѣ, ярко рисуется легковѣріе и малодушіе толпы; только здѣсь вѣетъ духъ античнаго фатума, въ который вѣрятъ и сами великодушные герои, когда говорятъ, какъ Кай Гракхъ: «Кого судьба, грозя мечомъ, зоветъ, тотъ выходитъ и съ ней бороться долженъ». Чрезвычайно мѣтко обрисованъ въ поэмѣ одинъ изъ предателей, жаждущихъ получить награду за голову Гракха. Онъ съ отталкивающимъ цинизмомъ смѣется надъ самимъ собой, говоря: «мнѣ стыдно, право, стыдно... и за себя, но болѣе за Римъ. И вотъ въ большомъ стыдѣ за всѣхъ согражданъ, мой маленькій, мой личный стыдъ исчезъ, какъ ручеекъ средь моря, незамѣтно, такъ-что почти не стыдно мнѣ совсѣмъ».

Хорошо перевести хорошее стихотвореніе бываетъ часто труднѣе, чѣмъ написать оригинальное. И какъ на образчикъ одного изъ удачныхъ переводовъ, нельзя не указать на сдѣланный г. Минскимъ переводъ стихотворенія Шелли «Облако». Чтобъ оцѣнить всѣ достоинства этого перевода, стóитъ только сравнить его съ переводами того же стихотворенія, сдѣланными другими русскими поэтами.

Но въ семьѣ не безъ урода, и въ сборникѣ г. Минскаго найдутся вещи очень слабыя; и чѣмъ сильнѣе наша похвала по отношенію къ лучшимъ произведеніямъ поэта, тѣмъ строже можемъ мы отнестись къ худшимъ. Въ числѣ послѣднихъ мы поставимъ, прежде всего, стихотвореніе «Геній и трудъ». Это грубая проза, такъ же ничего не говорящая намъ о поэзіи и вдохновеніи, какъ огонь, добытый треніемъ гнилушки, не вызываетъ у насъ представленія о небесной молніи. Къ той же категоріи произведеній, вымученныхъ, въ которыхъ чувствуется «потъ исполненья», можно отнести и стихотвореніе «Больной» (благодарная тема о послѣднихъ дняхъ жизни императора Фридриха III), «Первая гроза» и «Городъ смерти».

Встрѣчаются въ стихотвореніяхъ г. Минскаго и погрѣшности въ удареніяхъ (дaлó, перèжилъ, ломи̂тся, утрà, промедли̂вшимъ и т. п.), и ошибки противъ грамматики и духа русскаго языка, какъ, напримѣръ: «разбивши идолъ (*идола*)»; «сонъ я видалъ (*видѣлъ*), мнѣ снилось»; «она видала (*видѣла*) предъ собой лишь эти сомкнутыя вѣки»; «запечатлѣнный» — вмѣсто *запечатанный*; «*Не разъ* средь полночи безсонной *я слышу* (вмѣсто *слышалъ*) чей-то тихій зовъ» и т. п.

Но эти мелочи не умаляютъ большихъ достоинствъ книги г. Минскаго, и всякій истинный любитель стиховъ найдетъ въ ней такихъ друзей, къ которымъ, разъ познакомившись, сохранитъ сердечное расположеніе навсегда. Можно не только пожелать, чтобъ кругъ читателей г. Минскаго постоянно расширялся, но и надѣяться, что, съ каждымъ новымъ его произведеніемъ, его имя будетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе почетную извѣстность.

Ольга Шапиръ. Любовь. Романъ. СПБ. 1897. Цѣна 2 р.

Г-жа Шапиръ выпускаетъ уже третій большой романъ: послѣ ея «Миражей» вышелъ въ свѣтъ романъ «Безъ любви», а теперь появилась и «Любовь».

Вся жизнь отдана въ жертву любви... *Онъ* влюбился въ свою жену и всю жизнь свою рѣшилъ употребить на то, чтобы доставить ей счастіе. «Она пошла противъ цѣлой семьи... отказалась отъ общества, въ которомъ выросла... обречена на лишенія безъ выхода»,—иными словами, дѣвушка изъ «общества» вышла замужъ за начинающаго ученаго изъ разночинцевъ, — и «что же онъ можетъ дать ей взамѣнъ, кромѣ своей любви, кромѣ себя самого?... Его вкусы, его способности, надежды,—все это прекрасно, да ей-то какая радость отъ всего этого? Ея вкусы совсѣмъ другіе... Любитъ она его самого. Надо ей только, чтобъ онъ всегда былъ около нея, чтобы онъ наполнялъ жизнь своей особой. Вотъ она и ненавидитъ все то, что отвлекаетъ его отъ нея»... И *онъ* всю жизнь свою дѣйствительно отдаетъ ей, забывая свои занятія, свои личные вкусы, свое ученье, будущее. А между тѣмъ жена его—пустая женщина, хрупкая, болѣзненная, нервная, и то только по собственной винѣ, по нежеланію взять себя въ руки. Вмѣстѣ съ ними живетъ ея родственница—богатая молодая вдова, высокообразованная женщина, съ чуткой и благородной душой. Чтобы облегчить *его* жизнь, она окружила ихъ всевозможными заботами, помогаетъ имъ матеріально, даетъ *ему* возможность продолжать занятія и сама является дѣятельной пособницей его въ этихъ занятіяхъ. Мало-помалу въ ея душу закрадывается любовь къ *нему* и вскорѣ охватываетъ ее всю. Но взаимности она не ищетъ; она хочетъ только всѣ силы свои положить на пользу *его*: изъ свободнаго существа превращается въ чужую собственность. Въ ея любви «нѣтъ эгоизма».

И вся жизнь этой семьи превращается въ одну сплошную жертву. Наконецъ, жена уми-

раетъ; но и эта смерть не улучшаетъ положенія: передъ смертью она беретъ съ *него* клятву, что *онъ* никогда не женится на той, на другой... «Еще разъ, кончая счеты съ жизнью, человѣческое существо усиливалось закрѣпить ненависть, хотѣло завѣщать жизни — зло. Еще разъ дѣлалось это во имя любви»... И она успѣла въ этомъ. «Все, что ее убивало, все, что она ненавидѣла,—ненавистно и мнѣ»,—говоритъ онъ. Она ненавидѣла ту женщину, которая всѣ силы свои положила на служеніе ей и ея мужу,—и онъ бросилъ эту женщину, бросилъ безжалостно и навсегда. «Онъ не вспомнилъ, что *ей*, за всю *ея* преданность, онъ не далъ ничего, кромѣ муки. За одну муку *она* любила его такъ безпредѣльно»... Онъ оттолкнулъ ее, и у нея не было силъ «жить, чтобы страдать». Она искала въ своей душѣ чего-нибудь, что сблизило бы ее съ *нимъ*,—и не находила. «Жить безъ него она не можетъ, а жить заодно съ нимъ ей нечѣмъ». «Искупать ей нечего, она не чувствуетъ вины. То была бы жизнь... Теперь была смерть, и она перешла въ нее безъ сожалѣній»...

Такова основа романа г-жи Шапиръ. Романъ написанъ интересно и читается легко. Но не для того дана любовь человѣку, чтобы приводить его къ смерти *такимъ* путемъ и по *такимъ* причинамъ.

Ив. Бунинъ. На край свѣта и другіе разсказы. СПБ. 1897. Ц. 1 рубль.

Г. Бунинъ—писатель молодой и, кажется, впервые выпускаетъ свои произведенія отдѣльнымъ изданіемъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ «первый блинъ—комомъ», и молодого автора упрекаютъ въ излишней поспѣшности; но на этотъ разъ приходится сказать иное. Г. Бунинъ безусловно обладаетъ дарованіемъ; размѣры его пока опредѣлить трудно, — передъ нами еще очень мало матеріала, да и тѣ девять разсказовъ, которые вошли въ его книжку, всѣ коротенькіе, — одинъ только нѣсколько побольше, но онъ, къ сожалѣнію, сильно страдаетъ растянутостью, — тѣмъ не менѣе, дарованіе это свѣжо, искренно, и всѣ разсказы читаются легко, оставляя по себѣ живое впечатлѣніе. Особенно хороши: «На край свѣта», «Вѣсти съ родины», «Танька», «На чужой сторонѣ», «Кастрюкъ»; авторъ выказалъ въ нихъ и наблюдательность, и пониманіе природы, а языкъ всюду отличается полною литературностью. Мы отъ души желаемъ автору продолжать такъ же хорошо, какъ хорошо это начало его литературной работы.

Кн. С. М. Волконскій. Очерки русской исторіи и русской литературы. Лекціи, читанныя въ Америкѣ. СПБ. 1896. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ тѣсныхъ размѣрахъ восьми лекцій вмѣстить все существенное, что совершилось въ русской исторіи и создано въ русской литературѣ, притомъ такъ, чтобы это было занимательно не только для американцевъ, съ предметомъ незнакомыхъ, но и для образованныхъ русскихъ читателей, знающихъ съ дѣтства почти все фактическое содержаніе курса,—такую задачу можно было успѣшно исполнить только обладая настоящимъ художественнымъ дарованіемъ. Кн. Волконскій исполнилъ ее мастерски, и его книжка несомнѣнно есть серьезное пріобрѣтеніе для русской литературы. Отъ нея прежде всего вѣетъ духомъ мира и благоволенія, шир후ю восточныхъ степей и западнаго океана. Вся книга насквозь проникнута горячимъ патріотизмомъ, просвѣтленнымъ и поднятымъ до истиннаго универсализма. Хотя авторъ и въ частностяхъ говоритъ много хорошаго, но онъ оказалъ неоцѣнимую заслугу русскому просвѣщенію не тѣмъ, что онъ говоритъ, а тѣмъ, *какъ, въ какомъ духѣ* онъ говоритъ объ извѣстныхъ предметахъ. Самый тупой, или самый пристрастный читатель не рѣшится упрекнуть его въ отсутствіи патріотизма, въ недостаточной любви къ Россіи, а между тѣмъ у него нѣтъ и тѣни какой-нибудь вражды и презрѣнія къ другой народности: любовь къ своему неразрывно слита у него съ благоволеніемъ къ чужому. Теперь, если какіе-нибудь мнимые, или хотя бы и искренніе, но слабо понятливые патріоты у насъ будутъ настаивать на своей обычной дилеммѣ: или націонализмъ, враждебно исключающій *все чужое*, или космополитизмъ, *чуждый всему своему!* — достаточно будетъ указать на книгу кн. Волконскаго, который не отвлеченными разсужденіями *доказываетъ*, а наглядно, для всѣхъ доступно *показываетъ* неправильность этой дилеммы, возможность и дѣйствительность *третьяго* взгляда, совмѣщающаго любовь съ пониманіемъ и народность съ человѣчествомъ. Желаемъ не для автора только, но главнымъ образомъ для самого русскаго общества, чтобы прекрасная книга кн. Волконскаго получила у насъ самое широкое распространеніе.

М. И. Михельсонъ. Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній). Второе, пересмотрѣнное и значительно пополненное изданіе. СПБ. 1896. X+598 стр. Ц. 5 р.

Задуманный отчасти по образцу латинскаго сборника Эразма Роттердамскаго и другихъ иностранныхъ сборниковъ новѣйшаго време-

ни, сборникъ г. Михельсона, появившійся первымъ изданіемъ еще въ 1892 г., явился у насъ въ литературѣ этого рода совершенной новинкой. Авторъ сдѣлалъ попытку объяснить значеніе не только многихъ нашихъ пословицъ, но и пословичныхъ, большею частью иносказательныхъ, выраженій, входящихъ въ составъ нашей фразеологіи, равно какъ отдѣльныхъ словъ, употребляемыхъ въ переносномъ смыслѣ и ставшихъ, вслѣдствіе этого, «ходячими». Онъ обратилъ также вниманіе на миѳологическія и историческія собственныя имена, сдѣлавшіяся нарицательными; на выраженія, смыслъ которыхъ вполнѣ ясенъ только для людей, знакомыхъ съ тою или другою отраслью науки; на излюбленныя, по мѣткости, иностранныя ходячія выраженія, постоянно употребляемыя въ печати и разговорномъ языкѣ. Изъ приведенныхъ въ сборникѣ объясненій, откуда явились такія ходячія слова, кѣмъ и гдѣ они впервые сказаны, какой ихъ истинный смыслъ, можно убѣдиться, что разные народы, въ разныя времена и при различныхъ условіяхъ жизни, по нѣкоторымъ вопросамъ постоянно сходились въ своихъ сужденіяхъ. Кромѣ ходячихъ, авторъ собралъ не мало мѣткихъ изреченій, встрѣчающихся у нашихъ писателей. Не ограничиваясь объясненіемъ ходячихъ словъ и сопоставленіемъ ихъ съ иностранными выраженіями, откуда они заимствованы, г. Михельсонъ, въ видѣ примѣровъ, собралъ и привелъ множество стихотворныхъ и прозаическихъ цитатъ, въ которыхъ встрѣчаются эти слова. Особый отдѣлъ составили въ книгѣ г. Михельсона тѣ ходячія и мѣткія иностранныя слова — латинскія, французскія, нѣмецкія, англійскія, итальянскія,—которыя не могли быть пріурочены къ русскимъ. Такимъ образомъ, книга г. Михельсона является отчасти хрестоматіей избранныхъ мыслей лучшихъ писателей древняго и новаго міра, отчасти справочной книгой употребительнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ ходячихъ словъ съ объясненіемъ источниковъ ихъ происхожденія. Съ интересомъ прочитываются объясненія такихъ, напримѣръ, словъ и выраженій, какъ: Будьте здоровы, Бѣлый царь, Во всю Ивановскую, Геенна, Геркулесовы столпы, Дѣло въ шляпѣ, Каламбурить, Камуфлетъ, Квасной патріотизмъ, Кондрашка хватилъ, Красный пѣтухъ, Къ Варварѣ на расправу, Мидасовы уши, Морганатическій бракъ, На пищѣ св. Антонія, На седьмомъ небѣ, Овацію устроить, Пасквиль, Первое апрѣля, Подкузьмить, Притянуть къ Исусу, Пупъ земли, Рогъ изобилія, Семь, Синій чулокъ, Сто одинъ выстрѣлъ, Соломенная вдова, Фіаско, Шарлатанъ, Юбилей и пр.

Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія второе изданіе книги г. Михельсона одобрено для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а равно для раздачи ученикамъ старшихъ классовъ въ видѣ награды.

Но, указавъ на достоинства этой книги, нельзя не указать, къ сожалѣнію, на ея недостатки. Прежде всего она много выиграла бы, если бы была втрое меньше. Въ ней чрезвычайно много цитатъ, ничего рѣшительно не прибавляющихъ къ объясненію значенія того или другого выраженія и интересныхъ развѣ только для самого составителя сборника; между тѣмъ, въ этомъ многословіи часто ускользаетъ недостаточное или вовсе отсутствующее объясненіе значенія и первоначальнаго происхожденія словъ и выраженій; затѣмъ есть много словъ, которымъ мѣсто въ энциклопедическихъ словаряхъ,—гдѣ они объясняются и лучше, и подробнѣе, — а не въ сборникѣ *«мѣткихъ и ходячихъ»* словъ (гигантъ, гильотина, мавзолей, монета, муза, чековая книжка и т. п.). Есть объясненія, могущія вызвать недоумѣніе; такъ, напримѣръ, *олимпійское величіе* (*спокойствіе*) значитъ, по объясненію г. Михельсона, только беззаботность. Нѣкоторыя цитаты взяты изъ случайныхъ газетныхъ статей; напримѣръ, къ выраженію «не боги горшки обжигаютъ» пристегнута невѣдомо зачѣмъ цитата изъ «Новостей» 1895 г. Вслѣдъ за «ходячимъ» (?) выраженіемъ: «По словамъ (по складкѣ) и голосъ» — сейчасъ же, въ поясненіе этого выраженія, напечатано:

„Der Ton macht die Musik". Bismark. Сказано имъ въ рейхстагѣ 9-го іюля 1879 г. по случаю и т. д.

и только гораздо ниже приведена французская поговорка: «C'est le ton qui fait la musique». Такимъ образомъ несвѣдущій читатель можетъ думать, что первоисточникомъ этого выраженія является рѣчь Бисмарка.

Не мало найдется такихъ выраженій, которыя никогда не были ни «мѣткими», ни «ходячими», никогда такими не сдѣлаются и попали въ сборникъ, очевидно, лишь по личному знакомству ихъ съ составителемъ сборника. Почему, напримѣръ, должны быть включены въ эту книгу, представляющую сборникъ выраженій, извѣстныхъ болѣе или менѣе всякому начитанному человѣку, такія «мѣткія» и «ходячія» выраженія:

„Передъ сильными мы зайцы,
Передъ слабыми — слоны".
(*„Чайный цвѣтокъ". Оперетка).*

„Ваша рѣчь есть истина святая,
Ничего умнѣй я не слыхалъ".
А. Чистяковъ (Повторит. стихъ).

«Угнетенная невинность или поросенокъ въ мѣшкѣ», какъ *ходячее* выраженіе, сочинено, вѣроятно, самимъ г. Михельсономъ, потому что въ поясненіе къ нему приведены только слѣдующія цитаты:

1) *Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы.* Крыловъ. Лисица и Сурокъ.

Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала,
И я жъ за то подъ судъ попала.
Тамъ же.

Найдутся и выраженія, записанныя невѣрно или дурнымъ русскимъ языкомъ; напримѣръ: «*законъ назадъ не дѣйствуетъ*» (законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ); *заниматься* *) (брать взаймы) — *что побираться* и друг. Не указаны первоисточники многихъ выраженій, какъ, напримѣръ: «въ наше время, когда...», «поскобли русскаго, и скажется татаринъ» и друг.

Въ объясненіи цитатъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ сборниковъ, также встрѣчаются невѣрности: такъ, напримѣръ, *nom de guerre* (de plume) по объясненію г. Михельсона значитъ *анонимъ*, въ свою очередь поясненное имъ словомъ *прозвище*,—а всѣ эти три слова не соотвѣтствуютъ другъ другу.

Недостатокъ времени и мѣста не позволяетъ намъ останавливаться на всѣхъ достоинствахъ и недостаткахъ книги г. Михельсона; но нельзя не замѣтить, что къ такимъ книгамъ должны быть предъявляемы самыя строгія требованія, иначе неправильность «ходячихъ и мѣткихъ словъ» можетъ содѣйствовать порчѣ родного языка.

Д. И. Тихомировъ. Вешніе всходы. Третья и четвертая книга для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и въ семьѣ. М. 1897. Ц. 60 к.

Эта хрестоматія въ связи съ двумя раньше вышедшими, а также и отдѣльно, можетъ сослужить прекрасную службу въ рукахъ учителей, наставниковъ, родителей. Составитель ея, извѣстный московскій педагогъ, поставилъ себѣ цѣлью освѣтить отношенія человѣка къ природѣ, ближнему, обществу, государству, познакомить его съ обширнымъ нашимъ отечествомъ, сообщить ему естественно-историческія, географическія и историческія свѣдѣнія въ формѣ, доступной даже раннему дѣтскому возрасту и наиболѣе привлекательной, пользуясь для этого произведеніями лучшихъ нашихъ писателей. Очень это трудная задача, потому что предполагаетъ обширное знакомство съ нашею литературою. Но каждый новый выпускъ «Вешнихъ всходовъ» убѣждаетъ насъ все болѣе, что г. Тихомировъ блестящимъ образомъ справляется съ этою задачею, которая и въ педагогическомъ отношеніи, въ смыслѣ строгой послѣдовательности въ выборѣ матеріала, требуетъ большой вдумчивости и значительнаго опыта. Дѣло, конечно, не обходится безъ промаховъ. Такъ, напримѣръ, не представлялось никакой надобности для характеристики гуманнаго отношенія къ иноземному врагу прибѣгать къ сомнительному разсказу какой-то г-жи Барковой или характеризовать финна очень сомнительнымъ стихотвореніемъ г. В. Острогорскаго, не дающимъ ровно никакого представленія собственно о финнѣ и въ одинаковой степени примѣнимымъ ко всякому земледѣльцу средней и сѣверной Россіи. Составитель могъ найти у Толстого, Пушкина, Баратынскаго гораздо болѣе благодарный матеріалъ для характеристики Финляндіи и гуманнаго отношенія русскаго народа къ французамъ въ 1812 г. Но такіе въ сущности незначительные промахи въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ неизбѣжны. Въ общемъ же книга г. Тихомирова вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли и восполняетъ пробѣлъ въ нашей педагогической литературѣ,—пробѣлъ, ощущаемый въ равной мѣрѣ какъ въ школѣ (особенно народной), такъ и въ семьѣ. Никто, конечно, изъ родителей, наставниковъ, учителей, какими знаніями или краснорѣчіемъ онъ бы ни обладалъ, не можетъ представить такую яркую, полную и занимательную характеристику жизни природы и человѣка, какая содержится въ произведеніяхъ лучшихъ нашихъ писателей. Однако, чтобы ими пользоваться, надо знать и имѣть подъ рукою то, что въ данную минуту требуется для преподаванія въ школѣ или семьѣ. Книга г. Тихомирова именно и даетъ полную возможность подкрѣпить преподаваніе живыми образами, разсказами, толкованіями, поясненіями, принадлежащими художникамъ слова, руководителямъ мысли. Правда, составитель не всегда можетъ ограничиться одними выдающимися писателями. Приходится прибѣгать и къ болѣе второстепеннымъ. Но въ общемъ матеріалъ избранъ удачно. Предъ дѣтскимъ умомъ развертываются сочныя картины жизни природы, здравыхъ отношеній между людьми, справедливости, любви къ ближнему, вѣрности общественному долгу, характеристическихъ особенностей разныхъ частей нашего обширнаго отечества, прошлаго русскаго народа, начиная съ жизни древнихъ славянъ и кончая незабвенными преобразованіями Царя-Освободителя. Ни одной фальшивой ноты не звучитъ во всѣхъ этихъ очеркахъ, разсказахъ, стихотворе-

*) Хотя это выраженіе записано и у Даля.

ніяхъ, почерпнутыхъ изъ произведеній самыхъ разнообразныхъ писателей. Ничто тутъ не можетъ смутить дѣтскій умъ и сердце. Все направлено къ тому, чтобы, доставляя ученику необходимыя знанія, внушить ему и лучшія человѣческія чувства: правдивость, гуманность, любовь къ родинѣ и къ полезному труду.

Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ второй. 1894. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Москва. 1896. Цѣна 1 р. 50 к.

Справочныя изданія, подобныя «Философскому ежегоднику» г. Колубовскаго, имѣютъ огромное значеніе, такъ какъ даютъ возможность прослѣдить за литературнымъ матеріаломъ по данному вопросу, не только вышедшимъ въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, но и разсѣяннымъ во множествѣ періодическихъ изданій. Разумѣется, эти справочники будутъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ бо̀льшее число повременныхъ изданій будетъ подвергаемо пересмотру,—и въ этомъ смыслѣ «Ежегодникъ» г. Колубовскаго прогрессируетъ, такъ какъ во второй годъ его вошло—сравнительно съ предыдущимъ—еще около 20 новыхъ изданій. До чего великъ и копотливъ трудъ по составленію такихъ справочниковъ—объ этомъ можетъ судить только тотъ, кому приходилось заниматься каталогизаціей: это трудъ медленный, упорный и въ высшей степени неблагодарный. Изданію г. Колубовскаго надо пожелать наибольшаго распространенія.

И. М. Булацель. Театръ. 12 одноактныхъ пьесъ. Съ портретомъ автора. СПБ. 1897. Цѣна 2 р. 50 к.

Г. Булацель уже давно выступилъ на поприще драматическаго писателя и пишетъ преимущественно одноактныя комедіи, отчасти оригинальныя, отчасти съ сюжетомъ заимствованнымъ; эти пьески не разъ шли на нашихъ Императорскихъ сценахъ и, благодаря своему легкому характеру, живости и незатѣйливой веселости, пользовались у публики успѣхомъ. Это обстоятельство, очевидно, и побудило автора выпустить въ свѣтъ сборникъ такихъ комедій. Онѣ удобны и для постановокъ на домашнихъ спектакляхъ, тѣмъ болѣе, что число дѣйствующихъ лицъ всюду ограничено, а обстановка не требуетъ особенныхъ хлопотъ. Изданъ сборникъ очень изящно.

„Краткій курсъ медицинской зоологіи" А. Ѳ. Брандта, профессора Харьковскаго университета. Изданіе П. А. Брейтигама. Харьковъ. 1895.

Основными чертами новаго учебника по медицинской зоологіи является краткость и ясность изложенія, такъ что это руководство можно разсматривать скорѣе, какъ предназначенное для повторительнаго курса, какъ compendium медицинской зоологіи. Общая часть, заключающая въ себѣ морфологію и физіологію организма, даетъ въ сжатыхъ положеніяхъ довольно полное представленіе о современномъ состояніи нашихъ знаній въ этой области. Отдѣлъ круглыхъ червей (глистовъ), имѣющихъ особый интересъ для студентовъ и врачей, составленъ очень подробно и хорошо, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать объ особомъ прибавленіи, трактующемъ о противоглистномъ лѣченіи. Глистогонныя средства упомянуты далеко не всѣ, и рекомендуемыя дозы настолько велики, что почти никогда не употребляются врачами-практиками и могутъ причинить значительный вредъ больному. Во всякомъ случаѣ, какъ справочная книга и руководство для экзамена, учебникъ этотъ вполнѣ заслуживаетъ широкаго распространенія.

Вліяніе алкоголя на нервную систему. Популярная лекція **д-ра В. Цигенъ,** проф. университета въ Іенѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго врачъ Я. Братинъ. СПБ. 1896 г. Цѣна 20 к.

Книжка эта представляетъ собою лекцію, читанную извѣстнымъ іенскимъ профессоромъ В. Цигеномъ въ мѣстномъ отдѣленіи «Германскаго союза для борьбы съ злоупотребленіемъ спиртными напитками». Изложенная очень популярно и ясно, она прочтется всякимъ съ интересомъ и съ не малой пользой. Не задаваясь неосуществимой цѣлью полнаго устраненія алкоголя, авторъ выступаетъ только противъ чрезмѣрнаго его употребленія и признаетъ за нимъ, при извѣстныхъ условіяхъ, право на снисхожденіе. Поэтому задачей своей лекціи авторъ поставилъ: указать границу между дозволеннымъ употребленіемъ алкогольныхъ напитковъ и недозволеннымъ злоупотребленіемъ ими; для этого онъ ознакомляетъ читателя съ дѣйствіемъ алкоголя на нашу центральную нервную систему, т. е. на головной и спинной мозгъ, могущіе служить мѣриломъ для алкогольнаго употребленія. Путемъ ряда простыхъ опытовъ постепеннаго пріема разныхъ дозъ спирта (эти опыты каждый можетъ провѣрить на себѣ самомъ) авторъ доказываетъ соотвѣтственное постепенное ослабленіе психическихъ процессовъ, а также и мышечной работоспособности. Эти опыты своей наглядностью заставятъ призадуматься каждаго, употребляющаго какіе-либо алкогольные напитки (водку, вино, пиво) не только большими дозами, но и небольшими, но ежедневно повторяемыми. Авторъ указываетъ,

какъ постепенно ослабѣваетъ быстрота, энергія и продуктивность мышленія подъ вліяніемъ этихъ повторныхъ, ежедневныхъ употребленій алкоголя. Строго держась своей задачи—борьбы лишь съ злоупотребленіемъ алкоголя,—проф. Цигенъ указываетъ минимальную и максимальную дозу для такихъ повторныхъ пріемовъ спиртныхъ напитковъ, при чемъ полагаетъ, что переступить иной разъ немного предѣлы высшей дозы далеко менѣе вредно, чѣмъ ежедневно употреблять эту самую высшую дозу. Доза эта для здороваго взрослаго человѣка равняется, по его мнѣнію, $^3/_{10}$—$^4/_{10}$ литра вина или 1 литру пива. Въ заключеніе авторъ горячо и справедливо возстаетъ противъ существующаго у насъ «опаиванія дѣтей алкоголемъ», ставя за непреложное правило, что «дѣти до 15-лѣтняго возраста не должны вообще получать никакого алкоголя, ни въ какомъ видѣ и ни въ какомъ случаѣ». Въ общемъ лекція проф. Цигена даетъ въ руки каждаго «масштабъ для ежедневнаго употребленія алкоголя»; кто не желаетъ придерживаться этого масштаба, тотъ пусть, по крайней мѣрѣ, знаетъ тѣ опасности, которымъ идетъ навстрѣчу; выясненію этихъ опасностей и служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта дѣльная, полезная книжка.

Отчетъ о дѣятельности бывшаго С.-Петербургскаго комитета грамотности Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1895 годъ. СПБ. 1896.

Въ концѣ 1895 года С.-Петербургскій комитетъ грамотности пересталъ существовать, какъ часть Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, при которомъ онъ существовалъ съ 1861 года, и, въ силу Высочайше утвержденнаго положенія Комитета министровъ, перешелъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, съ переименованіемъ въ «С.-Петербургское общество грамотности». Такимъ образомъ, отчетъ этого комитета за 1895 г. является послѣднимъ его отчетомъ, и поэтому естественно, что, составляя этотъ отчетъ, совѣтъ комитета грамотности коснулся и того значенія, какое комитетъ имѣлъ въ нашей общественной жизни. А надо сознаться, что комитетъ грамотности много сдѣлалъ для нашей родины. Онъ слѣдилъ за всѣмъ, что̀ дѣлалось въ Россіи и въ другихъ странахъ въ области народнаго образованія, старался посильно разрабатывать вопросы русскаго народнаго образованія въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи, облегчалъ, по мѣрѣ возможности, дѣятельность мѣстныхъ учрежденій и лицъ, работающихъ въ этой области. Въ послѣднее время комитетъ дѣятельно принялся за устройство безплатныхъ народныхъ библіотекъ и сильно расширилъ свою издательскую дѣятельность, при чемъ расходы его съ 3,850 рублей въ 1888 году возросли до 84,003 рублей въ 1895 году, то-есть увеличились болѣе чѣмъ въ 20 разъ, хотя онъ никогда не имѣлъ сколько-нибудь значительно опредѣленныхъ доходовъ, и его бюджетъ всецѣло зависѣлъ отъ общественнаго сочувствія и довѣрія, — но и тѣмъ, и другимъ онъ пользовался въ высокой степени, такъ какъ за 35 лѣтъ своего существованія успѣлъ выказать, какъ плодотворна была вся его дѣятельность. Въ самое послѣднее время комитетъ выдвинулъ на первый планъ вопросы объ обязательномъ всеобщемъ обученіи и объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, прошедшихъ народную школу,—но теоретическое обсужденіе этихъ вопросовъ ему пришлось передать инымъ учрежденіямъ. Будемъ надѣяться, что С.-Петербургское общество грамотности, къ которому перешли функціи этого комитета, не отстанетъ отъ него въ отзывчивости на запросы современной жизни, съ честью будетъ продолжать его работу и разовьетъ перешедшее къ нему отъ комитета наслѣдіе съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ комитетъ растилъ его въ теченіе 35 лѣтъ.

И. М. Радецкій. За дѣтей. Скромные труды въ дѣлѣ возрожденія. (Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ призрѣнія, воспитанія и защиты молодого поколѣнія, съ приложеніемъ отзывовъ прессы о дѣятельности автора.) Цѣна 1 р. 30 к. Одесса. 1896.

Г. Радецкій—одинъ изъ энергичнѣйшихъ піонеровъ въ дѣлѣ физическаго воспитанія дѣтей; по его иниціативѣ, благодаря его безграничной настойчивости, у насъ появились «общества содѣйствія воспитанію дѣтей»; благодаря его же усиліямъ, у насъ развиваются дѣтскіе сады, и самъ онъ завѣдывалъ городскимъ дѣтскимъ (Дюковскимъ) садомъ въ Одессѣ,—первымъ въ Россіи садомъ, отведшимъ у себя мѣсто для дѣтскихъ игръ и донынѣ служащимъ образцомъ для всѣхъ подобнаго рода учрежденій. Издавна наблюдая жизнь и судьбу уличныхъ и безпризорныхъ дѣтей, г. Радецкій убѣдился, что ихъ наталкиваетъ впослѣдствіи на преступленіе именно отсутствіе воспитанія въ дѣтствѣ,—и это-то воспитаніе онъ и хочетъ дать имъ въ дѣтскихъ садахъ. Съ другой стороны, онъ находитъ нынѣшніе пріюты для такихъ дѣтей не достигающими цѣли и пропагандируетъ устройство ремесленныхъ и земледѣльческихъ колоній; на эту же цѣль, т. е. на устройство сельско-хозяйственной и ремесленной колоніи для уличныхъ и безпризорныхъ дѣтей, предназначенъ имъ и чистый доходъ отъ продажи цитированнаго «Сбор-

ника». Цѣли, преслѣдуемыя г. Радецкимъ, въ высшей степени благородны, и имя его уже пользуется извѣстностью среди людей, посвятившихъ свою дѣятельность тому же вопросу, а отчасти извѣстно и въ публикѣ. Мы, съ своей стороны, можемъ пожелать только успѣха его начинаніямъ и были бы рады, если бы эта краткая замѣтка обратила на П. М. Радецкаго и его «Сборникъ» вниманіе нашихъ читателей, особенно же тѣхъ изъ нихъ, кому дано счастіе быть родителями.

Списокъ книгъ, доставленныхъ въ редакцію для отзыва:

Алексѣевъ, П. С. д-ръ. О пьянствѣ. Изд. 2-ое съ предисловіемъ **Льва Толстого: Для чего люди одурманиваются.**—Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. М. 1896. Ц. 60 к.

Багешотъ. Научные законы развитія народовъ въ связи съ наслѣдственностью и естественнымъ подборомъ. Пер. съ франц. **К. Г—вой** и **А. О—ва.** Харьковъ. 1896. Ц. 75 к.

Барановскій, Г. В., гражд. инж. Зданія и сооруженія всеросс. худож.-пром. выставки 1896 г. въ Н.-Новг. Изд. ред. журн. „Строитель".—СПБ. 1897.

Бонвало, Габріэль. Невѣдомая Азія. Путешествіе въ Тибетъ. Перев. съ франц. Л. А. Богдановича. Ташкентъ. 1897. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Б. С. Трудъ и капиталъ. Первонач. свѣдѣнія по политич. экономіи. Перев. съ польскаго. Изд. М. В. Клюкина. М. 1897. Ц. 30 к.

Введенская, Е. В. Ради дѣтей. Разсказы. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Вейлеръ, В., проф. Практическій электрикъ. Общедост. руководство къ изготовленію электрич. приборовъ и къ производству съ ними опытовъ. **Перев. В. И. Святскій.** Съ 417 рис. Изд. Ф. Щепанскаго. СПБ. 1897. Ц. 3 р.

Виссаріонъ, епископъ. Сборникъ для любителей духовнаго чтенія. Изд. 2-е, Н. Л. Тузова. СПБ. 1897. Ц. 2 р.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Чехи, поляки, русины. Съ 8-ю карт. худ. Васнецова и друг. СПБ. 1897. Ц. 40 к.

Волгинъ, Ф. Амуръ. Природа и люди Амурскаго края. „Полезная Библіотека". Изд. П. Сойкина. СПБ. 1896. Ц. 50 к.

Воротынскій, А. На разсвѣтѣ. Историч. фантазія. Римъ, 63 годъ по Р. Х. СПБ. 1897.

Гельмгольцъ, Г., проф. Популярныя рѣчи. Перев. слуш. высш. женск. курс. подъ ред. О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. Часть II. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Герасимовъ, П. Убійство на границѣ. Разсказъ защитника. СПБ. 1896. Ц. 35 к.

Гофманъ, Августъ. Начальная хрестоматія нѣмецкаго языка для мужскихъ гимназій и прогимназій. Выпускъ I. Курсъ второго класса. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1897. Ц. 50 к.

Гротъ, Н. Я. Очеркъ философіи Платона. Изд. „Посредника" для интелл. читат. М. 1897. Ц. 60 к.

Дмитріевъ, П. Сборникъ образцовъ русской словесности для выразит. чтенія и заучиванія наизусть. Казань. 1897. Ц. 25 к.

Злотчанскій, П. Погода и предсказаніе ея. Научно-популярный очеркъ. Одесса. 1897. Ц. 30 к.

Кантъ, Иммануилъ. Критика практическаго разума. Перев. **Н. М. Соколова.** Изд. кн. маг. М. В. Попова. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

К—ая, М. Очерки и замѣтки. М. 1897. Ц. 1 р.

Крушеванъ, Павелъ. Дѣло Артабанова. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Крушеванъ, Павелъ. Призраки. Сборн. разск. М. 1897. Ц. 2 р.

Лунскій, Н. Вычисленія въ текущихъ счетахъ. Одесса. 1897. Ц. 50 к.

М. М. Поэзія Надсона. СПБ. 1897. Ц. 15 к.

Масловичъ, Н. В. Басни и были. СПБ. 1897. Ц. 50 к.

Науманъ, Эм., проф. Иллюстр. всеобщая исторія музыки. Перев. подъ ред. **Н. Финдейзена.** Т. I, вып. 1, 2 и 3-й. Изданіе Ф. Щепанскаго. СПБ. 1897. Ц. за всѣ 20 вып.—10 р., съ перес. 11 р.

Павловъ, Н. Методическія замѣтки о рѣшеніи сложныхъ задачъ начальной ариѳметики. Изд. кн. маг. А. А. Дубровина. Казань, 1896. Ц. 30 к.

Павловъ, Н. Опытъ системат. сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальн. обученія ариѳмет. Часть I—Цѣлыя числа первой сотни. Часть II—Числа любой величины. Изд. кн. маг. А. А. Дубровина. Казань, 1896 и 1897. Ц. 1-ой ч.—15 к., 2-ой ч.—25.

Петровскій, Ѳ. Смолокуреніе и выгонка дегтя. Изд. Г. Т. Бриллiантова. М. 1896. Ц. 50 к., въ хор. перепл. 1 р.

Ратгаузъ, Д. Пѣсни сердца. Стихотворенія 1893—1897 г. М. 1897. Ц. 1 р.

Рахмановъ, В. В., врачъ. Общедоступный лѣчебникъ. Со многими рисунками. Изд. „Посредника" М. 1897. Ц. 60 к.

Ридеръ, Герм., д-ръ. Руководство врачебной техники. Перев. д-ра **Н. Г. Фрейберга.** Съ 423 рис. въ текстѣ. Вып. I. Изд. журн. „Практич. Медицина". СПБ. 1897.

Романовскій, В. Е. Императрица Екатерина II. Историч. очеркъ. Тифлисъ. 1896. Ц. 60 к.

Святскій, И. Пѣвчія птицы. Ловля, содержаніе въ неволѣ, нравы и образъ жизни ихъ. Съ 22 рис. „Полезная Библіотека", изд. П. Сойкина. СПБ. 1896. Ц. 50 к.

Слоущъ, Н. Мнемотехника, или искусство укрѣплять память. Одесса. 1895. Ц. 40 к.

Слоущъ, Н. Простая и двойная бухгалтерія въ 8 дней. Для самообученія. Одесса. 1893. Ц. 40 к.

Соловьевъ, А. Н. Искусство выразительнаго чтенія. Для учениковъ городскихъ училищъ. Казань. 1897. Ц. 15 к.

Соловьевъ, А. Н. Сборникъ образцовъ русской литературы для выразит. чтенія и заучиванія наизусть. Казань. 1897. Ц. 15 к.

Сологубъ, Ѳедоръ. Тѣни. Разсказы и стихи. СПБ. 1896. Ц. 1 р.

Телешовъ, Н. За Ураль. Очерки изъ скитаній по Западной Сибири. М. 1897. Ц. 75.

Тихомирова, О. Скорцонеръ, какъ кормъ шелковичнаго червя. М. 1896. Ц. 5 к.

Тихомировъ, Д. И. Записки о губернскихъ краткосрочныхъ педагог. курсахъ въ Твери. 1896 г. Изд. журнала „Дѣтское Чтеніе". М. 1896. Ц. 1 р.

Федонъ, разговоръ Платона. Перев. съ объясн. примѣч. **Дм. Лебедева.** Изд. „Посредника" для интелл. читат. М. 1896. Ц. 40 к.

Федотьевъ. Добываніе поташа изъ золы. Практич. руководство. Изд. Ф. Щепанскаго. СПБ. 1896. Ц. 20 к.

Шараповъ, С. Ѳ. Цифровый анализъ расчетнаго баланса Россіи за 15-лѣтіе 1881—1895.—СПБ. 1897.

Шестаковъ, П. Д. Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности. Изд. кн. маг. А. А. Дубровина. Казань. 1897. Ц. 35 к.

Шюкэ, Артюръ. Ж.-Ж. Руссо. Пер. съ франц. **П. Н. Шараповой.** Изд. „Посредника" для интелл. читат. М. 1897. Ц. 40 к.

Эварницкій, Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. 1686—1734. Томъ III. СПБ. 1897 г. Ц. 4 р.

Эйнгорнъ, С. Я, д-ръ. Врачебно-педагогическая гимнастика и дѣтскія игры. Съ 79-ю рис. въ текстѣ. СПБ. 1896. Ц. 2 р.

Эльзенгансъ, д-ръ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. (Краткая психологія для само-

образованія.) Перев. съ нѣм. **М. Столяровъ**. Харьковъ. 1896. Ц. 40 к.

Юрьинъ, Н. Искатель новыхъ впечатлѣній. Повѣсть. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Ѳома Кемпійскій. О подражаніи Христу. Четыре книги. Перев. **П. Мѣщаниновъ**. Изд. И. Л. Тузова. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая. Подъ ред. **В. Н. Смольянинова**. Саратовъ. 1896.

25-лѣтіе коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. Съ портретами, рисунками, планами, подъ ред. директора коллегіи А. І. Степовича. Кіевъ. 1896.

Двойная бухгалтерія въ популярныхъ очеркахъ. Изд. журн. „Счетоводство". СПБ. 1897. Ц. 1 р.

„Деревня". Новый иллюстриров. сельско-хозяйств. журналъ. 1896. Вып. 5—12. Подп. ц. за 12 вып. въ годъ, съ дост. и перес. 3 р.

Историческій очеркъ дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста. Составл., подъ ред. **М. М. Федорова, В. Ѳ. Боцяновскимъ**. СПБ. 1896.

Лѣченіе электрическимъ свѣтомъ ревматизма, невралгіи и т. п. Съ 40 рис. СПБ. 1897.

СМѢСЬ.

Какъ искоренена дуэль въ англійской арміи. При современномъ общественномъ движеніи въ Германіи противъ дуэли всегда указывалось на то, что англичане, отнюдь не менѣе щекотливые въ дѣлахъ чести, чѣмъ нѣмцы или французы, не знаютъ варварскаго обычая дуэли. Это совершенно справедливо, но не всегда такъ было, и манія дуэлей исчезла въ Англіи лишь послѣ долгой, упорной борьбы.

Дѣло было вскорѣ послѣ битвы при Ватерлоо. Манія дуэлей послѣ продолжительныхъ войнъ усилилась. Наиболѣе печальной извѣстностью въ этомъ отношеніи пользовался одинъ изъ стоявшихъ въ Гибралтарѣ полковъ: дуэли въ немъ были, повидимому, неискоренимы. Наконецъ, командиръ полка былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ извѣстный своей желѣзной строгостью полковникъ Коппльстонъ.

По прибытіи въ полкъ, онъ тотчасъ же отправился въ казармы, дружески поздоровался съ офицерами и сразу сталъ съ ними на такую товарищескую ногу, что они, съ тревогой ждавшіе пріѣзда строгаго командира, облегченно вздохнули и успокоились. На данномъ ему обѣдѣ полковникъ выказалъ себя веселымъ собесѣдникомъ, разсказывалъ анекдоты изъ свѣтской жизни Лондона и наконецъ, какъ бы случайно, коснулся дуэлей, которыя, какъ онъ слышалъ, въ послѣднее время особенно усилились въ полку. Коппльстонъ выразилъ сожалѣніе по поводу того, что враждебныя столкновенія мѣшаютъ установиться прочной дружбѣ среди офицерства.

— Господа,—сказалъ онъ въ заключеніе,—если вы намѣрены и впредь рѣшать ваши несогласія подобнымъ образомъ, я ничего не имѣю на это возразить; но я буду настаивать на томъ, чтобы каждый изъ гг. офицеровъ далъ мнѣ честное слово не драться безъ моего позволенія. Какъ вашъ командиръ, я долженъ позаботиться о томъ, чтобы мой авторитетъ признавался во всѣхъ отношеніяхъ.

Офицеры съ удивленіемъ переглянулись, и водворилось тягостное молчаніе.

— Не бойтесь, господа, — продолжалъ онъ,—что я буду противиться вашимъ желаніямъ относительно дуэлей,—напротивъ того, я съ удовольствіемъ дамъ свое согласіе на поединокъ, если, по разслѣдованіи дѣла, вынесу убѣжденіе въ томъ, что задѣтая честь того или другого изъ офицеровъ можетъ быть возстановлена только оружіемъ.

Офицеры дали честное слово не принимать вызововъ безъ разрѣшенія полковника, и командиръ самымъ любезнымъ образомъ простился съ ними.

Уже на слѣдующее утро его ранѣе обыкновеннаго разбудили два офицера, капитанъ Каррингтонъ и лейтенантъ Майерсъ.

— Гг. офицеры могли бы выбрать для своего посѣщенія другое время,—съ досадой встрѣтилъ ихъ полковникъ.

— Дѣло касается нашей чести, г. полковникъ,—гласилъ многозначительный отвѣтъ.— Какъ видите, дѣло не терпитъ отлагательства. Мы просимъ вашего согласія на дуэль.

— Какъ?—воскликнулъ Коппльстонъ, — я считалъ васъ вчера лучшими друзьями!..

— Да, г. полковникъ,—согласился капитанъ Каррингтонъ,—мы и были ими, но мы поссорились, наша оскорбленная честь требуетъ удовлетворенія.

— Въ такомъ случаѣ между гг. офицерами произошло что-нибудь ужасное,—сказалъ полковникъ,—разъ вы прибѣгаете къ оружію? Одинъ изъ васъ вѣрно лишній на свѣтѣ?

— Вы правы, г. полковникъ. Вчера вечеромъ, послѣ того, какъ вы насъ оставили, я выразилъ въ разговорѣ желаніе быть лейтенантомъ королевской лейбъ-гвардіи въ Лондонѣ и расхаживать въ серебряной каскѣ на головѣ. На это капитанъ Каррингтонъ насмѣшливо засмѣялся и замѣтилъ, что для моей «тыквы» достаточно и кожаной каски. Вначалѣ я не обратилъ вниманія на его слова, но другіе меня поддразнили; кромѣ того, капитанъ замѣтилъ, что офицеры королевской гвардіи носятъ мѣдныя каски. Я не удержался, чтобы не сказать ему, что онъ въ этомъ ничего не понимаетъ, и что ему лучше молчать. Послѣ этого между нами завязалась серьезная ссора, и не обошлось безъ рѣзкихъ выраженій съ той и другой стороны. Полагаю, что я въ правѣ настаивать на дуэли и просить на нее вашего разрѣшенія.

— Разумѣется, дѣло очень серьезно,—согласился полковникъ.—Положимъ, у офице-

ровъ гвардіи каски не серебряныя и не мѣдныя, а изъ бѣлаго высеребреннаго металла, но, мнѣ кажется, это не мѣняетъ дѣла. Господа, настаиваете на дуэли?

— Безъ всякаго сомнѣнія, г. полковникъ!— воскликнули оба въ одинъ голосъ.

— Прекрасно, — хладнокровно одобрилъ полковникъ,—я не буду вамъ мѣшать. Предупреждаю только, что дуэль непремѣнно должна состояться: никакихъ французскихъ комедій, знайте это. Одинъ изъ васъ, какъ вы сами говорите, лишній на свѣтѣ,—на этомъ и покончимъ; побѣдитель не будетъ подвергнутъ наказанію.

Офицеры взяли подъ козырекъ и удалились. Черезъ нѣсколько минутъ они уже спѣшили съ секундантами на мѣсто поединка...

Въ обѣденное время полковникъ отправился въ казармы посмотрѣть полкъ, и былъ не мало удивленъ, видя среди офицеровъ обоихъ враговъ — Каррингтона и Майерса. У лейтенанта лѣвая рука была на перевязи.

Коппльстонъ принялъ суровый видъ.

— Что же, дуэль состоялась?—строго спросилъ онъ.

— Да, г. полковникъ, — отвѣчалъ лейтенантъ.—Посмотрѣли бы вы, какъ капитанъ оцарапалъ мнѣ руку!

— Оцарапалъ руку?—воскликнулъ Коппльстонъ.—И это вы называете дуэлью, господа?! И, вдобавокъ, когда дѣло касается такого важнаго вопроса, какъ каски королевской гвардіи? Извольте немедленно возобновить дуэль, иначе будете уволены изъ военной службы безъ прошенія—за трусость.

Офицеры поблѣднѣли, но выбора не было. Не долго думая, они рѣшились на вторичную дуэль,—этотъ разъ на пистолетахъ. Теперь былъ раненъ капитанъ Каррингтонъ, и такъ тяжело, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ былъ между жизнью и смертью.

Въ теченіе его болѣзни между офицерами не разъ возникали ссоры, изъ которыхъ нѣкоторыя были улажены при посредствѣ полковника; рѣшеніе остальныхъ было отложено до окончательнаго разрѣшенія вопроса чести между капитаномъ и лейтенантомъ. Коппльстонъ не давалъ согласія на другія дуэли, ссылаясь каждый разъ на неизвѣстность исхода болѣзни капитана Каррингтона.

Между тѣмъ полковникъ доложилъ о происшедшемъ военному министру и получилъ отъ него строгое предписаніе довести дѣло до конца, — единственное средство искоренить роковую манію дуэлей.

Наконецъ, Каррингтонъ поправился настолько, что могъ выходить на прогулку безъ посторонней помощи.

Въ одно ясное весеннее утро оба противника, уже давно помирившіеся, прогуливались по аллеѣ недалеко отъ казармъ, когда ихъ случайно встрѣтилъ полковникъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа,— ласково обратился онъ къ нимъ.—Я очень радъ видѣть г. капитана поправившимся настолько, чтобы довести до конца извѣстное дѣло чести.

Офицеры съ ужасомъ переглянулись, почти не довѣряя своимъ ушамъ; на ихъ поблѣднѣвшихъ лицахъ ясно читалось отчаяніе.

— Вы должны же понять, господа,—продолжалъ полковникъ послѣ короткаго, но краснорѣчиваго молчанія, — что спорный вопросъ о каскахъ королевской гвардіи можетъ быть разрѣшенъ только смертью одного изъ противниковъ. Вслѣдствіе огромной важности этого вопроса, я вошелъ съ представленіемъ къ военному министру, и онъ совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе.

— Но, г. полковникъ,—заикаясь, выговорилъ наконецъ лейтенантъ Майерсъ,—капитанъ еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни; впрочемъ...

— Если онъ можетъ гулять, то сможетъ и держать пистолетъ; наконецъ, въ интересахъ чести всего военнаго сословія я не могу допустить, чтобы два врага, одинъ изъ которыхъ лишній на свѣтѣ, прогуливались дольше чуть ли не подъ ручку.

Офицеры молча протянули другъ другу руки; оба были доведены до отчаянія. Полковникъ отвернулся, чтобы скрыть собственное волненіе, но долгъ требовалъ непреклоннаго упорства. И вотъ онъ снова сурово обращается къ нимъ:

— Господа, если до завтрашняго дня это дѣло не рѣшится, завтра же вы оба будете выгнаны изъ полка за трусость.

Офицеры ушли, порѣшивъ обсудить дѣло совмѣстно съ товарищами и поступить согласно приговору большинства. Общее мнѣніе гласило возобновить дуэль, и они должны были покориться.

Въ третій разъ злополучные дуэлисты появились на мѣстѣ поединка. Они крѣпко пожали другъ другу руки, сердечно простились другъ съ другомъ, и каждый сталъ на указанное ему мѣсто. Раздались роковые выстрѣлы, и лейтенантъ упалъ, пораженный пулей въ сердце. Горе Каррингтона, невольнаго убійцы своего друга, не знало границъ; онъ горько рыдалъ, обнимая умирающаго, и его лишь съ трудомъ удалось оторвать отъ несчастнаго Майерса. Онъ былъ помѣщенъ въ квартиру одного изъ товарищей, откуда въ тотъ же день и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Въ тотъ же день полковникъ пригласилъ

къ себѣ всѣхъ офицеровъ и объявилъ имъ, что и на будущее время каждая дуэль должна кончаться только смертью одного изъ противниковъ.

Съ тѣхъ поръ дуэлей въ полку не было.

Историческая реликвія. Однажды—это было въ 1848 году—французскій романистъ Феваль, возвращаясь изъ поѣздки въ Англію, находился въ одной модной гостиницѣ города Кале и сидѣлъ въ читальнѣ, гдѣ въ это время, кромѣ него, никого не было. Среди чтенія онъ всталъ, чтобы отыскать какое-то слово въ академическомъ словарѣ, который стоялъ на полкѣ возлѣ камина. Случилось, что тяжелая книга выскользнула у него изъ рукъ и столкнула украшавшую каминъ маіоликовую вазу. Ваза упала на полъ и разлетѣлась вдребезги. Феваль уже схватился за колокольчикъ, чтобы велѣть убрать осколки и возмѣстить хозяину гостиницы убытокъ, какъ вдругъ поднялась суматоха, и въ читальню вбѣжалъ запыхавшійся слуга.

— Сударь, васъ просятъ удалиться въ вашу комнату и не выходить, пока вамъ не скажутъ...

— Ого! какъ вы смѣете распоряжаться мною такимъ образомъ?

— Не я—хозяинъ велѣлъ васъ просить...— бормоталъ слуга. — Если вы приверженецъ короля...

— Я приверженецъ каждой формы правленія, при которой мнѣ хорошо живется. Говорите толкомъ, въ чемъ дѣло.

— Его величество король Людовикъ-Филиппъ, бѣжавшій изъ Парижа, только-что прибылъ сюда съ большой свитой, здѣсь отобѣдаетъ и послѣ обѣда переправится въ Англію. Хозяинъ предоставилъ въ распоряженіе его величества весь отель. Пріѣзжихъ просятъ сидѣть въ своихъ комнатахъ.

Дѣлать нечего, пришлось уступить просьбѣ хозяина. Уѣзжая въ тотъ же вечеръ въ Парижъ, Феваль забылъ и разбитую вазу, и все происшествіе.

Много лѣтъ спустя ему снова пришлось быть въ Кале и остановиться въ той же гостиницѣ. При входѣ въ читальню ему бросилось въ глаза оригинальное украшеніе комнаты. Онъ увидѣлъ на маленькомъ столѣ, обитомъ краснымъ бархатомъ, подъ стекляннымъ колпакомъ, осколки нѣкогда разбитой имъ маіоликовой вазы, которую онъ тотчасъ же узналъ.

— Что это означаетъ?—спросилъ онъ хозяина.

— О, сударь, это историческая реликвія, съ которой я не разстанусь ни за какія деньги. Когда король Людовикъ-Филиппъ, во время своего бѣгства въ Англію, осчастливилъ мой отель короткимъ посѣщеніемъ, онъ снялъ съ камина эту вазу, бросилъ ее на полъ и воскликнулъ: «Да будетъ то же съ моими врагами-республиканцами».

— Кто же это видѣлъ и слышалъ?

— Одинъ изъ кельнеровъ. Позже это подтвердили многіе свидѣтели.

Феваль улыбнулся и промолчалъ,—онъ не хотѣлъ лишать хозяина его исторической достопримѣчательности.

Количество книгъ въ университетскихъ библіотекахъ Европы. Въ дополненіе къ статьѣ объ Императорской Публичной Библіотекѣ (см. «Лит. Прил.» № 10, 1896 г.), являющейся безспорно первымъ книгохранилищемъ въ Россіи, помѣщаемъ краткія свѣдѣнія о книжныхъ богатствахъ въ университетскихъ библіотекахъ Европы. Американская газета «Commissioner of Education» за 1893—94 г. приводитъ, со словъ журнала «Sciеnce», международную статистику книгъ и манускриптовъ въ университетскихъ библіотекахъ Европы. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Германіи: ея 20 университетскихъ библіотекъ обладаютъ почтеннымъ числомъ 5.850,000 томовъ,—на три милліона больше, чѣмъ въ библіотекахъ Италіи, которая занимаетъ второе мѣсто. Великобританія и Австрія имѣютъ каждая не болѣе 1.800,000 томовъ, Швеція и Норвегія—790,000, Испанія—726,000. Интересно, что изъ восьми странъ, доставившихъ статистическія данныя о богатствѣ университетскихъ библіотекъ, Франція, имѣющая такихъ библіотекъ больше, чѣмъ какая-либо другая страна, кромѣ Германіи и Италіи (16), показываетъ наименьшую сумму книгъ—692,200 томовъ. Великобританія, владѣющая только 9-ю университетскими библіотеками, насчитываетъ въ общей сложности 1.849,600 томовъ, при чемъ больше милліона приходится, почти поровну, на Оксфордъ и Кэмбриджъ. Нужно, однако, принять во вниманіе, что такія большія публичныя библіотеки, какъ библіотека Британскаго музеума въ Лондонѣ и Національная библіотека въ Парижѣ, отчасти вознаграждаютъ за болѣе слабое развитіе университетскихъ библіотекъ. Самыя богатыя книгохранилища — въ Страсбургѣ (704,076 томовъ), Лейпцигѣ (504,683 тома), Оксфордѣ (530,000) и Кэмбриджѣ (506,500). Библіотеки въ Гёттингенѣ, Гейдельбергѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ содержатъ каждая болѣе 400,000 томовъ.

Проявленія ума у птицъ. Знаменитый натуралистъ Бремъ охотился однажды на Присницкомъ озерѣ за хохлатымъ ныркомъ въ обществѣ своихъ пріятелей Бонде и Шиллинга. Бремъ и Бонде сѣли въ челнокъ, Шиллингъ остался на берегу у того края озера, гдѣ было помельче. Сидѣвшіе въ чел-

нокѣ старались загнать птицу въ эту сторону, такъ какъ въ болѣе глубокихъ мѣстахъ озера она ныряла, и въ нее нельзя было стрѣлять. Имъ удалось загнать ее, куда они хотѣли, и они были увѣрены, что добыча не уйдетъ; однако, послѣдующія дѣйствія птицы показали имъ, что они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Нырокъ повернулъ на то мѣсто берега, гдѣ паслось большое стадо коровъ, быстро поднялся на воздухъ и полетѣлъ надъ самымъ стадомъ такъ, что, цѣля въ него, охотникъ могъ попасть въ корову. Перелетѣвъ черезъ все стадо и очутившись внѣ выстрѣловъ, онъ взмылъ высоко въ воздухъ и полетѣлъ къ другому краю озера, поросшему густымъ тростникомъ, въ которомъ и скрылся.

Другой нѣмецкій натуралистъ видѣлъ, какъ сороки, не будучи въ состояніи пробить клювомъ ледъ, подъ которымъ онѣ видѣли мертвыхъ рыбъ, садились на него, какъ на яйца, и согрѣвали его собственной теплотой до той степени, когда уже оказывалось возможнымъ разбить ледъ и извлечь изъ-подъ него лакомый кусочекъ. Голубой дятелъ, убѣдившись въ томъ, что улитка, при нападеніи на нее, забивается въ самую середину своего домика, начинаетъ долбить скорлупку съ середины.

У одного доктора была канарейка, пріученная летать по комнатѣ и неохотно садившаяся въ клѣтку. Хозяинъ обыкновенно заманивалъ ее туда ея любимымъ лакомствомъ, крестовникомъ, который онъ клалъ въ клѣтку, и когда птичка прилетала, захлопывалъ дверцы. Въ теченіе нѣкотораго времени средство оказывалось дѣйствительнымъ, но вскорѣ птичка, внимательно глядя на хозяина, входила въ клѣтку лишь тогда, когда онъ держался вдалекѣ, проворно схватывала свѣжую травку и улетала съ нею на клѣтку. Тогда докторъ прикрѣпилъ къ дверцѣ клѣтки нитку, оканчивавшуюся у его письменнаго стола, и быстро тянулъ за нее, когда птичка хотѣла унести свое лакомство. Наконецъ, канарейка видимо поняла важное значеніе нитки, которую нѣсколько разъ внимательно разсматривала, и больше не входила въ клѣтку, предпочитая свободу лакомству.

Интересныя свѣдѣнія о высотѣ и длинѣ морскихъ волнъ находимъ въ книгѣ д-ра Шотта, написанной имъ по поводу шестидесятой годовщины дня рожденія барона фонъ-Рихтгофена. Наблюденія производились во время путешествія къ мысу Доброй Надежды (1891—92 г.) и относятся къ волнамъ въ открытомъ морѣ, на большихъ глубинахъ. Для измѣренія волнъ д-ръ Шоттъ пользовался очень чувствительнымъ барометромъ-анероидомъ, показывавшимъ измѣненія давленія до второй десятичной, причемъ степень ошибочности наблюденій, происходящая отъ того, что судно врѣзывается въ гребень волны глубже, чѣмъ въ углубленіе между волнами, была, по возможности, принята во вниманіе. Каждый рядъ наблюденій относился къ одному и тому же дню съ опредѣленной быстротой вѣтра.

При довольно сильномъ пассатѣ періодъ волнъ равнялся 4,8 сек., ихъ длина—34,50 метра, скорость въ секунду—7,38 метра, въ часъ около 27 килом. Это—приблизительно скорость современнаго парусснаго судна. Когда поднимается вѣтеръ, величина и быстрота волнъ увеличиваются. При сильномъ береговомъ вѣтрѣ ихъ длина достигаетъ 78 м., скорость 108—109 м. въ секунду. Волны, періодъ которыхъ составляетъ 9 секундъ, длина—120—128 м., а скорость—52 килом. въ часъ, появляются только во время бурь, при силѣ вѣтра, равной 9 по двѣнадцати-балльной скалѣ (Бофорта). Во время юго-восточнаго шторма д-ръ Шоттъ измѣрялъ въ южной части Атлантическаго океана волны, длиной въ 267 м., и это еще не максимумъ, такъ какъ подъ 28° южной широты и 39° восточной долготы онъ наблюдалъ волны, имѣвшія періодъ 15 секундъ, длину—345 м. и скорость—23,6 м. въ секунду или 86 километровъ въ часъ.

Что касается высоты волнъ, то д-ръ Шоттъ считаетъ многія цифры преувеличенными. Нѣкоторые наблюдатели показывали длину волнъ въ 9—12 м. при силѣ вѣтра равной 11 по скалѣ Бофорта, тогда какъ установленный Шоттомъ максимумъ составляетъ только 9,60 м. На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что даже при сильномъ ураганѣ рѣдки волны въ 18 м. высоты, и что 15 м. являются исключеніемъ. При обыкновенныхъ пассатахъ высота волнъ равна 1,5—2 метра.

Афоризмы.

Да, Лютеръ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло, когда пустилъ въ голову чорта чернильницей! Только чернилъ и боится чортъ, только ими и можно прогнать его. *(Бёрне.)*

Скрывать ненависть легко, любовь—трудно, равнодушіе—почти невозможно. *(Бёрне.)*

Умный человѣкъ не только не будетъ говорить ничего глупаго, но не станетъ и слушать глупости. *(Бёрне.)*

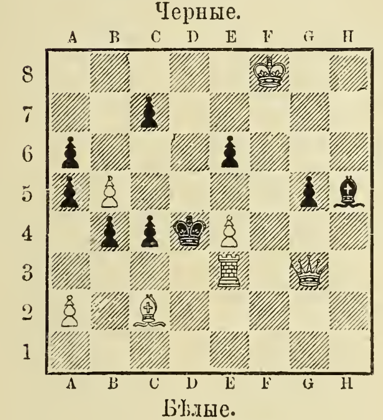
Бываютъ люди, похожіе на нули: имъ всегда необходимо, чтобы впереди ихъ шли цифры. *(Бальзакъ.)*

Съ человѣкомъ бываетъ три приключенія: рожденіе, жизнь и смерть; рожденія онъ не сознаетъ, смерти боится и забываетъ жить. *(Ла Брюэръ.)*

ШАХМАТЫ
подъ редакц. Э. С. Шифферса.

Задача № 7.
Янъ Котрчъ (Прага).
(Ceské Listy Sachové).

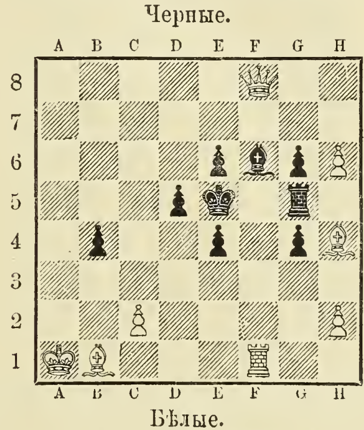
Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 8.
Л. К. Истоминъ (Харьковъ).

Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

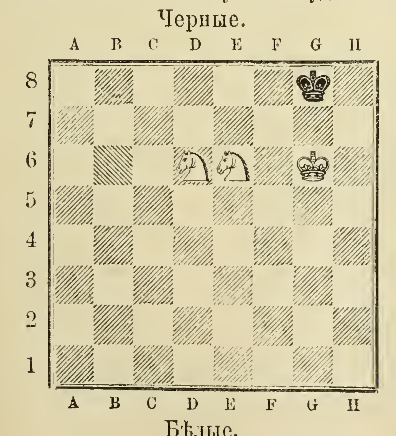
Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

Курсъ концовъ партій.
(Продолженіе.)

§ 5. Кони.

Слѣдующая позиція показываетъ, что даже два коня не могутъ вынудить матъ.

Черные.



Бѣлые.

Матъ былъ бы возможенъ послѣ:
1. К. d6 — f5 (c4) Кр. g8 — h8
2. К. e6 — g5 (d8) Кр. h8 — g8
3. К. f5 — e7 (e4—f6+) Кр. g8 — h8?
4. К. g5 — f7≠.

Но нельзя вынудить подобный ходъ (3. . . . Кр. h8?); слѣдовало играть 3. . . . Кр. f8.

a. ходъ черныхъ.

1. . . . Кр. g8 — h8
2. К. d6 — f7+ Кр. h8 — g8
3. К. f7 — h6+ Кр. g8 — h8
4. К. e6 — g5 патъ.

b. ходъ бѣлыхъ.

1. К. d6 — c4 Кр. g8 — h8
2. К. c4 — e5 Кр. h8 — g8
3. К. e5 — d7 . . .

Если 3. К. e5—f7, то патъ.

3. . . . Кр. g8 — h8
4. К. e6 — g5 Кр. h8 — g8
5. К. d7 — f6+ Кр. g8 — f8 и т. д.

Если бы у черныхъ была еще шашка, напр. конь на a8 или пѣшка на a3, то матъ былъ бы возможенъ, такъ какъ бѣлые посредствомъ К. d6—f5 (f7) и К. f5—h6(+) загнали бы короля въ уголъ и затѣмъ ходами К. e6—g5 (d8) могли бы подготовить матъ (заставляя ходить конемъ или пѣшкой).

3 коня вынуждаютъ матъ легче, чѣмъ слонъ и конь. Слѣдующій примѣръ въ

то же время показываетъ, что могутъ быть случаи, которые заставляютъ для пройденной пѣшки выбрать третьяго коня (вмѣсто ферзя или ладьи).

Черные.

Бѣлые.

1. **Л. e3 : e7**	**Ф. f8 : e7**

Если 1... Ф. f4+, то 2. Кр. b3, Ф. g3+; 3. К. c3, Кр. b7 (угрожая Ф : c7); 4. К. d5, Ф. g8 (чтобы помѣшать Л. e8); 5. Л. d7, Кр. c8; 6. Л. d6, Ф. f8 (e8, h3); 7. Л. b6 и выигрываютъ.

2. **c7 — c8К+**	. . .

Если 2. c8 Ф., то Ф : b4+; 3. Кр : b4, патъ; если 2. c8 Л., то Ф. e6+ и Ф : c8; а если 2. c8 С., то Ф. c7+ и Ф : c8.

2. . . .	**Кр. a7 — b7**
3. **К. c8 : e7**	**Кр. b7 — c7**
4. **Кр. c4 — d5**	**Кр. c7 — d7**
5. **К. b4 — c6**	**Кр. d7 — c7(A)**
6. **Кр. d5 — e6**	**Кр. c7 — b7**
7. **Кр. e6 — d6**	**Кр. b7 — a6(a8)**
8. **Кр. d6 — c5**	**Кр. a6 (a8) b7**
9. **К. a4 — b6**	**Кр. b7 — c7**

Или 9.... Кр. a6; 10. К. b6, d5, Кр. b7; 11. Кр. b5, Кр. a8; 12. К. d8 или a5 (если К. Кр. b6?, то патъ). Кр. a7; 13. К. ec6+, Кр. a8; 14. К. b6 или c7⌗. Если 12. . . . Кр. b8, то 13. Кр. b6 и матъ въ 2 хода. Тремя конями можно заматовать и безъ помощи короля.

10. **К. e7 — d5+**	**Кр. c7 — b7**
11. **К. c6 — b4**	. . .

11. Кр. b5, патъ.

11. . . .	**Кр. b7 — b8**

Или 11. Кр. a7; 12. Кр. c6, Кр. b8; 13. К. d5—e7, Кр. a7; 14. К. e7—c8+, Кр. b8; 15. К. b4—a6⌗.

12. **Кр. c5 — c6**	**Кр. b8 — a7**
13. **К. d5 — e7**	**Кр. a7 — b8**
14. **К. b6 — d7+**	**Кр. b8 — a7**

Или 14. . . . Кр. a8; 15. Кр. c7 и матъ въ 2 хода.

15. **Кр. c6 — c7**	**Кр. a7 — a8**
16. **К. d7 — b6+**	**Кр. a8 — a7**
17. **К. e7 — c6 (c8)⌗.**	

A.

5 . . .	**Кр. d7 — e8**
6. **Кр. d5 — e6**	**Кр. e8 — f8**
7. **Кр. e6 — f6**	**Кр. f8 — e8**
8. **К. a4 — c5**	**Кр. e8 — f8**
9. **Кр. f6 — g6**	**Кр. f8 — e8**
10. **К. e7 — f5**	**Кр. e8 — f8**
11. **К. f5 — d6**	**Кр. f8 — g8**
12. **К. c5 — d7**	**Кр. g8 — h8**
13. **К. d6 — f7+**	**Кр. h8 — g8**
14. **К. c6 — e7⌗.**	

(Продолженіе будетъ.)

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Двѣнадцатая партія матча.
(Играна 11-го декабря 1896 г.)

Э. Ласкеръ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. К. g1 — f3	К. b8 — c6
3. С. f1 — b5	a7 — a6
4. С. b5 — a4	d7 — d6
5. d2 — d4	С. c8 — d7
6. С. a4 — b3	С. f8 — e7?
7. d4 : e5	d6 : e5
8. Ф. d1 — d5	С. d7 — e6
9. Ф. d5 : d8+	Л. a8 : d8
10. С. b3 : e6	f7 : e6
11. c2 — c3	К. g8 — f6
12. К. b1 — d2	. . .

Можно было 12. К. g5, Л. d6; 13. f3 и т. д.

12. . . .	С. e7 — c5
13. b2 — b4	. . .

И теперь лучше было 13. К. g5, Кр. e7; 14. К. b3, С. b6 (a7); 15. f2—f3!

13. . . .	С. c5 — a7
14. a2 — a4	b7 — b5
15. Кр. e1 — e2	. . .

На 15. ab, ab; 16. К : e5, послѣдовало бы 16.... С : f2+.

15. . . .	С. a7 — b6
16. a4 : b5	a6 : b5
17. К. f3 — e1	. . .

И здѣсь можно было К. g5.

17. . . .	Л. h8 — f8
18. f2 — f3	Л. f8 — f7
19. К. d2 — b3?	К. f6 : e4!

Ходъ, проигрывающій партію; необходимо было 19. Л. h1—f1.

20. С. c1 — b2	К. e4 — d6
21. Л. h1 — f1	К. d6 — c4
22. С. b2 — c1	К. c6 — e7
23. С. c1 — g5	К. e7 — d5!
24. С. g5 : d8	К. d5 — f4+
25. Кр. e2 — d1	Л. f7 — d7+
26. Кр. d1 — c2	К. c4 — e3+
27. Кр. c2 — b2	К. e3 : f1
28. С. d8 — g5	К. f1 — e3
29. С. g5 : f4	e5 : f4
30. Л. a1 — c1	e6 — e5

Бѣлые сдались.

ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

Семнадцатая и послѣдняя партія матча.
(Играна 30 декабря и 2-го января.)

В. Стейницъ. Бѣлые.	Э. Ласкеръ. Черные.
1. d2 — d4	d7 — d5
2. c2 — c4	e7 — e6

3. К. b1 — c3   К. g8 — f6
4. С. c1 — g5   С. f8 — e7
5. e2 — e3   0 — 0
6. Ф. d1 — b3   . . .

Этотъ ходъ безполезенъ въ данномъ варіантѣ; ферзю придется отступить рано или поздно.

6. . . .   К. b8 — d7
7. К. g1 — f3   c7 — c6

Въ прежнихъ подобныхъ партіяхъ Ласкеръ игралъ c7 — c5. Ходъ c7 — c6 очень хорошъ въ подобныхъ партіяхъ.

8. С. f1 — d3   d5 : c4
9. С. d3 : c4   . . .

Небольшая, но потеря темпа.

9. . . .   b7 — b5
10. С. c4 — e2   a7 — a6
11. a2 — a4   b5 — b4
12. К. c3 — b1   c6 — c5
13. К. b1 — d2   С. c8 — b7
14. a4 — a5   c5 : d4
15. e3 : d4   . . .

Теперь у бѣлыхъ двѣ изолированныя пѣшки; у черныхъ одна на b4. Стейницу прежде большей частью самому удавалось изолировать противнику пѣшку d4(d5). Въ партіяхъ, гдѣ нѣтъ прямой атаки на позицію короля, изолированная центральная пѣшка представляетъ немаловажную опасность, служа исходнымъ пунктомъ для атакъ противника.

15. . . .   К. f6 — d5
16. С. g5 — e3   С. e7 — d6
17. К. d2 — c4   С. d6 — c7
18. С. e3 — g5   . . .

Вызываетъ f7—f6.

18. . . .   f7 — f6
19. С. g5 — d2   Ф. d8 — e7
20. К. c4 — e3   Л. a8 — b8
21. С. e2 — c4   Л. f8 — d8
22. 0 — 0   К. d7 — f8
23. Л. f1 — e1   Ф. e7 — f7
24. К. e3 — f1   Кр. g8 — h8
25. К. f1 — g3   С. c7 : g3
26. h2 : g3   К. f8 — g6
27. Ф. b3 — d3   Л. d8 — d6
28. Л. e1 — e2   С. b7 — c8
29. К. f3 — e1   Ф. f7 — d7
30. К. e1 — c2?   . . .

Коню слѣдовало попасть на d3.

30. . . .   e6 — e5
31. Л. a1 — e1   С. c8 — b7
32. Ф. d3 — b3   С. b7 — c6
33. К. c2 : b4?   . . .

Это оказывается гибельнымъ для бѣлыхъ.

33. . . .   К. d5 : b4
34. С. d2 : b4   Л. d6 : d4
35. Ф. d3 — c3   С. c6 : g2!

Красивый ходъ, рѣшающій игру въ пользу черныхъ.

36. Кр. g1 : g2   . . .

Грозило Ф. h3 и т. д.

36. . . .   Ф. d7 — c6+
37. Л. e2 — e4   . . .

Вынуждено; иначе бѣлые теряютъ обоихъ слоновъ; если 37. Ф. f3?. К. h4+; 38. gh, Л. g4+ и ферзь пропалъ.

37. . . .   Л. d4 : e4
38. Л. e1 : e4   Ф. c6 : e4+
39. Кр. g2 — g1   Ф. e4 — b7
40. С. b4 — c5   Л. b8 — d8
41. С. c4 — e2   e5 — e4
42. b2 — b4   К. g6 — e5
43. С. c5 — e3   К. e5 — d3
44. С. e3 — b6   Л. d8 — c8
45. Ф. c3 — d4   h7 — h6
46. Кр. g1 — h2   . . .

Здѣсь бѣлые могли сыграть 46. С. e2—g4. Ласкеръ показалъ намъ, что онъ на этотъ случай имѣлъ въ виду слѣдующимъ весьма красивымъ способомъ форсировать игру: 46. С. e2—g4, Л. c8—c1+; 47. Кр. g1—g2!; К. d3—e5; 48. С. g4—f5, Л. c1—g1+; 49. Кр. g2—h3:, Л. g1—h1+; 50. Кр. h3—g2, e4—e3+; 51. С. f5—e4, Ф. b7—c8!!; 52. Кр. g2 : h1, e3—e2; 53. Ф. d4—a1! (или Ф. e3 (d2), Ф. h3+; 54. Кр. g1, Ф. f1+; 55. Кр. h2, К. g4‡), Ф. c8—h3+; 54. Кр. h1—g1, К. e5—g4 и бѣлые не могутъ защититься отъ мата на h2.

46. . . .   К. d3 — e5
47. Ф. d4 — d1   Л. c8 — c3
48. Ф. d1 — d6   К. e5 — f3+
49. Кр. h2 — g2   Ф. b7 — f7
50. g3 — g4   Ф. f7 — a2
51. С. e2 — f1   К. f3 — h4+
52. Кр. g2 — g1   Л. c3 — c1
53. С. b6 — e3   К. h4 — f3+
54. Кр. g1 — g2   Л. c1 : f1
55. Ф. d6 : a6   Л. f1 — g1+
56. Кр. g2 — h3   Ф. a2 — d5
57. Ф. a6 — c8+   Кр. h8 — h7
58. a5 — a6   Л. g1 — h1+
59. Кр. h3 — g2   Л. h1 — g1+
60. Кр. g2 — h3   Л. g1 — h1+
61. Кр. h3 — g2   К. f3 — h4+
62. Кр. g2 : h1   Ф. d5 — d1+
63. Кр. h1 — h2   Ф. d1 — f1

Бѣлые сдались.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ № 12 Литер. прилож. „Нивы“ за декабрь 1896 г.

№ 62. **O. Würzburg.** Матъ въ 3 хода.

1. Кр. h4—g5, Кр : d5; 2. Кр. f5, ∞; 3. Л‡.

1. . . . ., d2; 2. К. c3, ∞; 2. Л., С‡.

№ 63. **J. N. de Yong.** Матъ въ 2 хода.

1. Ф. d3—d1, ∞; 2. Матъ различными способами.

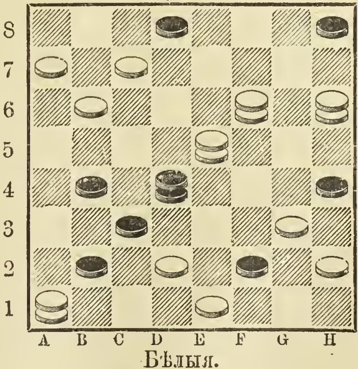
Правильныя рѣшенія прислали (обѣихъ задачъ): **Н. С. Даржанъ** (СПБ); **А. И. Богородицкій** (Старобѣльскъ); **Л. К. Истоминъ** (Харьковъ); **Г. Томанъ** (Уфа); **Н. Бончковскій** (Москва); **В. М. Николаевъ** (Варшава); **В. Михайловъ** (Орелъ); **П. Н. Дубровинъ** (Сѣдл. губ.); **В. А. Слѣпцовъ** (Саратовъ); **М. И. Поповъ** (Бѣлолуцкъ); **М. Фидлеръ** (Новогрудокъ) (62); **М. Т. Шуваловъ**, **Н. И. Лавровъ** (Москва); **А. В. Чижевскій** (Вязьма); **М. Спекторскій** (Двинскъ); **Н. Преве** (СПБ.); **К. В. Львовскій** (Вятск. губ.) (63); **А. С. Мееровичъ** (Бердичевъ).

ШАШКИ.

Задача № 9.

А. К. Мишинъ (Б. Верейка).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и двѣ простыя.

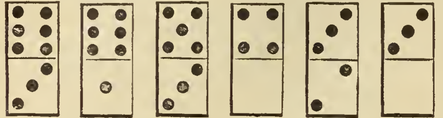
ЗАДАЧИ И ИГРЫ

подъ редакціей **Ю. О. Г.**

Задача игры въ домино №. 10.

Н. В. П.

Партія вчетверомъ безъ прикупа. *А*, *В*, *С* и *D* берутъ по 6 камней; 4 камня остаются въ талонѣ. *А* достались камни:



сумма камней *В* равна 35, *С*—28 и *D*—41. *А* начинаетъ съ [камень 6–3] и кончаетъ партію на 5-мъ ходу. При этомъ *В* пасуетъ на 1, 3 и 4 ходу, *С*—на 1 и 3-мъ, *D*—на 2 и 3 ходу. У *В* осталось на рукахъ 29 очковъ, у *С*—16, у *D*—25.

Какъ расположились камни при игрѣ, какіе камни были въ талонѣ, если сумма очковъ выставленныхъ камней равна 66?

Задача №. 11.

Захотѣлось нищему-лѣнтяю безъ труда денегъ побольше нажить. Вотъ и вошелъ онъ въ такую сдѣлку съ сосѣднимъ колдуномъ: каждый разъ, какъ онъ перейдетъ черезъ мостъ за рѣку, гдѣ жилъ колдунъ, сумма денегъ у него въ карманѣ будетъ удваиваться; но за это онъ каждый же разъ долженъ отдавать тому по 4 рубля. Порѣшили на этомъ, и на другой же день бѣднякъ отправился черезъ мостъ; на завтра—опять, а когда пришелъ къ колдуну въ третій разъ, то долженъ былъ отдать ему послѣднія деньги. Сколько было у него въ карманѣ при первомъ переходѣ черезъ мостъ?

Другой задумалъ перехитрить колдуна. Онъ условился, что у него деньги будутъ увеличиваться не вдвое, а только въ полтора раза, но зато и колдуну плата за каждый разъ—всего полтинникъ. Перейдя въ четвертый разъ черезъ мостъ и отдавъ колдуну полтинникъ, онъ подсчиталъ деньги въ карманѣ и нашелъ, что теперь у него на полтинникъ больше половины того, что было въ самомъ началѣ. Выигралъ онъ или потерялъ отъ сдѣлки, и какъ велика была его первоначальная сумма?

Задача №. 12.

Погонщикъ гналъ по дорогѣ табунъ ословъ. Навстрѣчу—прохожій. Захотѣлось ему подшутить надъ погонщикомъ. „Эй!—кричитъ ему,—сколько васъ тутъ всѣхъ, ословъ? Сотня будетъ?“ — „Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—до сотни у меня далеко; вотъ если бы мнѣ еще столько, сколько теперь, да еще полстолько, да еще четверть-столько, да тебя на придачу захватить бы, такъ и вышла бы сотня ословъ“. Сколько же головъ было у него въ табунѣ?

Задача буквъ №. 13.

Переложить кружки такъ, чтобы по чернымъ можно было прочесть имя и фамилію одной писательницы, а въ бѣлыхъ—названіе ея произведенія.

Рѣшеніе рождественской задачи №. 66

(помѣщ. въ „Литер. прилож.“ за декабрь 1896 г.)

Шифрованная телеграмма:

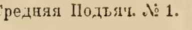
Поздравляемъ нашихъ читателей съ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ Новымъ годомъ.

Редакція „Нивы“.

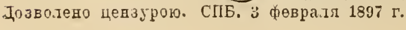
Корреспонденція.

В. М. Жилкину, Р. Лоренсу (гор. Порѣчье) **и другимъ лицамъ, интересующимся отдѣломъ „Задачъ и игръ“.** Письма съ предложеніями задачъ покорнѣйше просимъ адресовать въ редакцію „Нивы“, на имя редактора отдѣла Ю. О. Г. Вознагражденія за принятыя къ печати задачи, кромѣ изъявленія благодарности, никакого не полагается. Задачи, напечатанныя уже за прежніе годы въ „Нивѣ“ и въ другихъ журналахъ, не принимаются.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **А. А. Тихоновъ (А. Луговой)**.



Тип. А. Ф. Маркса, Средняя Подъяч. № 1.



Дозволено цензурою. СПБ. 3 февраля 1897 г.

Для успокоенія нервовъ.

Изъ записокъ одного очень почтеннаго человѣка.

П. П. Гнѣдича.

(Окончаніе.)

XIX.

Въ купэ повторилась та же исторія. И англичанъ, и насъ запаковали въ маленькое отдѣленьице, похожее на прежнія купэ въ дорожныхъ дилижансахъ. Съ двухъ сторонъ по бокамъ двери заперли. Никакихъ сообщеній съ остальнымъ міромъ не имѣлось и выходить изъ вагона въ теченіе шести часовъ не дозволялось, такъ какъ остановки были минутныя, и поѣздъ трогали безъ звонковъ. Англичане переносили это заключеніе не только равнодушно, но даже съ удовольствіемъ, пожравъ впятеромъ полтора десятка апельсиновъ и фунта два шоколада. Между собой они не разговаривали, а только изрѣдка улыбались. Бѣлясый сэръ читалъ Бедекера, не отрываясь, и дѣлалъ карандашомъ отмѣтки.

Мы сѣли въ купэ первыми. Иванъ Ивановичъ настоялъ, чтобы мы выбрали мѣста на правой сторонѣ поѣзда, такъ какъ, по его словамъ, верстъ за сто мы увидимъ Везувій, а видно его только справа. Перевалили мы черезъ Аппенины, проѣхали и половину пути, и три четверти, осталось, наконецъ, полчаса до прихода въ Неаполь, а никакого Везувія не показывалось: шли мелкія поросли лѣса, въ родѣ того, что растетъ въ Ингерманландіи,—и больше ничего. Иванъ Ивановичъ волновался, вертѣлъ, какъ попугай, во всѣ стороны головою и все повторялъ:

— Да, гдѣ же, наконецъ, Везувій, гдѣ?

За пять минутъ до остановки, англичанинъ съ Бедекеромъ поднялъ глаза на Ивана Ивановича и скевернымъ французскимъ языкомъ, но очень вразумительно сказалъ:

— Везувій все время былъ съ лѣвой стороны. Съ правой его никогда не было.

Иванъ Ивановичъ сконфузился и сталъ мнѣ говорить по-русски, что онъ узналъ про такой удивительный отель, какого я еще никогда не видывалъ, и что тамъ мои нервы навѣрно успокоятся и отъ дивнаго вида, и отъ чуднаго воздуха.

Багажъ мы сдали швейцару удивительнаго отеля, сами взяли коляску и поѣхали по городу, освѣщенному довольно-таки скудно. Сперва мы спустились съ горы къ морю. Здѣсь запахло тухлой рыбой и всякими отбросами. Затѣмъ мы поѣхали рыночными площадями, гдѣ пахло тухлымъ мясомъ и всякой разлагающейся зе-

ленью. Потомъ мы въѣхали въ великолѣпно освѣщенную улицу, но до того узкую, что пѣшеходамъ приходилось иногда заходить въ лавочку, чтобы не быть раздавленными нашимъ экипажемъ. Потомъ, мы въѣхали на большую площадь, гдѣ былъ памятникъ, электрическое освѣщеніе и по тротуарамъ бродили козы. Далѣе, мы поѣхали мимо великолѣпныхъ палаццо. Изъ садовъ смотрѣли огромныя пальмы, и здѣсь уже ничѣмъ не пахло, а просто было пыльно. Дорога пошла въ гору. Лошаденка выбилась изъ силъ. Вотъ и гостиница.

Мы голодны, какъ звѣри въ зоологическомъ саду: съ одиннадцати часовъ у насъ ничего не было во рту; оказывается, табльд'отный обѣдъ только что начался. Чувствую совершенно животное настроеніе, челюсти щелкаютъ. Иванъ Ивановичъ говоритъ, что кормятъ здѣсь образцово. Спускаемся по мраморной лѣстницѣ, которая ничуть не хуже Палаццо - Дураццо, потому что тоже идетъ безъ всякихъ поддержекъ, — и вдругъ слухъ мой поражается музыкой. Какой-то отчаянный теноръ выводитъ:

Sul mare luccica
L'astro d'argento,
Placida è l'onda,
Prospero è il vento...

Это «Santa Lucia», которая навязла у всѣхъ если не въ зубахъ, то въ ушахъ. Музыканты столпились у входа въ залу,—ихъ человѣкъ пять,—да еще съ ними нарумяненная дама. Продираюсь сквозь нихъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда теноръ беретъ необычайно высокую ноту.

Залъ переполненъ голодными англичанами. Передъ каждымъ стоятъ наполовину отпитыя бутылки позилиппо, везувіо, капри. Отъ шипучаго кіанти, которое такъ же плохо, какъ наши донскія вина,—сыны Альбіона воздерживаются. Насъ сажаютъ противъ англичанки, напоминающей лицомъ какую-то амфибію. Подаютъ жареныхъ голубей. А пѣвецъ въ дверяхъ надрывается:

O dolce Napoli,
O suol beato...

XX.

Я былъ бы доволенъ обѣдомъ, если бы не эти надрывающіе душу звуки. Гарсонъ меня успокоилъ, сказавши, что это только сегодня, и цѣлую недѣлю пѣть не будутъ. Я съ удовольствіемъ отдалъ пѣвцамъ лиру, удостовѣрившись, что они дѣйствительно пѣли только по случаю какого-то праздника.

Не безъ чувства наслажденія поднялся я наверхъ къ себѣ въ номеръ. Пѣніе смолкло; постель была самая привлекательная, съ изображеніемъ мурильевской Мадонны на спинкѣ изголовья. Я отворилъ дверь на балконъ. Теплый ночной воздухъ. Наверху, надъ городомъ, свѣтится Везувій и ползетъ изъ кратера огненная струйка лавы. Въ городѣ тишина. Я стою недвижно на балконѣ. И вдругъ изъ тьмы долетаетъ треньканье мандолины и другой дребезжащій теноръ выводитъ:

Na-po-li bel-lo mi-o,
Non te vedrag-gio chiu!

Захлопываю балконъ, закрываю ставни, а все-таки слышу отчаянное, изъ послѣднихъ силъ, восклицаніе:

Na-po-li mio si tu!

Тѣмъ не менѣе, ночь проходитъ въ тишинѣ и спокойствіи. Утромъ съ шести часовъ сосѣдка-англичанка начинаетъ мыться за дверью. Она полощется, какъ утка, и фыркаетъ, какъ пудель. Спать нельзя. Я отворяю ставни. Съ Везувія клубится легкій бѣлый паръ. Заливъ прозрачный, перламутровый. Въ розовомъ туманѣ плаваютъ бѣлые паруса. Вдали голубой полоской синѣетъ Сорренто. Внизу,

подъ балкономъ—кактусы и пальмы.

— Ѣдемъ кататься, — предлагаетъ Иванъ Ивановичъ.

Я безропотно соглашаюсь. Спускаемся внизъ съ горы,—и сразу охватываемся неаполитанскою грязью и вонью. Дома не оштукатурены, не окрашены, все разваливается, вездѣ провѣтривается бѣлье. Кое-гдѣ ходятъ голыя дѣти и полуголые взрослые. Макароны сушатся на солнцѣ, и ихъ обсыпаетъ липкая бѣлая пыль. Извозчики кричатъ, какъ птицы, рѣзкими гортанными звуками и понукаютъ лошадей, говоря «А-а!» такимъ тономъ, точно радостно изумляются тому, что у нихъ сзади растетъ хвостъ. Патеры ходятъ въ плюшевыхъ черныхъ шапкахъ, съ завернутыми по опереточному краями. Заѣзжаемъ въ акваріумъ. Особенно хорошъ одинъ изъ осьминоговъ: въ немъ замѣчается удивительное сходство съ нашей vis-à-vis по табль-д'оту: бѣлясой англичанкой. Англичане, для возбужденія аппетита, заставляютъ осьминога глотать крабовъ, что тотъ продѣлываетъ съ большимъ стараніемъ. Слѣпые, хромые, безногіе нищіе кричатъ и просятъ милостыню. А надо всѣмъ надъ этимъ — пыль, солнце и сѣро-пепельная вершина Везувія. Въ одно утро объѣздили все, что можно было объѣздить, смотрѣли въ трубу на все, на что только можно было смотрѣть. Иванъ Ивановичъ собирается вечеромъ въ театръ Санъ-Карло; а я сажусь писать записки.

Изъ записной книжки.

Неаполь ... марта 1896 г.

Осматривалъ городъ. Осматривалъ его внимательно, какъ осматриваютъ только англичане. Рѣшилъ издать собственный учебникъ географіи: всѣ наши изъ рукъ вонъ плохи. Въ существующихъ учебникахъ даются совершенно превратныя понятія дѣтямъ. Происходитъ это потому, что ихъ составители сочиняютъ географію на Пескахъ, на Плющихѣ, на Крещатикѣ. А я бы ихъ отправилъ изучать страну на мѣстѣ: на Сахалинъ, на Вандименову землю, на Попокатенетль. Какъ образецъ изложенія, попробовалъ представить въ общепонятной формѣ для милыхъ дѣтей описаніе Неаполя.

«*Неаполь* — главный городъ области того же названія, нѣкогда столица неаполитанскаго королевства. Въ немъ насчитывается 505 тысячъ жителей, изъ которыхъ болѣе трехъ четвертей — пріѣзжіе англичане со складными биноклями. Коренное населеніе занимается разными промыслами, отъ которыхъ очень дурно пахнетъ,—по крайней мѣрѣ, по набережной нельзя пройти—такъ несетъ саломъ, дегтемъ, ворванью, кожей и еще чѣмъ-то. Сложилась извѣстная поговорка: «Vedi Napoli e poi muori»,—это въ прямомъ отношеніи къ ароматамъ города: бывали случаи, что пріѣзжіе падали замертво, понюхавъ неаполитанскаго воздуха. Близъ Неаполя есть пещера, гдѣ даже собаки дохнутъ отъ живительнаго аромата побережья. Промышленность Неаполя заключается: а) въ торговлѣ кораллами, которыми надуваютъ англичанъ, б) въ содержаніи гостиницъ для англичанъ и в) въ извозномъ промыслѣ, такъ какъ англичане ѣздятъ безъ перерыва двадцать четыре часа въ сутки. Какъ на особенно замѣчательныя постройки Неаполя, можно указать на развалины Помпеи, которыя расширяются и улучшаются съ каждымъ годомъ,—а также на гору Везувій, гдѣ дѣятельно поддерживается изверженіе, а когда съѣзжается много туристовъ, то даже устраиваются землетрясенія и затопленіе лавой виноградниковъ».

Надѣюсь, образно и понятно? Мелочныя детали я опускаю, хотя онѣ

и интересны. Сегодня, напримѣръ, я попалъ въ мрачный туннель, который принято считать тридцать третьимъ чудомъ свѣта. Во мракѣ, слабо озаренномъ газовыми огнями, мелькали толпы вонючихъ итальянцевъ, ревѣли отчаянно ослы, блеяли бараны и козы, которыхъ гнали куда-то въ непроглядную темь. На огромныхъ колесахъ катились огромные возы, шарабаны сцѣплялись осями, щелкали бичи, ругались кучера, кричали прохожіе,—и весь этотъ гвалтъ покрывался громомъ поѣзда, проносившагося тутъ-же и наполнявшаго эту чортову дыру дымомъ и паромъ. На языкѣ культурнаго человѣка такое мѣсто называется однимъ изъ высшихъ проявленій цивилизаціи.

У ословъ — преумныя физіономіи. Ослы несомнѣнно понимаютъ и думаютъ больше насъ. Они флегматики, но иногда ихъ характеръ дѣлается холеричнымъ—они брыкаются и орутъ во всю мочь. Сегодня я видѣлъ осла ростомъ съ меделянскую собаку. Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и вдругъ, оскаливъ зубы, заревѣлъ благимъ матомъ. Потомъ онъ поднялъ одну изъ заднихъ ногъ и сталъ брыкать ею въ воздухѣ, какъ дѣлаютъ это капризныя дѣти. Изъ лавки въ это время выпрыгнулъ мальчишка, покрытый корою грязи, точно его выкопали изъ помпейской лавы, схватилъ огромную палку и треснулъ осла по спинѣ. Я думалъ, что онъ развалится пополамъ отъ такого удара, но вмѣсто этого онъ повеселѣлъ, сейчасъ же смолкъ и началъ не безъ удовольствія помахивать хвостикомъ.

Вообще, здѣсь всѣ ослы избиты и изранены. Но чѣмъ оселъ болѣе избитъ, тѣмъ онъ веселѣе и жизнерадостнѣе. Особеннаго ослоненавистничества у неаполитанцевъ я не замѣтилъ, но странно было бы удивляться, что ослики исполосованы отъ ударовъ, когда хозяева исполосованы не менѣе: у всѣхъ у нихъ шрамы на физіяхъ, выколоченные зубы, разбитые глаза и проч. На все это смотрятъ какъ на естественныя украшенія природы, какъ на потоки лавы, нанесенные Везувіемъ.

Сегодня вспомнилъ анекдотъ про знаменитую итальянку-танцовщицу. Пріѣхала въ Петербургъ, танцовала съ огромнымъ успѣхомъ. Черезъ мѣсяцъ спрашиваютъ ее, привыкаетъ ли она къ нашимъ обычаямъ.

— О, да,—говоритъ,—теперь я каждый день мою мыломъ руки и шею.

Вспомнилъ я это, глядя на дамъ въ зеленыхъ бархатныхъ платьяхъ съ кружевами. Ѣдутъ, развалясь въ ландо. Руки въ длинныхъ кирпичныхъ перчаткахъ. А подъ перчатками—руки!..

XXI.

Вечеромъ радостная встрѣча: археологъ съ сестрицей насъ разыскали.

— Въ Римѣ не были?

— Были, все видѣли.

— Виллу Боргезе?

— Зачѣмъ? Рафаэль въ Ватиканѣ такой же, какъ въ Боргезе. Варіаціи на ту же тему.

— Ужасно! Ужасно! Что вы говорите! Отдаете ли вы себѣ въ этомъ отчетъ?

— Вполнѣ. По тремъ картинамъ Рѣпина — я чувствую всѣ остальныя его работы. По одному разсказу Мопассана—я знаю дальнѣйшія его вещи.

У археолога какъ-то волнуется животъ. Цѣпочка у него на жилетѣ вздрагиваетъ, какъ отъ землетрясенія.

— Когда же въ Помпею?

— Завтра.

— И мы завтра. Я вамъ покажу массу интереснаго.

— Зачѣмъ же вамъ безпокоиться? Я возьму гида.

— Гиды врутъ.

— Это ничего. Если врутъ интересно, то Господь съ ними.

— Вы никогда въ Помпеѣ не были?

— Никогда.

— Васъ ждутъ неизвѣданныя наслажденія. Вы увидите трупы помпеянцевъ въ тѣхъ корчахъ, какъ ихъ захватило изверженіе.

— Я трепещу, я трепещу отъ восторга,—говоритъ сестрица.

— А я изнываю отъ жары, — говорю я, потому что у меня ватное пальто.

Условливаемся пріѣхать въ Помпею на томъ поѣздѣ, который приходитъ туда въ первомъ часу. Я соглашаюсь тѣмъ охотнѣе, что надѣюсь уговорить Ивана Ивановича не ѣздить по желѣзной дорогѣ.

* *
*

Мы поѣхали на лошадяхъ. Гостиница отпустила намъ отличное ландо въ шорной закладкѣ. Сейчасъ же запахло рыбой и мясомъ. Когда мы миновали центръ Неаполя, къ этимъ запахамъ еще присоединился запахъ свѣжихъ кожъ, которыя сушились на солнцѣ. По бокамъ экипажа скакали чумазыя дѣвчонки и хватали насъ за руки, прося подаянія. Городъ не кончался. Когда проѣхали Неаполь, начался Портичи, потомъ Резина, потомъ Торре-дель-Греко; и все это по одинаково скверной мостовой. Прошелъ и часъ, и другой, а мы все ѣхали,—то мимо виллъ съ пальмовыми лѣсами, то по грязнѣйшимъ улицамъ съ уродливыми статуями мадоннъ и Гарибальди, которыхъ чтутъ итальянцы съ одинаковымъ почтеніемъ. У меня заболѣли спина и бока отъ безпрестанныхъ толчковъ, да и лицо Ивана Ивановича отчасти утратило всякую пріятность. Солнце поджаривало все сильнѣе, пыль становилась все гуще, пейзажъ—все сѣрѣе и печальнѣе.

Наконецъ, мелькнулъ вдали гостепріимный кровъ гостиницы. И швейцаръ, и лакеи, и самъ управляющій въ синихъ очкахъ встрѣтили насъ съ такой предупредительностью, такъ осматривали, точно имѣли противъ насъ давно затаенные виды. Первое впечатлѣніе, что какъ-нибудь, да ужъ оберутъ насъ здѣсь, — оказалось впослѣдствіи пророческимъ.

Пока мы завтракали—ѣли полусырые макароны съ томатомъ,—пришелъ поѣздъ. Первыми влетѣли археологъ съ сестрицей: точно ими выпалили изъ пушки. Увидя насъ, они пришли въ изумленіе.

— Какъ? Вы уже здѣсь?

— Такъ, мы уже здѣсь.

— На какомъ же поѣздѣ?

— На лошадяхъ.

Братъ съ сестрой посмотрѣли другъ другу въ глаза долгимъ взглядомъ и тяжело вздохнули.

— Ну, мы завтракать не будемъ и двинемся.

— Я ужъ нанялъ гида, — объяснилъ я.

— И все-таки я съ вами пойду.

И все-таки они съ нами пошли. У входа, итальянскія монахини собирали на бѣдныхъ. Травкинъ такъ разсердился при видѣ ихъ, что чуть не замахнулся на нихъ палкой.

— У насъ своихъ много бѣдныхъ, своихъ!—крикнулъ онъ одной изъ нихъ въ лицо, такъ что она попятилась и пробормотала что-то, должно-быть, мало соотвѣтствующее ея положенію.

Въ самыхъ воротахъ, онъ было остановился и началъ разсказывать ихъ исторію. Но я вѣжливо приподнялъ шляпу и просилъ все это разсказать сестрицѣ, а не мнѣ. Мнѣ ничего не надо разсказывать. Я прошу только гида вести меня туда, гдѣ я хочу быть, показывать мнѣ только то, что я хочу смотрѣть.

И я смотрѣлъ Помпею, смотрѣлъ

внимательно, долго смотрѣлъ. И предо мною оживали и проносились образы давно минувшаго. И возставали они совсѣмъ не такими, какъ изображаютъ ихъ на картинкахъ наши пресловутые художники, а такими, какими они глядѣли на меня со стѣнъ Помпеи. Передо мной вставала ихъ жизнь, не театральная, нелѣпая, придуманная, а такая, какой она была въ самомъ дѣлѣ, тутъ, среди этихъ самыхъ стѣнъ стараго города.

Я хочу здѣсь изложить все то̀, что я почувствовалъ, чѣмъ я проникся въ Помпеѣ.

Огромное пространство города. Городъ былъ провинціальный, довольно далеко расположенный отъ Рима. Даже не приморскій портъ, а просто городъ, съ тридцатью тысячами населенія. Отношеніе его къ Риму несомнѣнно было такое же, какъ, напримѣръ, отношеніе Коломны или Торжка къ Москвѣ. Насколько мы можемъ по жизни Торжка судить о Москвѣ, настолько же мы можемъ судить по домамъ Помпеи о Римѣ. Ученые рѣшили, что въ Римѣ живописцы были слабѣе скульпторовъ, потому что живопись стѣнъ Помпеи слабѣе ея скульптурныхъ работъ. Очень можетъ быть. Но пусть мнѣ ученые докажутъ, что столовыя въ Помпеѣ расписывались не малярами-рабами, а дѣйствительными художниками, а статуи не были привезены изъ Рима. Вѣдь стѣну нельзя было привезти ни откуда, поэтому слѣдовало довольствоваться мѣстными живописцами, какъ Торжокъ довольствуется своими малярами. А статуи привозились въ сохранности даже изъ Греціи. Ученые утверждаютъ, что бюсты въ помпейскихъ домахъ представляютъ портреты домовладѣльцевъ, а я заявляю, что это портреты ихъ дядей - сенаторовъ. Когда я сказалъ это Травкину, онъ, по обыкновенію, изумился, поднялъ брови и сказалъ:

— Почему же дядей?

— А почему же нѣтъ? Можете вы утверждать, что это не дядя домовладѣльца, не старшій представитель рода? Вѣдь вашъ домовладѣлецъ былъ прямымъ наслѣдникомъ его, потому что онъ былъ бездѣтнымъ.

— Бездѣтнымъ? — машинально, но серьезно повторилъ археологъ.

— Да, бездѣтнымъ. Онъ аккуратно, три раза въ годъ, ѣздилъ поздравлять дядю съ праздниками и съ наградами по службѣ. Особенно когда онъ получилъ за редактированіе законовъ объ уравненіи денежныхъ знаковъ должность управляющаго государственнымъ монетнымъ дворомъ. Вы знаете, гдѣ былъ монетный дворъ въ Римѣ?

— Не знаю.

— И я не знаю. Но знаю, что онъ былъ, потому что монеты чеканились. Вѣдь онѣ чеканились?

— Чеканились, — уныло отвѣтилъ онъ, и стеръ потъ съ затылка.

XXII.

Въ римлянахъ, какъ и въ грекахъ, чувство красоты жило гораздо болѣе, чѣмъ въ насъ. Каждая шпилька, каждое зеркальце представляетъ изъ себя вещь несравненно болѣе художественную, чѣмъ все наше теперешнее производство въ этомъ родѣ. Римлянинъ любилъ пестроту, яркость красокъ. Не вѣрьте, что блѣдныя мраморныя стѣны служили его обстановкой. Посмотрите Помпею. Каждый уголокъ на стѣнѣ расписанъ цвѣтисто и ярко. Даже колонны двухцвѣтныя — наполовину красныя, наполовину желтоватыя. Полъ пестрый, да и потолки расписные. А тамъ, гдѣ вмѣсто потолка было отверстіе, — оно задергивалось цвѣтною занавѣсью или покрывалось фонаремъ со стеклами. Посрединѣ дома былъ разведенъ садъ, били фонтаны, стояли скамейки. Все это

было миніатюрно: велики были только форумы да театры, но жилось тамъ хорошо и уютно.

Художники очень любять рисовать римлянъ босикомъ или въ сандаліяхъ съ открытыми пальцами. А античные художники изображали такъ только боговъ. Посмотрите на фрески Помпеи. Играютъ двое голыхъ ребятъ, мать на нихъ смотритъ,—мать въ башмакахъ, въ обыкновенныхъ глухихъ башмакахъ. Даже летящія въ небѣ фигуры, и тѣ носятъ довольно высокіе сапоги и вообще одѣты не очень эѳирно. Аполлонъ, играющій на лирѣ, какъ и надлежитъ Аполлону, совсѣмъ раздѣлся, но на голову, тѣмъ не менѣе, надѣлъ шапку: на солнцѣ безъ шапки нельзя. Еще дома сидятъ въ легкой обуви, а чуть на улицу—полусапожки.

Первое, что мнѣ кинулось въ глаза,—водопроводъ. Всюду вода, всюду трубы, всюду фонтаны. Я не буду говорить о Торжкѣ и его водопроводахъ, — кстати, я тамъ никогда не былъ, — но я знаю навѣрно, что Парижъ далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ снабженъ водою.

Посмотрите ихъ бани. Баня для бѣдныхъ; термы для мужчинъ съ холодной и теплой водой; бассейнъ для плаванія; отдѣльно—такія же женскія бани. Совершенно особое отдѣленіе для лицъ, отъ которыхъ можно было заразиться болѣзнью: они изолированы глухой стѣной.

Я уже не хочу упоминать о Торжкѣ и Парижѣ,—въ обоихъ городахъ бани плохи. Но въ Москвѣ такъ ли оно раціонально?

Травкинъ кувыркался отъ восторга въ этихъ баняхъ. Сестрица только шептала:

— Боже мой, Боже мой!

И всплескивала руками.

— Мозаика, мозаика! — кричалъ Травкинъ и нюхалъ мозаику.—Какой подборъ цвѣтовъ? А? А?

Храмъ Изиды и всего сонма боговъ меня мало интересовалъ. Я ясно не представляю себѣ этихъ храмовъ, потому что не знаю самаго культа, да и никто не знаетъ. Правда, Травкинъ увѣрялъ, что онъ отлично знаетъ, но я не повѣрилъ. Но то, что восхищало и удивляло его, мнѣ казалось простымъ. Меня удивляло раціональное устройство всего того, о чемъ мы теперь хлопочемъ и чего не можемъ достигнуть. Если сравнить домъ Помпеи съ домомъ любого неаполитанскаго жителя, современнаго намъ, если показать эти дома какому-нибудь археологу съ какой-нибудь планеты, я убѣжденъ, что онъ признаетъ древнихъ римлянъ преемниками нынѣшнихъ итальянцевъ, а не наоборотъ.

Я стоялъ надъ огромнымъ театромъ и думалъ: «удивительное дѣло, въ Comédie Française до сихъ поръ дурно видно изъ третьяго ряда креселъ, а въ помпейскомъ театрѣ до Рождества Христова было видно одинаково хорошо изо всѣхъ мѣстъ. Въ театрѣ Санъ-Карло душно, а здѣсь всегда было прохладно, потому что вмѣсто потолка висѣли намёты изъ ткани, прикрывавшей отъ солнца, но дававшей просторъ естественной вентиляціи. И мнѣ представилась итальянская толпа, съ ея нѣжнымъ, сангвиническимъ темпераментомъ, пестрѣвшая здѣсь, по ступенькамъ амфитеатра, покупавшая апельсины и воду у продавцовъ, награждавшая аплодисментами артистовъ, вмѣсто вечернихъ газетъ выслушивающая извѣстія, привезенныя изъ Рима вечернимъ вѣстникомъ.

Я шелъ по улицамъ, по тѣмъ мостовымъ, на которыхъ явственно остались глубокія колеи отъ ѣхавшихъ колесницъ,—точно сейчасъ онѣ только прокатились и глубоко вдавили разрыхленные камни. Мнѣ казалось, я

вижу этотъ день, когда лава нахлынула на городъ, засыпанный пепельнымъ дождемъ, и обняла своими сѣрыми потоками всѣ улицы, переулки, дома, мелчайшіе закоулки. Эта скорченная отъ боли собака, съ вытянутыми лапами, старикъ съ оскаленными зубами, двѣ женщины, найденныя на одной постели,—всѣ эти трупы, снесенные въ одну залу,—мнѣ были ясны, жалки и понятны. Но мнѣ вспомнился «Послѣдній день Помпеи», и я не узналъ ни одной детали Брюллова во всей панорамѣ Помпеи. Тутъ я вижу реальную жизнь, тамъ—дѣланную и театральную.

Гидъ съ археологомъ стали сразу въ самыя натянутыя отношенія. Сестрица до того возненавидѣла итальянца, что, казалось, хотѣла его поглотить, какъ лава. Но гидъ лукаво улыбался и, подтрунивая надъ знаніемъ «синьйора русса», вдругъ спросилъ:

— А какой, по-вашему, домъ, наиболѣе сохранившійся въ Помпеѣ?

Травкинъ нахмурилъ брови и сказалъ, что въ Россіи каждый ребенокъ знаетъ, что вотъ такой-то.

Тогда гидъ хлопнулъ въ ладоши и захохоталъ.

— Синьйоръ руссо плохой археологъ,—сказалъ онъ,—я совѣтую ему довѣриться спеціальному проводнику. Самая интересная вещь—Casa nuova.

— Casa nuova? Какая Casa nuova?

— А-а! вотъ вы даже не слыхали.

— Онъ лжецъ, наглый лжецъ! — заявила сестрица.

Но наглый лжецъ пригласилъ всѣхъ слѣдовать за собою. Онъ привелъ насъ туда, гдѣ только что были окончены раскопки и откуда еще не было взято вещей въ неаполитанскій музей. Травкинъ до того былъ пораженъ, что растерялъ свой зонтикъ и платокъ.

— Это что-то новое, новое...—бормоталъ онъ.

— Точно вчера здѣсь жили, посмотрите, — говорилъ проводникъ. — Вотъ ихъ садикъ, вотъ фонтаны, вотъ статуэтки. Здѣсь, за колоннами, дверь. На верандѣ столики и стулья. Посмотрите, какъ отдѣланы комнаты. Тутъ все военныя сцены, тутъ морскія битвы, тутъ миѳологія. Это домъ Веттіевъ, — очень богатыхъ и знатныхъ помпеянъ.

Травкинъ тыкается изъ угла въ уголъ. Онъ смотритъ статуэтки, стѣнную живопись, мозаику, колонны. За нимъ неотступно бѣгаетъ сестрица. Проводникъ разсказываетъ что-то о триклиніумахъ и пріемныхъ комнатахъ, а мнѣ почему-то кажется, что здѣсь былъ шахматный клубъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Много комнатъ-кабинетовъ, гдѣ можно посидѣть, поговорить, закусить и выпить. Въ садикѣ тоже столики. Отлично устроенная кухня подъ бокомъ. Нигдѣ не замѣтно спаленъ, пріемныхъ комнатъ, большихъ триклиніумовъ.

Гидъ торжествуетъ—онъ побѣдилъ!

XXIII.

Мы идемъ назадъ. Травкинъ идетъ безъ шляпы. У сестрицы шляпа съѣхала на затылокъ. Къ намъ пристаетъ собачонка, мохнатая, веселая, которая тащитъ за лапу огромную зеленую ящерицу. Ящерица вполнѣ покорилась своей участи и недвижно виситъ изъ собачьяго рта, дожидаясь того момента, когда псу благоугодно будетъ ее выпустить. Она знаетъ, что непріятное путешествіе по развалинамъ — только слѣдствіе веселаго характера песика, а прихотямъ сильныхъ надо покоряться.

Я вынимаю пять лиръ для гида.

Повторяется римская сцена.

— Что? — восклицаетъ онъ. — Да развѣ пять лиръ даютъ когда-нибудь

проводникамъ? У меня, милостивый государь, пять дочерей, я ихъ всѣхъ долженъ содержать, а вы мнѣ даете пять лиръ! Десять лиръ — это самое нищенское вознагражденіе.

Чтобъ отъ него отвязаться, вынимаю десять лиръ, онъ моментально ихъ выхватываетъ у меня изъ рукъ и прячетъ вмѣстѣ съ прежними деньгами въ жилетный карманъ.

— Искренно благодарю васъ,—говоритъ онъ, и чтобъ у него не отняли ихъ, бѣгомъ кидается впередъ.

Травкинъ обалдѣлъ. Онъ идетъ, ничего не понимая. У выхода онъ уже не сердится на монахинь, а внимательно смотритъ каждой въ лицо и говоритъ:

— Да, это удивительно!

Лакей въ гостиницѣ заявляетъ, что нашъ кучеръ завтракаетъ, и пока онъ не кончитъ, ѣхать нельзя. Нечего дѣлать, приходится и намъ завтракать, тѣмъ болѣе, что вязкіе макароны меня не удовлетворили.

– Вы знаете, — говорилъ Травкинъ, — что еще осталось на семьдесятъ лѣтъ работы, для того, чтобы отрыть всю Помпею, — если работы будутъ вестись такъ же энергично и безостановочно, какъ теперь. И черезъ семьдесятъ лѣтъ весь городъ предстанетъ передъ нашими глазами...

— Ну, мы-то къ тому времени давно сгніемъ, сложивъ лапки и повернувшись кверху брюшкомъ,—замѣтилъ я.

Этотъ аргументъ поразилъ братца съ сестрицей. Они посмотрѣли другъ на друга и рѣшили, что еще семидесяти лѣтъ имъ, пожалуй, и не прожить.

— Знаете, — продолжалъ я, — если бы я былъ художникомъ въ родѣ Альмы Тадема, Семирадскаго, Бакаловича— всѣхъ тѣхъ, что рисуютъ античную жизнь, какихъ бы сюжетовъ я повыбралъ изъ этой жизни?

— А ну-ка?

— Вы видѣли приборы для рванья зубовъ въ неаполитанскомъ музеѣ? Очевидно, зубные врачи имѣли пріемные часы. Вотъ бы я и изобразилъ пріемную у такого врача. Чиновникъ съ флюсомъ, подвязавши щеку, сидитъ у двери. Мамаша съ дочкой пришли снять винный камень съ зубовъ. Дочка строитъ глазки молодому офицеру, который сломалъ зубъ, упавъ съ лошади, а потому желаетъ его или вставить, или подпилить.

Сестрица возмутилась.

— Какая же это античная жизнь?

— Такая же, какъ наша. Вѣдь зубы у нихъ также болѣли.

— Нѣтъ,—подтвердилъ братецъ,— это вы такъ шутите, конечно; это все благерство.

— Нѣтъ, позвольте. Затѣмъ — судъ у мѣстнаго мирового судьи. Обвиняется сенатскій чиновникъ, заѣзжій грекъ и какой-то восточный человѣкъ въ буйствѣ, произведенномъ въ публичномъ мѣстѣ, съ разбитіемъ посуды и прочаго. Судья приговариваетъ ихъ къ пенѣ въ пользу пріюта дѣтей воиновъ, павшихъ во второй кареагенской войнѣ. Свидѣтели — очень хорошенькія дѣвушки и дворники при увеселительномъ заведеніи. Почему этотъ сюжетъ менѣе жизнененъ, чѣмъ картина: «Ваза или дѣвица?» Помните такую?

— Это, знаете, какъ-то того,—сказалъ Травкинъ.

— Затѣмъ: возвращеніе изъ театра. Проливной дождикъ. Дамы подобрали свои платья насколько возможно Зонтики промокли· знаете, эти восточные нескладные зонтики. Къ довершенію всего, по улицѣ ѣдетъ колесница и брызжетъ грязью.

— Да развѣ въ этомъ заключалась античная жизнь? — вдругъ закричалъ Травкинъ. — Вѣдь это были великіе законодатели, мыслители, политики!

— Да развѣ въ этомъ античная жизнь?—какъ эхо повторила сестрица.

— Прекрасно, — продолжалъ я. — Вотъ вамъ еще мотивъ. Сенаторъ просматриваетъ бумаги, принесенныя секретаремъ. Одну бумагу слѣдуетъ переписать еще разъ. Въ секретарѣ долженъ быть типъ человѣка просидѣвшаго три кожаныхъ стула. Сенаторъ-дѣлецъ-администраторъ, съ широкимъ свѣтлымъ взглядомъ на законоположеніе. Его кабинетъ — огромная библіотека, архивъ со всевозможными справками. Рабочій столъ, корзина для ненужныхъ бумагъ, восточные ковры, статуи—вотъ что нужно угадать художнику...

Травкинъ крутилъ головою и спрашивалъ:

— А гдѣ же красота?

— Красота въ правдѣ,—говорилъ я.

— Ой, нѣтъ, нѣтъ! — закричала сестрица и замахала руками.—Правда—это ужасно.

— Вы предпочитаете ложь?—вставилъ свое замѣчаніе Иванъ Ивановичъ, который былъ голоденъ и ѣлъ безостановочно.

— Я называю ложью,—продолжалъ я, — произведенія художниковъ, у которыхъ греки и римляне изображены не желтыми и загорѣлыми, а бѣлыми и румяными. Я считаю ложью появленіе женщинъ въ обществѣ мужчинъ въ полураздѣтомъ видѣ. Вонъ посмотрите въ неаполитанскомъ музеѣ статую матроны. Она такъ одѣта, что хоть сейчасъ въ любой нашъ салонъ или на раутъ. Жизнь римлянъ гораздо проще, чѣмъ думаютъ всѣ эти господа, если они вообще о чемъ-нибудь думаютъ. А впрочемъ, я постоянно говорю, что считаю себя профаномъ и ничего не понимаю во всемъ этомъ.

Кучеръ позавтракалъ. Мы должны были заплатить за его ѣду. Ивану Ивановичу долго не несли сдачу; затѣмъ дали ему красную бумажку въ двадцать пять лиръ, на которой былъ изображенъ Данте и богиня, представляющая Италію.

— А вѣдь это фальшивая бумажка,—сказалъ я.

Травкинъ, какъ археологъ, заявилъ, что онъ помнитъ въ Италіи такія бумажки, и что онѣ настоящія.

Черезъ четверть часа мы разстались. Травкинъ, пожимая мнѣ руку, говорилъ:

— Я съ вами не согласенъ: античная старина—это красота.

— И я того же мнѣнія, — сказала сестра. Очевидно, она подъ античной стариной разумѣла себя и думала, что она красива.

Опять загромыхало ландо по античной мостовой, опять пыль стала набиваться въ ноздри и въ уши. Когда мы въѣхали въ Неаполь, Иванъ Ивановичъ велѣлъ остановиться передъ большой аптекой: ему послѣ помпейскаго завтрака понадобилось купить желудочныхъ капель.

— Ты размѣняй красную бумажку,—крикнулъ я ему вслѣдъ.

Возвратился онъ болѣе кислымъ, чѣмъ пошелъ.

— Бумажка не фальшивая, — заявилъ онъ,—а только тосканскій банкъ давно уже прекратилъ операціи, и бумажки его не ходятъ. Мнѣ указали контору, которой принадлежитъ помпейскій ресторанъ. Поѣдемъ туда ругаться.

— Поѣдемъ.

Пріѣхали. Вѣжливо объясняемъ: вотъ что произошло три часа тому назадъ въ подвѣдомственномъ имъ учрежденіи.

Конторщикъ смотритъ на бумажку подозрительно.

— Что же наша контора можетъ вамъ сдѣлать?

Тогда я мягко намекаю на то, что вся эта исторія называется мошенничествомъ и обирательствомъ иностранцевъ.

Другой конторщикъ на англійскомъ языкѣ говоритъ своему товарищу:

— Скажите, что кассиръ ушелъ и чтобъ они зашли завтра.

Къ счастью, Иванъ Ивановичъ не забылъ по-англійски и потому замѣчаетъ на томъ же языкѣ:

— У насъ нѣтъ времени таскаться по вашимъ конторамъ изъ-за того, что ваши трактирщики — мошенники. Потрудитесь размѣнять сейчасъ же.

Оба конторщика краснѣютъ, и мѣняютъ ассигнацію.

* *
*

Вопросъ: что же мои нервы? успокоились, или нѣтъ. Не знаю. Мнѣ скучно, тоскливо. Скучно по воскресеньямъ, когда звонятъ во всѣхъ церквахъ, ни дать ни взять въ нашей Москвѣ. Скучно сидѣть за табль-д'отнымъ столомъ и смотрѣть на англичанъ, которые даже во время ѣды разсматриваютъ планы и карты. Скучно спать. Намекаю Ивану Ивановичу, не пора ли уѣзжать, но онъ не хочетъ. Зоветъ меня на Капри. Что мнѣ дѣлать на Капри? Красивые тамъ виды? Вѣрю я въ это, вполнѣ вѣрю. Но почему нужно непремѣнно любоваться этими видами? Зачѣмъ я поѣду въ голубой гротъ, когда я вполнѣ вѣрю въ его существованіе и ни на волосъ имъ не интересуюсь, хотя бы онъ былъ даже не голубой, а всѣхъ цвѣтовъ спектра. А главное—мандолины и гитары. Вѣдь и въ Помпеѣ, во время завтрака, бродячіе рапсоды въ потертыхъ сюртукахъ пѣли о Dolce Napoli и о прочемъ.

XXIV.

Нѣтъ! Довольно! Больше я не могу этого вынести!

Я не могу, просыпаясь каждый день, подходить къ окну, видѣть божественный Неаполь и думать: «Vedi Napoli e poi muori». Я ненавижу всѣми силами души этотъ лиловый заливъ, эти бѣлые кубики игрушечныхъ домовъ, вѣчный дымъ надъ Везувіемъ, вѣчное хлопанье бичей, вѣчно безоблачное небо. Внизу, въ садикѣ, подъ пальмой, всегда утромъ сидитъ нянька съ полосатымъ синимъ зонтикомъ и играютъ золотушныя англійскія дѣти. Ревъ осла проникаетъ мнѣ въ самую душу, и въ его отчаянномъ воплѣ я чувствую тотъ же протестъ, что живетъ во мнѣ и только не разрѣшается гармоничнымъ, естественнымъ ревомъ. Я уже не выхожу изъ отеля, потому что грязь, вонь и гамъ улицъ выводятъ меня изъ себя. Здѣсь, наверху, сравнительно тихо. Разъ въ полчаса прокатится подъ окнами поѣздъ парового трамвая, отчего задрожитъ весь домъ и зазвенятъ стекла, и все опять смолкнетъ на полчаса. Къ счастью, у оконъ нашлись четырехстворчатыя зеленыя ставни: я ими закупориваюсь снаружи, и тогда вой шарманокъ, пѣсенъ про Маргариту и крикъ ословъ кажутся болѣе отдаленными. За англичанъ мнѣ дѣлается все стыднѣе,—а имъ это все равно, — они попрежнему жрутъ за завтракомъ свои тартинки и пьютъ терпкій везувіо, думая, что это олимпійскій нектаръ. Я ужъ пробовалъ дать имъ понять все неприличіе ихъ поведенія: спросилъ себѣ вмѣсто завтрака бри, масла и бутылку шампанскаго. Я все это уничтожилъ, глядя имъ прямо въ глаза, пока они ѣли макароны, индѣйку съ мускатнымъ орѣхомъ и жаренаго голубя. Но они смотрѣли на меня невозмутимо. Только рыжая англичанка осклабилась и сказала про меня мужу:

— Онъ, вѣрно, сегодня лазилъ на Везувій.

Комната моя опротивѣла мнѣ болѣе всего. Я знаю, что въ ней двѣнадцать шаговъ отъ балконной двери до входа, а поперекъ ходить нельзя, потому что стоитъ кровать головой къ стѣнѣ и хвостомъ къ серединѣ комнаты. Я знаю, что отъ верхняго ящика комода пах-

нетъ іодомъ, — вѣроятно, предыдущій постоялецъ мазался этимъ милымъ составомъ. Въ потолкѣ два крючка для неизвѣстной надобности. Съ каждымъ днемъ, впрочемъ, ихъ надобность все болѣе выясняется: если закинуть на любой изъ нихъ веревку, то можно повѣситься съ несомнѣннымъ комфортомъ. Вдобавокъ въ нижнемъ ящикѣ комода нашлось аршинъ пять хорошей, крѣпкой бечевы: если выпустить стулъ изъ-подъ ногъ постепенно, а не сразу, она выдержитъ, и можно съ успѣхомъ повисѣть нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ соберутся выломать дверь.

Поймавъ себя въ третій разъ на этой мысли, я вдругъ понялъ, что довольно,—и что путешествіе произвело должное дѣйствіе на мою нервную систему. И вотъ, подъ вліяніемъ этого вывода, я внезапно вошелъ въ комнату Ивана Ивановича.

Иванъ Ивановичъ спалъ на кровати съ высокимъ изголовьемъ, на которомъ было изображено такое же мурильевское «Зачатіе», какъ и на моей. При моемъ входѣ, онъ открылъ глаза и спросилъ съ испугомъ:

— Что случилось?

— Я пришелъ тебѣ сказать,—началъ я, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе, но это у меня не выходило,—что я собрался уѣхать отсюда, и уѣду сегодня же.

— Куда?—еще болѣе изумился онъ.

— Въ Піу-Харью, въ Петербургъ, въ Японію,—не знаю куда.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что я порядочный человѣкъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ быть такимъ, и потому не имѣю права, ни съ того ни съ сего, жить въ Италіи, заставлять таскать меня разнымъ животнымъ съ горы на гору, увѣрять, что мнѣ необходимо видѣть Помпею, и продѣлывать сотни другихъ пошлостей.

— Да вѣдь всѣ ихъ продѣлываютъ!

— Ну, и чортъ съ ними. Пусть они продѣлываютъ, а мнѣ не надо.

— Да вѣдь тебѣ отдыхъ предписанъ!

— А здѣшній кофе съ молокомъ отдыхъ? А рыжіе англичане—отдыхъ? А шарманки и «Маргарита»—отдыхъ? Ты поступай, какъ знаешь, но сегодня ночью я отсюда уѣзжаю.

Иванъ Ивановичъ спустилъ ноги съ кровати.

— Душенька, подождемъ только до завтра,—молящимъ голосомъ заговорилъ онъ,—только до завтра.

— Я поѣду сегодня, оставь меня, ради Создателя.

Иванъ Ивановичъ съ обидою опять подобралъ подъ себя ноги.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжай одинъ.

— Хорошо.

Иванъ Ивановичъ обидѣлся. Онъ молча началъ одѣваться. Съ грустью расчесалъ свои усы, проговорилъ словно про себя: «сегодня надо побриться», и надѣлъ свой неизмѣнный цилиндръ.

— Твой характеръ, мой другъ, ужасенъ,—заговорилъ онъ, такъ морщась, какъ будто по ошибкѣ, вмѣсто своего кюммеля, хватилъ уксусу.—Я теперь вполнѣ понимаю, почему твоя жена такъ настаивала на этомъ путешествіи. Только зачѣмъ она меня обрекла на такую пытку?

Онъ ушелъ. Я живо уложился, спросилъ счетъ. Два раза для этого подымался на лифтѣ. Позавтракалъ, переговорилъ съ хозяйкой и, наконецъ, дождался того момента, когда разные «факины» понесли мой багажъ. Но тутъ я какъ разъ вспомнилъ, что мой паспортъ у Ивана Ивановича. Впрочемъ, останавливаться было поздно; я написалъ ему записку: «Уѣзжаю. Высылай паспортъ въ Венецію, до востребованія».

Не знаю, какую физіономію скорчилъ онъ, возвратившись домой, но я чувствовалъ себя невообразимо хоро-

шо, вырвавшись изъ заколдованнаго круга ревущихъословъ, вонючихъ шкуръ и мандолинистовъ. Грязныя станціи, могущія соперничать только съ Gare du Nord въ Парижѣ, промелькнули длинной вереницей. Вечеромъ въ Римѣ я съѣлъ какой-то полухолодный обѣдъ и дождался, наконецъ, того, что весь буфетъ потушили, а на тотъ столъ, за которымъ я сидѣлъ, навалили вѣнскихъ стульевъ. Это хорошая предосторожность: я самъ видѣлъ, какъ на одномъ московскомъ вокзалѣ, съ одиннадцати часовъ вечера, лакеи спятъ на тѣхъ самыхъ столахъ, на которыхъ мы ѣдимъ. Постель мнѣ была уже оставлена по телеграммѣ, и я въ полночь спалъ тѣмъ сномъ невинности, какимъ только можетъ спать человѣкъ, не имѣющій вида на жительство.

XXV.

Утромъ я проснулся среди крутыхъ горныхъ вершинъ Аппениновъ. Поѣздъ несся надъ облаками, то ныряя въ туннели, то вылетая на мосты и віадуки, и снова окутываясь въ туманъ. Горный воздухъ, несмотря на сырость, былъ удивителенъ. Флоренція, куда такъ собирался меня тащить Иванъ Ивановичъ, чтобы показать дворецъ Уфицци, къ счастію, осталась назади, и мы уже были ближе къ Болоньѣ.

Наконецъ, и горы отошли назадъ, и мы покатились по влажной равнинѣ, за которой серебрились неясной полосой лагуны Адріатики. Облака, уже морского характера, запестрѣли и заносились въ воздухѣ. Вотъ дамба, мутно-зеленая вода. Вотъ вокзалъ.

— Факино! Факино!

Факино воротятъ морду и не хотятъ слушать. Какіе-то рослые блузники стоятъ, заложа руки въ карманы штановъ, и сонно смотрятъ на меня. Я показываю имъ «уну лиру», но никто не трогается съ мѣста; я беру тогда въ руки свой багажъ и иду на подъѣздъ. Выбираю швейцара пожирнѣе, полагая, что чѣмъ жирнѣе песъ, тѣмъ лучше ему живется. Швейцаръ строго объявляетъ, что гостиница его перваго ранга и что лучшаго вида на большой каналъ, какъ отъ нихъ, нѣтъ во всей Венеціи.

Подплываетъ длинная черная стерлядь съ глупымъ носомъ крючкомъ, меня сажаютъ на черную сафьянную подушку и обкладываютъ чемоданами. Вокругъ, на такихъ же стерлядяхъ, сидятъ дамы, тоже съ чемоданами, и чему-то радуются. Изъ дверей сосѣдней церкви выглядываетъ какой-то Плюшкинъ въ халатѣ и недоброжелательно смотритъ и на стерлядей, и на дамъ, и на меня. Это, должно-быть, ключарь или понамарь,—но во всякомъ случаѣ съ необыкновенно скупой физіономіей. Гондолы покачиваются, швейцары кричатъ, солнце паритъ и золотыми, огненными кружка́ми горитъ на водѣ. Въ воздухѣ виситъ желѣзный мостъ. Небо голубое, хорошее. Отчего бы здѣсь и не жить?

Ударъ весломъ, другой, третій. Слегка покачиваясь то вправо, то влѣво, гондола описываетъ полукругъ и врѣзается въ переулокъ, гдѣ, очевидно, до сихъ поръ еще гніютъ тѣла жертвъ «Совѣта Десяти»: такая несуразная вонь стоитъ въ воздухѣ. Даже послѣ Неаполя чувствительно. Пахнетъ «будущностью милой отчизны», какъ выражался Гейне. Съ облупленныхъ стѣнъ дышитъ величіемъ былыхъ дней: обвалившіеся фронтоны и гербы, обвалившіяся рѣшётки. Передъ поворотомъ изъ канала въ каналъ, гондольеръ кричитъ рѣзко, какъ дятелъ, и ныряетъ за уголъ, стукаясь бортомъ о борта другихъ стерлядей. Въ запахахъ чувствуются варіанты: иногда пахнетъ чеснокомъ, и тогда мнѣ кажется, что мы плывемъ мимо дома Шейлока, и

черный глазъ Джессики смотритъ на меня изъ окна. Не знаю, какъ плаваютъ здѣсь старые венеціанцы съ молодыми венеціанками, но свѣжему человѣку конца девятнадцатаго столѣтія трудно.

Вотъ и отель. Тутъ швейцаръ, уже жиденькій, похожій на миногу; онъ ловитъ ловко гондолу и помогаетъ мнѣ выйти на лѣстницу. Но въ ту минуту, когда я становлюсь на ступень, повидимому, свободную отъ воды, набѣгаетъ волна, и покрываетъ мой сапогъ.

— О, monsieur, это отъ парохода, что прошелъ мимо,—успокоительно замѣчаетъ минога и любуется на то, какъ сѣрые панталоны снизу отъ воды сдѣлались темными.

— Вотъ чортовы ступеньки! — отъ души произношу я.

— Mon Dieu! C'est—русскій! Serge! Serge!—раздается надо мной.

Я замираю отъ удивленія. Почему эта дама, крохотнаго роста и шепелявая, смотритъ на меня черезъ лорнетъ, для чего вывернула свою руку турьимъ рогомъ,—и называетъ меня по имени.

— Serge, иди сюда скорѣй, иди!— говоритъ она.—Смотри, нашъ компатріотъ въ замоченой одеждѣ.

Сержъ, толстый, хромой на лѣвую ногу, отдуваясь, ковыляетъ къ намъ и испуганно смотритъ то мнѣ въ лицо, то на мокрую штанину.

— Вы изъ Россіи? — спрашиваетъ онъ, и, не дожидаясь отвѣта, продолжаетъ:—А вотъ мы все попасть домой не можемъ. Фу! фу! Вотъ мы съ женой, фу! да!

— Ахъ, я такъ люблю отчизну, я такая патріотическая,—говоритъ дама, не опуская лорнетки и съ удовольствіемъ разсматривая меня, точно я не русскій путешественникъ, а рѣдкій экземпляръ мандрила.—Я тѣломъ въ Венеціи, а душой—въ стѣнахъ Россіи. Я воспитана за границей, но родилась и выросла въ самомъ центрѣ моего отечества.

— Номеровъ нѣтъ, monsieur, — вѣжливо заявляетъ швейцаръ.

— Какъ нѣтъ? — возмущаюсь я.— Зачѣмъ же вашъ швейцаръ не сказалъ мнѣ на дебаркадерѣ?

— Онъ самъ не зналъ, monsieur. Сейчасъ только, передъ вашимъ прибытіемъ, все заняли.

— Вздоръ, вздоръ!—вступается за меня соотечественница, переходя на нѣмецкій языкъ, которымъ она владѣетъ чудесно.—Я буду сама показывать моему компатріоту комнату; ему надо одну маленькую комнату. Я знаю, на нашемъ коридорѣ есть такая комната. Дайте намъ лифтъ, и мы поѣдемъ вмѣстѣ.

Совершенно неожиданно мы оказываемся въ полутемномъ паланкинѣ лифта. Ея рукава пузырями занимаютъ половину каретки и щекотятъ мнѣ подбородокъ. Я прижимаю къ сердцу свой зонтикъ, и только что собираюсь сказать нѣсколько соотвѣтствующихъ словъ, какъ она пальцемъ дотрогивается до моей руки.

— Вы на меня не сердитесь, милый компатріотъ, что я такъ нахально покровительствую вамъ? Но мнѣ такъ хочется поговорить хоть съ кѣмъ-нибудь о нашемъ далекомъ отечествѣ.

Въ этотъ моментъ карета останавливается, встряхнувъ насъ со всѣми внутренностями.

— Какой странный механизмъ, — вопитъ она и ломится въ двери, но кондукторъ вѣжливо ей замѣчаетъ, что, не отворивъ крючка, нельзя выйти.

Мы идемъ по коридору. Коридоръ ведетъ то кверху, то книзу, — точно мы въ Семибашенномъ зáмкѣ. Кондукторъ даетъ звонки, сбѣгается прислуга, за нами образуется хвостъ, и мы идемъ длиннымъ кортежемъ.

— Въ ту ли сторону мы идемъ?— спрашиваетъ она, остановившись.

Я, къ сожалѣнію, ничего не могу ей на это отвѣтить.

— Гдѣ у васъ номеръ двѣсти двадцать первый? — спрашиваетъ она у прислуги.

Кельнеръ задумывается.

— У насъ только восемьдесятъ номеровъ, madame, — сообразивъ, отвѣчаетъ, наконецъ, онъ.

— Это странно,—замѣчаетъ она.— Я, можетъ-быть, ошиблась піано? Вамъ все равно, какое піано?

— Я терпѣть не могу музыки, мнѣ все равно,—отвѣчаю я.

Она вдругъ разражается хохотомъ, такъ что даже лорнетку не можетъ держать у глазъ.

— О, какой каламбуръ!—говоритъ она.—Вы думали, піано—это инструментъ, но это по-итальянски—ярусъ, рангъ, или, — какъ это по-русски — «этажъ»...

Вся челядь смотритъ на насъ и думаетъ: «если бы не было этихъ полупомѣшанныхъ туристовъ, не было бы и гостиницъ, значитъ, и насъ не было бы. А такъ какъ мы живемъ и питаемся насчетъ ихъ глупости, то и надо оказывать имъ всякое уваженіе.» Поэтому старшій кельнеръ, показавъ рукою кверху, проговорилъ:

— Пожалуйте, княгиня, наверхъ.

XXVI.

Комната, куда меня водворила компатріотка, была престранная: она обладала балкономъ, который выходилъ на крышу. За крышей внизу росли пальмы, дальше шла муть Большого канала и какое-то зданіе, похожее на морскую тюрьму. Крыша была покатая, но присутствіе стульевъ показывало, что туристы были люди храбрые и, подобно котамъ, проводили время на крышахъ. Впрочемъ, чтобы не таскаться изъ отеля въ отель, я радъ былъ и такому помѣщенію.

— Кто эта дама?—спросилъ я гарсона, когда компатріотка ушла.

— Русская, monsieur.

— Какъ фамилія?

Онъ задумался и посмотрѣлъ на потолокъ, гдѣ были нарисованы амуры и летающія ласточки.

— Я вамъ сейчасъ скажу, monsieur,—произнесъ онъ, и, вильнувъ фалдочками, исчезъ.

Явился онъ назадъ съ бумажкой. На бумажкѣ значилось:

— Prince Koby.

— Давно они живутъ?

— Недѣли двѣ.

Что это за Коби, да еще князья? Что-то ужъ очень онъ не похожъ на князя.

Я умылся, переодѣлся и сталъ думать о томъ, какъ бы проскочить мимо соотечественниковъ, чтобы они меня не видали. Судьба мнѣ благопріятствовала, я проскользнулъ на крыльцо, подозвалъ первую попавшуюся стерлядь и поплылъ къ пьяццѣ святого Марка.

Все оказалось на своихъ мѣстахъ, и совершенно такъ, какъ рисуютъ на картинкахъ. Строго говоря, на картинкахъ было даже красивѣе, потому что было все чище и наряднѣе. Левъ Марка далеко спускалъ свой хвостъ внизъ, что, по-моему, ему совсѣмъ не слѣдовало бы дѣлать: гораздо лучше было бы завить этотъ хвостъ колечкомъ: онъ смотрѣлъ бы молодцоватѣе. Безобразно раскрашенное зданіе «Л'орложъ» напомнило мнѣ Москву и Красныя ворота,—хотя Красныя ворота еще глупѣе и совершенно въ другомъ стилѣ. Но когда я оглянулся на храмъ Марка,—я просто ахнулъ: это цѣликомъ кремлевскій соборъ, только обезображенный какими-то готическими приставками и наивными куполами.

— Синьйоръ русскій? — раздался вкрадчивый голосъ надо мной.

Захлопываю отверстый ротъ изумле-

нія и смотрю на чернаго господина съ форменнымъ знакомъ на лацканѣ пиджака.

— Офиціальный гидъ! — рекомендуется онъ.—Осмотръ Марка всего пятьдесятъ сантимовъ. Даже—тридцать!

Я иду, не отвѣчая, на паперть. Онъ идетъ за мною и удерживаетъ за рукавъ пальто.

— Остановитесь, monsieur; прежде чѣмъ войти въ храмъ, поднимите ваши взоры кверху и посмотрите на эти мозаики въ аркадахъ. Voilà c'est le Jugement dernier (онъ произнесъ «жужеманъ»), exécuté en 1836...

Онъ держитъ меня крѣпко и не пускаетъ. Осторожно поворачивая за плечи, онъ ставитъ меня передъ какими-то желѣзными дверями, напоминающими ту рухлядь, что продается на Апраксиномъ рынкѣ, и увѣряетъ, что онѣ привезены изъ святой Софіи. Я пробую рвануться въ сторону храма, но онъ заступаетъ дорогу.

— Monsieur: voilà sous des baldaquines—des statues qui sont bien rémarquables...

Наконецъ, я кое-какъ успѣваю нырнуть въ соборъ. Пестрая мгла собора охватываетъ меня, и мнѣ кажется, что я попалъ въ самую русскую церковь, гораздо болѣе православную, чѣмъ нашъ Исаакій или московскій храмъ Спасителя.

— Voilà le pavé, monsieur,—звучитъ тотъ же голосъ,—c'est du XII-me siècle...

Я лѣзу въ карманъ, вынимаю сѣренькій неопрятный билетикъ, на которомъ обозначено, что это двѣ лиры, и, сунувъ его въ руку гиду, кидаюсь отъ него сломя голову. Онъ не успѣваетъ меня поймать. Мгновеніе—и я на пьяццѣ. Голуби въ страхѣ разбѣгаются изъ-подъ моихъ ногъ. Левъ Марка хохочетъ на своемъ столбѣ и точно говоритъ: «русскій, русскій, русскій!» Навстрѣчу мнѣ бѣжитъ новый усачъ, тоже со значкомъ, но не въ пиджакѣ, а въ сюртукѣ.

— Если синьйоръ желаетъ осмотрѣть дворецъ дожей,—предлагаетъ онъ,—то я могу немедленно показать ему лѣстницу гигантовъ.

Я уже у пристани. По счастью, на водѣ качается какая-то стерлядь. Я хочу прыгнуть въ нее. Оборванецъ-нищій съ палкой предупреждаетъ меня, подсаживаетъ подъ локоть и протягиваетъ шляпу за монетой, крѣпко держа багромъ гондолу, пока я не заплачу ему.

Опять начинается покачиванье справа налѣво.

— Синьйоръ,—говоритъ гондольеръ, замѣтивъ, что я внимательно смотрю на желѣзную нелѣпую тяпку, помѣщенную на носу лодки.—Синьйоръ, это ферро установлено для насъ закономъ еще въ пятнадцатомъ столѣтіи, и мы не имѣемъ права выѣхать на каналъ безъ этой алебарды...

— Синьйоръ, если вы не замолчите,—говорю я,—я брошусь въ эту поганую зеленую воду, и вы не получите вашей лиры, такъ какъ я плаваю скверно и пойду ко дну, какъ гвоздь.

Гондольеръ испуганно умолкаетъ. Я чувствую, что порою ему ужасно хочется сказать что-нибудь, но опасенія за мою жизнь и за свой карманъ заставляютъ его не разѣвать рта.

На первомъ удобномъ спускѣ я слѣзаю и, заткнувши носъ, выхожу на набережную. Въ тѣсномъ переулкѣ толпа. Дѣти визжатъ и шныряютъ подъ ногами. Бѣдныя дѣти: они никогда въ жизни не видали лошади, кромѣ тѣхъ безобразныхъ таксъ, которыя вмѣсто коней украшаютъ фасадъ храма Марка. Для нихъ лошадь то же, что для нашихъ дѣтишекъ левіаѳанъ. Зонтиковъ дамы въ Венеціи почти не носятъ: улицы такъ узки,

что въ нихъ солнце не попадаетъ, а въ гондолахъ есть подъемные кузовки, защищающіе отъ южныхъ лучей ихъ головки. Мужчины—все народъ усатый, обвѣтренный, коренастый. Но видъ у нихъ странный: точно каждый изъ этихъ почтенныхъ гражданъ наканунѣ показывалъ морскихъ свинокъ и другой спеціальности не имѣлъ. Здѣсь патеровъ мало: очевидно, они воды не любятъ и близъ нея не водятся. Въ магазинахъ продаютъ самыя ненужныя вещи: раскрашенныя фотографіи, бусы, мозаиковыя брошки,—словомъ, все, безъ чего можно жить прекрасно. Когда я останавливаюсь на минуту у витрины окна, тотчасъ выскакиваетъ изъ двери приказчикъ и заявляетъ, что будетъ безконечно счастливъ, если я только посмотрю его товаръ. Но я не имѣю ни малѣйшаго желанія продѣлать это и иду дальше. Дальше все то же. Наконецъ, я запутываюсь въ улицахъ. Я не знаю, гдѣ моя гостиница и, вдобавокъ, я забылъ ея названіе. Помню, что одинъ боковой каналъ отдѣляетъ ее отъ Пьяццеты. Обращаюсь къ серьезному человѣку съ бакенбардами и барбишкой; онъ неопредѣленно машетъ рукой по направленію къ дальнему западу и говоритъ длинный монологъ на фріульскомъ нарѣчіи. Но оно мнѣ чуждо, и я остаюсь опять одинъ передъ своимъ сфинксомъ—площадью, которая, судя по запаху, построена надъ помойной ямой.

Внезапно—проясненіе. Вспоминаю, какъ гостиница называется. Нанимаю мальчишку-газетчика въ проводники. Онъ меня ведетъ какимъ-то коридоромъ, двумя закоулками, и мы попадаемъ во дворъ моего отеля. Сумерки наступаютъ быстро. Вездѣ зажглись огни. Въ отелѣ звонитъ первый колоколъ, призывающій къ обѣду.

XXVII.

Въ табль-д'отномъ залѣ, ярко озаренномъ люстрами, уже толпился огромный табунъ голодныхъ туристовъ. Дамы строили кислыя улыбки, мужчины погружали свое вниманіе въ карточки винъ. Крохотная соотечественница не заставила себя ждать и шарикомъ подкатилась ко мнѣ.

— А мы вамъ все приготовили съ мужемъ,—заговорила она, взявъ меня подъ руку,—мы заняли вамъ стулъ. И этотъ стулъ будетъ вашъ обыкновенный.

Она сѣла между мужемъ и мной. Она была въ визитномъ шелковомъ платьѣ, съ какимъ-то необычайнымъ хитросплетеннымъ узломъ волосъ на головѣ, при помощи котораго она, очевидно, хотѣла увеличить свой ростъ. Она была, пожалуй, даже недурна: глазки совсѣмъ хорошенькіе. Но во всемъ лицѣ свѣтилась такая безнадежная глупость, что все остальное тонуло въ ней, какъ въ океанѣ.

— Вы довольны вашими бумажками?—спросила она, обминая свое платье и развертывая салфетку.

— Какими бумажками?

— Которыя положены у васъ въ номерѣ?

Никакихъ бумажекъ я не могъ припомнить и не зналъ, кто ихъ положилъ. Супругъ вывелъ меня изъ недоумѣнія:

— Она говоритъ,—густымъ басомъ оповѣстилъ онъ,—насчетъ обоевъ на стѣнахъ. Она всегда слишкомъ буквально переводитъ съ французскаго.

— Да, я всегда такъ буквально перевожу. Я такъ люблю нашъ отечественный жаргонъ, что не могу на немъ не говорить, а за четыре года, что мы здѣсь вояжируемъ, мнѣ стало трудно въ нѣкоторыхъ словахъ.

— А вы, княгиня, что же четыре года здѣсь дѣлаете?

Она хихикнула и поднесла уголокъ салфетки ко рту.

— Это все онъ, мой Serge. Serge

нарочно пишетъ prince, чтобы намъ больше кланялись и уважали. А мы только столбные дворяне изъ шестой книги. Паспортъ никто не хочетъ смотрѣть. Я даже на чемоданѣ велѣла сдѣлать княгиньскую куронъ. Это очень пріятно.

Я осторожно спросилъ о фамиліи.

— О, у насъ ужасающая фамилія: это мой кошмаръ, когда спишь. Кобылятниковы! Говорятъ, это старая и древняя порода, но очень не звучно. Я сдѣлала обыкновеніе кельнерамъ говорить другую фамилію. Я больше всего люблю фамилію Коби. Это начало нашей. И даже такъ звучитъ, какъ музыка. Правда, princesse Koby, это хорошо?

— Хорошо,—согласился я.

Лицо Кобылятникова вдругъ налилось кровью.

— Garçon! — крикнулъ онъ такъ, что двѣ англичанки, сидѣвшія напротивъ, поперхнулись супомъ.

Гарсонъ, уже, вѣроятно, привычный къ возгласамъ «синьйора руссо», кубаремъ подлетѣлъ къ нему.

— Was ist das? — спросилъ онъ, щелкая пальцемъ по стакану съ краснымъ виномъ.

Лакей ткнулся носомъ въ стаканъ и заявилъ, что отнесетъ бутылку метръ-д'отелю.

— Свиньи! — на весь столъ продолжалъ Кобылятниковъ. — Дерутъ за обѣдъ шесть лиръ и даютъ уксусъ съ чернилами, увѣряя, что это везувіо. Ахъ, подлецы!

— Serge!—умоляла княгиня Коби, —ты разговариваешь, какъ мебельный извозчикъ.

— Да они, шерочка. ни уха, ни рыла не смыслятъ по-русски,—оправдывался онъ.

— А нашъ компатріотъ?

— Онъ, шерочка, если бы попробовалъ этихъ помоевъ, поступилъ бы, какъ долженъ поступить всякій порядочный русскій: онъ бы взялъ скатерть за конецъ и сдернулъ бы все на полъ.

Онъ обратился ко мнѣ:

— Знаете, сколько разъ мнѣ приходила въ голову эта соблазнительная мысль. Англичанки сидятъ чинно, прямо, точно шпагоглотательницы. И вдругъ, взять скатерть за край и шваркъ объ полъ. Стаканы, вилки, бульонъ, вино, — все въ кашу. И потомъ вскочить на столъ и тарантеллу съ кастаньетами отжарить. Это мой дядя въ Ниццѣ когда-то, давно, продѣлалъ. Давно, когда еще строже, чѣмъ теперь, было.

— Зачѣмъ же это надо?—спросилъ я, замѣтивъ, что онъ успѣлъ напиться еще до обѣда.

— Зачѣмъ? Чтобы вызвать ихъ изъ косности. Пусть онѣ не думаютъ, что жизнь такъ проста, какъ кажется. Онѣ вотъ сѣли за столъ и полагаютъ, что этимъ исчерпываются всѣ задачи жизни. Нѣтъ,—надо быть готовымъ ко всему и всегда, ко всякимъ случайностямъ.

— Онъ у меня философъ, — замѣтила супруга.

— А что ты у меня, я этого не скажу, — пробурчалъ онъ, и налилъ себѣ стаканъ бѣлаго вина.

— Я вамъ приготовила сюрпри, — заговорила снова она, — которымъ, надѣюсь, вы будете довольны. Теперь я не буду разговаривать, но послѣ десерта мужъ будетъ пить свой коньякъ, а вы будете съ сюрпри.

— Я терпѣть не могу сюрпризовъ,— замѣтилъ я.

— Но если вамъ его дѣлаетъ дама! — возразила она. — Дамѣ во всѣ вѣка подчинялись всѣ мужчины. Вы мнѣ обязаны вокругъ. Если-бъ не я, у васъ не было бы комнаты съ серебристыми бумажками. Вы за это должны быть cavalier galant и сдѣ-

лать то̀, что̀ я вамъ прикажу, и я сдѣлаю вамъ это приказаніе.

Обѣдъ былъ отвратительный. Единственнымъ достоинствомъ его было то̀, что не играла музыка. За это было можно много простить повару, хотя его слѣдовало бы подвергнуть двухнедѣльному тюремному заключенію за явное покушеніе на здоровье проѣзжающихъ. Съ трепетомъ я ожидалъ сюрприза. Наконецъ, все кончилось. Неизбѣжные мандарины съѣдены, косточки выплюнуты на тарелки. Кобылятниковъ перешелъ на диванъ, спросилъ себѣ кофе и пьетъ шестую рюмку финь-шампань.

— Ну, одѣвайтесь!—говоритъ компатріотка,—берите шляпу, перчатки и пальто. Будетъ сюрпри.

Я одѣваюсь и иду за нею, катящейся маленькимъ шарикомъ, на крыльцо. Является судно. Соотечественница перекатывается туда съ такою ловкостью, точно она родилась на гондолѣ. Я шагаю за ней же. Она показываетъ мѣсто рядомъ съ собой и говоритъ:

— Дѣлайте балансъ, а то мы можемъ падать.

Я дѣлаю балансъ, отодвинувшись отъ нея: несмотря на маленькій ростъ, она накреняетъ лодку на сторону.

XXVIII.

Мы ныряемъ въ переулокъ. Теперь къ ароматамъ канала присоединилась тьма. Темно, какъ въ желудкѣ у негра. Вдали блещетъ фонарь, жалко помигивая хвостикомъ газоваго рожка. Не только черна гондола, но черна вода, черны стѣны домовъ, черны трубы, окна, черно небо, черны мосты и прохожіе. Весло шлепаетъ по водѣ. Гондольеръ — Харонъ, мы — души, везомыя черезъ Стиксъ. Мимо скользятъ такіе же черные призраки траурныхъ гондолъ, закрытыхъ, напоминающихъ гробы. Соотечественница въ восторгѣ и лепечетъ:

— Рависантно! Вотъ такъ же плавали дожъ и догарессъ.

— Но мы съ вами не похожи на дожа и догарессу,—спѣшу вставить я свое слово.

— Онѣ, какъ я, носили косынки,—оправдывается она.—А вотъ вы не похожъ на дожа. Тотъ былъ въ чепчикѣ и фригійскомъ колпакѣ, а вы въ цилиндрѣ.

На поворотѣ, когда мы протерлись между двухъ гондолъ, она сказала:

— Теперь я открываю мой сюрпри. Я васъ веду въ театръ. Вы любите театръ?

— Отчего же, иногда...

— Мы брали два билета. Но мужъ простудился. Онъ хочетъ выпить грогу и лечь спать. А вы, вмѣсто моего мужа, проскучайте со мной спектакль. Вы довольны?

— Доволенъ,—отвѣчаю я и думаю:—«отчего же, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не просидѣть съ этимъ колобкомъ вечеръ въ театрѣ?»

— Я знаю впередъ, что вы будете довольны, — радостно говоритъ она,—тѣмъ болѣе, что сегодня первое представленіе.

Вдали мелькаетъ какой-то свѣтъ. Чѣмъ ближе мы подходимъ, тѣмъ больше свѣта. Гондолы жмутся къ домамъ, подъ колоннами большого зданія оживленіе. Пузатые фонари горятъ газомъ и жидкой полосой огня отражаются въ водѣ. На столбахъ наклеены афиши.

— Это театръ Россини, — торжественно заявляетъ княгиня Коби.

— Опера!—восклицаю я настолько громко, что съ крыльца, за нѣсколько саженъ, раздается мнѣ чей-то отвѣтъ:

— Si, senior, opera.

Отступленія нѣтъ. Очевидно, приходится готовить уши къ восприня-

тію «Паяцовъ», о которыхъ возвѣщаютъ желтыя афиши. Гондолы скрипятъ и на перебой торопятся пристать къ крыльцу. Выходимъ, и сразу попадаемъ въ тискотню. Соотечественница хочетъ взять меня подъ руку, но ее оттираютъ. Она такъ мала, что сверху не видно,—болтается гдѣ-то подъ ногами. Я пробую ее поймать, но тщетно: пучина толпы поглотила ее.

Однако, что жъ мнѣ дѣлать? У меня нѣтъ билетовъ. Я не знаю даже, гдѣ наши мѣста: въ «паркэ», какъ называютъ нѣмцы партеръ, или въ ложѣ. Безъ билета меня не пускаютъ. Коби пропала: или ее затоптали ногами, или она проскочила въ двери.

Стою въ недоумѣніи. Меня толкаютъ, кричатъ, показываютъ пальцемъ на кассу. Но я вдругъ рѣшаю, что таково велѣнье судьбы, впрыгиваю въ гондолу и приказываю везти себя обратно.

На Большомъ каналѣ музыка. Огромная барка иллюминована; на кормѣ—контрабасъ и флейта, на носу—скрипки и віолончели. Поютъ что-то забирательное. Бумсъ! раздается чуть не надъ ухомъ выстрѣлъ изъ пушки. Это удовольствіе уже въ родѣ опернаго.

— Что это такое? — спрашиваю я швейцара.

— Начало весны, первый весенній день. 21 марта. До сихъ поръ была зима.

Кобылятниковъ все еще сидитъ на диванѣ. Бутылка наполовину отпита.

— Кончилась опера?—слабо ворочая языкомъ, спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, я потерялъ вашу жену.

Онъ относится къ этому извѣстію весьма хладнокровно и смотритъ на меня оловянными глазами.

— Какія у васъ были на сегодня куплены мѣста?—спрашиваю я.

Онъ машетъ рукой.

— А чортъ ихъ знаетъ; съ Липой разговаривайте. Она покупала.

Я хочу оправдаться въ его глазахъ.

— Мнѣ очень неловко, что такъ вышло. Меня мучаютъ угрызенія совѣсти, я опять поѣду, можетъ, найду ее.

— Не стоитъ.

— Вы думаете?

— Не стоитъ. Пріѣдетъ одна. Выпьемъ финь-шампань. Это лучше «Паяцевъ». Ну, что такое «Паяцы»? Тру-ру-ру! Тру-ру-ру!—и больше ничего. А in vino—veritas.

Онъ налилъ двѣ рюмки.

— Вездѣ скверно, — заговорилъ онъ:—и здѣсь скверно, и на Ривьерѣ скверно, и въ Вѣнѣ скверно. Лучше еще въ Парижѣ. Нѣтъ лучше Москвы. Ночью иногда «Славянскій Базаръ» вижу.

— Кто же вамъ мѣшаетъ увидѣть его на-яву?

— Нельзя.

— Отчего?

— Оттого. Кредиторы. Показаться нельзя. Выгоднѣе жить за границей. Подолгу на одномъ мѣстѣ не живемъ. Да и что здѣсь взять? Носильное бѣлье? Предусмотрѣно закономъ.

Онъ откинулся на диванъ и тяжело вздохнулъ.

— Жизнь—цѣпь страданій,—сказалъ онъ.—Какъ я проигрался въ Монако! Вотъ продулся! Теперь жду, когда вышлютъ.

Я простился съ нимъ и пошелъ наверхъ. Балконъ на крышу былъ раскрытъ, и съ лагунъ долетало пѣніе. Я открылъ электричество, раздѣлся и легъ подъ четыре одѣяла, предупредительно положенныя на кровать. Грустныя мысли о паспортѣ не оставляли меня: безъ паспорта въ Вѣну не пустятъ, а сколько же времени мнѣ жить здѣсь, пока Иванъ Ивановичъ не соблаговолитъ прислать мнѣ мой документъ?

Спалъ я тяжелымъ, сквернымъ сномъ. Видѣлъ Совѣтъ Десяти, видѣлъ Совѣтъ Трехъ. Меня судили за неимѣніе пас-

порта, и дожемъ была моя компатріотка. Потомъ стали играть какую-то оперу Россини, которая для меня была равносильна колесованію. Къ утру мнѣ стало лучше, и на разсвѣтѣ я заснулъ спокойно.

XXIX.

Утромъ, когда я вышелъ на крышу, лагуны сіяли бирюзою. На небѣ ни облачка. Плаваютъ гондолы, гдѣ-то слышна духовая музыка. На яркомъ солнцѣ грѣются въ цвѣтникѣ пальмы и кактусы.

Напился кофе, пошелъ на Пьяццу. Пестрая толпа, праздничная, веселая, гремятъ трубы. На площади передъ соборомъ вѣютъ огромные флаги. Левъ Марка улыбается еще милѣе, чѣмъ вчера, хотя хвостъ попрежнему спущенъ внизъ. Даже безобразная башня собора сегодня кажется менѣе нелѣпа. Вулканы на башнѣ часовъ такъ и сверкаютъ на солнцѣ. Мозаики Марка такъ свѣжи, точно вчера сдѣланы.

— Пойдемте на дворъ дворца,— раздается голосъ возлѣ меня.

Вчерашній колобокъ, подъ руку съ мужемъ. На лицѣ—сплошной упрекъ.

— Такое бросаніе дамы на волю толпы—это жестоко,—говоритъ она и грозитъ пальчикомъ.

Мною опять овладѣли. Иду во дворъ дожей. Тамъ трубы и маршировка.

— Что такое за праздникъ?— спрашиваю я.

— Это національный ихъ праздникъ, — отвѣчаетъ компатріотка.—Тѣ, у кого положены на голову красныя шапки, это старые гарибальдійцы. Видите, какіе они старые? Вотъ подержите мой зонтикъ, я поправлю ботинку. Знаете, обувь лучше у насъ, чѣмъ у иностранныхъ. Ужасно скоро износится.

Она подала мнѣ маленькій красный зонтикъ съ огромной перламутровой ручкой и наклонилась, выставивъ крохотную ножку. Сержъ отдувался и смотрѣлъ на голубей.

— За то, что вы покинули даму, вы должны быть наказаны и носить за ней этотъ пунсовый зонтикъ,—сказала она.

Опять загремѣли трубы. Мальчики какого-то корпуса, въ форменныхъ шапкахъ и черныхъ перчаткахъ, бойко отбивая шагъ, пошли черезъ толпу. Завѣяли знамена, потянулись гарибальдійцы. Потокъ зацѣпилъ меня и понесъ.

Я попалъ между двумя рослыми стариками въ красныхъ шапкахъ. Они весело на меня посмотрѣли, сжали локтями и повлекли куда-то къ воротамъ. Мы вышли на набережную и повернули вправо. Трубы играли, а мы всѣ отбивали ногами тактъ. Вокругъ шли граждане Венеціи и тоже маршировали, весело улыбаясь. Съ Пьяццы мы вышли на площадь Марка. Я чувствовалъ, какъ музыка меня гипнотизируетъ, какъ нервы подымаются и ноги идутъ сами. Я чувствовалъ себя самъ венеціанцемъ, и мнѣ казалось, что я участвую въ какой-нибудь манифестаціи. «Разъ, два; разъ, два»,—отбивалъ я по каменному полу, и весь обливался потомъ. Иногда мы останавливались, кто-то что-то говорилъ. Потомъ опять махали знаменами, гремѣли трубами, и шли вокругъ площади, и смѣялись, и радовались, и кричали.

Въ одномъ мѣстѣ толпа зрителей скучилась особенно тѣсно. И тутъ мы особенно весело шли, махали руками и кричали. И вдругъ, сквозь шумъ и суматоху, до меня долетѣлъ знакомый окрикъ.

То былъ Иванъ Ивановичъ!

Онъ былъ весь одно изумленіе. По его лицу я видѣлъ, что онъ принимаетъ меня за сумасшедшаго. Онъ вытащилъ меня изъ толпы гарибальдійцевъ и сталъ осматривать.

— Мокрый, красный, — говорилъ онъ,—марширует среди солдатъ, съ дамскимъ зонтикомъ въ рукахъ. Посмотрѣла бы тебя жена!

Я былъ радъ встрѣчѣ. Радъ, потому что все-таки превращался изъ бродяги въ дѣйствительнаго статскаго.

* * *

На другой день мы уѣхали. Уѣхали потихоньку отъ соотечественницы. Мы ѣхали по снѣжнымъ горамъ Тироля, который славится безподобными видами, а въ сущности представляетъ слабое подобіе нашей Военно-Грузинской дороги. На австрійской границѣ намъ прицѣпили вагонъ-столовую и соединили гармоникой съ нами. Мы пили венгерское, обѣдали при свѣтѣ газа, а за окномъ мчались мимо насъ снѣжныя пропасти и обрывы.

Я не знаю, зачѣмъ мы останавливались въ Вѣнѣ, которая имѣетъ претензію сдѣлаться Парижемъ, но безконечно хуже даже Берлина. До сихъ поръ на Дунаѣ нѣтъ набережной: берега поросли травой, и вмѣсто перилъ торчатъ деревянные столбики, какъ у насъ въ Петербургѣ на Обводномъ каналѣ. Вѣнки—самый здоровый и плотный народъ въ Европѣ. Вѣнцы—всѣ тощіе, маленькіе, жиденькіе. Не знаю, бьютъ ли ихъ очень сильно жены, или есть этому другая причина, но жалко смотрѣть на почтенныхъ австрійскихъ гражданъ, такіе они заморенные. Мрачная, точно изъ чугуна отлитая, церковь Стефана мало гармонируетъ съ Оперой, — а это единственныя два зданія Вѣны, представляющія нѣкоторый интересъ.

Но встрѣтили насъ радушно. Особенно мнѣ понравился чистильщикъ платья, который заявилъ:

— О, я хорошо знаю русскихъ. Ихъ много останавливается въ нашей гостиницѣ. Вотъ еще недавно въ вашемъ номерѣ останавливался профессоръ Чудновскій и умеръ у меня на глазахъ. Потомъ генералъ Пальмировъ остановился и тоже умеръ въ номерѣ, напротивъ. А рядомъ княгиня...

Иванъ Ивановичъ просилъ его не продолжать. Я вообще замѣтилъ, что Иванъ Ивановичъ нѣсколько суевѣренъ.

Потомъ мы поѣхали въ Варшаву. Такъ какъ это была уже Россія, то отъ поѣзда до поѣзда былъ промежутокъ въ четырнадцать часовъ. Мы ходили по городу, который тоже претендуетъ, но на красоту только Вѣны, и изъ этихъ претензій рѣшительно ничего не выходитъ. Въ Саксонскомъ саду, среди каштановъ, чирикали воробьи, въ костелахъ, по случаю Благовѣщенія, служили мессы. Магазины были наполовину отворены. Польки, хотя и были въ глубокомъ трауръ, тѣмъ не менѣе, вели совсѣмъ не траурные разговоры со своими кавалерами. На улицѣ было жарче, чѣмъ въ Венеціи.

Вотъ и русскіе спальные вагоны того же международнаго общества. Подушки больше, матрацы мягче, купэ шире, чай вкуснѣе. Но въ фонаряхъ, вмѣсто газа, тусклыя стеариновыя свѣчи.

Островъ, Псковъ, Луга. Снѣгъ на поляхъ, мохнатыя лошаденки, сани. Промелькнула Гатчина. Опять варшавскій вокзалъ.

Жена не рѣшилась меня встрѣчать, но карета ждетъ. Иванъ Ивановичъ торопится домой и наскоро со мной прощается. Опять электричество, Вознесенскій проспектъ, Фонтанка. Опять мягкія резины послѣ жесткихъ европейскихъ шинъ. Опять мелькаютъ скверные извозчики послѣ превосходныхъ западныхъ колясокъ и каретокъ. Быстро несутся мимо фонари, мосты и дома. Вотъ и подъѣздъ, и швейцаръ,

со всѣхъ ногъ отворяющій дверцы кареты...

Вотъ и теща, и дочь, и жена. Всѣ цѣлуютъ и спрашиваютъ, какъ я съѣздилъ, а дочь, какъ благовоспитанная дѣвочка, выражаетъ свою радость въ такой формѣ:

— Какъ я рада, папочка, что наконецъ-то, наконецъ ты вернулся!

Фраза составлена такъ логично и правильно, что я умиляюсь, сажусь въ кресло и, окруженный своей семьею, представляю своей особой какъ бы нѣкоторое подобіе патріарха, возвратившагося изъ дальняго странствія.

— Ну, что-жъ, твои нервы успокоились?—спрашиваетъ жена нѣсколько въ носъ, что у нея всегда служитъ признакомъ внутренняго чувства.

Я дѣлаю надъ собой усиліе, стараюсь улыбнуться, растянувъ ротъ до ушей, и сладенькимъ голосомъ отвѣчаю:

— О, да!

* * *

Какъ угрюмый кошмаръ исполина,
Поглотивши луга и лѣса,
Безъ конца протянулась равнина
И краями ушла въ небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звѣздъ прикоснулась вдали,
Затѣнивъ міровое убранство
Монотонной печалью земли.

И далекія звѣзды застыли
Въ безпредѣльности мертвыхъ небесъ,
Какъ огни бриліантовой пыли
На лазури предвѣчныхъ завѣсъ.

И въ просторѣ пустыни безплодной,
Гдѣ недвиженъ кошмаръ міровой,
Только носится вѣтеръ холодный,
Шевеля пожелтѣвшей травой.

К. Бальмонтъ.

Кладъ Кучума.

Изъ степныхъ встрѣчъ.

Д. Н. Мамина-Сибиряка.

I.

Жаркій іюньскій день. Воздухъ накаленъ до того, что дрожитъ и переливается, какъ вода, а даль чуть брезжитъ, повитая синеватой дымкой. И какая чудная степная даль... Да, это настоящая киргизская степь, степь безъ конца-края, степь еще не тронутая дыханіемъ цивилизаціи. Я любилъ по цѣлымъ часамъ лежать въ этой душистой, могучей степной травѣ, точно окропленной яркими красками степныхъ цвѣтовъ, — лежать и мечтать, какъ лежитъ и мечтаетъ настоящій номадъ. Что ни говорите, а въ каждомъ русскомъ человѣкѣ, какъ мнѣ кажется, живетъ именно такой номадъ, а отсюда неопредѣленная тоска по какой-то волѣ, какомъ-то невѣдомомъ просторѣ, шири и, вообще, по чемъ-то необъятномъ. Впрочемъ, я предавался этимъ мечтамъ, такъ-сказать, по обязанности, потому что пилъ кумысъ и долженъ былъ извѣстное число часовъ жариться на степномъ солнцѣ. Предаваться абсолютному покою,—своего рода искусство, которое усваивается только постепенно. Лежишь въ травѣ цѣлые часы и ни о чемъ опредѣленномъ не думаешь, а такъ, мысли въ головѣ плывутъ, какъ рѣдкія высокія облачка по лѣтнему небу. Напримѣръ, отчего въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться настоящимъ степнякомъ, какъ мой хозяинъ по кумысу, киргизъ Чибуртай? Вѣдь онъ счастливъ, и такъ немного нужно для этого счастья... А какъ онъ спитъ спокойно, какой у него здоровый видъ. И ничѣмъ не мучится, какъ не мучится ничѣмъ его родная степь, кромѣ избытка силъ. Собственная издерганность на этомъ степномъ фонѣ выступаетъ съ какой-то особенной рельефностью,—если бы тряпица могла чувствовать, она, вѣроятно, чувствовала бы нѣчто подобное, попавъ на фабрику или въ магазинъ новыхъ матерій, еще не утратившихъ первородной крѣпости, красокъ и блеска. Да, я чувствовалъ себя именно такой тряпицей, когда лежалъ въ степи, представлявшейся мнѣ гигантской зеленой лабораторіей, въ которой еще недавно приготовлялась исторія. Но коренной степнякъ давно сбитъ съ позиціи, и его степь занята другими насельниками. Остался отъ досельныхъ временъ страшный кровавый миражъ... Виноватъ, остался еще кумысъ (по-степному: «кумызъ»), этотъ изумительнѣйшій изъ всѣхъ напитковъ, какіе только были когда-нибудь изобрѣтены человѣчествомъ. Да, единственный напитокъ, въ которомъ точно сконцентрировалась степная зеленая сила. Вымиравшія цивилизаціи оставляли на память счастливымъ преемникамъ непремѣнно какое-нибудь зло, какъ проказа, холера, табакъ, опіумъ, и какъ мы оставимъ преемникамъ наше проклятіе въ формѣ нервности; а замиренная степь подарила намъ цѣлебнѣйшій напи-

токъ, которому равнаго и не будетъ. И т. д., и т. д.

Привожу свои мысли въ порядкѣ ихъ полной безпорядочности и тѣхъ свободныхъ комбинацій, которыя въ видѣ особенной роскоши можетъ позволить себѣ отдыхающій человѣкъ. Да, еще одно маленькое замѣчаніе — только въ степи чувствуешь себя центромъ міра... Куда ни взглянешь— во всѣ стороны степь расходится отъ васъ по радіусамъ, какъ въ геометріи. Это совершенно особенное ощущеніе, которое испытывается только на морѣ и, вѣроятно, будетъ испытываться въ воздухѣ, когда наука разрѣшитъ, наконецъ, вѣчную проблему движенія по воздуху, и наши счастливые потомки понесутся птицами по поднебесью. Какъ мнѣ кажется, въ этомъ сознаніи собственной центральности таится причина того, что философская обобщающая мысль зародилась именно въ степи и у островитянъ, какъ естественная реакція человѣческаго духа на господствующее зрительное впечатлѣніе.

Итакъ, я лежалъ на травѣ и, послѣ мыслей о превратныхъ судьбахъ человѣчества, занялся наблюденіемъ обступившаго меня степного ковыля. Какъ лѣсные папоротники, такъ и ковыль положительно имѣетъ въ себѣ что - то мистически - таинственное и поэтически - сказочное, начиная съ того, что онъ совершенно не походитъ на другія степныя растенія и, какъ папоротники, придаетъ степи немного грустный колоритъ. Мои наблюденія надъ ковылемъ были неожиданно прерваны заразительнымъ собачьимъ лаемъ. Я поднялся и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя низенькаго старика безъ шапки и въ бѣлой холщевой расейской рубахѣ.

— Цыцъ, ты, Поселенка! — окрикнулъ старикъ рвавшуюся ко мнѣ собаку. — Еще какъ разъ напугаешь барина...

Старикъ подошелъ ко мнѣ и проговорилъ съ какой-то особенной простотой, точно мы вчера только разстались:

— Спичку бы мнѣ, баринъ...

Какъ на грѣхъ, у меня именно спичекъ и не было съ собой, потому что, отправляясь на кумысъ, я бросилъ курить.

— Нѣтъ, дѣдушка, у меня спички...

— Ахъ, ты, грѣхъ какой... А мы вонъ тамъ становъ встали, надо огонечка разложить, а спички-то и нѣтъ. Вотъ, поди жъ ты, какая притча...

По костюму, по говору, а особенно по слову «баринъ», я сразу опредѣлилъ коренного расейскаго мужика,— барина Сибирь начинаетъ узнавать только съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, а до этого рѣшающаго момента были или купецъ, или его благородіе, какъ два полюса правящаго класса. Ни барина, ни лаптей Сибирь не знала.

— Какъ же быть-то?—проговорили мы въ одинъ голосъ.

— Да, видно, надо будетъ дойти, баринъ, вонъ туда, гдѣ шатры стоятъ...

Шагахъ въ ста отъ насъ виднѣлись три коша Чибуртая (кошъ—круглая войлочная палатка), точно какіе-то степные богатыри потеряли свои войлочныя шапки.

— Постой, дѣдушка, пойдемъ вмѣстѣ, а то тебя разорвутъ собаки...

— Меня-то не тронутъ, а вотъ собачку могутъ изувѣчить... Такъ, дорогой пристала. Ну, мы ее и назвали Поселенкой, потому какъ сами поселенцы... Мы, значитъ, рязанскіе будемъ.

— А куда вы ѣдете?

— Куда мы-то? Мы-то, значитъ, на Амуръ пробираемся...

— На Амуръ?

— Видно такъ, баринъ... А далеко еще осталось?

— Далеконько, дѣдушка! Тысячъ пять верстъ...

— Вѣдь вотъ поди жъ ты! — изумился старикъ. — Третій мѣсяцъ изъ Рязанской губерніи ѣдемъ, а все пять тыщъ...

Пока мы шли, старикъ говорилъ все время, при чемъ я узналъ всю біографію его семьи до послѣдняго горя включительно. Дорогой прихворнули двое ребятишекъ у старшей снохи, животами сильно схудились, ну, а потомъ и померли. Реветъ большуха-то, а того не понимаетъ, что отбились отъ своей партіи. Другіе-то впередъ ушли, пожалуй и не догонишь.

— Славные ребятки были, — жалѣлъ старикъ. — Извѣстно, ребячье дѣло: много ли надо. Точно цыплята свернулись... Конешно, кабы дома, такъ отлежались бы, а тутъ, въ дорогѣ, стало-быть... Сильно реветъ большуха, вотъ какъ убивается. Всѣхъ засмутьянила, хоть назадъ поворачивай... Два сына у меня женатыхъ, ну, у меньшого еще трои ребята, малъ-мала-меньше.

Мнѣ очень понравился этотъ разговорчивый старикъ. Въ немъ была какая-то особенная дѣтская простота. И лицо такое славное, какое бываетъ только у кореннаго русскаго пахаря. Ни одного торопливаго движенія, ничего лишняго. Я люблю вотъ именно такія простыя крестьянскія лица, въ которыхъ точно отпечаталась вся наша русская исторія. Онъ покряхтывалъ на ходу, шмыгалъ ногами, обутыми въ расейскіе лапти, и встряхивалъ головой. «Поселенка» почуяла врага и принялась угрожающе ворчать. Киргизскія собаки-волкодавы бросились къ намъ навстрѣчу громадными прыжками, но узнали меня и ограничились обнюхиваньемъ «Поселенки». Передъ кошемъ Чибуртая курился огонекъ. Самъ Чибуртай сидѣлъ около на корточкахъ и внимательно слѣдилъ, какъ мой кучеръ Егоръ Иванычъ, пробойный городской мѣщанинъ, промышлявшій около хорошихъ господъ, жарилъ баранину прямо на угольяхъ по какому-то мудреному исправничьему рецепту. Въ Сибири есть и яичница «исправница».

— Миръ на стану... — проговорилъ мой старикъ.

Чибуртай, высокій, скуластый и узкоглазый киргизъ, одѣтый въ лѣтній бешметъ изъ чернаго ластика, издали очень походилъ на попа. Онъ мелькомъ взглянулъ на старика-поселенца и отвернулся, какъ отвертываются отъ недостойныхъ вниманія предметовъ. Чибуртай былъ богатъ, благодаря какимъ-то мудренымъ комбинаціямъ съ краденымъ золотомъ и крадеными лошадьми, и держалъ себя съ большимъ гоноромъ.

— Огонька-бы... — повторилъ старикъ. — Мы, значитъ, тутъ лошадку остановились покормить, а огонька-то и нѣтъ.

— На... — предложилъ ему Егоръ Иванычъ цѣлую коробку сѣрянокъ, зорко оглядывая гостя. — Дальніе будете, старичокъ?

— А мы рязанскіе, значитъ.

Егоръ Иванычъ отличался большой любознательностью и, кромѣ того, по натурѣ былъ фантазеръ и мечтатель. Его городская голова постоянно была набита тысячью самыхъ несбыточныхъ думушекъ, а, главное, его вѣчно тянуло въ ту невѣдомую даль, гдѣ протекли сытовыя рѣки съ кисельными берегами. Услыхавъ, что старикъ-рязанецъ переселяется на Амуръ, Егоръ Иванычъ весь встрепенулся.

— А, вѣдь, ты правильно, дѣдушка... Въ самую точку угадалъ. Падали и до насъ слухи объ этомъ самомъ Амурѣ. Я самъ туда подумывалъ махнуть, да вотъ все какъ-то собраться не могу... Да и то сказать, какіе мы

есть люди, т. е. городскіе: такъ, ни къ чему. Вотъ я въ извозчикахъ ѣздилъ, потомъ соленой рыбой да листовымъ табакомъ торговалъ, гармонію могу починить или подметку наладить, а все это наплевать... А настоящій крестьянинъ совсѣмъ другое: онъ на своей землѣ сидитъ. Одобряю, дѣдушка... Правильно.

— Ужъ какъ Богъ донесетъ, милъ человѣкъ. Охъ, далеко еще ѣхать-то...

— Ахъ, ты какой, дѣдко... Ну, далеко, это точно, а все-таки куда-нибудь да пріѣдешь и бояться тебѣ нечего, потому какъ нѣтъ на свѣтѣ правильнѣе человѣка, какъ крестьянинъ. Остальное-то все пустяки...

Старикъ топтался на одномъ мѣстѣ и все присматривалъ степную даль, защитивъ отъ солнца глаза ладонью. Онъ покачивалъ головой и что-то шепталъ про себя.

— Ты это что, дѣдко, ворожишь-то?

— А вотъ смотрю... дудка вонъ сухая вездѣ по полю, значитъ, мѣсто-то и не пахано, и не кошено. Не видывали мы еще такихъ-то мѣстовъ... Неужто такъ травка пропадомъ и пропадаетъ?

— Скотиной только травятъ, дѣдко. Здѣсь казачья земля, ну, такъ казаки гурты жировать пущаютъ. Кому тутъ косить, когда за десятину аренды всего тридцать копѣекъ.

— Какъ тридцать? — переспросилъ старикъ, не вѣря собственнымъ ушамъ. —Господи, помилуй...

— А такое, значитъ, положенье... Казачишки лѣнивые, ну, и сдаютъ землю. Любую выбирай... У васъ-то тамъ въ Рассеѣ кошку за хвостъ негдѣ повернуть, а мы еще, слава Богу.

Этотъ земельный разговоръ заставилъ старика забыть и объ огонькѣ, и объ ожидавшей его на стану семьѣ. Онъ весь превратился въ одно вниманіе, какъ охотникъ, почуявшій дорогую и рѣдкую дичь. Чибуртай молчалъ и только изрѣдка взглядывалъ на старика съ какимъ-то скрытымъ озлобленіемъ. Когда къ огоньку подошелъ съ уздой въ рукахъ кривоногій казакъ Бѣльковъ, картина получилась вполнѣ законченная. Чибуртай изображалъ собой замиренную орду, Бѣльковъ—отдыхавшаго завоевателя, Егоръ Иванычъ—посадскаго вольнаго человѣка, а старикъ-поселенецъ—ту силу, которая реализируетъ несмѣтныя богатства сибирскихъ равнинъ, степей, горъ и пустынь. Комбинація выходила самая характерная. Бѣльковъ присѣлъ къ огоньку по-татарски на корточки, закурилъ коротенькую трубочку и равнодушно слушалъ разглагольствовавшаго Егора Иваныча, начавшаго въ концѣ концовъ обличать безпросыпную казачью лѣнь.

— Дай-ка вотъ ему вашу-то землю!— кричалъ онъ, указывая на поселенца.— Да, вѣдь, тутъ золото лопатой будутъ огребать, а вы чуть сами съ голоду не дохнете. Вонъ у дѣдушки и рубашка домашняго холста, и штаны изъ домашней пестрядины, и лапотки своего домашняго ковырянья—вотъ его и не возьмешь ни съ котораго боку. Ничего не боишься, дѣдко?

— А чего бояться-то?

— Вотъ, вотъ... Всего-то имущества—одинъ крестъ, а онъ всю немшоную Сибирь наскрозь пройдетъ, потому какъ есть вполнѣ правильный человѣкъ. Мы-то всѣ ничего не стоимъ супротивъ него...

— Отстань, смола! — равнодушно отвѣчалъ Бѣльковъ, не имѣвшій ни малѣйшаго желанія вступать въ словесное ратоборство.

И Егоръ Иванычъ, и Бѣльковъ были типичны по-своему. У перваго лицо было нервное, подвижное, и вся фигура какая-то встрепанная, точно онъ только-что проснулся и еще не успѣлъ прійти въ себя, а Бѣльковъ уже въ достаточной мѣрѣ пропитался

степной лѣнью и всему на свѣтѣ предпочиталъ far niente. Ему даже говорить было тяжело. Къ старику-переселенцу онъ отнесся съ скрытымъ пренебреженіемъ привилегированнаго человѣка. Казаки, вообще, считаютъ мужика существомъ низшаго порядка, а тутъ еще какая-то голь расейская. Поселенецъ постоялъ, посмотрѣлъ на степную аристократію, покачалъ головой, окинувъ еще разъ хозяйскимъ глазомъ некошеную степь, и проговорилъ:

— Ужо я пойду... Спасибо за спички-то.

Чибуртай и Бѣльковъ не удостоили его даже кивкомъ головы, а Егоръ Иванычъ поднялся. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы не посмотрѣть своими глазами, какъ расейскіе ѣдутъ на Амуръ. Его пожиралъ огонь вѣчнаго любопытства.

— Ну, пойдемъ, дѣдко. И лошадка, поди, расейская?

— Своя лошадка-то, милъ человѣкъ. Куды мы безъ лошадки... Двухъ курочокъ веземъ да пѣтушка. Все какъ-то веселѣе...

— И курочекъ?—умилился Егоръ Иванычъ.—Вотъ-вотъ...

Старикъ и Егоръ Иванычъ скоро скрылись въ живой зеленой вполнѣ степной травы. Виднѣлись нѣкоторое время однѣ головы. Егоръ Иванычъ сорвалъ прошлогоднюю сухую дудку и долго что-то объяснялъ старику, повертывая ее у него подъ самымъ носомъ. Сѣдая расейская голова опять покачивалась, и издали казалось, что это качается шапка громаднаго ковыля.

— Голь перекатная,—презрительно замѣтилъ Бѣльковъ. — Туда-же, на Амуръ...

II.

Я жилъ въ маленькой казачьей станицѣ, по внѣшнему виду представлявлявшей собой воплощенное убожество, какого, пожалуй, и въ Россіи не сыщешь. Въ станицѣ была всего одна улица, и та грязная до невозможности, потому что служила для всѣхъ станичныхъ бабъ помойной ямой. Отъ перваго дождя она превращалась въ отвратительное мѣсиво, а въ сухую погоду обдавала васъ ѣдкой пылью. Всяческіе отбросы копились здѣсь въ теченіе цѣлаго столѣтія, и единственными санитарами служили станичныя собаки и свиньи. Лѣса въ степи нѣтъ, и станичныя избенки кое-какъ были слѣплены изъ кривыхъ березовыхъ и осиновыхъ бревенъ,—слово «бревно», конечно, нужно понимать относительно, и вѣрнѣе назвать эти бревна просто толстыми жердями. Эта городьба была слѣплена кое-какъ, еще хуже проконопачена и для большей теплоты обмазана кое-гдѣ глиной, а то и просто навозомъ. Крыши всѣ, конечно, были соломенныя. Вообще, самая бѣдная стройка, хотя у каждаго казака былъ земельный надѣлъ въ тридцать десятинъ.

Жизнь въ станицѣ, конечно, была скучная до послѣдней степени. Я обыкновенно уходилъ на цѣлые дни въ степь съ ружьемъ, стрѣлять степныхъ ястребовъ,—это было единственнымъ развлеченіемъ. Сидѣть у себя дома и смотрѣть на несчастныхъ кумысниковъ, еле бродившихъ по станицѣ,—было еще скучнѣе. Я занималъ заднюю избу у казака Бѣлькова, слывшаго за богача, хотя все его богатство заключалось въ нѣсколькихъ десяткахъ рублей и въ хлѣбѣ. Деньги онъ отдавалъ въ ростъ, подъ ужасающіе проценты, а также маклачилъ и хлѣбомъ. До свѣжаго хлѣба было еще далеко, а голодные люди не могутъ торговаться: что хочешь возьми, только выручи. Меня поражало, что вся станица только проѣдалась и буквально ничего не дѣлала. Не было даже своей кузницы, а ѣздили ковать

лошадей за пятнадцать верстъ. Самые усердные казаки уходили куда-то на золотые промысла, раскиданные по степи, и возвращались по субботамъ ни съ чѣмъ, голодные и оборванные.

По вечерамъ рѣшительно было некуда дѣваться, и я сидѣлъ на заваленкѣ, любуясь казачьей дѣтворой, которая барахталась въ пыли или въ грязи, смотря по погодѣ. Станица засыпала рано, какъ только погасалъ лѣтній день, и промежутокъ времени, когда солнце уже закатилось, а ночь еще не наступила, наводилъ какую-то особенную тоску. Спать еще рано, а дѣлать нечего. Бѣльковъ цѣлые дни проводилъ въ томъ, что рѣшительно ничего не дѣлалъ. Онъ обыкновенно ходилъ по двору и ругался, ругался такъ, въ пространство, водворяя какой-то невѣдомый никому порядокъ. Наругавшись всласть, онъ уходилъ куда-нибудь въ холодокъ и спалъ. Въ сумерки онъ, какъ скворецъ, подсаживался къ окну и глазѣлъ на улицу съ терпѣніемъ отбывавшаго этой высидкой какое-то наказаніе. Въ сумерки обыкновенно подходилъ какой-то странный субъектъ и заводилъ съ Бѣльковымъ какіе-то таинственные переговоры. О послѣднемъ я заключилъ изъ того, что при моемъ появленіи эти разговоры прекращались или принимали совершенно неудобопонятную форму.

— Ну, такъ какъ, Бѣльковъ?

— А вотъ этакъ...

— Немного... Значитъ, своего счастья не хочешь?

— А ну его!..

— Да ты подумай, ежовая голова.

Голова Бѣлькова дѣлала отрицательное движеніе, а потомъ слѣдовала безпредметная ругань. Собесѣдникъ, рослый и коренастый мужчина среднихъ лѣтъ, съ окладистой сѣдѣвшей бородой, относился къ этимъ выходкамъ совершенно равнодушно и, сдѣлавъ паузу, начиналъ тянуть тоже о какомъ-то своемъ счастьи. Завидѣвъ меня, таинственный незнакомецъ считалъ своимъ долгомъ вѣжливо раскланиваться. По костюму и манерѣ себя держать, онъ не походилъ на станичника, а скорѣе на городского прасола. Сначала я принялъ его за такого же кумысника, какимъ былъ самъ. Впрочемъ, Егоръ Ивановичъ, знавшій уже всю подноготную станичной жизни и, кажется, посвященный въ тайну этихъ вечернихъ переговоровъ, разъ уклончиво отвѣтилъ на мой вопросъ:

— Не кумысникъ, а такъ, по своимъ дѣламъ...

— Золото ищетъ?

— Нѣтъ, такъ... Онъ, значитъ, фершалъ будетъ, а только своей фершальской частью не занимается. Такъ, вообче...

На Уралѣ непочатый уголъ людей, которые живутъ «такъ», «вообще», «своими дѣлами», и эта характеристика вполнѣ точная. Край безумно богатый, и, при извѣстной складкѣ характера, люди переходятъ съ чрезвычайной легкостью отъ одного занятія къ другому, какъ и мой кучеръ Егоръ Иванычъ. Слѣдовательно, и фельдшеръ не у дѣлъ имѣлъ право существовать таинственнымъ своимъ дѣломъ. Отъ нечего дѣлать меня все-таки разбирало любопытство относительно таинственнаго фельдшера, и я напрасно перебиралъ все, что можно было подвести подъ рубрику «такъ» и «вообче», принимая, конечно, во вниманіе всѣ условія степного и станичнаго дѣлового обихода. Въ концѣ концовъ, выходило все-таки то, что нечѣмъ здѣсь фельдшеру заниматься, кромѣ золота, которое открыто въ казачьихъ земляхъ Оренбургской губерніи лѣтъ пятьдесятъ назадъ и служитъ до сихъ поръ, кажется, единственнымъ живымъ дѣломъ. Казаки запускаютъ всякое до-

машнее хозяйство и шляются по промысламъ, разыскивая это «свое счастье». Возможность легкой наживы и быстраго обогащенія манитъ всѣхъ и даже поднимаетъ на ноги безпробудную казачью лѣнь.

Роковымъ вопросомъ въ нашемъ станичномъ житьѣ было питаніе. Ни говядины, ни яицъ, ни хлѣба—рѣшительно ничего. Чѣмъ питались сами станичники — составляетъ для меня до сихъ поръ неразрѣшимую загадку. Вѣроятно, и тутъ тоже все дѣло велось «такъ», «вообче». Въ интересахъ питанія мы обыкновенно каждую субботу ѣздили съ Егоромъ Иванычемъ въ сосѣднюю станицу Кочкарь, гдѣ былъ торжокъ, почта и телеграфъ. Эти поѣздки служили въ то же время и развлеченіемъ. Егоръ Иванычъ запасалъ провизіи на всю недѣлю и кстати исполнялъ порученія другихъ кумысниковъ, при чемъ, по привычкѣ бывшаго торговца рыбой и листовымъ табакомъ, малую толику маклачилъ.

Послѣ встрѣчи съ рязанскимъ переселенцемъ наступила наша суббота, и мы отправились въ Кочкарь. На полдорогѣ мы встрѣтили шагавшаго по сторонѣ фельдшера. Онъ шелъ ровнымъ, привычнымъ шагомъ, размахивая длинной березовой палкой, точно акробатъ, который идетъ по канату съ балансомъ.

— А развѣ мы его подсадимъ? — обратился ко мнѣ Егоръ Иванычъ.

— Пусть садится,—согласился я.— Веселѣе ѣхать.

Мы догнали таинственнаго фельдшера и предложили его подвезти. Онъ согласился, но съ условіемъ, что поѣдетъ вмѣстѣ съ Егоромъ Иванычемъ на облучкѣ.

— Погода пріятная и вольный воздухъ,—заговорилъ фельдшеръ, очевидно, желая усиленной вѣжливостью отплатить за нашу любезность. — Притомъ ароматъ съ травъ, такъ сказать благовоніе вообще.

Потомъ фельдшеръ обернулся и проговорилъ уже другимъ тономъ:

— А въ Кочкарѣ-то, милостивый государь, что дѣлается? Боже мой, Боже мой... Народъ, какъ вода въ котлѣ кипитъ-съ. Съ золотыхъ промысловъ, конечно, главнымъ образомъ. Тысячъ до трехъ набирается каждую субботу... И что дѣлаютъ! Рабочіе все съ себя наскрозь пропиваютъ, до послѣдней рубашки-съ. Такъ, въ чемъ мать родила. Доходятъ прямо до мрачнаго неистовства и дѣлаются въ отсутствіи ума...

— А все водочка-матушка,—замѣтилъ Егоръ Иванычъ.

Фельдшеръ, по неизвѣстной причинѣ, вздохнулъ и поправилъ съѣхавшую на затылокъ широкополую поповскую шляпу. Нашъ коробокъ поднимался уже на пригорокъ, съ котораго открывалась далекая степная панорама, исчерченная невѣдомыми проселками. Ихъ можно было опредѣлить только по ѣхавшимъ въ Кочкарь крестьянскимъ телѣгамъ, верховымъ и пѣшеходамъ. Всѣ двигались по направленію къ Кочкарю, маленькой казачьей станицѣ, залегшей на берегу степной рѣчонки. Отъ другихъ станицъ Кочкарь отличался только своей бѣлой каменной церковью.

— Здо̀рово народу понапёрло,—говорилъ Егоръ Иванычъ, изъ-подъ руки разглядывая торжокъ,—зрѣніе у него было изумительное.

Когда мы уже подъѣзжали къ станицѣ, насъ нагналъ Чибуртай, катившій верхомъ на гнѣдомъ маленькомъ иноходцѣ, который, по выраженію конниковъ, «мелъ землю». Чибуртай и въ сѣдлѣ сидѣлъ по-своему, свѣсившись какъ-то на одинъ бокъ, точно хищная птица. По субботамъ въ Кочкарѣ проѣзда не было въ буквальномъ смыслѣ, особенно съ нашей стороны. Телѣги и

экипажи оставлялись у первыхъ избушекъ. Собственно, улица была вся запружена галдѣвшей толпой.

— Да, вѣдь, это тотъ старикъ... рязанскій-то...—проговорилъ Егоръ Иванычъ, разглядывая телѣги на берегу рѣки.—Недалеко въ три дня уѣхалъ... Вы ступайте на почту, а я къ нему загляну. Все равно, по станицѣ не проѣхать...

Мы съ фельдшеромъ отправились, а Егоръ Иванычъ свернулъ къ рѣкѣ.

— Покорно благодарю, милостивый государь,—проговорилъ онъ, не протягивая руки.—Моя фамилія Куклинъ-съ, Андрей Филатычъ... Въ случаѣ чего, ежели что, такъ весьма буду радъ-съ, а Бѣльковъ знаетъ, гдѣ я живу.

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно.

— Нѣтъ-съ, я такъ, на всякій случай... До свиданія-съ.

Намъ, однако, было суждено встрѣтиться еще разъ. Я получилъ почту, побывалъ въ лавкѣ съ галантерейнымъ товаромъ—въ Кочкарѣ устроены настоящіе каменные магазины, совсѣмъ на городскую руку—и отправился разъискивать свою подводу. Въ самой давкѣ, недалеко отъ кабака, протискиваясь сквозь толпу, меня окликнулъ Егоръ Иванычъ. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и я заподозрилъ, что онъ не утерпѣлъ и завернулъ въ кабакъ заморить червячка.

— Фершала не видали?—крикнулъ онъ мнѣ черезъ головы.—Нѣтъ? Ахъ, ты, грѣхъ какой... Вотъ какъ его нужно.

— Боленъ кто-нибудь у поселенца?

— Хуже: лошадь захромала... Чистая бѣда. Вотъ тебѣ и Амуръ... Куды это запропастился фершалъ-то? Онъ знаетъ, какъ лошадей лѣчить, потому какъ не человѣческій фершалъ, а скотскій...

Егоръ Иванычъ исчезъ, а я пошелъ своей дорогой. Давка была такая, что я буквально едва выбрался. Свой экипажъ я нашелъ на самомъ берегу рѣки, а около стояла переселенческая телѣга рязанскаго старика. Около телѣги изъ попоны было устроено что-то въ родѣ шатра. Тамъ сидѣли двѣ молодыхъ бабы и валялись ребятишки. Два молодыхъ мужика стояли около телѣги, а старикъ сидѣлъ на землѣ. Около прыгала, на трехъ ногахъ, пѣгая лошадь,—сейчасъ она составляла главное дѣйствующее лицо разыгрывавшейся молчаливой драмы.

— Здравствуй, дѣдко...

— Ахъ, баринъ, здравствуй...

— Лошадь захромала?

Старикъ только махнулъ рукой. Горе было слишкомъ велико, чтобы выразить его словомъ. Сыновья также молчали, подавленные страшнымъ несчастіемъ. Это было именно страшное несчастіе, которое городской человѣкъ не сразу и пойметъ. Я пошелъ посмотрѣть расейскую лошадь. Это была даже не лошадь въ собственномъ смыслѣ слова, а просто лошаденка. Лохматая, большеголовая, нескладная, но выносливая, какъ по части работы, такъ особенно по части питанія. Именно къ такимъ лошаденкамъ я питаю большую слабость, потому что безъ нея нѣтъ и мужика-пахаря. И безъ пароходовъ, и безъ желѣзныхъ дорогъ еще можно обойтись, а вотъ безъ такой лошаденки—конецъ всей русской исторіи. По неизвѣстной причинѣ, я осмотрѣлъ и распухшую у копыта ногу пѣганки.

— Цыгана давѣ приводилъ я...—объяснялъ старикъ.—Взялъ полтину, далъ какого-то снадобья... Говоритъ: обождите недѣльку. Легкое мѣсто сказать: недѣльку... Охъ, горюшко наше, баринъ! Вотъ какое горюшко... А вонъ и вашъ кучеръ. Коновала ведетъ.

Егоръ Иванычъ ужасно торопился, такъ что скотскій фельдшеръ едва за

нимъ поспѣвалъ. Мнѣ очень понравилось это безкорыстное усердіе моего кучера. Фельдшеръ подошелъ къ лошади, осмотрѣлъ ногу, пощупалъ опухоль, потомъ осмотрѣлъ зубы и ротъ и рѣшительно заявилъ:

— Никакого толку не будетъ... Недѣли три надо дать отдохнуть, а потомъ само пройдетъ. Это въ ней сокà ходятъ, потому какъ она накинулась на сырую степную траву, а это съ непривычки сокъ изъ нея и погнало.

Объясненіе болѣзни было довольно фантастическое, но старикъ-переселенецъ окончательно упалъ духомъ. Давеча было двѣ недѣли, когда цыганъ смотрѣлъ. а теперь уже цѣлыхъ три...

— Баринъ, явите божецкую милость,—умолялъ онъ упавшимъ голосомъ фельдшера. — Вѣдь зарѣзъ это намъ... Хоть сейчасъ ложись и помирай.

Фельдшеръ посмотрѣлъ на него, подумалъ и рѣшительно заявилъ:

— Нѣтъ, ничего не будетъ... Лучше и не проси. Надо другую покупать.

— Да, вѣдь, ничего у насъ нѣтъ, баринъ? Какъ есть ничего. Что вотъ только на себѣ. Гдѣ же другую лошадь куплять...

Мы пошли къ телѣгѣ. Фельдшеръ присѣлъ на колесо, закурилъ папиросу и безучастно смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ старика. Егоръ Иванычъ тоже снялъ свою шапку и чесалъ въ затылкѣ.

— Егоръ Иванычъ, а сколько ты возьмешь придачи на пристяжку?—неожиданно проговорилъ фельдшеръ.

На кумысъ я пріѣхалъ на долгихъ, и лошади принадлежали Егору Иванычу. Неожиданный вопросъ фельдшера его совершенно озадачилъ.

— Вѣдь три недѣли вы проживете на кумысѣ, а черезъ три недѣли лошадь выправится. Доброе дѣло сдѣлаешь...

— А ежели не выправится?

— Я тебѣ говорю: выправится.

Въ самый рѣшительный моментъ фельдшеръ досталъ бумажникъ, отсчиталъ двадцать пять рублей и подалъ ихъ колебавшемуся Егору Иванычу.

— На̀, получай...

Это великодушіе тронуло Егора Иваныча, и онъ ударилъ по рукамъ. Все произошло такъ быстро, что вся семья не успѣла опомниться. Старикъ хотѣлъ поклониться фельдшеру въ ноги, но тотъ отвелъ его въ сторону и долго что-то шепталъ. Въ тактъ этого шопота старикъ только кивалъ головой.

— Ну, а теперь съ Богомъ,—рѣшительно заявилъ фельдшеръ.—Егоръ Иванычъ, отпрягай гнѣдого...

— А ты вотъ что, дѣдко,—заявлялъ Егоръ Иванычъ.—Какъ пріѣдешь на Амуръ-то, такъ поставь свѣчку Егорію... Пять цѣлковыхъ я тебѣ прожертвовалъ, какъ ни считай.

III.

Мы возвращались въ свою станицу уже на одной лошади, а за нами тяжело прыгала расейская пѣганка. Егоръ Иванычъ оглядывался назадъ, посвистывалъ и крутилъ головой. По всѣмъ признакамъ, онъ раскаивался въ припадкѣ собственнаго великодушія.

— Да, убилъ бобра...—ворчалъ онъ, почесывая затылокъ.—А чтобъ ему, оборотню, пусто было! Вѣдь какъ ловко... а? Точно оглушилъ...

Сначала Егоръ Иванычъ ругался вообще, а потомъ принялся ругать скотскаго фельдшера по преимуществу. Этотъ взрывъ негодованія для меня былъ такъ же непонятенъ, какъ и фельдшерское великодушіе. Двадцать пять рублей для человѣка, который живетъ «такъ» или «вообче», деньги очень большія. Я рѣшительно ничего не понималъ.

— Нѣтъ, онъ у меня не отвертит-

ся!—думалъ вслухъ Егоръ Иванычъ, очевидно, разсчитывая на реплику съ моей стороны.—Что мнѣ жена-то скажетъ, когда я выворочусь съ кумыса домой и приведу этакого лохматаго чорта? Въ станицѣ засмѣютъ...—Да тотъ же Бѣльковъ... тьфу!.. Точно онъ мнѣ песку въ глаза бросилъ... Нѣтъ, братъ, ты погоди!..

— За что, Егоръ Иванычъ, вы ругаете фельдшера? Онъ сдѣлалъ доброе дѣло...

Егоръ Иванычъ оглянулся на меня и захохоталъ.

— Доброе? — переспросилъ онъ.— Это, вы думаете, онъ для расейскаго старичка прожертвовалъ четвертной билетъ? Пожалѣлъ? Какъ бы не такъ... Не таковскій онъ человѣкъ, вотъ что. Первое дѣло, и деньги у него не свои, а второе — о себѣ онъ хлопочетъ, да и меня по пути, дурака, втравилъ. Видѣли, какъ онъ нашептывалъ старичку-то? Вотъ это самое... А деньги ему наплевать: какъ пришли, такъ и уйдутъ. Не бойсь, и самъ знаетъ, что не удержать ихъ, деньги-то, вотъ онъ и плутуетъ: дай, молъ, всучу поселенцу... Ахъ, прокуратъ!..

Дальше Егоръ Иванычъ заговорилъ уже совсѣмъ что-то несуразное: о какомъ-то акцизномъ генералѣ, котораго фельдшеръ обобралъ, потомъ о какомъ-то кладѣ, къ которому хитрый фельдшеръ подбирается самымъ ехиднымъ образомъ, наконецъ, о фельдшеровой женѣ, которая выгнала мужа изъ дому на всѣ четыре стороны.

— И правильно сдѣлала, значитъ, эта самая жена. Этакаго человѣка надо какъ огня бояться... Да онъ такое устроитъ... Я такъ думаю, что непремѣнно онъ *такое слово* знаетъ— какъ сказалъ, такъ другой человѣкъ и помутится умомъ. Да вотъ давеча хоть со мной... тьфу! А родную жену слово-то и не беретъ... ха-ха... Она его и съ словомъ въ шею. Нà, носи—не потеряй... Ахъ, уракъ, дуракъ,—это, то-есть, я дуракъ-то, а не фершалъ. Вотъ бить-то,—опять не фершала, а все меня же!..

Этотъ монологъ закончился тѣмъ, что Егоръ Иванычъ принялся ругать ни въ чемъ неповинную расейскую пѣганку, даже погрозилъ ей кулакомъ и пообѣщалъ продать за три цѣлковыхъ Чибуртаю, который ее съѣстъ.

На его счастье Бѣлькова не было дома, когда мы пріѣхали домой, и Егоръ Иванычъ съ такой торопливостью спряталъ въ конюшню несчастную пѣганку, точно укралъ ее. Остальную часть дня онъ ходилъ по двору и ругался, а когда пришелъ домой Бѣльковъ — спрятался самъ на сѣновалѣ самымъ постыднымъ образомъ. Оказалось, что Бѣльковъ уже зналъ все и нѣкоторое время искалъ Егора Иваныча.

— Егоръ Иванычъ... а Егоръ Иванычъ! Гдѣ ты запропастился? Ну-ка, покажи, какого живота вымѣнялъ?.. Егоръ Иванычъ, разѣ не знаешь порядку: надо вспрыски сдѣлать. До узды домѣнялся...

Бѣльковъ удушливо хохоталъ и хлопалъ себя по ляжкамъ.

Вымѣненная лошадь сдѣлалась для Егора Иваныча истиннымъ наказаніемъ, такъ что мнѣ сдѣлалось даже его жаль. Казаки просто не давали ему прохода и травили его при каждомъ удобномъ случаѣ, такъ что ему приходилось скрываться. Дѣло доходило чуть не до драки.

— Ахъ, Егоръ Иванычъ, Егоръ Иванычъ... хо-хо-хо!—заливался Бѣльковъ.—Ты ей, пѣганкѣ-то, резиновы калоши купи да шарфъ гарусный... Мнѣ больно масть глянется. Пьяный чортъ ночью ее помеломъ рисовалъ...

Егоръ Иванычъ даже похудѣлъ отъ огорченья. Но развеселившіеся казаки этимъ не ограничились и подослали Чибуртая покупать хромую лошадь

Это уже окончательно взбѣсило Егора Иваныча, и онъ бросился на Бѣлькова съ кулаками. Я едва его удержалъ.

Такъ прошелъ конецъ іюня. Таинственный фельдшеръ точно сквозь землю провалился. Мы уходили съ Егоромъ Иванычемъ, захвативъ съ собой турсукъ (кожаный мѣшокъ) съ кумысомъ, на цѣлый день въ степь, главнымъ образомъ, къ тѣмъ степнымъ озеринкамъ, которыя начинались сейчасъ отъ стойбища Чибуртая. Главной приманкой служили дикіе гуси, которые выплывали погулять на чистыя мѣста только по зарямъ. Охота была самая неудачная. Гуси сильно сторожились и не желали подпускать на выстрѣлъ. Разъ мы скрадывали ихъ цѣлый часъ, вымокли въ болотѣ, и все кончилось тѣмъ, что я все-таки «промазалъ» самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Дробь нулевого номера брызнула вѣеромъ дальше гусей. Я забылъ мудрое правило стрѣлять на водѣ, выцѣливая подъ птицу. Домой идти мокрыми было неудобно, и мы завернули къ Чибуртаю обсушиться. Степенный киргизъ не вышучивалъ Егора Иваныча, что послѣдній особенно цѣнилъ. Ночью у кошей всегда было хорошо. Горитъ огонекъ, дымъ стелется по травѣ, изъ степи наноситъ какимъ-то горьковатымъ ароматомъ, хочется безъ конца сидѣть у огонька, ничего не дѣлать, ничего не думать, а только слушать и смотрѣть. Надъ головой такое глубокое синее небо, точно оно выложено дорогимъ синимъ бархатомъ и расшито золотомъ. Слышно, какъ въ станицѣ сонно брехаютъ собаки, гдѣ-то испуганно свистнулъ куличокъ, ночная птица козырнула молніей надъ самымъ огнемъ, гдѣ-то немолчно трещитъ кузнечикъ и надоѣдливо скрипитъ неугомонный коростель. Ей-Богу, хорошо...

Чибуртай, какъ вѣжливый степной джентльменъ, уступилъ мнѣ отрубокъ дерева, замѣнявшій стулъ, а самъ присѣлъ къ огню, по-степному, на корточкахъ. Егоръ Иванычъ лежалъ прямо на животѣ и время отъ времени отплевывался. Изъ коша доносилось заунывное пѣніе второй жены Чибуртая, которая только-что подоила кобылицъ и мѣшала свѣжее молоко съ старымъ кумысомъ. Она пѣла безконечныя киргизскія былины о старыхъ батыряхъ, любимѣйшимъ изъ которыхъ былъ послѣдній сибирскій ханъ Кучумъ. Это было даже не пѣніе въ собственномъ смыслѣ, а какой-то плачущій речитативъ, съ повышеніями и пониженіями, напоминавшими мѣрный прибой морской волны. Сколько самой удручающей поэзіи въ одномъ такомъ мотивѣ... Это была живая исторія неисчислимыхъ бѣдъ, разливавшихся по степи пожаромъ. Сколько милліоновъ погибло, а осталась живой одна былина, которая вспоминала былое теплымъ словомъ. Чего-чего не видѣла вотъ эта степь, среди которой курился нашъ огонекъ, и какъ къ ея простору шла эта пѣсня, напоминавшая наши русскія бабьи причитанья по покойникѣ. А скоро уже съ побѣднымъ гуломъ пронесется первый поѣздъ сибирской желѣзной дороги, и народная пѣсня, полная святой скорби, замретъ навсегда или, въ лучшемъ случаѣ, сдѣлается достояніемъ какого-нибудь собирателя-этнографа. Къ чему и зачѣмъ эта исторія крови, слезъ и страданій? Неужели она таится въ каждомъ изъ насъ, и только обстоятельства мѣшаютъ ее реализировать?

— Эхъ, лошадь-то какая была!..— вслухъ думалъ Егоръ Иванычъ, начинавшій въ послѣднее время на-яву грезить своимъ промѣненнымъ гнѣдкомъ.

— Твой лошадь дрянь,—спокойно отвѣтилъ Чибуртай. — Такой лошадь волку давалъ, и тотъ назадъ тащилъ...

— Такой другой лошади и не сыскать...

— Хуже не найдешь... Я его и ѣсть бы не сталъ.

У Егора Иваныча проявлялись болѣзненныя преувеличенія достоинствъ гнѣдка, и онъ любилъ возвращаться къ этой темѣ, особенно, когда мы бывали у Чибуртая. Киргизъ спорилъ для препровожденія времени.

Этотъ обычный споръ былъ прерванъ сдержаннымъ ворчаньемъ желтаго волкодава, лежавшаго у входа въ кошъ. На него откликнулись моментально другія собаки. Стабуненныя въ одну изгородь кобылицы предупредительно затопали ногами.

— Кто-то идетъ...—замѣтилъ Егоръ Иванычъ.

Чибуртай не шевельнулся, продолжая сидѣть на корточкахъ, какъ истуканъ. Онъ не измѣнилъ себѣ, когда собаки одной стаей ринулись въ темноту.

— Свой...—рѣшилъ Егоръ Иванычъ, прислушиваясь, какъ глухое собачье ворчанье перешло въ ласковый визгъ.

Изъ темноты показалась высокая фигура. Это былъ фельдшеръ Куклинъ. Его неожиданное появленіе произвело впечатлѣніе, такъ что даже Чибуртай заворчалъ:

— У, шайтанъ... Зачѣмъ ночамъ шаталъ, добрые люди пугалъ?

— Миръ на стану,—спокойно проговорилъ Куклинъ, подсаживаясь къ нашему огоньку. — Этакая ночь-то стоитъ... Слышно, какъ трава растетъ.

Онъ раскурилъ папиросу и сосредоточенно принялся смотрѣть въ огонь. Мнѣ показалось, что онъ сильно измѣнился и похудѣлъ.

Егоръ Иванычъ продолжалъ лежать ничкомъ, точно раздавленный. Я понималъ, какъ у него горѣло сердце на скотскаго фельдшера, и ждалъ крупнаго разговора.

— Гдѣ шаталъ?—спрашивалъ гостя Чибуртай.—Нашелъ кладъ?

Этотъ невинный вопросъ заставилъ Егора Иваныча расхохотаться. Онъ закрылъ даже лицо руками, и только повторялъ:

— Охъ, прокураты, чтобы вамъ пусто было!.. Кладъ... ха-ха! Не положилъ—не ищи... Вотъ тебѣ и кладъ.

— А ты чему обрадовался?—озлился Куклинъ.—Глупый человѣкъ, и больше ничего. Надо понимать...

Эта реплика заставила Егора Иваныча сѣсть. Онъ посмотрѣлъ на ненавистнаго фельдшера злыми глазами, какъ, вѣроятно, смотритъ гремучая змѣя на несчастнаго зайца, котораго готовится проглотить, и заговорилъ безъ всякихъ вступленій:

— Я-то дуракъ, и даже весьма... Ловко ты меня тогда подковалъ лошадью. Да... Ну, и ты тоже около того...

— Около чего?

— Дуракъ — не дуракъ, а сроду такъ... Зайцы у тебя въ башкѣ въ чехарду играютъ. Вѣрно говорю... Кладъ! Ахъ, ты...

Дальше началась ругань, при чемъ на сцену явилась и жена фельдшера, и обманутый имъ генералъ, и какія-то темныя художества по службѣ, за каковыя фельдшера гнали съ мѣстъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, Егоръ Иванычъ сорвалъ сердце въ полную мѣру. Чибуртай продолжалъ сидѣть неподвижно попрежнему и сосредоточенно глядѣлъ въ огонь. Я чувствовалъ себя очень неловко, но не вступался въ чужое дѣло. Фельдшеръ сидѣлъ и смотрѣлъ на Егора Иваныча улыбавшимися глазами.

IV.

— Ну, каковъ ты есть человѣкъ?!—выкрикивалъ Егоръ Иванычъ какимъ-то «истошнымъ», бабьимъ голосомъ.—Сколько обманешь, столько и проживешь... А только не на того напалъ. Мнѣ, братъ, мое отдай!.. Не согла-

сенъ, и кончено. Только найдешь кладъ—я изъ тебя живымъ мясомъ выхвачу... Нѣтъ. братъ, шалишь!

Получилось маленькое противорѣчіе: сначала Егоръ Иванычъ хохоталъ надъ кладомъ, а теперь требовалъ своей части, когда этотъ кладъ будетъ найденъ. Какъ я замѣтилъ раньше, Егоръ Иванычъ хотя и ругалъ фельдшера. но его таинственная дѣятельность была неотразимо привлекательна для моего вѣрнаго слуги. А вдругъ отыщется этотъ самый кладъ? И помирать не надо.

— Въ самомъ дѣлѣ, какой вы кладъ ищете?—обратился я къ фельдшеру, чтобы прекратить ругань Егора Иваныча.

— Ну-ка, говори?!. — вцѣпился Егоръ Иванычъ.—Все говори...

— И скажу, — спокойно отвѣтилъ фельдшеръ, раскуривая новую папиросу. — Что же мнѣ скрывать? Все скажу... Видите ли, милостивый государь, я, можно сказать, сдѣлался несчастнымъ человѣкомъ черезъ свою собственную супругу. Да-съ... О другихъ жизненныхъ непріятностяхъ я уже не говорю. Враги меня преслѣдовали, можно сказать, отъ самаго перваго дня моего рожденія... А жена ужъ все и докончила. Видите ли, когда я напалъ на мысль о кладѣ, то предложилъ ей, конечно, продать домъ—домъ-то ея, — ну, она, конечно, по своему женскому малодушію, уперлась. Не понимаетъ, что отъ счастья отказывается. Дѣло самое вѣрное... А чѣмъ же я виноватъ, напримѣръ, ежели у жены душа короткая? Не вышла въ настоящую мѣру,—и конецъ. Конечно, я съ своей стороны дѣлалъ ей нѣкоторыя внушенія и держалъ себя вполнѣ сосредоточенно. А она, напримѣръ, къ прокурору, къ жандармскому полковнику, и сейчасъ. напримѣръ, отдѣльный видъ на жительство, и сейчасъ, напримѣръ, меня въ шею. Хорошо-съ... Разсудите сами: жена моя, у жены домъ.—значитъ, и домъ тоже мой. Съ ея стороны было только одно упрямство.

— Какимъ образомъ вамъ пришла въ голову эта мысль о кладѣ?—перебилъ я.

— Какъ:—какимъ? Кто же этого не знаетъ, милостивый государь? И даже весьма просто. Сколько угодно этихъ самыхъ кладовъ я знаю по разнымъ мѣстамъ, но только тѣ такъ, не стоятъ хлопотъ. А тутъ вышло дѣло настоящее... Когда Ермакъ завоевывалъ Сибирь, то сибирскій ханъ Кучумъ убѣжалъ въ степь и унесъ съ собой всѣ сокровища. Ермакъ-то и давай гонять его по степи, какъ зайца, ну, Кучуму и стало невмоготу. Да и ослѣпъ онъ къ тому же. Вотъ онъ, т. е. Кучумъ, и закопалъ свои сокровища въ нѣкоторомъ мѣстѣ, только бы не достались они Ермаку. И, конечно, при этомъ сдѣлалъ зарокъ-съ... Извините, а только я этого не могу вамъ открыть. т. е. какой зарокъ.

— Нѣтъ, ты говори все!—вступился Егоръ Иванычъ.—Ты не скрывай...

— Да, вѣдь, ты все равно ничего не поймешь, потому какъ есть человѣкъ необразованный. А вотъ я имъ по порядку буду говорить... Да-съ. Степняки, милостивый государь, конечно, всѣ знаютъ о кладѣ Кучума, но боятся его взять. Опять все дѣло въ зарокѣ... Хорошо-съ. Теперь войдите въ мое положеніе: дѣло у меня вѣрное, только недостаетъ денегъ. А тутъ жена выгнала на улицу, собственная жена. Значитъ, что остается сдѣлать? Добыть денегъ. Но гдѣ же нынѣче добудешь денегъ даже на самое вѣрное дѣло? Кстати, въ это же время меня и со службы прогнали, опять по жалобѣ на меня жены, и даже хотѣли отдать подъ судъ. Кругомъ враги... А я про себя понимаю, что это есть самая хорошая примѣта,

потому что никакой кладъ не дается безъ препятствій и непріятностей. Было даже два покушенія на самую жизнь: разъ чуть не убилъ меня братъ моей жены въ остервенѣніи своей злобы, а въ другой разъ на охотѣ-съ...

— Ну, сейчасъ генерала подковывать?—хихикнулъ Егоръ Иванычъ.

— Вы слышали, что онъ сказалъ?—обратился фельдшеръ ко мнѣ, какъ къ третейскому судьѣ.—Вотъ такое понятіе у нихъ, у всѣхъ... А ну-ка, попробуй самъ подковать генерала?.. Понятія не хватитъ. Пустыя слова только умѣете говорить, и больше ничего. Да-съ... На чемъ я остановился? Да, какъ жена меня хотѣла подъ судъ отдать. Хорошо. Очутился я, однимъ словомъ, на полной свободѣ. А у самого этотъ самый кладъ гвоздемъ засѣлъ въ башкѣ... Обидно, конечно, что живемъ въ одномъ городѣ, жена въ своемъ домѣ, а я опредѣлился на квартиру къ знакомому попу. Можетъ, слыхали: отецъ Антоній? Очень умный человѣкъ, но скупъ до звѣрства. О деньгахъ и не заикайся... Конечно, онъ жилъ вдовцомъ и дома даже не обѣдалъ, а больше по купцамъ. Очень его уважали купцы, потому какъ умный человѣкъ. Говорю это къ тому, что черезъ этого самаго о. Антонія я свѣтъ увидалъ. Обращался я къ нѣкоторымъ богатымъ людямъ за вспомоществованіемъ на предметъ клада, но вездѣ получалъ отказъ и обидныя грубости. Даже нажилъ враговъ, которые хотѣли опредѣлить меня въ сумасшедшую больницу. Такъ-съ... И вотъ, напримѣръ, сижу я въ поповскомъ домѣ по цѣлымъ днямъ и, дѣйствительно, начинаю чувствовать, что я въ томъ родѣ, какъ сумасшедшій... Конечно, отъ бѣдности это... Сижу и ропщу, ропщу и завидую. Вѣдь вотъ другіе живутъ-съ и радуются, а я долженъ жить и горевать. Почему? какъ? Почему о. Антонія купцы наперехватъ приглашаютъ въ гости, кормятъ на убой, а я, напримѣръ, голодаю? Или: напротивъ поповскаго дома живетъ акцизный генералъ, т. е. онъ штатскій генералъ. Ну, живетъ вполнѣ: два лакея, коляска, квартира въ двѣнадцать комнатъ и прочее. И почему-то меня стала разбирать злость вотъ именно на этого самаго генерала. Конечно, опять отъ бѣдности. Раньше-то завидовалъ, а теперь сижу и злюсь. А тутъ еще о. Антоній съ квартиры гонитъ и не велитъ мою комнату отапливать...

— И дошелъ я, можно сказать, до окончательнаго ничтожества,—продолжалъ фельдшеръ, дѣлая отчаянную затяжку.—И все у меня генералъ изъ головы не выходитъ... Вѣдь, денегъ у него куры не клюютъ, а, вѣдь, не дастъ ни гроша, ежели пойти и объявиться напрямикъ. Такъ и такъ, дѣло вѣрное... Въ шею прогонитъ. Хорошо. Видите ли, когда бѣдный человѣкъ думаетъ, у него особенныя мысли бываютъ. Цѣлые дни, бывало, сижу у окна и думаю, что теперь дѣлаетъ генералъ, и какія, напримѣръ, у него мысли. Конечно, богатый человѣкъ, сосредоточенный вполнѣ—у него свои и мысли. Съ полгода я этакъ раздумывалъ о генералѣ, а тутъ меня и осѣнило... Сразу искра блеснула. И какъ все это весьма даже просто. А навелъ меня не кто другой, какъ о. Антоній. Видите ли какое дѣло вышло. Сидимъ это мы какъ-то вмѣстѣ утромъ, пьемъ чай, а о. Антоній все пожиже да пожиже мнѣ наливаетъ. Выходитъ, какъ будто это невзначай... И насчетъ сахару тоже утѣсненіе: «пей, гритъ, съ сахарнымъ пескомъ». Самъ-то рафинадъ кушаетъ, а мнѣ песочку, отъ котораго такъ мочаломъ и нашибаетъ. Хорошо. Сидимъ. Вдругъ это къ поповскому дому два воза сѣна подъѣзжаетъ... Ахъ, Боже мой, какъ это все просто на свѣтѣ дѣлается!

Ну. что такое, скажите, пожалуйста, два воза сѣна: пустяки и даже глупость, потому что красная имъ цѣна пять рублей.

Фельдшеръ махнулъ рукой и засмѣялся. Я только тутъ обратилъ вниманіе на его особенность: онъ никогда не улыбался, и смѣхъ выходилъ какой-то деревянный. Егоръ Иванычъ слѣдилъ за нимъ недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Можетъ, къ генералу сѣно-то подвезли?—спросилъ онъ.

— Да нѣтъ же: къ попу. Да... Вотъ сейчасъ заходитъ это мужикъ и спрашиваетъ о. Антонія. «Такъ и такъ, два воза сѣна вамъ прислалъ господинъ Горшенинъ».—«Какъ такъ? почему?» Подивился - подивился о. Антоній, а потомъ велѣлъ сметать сѣно въ сарай. Поѣхалъ къ Горшенину о. Антоній, а тотъ ему: «Закупился, гритъ, съ сѣномъ, два воза оказалось лишнихъ—вотъ я вамъ и послалъ, батюшка». Понимаете, куда дѣло пошло? Охъ, и умница этотъ Горшенинъ. Прямо въ самую точку попалъ... О. Антоній, конечно, радъ и Горшенина похваливаетъ, а того не замѣчаетъ, что у самого въ башкѣ эти два воза сѣна засѣли. Черезъ нѣкоторое время пріѣзжаетъ этотъ Горшенинъ ужъ къ о. Антонію и прямо: нужно пять тысячъ на полтора часа. Дивиденту обѣщаетъ цѣлыхъ триста рублей. Это за полтора-то часа. И что же бы вы думали: разступился о. Антоній и далъ. А Горшенинъ, конечно, былъ таковъ съ деньгами. Ищи въ полѣ вѣтра... И вышло, что о. Антоній за два воза сѣна пять тысячъ заплатилъ, и весьма просто. Купцы ему и сейчасъ проходу не даютъ и все сѣно это поминаютъ. Со злости онъ меня сейчасъ же и сахарнаго песку лишилъ. Ну, хорошо, думаю, наверстывай теперь... И что удивительно, подари Горшенинъ о. Антонію что угодно на ту же цѣну—ничего бы изъ этого не вышло, а противъ сѣна не могъ человѣкъ устоять. Предметъ огромный, хозяйственный... Да-съ, такъ я тогда и просвѣтлѣлъ.

— Сейчасъ генералъ начнется?—спрашивалъ нетерпѣливо Егоръ Иванычъ.

— Да, генералъ. Видишь ли, въ младости я весьма былъ подверженъ къ рыбной ловлѣ и тогда еще удивлялся, какъ это даже самая большая рыба попадаетъ на крючокъ изъ-за самаго пустого предмета, въ родѣ червяка, мушки и тому подобное. И чѣмъ больше рыба, тѣмъ легче ее обмануть, потому что жадности въ ней больше и надѣется на свою силу. А вѣдь она живетъ, значитъ, имѣетъ свой рыбій смыслъ и вдругъ: трахъ!.. То же и съ птицей... Чучелу ей покажешь — она и летитъ, милая. А что такое чучело: пустяки и даже совсѣмъ глупость. Или тоже рябчикъ по осени: пикнешь ему въ пищикъ, а онъ такъ прямо на тебя и летитъ гоголемъ. Вся суть именно въ пустякахъ... Набросься съ дрекольемъ, и ничего не поймаешь, а только напугаешь всѣхъ. Вотъ это самое я и сообразилъ, когда пошелъ къ генералу. Нужно сказать, что у меня и полная отчаянность въ то время была, потому какъ безъ денегъ его никакъ невозможно взять. А взять нужно... Моихъ-то собственныхъ капиталовъ оставалось всего восемь копеекъ. Хорошо. Отправился я въ гостиный дворъ, прямо въ москательную лавку, купилъ на пятачокъ краски умбріи и съ ней прямо къ генералу. Даже самъ теперь удивляюсь смѣлости... Хорошо. Швейцаръ, натурально, меня въ шею. Ну, я хожу по тротуару и жду, когда пріѣдетъ генералъ. Ѣдетъ... коляска, пара вороныхъ, кучеръ, какъ хорошій деревянный идолъ... Я тутъ и вцѣпился въ генерала. Старикъ былъ строгій, всѣ его боялись,

а тутъ самъ испугался, когда я на него наступилъ. Прямо, лѣзетъ человѣкъ въ отсутствіи ума. Швейцаръ это меня хочетъ опять вытолкать, а я генералу прямо въ носъ свою краску сую и притомъ повторяю самый вздоръ: «Бѣдный человѣкъ, ваше превосходительство... пострадалъ отъ собственной жены... промежду прочимъ, родной зять покушался даже на жизнь... Осчастливьте слово выслушать». Генералъ смотритъ на меня, нахмурился.—«При чемъ же, гритъ, эта дурацкая краска?» Я тутъ же ему въ передней все и объяснилъ: «Краска эта итальянская, ваше превосходительство... Одинъ провозъ стоитъ больше трехъ рублей съ пуда. Спросите хоть сами въ гостиномъ дворѣ». Тутъ ужъ генералъ разсердился и даже затопалъ на меня ногами. «Мнѣ-то какое дѣло, гритъ, до твоей дурацкой краски? Убирайся вонъ, дуракъ»... Я сейчасъ на колѣни. «Ваше превосходительство, совсѣмъ даже она не дурацкая, потому какъ я ее вамъ могу доставить по гривнѣ за пудъ сколько угодно. Открылъ мѣсторожденіе, а человѣкъ бѣдный... Купцы не повѣрятъ бѣдному человѣку. А, вѣдь, это какое дѣло: умбріи идутъ тысячи пудовъ и ежели съ каждаго пуда нажить одинъ рубль—и то богатство. Припадаю къ стопамъ вашего высокопревосходительства»... Пожалъ генералъ плечами, а краску все-таки взялъ.

— Значитъ, затравка вполнѣ?—хихикнулъ Егоръ Иванычъ.— Ну и дошлый человѣкъ уродится въ другой разъ...

— Что же дальше, — дальше ужъ все, какъ по-писаному. Какъ насыпалъ я этой умбріи генералу въ башку, ну, онъ и вцѣпился. Черезъ три дня самъ за мной присылалъ... Тоже любопытно на гривенникъ рубль получить. Выдалъ даже мнѣ задатку десять рублей. А я на эти деньги купилъ два пуда этой самой краски, поѣхалъ въ лѣсъ верстъ за двадцать, выкопалъ собственноручно яму аршина въ три глубины, а потомъ придѣлалъ боковушку, да туда свою умбрію и забутилъ. Ну, привезъ генерала. «Пожалуйте, ваше высокопревосходительство, въ яму...» Въ яму не согласился залѣзать, а я ему и давай изъ ямы лопатой выкидывать краску. Цѣлый пудъ накидалъ... Только и всего. Ну, а потомъ я ужъ на полномъ довѣріи сдѣлался. Началъ развѣдки дѣлать, паровую машину поставилъ, казарму для рабочихъ — все какъ слѣдуетъ. Генералъ даетъ деньги, а я руководствую. Когда онъ заскучаетъ—я сейчасъ ему цѣлый возъ краски привезу. Нарочно бралъ изъ разныхъ магазиновъ и съ пескомъ мѣшалъ. Ну, въ полтора года такимъ манеромъ тысячъ пятнадцать изъ него вынулъ.

Наступила пауза. Егоръ Иванычъ широко вздохнулъ и проговорилъ съ завистью:

— Любую половину къ себѣ въ карманъ положилъ?

— Ну, это ужъ мое дѣло...

— А молодчина!—неожиданно проговорилъ Егоръ Иванычъ.—Ей-Богу, молодчина.. Вѣдь надо же было придумать!.. Ловко...

— И ничего ловкаго, — сказалъ фельдшеръ. — Развѣ я для себя хлопоталъ? Для себя-то ввѣкъ не придумаешь... И потомъ, я эти деньги потомъ отдамъ генералу, и даже съ процентами, только обыщу кладъ. Все разно, какъ въ банкѣ у меня его деньги лежатъ. Опять ты ничего не понимаешь, Егоръ Иванычъ. Ну, на что мнѣ генеральскія деньги, когда и своихъ будетъ достаточно? Плевать мнѣ на нихъ...

— Дуракъ будешь, — спокойно замѣтилъ Чибуртай.—Большой дуракъ... Тебѣ счастье Богъ давалъ, а ты дуракъ будешь.

Мы прожили на кумысѣ до Ильина дня. Началась уже казачья страда. Степная трава начала сохнуть, и было пора ѣхать домой. Мы выѣхали изъ станицы раннимъ утромъ, чтобы никто не видѣлъ вымѣненную пѣганку. Егоръ Иванычъ все-таки волновался. Онъ успокоился только тогда, когда станица осталась далеко, а нашъ дорожный коробокъ катился по мягкому черноземному проселку, между двумя живыми стѣнами вызрѣвавшей пшеницы.

— А вѣдь мозговитый мужичонка этотъ самый скотскій фельдшеръ, — заговорилъ Егоръ Иванычъ, тряхнувъ головой.—И кладъ безпремѣнно обыщетъ... Вотъ только выправить ему кучумовъ зарокъ. Да... Помните, какъ онъ четвертной билетъ тогда отвалилъ за лошадь поселенцу? И хитеръ, песъ... Самъ признался потомъ. Помните, какъ онъ нашёптывалъ? Вотъ это самое... Далъ онъ старику серебряный рупь-крестовикъ и наказалъ, когда подъѣдутъ они къ Иртышу, бросить его въ рѣку и сказать всего два слова: «Знаю зарокъ!» Кладъ-то самъ и выйдетъ, потому какъ силой тутъ ничего не возьмешь.

— Старикъ бросилъ бы рубль и такъ...

— А вотъ и нѣтъ. Цыганка прямо ему сказала, то-есть фельдшеру: «на пѣгашкѣ поѣдешь—не доѣдешь, а поѣзжай на гнѣдой». Въ самую точку, такъ и сказала... А фельдшеру время дорого, ежели самому на Иртышъ ѣхать, и при этомъ бабы за него будутъ молиться. Тоже наказывалъ...

Егоръ Иванычъ уже не сердился больше на фельдшера, потому что имѣлъ въ виду промѣнять пѣганку «въ казакахъ» на хорошую лошадь, при чемъ, по его разсчетамъ, отъ полученной имъ придачи должно было остаться почему-то ровно семь рублей.

Вызрѣвшая степь имѣла какой-то усталый видъ. Преобладали желтые, золотистые тона, точно этотъ аршинный степной черноземъ былъ вызолоченъ живымъ золотомъ. Коробокъ покачивался, колокольчики весело поговаривали подъ дугой, захватывала чисто дорожная дрема, когда начинаешь видѣть собственныя мысли. Дорогой часто случается, что привяжется какая-нибудь одна фраза или мотивъ и ни за что не выходитъ изъ головы. Такой фразой для меня была: «кладъ Кучума». Я никакъ не могъ отъ нея отвязаться и, по ассоціаціи идей, думалъ о сумасшедшемъ фельдшерѣ. Мнѣ казалось, что и колокольчики наговариваютъ то же самое: «кладъ Кучума! кладъ Кучума!.. кладъ, кладъ, кладъ!..» Да вѣдь вся Сибирь—одинъ сплошной кладъ, только стоитъ снять съ нея роковой зарокъ...

NOCTURNE.

Что тамъ, за рощей, проснулось?
Что это тамъ засверкало?
Или весна улыбнулась,
Или зима миновала?

Что пронеслося надъ чащей?
Чьи это вздохи надъ нами?
Ангелъ ли мимо летящій
Тихо повѣялъ крылами?

Что это: таянье-ль снѣга,
Сердце-ль повѣрило чуду!..
Чья это робкая нѣга
Въ воздухѣ рѣетъ повсюду?..

Сумерки мягче и краше...
Слышатся звуки участья.
Что это,—счастіе наше,
Или предчувствіе счастья!...

К. Фофановъ.

Путешествіе по пустынѣ. Караваны.

Очеркъ А. Брэма.

(Съ нѣмецкаго.)

Съ 4 рисунками.

(Окончаніе.)

Послѣ тѣлеснаго и духовнаго отдыха, доставляемаго ночью въ пустынѣ, легче переносятся тягости слѣдующаго дня, какъ ни трудно заставить себя пить воду, ухудшающуюся съ каждымъ часомъ. Но настоящій отдыхъ, ничѣмъ не нарушаемое блаженство и наслажденіе доставляетъ только привалъ у колодца. При постоянной угрозѣ неудовлетворенія насущнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, каждое путешествіе по пустынѣ сопровождается вѣчнымъ безпокойствомъ и торопливостью, почему совершенно исключаетъ то спокойное состояніе духа, при которомъ особенно пріятно путешествовать. Всѣ дни проходятъ одинаково; каждая ночь походитъ на предыдущую, по крайней мѣрѣ въ благопріятное время года. Но въ оазисѣ, у источника, день превращается въ праздникъ, вечеръ—въ веселое празднество, ночь—въ блаженное время отдыха.

Для образованія оазиса необходимо котловинное или долинообразное углубленіе почвы, ибо безъ бьющаго ключа или, по крайней мѣрѣ, искусственнаго колодца немыслима сколько-нибудь богатая растительность, а вода въ пустынѣ встрѣчается только или въ гористыхъ мѣстностяхъ, или въ самыхъ глубокихъ низменностяхъ. Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ песчаное море контрастируетъ съ волнующимся океаномъ, такъ и острова его представляютъ противоположность островамъ водной пустыни, такъ какъ они не возвышаются надъ окружающею поверхностью, а, напротивъ, углубляются въ нее. Вода здѣсь или появляется въ видѣ ключа, или находится на незначительной глубинѣ подъ поверхностью почвы. Ея изобиліе и качество обусловливаютъ характеръ оазиса. Въ очень немногихъ низменностяхъ течетъ чистая, холодная вода. Большинство источниковъ — соленые, желѣзистые или сѣрнистые, очень часто даже теплые, а потому, можетъ-быть, въ большинствѣ случаевъ, цѣлебные, но далеко не всегда годные для питья и полезные для произрастанія растеній. Ни одинъ изъ нихъ не способствуетъ появленію свѣжей дерновой зелени. Вообще, только при особенно благопріятныхъ условіяхъ, вода выступаетъ наружу; въ большинствѣ же случаевъ она просачивается по каплямъ въ разсѣлины скалъ или въ искусственно вырытыя шахты, и ее приходится, по крайней мѣрѣ по временамъ, поднимать искусственно. Даже тамъ, гдѣ она течетъ на виду, она почти всегда въ скоромъ времени уходитъ въ песокъ, если не придетъ на помощь человѣкъ, который собираетъ ее и съ расчетомъ распредѣляетъ. При всемъ томъ, она во всякомъ случаѣ пробуждаетъ и вызываетъ жизнь, вдвойнѣ цѣнную въ необитаемой пустынѣ.

Вокругъ бѣгущаго ручья, задолго до появленія человѣка, овладѣвшаго имъ, возникла зеленѣющая группа растеній. Кто можетъ объяснить ея происхожденіе? Можетъ-быть, песчаная буря набросала сѣмена, которыя около самаго источника пустили ростки, зазеленѣли, выросли, зацвѣли, снова принесли сѣмена и такимъ

образомъ распространились по всей равнинѣ. Во всякомъ случаѣ, они не были посажены человѣкомъ, ибо мимозы, ихъ главная составная часть, встрѣчаются по одной, по десяти, двадцати или небольшими рощами и въ низменностяхъ, лишенныхъ до сихъ поръ воды. Ихъ однѣхъ достаточно, чтобы пробудить жизнь въ пустынѣ; онѣ зеленѣютъ, цвѣтутъ и благоухаютъ,—и какъ свѣжи, какъ золотисты и душисты онѣ! Въ ихъ привѣтливой тѣни отдыхаетъ газель; съ ихъ верхушекъ раздаются пѣсни немногихъ пернатыхъ пѣвцовъ пустыни. Ихъ сочные листья, посреди неподвижныхъ известковыхъ глыбъ, черныхъ гранитныхъ конусовъ и ослѣпительнаго песка, такъ же пріятно ласкаютъ глазъ, какъ майская зелень; ихъ цвѣты и тѣнь услаждаютъ душу. Въ болѣе крупныхъ, изобилующихъ водою оазисахъ человѣкъ присоединилъ къ нимъ пальму и тѣмъ еще болѣе увеличилъ прелесть возникшей въ пустынѣ жизни. Пальма здѣсь все: она—царица деревьевъ, даятельница благъ, приковывающая человѣка и удерживающая его на небольшомъ клочкѣ земли. Окруженная поэтическими сказаніями и воспѣтая пѣснями кормилица, она—древо, дающее жизнь. Чѣмъ былъ бы оазисъ безъ пальмы?!—шатромъ безъ крова, домомъ безъ обитателей, колодцемъ безъ воды, стихотвореніемъ безъ словъ, пѣснью безъ звуковъ или картиною безъ красокъ! Ея плоды кормятъ кочевника и осѣдлаго поселенца, превращаются въ его рукахъ въ пшеницу или ячмень, удовлетворяютъ сборщика податей, пришедшаго отъ имени его господина и повелителя; ея стволы,

Оазисъ.

метелки и узкіе листья служатъ ему для построекъ, для домашней утвари, для цыновокъ, корзинъ, мѣшковъ, канатовъ и веревокъ; въ пескахъ пустыни она является эмблемою арабской поэзіи, которая, подобно ей, часто родится на безплодной почвѣ, вырастаетъ, оставаясь всегда вѣрною себѣ, стремится въ высоту и только тамъ приноситъ свои прекрасные плоды.

Мимозы и пальмы—характерныя деревья всѣхъ оазисовъ, не исключая и тѣхъ, гдѣ, вслѣдствіе обилія источниковъ и колодцевъ, можно было развести сады и поля. Здѣсь онѣ, какъ на передовомъ посту противъ наносныхъ песковъ пустыни, окаймляютъ оазисъ только съ внѣшней стороны, между тѣмъ какъ внутренняя часть его предоставлена растеніямъ, болѣе требовательнымъ и болѣе нуждающимся въ водѣ. Вблизи источниковъ или у колодцевъ часто разстилаются прекрасные сады, въ которыхъ воздѣлываются почти всѣ сорты фруктовыхъ деревьевъ сѣверной Африки. Здѣсь вьется виноградная лоза, рдѣетъ въ темной зелени апельсинъ, граната открываетъ свои пурпуровыя уста, бананъ распускаетъ вѣерообразные листья, стелется на грядѣ плеть дыни, и, наконецъ, опунція и масличное дерево, а можетъ-быть, даже фиговыя, абрикосовыя и миндальныя деревья дополняютъ картину плодородія. Далѣе тянутся поля, на которыхъ воздѣлывается кафрское просо или дурра, а при благопріятныхъ условіяхъ—пшеница и даже рисъ.

Въ такихъ богатыхъ оазисахъ человѣкъ основалъ себѣ прочныя жилища, а въ беднѣйшихъ низменностяхъ онъ появляется только временнымъ, болѣе или менѣе долгимъ гостемъ. Деревня или городокъ въ оазисѣ во всемъ существенномъ походитъ на города сосѣдней плодородной страны: онъ имѣетъ свою мечеть, свой рынокъ и кофейни; но люди совсѣмъ не похожи на крестьянъ или городскихъ жителей береговъ моря или Нила. Принадлежа большею частью къ различнымъ племенамъ, они усвоили себѣ одинаковые нравы и обычаи. Пустыня на всѣхъ нихъ наложила свою печать. Въ нихъ тотчасъ же можно узнать сыновъ пустыни по сухощавой фигурѣ, рѣзкимъ чертамъ лица и блестящимъ глазамъ, смотрящимъ изъ-подъ густыхъ бровей. Но еще характернѣе ихъ нравы и обычаи. Они не требовательны, бодры духомъ, рачительны и довольны малымъ, гостепріимны, чистосердечны, честны и вѣрны слову; но вмѣстѣ съ тѣмъ горды, раздражительны и вспыльчивы, склонны къ грабежу и насиліямъ, подобно бедуинамъ, которымъ они, однако, уступаютъ какъ въ дурныхъ, такъ и въ хорошихъ свойствахъ. Караванъ всегда является въ ихъ мѣстожительствѣ желаннымъ гостемъ, но путешественники, по ихъ понятіямъ, обязаны платить имъ налогъ и дань.

Далеко не похожи на эти оазисы другія мѣста отдохновенія—низменности, въ которыхъ только изрѣдка встрѣтятся желанные колодцы. Кочующіе пастухи-арабы, черпающіе изъ нихъ воду, довольны и тѣмъ, если колодцы эти могутъ обезпечить ихъ стада на нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль небольшимъ количествомъ годной для питья воды; останавливающійся на отдыхъ караванъ долженъ быть счастливъ, если воды хватитъ на утоленіе его жажды въ теченіе нѣсколькихъ дней. Обыкновенно колодецъ представляетъ глубокую шахту, со стѣнъ которой вода чаще сочится, чѣмъ сбѣгаетъ струйками внизъ. Вокругъ колодца возвышается нѣсколько пальмъ среди рѣдко растущихъ мимозъ и кустовъ камышевки; на безплодной почвѣ виднѣются отдѣльные стебельки травъ.

Невыразимо бѣдны кочевники, разбивающіе здѣсь свои шатры на то время, пока жалкія стада ихъ козъ находятъ себѣ пищу; «борьба за существованіе» этихъ людей есть непрерывный рядъ трудовъ, лишеній и нужды. Длинный темный кусокъ сукна изъ козьей шерсти, надѣтый срединою на простой шестъ и съ обоихъ концовъ прикрѣпленный колышками

къ землѣ, закрытый сзади кускомъ той же ткани, а спереди—цыновкою изъ пальмовыхъ листьевъ, составляетъ шатеръ, свадебный подарокъ жены, который она собирала, пряла и ткала съ восьмилѣтняго до шестнадцатилѣтняго возраста; вся домашняя утварь состоитъ изъ нѣсколькихъ цыновокъ, служащихъ постелями, гранитной доски и принадлежащаго къ ней камня для растиранія вымѣненныхъ хлѣбныхъ зеренъ, плоской глиняной доски для жаренья лепешекъ, двухъ пузатыхъ горшковъ, нѣсколькихъ кожаныхъ мѣшковъ и мѣховъ, топора и нѣсколькихъ пикъ; стадо изъ двадцати козъ считается богатымъ достояніемъ семьи. Но зато эти люди, при всей своей бѣдности, мужественны, привѣтливы, стройны, добродушны и красивы, щедры и не требовательны, гостепріимны и честны, нравственно чисты и вѣрующи.

Въ душѣ западнаго жителя, приходящаго въ первый разъ въ столкновеніе съ ними, возникаютъ ветхозавѣтныя картины; передъ нимъ стоятъ живыя библейскія фигуры и говорятъ съ нимъ языкомъ, знакомымъ ему съ дѣтства. Какъ одинъ день, пронеслись тысячелѣтія надъ этими кочующими пастухами пустыни; они и посейчасъ мыслятъ, говорятъ и поступаютъ, какъ мыслили, говорили и поступали ихъ праотцы. То же привѣтствіе, которое слышалось изъ устъ Авраама, встрѣчаетъ и теперь чужестранца; тѣ самыя слова, которыми отвѣтила Ревекка слугѣ Авраама, услышалъ и я, когда, мучимый жаждою, соскочилъ съ верблюда около колодца Бахіуды и попросилъ воды у молодой, красивой, смуглой женщины. Передо мной стояла во плоти та самая Ревекка, которая жила нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, неувядаемая и вѣчно юная,—та самая, о которой говоритъ Писаніе.

По прибытіи каравана, собирается все населеніе такого временного поселка. Старѣйшина его выходитъ навстрѣчу со словами мира; всѣ остальные ласково привѣтствуютъ пріѣзжихъ. Затѣмъ путникамъ предлагаютъ то, чего они болѣе всего жаждутъ: свѣжую воду, предлагаютъ всю, сколько есть, съ ласковымъ достоинствомъ, безъ навязчивости и отъ добраго сердца. Жадно, большими глотками пьютъ путники освѣжающую влагу; бѣшено рвутся къ водопою и верблюды, хотя должны знать по опыту, что ихъ еще развьючатъ, свяжутъ и пошлютъ на пастьбу, прежде чѣмъ дозволятъ утолить четырехъ-шестидневную жажду. Даже здѣсь, вблизи колодца, не тратятъ лишней капли воды,—поэтому верблюдамъ сначала даютъ ту, которая оставалась въ мѣхахъ, и только, наполнивъ вновь мѣшки, поятъ животныхъ, сообразуясь не съ ихъ потребностями, а съ имѣющимся налицо количествомъ воды. Только у обильныхъ водою колодцевъ позволяютъ имъ вволю утолить свою жажду, при чемъ забавно бываетъ видѣть, какъ они жадно припадаютъ къ водѣ, даже не поднимая головы, а потомъ странными и неуклюжими прыжками, вслѣдствіе путъ на ногахъ, бѣгутъ на не менѣе желанную пастьбу, чтобы въ раздувшійся, какъ бочка, желудокъ ввести еще и пищу.

Для путешественниковъ и обитателей становища наступаетъ настоящій праздникъ: первые находятъ свѣжую воду, быть-можетъ, даже молоко и мясо въ видѣ прибавки къ желанному отдыху и покою; послѣдніе радуются всякому перерыву ихъ, въ благопріятныхъ случаяхъ, однообразнаго склада жизни. Одинъ изъ погонщиковъ верблюдовъ нашелъ въ ближайшемъ шатрѣ излюбленный у обитателей пустыни музыкальный инструментъ — тамбуру или пятиструнную цитру, и мастерски аккомпанируетъ на немъ своей незатѣйливой пѣснѣ. Звуки музыки и пѣнія вызываютъ изъ шатровъ и дочерей пустыни, и стройныя, прекрасныя женщины и дѣвушки вопросительно устремляютъ на незнакомцевъ свои темные глаза, съ любопытствомъ тѣснятся вокругъ ихъ пожитковъ и безъ жеманства освѣдомляются о томъ и о другомъ. Береги свое сердце, чу-

жестранецъ: эти глаза воспламенятъ его! Они еще прекраснѣе глазъ газели, уста способны пристыдить кораллы, а ослѣпительные зубы—жемчугъ, которые, бытьможетъ, тебѣ вздумалось бы подарить этимъ смуглымъ красавицамъ пустыни! И снова все превращается въ звуки и поэзію. Вокругъ музыканта составляются группы для танцевъ, грубыя и нѣжныя руки бьютъ въ тактъ звукамъ цитры, словамъ пѣсни и мѣрнымъ движеніямъ пляски. Появляются новыя фигуры, тѣ, къ которымъ глазъ присмотрѣлся, исчезаютъ: вокругъ чужеземцевъ постоянное движеніе и смѣна лицъ, и благо имъ, если они такъ же безхитростно и спокойно принимаютъ все это, какъ предлагаютъ ихъ хозяева. Всѣ трудности путешествія забыты, желанія и потребности удовлетворены; ибо вода бьетъ съ избыткомъ и замѣняетъ собою всѣ другія стремленія другихъ странъ и временъ.

Такой привалъ даетъ отдыхъ тѣлу и услаждаетъ душу.

Подкрѣпивъ силы и воспрянувъ духомъ, караванъ продолжаетъ путь; и если не случится болѣе серьезныхъ препятствій, чѣмъ солнечный жаръ и зной, жажда и утомленіе,—онъ достигаетъ благополучно второго и третьяго колодца, пока, наконецъ, не доходитъ до цѣли своего путешествія, перваго мѣстечка, лежащаго по ту сторону пустыни.

Но песчаное море измѣнчиво, подобно водамъ, окружающимъ землю. И въ немъ бушуютъ бури, разбивающія его корабли, и въ немъ вздымаются грозныя волны. Когда нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ дующій сѣверный вѣтеръ вступаетъ въ борьбу съ южными теченіями воздуха или готовится уступить имъ господство, путешественникъ замѣчаетъ, что песокъ вдругъ ожилъ и вздымается въ могучіе, высокіе и широкіе столбы, которые громоздятся одинъ на другой и съ большей или меньшей быстротой кружатся по пустынѣ. Солнечные лучи то озаряютъ ихъ кровавымъ свѣтомъ, то оставляютъ въ тѣни, безцвѣтными или зловѣще темными; несущій ихъ вихрь то ослабляетъ, то увеличиваетъ ихъ силу, то раздробляетъ ихъ, то соединяетъ по два или по нѣскольку въ одинъ, возвышающійся до облаковъ, песчаный смерчъ. Европеецъ готовъ громко выразить свое изумленіе передъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, но тревожные взгляды и слова проводниковъ сковываютъ ему уста. Горе тому каравану, который будетъ застигнутъ подобнымъ ураганомъ: онъ долженъ быть счастливъ, если люди и животныя останутся въ живыхъ! Но если буря благополучно пронесется мимо, то и тогда путешественники еще не избѣгли бѣды, ибо за песчаными смерчами слѣдуетъ обыкновенно самумъ или «ядовитый ураганъ».

Упомянутый вѣтеръ, всегда опасный въ пустынѣ, дующій въ Египтѣ подъ именимъ шамазина, въ Италіи—подъ именемъ сирокко, въ Альпахъ—подъ именемъ фёна, а въ сѣверной Европѣ — теплаго вѣтра, не всегда достигаетъ степени урагана; тогда нерѣдко онъ дуетъ едва замѣтно и, тѣмъ не менѣе, приводитъ въ трепетъ не одно мужественное сердце. Положимъ, о немъ разсказывалось не мало сказокъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что названный вѣтеръ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть въ высшей степени губителенъ для каравана, что именно его дѣйствію слѣдуетъ приписать, находимые по дорогамъ пустыни, побѣлѣвшіе костяки верблюдовъ и наполовину занесенныя пескомъ высушенныя муміи людей. Не сила вѣтра, а его свойства, его электрическая напряженность приносятъ страданія и гибель людямъ и вьючнымъ животнымъ, странствующимъ по песчаному морю.

Туземецъ или хорошо знакомый съ мѣстностью чужестранецъ предчувствуетъ и предсказываетъ песчаную бурю по крайней мѣрѣ за день, а иногда—и за нѣсколько дней впередъ. Ей предшествуютъ несомнѣнные признаки. Воздухъ становится тяжелымъ и удушливымъ; легкій сѣрый или красноватый паръ завола-

кивает небо, не чувствуется ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Всѣ живыя существа видимо страдають отъ постепенно увеличивающагося удушливаго жара: люди жалуются и стонутъ; дикія животныя становятся пугливѣе, верблюды—безпокойнѣе и строптивѣе, жмутся одинъ къ другому, останавливаются или даже ложатся на землю. Безцвѣтенъ заходъ солнца. Вечерняя заря не окаймляетъ неба; всякій проблескъ свѣта исчезаетъ въ туманѣ. Ночь не приноситъ ни прохлады, ни подкрѣпленія, а скорѣе еще увеличиваетъ духоту, слабость и истому; несмотря на усталость, сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Если люди и животныя еще въ состояніи двигаться, то никто не думаетъ объ отдыхѣ, а, напротивъ того, всѣ испуганно стремятся впередъ, пока проводникъ можетъ разглядѣть хотя одно небесное свѣтило. Но пары вскорѣ превращаются въ сухой туманъ, окутывающій не только одну звѣзду за другою, но и луну, и солнце, которыя, въ лучшемъ случаѣ, кажутся вдвое меньше обыкновеннаго, блѣдными и съ расплывающимися краями.

Иногда вихрь поднимается въ полночь, но большею частью — около полудня. Безъ часовъ нѣтъ возможности опредѣлить время, ибо туманъ настолько сгущается, что солнца не видно вовсе, и надъ пустынею царятъ сумерки, въ которыхъ предметы исчезаютъ на самомъ близкомъ разстояніи. Начинается, наконецъ, тихое, едва ощутимое движеніе воздуха. Это даже не вѣтерокъ, а легкое дуновеніе,—но это дуновеніе опаляетъ и жжетъ, оно пронизываетъ, какъ холодный вѣтеръ, до мозга костей, причиняетъ тупую головную боль, вызываетъ слабость и страхъ. За первымъ дуновеніемъ слѣдуетъ уже болѣе ощутительное, но столь же жгучее и мучительное; проносятся съ воемъ отдѣльные сильные порывы вѣтра.

Теперь уже необходимо остановиться. На это указываютъ и верблюды: никакой плетью не заставитъ ихъ сдвинуться съ мѣста. Въ сильнѣйшей тревогѣ ложатся они на землю, вытягиваютъ шеи, пригибаютъ ихъ къ песку и закрываютъ глаза. Погонщики поспѣшно развьючиваютъ ихъ, строятъ наскоро валъ изъ тюковъ, наваливаютъ бурдюки одинъ на другой, чтобы уменьшить открытое вѣтру пространство, покрываютъ ихъ уцѣлѣвшими цыновками, плотнѣе укутываются, какъ и всѣ спутники, въ свои бурнусы, смачиваютъ обматывающіе голову капюшоны водой и ищутъ убѣжища и защиты за тюками. Все это дѣлается поспѣшно и торопливо, ибо песчаная буря не заставляетъ себя ждать.

За отдѣльными порывами вѣтра слѣдуютъ болѣе продолжительные; они сливаются въ одинъ, и нѣсколько минутъ спустя разражается буря. Вѣтеръ свиститъ, ревѣтъ и воетъ, въ пескѣ слышится зловѣщій шелестъ и гулъ, въ лагерѣ трескъ, шумъ и хрустъ отъ поломанныхъ вещей, отъ лопающихся досокъ въ ящикахъ. Удушливая жара усиливается до нестерпимости и вытягиваетъ изъ облитаго потомъ тѣла всю влагу; слизистыя оболочки лопаются и сочатся кровью; пересохшій во рту языкъ уподобляется куску свинца; біеніе пульса ускоряется; сердце судорожно сжимается; наконецъ, и кожа даетъ трещины, которыя буря засыпаетъ тотчасъ же мелкимъ пескомъ, порождая новыя муки. Сыны пустыни молятся и вздыхаютъ, европейцы стонутъ и жалуются.

Обыкновенно самый яростный разгаръ песочной бури длится не долго: одинъ, два, три часа—не болѣе, подобно грозѣ, которой она и соотвѣтствуетъ. Съ ея ослабленіемъ осѣдаетъ пыль, очищается воздухъ, и появляется противоположное, сѣверное теченіе воздуха; караванъ снова снаряжается и продолжаетъ путь. Если же самумъ длится половину дня или цѣлый день, то съ путешественниками можетъ случиться то же, что случилось съ однимъ моимъ знакомымъ, французомъ Тибо, который, путешествуя по сѣверной

Бахіудѣ, нашелъ послѣдній колодецъ засыпаннымъ пескомъ и долженъ былъ, съ почти пустыми мѣхами, продолжать путь къ Нилу, отдаленному на четыре дня хода. Надъ нимъ и надъ его испуганнымъ караваномъ, оставившимъ всѣ менѣе необходимые тюки у изсякнувшаго колодца, разразилась «ядовитая» буря (Giftsturm). Несчастные путешественники остановились лагеремъ, надѣясь на окончаніе бури, но тщетно ждали, жаловались и приходили въ отчаяніе. Одинъ изъ слугъ Тибо въ бѣшенствѣ вскочилъ на ноги, стараясь перекричать бурю, шумѣлъ, неистовствовалъ, наконецъ, въ изнеможеніи упалъ на своего господина, захрипѣлъ и умеръ. Другой, пораженный ударомъ отъ зноя, по окончаніи бури также оказался мертвымъ; третій, когда всѣ снова тронулись въ путь и спѣшили впередъ на жизнь и на смерть, отсталъ и погибъ отъ голода и жажды. Изъ верблюдовъ пала половина. Тибо съ оставшимися въ живыхъ людьми и животными добрался до Нила, но его черные, какъ смоль, волосы за два дня совершенно побѣлѣли.

Этими бурями объясняется происхожденіе муміеобразныхъ труповъ, находимыхъ на караванныхъ путяхъ. Буря, убивая, заботится и о погребеніи своей жертвы, засыпая ее пескомъ, который такъ быстро вытягиваетъ изъ трупа всю влагу, что онъ, вмѣсто того, чтобы истлѣть, высыхаетъ и превращается въ мумію. Вѣтеръ то заноситъ ее пескомъ, то сметаетъ съ нея песочный покровъ. И вотъ трупъ протягиваетъ навстрѣчу путникамъ руку, ногу или лицо, и одинъ изъ погонщиковъ верблюдовъ идетъ на призывъ мертвеца, подходитъ къ нему, опять засыпаетъ его пескомъ и продолжаетъ путь: «Почій, рабъ Божій, миръ праху твоему!»

Эти же бури порождаютъ въ душѣ переживпихъ ихъ призраки фата-морганы. Пока человѣкъ идетъ, полный силъ и сознанія, воздушныя отраженія представляются ему однимъ изъ замѣчательныхъ явленій природы, но никогда не переходятъ въ фата-моргану. Въ жаркое время года, въ дневные часы, отъ девяти утра до трехъ пополудни, изо-дня-въ-день образуется въ пустынѣ марево—«чортово море». Сѣрая, мореобразная, скорѣе похожая на затопленную мѣстность, равнина разстилается въ извѣстномъ разстояніи отъ путешественника надъ каждымъ лишеннымъ растительности пространствомъ; она колышится и волнуется, блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, оставляя видимыми всѣ дѣйствительно существующіе предметы, но какъ будто приподымаетъ ихъ до высоты своего верхняго слоя и затѣмъ снова отражаетъ ихъ книзу. Вдали идущіе верблюды и лошади плаваютъ въ облакахъ, словно нарисованные херувимы, и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно различить ихъ движенія, кажется, будто они ступаютъ на воздушныя подушки. Разстояніе обращенной къ глазамъ зрителя границы явленія остается одинаковымъ, пока зритель не измѣнитъ угла зрѣнія; поэтому оно различно для всадника и для пѣшехода. Все чудо основано на извѣстномъ законѣ, что лучь свѣта, проходящій не чрезъ однородную среду, преломляется, что именно и должно происходить, когда нижніе слои воздуха неравномѣрно разрѣжаются вслѣдствіе обратнаго лучеиспусканія раскаленнаго песка. Ни одинъ арабъ не закрываетъ при видѣ этихъ воздушныхъ явленій своего лица, какъ не разъ разсказывали своимъ довѣрчивымъ читателямъ путешественники, обладающіе слишкомъ пылкимъ воображеніемъ; никто даже не придаетъ особаго значенія названію «чортова моря», всѣми охотно употребляемому. Но, когда марево окружаетъ человѣка, обезсиленнаго страхомъ, лишеніями и усталостью, — вслѣдствіе песочной бури,—тогда оно дѣствительно превращается въ фата-моргану, при чемъ болѣзненно настроенное воображеніе рисуетъ именно такія картины, которыя всего болѣе согласуются съ самыми пламенными желаніями минуты, съ жаждою воды и покоя.

Мнѣ самому, уже сотни разъ наблюдавшему воздушныя отраженія, представились онп однажды въ видѣ фата-морганы. Это случилось, когда «чортово море» заблестѣло и засверкало передо мною послѣ перенесенной мною двадцатичетырехчасовой мучительной жажды. Мнѣ тоже казалось, что я вижу священный Нилъ и лодки съ распущенными парусами, пальмовые лѣса и рощи, сады и загородныя виллы. Но тамъ, гдѣ передъ моими болѣзненно-напряженными чувствами зеленѣлъ пальмовый лѣсъ, мой не менѣе истомленный товарищъ по путешествію видѣлъ парусныя лодки, а гдѣ мнѣ представлялись сады, тамъ ему грезились призрачные лѣса. Но, какъ только мы подкрѣпились случайно полученной водою, всѣ призраки исчезли,—осталось только одно сѣрое, туманное море...

«Чортово море» разстилается передъ всѣми путешественниками, которымъ приходится проѣзжать по прилегающей къ Нилу странѣ, но не всѣмъ удается видѣть одну изъ самыхъ оживленныхъ картинъ, представляемыхъ пустынею: на самомъ краю горизонта появляются всадники, иногда приподнятые воздушнымъ отраженіемъ и окутанные туманомъ; искусно управляя своими быстрыми, какъ вихрь, и стройными, какъ лани, конями, они быстро приближаются и, наконецъ, погнавъ своихъ дотолѣ сдерживаемыхъ лошадей во всю прыть, стремительно подлетаютъ къ каравану. Я всегда съ удовольствіемъ встрѣчался съ этими сухощавыми, характерно-одѣтыми людьми, видя въ нихъ и ихъ коняхъ новое доказательство полнаго единенія пустыни съ ея чадами.

Вѣрнымъ сыномъ пустыни казался мнѣ бедуинъ, а конь его—точнымъ слѣпкомъ съ нихъ обоихъ. Бедуинъ сосредоточенъ и грозенъ, какъ день, привѣтливъ и мягокъ, какъ ночь въ пустынѣ. Вѣрный данному слову, неуклонно повинующійся нравственнымъ законамъ и обычаямъ своего племени, съ величавой осанкой и возвышеннымъ образомъ рѣчи, онъ недосягаемъ въ перенесеніи всевозможныхъ лишеній, безгранично воспріимчивъ къ подвигамъ мужества, славы и чести, равно какъ и къ золотымъ сказкамъ, въ которыя его богатый образами поэтическій даръ вплетаетъ чудныя картины, обвитыя благоухающими цвѣтами; но въ то же время онъ хитеръ и коваренъ относительно врага, онъ безпомощный рабъ своихъ привычекъ, онъ низмененъ въ своихъ желаніяхъ, грубъ въ своихъ требованіяхъ, алченъ въ наслажденіяхъ, необузданъ въ жестокости, страшенъ въ мщеніи; сегодня онъ—благородный, гостепріимный хозяинъ, завтра—назойливый, грозно требующій нищій, то гордый разбойникъ, то жалкій воръ; однимъ словомъ—онъ непостояненъ и измѣнчивъ, какъ сама пустыня. Его конь надѣленъ такими же умными, огненными, выразительными глазами, такою же силою и гибкостью сухощаваго, съ виду почти слабаго, тѣла, такою же выносливостью, способностью довольствоваться малымъ, — тѣми же свойствами, какъ и онъ самъ: не даромъ они выросли вмѣстѣ въ одномъ шатрѣ и до сихъ поръ отдыхаютъ и живутъ подъ одной кровлей. Конь—не рабъ, а товарищъ, другъ человѣка, товарищъ въ играхъ его дѣтей. Въ открытой пустынѣ—гордый, отважный и дикій, въ шатрѣ онъ кротокъ, какъ ягненокъ; онъ является именно нераздѣльною составною частью своего господина и повелителя.

Во всѣхъ пустыняхъ, которыя, по крайней мѣрѣ номинально, находятся подъ властью египетскаго хедива, бедуины въ настоящее время играютъ далеко не такую роль, какъ въ прежнія времена, или какъ и теперь еще въ Аравіи и сѣверо-западныхъ областяхъ Африки. Между ними и египетскимъ правительствомъ заключенъ договоръ, въ силу котораго они обязуются предоставлять караванамъ свободный пропускъ по ихъ владѣніямъ. Поэтому раз-

бойническія нападенія въ пустынѣ чрезвычайно рѣдки, а встрѣча съ бедуинами уже потому не вызываетъ опасеній, что они, въ большинствѣ случаевъ, сами же и владѣльцы нанятыхъ верблюдовъ; тѣмъ не менѣе, властители пустыни, держась старыхъ привычекъ, любятъ сохранять, хотя по наружности, извѣстное верховенство, а потому полезно передъ выступленіемъ въ путь заручиться свободнымъ пропускомъ отъ одного изъ ихъ именитыхъ начальниковъ. Во владѣніяхъ такого начальника встрѣча путниковъ съ сынами пустыни происходитъ приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Изъ толпы всадниковъ выѣзжаетъ одинъ изъ смуглыхъ, загорѣлыхъ людей и обращается къ проводнику или владѣльцу каравана:

— Да хранитъ тебя Богъ, чужестранецъ!

— Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе, Его благодать и милосердіе, о, начальникъ!

— Куда идете вы?

— Въ Пелледъ-Аали, о, шейхъ!

— Имѣете вы пропускъ?

— Мы имѣемъ пропускъ отъ его величества хедива.

— И больше никакого?

— Шейхъ Солиманъ, Мохаммедъ-Шейръ-Аллахъ, Ибнъ-Сиди-Ибрагимъ Ауладъ-Аали тоже далъ намъ пропускъ и благословеніе.

— Въ такомъ случаѣ привѣтъ вамъ, и да будетъ надъ вами благословеніе Всевышняго!

— Милосердый Богъ да осыплетъ Своими милостями тебя и твоего отца, о, начальникъ!

— Не нуждаетесь ли вы въ чемъ-нибудь? Тѣни нашихъ усопшихъ окажутъ вамъ свое покровительство. Въ Вади-Ги-

Бедуины.

терѣ стоятъ наши шатры; въ добрый часъ, если вы желаете отдохнуть. Если же нѣтъ, то да даруетъ вамъ Аллахъ пресчастливый путь!

— Онъ будетъ съ нами, ибо Онъ милосердъ.

— И да руководитъ Онъ васъ на всѣхъ путяхъ вашихъ!

— Аминь, о, начальникъ!

И всадники мчатся дальше, сливаясь въ одно со своими конями: легкія копыта животныхъ едва касаются почвы; бѣлые бурнусы развѣваются по вѣтру, и въ душѣ оживаютъ слова поэта:

Beduin', du selbst auf deinem Rosse,
Bist ein phantastisches Gedicht.

(Бедуинъ, ты самъ на своемъ конѣ— цѣлая фантастическая поэма).

Таковы волшебныя картины, развертываемыя пустыней передъ воспріимчивымъ взоромъ путника. Чѣмъ болѣе сживаешься съ нею, тѣмъ глубже впечатлѣніе, производимое ею, и тѣмъ легче переносятся всѣ трудности и лишенія. Но еще болѣе благословенны послѣдніе часы путешествія,— тѣ часы, когда уже виднѣется вдали окруженное пальмами первое селеніе и серебристая лента священнаго Нила... Люди и животныя спѣшать, какъ будто боясь, что желанная дѣйствительность можетъ оказаться призракомъ, который исчезнетъ въ туманѣ. Цѣль путешествія, однако, выступаетъ все яснѣе и рѣзче; всѣ краски кажутся небывало яркими; думается, что нигдѣ нѣтъ болѣе свѣжей зелени деревьевъ и болѣе чистой, прозрачной воды. Верблюды бѣгутъ впередъ, напрягая послѣднія силы; по нетерпѣливымъ всадникамъ все еще кажется, что они подвигаются слишкомъ медленно. Наконецъ, навстрѣчу имъ раздаются радостныя привѣтствія; завѣтная цѣль достигнута. Изъ всѣхъ хижинъ бѣгутъ навстрѣчу путникамъ мужчины и женщины, старики и дѣти. Каждый старается оказать посильную помощь, предложить все необходимое для подкрѣпленія силъ. Сначала приносятъ воду,—свѣжую, только что почерпнутую изъ рѣки, драгоцѣнную, прекрасную воду; затѣмъ выносятъ все, что имѣютъ для подкрѣпленія тѣла и духа. Вокругъ импровизованнаго лагеря толпятся любопытные мужчины и женщины, юноши и дѣвушки. Тамбура и тарабука — цитра и мѣстный барабанъ — приглашаютъ къ хороводамъ; устраиваются пляски, которыми любуются чужестранцы и туземцы. Даже визгъ водоподъемныхъ колесъ на рѣкѣ, вызывавшій въ былое время тысячу проклятій, кажется теперь звучной мелодіей. Вечеръ приноситъ новыя наслажденія. Удобно расположившись, въ прохладѣ, на мягкомъ упругомъ диванѣ, западный житель пьетъ наперегонку съ туземцемъ мѣстный нектаръ— пальмовое вино или меріезу; звуки цитры и барабана, топотъ ногъ и хлопанье въ ладоши танцующихъ юношей и дѣвушекъ сопровождаютъ увлекательную пирушку. Наконецъ наступившая ночь заявляетъ свои права. Тамбура и тарабука умолкаютъ, хороводъ прекращается. Подкрѣпившіеся и насытившіеся или пресытившіеся путешественники одинъ за другимъ отправляются на покой. Только одинъ изъ нихъ, сынъ Кахиры, матери-земли, никакъ не можетъ успокоиться. Отъ угасающаго лагернаго костра несутся дрожащіе звуки несложной мелодіи его пѣсни: «О, милосердая ночь! ты причиняешь мнѣ страданіе, потому что становишься все длиннѣе; прошу ли я у тебя покоя, ты только увеличиваешь мою тоску. О, милосердая ночь! какъ давно, давно глаза мои не видѣли *ту*, къ которой обращены всѣ мои помыслы: о, ночь! приведи ее въ мои объятія! О, милосердая ночь! ты приближаешься снова, внемли моей мольбѣ: пролей покой въ мою душу, защити своимъ покровомъ повелительницу моей души». Но скоро и этотъ звукъ умолкаетъ, и слышенъ только плескъ волнъ благословенной рѣки.

ТѢНИ.

Запахомъ свѣжей сирени
Вешняя ночь налита.
Тѣни, влюбленныя тѣни
Неуловимо во мракѣ плывутъ—
Шепчутъ, манятъ, какъ мечта,
И о блаженствѣ поютъ.
Жутко и сладостно въ бѣломъ саду:
Вѣтеръ вздохнетъ сладострастно,
Брызнетъ росой и замретъ... Какъ въ чаду,
Слушаю я соловьиныя трели.
Воля надъ сердцемъ не властна...
Чувства мои охмелѣли.
Въ прошлое ль я уношуся душой?
Въ будущемъ чую ли счастье?..
Право, не знаю, что сталось со мной!
Хочется плакать и вѣрить,
Хочется слиться съ весною, и страстью
Тайну природы измѣрить.

А. Өедоровъ.

Грѣхи дѣтства.

Повѣсть **Болеслава Пруса.**

(Съ польскаго.)

(Окончаніе.)

VII.

Валекъ умѣлъ ловко исчезать изъ дому на цѣлые дни. И парубки не удивлялись, если, какъ-нибудь утромъ, находили его на стогѣ сѣна или въ лѣсу подъ деревомъ. Онъ умѣлъ долго простаивать безъ движенія посреди поля, какъ старый пень, и съ широко раскрытыми глазами глядѣть невѣдомо на что. Однажды я засталъ его въ такомъ положеніи и, находясь отъ него довольно близко, слышалъ, какъ онъ вздохнулъ. Не знаю, отчего вздохъ такого маленькаго существа поразилъ меня. Я почувствовалъ какое-то сожалѣніе неизвѣстно къ кому и съ той минуты полюбилъ Валека. Но когда я сдѣлалъ по направленію къ нему нѣсколько шаговъ, мальчикъ очнулся и убѣжалъ въ кусты съ непостижимымъ проворствомъ.

Тогда мнѣ пришла въ голову мысль, что Богъ, Который постоянно смотритъ на такого ребенка, долженъ быть печальнымъ. Я понялъ тогда, отчего на святыхъ иконахъ Его рисуютъ всегда такимъ серьезнымъ, и отчего въ костелѣ нужно разговаривать шопотомъ и ходить на цыпочкахъ.

Этотъ маленькій человѣчекъ сдѣлалъ то, что, вмѣсто того, чтобы скрываться подъ заборомъ, я рѣшилъ отправиться въ паркъ и довести до свѣдѣнія Зоси, что съ этихъ поръ буду играть съ ней и съ Леней.

Понятно, это привело сестру въ восхищеніе.

— Приходи же въ паркъ, — говорила она, — когда мы выйдемъ на прогулку. Поздоровайся съ гувернанткой, которая всегда читаетъ книгу въ бесѣдкѣ, но не разговаривай съ ней долго, такъ какъ она не любитъ, чтобы ей мѣшали. А потомъ самъ увидишь, какъ намъ будетъ весело.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, она сказала мнѣ съ таинственной миной:

— Выходи въ третьемъ часу, я уже предупредила Леню, что ты будешь. Когда мы выйдемъ изъ дому, я кашляну...

Сестра сѣла за какую-то работу, а я ушелъ, такъ какъ, сказать правду, не любилъ занимать лишняго мѣста въ комнатѣ. Я былъ уже на дорогѣ, когда за мной выбѣжала Зося:

— Казя! Казя!..

— Что тамъ еще?

— Когда я кашляну, будешь знать, что̀ это значитъ?..— произнесла она торжественно.

— Само собой разумѣется.

Она вернулась въ комнату, но еще разъ крикнула мнѣ изъ окна:

— Я кашляну... Помни же!

Куда же мнѣ было идти, какъ не въ паркъ, хотя до условленной минуты оставалось добрыхъ полтора часа. Я былъ такъ задумчивъ, что не помню, пѣли ли въ тотъ день птички въ паркѣ, обыкновенно очень оживленномъ. Я раза два обошелъ его вокругъ, а потомъ сѣлъ въ лодку, привязанную къ берегу, и, не имѣя возможности поплыть, по крайней мѣрѣ раскачивался въ ней отъ скуки.

Я сочинялъ себѣ планъ возобновленія знакомства съ Леней. Оно должно было произойти слѣдующимъ образомъ. Когда Зося кашлянетъ, я выйду изъ боковой аллеи съ опущенной головой на главную аллею. Тогда Зося скажетъ:

«— Смотри, Леня, это мой братъ, Казиміръ Лѣсневскій, ученикъ второго класса, пріятель того несчастнаго Юзи, о которомъ я тебѣ говорила».

Леня сдѣлаетъ реверансъ, а я, снявъ шапку, проговорю:

«— Давно уже имѣлъ намѣреніе...» Нѣтъ, такъ не хорошо!.. «Давно уже желалъ возобновить съ вами...» О, нѣтъ!.. Лучше будетъ такъ: «Давно уже намѣревался засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе...»

Тогда Леня спроситъ:

«— Вы давно уже въ нашихъ краяхъ?..» Нѣтъ, она скажетъ не такъ, а такъ: «Мнѣ пріятно видѣть васъ, я столько слышала о васъ отъ Зоси». А потомъ что̀?.. А потомъ — вотъ: «Не соскучились ли вы въ нашей деревнѣ, вѣдь вы привыкли къ большому городу».

А я отвѣчу:

«— Скучалъ прежде, пока былъ лишенъ вашего общества...»

Въ эту минуту близко отъ поверхности воды промелькнула щука, величиною съ полъ-аршина. Передъ такой дѣйствительностью померкли всякія грёзы. Здѣсь, въ пруду, водятся такія рыбы, а у меня — нѣтъ удочки!..

Я бросился вонъ изъ лодки, желая поискать, нѣтъ ли дома крючковъ, и чуть-чуть не толкнулъ Леню, которая только что собиралась прыгать черезъ красивую веревочку.

Рыбы, крючки, планъ торжественнаго возобновленія знакомства,—все сразу смѣшалось въ моей головѣ. Вотъ такъ щука!.. Я даже забылъ поклониться Ленѣ; хуже того — я совсѣмъ не могъ говорить. Но что за щука!..

Леня, хорошенькая шатенка съ красивыми губами, которыя каждую минуту складывались иначе, взглянула на меня сверху и, откинувъ назадъ непослушные локоны, безъ всякихъ вступленій спросила:

— Правда ли, что вы продырявили намъ лодку?

— Я?..

— Такъ мнѣ сказалъ садовникъ, а

теперь мама не позволяетъ намъ кататься и велѣла привязать лодку къ берегу, а весла—спрятать.

— Честное слово, я не продырявливалъ лодки! — оправдывался я, какъ передъ инспекторомъ.

— Правда это? — спросила Леня, быстро заглядывая мнѣ въ глаза.—Потому что отъ кавалера это станется...

Тонъ дѣвушки мнѣ не понравился. Чортъ возьми! Самый сильный товарищъ не смѣлъ бы разговаривать со мной подобнымъ образомъ.

— Если я говорю *нѣтъ*, значитъ— *вѣрно!*.. — отвѣчалъ я, сильно подчеркивая слова.

— Въ такомъ случаѣ, садовникъ сказалъ неправду,—сказала Леня, насупивъ брови.

— И прекрасно сдѣлалъ, — отвѣчалъ я, — потому что молодыя барышни не умѣютъ кататься на лодкѣ.

— А вы умѣете?

— Я умѣю и на лодкѣ кататься, и плавать на саженки, а также на спинѣ и стоймя.

— А вы будете насъ катать?

— Если мама вамъ позволитъ, буду.

— Такъ вы посмотрите, не продырявлена ли лодка?

— Нѣтъ.

— А откуда же въ ней набралась вода?

— Отъ дождя.

— Отъ дождя?

Разговоръ прервался. Я настолько собрался съ духомъ, что смѣло глядѣлъ на Леню, а она, насколько представляется мнѣ теперь это дѣло, не обращала на меня особеннаго вниманія. Затѣмъ, не трогаясь съ мѣста, она стала прыгать черезъ шнурокъ, въ промежуткахъ разговаривая со мной.

— Отчего вы не хотѣли играть съ нами?

— Потому что я былъ занятъ.

— Что̀ вы дѣлаете?

— Учусь.

— Но вѣдь на каникулахъ никто не учится.

— Въ нашемъ классѣ нужно учиться и на каникулахъ.

Леня два раза перепрыгнула черезъ шнурокъ и сказала:

— Адась въ четвертомъ классѣ, однако во время праздниковъ не учился. Ахъ, правда... вы не знаете Адася?..

— Кто вамъ сказалъ, что не знаю?— спросилъ я съ гордостью.

— Потому что вы въ первомъ классѣ, а онъ—въ третьемъ...

Снова два прыжка черезъ шнурокъ... Я думалъ, что со мной произойдетъ что-нибудь особенное.

— Со мной водитъ знакомство даже четвертый классъ,—отвѣчалъ я въ сердцахъ.

— Все равно, потому что Адась ходитъ въ гимназію въ Варшавѣ, а вы... Вы въ какой гимназіи?..

— Въ Сѣдлецкой, — отвѣтилъ я сдавленнымъ голосомъ.

— А я также поѣду въ Варшаву, — замѣтила Леня и прибавила: — Быть-можетъ, вы скажете Зосѣ, что я уже здѣсь...

И, не ожидая съ моей стороны ни согласія, ни отказа, она побѣжала къ бесѣдкѣ, продолжая прыгать.

Я былъ ошеломленъ, я не могъ переварить, ка̀къ эта дѣвчонка смѣетъ такъ обходиться со мной.

«Оставьте вы меня въ покоѣ съ вашими играми, — подумалъ я, и вправду разсерженный. — Леня такая невѣжливая, неделикатная,—гадкая дѣвчонка!..»

Эти соображенія не помѣшали мнѣ, однако, тотчасъ же исполнить ея порученіе. Я шелъ домой очень шибко, быть-можетъ, даже черезчуръ шибко, — вѣроятно, въ силу внутренняго волненія.

Зося отыскивала зонтикъ, чтобы отправиться въ садъ.

— Знаешь,—сказалъ я, бросая шапку въ уголъ,—я уже познакомился съ Леней.

— И что же?.. — съ любопытствомъ спросила сестра.

— Ничего... такъ себѣ!..—отвѣчалъ я. не глядя ей въ глаза.

— Правда, какая она добрая, какая красивая?..

— Ахъ, это для меня совершенно безразлично. Она проситъ тебя, чтобы ты пришла.

— А ты не пойдешь?

— Нѣтъ!

— Отчего? — спросила Зося, заглядывая мнѣ въ глаза.

— Оставьте меня въ покоѣ!.. — пробурчалъ я. — Не пойду, потому что не хочу...

Должно-быть, въ голосѣ моемъ было нѣчто весьма рѣшительное, коль скоро сестра вышла, не предлагая мнѣ дальнѣйшихъ вопросовъ. Видя, что она готова убѣжать, я позвалъ ее изъ окна.

— Зося, только прошу тебя — ничего тамъ не говори... Скажи, что я... что у меня немного голова болитъ.

— Хорошо, хорошо, не безпокойся. Я тебя не выдамъ.

— Помни, Зося, если ты хоть немножко любишь меня...

Понятно, что при этомъ мы весьма сердечно поцѣловались.

VIII.

Трудно теперь освѣжить въ памяти чувства, волновавшія меня по уходѣ Зоси. Какъ смѣла эта Леня разговаривать со мной подобнымъ образомъ?.. Правда, учителя, а въ особенности инспекторъ, обращались со мной довольно фамильярно, — ну, да на то они старые люди. Но среди учениковъ перваго класса (теперь уже второго) я пользовался уваженіемъ. А здѣсь, въ деревнѣ, — не угодно ли послушать, какъ разговаривалъ со мной отецъ, какъ мнѣ кланялись парубки, сколько разъ говорилъ экономъ: «господинъ Лѣсневскій, не зайдете ли ко мнѣ выкурить трубочку?» — А я ему на это: «Благодарю васъ, я не хочу привыкать къ табаку».—А онъ: «Какъ вы счастливы, что такъ владѣете собой... Вы и противъ гувернантки устояли бы...»

Сообразно обращенію старшихъ, я и самъ чувствовалъ себя серьезнымъ. Даже ксендзъ-пробощъ говорилъ отцу: «Смотрите, господинъ Лѣсневскій, что школа дѣлаетъ изъ мальчика; этотъ Казя годъ назадъ былъ сорви-головой и вѣтрогономъ. а теперь не угодно ли, это — дипломатъ, это—Меттернихъ...»

Такъ обо мнѣ разсуждали люди... И нужно же случиться, чтобы какая-то коза, которая ни одного класса еще и въ глаза не видѣла, смѣла сказать мнѣ, что «это отъ кавалера станется...» Кавалеръ?.. Что она за взрослая барышня?!.. Оттого, что знаетъ тамъ какого-то Адася, такъ ужъ и задираетъ голову. И что это за птица—Адась? Окончилъ третій классъ, а я уже во второмъ. Велика разница! Если окажется осломъ, такъ я его догоню и даже перегоню. Еще, въ придачу ко всему, велѣла мнѣ идти за Зосей, точно я лакей ея. Посмотримъ, послушаюсь ли я въ другой разъ. Даю слово, что, если когда-нибудь она обратится ко мнѣ съ чѣмъ-нибудь подобнымъ, я попросту суну руки въ карманы и отвѣчу: «Только прошу васъ не позволять себѣ слишкомъ много!» Или еще лучше: «Леня, вижу, что ты еще не научилась быть вѣжливой...» Или такъ: «Леня, если ты хочешь, чтобы я былъ знакомъ съ тобою...»

Я чувствовалъ, что мнѣ не приходитъ въ голову достойная отповѣдь, и это меня еще больше раздражало. Я, должно-быть, даже въ лицѣ измѣнился, потому что наша ключница, старая Войцѣхова, два раза приходила въ комнату, приглядывалась ко мнѣ и, наконецъ, спросила:

— Что случилось, отчего ты, Казя, такой скучный?.. Не напроказилъ ли чего-нибудь, или быть-можетъ что-нибудь болитъ?..

— Ничего...

— Ужъ я вижу, какое тамъ «ничего». Отъ меня ничто не скроется. Если ты,

чего добраго, напроказилъ, лучше сразу поди къ отцу и сознайся.

— Ничего я не напроказилъ. Немного усталъ—и только.

— Если усталъ, такъ отдохни и поѣшь. Я сейчасъ дамъ тебѣ хлѣба съ медомъ.

Она вышла и черезъ минуту возвратилась съ огромнымъ кускомъ хлѣба, съ котораго медъ такъ и капалъ.

— Да я не стану ѣсть, оставьте меня въ покоѣ!..

— Почему же не съѣсть? Бери-ка скорѣй, а то медъ течетъ у меня по пальцамъ. Подкрѣпись, и ты сейчасъ повеселѣешь. Человѣку всегда не по себѣ, когда онъ голоденъ; но когда покушаетъ, сейчасъ и въ головѣ прояснится... Ну, бери-ка въ руку.

Я долженъ былъ взять хлѣбъ изъ опасенія, чтобы она не закапала медомъ моихъ волосъ или мундира. Машинально я съѣлъ его, и, дѣйствительно, мнѣ стало какъ будто легче на сердцѣ. Я подумалъ, что съ Леней я какъ-нибудь справлюсь, и что хорошо было бы попотчивать также бѣднаго Ва̀лека, потому что онъ, вѣроятно, рѣдко ѣстъ медъ, и, къ тому же, вѣдь я уже любилъ его.

На мое счастье, Войцѣхова, видя такое благотворное дѣйствіе лѣкарства, отрѣзала еще кусокъ хлѣба и не пожалѣла меду. Я осторожно взялъ его и отправился разыскивать мальчика.

Я нашелъ его неподалеку отъ кухни. Съ нимъ разговаривали, смѣясь, два парубка, привезшіе изъ лѣсу дрова.

— Если тебя еще разъ побьетъ мать,—говорилъ одинъ,—то собери свои вещи и ступай въ свѣтъ. Пойдешь?..

— Да я не знаю ка̀къ, — отвѣчалъ Ва̀лекъ.

— Возьми сапоги на палку и—айда—за лѣсъ. Тамъ свѣту достаточно.

— Да у меня сапогъ нѣтъ.

— Тогда возьми одну палку. Съ палкой и безъ сапогъ найдешь дорогу...

Увидѣвъ меня, мальчикъ бросился бѣжать къ лопухамъ.

— О чемъ вы тутъ разговаривали съ нимъ?—спросилъ я парубковъ.

— Ни о чемъ. Подсмѣиваемся надъ нимъ. Обыкновенно, какъ надъ дуракомъ.

Чувствуя, что медъ начинаетъ заливать мнѣ пальцы, я не вступилъ съ ними въ дальнѣйшій разговоръ и побѣжалъ за Валекомъ. Онъ остановился среди бурьяна и оттуда глядѣлъ на меня.

— Ва̀лекъ!—закричалъ я,—вотъ тебѣ хлѣбъ съ медомъ.

Онъ не тронулся съ мѣста.

— Подойди сюда...

И я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Мальчикъ бросился бѣжать.

— Охъ, какой же ты глупый!.. На̀ хлѣбъ, я положу его вотъ сюда...

Я положилъ хлѣбъ на камень и отошелъ. Едва я скрылся за угломъ кухни, какъ мальчикъ приблизился къ камню, сталъ осторожно осматривать хлѣбъ и, наконецъ, съѣлъ его, какъ мнѣ показалось, съ большимъ аппетитомъ.

Часъ спустя, направляясь къ лѣсу, я замѣтилъ, что мальчикъ бѣжитъ за мной въ нѣкоторомъ отдаленіи. Я остановился—остановился и онъ. Когда я повернулъ домой, онъ отбѣжалъ въ сторону и скрылся въ кустахъ; но не прошло и минуты, какъ онъ снова бѣжалъ за мной.

Въ тотъ же день я еще разъ далъ ему кусокъ хлѣба. Онъ взялъ его прямо изъ моихъ рукъ, однако все еще съ опаской, и сейчасъ же убѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ ходить за мной, всегда въ нѣкоторомъ отдаленіи. Съ утра онъ кружился подъ нашими окнами, какъ птица, которой чья-то дружеская рука сыплетъ зерно. Вечеромъ онъ усаживался подъ окнами кухни и глядѣлъ на нашъ флигель. Тогда только, когда у насъ тушили свѣчи, онъ шелъ спать за печку, гдѣ у него надъ головой трещали сверчки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ первой встрѣчи съ Леней, уступая просьбамъ Зоси, я отправился съ нею въ паркъ.

— Знаешь,—увѣряла меня сестра,—Леня очень тобой интересуется: постоянно говоритъ о тебѣ, сердится, что ты тогда не пришелъ, и спрашиваетъ, когда ты будешь.

Что же удивительнаго, если я уступилъ, тѣмъ болѣе, что меня самого какъ-то тянуло къ Ленѣ. Мнѣ казалось, что мои огорченія, вызванныя смертью Юзи, окончатся только тогда, когда я стану ходить подъ руку съ Леней и вести съ ней какой-нибудь серьезный разговоръ. О чемъ собственно?—я не знаю и по сей день. Я чувствовалъ только, что мнѣ хочется красиво говорить, много говорить и имѣть единственнаго слушателя въ лицѣ Лени.

При мысли о прогулкахъ вдвоемъ, что-то пѣло въ моей груди, какъ арфа, сверкало, какъ солнце въ капелькахъ росы. Но дѣйствительность не всегда отвѣчаетъ мечтамъ. Такъ и теперь, когда, въ сопровожденіи сестры, я снова встрѣтился съ Леней, я спросилъ ее, желая начать одинъ изъ идеальныхъ разговоровъ:

— Вы любите ловить рыбу?

При этихъ словахъ дѣвочки взялись подъ руку, стали перешептываться, бѣгать по аллеѣ и смѣяться, какъ шальныя. Я остолбенѣлъ, вертя въ рукахъ удочку, ради которой едва не получилъ ударъ копытомъ отъ сѣраго коня за то, что вырвалъ у него изъ хвоста нѣсколько волосковъ.

Я уже собирался уйти, обиженный, когда дѣвочки возвратились снова, и Зося сказала:

— Леня проситъ, чтобы вы называли другъ друга по имени.

Я поклонился, не говоря ни слова отъ смущенія, а онѣ снова разсмѣялись и побѣжали въ сторону пруда.

— Знаете ли вы... — начала Леня и тотчасъ же поправилась:—Знаешь, Зося, мама рѣшительно не позволяетъ намъ кататься на лодкѣ. Я сказала ей, что насъ будетъ возить твой братъ, но мама...

Она шепнула Зосѣ на ухо какую-то длинную фразу; однако я сразу догадался, въ чемъ дѣло. Навѣрное, мама боится, чтобы я не утопилъ дѣвочекъ,—я, такой хорошій пловецъ и ученикъ второго класса!..

Я былъ пристыженъ. Леня это замѣтила и вдругъ сказала:

— Нарвите...—И она снова поправилась:—Попроси, Зося, брата, чтобы онъ нарвалъ намъ водяныхъ лилій. Онѣ такія красивыя, а я никогда не имѣла ихъ въ рукахъ.

Духъ у меня захватило. По крайней мѣрѣ теперь покажу, чтó я умѣю.

На пруду росло много лилій, но не у берега, а немного дальше. Я выломалъ прутъ и вошелъ въ колыхающійся челнокъ.

У лилій точно пружинные стебельки. Захваченные палкой, онѣ приближались ко мнѣ и потомъ снова отплывали. Я выломалъ палку еще длиннѣе, загнутую крючкомъ на концѣ. На этотъ разъ дѣло пошло успѣшнѣй. Крѣпко захваченная лилія приплыла—вотъ-вотъ... Я протянулъ лѣвую руку — слишкомъ далеко. Становлюсь на колѣни на носу лодки, наклоняюсь и хочу уже сорвать цвѣтокъ, какъ вдругъ падаю въ воду, палка вырывается изъ рукъ, а лилія снова отплываетъ.

Барышни—въ крикъ. Я говорю:

— Ничего! ничего! здѣсь мелко!..

Выливаю воду изъ шапки, надѣваю ее на голову и, двигаясь по поясъ въ водѣ, а по колѣна въ грязи, срываю одну лилію, другую, третью, четвертую...

— Казя, ради Бога, вернись!..—съ плачемъ зоветъ сестра.

— Довольно уже, довольно!..—вторитъ ей Леня.

Я не слушаю. Рву пятую, шестую, десятую лилію, и потомъ листья.

Я вышелъ изъ пруда, промокшій съ головы до ногъ, въ грязи выше колѣнъ и по локти. На берегу плачетъ Зося, Леня не хочетъ брать цвѣтовъ, а за ними прячется, желтый отъ страха, Валекъ.

Вижу, что въ глазахъ Лени также слезы, но вдругъ она начинаетъ смѣяться.

— Смотри, Зося, на что онъ похожъ!..

— Боже! Что скажетъ отецъ?..—восклицаетъ Зося. — Милый Казя, умой по крайней мѣрѣ лицо, потому что ты весь въ грязи.

Я машинально дотрогиваюсь перепачканной рукой до носа. Леня стоять не можетъ отъ смѣху и садится на траву. Зося также смѣется, отирая слезы, и даже Валекъ раскрываетъ ротъ и издаетъ звукъ, похожій на мычанье.

Теперь только замѣчаютъ его дѣвочки.

— Что это? — спрашиваетъ Зося. — Откуда онъ взялся?

— Онъ пришелъ сюда за твоимъ братомъ,—отвѣчала Леня.—Я видѣла, какъ онъ прятался за кустами.

— Боже! какая у него шляпа!.. Чего ему отъ тебя надо, Казя?.. — говоритъ сестра.

— Онъ ходитъ за мной вотъ ужъ нѣсколько дней.

— Ага, вѣроятно, Казя съ нимъ игралъ въ то время, когда убѣгалъ отъ насъ...— иронически замѣчаетъ Леня. — Смотри, Зося, какъ оба они хороши — одинъ вымокшій въ водѣ, а другой немытый... Ой, умру отъ смѣха!..

Это сравненіе съ Валекомъ мнѣ вовсе не понравилось.

— Казя, умойся же и ступай домой переодѣться, а мы тѣмъ временемъ пойдемъ въ бесѣдку, — сказала Зося, поднимая Леню, которая отъ приступовъ смѣха чуть не впала въ истерику.

Дѣвочки ушли. Остались я, Валекъ и пучокъ лилій на травѣ, которыхъ никто не поднялъ.

«Такова-то награда за мое самопожертвованіе?»—подумалъ я съ горечью, ощущая грязь во рту. Я снялъ шапку. Ужасъ, что съ ней сдѣлалось!.. Она похожа на грязную тряпку, а донышко въ одномъ мѣстѣ вылѣзаетъ. Съ мундира, жилетки и рубашки ручьями течетъ вода. Воды и въ сапогахъ столько, что она чвакаетъ при малѣйшемъ движеніи. Чувствую, что холстъ на мнѣ превращается въ сукно, сукно—въ кожу, а кожа—въ дерево. А тамъ, въ сторонѣ бесѣдки, слышится смѣхъ Лени, которая разсказываетъ гувернанткѣ о моемъ злоключеніи.

Черезъ минуту онѣ придутъ сюда. Я собираюсь умыться, но, не окончивъ умыванія, убѣгаю, потому что онѣ идутъ!.. Я ужъ вижу въ аллеѣ ихъ платья, слышу удивленные возгласы гувернантки. Онѣ отрѣзали мнѣ дорогу домой; тогда я поворачиваю въ другую сторону, къ забору.

— Гдѣ же онъ?—спрашиваетъ крикливымъ голосомъ гувернантка.

— Онъ тамъ, тамъ!.. Они оба убѣгаютъ,—отвѣчаетъ Леня.

Теперь я вижу, что Валекъ шагъ-въ-шагъ бѣжитъ за мной. Мы вмѣстѣ добѣгаемъ до забора. Я взлѣзаю на перекладину, онъ—за мной. И въ то время, какъ мы, повернувшись лицомъ другъ къ другу, возсѣдаемъ верхомъ на заборѣ, какъ на лошади, въ кустахъ показываются Леня, Зося и гувернантка.

— Ахъ! и тотъ пріятель!..—вскрикиваетъ со смѣхомъ Леня.

Я спрыгиваю съ забора и бѣгу черезъ поле къ нашему флигелю, а Валекъ продолжаетъ поддерживать мнѣ компанію. Видимо, его забавляетъ эта погоня, потому что онъ раскрываетъ ротъ и испускаетъ звукъ, похожій на мычанье, который означаетъ у него высшую степень удовольствія.

Я остановился внѣ себя отъ гнѣва.

— Любезнѣйшій, что тебѣ нужно отъ меня?.. Чего ты за мной таскаешься?..— набросился я на мальчика.

Валекъ изумился.

— Ступай прочь отъ меня, ступай прочь!..—говорилъ я, сжимая кулаки.— Благодаря тебѣ, всѣ смѣются надо мной... Если ты когда-нибудь попадешься еще мнѣ на дорогѣ, я изобью тебя...

Съ этими словами я пошелъ дальше, а мальчикъ остался. Когда я, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, повернулъ голову, я

увидѣлъ его все на томъ же мѣстѣ. Онъ смотрѣлъ на меня и громко плакалъ.

Я бурно влетѣлъ въ нашу кухню, и, гдѣ только мнѣ ни приходилось ступить, оставалась лужа воды. Всполошившіяся при моемъ появленіи курицы съ кудахтаньемъ и распростертыми крыльями забились въ окна, служанки стали смѣяться, а Войцѣхова всплеснула руками.

— Слово стало дѣломъ... Что съ тобой?— крикнула она.

— Не видите развѣ?.. Упалъ въ прудъ. и баста!.. Дайте-ка мнѣ парусиновый костюмъ, сапоги, рубаху... Только скорѣй!..

— Бѣда мнѣ съ этимъ Казей!—отвѣчала Войцѣхова. — Къ блузѣ, вѣроятно, не пришиты пуговицы... Каська, поди-ка, поищи сапоги...

Войцѣхова стала разстегивать пуговицы и снимать мундиръ съ помощью другой служанки. Сначала это шло еще кое-какъ, но съ сапогами вышло затрудненіе. Ни вправо, ни влѣво. Наконецъ призвали на помощь конюха. Я долженъ былъ лечь на лавку, Войцѣхова со служанками держали меня за плечи, а конюхъ стягивалъ сапоги. Я думалъ, что мнѣ вывихнутъ ноги. Зато черезъ полчаса я уже былъ какъ кукла — вымытый, одѣтый и причесанный. Прибѣжала Зося и пришила пуговицы къ парусинному костюму. Войцѣхова выжала вымокшую одежду, вынесла сушить на чердакъ, и все успокоилось.

Однако, отецъ, возвратившись домой, зналъ уже обо всемъ. Онъ насмѣшливо поглядѣлъ на меня, покачалъ головой и сказалъ:

— Ахъ, ты, оселъ, оселъ!.. Ступай-ка теперь къ Ленѣ, пусть она сошьетъ тебѣ новые штаны!

Появился винокуръ. И тотъ оглядѣлъ меня, посмѣялся, но я подслушалъ, какъ онъ говорилъ отцу въ конторѣ:

— Проворный мальчишка! За дѣвчонками въ огонь полѣзетъ... Такъ же, какъ мы въ молодые годы, господинъ Лѣсневскій.

Я догадался, что всей усадьбѣ было извѣстно о моей предупредительности по отношенію къ Ленѣ, и мнѣ стало стыдно.

Подъ вечеръ явились помѣщица, Леня и гувернантка, и у каждой изъ нихъ— о, чудо!—было приколото на груди по водяной лиліи... Я былъ готовъ провалиться сквозь землю, убѣжать, но—меня позвали, и я предсталъ предъ лицомъ прибывшихъ.

Я замѣтилъ, что гувернантка смотритъ на меня очень привѣтливо. Графиня погладила меня по залитой румянцемъ щекѣ и дала нѣсколько конфетъ.

— Мой мальчикъ, — сказала она, — очень хорошо, что ты такъ предупредителенъ, но, прошу тебя, не катай никогда барышень въ лодкѣ. Хорошо?..

Я поцѣловалъ у нея руку и что-то пробормоталъ.

— Да и самъ также не катайся. Обѣщаешь мнѣ?

— Не буду кататься.

Потомъ графиня обернулась къ гувернанткѣ и что-то сказала ей по-французски. Я услышалъ нѣсколько разъ повторенное слово: héros. Но несчастью, услышалъ его и отецъ, и отозвался:

— Да, вы правы, графиня: Иродъ, настоящій Иродъ *).

Графиня улыбнулась, а по ихъ уходѣ Зося старалась растолковать отцу, что héros по-французски значитъ не Иродъ, а богатырь.

— Богатырь!—повторилъ отецъ.—Онъ такой богатырь, что испачкалъ мундиръ и порвалъ штаны, а я выброшу Шмулькѣ за это три рубля. Пусть чортъ возьметъ такое геройство, за которое другимъ приходится платить.

Прозаическіе взгляды отца были мнѣ очень непріятны. Однако, я благодарилъ Бога, что дѣло только этимъ и кончилось.

Съ тѣхъ поръ я встрѣчался съ Леней

*) По-польски Иродъ—Herod.

не только въ паркѣ, но и въ господскомъ домѣ. Раза два я даже тамъ обѣдалъ, что̀ причиняло мнѣ много безпокойства, и почти каждый день получалъ приглашеніе на завтракъ, обыкновенно состоявшій изъ кофе, или земляники, или малины съ сахаромъ и со сливками.

Часто я разговаривалъ со старшими. Графиня удивлялась моей начитанности, которой я обязанъ былъ библіотекѣ горбуна, а гувернантка, панна Клементина, просто восторгалась мной. Что касается послѣдней симпатіи, то я пріобрѣлъ ее благодаря не столько моей эрудиціи, сколько разговорамъ объ экономѣ, о которомъ я всегда въ точности зналъ, гдѣ онъ присматриваетъ за работами и что̀ говоритъ о паннѣ Клементинѣ. Въ концѣ концовъ эта милая особа призналась мнѣ, что она вовсе не думаетъ выходить замужъ за эконома, но жаждетъ только поднять его морально. Она сообщила мнѣ, что, по ея понятіямъ, назначеніе женщины—возвышать духовно мужчинъ, и что я самъ, когда выросту, обязательно встрѣчу въ жизни такую женщину, которая возвыситъ меня.

Эти соображенія мнѣ очень понравились. Я съ большимъ усердіемъ сталъ доставлять паннѣ Клементинѣ свѣдѣнія объ экономѣ, а ему — о паннѣ Клементинѣ, за что снискалъ расположеніе обоихъ.

Насколько я теперь припоминаю, въ господскомъ домѣ жизнь шла довольно своеобразная. Къ графинѣ черезъ два-три дня пріѣзжалъ ея женихъ, а панна Клементина по нѣскольку разъ на день посѣщала тѣ уголки парка, откуда она могла видѣть эконома или, по крайней мѣрѣ, какъ говорила, слышать звукъ его голоса, вѣроятно, въ то время, когда онъ дѣлалъ выговоры рабочимъ. Съ своей стороны, камеристка украдкой проливала слезы по томъ же экономѣ, а прочія горничныя, слѣдуя примѣрамъ свыше, дѣлили свои чувства между лакеемъ, буфетчикомъ, поваромъ, поваренкомъ и кучеромъ. Даже сердце старой Соломоніи не было свободно: въ немъ царили индюки, гусаки, селезни, каплуны и пѣтухи, а также ихъ разнопёрыя и разновидныя подруги, въ обществѣ которыхъ она проводила цѣлые дни.

Дѣло понятное, что въ такомъ занятомъ своими дѣлами обществѣ намъ, дѣтямъ, была предоставлена полная свобода. Мы играли вмѣстѣ съ утра до вечера и только тогда имѣли удовольствіе видѣть старшихъ, когда насъ звали на обѣдъ, на завтракъ или на сонъ грядущій.

Благодаря этой свободѣ, мои отношенія съ Леней сложились довольно оригинальнымъ образомъ. Она говорила мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней «Казя», а потомъ «ты», пользовалась моими услугами, даже кричала на меня; а я продолжалъ попрежнему говорить ей «вы», все рѣже говорилъ, но все чаще слушалъ. Иногда во мнѣ просыпалось достоинство человѣка, который черезъ годъ можетъ перейти уже въ третій классъ. Тогда я проклиналъ ту минуту, когда въ первый разъ послушался Леню, отправляясь, по ея приказанію, къ сестрѣ. Я говорилъ себѣ:

«Ужъ не думаетъ ли она, что я состою у ней на службѣ, какъ мой отецъ у ея матери?..»

Такимъ способомъ я возставалъ противъ себя и приходилъ къ выводу, что все это нужно измѣнить. Но при видѣ Лени меня совсѣмъ покидало мужество, а если я и успѣвалъ случайно удержать какую-нибудь частичку его, то Леня отдавала мнѣ приказанія съ такимъ нетерпѣливымъ видомъ, такъ топала ножкой, что я принужденъ былъ исполнять все, что̀ она ни приказывала. А когда однажды, поймавъ воробья, я ей не отдалъ его въ ту же минуту, она закричала:

— Не хочешь—не нужно!.. Обойдемся и безъ твоего воробья...

Она была такъ сердита и такъ хороша, что я сталъ умолять ее, чтобы она взяла воробья. Но она — нѣтъ и

нѣтъ!.. Едва я уговорилъ ее, да и то только при помощи Зоси, и, вдобавокъ еще, въ теченіе нѣсколькихъ дней долженъ былъ выслушивать упреки:

— Я бы тебѣ никогда не сдѣлала такой непріятности. Знаю я теперь, какой ты упрямый. Въ первый день прыгнулъ въ воду, чтобы достать мнѣ лилій, а вчера не хотѣлъ позволить мнѣ, чтобы я немного поиграла съ птичкой. Я знаю все. О, ни одинъ мальчикъ не поступилъ бы со мной такимъ образомъ...

А когда, послѣ всевозможныхъ объясненій, я просилъ ее не сердиться на меня, Леня отвѣчала:

— Развѣ я сержусь?.. Ты прекрасно знаешь, что я на тебя не сержусь. Мнѣ только обидно было. А какъ мнѣ было горько и обидно, того никто и вообразить себѣ не можетъ!.. Пусть тебѣ скажетъ Зося, какъ мнѣ было обидно.

Тогда Зося, съ торжественной миной, пояснила мнѣ, что Ленѣ было очень, очень обидно.

— Впрочемъ, пусть тебѣ скажетъ сама Леня, какъ ей было обидно,—закончила моя дорогая сестричка.

Отсылаемый отъ Анны къ Каіафѣ для ближайшаго опредѣленія степени того огорченія, которое я имѣлъ несчастіе причинить, я совсѣмъ потерялъ голову.

Я превратился въ машину, съ которой дѣвочки дѣлали все, что̀ имъ было угодно, потому что малѣйшая тѣнь самостоятельности съ моей стороны причиняла огорченіе либо Ленѣ, либо Зосѣ.

Если бы бѣдный Юзя всталъ изъ гроба, онъ не узналъ бы меня въ этомъ тихомъ, послушномъ, загнанномъ кавалерѣ, который вѣчно зачѣмъ-то ходилъ, что-то носилъ, чего-то искалъ, о чемъ-то не зналъ, чего-то не понималъ и ежеминутно былъ штрафуемъ. А если бы видѣли это мои товарищи!..

Какъ-то разъ панна Клементина была занята болѣе, нежели обыкновенно. Экономъ долженъ былъ за чѣмъ-то присматривать въ конюшняхъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея любимой бесѣдки. Пользуясь этимъ, мы втроемъ предприняли путешествіе за предѣлы парка, къ тѣмъ кустамъ, гдѣ росла ежевика.

Ужасъ, сколько ея тамъ было! Что ни шагъ, то кустикъ, а на каждомъ множество ягодъ, черныхъ и большихъ, какъ сливы. Сначала мы собирали ихъ вмѣстѣ, перекидываясь возгласами удивленія и радости. Вскорѣ, однако, мы замолчали и разошлись въ разныя стороны. Не знаю, какъ тамъ дѣвочки, но я, утонувъ среди самыхъ густыхъ кустиковъ, забылъ обо всемъ на свѣтѣ. Что̀ это была за ежевика!.. Теперь не встрѣтишь даже такихъ ананасовъ.

Уставъ стоять—я присѣлъ, уставъ сидѣть — прилегъ на кустикахъ, какъ на пружинномъ диванѣ. Здѣсь было такъ тепло, такъ мягко и такъ много всего, что не знаю, какимъ образомъ я пришелъ къ заключенію, что именно такъ должно было быть Адаму въ раю. Боже! Боже! Отчего я не былъ Адамомъ? По сей день на проклятомъ деревѣ росли бы яблоки, такъ какъ для того, чтобъ сорвать ихъ, я не захотѣлъ бы даже пошевельнуть пальцемъ...

Вытягиваясь, какъ ящерица, подъ теплыми лучами солнца, на упругихъ кустикахъ, я чувствовалъ неописанное счастіе, главнымъ образомъ по той причинѣ, что могъ совершенно ни о чемъ не думать. Иногда я переворачивался на спину; листья ласкали меня по лицу, а я глядѣлъ въ безпредѣльное небо и съ неописуемымъ наслажденіемъ воображалъ себѣ, что меня вовсе не существуетъ. Леня, Зося, паркъ, обѣдъ, наконецъ, гимназія и инспекторъ казались мнѣ сномъ, который когда-то былъ, но прошелъ, быть-можетъ, сто лѣтъ назадъ, а можетъ-быть, и тысячу. Бѣдный Юзя на небѣ навѣрное постоянно переживаетъ подобныя чувства. Какой онъ счастливый!..

Въ концѣ концовъ я пресытился ежевикой. Я чувствовалъ, какъ нѣжно поддерживаютъ меня кустики, видѣлъ каждую

тучку, тихо плывущую по лазури, слышалъ шелестъ каждаго листочка, но самъ ни о чемъ не думалъ.

Вдругъ что-то точно толкнуло меня. Я вскочилъ на ноги, не понимая, что̀ такое творится. Съ секунду продолжалась тишина, какъ и раньше, но въ то же мгновеніе я услышалъ плачъ и крикъ Лени:

— Зося!.. Панна Клементина!.. Помогите!..

Есть что-то страшное въ крикѣ ребенка: «помогите!..» Въ моей головѣ мелькнуло предположеніе: змѣя! Боярышникъ цѣплялся за платье, опутывалъ ноги, тянулъ, отталкивалъ, нѣтъ!.. онъ боролся со мной, бился, какъ живое чудовище, а тѣмъ временемъ Леня звала: «Помогите!.. Боже мой, Боже мой!..»—и мною владѣла только одна мысль, ясная, какъ солнце, что я долженъ или тотчасъ подать помощь, или самъ погибнуть.

Усталый, исцарапанный, а въ особенности — перепуганный, я кое-какъ добрался, наконецъ, до того мѣста, откуда слышался плачъ Лени.

Она сидѣла въ кустахъ, дрожа и ломая руки.

— Леня!.. что̀ съ тобой?—спросилъ я, въ первый разъ называя ее по имени.

— Оса!.. Оса!..

— Оса?.. — повторилъ я, бросаясь къ ней.—Укусила тебя?

— Нѣтъ еще, но...

— Что же?

— Лазитъ по мнѣ...

— Гдѣ?

Изъ ея глазъ струились слезы. Она казалась очень пристыженной, но страхъ оказался сильнѣе стыда.

— Влѣзла въ чулокъ... О, Боже... Боже... Зося!..

Я сталъ передъ ней на колѣни, но еще не смѣлъ искать осу.

— Вынь ее,—сказалъ я.

— Но я боюсь. О, Боже!..

Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Во мнѣ проснулось отчаянное мужество.

— Гдѣ она?

— Теперь ходитъ по колѣнкѣ.

— Нѣтъ ея ни здѣсь, ни тамъ.

— Она уже выше. Ахъ! Зося... Зося!..

— Но и здѣсь ея нѣтъ...

Леня закрыла глаза руками.

— Должно-быть, спряталась въ платьѣ... —сказала она, еще сильнѣе заливаясь слезами.

— Есть!..—вскричалъ я.—Это муха...

— Гдѣ?.. Муха?..—спросила Леня. — Правда, муха! Ахъ, какая большая... А я была увѣрена, что это оса, и думала, что умру... Боже, какая я глупая!

Леня отерла глаза и тотчасъ же начала смѣяться.

— Убить ее или отпустить?—спросилъ я Леню, показывая ей несчастную муху.

— Какъ хочешь,—отвѣчала она уже совершенно спокойно.

Я хотѣлъ было убить муху, но духу не хватило. А такъ какъ крылышки ея были измяты, да и сама она была въ довольно жалкомъ видѣ, то я осторожно положилъ ее на листочекъ.

Между тѣмъ Леня приглядывалась ко мнѣ очень внимательно.

— Что̀ съ тобой?.. — спросила она вдругъ.

— Ничего, — отвѣтилъ я, усиливаясь разсмѣяться.

Я почувствовалъ, что силы окончательно оставляютъ меня. Сердце стучало, какъ колоколъ, въ глазахъ стало темнѣть, по всему тѣлу проступилъ холодный потъ и, стоя на колѣняхъ, я зашатался.

— Что̀ съ тобой, Казя?..

— Ничего... я только думалъ, что съ тобой случилось какое-нибудь несчастіе...

Если бы Леня не подхватила меня и не положила мою голову на свои колѣни, я упалъ бы носомъ въ землю.

Какая-то теплая волна ударила мнѣ въ голову, я услышалъ шумъ въ ушахъ и снова голосъ Лени:

— Казя... дорогой Казя... что̀ съ тобой?.. Зося!.. О, Боже, съ нимъ дурно...

Что̀ я тутъ стану дѣлать, несчастная?..

Она обняла руками мою голову и стала цѣловать меня. Я чувствовалъ на моемъ лицѣ ея слезы. Мнѣ было такъ жаль ее, что я собралъ остатокъ силъ и съ трудомъ пошевелился.

— Мнѣ ничего!.. не бойся!.. — воскликнулъ я голосомъ, исходившимъ изъ глубины груди.

Дѣйствительно, все прошло такъ же быстро, какъ и пришло. Въ ушахъ перестало шумѣть, въ глазахъ прояснилось; я поднялъ голову съ колѣнъ Лени и, глядя ей въ глаза, смѣялся.

Теперь и она стала смѣяться.

— Ахъ, ты, безсовѣстный, нехорошій!.. — говорила она, — какъ ты перепугалъ меня. И какъ ты могъ упасть въ обморокъ отъ такой глупости?.. Если бы это была даже оса, такъ и то она меня не съѣла бы... А что̀ бы я дѣлала тутъ съ тобой? Ни воды, ни людей, Зося куда-то ушла, и я сама должна была бы спасать такого большого мальчика. Стыдись!

Понятно, мнѣ было стыдно. Можно ли было такъ пугать ее?

— Что-жъ, какъ ты себя чувствуешь?— спрашивала Леня. — Лучше? Потому что ты не такой уже блѣдный. Сначала ты былъ бѣлымъ, какъ полотно.

— Но,—прибавила она черезъ минуту,—достанется же мнѣ отъ мамы, когда она объ этомъ узнаетъ!.. Ахъ, Боже! я боюсь даже возвращаться домой...

— О чемъ мама узнаетъ?—спросилъ я.

— Обо всемъ, а особенно объ этой осѣ...

— Такъ не говори никому.

— Что-жъ изъ того, что я не скажу...—сказала она, отворачивая голову.

— Ты, можетъ-быть, думаешь, что я скажу...—отвѣчалъ я.—Клянусь, что никому ни словечка.

— А Зосѣ?.. Она такъ любитъ секреты.

— Ни Зосѣ, никому.

— И безъ этого всѣ узнаютъ. Ты такъ исцарапанъ, изодранъ... Подожди-ка!.. — сказала она черезъ минуту и отерла мое лицо платкомъ. — Боже! знаешь ли ты, что я тебя даже поцѣловала со страху, потому что не знала, что̀ и дѣлать. Если бы кто-нибудь узналъ объ этомъ, я сгорѣла бы отъ стыда, хотя правда—и съ осой была бы бѣда. Ахъ! сколько мнѣ огорченій изъ-за тебя...

— Но тебѣ нечего бояться,—утѣшалъ я ее.

— Какъ, нечего! Все откроется, потому что у тебя волоса полны листьевъ. Впрочемъ, погоди, я тебя расчешу. Еслибъ только изъ какого-нибудь куста не подглядѣла Зося. Она хоть и умѣетъ держать секреты, но все-таки...

Леня вынула изъ своихъ волосъ полукруглый гребень и начала меня причесывать.

— Ты всегда растрепанъ, — говорила она.—Ты долженъ чесаться такъ, какъ всѣ мужчины. Вотъ такъ... Дѣлай проборъ съ правой стороны, а не съ лѣвой. Если бы у тебя были черные волосы, ты былъ бы такъ же красивъ, какъ женихъ моей мамы. Но такъ какъ ты блондинъ, то я причешу тебя иначе. Ты будешь теперь похожъ на ангелочка, что подъ Мадонной. Знаешь который? Жаль, что нѣтъ зеркальца.

— Казя! Леня!.. — закричала въ эту минуту Зося, гдѣ-то со стороны парка.

Мы оба вскочили, и Леня въ самомъ дѣлѣ казалась перепуганной.

— Все откроется!—сказала она.—Ахъ, эта оса! А хуже всего то, что ты упалъ въ обморокъ...

— Ничего не откроется!—возразилъ я рѣшительно.—Я съ своей стороны ничего не скажу.

— И я тоже. Не скажешь даже, что упалъ въ обморокъ?..

— Понятно.

— Ну, ну!..—удивлялась Леня.—Потому что, еслибъ я упала въ обморокъ, я не могла бы выдержать.

— Казя! Леня!..—кричала моя сестра уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

— Казя!—шепнула Леня, приложивъ палецъ къ губамъ.

— Да не бойся.

Зашелестѣли кусты, и показалась Зося, одѣтая въ передникъ.

— Гдѣ ты была, Зося?—спросили мы въ одинъ голосъ.

— Ходила за передникомъ для себя и для тебя, Леня. Вотъ, возьми, потому что ежевика пачкаетъ.

— Сейчасъ пойдемъ домой?..

— Не за чѣмъ,—отвѣчала Зося.—У мамы сидитъ тотъ господинъ, а панна Клементина и не думаетъ выходить изъ бесѣдки. Мы можемъ оставаться здѣсь хоть до вечера. Но я начинаю уже рвать ежевику, потому что вы больше съѣли, чѣмъ я.

Дѣвочки стали рвать ежевику, да и я тоже какъ-то снова набрался аппетита.

Видя, что я ухожу въ сторону, Леня крикнула мнѣ вслѣдъ:

— Казя! Знаешь, о чемъ я думаю!..

И погрозила мнѣ пальцемъ.

Въ эту минуту, не знаю—который разъ, я поклялся себѣ, что никому не скажу ни о моемъ обморокѣ, ни о мухѣ. Едва я отошелъ еще на нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ голосъ Лени:

— Еслибъ ты знала, Зося, что̀ тутъ случилось!.. Но нѣтъ, я не могу тебѣ сказать ни словечка. Впрочемъ, если бы ты поклялась, что будешь держать въ секретѣ...

Я убѣжалъ какъ можно дальше въ чащу, чувствуя, что мнѣ стыдно. Но—вѣдь Леня...

Около этой несчастной ежевики мы пробыли еще съ часъ. Когда мы возвращались оттуда домой, я замѣтилъ большую перемѣну позицій. Зося смотрѣла на меня съ негодованіемъ и съ любопытствомъ, Леня совсѣмъ не смотрѣла, а я былъ такъ смущенъ, какъ будто меня изловили на воровствѣ.

Прощаясь съ нами, Леня сердечно расцѣловалась съ Зосей, а мнѣ—кивнула головой. Я снялъ передъ ней шапку, воображая, что я большой негодяй.

По уходѣ Лени, Зося принялась отчитывать меня.

— Хорошихъ вещей наслушалась я!—сказала она авторитетно.

— Что̀ же я сдѣлалъ? — спросилъ я, порядкомъ напуганный.

— Какъ что? Во-первыхъ, упалъ въ обморокъ (ахъ, Боже, и меня при этомъ не было!), — ну, а во-вторыхъ, эта оса, или муха... Ужасъ!.. Бѣдная Леня! Я умерла бы со стыда.

— Но чѣмъ же я-то тутъ виноватъ?—осмѣлился я спросить.

— Мой Казя,—отвѣчала она,—передо мной тебѣ нечего оправдываться, потому что я тебя ни въ чемъ не упрекаю. Но все-таки...

«Но все-таки...» Хорошій отвѣтъ! Изъ этого «но все-таки» выходило, что во всей исторіи былъ виноватъ одинъ я. Муха—ничего, Леня, которая кричала не своимъ голосомъ, — также ничего, только я одинъ виноватъ за то, что прибѣжалъ на помощь.

Правда, но зачѣмъ я упалъ въ обморокъ?..

Я былъ безутѣшенъ. На другой день я совсѣмъ не пошелъ въ паркъ, чтобы не показываться на глаза Ленѣ, а на третій—она велѣла мнѣ придти. Когда я пришелъ, она издали кивнула мнѣ головой и разговаривала только съ Зосей, бросая на меня по временамъ взгляды надменные и печальные, какъ на преступника.

Минутами я чувствовалъ, что по отношенію ко мнѣ творится какая-то несправедливость. Но затѣмъ я старался заглушить въ себѣ подозрѣнія, увѣряя себя, что я въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ что-то ужасное. Въ то время я не зналъ, что такой способъ обращенія является характерною особенностью женской логики.

Между тѣмъ дѣвочки степенно расхаживали по саду, не думая прыгать черезъ шнурокъ, а только перешептываясь

между собой. Вдругъ Леня остановилась и сказала плачевнымъ голосомъ:

— Еслибъ ты знала, Зося, до чего мнѣ хочется поѣсть черники!.. Такъ вотъ и пахнетъ подъ носомъ...

— Хочешь, я сейчасъ принесу?—сказалъ я поспѣшно.—Я знаю въ лѣсу одно мѣсто, гдѣ ея видимо-невидимо.

— Къ чему тебѣ утруждать себя!..—отвѣчала Леня, бросая на меня меланхолическій взглядъ.

— Что-жъ тебѣ до этого? Пусть идетъ, если хочетъ,—замѣтила Зося.

Я побѣжалъ тѣмъ скорѣй, что мнѣ въ саду становилось какъ-то не по себѣ среди всѣхъ этихъ ужимокъ и гримасъ. Проходя мимо кухни, я услышалъ, что дѣвочки смѣются, а когда, должно-быть, нехотя, взглянулъ черезъ заборъ, то увидѣлъ, что онѣ какъ нельзя лучше скачутъ черезъ шнурокъ. Было ясно, что только въ моемъ присутствіи онѣ корчили такія серьезныя мины.

Изъ кухни долеталъ адскій крикъ. Мать Валека плакала и разражалась проклятіями, а старая Соломонія читала ей выговоръ за то, что Валекъ разбилъ тарелку.

— Я дала ему тарелку,—взвизгивала судомойка,—этому живодеру, чтобы онъ ее вылизалъ, а онъ, подлецъ, бухъ ее на землю и удралъ. Ой, если я его сегодня не убью, такъ пусть у меня отнимутся руки и ноги...

А потомъ кричала:

— Валекъ!.. ступай сюда, чортово отродье!.. Если ты не придешь, я всю шкуру съ тебя спущу!..

Мнѣ стало жаль мальчика, и я хотѣлъ было уладить эту исторію. Разсудивъ, однако, что я могу то же самое сдѣлать и по возвращеніи изъ лѣсу, потому что Валекъ развѣ къ ночи покажется въ кухнѣ, я пошелъ своей дорогой.

Лѣсъ отстоялъ отъ усадьбы на какихъ-нибудь полчаса ходьбы, а быть-можетъ и дальше. Росли въ немъ дубы, сосны, орѣшникъ, а земляники и черники было видимо-невидимо. На опушкѣ пастухъ немного пообчистилъ кусты отъ ягодъ, но дальше, никѣмъ не тронутые, они занимали такое пространство земли, какъ вся усадьба.

Забравшись туда, я нарвалъ полную шапку и полный платокъ ягодъ, самъ почти ихъ не пробуя, такъ какъ очень спѣшилъ. Несмотря на это, прошелъ часъ, а можетъ-быть—и больше, прежде чѣмъ я, нагруженный добычей, рѣшилъ пуститься въ обратный путь. Я пошелъ не напрямикъ, а окольнымъ путемъ, нарочно удлинивъ нѣсколько дорогу, потому что меня вообще соблазняла прогулка по лѣсу.

Когда углубляешься въ чащу, кажется, что деревья уступаютъ тебѣ дорогу, точно очищая мѣсто. Но попробуй, подвигаясь впередъ, повернуть назадъ голову: они протягиваютъ вѣтви, какъ руки, пень приближается къ пню, потомъ они становятся совсѣмъ вплотную,—и не замѣтишь, какъ за тобой выраститъ стѣна, глубокая, непроницаемая...

Нѣтъ ничего легче, какъ заблудиться тогда. Куда ни повернешься, всюду одно и то же, всюду деревья разступаются передъ тобой и опять сходятся сзади. Начинаешь бѣжать впередъ, — и они бросаются за тобой, чтобы отрѣзать отступленіе. Останавливаешься—они останавливаются и, усталыя, обмахиваются вѣтвями, какъ вѣерами. Поворачиваешь голову направо и налѣво, отыскивая дорогу,—и видишь, что нѣкоторыя деревья прячутся за другими, точно желая показать тебѣ, что ихъ на самомъ дѣлѣ меньше, чѣмъ ты думаешь.

О, лѣсъ—это опасная штука! Тамъ каждая птичка подсматриваетъ, куда ты идешь, каждая травка хочетъ опутать тебѣ ноги и, не будучи въ состояніи сдѣлать это, хоть шелестомъ доноситъ о тебѣ другимъ. Лѣсъ, вѣроятно, скучаетъ по лицѣ человѣческомъ, что, разъ его увидѣвъ, всѣми силами старается удержать его у себя навсегда.

Солнце уже склонялось къ закату, когда я вышелъ на поле. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ я встрѣтилъ Валека. Онъ быстро

шелъ къ лѣсу, опираясь на высокую палку.

— Куда ты идешь?—спросилъ я его.

Онъ не убѣжалъ отъ меня, остановился и, показывая желтой рукою на лѣсъ, отвѣтилъ тихо:

— Вонъ! Вонъ!..

— Скоро наступитъ ночь, возвращайся домой.

— Мать хочетъ меня страшно избить...

— Ступай за мной, и она не прибьетъ тебя.

— Прибьетъ!..

— Иди же, увидишь, что ничего тебѣ не будетъ, — сказалъ я, приближаясь къ нему.

Мальчикъ попятился назадъ, но не убѣжалъ и, какъ мнѣ показалось, раздумывалъ.

— Ну, ступай же...

— Да я боюсь...

Я еще ближе подошелъ къ нему, а онъ снова попятился. Эта нерѣшительность оборвыша вывела меня изъ терпѣнія. Тамъ Леня ждетъ ягодъ, а онъ торгуется тутъ со мной, возвращаться ли ему или нѣтъ. Некогда мнѣ съ нимъ возиться!

И я поспѣшилъ въ усадьбу. Я былъ уже на полпути отъ дома, когда, повернувъ голову, увидѣлъ Валека все тамъ же, на пригоркѣ подъ лѣсомъ. Онъ стоялъ съ длинной палкой въ рукахъ и смотрѣлъ на меня. Вѣтеръ развѣвалъ концы его сѣрой рубашки, а изодранная шляпа, въ лучахъ заходящаго солнца, блестѣла у него на головѣ, какъ огненный вѣнокъ.

Что-то тронуло меня за сердце. Мнѣ припомнилось, какъ парубки втолковывали ему, чтобъ онъ взялъ палку и отправился въ свѣтъ. Что̀ если?.. Нѣтъ, вѣдь онъ ужъ не такъ глупъ. Наконецъ, у меня нѣтъ времени возвращаться къ нему, потому что ягоды помнутся, да и меня ждетъ Леня...

Я бѣгомъ прибѣжалъ домой, желая пересыпать ягоды въ корзину. На порогѣ Зося встрѣтила меня горестнымъ плачемъ.

— Что̀ случилось?..

— Несчастье,—прошептала сестра.— Все открылось... Отецъ потерялъ мѣсто у графини...

Ягоды посыпались у меня изъ шапки и изъ платка. Я схватилъ сестру за руку.

— Зося, что̀ ты говоришь?.. Что̀ съ тобой такое?..

— Это правда. Отецъ уже потерялъ мѣсто. Леня подъ секретомъ разсказала объ этой осѣ гувернанткѣ, а гувернантка— графинѣ... Когда отецъ пришелъ въ господскій домъ, графиня сказала, чтобы тебя сію же минуту отправили въ Сѣдлецъ. Отецъ на это отвѣчалъ, что мы выѣдемъ всѣ вмѣстѣ...

Зося стала плакать еще сильнѣе.

Въ эту минуту я замѣтилъ на дворѣ отца. Я побѣжалъ навстрѣчу и бросился ему въ ноги.

— Мой дорогой папочка, что̀ я надѣлалъ,—шепталъ я, обнимая его колѣни.

Отецъ поднялъ меня, покачалъ головой и коротко отвѣтилъ:

— Глупый, ступай домой.

А потомъ сказалъ, какъ будто про себя:

— Есть тутъ другой мастеръ, который выгоняетъ насъ отсюда, такъ какъ справедливо предвидитъ, что старый управляющій не позволилъ бы ему проиграть въ карты имущество сироты. И онъ правъ!

Я догадался, что отецъ говоритъ о женихѣ нашей помѣщицы. У меня отлегло отъ сердца. Я поцѣловалъ загрубѣлую отъ работы руку отца и замѣтилъ нѣсколько смѣлѣе:

— Потому что, видите ли, папочка, мы собирали ежевику. Леню укусила оса...

— Глупый, какая тамъ оса! Не води компаніи съ дѣвчонками, такъ и не будешь охотиться на осъ и портить штаны въ прудѣ. Ступай домой и не показывайся за порогъ, пока они всѣ отсюда не выѣдутъ.

— Они уѣзжаютъ?..—едва прошепталъ я.

— Уѣзжаютъ въ Варшаву черезъ нѣсколько дней, а когда возвратятся, насъ уже тутъ не будетъ.

Вечеръ прошелъ печально. На ужинѣ подали прекрасныя галушки съ молокомъ,

но никто до нихъ не дотронулся. Зося утирала покраснѣвшіе глаза, а я сочинялъ про себя отчаянные проекты.

Прежде чѣмъ лечь спать, я тихонько прокрался въ комнату сестры.

— Зося,—сказалъ я ей рѣшительно,—я долженъ жениться на Ленѣ!..

Она съ испугомъ взглянула на меня.

— Когда?..—спросила она.

— Все равно.

— Но теперь ксендзъ не повѣнчаетъ васъ, а потомъ она будетъ въ Варшавѣ, а ты—въ Сѣдлецѣ... Наконецъ, что скажетъ отецъ, графиня?..

— Я вижу, что ты не хочешь мнѣ помочь,—отвѣчалъ я и, даже не поцѣловавъ ее на сонъ грядущій, вышелъ изъ комнаты.

Съ той минуты я ничего уже не помню. Проходили дни и ночи, а я все лежалъ въ кровати, возлѣ которой сидѣла то моя сестра, то Войцѣхова, а изрѣдка фельдшеръ. Не знаю, говорили ли объ этомъ при мнѣ, или мнѣ только чудилось, что Леня уже уѣхала, а Валекъ пропалъ. Разъ даже мнѣ показалось, что я вижу надъ собой заплаканное лицо судомойки, которая, глотая слезы, спрашивала:

— Паничу, гдѣ вы видѣли Валека?..

Я?.. Валека?.. Ничего я не могъ понять. Но потомъ мнѣ привидѣлось, что я собираю ягоды, и что съ каждаго дерева смотритъ на меня Валекъ. Я зову его, но онъ убѣгаетъ: бѣгу за нимъ, но не могу его догнать. Боярышникъ хватаетъ меня и отталкиваетъ, ежевика опутываетъ ноги, деревья танцуютъ, между поросшими мхомъ пнями мелькаетъ сѣрая рубашка мальчика.

Иногда мнѣ грезилось, что я самъ—Валекъ; иногда—что Валекъ, Леня и я составляемъ одно существо. При этомъ мнѣ всегда чудился лѣсъ, или же густые кусты, всегда кто-то звалъ меня на помощь, а я не могъ двинуться съ мѣста.

Ужасъ, что я вытерпѣлъ...

. . . .

Когда я поднялся, наконецъ, съ постели, каникулы приходили уже къ концу, и нужно было возвращаться въ гимназію. Дня два провелъ я еще въ комнатѣ и только наканунѣ отъѣзда, подъ вечеръ, вышелъ на дворъ.

Въ господскомъ домѣ окна были закрыты шторами. Значитъ, они и въ самомъ дѣлѣ уѣхали?.. Я подошелъ къ кухнѣ, высматривая Валека: Валека не было. Я спросилъ про него у какой-то дѣвки.

— Ого, паничу,—отвѣтила она,—нѣтъ уже Валека...

Я боялся разспрашивать дальше и отправился въ паркъ.

Боже, какъ здѣсь было грустно!.. Ни о чемъ не думая, я бродилъ по сырымъ отъ недавняго дождя дорожкамъ. Трава пожелтѣла, прудъ еще болѣе заросъ, лодка была наполнена водой. Въ главной аллеѣ стояли огромныя лужи, въ которыя заглядывали сумерки. Черная земля, черные пни, обвислыя вѣтви, увядшіе листья. Скорбь хватала меня за душу, и изъ глубины ея я вызывалъ ежеминутно какой-нибудь образъ: то Юзи, то Лени, то Валека.

Вдругъ подулъ вѣтеръ, зашумѣли вершины деревьевъ, и съ заколыхавшихся вѣтвей стали падать крупныя капли, точно слезы. Видитъ Богъ, что деревья плакали; не знаю, надо мной ли, или по моимъ пріятелямъ, но знаю, что вмѣстѣ со мной...

Было темно, когда я вышелъ изъ парка. Въ кухнѣ парубки ужинали. За кухней, въ полѣ, я увидѣлъ женскую фигуру. При неясномъ свѣтѣ, который падалъ на землю отъ бѣловатой гряды облаковъ, я узналъ судомойку. Она не сводила глазъ съ лѣса и шептала:

— Валекъ!.. Валекъ!.. вернись домой... Ахъ, сколько ты мнѣ горя надѣлалъ, негодный...

Я опрометью убѣжалъ домой, я думалъ, что сердце у меня разорвется...

СТИХОТВОРЕНІЯ

Б. Никонова.

*
* *

Всѣ признаки счастья отнынѣ мнѣ жизнь подарила...
Мнѣ сердце нежданно отрада любви осѣнила,
Но все-таки счастья и нынче такъ мало, такъ мало:
Ничтожная капля на днѣ золотого бокала!.

А то-ль обѣщали старинныя милыя грёзы?
А то-ли, бывало, въ надеждахъ живыхъ золотится?..
Такъ въ чашечкѣ розы, душистой сверкающей розы,
Ничтожная капелька сладкаго меда таится...

*
* *

Отчего блѣднѣетъ небо,
Звѣзды гаснутъ спозаранку
И ложится отблескъ ясный
На росистую полянку?

То по міру вновь проходитъ
Свѣтлый геній возрожденья
И сгоняетъ волны мрака
И ночныя привидѣнья.

И сметаетъ съ неба звѣзды,
И поля кропитъ росою,
И зарю на краѣ неба
Красить кистью золотою...

СЧАСТЬЕ.

Счастье, счастье!.. Гдѣ-жъ ты было?..
И кого ты навѣщало?
Солнцемъ яснымъ ли ребенку
Въ день ненастья заиграло?
Иль болящему къ постели
Принесло тайкомъ здоровье?
Иль сверкнуло милой дѣвѣ
Первой, свѣтлою любовью?
И въ отвѣтъ мнѣ шепчетъ счастье:
—Да, все это нынче было!
И болящихъ, и здоровыхъ,
И дѣтей я навѣстило...

Но одно досадно: были
Такъ недолги посѣщенья!..
Мало счастья приносили
Счастья краткія мгновенья...
Слишкомъ много мукъ ужасныхъ
Бродятъ вкругъ по бѣлу-свѣту,
Я-жъ одно на свѣтѣ цѣломъ,—
Всѣхъ утѣшить силы нѣту!..
И тебя я покидаю
Для иного посѣщенья...
Не грусти же и прости мнѣ
Это краткое явленье!..

Гордость артиста.

Новелла **Эммы Копильяни.**

(Съ итальянскаго.)

Уютно расположившись на диванѣ, графиня съ благосклонной улыбкой поглядывала на молодого человѣка и на свою дочь, на разныя группы изваяннаго гипса, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ студіи и чуть-чуть прикрытыя холстомъ, на гипсы, висѣвшіе по стѣнамъ и прислоненные къ нимъ. Все это было залито золотистыми лучами раскаленнаго солнца, широкой волной врывавшимися въ огромное окно маленькой студіи скульптора.

Графиня съ удовольствіемъ отмѣчала тонкій вкусъ, съ какимъ выбрана была вся эта миніатюрная мебель, напоминавшая лучшія вещи Brustolon, античныя кресла съ высокими рѣзными спинками, эти скамейки, по краямъ которыхъ причудливо вился бордюръ выточенныхъ изъ дерева разнообразныхъ фигуръ; ей нравился и этотъ сводъ, расписанный фресками и граціозно поддерживаемый по угламъ четырьмя колоннами.

Окидывая глазами всю эту обстановку, графиня пытливымъ взоромъ по временамъ, казалось, чего-то искала... кто знаетъ? можетъ-быть, какого-нибудь указанія на жизнь, которую проводилъ здѣсь женихъ ея дочери.

Зато не искала здѣсь ничего посторонняго и нисколько не думала объ этомъ маленькая Эда; закинувъ головку назадъ, она съ нѣмымъ восхищеніемъ не отрывала глазъ отъ послѣдней работы артиста, его «Молодости», которая, еще на деревянномъ пьедесталѣ, гордо выдѣлялась здѣсь своимъ бѣлоснѣжнымъ мраморомъ.

Это была фигура женщины цвѣтущаго здоровья, поражавшая красотой линій, смѣлой и какъ бы вызывающей позой, съ маленькой, гордо поднятой головкой, и волосами, частью собранными въ узелъ, частью падавшими по плечамъ, украшенными вѣнкомъ изъ розъ.

Подъ красивыми складками короткой одежды чувствовались молодыя формы, и юношеская кровь, казалось, пробѣгала по этому прекрасному тѣлу, которое, несмотря на всю свою крѣпость, сохраняло въ то же время мягкость и дѣвственную нѣжность.

Скульпторъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, чѣмъ-то смущенный и озабоченный, стоялъ возлѣ молодой дѣвушки и, казалось, не замѣчалъ ни этого наивнаго восхищенія, ни нѣжнаго, радостнаго и счастливаго взгляда, который по временамъ бросала на него прелестная дѣвушка.

— Твой маэстро Федериги говорилъ много лестнаго о твоей «Молодости», — сказала графиня.

— Я такъ горѣла нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть ее, — подхватила Эда, прибавивъ шопотомъ: — Ты меня заставилъ слишкомъ сильно ждать этой минуты...

— Подождемъ до выставки... — и молодой художникъ попытался отвести дѣвушку отъ статуи; его взглядъ свѣтился не столько удовольствіемъ, сколько непонятнымъ негодованіемъ всякій разъ, какъ онъ встрѣчался глазами съ первымъ своимъ истиннымъ произведеніемъ искусства, первою своею работой, заслужившей лестныя для него похвалы старыхъ профессоровъ. Что для него эти похвалы? въ

его артистической гордости была тайная горечь, и онъ, быстрый и стремительный, одинаково какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ чувствахъ, никакъ не могъ скрыть своего страннаго состоянія и нетерпѣливаго желанія, чтобы обѣ его посѣтительницы поскорѣе покинули его. Онъ не могъ видѣть рядомъ эту статую и молодую дѣвушку, пристально смотрящихъ другъ на друга; ему казалось, что сильная и эффектная «Молодость», гордая своей мраморной наготой, должна непремѣнно ринуться на эту хрупкую дѣвушку, которую онъ любилъ теперь со всѣмъ пыломъ своей души,—дѣвушку, такъ не похожую на ту, что̀ внушила ему это чудное произведеніе, такую чистую, милую въ своихъ проявленіяхъ чисто женскаго ума и доброты, что̀ дѣлало ее болѣе чѣмъ прекрасной.

Наконецъ графиня простилась, и молодая дѣвушка вышла, немного удивленная и опечаленная тѣмъ страннымъ выраженіемъ, подмѣченнымъ ею въ лицѣ жениха, которое не могло укрыться отъ ея любящаго взора и которое онъ, однако, не позаботился объяснить ей.

Оставшись одинъ, художникъ, усталый, бросился на маленькій диванъ и, съ видомъ облегченія, глубоко вздохнулъ.

Онъ много и многихъ любилъ, но теперь въ первый разъ любовь доставляла ему спокойствіе, безмятежное счастье, въ которомъ отдыхаетъ умъ, и сердце чувствуетъ, что жизнь — благо; онъ всегда говорилъ, что страсть есть болѣзнь, пламя, которое сразу охватываетъ и потухаетъ; теперь же съ радостью сознавался себѣ самому, что *эта* любовь есть здоровье, свѣтъ, такой же чистый и вѣчный, какъ свѣтъ небесныхъ свѣтилъ; онъ почувствовалъ себя вновь молодымъ, совсѣмъ мальчикомъ возлѣ своей юной невѣсты; всѣ иллюзіи, весь энтузіазмъ лучшей поры его жизни возвратились живой толпой къ нему, и онъ привѣтствовалъ ихъ, какъ добрыхъ и старыхъ друзей. Теперь для сердца влюбленнаго эта бѣлоснѣжная «Молодость», возвышавшаяся среди студіи и царившая въ ней, была жгучимъ терніемъ; это была одна изъ *тѣхъ, другихъ*, изъ тѣхъ многихъ, которыхъ онъ любилъ или воображалъ, что любилъ. Тогда онъ не могъ бы представить себя способнымъ на такое деликатное, нѣжное чувство къ чистой дѣвушкѣ,—теперь же, наоборотъ, ему кажется неправдоподобнымъ, что онъ былъ любовникомъ Витторіи, теперь онъ съ отвращеніемъ думаетъ о томъ, какъ могъ онъ измѣнить другу, и ради кого?.. Дѣйствительно ли питалъ онъ страсть къ ней, и не было ли это скорѣе страстнымъ желаніемъ видѣть у себя, въ студіи, эту гордую, пышную красавицу, которая внушила ему идею и послужила моделью для его статуи? Витторію онъ выбралъ послѣ сотни другихъ, готовую, конечно,—даже въ томъ случаѣ, если бы онъ остался ей вѣренъ,—измѣнить ему черезъ шесть мѣсяцевъ, черезъ двѣ недѣли, можетъ-быть, даже завтра, ради новаго знакомаго, который имѣлъ бы счастье или несчастье понравиться ей. Бросивъ ее, онъ не чувствовалъ угрызеній совѣсти. Витторія, это легко можно было видѣть, не страдала,—страдало ея самолюбіе, а не сердце,—и она скоро могла бы утѣшиться; но эта женщина, живущая дикими порывами, пока не хотѣла еще мщенія. И въ то время, какъ онъ мучился своими безпокойными мыслями, въ глубинѣ его тревожнаго и недовольнаго сердца все-таки оставалось всегда чувство къ своему созданію, которое такъ легко и свободно возникло въ его мозгу и воплотилось въ мраморѣ. Его «Молодость», можетъ-быть, дастъ ему славу... Но не принесетъ ли несчастья, не будетъ ли роковою эта статуя, такъ тѣсно связанная съ злополучной женщиной? Съ тѣхъ поръ, какъ Эда вошла въ его студію и остановилась передъ статуей, даже раньше, когда она выразила желаніе посѣтить его, печальное предчувствіе набросило сильную тѣнь на радостное настроеніе артиста и влюбленнаго; онъ по-

чувствовалъ, что его любви и жизни угрожаетъ серьезная опасность, и теперь такъ хотѣлъ бы узнать ее, смѣло выйти навстрѣчу и устранить ее...

Дверь безшумно отворилась, и онъ, поднявъ глаза, увидѣлъ высокую фигуру женщины, одѣтую во все черное, подъ густымъ вуалемъ, который, спускаясь со шляпы, покрывалъ лицо, позволяя, однако, видѣть блестящіе, металлическіе глаза; онъ вздрогнулъ, точно почувствовалъ, что опасность, которой онъ боялся,—передъ нимъ, въ лицѣ Витторіи, которая, послѣ долгаго времени, неожиданно возвращалась сюда.

«Если бы она пришла часомъ раньше!..»—подумалъ онъ, вздохнувъ съ облегченіемъ, и смущенно спросилъ ее, не скрывая своего удивленія:

— Ты?

Она закрыла дверь и повернула два раза ключъ въ замкѣ, какъ это привыкла дѣлать въ прежніе свои визиты, которые были такъ часты всего нѣсколько недѣль тому назадъ; подошла къ зеркалу, какъ бы не замѣчая его присутствія, и подняла вуаль. Это была высокая, сильная, цвѣтущая, какъ Юнона, женщина; красивая фигура ея выигрывала еще болѣе отъ изящнаго костюма. Черные волосы оставляли открытымъ ея гордый лобъ; глаза казались еще темнѣе, благодаря интенсивности и живости взгляда; губы, какъ будто слишкомъ разгорѣвшіяся своей свѣжестью, напоминали распустившійся цвѣтокъ.

Она опустила на окнѣ шторы и спокойно, не безъ ироніи, спросила:

— Ты удивленъ? Не ожидалъ моего визита?

Ихъ взгляды, суровые и враждебные, встрѣтились. Въ эту минуту молчанія онъ почувствовалъ еще болѣе, насколько они далеки другъ отъ друга, какъ раздѣлены ихъ души, и, поднявъ голову, твердо отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— Ты откровененъ, но не деликатенъ. Я могла бы думать, что меня здѣсь ждутъ и желаютъ...

Ея голосъ, рѣзкій и грубый, звучалъ сарказмомъ.

— Къ чему намъ играть комедію!

— Конечно! И такъ какъ ты въ особомъ настроеніи откровенности, а мы, если не можемъ остаться другъ для друга тѣмъ, чѣмъ были раньше, то все же остаемся добрыми друзьями (ты самъ сказалъ мнѣ это), то не можешь ли ты разсказать мнѣ что-нибудь объ этой твоей... графинѣ...

Она говорила это просто, но во взглядѣ, которымъ пронизывала она Джованни, было столько презрѣнія, что онъ, внѣ себя отъ негодованія, бросилъ ей въ лицо одно только слово, полное горькаго значенія:

— Замолчи!..

— А если я не хочу молчать?!

— Витторія!..

— А что ты думаешь?...Почему же мнѣ не позаботиться о своемъ имени? Развѣ я не могу думать объ отмщеніи? Не думай, впрочемъ, что я сожалѣю о тебѣ... Нѣтъ, я не люблю тебя, если хочешь, совсѣмъ не люблю, но ты немного легкомысленно позабылъ, чѣмъ ты мнѣ обязанъ. Когда мы познакомились, дитя мое, ты былъ не что иное, какъ простой каменщикъ, безъ меня тебѣ не могла бы и присниться твоя «Молодость», и ты не былъ бы артистомъ.

— И я буду имъ!..

— Благодаря *ей*, можетъ-быть?

Она окинула гордымъ взглядомъ отражавшуюся въ зеркалѣ свою роскошную фигуру, обтянутую элегантнымъ платьемъ, и презрительно усмѣхнулась, подумавъ о худощавой, тонкой фигуркѣ Эды, которую она столько разъ разглядывала, долго ломая голову надъ тѣмъ, что въ этой дѣвочкѣ могло нравиться скульптору.

— Посмотримъ, посмотримъ!—проговорила она.

— Кто создалъ «Молодость», тотъ найдетъ и другіе сюжеты...

Она скептически усмѣхнулась и, сѣвъ

на диванъ и закинувъ руки за голову, казалось, развлекалась тѣмъ, что мучила Джованни, въ которомъ гнѣвъ, накипѣвшій внутри, прорывался наружу, сдерживаемый спокойствіемъ, къ которому онъ привыкъ.

— О!—отозвалась Витторія,—ты будешь имѣть *завидную* модель въ лицѣ твоей графини; она дастъ тебѣ свою руку, которая что-нибудь да значитъ, и свое приданое, которое значитъ еще больше, но я,—ты не забудь это,—я тебѣ дала любовь, искусство и славу... Ты забылъ меня, забуду тебя и я,—въ этомъ не сомнѣвайся; но «Молодость» всегда будетъ стоять между тобой и *ею*, и будетъ моимъ тріумфомъ.

Когда она говорила эти слова, лицо Джованни, покрывшись сперва яркой краской, поблѣднѣло, и приступъ гнѣва, который при мысли о прошломъ и при видѣ этой женщины поднимался въ душѣ, разрастался все сильнѣе и сильнѣе. Внѣ себя отъ негодованія на угрозы, которыя, можетъ-быть, отвѣчали тайнымъ печальнымъ предчувствіямъ его сердца, онъ громко воскликнулъ:

— Ты дала мнѣ любовь?! Ты? Нѣтъ! Это былъ капризъ для тебя, капризъ и слабость съ моей стороны, и ты это знаешь. Искусство и славу? Я хочу вдохновляться для нихъ *ея* любовью и не желаю брать отъ тебя ничего... ничего... Вотъ, смотри!..

И, схвативъ тяжелый молотъ, онъ что было силы ударилъ имъ по бѣлоснѣжной, чудной статуѣ. Гордая голова «Молодости» съ печальнымъ, сухимъ звукомъ ударилась о землю. Джованни отбросилъ въ уголъ молотокъ и, какъ-то вдругъ, сразу успокоившись, презрительно улыбнулся, повернувшись лицомъ къ Витторіи.

Въ Канадѣ.

Новелла **Роберта Барра.**

(Съ англійскаго.)

I.

Художникъ Джонъ Трентонъ, окончивъ письмо, еще разъ просмотрѣлъ его. Въ немъ было написано слѣдующее:

«Дорогой Эдъ! 27-го я разсчитываю сѣсть на корабль, чтобы уѣхать во-свояси, но прежде, нежели я покину эту страну, мнѣ хотѣлось бы еще разъ взглянуть на Шавенеганскіе водопады. Ихъ шумъ день и ночь гудитъ въ моихъ ушахъ, я безпрестанно вижу передъ собою пѣнящуюся бѣлую стѣну. Не довольствуясь сдѣланными эскизами, захвачу съ собою камеру, чтобы снять виды этихъ чудныхъ водопадовъ. Моя просьба къ вамъ состоитъ въ слѣдующемъ: предоставьте на вторникъ въ мое распоряженіе вашу байдарку и двухъ дикарей-гребцовъ; скажите имъ, что они въ убыткѣ не будутъ, если провезутъ меня туда и обратно такъ же скоро и сохранно, какъ и въ прошлую мою поѣздку въ С.-Морисъ. Для меня до сихъ поръ не понятно, какъ американцы, лучше насъ умѣющіе цѣнить красоты нашей страны, не знаютъ о существованіи на собственной родинѣ такого дивнаго водопада. Я пишу вамъ заранѣе, предполагая, что ваша новая байдарка еще не готова, а остальныя всегда заняты, и прошу васъ оставить мнѣ на вторникъ одну изъ нихъ. Я не желалъ бы проѣхаться напрасно, тѣмъ болѣе, что это будетъ, вѣроятно, мое послѣднее посѣще-

ніе вашихъ владѣній. Пожалуйста, пришлите мнѣ записочку сюда, въ отель Квебекъ, съ отвѣтомъ, могу ли я разсчитывать на исполненіе моей просьбы. Итакъ, до свиданья во вторникъ, на зарѣ.

«Преданный Вамъ
«Джонъ Трентонъ».

Эдуардъ Масонъ былъ милліонеръ и король лѣсопромышленниковъ, но всѣ звали его просто Эдъ. У него были княжескія владѣнія въ лѣсахъ, а лѣсопильни насчитывались сотнями. Его знакомство съ Джономъ Трентономъ было недавнее, но сразу перешло въ искреннюю дружбу. Общій знакомый въ Квебекѣ, которому художникъ выразилъ желаніе увидѣть Шавенеганскіе водопады, далъ ему письменную рекомендацію къ королю лѣсопромышленниковъ, благодаря которой Трентонъ встрѣтилъ у Масона радушный пріемъ. Вообще, каждый, желающій познакомиться съ Шавенеганскими водопадами, пользовался особеннымъ расположеніемъ Эда Масона. Безъ его помощи трудно было добраться до водопадовъ; съ любезной предупредительностью, онъ безвозмездно предоставлялъ каждому желавшему посѣтить водопады, въ полное распоряженіе, байдарку и двухъ ловкихъ гребцовъ-дикарей; единственнымъ расходомъ туриста было дать послѣднимъ на водку.

Художнику не долго пришлось ждать отвѣта. Масонъ писалъ:

«Милый Джонъ! Байдарка, гребцы и водопады на вторникъ—въ вашемъ полномъ распоряженіи. Сердечно привѣтствую васъ.
«Эдъ Масонъ».

Въ понедѣльникъ вечеромъ Джонъ прибылъ въ Three Rivers. Глядя на молодого человѣка въ сѣромъ костюмѣ туриста, съ фотографическимъ аппаратомъ, перекинутымъ черезъ плечо, никто не предположилъ бы, что это знаменитый пейзажистъ, котораго въ Лондонѣ видали не иначе, какъ въ изящномъ уличномъ или салонномъ костюмѣ.

Джонъ Трентонъ не былъ членомъ академіи, но его многочисленные друзья и поклонники утверждали, что онъ былъ бы имъ давно, если бы надъ академіей не властвовала извѣстная партія, но что это только вопросъ времени. Джонъ и самъ держался этого мнѣнія, но никому въ томъ не сознавался.

Онъ сѣлъ въ омнибусъ отеля, въ которомъ доѣхалъ до гостиницы св. Лаврентія, гдѣ взялъ комнату, и велѣлъ разбудить себя на зарѣ. Нанявъ того же возницу, который ѣздилъ съ нимъ въ прошлый разъ, онъ легъ спать.

Утро слѣдующаго дня было пасмурно и холодно. Когда Трентонъ вышелъ изъ гостиницы, легкая повозка уже ждала его у подъѣзда. Онъ уложилъ свою камеру подъ сидѣнье, плотнѣе застегнулъ пальто на всѣ пуговицы и влѣзъ въ повозку. Въ гавани стоялъ на якорѣ большой бѣлый пароходъ, котораго вчера еще не было.

— Это «Монреаль»!—объяснилъ возница.

Первая часть дороги была ровна и песчана, затѣмъ пришлось ѣхать съ горы на гору, такъ что въ легкой и не совсѣмъ удобной повозкѣ Трентону пришлось вынести порядочную тряску. На нѣкоторыхъ холмахъ была сдѣлана настилка изъ дерева для ската тяжестей, которыя невозможно было тащить по песку.

Въ началѣ пути всѣ дома были еще во мракѣ, но постепенно въ окнахъ замелькали огни; трудолюбивые люди принимались за работу. Когда, наконецъ, загорѣлась заря, въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу раздался звукъ топора; это рабочіе запасались дровами для домашняго обихода.

— Видите, какъ постепенно разсвѣтъ озаряетъ мѣстность? — спросилъ художникъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ возницу.

Послѣдній не нашелъ въ этомъ ничего необыкновеннаго. Развѣ не каждый день бываетъ одно и то же?

— Стало-быть, здѣсь всегда такъ хорошо виденъ восходъ солнца? Вѣдь мнѣ не каждый день приходится подниматься такъ рано.

Возница мысленно позавидовалъ барину.

— На этомъ мѣстѣ господа по большей части вылѣзаютъ, чтобы согрѣться ходьбой,—замѣтилъ онъ не безъ намѣренія, нѣсколько минутъ спустя.

— Нѣтъ, другъ мой,—сказалъ Трентонъ,—этого я не сдѣлаю. Я заплатилъ за ѣзду и хочу воспользоваться ею вполнѣ. Вы—другое дѣло: если хотите слѣзть, то слѣзайте. Я и самъ умѣю править.

Молодецъ предупредительно подалъ художнику вожжи и соскочилъ.

Трентонъ, чувствовавшій себя въ это утро бодрымъ и счастливымъ, какъ дитя, стегнулъ лошадь и рысью поѣхалъ дальше. Проѣхавъ такимъ образомъ съ полчаса, онъ оглянулся, въ надеждѣ увидѣть кучера бѣжавшимъ позади и съ трудомъ переводившимъ дыханіе,—и не мало удивился, замѣтивъ, что послѣдній преважно сидитъ на задкѣ повозки.

Въѣхавъ на вершину высокаго холма, онъ увидалъ, по ту сторону рѣки св. Маврикія, солнце, плавно и величественно восходящее изъ-за темнаго лѣса. Трентонъ уронилъ вожжи. Отъ восхищенія у него остановилось дыханіе. Молодецъ же хладнокровно соскочилъ, чтобы посмотрѣть, не лопнула ли уздечка, такъ какъ не могъ себѣ представить, чтобы остановка случилась только ради восхода солнца, какъ будто въ этомъ было что-нибудь необыкновенное.

— Развѣ это не великолѣпно? — воскликнулъ Трентонъ, съ восторженнымъ напряженіемъ слѣдя глазами за выплывавшимъ на горизонтъ огненнымъ шаромъ.

Темныя деревья стали яснѣе отдѣляться отъ солнца, а послѣднее, поднимаясь все выше и выше, засіяло, наконецъ, во всемъ своемъ великолѣпіи.

Золотистый свѣтъ солнца, озарившій теперь осеннюю листву деревьевъ, придалъ ландшафту такой жизненный, теплый колоритъ, какого художнику еще никогда не приходилось видѣть.

— О, боги!—воскликнулъ онъ съ энтузіазмомъ.—Одинъ этотъ видъ стóитъ путешествія черезъ океанъ!

— Если вы желаете застать Эда Масона до его ухода въ лѣса, то вамъ нужно поторопиться. Уже порядочно поздно!

— Вы правы, хотя сбросили меня съ неба на землю. Вы слышали когда-нибудь о человѣкѣ, который свалился съ солнца на землю?

— Нѣтъ, никогда не слыхалъ.

— Да, это было давно, до вашего рожденія. Съ вами не случилось бы подобнаго паденія. Въ этой странѣ, вѣроятно, не поклоняются солнцу?

— Нѣтъ, у насъ ничего подобнаго не дѣлается.

— Странно. Когда я сегодня утромъ поѣхалъ съ вами, мнѣ было восемьдесятъ лѣтъ, а сколько бы, вы думали, мнѣ теперь?

— Восемьдесятъ лѣтъ, сударь!

— Что вы! Восемнадцать! И всему причиною солнце. Оно помолодило меня. А еще люди говорятъ, что нѣтъ средства помолодѣть. Какіе дураки—люди, не такъ ли, другъ мой?

Парень состроилъ хитрую физіономію и утвердительно кивнулъ головою.

— Онъ все-таки не безъ юмору!—пробормоталъ художникъ.

Когда повозка повернула за уголъ, сѣдоки увидѣли цѣль своего путешествія—деревушку. Уже издали слышался шумъ стремящихся по гранитнымъ утесамъ водяныхъ массъ, отъ которыхъ деревушка получила свое названіе. По правой сторонѣ ея, большою полудугою, протекала величественная рѣка св. Маврикія, темныя воды которой сплошь покрывала бѣлая пѣна водопада.

Осенній день обѣщалъ сдѣлаться великолѣпнымъ. Небо, казавшееся Трентону при восходѣ солнца покрытымъ облаками, сіяло чудною лазурью чисто-голубого цвѣта.

Наконецъ, повозка остановилась у дома Масона. Настоящее мѣстожительство короля лѣсопромышленниковъ былъ Three Rivers, но и здѣсь велось полное и правильное хозяйство, подъ наблюденіемъ старой экономки-француженки, такъ какъ постоянное присутствіе Масона было здѣсь необходимо. Увидѣвъ подъѣхавшую повозку, экономка самолично отворила поднимавшемуся на крыльцо художнику дверь, вспомнивъ, вѣроятно, всѣ любезности, которыми осыпалъ ее благовоспитанный англичанинъ въ послѣдній свой пріѣздъ сюда; онъ дѣйствительно былъ восхищенъ порядкомъ и образцовою чистотою, царившими во всемъ домѣ.

— Мистеръ Масонъ ушелъ на берегъ, чтобы осмотрѣть байдарку,—сказала она Трентону,—но онъ скоро вернется.

Художникъ, хорошо знавшій расположеніе комнатъ, отворилъ дверь направо, чтобы ожидать возвращенія Масона въ пріемной, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставить тамъ пальто, въ которомъ теперь уже не нуждался, но, увидѣвъ при входѣ высокую, стройную молодую особу, стоявшую у окна, спиною къ нему, онъ въ испугѣ остановился. Не покидая своего мѣста, молодая особа повернула голову въ сторону вошедшаго. Первою мыслью Трентона было сожалѣніе о томъ, что онъ—въ простомъ костюмѣ туриста, а не въ элегантной салонной визиткѣ. Но взглядъ черезъ плечо, брошенный на него молодою особою, сразу уничтожилъ это сожалѣніе.

Никогда еще онъ не встрѣчалъ такого яростнаго, негодующаго взгляда. Какое чувство обиды, какой горькій упрекъ выражали эти большіе глаза!..

«Въ чемъ это я такъ провинился?»—подумалъ несчастный и сказалъ вслухъ:

— Я... я... тысячу разъ прошу извиненія! Я думалъ, что... гм!.. я думалъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ!

Неизвѣстно чѣмъ обиженная особа не удостоила его отвѣта. Она снова принялась смотрѣть въ окно, а Трентонъ съ достоинствомъ поспѣшилъ ретироваться.

Когда онъ очутился на дворѣ, вздохъ облегченія вырвался изъ груди его.

«Такой грубости мнѣ еще не приходилось вынести ни отъ одной дамы,—сказалъ онъ про себя.—Но она все-таки дама, какъ бы то ни было! Однако, она могла бы мнѣ отвѣтить! Я очень хотѣлъ бы знать, въ чемъ я провинился? Должно-быть, въ чемъ-нибудь непростительномъ. Небо!—воскликнулъ онъ вдругъ, озаренный страшнымъ предчувствіемъ.—Неужели она также собралась въ Шавенеганы?»

Трентонъ не былъ дамскимъ кавалеромъ. Присутствіе дамъ всегда смущало его; у него была несчастная способность иногда некстати выразить свое мнѣніе, а потомъ сообразить, что нужно было сказать совершенно другое.

Онъ стоялъ у рѣшётки, ожидая Масона. Вдругъ онъ сообразилъ, что находится теперь какъ разъ на виду гнѣвныхъ глазъ, которые смотрѣли изъ окна въ комнатѣ, и онъ поспѣшно направился къ старой лѣсопильнѣ на берегу. Шумъ воды успокоилъ встревоженные нервы художника, который считалъ себя чуть ли не преступникомъ, между тѣмъ какъ при всемъ желаніи не сумѣлъ бы сказать, въ чемъ онъ провинился. Онъ прошелся по берегу, гдѣ два дикаря занимались приготовленіемъ лодки къ плаванію. Наконецъ, тутъ же, къ великой своей радости, онъ увидалъ Эда Масона, который встрѣтилъ его, какъ ему показалось, съ преувеличенной любезностью. Повидимому, добряка Эда удручало какое-то безпокойство.

— Ага! дружище!—воскликнулъ онъ, сердечно пожимая руку Трентону.—Давно ли пріѣхали? Какъ я радъ встрѣтить васъ! Вы надѣетесь провести здѣсь весь этотъ чудесный день? Не такъ ли? Я очень, очень счастливъ, что снова вижу васъ у себя!

— Если говорятъ то же самое два раза подъ-рядъ и даже безъ передышки,

то поневолѣ приходится этому повѣрить. Ахъ вы, добродушнѣйшій изъ людей! Сознайтесь-ка, какая муха васъ укусила? Чѣмъ я не угодилъ вамъ? Или я пріѣхалъ невпопадъ? Да посмотрите же мнѣ въ глаза, Эдъ Масонъ: отчего вы такъ чрезмѣрно радуетесь моему пріѣзду?

— Неправда! Пустяки! Это вамъ такъ кажется. Вы знаете, что я дѣйствительно радъ васъ видѣть. Никто не можетъ быть для меня пріятнѣе васъ. Впрочемъ, и жена моя здѣсь. Вы еще незнакомы съ ней? Не правда ли?..

— Я видѣлъ молодую особу.

— Нѣтъ, нѣтъ, то была миссъ... Кстати, нужно вамъ сказать, Трентонъ, что я намѣренъ просить васъ оказать мнѣ большую услугу. Само собою разумѣется, что байдарка на сегодня въ вашемъ распоряженіи; но одна молодая особа желаетъ сегодня ѣхать въ Шавенеганы во что бы то ни стало. Имѣете ли вы что-нибудь противъ того, чтобы она ѣхала съ вами? У меня, къ несчастію, сегодня нѣтъ другой лодки, а она можетъ ѣхать только сегодня. Согласны вы, Трентонъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!— отвѣчалъ Трентонъ, но лицо его выражало совершенно противное.

II.

Миссъ Ева Сомертонъ, изъ Бостона, жила въ самой важной части этого важнаго города, и сознаніе такого факта не мало способствовало увеличенію гордаго выраженія ея красивой головки и сквозило во всѣхъ движеніяхъ ея граціозной фигуры.

Иностранцы, посѣщающіе Бостонъ,—къ числу ихъ принадлежатъ и жители Соединенныхъ Штатовъ, не живущіе въ Бостонѣ,—считаютъ Бостонъ большимъ городомъ съ обширной торговлей, съ массой газетныхъ изданій, съ оживленными улицами и цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Бостонцы же знаютъ, насколько это мнѣніе ошибочно. Настоящій Бостонъ не пересѣкается ни одной желѣзной дорогой. Звонки электрической дороги также никогда не раздаются по улицамъ этого избраннаго города. Въ сравненіи съ обыкновеннымъ Бостономъ, онъ то же самое, что Лондонъ въ тихое время—въ сравненіи съ Лондономъ въ самый разгаръ сезона. Чужестранцу, посѣщающему въ тихое время столицу, и въ голову не придетъ, что Лондонъ пустъ; но аристократъ, принужденный необходимостью посѣтить въ такое время городъ, знаетъ, что въ немъ нѣтъ ни души.

Миссъ Сомертонъ обо многомъ имѣла очень ошибочное понятіе; по счастію для спокойствія ея души, еще ни одинъ изъ ея друзей не отважился объяснить ей это, такъ какъ на то потребовалось бы больше храбрости и присутствія духа, нежели какими обладали всѣ поголовно салонные шаркуны. Молодые люди ея круга единодушно объявили, что у нея, вообще, нѣтъ недостатковъ; а если дамы ея круга были другого мнѣнія, то, во всякомъ случаѣ, выражали это только въ тѣхъ обществахъ, которыя миссъ Сомертонъ не удостоивала чести своего посѣщенія.

Ева Сомертонъ не считала себя гордою. По ея мнѣнію, въ ней было именно настолько этого благороднаго чувства, сколько его требовалось на долю каждаго уважающаго себя человѣка.

Кромѣ того, въ ней была тщеславная увѣренность въ томъ, что настоящая заслуга человѣка состоитъ въ его достоинствѣ; и если бы истинная заслуга имѣла несчастіе представиться ей въ лицѣ не совсѣмъ равнаго ей по происхожденію человѣка, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что такая личность едва ли была бы удостоена счастія лицезрѣть улыбку на лицѣ гордой красавицы Евы Сомертонъ изъ Бостона. Но величайшимъ изъ ея заблужденій было—считать себя художницей. Она училась всему, что предлагала ей къ услугамъ школа рисованія, но и это немногое, во время путешествій по чужимъ землямъ, было подправлено и подкрашено искусствомъ постороннихъ,

такъ что ея друзья, при видѣ ея эскизовъ, находили ихъ «просто восхитительными». Можетъ-быть, миссъ Сомертонъ и удалось бы сдѣлать себѣ имя въ артистическомъ мірѣ, если бы ея капиталъ не увеличивалъ постоянно сумму ея мѣсячнаго дохода. Богатый всегда пугается труда, который неизбѣженъ для достиженія большаго успѣха, въ особенности если послѣдній пріобрѣтается только посредствомъ тяжелой работы, а не денежными жертвами.

«Гордому и Богъ противится»,—говоритъ пословица, такъ и въ артистической карьерѣ миссъ Сомертонъ случился эпизодъ, который нанесъ чувствительный ударъ ея самодовольству. Она купила давно уже восхищавшій ее пейзажъ знаменитаго художника и написала послѣднему письмо, въ которомъ выражала свой восторгъ и удивленіе его искусству, прилагая при этомъ нѣсколько собственныхъ эскизовъ, съ просьбой высказать свое откровенное о нихъ мнѣніе.

Но это откровенное мнѣніе показалось ей до того грубымъ и невѣжливымъ, что она, съ досады, разорвала письмо на мелкіе кусочки и съ гнѣвомъ, на который едва ли кто считалъ способной постоянно ровную, важную миссъ Сомертонъ, затоптала ихъ своими прелестными ножками.

Нѣсколько успокоившись, она внимательно посмотрѣла на свои поруганные эскизы и пришла къ грустному заключенію, что они дѣйствительно не такъ безукоризненны, какъ она полагала прежде.

Она глубоко задумалась, потомъ залилась горькими слезами и, наконецъ, медленно стала собирать съ полу кусочки разорваннаго письма и тщательно наклеила ихъ на листъ бумаги, въ какомъ видѣ сохраняетъ ихъ и до сихъ поръ, какъ образецъ единственнаго откровеннаго мнѣнія, которое ей пришлось выслушать. Въ тиши своей эстетически обставленной рабочей комнаты, миссъ Сомертонъ дала себѣ слово отнынѣ посвятить всю жизнь искусству. Она хотѣла добиться одобренія великихъ мастеровъ. Больше всего подзадоривала ее мысль заставить невѣжливаго художника признать за ней недюжинный талантъ.

Но рѣдкій изъ смертныхъ проживетъ такъ, какъ обѣщаетъ себѣ прожить въ одинъ изъ избранныхъ моментовъ жизни, и миссъ Сомертонъ не была исключеніемъ изъ общаго правила. Ей не удалось работать такъ безпрерывно, какъ бы она хотѣла: нельзя было совсѣмъ удаляться отъ общества. Несмотря на это, когда она, годъ спустя, снова послала художнику нѣсколько сдѣланныхъ въ Квебекѣ эскизовъ съ неизвѣстныхъ водопадовъ, она получила отъ него такой любезный, поощрительный отвѣтъ, какого и не ожидала. Художникъ помнилъ ея прежніе рисунки и радовался громадному успѣху, который сдѣлала дилетантка. Если снимки съ водопадовъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то онъ не замедлитъ и самъ посѣтить ихъ. Онъ только желалъ бы узнать, гдѣ они находятся.

Миссъ Ева была глубоко счастлива и поспѣшила въ длинномъ письмѣ, какъ можно подробнѣе, описать водопады и ихъ мѣстоположеніе, за что получила очень почтительную благодарность, чѣмъ и закончилась ея переписка съ художникомъ.

Излюбленнымъ водопадомъ миссъ Сомертонъ былъ величественный водопадъ св. Маврикія—величайшій изъ всѣхъ Шавенеганскихъ водопадовъ. Она уже, разъ двѣнадцать по крайней мѣрѣ, срисовывала его во всѣхъ подробностяхъ и восторгалась имъ передъ своими друзьями, насколько могла восторгаться такая сдержанная молодая лэди, какъ миссъ Сомертонъ. По ея рекомендаціи, нѣсколько бостонцевъ посѣтили Шавенеганы; но они вынесли гораздо большее впечатлѣніе отъ неудобствъ путешествія, нежели отъ красотъ водопадовъ, такъ что миссъ Сомертонъ перестала пропагандировать своихъ любимцевъ. Она ежегодно ѣздила въ Шавенеганы и даже вообразила, что имѣетъ на нихъ какое-то право собственности, что

не мало забавляло Эда Масона. Она рѣшительно выходила изъ себя, если другіе посѣщали водопадъ, а что̀ еще хуже—устраивали туда поѣздки и пикники, оставляя тамъ доказательства своего пребыванія въ видѣ пустыхъ бутылокъ, коробокъ отъ сардинъ и такъ далѣе, что̀ ужасно возмущало ея артистическое чувство. Когда она въ это лѣто пріѣзжала въ Three Rivers и узнала, что на всю недѣлю назначены пикники, она, во избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ, уѣхала обратно, заявивъ мистеру Масону, что вернется только тогда, когда водопады будутъ всецѣло принадлежать ей одной.

— Вы напоминаете мнѣ миссъ Портеръ,—возразилъ ей на это король лѣсопромышленниковъ.

— Миссъ Портеръ? Кто такая миссъ Портеръ?

— Извѣстная богачка. Когда миссъ Портеръ находилась въ Англіи, Гладстонъ спросилъ у нея, видала ли она Ніагарскій водопадъ. И она отвѣчала: «Видала ли? Да онъ—моя собственность!»

— Что̀ она хотѣла сказать этимъ? Сознаюсь, я не понимаю, въ чемъ тутъ острота? Или это шутка?

— Конечно, шутка. Вы не должны такъ критически относиться къ моимъ маленькимъ остротамъ. Миссъ Портеръ серьезно была увѣрена въ томъ, что̀ говорила. Семейство Портеръ владѣло или еще владѣетъ Гоатъ-Исландомъ, вмѣстѣ съ противоположнымъ берегомъ, на которомъ находятся знаменитые Ніагарскіе водопады. Я не охотникъ объяснять шутки, тѣмъ болѣе такой холодной бостонкѣ, какъ вы, но дѣло въ томъ, что нашелся же самоувѣренный человѣкъ, воображающій, что Ніагарскій водопадъ можетъ быть чьей-либо исключительной собственностью. Я увѣренъ, что и вы не прочь отъ такого предположенія, даже положительно увѣренъ!

— Очень вамъ благодарна, мистеръ Масонъ!

— Я зналъ, что вы станете благодарить меня за мое объясненіе. Впрочемъ, я хочу кое-что предложить вамъ. Обратитесь къ канадскому правительству съ предложеніемъ купить Шавенеганскіе водопады. Полагаю, что за солидную сумму оно согласится уступить ихъ вамъ, тѣмъ болѣе, что водопады служатъ большою помѣхою судоходству, и, кромѣ того, вы избавите правительство отъ расхода въ нѣсколько тысячъ долларовъ на устройство новой плотины.

— Если бы водопады принадлежали мнѣ, то я, прежде всего, уничтожила бы эту плотину.

— Что? И разстроили бы всю лѣсопромышленность нашей мѣстности? Нѣтъ! ужъ этого вы не сдѣлали бы! Считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, что употреблю всѣ силы на то, чтобы воспрепятствовать осуществленію такого дикаго проекта. Напротивъ, вы лучше заявите правительству, что намѣрены поднять промышленность нашей мѣстности посредствомъ постройки большой лѣсопильни.

— Лѣсопильни?

— Ну, конечно! Отчего же бы и нѣтъ? Я и самъ не разъ подумывалъ выстроить ее. Развѣ не жаль, что такая масса даровой силы пропадаетъ попусту?

— Не можетъ быть, чтобы вы говорили серьезно, мистеръ Масонъ. Неужели же вы способны совершить такое святотатство?

— Святотатство? Это мнѣ нравится! Повторяю вамъ, что тотъ, кто выстроитъ лѣсопильню на томъ мѣстѣ, гдѣ ея никогда не было, можетъ считаться благодѣтелемъ рода человѣческаго. Развѣ у васъ, въ Бостонѣ, не читаютъ политической экономіи? Я предполагалъ, что вамъ очень нравятся лѣсопильни. Вѣдь вы же сдѣлали хорошенькій эскизъ съ лѣсопильни около устья рѣки?

— Она живописна, потому что стара и почти развалилась,—вотъ чѣмъ она привлекла мое вниманіе; но я терпѣть

не могу лѣсопиленъ, особенно во время ихъ дѣйствія.

— Такъ какъ же? Не поѣхать ли вамъ еще сегодня на водопады? Увѣряю васъ, что общество, которое вы застанете тамъ, очень изысканное. Въ числѣ его находится даже одно высокопоставленное лицо. Подумайте хорошенько.

— Это меня нисколько не привлекаетъ. Я хочу любоваться водопадами, а не распивающею пиво компаніей!

— Вы очень несправедливы, миссъ Сомертонъ. Сегодня очередь компаніи, распивающей шампанское; очередь пивной компаніи настанетъ только завтра.

— Для меня это безразлично; принципъ одинъ и тотъ же.

— Но въ расходахъ большая разница. Если не ошибаюсь, недавно пріѣзжала молодая особа изъ Новой Англіи, которая также собралась позавтракать у водопадовъ. Я разсказываю вамъ это, какъ фактъ; надѣюсь, вы поняли меня?

— Безъ сомнѣнія! Вы говорите обо мнѣ. Я всегда запасаюсь завтракомъ, когда ѣду туда, да и сегодня попросила бы мистрисъ Масонъ приготовить мнѣ нѣсколько сандвичей, если бы я поѣхала,—и, неправда ли, мистриссъ Масонъ, вы не отказали бы мнѣ въ этомъ?

— Я сдѣлаю для васъ все, что угодно, милая Ева!—сказала жена Масона, вошедшая въ комнату во время этого разговора. — Я бы и сейчасъ приготовила вамъ сандвичей, если бы вы здѣсь остались!

— Противъ завтрака я ничего не имѣю. Но меня возмущаетъ мысль ѣхать на водопады только съ цѣлью тамъ позавтракать. Я ѣду ради вида, а завтракъ— дѣло второстепенное!

— Знаете, что мы сдѣлаемъ,—шутилъ Эдъ, — когда вы купите Шавенеганы? Мы поставимъ у берега отрядъ дикарей, съ предписаніемъ не подпускать на пристань никого, кто еще заранѣе не выразитъ своего безграничнаго восхищенія вашими водопадами. Кто не согласится сдѣлать это, тотъ пусть сидитъ въ лодкѣ до тѣхъ поръ, пока не покорится вашему условію.

— Не обращайте на него вниманія, Ева, онъ только испытываетъ ваше долготерпѣніе. Представьте же себѣ, что мнѣ приходится выносить, потому что онъ постоянно такой, — сказала мистрисъ Масонъ.

— Весьма, весьма польщенъ, душа моя! Ты согласишься, что въ своемъ домѣ и въ своей компаніи никто не обязанъ изощряться въ остроуміи. Это дѣлается только въ обществѣ.

— Но, мистеръ Масонъ, — перебила его миссъ Сомертонъ,—я не думала, что вы считаете меня обществомъ; я надѣялась принадлежать къ числу вашихъ друзей.

— Въ этомъ вы можете быть вполнѣ увѣрены. Обществомъ я называю чиновника изъ правленія, котораго я только что, до вашего прихода, проводилъ до лодки. Право, миссъ Сомертонъ, послѣ такого длиннаго пути вамъ лучше было бы остаться здѣсь и немного отдохнуть!

— Ахъ, да! — поддержала мужа мистрисъ Масонъ.— Оставайтесь, пожалуйста. Погостите у меня, въ Three Rivers, до будущей недѣли, а тамъ вы смѣло можете поѣхать одни въ Шавенеганы. Теперь у насъ, въ Three Rivers, прекрасно, а кромѣ того мы могли бы съѣздить на одинъ день на ярмарку въ Монреаль.

— Если бы я только могла!

— Конечно, вы можете!—сказалъ Масонъ.—Кромѣ того, представьте себѣ, съ какимъ наслажденіемъ вы тайно перевезли бы въ Бостонъ запрещенные предметы, купленные въ Монреалѣ. Сознайтесь, что вы еще не испытали этого удовольствія.

— Охотно соглашаюсь съ вами, но такъ какъ я простилась со своими друзьями только на одинъ день и уже назначила, гдѣ намъ собраться завтра,

то не могу измѣнить своему слову. Зато осенью, когда пройдетъ время пикниковъ, я пріѣду непремѣнно, но тогда я попрошу васъ предоставить байдарку только въ мое распоряженіе.

Когда карета съ миссъ Сомертонъ исчезла за угломъ, и мистеръ Масонъ съ женою вернулись въ домъ, послѣдняя замѣтила:

— Какая странная дѣвушка эта Ева.

— Очень странная. Не находишь ли ты, что она немножко эгоистка?

— Эгоистка? Ева Сомертонъ? Какъ это могло придти тебѣ въ голову? Развѣ ты забылъ, до чего она была любезна, когда я гостила у нея въ Бостонѣ?

— Можетъ ли кто-нибудь быть съ тобой не любезнымъ, душа моя? Если бы я самъ встрѣтилъ тебя въ чужомъ домѣ, то постарался бы быть любезнымъ и...

— Перестань дурачиться, Эдъ!

— Развѣ быть любезнымъ съ женою дурачество? Сознайся, вѣдь негодованіе Евы на то, что другіе также желаютъ посѣтить водопады, не одному мнѣ, но и всякому можетъ казаться эгоистичнымъ?

— О, ты ее не такъ понимаешь. У нея артистическій темпераментъ, и потому ея желаніе быть совершенно одной вполнѣ основательно. Когда она опять пріѣдетъ, Эдъ, нужно устроить такъ, чтобы она одна могла пользоваться байдаркой. Пожалуйста, не забудь объ этомъ, какъ обыкновенно забываешь все, о чемъ я тебѣ говорю. Ты можешь отказать въ тотъ день всѣмъ постороннимъ, подъ предлогомъ, что всѣ лодки въ починкѣ.

— Это мы увидимъ!—возразилъ онъ.

— Но послушай, Эдъ, пожалуйста, постарайся запомнить, что я зимой собираюсь поѣхать погостить въ Бостонъ на нѣсколько недѣль.

— Ага! теперь я понялъ! Такъ дѣло не въ филантропіи?

— Перестань. Я прошу только, чтобы байдарка была свободна,—вотъ и все.

Въ началѣ осени, получивъ письмо отъ миссъ Сомертонъ, въ которомъ она извѣщала о своемъ пріѣздѣ въ извѣстный день, мистрисъ Масонъ передала его мужу, напомнивъ ему о данномъ имъ обѣщаніи. Такъ какъ назначенный день наступалъ еще черезъ нѣсколько недѣль, а Эдъ Масонъ не любилъ ломать себѣ голову раньше времени, то онъ засунулъ письмо въ карманъ и совершенно забылъ о немъ до того дня, въ который начинается нашъ разсказъ и когда онъ увидѣлъ, что пріѣхала его супруга въ сопровожденіи миссъ Сомертонъ.

При встрѣчѣ съ нимъ, молодая дѣвушка, считавшая Эда Масона счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, невольно заподозрила, что веселаго, жизнерадостнаго человѣка иногда грызетъ какое-то тайное горе.

— Послушай, Эдъ, — воскликнула и мистрисъ Масонъ,—ты, вѣрно, не совсѣмъ здоровъ; что съ тобою?

— Нѣтъ, пустяки, право пустяки! У меня была маленькая непріятность.

— Случилось что-нибудь важное?

— Ахъ, нѣтъ, сохрани Боже!

— Ты, вѣрно, сердился на рабочихъ?— не отставала заботливая супруга.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ! — возразилъ несчастный мистеръ Масонъ, у котораго отъ назойливыхъ разспросовъ выступилъ потъ на лбу.

— О, мистеръ Масонъ! Я, кажется, пріѣхала невпопадъ? Если это вѣрно, то, пожалуйста, скажите безъ стѣсненія; но если я могу быть въ чемъ-нибудь полезной вамъ, то располагайте мною; вы знаете, я во всякое время готова къ вашимъ услугамъ,—сказала Ева.

— Вы пріѣхали какъ нельзя болѣе кстати, — увѣрилъ ее лѣсопромышленникъ,—и я, какъ всегда, душевно радъ вамъ. Если мнѣ понадобится ваша помощь, что легко можетъ случиться, то я напомню вамъ о вашемъ любезномъ обѣщаніи.

Чтобы какъ можно болѣе отдалить объясненіе съ женою, Масонъ ушелъ въ конюшню посмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ. Конюхъ не мало удивлялся необыкновенной заботливости, съ которой хозяинъ сегодня все разсматривалъ. Однако, рано или поздно, объясненіе было неизбѣжно, и, сознавая это, мистеръ Масонъ, со стѣсненнымъ сердцемъ, отправился въ домъ, гдѣ его ожидала, горѣвшая нетерпѣніемъ, супруга.

— Наконецъ-то, Эдъ! Скажи же, въ чемъ дѣло? — начала она свой допросъ, предварительно позаботившись запереть двери.

— Гдѣ миссъ Сомертонъ? — спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Въ своей комнатѣ. Эдъ, да избавь же меня отъ неизвѣстности! Что случилось?

— Ты помнишь Джона Трентона, который былъ у меня лѣтомъ?

— Да, ты мнѣ много говорилъ о немъ. Меня въ то время здѣсь не было; ты помнишь?

— Совершенно вѣрно. Такъ, видишь ли, этотъ Трентонъ—славный малый, замѣчательно славный малый, то-есть для англичанина.

— Да при чемъ же тутъ Трентонъ?

— Въ немъ-то все и дѣло, душа моя.

— А! я начинаю понимать. Трентонъ тогда ѣздилъ на Шавенеганскіе водопады.

— Да, да!

— И теперь желаетъ опять посѣтить ихъ?

— Да, да!

— И ты обѣщалъ ему байдарку на завтрашній день?

— Сообразительность женщины есть нѣчто замѣчательнѣйшее въ мірѣ!

— Есть нѣчто еще замѣчательнѣе, а именно: безпечность—чтобы не сказать глупость—мужчинъ.

— Очень благодаренъ тебѣ, Женни, за твою деликатность, хотя думаю, что мнѣ было бы пріятнѣе, если бы ты была менѣе великодушна.

— Ну, и какъ же ты намѣренъ поступить?

— Вотъ видишь ли, этотъ вопросъ мучитъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ вашъ экипажъ. А что ты сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ?

— Со мною никогда не случилось бы ничего подобнаго.

— Да, это вѣрно, Женни. Извини, что я забылъ о невозможности такого случая съ тобою. Я вполнѣ увѣренъ, что эта забота сильно утомила мои мозги. Но что бы ты посовѣтовала своему мужу—разъ у тебя оказался мужъ, способный очутиться въ такомъ глупомъ положеніи,—что бы ты мнѣ посовѣтовала?

— Прошу тебя, Эдъ! Оставь шутки! Дѣло слишкомъ серьезное.

— Другъ мой, никто на свѣтѣ не можетъ серьезнѣе смотрѣть на это обстоятельство, чѣмъ я самъ. У меня теперь то же чувство, что и у Марка Твэна, когда онъ писалъ исторію и не зналъ, какъ ее окончить. Я довелъ дѣло до точки, съ которой мнѣ его уже не сдвинуть. Я рѣшительно не вижу выхода. Если бы миссъ Сомертонъ удовольствовалась десятью тысячами саженъ самыхъ лучшихъ сухихъ дровъ!

— Если ты не въ состояніи разсуждать, какъ слѣдуетъ, то намъ болѣе и говорить не о чемъ.

— Глупая исторія совершенно сбила меня съ толку. Прошу тебя, Женни, не оставляй меня. Я поговорю съ Трентономъ; онъ не будетъ имѣть ничего противъ того, чтобы миссъ Сомертонъ поѣхала съ нимъ; я даже увѣренъ, что ему это будетъ очень пріятно.

— Ради Бога, Эдъ, умнѣе ты ничего не придумалъ?! Изъ-за мистера Трентона нечего безпокоиться, съ нимъ поладить не трудно, но Ева? Вотъ гдѣ затрудненіе! Не думаешь ли ты, что она сядетъ въ байдарку съ тѣмъ, чтобы обязываться иностранцу? Не можешь ли ты угово-

рить Трентона отложить свою поѣздку до другого дня?

— Нѣтъ, это невозможно! Онъ хочетъ на слѣдующій же день уѣхать въ Англію. Кромѣ того, у него есть мое письменное обѣщаніе, а у миссъ Сомертонъ его нѣтъ. Я говорю на случай, если бы дѣло дошло до суда. Видишь ли, Женни, я совершенно забылъ, что оба назначили одно и то же число, и отправилъ Трентону письмо.

— И ты еще стараешься оправдываться, Эдъ? Вѣдь письмо Евы было у тебя въ рукахъ. Для такой забывчивости нѣтъ оправданія.

— Да, Женни, ты права! Но разъ я попалъ въ лужу, то нужно же мнѣ изъ нея выкарабкаться!

— На это я знаю одинъ только способъ. Пусть миссъ Сомертонъ думаетъ, что байдарка—въ ея распоряженіи, и что только ея великодушіе позволило Трентону ѣхать съ нею, а тебѣ слѣдуетъ попросить, чтобы она на это согласилась.

— Не сдѣлаешь ли ты это за меня, Женни?

— Нѣтъ, не сдѣлаю! Единственный шансъ твой состоитъ въ неловкости, съ которою ты приступишь къ дѣлу, то-есть къ этой просьбѣ, такъ что Ева сжалится надъ тобою и только поэтому исполнитъ твою просьбу.

— О, если все зависитъ только отъ моей неловкости, то я увѣренъ въ успѣхѣ.

— Не храбрись раньше времени, Эдъ. Я думаю, что Трентонъ будетъ здѣсь завтра на зарѣ. Я попрошу теперь Еву сойти внизъ.

— Полагаю, что не зачѣмъ такъ торопиться, Женни! Я бы желалъ еще немножко собраться съ силами. Даже убійцѣ даютъ отсрочку.

— Чѣмъ скорѣе мы кончимъ дѣло, тѣмъ лучше, Эдъ.

— Можетъ-быть, ты и права, — проворчалъ Масонъ, тяжело вздохнувъ. — Начнемъ же жертвоприношеніе, Женни.

Мистриссъ Масонъ подошла къ лѣстницѣ и крикнула:

— Милая Ева! Пожалуйста, потрудитесь сойти на минуту, вы однѣ можете помочь намъ выйти изъ неловкаго положенія.

Миссъ Сомертонъ, съ очаровательнѣйшей улыбкой на устахъ, немедленно сошла внизъ, расправляя рукою складки легкаго платья, которымъ она замѣнила свой дорогой дорожный костюмъ. Она приближалась съ сочувственно-блестящими глазами и въ этотъ моментъ казалась Масону такою прекрасною, какъ...—ну, какъ его собственная жена, когда еще не была его невѣстою. Можно было думать, что миссъ Сомертонъ, вмѣстѣ съ дорожнымъ костюмомъ, сняла съ себя и всю чопорность важной бостонки.

— О, мистеръ Масонъ, — сказала она привѣтливо, — мнѣ очень жаль, что вы такъ озабочены, и я готова сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, если только могу помочь вамъ.

— Вы однѣ только и можете это сдѣлать, дорогая миссъ Ева. Ваше любезное сочувствіе уже наполовину облегчило мое горе, а теперь я попрошу васъ не отказаться совсѣмъ избавить меня и отъ другой половины.

Поймавъ на лету одобрительный взглядъ жены, Масонъ сталъ продолжать уже храбрѣе, стараясь говорить чистосердечнѣйшимъ тономъ:

— Миссъ Сомертонъ, умоляю васъ выручить меня, я совершенно отдаюсь во власть вашему милосердію.

Снова взглянувъ на жену и замѣтивъ, что она нѣсколько сморщилась, бѣдный грѣшникъ понялъ, что слишкомъ увлекся.

— Сказать по правдѣ, жена моя...— началъ онъ, но послѣдняя притворно закашлялась, и Масонъ остановился, нервно теребя рукою свою бородку.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь меня, мистеръ Масонъ, — сказала миссъ Сомер-

тонъ. — Развѣ такъ необходимо передать мнѣ причину вашей заботы?

— Очень необходимо, миссъ Сомертонъ. Вы должны узнать все!

Онъ взглянулъ на жену, но, видя, что съ ея стороны нечего ожидать поддержки, рѣшился идти напроломъ.

— Итакъ, дѣло вотъ въ чемъ. Одинъ изъ моихъ друзей хочетъ ѣхать завтра въ Шавенеганы, а такъ какъ онъ на другой же день уѣзжаетъ въ Европу, то никакъ не можетъ отложить своей поѣздки.

Вся сдержанность бостонки снова вернулась къ миссъ Сомертонъ.

— О, если дѣло только за этимъ, то вамъ, право, не изъ-за чего было печалиться, я могу и отложить свою поѣздку.

— Неужели вы согласились бы?! — воскликнулъ сіяющій Масонъ.

Мистриссъ Масонъ со вздохомъ отчаянія опустилась на кресло, а ея неисправимый супругъ, воображая, что дѣйствуетъ съ дипломатическою тонкостью, продолжалъ:

— Стало-быть, на этотъ разъ ваши друзья не ждутъ васъ въ Квебекѣ, и вы прогостите у насъ подольше?

— Друзья Евы въ Монреалѣ и тамъ ожидаютъ ее, — замѣтила мистриссъ Масонъ.—Она оставаться не можетъ.

— Такъ, стало-быть, завтра вашъ единственный свободный день?

— Не въ этомъ дѣло, мистеръ Масонъ! Я съ удовольствіемъ соглашаюсь отложить свою поѣздку, чтобы сдѣлать пріятное вашему другу. Нѣтъ, нѣтъ, — поспѣшно поправилась она, — чтобы угодить вамъ, мистеръ Масонъ. Развѣ я не добра?

— Нѣтъ, напротивъ! Вы жестоки! — возразилъ Масонъ.—Вы ѣдете завтра въ Шавенеганы, я настою на этомъ. Это рѣшено. Предоставляю байдарку въ ваше полное распоряженіе!

Супруга одобрительно покачала головою.

— Если вы откажетесь, то обидите меня, но если желаете сдѣлать мнѣ удовольствіе, то разрѣшите моему другу ѣхать въ вашей байдаркѣ.

— Какъ, мнѣ ѣхать одной съ незнакомымъ мужчиной? — холодно спросила миссъ Сомертонъ.

— Нѣтъ, не одной, съ вами будутъ гребцы.

— Не думаете ли вы, что я въ состояніи сама править лодкой?

— Ну, глядя на васъ, я ни на минуту не усомнился бы въ этомъ.

— Но, Эдвардъ!—остановила его жена.

— Ему хочется сдѣлать нѣсколько снимковъ съ водопада, и...

— Снимковъ? Но, Эдвардъ, вѣдь ты же сказалъ мнѣ, что онъ художникъ.

— Развѣ фотографъ не художникъ?

— Ты самъ отлично знаешь, что нѣтъ.

— Душа моя, они всѣ считаются художниками. Но успокойтесь, милостивыя государыни, онъ фотографъ-любитель; послѣдній не настолько опасенъ, какъ профессіональный; не правда ли, миссъ Сомертонъ?

— Гораздо хуже, чѣмъ профессіональный фотографъ; онъ никогда не сдѣлаетъ хорошихъ снимковъ.

— Онъ—пожилой господинъ и...

— О, если пожилой, — воскликнула миссъ Сомертонъ,—тогда нечего и разговаривать! Я думала, что это какой-нибудь дилетантъ изъ молодыхъ.

— Нѣтъ, онъ порядочно пожилой. У него волосы сѣдые, то-есть съ порядочной просѣдью.

Морщины на лбу миссъ Сомертонъ сгладились, и очаровательная улыбка снова заиграла на ея устахъ, проливая бальзамъ на измученное сердце Эда Масона.

— Не правда ли, что я эгоистка, мистеръ Масонъ? Смѣшно даже, что вы должны кланяться изъ-за мѣста въ вашей собственной лодкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! байдарка принадлежитъ вамъ, и уже съ полуночи нашъ уговоръ начинаетъ входить въ силу.

— Еще одно условіе, мистеръ Масонъ:

я попрошу васъ не представлять мнѣ вашего друга, чтобы онъ не имѣлъ права начать со мною разговора, такъ какъ я не желаю разговаривать завтра.

— Какое героическое рѣшеніе! — проворчалъ Масонъ.

— Стало-быть, мнѣ придется увидѣть этого господина не прежде, нежели я буду въ лодкѣ. Вы можете даже не присутствовать при нашей встрѣчѣ. Мистриссъ Перро проводитъ меня туда; съ нею я буду говорить по-французски, а онъ едва ли знаетъ этотъ языкъ.

— Слѣдовательно, дѣло рѣшено! Все устроится отлично!

— Рѣшено!.. Надѣюсь, погода завтра будетъ благопріятствовать нашей поѣздкѣ.

Мистриссъ Масонъ горячо поцѣловала въ лобъ молодую бостонку, а Масонъ, весело потирая руки, радовался, какъ школьникъ, которому случайно дали отпускъ.

— Какая вы милая, Ева,—сказала мистриссъ Масонъ.

— Полноте! — возразила Ева. — Но, вѣрите ли, я почему-то уже ненавижу этого человѣка, еще не видавъ его.

(Продолженіе будетъ.)

Смыслъ жизни—въ единеніи съ добромъ.

По поводу новой книги Влад. С. Соловьева «Оправданіе добра. Нравственная философія».

Э. Л. Радлова.

I.

Вл. Соловьевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ весьма немногочисленныхъ писателей, сочиненія которыхъ привлекаютъ къ себѣ читателей (и почитателей) всего образованнаго русскаго общества; о чемъ бы Вл. Соловьевъ ни писалъ, будь то стихи или повѣсть, полемическое или критическое произведеніе, философское или религіозное сочиненіе, можно быть увѣреннымъ, что его мысли найдутъ отзвукъ, во многихъ вызовутъ восторгъ, въ другихъ пробудятъ критику, но никого не оставятъ холоднымъ и равнодушнымъ. Этого Вл. Соловьевъ достигаетъ, конечно, не тѣмъ, что слѣдуетъ совѣту директора театра изъ пролога «Фауста»:

«На массы ты лишь массой повліяешь;
Всякъ что-нибудь на вкусъ отыщетъ свой.
Взявъ многое, ты многихъ одѣляешь;
Тогда доволенъ всякъ пойдетъ домой», —

а исключительно силой своего таланта, глубиной своей мысли, блескомъ своего дарованія. Въ нашемъ философѣ замѣчательно не только то, что̀ онъ говоритъ, но и то, какъ онъ это говоритъ. Въ его манерѣ писанія всегда чувствуется серьезная мысль, согрѣтая высокимъ нравственнымъ чувствомъ, проникнутая искреннимъ и горячимъ религіознымъ настроеніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, гдѣ нужно, прибѣгаетъ къ шуткѣ и тонкой ироніи. Это писатель, которому доступны весьма различныя настроенія и который съ удивительнымъ мастерствомъ умѣетъ переходить отъ одного тона къ другому. Отвлеченная мысль обосновывается удачно выбраннымъ, часто неожиданнымъ, примѣромъ; Соловьевъ умѣетъ соединять умозрѣніе съ эмпиріей, и въ этомъ отношеніи я охотнѣе всего сравнилъ бы нашего философа съ Мальбраншомъ, — родственнымъ ему и по духу, и по нѣкоторымъ основнымъ чертамъ міровоззрѣнія. Трудно сказать, какая сторона человѣческаго духа, синтезъ или анализъ, преобладаетъ въ мышленіи Вл. Соловьева: по временамъ мнѣ казалось, что онъ болѣе заботится о стройности цѣлаго, о гармоніи частей, чѣмъ объ аналитическомъ обоснованіи отдѣльныхъ мыслей, но именно послѣдній трудъ, по поводу котораго и пишутся эти строки («Оправданіе добра, нравствен-

ная философія», СПБ. 1897 г.), доказываетъ, что нашъ философъ въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ умѣетъ открыть новую сторону и показать, какія важныя и незамѣченныя никѣмъ слѣдствія вытекаютъ изъ, повидимому, общеизвѣстнаго факта. А въ этомъ, конечно, и состоитъ аналитическая способность, т. е. въ умѣніи видѣть и отмѣтить то, что на глазахъ у всѣхъ, но особенности чего отъ всѣхъ ускользаютъ. Уже съ первыхъ страницъ «Оправданія добра» оба возможныхъ направленія человѣческаго мышленія, анализъ и синтезъ, проявляются въ полномъ блескѣ.

Кто знакомъ съ предшествовавшими философскими сочиненіями Вл. Соловьева, его «Кризисомъ западной философіи», его «Критикой отвлеченныхъ началъ», его «Религіозными основами жизни», наконецъ, его «Исторіей теократіи», для того не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что смыслъ жизни онъ будетъ искать въ сферѣ религіозной, въ единеніи человѣка съ Божествомъ, въ совершенствованіи, въ томъ, что Платонъ называлъ уподобленіемъ Божеству. Эта идея и служитъ высшимъ объединяющимъ принципомъ, проведеннымъ во всемъ сочиненіи. Принципъ этотъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «Наша жизнь получаетъ нравственный смыслъ и достоинство, когда между нею и совершеннымъ Добромъ устанавливается совершенствующаяся связь» (стр. 636).

Особенный интересъ представлялъ вопросъ о томъ, какъ авторъ свяжетъ эту общую идею съ дѣйствительной жизнью, какіе укажетъ онъ элементы въ человѣческой душѣ, которые давали бы возможность и надежду на осуществленіе выставленнаго высокаго идеала. Въ рѣшеніи этого вопроса аналитическій талантъ Вл. Соловьева проявляется съ полной силой; онъ указываетъ на общеизвѣстные психологическіе факты, но даетъ имъ поразительное и новое освѣщеніе, дающее возможность дѣлать неожиданные выводы. Въ чувствѣ стыда, жалости и благоговѣнія онъ видитъ источникъ, опредѣляющій и исчерпывающій всѣ нравственныя отношенія человѣка къ тому, что ниже его, что равно ему и что выше его. Господство надъ матеріальной чувственностью, т. е. надъ отправленіями собственнаго тѣла, солидарность съ живыми существами, т. е. сожалѣніе къ страданіямъ ближнихъ и добровольное подчиненіе сверхчеловѣческому началу, т. е. Божеству, — вотъ вѣчныя незыблемыя основы нравственной жизни человѣчества. Страницы, посвященныя анализу стыда, сожалѣнія и благоговѣнія принадлежатъ къ лучшимъ въ «Оправданіи добра». Особенно замѣчателенъ анализъ стыда. Въ благоговѣніи часто видѣли основу нравственности, ибо всѣ формы такъ-называемой религіозной этики, видящей въ велѣніи Божества основу нравственной дѣятельности, должны были придавать чувству благоговѣнія центральное положеніе среди нравственныхъ чувствъ человѣка; въ сожалѣніи Шопенгауеръ видѣлъ основу морали *), только чувству стыда никто не придавалъ въ системѣ нравственности такого значенія, какое сумѣлъ ему придать Вл. Соловьевъ. Въ чувствѣ стыда нашъ авторъ видитъ отличительный признакъ человѣческой природы отъ природы животнаго. «Чувство стыда (въ его коренномъ смыслѣ) есть уже фактически безусловное отличіе человѣка отъ другихъ животныхъ, такъ какъ ни у какихъ другихъ животныхъ этого чувства нѣтъ ни въ какой степени, а у человѣка оно появляется съ незапамятныхъ временъ и затѣмъ подлежитъ дальнѣйшему развитію» (стр. 46).

«Всѣ указанія на отсутствіе стыда у отдѣльныхъ людей или у цѣлыхъ племенъ, если бы даже эти указанія и были совершенно точны, вовсе не имѣютъ того значенія, которое имъ приписывается. Несомнѣнное безстыдство единичныхъ лицъ,

*) Въ сочиненіи Соловьева мы встрѣчаемъ подробную и правильную оцѣнку ученія Шопенгауера. *Прим. авт.*

какъ и сомнительное безстыдство цѣлыхъ народовъ, можетъ означать, что въ этихъ частныхъ случаяхъ духовное начало человѣка, которымъ онъ выдѣляется изъ матеріальной природы, или еще не раскрылось, или уже потерялось, что этотъ человѣкъ, или же группа людей еще не возвысились актуально надъ скотскимъ состояніемъ, или снова къ нему вернулись. Но это наслѣдственное или пріобрѣтенное скотоподобіе тѣхъ или другихъ людей можетъ ли упразднить или ослабить значеніе нравственнаго человѣческаго достоинства, явно выступающаго у огромнаго большинства людей въ чувствѣ стыда,—чувствѣ, совершенно невѣдомомъ ни одному животному? Тотъ фактъ, что грудные младенцы или нѣмые—безсловесны, подобно животнымъ, ослабляетъ ли сколько-нибудь значеніе языка, какъ проявленія особой, чисто-человѣческой разумности, не свойственной прочимъ животнымъ?» (стр. 44). Здѣсь, мимоходомъ, можетъ-быть умѣстно упомянуть о томъ, на что указалъ Вл. Соловьевъ, а именно на развитіе чувства стыда въ человѣчествѣ. У животныхъ мы не находимъ ни малѣйшаго намека на существованіе стыда. «Доблестный песъ издавна и справедливо почитается типичнымъ представителемъ полнѣйшаго безстыдства, а (между дикими животными) у существа, еще болѣе развитого въ извѣстныхъ отношеніяхъ, обезьяны, именно вслѣдствіе ея наружнаго сходства съ человѣкомъ, а также ея до крайности живого ума и страстнаго темперамента, ничѣмъ не ограниченный цинизмъ выступаетъ съ особенной яркостью»; въ людяхъ же, въ ихъ исторіи мы находимъ самые ясные слѣды развитія чувства стыда, находимъ указанія на то, что это чувство постепенно пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ человѣчествѣ. Стóитъ только вспомнить о всѣмъ извѣстныхъ уродливыхъ явленіяхъ въ нравственныхъ отношеніяхъ грековъ, чтобы убѣдиться въ относительномъ безстыдствѣ этого высокоталантливагго народа древности, и въ томъ, какую важную роль въ развитіи чувства стыда играло христіанство. Приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ разсужденія Аристотеля о стыдѣ, весьма, какъ мнѣ кажется, характерныхъ: «Не слѣдуетъ говорить о стыдѣ, какъ о какой-либо добродѣтели: онъ болѣе похожъ на аффектъ, чѣмъ на пріобрѣтенное свойство души; опредѣляется стыдъ такъ: онъ есть нѣкоторый страхъ безчестія; проявляется онъ въ насъ нѣсколько похоже на страхъ предъ ужаснымъ, ибо какъ стыдящіеся краснѣютъ, такъ боящіеся смерти блѣднѣютъ. Итакъ, и то и другое суть тѣлесныя явленія, откуда ясно, что они скорѣе аффекты, чѣмъ пріобрѣтенныя свойства души. Этотъ аффектъ (стыда) приличенъ не всякому возрасту, а только юношескому. Мы полагаемъ, что молодые люди должны быть стыдливыми... взрослаго же никто не станетъ хвалить за стыдливость, такъ какъ ему, думаемъ мы, не слѣдуетъ дѣлать ничего такого, чего надо стыдиться»... Не безынтересно было бы прослѣдить въ особомъ историческомъ изслѣдованіи за постепеннымъ ростомъ чувства стыда въ человѣчествѣ, подобно тому, какъ это сдѣлали по отношенію къ чувству природы Бизе и Лапрадъ.

Главы «о добродѣтеляхъ» и «о мнимыхъ началахъ практической философіи» представляютъ собой образчикъ чистаго анализа. Вл. Соловьевъ разбираетъ наиболѣе ходячія опредѣленія понятія добра и смысла жизни и въ особенности останавливается на разборѣ различныхъ формъ такъ-называемаго эвдаймонизма, т. е. ученія, утверждающаго, что смыслъ жизни заключается въ удовольствіи. И въ этомъ разборѣ Вл. Соловьевъ сумѣлъ найти новые мотивы, высказать оригинальныя соображенія,—это должно быть поставлено ему въ заслугу, ибо казалось бы, что на такую тему, о которой писали такъ часто, которую, повидимому, совсѣмъ исчерпали, трудно сказать что-либо новое.

Синтезъ, построеніе, всегда былъ сильной стороною таланта нашего философа. Лица

не сочувствующія его общимъ идеямъ все же невольно поддаются впечатлѣнію красоты его построенія, стройности и въ то же время простоты созидаемаго имъ зданія. Этими же свойствами—простотой основного замысла и прозрачностью проведенія основной идеи черезъ всѣ части сочиненія—отличается и послѣдній трудъ нашего автора. Все построеніе представляетъ собою сферу; сначала авторъ водитъ читателя по поверхности, подготовляя его къ тому, чтобы воспринять центральную идею, идею добра, а потомъ, иными путями, ведетъ читателя вновь отъ центра къ поверхности. Сначала онъ разсматриваетъ элементы личной, индивидуальной нравственности, дѣлающіе возможнымъ соединеніе съ безусловнымъ добромъ: начало нравственнаго совершенствованія заключается въ трехъ основныхъ чувствахъ, присущихъ человѣческой природѣ и образующихъ ея натуральную добродѣтель: въ чувствѣ стыда, охраняющемъ наше высшее достоинство по отношенію къ захвату животныхъ влеченій; въ чувствѣ жалости, которое внутренно уравниваетъ насъ съ другими живыми существами, и, наконецъ, въ религіозномъ чувствѣ, въ которомъ сказывается наше признаніе высшаго Добра. Относительно низшей природы нравственный законъ повелѣваетъ намъ всегда господствовать надъ всѣми чувственными влеченіями; онъ допускаетъ ихъ только какъ подчиненный элементъ въ предѣлахъ разума; онъ требуетъ борьбы съ плотью. Относительно другихъ людей нравственный законъ требуетъ, чтобы мы за каждымъ изъ нашихъ ближнихъ признавали бы такое же безусловное значеніе, какъ за собой, или относились бы къ другимъ такъ, какъ могли бы желать, чтобы они относились къ намъ. Наконецъ, по отношенію къ Богу нравственный законъ утверждаетъ себя какъ выраженіе Его законодательной воли и требуетъ ея безусловнаго признанія ради ея собственнаго абсолютнаго достоинства и совершенства.

Очертивъ такимъ образомъ личную нравственность, нашъ авторъ показываетъ, какъ она переходитъ въ общественную нравственность, и почему на ступени личной она остановиться не можетъ. Процессъ совершенствованія, составляющій нравственный смыслъ нашей жизни, можетъ быть мыслимъ только какъ процессъ собирательный, происходящій въ семьѣ, народѣ, человѣчествѣ. «Совершенствуется семья, одухотворяя и увѣковѣчивая смыслъ личнаго прошедшаго въ нравственной связи съ предками, смыслъ личнаго настоящаго въ истинномъ бракѣ и смыслъ личнаго будущаго въ воспитаніи новыхъ поколѣній. Совершенствуется народъ, углубляя и расширяя свою естественную солидарность съ другими народами въ смыслѣ нравственнаго общенія. Совершенствуется человѣчество, организуя добро въ общихъ формахъ религіозной, политической и соціально-экономической культуры, все болѣе и болѣе соотвѣтствующихъ окончательной цѣли—сдѣлать человѣчество готовымъ къ безусловно нравственному порядку, или царству Божію... При постоянномъ взаимодѣйствіи личнаго нравственнаго подвига и организованной нравственной работы собирательнаго человѣка, нравственный смыслъ жизни или добро получаетъ свое окончательное оправданіе, являясь во всей своей чистотѣ, полнотѣ и силѣ». Вотъ основныя мысли, которыя развиты въ сочиненіи «Оправданіе добра». Читатель видитъ, какъ все это просто, какъ естественно одна задача вытекаетъ изъ другой, и какъ всѣ онѣ соединены въ высшемъ единствѣ, въ идеѣ добра. Въ заключеніе этого отчета о содержаніи книги и о манерѣ изложенія ея нельзя не упомянуть о стилѣ автора. Я уже говорилъ о томъ, какъ разнообразенъ по манерѣ письма Вл. Соловьевъ; но о чемъ бы онъ ни писалъ и въ какой бы формѣ онъ ни излагалъ свои мысли, его языкъ всегда удивительно хорошъ; я изъ современныхъ писателей-прозаиковъ не знаю никого, кто могъ бы со стороны формальной рав-

няться съ Вл. Соловьевымъ. Лишь немногіе цѣнятъ мастерство языка въ писателѣ; большинство принимаетъ это какъ нѣчто естественное и должное. Между тѣмъ, нѣтъ болѣе труднаго искусства, какъ искусство хорошо писать. Въ извѣстномъ отношеніи это искусство похоже на здоровье, его начинаютъ цѣнить, когда чувствуется его отсутствіе. Нельзя не упомянуть также и о томъ, что книга Вл. Соловьева написана такъ просто и ясно, что доступна пониманію всякаго образованнаго читателя; она не загромождена ни ссылками на ученыя сочиненія, ни цитатами изъ разныхъ авторовъ, однимъ словомъ, въ ней отсутствуетъ такъ-называемый ученый аппаратъ, который часто есть не что иное, какъ ученый балластъ. Нечего говорить о томъ, что философскія сочиненія именно такъ и должны быть написаны. Важны мысли и оцѣнка ихъ, а не мѣсто ихъ нахожденія и имена авторовъ.

II.

На двухъ главахъ книги Вл. Соловьева я хотѣлъ бы еще нѣсколько остановиться, а именно на §§ 13 и 15. Они вызвали въ печати сильное волненіе, и на нашего философа посыпались съ разныхъ сторонъ упреки, не совсѣмъ, какъ намъ кажется, заслуженные. Глава XV носитъ названіе «Смыслъ войны» *) и содержитъ попытку понять это нелѣпое, повидимому, и несомнѣнно отвратительное явленіе, занимающее, однако, въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ такое видное мѣсто, что въ школьныхъ учебникахъ исторіи ничего собственно и не сообщается, какъ исторія войнъ, т. е. убійствъ одного народа другимъ. На автора посыпались самые разнообразные упреки за то, что онъ якобы оправдываетъ войну и т. д. Самый серьезный упрекъ состоялъ въ томъ, что признаніе войны за относительное добро въ жизни человѣчества, хотя бы война сама по себѣ и была зломъ, не вяжется съ духомъ любви, которымъ проникнуто все ученіе автора. Мнѣ кажется, что упрекать Вл. Соловьева не за что: онъ очень ясно, и притомъ отличнымъ русскимъ языкомъ, высказался, что со стороны обще-нравственной оцѣнки нѣтъ и не можетъ быть двухъ взглядовъ на войну; единогласно всѣми признается, что миръ есть норма, то, что должно быть, а война—аномалія, то, чего быть не должно. Но вѣдь самый фактъ все-таки остается, и недостаточно осужденія его, нужно дать ему какое-нибудь объясненіе, показать его значеніе. Осужденіемъ не уничтожить войны. Мнѣ кажется, нельзя отрицать того, что война была прямымъ средствомъ для внѣшняго и косвеннымъ—для внутренняго объединенія человѣчества, хотя несомнѣнно, что насиліемъ истиннаго единенія достигнуть нельзя; единеніе достигается лишь единомысліемъ относительно того, что̀ хорошо и что̀ дурно. «И къ злу,—говоритъ Вл. Соловьевъ,—мы должны относиться по-Божьи, то-есть, не будучи къ нему равнодушными, оставаться, однако, выше безусловнаго противорѣчія съ нимъ и допускать его, какъ орудіе совершенствованія, поскольку можно извлечь изъ него большее добро» (стр. 213). Можно вполнѣ сочувствовать идеѣ вѣчнаго мира, осуждать войну, но не быть настолько слѣпымъ, чтобы не видѣть неизбѣжности войнъ даже и для настоящаго времени. Вл. Соловьевъ свою «защиту» войны обставилъ такими оговорками и ограниченіями, что ставить ему въ вину эту защиту могутъ лишь только лица, не желающія вникнуть въ то, что онъ говоритъ, и видящія все лишь черезъ призму предвзятыхъ идей. Глава XIII носитъ названіе «Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія». За эту главу на нашего философа напали люди совершенно иного лагеря; ежели первые упрекали Вл. Соловьева въ нѣкоторомъ отступничествѣ отъ гуманной идеи и за проповѣдь жестокихъ воззрѣній, не оправдываемыхъ свѣтомъ разума, то вторые,

*) Была напечатана въ «Литературныхъ приложеніяхъ» къ «Нивѣ» за іюль 1895 г. *Прим. ред.*

напротивъ, стали упрекать философа въ томъ, что, благодаря его якобы незнакомству съ экономической литературой, онъ подводитъ подъ нравственную оцѣнку явленія, ничего общаго съ нравственностью не имѣющія, т. е. что онъ примѣняетъ гуманныя идеи къ такимъ сферамъ, въ которыхъ борьба является закономъ. Противники нашего философа, расходясь въ своихъ воззрѣніяхъ и въ своихъ нападкахъ, согласны лишь въ томъ отношеніи, что они стоятъ за общіе, отвлеченные принципы, истинность которыхъ должна еще быть провѣрена на основаніи житейскаго, фактическаго опыта; Вл. Соловьевъ и далъ попытку подобной провѣрки, и, мнѣ кажется, слѣдуетъ лишь радоваться тому, что на установившіяся ходячія мнѣнія онъ попытался взглянуть съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Онъ имѣетъ въ виду, говоря объ экономическихъ явленіяхъ, двоякое: во-первыхъ, напоминаніе о томъ, что предметъ политической экономіи представляетъ самъ по себѣ отвлеченіе, получающее жизнь только благодаря связи экономіи съ нравственностью. «Признавать въ человѣкѣ только дѣятеля экономическаго—производителя, собственника и потребителя вещественныхъ благъ,—есть точка зрѣнія ложная и безнравственная. Упомянутыя функціи не имѣютъ сами по себѣ значенія для человѣка и нисколько не выражаютъ его существа и достоинства. Производительный трудъ, обладаніе и пользованіе его результатами представляютъ одну изъ сторонъ въ жизни человѣка или одну изъ сферъ его дѣятельности, но истинно-человѣческій интересъ вызывается здѣсь только тѣмъ, *какъ и для чего* человѣкъ дѣйствуетъ въ этой опредѣленной сферѣ. Какъ свободная игра химическихъ процессовъ можетъ происходить только въ трупѣ, а въ живомъ тѣлѣ эти процессы связаны и опредѣлены цѣлями органическими, такъ точно свободная игра экономическихъ факторовъ и фактовъ возможна только въ обществѣ мертвомъ и разлагающемся, а въ живомъ и имѣющемъ будущность хозяйственные элементы связаны и опредѣлены цѣлями нравственными, и провозглашать здѣсь: «laisser faire, laisser passer», значитъ говорить обществу: «умри и разлагайся» (стр. 432). Мнѣ кажется, что вѣрность этой мысли не подлежитъ сомнѣнію, и что присутствіе ея легко показать, иногда, впрочемъ, въ скрытомъ состояніи, и у противниковъ Вл. Соловьева. Вторая мысль, проводимая нашимъ философомъ, заключаетъ въ себѣ, съ точки зрѣнія школьной политической экономіи, великую ересь, а именно, что никакихъ самостоятельныхъ экономическихъ законовъ, никакой экономической необходимости нѣтъ и быть не можетъ, что особенность и самостоятельность хозяйственной сферы отношеній заключается не въ томъ, что она имѣетъ свои роковые законы, а въ томъ, что она представляетъ по существу своихъ отношеній особое своеобразное поприще для примѣненія единаго нравственнаго закона. Здѣсь не мѣсто защищать или критиковать эту мысль; она высказана—и это хорошо, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что понятіе закона, которымъ пользуется и естествоиспытатель, и юристъ, и историкъ, и, наконецъ, экономистъ, имѣетъ различное значеніе и неодинаковые признаки, и это необходимо выяснить.

Добро постепенно осуществляется, проникая всѣ отношенія общественной и государственной жизни. Отъ общественной или собирательной стороны въ нравственной организаціи человѣчества по существу ея неотдѣлимо и участіе личнаго начала. Человѣчество совершенствуется или нравственно организуется въ различныхъ сферахъ своего бытія не иначе, какъ черезъ дѣятельность личныхъ носителей верховныхъ жизненныхъ началъ. Единство, полнота и правильный ходъ общаго нравственнаго прогресса зависятъ отъ согласнаго дѣйствія этихъ руководительныхъ лицъ.

Вся книга Вл. Соловьева проникнута оптимизмомъ, вѣрой въ окончательное торжество добра. «Несомнѣнно всѣ будутъ безусловно свободны въ царствіи Божіемъ»—такъ заканчиваетъ свой трудъ философъ. И этотъ оптимизмъ объясняется духомъ истинной религіозности, свойственнымъ автору.

Книга Вл. Соловьева представляетъ во многихъ отношеніяхъ отрадное явленіе въ нашей философской литературѣ. Эта «пѣснь торжествующаго добра», какъ можно назвать сочиненіе, ясно доказываетъ, что философское дарованіе Вл. Соловьева въ тѣ долгіе годы, когда онъ занимался публицистической дѣятельностью, не только не исчезло, а, напротивъ, возросло. «Оправданіе добра» не только выдерживаетъ полное сравненіе съ предшествующими философскими трудами Вл. Соловьева, но зрѣлостью мысли, красотой формы, изяществомъ композиціи, глубиной анализа даже превосходитъ ихъ. Читая книгу Соловьева, я невольно вспомнилъ начало критической статьи покойнаго Н. Н. Страхова, написанной по поводу «Дарвинизма» Данилевскаго. «Объ этой книгѣ,—писалъ Н. Н. Страховъ,—нужно кричать на площадяхъ и проповѣдывать съ крышъ». Я увѣренъ, что наше общество и безъ столь радикальныхъ мѣръ, противорѣчащихъ нашимъ климатическимъ условіямъ и уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, будетъ читать и наслаждаться сочиненіемъ, которымъ русская философская литература можетъ съ полнымъ правомъ гордиться.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки **Р. И. Сементковскаго.**

Кажется, новымъ драматическимъ произведеніямъ въ журналахъ и конца не будетъ. Не успѣли мы познакомить читателя съ драмами гг. Ибсена, Мэтерлинка, Чехова и Шпажинскаго, какъ на смѣну имъ явились драмы гг. Е. Карпова и Вл. Немировича-Данченко, изъ которыхъ первая, какъ и драма г. Шпажинскаго, премирована (преміею И. Ю. Вучины). Но хотя драма г. Карпова *Мірская вдова* (*Нов. Сл.*, № 4) и представляетъ несомнѣнныя достоинства, она и въ сценическомъ, и въ идейномъ отношеніи уступаетъ драмѣ г. Вл. Немировича-Данченко *Цѣна жизни* (*Сѣв. Вѣстн.*, № 2), которой несомнѣнно, какъ мы увидимъ, слѣдуетъ отдать пальму первенства изъ всѣхъ перечисленныхъ нами драмъ, за исключеніемъ развѣ драмы г. Ибсена.

Остановимся, однако, сперва на *Мірской вдовѣ*. Это—драма изъ крестьянской жизни. Авторъ, конечно, не думаетъ вступать въ соперничество съ гр. Л. Толстымъ и его знаменитымъ произведеніемъ, хотя «власть тьмы» играетъ немаловажную роль и въ драмѣ г. Карпова. Но тема его гораздо ўже. Истиннымъ героемъ его драмы является «міръ», и если въ драмѣ гр. Л. Толстого прославляется величіе Бога, если Акимъ восклицаетъ поминутно: «Богъ-то», то и въ драмѣ г. Карпова есть соотвѣтственный заключительный возгласъ: «Міръ, братъ, великъ человѣкъ!.. Ёнъ, братъ!» Выходитъ, что авторъ какъ будто прославляетъ «міръ», смотритъ на него, какъ на стража человѣческой совѣсти, и если кабатчикъ Улыбинъ спаиваетъ народъ, вноситъ въ крестьянскую среду неправду и продажность, если «Москва слезамъ не вѣритъ», если она относится безучастно къ человѣческому горю, то «міръ» спасаетъ справедливость въ крестьянской средѣ, онъ отираетъ слезу вдовицы, поддерживаетъ сираго и убогаго. «Ёнъ, братъ»,—вотъ кто сила: «Богъ-то» живетъ въ немъ. Такимъ образомъ, драма г. Карпова какъ бы является практическимъ приложеніемъ общей идеи драмы гр. Л. Толстого: отвлеченный типъ Акима воплощается въ болѣе реальномъ понятіи о «мірѣ» или, точнѣе говоря, если во *Власти тьмы* героемъ является единичный Акимъ, то герой драмы г. Карпова—собирательный Акимъ: «міръ».

Аналогія, однако, этимъ и ограничивается. Въ драмѣ гр. Л. Толстого народная совѣсть, воплощаемая въ образѣ Акима, живетъ, такъ сказать, сама по себѣ, а жизнь развивается также сама по себѣ. Народная совѣсть не предупреждаетъ страшнаго преступленія. Въ драмѣ г. Карпова мірская вдова, красавица

Ульяна, терпящая жестокія обиды отъ кабатчика Улыбина, не становится жертвою безнравственныхъ понятій и душевной развращенности. По мысли автора, ее въ рѣшительный моментъ спасаетъ великій человѣкъ: «міръ». «Не трожь Ульяну, братцы, не давай въ обиду... Всѣ за Ульяну... Всѣ какъ одинъ человѣкъ станемъ... Сунься кто! Отъ робятъ мать отымаютъ. Тронь только кто! Обожжешься!» — грозно вопитъ «міръ». Но вотъ что странно! Кабатчикъ Улыбинъ не совсѣмъ клеплетъ на «міръ», когда говоритъ: «Совѣсть... Ахъ, будь вы трижды прокляты! Водку жрать нѣтъ совѣсти». И дѣйствительно, какъ только надо оборудовать какое-нибудь дѣло, тотчасъ же на сцену является водка, и мужикъ-философъ старикъ Никандръ не даромъ разсказываетъ народу сказку, кончающуюся горестными словами: «А правда-то ти-и-химъ голосомъ промолвила: здѣся я, братъ, да закормлена, запоена; сказать ничего не смѣю». То же говоритъ и мужикъ-богатырь Борисъ, исправный работникъ, честный человѣкъ: «То-то она нонѣ съ міру ушла, правда-ти». Къ тому же заключенію приходитъ и сама красавица Ульяна, когда «міръ», не принимая во вниманіе ея вдовьихъ слезъ, обдѣляетъ ее полоскою земли въ пользу кабатчика Улыбина, спаивающаго народъ: «Міръ—неча сказать. Пропойцы, заливайте мірскую совѣсть, заливайте. Ненасытныя ваши утробы». И въ рѣшительный моментъ, когда Ульяну хотятъ вязать и увести въ тюрьму за совершенный ею будто бы поджогъ сарая кабатчика, «міръ» не спасъ бы ее, если бы у забулдыги Зарцова, на самомъ дѣлѣ совершившаго поджогъ, для того, чтобы, въ угоду кабатчику, подвести Ульяну, было на одинъ волосокъ меньше совѣсти. Зарцовъ, хотя и пропойца, но совѣсть въ немъ не окончательно заснула, и въ рѣшительную минуту онъ самъ винится въ своемъ грѣхѣ. При такихъ условіяхъ «міру» легко провозглашать: «ёнъ, братъ, великъ человѣкъ». Но на самомъ дѣлѣ все его величіе заключается только въ томъ, что участь несчастной вдовы, законные интересы которой онъ приносилъ въ жертву «ненасытной своей утробѣ», его нѣсколько разжалобила. Такимъ образомъ, «міръ», герой драмы г. Карпова, стоитъ гораздо ниже Акима, героя драмы гр. Л. Толстого: собирательный Акимъ рѣшительно пасуетъ передъ индивидуальнымъ, и на повѣрку оказывается, что, вопреки мысли автора, «міръ» собственно состоитъ вовсе не изъ Акимовъ, а изъ пропойцевъ Зарцовыхъ, творящихъ изъ-за водки всякую мелкую неправду въ обыденной жизни и ужасающихся развѣ только крупной неправды въ исключительныхъ случаяхъ: совѣсть у нихъ почти всегда дремлетъ, и только изрѣдка она пробуждается, когда приходится совершить уже для всѣхъ очевидное, великое зло.

Словомъ, если авторъ хотѣлъ возвеличить «міръ», если онъ хотѣлъ своей драмой убѣдить насъ, что «міръ»—защитникъ слабыхъ и обиженныхъ, что вдовы и сироты, довѣряющія ему свою судьбу, не могутъ пострадать, то надо признаться, что эта основная идея осталась недоказанною. Наоборотъ, читатель выноситъ убѣжденіе, что «міръ»—плохой защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ, и когда толпа съ самодовольствомъ восклицаетъ: «Міръ, братъ, великъ человѣкъ! Енъ, братъ!»—то этотъ возгласъ производитъ впечатлѣніе комическаго самохвальства: онъ такъ же неумѣстенъ въ устахъ толпы, какъ и въ устахъ забулдыги Зарцова. Собирательный Зарцовъ имѣетъ столько же основанія похваляться своею совѣстью, какъ и единичный Зарцовъ. Очевидно, авторъ, идеализируя крестьянскую среду, вступаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, какъ правдивымъ ея бытописателемъ. Въ теченіе трехъ дѣйствій вы видите, какъ мало правды въ «мірѣ», какъ легко съ нимъ справляется кабатчикъ, какъ трудно разсчитывать на него въ дѣлѣ огражденія интересовъ слабыхъ и несчастныхъ, какъ легко онъ поддается искушенію пображничать. Всѣ эти смѣняющіяся картины деревенскаго нашего неустройства находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ безконечнымъ рядомъ извѣстій, получаемыхъ изъ разнообразнѣйшихъ источниковъ, съ жалобами лучшихъ представителей самого крестьянства, которые утверждаютъ, что честныхъ людей «міръ» изводитъ, что при помощи розогъ укрощаетъ ихъ противодѣйствіе, ихъ готовность защищать правду и за ведро водки готовъ обѣлить своимъ приговоромъ негодяевъ.

Прервемъ на минуту нить нашей мысли, чтобы упомянуть объ очень интересной статьѣ г-жи Бородаевской-Ясевичъ, посвященной нашимъ *Сектантскимъ движеніямъ* на Югѣ (*Нов. Сл.*, № 4). Вотъ что разсказываетъ авторъ между прочимъ:

«Обращаясь къ отношеніямъ православнаго мѣстнаго населенія къ сектантамъ, мы видимъ, что послѣдніе подвергаются со стороны своихъ братьевъ православныхъ сильнымъ гоненіямъ. Надъ сектантами продѣлываютъ всевозможныя насилія и, при отсутствіи гласности, эти насилія принимаютъ какъ бы законную форму. Сектантовъ жесточайшимъ образомъ сѣкутъ... *по приговорамъ*... Вотъ стоитъ передо мною тщедушное и до крайности замученное существо, крестьянинъ села Комисаровки, Верхнеднѣ-

провскаго у., Потапъ Голій, и тихимъ голосомъ, испуганно озираясь, разсказываетъ грустную повѣсть своей многострадальной жизни. Ноги его обмотаны тряпками, сквозь которыя изъ ранъ просачивается гной. Да не подумаетъ читатель, что это — жертва самобичеванія, или человѣкъ, искалѣченный «злымъ недугомъ»,—нѣтъ. Много-много разъ и били его, и сѣкли по приговорамъ, сѣкли до потери сознанія, и все сходило благополучно—живучъ русскій человѣкъ!—пока совсѣмъ не доконали. Подкараулили какъ-то «доброжелатели», когда Потапъ выходилъ отъ своихъ «братьевъ» сосѣдей, и схватили его. Была стужа, гололедка... Ну, и понатѣшились надъ нимъ. Прежде всего его заставили разуться и часа два водили босымъ по замерзшимъ кочкамъ, а когда ноги закоченѣли и отказались служить, его повалили и поволокли къ кручѣ, заставляя головой пересчитывать обледенѣлыя кочки, не обращая вниманія на почти безсознательное состояніе своей жертвы. Но и этого было мало. Дотащивъ Голія до кручи, добровольные мучители сбросили его въ оврагъ и, замѣтивъ, что онъ не шевелится, выволокли снова наверхъ и, окровавленнаго, доставили въ хату; но и здѣсь онъ не приходилъ въ сознаніе. Тогда у нихъ созрѣваетъ новый планъ звѣрства: желая удостовѣриться, жива ли жертва, они свертываютъ двѣ «цыгарки» изъ бумаги, вставляютъ ихъ ему въ носъ... и зажигаютъ, наслаждаясь зрѣлищемъ, какъ заметался несчастный страдалецъ, когда пламя догорѣвшихъ «цыгарокъ», облизавъ ноздри, зловѣще зашипѣло. И вотъ съ этой-то поры у него и ломота, и всякая хворь, и раны на отмороженныхъ ногахъ»...

«Не могу,—продолжаетъ авторъ:—не упомянуть здѣсь также, какъ о прототипѣ массовыхъ побоищъ, о дѣлѣ по избіенію сектантовъ въ селѣ Александрополѣ, Хорошевской в., Павлоградскаго у., 31 мая 1884 г. Изъ слѣдствія по этому дѣлу выяснилось, что сектантовъ ихъ же православные сосѣди «били палками, дрючками и желѣзными крючками, вытаскивали за волосы на улицу, рвали на нихъ одежду, забивали носъ и ротъ грязью, топили въ лужахъ, зарывали въ землю, раздѣвали женщинъ до-нага и били ихъ вилами и батогами». Таковы подлинныя слова обвинительнаго акта. Такое же побоище, съ тѣми же пріемами насилія повторилось и 1-го августа 1885 г.»

Послѣ этого можно ли удивляться, что странники, кобзари, начетчики, вообще «Христова братія» поютъ:

А истинна правда слізами рыдае,
А злая неправда медъ-вино вживае...
А истинна правда у небі царствуе,
А злая неправда у світі правдуе...

И первыя три дѣйствія драмы г. Карпова представляютъ очень печальную картину деревенской жизни и мрачную характеристику «міра». Но вдругъ, въ четвертомъ—картина эта изъ мрачной становится розовой: мірская вдова торжествуетъ, благодаря будто бы совѣстливости міра. Быть-можетъ, и тутъ авторъ не грѣшитъ противъ правды. Заключительная сцена его драмы какъ будто списана съ натуры. Все это такъ могло быть на самомъ дѣлѣ. Но почему же совѣстливость міра не проявилась раньше, почему надо было довести мірскую вдову почти до тюрьмы, лишить сиротъ ихъ матери, чтобъ «міръ» вдругъ одумался и изъ обидчика Ульяны превратился въ ея защитника. Возможенъ одинъ только отвѣтъ. Міръ дѣйствуетъ инстинктивно. Оттягать полоску земли, разрушить благосостояніе беззащитной вдовы изъ-за боченка водки,—міръ не колеблется: очень ужъ его «утроба жадна до водки», — какъ не колеблется и Зарцовъ подвести вдову подъ уголовщину изъ-за той же водки. Но когда приходится окончательно погубить несчастную вдову,—и забулдыга Зарцовъ, и міръ одновременно вспоминаютъ о совѣсти, съ той, однако, разницею, что пропоецъ Зарцовъ приноситъ себя въ жертву, сознается въ своемъ преступленіи и вмѣсто Ульяны самъ идетъ въ тюрьму, а собирательный пропоецъ, «міръ», ограничивается комическимъ самовосхваленіемъ: «Міръ, братъ, великъ человѣкъ! Ёнъ, братъ!» Такимъ образомъ, получается очень печальная картина деревенской жизни. Совѣсть существуетъ только въ скрытомъ состояніи. Въ обыденной жизни она не имѣетъ никакой силы, и «міръ» вообще, какъ и отдѣльные его представители, живутъ и дѣйствуютъ такъ, какъ будто совѣсть въ ихъ душѣ окончательно заглохла. Только въ рѣшительные моменты какой-нибудь великой неправды совѣсть пробуждается, но проявляется не въ какихъ-нибудь осмысленныхъ дѣйствіяхъ, а только въ инстинктивныхъ порывахъ, въ смѣшномъ самовосхваленіи.

Вотъ это, быть-можетъ, и составляетъ самую печальную сторону нашей деревенской жизни, и одной ли только деревенской? Мы говоримъ о неспособности русскаго человѣка руководствоваться совѣстью въ мелочахъ жизни. Тутъ компромиссы считаются вполнѣ дозволенными, и только когда человѣку приходится совершить какую-нибудь крупную подлость, онъ вспоминаетъ о совѣсти. Между тѣмъ человѣческая жизнь состоитъ преимущественно изъ мелочей: крупныя дѣла и событія въ индивидуальной и коллективной жизни составляютъ лишь исключеніе. Если въ крестьянскомъ быту

обдѣлить кого-нибудь полоскою земли изъ-за водки считается вполнѣ естественнымъ, то въ нашемъ быту однородныя сдѣлки съ совѣстью также встрѣчаются на каждомъ шагу. Человѣкъ молчитъ, когда совѣсть приказываетъ ему говорить; приставленный къ дѣлу, отъ котораго, быть-можетъ, зависитъ благополучіе многихъ людей, онъ бездѣйствуетъ за недостаткомъ досуга, отдѣлывается двусмысленными фразами, когда надо произнести рѣзкій приговоръ, дорожитъ своимъ спокойствіемъ или удобствомъ, когда, быть-можетъ, маленькое нарушеніе этого спокойствія со стороны многихъ людей одновременно могло бы принести большую пользу, — словомъ, совѣсть не только крестьянина, но и интеллигентнаго человѣка удивительно податлива въ обыденной жизни, а она-то въ сущности опредѣляетъ успѣхи культуры, обезпечиваетъ наше благополучіе, искореняетъ неправду, подготовляетъ лучшее будущее; но быть стойкимъ въ мелочахъ жизни, понять ихъ значеніе — это именно то качество, которое болѣе всего отсутствуетъ на всѣхъ ступеняхъ русской жизни.

Прекрасную и очень яркую иллюстрацію этой истины представляетъ драма г. Вл. Немировича-Данченко *Цѣна жизни*. Для бо̀льшей ясности драма могла бы быть озаглавлена и такъ: во что мы обыкновенно цѣнимъ человѣческую жизнь? Начинается драма самоубійствомъ. Молодой человѣкъ, техникъ на большой фабрикѣ, находитъ, что жить не сто̀итъ, и налагаетъ на себя руки. Но мало того. Въ посмертномъ письмѣ онъ убѣждаетъ и свою возлюбленную, жену одного изъ владѣльцевъ фабрики, что жизнь не имѣетъ цѣны. «Надо жить? Почему надо? Кто мнѣ приведетъ хоть одинъ такой доводъ, на который я не возразилъ бы сотней самыхъ неопровержимыхъ? Потому что меня создала природа? Но... она же создала и ядовитыя вещества, и пули, и глубокія воды... Потому что мать произвела меня на свѣтъ въ мученіяхъ? Это было эгоистическое стремленіе къ жизни, и конечно не мнѣ благодарить ее за это. Долгъ? Обязанности? Вѣра во что-то? Кто же выдумалъ всѣ эти мишурныя понятія, какъ не самъ человѣкъ?... Когда ты, еще юная, довѣрчиво отдалась жизни, то разсчитывала встрѣтить на-яву всѣ дѣтскіе сны. Но иллюзія не могла продолжаться долго. Ты быстро пресытилась пошлостью и затосковала. Такъ прекрати эту тоску!»

Впрочемъ, самоубійца напрасно такъ краснорѣчиво убѣждаетъ свою возлюбленную покончить съ собою. Она сама глубоко убѣждена, что жить не сто̀итъ. Однако, какъ сложилось въ ней это убѣжденіе? Такъ, какъ оно складывается въ настоящее время у очень многихъ самоубійцъ, прибѣгающихъ къ этому роковому шагу не вслѣдствіе какого-нибудь сильнаго душевнаго потрясенія и не вслѣдствіе пресыщенія жизнью, а вслѣдствіе какого-то инстинктивнаго чувства, что жить не зачѣмъ, что игра не сто̀итъ свѣчъ. Относительно самоубійцы въ данномъ случаѣ мы, впрочемъ, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Изъ посмертнаго его письма мы только видимъ, что онъ ни въ своемъ умѣ, ни въ сердцѣ не находитъ вѣскихъ побужденій для того, чтобы жить. Жизнь ему представляется безконечнымъ сцѣпленіемъ пошлостей, мелочей, дрязгъ, безсмысленныхъ каждая въ частности и всѣ вмѣстѣ, въ общей сложности. Значитъ, жить не сто̀итъ. Удержать насъ отъ рокового шага можетъ только страхъ передъ смертью. Но это малодушіе, особенно, если вспомнить, «что сто̀итъ нажать маленькую пружину,—и всѣ страданія, лямка и безтолочь, мученія больной любви, все, что называется жизнью, исчезнетъ въ одинъ мигъ».

Это, какъ видитъ читатель, почти буквальное повтореніе знаменитаго монолога Гамлета, съ тою лишь разницею, что тотъ говоритъ не о «маленькой пружинѣ», а о булавочномъ уколѣ. Но Гамлета удерживали отъ самоубійства сны, которые могутъ ему присниться послѣ смерти, неизвѣстныя страданія, его ожидающія въ той жизни. А современнаго самоубійцы эти сны уже удержать не могутъ, потому что онъ въ нихъ не вѣритъ. Такъ сто̀итъ ли послѣ этого жить?

Возлюбленная нашего самоубійцы почти столь же разочарована въ жизни: и у нея нѣтъ ни желанія жить, ни вѣры въ загробную жизнь. Но все-таки въ ея душѣ таится хоть искорка надежды, что жить можно. Умомъ она сама себя окончательно убѣдила, что жизнь не имѣетъ никакой цѣны; но какой-то смутный инстинктъ ее удерживаетъ отъ рѣшительнаго шага: она отсрочиваетъ катастрофу, и дѣло кончается ея спасеніемъ; она не только не налагаетъ на себя рукъ, но приходитъ къ выводу, что жить сто̀итъ и притомъ въ той же обстановкѣ, среди тѣхъ же людей, которые раньше ее убѣждали въ полной безцѣльности жизни.

Какъ же произошло это внутреннее перерожденіе человѣка? Почему онъ еще вчера былъ убѣжденъ, что жить не сто̀итъ, а сегодня пришелъ къ заключенію, что не только можно жить, но что жизнь имѣетъ свое значеніе и свою прелесть. Въ этомъ внутреннемъ перерожденіи героини драмы, Анны Демуриной, и заключается основная идея всего произведенія, и она несомнѣнно заслуживаетъ вниманія.

Но чтобы вникнуть въ нее, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ черточкахъ фабулы драмы. Узнавъ о самоубійствѣ техника, братъ его, присяжный повѣренный, пріѣзжаетъ на фабрику и, понятно, желаетъ узнать причину катастрофы. Онъ догадывается по нѣкоторымъ даннымъ, что у владѣльцевъ фабрики хранится письмо брата (то письмо, о которомъ у насъ была уже рѣчь). И вотъ онъ является къ Демуринымъ, чтобы навести справку, но получаетъ отъ Анны такой отвѣтъ: «если покойный не оставилъ вамъ, родному брату, ни одной строки, то почему-нибудь находилъ лишнимъ удовлетворить ваше любопытство». Этотъ отвѣтъ приводитъ брата самоубійцы въ негодованіе. «Какъ,—восклицаетъ онъ:— вы называете мое чувство любопытствомъ?»— «А то что же? — отвѣчаетъ Анна.—Любовь? Гдѣ же она была, эта любовь, когда вашъ братъ переживалъ все то, что довело его до самоубійства? Съ такимъ точно правомъ на его душевную тайну можетъ явиться еще сотня людей,—всѣ его гимназическіе и училищные товарищи, знакомые. Теперь они готовы болтать, что любили его. Это будетъ даже очень милой темой для разговора за картами, за ужиномъ. Но ихъ любовь не мѣшала имъ на цѣлые годы забывать объ его существованіи. «Гдѣ онъ, кстати?»—«Служитъ на фабрикѣ Демуриной Евдокіи съ сыновьями».—«А, значитъ, хорошо устроился. Ну, и слава Богу». И вотъ это хорошо устроился—все счастье и вся цѣль жизни. А чѣмъ онъ живетъ, какія страданія испытываетъ—это все второстепенное, все можно подавить ради обезпеченнаго жалованья. Хорошо устроился — совершенно опредѣленно отвѣчаетъ на весь вопросъ, чѣмъ живетъ человѣкъ».

Этотъ отвѣтъ сильно смущаетъ брата самоубійцы. Онъ вспоминаетъ, какъ прошла ихъ жизнь, и теперь только, въ эту минуту, даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что получилъ отъ покойнаго два письма, которыя оба носили характеръ въ высшей степени меланхолическій. Но онъ даже не отвѣчалъ на эти письма, потому что всецѣло зарылся въ мелкія заботы. И эти мелкія заботы начались уже съ университетской скамьи. Когда оба брата стали на ноги, старшій уже втянулся въ свою лямку, а у младшаго организмъ оказался надорваннымъ. Не все ли равно, что́ дало послѣдній толчокъ къ самоубійству? Братъ «изжилъ все, никогда не живши», и могли ли ему придти съ успѣхомъ на помощь тѣ, у кого было мелкихъ заботъ по горло?

Какимъ же размышленіямъ предается Анна по поводу этихъ словъ брата самоубійцы? «Некогда, — говоритъ она:—вотъ великое слово. Некогда даже разобраться въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Некогда приласкать родного брата, потому что надо пожимать руки сотнямъ негодяевъ. Некогда вздохнуть свободно, чтобы хоть заглянуть въ свою совѣсть». Быть-можетъ, и «міру» въ драмѣ г. Карпова некогда заглянуть въ свою совѣсть, когда онъ обижаетъ мірскую вдову. Совѣсть у него пробуждается только, когда несчастная вдова находится у порога тюрьмы. Некогда и брату самоубійцы въ драмѣ г. Немировича-Данченко подумать о немъ, и онъ заглядываетъ въ свою совѣсть, только когда послѣдовалъ роковой выстрѣлъ. Некогда и мужу Анны Демуриной подумать о своей женѣ, потому что на немъ лежатъ очень сложныя задачи по управленію большой фабрикой, и только когда жена находится на краю гибели, мужъ заглядываетъ ей въ душу и въ собственную свою совѣсть.

Теперь мы подошли къ ядру драмы, къ прекрасной заключительной сценѣ третьяго дѣйствія, и въ то же время къ самой сущности занимающаго насъ вопроса. Мужъ Анны Демуриной, Данило Демуринъ—жизнерадостный человѣкъ, очень неглупый отъ природы и доброжелательный ко всѣмъ людямъ. Но и онъ несетъ свою лямку, до того его поглощающую, что онъ многаго не примѣчаетъ, на что слѣдовало бы обратить вниманіе. Къ женѣ своей онъ относится очень любовно. Онъ женился на ней, потому что ему нужна была хозяйка въ домѣ, мать для дѣтей отъ перваго брака, и потому еще, что Анна ему очень понравилась. Она же, несмотря на полученное ею образованіе, жила въ страшной бѣдности и не знала, чѣмъ прокормить свою престарѣлую мать. Бракъ съ Демуринымъ представлялся ей, конечно, блестящею партіею, сердце ея было свободно, и она вышла за него замужъ. Демуринъ думалъ, что она его полюбила, а она руководствовалась другимъ чувствомъ, которое она выражаетъ въ словахъ: «иному легче пойти на обманъ, чѣмъ принять милостыню». Такъ живутъ супруги до самоубійства техника. Это самоубійство производитъ на Анну сильное впечатлѣніе, и она сама готова покончить съ собою. Но, отмѣтимъ, она не любила техника: онъ ее просто увлекъ тѣмъ, что ясно формулировалъ тѣ чувства, которыя испытывала сама Анна: жизнь не имѣетъ никакой цѣны; она состоитъ изъ безсмысленнаго сцѣпленія безсмысленныхъ мелочей и пошлостей. Всѣ окружавшіе Анну люди находили какой-то смыслъ въ этихъ мелочахъ и пошлостяхъ, но вотъ она встрѣтила человѣка съ родственною душою, раз-

дѣлявшаго ея отвращеніе къ безсмысленной жизни. Такова исторія ихъ любви.

Какъ же относится Демуринъ къ самоубійству? Какъ умный человѣкъ, онъ тотчасъ же догадывается, что въ этомъ дѣлѣ замѣшана его жена. Но это льститъ его самолюбію. Со стороны жены онъ измѣны не предполагаетъ и только радуется, что у него такая обаятельная жена. Однако, постепенно поведеніе Анны начинаетъ его смущать. У него возникаютъ подозрѣнія, наконецъ сама жена сознается ему, что она передъ нимъ виновата. Первое его движеніе—убить ее, но онъ тотчасъ же приходитъ въ себя: «ежели изъ-за всякой твари позорить дѣтей и всю семью, такъ много чести будетъ». Затѣмъ его начинаетъ безпокоить репутація его дома. Онъ грозитъ женѣ: «чтобы ни одинъ человѣкъ, не только что посторонній, но хотя бы изъ семейныхъ, горничная ни о чемъ не догадывалась; бровью двинете не во-время, не разсчитывайте ни на какія снисхожденія». Демуринъ занятъ исключительно собой. Но вотъ онъ, вглядываясь въ жену, начинаетъ подозрѣвать, что она хочетъ наложить на себя руки. И тутъ никакой жалости къ женѣ. Онъ думаетъ только о своемъ благополучіи: «мало того, что забыла свой долгъ, клятву, данную въ церкви, попрала,—задумала еще опозорить меня на всю жизнь, чтобъ я не могъ никому изъ людей показаться на глаза? Вонъ, молъ, каковъ онъ, взялъ молодую жену и довелъ ее до того, что она руки на себя наложила». И онъ начинаетъ уговаривать ее не прибѣгать къ самоубійству, онъ готовъ отпустить ее съ миромъ, обезпечить ее и всю ея родню самымъ формальнымъ образомъ. Страхъ за себя—вотъ единственное чувство, которымъ онъ руководствуется.

Но тутъ онъ замѣчаетъ, къ великому своему удивленію, что жена остается такою же безжизненною, какъ была и раньше, что въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ ея словѣ сквозитъ какое-то безконечное отчаяніе. Все мнимое благородство его чувствъ ни къ чему не поведетъ: надо опасаться, что, несмотря на благополучное разрѣшеніе вопроса, она все-таки покончитъ съ собою. Тутъ Демуринъ невольно долженъ заглянуть ей въ душу, чтобы уяснить себѣ, какъ предотвратить катастрофу, и, заглянувъ въ душу своей жены, онъ приходитъ въ ужасъ. Все, чѣмъ онъ самъ живетъ, что заставляетъ его дорожить жизнью, что даетъ смыслъ его словамъ и дѣйствіямъ,—все это отсутствуетъ въ душѣ его жены: тамъ одна лишь пустота, одно лишь отвращеніе къ жизни; ни во что она не вѣритъ, ничего и никого не любитъ, потому что все представляется ей безсмыслицею, потому что въ жизни у нея нѣтъ ни руководящей мысли, ни руководящаго чувства. На всѣ доводы жены, что жизнь не имѣетъ никакой цѣны, онъ не знаетъ, что отвѣтить. Онъ никогда не задумывался надъ этимъ вопросомъ, онъ чувствуетъ только всею силою непосредственнаго своего чувства, что всѣ эти доводы — софизмы: «Я не могу тебѣ ничего сказать. Но клянусь Всемогущимъ Богомъ, что научу тебя думать иначе. Я не знаю, что я сдѣлаю. Сейчасъ я еще ничего не могу придумать, но дай мнѣ время... Все во мнѣ вотъ здѣсь кричитъ, что это—ложь и что я спасу тебя. Дай мнѣ только время. Поклянись мнѣ... Ахъ, Боже мой... Чѣмъ ты можешь поклясться, коли ни во что не вѣришь?.. Ну, обѣщай мнѣ просто по-человѣчески, что ты ничего не сдѣлаешь надъ собою, ну, хоть, до завтра, только до завтра»...

Анна хочетъ отвѣчать, но не можетъ: слезы ее душатъ. Безжизненная до сихъ поръ, она вдругъ начинаетъ жить. Мужъ думалъ только о себѣ, желая спасти ея жизнь; онъ заглянулъ ей въ душу также только, чтобы себя оградить отъ непріятностей, но увидѣлъ тамъ нѣчто такое, что заставило его заглянуть и въ собственную совѣсть, и предъ нимъ вдругъ предсталъ вопросъ: какъ спасти не свою, а чужую душу. И, видя слезы Анны, онъ взываетъ: «Вѣдь это что-жъ такое! Дойти до такого отчаянія! Да неужто же кругомъ тебя звѣри, а не люди?»

Да, какъ ни симпатиченъ самъ Демуринъ, и онъ былъ звѣремъ: онъ цѣлые годы жилъ съ Анною и не видѣлъ, что́ творится въ ея душѣ, какое неизлѣчимое отчаяніе ею овладѣло. Онъ молился христіанскому Богу и до того погрязъ въ себялюбіи, что забылъ христіанскую заповѣдь о любви къ ближнему, даже когда этимъ ближнимъ была его собственная жена...

Я вмѣстѣ съ авторомъ произнесъ жестокій приговоръ надъ Демуринымъ. Онъ жилъ только для себя, заботился о фабрикѣ, чтобы разбогатѣть, смотрѣлъ на жену, какъ на средство доставленія себѣ удобствъ и наслажденій. Его эгоизмъ чуть не доводитъ жену до самоубійства, и тогда только онъ начинаетъ понимать всю свою нравственную несостоятельность: онъ внутренно перерождается. Но какъ доказать женѣ, что жизнь имѣетъ цѣну? Онъ не настолько образованъ, чтобы противопоставить сложнымъ аргументамъ жены другой рядъ аргументовъ, подтверждающихъ, что жить стоитъ. И вотъ онъ мечется въ поискахъ за этими теоретическими доводами. Но что онъ можетъ сказать? Чѣмъ жизнь радуетъ человѣка?

Развѣ тѣмъ, что солнце ярко свѣтитъ и скворцы заливаются? Но это радуетъ только его, Демурина, а ее это нисколько не радуетъ. Долго бы онъ метался въ тщетныхъ поискахъ за смысломъ жизни, если бы ему отвѣтъ не былъ подсказанъ со стороны: «Вы будете переживать... всю глубину горя не эгоистично, не ради вашей собственной особы, а ради другого человѣка, и думаете, что это не облегчитъ его? Передъ вами жизнь разовьется... до самопожертвованія, и вы смѣете думать, что эта душевная ширь не охватитъ того, кто нечаянно воскресилъ васъ? Полноте. Поймите, что никакія бѣдствія природы, болѣзни и лишенія не могутъ сравниться съ тѣми мученіями, какія человѣкъ способенъ нанести человѣку равнодушіемъ... Дайте только такую симпатію безъ эгоизма,—и больше ничего не надо,—несчастный спасенъ».

Спасительное слово произнесено, и Демуринъ восклицаетъ: «Никогда еще за всю мою жизнь не испытывалъ такой радости. Точно передо мною новый міръ открылся, словно я второй разъ на свѣтъ родился». Происходитъ примиреніе между Демуринымъ и женой, и для нихъ начинается новая, счастливая жизнь, — и не только для нихъ, но и для всей фабрики съ ея служащими и рабочими, потому что Демурину открылось великое значеніе «состраданія», любви къ ближнему, отреченія отъ собственной личности.

Мы не станемъ здѣсь касаться вопроса,—насколько подобное перерожденіе со стороны пожилого человѣка вѣроятно. Въ немъ быть-можетъ заключается слабая сторона всей драмы и въ особенности четвертаго ея дѣйствія, которое невольно производитъ на читателя или зрителя впечатлѣніе нѣсколько дѣланной морали. Но мы повѣримъ автору на слово. Мы теоретически допустимъ, что дѣйствительно перерожденіе совершилось, что подъ вліяніемъ трагической участи жены Демуринъ вдругъ одумался и сталъ инымъ человѣкомъ, преисполненнымъ состраданія и любви къ ближнему. При такомъ предположеніи во всякомъ случаѣ надо и допустить, что въ душѣ Демурина таились добрыя чувства, и что только озабоченность дѣлами, привычная жизнь, унаслѣдованная отъ прежнихъ поколѣній, не давала проявиться этимъ чувствамъ или заглушала ихъ. Но вотъ стряслась бѣда, и Демуринъ опомнился. Все это его, конечно, не оправдываетъ, и приговоръ надъ нимъ сохраняетъ свою силу. Но, спрашивается, оправдываетъ ли все это его жену, Анну?

Анна росла въ бѣдности, но получила, какъ видно изъ драмы, довольно тщательное образованіе. Ей дано было то, чего въ значительной степени лишенъ былъ ея мужъ. Она уже въ школѣ, конечно, неоднократно слышала о состраданіи, любви къ ближнему, самопожертвованіи и т. д. Она дѣйствительно и рѣшилась пожертвовать собою ради семьи и вышла замужъ за богатаго фабриканта, правда, человѣка мало образованнаго, но по натурѣ своей, какъ мы видѣли, несомнѣнно хорошаго. Что же вышло изъ этого брака? Демуринъ ведетъ свои дѣла приблизительно такъ, какъ вели ихъ его отецъ и дѣдъ, и на жену онъ смотритъ приблизительно такъ, какъ смотрѣли на своихъ женъ его предки. Нѣтъ, даже и этого нельзя сказать: онъ къ женѣ относится любовно, гуманно, и въ его отношеніяхъ къ ней далеко уже не сквозитъ та грубость, которая свойственна была прежнимъ представителямъ «темнаго царства». Во всякомъ случаѣ, его отношенія къ женѣ правдивы, честны. Можно ли сказать то же объ Аннѣ? Она сама признается, что «инымъ людямъ легче пойти на обманъ, чѣмъ принять милостыню». Значитъ, она пошла на обманъ, она обманывала мужа, выдавала за любовь желаніе спасти себя и семью отъ гибели. Таково было начало брака, и продолженіе было не лучше. Она томится, изнываетъ, не знаетъ, куда дѣваться, что съ собою дѣлать, ищетъ сочувствія къ себѣ на сторонѣ, вступаетъ въ преступную связь, — все это, чтобы наполнить внутреннюю пустоту. Если Демуринъ живетъ, какъ жили его отцы и дѣды, если онъ, озабоченный дѣлами, не видитъ человѣческую душу въ окружающихъ его и даже близкихъ ему людяхъ, если онъ весь ушелъ въ привычную жизнь и не находитъ въ себѣ ни силы, ни способности устроить себѣ и другимъ лучшую жизнь, то многимъ ли выше его Анна, и не правильнѣе ли сказать, что она стоитъ гораздо ниже его? Вѣдь она получила образованіе, вѣдь она интеллигентная женщина, и то, что мужъ ея могъ выработать въ себѣ лишь путемъ упорной борьбы и при помощи особенныхъ способностей, Аннѣ дано было уже съ дѣтства. Была ли она помощницей мужа, вникала ли она въ его сложныя дѣла, читала ли она въ его душѣ, уяснила ли она себѣ его личность? Нѣтъ, подъ тягостнымъ сознаніемъ, что она повинна въ обманѣ, она чувствовала себя непонятой, чужой въ домѣ и искала себѣ утѣшенія на сторонѣ. Мужъ ее искренно любилъ, а она даже не воспользовалась этою любовью, чтобы установить душевное общеніе съ нимъ, чтобы понять тѣ добрыя чувства, которыя скрывались въ его сердцѣ и въ концѣ концовъ обнаружились, но тогда, когда зло было уже со-

вершено и когда со стороны мужа требовалось очень возвышенное настроеніе и благородство, чтобы простить Аннѣ обиду, ему нанесенную. Значитъ, и Анна, несмотря на полученное ею образованіе, вся ушла въ налаженныя чувства, традиціонныя понятія, никакой самостоятельности, никакого почина не проявила: она взглянула на жизнь такъ, какъ смотрятъ на нее всѣ. Мужъ значительно старше, онъ мало образованный купецъ, она хороша собою, молода, принесла себя въ жертву семьѣ,—что же ей остается, кромѣ страданій, кромѣ тяжелой, невыносимой жизни? Заглянула ли она сама мужу въ душу, заглянула ли она въ собственную совѣсть, подумала ли она о томъ, какъ устроить свою жизнь наиболѣе нормально при данныхъ условіяхъ? Вѣдь она даже не попыталась уяснить себѣ нравственный обликъ человѣка, съ которымъ связала свою судьбу, и въ которомъ, какъ мы видѣли, таилось много добрыхъ чувствъ. Если можно признать Демурина эгоистомъ, то и Анна вполнѣ заслуживаетъ этого названія, и кто больше виноватъ въ постигшемъ ихъ обоихъ несчастьи — рѣшить трудно, но, кажется, что все-таки Анна болѣе виновата, чѣмъ ея мужъ.

Кому больше дано, съ того и больше взыщется, и въ этомъ смыслѣ можно было ожидать отъ Анны, что она лучше уяснитъ себѣ свое положеніе, что она, согласившись выйти замужъ за купца-фабриканта, пойметъ его и тѣ добрыя чувства, которыя въ немъ таились, и воспользуется ими для обезпеченія не только своего супружескаго счастья, но и благополучія служащихъ на фабрикѣ и рабочихъ. Ничего этого она не сдѣлала до катастрофы. Послѣ катастрофы и она, и мужъ, по волѣ автора, прозрѣли, и у обоихъ нашлось живое дѣло, для обоихъ началась лучшая, новая жизнь: оба они переродились. На самомъ дѣлѣ подобныя перерожденія бываютъ очень рѣдко, и люди, несмотря на постигающія ихъ большія несчастія, продолжаютъ идти прежнею привычною дорогою, вращаться въ заколдованномъ кругѣ свойственныхъ имъ понятій и чувствъ. Но драма г. Вл. Немировича-Данченко въ высшей степени поучительна въ томъ отношеніи, что онъ на живомъ примѣрѣ намъ показываетъ, какіе благіе результаты могла бы дать совмѣстная дѣятельность представителей «темнаго царства» и интеллигенціи на почвѣ реальныхъ потребностей родины. Если бы Анна поняла свою роль съ самаго начала замужества, если бы она воспользовалась своимъ образованіемъ, своими добрыми чувствами и откликомъ, который они встрѣчали въ душѣ ея мужа, для того, чтобы обезпечить благополучіе многочисленныхъ тружениковъ, работавшихъ на фабрикѣ ея мужа, сколько добра она могла бы сдѣлать, и жизнь, конечно, не представлялась бы ей «пустою и глупою шуткою». Всѣ мелочи получили бы опредѣленный, ясный смыслъ, потому что эти мелочи, въ общей своей сложности направленныя къ одной благородной цѣли, дали бы значительные результаты, и даже если бы этого не было, онѣ все-таки не вызвали бы душевной пустоты, потому что пустою жизнь кажется только тогда, когда она лишена согрѣвающаго тепла любви къ ближнему, когда мы ставимъ собственное благополучіе выше благополучія окружающихъ насъ людей.

Вдумаемся въ жизнь извѣстнаго московскаго филантропа, доктора Гааза, которой г. Кони посвятилъ краснорѣчивый очеркъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ *Вѣстника Европы* (№№ 1 и 2).*) Вся она состояла изъ мелочей, ежедневныхъ усилій, незамѣтной борьбы. Освидѣтельствованіе больныхъ, осмотръ арестантовъ, наведеніе мелкихъ справокъ, бѣготня по знакомымъ и разнымъ благотворителямъ, чтобы собрать гроши, вѣчныя ходатайства, писаніе прошеній, устройство кузницы для изготовленія облегченныхъ цѣпей, мелочные споры и препирательства,—все это поглощало ежедневно вниманіе Гааза, иногда не давало никакого результата, а по большей части облегчало въ данную минуту участь лишь нѣсколькихъ людей. Если бы Гаазъ разсуждалъ такъ, какъ разсуждаетъ большинство россійскихъ гражданъ, если бы онъ говорилъ себѣ: «условія сильнѣе меня, одному нельзя бороться со всѣми»,—то онъ бы въ самомъ началѣ своей дѣятельности опустилъ бы руки. Сколько у него было горькихъ разочарованій, какъ равнодушно относились къ нему и администрація, и общество, какія на видъ непреодолимыя препятствія ставили ему рутина, канцелярщина, душевная черствость окружавшихъ его людей! Но, несмотря на всѣ эти препятствія и разочарованія, онъ шелъ твердо къ своей цѣли, никогда не испытывалъ чувства простраціи, боролся одинъ противъ всѣхъ, и создалъ себѣ союзниковъ и друзей въ святомъ дѣлѣ, которому онъ себя посвятилъ. Теперь мы останавливаемся любовно на каждой мелочи его жизни, и ни одна изъ нихъ намъ не кажется незначительной, потому что онѣ, сцѣпляясь и соединяясь, дали такой душу возвышающій результатъ. Если бы Гаазъ устрашился мелочей, если бы онъ сказалъ себѣ: «стоитъ ли помочь нѣсколькимъ несчастнымъ, когда всѣ противъ

*) Портретъ д-ра Ѳ. П. Гааза будетъ помѣщенъ въ № 12 „Нивы". *Прим. ред*

меня»,—онъ бы, конечно, ничего не достигъ, не осушилъ бы слезъ десятковъ тысячъ людей. Но Гаазъ до послѣдняго своего вздоха не ослабѣлъ въ своихъ усиліяхъ и явилъ намъ блестящій примѣръ, какъ изъ мелочей жизни складываются крупные итоги, какъ направленная къ высокой цѣли жизнь не можетъ быть ничтожной, гдѣ бы человѣкъ ни дѣйствовалъ,—въ семьѣ, школѣ, канцеляріи, обществѣ, государствѣ.

Какъ началась дѣятельность Гааза? Получивъ тщательное образованіе, онъ быстро пріобрѣлъ извѣстность въ Москвѣ какъ знающій и опытный врачъ. Его пріемная была постоянно наполнена больными, вся Москва искала его совѣтовъ и платила ему щедро. Онъ былъ на томъ пути, на который вступили послѣ него многія медицинскія знаменитости, напримѣръ, московскій профессоръ Захарьинъ или покойный Боткинъ. Ему оставалось только постепенно увеличивать свой докторскій гонораръ и богатѣть. Даже безъ всякихъ искусственныхъ пріемовъ, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ разсказываетъ намъ г. Жбанковъ относительно профессора Захарьина (*Врачъ*, № 2), и безъ назначенія такого крупнаго гонорара, какого требовали позднѣйшіе его коллеги, онъ могъ жить припѣваючи и при случаѣ развѣ только жаловаться на обременительный свой трудъ. Но, пользуясь его медицинскими знаніями, администрація вздумала обратиться къ нему за совѣтами и указаніями,—и вотъ онъ, иностранецъ, видитъ, какъ у насъ въ больницахъ содержатся больные, а въ тюрьмахъ арестанты. По происхожденію его ничто не связывало съ Россіею; ему, какъ и знаменитому нашему министру финансовъ Канкрину, судьба котораго во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ судьбу Гааза, сдѣланы были очень лестныя предложенія изъ-за границы. Но оба эти дѣятеля, несмотря на горькія разочарованія, которыя они терпѣли въ Россіи, остаются ей вѣрными, и притомъ оба посвящаютъ себя преимущественно служенію русскому народу и, несмотря на свое иностранное происхожденіе, становятся не только популярными среди него, но сами пріобрѣтаютъ чисто-народный отпечатокъ. Оба они коверкаютъ русскую рѣчь, но любятъ въ такое время, когда о народничаньи еще не было рѣчи, прибѣгать къ простонароднымъ выраженіямъ, поговоркамъ, пословицамъ. Сердце ихъ принадлежитъ народу, а что касается до Гааза, то онъ посвящаетъ всѣ свои помыслы и чувства наиболѣе обездоленной его части. Практика, сулившая богатства, забыта, и тотъ достатокъ, который ею пріобрѣтенъ, весь уходитъ на тѣхъ же обездоленныхъ. Мало того, всякій часъ дня и ночи въ теченіе слишкомъ 25 лѣтъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ и подъ старость, до послѣдней роковой минуты посвященъ былъ имъ, всѣ умственныя и душевныя силы, всѣ способности, вся несокрушимая энергія не знаютъ другой цѣли, кромѣ облегченія страданій обездоленныхъ, не знаютъ другой награды, кромѣ улыбки больного, слова благодарности каторжнаго...

Но не будемъ говорить о Гаазѣ. Такіе люди родятся рѣдко; такой глубины чувства, такой чистоты помысловъ достигаютъ очень немногіе. Но чему насъ учитъ его жизнь? Не всѣмъ дано совершить такъ много, и въ комъ таится такой неисчерпаемый запасъ нравственныхъ силъ, какой таился въ душѣ «святого доктора»? Однако какъ бы рѣдко запасъ такихъ силъ ни встрѣчался въ одномъ человѣкѣ, въ общей экономіи народной жизни его можно восполнить. То, что соединено въ одномъ человѣкѣ, можетъ быть распредѣлено на многихъ. Если бы Гаазъ не дѣйствовалъ одинъ, если бы люди, приставленные къ тому же дѣлу, руководствовались его чувствами, его убѣжденіемъ, что, каковы бы ни были условія, всякій обязанъ исполнить свой нравственный и общественный долгъ,—быть-можетъ, несмотря на значительность достигнутыхъ имъ результатовъ, успѣхъ былъ бы гораздо больше при меньшихъ жертвахъ со стороны каждаго отдѣльнаго дѣятеля. Ассоціація силъ имѣетъ громадное значеніе и въ этой области. Но предоставимъ здѣсь слово г. М., автору очень интересной статьи: «Чѣмъ люди живы въ нашей провинціи?» (*Русская Школа*, № 1): «Это было въ началѣ 80-хъ годовъ,—разсказываетъ онъ.—Какъ-то разъ, подъ вечеръ осени ненастной, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова собрался небольшой кружокъ молодежи и оживленно бесѣдовалъ съ однимъ изъ умнѣйшихъ, гуманнѣйшихъ русскихъ людей, незабвеннымъ К. Д. Кавелинымъ. Бесѣды его съ молодежью представляли собою нѣчто идеальное: ветеранъ русской интеллигенціи, профессоръ нашихъ профессоровъ выказывалъ такое уваженіе къ чужому мнѣнію, такую полную терпимость, что пропасть, отдѣлявшая насъ, неоперившихся птенцовъ, отъ этого орла, уничтожалась сама собою. Рѣчь лилась горячо и свободно, обмѣнъ мыслей былъ самый искренній и задушевный. Ясное, бодрое міровоззрѣніе Кавелина, его крѣпкая вѣра въ лучшее будущее невольно сообщались и его собесѣдникамъ, и мы, молодые, расходились по домамъ ободренные, успокоенные этимъ чуднымъ старцемъ. «Вамъ не легко, но, вѣрьте, нашему поколѣнію было много труднѣе. Мы не пали духомъ,—не падайте и вы. Не смущайтесь сѣренькою дѣй-

ствительностью, не ищите исполинскаго дѣла; храните свѣтъ въ самихъ себѣ, разливайте его по мѣрѣ силъ и возможности вокругъ, и вѣрьте, что единичныя, слабыя и незамѣтныя на первый взглядъ усилія въ состояніи дать въ общей сложности великіе результаты». Такъ резюмировались эти бесѣды, которыя, думаемъ, не забылъ никто изъ принимавшихъ въ нихъ участіе. Въ упомятутый выше вечеръ разговоръ вращался главнымъ образомъ вокругъ милаго медвѣжьяго угла Константина Дмитріевича, его имѣнія Тульской губерніи. Онъ тогда только что оттуда возвратился и съ блестящими глазами, съ чисто-юношескимъ увлеченіемъ разсказывалъ намъ о своей школѣ, своихъ сношеніяхъ съ крестьянами и о кружкѣ мѣстныхъ дѣятелей, въ составъ котораго входили сельскій священникъ и кое-кто изъ земцевъ. Имена ихъ улетучились изъ моей памяти, да не въ именахъ и дѣло, а въ огромномъ значеніи, придаваемомъ Кавелинымъ подобнымъ разбросаннымъ по лицу земли русской горсточкамъ людей, которые и средою не засасываются, и въ окружающей ихъ тинѣ не грязнутъ, а работаютъ себѣ стойко и бодро, главное же, работаютъ не въ своихъ только собственныхъ интересахъ, но и на пользу окружающаго ихъ темнаго люда. Такимъ единицамъ, малымъ, если ихъ взять въ отдѣльности, и великимъ, если принять во вниманіе ихъ общую сложность, а не однимъ центральнымъ учрежденіямъ, сгруппированнымъ въ столицахъ, приписывалъ Кавелинъ выдающуюся роль въ дѣлѣ умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго подъема русскаго народа; ихъ считалъ онъ солью русской земли».

Затѣмъ авторъ горько жалуется на бѣгство людей изъ провинціи. «Въ столицахъ несравненно легче выбрать себѣ подходящую среду и плыть по теченію; въ провинціи приходится быть піонеромъ и часто испытывать всю горечь пословицы: «одинъ въ полѣ не воинъ». Что же мудренаго, если наши молодые люди предпочитаютъ столицу, если, выражаясь словами поэта Апухтина, они

> Изъ дальнихъ деревень туда везутъ
> Здоровье, молодость и силы молодыя,
> И все оставятъ тамъ...“

Послѣ этого краснорѣчиваго вступленія авторъ разсказываетъ намъ, какъ, благодаря самоотверженнымъ усиліямъ двухъ-трехъ женщинъ, въ Екатеринославѣ возникло общество попечительства о женскомъ образованіи, которое воспитываетъ сотни дѣвочекъ, даетъ имъ профессіональную подготовку, устроило вечерній и рисовальный классы, женскую воскресную школу и дало толчокъ организаціи народныхъ чтеній съ собственной аудиторіей, приспособленной для устройства безплатной читальни и народнаго театра, въ которой найдутъ себѣ здоровую духовную пищу многія тысячи...

На такіе въ высшей мѣрѣ отрадные примѣры громаднаго значенія частной иниціативы и выдержанныхъ усилій я имѣлъ неоднократно случай указывать въ моихъ очеркахъ и буду ихъ впредь отмѣчать, чтобы противодѣйствовать укоренившемуся въ нашей интеллигенціи убѣжденію, что единичный человѣкъ безсиленъ, и что все спасеніе наше въ однихъ общихъ условіяхъ. На этотъ же разъ я закончу повтореніемъ только что приведенныхъ мною словъ человѣка глубокаго ума и необыкновенной душевной чистоты, покойнаго Кавелина: «Храните свѣтъ въ самихъ себѣ, разливайте его по мѣрѣ силъ и возможности вокругъ, и вѣрьте, что *единичныя* слабыя и незамѣтныя на первый взглядъ усилія въ состояніи дать въ общей сложности *великіе* результаты».

Библіографія.

Оспа и оспопрививаніе. Томъ I. Юбилейное изданіе Высочайше утвержденнаго Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. Составилъ **Д-ръ В. О. Губертъ.** 1896 годъ.

Только что вышедшій I томъ юбилейнаго изданія Общества охраненія народнаго здравія, въ ознаменованіе столѣтія открытія Дженнеромъ предохранительной прививки коровьей оспы, заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

По роскоши изданія, по обширности и глубокой обдуманности программы, по тщательности исполненія ея, это сочиненіе объ оспѣ безспорно должно быть признано выдающимся не только въ нашей отечественной, но и во всей европейской литературѣ.

Изданіе снабжено массою рѣдкихъ гравюръ и портретовъ, при чемъ однихъ портретовъ Дженнера около 40; помѣщены раскрашенные рисунки привитой оспы по днямъ (они были приложены Дженнеромъ къ его первому сочиненію объ оспопрививаніи), затѣмъ карикатуры, относящіяся къ первымъ годамъ оспопрививанія, цѣлая серія «русскихъ народныхъ картинокъ», изданныхъ въ началѣ

столѣтія по распоряженію министра полиціи для борьбы съ народными предразсудками, и масса снимковъ медалей, памятниковъ, историческихъ картинъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи оспы.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ подробную исторію оспы съ древнѣйшихъ временъ до XIX столѣтія, при чемъ въ отдѣльныхъ главахъ приведена исторія оспы въ Египтѣ, Китаѣ, Индіи, Палестинѣ (евреи), Аравіи, Греціи и Римѣ до среднихъ вѣковъ. Каждая глава снабжена подробнымъ литературнымъ указателемъ, а глава объ арабахъ даже полнымъ переводомъ сочиненія знаменитаго Razi (Rhazes), провѣреннымъ по арабскому подлиннику, относящемуся къ X столѣтію—«Книга объ оспѣ и кори». Взглядъ этого знаменитаго арабскаго врача и теперь поражаетъ своей вѣрностью въ отношеніи картины болѣзни, ея теченія и исходовъ, а также содержитъ много разумныхъ предписаній для предохраненія и лѣченія оспы.

Распространеніе оспы въ средніе вѣка составлено по государствамъ Европы и снабжено всѣми статистическими свѣдѣніями, имѣющимися въ европейской литературѣ, при чемъ впервые появились въ печати матеріалы, добытые авторомъ изъ лѣтописей, хранящихся въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ; подробно составлено географическое распространеніе оспенныхъ эпидемій по Европѣ и исторія ея заноса въ Америку. Распространеніе оспы въ XVIII столѣтіи прослѣжено особенно подробно, при чемъ отмѣчены мѣста, захваченныя эпидеміею, по годамъ и собрано много статистическихъ данныхъ для главныхъ европейскихъ городовъ. Отдѣльная глава посвящена исторіи возникновеніяваріолаціи (привитіе человѣческой оспы), ея распространенію въ различныхъ государствахъ и порожденной ею литературѣ.

Наибольшій интересъ представляетъ глава объ исторіи оспы въ Россіи, до сихъ поръ такъ мало разработанной.

Свѣдѣнія о моровыхъ болѣзняхъ для большей наглядности выражены въ таблицахъ, охватывающихъ исторію Россіи съ 1092 по 1710 годъ, которыя составлены отчасти по Рихтеру («Исторія медицины въ Россіи 1814 г.»), а главнымъ образомъ по лѣтописямъ, грамотамъ и указамъ, а для Сибири по Славцеву («Историческое обозрѣніе Сибири»). Глава эта содержитъ массу интересныхъ свѣдѣній о бытѣ и вѣрованіяхъ различныхъ инородцевъ нашего обширнаго отечества и о первоначальныхъ мѣрахъ правительства къ ограниченію распространенія оспы (1640 г.), хотя эти мѣры были направлены главнымъ образомъ, «чтобъ Ихъ Государево здоровье оберечь и бѣды на Московское Государство не повесть». По вступленіи на престолъ Петра Великаго начинаютъ принимать уже болѣе обширныя мѣры для охраненія народнаго здравія, вводится регистрація заразныхъ больныхъ, запрещеніе изъ заразнаго дома появляться въ общественныя мѣста и должности и т. д. Съ половины прошлаго столѣтія заводятся оспенные дома, назначаются особые доктора для лѣченія оспенныхъ больныхъ, ибо оспенныя эпидеміи становятся особенно губительными, такъ-что, по увѣренію Димсдаля, въ Россіи умирало ежегодно отъ оспы около 2 милліоновъ людей, хотя цифра эта не подтверждается никакими фактическими данными. Единственныя точныя статистическія данныя для Петербурга составлены пасторомъ Екатерининской лютеранской церкви на Васильевскомъ островѣ Іоахимомъ Гротомъ. Статистика его поражаетъ своей подробностью, — за 9 лѣтъ имъ составлены подробныя таблицы смертности отъ оспы по мѣсяцамъ, полу, возрасту и по сравненію съ родившимися и умершими,--и по разработкѣ матеріала не имѣетъ себѣ подобной даже въ иностранной литературѣ прошлаго столѣтія. Не менѣе интересны данныя для Лифляндіи конца прошлаго столѣтія, составленныя докторомъ Отто Гуномъ на основаніи метрическихъ книгъ.

Исторія введенія въ Россіи варіолаціи и первый опытъ прививки, сдѣланной императрицѣ Екатеринѣ и наслѣднику престола Павлу Петровичу, разработана особенно подробно, при чемъ собрано много относящихся сюда документовъ и писемъ, какъ самой императрицы, такъ и Димсдаля, подробный дневникъ послѣдняго относительно хода болѣзни высочайшихъ паціентовъ, описаніе послѣдовавшихъ за выздоровленіемъ празднествъ, рескриптовъ и т. д.; интересна также исторія ребенка, съ котораго была взята оспа для прививки императрицѣ и который былъ послѣ этого возведенъ въ дворянское сословіе съ переименованіемъ его фамиліи изъ Маркова—въ Оспеннаго.

Доведя исторію оспы до открытія вакцинаціи, авторъ подробно останавливается на біографіи Дженнера, условіяхъ его жизни и воспитанія и обстоятельствахъ, приведшихъ его къ столь великому открытію, какъ вакцинація.

Опыты Дженнера подробно описаны на основаніи его собственныхъ сочиненій, при чемъ переводы главныхъ изъ нихъ помѣщены цѣликомъ со всѣми рисунками, сдѣланными самимъ Дженнеромъ; переводы эти впервые появляются на русскомъ языкѣ и даютъ полный матеріалъ для уясненія лич-

ности автора великаго открытія прошлаго вѣка.

Ясная постановка опытовъ, строго-критическое отношеніе къ каждому новому факту, замѣчательная скромность и настойчивость въ преслѣдованіи намѣченной цѣли—создали славу Дженнера и сдѣлали его имя міровымъ достояніемъ. Двадцать пять лѣтъ протекли въ упорномъ трудѣ, прежде чѣмъ появилось въ свѣтъ его первое сочиненіе о привитіи коровьей оспы. Ему пришлось изучить заболѣванія оспою не только у коровъ, но и у другихъ животныхъ, выдѣлить коровью оспу изъ другихъ аналогичныхъ съ нею сыпныхъ болѣзней коровъ, изучить технику прививокъ, такъ много значившую еще при варіолаціи, и лишь тогда выступить со своимъ новымъ методомъ, когда у него явилась полная увѣренность въ громадномъ значеніи сдѣланнаго имъ открытія. Этимъ и объясняется столь большой успѣхъ и распространеніе его метода.

Полемика его съ противниками оспопрививанія, возникшая въ первые годы, затѣмъ борьба за пріоритетъ открытія—нисколько не уменьшили его славы, и ему — одному изъ немногихъ работниковъ на поприщѣ чистой науки—пришлось дожить до всемірнаго признанія его заслугъ, до фактической благодарности отечества.

Послѣдняя глава посвящена обзору развитія оспопрививанія въ различныхъ государствахъ Европы въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, при чемъ авторъ особенно подробно останавливается на введеніи оспопрививанія въ нашемъ отечествѣ... Глава эта снабжена цѣлой серіей воспитательныхъ карикатуръ, изданныхъ министерствомъ полиціи для назиданія русскаго народа и составляющихъ теперь библіографическую рѣдкость.

Столь блестящее изданіе I тома заставляетъ надѣяться, что почтенный авторъ доведетъ дѣло до конца, и изданіе II тома не замедлитъ обогатить литературу.

La revue des femmes russes, organe du féminisme international. 1896. Paris. Neuilly-sur-Seine.

Годовой отчетъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества за 1895—96. СПБ.

Сопоставленіе годового отчета русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества съ журналомъ, издаваемымъ госпожей О. Безобразовой въ Парижѣ подъ титуломъ *La revue des femmes russes*, можетъ, конечно, возбудить нѣкоторое недоумѣніе на первый взглядъ; но мы сейчасъ укажемъ, почему мы нашли возможнымъ соединить отзывы о нихъ въ одно цѣлое.

Женское общество въ Петербургѣ возникло въ половинѣ 1895 года, число его членовъ въ настоящее время доходитъ до 1,200, съ каждымъ днемъ дѣятельность его становится шире, разнообразнѣе, серьезнѣе; не ограничиваясь благотворительной дѣятельностью, общество организовало кружки музыкальный и домашнихъ чтеній, рефератный отдѣлъ; судя по темамъ, которыя предлагались на обсужденіе, запросы научно-литературные здѣсь очень высоки; и не мудрено: въ обществѣ сосредоточенъ весь цвѣтъ петербургской женской интеллигенціи. И несмотря на все это, общество, многолюдное и серьезное, не имѣетъ своего органа. Только въ январѣ нынѣшняго 1897 года подняли вопросъ о необходимости имѣть свой органъ; пока рѣшено ограничиться скромными рамками *Справочнаго Листка*; правда, программа *Листка* намѣчена довольно обширная, но все-таки ничего значительнаго и интереснаго отъ *Справочнаго Листка* ждать нельзя. Вслѣдствіе многихъ причинъ, не только молодое петербургское общество не можетъ имѣть органа, посвященнаго широкой, всесторонней разработкѣ женскаго вопроса, но такого журнала и вообще нѣтъ въ Россіи, странѣ, гдѣ интеллигентныя женщины насчитываются десятками тысячъ, а женскій вопросъ существуетъ болѣе 30 лѣтъ. Тѣмъ характернѣе для нашей косности то обстоятельство, что журналъ *русскихъ женщинъ* издается въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ.

Что же онъ изъ себя представляетъ? Повидимому, этотъ журналъ не имѣетъ подъ собой прочной почвы: велико ли число русскихъ женщинъ во Франціи и близки ли имъ дѣйствительно *русскіе* интересы. Каждой статьей своей журналъ свидѣтельствуетъ, насколько онъ далекъ отъ русской жизни вообще и отъ запросовъ русской женщины въ частности. (Замѣтимъ кстати, что три четверти всѣхъ русскихъ фамилій, встрѣчающихся въ журналѣ, напечатаны не вѣрно: опечатки придаютъ имъ видъ совершенно фантастическій, напримѣръ, Trouberdsdi, Solovieft, Jvanueff, Marfa Pocadniza и т. п.).

Но какъ органъ, посвященный интернаціональному феминизму, журналъ госпожи Безобразовой интересенъ.

Наиболѣе заслуживающимъ вниманія отдѣломъ является тотъ, гдѣ помѣщены отвѣты разныхъ лицъ на четыре вопроса, поставленные редакціей съ цѣлью выяснить женскій вопросъ съ общественной точки зрѣнія. Вотъ эти 4 вопроса:

1) Какую роль играетъ женщина въ общественномъ развитіи?

2) Какихъ реформъ въ гражданскомъ за-

конодательствѣ въ правѣ требовать женщина?

3) Какимъ способомъ женщина можетъ вліять на выработку законовъ?

4) Какими путями женщины могутъ пересоздать общество?

Громадное большинство отвѣтовъ признаетъ за женщинами способности и права на равноправность съ мужчинами, но нельзя не обратить вниманія, что традиціонному взгляду на женщину, какъ на ангела-хранителя семейнаго очага и представительницу граціи и доброты, отведено значительное мѣсто.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ журнала выдѣляется повѣсть издательницы журнала г-жи Безобразовой — *La femme nouvelle*; издательницѣ же принадлежитъ философская статья *La religion nouvelle* и нѣсколько стихотвореній; всѣ эти произведенія отличаются нѣкоторой туманностью изложенія, а философскіе взгляды автора представляютъ смѣсь сентиментальнаго спиритуализма съ научнымъ реализмомъ: они возвышенны, но малопонятны.

Очерки изъ русской общественной жизни, подъ рубрикой *Echos de Russie*, принадлежатъ графинѣ Инѣ Капнистъ. Всѣ они отличаются сжатымъ, толковымъ изложеніемъ, но безъ всякаго критическаго отношенія къ излагаемымъ фактамъ. Изъ этихъ очерковъ упомянемъ: «Земледѣльческая колонія въ Воздвиженскомъ», «Объ участіи русскихъ женщинъ на берлинскомъ конгрессѣ», «Сельскохозяйственныя школы для женщинъ въ Россіи». Женскому вопросу посвященъ цѣлый рядъ статей. Изъ нихъ самыя крупныя и интересныя трактуютъ о реформахъ въ уголовномъ законодательствѣ по отношенію къ женщинамъ, о женскомъ конгрессѣ въ Женевѣ и др. Обращаетъ на себя особенное вниманіе статья д-ра философіи г-жи К. Ширмахеръ о положеніи женщинъ-ремесленницъ въ Вѣнѣ; здѣсь цифры и факты краснорѣчиво говорятъ о необходимости коренныхъ измѣненій въ условіяхъ, при которыхъ работаютъ теперь десятки тысячъ женщинъ.

Журналъ заключаетъ еще два цѣнныхъ отдѣла:

1) Отдѣлъ свѣдѣній о женскомъ движеніи и о женской дѣятельности въ различныхъ странахъ.

2) Отдѣлъ библіографическій, гдѣ мы находимъ краткія, но полныя и толковыя оцѣнки книгъ, или принадлежащихъ женскому перу, или посвященныхъ женскому вопросу.

Съ января 1897 года журналъ *La revue des femmes russes* перемѣнилъ свою сѣрую обертку на зеленую, перемѣнилъ и титулъ, но по тону, по направленію никакихъ измѣненій пока не замѣтно; изъ 9 статей январской книжки *La revue des femmes russes et des femmes françaises*, пять составляютъ продолженіе начатыхъ въ прошломъ году.

Плодоводство. Органъ Императорскаго россійскаго общества плодоводства, 1896 г., № 1—12. Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Этотъ журналъ, давшій своимъ подписчикамъ за прошлый годъ большой томъ въ 1000 стр. съ рисунками и хромолитографіями, нынѣ, въ 1897 г., вступаетъ въ 8-й годъ своего существованія, а знаютъ о немъ лишь немногіе. Путемъ обмѣна мыслей нашихъ практиковъ-садоводовъ въ массѣ статей самаго живого характера, онъ можетъ служить лучшимъ средствомъ познакомиться съ положеніемъ отечественнаго плодоводства и научиться самымъ элементарнымъ правиламъ, которыя, почти безъ всякихъ затратъ, могутъ быть примѣнены во всякомъ хозяйствѣ. Перечисленіе всѣхъ статей журнала было бы длинно; достаточно указать на важнѣйшіе отдѣлы этого органа. Въ «Извѣстіяхъ о дѣятельности общества» мы встрѣтимъ цѣлый рядъ отзывовъ нашихъ практиковъ-садоводовъ о мѣрахъ къ развитію отечественнаго садоводства; изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе мнѣніе кн. А. Е. Гагарина, который, между прочимъ, пишетъ: «Много времени пройдетъ, пока сознаніе пользы садоводства, какъ отрасли сельскаго хозяйства, какъ одного изъ важнѣйшихъ источниковъ народнаго благосостоянія, проникнетъ во всѣ слои земледѣльческаго населенія Россіи. Не скоро землевладѣльцы поймутъ, что нельзя требовать отъ садовника, чтобы онъ все зналъ, давалъ бы доходъ, работалъ за десятерыхъ и довольствовался платой и содержаніемъ чернорабочаго. Не скоро можно будетъ убѣдить крестьянъ, что лучше пожалѣть полтинникъ на штофъ водки, чѣмъ на покупку правильно выращеннаго фруктоваго саженца». Въ отдѣлѣ «Культура плодовыхъ растеній» даются самыя разнообразныя свѣдѣнія касательно подбора сѣмянъ, удобренія, прививки и ухода за плодовыми растеніями. Далѣе слѣдуютъ: болѣзни и поврежденія; описаніе и выборъ сортовъ; сборъ, храненіе и переработка плодовъ; плодоторговля; состояніе плодоводства и разныя свѣдѣнія; обученіе садоводству; огородничество; спеціальныя культуры и много другихъ отдѣловъ.

Этотъ журналъ по богатству своего содержанія и исключительной цѣли познакомить хозяевъ съ практикой плодоводства, наконецъ, по баснословно дешевой цѣнѣ заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Отсутствіе всякихъ теоретическихъ выводовъ дѣлаетъ его доступнымъ читателю съ

самымъ элементарнымъ образованіемъ. Особенно необходимымъ онъ намъ кажется для народныхъ школъ, такъ какъ тамъ, проникая въ массу людей, которые со временемъ сами становятся сельскими хозяевами, онъ можетъ принести существенную пользу для умственнаго и нравственнаго развитія крестьянской молодежи. По нашему мнѣнію, періодическое полученіе его въ этихъ школахъ, давая возможность знакомиться съ содержаніемъ его постепенно, не разбрасываясь, слѣдовало бы сдѣлать обязательнымъ. Кстати, журналъ этотъ получилъ одобреніе отъ ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, отъ училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ и отъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію.

Проф. Корелинъ. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи: Выпускъ I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. 1894. 55 стр. Ц. 50 к. Выпускъ III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. 1896. 61 стр. Ц. 30 к. (Обѣ рекомендованы Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.). Выпускъ IV. Ассирійскій народъ и его боги-покровители. 1896. 74 стр. Ц. 30 к. Изд. «Русской Мысли».

Наша историческая наука вообще не богата популярными книгами, доступными не для спеціалистовъ только, но и для такъ-называемой «широкой публики», и этотъ пробѣлъ быть-можетъ рѣзче всего бросается въ глаза, если мы обратимъ вниманіе на исторію Востока. Поэтому нельзя не привѣтствовать поименованныхъ небольшихъ книжекъ проф. Корелина, трактующихъ о трехъ явленіяхъ исторической жизни Востока, явленіяхъ, принадлежащихъ къ числу наиболѣе важныхъ по своему вліянію на жизнь древней Европы. «Вся духовная жизнь древнихъ народовъ сосредоточивалась въ религіи... Разнообразныя явленія природы, жизнь растеній и животныхъ, глубокая тайна происхожденія міра и человѣка, начала общественной жизни и культуры, — словомъ, все, что составляетъ предметъ человѣческой любознательности, все это объяснялось религіозными преданіями. На религіи прежде всего обнаруживается и духовный ростъ древнихъ народовъ». Такъ было въ Египтѣ, то же видимъ мы и у ассиріянъ. Особенный интересъ представляетъ религія египетскаго народа: она вполнѣ замѣняла собой для египтянъ науку, на ней основывалось ихъ государственное устройство, она же создала и египетское искусство, хотя, конечно, и на нее вліяли различныя явленія изъ области политической, экономической, правовой и т. д. Кромѣ того, «благотворное вліяніе египетской религіи не ограничивалось духовнымъ воспитаніемъ населенія нильской равнины»: она проникла и въ Европу и Азію. Съ послѣдней точки зрѣнія, такъ сказать, съ всемірно-исторической, еще важнѣе финикійская культура, характерную особенность которой составляютъ отсутствіе самобытности, оригинальнаго творчества и ея чисто практическій характеръ: «Финикійцы не создали ничего самостоятельнаго ни въ религіи, ни въ искусствѣ; они не только все заимствовали у своихъ сосѣдей, но исказили, испортили заимствованное». Несмотря на это, «финикійскій купецъ, сливая въ одно цѣлое произведенія восточной культуры (ассирійской, между прочимъ), сближалъ между собою народы Востока, а приспособляя ихъ ко вкусу покупателей и распространяя по всему бассейну Средиземнаго моря, становился посредникомъ между Востокомъ и Западомъ». Но и помимо финикіянъ, Ассиро-Вавилонія вліяла на Европу и въ области архитектуры, и въ области скульптуры; сама европейская наука въ одной своей части — астрономіи — своими корнями восходитъ къ ассирійской культурѣ. Чрезъ всѣ эти книжки проходитъ одна мысль, дающая смыслъ существованію исторіи, какъ отдѣльной науки: она расширяетъ наши знанія, обогащаетъ нашъ опытъ, учитъ насъ, воспитываетъ въ насъ нравственное чувство. И выводъ этотъ напрашивается самъ собою; авторъ не подгоняетъ къ нему фактовъ, какъ будто даже вовсе не имѣетъ въ виду этой мысли: мнѣнія, высказываемыя здѣсь проф. Корелинымъ, основаны на точныхъ данныхъ, строго научны и, можно сказать, не вызываютъ споровъ. Вмѣстѣ съ этимъ изложеніе ясно, просто, изящно, всегда имѣетъ въ виду самый широкій кругъ читателей: вѣдь, нужно сознаться, что наше общество не можетъ похвастаться своими историческими знаніями. Вотъ почему и нельзя не пожелать успѣха этимъ книжкамъ и самаго теплаго пріема со стороны общества.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета. Подъ редакціей **В. А. Гольцева.** М. 1897. Ц. 1 рубль.

«Обычная нужда, ежегодно грозящая оставить за порогомъ университета нѣсколько сотъ студентовъ, въ этомъ году должна была еще болѣе обостриться»,—вотъ raison d'être этого Сборника. Несомнѣнно, одна эта симпатичная цѣль должна была бы заставить публику радушно встрѣтить Сборникъ. Но вещи, помѣщенныя въ немъ, и сами по себѣ останавливаютъ наше вниманіе—однѣ своею своевременностью и истиннымъ освѣщеніемъ трактуемаго предмета, другія — важностью

послѣдняго, серьезнымъ отношеніемъ къ нему автора; встрѣчаемъ и статьи, изъ которыхъ однѣ поднимаютъ вопросы, особенно выдвинувшіеся за послѣднее время, вопросы жгучіе, настоятельно требующіе теперь же своего разрѣшенія, другія же написаны на болѣе спокойныя темы уже изъ области «чистой науки». Къ первымъ принадлежатъ «Дневникъ» г. Вахтерова и «Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи» г. Корелина. «Дневникъ», какъ дневникъ: факты, мысли по поводу тѣхъ или другихъ явленій изъ жизни или литературы, но все это объединено одною идеей о необходимости народнаго образованія, развитія гуманности и справедливости, о сознаніи лежащаго на интеллигенціи долга предъ народомъ,—все это проникнуто горячею вѣрою въ силу образованія. Статья г. Корелина касается въ сущности того же вопроса, но пріурочиваетъ его къ извѣстной области, ставитъ вопросы о популяризаціи всемірной исторіи, теоретическомъ и практическомъ значеніи такой популяризаціи—и ставитъ и освѣщаетъ ихъ, нужно сказать, умѣло, ярко,—а въ концѣ даетъ цѣлый рядъ темъ для такихъ популярныхъ книжекъ. Къ другой серіи принадлежатъ статья г. Карѣева «О чрезмѣрности исторіи», по поводу взглядовъ Ницше, который за послѣднее время довольно-таки нашумѣлъ въ нашемъ обществѣ, и статья г. Иванова «Идея прогресса во французской литературѣ XVIII вѣка». Кромѣ того, значительная часть Сборника посвящена беллетристическимъ произведеніямъ и стихотвореніямъ; здѣсь мы находимъ произведенія гг. Мамина-Сибиряка, Э. Ожешко, В. Вахтерова, Бальмонта, Ладыженскаго. Всѣ названныя вещи прочтутся съ большимъ интересомъ и вполнѣ выкупаютъ случайный характеръ, какой носятъ нѣкоторыя другія статьи, и это даетъ Сборнику право на успѣхъ помимо его цѣли.

Сборникъ для любителей духовнаго чтенія. Епископа Виссаріона. Изданіе 2-е. СПБ. 1897 г. Цѣна 2 р.

О подражаніи Христу. Твореніе **Ѳомы Кемпійскаго.** Перевелъ **П. Мѣщаниновъ.** Изданіе 2-е. СПБ. 1897 г. Цѣна 1 р.

Оба названныя сочиненія выпущены въ свѣтъ книгопродавцемъ Тузовымъ, давно уже спеціализировавшимся на изданіи книгъ для религіознаго и назидательнаго чтенія, и въ ряду его изданій эти два тома занимаютъ почетное мѣсто. Епископъ Виссаріонъ — одинъ изъ виднѣйшихъ нашихъ духовныхъ писателей; въ теченіе 30-ти лѣтъ онъ былъ редакторомъ-издателемъ журнала *Душеполезное Чтеніе* (1860 — 1889 гг.), и «Сборникъ для любителей духовнаго чтенія» составленъ именно изъ статей епископа Виссаріона, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ въ 60-хъ годахъ. Первое изданіе «Сборника» вышло въ 1884 году, въ память 25-лѣтняго юбилея журнала *Душеполезное Чтеніе*, и давно уже разошлось. Статьи, вошедшія въ составъ «Сборника», очень разнородны по содержанію: въ однѣхъ изъясняются различныя мѣста изъ Св. Писанія, богослужебныя изреченія, пѣснопѣнія и обряды, въ другихъ идетъ рѣчь о различныхъ предметахъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, въ третьихъ авторъ касается различныхъ, болѣе значительныхъ, событій современной жизни, церковной и гражданской; въ нѣкоторыхъ онъ затрогиваетъ наши общественные нравы; наконецъ, въ концѣ «Сборника» помѣщенъ историческій очеркъ «Времена иконоборства».

«О подражаніи Христу» Ѳомы Кемпійскаго—книга очень старая: она написана въ началѣ XV вѣка и съ тѣхъ поръ занимаетъ почетное мѣсто среди религіозно-назидательныхъ сочиненій. Авторъ ея—августинскій монахъ Ѳома, родомъ изъ деревни Кемпенъ (близъ Кельна), отъ которой онъ и получилъ прозвище Кемпійскаго, родился въ 1380 году и оставилъ послѣ себя множество сочиненій; одно изъ нихъ, именно «О подражаніи Христу», оказалось безсмертнымъ: имъ зачитывались любители нравственнаго чтенія въ средніе вѣка, его читаютъ и до сихъ поръ, и число изданій его надо считать не десятками и сотнями, а тысячами и десятками тысячъ. Въ изданіи г. Тузова эта книга вышла въ свѣтъ въ очень опрятной формѣ и притомъ по крайне дешевой цѣнѣ.

Программы чтенія для самообразованія. Изданіе отдѣла для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. СПБ. 1897. Цѣна 40 к.

Это—второе изданіе «программъ», о которыхъ говорилось въ свое время на страницахъ *Нивы*. Въ первомъ изданіи была помѣщена общая энциклопедическая программа чтенія по всѣмъ главнымъ наукамъ и двѣ программы спеціальныя (по русской исторіи и политической экономіи). Теперь энциклопедическая программа является въ переработанномъ видѣ и къ ней присоединены спеціальныя программы по всѣмъ наукамъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ энциклопедической программѣ, но зато опущены статьи (Карѣева, Корелина, Семевскаго и Сѣченова), которыя были приложены къ первому изданію. Вотъ перечень наукъ, по которымъ даются указанія: философія (исторія философіи, психологія, этика и логика), фи-

зика, химія, астрономія, физическая географія и геологія, ботаника, зоологія, анатомія и физіологія животныхъ, антропологія (съ языкознаніемъ), соціологія, юриспруденція и государствовѣдѣніе, политическая экономія, всеобщая и русская исторія и исторія всеобщей и русской литературы. Въ составленіи программъ и указаній на книги принимали участіе многіе академики, профессора и другіе ученые. Первое изданіе разошлось въ короткое время въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ, что указываетъ на существованіе въ обществѣ потребности, которой подобныя изданія удовлетворяютъ. Пожелаемъ и этому новому изданію успѣха. Цѣна книжки, заключающей въ себѣ до 300 страницъ, недорогая. Пользованіе ею облегчено алфавитнымъ указателемъ.

Gedichte von Iwan Ssáwitsch Nikitin. Uebertragungen von **Friedrich Fiedler.** (Стихотворенія Ивана Саввича Никитина. Переводъ Фридриха Фидлера) Universal-Bibliothek. Leipzig.

Erzählungen und Skizzen von **I. N. Potapenko.** Uebersetzung von **W. A. Christiani.** (Разсказы и очерки И. Н. Потапенко. Переводъ В. А. Христіани). Universal-Bibliothek. Leipzig.

Западная Европа давно уже обратила серьезное вниманіе на русскую литературу, и всюду за границей начали переводить сочиненія русскихъ поэтовъ и писателей, но особенно много такихъ переводовъ появилось въ Германіи, и одною лейпцигскою фирмою Ф. Реклама, издающею общедоступную по цѣнѣ «Всеобщую Библіотеку» («Universal-Bibliothek», по 20 пфениговъ за книжку), выпущено около сотни томиковъ русскихъ авторовъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Въ послѣднее время особенно хороши были переводы русскихъ поэтовъ, принадлежащіе перу г. Фидлера: переводчикъ легко владѣетъ стихомъ и, при прекрасномъ знаніи русскаго языка, обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ сохранять въ переводѣ форму подлинника, что особенно трудно при переводѣ народной поэзіи. Этими же качествами отличается и переводъ стихотвореній Никитина: хорошій стихъ, переведенный почти дословно и съ соблюденіемъ размѣра подлинника... Не въ укоръ г. Фидлеру, мы укажемъ только на одинъ его промахъ въ стихотвореніи «Пѣсня бобыля» (Lied des Habenichts, стр. 93): стихи: «Сторонись, богачи, бѣднота; гуляетъ», онъ перевелъ: «Reichtum, he, Platz gemacht,—Armut geht *spazieren*», передавъ «гулянье» бобыля въ смыслѣ «прогулки», а не «загула», кутежа. Эту же ошибку мы помнимъ въ переводѣ романа Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе», гдѣ маляръ объяснялъ слѣдователю на допросѣ, что онъ «загулялъ», въ переводѣ—«er hatte Lust spazieren zu gehen»... Ошибка фатальная!

Томикъ разсказовъ и очерковъ И. Н. Потапенко состоитъ изъ шести небольшихъ разсказовъ, которымъ предпосланы краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ. Переводъ сдѣланъ хорошо, погрѣшностей, въ родѣ указаннаго выше «загула—прогулки», не замѣчается, и читается книжка легко.

П. А. Сергѣенко. Безъ якоря. (Богиня Діана. Встрѣча съ Апемантомъ. Гриша. Самистъ.) М. 1896.

Почему этотъ сборникъ повѣстей и очерковъ талантливаго беллетриста названъ *Безъ якоря*, — сказать трудно. Если подъ якоремъ понимать то, что придаетъ человѣку устойчивость въ бурномъ житейскомъ плаваніи, то это заглавіе не подходитъ къ нѣкоторымъ вещамъ, помѣщеннымъ въ сборникѣ. И Апемантъ, и Самистъ имѣютъ надежный якорь: Апемантъ въ своемъ человѣконенавистничествѣ, Самистъ—въ своемъ животномъ эгоизмѣ. Если же подъ якоремъ разумѣть надежду, то съ заглавіемъ можно согласиться только въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно главные персонажи автора—люди, такъ сказать, отпѣтые съ нравственной точки зрѣнія, хотя нѣкоторые изъ нихъ въ жизни могутъ устроиться прекрасно. Словомъ, общее заглавіе придумано только для того, чтобы какъ-нибудь озаглавить сборникъ; но это ему не мѣшаетъ быть очень интереснымъ.

Въ краткой библіографической замѣткѣ нельзя исчерпать богатаго содержанія четырехъ беллетристическихъ вещей, изъ которыхъ одна — *Богиня Діана* — имѣетъ довольно обширные размѣры, и еще труднѣе коснуться многообразныхъ соображеній, на которыя наводитъ это содержаніе. Поэтому мы ограничимся только самымъ существеннымъ. Лучшими вещами намъ представляется набросокъ *Гриша* и повѣсть *Богиня Діана*. Что касается до *Самиста*, то это—современная и значительно облагороженная парафраза Лѣсковскаго Шерамура, то-есть русскаго, проживающаго въ Парижѣ и поставившаго себѣ верховнымъ закономъ слово «жрать», въ смыслѣ удовлетворенія низменныхъ потребностей человѣческой природы. Только у г. Сергѣенко этотъ современный Шерамуръ драпируется мантіею ученаго, много толкуетъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, хотя по существу ничѣмъ не отличается отъ типа, созданнаго Лѣсковымъ. Человѣконенавистничество Апеманта въ художественномъ отношеніи много теряетъ отъ того, что самъ Апемантъ остается лич-

ностью, очерченною въ психологическомъ отношеніи весьма неясно: мы не знаемъ ни его прошлаго, ни тѣхъ обстоятельствъ его жизни, которыя побуждаютъ его, гдѣ только можно, насолить ближнему; даже его общественное положеніе остается читателю неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ, читатель лишенъ возможности жить его жизнью и имѣетъ дѣло только съ болѣе или менѣе забавными дѣйствіями и изреченіями яраго человѣконенавистника, невольно возбуждающаго къ себѣ антипатію.

Гриша—это разсказъ о гимназистѣ, котораго отецъ подвергаетъ тѣлесному наказанію и этимъ доводитъ до самоубійства. Требуется большое художественное дарованіе, чтобы придать этому факту жизненность, такъ какъ розги только въ очень исключительныхъ случаяхъ приводятъ къ такому трагическому исходу. Что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ онѣ оказываютъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, весьма невыгодно отражаются на характерѣ дѣтей, это теперь, къ счастью, общераспространенное убѣжденіе. Но всякій изъ насъ знаетъ очень много случаевъ примѣненія этого варварскаго наказанія, а очень рѣдко кто видѣлъ такой роковой его исходъ. Поэтому разсказъ производитъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго, и не въ этой своей части онъ свидѣтельствуетъ о яркомъ беллетристическомъ талантѣ автора. Но что ему въ совершенствѣ удалось, такъ это изображеніе самой сцены наказанія. Намъ кажется, что даже человѣкъ, склонный признавать пользу розогъ, ужаснется при чтеніи очерка г. Сергѣенко. Отецъ Гриши—человѣкъ далеко не жестокій; онъ принадлежитъ къ числу самыхъ заурядныхъ людей и отличается отъ другихъ только болѣзненностью, нервнымъ разстройствомъ. Онъ воображаетъ, что надо во что бы то ни стало сломить упорство сына и разсудкомъ додумывается до тѣлеснаго наказанія. Но сынъ оказываетъ сопротивленіе, и это распаляетъ нервнаго отца. Происходитъ сцена до того отвратительная, что ее дочитать можно только съ душевнымъ содроганіемъ. Она тѣмъ болѣе поучительна, что уясняетъ намъ, какъ трудно палачу при этомъ варварскомъ наказаніи сохранить самообладаніе. Мы горячо рекомендуемъ всѣмъ, кто еще вѣритъ въ пользу этого воздѣйствія на юношество, прочитать мастерской разсказъ г. Сергѣенко.

Если не по силѣ впечатлѣнія, то по тщательности художественной отдѣлки, можно сопоставить съ нимъ и повѣсть *Богиня Діана*. Это—исторія молодой и красивой дѣвушки, мирно работающей въ управѣ провинціальнаго города, но, на ея несчастіе, производящей въ костюмѣ Діаны большое впечатлѣніе своею миловидностью. Успѣхъ кружитъ ей голову. Находятся обожатели, поклонники, въ томъ числѣ и довольно бездушный провинціальный Донъ-Жуанъ, и бѣдная богиня Діана лишается горячо любящаго ее жениха, утрачиваетъ свою нравственную чистоту и попадаетъ въ водоворотъ суетной жизни. Не трудно предвидѣть, чѣмъ она кончитъ. Всѣ отдѣльные фазисы ея постепеннаго паденія изображены чрезвычайно живо и ярко, и вся повѣсть, свидѣтельствуя о несомнѣнномъ дарованіи автора, служитъ внушительнымъ предостереженіемъ для дѣвушекъ, склонныхъ увлекаться своимъ миловиднымъ личикомъ и пустыми удовольствіями.

А. В. Кругловъ. Стихотворенія. Москва. 1897.

Это книжка стихотвореній настоящаго поэта. Всѣ, не забывшіе еще, что поэзія, по выраженію Гоголя, есть чистая исповѣдь души, и не успѣвшіе испортить свой вкусъ на патологическихъ «порожденіяхъ хотѣнія человѣческаго», съ несомнѣннымъ удовольствіемъ прочтутъ стихотворенія г. Круглова: каждое стихотвореніе въ сборникѣ—живая и правдивая страничка изъ душевной жизни человѣка, чуткаго ко всему разумному, доброму, вѣчному. Впечатлѣніе получается тѣмъ сильнѣе, что нигдѣ г. Кругловъ не становится на ходули, не старается обмануть читателя мишурнымъ блескомъ фразъ, не оскорбляетъ слуха нагою рѣзкостью выраженій, — онъ искрененъ и простъ, онъ разсказываетъ только то, что пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ. Въ наше время, когда большинство печатающихся стихотвореній представляетъ собою только дѣланныя риѳмы или дѣланныя строчки, когда даже и не лишенные таланта поэты представляютъ комичное зрѣлище, драпируясь въ модный плащъ символизма, плащъ красивый, но сидящій на нихъ, какъ костюмъ Фауста на апраксинцѣ,—пріятно убѣдиться въ томъ, что хоть немногими отступниками отъ моды ревниво оберегаются хорошіе завѣты хорошаго прошлаго. Воспѣвая «красу долинъ, небесъ и моря и ласки милой», г. Кругловъ не замыкается въ узкую сферу личныхъ чувствъ и настроеній, онъ не только чувствуетъ—онъ и мыслитъ образами. Это тоже не малое достоинство для нашего времени, превратившаго поэзію въ птичье щебетанье и совершенно упустившаго изъ виду, что поэтъ долженъ пробуждать лирой *добрыя* чувства и быть *полезнымъ* живою прелестью стиховъ. Стоитъ только прочесть такія стихотворенія, какъ «Мечтателю», «Молодые всходы», «Навстрѣчу», «Космополиту», «Я рабство мысли не-

навижу», «О, не спѣши меня сурово обвинять», «Обманчиво невѣдомое море», чтобы признать за г. Кругловымъ право на самое серьезное и сочувственное вниманіе читающей публики. Съ своей стороны мы желаемъ стихотвореніямъ г. Круглова самаго широкаго распространенія.

Ал. Будищевъ. Степные волки. Разсказы. СПБ. 1897. Цѣна 1 руб.

Въ послѣднемъ рождественскомъ номерѣ нашего журнала былъ напечатанъ, между прочимъ, святочный разсказъ г. Будищева; при сильномъ фантастическомъ элементѣ, разсказъ этотъ трогаетъ читателя искренностью и теплотою. Въ книжкѣ разсказовъ г. Будищева, вышедшей подъ общимъ заглавіемъ «Степные волки», мы находимъ другой святочный разсказъ «Воронъ», и онъ, также не лишенный отчасти фантастической струйки, опять подкупаетъ читателя тою же теплотою и искренностью. Перелистываемъ книжку, знакомимся съ содержаніемъ включенныхъ въ нее 20-ти разсказовъ: убійство... убійство... сумасшествіе... еще убійство, и еще убійство... снова сумасшествіе... и опять убійство и т. д., и т. д. Въ небольшой книжкѣ, въ числѣ 20 разсказовъ, семь говорятъ объ убійствѣ и четыре—о сумасшествіи,—умалчиваемъ уже о трехъ очеркахъ, рисующихъ насиліе. И всѣ эти ужасы вылились изъ-подъ того же пера, которому принадлежатъ упомянутые выше трогательные, теплые святочные разсказы?.. Статочное ли это дѣло?..

Г. Будищевъ ищетъ оригинальности, — и это слабая сторона его разсказовъ. Простые сюжеты какъ будто кажутся ему недостойными вниманія писателя,—нужно подогнать все подъ необычайную развязку, и для этого авторъ выдвигаетъ на сцену ножъ, револьверъ, безуміе... Читая такіе разсказы, чувствуешь невольное сожалѣніе къ автору, насилующему свой талантъ, а дарованіе у г. Будищева безспорно есть. Даже изъ числа разсказовъ, заканчивающихся убійствомъ или сумасшествіемъ, найдутся вещицы, на которыхъ останавливаешься съ отрадой: таковы, напримѣръ, «Мишенька Разуваевъ», «Воронъ» и особенно «Лгунья», прекрасно рисующая образъ маньяка. Но, если большинство такихъ разсказовъ отдаетъ фальшью, зато на остальныхъ можно иногда положительно отдохнуть. Большинство разсказовъ г. Будищева взято изъ жизни деревни, и деревенская природа рисуется авторомъ умѣло, съ тою художественною правдой, которая одна можетъ вдохнуть жизнь въ изображеніе этой природы. Повторяемъ, дарованіе у г. Будищева есть, ему остается только проститься съ различными вывертами, этою пагубою для художника, и писать проще, не придумывая неестественныхъ развязокъ, не стращая читателя различными выдуманными ужасами.

Списокъ книгъ, доставленныхъ въ редакцію для отзыва:

Акинфьевъ, И. Я. Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи. Систематика растеній Россіи. Екатеринославъ. 1896. Ц. 30. к.

Астаховъ, И. Элементарные уроки русскаго правописанія. Борисоглѣбскъ. 1894. Ц. 45 к.

Бобровницкій, И., свящ. Существенныя черты православнаго нравоученія. Опытъ курса VIII кл. гимназій. Елизаветградъ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Быховскій, В. В. Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія. М. 1897. Ц. 30 к.

Вагнеръ, К. Молодое поколѣніе. Перев. **С. Леонтьевой.** СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Везенковъ. Награды, отличія, пенсіи и призрѣніе нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія. М. 1897. Ц. 35 к., съ перес. 40 к.

Вормсъ, Р. Общественный организмъ. Перев. подъ ред. проф. **А. Трачевскаго.** Изд. **Ф. Павленкова.** СПБ. 1897. Ц. 75 к.

Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь. Изд. 2-е. М. 1896. Ц. 1 р.

Годлевскій, О. Ф. Э. Ренанъ. Его жизнь и научно-литературная дѣятельность. Изд. **Ф. Павленкова.** СПБ. 1897. Ц. 25 к.

Горовая. Гигіеническіе очерки. I. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній. СПБ. 1897. Ц. 80 коп.

Дементьевъ, П. М. Фотографическій ежегодникъ на 1897 г. СПБ. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ. Томъ I. Изд. **Ф. Павленкова.** СПБ. 1897. Ц. кажд. тома 1 р. 50 к.

Дрентельнъ, Е. Не слишкомъ ли много мы лѣчимъ нашихъ дѣтей? Харьковъ. 1896. Ц. 20 к.

Киддъ, В. Соціальное развитіе. Съ предисл. **проф. Вейсмана.** Перев. **М. Чепинской.** Изд. **Ф. Павленкова.** СПБ. 1897. Ц. 75 к.

Классенъ, В. Я. Ф. Лассаль. Его жизнь, научные труды и общественная дѣятельность. Изд. **Ф. Павленкова.** СПБ. 1897. Ц. 25 к.

Кугушевъ, А. П., князь. Стихотворенія. М. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Перев. съ франц. Изд. ред. журн. „Образованіе". СПБ. 1897. Ц. 75 к.

Мисль-Рустемъ. Персія при Насръ-Эдинъ-Шахѣ, съ 1882 по 1888 г. Очерки въ разсказахъ. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Монюшко, К. П. Нѣсколько стихотвореній. СПБ. 1897. Ц. 20 к.

Nietzki, R. Химія органическихъ красящихъ веществъ, съ приложеніемъ таблицъ Шульца и Юліуса. Перев. съ нѣм. **В. Шапошниковъ и В. Оглоблинъ.** СПБ. 1896. Ц. 4 р.

Образцовъ, А. Просвѣтительные завѣты Я. А. Коменскаго и ихъ современное значеніе. СПБ. 1896. Ц. 40 к.

Панченко, В. К., д-ръ. Въ ожиданіи чумы. (Насколько чума неопасна въ настоящее время). СПБ. 1897. Ц. 15 к.

Потапенко. И. Н. Повѣсти и разсказы. Т. XI. Изд. **Ф. Павленкова.** СПБ. Ц. 1 р.

Прессъ, Аркадій. Сказки и разсказы. СПБ. 1897. Ц. 50 к.

Пюшъ, Эме. Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Перев. съ франц. **А. А. Измайлова.** Изд. И. А. Тузова. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Сабатье, А. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Перев. **В. Обреимовъ.** СПБ. 1897. Ц. 60 к.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. Изд. **Ф. Павленкова.** СПБ. 1897. Ц. 2 р.

Тавастшерна, К. Мать и сынъ. Романъ изъ жизни финскихъ крестьянъ. Перев. со шведск. **В. Фирсова.** СПБ. 1897. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Флексигъ, П. Мозгъ и душа. Пер. съ нѣм. **Н. Березина.** Изд. ред. журн. „Образованіе". СПБ. 1897. Ц. 40 к.

Фрейсинэ, Ш. Очерки по философіи математики. Перев. съ франц. **В. Обреимова.** Изд. ред. журн. „Образованіе". СПБ. 1897. Ц. 60 к.

Фуртье, Г. Волшебный фонарь. Туманныя картины и научная проекція. Перев. **А. Д. Мина** и **Н. Н. Топальскаго.** Съ прилож. статьи А. Д. Мина: „Проекціи живыхъ фотографій". СПБ. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Цейсъ, Э., проф. въ Готѣ. Государственный строй швейцарскаго союза. Одесса. 1897. Ц. 25 к.

Щегловъ, Ив. Веселый театръ. I. Одноактныя шутки. II. Въ горахъ Кавказа. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. 2 р.

Альбомъ участниковъ всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижн.-Новгородѣ въ 1896 г. Изд. А. С. Шустова. СПБ.

Наше хозяйство. Ежемѣс. сельскохозяйств. журналъ. Годъ I. Январь и февраль (№№ 1 и 2) 1897 г. Изд.-ред. А. И. Осиповъ. СПБ. Подп. цѣна 2 р. въ годъ.

Описаніе путешествія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы по Россіи и за границей. Изд. С. Ахшарумова и Н. Лапицкаго. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 60 к.

СМѢСЬ.

Танцующія птицы. Въ сѣверной гористой части Ю. Америки есть птица,—такъ-называемый каменный пѣтухъ,—которая во время спариванія пріобрѣтаетъ любовь самки не блестящимъ опереньемъ, не мелодичнымъ голосомъ, но танцовальнымъ искусствомъ. Каменный пѣтухъ очень красивая птица, ростомъ съ молодую курицу; его кроваво-красныя перья переходятъ въ хвостѣ въ коричневыя съ желтыми крапинками; на головѣ большой красный хохолокъ, который птица, по желанію, распускаетъ и собираетъ. Зато голосъ у него—отвратительное хриплое кудахтанье, а походка неуклюжая, въ перевалку. Но когда наступаетъ время спариванія, тяжелая птица пріобрѣтаетъ несвойственную ей ловкость и грацію. Отъ семи до десяти самцовъ выискиваютъ въ лѣсу укромное мѣстечко, по возможности ровное и гладкое, тщательно очищаютъ его отъ камешковъ, вѣточекъ, сухихъ древесныхъ листьевъ, утаптываютъ землю, и танцовальный залъ, по всѣмъ правиламъ искусства, готовъ. Тогда они крикомъ сзываютъ самокъ, которыя разсаживаются по краямъ арены, и вотъ домогающіеся ихъ вниманія самцы начинаютъ одинъ за другимъ выполнять на глазахъ красавицъ курьезную пляску: они гордо раздуваютъ грудь и дѣлаютъ забавные прыжки, распускаютъ хвостъ, крылья и хохолъ, отвѣшиваютъ другъ другу поклоны и скачутъ до полнаго изнеможенія. Послѣ того какъ всѣ самцы, по очереди, показали свое искусство, каждая самка выбираетъ себѣ того, который показался ей лучшимъ танцоромъ, и счастливыя парочки, вперевалку, отправляются устраивать себѣ гнѣзда.

Давленіе растущихъ частей растенія на окружающую среду. Развитіе растенія было бы очень стѣснено или даже невозможно, если бы растительныя ткани не обладали способностью преодолѣвать сопротивленіе окружающей среды, заставляя ее давать мѣсто развивающимся частямъ растенія. Препятствія, представляющіяся растеніямъ, почти всегда очень значительны, соотвѣтственно чему даже нѣжныя, повидимому, растительныя формы развиваютъ чрезвычайно значительную силу давленія. Это явленіе замѣчается уже въ низшемъ растительномъ мірѣ. Если положить группу мховъ «печеночниковъ» въ насыщенномъ парами мѣстѣ на нѣсколько слоевъ влажной пропускной бумаги, то корневидные ростцы ихъ уже черезъ два дня прорастутъ сквозь подстилку. Такъ какъ волокнистая ткань пропускной бумаги отличается большою плотностью, то ростцы мха не могутъ проложить себѣ путь сквозь крошечныя ея поры; онѣ должны пробить самую ткань, для чего требуется уже относительно большое напряженіе силы.

Шляпки лѣсныхъ грибовъ, съ ихъ мягкой, легко раздавливающейся массой, повидимому, исключаютъ возможность всякаго предположенія о силѣ А между тѣмъ на нихъ нерѣдко можно видѣть довольно большіе комочки земли, приподнятые во время роста грибовъ.

Не разъ уже замѣчалось, что шампиньоны опрокидывали тяжелые цвѣточные горшки, встрѣчавшіеся на ихъ пути во время роста; извѣстенъ даже случай, когда растущіе грибы подняли и сдвинули съ мѣста камень, вѣсомъ въ 160 килограммовъ.

Точно такъ же и большія сѣмена, прорастая, нерѣдко приподнимаютъ довольно большіе комы земли и съ ними камни. Въ лѣсонасажденіяхъ Германіи, гдѣ посѣяны жолуди дуба и бука, земля производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто ее взрыли мыши. Бобы и горохъ, пуская ростки, также разрыхляютъ почву; бобы, помѣщенные въ воду, налитую поверхъ ртути, пускаютъ свои корешки даже въ ртуть.

Особенно высокую силу давленія развиваетъ полевой пырей, извѣстный за сорную траву. Его побѣги пробуравливаютъ не только корни старыхъ истлѣвшихъ деревьевъ, но и корни деревьевъ молодыхъ, сильныхъ. Побѣги полевого пырея иногда прорастаютъ сквозь картофельные клубни; опытъ показалъ даже, что они могутъ проникать сквозь пластинки листового олова.

Въ лѣсныхъ участкахъ, расчищенныхъ подъ пашню, часто можно видѣть на по-

верхности древесныхъ пней зеленѣющіе кустики брусники и черники. Обыкновенно предполагается, что сѣмена этихъ растеній занесены вѣтромъ на древесные пни, въ вывѣтрившіяся разсѣлины которыхъ они пускаютъ корни, и здѣсь продолжаютъ развиваться. Это воззрѣніе неправильно: по словамъ Кернера, когда раскалывали такой древесный пень, всегда оказывалось, что кустики выросли не *на немъ*, но *изъ него*, т. е. кусты, росшіе вокругъ полуистлѣвшаго пня, пускали нѣкоторые побѣги въ его нижнюю часть; побѣги эти, пробираясь вверхъ, сквозь гнилую древесину, выходили, наконецъ, на свѣтъ Божій и на срубѣ пня развивались въ настоящіе кусты. Для проложенія этого пути нужно значительное давленіе на окружающую древесную массу.

Силу сопротивленія тыквы не разъ пытались опредѣлить путемъ опыта. По словамъ Кларка, на молодой плодъ тыквы постепенно накладывали все бо̀льшія и бо̀льшія тяжести, доходившія до 4,000 фунтовъ, причемъ ростъ плода не могъ быть совершенно остановленъ.

Еще значительнѣе, какъ показываютъ многочисленныя наблюденія, сила, которою располагаютъ деревья. Примѣръ такой силы приводитъ профессоръ Кернеръ. Въ одной маленькой лѣсной долинѣ Тироля онъ увидѣлъ лиственницу, росшую на каменной глыбѣ, вышиной въ два метра. По ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что дерево, въ свое время расположившись на камнѣ, втиснуло самый крѣпкій изъ своихъ корней въ узкую поперечную трещину камня. По мѣрѣ постепеннаго утолщенія корня, трещина все болѣе и болѣе раздвигалась, такъ что, наконецъ, верхняя половина каменной глыбы была отдѣлена отъ нижней и поднята на 30 сантиметровъ вверхъ. По приблизительному расчету, вѣсъ поднятой части равнялся, по крайней мѣрѣ, 1,400 килограммамъ, между тѣмъ какъ корень, могшій поднять эту тяжесть, въ самомъ толстомъ мѣстѣ имѣлъ только 30 сантиметровъ въ поперечникѣ. Значительное напряженіе силы могутъ оказывать и болѣе слабые виды деревьевъ. Тотъ же Кларкъ упоминаетъ объ орѣшникѣ, случайно выросшемъ въ отверстіи лежавшаго на землѣ стараго мельничнаго жернова. Съ теченіемъ времени отверстіе совершенно заполнилось стволомъ, и кончилось тѣмъ, что дерево приподняло жерновъ на нѣсколько футовъ надъ землею.

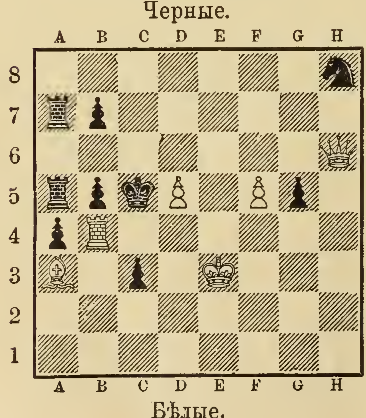
ШАХМАТЫ

подъ редакц. Э. С. Шифферса.

Задача №. 14.

К. Эрлинъ (Вѣна).

Черные.



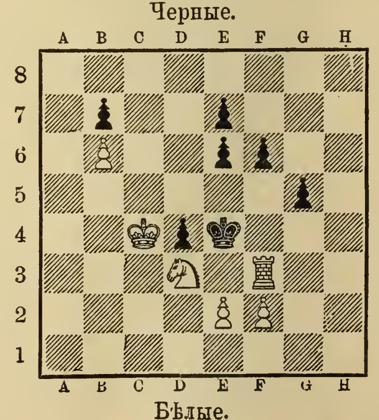
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача №. 15.

A. v. Spóner (Gross-Jomnicz).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 16. **М. Морозенскаго въ Кишиневѣ.**

Бѣлые: ♔ a5 ♗ e8 ♘ d7, e2 ♙ c2.

Черные: ♚ c4 ♜ e6 ♞ d5 ♟ a6, c5, e3.

Матъ въ 2 хода.

Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

Курсъ дебютовъ.

КОРОЛЕВСКІЙ ГАМБИТЪ.

1. e2—e4, e7—e5; 2. f2—f4.

Эта пѣшка отдается съ тѣмъ, чтобы послѣ e5 : f4 занять центръ (d2—d4) и, нападая на черную пѣшку f4 (гамбитную пѣшку), пріобрѣсти атаку.

Если на 2. f2—f4, черные отвѣтятъ 2. ... e5 : f4, то получится принятый Королевскій гамбитъ; если же черные не возьмутъ на 2-мъ ходѣ пѣшку f4, а сдѣлаютъ какой-нибудь ходъ для развитія игры, то получится отказанный королевскій гамбитъ.

Отказанный королевскій гамбитъ.

Если черные не хотятъ принять гамбита, то они лучше всего играютъ:

I. 2. . . . С. f8 — c5 или
II. 2. . . . d7 — d5

I.

1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	f2 — f4	С. f8 — c5
3.	К. g1 — f3!	d7 — d6
4.	С. f1 — c4(A, B)	К. g8 — f6

Нехорошо 4. ... С. g4, по причинѣ 5. fe, de; 6. С : f7+ и т. д. или 5. ... К. c6; 6. ed, Ф : d6; 7. С : f7+, Кр. e7!; 8. С : g8, Л : g8; 9. d3, К. e5 (К. d4; 10. К : d4!); 10. С. f4 или С. g5+ къ выгодѣ бѣлыхъ.

5.	f4 : e5(a,b,c)	d6 : e5
6.	d2 — d4	e5 : d4
7.	0 — 0	. . .

Если 7. К. g5, то 0—0; 8. 0—0, Ф. e7!

7.	. . .	0 — 0
8.	С. c1 — g5	h7 — h6
9.	С. g5 — h4	g7 — g5
10.	К. f3 : g5	h6 : g5
11.	С. h4 : g5	С. c5 — e7
	∞	+

a

5.	d2 — d3	0 — 0 (1.2.)
6.	К. b1 — c3	К. f6 — g4
7.	Л. h1 — f1	К. g4 : h2
8.	Л. f1 — h1	К. h2 — g4
9.	Ф. e1 — e2	С. c5 — f2+
10.	Кр. e1 — f1	К. b8 — c6
11.	f4 — f5	С. f2 — c5
12.	К. f3 — g5	К. g4 — h6
13.	Ф. e2 — h5	Ф. d8 — e8
14.	К. g5 : h7	Кр. g8 : h7
15.	С. c1 : h6	g7 — g6
16.	Ф. h5 : g6+	f7 : g6
17.	С. h6 : f8≠.	

(Партія Нейманъ-Дюфрень).

1.

5.	. . .	К. b8 — c6
6.	К. b1 — c3	. . .

Или 6. c3, 0—0; 7. С. b3, С. g4; 8. f5, d5; 9. h3, С : f3; 10. Ф : f3, de, 11. dc, Ф. d6; 12. С. e3=.

6.	. . .	К. f6 — g4
7.	Ф. d1 — e2	С. c5 — f2+
8.	Кр. e1 — f1	С. f2 — b6
9.	h2 — h3	К. g4 — f6
10.	f4 — f5	h7 — h5
11.	С. c1 — g5	К. c6 — e7
12.	Л. a1 — d1	c7 — c5
13.	Кр. f1 — f2	a7 — a6
14.	g2 — g4	С. c8 — d7
15.	С. g5 — h4	h5 : g4
16.	h3 : g4	К. h6 : g4
17.	Кр. f2 — g3	К. g4 — h6
18.	С. h4 — g5	f7 — f5
19.	С. g5 : h6	∞
	+	

2.

5.	. . .	С. c8 — g4
6.	c2 — c3	К. b8 — c6
7.	Ф. d1 — e2	Ф. d8 — e7
8.	С. c1 — e3	С. c5 : e3
9.	Ф. e2 : e3	e5 : f4
10.	Ф. e3 : f4	С. g4 : f3
11.	Ф. f4 : f3	∞
	—	—

b.

5.	d2 — d4	e5 : d4
6.	e4 — e5	d6 : e5
7.	f4 : e5	К. f6 — d5
8.	0 — 0	С. c8 — e6
9.	К. f3 — g5	Ф. d8 — d7

Если 9. ... 0—0, то 10. Ф. h5, h6; 11. К. e4, С. e7; 12. С : h6, къ выгодѣ бѣлыхъ.

10.	Ф. d1 — f3	К. b8 — c6
11.	Ф. f3 — g3	0—0—0
12.	К. b1 — d2	h7 — h6
13.	К. g5 — e4	С. c5 — b6
14.	К. d2 — b3	g7 — g5
15.	Кр. g1 — h1	К. c6 — b4
16.	С. c1 — d2	Ф. d7 — c6
	∞	+

c.

5.	b2 — b4	С. c5 : b4
6.	c2 — c3	С. b4 — c5
7.	f4 : e5	К. f6 : e4
8.	Ф. d1 — a4+	К. b8 — d7

Если 8. ... К. c6, то 9. С. d5!

9.	С. c4 : f7+	Кр. e8 : f7
10.	Ф. a4 : e4	Л. h8 — e8
11.	d2 — d4	К. d7 — f6
12.	Ф. e4 — c2	С. c5 — b6
13.	0 — 0	d6 : e5
14.	К. f3 — g5+	Кр. f7 — g8
15.	С. c1 — a3	С. b6 : d4+
16.	Кр. g1 — h1	С. c8 — e6

17.	Л. f1 : f6	e5 — e4
18.	Л. f6 : e6	. . .

Если 18. Ф : e4, то С. f5!

18.	. . .	Ф. d8 : g5
19.	Л. e6 : e8+	∞
	+	—

A.

4.	c2 — c3	К. g8 — f6(a)
5.	d2 — d4	. . .

Или 5. d2—d3.

5.	. . .	e5 : d4
6.	c3 : d4	С. c5 — b6

Это лучше чѣмъ С. b4+.

7.	С. f1 — d3	0 — 0
8.	0 — 0	К. b8 — c6
9.	С. c1 — e3	К. f6 — g4
10.	Ф. d1 — d2	Ф. d8 — e7
	—	—

a.

4.	. . .	С. c8 — g4
5.	С. f1 — e2!	С. g4 : f3

Если 5. . . . К. c6, то 6. К : e5, С : e2; 7. К : c6, Ф. h4+; 8. Кр : e2, Ф. f2+; 9. Кр. d3, bc; 10. Ф : f3 и бѣлые завоевали пѣшку.

6.	С. e2 : f3	К. b8 — c6

Здѣсь можно и Ф. f6.

7.	b2 — b4	С. c5 — b6
8.	b4 — b5	. . .

Или 8. a4, a6;=.

8.	. . .	К. c6 — e7

Если 8. . . . К. a5, то 9. d3!

9.	d2 — d4	e5 : d4

Или ef; 10. С : f4, К. g6; 11. С. e3, К. f6=.

10.	c3 : d4	a7 — a6
	—	—

B.

4.	К. b1 — c3	К. g8 — f6
5.	С. f1 — c4	К. b8 — c6
6.	d2 — d3	С. c8 — g4
7.	h2 — h3	С. g4 : f3
8.	Ф. d1 : f3	К. c6 — d4
9.	Ф. f3 — g3	. . .

Эта комбинація въ подобномъ положеніи впервые была сдѣлана Блэкберномъ противъ Андерсена. Далѣе въ варіантѣ мы заимствуемъ ходы изъ партіи **Чигоринъ—Пильсбери** (Гастингсъ 1895 г.)

9.	. . .	К. d4 : c2+
10.	Кр. e1 — d1	К. c2 : a1
11.	Ф. g3 : g7	Кр. e8 — d7
12.	f4 : e5	d6 : e5
13.	Л. h1 — f1	С. c5 — e7
14.	Ф. g7 : f7	Кр. d7 — c8
15.	С. c1 — g5	Л. h8 — f8
16.	Ф. f7 — e6+	Кр. c8 — b8
17.	С. g5 — h6	Л. f8 — e8
18.	Ф. e6 : e5	К. f6 — d7
19.	Ф. e5 — h5!	К. d7 — b6

20. С. c4 — d5! и бѣлые выиграли на 51 ходу.

(Продолженіе будетъ).

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Вторая партія матча.

(Играна 30 октября 1896 г.).

	Э. Ласкеръ.	В. Стейницъ.
	Бѣлые.	Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
3.	С. f1 — b5	С. f8 — c5
4.	c2 — c3	К. g8 — e7

Въ прежнихъ подобныхъ партіяхъ Стейницъ продолжалъ 4. . . Ф. f6. Въ Нюрнбергѣ онъ игралъ 4. . . К. f6. Ходъ въ партіи (К. g8—e7) встрѣчается въ руководствѣ Дюфреня.

5.	0 — 0	К. e7 — g6

Если 5 . . . 0—0, то 6. d4, ed; 7. cd, С. b6; 8. d5, К. b8; 9. d6, cd; 10. С. f4 и партія черныхъ очень стѣснена.

6.	d2 — d4	e5 : d4
7.	c3 : d4	С. c5 — b6
8.	К. b1 — c3	0 — 0
9.	a2 — a4	a7 — a6

Грозило С : c6 и a4—a5.

10.	С. b5 — c4	h7 — h6
11.	h2 — h3	d7 — d6
12.	С. c1 — e3	К. c6 — e7
13.	Л. f1 — e1	c7 — c6
14.	Ф. d1 — b3	. . .

Этотъ ходъ препятствуетъ Кр. h8 и f7—f5, а также ходу d6—d5.

14.	. . .	С. b6 — c7
15.	К. f3 — d2	Л. a8 — b8
16.	Л. a1 — c1	b7 — b5
17.	a4 : b5	a6 : b5
18.	С. c4 — d3	Кр. g8 — h8
19.	К. c3 — e2	. . .

На 19. d4—d5, могло послѣдовать 19 . . . b4; 20. К. e2, c5.

19.	. . .	f7 — f5
20.	e4 : f5	С. c8 : f5
21.	С. d3 : f5	Л. f8 : f5
22.	К. e2 — g3	Л. f5 — f8
23.	Ф. b3 — e6	Ф. d8 — c8
24.	Ф. e6 : c8	Л. f8 : c8
25.	К. d2 — b3	Кр. h8 — g8

Король отправляется на ферзевой флангъ для защиты и поддержки пѣшекъ.

26.	К. g3 — e4	Кр. g8 — f7
27.	g2 — g3	Кр. f7 — e8
28.	Л. e1 — e2	Кр. e8 — d7
29.	Л. c1 — e1	С. c7 — b6
30.	С. e3 — f4	С. b6 — c7?

Если 30 . . . К : f4, то 31. К. f6+ и бѣлые выигрываютъ.

Чернымъ, по мнѣнію одного коментатора, слѣдовало здѣсь играть: 30 . . . К. e7—f5!, напр.: 31. С : d6, К : d6; 32. К. e4—c5+, С : c5; 33. К : c5+, Кр. c7; 34. К. a6+, Кр. d7; 35. К. c5+, Кр. c7!; 36. К. a6+ и т. д. ничья. (Ласкеръ же полагаетъ, что онъ выигралъ бы партію послѣ 35. К : b8+; Л : b8; 36. Л. e6 и т. д.) Или 30 . . . К. f5; 31. С : d6, К : d6; 32. К : d6. Кр : d6; 33. Л. e6+, Кр. d5; 34. Л : g6, Л. c7; 35. Л. g4 или 35. Л. d1 и въ виду слабости пѣшки d4, черные имѣютъ шансы на ничью.

31.	h3 — h4	h6 — h5
32.	С. f4 — g5	С. c7 — d8
33.	g3 — g4	h5 : g4
34.	h4 — h5	К. g6 — f8
35.	К. e4 — c5+	d6 : c5
36.	К. b3 : c5+	Кр. d7 — d6

Бѣлые даютъ матъ въ 5 ходовъ: 37. С. g5—f4+, Кр. d6—d5; 38. Л. e5+, Кр. c4; 39. Л. c1+, Кр : d4; 40. К. b3+, Кр. d3; 41. Л. c3 (e3)≠. Еще красивѣе: 40. Л. e4+, Кр. d5; 41. Л. d1+, Кр : c5; 42. С. e3≠.

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Пятая партія матча.
(Играна въ Вѣнѣ 8/20 ноября 1896 г.)

Д. Яновскій. — С. Винаверъ.
Бѣлые. — Черные.

1. e2 — e4 | e7 — e5
2. К. g1 — f3 | К. b8 — c6
3. С. f1 — b5 | К. g8 — f6
4. Ф. d1 — e2 | . . .

Такъ игралъ Чигоринъ противъ Тарраша въ Буда-Пештѣ. Продолженіе было 4. . . . d7—d6; 5. d2—d4, ed (лучше С. d7); 6. e5!, d3!; 7. cd, de; 8. К : e5, С. b4+ и затѣмъ 0—0 (бѣлые выиграли).

4. . . . | С. f8 — e7
5. 0 — 0 | . . .

Если 5. С : c6, dc; 6. К : e5, Ф. d4 и т. д.

5. . . . | d7 — d6
6. d2 — d4 | e5 : d4
7. К. f3 : d4 | С. c8 — d7
8. К. d4 : c6 | b7 : c6
9. С. b5 — d3 | 0 — 0
10. К. b1 — c3 | Л. f8 — e8
11. С. c1 — g5 | Ф. d8 — b8?

Лучше было 11. . . . Л. b8, 12. Л. ab1, К. d5! и т. д.

12. Л. a1 — b1 | c6 — c5
13. f2 — f4 | c7 — c6
14. e4 — e5 | К. f6 — d5
15. К. c3 : d5 | c6 : d5
16. e5 — e6! | С. d7 : e6

Если 16. . . . С : g5, то 17. ef+, Кр : f7; 18. fg+, Кр. g8; 19. Ф. h5 и выигрываютъ; а если 16. . . . fe, то 17. Ф. h5, h6; 18. Ф. g6 и т. д.

17. С. g5 : e7 | c5 — c4

На 17. . . Л : e7, послѣдовало бы 18. Ф. h5, g6; 19. Ф. g5 и затѣмъ f4—f5 и т. д.

18. С. d3 : h7+ | Кр. g8 : h7
19. Ф. e2 — h5+ | Кр. h7 — g8
20. С. e7 — h4! | f7 — f5

Необходимо; иначе f4—f5 и т. д.

21. С. h4 — f2! | Ф. b8 — c7
22. С. f2 — d4! | Ф. c7 — f7
23. Ф. h5 — g5 | Л. a8 — b8
24. Л. f1 — f3 | Ф. b8 — b7
25. Л. f3 — g3 | Ф. f7 — f8

Грозило С : g7, Ф : g7; Ф. f6 и т. д.

26. Л. b1 — e1 | Л. b7 — f7
27. Л. g3 — h3 | С. e6 — d7
28. Л. e1 : e8 | Ф. f8 : e8
29. Ф. g5 — h4 | Кр. g8 — f8
30. Ф. h4 — h8+ | Сдался.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ № 1 Литературн. Прилож. „Нивы“ за Январь 1897 г.

Задача № 1. О. Немо и д-ръ Ф. Шиндлеръ. Мать въ 3 хода.
1. Кр. f3—g4, Кр : e4, 2. С. f4, ∞; 3. f3 ⧺.
1. . . . ., Кр. f6; 2. С. d4+ и 3. С. f5 ⧺.
1. . . . ., Кр∞; 2. Л. e7, ∞; 3. С ⧺.

Задача № 2. О. Вюрцбургъ. Мать въ 3 хода.
1. С. g1—a7, h2; 2. Л. b6, Кр. g1; 3. Л. b1 ⧺.
1. . . . ., Кр. h2; 2. Л. h6 и 3. Л ⧺.

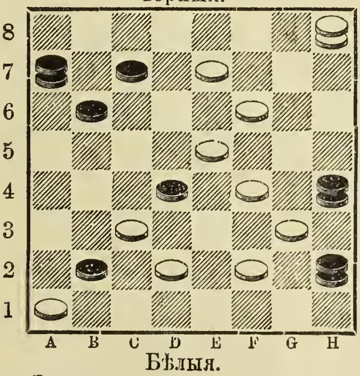
Правильныя рѣшенія прислали (обѣихъ задачъ): Н. С. Даржанъ, „Подписчикъ съ Охты“ (СПБ.); Н. Ф. Бончковскій, Г. А. Алчевскій (Москва); М. Морозенскій, М. Городецкій (Кишиневъ); В. Николаевъ (Варшава); С. В. Трембицкій (Смол. г.); А. Кличиянъ (Рущукъ); Г. Утробинъ (Вятка); П. Ѳ. Хомутовъ (Кинешма); В. В. Мищенко (СПБ): А. И. Богородицкій (Старобѣльскъ); Г. Томанъ (Уфа); С. С. Гро-Гверанъ, К. Неліусъ (Штрпккенъ), Эсфирь М. Пальма (№ 63); (Одесса); Н. Спекторскій (Двинскъ); (№ 1)—Н. Д. (Кинешма); А. В. Чижевскій (Вязьма); Ю. Е. Щ. (Самар. г.); Г. Томанъ (Уфа). (№ 2)—Н. Д. (Кинешма); Н. Безакъ (Псковъ); А. Марцинковская (с. Грудъ, Сѣдл. г.); М. Корфъ (Переяславъ); И. И. Любомирскій (Шлиссельбургъ); Г. Томанъ (Уфа); И. Сарафанниковъ (СПБ.).

ШАШКИ.

Задача №. 17.

А. С. Егоровъ (СПБ.).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Задача №. 18.

А. И. Шошинъ (СПБ.).

(Изъ „Шахматн. журн.“ за 1896 г.)

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ № 1 Литературн. Прилож. „Нивы“ за Январь 1897 г.

Задача № 3. А. П. Кирилловъ (Москва). Запереть дамку и двѣ простыя.
1. g7—f8; 2. a1—b2; 3. d2—h6; 4. c1—b2; 5. f8 : g3; 6. h6 : d2.

Задача № 4. А. К. Мишинъ (Б. Верейка, Ворон. губ.) Запереть дамку и простую.
1. f6—g7; 2. d4—c5; 3. h8 : a1; 4. a5 : c7; 5. e1—d2; 6. d2 : h6; 7. a5—c3; 8. c3—e1. Или b8—a7; 5. a1—f6; 6. e1 : a5; 7. a5—e1; 8. f6—h4.

Правильныя рѣшенія прислали: С. И. Карасевъ (Саратовъ); А. И. Маркинъ (Москва); И. И. Труневъ (СПБ.); И. Конопелкинъ (Кіевъ); А. В. Михальскій (Гродно); П. П. Булыгинъ (Юрьевъ Польскій); К. И. Фанталовъ (Муромъ); П. Ѳ. Б—ти (Бердянскъ); А. Я. Капустинъ (Москва); С. В. Трембицкій (Гродно); П. К. Толоконниковъ (Краснослободскъ). В. Волховскій (Полт. г.); А. Г. Зинченковъ (Одесса); К. Харьковскій (Орелъ); С. І. Цалкинъ (Азовъ).

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

подъ редакціей **Ю. О. Г.**

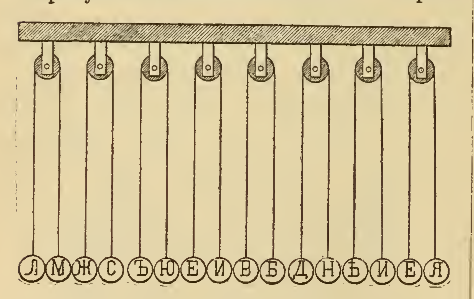
Задача созвѣздіе № 19.

Нарисовать контуръ фигуры, означающей созвѣздіе.

Задача блоковъ № 20.

Н. В. П.

Требуется измѣнить положеніе шаровъ



на блокахъ, расположивъ ихъ по четыре въ рядъ, но такъ, чтобы буквы, поставленныя на нихъ, дали пословицу.

Задача № 21.

Въ 12 часовъ часовыя стрѣлки стоятъ одна надъ другою. Спрашивается, сколько еще разъ въ теченіе 12 часовъ, и въ какое именно время находятся онѣ въ такомъ же положеніи?

Алгебраическая задача №. 22.

Найти шесть буквъ при условіи, что если ихъ замѣнить числами, соотвѣтственно занимаемымъ ими мѣстамъ въ русскомъ алфавитѣ, то между этими числами можно замѣтить слѣдующія соотношенія:

1) Сумма первыхъ двухъ чиселъ равна суммѣ чиселъ третьяго и шестого.

2) Отношеніе второго числа къ двойному шестому равно отношенію перваго къ пятому.

3) Четвертое число равно суммѣ второго и пятаго.

4) Пятое число безъ третьяго равно удвоенному второму.

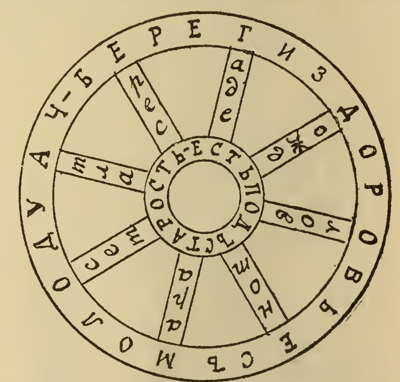
5) Разность между вторымъ и третьимъ числами равна половинѣ шестого числа.

и 6) Трехзначное число, составленное изъ цифръ четвертаго и третьяго чиселъ, уменьшается на 18, если цифру единицъ этого числа перенести на мѣсто сотенъ.

Изъ найденныхъ шести буквъ составить фамилію композитора.

Рѣшеніе задачи буквъ № 5

(помѣщ. въ янв. книжкѣ „Лит. Прилож.“)



Береги здоровье съ молоду, а честь подъ старость.

Правильныя рѣшенія этой задачи доставили: В. М. Николаевская (Варнавинъ); С. И. Бершидскій (Прилуки); С. Галкинъ (Симбирскъ); Г. Я. Модель (Двинскъ).

Рѣшеніе ребуса задачи № 6

(помѣщ. въ „Лит. Прил.“ за Январь.)

Вѣкъ живи, вѣкъ учись.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **А. А. Тихоновъ (А. Луговой).**

Тип. А. Ф. Маркса, Средняя Подъяч. № 1.

Дозволено цензурою. СПБ. 4 марта 1897 г.

Нирвана.

Повѣсть **В. М. Михеева.**

I.

— Пока вы гуляли, синьоръ Бодровъ, у меня остановились ваши земляки. Только что пріѣхали на пароходѣ,—съ льстивой улыбкой говорилъ черноватый итальянецъ, хозяинъ отеля въ Сорренто, встрѣчая у входа въ ограду одного изъ своихъ постояльцевъ.

Синьоръ Бодровъ поморщился. Очевидно, извѣстіе, сообщенное ему хозяиномъ, было не изъ пріятныхъ. Его худощавое, странно-спокойное и болѣзненно-землистое лицо омрачилось. Но ему жаль было разочаровывать сангвиника-хозяина, желавшаго своей вѣстью обрадовать его. Онъ вяло улыбнулся и сказалъ:

— Фамиліи, вѣроятно, синьоръ Негри, вы не выговорите? Наши русскія фамиліи — камень преткновенія для самаго бойкаго на языкъ иностранца.

И Бодровъ, и Негри говорили по-французски, первый — по-славянски, растягивая слова, второй—по-итальянски, смазывая носовые звуки.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ хозяинъ отеля:—фамилія вашихъ соотечественниковъ даже не похожа на русскую... Произнести ее не трудно: «Гайришъ!»

— Какъ?—вдругъ оживленно подхватилъ Бодровъ.

— Вы думаете, я исказилъ это имя? О, нѣтъ! Совершенно вѣрно... Я самъ думалъ сперва, что это англичане... Но... нѣтъ...

— Не въ томъ дѣло, — перебилъ Бодровъ хозяина.—Напротивъ, я знаю именно такую фамилію въ Россіи... У меня былъ товарищъ по университету...

— Что же! можетъ-быть, онъ... онъ одного съ вами возраста. Развѣ немного моложе... Но жена у него — bellissima signora! — не вытерпѣлъ, закончилъ по-итальянски Негри.

Въ это время въ дверяхъ отеля появился лакей, ожесточенными жестами звавшій его къ себѣ. Негри рысцой, потряхивая своимъ уже порядочнымъ брюшкомъ, побѣжалъ въ отель... «Subito, subito»—кричалъ онъ, на бѣгу, такъ же оживленно махая руками, какъ и лакей.

Бодровъ остался одинъ. Онъ вошелъ въ широкую низкую ограду изъ плохо отесанныхъ камней и пошелъ по аллеѣ, съ одной стороны которой былъ небольшой виноградникъ, съ другой—апельсиновый садъ. Бодровъ былъ очень недоволенъ. Онъ никакъ не разсчитывалъ, что въ это время года, когда туристы еще очень рѣдки, и въ этомъ скромномъ отелѣ судьба нанесетъ на него соотечественника, да

еще, можетъ-быть, стараго товарища. Его уединеніе, которое было ему такъ необходимо, во всякомъ случаѣ нарушалось, если это даже не былъ старый товарищъ. Отъ итальянцевъ, которыхъ двѣ-три семьи пріѣхали въ этотъ отель, какъ на дачу изъ Неаполя, онъ могъ еще сторониться, но компатріоты навѣрно вступятъ въ бесѣду, будутъ тянуть въ свою компанію... И, съ неудовольствіемъ размышляя объ этомъ, Бодровъ обогнулъ по аллеѣ отель и вышелъ въ палисадникъ, примыкавшій къ дому со стороны моря.

— Анатолій Ильичъ! — раздался оживленный женскій возгласъ.

Бодровъ, какъ ужаленный, поднялъ голову. На мгновеніе и онъ, и крикнувшая его имя дама точно замерли. Бодровъ даже поблѣднѣлъ отъ неожиданности.

— Нина Андреевна! — вырвалось, наконецъ, изъ его губъ, — и онъ невольно всплеснулъ руками.

— Рады или нѣтъ, рады или нѣтъ?— торопливо говорила молодая женщина, и ея нѣжныя, пушистыя, какъ персикъ, щеки подернулись яркимъ румянцемъ, а красивые большіе свѣтлые глаза радостно округлились, полные искристаго блеска. Высокая, стройная, съ роскошно развитыми формами — она поражала своимъ цвѣтущимъ видомъ рядомъ съ болѣзненнымъ лицомъ и сутулой фигурой Бодрова. Изящнѣйшій лѣтній костюмъ, какая-то неуловимая смѣсь бѣлаго и блѣдно-зеленаго, обрисовывалъ ея цвѣтущій станъ, голова, съ высоко зачесанными темнорусыми волосами и высокой рѣзной гребенкой изъ итальянской композиціи, — казалась на бѣломатовой шеѣ румянымъ, зрѣлымъ, слегка склоняющимся плодомъ. Что-то дѣтское было въ пышныхъ алыхъ губахъ и мягкихъ чертахъ лица, но и что-то дразняще-лукавое мелькало въ ямочкахъ щекъ, въ уголкахъ губъ.

Бодровъ смотрѣлъ на это лицо, на эту фигуру, блѣдный, сосредоточенный, и вдругъ произнесъ:

— Мадамъ Гайришъ?

— Вы почему знаете? Развѣ вы слышали, что я вышла замужъ? И за кого?—серебристо переливался ея голосъ, въ то время, какъ все лицо улыбалось и сіяло.

— Вашего мужа зовутъ Егоръ Николаевичъ?—спросилъ онъ, не отводя отъ нея взгляда и не отвѣчая на ея вопросы.

— Вы знаете моего мужа? Какъ я рада!.. Но онъ не Егоръ, а Георгій... Терпѣть не могу этихъ мужицкихъ формъ русскихъ именъ!—воскликнула Нина Андреевна, весело разсмѣявшись.

— Если угодно,—медленно, со спокойной улыбкой, сказалъ Бодровъ,—то даже не Георгій, а Джорджъ Гайришъ, — по крайней мѣрѣ мы звали его такъ въ университетѣ.

— А! вы товарищи, товарищи!— захлопала своими красивыми руками, затянутыми въ шелковыя перчатки, Нина Андреевна, — и, несмотря на нѣкоторую массивность своей фигуры, завертѣлась, какъ дѣвочка, на носкахъ. Жизнью, быстротой и богатствомъ ощущеній такъ и вѣяло отъ всей ея фигуры въ эту минуту. — Но развѣ вы уже видѣли моего мужа?—широко раскрывъ глаза, обратилась она снова къ Бодрову.

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ онъ, не сводя съ нея задумчиваго взгляда,— мнѣ просто нашъ отельный хозяинъ объявилъ, что пріѣхали русскіе, господа Гайришъ. Остальное я самъ догадался... Но... но, милая Нина Андреевна, bellissima signora, какъ аттестовалъ васъ хозяинъ,—давно ли вы замужемъ?.. Мы больше года не видались...

— Во-первыхъ, я не bellissima, вашъ итальянецъ сочиняетъ,—быстро подхватила Нина Андреевна, кокетливо потупляясь и постукивая изящнымъ зонтикомъ о носокъ своего миніатюрнаго башмака изъ темно-золотистой кожи,—а во-вторыхъ—не видались мы восемь мѣсяцевъ... Я отлично помню... Вышла же я замужъ еще нѣтъ и мѣсяца...—и она вдругъ вся вспыхнула.

— Значитъ, медовый мѣсяцъ, и, вѣроятно, voyage de noce,—поздравляю, поздравляю!—нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ съ легкой насмѣшкой заговорилъ Бодровъ.—Но что же представляетъ теперь изъ себя мой collega?.. Вѣдь послѣ выхода его изъ университета и поступленія въ Николаевское кавалерійское училище я потерялъ его совершенно изъ вида... Онъ, вѣроятно, теперь чуть не полковникъ. Можетъ-быть, уже полкомъ командуетъ?

Нина Андреевна закатилась долгимъ серебристымъ смѣхомъ:

— Онъ? Мой Жоржъ?.. полкомъ!—вырвалось, наконецъ, у нея сквозь смѣхъ.—Вы, однако, ничего, ничего не знаете, что съ нимъ случилось... Ни въ какомъ кавалерійскомъ училищѣ онъ не былъ...

— По крайней мѣрѣ, до меня дошли слухи... Да онъ и самъ, помнится, хотѣлъ,—смущенно вставилъ Бодровъ.

— Слухи всегда переврутъ, а человѣкъ мало ли чего хочетъ!—съ дѣтской гримасой, скрививъ губы, сентенціозно произнесла Нина Андреевна.—Правда, онъ хотѣлъ поступить въ это училище... но изъ университета... не пришлось... Ему просто надо было отбыть повинность... Онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ конную гвардію... сдалъ тамъ по окончаніи на офицера. Потомъ поступилъ въ военно-медицинскую академію... И теперь онъ дѣйствительно полковой... но только не командиръ, а врачъ!

— Разумѣется, въ гвардейскомъ полку!—усмѣхнулся Бодровъ.

— Что значитъ это «разумѣется» и ваша улыбка?—живо, но съ оттѣнкомъ недовольства передразнила его Нина Андреевна.—Ну, да, въ гвардейскомъ... почему же и не въ гвардейскомъ?

— Конечно, почему же?—пожалъ плечами Бодровъ.—Я сказалъ это потому, что у Джорджа всегда была склонность къ гвардіи... Даже въ университетѣ, на послѣднемъ курсѣ, когда только что ввели форму,—онъ носилъ китель, фуражку, да и шинель совершенно на гвардейскій манеръ.

— Довольно, довольно язвить!—замахала руками Нина Андреевна.—Я не дамъ Жоржа въ обиду! Онъ мнѣ говорилъ... Онъ всегда любилъ все красивое и элегантное... Но вы отлично знаете, что онъ, въ свое время, былъ либераломъ не хуже васъ! Даже и изъ университета вышелъ, боясь, что его выключатъ за какую-то исторію... Ужъ не за ту ли, за которую васъ выключили?

— За ту самую,—спокойно отвѣтилъ Бодровъ.—Онъ, дѣйствительно, во-время оставилъ alma mater. А то бы и его, какъ меня, попросили очистить мѣсто.

— Ну, вотъ видите,—съ глубокимъ торжествомъ воскликнула Нина Андреевна, точно узнать это для нея было большимъ удовольствіемъ.

— Вы какъ будто меня въ чемъ-то упрекаете, Нина Андреевна,—сказалъ, все продолжая усмѣхаться, Бодровъ.—Но, право, я ни въ чемъ не обвиняю Джорджа. Онъ былъ только всегда кипучій, жизнерадостный субъектъ. Задать пфеферу профессору, блеснуть смѣлостью идей и поступковъ, устроить шикарный «симпозіонъ» въ «Стрѣльнѣ«,—какъ онъ называлъ

кутежи, — все это онъ любилъ почти одинаково. Англійская, здоровая кровь! Вѣдь у него прапрадѣдъ, кажется, былъ дѣйствительно англичанинъ?

— Какъ же! — съ торжествомъ въ сіяющихъ глазахъ объявила Нина Андреевна, — его предокъ бѣжалъ послѣ реставраціи Стюартовъ и поступилъ на службу въ армію протестантскихъ Нидерландъ, потомъ женился на француженкѣ... Внукъ этого предка при Людовикѣ XIV сталъ католикомъ; потомъ Гайриши эмигрировали во время революціи въ Россію. Одинъ изъ нихъ женился на русской— княгинѣ Обольяниновой, и мой Джорджъ его правнукъ!

Когда Нина Андреевна проговорила все это внушительно, почти торжественно, — она сама расхохоталась своему паѳосу. Бодровъ, скрестивъ руки, пристально смотрѣлъ на нее. Онъ тихо покачалъ головой.

— Ну, полноте, полноте! — вдругъ съ мягкой, непобѣдимо-ласковой улыбкой сказала она и порывисто взяла Бодрова за руку. — Я все шучу. Но вы сами виноваты. Зачѣмъ вы нападаете на Жоржа? Онъ—прелесть какой умный и хорошій! Дѣйствительно, онъ гордится тѣмъ, что онъ полуфранцузъ, полуангличанинъ, онъ любитъ блескъ, жизнь, онъ не русскій мямля...

— Какъ вашъ покорнѣйшій слуга, бывшій вашъ вѣрный рыцарь и другъ, bellissima signora?—усмѣхнулся Бодровъ.

— Развѣ вы мямля? Я никогда въ васъ этого не замѣчала? — и Нина Андреевна впервые пристально посмотрѣла на своего собесѣдника.—Голубчикъ! вы больны? Зачѣмъ вы здѣсь? Лѣчиться?—вдругъ засыпала она Бодрова, по своему обыкновенію, вопросами. Лицо ея было полно участія, почти состраданія къ нему.—Знаете... Жоржъ отличный докторъ. Посовѣтуйтесь съ нимъ. Вы знаете — у него большая практика въ Петербургѣ, — сейчасъ же прибавила она оживленно.

Бодровъ горько усмѣхнулся. Онъ медленно провелъ рукой по глазамъ. Онъ точно хотѣлъ отогнать отъ нихъ какое-то непріятное видѣніе.

— Да, вы съ женой?—вдругъ спохватилась Нина Андреевна.

— Нѣтъ, одинъ. Жена концертируетъ на Югѣ Россіи,—отвѣтилъ онъ спокойно.

Какая-то тѣнь снова отуманила его лобъ.

Нина Андреевна хотѣла еще что-то спросить, но въ это время на террасѣ отеля, выходящей въ палисадникъ, появилась стройная, плечистая фигура человѣка лѣтъ тридцати пяти, съ головой, остриженной подъ гребенку, съ большими, слегка рыжеватыми бакенбардами и усами, одѣтаго въ свѣтло-коричневую лѣтнюю пару англійскаго фасона. На крупныхъ, почти правильныхъ чертахъ слегка полнаго лица былъ сильный красноватый загаръ, въ чувственныхъ губахъ дымилась сигара, глаза были закрыты дымчатымъ пенснэ.

— Жоржъ! Узнаешь? — быстро повернулась къ мужу Нина Андреевна, и указала шаловливымъ жестомъ на Бодрова.

Гайришъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на товарища, потомъ громко, сильнымъ голосомъ, крикнулъ:

— Бодровъ! Дружище!

И, не давши Анатолію Ильичу отвѣтить на это восклицаніе, онъ въ два прыжка сильныхъ ногъ, мускулы которыхъ обрисовывала лѣтняя тонкая матерія панталонъ, очутился возлѣ Бодрова. Сжавъ его сильными руками у плечъ, такъ что тому сдѣлалось почти больно,—онъ крѣпко поцѣловалъ Бодрова. Усы Гайриша пахли прекрасными духами и отчасти дорогимъ табакомъ. Ощущеніе этого запаха слилось

у Бодрова съ неожиданной, теплой радостью. Чувство старой университетской дружбы покрыло въ его душѣ все: и недоброжелательство, которое возникло въ немъ, благодаря слухамъ, что Егорка Гайришъ измѣнилъ традиціямъ almae matris, и почти зависть, что именно этому неунывающему субъекту, а не кому другому, досталась Нина — послѣдній женскій образъ, тронувшій если не сердце, то воображеніе Бодрова. Точно опьяняющая атмосфера, внезапно окружившая этихъ людей, столь разошедшихся въ жизни, охватила ихъ воспоминанія объ аудиторіяхъ, товарищахъ, идеяхъ и кабачкахъ ихъ юности. Почти со слезами на глазахъ, долго трясли они другъ другу руки,—оба покраснѣвшіе и взволнованные. Нина Андреевна, растроганная, счастливая этой встрѣчей, смотрѣла, мягко улыбаясь, на своего пріятеля и своего мужа...

— Но развѣ ты зналъ мою благовѣрную?—воскликнулъ, наконецъ, Гайришъ, все еще держа въ одной рукѣ руку Бодрова и показывая другой, изъ которой онъ все время не выпускалъ сигары, на жену...

— Жоржъ! опять это противное названіе! — топнула ножкой Нина Андреевна.

Но мужъ не обратилъ вниманія на ея восклицаніе. Онъ былъ слишкомъ занятъ встрѣчей со старымъ товарищемъ. Онъ, очевидно, принадлежалъ къ людямъ, которыхъ ощущенія захватываютъ цѣльно и сильно.

— Зналъ, зналъ...—нѣсколько дрожащимъ голосомъ, все еще взволнованный, говорилъ улыбаясь Бодровъ.— Въ прошломъ году, хлопоча въ Петербургѣ по одному дѣлу, я въ одномъ кружкѣ познакомился и съ Ниной Андреевной...

Онъ почему-то не сказалъ, что не только познакомился, но въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, чуть не еженедѣльно, посѣщалъ ее, такъ что о нихъ уже начали распространяться сплетни.

— Не секретъ—по какому дѣлу?— быстро, дѣловымъ тономъ, крѣпко затянувшись сигарой, спросилъ Гайришъ.

— Я хлопоталъ о напечатаніи своей статьи,—поморщившись, отвѣчалъ Бодровъ.

— Это за которую тебя такъ разругали! — громко воскликнулъ Гайришъ.—Помню, помню... Мнѣ въ газетахъ даже попалось твое имя. Полюбопытствовалъ... Даже статью твою разыскалъ, прочелъ. Ты парень, очевидно, талантливый, съ чѣмъ тебя поздравляю, но съ дѣятельностью не поздравляю. Впрочемъ, если это твой хлѣбъ—работай. Каждый рѣжетъ колосъ своимъ серпомъ. Но если хочешь воздѣйствовать на почтенное отечество—игра не стоитъ свѣчъ. Не повліяешь. Съ одной стороны, тебя будутъ урѣзывать, съ другой—лаять или замалчивать... Разумѣется, пока въ свое время не сдѣлаешься тузомъ. Но что въ этомъ? Вліянія въ сущности никакого... Скажешь вѣдь только десятую того, что въ головѣ и сердцѣ,—притомъ наихудшую десятую. А между тѣмъ нервы издергаютъ, отечество пойдетъ своимъ путемъ, а слава?.. Еще Пушкинъ сказалъ, что эта штука не больше, какъ яркая заплата на жалкомъ рубищѣ. У насъ, на Руси, оно такъ и есть... Заглянулъ бы ты ко мнѣ, въ полковую больницу... И въ офицерскія, и въ солдатскія палатки. Вѣдь это истая, власть имѣющая Русь. Право, не знаю, кому меньше дѣла даже до литературныхъ генераловъ — мужичкамъ ли, солдатикамъ, или... Но, чортъ возьми! Это непростительно... О чемъ я болтаю... Да, такъ ты въ литературныхъ кружкахъ познакомился съ Ниной! О, Нина Андреевна! Нина Андреевна! Гдѣ вы только не порхали въ Петербургѣ! — закончилъ онъ искусственно-комическимъ упре-

комъ свою долгую, самодовольно горячую рѣчь. Очевидно, онъ любилъ, чтобы его слушали.

— Вовсе я не порхала! — обидясь, замахала руками его жена. — Мы встрѣтились у моего стараго учителя... Онъ тоже пишетъ, ну, и у него собираются литераторы... ну, и тамъ!

— Нечего, нечего защищаться! Анатолій, ты не можешь себѣ представить, какую бѣду навалилъ я себѣ на шею въ видѣ этой очаровательной особы, — сказалъ Гайришъ, комически возводя очи къ нему; при этомъ его пенснэ упало съ переносицы и обнаружило ярко-голубые глаза на выкатѣ.— Это вѣдь образцовый продуктъ новѣйшей женской эмансипаціи въ Россіи. Хочешь, я прочту тебѣ ея послужной списокъ. Шестнадцати лѣтъ кончила гимназію, несмотря на семью со средствами, пошла въ гувернантки, дабы быть самостоятельной; вмѣсто того, издергала нервы и пустилась въ Швейцарію, чтобы отдохнуть... Понимаешь, одна, въ 17 лѣтъ. Въ какомъ-то пансіонѣ въ Веве открыла француза-тенора. Онъ влюбился въ нее и началъ обучать ее пѣнію... Въ результатѣ—еще хуже разстроенные нервы и не совсѣмъ объяснимое бѣгство отъ тенора въ Италію, въ колонію русскихъ художниковъ, гдѣ оказались знакомые...

Но Нина Андреевна не дала ему докончить. Она вдругъ бросилась на него, замахнувшись зонтикомъ. Гайришъ вскочилъ, шутливо спасаясь отъ нея на каменный парапетъ, отдѣлявшій палисадникъ отъ обрыва скалы, наверху которой помѣщался отель, а у подножія билось, на огромной глубинѣ, море.

— Жоржъ, Жоржъ! Ты съ ума сошелъ! Ты упадешь, разобьешься! — закричала въ испугѣ его жена.

Но онъ, красуясь на парапетѣ своей сильной фигурой, нѣсколько дышавшей военной выправкой, продолжалъ:

— И замѣть! Дома, въ Петербургѣ у ней знакомые особые, у мамы—особые! Мама не появляется, когда у дочки молодые люди... Я увидѣлъ мою belle mère, когда было неизбѣжно объявить ей, что готовлюсь ей въ beau fils'ы.

— Жоржъ, Жоржъ, да не трудись, пожалуйста, и сойди ради Бога! Вѣдь Анатолій Ильичъ все это знаетъ безъ тебя, слышалъ отъ меня самой и испыталъ самъ!—крикнула, все еще взволнованная страхомъ за мужа, Нина Андреевна.

Гайришъ хлопнулъ себя по лбу и спрыгнулъ съ парапета, что̀ онъ сдѣлалъ съ ловкостью завзятаго гимнаста.

— Однако, я дѣйствительно, должно-быть, дурака сморозилъ!—воскликнулъ онъ при этомъ. — Ты, Анатолій, вѣроятно, самъ испыталъ эти tête-à-tête'ы, которыя нарушить такъ боялась моя belle mère. И я бы къ тебѣ возревновалъ—не будь, во-первыхъ, вѣроятно, и кромѣ тебя кавалеровъ, дѣлившихъ эти tête-à-tête'ы, да и ты, вѣдь, я слышалъ, женатъ. И, говорятъ, на интересной, талантливой женщинѣ! Она здѣсь, съ тобой? Познакомь, познакомь. Я, несмотря на мой медовый мѣсяцъ, большой Донъ-Жуанъ...

— Къ сожалѣнію, я не могу этого сдѣлать,—спокойно сказалъ Бодровъ, со страннымъ подергиваніемъ губъ пристально наблюдавшій и слушавшій Гайриша и Нину Андреевну. — Она лѣтомъ всегда концертируетъ. Я здѣсь одинъ.

— Ба! вѣдь она музыкантша. Слышалъ, слышалъ! Но ты-то... что же... отдыхать пріѣхалъ сюда? — уставился на Бодрова, снова надѣвъ pince-nez, Гайришъ.

— Жоржъ, Жоржъ! онъ боленъ... Посмотри его!— жалобно воскликнула Нина Андреевна и шаловливо подтянула мужа за рукавъ къ Бодрову.

— Ты боленъ? Что съ тобой? Го-

вори, говори! Я, братъ, весьма даже порядочный діагностъ, — озабоченно взялъ руку товарища Гайришъ.

Онъ какъ будто хотѣлъ пощупать пульсъ. Но Бодровъ съ неудовольствіемъ выдернулъ руку.

— Вовсе я не боленъ! — сказалъ онъ, нахмурясь.— Нина Андреевна, какъ истая, заботливая жена, ищетъ тебѣ повсюду практику. Я просто пріѣхалъ сюда отдохнуть...

— Просто-то—просто,—сказалъ съ удареніемъ Гайришъ, снова овладѣвая рукой товарища, и на этотъ разъ властно и крѣпко.

Бодровъ почувствовалъ, что его руку сжала рука врача, привыкшаго побѣждать сопротивленіе больныхъ.

— Но, милый мой, пульсъ у тебя не хорошъ, а цвѣтъ лица... Знаешь— онъ мнѣ страшно напоминаетъ цвѣтъ лица одного нашего корнета, который, проигравшись въ лоскъ, застрѣлился года два назадъ...

Бодровъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Что ты?—зорко посмотрѣлъ ему въ глаза Гайришъ.— Я вовсе не хочу сказать, что подозрѣваю въ тебѣ будущаго самоубійцу, а просто это значитъ, что у тебя крайне разстроены нервы... А этимъ, братъ, не совѣтую шутить. Мужество—мужествомъ, а и къ медицинѣ не вредно прибѣгнуть... Вѣдь и пулю пускаютъ въ лобъ иногда изъ мужества!

Но Бодровъ вырвалъ-таки руку у Гайриша.

— Знаю васъ, медиковъ,—сказалъ онъ съ искусственнымъ спокойствіемъ, —рады изъ мухи слона сдѣлать. Но я пока откланяюсь. Я возвращался съ почты. У меня въ карманѣ газеты и письма. Надо пробѣжать. Да и вамъ не буду мѣшать... За табль-д'отомъ увидимся...

И не успѣли Гайриши сказать ему что-нибудь, какъ онъ уже скрылся на террасѣ, взмахнувъ своей соломенной шляпой.

— Жоржъ! Какъ ты находишь его?— страннымъ тономъ спросила Нина Андреевна.

— Бьюсь объ закладъ — съ нимъ не ладно! — убѣжденно сказалъ Гайришъ и оглянулся; видя, что въ палисадникѣ, кромѣ нихъ, нѣтъ никого, онъ привлекъ къ себѣ жену и началъ ее цѣловать.

II.

До самаго звонка, призывавшаго къ табль-д'оту, Бодровъ сидѣлъ, запершись, въ своей комнатѣ. Только на вторичный звонъ онъ появился на террасѣ, гдѣ всѣ уже были на своихъ мѣстахъ.

Для Гайришей накрыли приборы какъ разъ противъ его мѣста: любезный Негри сдѣлалъ это, вѣроятно, для взаимнаго удовольствія своихъ гостей, соотечественниковъ изъ далекой страны. Справа отъ Бодрова, одна за другой, помѣщались двѣ семьи неаполитанцевъ, пріѣхавшихъ сюда изъ душнаго города на дачу. Одна семья была аристократическая, другая—коммерсанты. Синьоръ Ричарди былъ человѣкъ уже сѣдой, но румяный, бойкій и крайне оживленный, въ противоположность своей, гораздо болѣе молодой, супругѣ, происходившей чуть ли не изъ знаменитой фамиліи Сфорца,—блѣдной, важной и натянутой. Коммерсантъ и его жена, синьоры Бошаръ, онъ—полуфранцузскаго происхожденія,—оба были молоды и довольно красивы, въ особенности она— истая неаполитанка, крайне смуглая, черноглазая, задорная и, въ то же время, томная. Слѣва отъ Бодрова сидѣла почтенная старушка съ дочерью, красивой, но вялой блондинкой, — вдова какого-то австрійскаго генерала, ради здоровья постоянно живущая на югѣ Италіи. По другой

сторонѣ стола, рядомъ съ Гайришами, заняли мѣста три господина, жившіе не въ отелѣ, но часто обѣдающіе за этимъ табль-д'отомъ. Всѣ трое были хороши съ генеральшей и холостяки. Двое были красивые итальянцы: синьоръ Донайо, мѣстный преподаватель музыки въ военно-музыкальной школѣ, томный, болѣзненный, полусѣдой человѣкъ, романтическаго вида, и синьоръ Венлино, красивый, граціозный блондинъ, лѣтъ тридцати, управляющій имѣніемъ одного богача-неаполитанца. Третій былъ русскій съ иностранной фамиліей,—онъ увѣрялъ, что служитъ при русскомъ посольствѣ въ Римѣ, напиралъ на свой аристократизмъ, но былъ крайне вульгаренъ и лицомъ напоминалъ не то бандита, не то шулера.

Когда Бодровъ опустился на свой стулъ, сдѣлавъ общій поклонъ, онъ, къ своему изумленію, увидѣлъ, что Гайриши уже всѣхъ знали и оживленно бесѣдовали по-французски то съ тѣмъ, то съ другимъ, точно были знакомы давно. Синьоры Ричарди, Донайо и Венлино, а также и дипломатъ изъ Рима, наперерывъ любезничали съ Ниной Андреевной. Она, мимоходомъ перекидываясь съ ними шутливыми фразами, разсказывала синьорѣ Ричарди о Парижѣ, гдѣ она только что была съ мужемъ. Старушка-генеральша пріятно улыбалась. Гайришъ описывалъ ей русскія церковныя службы, въ которыхъ, къ удивленію Бодрова, оказался почти знатокомъ. Только Бошары и дочь генеральши помалчивали. Но коммерсантъ и m-lle Берта были вообще не разговорчивы, а синьора Лаура, жена Бошара, крайне легкомысленная дама, старалась напряженно отгадать, кто изъ мужчинъ пожимаетъ ей ногу подъ столомъ.

Синьоръ Негри и слуга Пеппо бойко подавали блюда, при чемъ хозяинъ нерѣдко громко покрикивалъ.

Вечеръ былъ превосходный,—тихій, ясный. Дымъ блѣдно-лиловаго Везувія, виднаго съ террасы, какъ на картинѣ, за блѣдно-лазурной, матовой гладью моря, поднимался прямо почти неподвижной тонкой струйкой. На террасѣ пахло гіацинтами, жареными томатами и морской травой, сушившейся для какихъ-то хозяйственныхъ надобностей въ углу сада за террасой. Воздухъ былъ свѣжъ, но довольно тепелъ. Дышало что-то необыкновенно бодрящее въ этой свѣжести отъ затихшаго моря, въ этомъ смѣшанномъ запахѣ отъ цвѣтовъ и травы, въ оживленномъ говорѣ общества, при чемъ итальянцы не щадили ни жестовъ, ни восклицаній.

И едва Бодровъ принялся за супъ, Нина Андреевна повернулась къ нему, сіяющая, полная жизни, и сказала вполголоса по-русски:

— Анатолій Ильичъ, здѣсь у васъ прелесть, прелесть! Какіе все милые люди!

Она, вѣроятно, забыла, что quasi-дипломатъ изъ Рима былъ русскій и могъ понять ее, что онъ и обнаружилъ, воскликнувъ, также по-русски, хотя съ страннымъ, не то нѣмецкимъ, не то еврейскимъ акцентомъ: «о, madame! вы намъ льстите!»

— Ну, а вы держите языкъ за зубами!—бойко отрѣзала, повернувшись къ нему, Нина Андреевна.

— Слушаю-съ. Я моментально разучился по-русски! Слѣпъ и глухъ!—вульгарно закричалъ онъ и комически закрылъ глаза.

— Синьоръ Бодровъ, синьоръ Бодровъ! — вскочилъ въ это время съ своего мѣста Ричарди.—Поздравляю васъ! Если всѣ русскія дамы такъ очаровательны и любезны, какъ ваша соотечественница, то я не знаю, какъ вы рѣшаетесь покидать Россію!—воскликнулъ онъ по-французски.

Слегка скандализированная его неумѣренной живостью, его аристократка-жена придержала его за рукавъ и заставила снова сѣсть. Гайришъ, среди своей религіозной бесѣды съ старушкой, услышалъ слова Ричарди.

— У синьора Бодрова супруга, дѣйствительно, прелестнѣйшая особа! И онъ, злодѣй, оставилъ ее дома!—крикнулъ онъ.

— О! о! о! — раздалось нѣсколько восклицаній разомъ изъ устъ дипломата, Донайо, Ричарди и даже Бошара...

— Вы, русскіе—удивительная нація!—началъ вкрадчивымъ голосомъ изящный Венлино. — Въ семейныхъ отношеніяхъ вы, по-моему, самая передовая нація! Очевидно, русскія женщины заслуживаютъ оказываемаго имъ довѣрія! Это вѣрнѣйшія подруги... Мужъ и жена разстаются надолго... И они спокойны!..

— Ну, вы, синьоръ Венлино,—перебилъ его дипломатъ,—слишкомъ розово смотрите на наши нравы!

И онъ захохоталъ почти цинично.

— Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ Дрейгель,—вдругъ вступилась генеральша мягкимъ голосомъ,— я не позволю обижать русскихъ... Я знала столько русскихъ женщинъ... Это ангелы!

И она слегка закатила поблекшіе глаза. Хотѣла ли она сказать этими словами любезность Гайришу, или вообще старушка была склонна къ идеализаціи, но она повернулась къ Нинѣ Андреевнѣ, которой что-то нашептывалъ сеньоръ Донайо, наклонившись къ ней близко. Онъ ей разсказывалъ тихо о нравахъ итальянокъ, о ихъ коварствѣ, легкомысліи, о томъ, какъ онъ много страдалъ отъ всего этого.

Нина Андреевна участливо смотрѣла въ его зеленовато-блѣдное лицо, красивые обведенные тѣнью темные глаза и изящную бороду съ просѣдью.

— Мадамъ Гайришъ! не слушайте бѣднаго синьора Донайо,—тономъ подавленной грусти заговорила генеральша,—онъ пессимистъ... Онъ слишкомъ много страдалъ въ жизни... Онъ на все смотритъ черезчуръ мрачно...

При этихъ словахъ генеральша взглянула на Донайо взглядомъ страдалицы матери, прощающей блуднаго сына.

— Ге! Донайо! Ты много страдалъ? Отъ женщинъ, конечно!—бойко подхватилъ румяный Ричарди.

— И отъ мужчинъ, дружище! — слегка закативъ глаза, томно отозвался Донайо и вздохнулъ.

— Кто же не страдалъ! — пожалъ плечами Венлино.—Нужно на несчастія смотрѣть сверху. Это то, чему учитъ германскій пессимизмъ!

И онъ красиво, очевидно, съ знаніемъ предмета, съ изяществомъ рѣчи начитаннаго человѣка, началъ развивать тему Шопенгауэра.

Гайришъ прислушался.

— Синьоръ Венлино,—вдругъ перебилъ онъ громко и авторитетно,—я совершенно съ вами согласенъ. Нужно быть выше несовершенствъ жизни. Нирвана! Я понимаю! Но для нея не зачѣмъ умирать! Надо жить, растворяться въ богатствѣ и разнообразіи ощущеній, учась не придавать имъ чрезмѣрнаго значенія, и даже въ самой потерѣ одного изъ благополучій видѣть новое разнообразіе, вакансію для новаго тона жизни!

Гайришъ говорилъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ, звучно и красиво. Всѣ слушали его.

— Ахъ, нѣтъ! Иногда такъ хочется умереть!—вдругъ вырвалось изъ хорошенькихъ губокъ madame Бошаръ, вѣроятно, догадавшейся, кто ей жалъ ногу. Ея жгучіе, хотя постоянно нѣсколько утомленные глаза, подернулись тоской.

— Когда въ голову приходятъ такія мысли, моя бѣдная мадамъ, нужно

молиться!—сентенціозно замѣтила старушка-генеральша.

— Или любить! Неправда ли, мадамъ?—значительно полузакрывъ глаза обратился Венлино къ Нинѣ Андреевнѣ.

Его вѣки слегка трепетали и по губамъ блуждала нѣжная и подзадоривающая улыбка.

— Я предпочитаю, дѣйствительно, любить!—съ веселымъ смѣхомъ отозвалась Нина Андреевна, бросивъ почему-то взглядъ и на мужа, и на Бодрова.

— Мадамъ не религіозна?—съ глубокимъ сожалѣніемъ посмотрѣла старушка на нее.

Но Гайришъ постарался замять эту тему.

— А ты какъ, Анатолій, пессимистъ или оптимистъ?—обратился онъ къ старому товарищу.

Бодровъ, который все время, несмотря на всеобщее оживленіе, угрюмо молчалъ, сказалъ по-русски съ странной усмѣшкой:

— Я, если хочешь—оптимистъ; я сознаю, что все идетъ, въ сущности, къ лучшему, но чувствую себя прескверно въ этомъ прогрессивномъ ходѣ вещей!

Нина Андреевна вдругъ сдѣлалась очень серьезна и внимательно посмотрѣла на своего визави. Она какъ будто что-то хотѣла сказать. Но въ это время Дрейгель, quasi-дипломатъ изъ Рима, странно скосилъ свою разбойничью физіономію и, также по-русски, съ убійственною, вѣроятно, по его мнѣнію, ироніей сказалъ:

— Новая фракція всероссійскаго пессимизма?

Бодрову, чувствовавшему глубокое нерасположеніе къ этому соотечественнику, не хотѣлось отвѣчать ему, и онъ былъ очень радъ тому, что Негри выручилъ его. Хозяинъ отеля спросилъ на своемъ франко-итальянскомъ діалектѣ:

— Желаютъ господа пить кофе здѣсь, или въ салонѣ? Вечеръ нѣсколько сыръ.

Дѣйствительно, солнце уже почти закатилось, и вершина Везувія начала поблескивать багровымъ огнемъ на фонѣ потемнѣвшаго неба. Стало свѣжо и темновато. Съ моря потянуло вѣтеркомъ, парусинныя гардины террасы слегка заколыхались.

— Господа, пойдемте въ салонъ!—позвала всѣхъ старушка-генеральша, — можетъ-быть, синьоръ Донайо будетъ такъ добръ—сыграетъ намъ что-нибудь. Только, пожалуйста, не вашего противнаго Вагнера!—умоляюще посмотрѣла она на Донайо.

— Синьоръ Донайо! Что-нибудь свое, свое!—взмолилась ея флегматическая, полная дочь, впервые раскрывъ пухлыя губы и блеснувъ великолѣпными жемчужными зубами.

— Ахъ! синьоръ Донайо композиторъ? — оживленно заинтересовалась Нина Андреевна, переходя вслѣдъ за всѣмъ обществомъ въ салонъ, подъ руку съ музыкантомъ.

— О, мадамъ!—грустно улыбнулся Донайо.—Итальянская музыка вообще въ упадкѣ. Мы такъ бѣдны теперь въ этомъ отношеніи, что какъ Богъ знаетъ чему обрадовались маленькому Масканья!

И, введя въ салонъ свою даму, онъ придвинулъ ей кресло. Остальные уже размѣстились на пуфахъ около стола, на которомъ вѣеромъ были разложены англійскіе иллюстрированные журналы и итальянскія газеты.

Салонъ былъ довольно скудно задрапированъ пестрой матеріей крупнаго рисунка и темнаго оттѣнка. На стѣнахъ горѣли лампы въ помпейскомъ вкусѣ, грубой работы. Въ углу стояло плохонькое піанино. На террасу изъ салона выходила не дверь, а широ-

кая арка. Завѣса этой арки, изъ той же темно-пестрой матеріи, была теперь подобрана, и мягкая ночь глядѣла своимъ бархатнымъ, темнымъ фономъ въ довольно ярко освѣщенную низкую комнату.

Не смотря на свои слова объ итальянской музыкѣ, Донайо сѣлъ къ піанино и на мгновеніе закрылъ глаза. Потомъ онъ внезапно заигралъ. Всѣ затихли. Онъ игралъ мягко, плавно, съ большимъ чувствомъ, — игралъ, очевидно, свое, хотя это свое напоминало Шопена. Генеральша закрыла глаза. Трудно было сказать: наслаждалась ли она музыкой или тихо дремала послѣ сытнаго обѣда. Бошаръ ушелъ спать по своему послѣобѣденному обыкновенію. Жена его и Венлино удалились въ темный уголъ салона и за спиной у всѣхъ забавлялись странной игрой. Онъ незамѣтно пожималъ пальцами ея талію, а она, закинувъ голову, сидѣла неподвижно въ какомъ-то сдержанномъ упоеніи. Синьоръ Ричарди и Гайришъ стояли въ аркѣ—одинъ статный и высокій, другой—маленькій и круглый, и, съ довольнымъ видомъ сытыхъ сангвиниковъ, чистили себѣ зубы гусиными перышками. Синьора Ричарди слушала съ снисходительной улыбкой Дрейгеля-дипломата, вравшаго ей немилосердно о томъ, какъ ѣдятъ московскіе купцы. Только m-lle Берта, Нина Андреевна и Бодровъ, сидя на пуфахъ, слушали внимательно игру Донайо. Музыкантъ, играя безъ нотъ, то и дѣло оглядывался на русскую даму... Потомъ онъ вдругъ разомъ оборвалъ свою игру.

— Простите! Но я лучше буду пѣть! Я пою прескверно... притомъ послѣ обѣда... Но я сегодня грустенъ, а когда я грустенъ—мнѣ всегда хочется пѣть,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и, не дожидаясь отвѣта, взялъ бравурный аккордъ, и аккомпанируя себѣ, вдругъ запѣлъ слабымъ, дрожащимъ, но очень музыкальнымъ голосомъ какую-то элегическую мелодію.

Нина Андреевна точно вздрогнула, выпрямилась, встала и, подойдя къ мужу, нѣжно приникла къ нему. Ричарди деликатно отвернулся съ дѣловымъ видомъ человѣка, погруженнаго въ чистку зубовъ. Но потомъ, тихо посвистывая, онъ подошелъ сзади къ женѣ и принялся осторожно щекотать ее пальцемъ за ухомъ. Гайришъ, полуобнявъ жену одной рукой, другой, съ лѣнью счастливаго льва, разглаживалъ свои великолѣпные бакенбарды. Дрейгель, которому Ричарди помѣшалъ разсказывать русскіе анекдоты, подсѣлъ къ m-lle Бертѣ. Но флегматическая барышня вся ушла въ пѣніе Донайо. Томность разлилась по ея блѣдному лицу, и полные бѣлые пальцы судорожно сжали на колѣняхъ костяной рѣзной вѣеръ.

Бодровъ вдругъ почувствовалъ, что подъ пѣніе итальянца всѣ, кромѣ него, дремавшей старушки и проблематическаго дипломата, прониклись, среди этой южной ночи, рядомъ съ моремъ, вблизи вулкана, почти однимъ чувствомъ нѣги... Странная, болѣзненная мертвенность подернула его черты... Ему стало тяжело. Онъ уже хотѣлъ встать и незамѣтно уйти, но въ это мгновеніе Донайо замѣтилъ въ полъоборота нѣжную позу Гайришей и, вдругъ, взволнованный, почти раздраженный, оборвалъ пѣніе...

— M-lle Берта!—крикнулъ онъ,—давайте дуэтъ. Знаете вашу венгерскую... которой вы меня выучили!..

И онъ заигралъ задорные, частію дикіе звуки.

Дочь генеральши сейчасъ же подошла къ піанино, и черезъ мгновеніе ея сильный грудной голосъ слился съ дребезжащими нотами Донайо въ мадьярскомъ вызывающемъ, почти

плясовомъ мотивѣ. Мотивъ этотъ былъ такъ зажигателенъ, Донайо такъ бурно аккомпанировалъ своему дуэту съ австрійкой, что не прошло десяти минутъ—и сѣдой Ричарди, и легкомысленная Бошаръ, и изящный Венлино, со всею вѣрностью и воспріимчивостью слуха итальянцевъ, подхватили его, конечно безъ словъ, и красивый дикій хоръ, не уступающій удалью хору цыганъ, грянулъ въ салонѣ. Старушка проснулась; услыхавъ родные звуки, она начала сладко улыбаться. Дрейгель тоже попытался пристать къ хору, но сразу жестоко сфальшивилъ. Раздраженный чѣмъ-то и безъ того, Донайо сейчасъ же бросилъ аккомпанементъ. Хоръ спутался.

— Pardon, pardon! Я вамъ помѣшалъ!—испуганно воскликнулъ Дрейгель.

— Нѣтъ! Просто довольно музицировать,—не безъ раздраженія сказалъ Донайо, отходя отъ піанино.—Будемте танцовать. Вы, синьоръ Дрейгель, вѣроятно, не откажетесь сыграть намъ. Вы мастерски играете танцы. Madame!—и Донайо, не дождавшись отвѣта дипломата, быстро повернулся къ Нинѣ Андреевнѣ,—вы позволите ангажировать васъ?

— Кадриль? О, съ удовольствіемъ!—радостно воскликнула она, отстраняясь отъ мужа и просовывая руку подъ локоть музыканта, который вдругъ просіялъ.—Жоржъ, ты потанцуешь?

— Обязательно!—торжественно объявилъ Гайришъ.

Онъ уже давно, нѣжно полуобнимая жену, смотрѣлъ на пикантную брюнетку Бошаръ.

— Madame?—съ мужественной граціей полувоеннаго человѣка склонился онъ передъ ней, неожиданно заслонивъ своей могучей фигурой оторопѣвшаго жидковатаго Венлино.

Неаполитанка смѣрила глазами фигуру статнаго скиѳа и, оставшись, очевидно, довольна, пошла съ нимъ подъ руку. Венлино презрительно улыбнулся своимъ красивымъ ртомъ и ангажировалъ синьору Ричарди. Мужъ ея, весь радостно-раскраснѣвшійся при извѣстіи о танцахъ, уже увивался съ жаромъ юноши около m-lle Берты, лицо которой какъ будто потухло, а потускнѣвшіе, большіе, почти безцвѣтные глаза упорно смотрѣли на Нину Андреевну и Донайо.

Дрейгелю, хотя онъ не выразилъ своего согласія, ничего не оставалось дѣлать, какъ сѣсть за піанино, чтобы не помѣшать удовольствію всего общества. И онъ, нахмурившись, съ злымъ лицомъ, принялся ожесточенно барабанить кадриль изъ опереточныхъ мотивовъ. Но чѣмъ съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ онъ барабанилъ, тѣмъ больше увлекались танцоры. Нина Андреевна плавала, какъ пава, разрумянившись нѣжнымъ ровнымъ румянцемъ, шедшимъ необыкновенно къ ея полудѣтскому, слегка полному лицу; Донайо двигался легко и томно изгибался, нашёптывая ей какую-то исторію изъ своей неудачной, но полной любовными приключеніями жизни. Гайришъ танцовалъ необыкновенно энергично, встряхивая, по-военному, широкими плечами; его маленькая дама, въ какомъ-то томномъ безсиліи, совершенно повисала на его рослой фигурѣ. Она тяжело дышала и пугливо, какъ будто ожидая чего-то, кидала быстрые, вызывающіе взгляды на своего кавалера. Ричарди, почти багровый, что было особенно разительно при его сѣдинахъ, какъ волчокъ метался около своей вялой, застывшей дамы, а его жена и Венлино двигались медленно, съ изящной граціей. Но чѣмъ дальше шелъ танецъ, чѣмъ быстрѣе и громче барабанилъ, недовольный своею судьбою, дипломатъ, тѣмъ болѣе что-то вакхическое овла-

дѣвало танцорами. Нина Андреевна совсѣмъ разгорѣлась, глаза ея подернулись поволокой, пышные волосы слегка разбились; Донайо такъ и пожиралъ ее глазами. Гайришъ почти на рукахъ носилъ свою даму, у которой ноздри раздувались и пряди черныхъ, какъ у цыганки, волосъ, выбившись изъ-подъ гребенки, сливались съ рыжими бакенбардами ея кавалера. И не только Ричарди, который громко выкрикивалъ, подпѣвая музыкѣ, расшевелилъ m-lle Берту, но и всегда блѣдные и болѣзненные его жена и Венлино разрумянились и оживленно заглядывали въ глаза другъ другу...

Наконецъ, звуки Дрейгеля перешли въ какую-то ревущую, частую дробь. И Бодровъ видѣлъ, какъ Нина Андреевна, томно изогнувшись, съ закрытыми глазами, съ полураскрытымъ ртомъ, пронеслась въ бурномъ вальсѣ, лежа въ объятіяхъ Донайо, на губахъ котораго застыло почти жестокое торжество...

— Бѣдный синьоръ, а вамъ не осталось ни дамы, ни визави!—услышалъ онъ сочувствующій голосъ надъ самымъ своимъ ухомъ.

Онъ вздрогнулъ и обернулся. То говорила, наклонившись къ нему, старушка-генеральша. Ея толстое лицо было красно отъ возбужденія, сѣдыя букольки нѣсколько растрепались, въ глазахъ стояли слезы умиленія и искренней жалости къ нему, лишенному блаженства танцовать. Очевидно, при этой пляскѣ и въ старухѣ заговорила ея полувенгерская кровь.

— Да, madame!—ни дамы, ни визави!—стараясь любезно-иронически улыбнуться, отозвался на ея слова Бодровъ.

Онъ самъ удивился той горечи, которою прозвучали его слова!

И онъ вдругъ всталъ и, стараясь не глядѣть на танцующихъ, вышелъ въ арку изъ салона въ палисадникъ.

Темнота палисадника, прохлада его и сравнительная тишина—звуки Дрейгеля долетали сюда, благодаря полузадрапированной аркѣ, очень глухо—охватили сразу Бодрова. Онъ, пожавшись отъ свѣжаго вѣтра, подошелъ къ парапету. Глубоко внизу, невидное въ темнотѣ, шумѣло море. Только на дамбѣ пристани мелькали огоньки. Зато пламя Везувія пылало теперь ярко-алымъ, почти багровымъ пятномъ на его вершинѣ. Даже по бокамъ его краснѣли съ одной стороны короткія огненныя полосы.

Бодровъ прошелъ вдоль парапета подальше отъ салона, сѣлъ на широкій холодный камень ограды—и сталъ слушать звуки моря.

Глухіе, мѣрные, полные страннаго ритма, они точно вздымались снизу изъ-подъ отвѣса и, достигая извѣстной высоты, падали назадъ—замирали, чтобы снова подниматься и снова падать. Послѣ назойливаго тренькавья Дрейгеля было что-то величественно-мрачное въ этихъ звукахъ...

«Вотъ она — нирвана!» вдругъ прошепталъ Бодровъ и, перегнувшись черезъ парапетъ, сталъ всматриваться въ тьму моря.

III.

Долго ли Бодровъ сидѣлъ неподвижно у парапета,—онъ самъ не помнилъ. Море шумѣло внизу, опереточное тренькавье Дрейгеля доносилось издали; то и другое звучало глухо, отдаленно и отдавалось въ ушахъ Бодрова страннымъ дуэтомъ: могучее, великое, страшное сливалось съ мелкимъ, ничтожнымъ и пошлымъ. Отъ моря вѣяло холодомъ, бездной; отъ звуковъ піанино—раздражающей назойливостью, какой-то ликующей дрянностью...

— «Вотъ она—смерть и жизнь!»—думалъ Бодровъ.

Онъ такъ углубился въ свои смутныя мысли, что не замѣтилъ, какъ

музыка танцевъ затихла и только море, всепобѣдное море гудѣло внизу... Онъ это почувствовалъ уже нѣкоторое время послѣ того, какъ танцы въ салонѣ прекратились. И, почувствовавъ это, слыша одно море, онъ задрожалъ. Точно звуки оперетки еще ставили какую-то пошлую, гадкую, но все же преграду между нимъ и этой глухо ревущей бездной; теперь же только эта бездна звала его, звала и страшила... И Бодровъ ощутилъ даже облегченіе, когда чья-то рука легла на его плечо въ темнотѣ.

— Дружище! Уединился?—раздался ласковый голосъ Гайриша. Бодровъ услышалъ сзади себя его, тяжелое отъ танцевъ, сильное дыханіе.—Не можешь представить себѣ, что за милый народъ,—продолжалъ Гайришъ, садясь рядомъ съ Бодровымъ.—Ну, гдѣ это встрѣтишь у насъ, на Руси: первое знакомство—и никакихъ церемоній, никакого льда, въ отношеніяхъ, который у насъ бы пришлось разбивать цѣлыми недѣлями... Потомъ, гдѣ жеманство, сплетни, карты, питье, ѣда не во - время!—всѣ эти неизбѣжные атрибуты россійскихъ сходбищъ... Люди—не мальчики, есть сѣдые... а поютъ, пляшутъ, шутятъ. Теперь затѣяли игры въ фанты... Я пошелъ тебя искать... Нина послала... хочетъ какой-то фантъ съ тебя содрать! Пойдешь?.. Или лучше посидимъ здѣсь вмѣстѣ! Ишь и природа-то здѣсь какая чудная. Море-то... вулканъ... прелесть.

— Да, посидимъ,—тихо отозвался Бодровъ.

— Пожалуй! — согласился Гайришъ,—а то я самъ отъ этихъ фантовъ отвыкъ. Нагоритъ отъ супруги, ну, да все равно... Что-жъ, мы въ молчанку будемъ играть?—съ нѣкоторой неловкостью сказалъ онъ, немного помолчавъ и тщетно подождавъ—не отзовется ли Бодровъ. — А впрочемъ молчи. Мнѣ надо съ тобой объясниться. Жена мнѣ намекала, что ты пустилъ уже на мой счетъ нѣсколько эпиграммъ... Я такъ, впрочемъ, и ожидалъ... Но непріятно быть дурно истолкованнымъ. Поэтому не сердись и выслушай. Право же за мной нѣтъ никакихъ преступленій. Кто я былъ, когда мы сидѣли на одной скамьѣ? Здоровый буршъ съ англійской закваской въ крови. Не глупъ, получилъ въ дѣтствѣ довольно свободное воспитаніе. Мозгъ работалъ, кровь кипѣла. Отсюда воспослѣдовало все, что тебѣ извѣстно. Я благоразумно покинулъ almam matrem. Все равно, nolens-volens, пришлось бы сдѣлать, какъ это случилось съ тобой... Дальше? Что же дальше? Вижу, что хочу жизни, ощущеній, огня. Силенъ, крѣпокъ, молодъ. Пути два — проповѣдь или работа. Проповѣдь: наука, адвокатура, педагогика, литература... Силъ бы и хватило на что-нибудь изъ этого... Но или иди на сдѣлки, или лобъ расшибай. Я не плутъ, не мѣдный лобъ, да и не герой, къ сожалѣнію. Слѣдовательно — по боку. Работа—то-есть, почти механическая работа—практическая медицина, техника, бюрократія, военное дѣло... Медицина—вещь безобидная,—только не въѣзжай философски въ біологію, въ психіатрію,—и для ума, для способностей задача, и людямъ польза... притомъ совершенно невозбранная... Все остальное, конечно, не по мнѣ,—но медицина отчего же? Какая медицина? Ты помнишь; всякая толпа, всякая масса, особенно нетронутая, народная—моя слабость... Демагогія не выгорѣла, почему же вмѣсто политики, умственнаго лѣченія массъ, не приняться за лѣченіе просто физическое... Гдѣ у насъ массовая организація?—войско!.. Давай лѣчить его... «Почему не земскія, не чернорабочія, не фабричныя больницы?»—думаешь ты. Да, ты это думаешь, я знаю... Да потому, мой

милый, что мнѣ нужна власть, сила, свобода дѣйствій... А вѣдь тамъ у насъ вездѣ нищета, скудость, демагогическія заподозриванья и мало ли еще что!.. Да и развѣ бы я удержался отъ демагогіи? А я, повторяю,—не мѣдный лобъ, не герой... Тутъ же въ войскѣ... ну, тутъ иная статья. Понимаешь—все могуче скристаллизировано... ногтя не подточишь. А просто лѣчишь... сколько угодно—все къ вашимъ услугамъ. Дѣйствуй и владѣй! Особенно у насъ въ гвардіи. Средствъ не жалѣютъ, о физикѣ людской вокакъ заботятся! Здоровая, прямая дѣятельность, и народъ-то къ намъ попадаетъ отборный... Люблю я эти образцы физики человѣческой! Самъ, братъ, въ кавалеріи нарочно рядовымъ отбылъ годъ, чтобъ все узнать—условія, бытъ, всю жизнь своихъ паціентовъ! Собираюсь писать книгу...

— Ты?—вдругъ вырвалось у безмолвнаго до сихъ поръ Бодрова.

— Я, милѣйшій, я. Не удивляйся и не безпокойся: не по демагогіи.

Гайришъ посмѣялся веселымъ, короткимъ смѣхомъ. Точно его пощекотали.

— Напишу по-англійски. Ты знаешь—въ нашей семьѣ искони этотъ языкъ второй родной. И это превосходный для меня рессуръ. Напишу, конечно, безъ своего имени, выпущу въ Лондонѣ. Пріятели тамъ есть. Устроятъ это. Книга будетъ называться: «Условія общественнаго и индивидуальнаго здоровья массъ». Четыре отдѣла: Пища и жилье. Работа. Половыя отношенія. Общественность, какъ условіе здоровья... Знаешь, нѣсколько въ духѣ новомальтузіанцевъ... Выводы: право и возможность для всякаго—полнагó здоровья, всеконечно въ предѣлахъ «физики»—разумѣю всесторонняго развитія тѣла. Книжечка будетъ забористая. Поднесу ее Европѣ. Пускай раскусятъ. И посвящу ее англійскимъ лобстерамъ... Это въ моей старой Англіи такъ гвардейскихъ солдатъ зовутъ. Образцы мужского тѣла, голубчикъ. Хотя наши преображенцы едва ли уступятъ... Книга вчернѣ у меня почти готова. Въ прошломъ бы году выпустилъ... да женитьба помѣшала... Плаваю въ нирванѣ семейнаго счастья. Давно бы пора жениться. Тоже одно изъ условій гармоническаго бытія. Разумѣется, не исключительно законный бракъ, но всякое прочное, здоровое сожительство!

Гайришъ очевидно увлекся тѣмъ, что говорилъ. Онъ говорилъ все громче, все оживленнѣе.

— Удивляюсь, отчего ты не сдѣлался ветеринаромъ. Написалъ бы книгу о скаковыхъ лошадяхъ. Отъ всякой демагогіи, отъ всякаго разбиванія лба еще дальше!—неожиданно, съ горькой нотой, перебилъ его Бодровъ.

Гайришъ вдругъ громко расхохотался.

— Ну, ей-Богу же... зло, зло, пріятель,—весело говорилъ онъ сквозь хохотъ,—и не совсѣмъ невѣрно... Но... очень людей я люблю... какъ физическій организмъ люблю! Понимаешь, какъ древній грекъ-скульпторъ любилъ... А то, можетъ-быть, и ветеринаромъ бы сталъ... и лошадь—животное чудное. Я въ кавалеріи научился ее любить... Ну, а что до книги—ты не шути... Новомальтузіанство — это сѣмена будущаго. И я кину моей книгой въ почву будущаго хорошее, здоровое зерно. Конечно, для такихъ зеренъ общественной гигіены почва пока еще только Европа... но... но современемъ тотъ же плугъ вѣдь пройдетъ и по нашему полю... Я разумѣю плугъ общественной эволюціи!

Гайришъ говорилъ громко, отчетливо и ясно. Море внизу глухо шумѣло. Изъ салона временами долетали веселые восклики. Бодровъ молчалъ.

Его точно подавилъ этотъ типъ самоувѣреннаго, даровитаго, широкаго даже въ своей грубо-матеріалистической узости человѣка, какимъ вдругъ, въ своихъ рѣчахъ, предсталъ передъ нимъ его старый товарищъ.

Гайришъ закурилъ дорогую благоуханную сигару. Слѣдя за дымкомъ ея, слегка бѣлѣвшимъ въ темнотѣ, онъ остановилъ свой взглядъ на Везувіи, пламя котораго на вершинѣ стало ярче.

— Вотъ любопытно, — заговорилъ онъ снова,—когда-то запрягутъ люди этотъ паровикъ и этотъ двигатель.

И онъ кончикомъ сигары указалъ на вулканъ и на море.

— Какая огромная сила будетъ пущена въ ходъ. Представь, со временемъ. Новомальтузіанство добьется равномѣрнаго распредѣленія продуктовъ; тайны эксплоатированія силъ Ніагаръ и Везувіевъ будутъ уловлены, почва доведется до идеальной интенсивности, аэростатъ сдѣлается лучшимъ способомъ передвиженія, ногами каждаго изъ людей станетъ велосипедъ, рядомъ съ пенснэ мы будемъ носить карманный телефонъ, вмѣсто записной книжки — микрофонъ-фонографъ и моментальную фотографію, почти весь физическій трудъ будетъ возложенъ на естественные двигатели,—и человѣчество, въ истинно-гигіеническихъ условіяхъ, все одинаково сытое и праздное, уйдетъ въ глубь умственныхъ перспективъ науки и искусства... А! каково будущее! Вотъ созерцаніе-то этой перспективы будущаго—истинная желательная нирвана; участіе въ ея приближеніи—какъ, напримѣръ, я своей книжкой — чувство реальнаго погруженія въ эту нирвану... Всѣ ничтожные уколы, всѣ неудачи: и чувство демагога въ намордникѣ, и все прочее, перенесешь какъ прыщъ на носу, погружаясь въ это дивное созерцаніе. Ибо и Сакья-Муни,—широкая былъ башка, надо сознаться,—и онъ едва ли разумѣлъ мистическую загробную нирвану, развѣ что по необразованности, свойственной его вѣку. А возможно, что и онъ понималъ то, что и я:—созерцаніе необъятныхъ путей человѣчества, сидя въ собственномъ микроскопическомъ атомѣ біологическаго и соціологическаго процесса! А, вѣдь возможно?

Гайришъ замолчалъ и слегка засопѣлъ, усиленно куря сигару.

— Возможно!—точно противъ воли, тихо вырвалось у Бодрова.

— Ага! Я, кажется, тебя расшевелилъ. Больше не пускаешься въ эпиграммы!—снова весело засмѣялся Гайришъ.

Но Бодровъ опять молчалъ. Онъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ ушелъ въ созерцаніе той перспективы, штрихи которой набросалъ передъ нимъ товарищъ. Онъ смотрѣлъ упорно въ темную даль—на огонь вулкана, и глаза его застилала какая-то дымка... Море шумѣло, крики въ салонѣ усиливались. Вдругъ Бодровъ быстро всталъ съ парапета, на которомъ сидѣлъ, провелъ рукой по глазамъ и, сжавъ руку Гайриша, сказалъ взволнованнымъ, странно дрожащимъ голосомъ:

— Да, ты можетъ-быть правъ. И пожалуйста, прошу тебя, не придавай значенія, какъ ты называешь это... моимъ эпиграммамъ! Право... во мнѣ нѣтъ никакого дурного чувства къ тебѣ... Мнѣ только теперь... если хочешь, я скажу... удивительно завидно тебѣ. Ты поразительно счастливъ! Ослѣпительно! Это безъ всякой ироніи...

— Вижу, вижу, — тоже нѣсколько взволнованнымъ, но очень довольнымъ голосомъ отвѣтилъ Гайришъ, крѣпко потрясая руку Боброва. — Да, я дѣйствительно... счастливъ!

И онъ, сильно выпятивъ высокую грудь впередъ, точно собираясь ею

захватить весь воздухъ, раздулъ ноздри своего крупнаго носа.

— И все-таки, верхъ моего счастія—жена! Скажу тебѣ, какъ старому товарищу. Она, такъ сказать, summa summarum моихъ pia desideria! Но ты ее зналъ раньше меня и, вѣроятно, оцѣнилъ. Ты чутокъ и зорокъ... Видѣлъ, какъ этотъ жидконогій музыкантишка растаялъ!

И Гайришъ вдругъ неожиданно закатился громовымъ, самодовольнымъ смѣхомъ.

— Ага! вотъ, вотъ они! Я нашелъ! Я! Я!—раздался почти торжествующій вопль по-французски сзади нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

То радостно кричалъ Ричарди.

Гайришъ и Бодровъ повернулись и увидѣли, что по направленію къ нимъ, по темному палисаднику, бѣжало нѣсколько мужчинъ. То были Ричарди, Донайо и Дрейгель. Ричарди, самый старшій, бѣжалъ впереди всѣхъ, дѣлая необыкновенно легкіе прыжки. Его почти бѣлая голова мелькала точно комъ снѣга въ сумракѣ ночи, и, ловко перепрыгнувъ стоявшую на пути его скамью, веселый старичокъ очутился носъ къ носу съ Гайришемъ. Онъ и его спутники весело хохотали.

— Въ чемъ дѣло, господа?—спросилъ Гайришъ.

Дрейгель и итальянцы начали наперерывъ разсказывать. Но Ричарди перекричалъ другихъ.

— Monsieur Гайришъ! — восклицалъ онъ, жестикулируя, — синьора, супруга ваша, обѣщала дать розу тому, кто найдетъ васъ и вашего благороднаго друга. Мы пустились на эти поиски, и долго не могли разсмотрѣть въ темнотѣ, гдѣ вы, но услыхали вашъ смѣхъ, и вы можете засвидѣтельствовать вашей супругѣ, что я первый...

— Позвольте, позвольте! — загорячился Донайо, — почти выходя изъ себя.—Смѣхъ услышали мы всѣ трое за разъ, и увидѣлъ огонекъ вашей сигары я первый...

— Господа, мы всѣ трое, мы всѣ трое—за разъ! — вступился въ свою очередь дипломатъ.

— Господа! Я не уступлю. Я первый. Monsieur Гайришъ засвидѣтельствуетъ своей супругѣ, — снова запѣтушился Ричарди.

— Позвольте, господа,—авторитетно остановилъ ихъ всѣхъ Гайришъ. — Я за синьора Ричарди. Онъ первый явился въ нашъ уголокъ. Притомъ еще есть одно обстоятельство. У синьора Ричарди, съ моей точки зрѣнія, есть преимущество. Вы оба, если не ошибаюсь, — холостяки; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ удовольствія видѣть въ нашемъ кружкѣ дамъ вашего сердца. Синьора же Ричарди, вѣроятно, не откажетъ мнѣ въ компенсаціи. Я также надѣюсь получить изъ ея рукъ розу.

— О! О! если такъ... если такъ... разумѣется! — не безъ досады зашумѣлъ Дрейгель, а за нимъ Донайо.

Ричарди просіялъ. Онъ бросился вприпрыжку къ салону. Гайришъ медленными шагами своихъ длинныхъ ногъ пошелъ за нимъ. Дрейгель, Донайо и Бодровъ поплелись неохотно вслѣдъ.

Старушка - генеральша съ Бертой уже ушла изъ салона. Ей, вѣроятно, пришло время спать. Берта же была недовольна явнымъ ухаживаньемъ Донайо за русской дамой. Красивый и изящный Венлино, который, очевидно, не гнался за такими эфемерными вещами, какъ роза изъ дамскихъ рукъ, сидѣлъ между Ниной Андреевной и синьорой Ричарди и, склоняя то въ одну, то въ другую сторону свою бѣлокурую, тщательно расчесанную голову, говорилъ дамамъ о Тассо, уроженцѣ Сорренто.

Когда Бодровъ, вслѣдъ за Гайришемъ и Ричарди, вошелъ въ арку салона, онъ подумалъ, что этотъ итальянецъ и эти двѣ женщины: одна—цвѣтущая блондинка, съ лицомъ почти русской деревенской красавицы, другая—болѣзненно-томная брюнетка, съ видомъ южной аристократки — представляютъ очень красивую картину.

Обѣ женщины слушали съ большимъ участіемъ.

— Нѣтъ, представьте вы себѣ этого нервнаго, поэтичнаго, всегда напряженно-воодушевленнаго человѣка, на этомъ родномъ берегу думающаго о своей Элеонорѣ, о далекой Феррарѣ... Это еще не тюрьма, не камера для ложно-сумасшедшаго, которыя уже ждутъ поэта, но сколько поэтической горечи въ этой картинѣ: Тассо въ уединеніи, на берегу моря,—говорилъ на красивомъ французскомъ языкѣ Венлино.

Онъ говорилъ тихо, какъ-то затаенно, почти вполголоса,—и ласково загадочный взглядъ его красивыхъ глазъ скользилъ по лицамъ женщинъ, точно не зная, на которой остановиться. Онъ говорилъ такъ красиво, что Гайришъ и Ричарди, войдя, прислушались невольно.

— Синьоръ Венлино, вы сами поэтъ! Какъ вы мастерски разсказываете! — воскликнулъ Гайришъ, зорко посмотрѣвъ на итальянца.

— Я уроженецъ Сорренто и не одаренъ никакимъ талантомъ, кромѣ любви къ поэзіи и моему великому земляку! — граціозно пожавъ плечами и отходя въ сторону, сказалъ Венлино съ легкой грустью.

Женщины, слушавшія его, точно проснулись отъ очаровательнаго сна. Съ плохо скрытымъ недовольствомъ выслушали онѣ заявленіе Ричарди о правѣ и Гайриша—о желаніи получить розу. Въ волосахъ обѣихъ дамъ были розы, поднесенныя любезнымъ Негри, передъ табль-д'отомъ, — Нинѣ Андреевнѣ, какъ новой его жилицѣ, и синьорѣ Ричарди, какъ наиболѣе знатной. Лѣниво вынули красивыя женскія руки эти розы изъ волосъ и подали каждому претенденту на нихъ.

— Синьоръ Венлино! что же, продолжайте вашъ разсказъ! — крикнула нетерпѣливо Нина Андреевна.

— Pardon, madame! Разъ настроеніе перебито,—буду плохо разсказывать... Если вы позволите, я вамъ доставлю очень интересную біографію нашего поэта!—склонился передъ ней Венлино.

Гайришъ продолжалъ смотрѣть на него зорко.

— Синьоръ Венлино, вы охотникъ читать?—спросилъ онъ почти сухо.

— Да, синьоръ Гайришъ, я люблю думать, а эти двѣ страсти почти неразрывны, — отвѣтилъ съ странной, мягкой серьезностью Венлино.

Нина Андреевна пристально посмотрѣла на него.

— Да, я попрошу васъ принести мнѣ біографію Тассо. Завтра, часа въ два, зайдите къ намъ, № 13. Буду рада васъ видѣть.

Венлино молча поклонился.

Это приглашеніе вывело окончательно изъ себя Донайо. Его лицо подергивалось. Онъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Не пора ли расходиться? Уже двѣнадцать.

Гайришъ тоже посмотрѣлъ на свои часы.

— Да, я, какъ докторъ, въ особенности для синьоры Ричарди, совѣтую не засиживаться.

Ричарди при этихъ словахъ сейчасъ же взялъ очень заботливо свою жену подъ руку. Роза у него красовалась въ петлицѣ, и онъ на нее поглядывалъ съ гордостью.

Дрейгель и итальянцы начали сей-

часъ же прощаться. Мгновеніе спустя они разошлись.

Но Нина Андреевна все еще сидѣла въ салонѣ. Гайришъ стоялъ передъ ней, вертя въ рукахъ розу синьоры Ричарди. Брови его слегка хмурились. Бодровъ, полускрытый драпировкой арки, смотрѣлъ на нихъ.

Нина Андреевна была такъ занята разсказомъ Венлино, что почти не замѣтила, когда Анатолій Ильичъ вошелъ въ салонъ. Вдругъ она громко расхохоталась.

— Хорошъ! Ревнивецъ! Прогналъ всю компанію. Сталъ на одну доску съ этимъ чувствительнымъ музыкантомъ!—говорила она сквозь смѣхъ.

— Дай мнѣ твой пульсъ, — спокойно сказалъ Гайришъ, держа все еще часы въ рукѣ.

Нина Андреевна съ хохотомъ протянула ему руку.

Онъ совершенно серьезнѣйшимъ образомъ по часамъ прослѣдилъ ея пульсъ.

— Ничего. Ажитація нормальная!— спокойно сказалъ онъ, пряча часы въ карманъ.—Вотъ что слѣдовало сдѣлать Позднышеву въ «Крейцеровой сонатѣ» прежде, чѣмъ убивать жену, — обратился онъ совершенно серьезно къ Бодрову.

Нина Андреевна продолжала смѣяться.

— Анатолій Ильичъ! видали вы такихъ мужей? — воскликнула она. — Онъ, вѣроятно, когда замѣтитъ во мнѣ признаки излишней ажитаціи и, слѣдовательно, увлеченія кѣмъ - нибудь, пропишетъ мнѣ kali bromati...

— Нѣтъ, я сдѣлаю другое, — попрежнему совершенно спокойно и серьезно продолжалъ Гайришъ, раскуривая новую сигару.

— Надѣюсь, не то, что Позднышевъ?—улыбаясь, сказала жена.

— Конечно, не то. Я не мономанъ. Я самъ брошу тебя немедленно.

— Любя-то? По одному подозрѣнію?! — пораженная такимъ сюрпризомъ, воскликнула Нина Андреевна.

— Именно любя. Я знаю себя. Во мнѣ очень скоро проснется звѣрь и... неукротимый! Мои предки ѣли всегда слишкомъ много мяса. Разъ подозрѣніе... кончено. Я и ты—на краю гибели. Этимъ шутить нельзя. Лучше сразу идти каждому своей дорогой, какъ бы это тяжело ни было... Ни умирать, ни сдѣлаться преступникомъ никому изъ насъ нѣтъ достаточныхъ основаній, хотя бы во мнѣ была кровь Отелло, а въ тебѣ — Лукреціи Борджіа! Нѣтъ, лучше врозь, чѣмъ допустить, чтобы подъ одной кровлей зачесались руки на убійство... У меня и у тебя есть разумъ и воля. Надо только скорѣе изолироваться, изолироваться... Въ человѣческой жизни — все впечатлѣнія и возможности... Перестрадать можно все, лишь бы... лишь бы подальше отъ соблазна, отъ возможности накуролесить!

— Видите, какой онъ у меня! Мнѣ съ нимъ не страшно! Раціоналистъ во всемъ! — не безъ нѣжности сказала Нина Андреевна, беря мужа за руку послѣ его сдержанной, серьезной рѣчи.—Ну, пойдемъ, утилитарный Отелло. Дѣйствительно, пора спать. А вамъ, Анатолій Ильичъ, я завтра отомщу. Вы сами не ожидаете какъ. Отомщу за все: и за то, что вы все время молчали, и за то, что убѣжали отъ насъ и утащили мужа... и вообще за то, что вы стали такой... ужасно противный! — послѣ легкаго затрудненія закончила свои шутливыя слова Нина Андреевна.

Она ласково кивнула Бодрову. Гайришъ крѣпко пожалъ ему руку. Они удалились изъ салона. Бодровъ снова вышелъ въ палисадникъ.

Море шумѣло какъ будто еще глуше. Онъ остановился и прислушался.

— Перестрадать, но бѣжать отъ

соблазновъ и возможности накуролесить!—сказалъ онъ вслухъ и, странно улыбнувшись, покачалъ головой и пошелъ въ свою комнату.

Море настойчиво и однообразно шумѣло ему вслѣдъ.

Поднимаясь къ себѣ по лѣстницѣ и прислушиваясь къ этому отдаленному гулу стихіи, онъ еще разъ покачалъ головой.

IV.

На слѣдующее утро, не успѣлъ лакей Пеппо унести изъ комнаты посуду, въ которой онъ подалъ постояльцу утренній кофе, Анатолій Ильичъ услыхалъ голосъ Нины Андреевны. Она была въ саду и звала его. Онъ вышелъ на балконъ, примыкавшій къ его помѣщенію, и взглянулъ внизъ.

Въ лучахъ превосходнаго весенняго утра, заливавшаго ослѣпительнымъ блескомъ палисадникъ съ его оливами и магноліями, стояла Нина Андреевна, въ свѣтломъ костюмѣ, въ легкой шляпѣ изъ почти воздушной соломы, вся—воплощеніе свѣжести, здоровья, веселья.

— Вы забыли, что я собралась вамъ мстить!—весело кричала она и улыбалась ему, поднявъ лицо вверхъ, при чемъ блики солнца и пятна тѣни такъ и бѣгали по ея нѣжной кожѣ, отражаясь отъ почти прозрачной шляпки, длиннымъ мысомъ нависшей надъ лбомъ.—Анатолій Ильичъ, Анатолій Ильичъ! месть моя готова. Сходите скорѣе. Да захватите шляпу. Вы со мной tête-à-tête ѣдете кататься въ лодкѣ. Лодка нанята, ждетъ внизу... гребецъ есть, словомъ—все готово!

Бодровъ, стоя на балконѣ и смотря на свою пріятельницу, закрылъ на мгновеніе глаза. Онъ какъ будто былъ въ нерѣшимости—послѣдовать ли этому приглашенію, сдѣланному своевольно-капризнымъ тономъ балованной женщины. Но онъ улыбнулся своей обыкновенной загадочной улыбкой и, надѣвъ шляпу—пробковый шлемъ, сошелъ быстро въ палисадникъ.

— Вотъ это мило! Безъ задержки. Кофе вы напились — мнѣ сказалъ Пеппо. Идемте же!

И она быстро, рискуя упасть, побѣжала по длинной лѣстницѣ, высѣченной въ скалѣ и ведшей къ морю, гдѣ были купальни и приставали лодки.

Бодровъ осторожнѣе, чѣмъ его спутница, сходилъ съ одной узкой крутой ступеньки на другую, а ихъ было болѣе двухсотъ. Лѣстница шла зигзагами. На одномъ поворотѣ они услышали хрюканье.

— Посмотрите, посмотрите, какіе милые поросятки!—воскликнула Нина Андреевна, остановившись передъ натуральнымъ хлѣвомъ, который Негри устроилъ на одной изъ площадокъ лѣстницы въ гротѣ утеса.

Изъ-за досокъ, которыми былъ закрытъ хлѣвъ-гротъ, высовывались маленькіе темные пятачки. Щекоча пальцемъ эти пятачки, ускользавшіе отъ нея, Нина Андреевна смѣялась отъ всей души. Чувствовалось, что избытокъ жизни и благополучія такъ и рвался почти изъ каждой поры ея цвѣтущаго тѣла. Бодровъ пристально смотрѣлъ на нее и былъ серьезенъ.

— Однако, въ лодку, въ лодку! Скорѣе, скорѣе!—нараспѣвъ закричала она и почти вприпрыжку бросилась внизъ по ступенямъ.

Когда Бодровъ догналъ ее внизу—она уже садилась въ маленькую кокетливо раскрашенную лодочку съ легкимъ полосатымъ навѣсомъ. Она приподняла край платья, переступая съ большого прибрежнаго камня черезъ бортъ лодочки. Крѣпкая и красивая, небольшая нога ея, съ крутымъ, высокимъ подъемомъ, въ свѣтло-сиреневомъ башмакѣ, бросилась въ глаза Бодрову. Она замѣтила это.

— Что, красива у меня нога?—живо спросила она и замедлила садиться въ лодку, чтобы показать ему ногу.—Жоржъ говоритъ, что анатомически она образецъ... А онъ—у!—какой знатокъ и любитель анатоміи!

Бодровъ усмѣхнулся.

— Зачѣмъ вамъ мое мнѣніе, когда вы знаете спеціалиста!—сказалъ онъ, влѣзая въ лодку и покачнувъ ее.

— Какой вы злюка стали. Даже комплимента отъ васъ не дождешься теперь... А помните! — сказала Нина Андреевна и сѣла подъ навѣсъ лодки съ лукавой улыбкой на губахъ.

— Помню. Какъ не помнить!—снова усмѣхнулся Бодровъ, помѣщаясь противъ нея.

Гребецъ-итальянецъ, небольшой парень, почти бронзоваго цвѣта, въ синемъ матросскомъ костюмѣ, съ головой въ красномъ шерстяномъ колпакѣ, взялся за весла. Пришлось прибѣгнуть къ нимъ, потому что вѣтра не было ни малѣйшаго. Матово-серебристое море было почти неподвижно. Гладь его сливалась съ свѣтлой сіяющей далью прозрачной атмосферы. Капри, Искія и другіе острова, точно вырѣзанные изъ тонкаго лиловаго стекла, мягко рисовались на горизонтѣ. Везувій былъ блѣдно-голубого цвѣта и почти не дымилъ.

— Ахъ, какая прелесть! — вдругъ воскликнула Нина Андреевна. — Посмотрите. Тишь и блескъ! И больше ничего!

И она сама затихла — вся мягкое, мечтательное созерцаніе. Бодровъ смотрѣлъ на нее.

Гребецъ сильными взмахами веселъ уже далеко отогналъ лодку. Но онъ дѣлалъ это такъ ловко, что лодка почти не колебалась... Чья-то яхта, вѣроятно лорда-англичанина, жившаго въ отелѣ «Викторія» въ Сорренто, стояла легко накренившись, со сложенными парусами. Узкая и стройная, она казалась на водѣ гигантской дремлющей птицей.

Нина Андреевна вдругъ встрепенулась, замѣтивъ упорный взглядъ Бодрова.

— Что, я подурнѣла съ тѣхъ поръ, какъ, помните, вы меня видѣли дѣвушкой?—неожиданно спросила она.—Говорите откровенно. Насъ никто не слышитъ. А этотъ ничего не поймётъ,—указала она на гребца...

— Вы знаете, что я всегда говорилъ съ вами откровенно,—сказалъ тихо Бодровъ.—Вы...—онъ помедлилъ.—Вы похорошѣли... почти ослѣпительно расцвѣли...—какъ будто, наконецъ, рѣшился онъ.—Но... вы гораздо менѣе интересны теперь... Тогда было въ васъ стремленіе куда-то, жажда чего-то, томность и легкая грусть... А теперь вы существо законченное—блескъ и тишь! Какъ вы сказали про море...

— Да, вѣроятно, такъ,—вымолвила Нина Андреевна.—Вы это красиво сказали... красиво и, должно-быть, вѣрно. Вотъ чего одного недостаетъ моему мужу—красоты, образности въ рѣчи... Онъ слишкомъ точенъ. Но не въ немъ дѣло. Какъ вы думаете... еслибъ я пошла, какъ вы мнѣ тогда совѣтовали, въ оперу... явилась ли бы во мнѣ эта неинтересная конченность?.. Вѣроятно бы не явилась...

И Нина Андреевна странно пытливо посмотрѣла на Бодрова.

— Думаю, что не явилась бы, — прежнимъ тихимъ голосомъ продолжалъ онъ.—Искусство... вообще всякое творчество никогда не даетъ законченности человѣку... Оно все гонитъ впередъ, впередъ...

— Но то, что вы дѣлаете... эти ваши историческія и другія работы... статьи... Вѣдь это тоже творчество... Вѣдь вы не ученая крыса. Вы, какъ Маколей или Карлейль. Вѣдь это тоже почти искусство.

— Да, конечно,—подтвердилъ онъ, нѣсколько хмурясь.

— А между тѣмъ вы знаете... И въ васъ я нашла... тоже законченность... Но только другую и очень нехорошую, Анатолій Ильичъ! — сказала Нина Андреевна и слегка наклонилась къ нему, стараясь заглянуть въ его глаза.

Лицо Бодрова подернулось страннымъ туманомъ. На минуту оно стало похоже на маску.

— Ну, вотъ видите, вотъ и теперь... Голубчикъ, скажите, вы несчастны?— схватила она горячо его руку.

— Развѣ я иначе смотрю теперь, чѣмъ тогда?—глуховато сказалъ Бодровъ.

— Тогда, когда вы до 2—3 часовъ ночи засиживались у меня, глупой дѣвочки!..—воскликнула Нина Андреевна. — Конечно иначе. У васъ тогда часто былъ усталый видъ, но вы жили... чувствовалось, что вы живете, боретесь, знаете и хорошее, и дурное...

— И даже ухаживаю слегка!—иронически дрогнулъ его голосъ.

— Ну, да, конечно! Я замѣчала это,—отвернувшись и играя рукой въ водѣ, сказала нѣсколько смущенно Нина Андреевна. — Но вѣдь это были пустяки... Просто, я вамъ показалась хорошенькой... ну... вы долго жили въ Петербургѣ безъ жены... словомъ... Но я знала, что вы не влюблены же въ меня.

— Да, я не былъ влюбленъ,—задумчиво отозвался Бодровъ.—Но прелесть этихъ вечеровъ, проведенныхъ съ вами, никогда не забуду.

— И что васъ такъ тянуло ко мнѣ? что? — оживленно подхватила она.— Неужели только рожица? Вѣдь я, кажется, достаточно прямо говорю. Я удивляюсь. Помните—вы меня хотѣли сдѣлать прозелиткой новѣйшихъ общественныхъ теорій... Толковали, книги давали... Книги я не дочитала... слушала васъ съ трудомъ. Я такъ мало подготовлена ко всему этому, такъ мало развита... Да вы это и сами поняли. Сейчасъ же перешли къ темамъ объ искусствѣ. Ну, тутъ-то я могу постоять за себя. И видѣла, и читала довольно. Говорятъ, и чутье у меня есть... Но вѣдь этого же мало... Вонъ у васъ жена, говорятъ, какая артистка! На что была я вамъ? Теперь дѣло прошлое... Я замужемъ... Скажите!..

Нина Андреевна вся разгорѣлась, говоря это. Она теперь обмахивалась платкомъ и смотрѣла затуманившимся взглядомъ на море.

Бодровъ сидѣлъ, спокойный и задумчивый.

— Я вамъ скажу,—отозвался онъ попрежнему тихо.—Но прежде, Нина Андреевна, объясните мнѣ, чѣмъ былъ вамъ интересенъ я. Вѣдь я не ошибался. Вы не скучали, когда я у васъ засиживался... потомъ вы мнѣ писали. И такія милыя письма.. Это ужъ вѣрный признакъ, что человѣкъ не... не противенъ, по крайней мѣрѣ.

— Ахъ, Боже мой! Конечно, вы мнѣ были ужасно интересны. Съ того самаго вечера, какъ вы читали у моего учителя вашу статью. Вообразите. Дѣвочка присутствуетъ при чтеніи вещи авторомъ, — чтеніи, которое потрясаетъ человѣкъ тридцать... у дамъ на глазахъ слезы... мужчины взволнованы... И вы были такъ милы со мной: помните, когда я въ восторгѣ бросилась къ вамъ?.. Кажется, понятно! Я такая взбалмошная, впечатлительная!

— Ну, это тогда, въ тотъ разъ,— перебилъ ее Бодровъ,—а потомъ, въ въ эти безконечные вечера, вдвоемъ... Помните, какія сплетни начали ходить? Вы даже сплетенъ не боялись.

— Ну, на сплетни я никогда не обращаю вниманія. Вы знаете, какъ я съ 16-ти лѣтъ своевольна и эксцентрична... А сидѣть съ вами... не знаю, ну, просто... очень интересно было... Кто же такъ, какъ вы, говоритъ объ искусствѣ... А вы знаете, какая я любительница и беллетристики, и живо-

писи. Ну, наконецъ, меня трогало ваше вниманіе... Я и вы... Дѣвочка и такой даровитый человѣкъ. Впрочемъ, и еще было. Я была въ борьбѣ. Искусство—опера, или семья — личное счастье? Мама меня хотѣла непремѣнно выдать замужъ, а цыганская натура, самолюбіе, любовь къ изящному звали на подмостки... Я боролась... Вы поддерживали и подогрѣвали мое стремленіе къ сценѣ. Какъ я съ вами ни спорила, становясь на сторону мамы... но внутренно мнѣ нравилось то, что вы говорите...

— Хотя въ концѣ концовъ мама побѣдила?—тихо усмѣхнулся Бодровъ.

— Да, представьте. Ну, да это дѣло поконченное. Видите, какая прелесть Джорджъ,—быстро проговорила Нина Андреевна, точно не желая касаться этого.—Но вы про себя, про себя хотѣли сказать.

— Я скажу. Сейчасъ,—началъ глухо, закрывая глаза, Бодровъ. — Видите, милая моя Нина Андреевна. Встрѣтился я съ вами у вашего учителя, во время чтенія этой несчастной статьи, въ очень роковой для меня моментъ. А именно. До тѣхъ поръ я былъ счастливъ. Занимался я упорно любимымъ дѣломъ и былъ счастливымъ мужемъ очаровательной, по словамъ всѣхъ, умницы-жены. До тѣхъ поръ я писалъ, читалъ, учился бездну. Читалъ свои труды въ частныхъ кружкахъ, даже очень авторитетныя знаменитости, спеціалисты по моему дѣлу, хвалили. Съ женой мы жили тоже прекрасно. Но назрѣли, такъ сказать, два событія. Первое—надо было, наконецъ, пустить свои труды въ публику, второе — музыкальное призваніе жены потянуло непобѣдимо ее на эстраду. Я поѣхалъ добиваться напечатанія статьи въ Питеръ, жена поступила въ московскую консерваторію, чтобъ искусству дилетантки придать послѣдній штрихъ артистки. И вотъ на этомъ пути выяснились два обстоятельства. Охваченные каждый своимъ интересомъ, мы незамѣтно отдалились другъ отъ друга. Не измѣнили, не охладѣли другъ къ другу, а просто отдалились, попали на разныя полки жизненнаго шкапа. При этомъ у каждаго на пути были, очевидно, свои терніи. Такъ какъ дѣло идетъ обо мнѣ, то мои терніи были сквернѣйшія терніи—терніи жизни русскаго писателя. Съ одной стороны—грызня нашего голоднаго литературнаго рынка, голоднаго, а иногда и жаднаго, базаръ, черезъ который приходится продираться чуть не съ зуботычинами и пролѣзать, чуть не извиваясь змѣей: и то, и другое — и гадко и унизительно; съ другой стороны — непролазное болото умственно - нравственной путаницы, недовѣрія, заподозрѣванія, лѣни, равнодушія, гарцованія на собственномъ конькѣ,—и все это въ одномъ съ тобой лагерѣ, подъ одними знаменами; наконецъ, съ третьей — столбы и авгуры науки и литературы, одеревянѣвшіе, отъѣвшіеся, за немногими исключеніями,—словомъ, фетиши, которые въ новичкахъ еще переносятъ своихъ учениковъ, но человѣкъ со стороны для нихъ дерзкій профанъ, которому они только по деликатности не дадутъ пинка. И вотъ среди этого всего—я, homo novus. Вы прекрасно поймете мое состояніе. Жена далеко и, такъ сказать, пространственно и мыслями отъ меня, погруженная въ свою задачу. Конечно, было и въ Питерѣ нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ вашъ дорогой учитель, милыхъ, отрадныхъ, но... не у нихъ, къ сожалѣнію, сила, и они только еще лучше испытывали то, что я... Имъ самимъ дурно. И вотъ, юная дѣвушка, жизнь которой поразительно чужда всякаго жеманства, всякихъ глупыхъ цѣпей, охотно отворяетъ дверь этому homo novus, бьющемуся въ капканѣ родной

литературы. Да, милая Нина Андреевна, ваша комната была для меня лазейкой изъ этого капкана. Тамъ мнѣ дышалось свободно. Ну, да и жилось красиво среди рѣчей съ вами объ искусствѣ, о живописи... Не даромъ же меня ругаютъ эстетикомъ! Вотъ вамъ разгадка моихъ отношеній къ вамъ, моихъ теплыхъ писемъ, всего, всего, что теперь такъ далеко!

И Бодровъ, съ глубокой грустью сказавъ это, устремилъ глаза на Везувій, точно въ этомъ вулканѣ въ данный моментъ сосредоточился весь интересъ его жизни. Нина Андреевна молчала. Она точно потерялась отъ того, что услышала. Лодка плыла. Гребецъ, какъ птица, мѣрно взмахивалъ веслами. Потъ катился по его бронзовому лицу, но онъ былъ невозмутимъ и даже не морщился... Море, какъ листъ до бѣла раскаленнаго желѣза, охватывало вокругъ лодку, и паръ, кое-гдѣ поднимавшійся надъ нимъ, дополнялъ сходство съ раскаленнымъ желѣзомъ, отъ котораго идетъ дымокъ. Тишь и блескъ царили вокругъ непобѣдимо. Навѣсъ лодки прикрывалъ Бодрова и Нину Андреевну, и они, какъ въ укромномъ уголкѣ въ его тѣни, тонули ничтожнымъ атомомъ въ этомъ безпредѣльномъ знoѣ и блескѣ.

— Я этого ничего не подозрѣвала,—сказала наконецъ Нина Андреевна,—т. е. того, что вы мнѣ сейчасъ разсказали... Я, дѣйствительно, была наивная, глупая дѣвочка...

Она дышала тяжело, и глаза ея были полны самаго искренняго состраданія.

— Ну, а теперь... неужели же?— прибавила она и не рѣшилась докончить, смотря на блѣдное, неподвижное, какъ маска, лицо Бодрова.

— Теперь?—отозвался онъ. — Теперь я—какъ вы, поконченный человѣкъ. Но вамъ окончательный штрихъ дало семейное счастье. Мнѣ же—вполнѣ выяснившіяся два убѣжденія: первое—отдаленіе отъ жены по мѣрѣ ея успѣховъ пойдетъ неизбѣжно все дальше, дальше. Что касается моей литературной борьбы... то она не стоитъ свѣчъ... Барахтаться до изнеможенія въ указанномъ мною литературномъ болотѣ имѣло бы смыслъ и цѣну, еслибъ можно было протащить что-нибудь черезъ китайскую стѣну; для тѣхъ же, можетъ-быть, изящныхъ и честныхъ повтореній задовъ, которыя въ моей власти, прямо не стоитъ терпѣть!

— А ради искусства и науки... чистыхъ искусства и науки, чуждыхъ всего этого современнаго наболѣвшаго!—воскликнула Нина Андреевна, не сводя полнаго состраданія взгляда съ Бодрова.

— Къ нему вернуться нельзя, когда судьба положила на палитру краски этого наболѣвшаго современнаго. А вы знаете, палитра писателя — его душа!

— Въ такомъ случаѣ эмигрируйте, пишите на иностранныхъ языкахъ! Вы историкъ, ученый, наука вездѣ нужна! — всплеснувъ руками отъ горечи, съ которой сказалъ свои послѣднія слова Бодровъ, воскликнула Нина Андреевна.

— Къ сожалѣнію, я не имѣю и преимущества Джорджа: я писать могу только на русскомъ языкѣ. Да притомъ... въ Европѣ я буду лишній. Тамъ и безъ меня на моей дорогѣ много работниковъ... А затѣмъ... затѣмъ... Кровь и плоть моя... тамъ... поймите—тамъ! — и Бодровъ указалъ дрожащимъ пальцемъ на востокъ.

Оба опять замолчали. Потъ уже градомъ лился съ лица итальянца-гребца... Надъ моремъ поднялась какая-то бѣлая рѣющая дымка... Она сглаживала всѣ очертанія, и, казалось, лодка тонула въ бѣловато-блестящемъ туманѣ, въ которомъ воду трудно было

отличить отъ горизонта, горизонтъ—отъ тумана.

— Голубчикъ. но вѣдь въ такомъ случаѣ... что же?—тихо ломая руки, воскликнула Нина Андреевна.

— Что? — задумчиво сказалъ Бодровъ.—Нирвана!—И онъ усмѣхнулся. —Конечно, не нирвана настоящаго буддизма, не нирвана западныхъ мудрецовъ въ стилѣ Шопенгауэра. Но все-таки—нирвана... Я этотъ терминъ понимаю своеобразно... По-своему... Джорджъ мнѣ вчера говорилъ тоже о нирванѣ,—но у каждаго своя. У него, такъ сказать, нирвана динамическая. Созерцаніе всеобщаго движенія прогресса, въ которомъ и я нисколько не сомнѣваюсь. У меня же—статическая, неподвижная...

Бодровъ говорилъ почти весело, но его губы подергивались все болѣе горькой усмѣшкой.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю,— робко сказала Нина Андреевна.

Ея оживленіе, ея веселье слетѣло съ нея. Оробѣвшая, подавленная, она сидѣла точно птичка, у которой неожиданно подрѣзали крылья.

— Ну, объяснить вамъ будетъ трудно,—медленно сказалъ Бодровъ.— Взгляните на это море. Попробуйте долго молча смотрѣть на него. Не кажется ли вамъ, что вы будто исчезаете?

Нина Андреевна устремила глаза въ даль моря. Даль эта теперь представляла изъ себя совершенно бѣлую дымку; точно газъ, подернутый тонкими блестками и неуловимо колеблемый,—эта дымка мерцала, рѣяла, колыхалась. Взоръ Нины Андреевны ушелъ въ эту туманно-искристую бѣлую перспективу, у которой не было предѣла. Вдругъ молодая женщина поблѣднѣла и, точно отъ боли, зажмурила глаза.

— Да, дѣйствительно, похоже... какъ будто смотришь, смотришь, — и вдругъ нѣтъ тебя... точно проваливаешься во что-то... и жутко такъ... и хорошо! — прошептала она вполголоса, вздрагивая своими круглыми, пышными плечами.

— Вотъ испытать нѣчто подобное, но уже разъ навсегда и безвозвратно,— тихо сказалъ, пристально смотря на нее, Бодровъ.

— Но какъ же... какимъ же образомъ... безвозвратно?—точно пугаясь чего-то, вымолвила Нина Андреевна.— Неужели же... смерть? — внезапно договорила она.

Она какъ будто сама не ожидала, что такъ кончитъ свою фразу. Она сама была поражена и испугана тѣмъ, что она сказала.

Бодровъ вздрогнулъ. Но черезъ мгновеніе онъ искусственно-весело и безпечно воскликнулъ:

— Ну, зачѣмъ же смерть? Мы еще подождемъ съ вами умирать! Мы еще молоды!

И онъ вдругъ громко и неожиданно запѣлъ глуховатымъ голосомъ:

— Gaudeamus igitur...

— Juvenes dum sumus! — подхватила великолѣпнымъ груднымъ контральто Нина Андреевна.

Какъ только она запѣла, Бодровъ умолкъ. Онъ внимательно, съ явнымъ удовольствіемъ, слушалъ ее. Она замѣтила это и пропѣла нѣсколько бравурно, съ большой силой и почти удалью, всю студенческую пѣснь, произвольно украсивъ ея простой напѣвъ нѣсколько замысловатыми фіоритурами. Было очевидно, что она училась, и довольно основательно, пѣнію. Голосъ же ея звучалъ богато, бархатно и сильно. Итальянецъ-гребецъ тоже жадно прослушалъ пѣсню.

— Bene, bene, signora! — не выдержалъ, похвалилъ онъ, когда она кончила.

Бодрову казалось, что звуки ея пѣсни еще катятся по волнамъ безконечно далеко.

— А знаете,—сказалъ онъ,—все-таки злодѣй Джорджъ, что укралъ васъ у оперы.

— Нѣтъ, нѣтъ, не напоминайте объ этомъ. Я не хочу быть больной. Джорджъ мнѣ отлично объяснилъ, что славолюбіе, въ сущности, родъ психической болѣзни—манія... А сценическая карьера невозможна безъ него... Это аксіома. А я хочу быть здоровой, здоровой—и больше ничего-о!—пропѣла она послѣднюю букву звучной, веселой и очень высокой нотой.

Она снова ободрилась, разрумянилась. Точно пѣніе вернуло ей всю жизнерадостность.

— Да, вы, пожалуй, правы,—сказалъ ей задумчиво Бодровъ.—Здоровье всяческое—душевное и физическое—первая въ жизни вещь.

— Однако, мы съ вами заболтались, а Джорджъ ждетъ. Я ему обѣщала черезъ часъ вернуться... А я его не хочу ни въ чемъ, ни въ малѣйшемъ обманывать... Лучше будетъ въ крупномъ довѣрять!—сказала она съ странной, почти наивной серьезностью и попросила гребца повернуть къ берегу.

Бодровъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Экіе вы цѣльные люди съ Джорджемъ!—точно не удержался, воскликнулъ онъ.

— Но вы мнѣ о вашей нирванѣ не докончили,—сказала она, закраснѣвшись.

— Плюньте вы на нее. Я и самъ въ ней еще не разобрался!

Онъ махнулъ рукой и сталъ смотрѣть на утесистый берегъ.

(Окончаніе будетъ.)

Пѣснь объ удаломъ Домрулѣ.

В. Л. Величко.

Тюркская легенда, изъ эпопеи «Китаби-Коркудъ», съ предисловіемъ *В. В. Бартольда* *).

«Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ», на языкѣ племени *огузовъ* (предки нынѣшнихъ туркменъ), представляетъ рядъ былинъ, очевидно принадлежавшихъ къ одному циклу преданій; имена богатырей, эпитеты, характерныя выраженія постоянно повторяются. Единственная извѣстная рукопись этого сочиненія находится въ дрезденской королевской библіотекѣ. Поэма, повидимому, относится къ началу XV вѣка и даетъ намъ живую картину быта тюрковъ въ эту эпоху, когда народъ еще оставался вѣрнымъ кочевой жизни. Насколько отдѣльные эпизоды поэмы могутъ считаться произведеніемъ личнаго творчества, и насколько въ нихъ отразились «преданья старины глубокой»,—на эти вопросы мы пока не можемъ дать точнаго отвѣта, вслѣдствіе отсутствія другихъ письменныхъ памятниковъ и неразработанности тюркскаго, особенно туркменскаго фольклора. Центральная фигура поэмы,—старикъ Коркудъ, главный выразитель народной мудрости,—несомнѣнно принадлежитъ глубокой древности; культъ Коркуда, обращеннаго въ мусульманскаго святого, до сихъ поръ сохраняется у туркменъ и на древней родинѣ этого племени—на низовьяхъ р. Сыръ-Дарьи. Въ нашей поэмѣ Коркудъ является въ

---

*) В. Л. Величко, по желанію редакціи «Нивы», просилъ В. В. Бартольда, приватъ-доцента по факультету восточныхъ языковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, снабдить краткимъ предисловіемъ его стихотворное переложеніе легенды объ «Удаломъ Домрулѣ», переведенной г. Бартольдомъ съ турецкаго. Переводъ г. Бартольда помѣщенъ въ спеціальномъ изданіи, въ «Запискахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества», гдѣ тогда же были приведены и нѣкоторыя свѣдѣнія о сочиненіи, изъ котораго заимствована легенда.

концѣ каждаго эпизода въ качествѣ слагателя былины, отъ котораго перенимаютъ ее пѣвцы. Къ числу такихъ пѣвцовъ принадлежитъ, повидимому, и неизвѣстный авторъ поэмы, оставившій намъ поэтичную характеристику такихъ странствующихъ рапсодовъ (у тюрковъ они назывались *узанами*):

«Съ кобзой въ рукѣ, отъ народа къ народу, отъ бека къ беку пѣвецъ идетъ; кто изъ мужей отваженъ, кто трусъ,—пѣвецъ знаетъ».

Географическія и этнографическія названія, упоминаемыя въ эпопеѣ «Китаби-Коркудъ», относятся къ армянской возвышенности: герои поэмы сражаются съ трапезунтскими греками, съ грузинами и абхазцами. Тюркскіе кочевники, жившіе въ этой мѣстности, несомнѣнно находились подъ вліяніемъ своихъ болѣе образованныхъ единовѣрцевъ—персовъ; но вслѣдствіе условій кочевой жизни, они не подчинились этому вліянію всецѣло и сохраняли многія бытовыя черты, рѣзко отличающіяся отъ нравовъ осѣдлыхъ мусульманъ. Такъ, женщина у кочевниковъ всегда пользовалась гораздо большей свободой и уваженіемъ, чѣмъ у осѣдлыхъ народовъ; въ книгѣ «Коркуда» о женщинѣ, какъ о женѣ, матери, дочери или сестрѣ, вездѣ говорится въ самыхъ нѣжныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ. Можно предположить здѣсь также нѣкоторое вліяніе средневѣкового европейскаго романтизма, черезъ посредство трапезунтскаго двора — одного изъ центровъ рыцарской поэзіи. Замѣчательно также, что ни въ одномъ мѣстѣ поэмы мы не находимъ указаній на многоженство.

Остается добавить къ изложенному нѣсколько разъясненій отдѣльныхъ словъ.

«*Шамъ*»—арабское названіе Сиріи, а «*Румъ*» — общемусульманское названіе Византійской имперіи (къ 1-й главѣ переложенія г. Величко).

Число *девять* (6-я глава) считалось священнымъ у монголовъ и тюрковъ; жертвы Богу, подарки властителямъ и т. п. всегда приносились въ числѣ девяти предметовъ каждаго рода.

Число *пять* имѣетъ большое значеніе въ мусульманскихъ обрядахъ (12 глава); укажемъ на пять основъ ислама (исповѣданіе единаго Бога и Его пророка, молитва, уплата десятины, паломничество въ Мекку и постъ въ рамазанъ), пять ежедневныхъ обязательныхъ молитвъ и пять условій правильности молитвы: совершеніе ея въ назначенное время, чистота тѣла, одежды и мѣста, прикрытіе нагихъ частей тѣла, обращеніе лица въ сторону Мекки и искренность намѣренія.

I.

Великій ханъ, властитель мой!
Я разскажу тебѣ преданье,
Святую быль страны родной,—
Тебѣ на радость и покой,
А прочимъ людямъ—въ назиданье...
Средь нашихъ предковъ жилъ Домрулъ,
Домрулъ,—боецъ непобѣдимый.
Онъ на скалѣ недостижимой
Построилъ крѣпкій свой аулъ;
И мостъ воздвигъ онъ чрезъ ущелье,
Чтобъ дань взимать за переходъ,—
И трепеталъ предъ нимъ народъ...
Въ порывѣ гордаго веселья,
Домрулъ говаривалъ порой:
«Какой боецъ въ подлунномъ мірѣ
Сильнѣй меня? Кто въ ратномъ пирѣ
Дерзнетъ помѣряться со мной?
Съ вершинъ, поднявшихся угрюмо,
Несется бранной славы гулъ!
До Шама дальняго и Рума
Извѣстенъ доблестью Домрулъ!»

2.

Семья кочевниковъ однажды
У моста путь прервала свой.
Подвластенъ Божьей волѣ каждый:
Въ шатрахъ стенанья, слезы, вой
И вѣютъ крылья скорби черной.
Бѣда въ семьѣ: младой джигитъ,
Объятый вѣчнымъ сномъ, лежитъ,
Сраженъ болѣзнію упорной.
Домрулъ туда примчался вскачь:
— «Эй вы, бродяги! Что за плачъ,
Что здѣсь за шумъ въ моихъ владѣньяхъ?»
— «Погибъ нашъ другъ, нашъ братъ, нашъ сынъ.»
— «Отъ чьей руки?»—«О, Господинъ,
Всесиленъ Богъ въ Своихъ велѣньяхъ:
То краснокрылый Азраилъ
Взялъ душу добраго джигита!»
Домрулъ въ отвѣтъ проговорилъ,
Дугу бровей сомкнувъ сердито:
— «Кто Азраилъ вашъ? Я вовѣкъ
О немъ не слышалъ! Человѣкъ,
Людскія души въ плѣнъ берущій?
О, Боже, Боже всемогущій!
Единства ради Твоего,
Дозволь увидѣть мнѣ его!
Его гордыню я разрушу,
Его сумѣю покарать,
Чтобъ душъ не смѣлъ онъ больше брать,—
И возвращу джигиту душу!»
Промолвивъ такъ, Домрулъ въ свой домъ
Вернулся съ сумрачнымъ челомъ.
И не понравилось то слово
Бойца Домрула удалого
Владыкѣ неба и земли—
И грозно молвилъ Царь вселенной:
— «Смотри! Безумецъ дерзновенный,
Влачащій дни свои въ пыли,
Забыть осмѣлился о Богѣ,
О благодарности забылъ!
Хочу, чтобъ грѣшникъ испросилъ
Прощенье здѣсь, въ Моемъ чертогѣ.
Тебѣ, судебъ вершитель строгій,
Повелѣваю, Азраилъ:
Явись безумца наглымъ взорамъ,
Заставь лицо его блѣднѣть
И душу въ ужасѣ хрипѣть;
Безсилья злобнаго позоромъ

Ее мгновенно истоми,
Изъ тѣла вырви—и возьми».

3.

И Азраилъ, взмахнувъ крылами,
Слетѣлъ въ ту горницу стрѣлой,
Гдѣ съ сорока богатырями
Домрулъ пируетъ удалой:
И стражъ не видѣлъ Азраила,
Его привратникъ не видалъ...
Взглянувъ, Домрулъ затрепеталъ,
И взоры ночь ему затмила,
Весь міръ покрылся страшной тьмой.
Поникли руки въ страхѣ дикомъ
И огласилъ онъ стѣны крикомъ...
Посмотримъ, ханъ, властитель мой,
Что крикнулъ витязь:—«Горе, горе!
Кто ты, страшилище-старикъ?
Какъ мимо стражи ты проникъ?
Безсильны руки! Тьма во взорѣ!
Душа взволнована, какъ море!..
И уронилъ я золотой
Свой кубокъ на̀-земь, по безсилью...
Мой ротъ—корой сталъ ледяной,
Костей твердыня—стала пылью!
О, старецъ съ бѣлой бородой!
О, старецъ съ темными глазами!
Что за зловѣщій ты старикъ?!
Несчастья горькаго языкъ
Тебя пусть тронетъ»... Но мольбами
Бойца разгнѣванъ Азраилъ:
— «Глупецъ негодный! Цвѣтъ жестокихъ
Моихъ очей тебѣ не милъ?—
У многихъ юныхъ, синеокихъ
Красавицъ ду̀ши отнялъ я!
Не борода ли бѣлизною
Тебѣ не нравится моя?
Знать, не встрѣчался ты со мною!
Знай: потому она бѣла,
Что у бойцовъ чернобородыхъ
Не мало душъ я взялъ въ походахъ,
Швырнувъ шакаламъ ихъ тѣла!
Глупецъ негодный! Ты хвалился,
Что Азраила ты убьешь,
Джигита вызволишь? Ну, что-жъ?
Самъ Азраилъ къ тебѣ явился:
Я за твоей пришелъ душой!..
Отдашь ее, иль вступишь въ бой?..

Домрулъ воспрянулъ удалой:
— «Ты краснокрылый, безпощадно
Берущій души удальцовъ?»
— «Я—Азраилъ!..»—«Постой же. Ладно!
Закрыть ворота на засовъ!
Съ тобой сразиться на просторѣ
Хотѣлось мнѣ,—да къ счастью самъ
Ты въ тѣснотѣ попался намъ!
Явился ты себѣ на горе:
Джигитъ, твой плѣнникъ, будетъ живъ,
А ты обрящешь тутъ могилу!“
И мечъ свой черный обнаживъ,
Рванулся витязь къ Азраилу...
Но мигъ—и чудо свершено:
Ставъ птицей, голубю подобной,
Противникъ выпорхнулъ въ окно...
Во слѣдъ ему въ ладоши злобно
Захлопалъ съ хохотомъ Домрулъ:
— «Каковъ? Видали вы, джигиты?!
Ставъ голубкомъ, мой врагъ сердитый
Въ окошко узкое порхнулъ,
Забывъ широкія ворота!
Но не уйдетъ онъ отъ меня!
Гей! Соколиная охота!
Давайте сокола, коня!..»
И, пламенѣя ратнымъ пыломъ,
Погнался онъ за Азраиломъ.

4.

Убивъ три стаи голубей
И направляясь въ путь обратный,
Онъ снова трепетъ непонятный
Вдругъ ощутилъ въ душѣ своей:
То предъ конемъ, зловѣщъ и мраченъ,
Явился лютый Азраилъ—
И конь, не слушаясь удилъ,
Безумнымъ ужасомъ охваченъ,
Понесъ джигита своего
Быстрѣе шумной рѣчки горной—
И сбросилъ на землю его...
Поникъ боецъ главою черной;
Какъ тяжкій камень, Азраилъ
Ему грудь бѣлую сдавилъ...
И, захрипѣвъ въ изнеможеньѣ,
Домрулъ едва проговорилъ:
— «О, сжалься, сжалься, Азраилъ!
Въ единствѣ Божьемъ нѣтъ сомнѣнья!
Не зналъ, не могъ я испытать,

Что души ты берешь, какъ тать!
Смотри, вонъ горы зеленѣютъ:
На тѣхъ горахъ нашъ виноградъ!
Тамъ гроздья черныя висятъ;
Ихъ выжимаютъ и пьянѣютъ,
Испивъ багрянаго вина...
Прости мнѣ рѣчь мою: она
Была безумствомъ внушена!
Я тѣмъ виномъ былъ отуманенъ,
Я самъ не зналъ, что говорилъ!
Ни молодечества, ни силъ
Твоихъ не зналъ! О, Азраилъ
Оставь мнѣ душу...» —«Какъ ты страненъ.
Глупецъ негодный! Я—слуга—
И предо мной мольбы излишни:
Имѣетъ власть одинъ Всевышній!
Молись Тому, Кто всѣ блага̀,—
Кто жизнь даетъ и отнимаетъ».
— «Уйди-жъ, коль ты не господинъ!
Уйди: Всевышній пусть Одинъ
Моимъ моленіямъ внимаетъ!..»

5.

Посмотримъ, ханъ, властитель мой,—
Домрулъ что молвилъ удалой:
— «Ты выше всѣхъ величій въ мірѣ!
Никто досель познать не могъ,
Каковъ Ты, славный, свѣтлый Богъ!
То въ голубомъ небесъ эѳирѣ
Хотятъ глупцы Тебя найти,
То на земномъ своемъ пути!
Твоя незримая обитель—
Въ горящихъ вѣрою сердцахъ!
О, вѣчно-сущій Вседержитель,
О, Боже, вѣчныхъ тайнъ Хранитель!
Моя душа въ Твоихъ рукахъ!
Но если бросить дольній прахъ
Твоя премудрость ей судила,—
Не допускай къ ней Азраила:
Изъ міра суетныхъ тревогъ
Ты Самъ возьми ее, мой Богъ!..»
Творцу понравилось то слово
Бойца Домрула удалого—
И Азраилу Богъ сказалъ:
— «Единство сущаго познал̀ъ
Домрулъ безумный и негодный,
Мнѣ благодарность воздаетъ!
Взамѣнъ своей, безумецъ тотъ

Другую душу пусть найдетъ—
И быть душѣ его—свободной!..»
Джигиту лютый Азраилъ
Велѣнье Божье повторилъ.
— «Но гдѣ найти душѣ замѣну?»
Сказалъ Домрулъ.—«Пойдемъ! Какъ знать?
Старикъ-отецъ мой или мать,
Чтобъ сына выручить изъ плѣну,
Быть-можетъ, тронуты мольбой,
Своей пожертвуютъ душой!..»

6.

Придя къ родителю, устами
Припавъ къ рукѣ его, джигитъ
Сказалъ:—«Погибель мнѣ грозитъ!
О, посребренный сѣдинами,
Почтенный, милый мой отецъ.
Иль ты не знаешь, что случилось?!..»
Печали повѣсть заструилась
Изъ устъ бойца—и наконецъ,
Домрулъ отцу взмолился слезно:
— «Отецъ, пожертвуй мнѣ душой!
Ты дашь ее? Иль надо мной
Ты станешь плакать безполезно,
Крича: Домрулъ мой удалой?!..»
И отвѣчаетъ на моленья
Отецъ: «О, часть души моей!
Орелъ небесный, левъ степей!
О, сынъ мой! Сынъ, при чьемъ рожденьи
Верблюдовъ девять я убилъ!
Опорой крѣпкою ты былъ
У златоверхаго жилища;
Невѣсты—дочери моей
Ты былъ цвѣткомъ! Она нѣжнѣй,
Чѣмъ бѣлый лебедь, снѣга чище.
Нужна ли черная гора,
Гдѣ такъ развѣсисты деревья?—
Пусть Азраилово кочевье
Тамъ встрѣтитъ лѣтняя пора.
Мои студеные колодцы,
Коней летучихъ табуны,
Верблюды, овцы, иноходцы,
И золотой моей казны
Неистощимые подвалы...
И бирюзу, и яхонтъ алый—
Все, до послѣдняго вьюка,—
Все пусть беретъ онъ!.. Жизнь сладка
И дорога душа!.. Не въ силахъ

Я за тебя ее отдать!
Но у тебя, мой сынъ, есть мать:
Она милѣй мнѣ дѣтокъ милыхъ,
Милѣй тебя!.. Иди же къ ней...»

7.

И послѣ просьбы безуспѣшной
Домрулъ явился неутѣшный
Къ любимой матери своей:
— «Иль ты не знаешь, что случилось?»
Такъ началъ онъ—и заструилась
Печальной повѣсти волна...
Потомъ джигитъ взмолился слезно:
— «О, мать, душа твоя нужна...
Ты дашь ее? Иль безполезно
Ты станешь плакать надо мной,
Крича: «Домрулъ мой удалой!»
Падешь на каменныя плиты
И ногти горькіе въ ланиты
Себѣ вонзишь? Красу чела,—
Рвать кудри будешь,—что̀ чернѣе,
Чернѣй вороньяго крыла?!..»
И внемлетъ мать,—стѣны блѣднѣе...
Посмотримъ, ханъ, властитель мой,
Что мать джигиту возразила:
— «О, сынъ мой, сынъ мой дорогой,
Что̀ девять мѣсяцевъ носила
Я въ тѣсномъ чревѣ и вскормила
Я щедро сладкимъ молокомъ!
Когда бы въ сумракъ бѣлыхъ башенъ,
Во вражью крѣпость ты попалъ,
Въ рукахъ гяуровъ изнывалъ,—
О, подвигъ былъ бы мнѣ не страшенъ!
Набравъ сокровищъ, какъ-нибудь
Тебя бы я освободила...
Но ты въ дурной уходишь путь,
Въ дурное мѣсто! Не подъ силу
Съ тобой идти мнѣ!.. Жизнь сладка
И дорога̀ душа!.. Тоска
Гнететъ меня, мой сынъ любимый,—
Но такъ и знай: души не дамъ!..»

8.

И Азраилъ неумолимый
Пришелъ, внимая тѣмъ рѣчамъ,
Исполнить Господа велѣнье;
Но вновь Домрулъ проговорилъ:
— «О, сжалься, сжалься, Азраилъ!

Въ единствѣ Божьемъ нѣтъ сомнѣнья!»
— «Какой еще пощады ждешь,
Безумецъ жалкій и негодный?
Ходилъ къ отцу сѣдому: что-жъ? —
И всѣ мольбы твои безплодны!
И ни старикъ-отецъ, ни мать
Души не согласились дать!
Скажи, безумецъ, на кого ты
Еще надѣешься? Любя,
Кто душу далъ бы за тебя?!..»
— «Есть у меня предметъ заботы...
Съ нимъ повидаться долженъ я...»
— «Но кто же онъ?» — «Жена моя,—
Жена моя, дочь чуженина;
Два сына, два красавца-сына
Даны мнѣ милою женой...
Я древнихъ правилъ не нарушу —
И передамъ завѣтъ имъ свой...
А послѣ... ты приди за мной,
Чтобъ у меня похитить душу!..»

9.

Пришелъ Домрулъ къ своей женѣ—
И скорби повѣсть заструилась:
— «Иль ты не знаешь, что случилось?!
Съ небесъ лазоревыхъ ко мнѣ
Слетѣлъ жестокій краснокрылый,
Бѣлобородый Азраилъ—
И, сѣвъ на грудь, ее сдавилъ,
И душу взять хотѣлъ онъ силой.
Отца почтеннаго и мать
Молилъ я душу мнѣ отдать—
И было скорбнымъ ихъ отвѣтомъ:
«Нѣтъ... Жизнь сладка!.. Душа мила...»
Теперь, жена, да будутъ лѣтомъ,
Въ часы гнетущаго тепла,
Мои возвышенныя горы,—
Подъ самымъ небомъ голубымъ,—
Кочевьемъ сладостнымъ твоимъ!
Пускай, лаская слухъ и взоры,
Студеныхъ водъ моихъ струя
Тебѣ послужитъ для питья!
И табуны коней ретивыхъ,
Верблюдовъ вьючныхъ, терпѣливыхъ
Неисчислимые ряды—
Тебѣ да служатъ для ѣзды;
И златоверхое жилище
Тебѣ даруетъ тѣнь всегда;

И бѣлорунныя стада
Моихъ овецъ—тебѣ на пищу!..
И если... если кѣмъ-нибудь
Плѣнится взоръ твой и заблещетъ,
Полюбитъ сердце, затрепещетъ,—
Его женой стань: не забудь
Малютокъ нашихъ, дѣтокъ милыхъ,—
И отъ сиротства мукъ унылыхъ
Избавь ихъ ласковой душой!..»

10.

Посмотримъ, ханъ, властитель мой,
Каковъ отвѣтъ жены Домрула?
Богатырю она взглянула
Въ глаза съ любовью и тоской;
И руки бѣлыя на плечи
Кладетъ ему и говоритъ:
—«Что ты сказалъ?! Какія рѣчи?!
Мой богатырь, мой царь-джигитъ!
О, господинъ мой полновластный,
Кого мгновенно, взоръ свой ясный
Открывъ, узнала, поняла,
Кому я сердце посвятила
И душу сладкую дала,
Кого искала—и нашла!
Съ кѣмъ ложе страсти раздѣляла,
Кого въ безумствѣ я лобзала,
Лобзала въ сладкія уста!
Когда твои угаснутъ взоры,—
Къ чему мнѣ черныя тѣ горы,
Прохлада ихъ и красота?
И если въ зной меня заманитъ
Кочевье горное,—да станетъ
Оно могилою моей!
Когда къ струямъ твоихъ ключей
Студеныхъ я приду напиться,—
Пусть заалѣетъ, превратится
Мгновенно въ кровь мою вода!
И если стану жить богато,—
Пусть серебро твое и злато
Мнѣ станетъ саваномъ тогда!
Возьму-ль коней твоихъ летучихъ,—
Пусть разобьютъ меня на кручахъ!..
А если... если полюблю
Другого я... тебя забуду —
И святотатственно вступлю
Съ нимъ въ бракъ, дѣлить съ нимъ ложе буду,—
Да обернется онъ змѣей

Съ холодной, пестрой чешуей,
Меня ужалитъ за измѣну!..
И за тебя могли не дать
Негодныхъ душъ отецъ и мать?!
Какую придали имъ цѣну!...
О, милый! Землю и эѳиръ,
Небесный сводъ безбрежный, синій,
И Бога, въ Чьей Десницѣ міръ,
Беру въ свидѣтели я нынѣ:
Взамѣнъ твоей души—свою
Съ восторгомъ въ жертву отдаю!..»

II.

И внялъ той рѣчи краснокрылый,
Неумолимый Азраилъ;
Чтобъ душу взять, онъ подступилъ
Къ богатыря подругѣ милой...
Но «поражающій мужей»
Боецъ-Домрулъ не могъ рѣшиться
Женой пожертвовать своей—
И сталъ Всевышнему молиться.
Посмотримъ, ханъ, властитель мой,
Что витязь молвилъ удалой:
—«Ты выше всѣхъ величій въ мірѣ!
Никто досель познать не могъ,
Каковъ Ты, свѣтлый, славный Богъ!
То въ голубомъ небесъ эѳирѣ
Хотятъ глупцы Тебя найти,
То на земномъ своемъ пути!
Твоя незримая обитель
Въ горящихъ вѣрою сердцахъ!..
О, Боже, вѣчный Вседержитель!
Я на томительныхъ путяхъ,—
По всѣмъ большимъ дорогамъ пыльнымъ,—
Открою хворымъ и безсильнымъ
Страннопріимное жилье
Во Имя свѣтлое Твое!
Я щедро пищу дамъ голоднымъ,
Я поспѣшу одѣть нагихъ,—
Во славу милостей Твоихъ,
Чтобъ только быть Тебѣ угоднымъ!
Не разлучай насъ, не томи:
Иль сразу двѣ души возьми,—
Иль насъ обоихъ Ты помилуй,
Великій истиной и силой,
И многомилостивый Богъ!..»
Творцу понравилось то слово
Бойца Домрула удалого.

—«У тѣхъ, кто дать души не могъ,—
Существованья сонъ бѣгущій
Разсѣй!»—промолвилъ Всемогущій.
—«Имъ, Азраилъ, пощады нѣтъ!
А богатырь съ младой женою
Пускай живутъ сто сорокъ лѣтъ!..»
И безпощадною рукою
Багрянокрылый Азраилъ
Отца и мать бойца убилъ;
А богатырь съ женою вѣрной
Сто сорокъ лѣтъ еще хвалилъ
Творца хвалой нелицемѣрной...

12.

Пришелъ мой дѣдъ, мой дѣдъ Коркудъ—
И пѣснь сложилъ и молвилъ слово:
—«Ту пѣснь пѣвцы пусть переймутъ,
Домрула славятъ удалого;
Пускай идутъ во всѣ концы
Ее разсказывать джигитамъ,
Да внемлютъ ей съ челомъ открытымъ
Неустрашимые бойцы!..»

Услышавъ древнее преданье,
Прими, о, ханъ мой, предсказанье:
Да не падетъ вовѣкъ узоръ
Твоихъ родимыхъ черныхъ горъ!
Сѣкиръ губительныхъ удара
Твоя тѣнистая чинара
Пускай избѣгнетъ навсегда!
Пусть вѣчно свѣтлая вода
Въ рѣкѣ твоей не изсякаетъ!
Пусть Богъ твой разумъ направляетъ,
Да не придется никогда
Нуждаться въ помощи негодныхъ,—
Льстецовъ твоихъ,—враговъ народныхъ!
За ликъ твой бѣлый къ небесамъ
Въ пять словъ молитву вознесли мы:
Пускай они сольются тамъ
Въ одно—и станутъ нерушимы!
Тебѣ да будутъ прощены
Грѣхи, во имя Мухаммеда,
Чье имя—слава, длань—побѣда,
И рѣчь—велѣнье съ вышины...

Май 1895 года.
С.-Петербургъ.

За полярнымъ кругомъ.

Разсказъ **А. А. Осипова.**

I.

Безконечная, полярная ночь виситъ надъ Новой Землей. Уже четыре мѣсяца какъ она тянется, прошло больше двухъ ея третей, а между тѣмъ кажется, что вы навѣки лишены свѣта, солнечнаго дня, и сердце начинаетъ тоскливо сжиматься, и охватываетъ отчаяніе. Полная оторванность отъ всего міра, какая-то безпомощность, одиночество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное безсиліе передъ этимъ темнымъ, почти чернымъ пологомъ ночи, сквозь который точно просвѣчиваютъ изъ другого свѣтлаго міра отдѣльныя точки—звѣзды. Если бы не часы, однообразнымъ стукомъ маятника напоминающіе, что время бѣжитъ впередъ, то легко можно было бы подумать, что оно остановилось. Но сутки проходятъ за сутками, кругъ свѣтилъ медленно и торжественно совершаетъ свой ходъ, а солнце все откладываетъ и откладываетъ свой царственный приходъ.

Прошло уже полгода, какъ пароходъ мурманскаго товарищества «Владиміръ» скрылся на горизонтѣ, сопровождаемый прощальными возгласами всего населенія острова.

Когда онъ удалялся, самоѣды видѣли его дольше своими узкими глазами, чѣмъ видѣлъ отецъ Іовъ, а фельдшеръ, близорукій по природѣ, раньше всѣхъ потерялъ его изъ виду. Между тѣмъ, пароходъ оставилъ послѣ себя на берегу слѣдъ, состоящій изъ цѣлаго ряда тюковъ, ящиковъ, бочонковъ, на которыхъ не безъ любопытства останавливались взгляды самоѣдовъ. Каждый изъ нихъ зналъ, что здѣсь есть его вещи, такъ какъ тотъ же пароходъ въ началѣ іюля увезъ отъ нихъ шкуры бѣлыхъ медвѣдей и нерпъ, которыя и были проданы архангельскимъ губернаторомъ, а на вырученныя деньги имъ куплено то, что записалъ на бумажкѣ пріѣзжавшій чиновникъ съ кокардой. Фельдшеръ, человѣкъ высокій, худой, съ рябоватымъ лицомъ, флегматикъ по натурѣ, принялся за распаковку вещей, и въ какую-нибудь недѣлю всѣ были удовлетворены, а запасныя вещи снесены въ общественный складъ, ключъ отъ котораго постоянно болтался на поясѣ того же фельдшера.

Особенный восторгъ вызвали двѣ вещи: порохъ, крупный и зернистый, который охотники съ наслажденіемъ пересыпали изъ руки въ руку, и красный какъ огонь кумачъ, предназначавшійся для кокетливыхъ самоѣдокъ. А что кокетки есть и на Новой Землѣ—въ этомъ никто бы не усомнился: стоило только посмотрѣть на жену Цыльмы—Устинью. Никто не умѣлъ съ такимъ мастерствомъ одѣть рубашку на малицу и обшить чабакъ и пимы разноцвѣтными лоскутками. Полное лицо ея подходило скорѣе къ великорусскому типу, и только расположенные вкось прорѣзы глазъ напоминали ея племенное происхожденіе. Она ухитрилась даже выработать себѣ довольно граціозную походку, почти совсѣмъ лишенную того раскачиванія, которымъ отличается всегда походка самоѣдовъ. Все, что бы она ни дѣлала, выходило какъ-то особенно. Особенно пріятенъ былъ ея смѣхъ—горловой, ровный и заразительный. Весь островъ любовался ею, а больше всѣхъ ея мужъ, который положительно души въ ней не чаялъ. Ухо-

дилъ ли онъ изъ Кармакулъ въ далекій промыселъ и уѣзжалъ на собакахъ въ Маточкинъ-Шаръ,—всюду передъ нимъ стоялъ ея дорогой образъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на Устиньѣ, онъ сталъ дѣйствительно серьезнымъ охотникомъ и бросилъ пить, а то ежегодно отправлялся въ Архангельскъ, гдѣ прокучивалъ всѣ деньги и ночевалъ сплошь да рядомъ въ участкѣ. Старуха-Ѳедосья, его мать, умирая, благословила его, и онъ теперь счастливъ. Устинья принесла съ собой удачу, и за зиму онъ больше всѣхъ убилъ медвѣдей, тюленей и нерпъ, а губернаторскій чиновникъ перевелъ его въ новую избу съ выбѣленной печкой и стеклянными окнами.

Только второй рейсъ «Владиміра» на Новую Землю огорчилъ немного Цыльму, такъ какъ въ избѣ появился новый жилецъ, переселенецъ изъ Мезени Ѳома. Развязный и веселый, онъ какъ бы внесъ диссонансъ въ молчаливое сожительство двухъ любящихъ существъ, и Цыльмѣ не понравился. Но мало-по-малу Цыльма свыкся съ нимъ и не безъ тайнаго удовольствія прислушивался къ его разсказамъ о Петербургѣ и другихъ городахъ, куда Ѳома отправлялся съ своими оленями, чтобы катать господъ.

Съ наступленіемъ безконечной ночи, когда больше приходилось сидѣть дома, Ѳома еще тѣснѣе сошелся съ молодой четой и сдѣлался вѣчнымъ и незамѣнимымъ собесѣдникомъ.

Время проходило однообразно, и единственнымъ событіемъ недѣли являлась обыкновенно воскресная обѣдня. Когда съ невысокой деревянной колокольни раздавались рѣдкіе удары колокола, всѣ самоѣды собирались въ храмъ, издалека манившій къ себѣ яркимъ освѣщеніемъ. Можно было подумать, что присутствуешь при заутренѣ на Пасху—такое впечатлѣніе производили эти ночныя службы.

Входя въ церковь, каждый самоѣдъ считалъ священнымъ долгомъ купить свѣчу, — ихъ продавалъ, все съ тѣмъ же невозмутимымъ выраженіемъ лица, фельдшеръ. Прилѣпивъ неуклюжими руками свѣчу, самоѣдъ становился на мѣсто и начиналъ внимательно слѣдить за происходящимъ. Къ самому началу обѣдни являлись разряженныя жена фельдшера и его теща. Цвѣтная косынка первой и яркія клѣтки платья второй возбуждали аккуратно всякій разъ зависть въ сердцахъ самоѣдокъ.

Но вотъ отецъ Іовъ выглядывалъ изъ алтаря, фельдшеръ переходилъ на клиросъ, и обѣдня начиналась.

Мало понимая произносимое и читаемое, самоѣды слѣпо, по-дѣтски вѣрили и, осѣняя себя безчисленными крестами, просили у Бога удачи въ промыслахъ и побольше медвѣдей. Высокій, съ строгимъ, серьезнымъ, чисто-аскетическимъ выраженіемъ лица, выходилъ отецъ Іовъ съ дарами на крошечный амвонъ. Всѣ опускались на колѣни, и дрожащій голосъ его, казалось, уносился въ темную высь, въ этотъ черный, неумолимый пологъ, висящій надъ маленькимъ, одинокимъ храмомъ, заброшеннымъ на далекомъ островѣ, на краю свѣта. Отецъ Іовъ молился отъ всего сердца за свою паству, за этихъ обиженныхъ природой сыновъ церкви, и голосъ вздрагивалъ, когда онъ произносилъ:

«*Васъ* и всѣхъ православныхъ христіанъ, да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ!»

Именно ихъ, этихъ людей, забываемыхъ солнцемъ, свѣтомъ и тепломъ, долженъ возлюбить Господь за ихъ вѣру, искренность и простоту. По окончаніи обѣдни они прикладывались къ кресту и расходились по домамъ, гдѣ, радостно визжа и прыгая, встрѣчали ихъ вѣчно голодныя собаки. И жизнь снова входила въ свою обычную колею. По вечерамъ отецъ Іовъ требовалъ всѣхъ къ себѣ, разсаживалъ на полу своей комнаты и разсказывалъ что-нибудь изъ Священнаго Писанія. Всѣ внимательно слушали его, водя глазами вслѣдъ его высокой двигающейся фигурѣ, и повѣствованіе заставляло ихъ на мгно-

веніе забывать безконечную ночь, суровые морозы и даже неудачи промысловъ.

II.

Установившаяся ровная и безвѣтренная погода заставила подумать Цыльму и Ѳому объ охотѣ. Они прекрасно знали, что громадные ушкуи именно въ такое время подбираются поближе къ поселку и дѣлаются жертвами стрѣлковъ. Цыльма началъ снаряжать сани, покормилъ собакъ, отсыпалъ себѣ пороху, пуль, прочистилъ любимое ружье, и былъ совершенно готовъ отправиться на бѣлыхъ медвѣдей. Ѳома сдѣлалъ то же, но ему Устинья отдала мѣшокъ съ мукой и четверть оленя, около которой все время прыгали собаки, несмотря на энергичные окрики. Устинья вышла провожать, и послѣдній кивокъ ея былъ Ѳомѣ, обернувшемуся на поворотѣ дороги. Цыльма не замѣтилъ этого и весело продолжалъ путь. Восемь собакъ бѣжали быстро и ровно, направляемыя хорошими передовыми и опытной рукой Цыльмы. Начавшіяся скоро горы заставляли ихъ напрягать всѣ усилія, но окрикъ снова возвращалъ имъ ту же скорость. Часа черезъ три или четыре пути, охотники остановились и, осмотрѣвъ слѣды отъ крючковатыхъ когтей, рѣшили остаться здѣсь. Выпряженныя собаки улеглись въ одну кучу и скоро заснули. Цыльмѣ и Ѳомѣ приходилось ждать долго и терпѣливо. Лежа на снѣгу за наметеннымъ сугробомъ, они почти не разговаривали между собой, и какъ бы они были удивлены, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что думы ихъ совершенно одинаковы. Оба думали объ Устиньѣ. Если въ Цыльмѣ думы о женѣ имѣли нѣкоторый оттѣнокъ гордости, то у Ѳомы онѣ имѣли совершенно другой характеръ. Красивая самоѣдка, съ быстрыми, выразительными глазами, покорила его сердце, до сихъ поръ не знавшее любви. И ложась на отдыхъ, онъ представлялъ себѣ горячія объятія ея, возбужденному слуху его казались крадущіеся шаги и тихія задушевныя рѣчи. О, какъ онъ ненавидѣлъ ея мужа, съ какимъ трудомъ сдержалъ въ своей рукѣ тяжелое полѣно, когда тотъ крикнулъ на нее! Но приходилось хитрить, казаться его другомъ, иначе его, какъ одинокаго, переведутъ въ другое помѣщеніе, и онъ не будетъ имѣть никакого предлога видѣться съ Устиньей. Нравился ли онъ ей—сказать было трудно, но прощальный кивокъ головы открылъ ему многое, и онъ со злобой смотрѣлъ на скуластое лицо Цыльмы, добродушно улыбавшагося своимъ мечтамъ. Легкій вѣтерокъ, неизвѣстно откуда появившійся, заигралъ снѣгомъ и сталъ кружить его. Легко могла подняться метель, но уходить съ выбраннаго пункта было бы безразсудно. Цыльма повернулся на другой бокъ и сталъ смотрѣть на небо, любуясь звѣздами. Преданія и сказки, слышанныя имъ въ дѣтствѣ, пришли на память, а скатившаяся звѣзда заставила произнести:

— Кладъ указываетъ, гдѣ его чудь зарыла!

Ѳома не отвѣчалъ, глаза его были закрыты, и онъ весь ушелъ въ свои думы.

Цыльма подумалъ, что онъ спитъ, и не возобновлялъ разговора.

Между тѣмъ, собаки безпокойно зашевелились и начали еще тѣснѣе жаться другъ къ другу.

Цыльма насторожился и ткнулъ Ѳому въ бокъ. Тотъ понялъ его жестъ и взялъ ружье наперевѣсъ. Прошло томительныхъ полчаса. Луна высоко поднялась надъ горизонтомъ и ныряла изъ одного облака въ другое, то освѣщая всю даль своимъ безстрастнымъ, холоднымъ свѣтомъ, то заставляя набѣгать длинныя, черныя тѣни. Вѣтеръ разогналъ облака, снова стало свѣтло, и охотникамъ совершенно ясно обрисовались двѣ сѣроватыя массы, двигавшіяся прямо на нихъ. Массы эти двигались совершенно покойно, иногда останавливаясь и ворча. Наконецъ, можно было различить двухъ гигантскихъ медвѣдей, которые, видимо, искали себѣ пищи.

— Стрѣляй въ лѣваго,—шепнулъ сво-

ему спутнику Цыльма,—а я въ праваго!

Тотъ снова промолчалъ, но слышно было, какъ щелкнули курки. Медвѣди часто останавливались, садились на заднія лапы и махали передними, точно вели между собой разговоръ. Разстояніе между ними и охотниками все уменьшалось, и когда оно достигло не больше двадцати шаговъ, Цыльма и Ѳома разомъ встали, и черные контуры ихъ рѣзко обрисовались на бѣлой снѣговой пеленѣ. Медвѣди остановились, и одинъ изъ нихъ наклонилъ голову на бокъ, какъ будто не то прислушиваясь, не то недоумѣвая. Одинъ за другимъ грянули два выстрѣла. Правый медвѣдь взмахнулъ передними лапами и безшумно повалился на спину, но второй, только раненый, быстро зашагалъ по направленію къ Цыльмѣ. Цыльма не потерялся и снова приложился. Но вмѣсто ожидаемаго выстрѣла произошла осѣчка, и Цыльма оказался безоружнымъ передъ страшнымъ, разъяреннымъ звѣремъ.

Быстрѣе молніи у Ѳомы мелькнула мысль, что судьба, быть-можетъ, посылаетъ ему благопріятный случай избавиться отъ соперника. Если бы только онъ зналъ навѣрное, что Устинья любитъ его!

Наклонивъ голову, Цыльма ждалъ медвѣдя, сжимая въ рукѣ кривой ножъ. Смѣлая поза его разомъ перевернула все въ душѣ Ѳомы, онъ приложился, и гулкій выстрѣлъ, много разъ повторенный эхомъ, пророкоталъ въ тиши. Медвѣдь замоталъ головой, опустился на переднія лапы и, медленно вздрагивая, повалился на бокъ. Оба самоѣда бросились къ нему. Онъ былъ мертвъ.

Никакой благодарности или выраженія признательности Ѳома не ждалъ отъ своего спутника. Между промышленниками, идущими вмѣстѣ на опасную охоту, иначе и быть не могло—помощь была дѣломъ обыкновеннымъ и весьма естественнымъ.

Собаки подбѣжали къ убитымъ звѣрямъ и стали лизать кровь.

Терять время было нечего, и оба самоѣда принялись за снимание шкуръ, работу трудную и опасную, такъ какъ малѣйшая неосторожность влечетъ порчу мѣха.

Черезъ нѣсколько часовъ самоѣды управились, взвалили шкуры на сани, тушу раздѣлили собакамъ и рѣшили двигаться обратно. Между тѣмъ, легкій вѣтерокъ значительно окрѣпъ и обѣщалъ разъиграться въ настоящую бурю. То тамъ, то сямъ вздымались цѣлые бугры снѣга, облака заволокли все небо, и снѣжный ураганъ начался. Небо и земля смѣшались въ одно непроницаемое цѣлое, и вихри снѣга лишали всякой возможности найти путь. Собаки не могли бѣжать, сдуваемыя вѣтромъ, а сани то врѣзывались въ пушистые, только что образовавшіеся сугробы, то проваливались въ овраги и пропасти, которыхъ не было нѣсколько минутъ тому назадъ. Вѣтеръ ревѣлъ и, несмотря на всѣ усилія, Цыльма и Ѳома не могли разслышать другъ друга, хотя находились на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Шатаясь отъ порывовъ вѣтра, Цыльма приблизился къ потерявшемуся Ѳомѣ и, схвативъ его за плечи, крикнулъ въ самое ухо:

— Ложись!

Оба они улеглись, наваливъ на себя шкуры убитыхъ медвѣдей, собаки прижались къ нимъ, и скоро снѣжный сугробъ выросъ надъ ними. Задерживаемый полозьями саней, снѣгъ ложился сводомъ, въ образовавшейся пещеркѣ было тепло, и вой вѣтра доносился глухо, какъ бы издалека. Ѳома лежалъ, пораженный ужасной картиной разгулявшейся непогоды. Цыльма спалъ, похрапывая, а ему вторили собаки.

И вдругъ, совершенно неожиданно, въ воображеніи Ѳомы всталъ обаятельный образъ Устиньи, ея заразительный смѣхъ и ямки на щекахъ. Ему страстно захотѣлось пробраться теперь въ избу, прижать ее къ своей груди и знать, что тотъ, кто обладаетъ ею, теперь далеко, подъ снѣжнымъ сугробомъ. Какъ бы онъ зажилъ съ нею вмѣстѣ, какъ бы онъ

были счастливы! Она, несомнѣнно, охотно броситъ мужа, такъ какъ онъ не цѣнитъ ее.

И Ѳома съ злобой прислушивался къ тонкому свисту, шедшему изъ носу Цыльмы.

Желаніе бѣжать скорѣе къ ней до того властно овладѣло имъ, что онъ приподнялся на локти. Куча снѣгу свалилась ему за шею и мокрыми каплями потекла по спинѣ. Онъ снова опустился на землю, а воспаленное воображеніе его продолжало работать, рисуя одну картину соблазнительнѣе другой. Сонъ бѣжалъ отъ его глазъ, а вѣтеръ все продолжалъ носиться по пустынному острову, то усиливаясь, то затихая. Казалось, онъ оплакивалъ этотъ оторванный кусокъ материка и, движимый чувствомъ состраданія, приносилъ и разсказывалъ ему земныя вѣсти своимъ непонятнымъ, пѣвучимъ языкомъ. Но вѣсти были одна грустнѣе другой, и, прислушиваясь къ нимъ, хотѣлось плакать въ этой вѣчной, неумолимой тьмѣ.

III.

Оставшись одна, Устинья долго стояла на порогѣ избы, прислушиваясь къ постепенно затихавшему скрипу саней. Ни разу еще сердце ея не билось такъ тревожно, какъ сегодня. Отчего это было такъ, она не могла дать себѣ отчета, но лицо Ѳомы, озабоченное и серьезное, рисовалось ей ясно и отчетливо. Она тихо вошла въ избу, закрыла за собой плотно дверь и, примостившись поближе къ печкѣ, улеглась. Ей вспоминались одинъ за другимъ разсказы о громадныхъ городахъ, полныхъ народа, и она не могла себѣ представить, какъ это могутъ существовать дома въ нѣсколько жилищъ одно надъ другимъ. Богатые и дорогіе наряды, о которыхъ говорилъ Ѳома, представлялись ей въ томъ видѣ, какъ нарисованы ризы на образахъ. Отъ разсказовъ ея мысль перескочила къ тому, кто познакомилъ ее съ этимъ таинственнымъ міромъ, и она начала сравнивать Ѳому и мужа. Цыльма показался ей угрюмъ, мраченъ: тотъ, напротивъ, веселъ, постоянно смѣется, и время съ нимъ проходитъ быстро-быстро. И ей стало понятно, что, при отъѣздѣ охотниковъ, ей было страшно за Ѳому, а никакъ не за мужа. Хорошо бы было, если бы онъ приласкалъ, приголубилъ ее. Проводить время съ нимъ, не боясь никакихъ разговоровъ, какое это должно быть счастье!

И съ этими мыслями, пригрѣтая потрескивающимъ огонькомъ, Устинья заснула, и улыбка чуть окрасила ея губы. Вдругъ ей показалось, что въ дверь кто-то постучалъ смѣлой и сильной рукой. Она разомъ вскочила и прислушалась. Оказалось, что это вѣтеръ рвалъ двери, жалобно вылъ въ трубѣ и трясъ стѣны. Очевидно, на дворѣ разыгралась непогода.

«Что-то дѣлаетъ теперь Ѳома?» — подумала она, укладываясь еще ближе къ огню и сладко засыпая.

Спала она долго и проснулась отъ дѣйствительнаго стука. Когда она отперла дверь, передъ ней стоялъ весь обледенѣвшій Цыльма.

— А Ѳома?—не выдержала она.

— Идетъ! — хладнокровно произнесъ тотъ, пожавъ плечами и околачивая отъ снѣгу пимы около огня.

Что-то такъ и подмывало Устинью выбѣжать и посмотрѣть на своего милаго, который, очевидно, хлопоталъ около саней. Цыльма усѣлся на корточкахъ около печки, и лицо его приняло довольное и веселое выраженіе.

— Давай ѣсть! — крикнулъ онъ на жену, которая суетилась, не зная сама, что дѣлаетъ.

— Сейчасъ!—отвѣтила она ему и выскочила на улицу.

Въ первую минуту, въ темнотѣ, она ничего не могла разглядѣть, такъ какъ глаза ея привыкли къ свѣту. Наконецъ, она увидала согнутую фигуру Ѳомы, который съ трудомъ разстегивалъ и развязывалъ отвердѣвшіе отъ мороза ремни. Занятый дѣломъ, онъ не замѣтилъ ея прихода и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, когда она по-

ложила ему руку на плечо. Узнавъ ее, онъ широко улыбнулся, и лицо его приняло довольное выраженіе.

— Хорошо съѣздили?—спросила она.

— Охъ, какъ хорошо, двухъ «ушкуевъ» убили!

Устинья одобрительно покачала головой.

— Да метель проклятая измучила!—продолжалъ онъ, а по тѣлу пробѣгала дрожь, какъ волна за волной, и колѣни слабѣли и подгибались. Ѳомѣ хотѣлось сказать что-то совсѣмъ другое, но языкъ его противъ воли произнесъ:

— Чуть твоего мужа медвѣдь не зарѣзалъ!

— Богъ съ нимъ!—чуть слышно прошептала она.

Не успѣли эти слова долетѣть до слуха Ѳомы, какъ онъ обнялъ Устинью и прижалъ ее къ своей груди. Она обвила руками его покрытую снѣгомъ малицу и остановилась. Сколько стояли они такъ, молча, они навѣрное никогда бы не могли сказать, если бы не хлопнула дверь. Ѳома отскочилъ отъ Устиньи, но они тотчасъ же успокоились: это навѣрное былъ вѣтеръ, такъ какъ Цыльма, когда они вошли, продолжалъ сидѣть около огня и щурить свои узкіе глаза.

— Ну?—произнесъ онъ, не оборачиваясь.

— Что?—спросила жена.

— Давай ѣсть!—проговорилъ Цыльма, чуть-чуть покосился на Ѳому и снова сталъ смотрѣть на пламя.

IV.

Мысль о мщеніи Ѳомѣ гвоздемъ засѣла у Цыльмы. Онъ не высказывалъ ничего Устиньѣ, попрежнему обращался съ ней, выслушивалъ разсказы Ѳомы, но чувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Онъ не старался ослабить то горькое чувство, которое камнемъ лежало у него на сердцѣ, напротивъ, онъ искусственно растравливалъ его. Онъ давалъ полную возможность Устиньѣ видѣться и говорить съ Ѳомой наединѣ, видѣлъ все возраставшую между ними близость и предвкушалъ всю сладость мести. Онъ ни минуты не задумывался надъ вопросомъ, кому мстить. Очевидно, тому, кто портитъ его жену, относившуюся къ нему до того времени хорошо. Разъ будетъ устранена причина, жена опять будетъ попрежнему любить его.

Онъ могъ бы просто убить Ѳому, и никто бы изъ самоѣдовъ не осудилъ его, но это вызвало бы дурные толки объ Устиньѣ, а этого онъ ни за что не хотѣлъ.

Слѣдовательно, нужно было совершить убійство тайно и безслѣдно.

Какъ это сдѣлать? — вотъ что безпокоило Цыльму, когда онъ прислушивался къ живымъ рѣчамъ ихъ за стѣной.

Случай помогъ ему. Чрезъ нѣсколько времени погода сдѣлалась мягче, подулъ южный вѣтеръ, нагналъ съ моря воды и повыкидалъ разломанныя льдины. Ѳома вышелъ на крыльцо и жадно втянулъ въ себя чистый, свѣжій воздухъ.

«Пойти бы поохотиться?» — мелькнуло у Ѳомы въ головѣ, и, не долго думая, онъ вошелъ въ избу и обратился къ Цыльмѣ, закрывшему при его появленіи глаза.

— Цыльма!—крикнулъ онъ.

— Подойди сюда! — мрачно перебилъ его тотъ,—чего кричишь, разбудишь!—и онъ указалъ на дремавшую Устинью.

— На нерпъ пойдемъ?

— Хорошо!—согласился тотъ. — Собирайся!

Сборы ихъ были не долги и, не потревоживъ спящую, они вышли, вооружившись топорами и дубинами. Идти нужно было черезъ весь поселокъ къ берегу моря. Мирно бесѣдуя, они встрѣтили по дорогѣ отца Іова, слѣдившаго за тѣмъ, какъ четверо самоѣдовъ прочищали ему дорожку къ церкви. Лицо священника было грустно, и онъ привѣтливо улыбнулся на низкій поклонъ Цыльмы и Ѳомы.

— Куда? — спросилъ онъ.

— На нерпъ, батюшка! — отвѣтилъ Ѳома.

— Съ Богомъ, съ Богомъ! — послышался голосъ отца Іова.

Оба промышленника добрались до моря, порвавшаго на нѣсколько дней свои оковы.

Пройдя верстъ пять, они наткнулись, наконецъ, на нѣсколькихъ тюленей, дремавшихъ на берегу. Цыльма закричалъ, и испуганные тюлени неуклюже поползли на короткихъ плавникахъ своихъ, торопясь добраться до воды. Ѳома пустился наперерѣзъ имъ, и ударъ палки разбилъ черепъ самому большому изъ нихъ: со слезами на черныхъ, умныхъ глазахъ тюлень умеръ.

У Цыльмы не было никакого желанія охотиться за звѣрями, онъ жадно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего врага-человѣка, выжидая удобную минуту. Третій, задній тюлень совершенно неожиданно свернулъ въ сторону и юркнулъ въ полынью. Ѳома бросился за нимъ, но опоздалъ, и, наклонившись надъ водой, слѣдилъ за постепенно погружавшимся животнымъ. Быстрѣе молніи бросился на него Цыльма и сильнымъ ударомъ руки столкнулъ въ воду. Ѳома вскрикнулъ и погрузился; но черезъ секунду голова его показалась надъ поверхностью воды, а руки судорожно цѣплялись за края проруби. Не успѣлъ онъ ухватиться за ледъ, какъ Цыльма сильнымъ ударомъ дубины отломилъ ледъ, и Ѳома снова погрузился. Онъ вынырнулъ еще разъ, но только на одну секунду. Глаза его обратились на Цыльму, стоявшаго совершенно спокойно, и закрылись.

Ѳома исчезъ. Прошла одна минута, другая—и все было кончено.

Приливъ невыразимаго отчаянія и ужаса охватилъ Цыльму. Онъ почувствовалъ въ тѣлѣ такую слабость, что долженъ былъ сѣсть. Онъ закрылъ глаза, но воображеніе мгновенно нарисовало ему руку, въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи хватающуюся за краї льдины.

Цыльма вскочилъ и быстро зашагалъ къ поселку.

По дорогѣ онъ остановился и взглянулъ на убитаго тюленя, толкнулъ его ногой и зашагалъ еще быстрѣе. Первое, что ему пришло въ голову, это необходимость донести объ этомъ кому-нибудь. Онъ не рѣшался ни за что пойти къ отцу Іову и постучался въ домъ фельдшера. Тотъ отворилъ ему дверь и вопросительно посмотрѣлъ на него. Онъ не любилъ, чтобы ему мѣшали, когда онъ занятъ,—а занимался онъ набивкой папиросъ.

— Чего шляешься? — встрѣтилъ онъ Цыльму.

— Несчастье! — только могъ отвѣтить тотъ, тяжело переводя дыханіе и разводя руками.

— Что случилось?

— Ѳома утонулъ!

— Когда?

— Сейчасъ!

И Цыльма передалъ фельдшеру цѣлую исторію гибели Ѳомы.

— Надо пойти къ отцу Іову! — сказалъ фельдшеръ и, выпроводивъ непрошеннаго гостя, отправился одѣваться.

Жена и теща, сидѣвшія за самоваромъ, вопросительно глядѣли на фельдшера. Скучали онѣ обѣ страшно,—даже семейныя сцены и распри—и тѣ успѣли ужъ надоѣсть,—такъ-что вѣсть о гибели Ѳомы почти обрадовала ихъ. Была новая тема для бесѣдъ, страховъ и предположеній. Онѣ переспрашивали фельдшера о разныхъ подробностяхъ, которыхъ онъ самъ не зналъ, и сдѣлали ему выговоръ, что Цыльма не былъ приглашенъ въ комнату и не допрошенъ.

Между тѣмъ, Цыльма добрался до дому и вошелъ къ себѣ. Вопросительный взглядъ Устиньи кольнулъ его въ сердце и наполнилъ внезапнымъ приливомъ злобы.

— Ѳома утонулъ!—закричалъ онъ.

Деревянная чашка выскочила изъ рукъ Устиньи и, прыгая, покатилась по грязному полу.

— Жалѣешь? — разсмѣялся Цыльма, вѣшая дрожащими руками чабакъ.—Сама виновата, что не успѣла нацѣловаться и намиловаться! — добавилъ онъ, оборачиваясь.

Но въ ту же секунду онъ отскочилъ въ дальній уголъ избы, и глаза его трусливо забѣгали.

Передъ нимъ стояла не Устинья, а какая-то другая женщина. Эта была выше ростомъ, съ подергивающимся злымъ ртомъ и искристыми глазами.

— Это ты, злодѣй!—прохрипѣла она, хватая его за грудь,—ты погубилъ его! Такъ я тебя изведу, ядомъ отравлю, убійцу. Ты душу вынулъ изъ меня! Что ты надѣлалъ! что ты надѣлалъ!

И истерическія рыданія затрясли все ея тѣло.

Она упала на полъ, стонала и билась какъ звѣрь, когда у него отнимаютъ его дѣтенышей, кусала себѣ руки, и мольбы о правдѣ перемѣшивались съ проклятіями.

— Ты погасилъ во мнѣ свѣтъ! — кричала она. — Съ нимъ я начала понимать, что мы несчастные, забытые Богомъ люди, а тебѣ мила эта ночь, такъ ступай, ступай туда и не смѣй никогда разговаривать! Я никогда не отвѣчу тебѣ ни слова! Ты погасилъ свѣтъ для меня, такъ уходи, уходи!

И сильнымъ жестомъ она отворила дверь, заставляя его уйти.

Цыльма не чувствовалъ въ себѣ смѣлости отвѣтить ей грубымъ, рѣзкимъ словомъ. Онъ согнулся и вышелъ, скрывшись въ темнотѣ. Заперевъ плотно дверь, Устинья сѣла на полъ и задумалась. Внезапно пришедшая мысль заставила ее вскочить на ноги. Она подошла къ замерзшимъ окнамъ, заглянула на черное небо и, сжавъ до боли руки, прошептала:

— Тоска!

А Цыльма бродилъ по берегу моря, прислушиваясь къ рокоту набѣгавшихъ валовъ, и изъ каждой полыньи къ нему протягивались руки и просили помощи. Изнемогая отъ усталости, онъ присѣлъ на землю. Но тотчасъ же въ страхѣ вскочилъ. Рука его коснулась чего-то холоднаго и склизкаго. Оказалось, что это былъ тюлень, убитый Ѳомой.

На слѣдующее утро Кармакулы были встревожены новой ужасной вѣстью: красавица и гордость всего острова, Устинья умерла отъ угара.

V.

Прошла недѣля. Устинью похоронили въ мерзлой землѣ, а трупъ несчастнаго Ѳомы унесло, вѣроятно, подводнымъ теченіемъ въ море, гдѣ онъ сдѣлался достояніемъ акулъ.

Сегодня, послѣ всенощной, отецъ Іовъ приказалъ всѣмъ, кто можетъ, собраться къ нему для бесѣды. Бесѣды эти считались у жителей Новой Земли величайшимъ удовольствіемъ, и потому не удивительно, что комната священника была переполнена слушателями. Они сидѣли на корточкахъ, разсматривая портреты Государя и Императрицы на стѣнѣ, иконы съ мигающимъ огонькомъ лампады въ углу и большую висячую лампу.

Отецъ Іовъ широкимъ крестомъ благословилъ все собраніе и приступилъ къ разсказу. Въ виду приближающейся Пасхи, темой для бесѣды являлись страсти Христовы.

Затаивъ дыханіе, слушали сыны далекаго Сѣвера разсказъ о высшей человѣческой несправедливости. Голосъ пастыря звучитъ глубокимъ волненіемъ, то тамъ, то тутъ слышатся тяжелые вздохи; вниманіе напряжено въ высшей степени.

Взволнованный этой тишиной, отецъ Іовъ встаетъ, начинаетъ ходить по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь у оконъ. Простыми, яркими красками рисуетъ онъ шествіе на Голгоѳу, когда Сынъ Божій изнемогалъ подъ бременемъ тяжелаго кре-

ста. Отецъ Іовъ старается избѣгать непонятныхъ словъ, чтобы объясненіями не ослаблять общаго впечатлѣнія. На минуту онъ останавливается, переводитъ духъ, и слышно только шипѣніе лампы. Искреннее, чистосердечное раскаяніе распятаго вмѣстѣ съ Христомъ разбойника умиляетъ слушателей и трогаетъ многихъ до слезъ.

Въ послѣднихъ рядахъ, въ углу, сидитъ Цыльма и тоже слушаетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ безжалостно разбилъ свою жизнь, онъ чувствуетъ себя одинокимъ и безпріютнымъ. Въ избѣ у него холодно, ему все кажется, что кто-то стучитъ въ дверь и проситъ о помощи. Онъ бѣжитъ изъ дому, но всюду, куда бы онъ ни взглянулъ, на него смотрятъ полные укоризны глаза и протягиваются безпомощныя руки. Онъ не можетъ спать, нѣтъ дня, вѣчная ночь не мѣшаетъ грёзамъ и кошмарамъ, и онъ мучится во власти ихъ. Гдѣ найти покой, въ чемъ искать утѣшенія? Для другого человѣка исходовъ было бы нѣсколько—умственный трудъ, религія, добрыя дѣла. Бѣдный самоѣдъ лишенъ всего этого, а религія знакома ему больше съ внѣшней, обрядовой стороны. Теперь, когда онъ выслушалъ покаяніе разбойника, точно горячая волна хлынула къ его сердцу. Вотъ онъ—желанный исходъ, котораго такъ смутно искала его оступившаяся, но не испорченная натура! Молиться, плакать, лежать у подножія креста Того, Кто не пожалѣлъ Своей жизни для всѣхъ людей, и въ томъ числѣ для бѣдныхъ самоѣдовъ, обѣщая имъ вѣчный свѣтъ, за ихъ темную жизнь.

Но голосъ отца Іова растетъ. Охваченный религіознымъ порывомъ, онъ не разсказываетъ уже просто только и понятно, онъ самъ переживаетъ эти минуты, когда побѣждалось темное зло. И слушатели его переносятся вмѣстѣ съ нимъ въ далекую Палестину. Они не могутъ себѣ представить роскошной растительности Востока, но сердцемъ чувствуютъ они, что это должно быть что-нибудь очень хорошее. Съ лихорадочнымъ трепетомъ слѣдятъ они за тѣмъ, какъ идетъ къ гробницѣ Марія Магдалина. Вотъ, съ грустью, съ поникшей головой возвращается она назадъ. Тѣла Его нѣтъ, неужели не насталъ еще конецъ оскорбленіямъ и испытаніямъ? И радостный вздохъ облегченія вырывается у всѣхъ, когда они узнаютъ, что она встрѣтила Его и говорила съ Нимъ.

Отецъ Іовъ усталъ и смолкъ.

Дешевенькіе часы съ разводами, шипя и точно торопясь, быстро пробили девять.

— Пора и на покой!—сказалъ отецъ Іовъ, отпуская своихъ слушателей.

Всѣ разомъ, шумно поднялись и начали выходить. Отецъ Іовъ повернулся къ окну и сталъ смотрѣть на звѣзды.

«Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, звѣздами украшенный!» прошепталъ онъ и повернулся.

Въ темномъ углу продолжала стоять какая-то фигура. Отецъ Іовъ не могъ разглядѣть и окликнулъ его:

— Кто это?

— Я, батюшка!

— Кто «я»?

— Цыльма!—произнесъ робко самоѣдъ.

— Что тебѣ?—спросилъ священникъ.

— Дайте душу облегчить, — промолвилъ Цыльма съ внезапно подступившими рыданіями.

— Говори!—и отецъ Іовъ опустился на стулъ.

Подойдя къ нему, Цыльма сталъ на колѣни и разсказалъ ему все, ничего не скрывая. Не скрылъ онъ и своихъ страданій, и того, какъ выслушалъ онъ разсказъ о разбойникѣ, покаявшемся на крестѣ.

— Помогите, научите, батюшка!—молилъ Цыльма, ерзая по полу и не поднимая головы.

Когда онъ, наконецъ, поднялъ ее, то увидѣлъ, что по лицу отца Іова тихо струились слезы. О чемъ же плакалъ онъ? — не могъ понять Цыльма, и лицо его выразило изумленіе.

— Что дѣлать, что дѣлать?!—воскликнулъ Цыльма.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что отецъ Іовъ его обнимаетъ. Слезы хлынули у Цыльмы потоками изъ его узенькихъ глазъ, и самоѣдъ и пастырь долго молча держали въ объятіяхъ другъ друга. Затѣмъ они встали на колѣни, и Цыльма повторялъ слова молитвъ, читаемыхъ отцомъ Іовомъ.

Успокоившись, отецъ Іовъ сказалъ:

— Ты спрашиваешь меня, что тебѣ дѣлать? Я думаю, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: предайся Богу и молитвамъ, искупи грѣхъ твой. Ты одинокъ, жить иначе, какъ промыслами, то-есть убійствами, ты не можешь, а это не смягчитъ сердца твоего. Брось міръ и ступай въ одну изъ отдаленныхъ обителей, гдѣ будешь трудиться и, яко разбойникъ, молить о пощадѣ!

И долго бесѣдовали они. Огонь горѣлъ въ домикѣ отца Іова, и тихо шла бесѣда. Не слышно было ни угрозъ, ни проклятій. Напротивъ, въ рѣчахъ пастыря и его духовнаго сына слышалась только безконечная грусть о содѣянномъ, когда человѣкъ забываетъ все на свѣтѣ ради своихъ животныхъ побужденій.

— А долго ли мнѣ молиться?—спросилъ вдругъ Цыльма.

— Какъ такъ?

— Когда я узнаю, что Господь услышалъ мои молитвы и простилъ мой грѣхъ?

— Это легко узнать, сынъ мой. Ты почувствуешь себя вновь не одинокимъ, познаешь, что у тебя есть семья, и семья эта—весь міръ, съ дурными и хорошими людьми, грѣшниками и праведниками.

Цыльма опустилъ голову.

Налетѣвшій вѣтеръ рванулъ дверь, Цыльма дрогнулъ и прижался къ священнику.

— Идутъ, идутъ! — прошепталъ онъ, дрожа.

— Кому идти? — сказалъ о. Іовъ,—и кого мы можемъ бояться, когда насъ трое.

— Трое?—удивился Цыльма.

— Да, трое! Въ Евангеліи сказано: «гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ и Я среди нихъ!» Мы молились, и Христосъ невидимо присутствуетъ при нашей бесѣдѣ, а съ Нимъ намъ бояться нечего!

Цыльма задумался и успокоился.

Когда вечеромъ, уже поздно-поздно, онъ шелъ домой, то ему казалось, что небо какъ-то ближе къ нему и море шумитъ дружественно. Онъ вошелъ въ избу, разложилъ огонь, опустился на полъ и зарыдалъ. Одиночество томило его, тишина говорила вокругъ него властнымъ голосомъ; но онъ чувствовалъ себя уже здѣсь гостемъ—цѣль жизни его лежала далеко за предѣлами Новой Земли.

А отецъ Іовъ, въ это же время, стоялъ у окна своего домика, смотрѣлъ на далекія звѣзды и шепталъ:

— Камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу... Аще возьму крилѣ мои рано и помчуся въ послѣднихъ моря и тамо бо рука Твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя!

VI.

Былъ іюль мѣсяцъ. Пароходъ «Владиміръ» стоялъ у береговъ Новой Земли и долженъ былъ не сегодня—завтра отойти обратно въ Архангельскъ, забравъ съ собой плоды промысловъ самоѣдовъ за зиму. Капитанъ торопилъ матросовъ, самоѣды усердно помогали имъ, а отецъ Іовъ угощалъ губернаторскаго чиновника, который передавалъ ему всѣ новости за девять мѣсяцевъ. Фельдшеръ собирался въ отпускъ, но жену съ тещей оставлялъ на островѣ, несмотря на ихъ требованіе о необходимости освѣжить туалетъ.

— Хороши будете и такъ!—говорилъ онъ имъ.

Наконецъ, работы были кончены. Протяжный, долгій свистокъ извѣстилъ жителей Новой Земли объ отплытіи, трапъ

былъ снятъ и, плавно повернувшись и оставляя за собой широкій слѣдъ бѣлой пѣны, пароходъ началъ дѣлаться все меньше, меньше и, наконецъ, совсѣмъ исчезъ.

Слѣдя за постепенно скрывающейся землей, стоялъ на палубѣ Цыльма, и выраженіе лица его было грустно. Никогда больше онъ не увидитъ этого кусочка земли, гдѣ люди остаются все тѣми же, съ ихъ горестями, радостями, страстями и мимолетнымъ счастьемъ. Цыльма отправлялся сначала въ Архангельскъ, а затѣмъ въ самый отдаленный, теперь только что обстраивающійся монастырь. Бѣлая ночь уже давно серебрила поверхность океана, пароходъ покачивало, всѣ спали, только одинъ Цыльма, прислонившись къ борту, смотрѣлъ на воду и думалъ. Отъ времени до времени онъ ощупывалъ на груди завѣтную сумочку, гдѣ хранилась въ настоящее время высшая драгоцѣнность — письмо отъ отца Іова къ игумену монастыря. Письмо это, написанное на листѣ почтовой бумаги большого формата, стариннымъ полууставнымъ почеркомъ, было слѣдующаго содержанія:

«Высокоуважаемый отецъ игуменъ!

«Податель настоящаго письма, самоѣдъ Цыльма, въ Св. Крещеніи Іоаннъ, желаетъ посвятить себя Богу. По пастырскому долгу не могу объяснить подробно, но скажу тебѣ, что на душѣ его лежитъ великій грѣхъ, въ которомъ онъ покаялся и молитъ Всевышняго о помилованіи денно и нощно. Прими его подъ свое особое покровительство, научи молиться, такъ, какъ самъ это умѣешь. А молясь, не забывайте и меня, вашего одинокаго, покинутаго друга. Тебѣ бы хотѣлось знать, какъ прошла долгая и суровая зима на нашемъ, почти необитаемомъ островѣ. Скажу тебѣ, что она отмѣчена чудомъ, и чудомъ не малымъ. Когда я, смиренный, въ душной горницѣ моей, передавалъ слушателямъ своимъ разсказъ о страстяхъ Христовыхъ, то одинъ изъ слушателей умилился сердцемъ, почувствовалъ въ себѣ душу живу и, по отбытіи всѣхъ, покаялся мнѣ чистосердечно, прося совѣта. Какой могъ я дать ему иной совѣтъ, когда передо мной какъ огнемъ горѣли слова: «Ты еси прибѣжище наше!» Вотъ новое и великое доказательство Божественнаго Промысла и дѣйствія евангельскаго слова на чистыхъ сердцемъ. Простой, боговдохновенный разсказъ галилейскихъ рыбарей откликнулся и отозвался въ сердцахъ промышленниковъ далекаго Сѣвера. Пишу тебѣ это письмо, а самъ счастливъ, что Господь послалъ мнѣ уловить въ мои сѣти одного раскаявшагося грѣшника.

«Труда онъ не боится, и инокъ изъ него выйдетъ хорошій. Насколько я понимаю теперешнее время, безвѣріе охватываетъ людей все больше и больше, а потому такой монахъ—не тунеядецъ, а раскаянный и убѣжденный, цѣнный вкладъ, который ты и пріимешь отъ молитвенника твоего и друга

Іова».

А пароходъ все пѣнилъ и пѣнилъ воду. Широкій слѣдъ его винта виднѣлся далеко, онъ стремился къ невидимой, но вѣрной и намѣченной цѣли. Цыльма тихо прошелъ по палубѣ, отыскалъ свои вещи и легъ. Морской вѣтеръ дулъ все сильнѣе и сильнѣе. Пароходъ покачивало, а онъ все шелъ и шелъ. Съ каждымъ поворотомъ винта для Цыльмы все болѣе и болѣе открывалась новая жизнь и разгорался истинный свѣтъ—свѣтъ Христовъ.

* *
*

Сторона наша вся-то въ озерахъ,
Темной ночью не думай пройти!
Воютъ совами лѣшіе въ норахъ,
Водяной сторожитъ на пути.
Я, признаться, не вѣрила сказкамъ,
Но боялась ходить по ночамъ,
Да пришлось уступить просьбамъ-ласкамъ
Уступить свѣтлорусымъ кудрямъ.
И пошла я, накрывшись косынкой,
Темной ночью одна изъ села,
На бугрѣ прилегла подъ осинкой,—
Кудри русыя въ гости ждала...
То и дѣло зарницей-змѣею
Озарялися воды озеръ,
Между небомъ святымъ и землею
Словно тайный велся разговоръ.
И при свѣтѣ зеленомъ зарницы
Такъ и лѣзли въ глаза предо мной
То рогатый лопухъ въ родѣ птицы,
То косматый уродъ съ бородой.
Знала я,—это пень надъ водою,
Это молній-шалуній игра...
Вдругъ метнулась зарница стрѣлою,—
Кто-то въ бѣломъ скатился съ бугра.
Сердце такъ и упало въ тревогѣ,
Не могу ни бѣжать, ни кричать...
А изъ озера синія ноги
Показались и скрылись опять...
Слышу визгъ я... и тутъ побѣжала,
Кое-какъ доползла до села...
Цѣлый вечеръ молитвы читала
И крещенскую воду пила.
Двѣ недѣли ходила я хилой
Съ той поры, какъ вернулась съ бугра.
И теперь, какъ ни бейся, мой милый,
Ни на шагъ не пойду со двора!..

Ал. Будищевъ.

На Дальній Востокъ и обратно.

Путевые очерки **А. Т. Снарскаго.**

I.

Мнѣ случилось въ этомъ году сдѣлать рейсъ на пароходѣ Добровольнаго флота—изъ Одессы во Владивостокъ и обратно. Теперь, когда пароходы Добровольнаго флота дѣлаютъ въ годъ не 7—8 рейсовъ, какъ раньше, а 22—23; когда число войскъ Уссурійскаго края стало гораздо больше, а постройка желѣзной дороги, переселеніе крестьянъ и, вообще, оживленіе края постоянно влечетъ туда все новыя и новыя волны людей—сношенія съ нашимъ дальнимъ Востокомъ стали гораздо живѣе. Кромѣ переселенцевъ и солдатъ каждый пароходъ отвозитъ и привозитъ интеллигентовъ, число которыхъ на быстроходныхъ пароходахъ, какъ, напримѣръ, «Петербургъ», «Саратовъ» или «Орелъ», доходитъ иногда до 60—70 человѣкъ. И каждый изъ нихъ могъ бы, конечно, печатно разсказать о томъ, что видѣлъ, и, не безъ пользы для другихъ, подѣлиться своими впечатлѣніями.

Однако, такія путевыя замѣтки попадаются въ печати вовсе не часто. Слышишь только, и послѣднее время довольно часто, что такой-то уѣхалъ во Владивостокъ; но, каковы подробности этого долгаго пути (около 13 тысячъ верстъ), что собственно можно видѣть въ дорогѣ, насколько знакомитъ она васъ съ краями, лежащими на вашемъ пути,—все это, признаюсь, я представлялъ себѣ довольно смутно. Я убѣжденъ, что весьма многіе, и даже большинство интеллигентовъ, имѣютъ лишь весьма неясное понятіе объ этомъ все же интересномъ пути. Говорю «все же» потому, что остановки въ портахъ очень кратки, что ознакомиться — и то очень бѣгло—можно лишь съ нѣсколькими городами и ихъ окрестностями миль на 7, на 10 вокругъ. На поѣздки внутрь, обыкновенно, совсѣмъ нѣтъ времени: пароходъ идетъ по расписанію, имѣетъ своею цѣлью, конечно, довезти пассажировъ, какъ можно скорѣе, потому что каждыя лишнія сутки—уже убытокъ Добровольному флоту (пассажировъ вѣдь нужно кормить),—и потому командиры торопятся. Агенты и поставщики извѣщаются телеграммой заранѣе: «придемъ въ такой-то день, приготовьте провизію въ такомъ-то количествѣ». Уголь берется 2 раза въ пути: въ Портъ-Саидѣ и въ Сингапурѣ; а это въ сущности и все, что нужно пароходу; придя утромъ, онъ къ вечеру обыкновенно уже можетъ выйти; а если остановка выходитъ длиннѣе, то это почти всегда изъ-за поломки въ машинѣ, или какой-нибудь случайности, обыкновенно непріятной капитану и въ то же время удобной пассажирамъ. Изъ 49 сутокъ, которыя мы шли до Владивостока, всего лишь 9—10 придется на остановки; все остальное время—въ морѣ. Обратный путь—по пройденной уже дорогѣ, но съ заходомъ въ Китай—за чаемъ.

Какъ ни мало времени имѣетъ такимъ образомъ туристъ, какъ ни поверхностны и бѣглы его впечатлѣнія,—все же попутные края такъ ярки, такъ непохожи на все, что намъ приходится обыкновенно видѣть, такъ блещутъ красками и такъ оригинальны, что я рѣшаюсь разсказать безъ всякихъ претензій и то немногое, что удалось мнѣ видѣть. Отъ этихъ разсказовъ нельзя ожидать обстоятельныхъ фактическихъ данныхъ: это и не было

моей задачей; я просто любопытный туристъ, который съ удивленіемъ смотрѣлъ на природу, невиданно пышную; на обстановку жизни, совершенно новую; на все то, что прежде всего невольно бросается въ глаза и поражаетъ. Но, міръ Божій такъ прекрасенъ и такъ разнообразенъ; а впечатлѣнія иной разъ нахлынутъ такою волною, что жаждешь ими подѣлиться; и если бы мнѣ удалось нарисовать достаточно ярко все то, что я видѣлъ; если бы мнѣ удалось заставить сердце читателя забиться сочувственнымъ волненіемъ передъ красотами природы—я буду счастливъ. Вотъ моя цѣль—и я начинаю.

22-го мая прошлаго года пароходъ Добровольнаго флота «Воронежъ» часа въ 4 дня отходилъ отъ Одесской пристани на дальній Востокъ. Совершенно новенькій, красивыхъ очертаній двухмачтовый пароходъ—онъ лишь за мѣсяцъ пришелъ изъ Шотландіи, гдѣ строился. Теперь онъ отходилъ, имѣя на своемъ борту, кромѣ команды, еще 1,100 человѣкъ переселенцевъ и пассажировъ. Переселенцы, главнымъ образомъ, были донскіе (отчасти оренбургскіе) казаки, которые по собственному желанію переводились въ Уссурійское казачье войско; ихъ было 250 мужчинъ, около 200 женщинъ и болѣе 200 дѣтей. Кромѣ того шли новобранцы: около 300 солдатъ, около 100 матросовъ и небольшое число трюмныхъ пассажировъ—мастеровыхъ. Все это помѣщалось въ 5 обширныхъ верхнихъ трюмахъ, непосредственно подъ палубой; въ нижнихъ трюмахъ шелъ грузъ Уссурійской желѣзной дороги—215 тысячъ пудовъ рельсъ; кромѣ того—переселенческій грузъ, земледѣльческія орудія, около 1,000 тоннъ частныхъ купеческихъ грузовъ, 2 желѣзныя складныя баржи для пристани Добровольнаго флота во Владивостокѣ; однимъ словомъ, пароходъ, погруженный въ воду на 22 фута, представлялъ изъ себя огромную систему въ 10,000 тоннъ водоизмѣщенія, ибо и самъ по себѣ онъ вѣситъ болѣе 3,000 тоннъ (тонна—62 пуда).

Уже за нѣсколько часовъ передъ отходомъ и пароходъ, и пристань были запружены народомъ; казачій полкъ, расквартированный въ Одессѣ, былъ чуть ли не въ полномъ составѣ: пришли провожать земляковъ; казачій же оркестръ гремѣлъ различныя пьесы, все больше веселыя. Кое-гдѣ виднѣлись, правда, заплаканныя лица женщинъ; но, въ общемъ—прекрасный солнечный день, оживленная толпа, возгласы, музыка, надежды на что-то лучшее впереди, съ которыми каждый пускается въ путь—все это взвинчивало нервы, придавало всѣмъ лицамъ возбужденный, радостный видъ. Минутъ на 20 всѣ притихли—совершалось молебствіе; затѣмъ пароходъ протяжно и глухо заревѣлъ своимъ могучимъ свисткомъ, и скоро по длинному трапу потянулась съ палубы вереница людей, распростившихся съ отъѣзжающими. Еще ¼ часа—и трапъ убрали; всѣ столпились у праваго борта, на пристани толпа также вытянулась вдоль парохода, съ обѣихъ сторонъ послышались прощальные возгласы, напутствія, пожеланія; заплаканныхъ лицъ стало гораздо больше. Наконецъ, пароходъ «выбралъ» всѣ свои канаты—порвалъ всѣ свои связи съ берегомъ, забурлилъ своими винтами, далъ задній ходъ, чтобы выйти на просторъ; остановился, точно подумалъ—идти ему впередъ или оставаться здѣсь; еще разъ громко, раскатисто зарычалъ, пустилъ клубы чернаго дыма и, окончательно рѣшившись,—плавно, мѣрно и энергично двинулся въ путь. На берегу оркестръ исполнилъ гимнъ; могучее «ура» слилось съ послѣднимъ его аккордомъ; такое же сильное, тысяче-голосное «ура» отвѣтило и съ борта парохода, а черезъ нѣсколько минутъ толпа стала сливаться въ общую массу; замахали платками, шляпами, уже не различая точно того платка, который отвѣчаетъ, но чувствуя навѣрняка, что отвѣчають; и вотъ—мы уже проходимъ волнорѣзъ. Здѣсь у маяка еще разъ небольшая компанія гуляющихъ привѣтствуетъ насъ и машетъ

платками, и кричитъ «ура». Потому ли, что сердце немного щемитъ; потому ли, что сцена прощанья всѣхъ взволновала, но только эта послѣдняя вспышка симпатій со стороны людей постороннихъ, ничѣмъ съ вами не связанныхъ, кромѣ добрыхъ вамъ пожеланій, всѣхъ особенно тронула; какъ-то вдругъ прихлынуло жгучее чувство любви къ своему родному, насиженному и покидаемому мѣсту; и совсѣмъ внезапно какъ-то вырвалось и прогремѣло въ воздухѣ взволнованное, дружное «ура» въ отвѣтъ этой кучкѣ милыхъ людей.

Довольно долго городъ еще виденъ; затѣмъ и онъ, и берегъ скрываются изъ виду, и корабль среди моря остается вполнѣ предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ. Всѣ начинаютъ понемногу устраиваться и осматриваться въ своемъ пловучемъ жилищѣ. Помѣщенія для команды, для офицеровъ и пассажировъ 1-го класса построены на палубѣ; команда — въ носовой части, на «бакѣ»; офицеры— посрединѣ парохода; каютъ-компанія и 1-ый классъ—на кормѣ, или на «ютѣ», употребляя морской терминъ. Надъ 1-мъ классомъ—верхняя палуба — «полуютъ», гдѣ посрединѣ поставлена музыкальная рубка, а по бокамъ, подъ тентами, та небольшая площадка, на которой пассажирамъ предоставляется изнывать отъ тоски, обливаться потомъ во время жары, развлекаться и сплетничать въ теченіе всего длиннаго, слишкомъ сорокадневнаго перехода. Вся средина, центръ парохода, занята машиной, которая громаднымъ желѣзнымъ ящикомъ отдѣлена отъ всего остального; вдоль этого ящика справа и слѣва тянутся 2 длинныхъ коридора; вдоль праваго—каюты служащихъ; изъ лѣваго—рядъ дверей ведетъ въ аптеку, каюту сестеръ милосердія, 2 лазарета: мужской на 14, женскій на 12 коекъ; дальше идутъ кухни, всякія хозяйственныя кладовыя. Надъ всѣмъ этимъ вдоль ящика машины — верхняя палуба, такъназываемый «спардекъ», гдѣ впереди помѣщается лишь «навигаціонная» и каюта капитана; а еще выше—капитанскій «мостикъ», гдѣ вахтенный помощникъ отбываетъ свою 4-хъ-часовую вахту. Въ носовой части, надъ помѣщеніемъ команды есть также «полубакъ», и всѣ эти 3 части верхней палубы связаны между собою узкими перекидными мостками на стойкахъ. Переселенцамъ хода сюда нѣтъ: для нихъ—вся нижняя палуба. 3 трюма впереди, 2—сзади машины; для нихъ прорѣзаны въ палубѣ громадные люки, а внизъ ведутъ трапы. Въ трюмахъ довольно тѣсно и душно, конечно, потому что нары здѣсь (какъ впрочемъ и койки въ каютахъ 1-го класса) въ 2 яруса; но зато на пароходѣ неустанно работаетъ рефрижераторъ, въ которомъ разрѣженный воздухъ замораживаетъ огромныя количества мяса и всякой провизіи, даетъ возможность всегда имѣть ледъ, есть паровая пекарня, гдѣ каждый день изготовляется болѣе 40 пуд. хлѣба; есть опрѣснитель, электрическое освѣщеніе, электрическій вентиляторъ для лазаретовъ, не говоря уже о ваннахъ, о душахъ для переселенцевъ и прочихъ видахъ заботливости и комфорта.

Въ 1-мъ классѣ всего 14 пассажировъ; среди нихъ 3 профессора-астронома, командированныхъ изъ Пулкова для наблюденія солнечнаго затменія въ с. Орловскомъ на Амурѣ, гдѣ это затменіе (28-го іюля) всего лучше будетъ наблюдаться. Остальные—офицеры, уже служившіе во Владивостокѣ, или же ѣдущіе туда впервые со своими женами. Въ каютъ-компаніи—4 дамы.

Служащіе на пароходѣ, въ составѣ капитана, его 4 помощниковъ, 4 механиковъ, доктора и 2-хъ сестеръ милосердія, имѣютъ свою каютъ-компанію, гдѣ и обѣдаютъ.

Вечеромъ все общество сходится на полуютѣ и въ музыкальной; есть піанино и гитара; устраивается нескладный хоръ и исполняются цыганскіе жестокіе романсы; для любителей — шашки, шахматы, винтъ; устраиваются даже игры: бросается

платокъ и начинается слово съ тѣмъ, чтобы адресатъ докончилъ его; а молодая барышня-пассажирка къ общему хохоту и удовольствію слогъ «щи» доканчиваетъ— «ка»; а слогъ «чи» доканчиваетъ—«сы». А пароходъ идетъ такъ покойно, что ухо перестаетъ ужъ обращать вниманіе на равномѣрный рокотъ воды за кормою, и, сидя въ ярко освѣщенной комнатѣ, забываешь временами, что ты среди моря; во всякомъ случаѣ чувствуешь себя принадлежащимъ къ сильной, надежной системѣ, съ которой бурѣ не легко справиться, которая постоитъ за себя. Въ 11 часовъ огни на полуютѣ тушатся, и такъ какъ ночь холодна, то всѣ расходятся по каютамъ. Скоро глубокій сонъ и тишина, и мракъ воцаряются на всемъ пароходѣ. Лишь временами изъ трюма слышится то кашель, то плачъ ребенка, то полусонный голосъ его матери. Не дремлетъ лишь рулевой, да офицеръ на вахтѣ; да еще прорѣзываетъ тьму и точно зорко въ нее вглядывается — громадный электрическій фонарь съ передней мачты; и кажется, что онъ снопомъ своихъ лучей ощупываетъ передъ собою тьму, что онъ предупреждаетъ всякую опасность, что онъ одинъ взялъ на себя заботу объ этихъ спящихъ людяхъ, соединилъ въ себѣ все, что осталось отъ ихъ затемненнаго сномъ сознанія.

II.

На слѣдующій день уже съ утра жизнь на пароходѣ потекла своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ 8, въ 2 и въ 8—чай, въ 11—завтракъ изъ 2 блюдъ; въ $5^{1}/_{2}$— обѣдъ изъ 4 блюдъ. Въ промежуткахъ— полное бездѣйствіе; посмотришь на воду, на широкую бурлящую сначала полосу, которая идетъ за кормою подъ сильными ударами винтовъ; потомъ отойдешь, поговоришь или скорѣе «покалякаешь» съ кѣмъ-нибудь; полежишь, послѣ завтрака, или даже поспишь,—и все же много еще времени—никакъ его не обманешь. На палубѣ гораздо оживленнѣе; въ разныхъ концахъ то ползаютъ, то бѣгаютъ дѣтишки; взрослые уже усѣлись играть въ карты, и многіе такъ, кажется, изъ-за картъ и не встали до самаго Владивостока. Слышатся пѣсни, гармоника, смѣхъ; какой-то юркій солдатикъ изъ евреевъ уже собралъ вокругъ себя толпу и показываетъ фокусы. Въ часы обѣда и ужина усаживаются семьями и хлебаютъ изъ баковъ отличный свой борщъ или кашицу. Въ промежуткахъ тоже спятъ или устраиваютъ длиннѣйшія чаепитія; однимъ словомъ—устроились и признаковъ нетерпѣнія не обнаруживаютъ. Ходъ парохода въ среднемъ—$11^{1}/_{4}$ узловъ или миль (миля— $1^{3}/_{4}$ версты), и потому за 36 часовъ мы ужъ должны пересѣчь Черное море.

На 3-й день, 24-го, часовъ въ 5 утра, просыпаюсь и сквозь иллюминаторъ вижу вдали волнистую темную полосу; моя каюта на правомъ борту—значитъ, это европейскій берегъ Турціи. Быстро одѣваюсь, бѣгу наверхъ и вижу слѣва берегъ азіатскій. Онъ также довольно высокъ и разстояніе между ними версты 2,—немного больше, быть-можетъ; а впереди уходитъ въ глубину проливъ, изгибаясь и суживаясь. Солнце еще не высоко, берега въ тѣни, и надъ водою лежитъ туманъ. Холодновато и сыро. Справа и слѣва бѣлѣетъ по маяку. Берега подымаются довольно отлого. По склонамъ—низкорослый кустарникъ и кое-гдѣ купы деревьевъ. Очень часто справа и слѣва то на уступѣ скалы, то на площадкѣ, искусственно вырубленной, прилѣплена казарма-крѣпостца—каменное зданіе, чаще всего желтое, кое-гдѣ сѣрое, то съ башенкой, то съ зубьями стѣны; видны и пушки; но, въ общемъ, все это гораздо болѣе картинно, чѣмъ грозно, гораздо больше просится на полотно, чѣмъ годится для сопротивленія. Однако, кромѣ этихъ живописныхъ стѣнъ и башенъ старой постройки справа и слѣва, и сверху смотрятъ еще жерла огромныхъ орудій, помѣщенныхъ за толстыми брустверами; и эти совре-

менныя батареи глядятъ очень внушительно.

Солнце подымается; то верхушка горы, то башня, то часть стѣны блестятъ ужъ подъ его лучами. Туманъ исчезаетъ быстро; вода становится синею. Навстрѣчу намъ идетъ лодка—первый турецкій каикъ; очень длинный, очень узкій, очень изящный; 2 пары длинныхъ стройныхъ веселъ и на нихъ 2 гребца въ фескахъ. Господинъ, что сидитъ на кормѣ, дѣлаетъ знаки рукой, ему подаютъ трапъ, и черезъ нѣсколько минутъ на капитанскій мостикъ всходятъ 2 турецкихъ чиновника; это—комиссары. Еще нѣсколько минутъ—и помощникъ капитана съ докторомъ съѣзжаютъ на берегъ къ мѣсту досмотра, которое называется «Анатолійскій кавакъ». Черезъ $^1/_2$ часа они возвращаются и сообщаютъ, что разрѣшеніе съѣзжать въ Константинополѣ на берегъ получено, такъ какъ они заявили, что на пароходѣ нѣтъ никакой эпидеміи, никакихъ заразныхъ больныхъ.

Весело идемъ мы дальше въ виду остановки и, чѣмъ дальше, тѣмъ берега становятся все живописнѣе; скоро они уже сплошь застроены; дома̀ то бѣлые, то желтые стоятъ у берега, лѣпятся вверхъ по склонамъ; то смотрятся въ воду, то утопаютъ въ яркой и свѣжей зелени платановъ, въ темной матовой зелени кипарисовъ. Мѣста̀ми, поодаль отъ другихъ домовъ, на холмѣ, или же среди обширнаго сада стоитъ великолѣпная вилла. Панорама мѣняется на каждомъ шагу. Наконецъ, направо, надъ берегомъ блестящее бѣлое зданіе, высокое посрединѣ, съ длинными крыльями по бокамъ—Долма-Бахче, султанскій дворецъ. Впереди, вблизи азіатскаго берега, маленькій островокъ, скорѣе скала, на которой стоитъ небольшая бѣлая «Леандрова» башня; отсюда Байронъ переплывалъ Босфоръ. Еще немного, и правый берегъ точно прерывается, отходитъ въ глубину; а сквозь безчисленное множество большихъ и малыхъ пароходовъ, парусныхъ лодокъ и каюковъ блеститъ Золотой Рогъ. Нашъ пароходъ спускается еще немного ниже, дѣлаетъ оборотъ и отдаетъ якорь носомъ на сѣверъ, ибо въ Босфорѣ сильное теченіе по направленію на югъ. Съ лѣваго борта передъ нами высятся св. Софія, мечеть султана Ахмета, старый султанскій дворецъ, весь утонувшій въ зелени; однимъ словомъ, вся та старѣйшая часть города на южномъ берегу Золотого Рога, которая называется собственно Стамбулъ. На азіатскомъ берегу—громадная желтая казарма и безконечный рядъ домовъ—Скутари.

Всѣ пассажиры уже съѣхали на берегъ въ паровомъ катерѣ; а я беру каюкъ и ѣду прямо къ св. Софіи. Кстати подвернулся и чичероне—какой-то итальянецъ, служившій на русскихъ пароходахъ и потому говорящій немного по-русски. Теченіе сильнѣйшее: насъ сильно сноситъ, и лодочникъ-оборванецъ обливается потомъ.

Св. Софія стоитъ на гребнѣ возвышенности, и весь ея массивный четырехугольный корпусъ съ 4-мя минаретами по угламъ отчетливо рисуется на фонѣ неба.

Однакоже снаружи этотъ массивный корпусъ не кажется громаднымъ потому, очевидно, что стѣны не подымаются, какъ, напримѣръ, въ московскомъ храмѣ Спасителя, ничѣмъ не стѣсненныя и не прикрытыя; наоборотъ, на двухъ фасадахъ высятся громадные контрфорсы и подымаются вплоть до вершины стѣнъ; къ двумъ же другимъ фасадамъ примыкаютъ въ нѣсколько ярусовъ полукруглыя солидныя пристройки; и всѣ эти прибавочныя части скрываютъ размѣры самаго корпуса. Весь онъ окрашенъ желтой краской. Надъ всею этой массой подымается вѣнецъ, прорѣзанный множествомъ оконъ; а на немъ, на этомъ кругѣ изъ глубокихъ и частыхъ аркадъ, спокойно лежитъ куполъ—широкій и невысокій. Отъ берега по кривымъ и грязнѣйшимъ улицамъ подымаемся въ гору и скоро подходимъ

къ оградѣ св. Софіи. Идемъ по узкому переулку, гдѣ изъ всѣхъ домовъ подъ ограду выбрасываютъ всякій соръ и всѣ отбросы. Затѣмъ спускаемся налѣво и нѣсколько внизъ и входимъ въ темноватый прохладный коридоръ. Передъ внутреннимъ входомъ лежатъ уже цыновки, и отсюда начинается мѣсто, куда нельзя входить невѣрнымъ безъ туфель и... платы за входъ. У дверей начинается торгъ; мулла запрашиваетъ меджидіе (20 піастровъ—1 р. 60 коп.) и наконецъ соглашается впустить за 10 піастровъ; затѣмъ онъ беретъ вашъ зонтъ или палку; вы надѣваете громадныя туфли и входите, волоча ноги. Дверь, въ которую вы вошли, слѣва и сзади храма; такимъ образомъ вы видите сначала длинный и просторный лѣвый его корабль; нѣсколько шаговъ вправо, вы попадаете въ главный основной корабль и останавливаетесь въ нѣмомъ изумленіи: такъ величавъ этотъ храмъ, такъ превосходитъ онъ все, до сихъ поръ видѣнное. Но вы и не подавлены,—о, нѣтъ—нисколько! Еще нѣсколько мгновеній, пока уляжется изумленье передъ громадностью сооруженія, и вы замѣчаете, что всѣ отдѣльныя части такъ стройны, такъ пропорціональны, всѣ детали такъ легки и изящны, что громадность не кажется безобразной, а лишь внушительной и все-таки стройной. Какой же секретъ вложилъ сюда зодчій? Чѣмъ достигъ онъ такого соединенія величія и легкости, грандіозности и чуть ли не ажурной прозрачности своей постройки? Представимъ себѣ, что въ основаніе храма, въ средній его корабль заложенъ громадный квадратъ и по его 4-мъ сторонамъ высятся громадныя стѣны, а на нихъ—куполъ. Конечно, такой храмъ невозможенъ; это былъ бы колодезь, который давилъ бы своей громадой бѣдныхъ людей, здѣсь собравшихся. Конечно, этого и нѣтъ здѣсь. Постройка же такова: передняя и задняя стѣны отодвинуты, замѣнены полукруглыми, уходящими вглубь стѣнами; а вмѣсто сплошныхъ стѣнъ по бокамъ оставлено лишь то, что вполнѣ, что существенно необходимо: это 4 массивныхъ устоя въ углахъ съ пролетами по обѣ стороны. Они, а дальше и самыя стѣны одѣты широкими мраморными плитами то сѣрыми, то слегка желтоватыми; и этотъ сѣрый тонъ,—переходящій даже въ темный, принадлежащій отчасти мрамору, отчасти наложенный временемъ,—придаетъ всему храму торжественный и строгій характеръ. Между устоями справа и слѣва остается широкій пролетъ, который занятъ колоннами. Всего по 4 колонны изъ такого же темно-сѣраго мрамора, высокія и гладкія колонны, капители которыхъ не принадлежатъ ни одному изъ древне-греческихъ ордеровъ; это какая-то оригинальная орнаментовка изъ широкихъ, глубоко вырѣзанныхъ остроконечныхъ листьевъ, и тотъ же орнаментъ, вырѣзанный по сѣрому мрамору, съ капителей колоннъ идетъ на аркады между колоннами, стелется по карнизу, взбѣгаетъ на баллюстраду верхняго яруса, широкой лентой охватываетъ весь храмъ и заполняетъ стѣны тончайшей рѣзьбой, филигранной отдѣлкой, съ которой широкій замыселъ художника соединяется съ кропотливой и искусной работой мастера. Уже одинъ рядъ колоннъ, соединенныхъ легкими аркадами, дѣлаетъ стѣну и легкой, и прозрачной; но художникъ сдѣлалъ гораздо больше: за 2-мя средними колоннами онъ въ боковыхъ корабляхъ поставилъ еще по 4,—2 впереди и 2 въ глубинѣ; а надъ ними перебросилъ сводъ. Внизу не такъ много свѣта, скорѣе полумракъ; и эти 4 заднія колонны, стоящія въ полутьмѣ, даютъ впечатлѣніе множества колоннъ, лишь уходящихъ куда-то въ глубину. Не то вверху. Тамъ, надъ баллюстрадой, въ среднемъ пролетѣ, стремится кверху еще по 6 колоннъ, настолько стройныхъ, настолько легкихъ, что онѣ не боятся стоять надъ пролетами нижнихъ колоннъ. И опять-таки тотъ же пріемъ: за этими колоннами, въ боковыхъ корабляхъ, соотвѣтственно нижнимъ,

поставлены еще колонны со сводомъ надъ ними; но только здѣсь, сзади, въ наружныхъ стѣнахъ прорѣзаны громадныя окна; стѣны и своды въ глубинѣ окрашены желтою краской, и эти окна посылаютъ внутрь храма цѣлые потоки свѣта; и если нижнія колонны туманными контурами рисуются въ полутьмѣ, то верхнія стремятся въ вышину изъ мрака, охваченныя свѣтомъ, и ярко выступаютъ на золотистожелтомъ фонѣ. Надъ ними тотъ же орнаментъ, та же тончайшая рѣзьба, и лишь далеко вверху по сторонамъ возвышаются 2 сплошныя стѣны, да и то—прорѣзанныя 2-мя рядами громадныхъ оконъ. Передняя и задняя стѣны, какъ я уже сказалъ, полукруглыя; но это не одинъ полукругъ общаго радіуса, а три: 2 боковыхъ и 1 средній, уходящій еще болѣе вглубь. И боковые полукруги построены по той же идеѣ: полукругомъ идутъ колонны, связанныя арками, орнаментъ, баллюстрада и опять рядъ колоннъ вверху съ другими въ глубинѣ, съ окнами сзади и впечатлѣніемъ легкости, стройности, обилія свѣта. Въ переднемъ полукругѣ нѣсколько рядовъ оконъ съ цвѣтными стеклами льютъ мягкій голубой полусвѣтъ; въ заднемъ—хоры съ громадными окнами.

Таковъ въ моемъ слабомъ описаніи этотъ свѣтлый, великолѣпный храмъ; и такимъ и долженъ быть храмъ нашей свѣтлой религіи, согрѣтой любовью.

Чувствуешь, войдя въ эти стѣны, что ты за крѣпкой, надежной защитой; что не пропустятъ онѣ снаружи всей суеты, всей мелкой злобы и повседневной борьбы; но это и не стѣны грозной крѣпости; онѣ не тѣснятъ васъ, не давятъ, не повергаютъ въ отчаяніе, въ сознанье своего ничтожества, не разобщаютъ васъ со всѣмъ міромъ; наоборотъ—все, что есть въ мірѣ хорошаго, радостнаго, ободряющаго, имѣетъ сюда доступъ вмѣстѣ съ волнами яркаго свѣта. Онъ отовсюду вливается; онъ проникаетъ блестящимъ потокомъ изъ-подъ широкаго купола, льется изъ всѣхъ верхнихъ оконъ, проходитъ подъ верхними сводами, все освѣщаетъ на своемъ пути, течетъ между колоннами и, ими разсѣянный, ими смягченный, струится лучами ужъ менѣе блестящими, но зато мягкими, ласкающими.

Они наполняютъ низъ храма смягченнымъ свѣтомъ, скользятъ по стѣнамъ, проходятъ подъ арками между колоннъ въ боковые придѣлы; здѣсь они встрѣчаютъ мракъ и проникаютъ его, разсѣваютъ, точно стремятся пробраться въ самые дальніе, самые темные углы и все освѣтить, все согрѣть, прогнать все угрюмое, все, что возникло во тьмѣ. И если человѣкъ съ больной и смущенной душою придетъ сюда, эти лучи, уже сами ослабленные и блѣдные, идутъ къ нему навстрѣчу, точно хотятъ коснуться его души такъ бережно, такъ нѣжно и такъ участливо, чтобы сердце его вдругъ почувствовало приливъ тепла и умиленія. Такъ всплываетъ наверхъ все лучшее въ каждой душѣ въ отвѣтъ на ласку; и грѣшная скорбящая толпа, здѣсь собравшаяся, должна невольно нести свои молитвы и свое просвѣтленное чувство изъ-подъ сумрака сводовъ туда, вверхъ, подъ широкій куполъ, куда врывается яркій ликующій свѣтъ, — тотъ свѣтъ, который растворяетъ всѣ наши печали, сообщаетъ насъ съ небесами, несетъ намъ жизнь и прощеніе.

Становится яснымъ, что лишь свѣтлый, жизнерадостный духъ древняго эллинизма, съ своимъ стремленіемъ къ простой и строгой гармоніи, въ соединеніи съ кроткимъ духомъ христіанства, могъ создать этотъ геніально задуманный и геніально исполненный храмъ—храмъ надежды.

Магометанство даетъ о себѣ знать тѣмъ, что въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ развѣшаны громадные зеленые щиты съ изреченіями изъ Корана. Впереди—нѣчто въ родѣ алтаря изъ бѣлаго мрамора съ двумя громадными свѣчами по бокамъ; свѣчи, въ сажень вышиною и вершковъ пять въ діаметрѣ, вставлены въ соотвѣтственные низкіе подсвѣчники. Впереди же и нѣчто въ

родѣ амвона съ крутой и узкой лѣсенкой. Весь полъ устланъ цыновками, а по нимъ—коврами. Молящихся почти никого; но кое-гдѣ по угламъ муллы завываютъ гнусавыми фальцетами.

Изъ храма св. Софіи мы въ четырехъ нарядныхъ экипажахъ отправились съ 2-мя проводниками, съ такимъ расчетомъ, что времени у насъ осталось отъ 11 до 2½ часовъ дня. Вблизи—мечеть султана Ахмета, большое и красивое зданіе, повидимому предназначенное строителемъ соперничать съ св. Софіей; внутри мраморъ, стѣны чуть не до верху одѣты голубыми изразцами; но, въ общемъ, все это безконечно менѣе талантливо, чѣмъ св. Софія.

Дальше мы видѣли небольшую мечеть султана Махмуда съ его гробницею; это тотъ самый Махмудъ, который уничтожилъ янычаръ, ввелъ феску вмѣсто чалмы и былъ убитъ противниками реформъ. Его гробница—великолѣпный мраморный саркофагъ—украшена въ изголовьи феской съ огромной звѣздой изъ брильянтовъ. При мечети небольшое кладбище, гдѣ бѣлыя мраморныя гробницы засыпаны жасминомъ и чудными пунцовыми розами. Въ верхней же части города еще обелискъ, привезенный изъ Египта; мечеть Баязета, прекрасное зданіе сераскеріата, а затѣмъ мы начинаемъ спускаться по крутымъ и узкимъ улицамъ внизъ, къ Золотому Рогу.

Чѣмъ ниже, тѣмъ больше оживленіе, тѣмъ гуще толпа, тѣмъ чаще какія-то лавчонки и мастерскія, въ которыхъ торгуютъ, повидимому, какимъ-то никуда не годнымъ старымъ хламомъ. Въѣзжаемъ, наконецъ, на мостъ — отвратительнѣйшій мостъ на желѣзныхъ судахъ, съ пляшущими досками и чуть ли не въ дырахъ.

Дальше, черезъ Золотой Рогъ перекинутъ еще одинъ мостъ, и оба они кишатъ народомъ; и это понятно, потому что за мостомъ начинаются наиболѣе торговыя, бойкія части города. Направо, вдоль Босфора, тянется набережная и нижняя часть города—Галата; прямо вверхъ лѣпится Пера—кварталъ наиболѣе европейскій. Ѣдемъ по набережной; замощена она прилично (всего лишь 4 года тому назадъ), но застроена отвратительно; трудно представить себѣ что-либо мизернѣе всѣхъ этихъ домишекъ—кривыхъ, осѣвшихъ, покосившихся, съ выбитыми стеклами. Едва ли наберется десятокъ порядочныхъ зданій на разстояніи 2 верстъ, да и то — это агентства пароходныхъ обществъ, въ родѣ австрійскаго Ллойда, или казармы; очевидно, здѣсь жилищу не придаютъ никакой цѣны, комфортъ своего угла здѣсь совершенно не извѣстенъ, и всѣ эти домики, столь красивые съ моря, оказываются чуть ли не руинами. Есть манера строить ихъ такъ: возводятъ одну высокую стѣну, при чемъ кирпичъ скрѣпляютъ просто глиной, а затѣмъ къ этой стѣнѣ кое-какъ прикрѣпляютъ деревянную, двухъэтажную, въ 2—3 окна по фасаду, постройку. Вмѣсто оконъ, впрочемъ, устраиваютъ 2—3 одѣтыхъ деревомъ балкона, которые выступаютъ надъ нижнимъ этажомъ. Всѣ окна до половины заставлены густыми деревянными рѣшётками и до верху закрыты шторами. И никогда оттуда не выглянетъ лицо, не раздастся смѣхъ; турчанкамъ это, видимо, воспрещено; рѣдко-рѣдко покажется лицо и, увы, — старой армянки съ огромнымъ носомъ. И вообще на улицахъ совсѣмъ почти не видно женщинъ; бредутъ иной разъ армянки въ широкихъ костюмахъ съ открытыми лицами, или проходятъ какія-то женщины, очевидно, помоложе, съ лицами, сплошь завѣшанными темнымъ вуалемъ; но именно тѣхъ стройныхъ фигуръ съ лицами, закутанными чадрой, и лишь открытыми глазами — длинными, черными и блестящими, какихъ рисуютъ на картинахъ,— не видно ни одной.

Что еще поражаетъ — это обиліе солдатъ; по всѣмъ улицамъ, гдѣ мы проѣзжали, они на каждомъ шагу. Мало того: чуть не каждые 50, 100 шаговъ,

а то и меньше, вы видите караульную будку и передъ ней—часового. И это не казармы, а просто нанята комната въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ какой-нибудь мизернѣйшей лавчонкой, обращена въ помѣщеніе для караула, а передъ дверью торчитъ зѣвающій часовой. Кромѣ того, постоянно среди бѣла дня вы видите, какъ по улицѣ идетъ патруль изъ 4—5 человѣкъ и съ самымъ соннымъ видомъ шатается среди прохожихъ, среди навьюченныхъ лошадей и ословъ. Все это объясняется, должно-быть, недавними армянскими безпорядками; но только изобиліе солдатъ, жандармовъ, полицейскихъ — скоро дѣлается совершенно несноснымъ; просто некуда дѣваться отъ нихъ. И форма ихъ не имѣетъ въ себѣ ничего живописнаго, ничего колоритнаго: это обычный костюмъ изъ синяго сукна съ погонами и №№ на погонахъ, очень похожій даже на наши мундиры, но съ пуговицами; головной уборъ—фески; да и то кавалерія и артиллерія, которыхъ мы скоро начали обгонять, носитъ нѣчто въ родѣ папахи или нашей барашковой шапки. Оказалось, что, по случаю пятницы, войска идутъ на парадъ ко дворцу, гдѣ султанъ проѣдетъ мимо нихъ въ свою дворцовую мечеть и будетъ принимать поздравленія съ праздникомъ; эта церемонія — селямликъ — бываетъ каждую пятницу, и было очень удачно, что наша остановка случилась именно въ этотъ день.

Послѣ всякихъ лачугъ, глазъ, наконецъ, отдыхаетъ на великолѣпной башнѣ и воротахъ съ рѣзными мраморными украшеніями: это въѣздъ во дворецъ Долма-Бахче; онъ тянется своимъ фасадомъ вдоль Босфора, а дорога отходитъ поэтому отъ берега и тянется сзади дворца. Къ сожалѣнію, онъ отдѣленъ отъ любопытныхъ взоровъ высочайшею и совершенно глухою стѣною. Дорога дальше пошла въ гору: парадъ происходитъ у Ильдизъ-Кіоска — другого дворца — на горѣ. По сторонамъ пошли сады; цвѣтетъ акація, широко раскинулись платаны. А по улицѣ все идутъ батальоны; солдаты рослые и статные; офицеры съ лицами попроще шагаютъ рядомъ со своими ротами; почтенные, сѣдые майоры ѣдутъ впереди, а за ними—краснощекіе, кругленькіе и нарядные адъютанты,—очевидные побѣдители женскихъ сердецъ, какъ и всѣ адъютанты. Наконецъ, добрались мы до площади, которая лежитъ по скату, на полугорѣ; а еще выше, среди обильной и пышной зелени деревъ, рисуется на темно-синемъ фонѣ небольшая, легкая, изящная мечеть. Впереди, фронтомъ къ мечети, стояло нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, одѣтой частью какъ наши драгуны, частью—нѣчто въ родѣ уланъ съ красной грудью и красными значками на пикахъ. И лишь передъ входомъ въ ворота мечети стоялъ взводъ солдатъ, одѣтыхъ въ широкія, красныя шаровары, бѣлые чулки, куртки и чалмы. Пришлось подождать полчаса, пока не раздались сигналы, войска обнажили шашки, прошли двумя вереницами генералы и придворные чины, проѣхалъ рядъ каретъ—съ женами, надо полагать—и, наконецъ, показался и султанъ, въ открытой коляскѣ на парѣ бѣлыхъ коней, ведомыхъ гайдуками. Ставши на козла нашихъ колясокъ, мы ясно могли видѣть черезъ головы солдатъ высокую фигуру султана, его длинное, желтое лицо съ черной бородкой. Говорятъ, онъ нездоровъ; но все же не хочетъ сдаваться и продѣлываетъ весь установленный церемоніалъ. Сзади коляски нѣсколько конюховъ въ голубыхъ, залитыхъ золотомъ костюмахъ, вели подъ-уздцы коней, покрытыхъ чапраками. Кромѣ нѣсколькихъ европейскихъ семействъ, никто при этой церемоніи не присутствовалъ: своимъ, очевидно, она не въ диковинку. Рядомъ съ нашими экипажами стояла коляска съ гербами, и кони въ богатой упряжи, а кучеръ въ ливреѣ и въ фескѣ вдругъ обратился къ намъ съ чистѣйшею русскою рѣчью; оказалось, что это какой-

то предпріимчивый русакъ изъ центральныхъ губерній, который пріѣхалъ сюда искать счастья и поступилъ въ кучера къ какому-то пашѣ; въ годъ онъ научился уже говорить по-турецки, получаетъ 2 лиры въ мѣсяцъ жалованья (16 руб.) и полное содержаніе для себя и жены.

Мы не стали, конечно, ожидать обратнаго выѣзда султана; было уже около часу, и намъ смертельно хотѣлось ѣсть; мы даже накупили у разносчиковъ какихъ-то калачей, густо обсыпанныхъ тминомъ и, стоя на козлахъ, уплетали ихъ, ничтоже сумняшеся. Обратно поѣхали черезъ Перу, главная улица которой тоже крива и узка; но здѣсь уже множество большихъ магазиновъ, ресторановъ; повсюду французскія вывѣски, и много дамъ въ европейскихъ костюмахъ. На видномъ мѣстѣ, на высокомъ холмѣ, поставлено огромное, казарменнаго вида, зданіе—германское посольство, на крышѣ котораго по всѣмъ угламъ посажены нѣмецкіе орлы. Зданіе русскаго посольства гораздо скромнѣе—въ глубинѣ двора и сада. Въ ресторанѣ, гдѣ насъ хорошо и недорого покормили, въ магазинахъ, куда наши дамы не замедлили зайти,—всюду говорятъ по-французски; всюду берутъ франки, фунты, наши рубли и съ наименьшей охотой берутъ свои меджидіе. И вообще, я сказалъ бы, что меньше всего замѣтны въ Константинополѣ именно турки. Все производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы сюда со всѣхъ сторонъ налетѣла стая голодныхъ авантюристовъ всего свѣта, и каждый старается урвать кусочекъ получше. Ни малѣйшаго признака самобытной культуры, органически выросшей на мѣстной почвѣ; ни малѣйшаго стремленія даже къ элементарной опрятности; повсюду глубокая лѣнь и халатность, на почвѣ которой иностранцы-предприниматели или же свои армяне, греки, евреи завели нѣсколько пароходныхъ компаній, устроили магазины, а главное—насадили кафе-шантаны, которыхъ здѣсь не мало. Нѣтъ даже воспріимчивости къ чужой культурѣ: въ огромномъ городѣ нѣтъ ни городского телеграфа, ни телефона, ни электрическаго свѣта, ни даже почты городской, и султанское правительство, не имѣя культурныхъ силъ, на которыя оно могло бы опереться, не находитъ ничего лучшаго для поддержки своего престижа, какъ воткнуть на каждомъ шагу по солдату. Я не знаю, хорошо ли ѣдятъ эти солдаты, исправно ли имъ платятъ, но казармы у нихъ по виду чрезвычайно внушительны; это громаднѣйшія зданія, занимающія всѣ лучшія мѣста. И я говорилъ уже, какъ утомляетъ это обиліе солдатъ. Часа въ два мы уже поѣхали обратно съ такимъ резюме: Константинополь чрезвычайно красивъ со стороны и чрезвычайно грязенъ и мизеренъ внутри; мало женщинъ, много солдатъ и множество собакъ.

На пароходѣ оказалось, что мы не снимаемся съ якоря: въ машинѣ случилась какая-то поломка, и потому мы будемъ чиниться не только весь сегодняшній, но и завтрашній день. Конечно, это было очень кстати.

На другой день я опять отправился въ св. Софію, побродилъ по улицамъ Стамбула, видѣлъ еще нѣсколько живописныхъ старыхъ мечетей съ минаретами, которые еле-еле стоятъ, схвачены желѣзными обручами и угрожаютъ повалиться на улицу; а затѣмъ рѣшилъ отправиться на азіатскій берегъ—въ Скутари.

Пристань для пароходовъ въ Скутари пловучая, на Золотомъ Рогѣ, и ходъ на нее съ того же моста, за переходъ черезъ который, оказывается, берутъ еще какую-то монету и даютъ вамъ сдачу какими-то жестянками. Я сажусь на небольшой колесный пароходъ и жду. Въ сущности, Золотой Рогъ не заслуживаетъ названія золотого, по крайней мѣрѣ теперь; за мостами, за массою судовъ его совсѣмъ не видно; и вдобавокъ сотни пароходовъ, большихъ и малыхъ,

посылаютъ изъ трубъ своихъ столько дыму, что онъ клубами носится надъ заливомъ и застилаетъ всю окрестность, такъ что мечети Баязета и Сулеймана лишь туманными массами выступаютъ надъ заливомъ со стороны Стамбула. Пароходы идутъ черезъ каждыя $^1/_4$ часа и подымаются сначала вверхъ, вдоль берега; передъ глазами опять набережная, съ ея мизерными домами и, наконецъ, Долма-Бахче.

Вблизи этотъ дворецъ не поражаетъ красотою: большой бѣлый домъ въ 2 этажа—и только. Передъ нимъ набережная, чугунная рѣшётка вдоль берега — и все это имѣетъ видъ прилизанный и нѣсколько казенный; ничего характернаго, ничего такого, что говорило бы о сералѣ, о томъ сералѣ, который всѣ привыкли представлять себѣ чѣмъ-то таинственнымъ, немного сказочнымъ и фантастичнымъ. И старый, нынѣ заброшенный сераль, который виденъ вдали на мысѣ, за Золотымъ Рогомъ, гораздо живописнѣе; онъ построенъ на отлогомъ холмѣ, поросшемъ богатою зеленью. Наружную его ограду омываютъ зеленыя прозрачныя волны; а внутри, по склону, не видно ни одного большого зданія; но зато, среди группъ зелени, тамъ и здѣсь, вы видите то часть стѣны, то странной формы башню, то легкій павильонъ, причудливую крышу, обелискъ съ обломанной вершиной. Все это манитъ и дразнитъ воображеніе, все говоритъ о какой-то невиданной жизни среди восточной роскоши, лѣни, капризовъ и дикихъ страстей; но въ то же время говоритъ и о богатствѣ вкуса, избыткѣ фантазіи, и становится досадно на этотъ европеизмъ, который такъ обезличиваетъ все, къ чему онъ только прикоснется.

Выше дворца пароходъ еще набралъ пассажировъ (женщины сидятъ особо, на кормѣ парохода, за занавѣской), а затѣмъ уже направился на азіатскій берегъ. На берегу меня обступили смуглолицые турки, предлагая лошадей. По счастью, первый же встрѣчный офицеръ говорилъ по-французски и объяснилъ мнѣ, что заплатить я долженъ 10 — 15 піастровъ, потому что кладбище довольно далеко. Уплачиваю 3 монеты по 5 піастровъ и взбираюсь на небольшого тоненькаго коня, а человѣкъ, къ стыду моему, уже довольно почтенныхъ лѣтъ, беретъ мой зонтъ и, тяжело дыша, идетъ рядомъ со мною.

Представляю себѣ, что со стороны это шествіе имѣетъ видъ довольно курьезный, потому что я, въ кругленькой шляпѣ и желтыхъ туфляхъ, вовсе не имѣю кавалерійскаго вида. Къ тому же и конь мой, очевидно, привыкъ къ подобнымъ туристамъ, и такъ какъ у меня нѣтъ никакихъ средствъ для его поощренія, то онъ чуть-чуть прибавляетъ шагу лишь тогда, когда мой проводникъ шлепнетъ его по заду. Такимъ порядкомъ мы начинаемъ подыматься въ гору, а затѣмъ сворачиваемъ направо, въ какіе-то кривые, узкіе и отчаянно замощенные переулки. Замѣтилъ ли мой проводникъ, что я усердно заглядываю во всѣ тѣ окна, гдѣ видны женскія лица, или же вообще онъ a priori рѣшилъ, что я имѣю главною своею цѣлью изучить мѣстную этнографію à fond, но только онъ нѣсколько разъ норовилъ остановить меня у какихъ-то подозрительныхъ садиковъ, за дверьми которыхъ мелькали женскія фигуры. Я, съ своей стороны, усиленно старался знаками ему втолковать, что я хочу лишь видѣть мѣсто для мертвыхъ; вѣроятно, онъ не мало удивлялся такой странной фантазіи; но, такъ или иначе, мы, наконецъ, достигли кладбища, и въ одномъ направленіи я проѣхалъ его насквозь. Здѣсь нѣтъ ни ограды, ни аллей, ни дорогъ; просто, въ разныя стороны бѣгутъ тропинки, а между ними, во всѣ стороны, насколько можно глазомъ охватить, безъ всякаго порядка, поставлены сотни, тысячи, десятки тысячъ однообразныхъ надгробныхъ памятниковъ: бѣлыя плиты, поставленныя стоймя, какъ

долженъ умирать правовѣрный. О, я не видѣлъ ничего болѣе печальнаго, чѣмъ это кладбище! Представьте себѣ, что вся огромная его площадь, весь широкій и очень пологій склонъ, который оно занимаетъ, густо поросъ кипарисами, одними только кипарисами.

Но вѣдь нѣтъ дерева, болѣе печальнаго, болѣе кладбищенскаго вида, чѣмъ кипарисъ! Прямой высокій стволъ, одѣтый тусклой, сѣрой корою; на высотѣ сажени или двухъ тянется кверху пирамида зелени; но это не пышная пирамида нашего тополя, а пирамида тощая, длинная, непропорціонально тонкая, точно усохшая; и хвоя на ней темно-темнозеленая, почти что черная и матовая. Нижнія вѣтви часто засохли, обломаны, изогнуты, тянутся въ стороны, точно заломанныя въ отчаяніи руки. Такія-то деревья густо стоятъ, одно близъ другого, и кидаютъ мрачныя тѣни на сухую каменистую почву. И никакого цвѣтка, никакого яркаго пятна, ни щебетанья птицы, ни шелеста листьевъ, никакого звука, говорящаго о жизни, о надеждѣ; все тихо, мертво и угрюмо. Это тѣмъ болѣе поражаетъ, что повсюду вокругъ кладбища — мягкій, смѣющійся, поистинѣ прелестный пейзажъ. Съ ближайшаго холма, налѣво, вы видите волнистую поверхность, на которой зеленѣютъ хлѣба, видны поселки, рощи, вспаханныя поля; на вершинахъ разбросаны группы красивыхъ пиній; дальше синѣютъ горы и мягкими контурами сливаются съ темнѣющимъ небомъ; а впереди заливъ, обставленный домами Кады-Кіоя и дальше—море, Мраморное море, — голубое, мирное, ласкающее. Контрастъ поразительный! Я вздохнулъ съ облегченіемъ, когда проѣхалъ это мѣсто смерти. Скоро начинается Кады-Кіой, летитъ поѣздъ желѣзной дороги, подходитъ пароходъ, слышенъ шумъ и гамъ работы, видны толпы веселыхъ гуляющихъ—и опять чувствуешь приливъ радости, жизни и здоровья. Беру каюкъ—легкій, изящный, лакированный, съ мягкимъ сидѣньемъ и бѣлымъ балдахиномъ, и красивый лодочникъ, въ широчайшемъ бѣломъ костюмѣ изъ легкой матеріи, везетъ меня на пароходъ. Вблизи есть еще обычное мѣсто для прогулокъ и туристовъ—это Принцевы острова; но завтра утромъ мы уже уходимъ. Компанія пассажировъ отправляется въ оперетку, которыхъ нѣсколько въ разныхъ садахъ. Я остаюсь на пароходѣ; одно досадно—это темная ночь. Константинополя совершенно не видно. Въ Стамбулѣ глубочайшій мракъ: кромѣ маяка, ни одного огня. Въ Галатѣ и Перѣ есть огни, но жидкіе и безпорядочно разбросанные, какъ и самые дома. Лучше всего освѣщенъ Кады-Кіой (на азіатскомъ берегу), гдѣ даже набережная охвачена правильнымъ полукругомъ огней.

Таковъ Константинополь—великолѣпный издали, кривой и грязный—внутри.

Утромъ снимаемся съ якоря и идемъ дальше; далеко еще тянется городъ со своими домами, мечетями, старою крѣпостью и, кое-гдѣ, заводскими коптящими трубами. А дальше берега отходятъ въ стороны, но не теряются изъ вида; около полудня проходимъ мимо скалистыхъ острововъ Мармара, а къ вечеру подходимъ къ Дарданелламъ. Проходимъ ихъ во тьмѣ и, кромѣ маячныхъ огней, да свѣтящихся кое-гдѣ оконъ казармъ и поселеній, не видно ничего. Въ Галлиполи рисуется во тьмѣ массивный холмъ и доносятся звуки военныхъ рожковъ.

Дальше—опять открытое море—Архипелагъ. Дни настолько прохладны, что о какихъ-нибудь легкихъ костюмахъ еще и думать не надо, а ночи совсѣмъ свѣжія: нужно пальто одѣвать. Вода нисколько не теплѣе, чѣмъ въ Черномъ морѣ — 14°. Но цвѣтъ воды здѣсь удивительный; и нигдѣ потомъ, за весь длинный путь, не встрѣчали мы воды такого чуднаго, темно-темнолазурнаго цвѣта. Довольно часто видны вдали острова; все это голыя, солнцемъ выжженныя скалы,

угрюмыхъ очертаній; но надъ водою всегда виситъ прозрачная дымка паровъ и обволакиваетъ горы блестящей пеленою; и кажется издали, что онѣ висятъ надъ водою, что онѣ брошены въ воздухѣ красивыми пятнами—голубыми, туманными и тающими подъ яркими лучами солнца. Совершенно справедливо, кстати сказать, говорится еще у Иловайскаго, что греки могли плавать отъ острова до острова; дѣйствительно, по меньшей мѣрѣ 2 острова всегда въ виду.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

Прости мнѣ слова безпощадныя,
Что ранили сердце твое,
И рѣчи мои безотрадныя,
И гнѣвъ, и безумство мое.

За розы... за радость свиданія...
За прелесть невянущихъ грезъ...
Что можетъ любовь безъ страданія?
Что значитъ улыбка безъ слезъ?..

Г. М. Хитрово.

Въ Канадѣ.

Новелла **Роберта Барра.**

(Съ англійскаго.)

(Продолженіе.)

III.

Когда во вторникъ утромъ Джонъ Трентонъ явился въ столовую завтракать, другъ его Масонъ былъ уже тамъ. Милѣйшаго человѣка все еще мучило какое-то затрудненіе, но онъ старался сказать какъ можно непринужденнѣе:

— Наши дамы уже позавтракали, онѣ заняты приготовленіемъ къ поѣздкѣ, такъ что никто не помѣшаетъ намъ спокойно поболтать, а затѣмъ я провожу васъ до байдарки.

Послѣ завтрака оба отправились на берегъ, гдѣ ихъ ожидала лодка съ двумя гребцами. На днѣ байдарки были разостланы звѣриныя шкуры, которыхъ хватало вплоть до досокъ, изображавшихъ родъ спинки къ низкому сидѣнью.

— А теперь,—сказалъ Эдъ Масонъ, покраснѣвъ: ему трудно было лгать даже по необходимости,—мнѣ нужно навѣдаться къ одному изъ рабочихъ, который сегодня утромъ получилъ на лѣсопильнѣ довольно опасныя поврежденія. Садитесь покуда въ байдарку и терпѣливо ожидайте вашу пассажирку, которая, какъ и всѣ дамы, вѣроятно, не отличается аккуратностью. Садитесь на заднюю скамейку, такъ какъ вы тяжелѣе вашей спутницы. Надѣюсь, вы еще помните мои наставленія относительно ѣзды въ байдаркѣ? Влѣзайте осторожнѣе; пока оба гребца держатъ лодку, вы такъ же осторожно опуститесь на скамейку и сидите спокойно, что бы ни случилось. Камеру вашу положите лучше сюда, напередъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Трентонъ,—пусть она лучше останется на моемъ плечѣ. Она не тяжела, а если я ее сниму, то легко можетъ случиться, что я ее гдѣ-нибудь позабуду.

Трентонъ сѣлъ въ лодку, а Масонъ ушелъ съ тяжелымъ сознаніемъ вины на душѣ. Ему и въ голову не приходило осуждать миссъ Сомертонъ за ея образъ дѣйствій, и во всей происшедшей путаницѣ онъ обвинялъ одного себя.

Джонъ Трентонъ досталъ изъ кармана трубку и набилъ ее. Но въ ту минуту, когда онъ собирался закурить ее, онъ вспомнилъ, что ждалъ даму, и со вздохомъ разочарованія снова положилъ трубку въ карманъ.

Было лучшее время года. Солнце грѣло еще такъ же сильно, какъ лѣтомъ, но листья уже начали желтѣть и придавали всей мѣстности очаровательный видъ.

Вскорѣ Трентонъ увидалъ миссъ Сомертонъ, которая направлялась къ лодкѣ въ сопровожденіи старой госпожи Перро. Онъ хотѣлъ приподняться, чтобы помочь молодой особѣ войти, но одинъ изъ гребцовъ остановилъ его, сказавъ ему по-французски:

— Оставайтесь на мѣстѣ, это надежнѣе. Мы одни поможемъ дамѣ войти.

Миссъ Сомертонъ горячо и съ утрированной скоростью разговаривала со старухой, затѣмъ легко вскочила въ лодку и сѣла, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своего спутника. Ея движенія доказывали увѣренную ловкость женщины, для которой ѣзда въ байдаркѣ вовсе не новость.

Два опытныхъ гребца, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ на рулѣ, а другой—на носу лодки, взялись за весла и стали грести вверхъ по рѣкѣ. Трентонъ невольно любовался ловкостью дикарей, которые, благодаря своему близкому знакомству съ теченіемъ рѣки, умѣли извлечь пользу изъ его своенравнаго направленія. На этомъ мѣстѣ, между малымъ и большимъ водопадами, рѣка Св. Маврикія была шириною почти въ полмили, и посреди ея образовалось множество маленькихъ островковъ. Иногда лодку направляли правѣе, и она неслась по миніатюрному тольфштрему, потомъ снова плыла по серединѣ; иногда она приближалась къ берегу настолько, что висѣвшія внизъ вѣтви деревъ хлестали пассажировъ по лицу. Вдругъ гребецъ, сидѣвшій позади Трентона, наклонился къ нему и шепнулъ:

— Теперь можете смѣло курить, если хотите. Вѣтеръ унесетъ дымъ внизъ по рѣкѣ.

Конечно, Трентону очень хотѣлось курить, а кстати,—подумалъ онъ,—просьба о позволеніи закурить послужитъ поводомъ къ началу разговора со спутницей. Хотя онъ самъ былъ человѣкъ не разговорчивый, но ему казалось крайне неестественнымъ, чтобы два человѣка, сидя въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ другъ противъ друга, не обмѣнялись ни единымъ словомъ.

— Тысячу разъ прошу извиненія, миледи,—началъ онъ,—въ томъ, что позволилъ себѣ обратиться къ вамъ съ вопросомъ: не имѣете ли вы чего-нибудь противъ того, если я закурю свою трубку? Къ стыду своему, обязанъ признаться, что я—рабъ привычки куренія.

По прошествіи минуты, въ теченіе которой слышался только мѣрный ударъ веселъ, миссъ Сомертонъ возразила:

— Если вы желаете осквернить это чудное мѣсто куреніемъ, то я полагаю, что и выраженіе моего неудовольствія не помѣшало бы вамъ сдѣлать это.

Трентонъ, озадаченный грубой откровенностью этихъ словъ, весь вспыхнулъ отъ гнѣва, но, сдерживаясь, сказалъ:

— Кажется, вы почему-то имѣете обо мнѣ самое дурное мнѣніе.

На что миссъ Сомертонъ отвѣтила:

— О васъ я вообще не имѣю никакого мнѣнія.—Затѣмъ, по женской привычкѣ къ непослѣдовательности, продолжая развивать свою мысль, прибавила:—Вы способны курить и въ церкви!

— Вы жестоко ошибаетесь,—спокойно отвѣчалъ Трентонъ,—курить здѣсь я не считаю предосудительнымъ, но никогда не позволилъ бы себѣ курить въ церкви или даже въ самой скромной часовнѣ.

— Милостивый государь, — сказала миссъ Сомертонъ, гордо приподнявшись, — я пріѣхала сюда насладиться видомъ чудныхъ окрестностей Св. Маврикія и разсчитывала насладиться ими въ одиночествѣ, но вижу, что ошиблась. Теперь же я настаиваю на томъ, чтобы мнѣ не мѣшали наслаждаться ими молча. Я вовсе не желаю продолжать разговора, а тѣмъ менѣе вступать съ вами въ споръ о какомъ бы то ни было предметѣ. Очень сожалѣю, что была принуждена высказаться, однако, кажется, это было необходимо.

Эта изысканная рѣчь поразила Трентона до такой степени, что онъ даже не былъ въ состояніи разсердиться. Напротивъ, весь его гнѣвъ улетучился, уступая мѣсто пріятному удивленію отъ знакомства съ чѣмъ-то еще не испытаннымъ, необыкновеннымъ. Еще никогда ему не приходилось встрѣчать дамы, которая съ такою безцеремонностью пренебрегала самыми простыми правилами вѣжливости.

— Простите ли вы мнѣ, если я не исполню вашего желанія молчать, — сказалъ онъ съ дѣланной покорностью, — но я обращаюсь къ вамъ съ извиненіемъ за то, что осмѣлился заговорить съ вами.

На это миссъ Сомертонъ ничего не отвѣчала. Во время остальной дороги никто больше не говорилъ ни слова.

На долю гребцовъ теперь выпала трудная работа. Лодка подъѣхала къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Св. Маврикія раздѣляется длиннымъ островомъ на двѣ равныя половины. Съ быстротою молніи протекаютъ тутъ темныя водныя массы надъ невидимыми порогами и разбиваются у подножія утесовъ въ бѣлую пѣну. Здѣсь отъ гребцовъ требовалась не только сила, такъ какъ лодка еле двигалась съ мѣста, но и неутомимость, такъ какъ нельзя было ни на секунду положить весла, иначе лодка была бы немедленно поглощена бушующими волнами и разбита о скалы, какъ щепка. Съ полчаса продолжалось путешествіе по этому страшному мѣсту; затѣмъ байдарка поплыла по ровному теченію, и дикари-гребцы могли не надолго опустить весла, чтобы отереть съ себя градомъ катившійся потъ. Отдохнувъ съ минуту, они, не говоря ни слова, снова принялись за весла, и вскорѣ лодка причалила къ мѣсту высадки. Только ясно долетавшій грохотъ Шавенеганскихъ водопадовъ прерывалъ таинственную тишину.

Миссъ Сомертонъ встала и увѣренными шагами ступила на землю; не оборачиваясь назадъ, поднялась она на холмъ и вскорѣ исчезла въ темной чащѣ густого лѣса. Вслѣдъ за ней и Трентонъ вышелъ изъ байдарки.

— Однако, вамъ сильно пришлось поработать около утесовъ, — сказалъ онъ гребцамъ по-французски. — Вотъ, раздѣлите между собою эти пять долларовъ; вы получите столько же, когда привезете насъ домой такъ же сохранно.

Молодцы, повидимому, были поражены такою щедростью, такъ какъ они не надѣялись получить больше одного доллара на брата.

— Ахъ! — воскликнулъ старшій изъ нихъ, — если бы намъ чаще приходилось возить такихъ щедрыхъ господъ, какъ вы!

— Не будьте такими матеріалистами, — возразилъ художникъ. — Вамъ должно быть гораздо пріятнѣе возить красивыхъ молодыхъ лэди, которыя, какъ я слышалъ, очень часто посѣщаютъ эти мѣста.

— Да, это недурно, — сказалъ гребецъ, — но, за исключеніемъ миссъ Сомертонъ, лэди очень мало даютъ на водку.

— Неужели? — спросилъ Трентонъ. — А кто такая миссъ Сомертонъ?

Гребецъ мотнулъ головою по направленію лѣса, въ которомъ скрылась молодая дѣвушка.

— А! такъ вотъ она кто! Я и не зналъ этого!

— Да! — продолжалъ гребецъ, — она очень щедрая и, кромѣ денегъ, всегда даритъ намъ табакъ, чудеснѣйшій табакъ!

— Табакъ! — воскликнулъ художникъ.

Притворщица! Такъ она привозитъ вамъ табакъ, сказали вы? Правда ли это? Вы поняли, о чемъ мы говорили съ ней въ лодкѣ?

Младшій изъ гребцовъ открылъ уже ротъ, чтобы сказать «да»,—но, замѣтивъ сдвинутыя брови старшаго, остановился. Послѣдній покачалъ головой и сказалъ:

— Мы не понимаемъ по-англійски.

Но художникъ понялъ осторожнаго дикаря и больше ни о чемъ не спрашивалъ.

Когда Трентонъ бодрымъ шагомъ взбирался по крутой горной дорогѣ, онъ ворчалъ сквозь зубы:

— Молодая особа, кажется, нисколько не считаетъ себя обязанной мнѣ. За мою добродушную готовность уступить ей мѣсто въ моей байдаркѣ, она обходится со мною, какъ съ нахаломъ.

А миссъ Сомертонъ, приближаясь къ катаракту, думала:

«Какой это несноснѣйшій человѣкъ! Мистеръ Масонъ, безъ сомнѣнія, сказалъ же ему, что байдарка моя, и что онъ обязанъ благодарить меня за разрѣшеніе ѣхать со мною; а между тѣмъ онъ, несмотря на мой ясный намекъ, старается заставить меня разговориться съ нимъ!»

Довольно утомительная дорога, тянувшаяся почти цѣлую милю, окончилась на вершинѣ колоссальнаго гранитнаго утеса, противъ котораго пѣнистыя воды Шавеганскихъ водопадовъ стремительно свергались въ глубину. Внизу онѣ разбивались о гранитные утесы, заворачивали направо и брызжущими, волнистыми потоками изображали такую картину, которая, по красотѣ и величію, не уступала знаменитому Ніагарскому водопаду. Это чудное зрѣлище заставило миссъ Сомертонъ забыть свою досаду на несноснаго спутника. Она сѣла на обрубокъ дерева, опустила голову на руку и, пристально созерцая великолѣпный водопадъ, мечтательно прислушивалась къ мѣрному, гармоничному шуму воды. Открытый альбомъ лежалъ у нея на колѣняхъ. Вдругъ мечты ея были потревожены шумомъ раздававшихся неподалеку человѣческихъ шаговъ. Она поспѣшно вскочила и въ эту минуту, забывъ рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ, совершенно безсознательно встрѣтилась глазами съ Трентономъ. Онъ стоялъ невдалекѣ отъ нея, рядомъ со своею камерой, положенной на легкій треножникъ; около аппарата находилась длинная тонкая трубочка, соединенная съ клапаномъ, конецъ которой былъ въ рукахъ у Трентона. Въ тотъ самый моментъ, когда миссъ Сомертонъ вскочила, клапанъ закрылся, и она сразу поняла, что ее сфотографировали.

— Вы осмѣлились снять меня! — воскликнула она съ блестящими, какъ сталь, отъ гнѣва глазами.

— Я снялъ водопадъ!—возразилъ художникъ.

— Но мое изображеніе выйдетъ на первомъ планѣ; вы должны уничтожить этотъ негативъ.

— Вамъ придется извинить меня, миссъ, если я этого не сдѣлаю. Хотя я всегда охотно исполняю просьбу дамы, но въ данномъ случаѣ это невозможно. Къ несчастію, это мой послѣдній негативъ, а картина выйдетъ лучше всѣхъ остальныхъ; вотъ почему я не намѣренъ уничтожить негативъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударь, вы не джентльменъ!—вскричала молодая особа съ разгорѣвшимися отъ гнѣва щеками.

— Я и не требовалъ, чтобы вы меня принимали за джентльмена! — спокойно возразилъ Трентонъ.

— Я обращусь къ мистеру Масону: можетъ-быть, ему удастся объяснить вамъ, что нельзя снимать фотографію съ дамы безъ ея согласія.

— Не позволите ли вы объяснить вамъ, почему совершенно лишнимъ будетъ уничтожать негативъ? Если вы имѣете хоть малѣйшее понятіе о фотографіи, то поймете это.

— По счастію, я не имѣю о ней ни-

какого понятія и вовсе не намѣрена изучать ее! Мнѣ не нужно вашего объясненія, сударь. Вы отказываетесь уничтожить негативъ,—съ меня этого достаточно! Ваше поведеніе во весь сегодняшній день переходитъ границу возможнаго. Вы, при содѣйствіи мистера Масона, навязали мнѣ свое общество; байдарка на этотъ день предоставлена мнѣ, въ полное мое распоряженіе, вы это отлично знаете. Я разрѣшила вамъ ѣхать со мною, но съ условіемъ, что я не буду обязана разговаривать съ вами. Вы даже и этого не исполнили. Я сейчасъ же уѣду и заплачу гребцамъ, а вечеромъ они могутъ пріѣхать за вами.

Съ этими словами Ева Сомертонъ гордо закинула голову и прошла мимо несчастнаго Трентона, въ третій разъ озадачивъ его своею рѣзкостью. Дойдя до пристани, она усѣлась въ лодку и приказала гребцамъ немедленно отчалить, прибавивъ, что они могутъ пріѣхать еще разъ за ея спутникомъ.

— Но до тѣхъ поръ почти стемнѣетъ,— сказалъ старшій.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла!—коротко отвѣтила молодая особа.

— Но вѣдь впотьмахъ опасно проѣзжать по порогамъ Св. Маврикія.

— Это для меня безразлично!

— Но какъ же онъ-то?..

— Чѣмъ дольше вы размышляете, тѣмъ позже вамъ придется вернуться. Если вы заботитесь о безопасности господина, то оставайтесь съ нимъ здѣсь, а я и сама сумѣю справиться съ лодкой.

Дикари больше не возражали и повиновались приказанію. Съ неимовѣрной быстротою лодка понеслась внизъ по теченію.

Миссъ Сомертонъ съ ожесточеніемъ вспомнила обо всѣхъ непріятностяхъ, которыя принесъ ей сегодняшній день. Но, между прочимъ, она вдругъ вспомнила, что человѣкъ, оставленный въ лѣсу безъ возможности вернуться обратно, повидимому, изъ числа хорошихъ друзей мистера Масона, которому послѣдній хотѣлъ оказать услугу. Оба гребца, какъ и раньше, гребли, пока не миновали опаснаго мѣста водоворота, а затѣмъ старшій сказалъ младшему нѣсколько словъ, отъ которыхъ миссъ Сомертонъ вся похолодѣла.

— Что вы сейчасъ сказали?—спросила она.

Дикарь не отвѣчалъ и продолжалъ грести.

— Отвѣчайте!—повелительно сказала еще разъ миссъ Сомертонъ.—Что вы сказали про господина, который ѣхалъ съ нами сегодня утромъ?

— Я сказалъ, — отвѣчалъ гребецъ сердито, — что лодка на сегодня нанята имъ.

— Какъ вы смѣете утверждать это? Лодка принадлежитъ мнѣ. Мистеръ Масонъ отдалъ ее въ мое распоряженіе.

— Я объ этомъ ничего не знаю,— мрачно возразилъ гребецъ,—но отлично помню, что, три дня тому назадъ, мистеръ Масонъ пришелъ ко мнѣ, съ письмомъ отъ мистера Трентона въ рукахъ, и сказалъ: «Пьеръ, мистеръ Трентонъ проситъ на вторникъ байдарку. Смотри, чтобы она была въ порядкѣ, и чтобы ее не отдали никому другому!» Вотъ что сказалъ мнѣ мистеръ Масонъ; а сегодня утромъ, когда онъ пришелъ къ лодкѣ съ мистеромъ Трентономъ, онъ просилъ его позволить вамъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, и мистеръ Трентонъ сказалъ: «хорошо».

Это открытіе до того поразило миссъ Сомертонъ, что она даже не была въ состояніи что-либо отвѣтить. Ее сильно возмутилъ двуличный поступокъ мистера Масона, а затѣмъ мысль о собственномъ непозволительномъ поведеніи въ отношеніи Трентона повергла ее въ неописанный ужасъ. Она обошлась съ незнакомымъ господиномъ, какъ съ мазурикомъ, а въ довершеніе всего увезла отъ того, кому обязана благодарностью, лодку, оставивъ его въ безвыходномъ положеніи, на произволъ судьбы.

Всѣ эти мысли съ быстротою молніи

пронеслись въ головѣ миссъ Сомертонъ и повергли ее въ такое унынiе, что она, закрывъ лицо руками, расплакалась. Но это продолжалось не долго. Она тотчасъ же подняла голову и, со свойственной ей привычкой повелѣвать, сказала гребцамъ:

— Вернитесь обратно! Пожалуйста, сiю минуту!

— Но мы уже почти прiѣхали!—возразилъ старшiй, удивленный женскою непослѣдовательностью.

— Дѣлайте, какъ вамъ приказываютъ! Или вы слишкомъ устали, чтобы снова отправиться въ путь?

— Нѣтъ, миссъ Сомертонъ, нисколько! Но это совершенно лишнее, такъ какъ мы почти прiѣхали. Мы сначала высадимъ васъ на берегъ: тогда и лодка пойдетъ ходчѣе, и мы скорѣй доѣдемъ.

— Я хочу ѣхать съ вами обратно; дѣлайте, какъ я желаю, вы отъ этого въ убыткѣ не будете.

Гребецъ приказалъ товарищу повернуть лодку, и послѣдняя снова помчалась вверхъ по теченiю.

IV.

Солнце уже сѣло, когда миссъ Сомертонъ снова вышла на берегъ.

— Мы поищемъ его! — предложилъ одинъ изъ гребцовъ.

— Оставайтесь здѣсь, я пойду сама!— приказала молодая особа, и стала подниматься въ гору. Она предполагала, что Трентонъ—еще у водопада, и приготовилась пройти цѣлую милю, но не прошло и четверти часа быстрой ходьбы, какъ она нашла того, кого искала. Она ожидала увидѣть его нетерпѣливо и мрачно расхаживающимъ по лѣсу и проклинающимъ женскую неблагодарность. Но вышло совершенно иначе. Онъ лежалъ, растянувшись подъ бѣлой березой, положивъ свою камеру, вмѣсто подушки, подъ голову. Онъ, повидимому, на сегодня достаточно наглядѣлся на Шавенеганы и, утомленный непривычно раннимъ вставаньемъ, продолжительной ѣздой, усиленной ходьбой и величественнымъ зрѣлищемъ, крѣпко заснулъ. Его мягкая сѣрая фетровая шляпа лежала на травѣ рядомъ съ нимъ. Миссъ Сомертонъ смотрѣла на спящаго и при этомъ, съ немалою горечью, вспоминала, что по описанiю мистера Масона онъ былъ пожилой человѣкъ. Хотя на вискахъ спящаго пробивалась небольшая сѣдина, тѣмъ не менѣе его скорѣе можно было причислить къ молодымъ, нежели къ пожилымъ людямъ. Онъ былъ видный, красивый мужчина, и миссъ Сомертонъ удивилась, какъ не замѣтила этого раньше, совершенно забывъ, что даже не подумала удостоить его раньше и взглядомъ. Все-таки она считала непозволительною дерзостью съ его стороны, что онъ отказался разбить негативъ съ ея изображенiемъ. Какъ тягостно ей было вспомнить, что она хвалилась передъ нимъ правомъ на владѣнiе байдаркой на этотъ день, между тѣмъ какъ онъ даже не намекнулъ ей, что лодка принадлежитъ ему по праву... Она уже хотѣла позвать одного изъ гребцовъ, чтобы разбудить Трентона, но послѣднiй вдругъ открылъ глаза, что часто случается съ людьми, на которыхъ кто-нибудь смотритъ во время ихъ сна. Онъ поспѣшно вскочилъ, поднялъ руку къ головѣ, чтобы снять шляпу, и, не найдя ея тамъ, въ замѣшательствѣ нагнулся, чтобы поднять ее съ травы.

— Я... я вовсе не ожидалъ васъ видѣть!—пробормоталъ онъ.

— Отчего вы не сказали мнѣ, что мистеръ Масонъ на сегодняшнiй день предоставилъ лодку вамъ? — спросила миссъ Сомертонъ.

— Боже! — воскликнулъ Трентонъ. — Это вамъ сказалъ Эдъ Масонъ?

— Я не видала мистера Масона, — возразила она. — Я узнала это случайно изъ разговора гребцовъ. А теперь я хочу извиниться передъ вами за свое поведенiе.

— О, ради Бога! Право, это не стоитъ вниманiя... увѣряю васъ!

— Какъ? Мое поведеніе не стòитъ вниманія?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣлъ... я не такъ выразился. Конечно, вы очень рѣзко обошлись со мною, но я сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло. Вы считаете меня навязчивымъ нахаломъ, чтò вполнѣ оправдываетъ ваше поведеніе. Я постоянно, даже въ самые счастливые дни свои, очень неловокъ въ обращеніи съ дамами, а сегодня, должно-быть, оттого, что я всталъ рано, мнѣ было не по себѣ, такъ что и я, вѣроятно, не отличался особенною вѣжливостью выраженій. Но, право, перестанемъ говорить объ этомъ, это не стòитъ вниманія.

— Напротивъ, по-моему, непремѣнно стòитъ вниманія. Я отъ души жалѣю, что такъ дурно обошлась съ вами, и надѣюсь, что вы не станете помнить зла.

— О! все уже забыто! — возразилъ Трентонъ, перекидывая черезъ плечо камеру.—Но уже смеркается, миссъ Сомертонъ, намъ нужно спѣшить.

Когда они вмѣстѣ спускались съ холма, онъ сказалъ:

— Если вы позволите, я съ удовольствіемъ предложу вамъ маленькое объясненіе относительно фотографіи.

— Я очень мало интересуюсь этимъ предметомъ, а любительской фотографіей въ особенности!—возразила миссъ Сомертонъ, какъ будто снова впадая въ нелюбезный тонъ.

— Я вовсе и не намѣренъ сдѣлать изъ васъ фотографа-любителя! Но вы очень недурно дѣлаете эскизы, и...

— Откуда вы это знаете?—рѣзко спросила миссъ Сомертонъ, глядя ему прямо въ глаза. — Вѣдь вы еще не видали ни одного изъ нихъ.

— Ахъ, нѣтъ! — пробормоталъ Трентонъ,—нѣтъ! То-есть... но развѣ акварели въ гостиной Масона не вашей работы?

— У мистера Масона есть нѣсколько моихъ эскизовъ, но я не знала, что вы ихъ видѣли...

— Да, чтò я хотѣлъ сказать!—продолжалъ Трентонъ.—Я вовсе не имѣю намѣренія заинтересовать васъ въ пользу фотографіи. Результаты ея иногда бываютъ болѣе чѣмъ сомнительнаго свойства. Боюсь, что если вы увидите мои снимки, то и ихъ не найдете удовлетворительными. Но я хотѣлъ объяснить вамъ причину, по которой я отказался уничтожить извѣстный вамъ негативъ.

— Пожалуйста, не напоминайте мнѣ о томъ, чтò было сказано по этому поводу. Увѣряю васъ, что для меня это крайне мучительно; къ тому же я, кажется, уже два раза просила у васъ за это прощенія!

— О, вы совершенно не такъ понимаете меня!—извиниться долженъ я. Но, надѣюсь, что вы позволите мнѣ сказать вамъ, что я вовсе не снялъ васъ на этомъ негативѣ.

— Не сняли меня? Но вѣдь я же видѣла это собственными глазами, да къ тому же и вы сами не оспаривали этого.

— Да, вотъ это-то я и хотѣлъ объяснить вамъ! Я снялъ ваше изображеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не снялъ его. Ваше изображеніе будетъ на негативѣ только тѣнью, слабой тѣнью, такъ какъ совершенно невозможно, въ одно и то же время, снять совершенно темный и совершенно свѣтлый предметъ. Если снимокъ съ водопада удастся, то ваше изображеніе выйдетъ совершенно неузнаваемою тѣнью.

— Но вѣдь дѣлаютъ такую массу снимковъ, гдѣ водопадомъ пользуются, какъ фономъ, не правда ли? Я помню, что видѣла картины и группы, снятыя у Ніагары, и это до такой степени возмутило меня, что я съ тѣхъ поръ получила отвращеніе къ фотографіи.

— Эти снимки не то, чѣмъ кажутся, миссъ Сомертонъ. Они поддѣльны. То-есть, они составлены изъ двухъ негативовъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ людей, а другой—водопадъ. Если вы внимательно вглядитесь въ такую картину, то замѣтите маленькій свѣтлый ореолъ вокругъ человѣческой фигуры. Опытный фотографъ

сейчасъ догадается, что снимокъ составной. Обманутая жертва камеры воображаетъ, что снята стоящею у водопада, между тѣмъ какъ о послѣднемъ даже нѣтъ и помину. То же самое и съ моимъ снимкомъ. При всемъ желаніи, вы себя на немъ не увидите. Вотъ почему я отказался уничтожить негативъ.

— Боюсь,—сказала миссъ Сомертонъ, совершенно обезкураженная, — что моя вина передъ вами все возрастаетъ. Это слишкомъ жестоко. Вы знаете, какъ я смотрю на все дѣло, и своимъ яснымъ, научнымъ объясненіемъ лишаете меня послѣдняго пункта, въ которомъ я считала за собою право быть щепетильною.

— Чтобы быть вполнѣ правдивымъ, миссъ Сомертонъ, мнѣ слѣдуетъ сознаться, что я гораздо болѣе виноватъ, нежели вы полагаете, и только нечистая совѣсть заставила меня говорить такъ откровенно. Теперь же я готовъ покаяться вполнѣ. Когда вы сидѣли, склонивъ голову на руку, совершенно погруженная въ созерцаніе водопада, я какъ можно осторожнѣе снялъ васъ и, надѣюсь, довольно удачно.

Миссъ Сомертонъ молча шла съ нимъ рядомъ, такъ что онъ не могъ понять, разсердилась она на него снова, или нѣтъ. Наконецъ, онъ рѣшился спросить:

— Если вы желаете, то я уничтожу этотъ негативъ...

Она отвѣтила не сразу, но когда они дошли до пристани, она, взглянувъ на него съ улыбкою, сказала:

— Было бы жаль уничтожить то, что̀ заставило васъ такъ потрудиться.

— Благодарю васъ, миссъ Сомертонъ,— воскликнулъ обрадованный художникъ.

Онъ помогъ ей сѣсть въ байдарку, а потомъ сѣлъ и самъ. Темнота помѣшала имъ замѣтить безпокойство, съ которымъ переглянулись гребцы. Они хорошо знали коварство рѣки Св. Маврикія.

V.

Изъ словъ, которыми перебросились дикари, Трентонъ догадался, что послѣдніе спѣшили миновать опасное мѣсто, пока еще не совсѣмъ стемнѣло.

У пристани теченіе рѣки сравнительно спокойное, но у подножія водопада оно уже дѣлаетъ крутой поворотъ и стремительно направляется къ югу.

Короткій участокъ рѣки къ востоку отъ водопада до пристани отличается до того стремительнымъ и бурнымъ теченіемъ, что остается совершенно недоступнымъ судоходству. Отъ пристани до дому мистера Масона теченіе рѣки довольно ровное, исключая одного мѣста. Дикари усиленно гребли, стараясь какъ можно скорѣе миновать опасное мѣсто. Быстро летѣла лодка по темнымъ волнамъ; если бы въ байдаркѣ былъ только одинъ или два пассажира, то она, вѣроятно, благополучно доѣхала бы домой, но одно неудачное движеніе младшаго гребца вызвало катастрофу. Лодка налетѣла на подводный утесъ, который разрѣзалъ ее пополамъ, какъ ножомъ.

Трентонъ почувствовалъ, какъ вода проникла въ лодку и стала наполнять ее съ такою быстротою, что если бы даже онъ зналъ, какъ поступить, то не успѣлъ бы ничего сдѣлать.

— Сидѣть смирно! — закричалъ ему старшій гребецъ, а затѣмъ, обращаясь къ младшему, скомандовалъ:—Къ берегу!

Но гораздо раньше, нежели они достигли берега, лодка совершенно развалилась, и всѣ четверо пассажировъ очутились въ водѣ. Трентонъ одною рукою ухватился за низко спустившуюся вѣтвь, а другою подхватилъ подъ плечо миссъ Сомертонъ. Съ минуту оставалось неизвѣстнымъ, выдержитъ ли вѣтка, такъ какъ она низко наклонилась подъ ихъ тяжестью.

— Держитесь за меня покрѣпче! — воскликнулъ Трентонъ. — Ухватитесь за мой сюртукъ, мнѣ нужны обѣ руки.

Миссъ Сомертонъ исполнила все, какъ сказалъ Трентонъ. Онъ самъ медленно карабкался по вѣткѣ, пока, наконецъ, добрался до ствола. Крѣпко ухватившись за него, онъ сильною рукою вытащилъ

миссъ Сомертонъ на берегъ, затѣмъ самъ сталъ на ноги, оглянулся и, не видя гребцовъ, окликнулъ ихъ по имени, но напрасно! Не было видно никакого признака, что водоворотъ выпустилъ свои жертвы.

— Вы думаете, что они утонули? — со страхомъ спросила миссъ Сомертонъ.

— Нѣтъ, этого я не думаю; я вообще не вѣрю, чтобы дикарь могъ утонуть. Они всѣми силами постарались утопить насъ, но такъ какъ это имъ не удалось, то я не вижу причины, чтобы они сами потонули.

— Ахъ! въ этомъ одна я виновата! Одна я!—сокрушалась миссъ Сомертонъ.

— Да, однѣ вы виноваты! — подтвердилъ Трентонъ.

Ева хотѣла гордо выпрямиться. Но до героизма ли было ей, когда она такъ промокла и озябла? Она со стономъ опустилась на обрубокъ дерева.

— Ради Бога, не унывайте!— сказалъ Трентонъ мягко.—Мнѣ не слѣдовало поддакнуть вамъ. Прошу васъ простить мою ошибку; но теперь, разъ мы здѣсь, вамъ придется раздѣлить со мною обязанности. Я попросилъ бы васъ поискать топлива для костра.

— Топлива? — съ ужасомъ спросила миссъ Сомертонъ.

— Ну, да, хворосту! Вы вовлекли насъ въ это затрудненіе, слѣдовательно, должны перенести и послѣдствія.

— Развѣ потому только, что я здѣсь беззащитна, вы намѣрены безпрерывно оскорблять меня?

— Если вы считаете мою просьбу оскорбленіемъ, то я, конечно, намѣренъ очень чувствительно оскорбить васъ. Я и самъ сейчасъ отправлюсь на поиски, такъ какъ намъ нужно очень много топлива.

Миссъ Сомертонъ поднялась, раздраженная, и уже собралась пригрозить, что немедленно уйдетъ, какъ во-время спохватилась. Куда она пойдетъ? Въ этомъ темномъ лѣсу она уже далеко не чувствовала себя, какъ дома, смѣлой и увѣренной, и уныло отправилась на поиски за сухимъ хворостомъ. Когда она вернулась и положила свою охапку къ большой грудѣ, собранной Трентономъ, она невольно расхохоталась.

— Что вы находите смѣшного въ нашемъ положеніи? — спросилъ Трентонъ, дрожа отъ холода.—Мнѣ такъ вовсе не до смѣха!

— Смѣшно въ нашемъ положеніи то, что мы набрали топлива, не имѣя въ распоряженіи ни одной спички, чтобы развести огонь. Если бы вы даже имѣли ихъ при себѣ, то онѣ, вѣроятно, отсырѣли и сдѣлались негодными къ употребленію.

— Нисколько! Не забудьте, что я родился въ сыромъ климатѣ, гдѣ привыкъ сохранять свои спички отъ сырости. Кромѣ того, я часто ѣздилъ по водѣ и поэтому ношу свои спички въ герметически закрытомъ, недоступномъ сырости, серебряномъ ящичкѣ.

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана спичечницу, зажегъ нѣсколько спичекъ и положилъ ихъ на сухіе листья и вѣтви; когда они разгорѣлись, онъ подбавилъ еще вѣтокъ покрупнѣе, такъ что вскорѣ запылалъ довольно большой костеръ.

— А теперь,—сказалъ художникъ,— снимайте все, что есть на васъ лишняго изъ одежды, и посушите здѣсь у огня. Садитесь сначала лицомъ, а затѣмъ спиною къ огню, почаще двигайте руками и ногами, — и черезъ короткое время вы согрѣетесь и нѣсколько просохнете.

Миссъ Сомертонъ смѣялась, но смѣхъ ея звучалъ не весело.

— Бывало ли когда положеніе смѣшнѣе нашего?—спросила она.—Англійскій джентльменъ, зажигающій костеръ, и дама изъ Бостона, грѣющаяся около огня. Хорошо, что вы не журналистъ, иначе вы поддались бы искушенію написать статью по поводу столь интереснаго случая и пустить ее въ печать.

— Почему вы знаете, что я не журналистъ?

— Ну, на это я надѣюсь! Я полагаю, что вы фотографъ?

— О, только не по профессіи!

— Это жаль. Я предпочитаю профессіональныхъ фотографовъ — фотографамъ-любителямъ.

— Пріятно слышать это изъ устъ вашихъ.

— Отчего? Это далеко не комплиментъ.

— Потому-то именно и пріятно. Если бы вы мнѣ сказали комплиментъ, я долженъ былъ бы опасаться, что вы простудитесь и захвораете. А теперь я вижу, что вы остаетесь вѣрны себѣ.

— Вѣрна себѣ?—спросила молодая особа.—Что же вамъ про меня извѣстно? Что вы знаете о моемъ собственномъ я? Наше знакомство еще очень недавнее.

— Судя по времени, да. Но случай въ пустынѣ, подобный этому, больше способствуетъ образованію дружбы, или наоборотъ, нежели наши салонныя знакомства въ Бостонѣ и Лондонѣ. Вы спрашиваете, почему я знаю, что вы остались вѣрной себѣ? Прикажете объяснить вамъ это?

— Даже прошу васъ!

— Извольте. Я предполагаю, что вы очень избалованная молодая особа. Вы, вѣроятно, очень богаты и всегда привыкли дѣлать все, что вамъ угодно. Кромѣ того, мнѣ кажется, что еще никто не рѣшился указать вамъ на ваши недостатки, и даже, если бы такой смѣльчакъ нашелся, я сомнѣваюсь, чтобы вы воспользовались его наставленіемъ. Презрительный взглядъ миссъ Сомертонъ былъ бы единственной наградой отважному смѣльчаку.

— Мнѣ кажется, что у васъ навѣрное хватило бы храбрости указать мнѣ на мои недостатки, вы бы не испугались моего презрительнаго взгляда.

— Да, вы не ошибаетесь. Я уже три или четыре раза выслушалъ отъ васъ выговоръ, слѣдовательно, мнѣ пугаться нечего.

— Въ такомъ случаѣ, будьте такъ любезны, сообщите мнѣ, какіе именно недостатки вы во мнѣ открыли?

— Охотно, разъ вы этого желаете.

— Да, желаю.

— И такъ, первый изъ нихъ—непомѣрная гордость.

— Вы считаете гордость недостаткомъ?

— Нельзя же ее причислить къ добродѣтелямъ.

— Въ нашей странѣ мы такого мнѣнія, мистеръ Трентонъ, что каждый человѣкъ обязанъ быть до извѣстной степени гордымъ.

— До извѣстной степени,—это я понимаю. Вопросъ только въ томъ, какого размѣра эта извѣстная степень.

— Теперь, прошу васъ, назовите недостатокъ номеръ второй.

— Недостатокъ номеръ второй, — началъ Трентонъ тономъ доцента, читающаго лекцію,—ваше пренебреженіе чувствами постороннихъ. Полагаю, что это вытекаетъ изъ недостатка номеръ первый. Вы привыкли смотрѣть на массу «прочихъ смертныхъ», какъ на людей, во всѣхъ отношеніяхъ стоящихъ ниже васъ, и при этомъ забываете, что люди, вамъ не симпатичные, владѣютъ чувствами, оскорблять которыя вы не имѣете никакого права.

— Вижу, что вы намекаете на сегодняшнее утро,—серьезно возразила миссъ Сомертонъ. — Я уже два или три раза извинилась передъ вами. Я привыкла видѣть, что мужчина, принимая извиненія другого мужчины, считаетъ недоразумѣніе покончённымъ; отчего бы не примѣнить этого правила и къ женщинамъ?

— О, теперь вы переносите дѣло на личную почву, между тѣмъ какъ я говорю только вообще. Я откровенно выразилъ вамъ взглядъ, который выработалъ себѣ на основаніи столь недавняго знакомства съ вами. Не забудьте, пожалуйста, что я сдѣлалъ это по вашей же просьбѣ.

— О, за это я вамъ глубоко обязана. Боюсь, что вы отчасти правы, и надѣюсь, что реестръ моихъ недостатковъ не будетъ ужъ черезчуръ длиннымъ.

— Нѣтъ, онъ даже уже оконченъ. По-

лагаю, что вы считаете меня самымъ невѣжливымъ изъ мужчинъ, съ которыми вамъ приходилось когда-либо встрѣчаться.

— Мы привыкли къ грубостямъ англичанъ.

— Стало-быть, я только оправдалъ славу о своихъ соотечественникахъ. А вамъ часто приходилось встрѣчаться съ невѣжливыми англичанами?

— Нѣтъ, этого я не могу сказать. Большинство англичанъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться, обращались со мною, какъ настоящіе джентльмены. Но самое невѣжливое изъ писемъ мнѣ пришлось получить отъ англичанина; онъ былъ не только невѣжливъ, но и неблагодаренъ, такъ какъ я пріобрѣла одинъ изъ его пейзажей за баснословно высокую цѣну. Это художникъ Джонъ Трентонъ. Вы знакомы съ нимъ?

— Да-а...—протянулъ Трентонъ,—я его знаю; скажу болѣе, знаю его отлично. Онъ, кромѣ того, мой тезка.

— Да? Странно, что это не бросилось мнѣ въ глаза. Развѣ ваше имя также Джонъ?

— Да!

— Онъ вамъ родственникъ?

— Гм! нѣтъ! Я не могу считать его родственникомъ. Не знаю даже, могу ли я рѣшиться смотрѣть на него, какъ на друга; онъ просто хорошій знакомый.

— О, разскажите мнѣ о немъ!—съ энтузіазмомъ просила миссъ Сомертонъ.—Онъ единственный изъ англичанъ, съ которымъ я давно жажду познакомиться.

— Стало-быть, вы простили ему грубое письмо?

— Давно уже! Я твердо убѣждена, что онъ совсѣмъ не думалъ быть невѣжливымъ. Онъ былъ только откровененъ, а правда оскорбила меня.

— Да,—замѣтилъ Трентонъ,—съ правдой нужно обращаться очень осторожно; она легко можетъ оскорбить. Вы купили его пейзажъ, не правда ли? А какой именно?

— Видъ долины около Темзы.

— Вотъ какъ? Я что-то не помню этой картины; вѣроятно, она изъ числа заурядныхъ. Должно-быть, онъ отослалъ ее въ Америку, потому что въ Лондонѣ не нашелъ на нее покупателя.

— О! вы полагаете, что мы покупаемъ все то, что англичане находятъ негоднымъ? Позвольте вамъ замѣтить, что картина эта находилась въ королевской академіи въ Лондонѣ, и что всѣ критики единодушно восхищались ею. Я купила ее въ Лондонѣ.

— Ахъ! теперь я ее припоминаю. Темза при солнечномъ свѣтѣ. Сюжетъ довольно заурядный. Во всякомъ случаѣ, написано недурно.

— Написано недурно! Я считаю ее лучшимъ пейзажемъ настоящаго столѣтія.

— Конечно, въ этомъ Трентонъ вполнѣ согласился бы съ вами.

— Не хотите ли вы сказать этимъ, что онъ очень много думаетъ о себѣ?

— Это качество приписываютъ ему даже друзья его.

— Но я этому не вѣрю! Я и представить себѣ не могу, чтобы такой геніальный художникъ могъ быть настолько самолюбивымъ.

— Миссъ Сомертонъ, мнѣ кажется, что вы слишкомъ плохо знакомы съ человѣческой натурой. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что такой человѣкъ сознаетъ свое достоинство. Большинство выдающихся людей—высокаго мнѣнія о себѣ. Хотѣлось бы мнѣ взглянуть на письмо Трентона къ вамъ. Ужъ какъ бы я посмѣялся надъ нимъ!

— Въ такомъ случаѣ, я никогда и ни за что не покажу вамъ его.

— Вы его, вѣроятно, уничтожили?

— Зачѣмъ?

— Стало-быть, вы не уничтожили его?

— Правда, я его разорвала, но потомъ опять склеила и сохраняю до сихъ поръ.

— Отчего вы не хотите показать мнѣ это письмо?

— Потому что нахожу очень страннымъ, что мужчина проситъ даму пока-

зать ему письмо, написанное другимъ мужчиной.

— Въ дѣлахъ сердечныхъ это понятно, но если рѣчь идетъ объ искусствѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего нескромнаго. Мнѣ чрезвычайно хочется видѣть письмо Трентона. Оно, вѣроятно, крайне невѣжливо.

— Оно нисколько не невѣжливо! — отвѣчала миссъ Сомертонъ раздражительно.— Это только откровенное, доброжелательное письмо.

— А тѣмъ не менѣе, вы разорвали его?

— Я сдѣлала это сгоряча. Доказательствомъ моего раскаянія служитъ то, что я его склеила.

— И вы твердо намѣрены не показывать его мнѣ?

— Да.

— И что же... отвѣчали вы на него?

— Я больше ничего не разскажу вамъ. Жалѣю вообще, что заговорила о немъ. Вы не долюбливаете картинъ мистера Трентона?

— О, извините, въ этомъ вы жестоко ошибаетесь, миссъ Сомертонъ! Въ Лондонѣ у него нѣтъ болѣе горячаго поклонника, чѣмъ я, — исключая его самого, разумѣется.

— Кажется, для васъ безразлично, что я не желаю слышать подобныхъ замѣчаній?

— Напротивъ, я думалъ, что это замѣчаніе доставитъ вамъ удовольствіе. Нужно вамъ сказать, что мистеръ Трентонъ, за исключеніемъ моего ничтожества, самый невѣжливый изъ англичанъ. Я начинаю подозрѣвать, что письмо мистера Трентона—причиною того, что вы начали ненавидѣть всю англійскую расу, такъ какъ вы сами сознались, что тѣ изъ англичанъ, съ которыми вы знакомы, вполнѣ вѣжливые люди.

— Вы забыли, что я, тѣмъ временемъ, успѣла познакомиться съ вами.

— Очень вамъ благодаренъ.

— У мистера Трентона много друзей въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, не много. Онъ прилежный работникъ и, какъ я уже докладывалъ вамъ, гордится тѣмъ, что говоритъ всѣмъ правду въ глаза. А въ Лондонѣ это такъ же мало любятъ, какъ и у васъ, въ Бостонѣ.

— Я уважаю его за это.

— Конечно. Въ принципѣ, такъ и слѣдуетъ. Но такимъ качествомъ друзей не пріобрѣтешь.

— Когда, по возвращеніи въ Лондонъ, вы увидите мистера Трентона, то, пожалуйста, передайте ему, что одна особа въ Америкѣ дружески расположена къ нему, и если у него есть картины, которыя трудно продать въ Лондонѣ, то пусть онъ ихъ пришлетъ сюда: она ихъ купитъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы, вѣроятно, очень богаты, такъ какъ его картины, даже въ самомъ Лондонѣ, продаются за ужасно высокую цѣну.

— Да,—сказала просто миссъ Сомертонъ,—я очень богата.

— Могу себѣ представить, какъ пріятно быть богатымъ, — замѣтилъ Трентонъ, вздыхая.

— Вы, вѣроятно, не богаты?

— Нѣтъ, не богатъ, съ точки зрѣнія американскихъ капиталистовъ. Но я достаточно богатъ, чтобы имѣть возможность путешествовать по свѣту, сколько моей душѣ угодно, и чтобы утонуть въ рѣкѣ Св. Маврикія.

— Да! не странно ли, что мы ничего не знаемъ о гребцахъ? Не утонули же они, въ самомъ дѣлѣ?

— Не думаю. Но это весьма возможно.

— Не говорите такъ, мистеръ Трентонъ, а то я буду считать себя преступницей.

— Во всякомъ случаѣ, бо̀льшая часть вины приходится на вашу долю.

Миссъ Сомертонъ укоризненно посмотрѣла на него.

— Развѣ я еще не достаточно наказана?

— За смерть двухъ людей? если они дѣйствительно утонули? Неужели же вы думаете, что между проступкомъ и иску-

пленіемъ существуетъ справедливое отношеніе?

Миссъ Сомертонъ закрыла глаза рукою и заплакала.

— Я беру свои слова назадъ! — воскликнулъ Трентонъ. — Я сказалъ это не серьезно.

— Но это правда, это правда! — плакала дѣвушка. — Неужели вы полагаете, что люди дѣйствительно утонули?

— Нисколько. Скажу вамъ свое мнѣніе и готовъ даже побиться объ закладъ, что оно справедливо. Оба гребца поплыли по теченію до того мѣста, гдѣ имъ удобно было выбраться на берегъ, а затѣмъ, лѣсомъ, побѣжали домой. Они увѣрены, что мы потонули. Но бѣдный Эдъ Масонъ соберетъ, сколько сможетъ, народу и бросится въ поиски за нами. Онъ освободитъ насъ отсюда еще въ продолженіе ночи.

— О, надѣюсь, что это будетъ такъ, какъ вы говорите! — воскликнула миссъ Сомертонъ, съ благодарностью глядя на него.

— Это будетъ такъ. Хотите подержать пари?

— Я никогда не держу пари.

— Очень жаль! Вы лишаете себя большого удовольствія. Я, нѣкоторымъ образомъ, отгадчикъ чужихъ мыслей и могу съ достовѣрностью сказать, гдѣ теперь находятся гребцы.

— Я не вѣрю въ отгадыванье чужихъ мыслей.

— Нѣтъ? Хотите, мы сейчасъ сдѣлаемъ опытъ? Возьмемъ, напримѣръ, письмо, о которомъ мы только что говорили. Если вы со вниманіемъ будете думать о немъ, я вамъ его прочту, хоть не слово въ слово, но приблизительно.

— Это невозможно.

— Вы помните содержаніе письма?

— Оно даже со мною.

— Вотъ какъ! Вамъ бы слѣдовало посушить его у огня, если вы желаете сохранить его въ цѣлости.

— Это совершенно лишнее. Я и безъ того помню его наизусть.

— Отлично! Такъ постарайтесь мысленно припомнить содержаніе, чтобы я могъ прочитать его. Вы теперь думаете о немъ?

— Да.

— Итакъ: «Миссъ Эдита Сомертонъ!»

— Невѣрно!

— Сомертонъ вѣдь вѣрно, не такъ ли?

— Да, но мое имя не Эдита.

— Такъ скажите—вѣрное.

— Отгадайте сами!

— Обойдемся и безъ него. «Миссъ Сомертонъ, я медлилъ отвѣчать на ваше любезное письмо». Ахъ, я не могу разобрать адреса, кажется, Beacon-Street, Boston. Вѣрно? Есть ли улица съ такимъ названіемъ?

— Конечно!—возразила миссъ Сомертонъ.—Странный вопросъ!

— Въ такомъ случаѣ, Beacon-Street, вѣроятно, одна изъ главныхъ улицъ Бостона? да?

— Одна изъ главныхъ улицъ? Смѣшно, право. Есть о чемъ спрашивать! Это и есть самый Бостонъ!

— Хорошо, я продолжаю: «Я медлилъ отвѣчать на ваше любезное письмо, такъ какъ нахожу присланные эскизы такими плохими, что даже не могу понять, какъ можно было рѣшиться прислать ихъ на судъ художнику. Если вы серьезно хотите знать мое мнѣніе, то я могу сказать только, что эскизы не стоятъ абсолютно никакого вниманія: самъ рисунокъ плохъ, а что касается красокъ, то не трудно догадаться, что вы имѣете очень смутное понятіе даже объ основныхъ правилахъ живописи. Если вы намѣрены заняться живописью съ цѣлью добыванія средствъ къ жизни, то я вамъ рѣшительно совѣтую отказаться отъ этого намѣренія. Если же вы—особа богатая, то занимайтесь ею, сколько вамъ угодно.

«Готовый къ услугамъ вашимъ

«Джонъ Трентонъ».

Миссъ Сомертонъ, которая отъ удивленія все больше и больше таращила глаза, не выдержала и, вспыхнувъ, воскликнула:

— Онъ навѣрное показывалъ вамъ письмо! Вы его читали?

— Съ этимъ я согласенъ, — сказалъ художникъ.

— Теперь я вѣрю всему, что̀ вы говорили про мистера Трентона.

— Погодите немного, миссъ Сомертонъ. Не торопитесь осуждать его слишкомъ скоро. Я знаю, что мистеръ Трентонъ никому не показывалъ письма.

— Но вѣдь вы сказали, что сами видѣли его?

— Это вѣрно. Но, все-таки, кромѣ него, никто не видѣлъ письма.

Миссъ Сомертонъ вскочила.

— Въ такомъ случаѣ, вы сами—мистеръ Джонъ Трентонъ.

— Миссъ Сомертонъ, приношу вамъ повинную.

(Окончаніе будетъ.)

* *
*

Загорѣлися звѣзды лучистыя,
Ночь надъ міромъ спустила навѣсъ,
И плывутъ облака серебристыя
Въ океанѣ бездонныхъ небесъ.

Въ грудь вливается ласковость вешняя,
Дышитъ все ароматомъ весны,
И какая-то сила нездѣшняя
Навѣваетъ блаженные сны.

Милый другъ! Въ эту ночь благодатную,
Осѣненные крыльями грезъ,
Вспомнимъ юность свою невозвратную,
Напоенную запахомъ розъ.

Встрепенется, какъ пташка веселая,
Отъ тревогъ отрѣшившись, душа,—
Эта жизнь безпредѣльно тяжелая,
Хоть на мигъ, станетъ вновь хороша.

Вѣчно чистую, вѣчно единую
Мы любовь пригласимъ въ свой пріютъ,
И минувшему пѣснь лебединую
Вдохновенно сердца пропоютъ.

Л. Медвѣдевъ.

Гигіеническія бесѣды.

Проф. **Ф. Ф. Эрисмана.**

(Продолженіе.)

11. Системы центральнаго отопленія: воздушное, водяное, паровое и паро-водяное отопленіе.—Свѣтъ.—Вліяніе его на растительный и животный организмъ. — Санитарное значеніе солнечнаго свѣта; вліяніе его на физическое развитіе, здоровье и душевное настроеніе человѣка.—Дѣйствіе свѣта на гнилостные и болѣзнетворные микробы. — Солнечный свѣтъ на горныхъ климатическихъ станціяхъ.

Мы видѣли, что для жилыхъ помѣщеній голландская печь представляетъ самый пріятный, самый лучшій въ санитарномъ отношеніи приборъ отопленія, хотя и хорошо устроенныя «засыпныя» печи не лишены нѣкоторыхъ преимуществъ въ смыслѣ чистоты и удобства эксплоатаціи. Вполнѣ пригодны такія комнатныя печи и для небольшихъ сельскихъ школъ, больницъ и т. п. зданій. Но въ большихъ общественныхъ зданіяхъ, съ множествомъ помѣщеній, съ обширными, высокими залами, съ широкими коридорами и т. д., печное отопленіе все больше и больше, и по справедливости, уступаетъ мѣсто устройству *центральнаго* отопленія, при которомъ тепло развивается въ одномъ или нѣсколькихъ центрахъ и затѣмъ передается отдѣльнымъ помѣщеніямъ посредствомъ воздуха, воды или пара.

Если гдѣ-нибудь въ подвалѣ зданія, въ закрытомъ помѣщеніи («воздухогрѣйная камера») поставить большую печь («калориферъ»), устроить въ эту камеру притокъ наружнаго воздуха, и затѣмъ нагрѣвшійся около печи воздухъ распредѣлить, при помощи особыхъ каналовъ, по отдѣльнымъ частямъ зданія, то мы получаемъ такъ-называемое «*воздушное*» или «*пневматическое*» отопленіе, которое отличается отъ отопленія комнатными печами, съ одной стороны, отсутствіемъ лучистой теплоты, а съ другой—тѣмъ, что здѣсь требуется весьма сильное нагрѣваніе воздуха для того, чтобы послѣдній доходилъ до отапливаемыхъ помѣщеній съ надлежащей температурой. Въ своемъ первоначальномъ видѣ воздушное отопленіе представляло большія несовершенства, и многіе въ Россіи съ ужасомъ вспоминаютъ о такъ-называемомъ «амосовскомъ» отопленіи, съ его металлическими калориферами, которые накаливались до-красна и снабжали комнаты страшно горячимъ, въ высшей степени сухимъ и дурно пахнущимъ воздухомъ, вызывавшимъ головныя боли и общее недомоганіе. Въ настоящее время амосовскія печи повсюду оставлены, воздушное отопленіе значительно усовершенствовано, и при устройствѣ калориферовъ руководствуются тѣми же требованіями гигіены, которыя предъявляются къ комнатнымъ печамъ. Было бы, слѣдовательно, несправедливо судить о воздушномъ отопленіи новѣйшаго типа по «блаженной памяти» амосовскому отопленію.

Тѣмъ не менѣе, нерѣдко слышатся нареканія и на современное воздушное отопленіе; и мы должны сказать, что они часто бываютъ справедливы, хотя во многихъ случаяхъ относятся не столько къ основному принципу его, сколько къ его техническому исполненію. Такъ, напр., иногда указывается на примѣсь къ отапливающему помѣщенія воздуху *дыма* или *копоти* (угольныхъ частицъ), но это обстоятельство, обусловливаемое неисправностями калорифера (трещинами въ стѣнкахъ его и т. п.), легко можетъ быть устранено тщательнымъ устройствомъ и аккуратнымъ содержаніемъ самихъ печей и воздухогрѣйныхъ камеръ. То же можно сказать про *пригорѣлый запахъ*, часто въ болѣе или менѣе сильной степени свойственный доставляемому въ отапливаемыя помѣщенія воздуху и зависящій отъ сухой перегонки органической пыли, осѣдающей на сильно накаливаемыя поверхности калорифера; онъ можетъ быть въ значительной мѣрѣ устраненъ замѣной желѣзныхъ калориферовъ кирпичными, не чрезчуръ сильнымъ нагрѣваніемъ и чистымъ содержаніемъ ихъ. Наконецъ, и неправильное, *неравномѣрное распредѣленіе тепла* въ нагрѣваемыхъ помѣщеніяхъ, въ прежнее время часто замѣчавшееся при воздушномъ

отопленіи, при чемъ верхніе этажи, по естественнымъ причинамъ, получали больше тепла, чѣмъ нижніе, а въ одномъ и томъ же помѣщеніи наблюдалась страшная разница въ температурѣ на различной высотѣ, вполнѣ устраняется цѣлесообразнымъ расположеніемъ отверстій, ведущихъ теплый воздухъ каналовъ, какъ въ воздухогрѣйной камерѣ, такъ и въ комнатахъ.

Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ возраженій противъ воздушнаго отопленія является вызываемое проникающимъ въ комнаты горячимъ воздухомъ ощущеніе *сухости*, зависящее отъ того, что сильно нагрѣтый воздухъ, будучи относительно крайне сухимъ, съ огромной жадностью поглощаетъ влагу съ окружающихъ предметовъ, а между прочимъ, и съ поверхности тѣла находящихся въ помѣщеніи людей. Въ только что отстроенныхъ зданіяхъ этотъ недостатокъ воздушнаго отопленія не сказывается рѣзко, потому что здѣсь самыя стѣны отдаютъ воздуху значительныя количества влаги; но въ старыхъ зданіяхъ, съ сухими стѣнами, онъ обнаруживается во всей своей силѣ. Къ сожалѣнію, принимаемыя для искусственнаго увлажиnванія воздуха мѣры, хотя и смягчаютъ указанный недостатокъ, но до сихъ поръ не вполнѣ достигаютъ цѣли (см. выше).

Самымъ существеннымъ и въ то же время неустранимымъ недостаткомъ воздушнаго отопленія, обусловленнымъ не случайностями и недосмотрами въ устройствѣ и эксплоатаціи приборовъ, а самой сущностью этого способа отопленія, является *тѣсная связь между отопленіемъ и вентиляціей*, при чемъ одинъ и тотъ же воздухъ выполняетъ двѣ задачи, т. е. нагрѣваетъ пространство и въ то же время вентилируетъ его. Эта связь, какъ мы видѣли въ предыдущей лекціи, не выгодна для вентиляціи, такъ какъ послѣдняя происходитъ здѣсь не при помощи настоящаго, такъ сказать *натуральнаго*, наружнаго воздуха, а посредствомъ воздуха, сильно нагрѣтаго и до извѣстной степени видоизмѣненнаго въ своемъ составѣ. Правда, современная техника успѣла смягчить до извѣстной степени и этотъ недостатокъ воздушнаго отопленія, устраивая двойные воздухопроводные каналы, изъ которыхъ одни берутъ воздухъ изъ верхней, весьма горячей части воздухогрѣйной камеры, а другіе — изъ нижней, холодной части ея; но и послѣдній, въ своихъ физическихъ качествахъ (на обоняніе), замѣтно отличается отъ чистаго атмосфернаго воздуха, въ чемъ легко можно убѣдиться, подходя попеременно то къ душнику (устью воздухопроводнаго канала въ комнатѣ), то къ открытой форточкѣ.

Единственнымъ неоспоримымъ достоинствомъ воздушнаго отопленія является *дешевизна его устройства* по сравненію со всякими другими способами центральнаго отопленія, дающая возможность пользоваться услугами центральнаго отопленія и тамъ, гдѣ нельзя располагать большими средствами. Расходы по эксплоатаціи—приблизительно тѣ же, какъ и при другихъ системахъ.—Приточныя отверстія, при воздушномъ отопленіи, устраиваются нѣсколько выше человѣческаго роста для того, чтобы горячая струя воздуха не была чувствительна для находящихся въ помѣщеніи людей. Воздухъ, при своемъ вступленіи въ комнату, долженъ имѣть температуру не свыше 50—55 градусовъ по Цельсію. Для удаленія испорченнаго воздуха должна быть устроена центральная вытяжная вентиляція съ расположеніемъ отдушинъ непосредственно надъ поломъ; въ этомъ случаѣ поступившій въ комнату грѣтый воздухъ получаетъ, въ общемъ, движеніе сверху внизъ, благопріятствующее равномѣрному распредѣленію теплоты.

Если, вмѣсто воздуха, нагрѣвать *воду* и пользоваться ею для передачи тепла, то получается такъ-называемое *водяное* отопленіе. Для этого горячая вода должна быть заключена въ металлическія трубы, которыя и проводятся по отапливаемымъ помѣщеніямъ. Обыкновенно вода нагрѣвается въ подвалѣ, въ большомъ котлѣ, изъ котораго широкая вертикальная труба поднимается до чердака; здѣсь эта труба развѣтвляется и посылаетъ соотвѣтственное количеству и величинѣ помѣщеній число отростковъ внизъ, при чемъ всѣ эти отростки въ подвалѣ вновь соединяются въ одну общую трубу, которая, съ своей стороны, соединена съ нижней частью водогрѣйнаго котла. Такимъ образомъ, вода, при этой системѣ, находится въ постоянномъ круговоротѣ; поднявшись, вслѣдствіе нагрѣванія, изъ котла на чердакъ, она распредѣляется оттуда по всѣмъ помѣщеніямъ, отдаетъ имъ болѣе или менѣе значительную часть своего тепла и, охладившись на пути, возвращается въ котелъ. Котелъ и трубы совершенно наполнены водой, такъ что образованія пара въ нихъ не происходитъ. На чердакѣ одна изъ трубъ, посредствомъ особаго отростка, соединяется съ открытымъ сосудомъ, въ которомъ находится вода («расширительный сосудъ»). Такимъ образомъ, вода въ котлѣ и въ трубахъ находится подъ давленіемъ лишь одной атмосферы и, при нагрѣваніи, имѣетъ возможность расширяться. Это обстоятельство чрезвычайно важно, такъ

какъ, благодаря ему, вода въ трубахъ не можетъ нагрѣваться выше 100 град. по Цельсію или 80 град. по Реомюру. Система эта называется «водянымъ отопленіемъ *низкаго* давленія». Если, вмѣсто расширительнаго сосуда, на чердакѣ устроенъ клапанъ, открывающійся только при извѣстномъ давленіи, то и вода въ трубахъ, при нагрѣваніи, будетъ находиться подъ соотвѣтственнымъ давленіемъ, и, смотря по устройству клапана, мы будемъ имѣть систему водяного отопленія *средняго* или *высокаго* давленія; въ послѣднемъ случаѣ вода нагрѣвается не въ котлѣ, а въ самой трубѣ, изогнутой для этой цѣли въ одномъ мѣстѣ наподобіе змѣевика.

Съ санитарной точки зрѣнія, существенная разница между системами водяного отопленія высокаго и низкаго давленія заключается въ томъ, что въ послѣднихъ температура воды внутри трубъ никогда не можетъ подниматься выше 100 градусовъ, тогда какъ въ первыхъ она можетъ дойти до 150 или 200 градусовъ и выше, смотря по давленію, подъ которымъ вода находится. Но чѣмъ ниже температура воды, тѣмъ большее количество послѣдней требуется для сообщенія отапливаемымъ помѣщеніямъ извѣстнаго количества тепла. Поэтому, при водяномъ отопленіи низкаго давленія, трубы должны быть шире и вмѣщать въ себѣ больше воды, чѣмъ при водяномъ отопленіи средняго или высокаго давленія. А отсюда слѣдуетъ, что въ послѣднемъ случаѣ вода нагрѣвается быстрѣе, но быстрѣе и остываетъ, чѣмъ въ первомъ. Соотвѣтственно этому, водяное отопленіе высокаго давленія примѣняется главнымъ образомъ тамъ, гдѣ отопленіе требуется не постоянно, а періодически, съ болѣе или менѣе значительными перерывами. И такъ какъ, съ санитарной точки зрѣнія, сильное накаливаніе нагрѣвательныхъ поверхностей представляется нежелательнымъ (см. выше), то гигіенисты отдаютъ предпочтеніе системѣ водяного низкаго давленія передъ другими; здѣсь температура трубъ достигаетъ обыкновенно лишь 50—60 градусовъ Цельсія, и только во время сильныхъ морозовъ приходится поднимать ее выше.

Передъ воздушнымъ или пневматическимъ отопленіемъ водяное отопленіе имѣетъ то преимущество, что оно позволяетъ болѣе цѣлесообразное распредѣленіе тепла, такъ какъ ведущія теплую или горячую воду трубы легко могутъ быть проводимы повсюду, гдѣ къ этому является потребность; и въ самомъ дѣлѣ, онѣ всегда прокладываются тамъ, гдѣ существуетъ наибольшее охлажденіе, т. е. по наружнымъ стѣнамъ, подъ окнами, при чемъ, для увеличенія нагрѣвательной поверхности, труба или проводится по стѣнѣ въ нѣсколько рядовъ, въ видѣ зигзага, или же снабжается, мѣстами, извѣстнымъ количествомъ приливныхъ реберъ или пластинокъ, образующихъ такъ-называемыя «батареи» или «гармоники»; первый способъ, съ санитарной точки зрѣнія, слѣдуетъ предпочесть второму, такъ какъ гладкую трубу легче держать въ чистотѣ, чѣмъ батареи, всегда являющіяся мѣстомъ отложенія пыли, до извѣстной степени пригорающей на горячей поверхности ихъ и потому содѣйствующей порчѣ комнатнаго воздуха. Въ настоящее время, при водяномъ отопленіи, въ каждомъ помѣщеніи устраиваются приспособленія (краны), позволяющія пріостанавливать движеніе горячей воды въ отдѣльныхъ частяхъ трубъ или батареяхъ и такимъ образомъ регулировать температуру въ отапливаемыхъ помѣщеніяхъ; но, къ сожалѣнію, эти приспособленія, по разнымъ причинамъ, рѣдко въ надлежащей мѣрѣ достигаютъ намѣченной цѣли.

Водяное отопленіе, въ противоположность воздушному, ничѣмъ не связано съ вентиляціей помѣщеній, и при устройствѣ его въ частныхъ квартирахъ можно обойтись безъ сложныхъ приспособленій для искусственной вентиляціи; но въ общественныхъ зданіяхъ—больницахъ, тюрьмахъ, учебныхъ заведеніяхъ и т. под. — необходимо заботиться о притокѣ свѣжаго, предварительно нагрѣваемаго и искусственно увлаживаемаго воздуха, а также объ удаленіи испорченнаго воздуха на изложенныхъ въ одной изъ предыдущихъ бесѣдъ основаніяхъ. Наиболѣе слабой и, повидимому, трудно устранимой стороной водяного отопленія является значительная сухость воздуха, зависящая главнымъ образомъ отъ большого обмѣна, т. е. быстраго движенія его при искусственной вентиляціи, благодаря чему всѣ образующіеся въ отапливаемомъ помѣщеніи водяные пары скоро удаляются изъ него. Устройство водяного отопленія обходится сравнительно дорого, въ особенности система низкаго давленія, но уходъ за нимъ не сложенъ, и въ этомъ отношеніи оно представляетъ большія удобства.

Если водогрѣйный котелъ замѣнить паровымъ, и если въ трубахъ, служащихъ для отопленія, вмѣсто воды, будетъ циркулировать паръ, то мы имѣемъ такъ-называемое «*паровое*» отопленіе. Послѣднее, какъ по своему принципу, такъ и по многимъ частностямъ въ техническомъ исполненіи его, очень сходно съ отопленіемъ грѣтой водой. Оно основано на томъ, что паръ, охлаждаясь и превращаясь въ воду, выдѣляетъ скрытую въ немъ теплоту, поглощенную водой при

образованіи пара. Какъ при водяномъ отопленіи, магистральная труба, отходящая отъ паровика, поднимается прямо кверху, до чердака, а оттуда уже паръ распредѣляется по спускающимся книзу трубамъ, по отдѣльнымъ этажамъ и помѣщеніямъ. Діаметръ трубъ довольно большой, какъ и при водяномъ отопленіи низкаго давленія. Конденсаціонная вода, образующаяся при охлажденіи пара и содержащая еще около 20 процентовъ первоначальной теплоты, отводится обратно къ паровому котлу по особымъ трубкамъ. Нагрѣвательные приборы, устанавливаемые въ отапливаемыхъ помѣщеніяхъ, могутъ быть различной конструкціи и въ общемъ немногимъ отличаются отъ тѣхъ же приборовъ при водяномъ отопленіи—гладкія, изогнутыя въ видѣ спирали трубы или же батареи. Но такъ какъ при этомъ регулированіе теплоты, доставляемой отдѣльнымъ помѣщеніямъ, невозможно, то паровое отопленіе въ чистомъ видѣ примѣняется въ настоящее время рѣдко; большею частью оно комбинируется съ водянымъ отопленіемъ, и соотвѣтственно этому устраиваются и нагрѣвательные приборы. При *«паро-водяномъ»* отопленіи *паръ* служитъ для *передачи* тепла отъ центральнаго источника и для снабженія имъ отдѣльныхъ нагрѣвательныхъ приборовъ, а вода, находящаяся въ послѣднихъ и нагрѣваемая паромъ—для *накопленія теплоты*. Эту комбинацію надо назвать весьма счастливой, потому что никакимъ другимъ путемъ нельзя передавать на значительныя разстоянія такихъ большихъ количествъ теплоты, какъ посредствомъ пара, и никакимъ другимъ средствомъ нельзя накоплять теплоту лучше, чѣмъ при помощи воды. Въ комнатахъ устанавливаются металлическія, наполненныя водой, печки, черезъ которыя паровыя трубы проводятся змѣевикомъ. Этими печами можно пользоваться и для вентиляціи отапливаемыхъ помѣщеній, хотя слѣдуетъ отдать предпочтеніе устройству самостоятельной, не находящейся въ связи съ отопленіемъ, вентиляціи. Въ санитарномъ отношеніи паро-водяное отопленіе обладаетъ тѣми же преимуществами, какъ и водяное отопленіе низкаго давленія. Главная выгода его въ техническомъ и экономическомъ отношеніяхъ заключается въ томъ, что оно позволяетъ передавать теплоту, въ горизонтальномъ направленіи, на почти безграничное разстояніе и потому можетъ служить не только для нагрѣванія, изъ одного центральнаго источника, отдѣльныхъ большихъ зданій, но и для отопленія цѣлыхъ обширныхъ группъ строеній, цѣлыхъ городскихъ кварталовъ (американскіе города). Единственное существенное затрудненіе, которое при этомъ могло бы возникнуть—чрезмѣрное охлажденіе пара, устраняется прокладкой паро-проводныхъ трубъ подъ землею, на надлежащей глубинѣ, а также обертываніемъ ихъ плохими проводниками тепла. Стоимость устройства этой комбинированной системы центральнаго отопленія велика, и она обходится чуть ли не дороже системы водяного отопленія низкаго давленія, но значительныя преимущества ея обезпечиваютъ ей широкое примѣненіе, въ особенности для построенныхъ по павильонной системѣ большихъ больницъ и тому подобныхъ учрежденій.

Свѣтъ. Воздухъ и свѣтъ представляютъ, на ряду съ пищей, самыя необходимыя, самыя насущныя условія существованія и жизни всего органическаго міра, начиная отъ самаго простого организма, состоящаго только изъ одной микроскопической, невидимой простымъ глазомъ, клѣточки, и кончая человѣкомъ, котораго Богъ сотворилъ «по образу и подобію Своему». Воздухъ и свѣтъ оставляютъ необходимый элементъ для физическаго благополучія человѣка, для его умственнаго и нравственнаго развитія. Больше воздуха, больше свѣта! Это—необходимое условіе цивилизаціи, это—лозунгъ нашего культурнаго времени. Изъ-за воздуха и свѣта человѣчество ведетъ вѣковую и неустанную борьбу; къ воздуху и къ свѣту болѣе или менѣе сознательно стремится всякій. Для удовлетворенія своей потребности въ воздухѣ и свѣтѣ человѣчество приноситъ огромныя матеріальныя жертвы; въ старинныхъ городахъ, съ ихъ узкими улицами и переулками, съ лица земли исчезаютъ цѣлые ряды домовъ, препятствующіе проникновенію воздуха и свѣта въ жилыя помѣщенія людей, и всякій, при наймѣ квартиры или при постройкѣ дома, стремится обезпечить своей семьѣ по возможности больше воздуха, по возможности больше свѣта. И кому не извѣстенъ въ высшей степени трогательный и поэтическій апоѳеозъ свѣта, вложенный великимъ Шиллеромъ въ уста молодого Мельхталя, оплакивающаго печальную судьбу отца, котораго грубый и нечеловѣчный произволъ австрійскаго губернатора лишилъ обоихъ глазъ:

О, свѣтъ очей—даръ Неба драгоцѣнный!
Всѣ существа тобою лишь живутъ,
И каждое счастливое созданье —
Цвѣтокъ—и тотъ любуется на свѣтъ;
А для него повсюду вѣчный мракъ,
Повсюду ночь! Его не усладятъ
Зеленыя, цвѣтущія долины!
Онъ не увидитъ болѣе зари!

Что смерть?—ничто! но жить, не видя свѣта—
Не значитъ жить!

«Вильгельмъ Телль» (Актъ I, сцена IV).

Вліяніе свѣта на питаніе и на ростъ *растеній* съ давнихъ поръ занимаетъ естествоиспытателей. Извѣстно, что растенія могутъ увеличиваться въ объемѣ даже при полномъ отсутствіи свѣта: картофель, рѣпа, лукъ и проч. даютъ въ совершенной темнотѣ подвала длинные ростки и могутъ до извѣстной степени позеленѣть даже при весьма слабомъ свѣтѣ. Но, во-первыхъ, они будутъ расти въ темнотѣ лишь до тѣхъ поръ, пока не израсходуется находящійся въ нихъ запасъ питательнаго матеріала, а, во-вторыхъ, подобныя растенія, хотя обыкновенно и вытягиваются гораздо больше выросшихъ на свѣтѣ, но имѣютъ тонкіе и слабые стебельки, содержащіе много воды и мало плотнаго вещества. Очевидно, что растеніе, растущее въ темнотѣ, при этомъ не пріобрѣтаетъ новаго питательнаго матеріала, а живетъ насчетъ ранѣе накопленнаго вещества; оно увеличивается только въ объемѣ и набирается воды, и если мы его черезъ нѣкоторое время высушимъ, то убѣдимся, что оно вѣситъ не больше чѣмъ вначалѣ, а микроскопическое изслѣдованіе показываетъ, что клѣтки, составляющія ткань растенія, сильно удлинены и имѣютъ большую полость и тонкія стѣнки, тогда какъ въ плотной, здоровой ткани выросшихъ на свѣтѣ растеній клѣтки бываютъ значительно короче и стѣнки ихъ утолщены, иногда даже до того, что полость внутри клѣтки становится почти незамѣтной. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдовательно, происходитъ дѣйствительно *усвоеніе новаго питательнаго матеріала*, увеличеніе массы, ведущее къ уплотненію ткани. Это—единственный здоровый ростъ растенія, возможный только въ присутствіи свѣта, благодаря которому въ зеленыхъ частяхъ растенія происходитъ разложеніе вдыхаемой имъ углекислоты и усвоеніе углерода, необходимаго для заготовленія органическаго вещества. Такова сила солнечнаго луча по отношен ю къ растительному міру; посмотримъ теперь, какое значеніе свѣтъ имѣетъ для *животныхъ* и для *человѣка*.

Какъ извѣстно, солнечный свѣтъ, кромѣ *свѣтовыхъ* и *тепловыхъ* лучей, содержитъ и лучи, обнаруживающіе *химическое* дѣйствіе. Всѣ эти лучи, какъ показываютъ наблюденія, обладаютъ способностью проникать до извѣстной степени въ ткани животнаго тѣла и поглощаться ими. Прохожденіе *свѣтовыхъ* лучей черезъ животную ткань и поглощеніе ихъ болѣе толстыми слоями этой ткани можно наглядно показать, плотно закрывая отверстіе въ ставнѣ, черезъ которое лучъ дневного или солнечнаго свѣта падаетъ въ темную комнату, то одной, то двумя или тремя руками: въ первомъ случаѣ комната еще слегка освѣщается, такъ какъ часть свѣта проходитъ черезъ руку; если же взять 2 или 3 руки, то можно совершенно затемнить комнату, такъ какъ болѣе толстымъ слоемъ ткани весь свѣтъ поглощается. Помѣщая подъ кожу собаки небольшой термометръ и выставляя соотвѣтственное мѣсто кожи на солнечный свѣтъ въ теченіе извѣстнаго времени, можно убѣдиться въ томъ, что ртуть въ термометрѣ поднимается выше температуры тѣла животнаго, т. е. что *тепловые* лучи солнца проникаютъ черезъ кожу; но и эти лучи, при удлиненіи пути ихъ черезъ животную ткань, поглощаются цѣликомъ. Помѣщая подъ кожу живой кошки или собаки маленькую стеклянную трубочку съ хлористымъ серебромъ, чернѣющимъ подъ вліяніемъ свѣта, и подвергая эти мѣста кожи продолжительному дѣйствію солнечныхъ лучей, мы всегда получимъ почернѣніе серебра, тогда какъ оно не послѣдуетъ, если опытныхъ животныхъ оставляютъ въ темной комнатѣ.

При такихъ условіяхъ становится вполнѣ понятной та огромная роль, которую свѣтъ играетъ въ ростѣ и физическомъ развитіи животныхъ и человѣка. Несомнѣнно, напримѣръ, что безъ свѣта головастики хотя и могутъ достигнуть своего полнаго развитія и даже превратиться въ лягушекъ, но что это превращеніе сильно замедляется и что въ темнотѣ многіе головастики упорно сохраняютъ свою первоначальную форму. Если перерѣзать у нѣсколькихъ лягушекъ нервъ, приводящій въ движеніе заднюю ногу, и затѣмъ часть этихъ лягушекъ подвергать дневному свѣту, другую же часть оставлять въ темной комнатѣ, то легко убѣдиться въ томъ, что у лягушекъ, пользовавшихся дневнымъ свѣтомъ, движеніе въ оперированной ногѣ возстановляется гораздо раньше, чѣмъ у оставленныхъ въ темнотѣ. Если, дальше, у извѣстнаго числа рыбокъ отрѣзать часть верхней или нижней половины хвоста и потомъ нѣкоторое количество этихъ рыбокъ держать въ свѣтлой комнатѣ, а другихъ оставлять въ темнотѣ, то оказывается, что у первыхъ отрѣзанная часть хвоста вырастаетъ почти вдвое скорѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Наконецъ раны, наносимыя различнымъ животнымъ, подъ вліяніемъ свѣта зарубцовываются гораздо скорѣе, чѣмъ въ темнотѣ. Такимъ образомъ, *свѣтъ не только способствуетъ нормальному физическому развитію и росту животныхъ, но и со-*

дѣйствуетъ болѣе быстрому возстановленію тканей, искусственно разрушенныхъ; темнота же, наоборотъ, задерживаетъ развитіе и замедляетъ возобновленіе разрушенныхъ тканей.

Для пониманія тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ живыхъ тканяхъ подъ вліяніемъ свѣта, небезынтересно прослѣдить дѣйствіе послѣдняго на самые простые животные организмы. Оказывается, что, напримѣръ, вещество, изъ котораго состоитъ лягушечье яйцо, сильно сокращается подъ вліяніемъ непосредственнаго солнечнаго луча, и что измѣненіе формы яйца всегда сопровождается перемѣщеніемъ находящагося въ немъ красящаго вещества, которое сосредоточивается на обращенной къ свѣту сторонѣ яйца, тогда какъ противоположная сторона представляется въ видѣ бѣлаго пятна. Другія наблюденія показали, что кровяные шарики лягушки, подъ вліяніемъ краснаго и фіолетоваго свѣта, мѣняютъ свою форму и сначала втягиваютъ отростки, а затѣмъ снова ихъ выпускаютъ. Опытами на лягушкахъ было доказано, что свѣтъ дѣйствуетъ не только на то вещество, изъ котораго состоятъ клѣточные элементы животной ткани (такъ-называемая «протоплазма»), но и на окончанія чувствительныхъ нервовъ въ кожѣ, возбуждая ихъ и вызывая рефлекторныя движенія въ мышцахъ.— Повидимому, свѣтъ оказываетъ вліяніе и на *химическіе* процессы, происходящіе въ живыхъ тканяхъ; такъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ свѣта происходитъ усиленное выдыханіе животными углекислоты, указывающее на то, что свѣтъ ускоряетъ обмѣнъ веществъ въ животномъ организмѣ, т. е. увеличиваетъ энергію происходящихъ въ немъ химическихъ процессовъ. Опыты, произведенные надъ человѣкомъ, повидимому, подтверждаютъ правильность этихъ наблюденій. Вообще многіе факты указываютъ на то, *что солнечный свѣтъ или, съ другой стороны, отсутствіе его, не остается безъ сильнаго вліянія на питаніе человѣка и на теченіе различныхъ, главнымъ образомъ хроническихъ, болѣзней*, и послѣ всего сказаннаго для насъ становится вполнѣ понятнымъ, что всѣ болѣзненныя явленія, связанныя съ общимъ упадкомъ питанія—малокровіе, золотуха, англійская болѣзнь, чахотка и т. п.— чаще всего встрѣчаются среди населенія жилищъ, въ которыя рѣдко когда проникаетъ солнечный лучъ, а подвальныя жилища, кромѣ сырости и помимо вліянія почвеннаго воздуха, пріобрѣли плохую, въ санитарномъ отношеніи, репутацію еще и вслѣдствіе недостатка въ нихъ дневного свѣта. Есть и указанія на то, что въ тѣхъ домахъ, которые мало пользуются солнечнымъ свѣтомъ, смертность, при прочихъ равныхъ условіяхъ, бываетъ значительно больше, чѣмъ тамъ, гдѣ солнечный лучъ имѣетъ свободный доступъ.

На благотворномъ вліяніи солнечнаго свѣта на обмѣнъ веществъ въ человѣческомъ организмѣ, на его питаніе, на настроеніе нервной системы, построена цѣлая система лѣченія различныхъ болѣзней, туго поддающихся дѣйствію лѣкарственныхъ средствъ, но во многихъ случаяхъ уступающихъ извѣстному діэтетическому образу жизни, въ которомъ главную роль играетъ *воздѣйствіе на больной организмъ чистаго воздуха и непосредственнаго солнечнаго луча*, которому больные каждодневно подвергаются возможно-продолжительное время. Это благопріятное вліяніе солнечнаго свѣта на различные болѣзненные процессы было извѣстно уже древнимъ культурнымъ народамъ, но широкое и, намъ кажется, вполнѣ заслуженное примѣненіе этотъ способъ лѣченія получилъ только въ новѣйшее время. Подвергая вліянію солнечнаго свѣта («инсоляціи») больныя сочлененія при хроническихъ воспалительныхъ процессахъ, наблюдаютъ постепенное всасываніе выпотовъ, увеличеніе подвижности сочлененій и улучшеніе общаго питанія больныхъ. У золотушныхъ, плохоупитанныхъ дѣтей, которыхъ на югѣ часто сажаютъ въ нагрѣваемый солнечными лучами песокъ, на открытомъ морскомъ берегу, этимъ достигаютъ, если и не всегда исцѣленія, то все же улучшенія болѣзненнаго состоянія и укрѣпленія организма. Въ новѣйшее время американцы начали систематически пользоваться благотворнымъ вліяніемъ солнечнаго свѣта для поправленія выздоравливающихъ больныхъ; съ этою цѣлью на крышахъ своихъ больницъ они устраиваютъ такъ-называемый «соляріумъ»— мѣсто, съ утра до вечера освѣщаемое солнцемъ, гдѣ реконвалесценты и многіе больные въ теченіе всего дня могутъ пользоваться непосредственнымъ вліяніемъ солнечнаго луча и принимать, на ряду съ воздушными, и «солнечныя» ванны. Очевидно, что въ такихъ случаяхъ въ благотворномъ дѣйствіи солнечнаго свѣта на слабыхъ и больныхъ принимаютъ участіе и свѣтовые, и тепловые, и химически-дѣйствующіе лучи. Раздражающее, а, слѣдовательно, возбуждающее вялую, мало-энергичную дѣятельность тканевыхъ элементовъ и нервной системы вліяніе ихъ замѣтно сказывается, прежде всего, на наружныхъ покровахъ, такъ какъ подвергаемыя свѣту части кожи нерѣдко сильно загораютъ и иногда даже покрываются пузырьками; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы-

зывается къ болѣе энергичной жизнедѣятельности и весь организмъ.

Въ особенности слѣдуетъ подчеркнуть вліяніе солнечнаго свѣта на *нервную систему* и на *душевное настроеніе человѣка.* Всѣмъ извѣстно, что вѣчные туманы, покрывающіе густой пеленой многія мѣста на поверхности земного шара, вызываютъ смертельную скуку и угнетенное настроеніе духа. Продолжительной зимой на сѣверѣ, съ ея короткими днями, когда солнце еле-еле поднимается на горизонтѣ, человѣкъ томится и съ нетерпѣніемъ ждетъ весны, съ ея согрѣвающимъ сердце солнцемъ, возбуждающимъ всю природу къ новой жизни, прогоняющимъ мрачныя думы и вселяющимъ въ обиженныхъ судьбой людяхъ болѣе веселый взглядъ на все окружающее. Вообще благодѣтельное вліяніе свѣта сказывается въ подъемѣ умственной дѣятельности, въ усиленіи жизненной энергіи и въ улучшеніи физическаго самочувствія. Правда, встрѣчаются люди съ черезчуръ возбужденной нервной системой, которыхъ солнечный лучъ или вообще дневной свѣтъ раздражаютъ, тогда какъ они успокаиваются въ относительной или абсолютной темнотѣ; даже свѣтлыя лунныя или такъ-называемыя «бѣлыя» сѣверныя ночи для нѣкоторыхъ бываютъ причиной безпокойнаго, тревожнаго сна; но это все же исключенія—болѣзненныя состоянія, которыя требуютъ соотвѣтственнаго лѣченія и не могутъ заставлять насъ сомнѣваться въ благотворномъ вліяніи свѣта и солнечнаго луча на огромное большинство людей. Есть основаніе думать, что свѣтъ и темнота оказываютъ извѣстное вліяніе и на *умалишенныхъ*: меланхолики, послѣ продолжительнаго пребыванія въ темнотѣ, иногда становятся веселыми и словоохотливыми; говорятъ, что синій свѣтъ на маніаковъ дѣйствуетъ успокаивающимъ образомъ; каталептики подъ вліяніемъ краснаго свѣта приходятъ въ состояніе раздраженія, фіолетовый же свѣтъ, повидимому, ихъ утомляетъ.

Большой интересъ, съ санитарной точки зрѣнія, представляетъ *вліяніе солнечнаго свѣта на микроорганизмы*, и притомъ не только на простыхъ гнилостныхъ микробовъ, но и на тѣхъ, которые являются возбудителями заразныхъ болѣзней. Извѣстно, что въ сточныхъ водахъ, въ загрязненной рѣчной водѣ и т. п. жидкостяхъ находится огромное количество микробовъ, питающихся насчетъ разлагаемаго ими органическаго матеріала и исчезающихъ при постепенномъ самоочищеніи этихъ жидкостей, совершающемся подъ вліяніемъ естественныхъ факторовъ. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что солнечный свѣтъ способенъ умерщвлять этихъ гнилостныхъ бактерій и что его вліяніе на живущихъ въ грязной водѣ микробовъ распространяется еще на значительную глубину. Такимъ образомъ, солнечный свѣтъ является естественнымъ и довольно могучимъ дезинфицирующимъ средствомъ, при помощи котораго природа сама избавляется отъ вредныхъ, въ санитарномъ отношеніи, началъ. Особенное значеніе эта роль солнечнаго свѣта пріобрѣтаетъ потому, что, очевидно, жизнеспособность многихъ *болѣзнетворныхъ* (патогенныхъ) микробовъ уничтожается болѣе или менѣе продолжительнымъ воздѣйствіемъ на нихъ солнечнаго луча. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ стало извѣстно, что не только непосредственный солнечный лучъ, но и разсѣянный дневной свѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ, умерщвляетъ туберкулезную палочку въ 5—7 дней. Сибиреязвенныя бациллы убиваются солнечнымъ свѣтомъ въ нѣсколько часовъ; большее сопротивленіе обнаруживаютъ постоянныя споры ихъ. Холерный микробъ, будучи подвергаемъ вліянію солнечнаго луча въ теченіе 4-хъ часовъ, повидимому, теряетъ способность вызывать зараженіе («вируленцію»). Чумная бацилла, по новѣйшимъ наблюденіямъ, умираетъ подъ вліяніемъ солнца въ два дня.

Въ заключеніе упомянемъ еще о томъ, *что солнечный свѣтъ составляетъ одинъ изъ видныхъ факторовъ климата*, и что при оцѣнкѣ климатическихъ условій той или другой мѣстности необходимо принимать во вниманіе не только ходъ температуры, измѣряемой въ тѣни, но и ту теплоту, которую наша земля получаетъ отъ непосредственной инсоляціи солнечными лучами и которая измѣряется разницею въ показаніяхъ двухъ термометровъ, изъ которыхъ одинъ находится въ тѣни, а другой (съ покрытымъ копотью или вообще зачерненнымъ резервуаромъ) поставленъ на солнце. Эта разница бываетъ особенно ощутительна на высоколежащихъ мѣстахъ, въ зимнихъ климатическихъ станціяхъ въ горахъ, когда солнце сильно грѣетъ, тогда какъ температура воздуха остается низкой. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить здѣсь читателю относящіяся сюда чрезвычайно интересныя наблюденія Э. Фрэнклэнда, произведенныя надъ температурой воздуха въ тѣни, съ одной стороны, и температурой солнечныхъ лучей — съ другой, въ лежащихъ на различной высотѣ надъ уровнемъ моря мѣстахъ, при одинаковомъ стояніи солнца (60 градусовъ надъ горизонтомъ):

	Высота надъ уровнемъ моря (въ метрахъ).	Температура воздуха въ тѣни (въ град. Цельсія).	Температура солнечныхъ лучей.
Витбей . . .	20	32,2	37,8
Понтрезина	1800	26,1	44,0
Бернина . .	2330	19,1	46,4
Діаволецца .	2980	6,0	59,5

Слѣдовательно, на высотѣ 20 метровъ надъ уровнемъ моря температура солнечныхъ лучей превышала температуру воздуха въ тѣни лишь на 5 град., на высотѣ же 3,000 метровъ разница между температурой воздуха и температурой солнечныхъ лучей доходила до 53,5 градусовъ. Эта сила инсоляціи на высоколежащихъ мѣстахъ дѣлаетъ пребываніе на свѣжемъ воздухѣ больныхъ, даже съ пораженіемъ легкихъ, возможнымъ въ теченіе всей зимы, при условіи ясной погоды и отсутствія вѣтра; имъ въ значительной степени объясняется благодѣтельное вліяніе на чахоточныхъ больныхъ такихъ зимнихъ курортовъ, какъ Давосъ въ Швейцаріи и др. Въ Давосѣ температура воздуха зимой можетъ спускаться до 24—25 град. ниже нуля; но въ солнечные дни и при отсутствіи вѣтра тамъ можно обѣдать на воздухѣ даже при легкихъ морозахъ, такъ какъ въ полдень температура солнечныхъ лучей доходитъ до 40—43 град. По изслѣдованіямъ Фрэнклэнда, 30-го декабря термометръ, поставленный въ снѣгъ, показалъ — 26,4 град., воздухъ въ тѣни имѣлъ — 12,8 град., а температура солнечныхъ лучей равнялась въ полдень + 38,5 град. При этихъ условіяхъ понятно, что систематическія наблюденія надъ теплотой солнечныхъ лучей при различныхъ условіяхъ и въ различныхъ мѣстахъ заслуживаютъ особеннаго вниманія метеорологовъ и врачей.

(Продолженіе будетъ.)

Хорошенькая дурнушка.

Разсказъ **Артура Дурліакъ.**

(Съ французскаго.)

I.

— Встаньте, маркиза,—быстро сказалъ Людовикъ XV, беря за руки молодую женщину и помогая ей подняться съ колѣнъ.— Одного вашего имени было достаточно, чтобы открыть вамъ наши двери; сердце наше принадлежитъ вамъ; мы ни въ чемъ не можемъ отказать дочери храбрѣйшаго офицера и женѣ одного изъ лучшихъ нашихъ вельможъ. Говорите смѣло, чего вы желаете?

— Ваше величество,—твердо отвѣтила молодая женщина, хотя и печальнымъ голосомъ, — я прошу у вашего величества разрѣшенія покинуть дворъ и вернуться въ монастырь.

— Покинуть нашъ дворъ?! Но вы только недавно приняты при дворѣ... Какъ! Вы хотите надѣть черный монашескій вуаль, когда такъ недавно еще свадебный бѣлый вуаль украшалъ вашу головку!..

— Лучше бы я его никогда не надѣвала, — отвѣтила молодая женщина, подавляя вздохъ.

— Что вы говорите, маркиза!.. Можете ли вы пожаловаться на monsieur де-Наваля? — спросилъ ее очень благосклонно король.

— На него—не больше чѣмъ на другихъ, ваше величество.

— Можетъ-быть, вамъ не оказали должнаго уваженія?!..—съ тонко-скрытой ироніей, крайне вѣжливо проговорилъ монархъ.

— Жизнь мою разбили и омрачили надежду на счастье.

— Кто же это?

— Одна августѣйшая и священная особа, которой я вѣрноподданнѣйшая слуга: ваше величество.

— Я?!—вскричалъ король,—искренно изумленный.—Но какъ это могло случиться, скажите мнѣ, ради Бога?

— Увы, ваше величество! Одного слова, одной улыбки было бы достаточно...—на-

чала Діана де-Наваль съ очаровательно грустной миной.—Короли—отраженіе Бога; какъ Онъ — они даютъ жизнь и... смерть. Ихъ похвала — украшаетъ, ихъ порицаніе уродуетъ... а я... я—дурнушка, ваше величество.

— О, маркиза! — любезно запротестовалъ Людовикъ XV.

— Я некрасива, я это знаю; но это не моя вина; и если бы это могло зависѣть отъ меня, то я конечно бы выбрала — чтобы предстать передъ очами вашего величества—болѣе красивое лицо.

— Но ваша наружность вовсе не такъ дурна... напротивъ...

— Ваше величество слишкомъ добры! Я дурнушка, и это такъ вѣрно, что...

— Подлежитъ спору.

— Но, ваше величество, развѣ великодушно заставлять меня такъ жестоко чувствовать это?—продолжала, не смущаясь, молодая женщина.

— Я далекъ отъ чего-либо подобнаго, и вы, вѣроятно, меня плохо поняли...

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше величество.

— Тогда, значитъ, я дѣйствительно виноватъ! — отвѣтилъ король, улыбаясь этой смѣлости, которая, однако, начинала уже нравиться ему.—Отлично! виновный готовъ принести повинную! Изложите же ваши жалобы, сударыня, и прежде всего садитесь, потому что вы — мой судья.

И съ рыцарской вѣжливостью, которою онъ отличался передъ всѣми женщинами, молодыми и старыми, красавицами и уродами, горничными и принцессами, король усадилъ маркизу въ кресло, а самъ сталъ передъ ней въ почтительной позѣ.

II.

М-me де-Наваль сказала правду.

Она была дурнушка.

Но до дня ея представленія ко двору, эта некрасивая внѣшность, къ которой всѣ привыкли въ продолженіе двадцати лѣтъ, никого не шокировала; даже главное заинтересованное лицо—ея кузенъ и женихъ — Роландъ де-Наваль, офицеръ гвардіи его величества, ровно ничего не замѣчалъ.

Пресыщенный красавицами Версаля, которыхъ онъ, про себя, называлъ напыщенными куклами, Роландъ де-Наваль въ каждый свой пріѣздъ въ Бретань съ особеннымъ удовольствіемъ всматривался въ маленькій дикій цвѣточекъ, выроставшій для него въ тѣни стараго зáмка.

Діана была очень умна и очень общительна; одѣвалась со вкусомъ, и вся ея маленькая, изящная фигурка дышала молодостью, такъ что Роландъ, уже достаточно привыкшій къ ея лицу, не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія на рѣшеніе, давно уже состоявшееся у обоихъ семействъ — Діаны и Роланда, женить его.

Вскорѣ послѣ свадьбы, онъ увезъ молодую жену въ Версаль для представленія ко двору.

И вотъ, послѣ этого-то представленія, маркиза и замѣтила непріятную складку, образовавшуюся между бровей, на лицѣ своего мужа.

Въ первый еще разъ онъ былъ сердитъ, мраченъ и даже, прощаясь, забылъ поцѣловать кончики розовыхъ пальчиковъ, что было уже вдвойнѣ непростительно, потому что Діана обладала безукоризненными ручками настоящей принцессы — тонкими, нѣжными и прозрачными.

Откуда же это облако въ ясный день?— тщетно спрашивала себя m-me де-Наваль.

Кажется, все шло хорошо: ея туалетъ былъ безупреченъ, ея реверансъ заслужилъ одобреніе старой графини Эгмонтъ, которая въ этомъ дѣлѣ считалась компетентной; ничего не сдѣлано противъ этикета, никакого уклоненія отъ церемоніала...

Его величество былъ очень внимателенъ и его любезныя слова звучатъ еще и до сихъ поръ въ ушахъ молодой новобрачной:

«Мы поздравляемъ васъ, маркизъ, и вполнѣ одобряемъ вашъ выборъ; онъ подтверждаетъ вашъ девизъ: «Ничего не бояться», и мы надѣемся, что г-жа де-

Наваль станетъ украшеніемъ вашего дома и нашего двора».

Это былъ черезчуръ ужъ хорошій комплиментъ?

Но были ли еще эти слова—комплиментомъ?

Почему же тогда одинъ изъ старыхъ вельможъ, котораго звали маршаломъ де-Ришелье, поспѣшилъ скрыть двусмысленную улыбку, спрятавъ свой острый подбородокъ въ бѣлоснѣжный кружевной воротникъ?

Почему же король, встрѣтившись съ нимъ взглядомъ, тоже не удержался отъ насмѣшливой улыбки?

Почему, наконецъ, Роландъ, замѣтя эти взгляды и улыбки, сурово сдвинулъ свои брови?

III.

Увы! Тамъ, въ глубинѣ Бретани, Діана вовсе не считалась некрасивой, здѣсь же, въ Версали, это была *дурнушка*! Это слово было брошено королемъ, и имъ произнесенъ приговоръ бѣдной женщинѣ. Теперь она все поняла и горько раскаивалась, что согласилась представиться ко двору.

И за всѣмъ тѣмъ она была такъ любезно принята! Послѣ же этого рокового слова, она могла не бояться ни сплетенъ, ни клеветы, ни мужниной ревности.

— Г-жа де-Наваль безгрѣшна! — объявили самыя ядовитыя изъ придворныхъ жеманницъ.

— Наваль можетъ спать какъ убитый,—издѣвались молодые люди.

— Не смѣйтесь, господа! Слава храбрецу!.. Рѣшиться войти въ спальню m-me де-Наваль труднѣе, чѣмъ взять крѣпость!—острилъ герцогъ Ришелье, извѣстный насмѣшникъ и сплетникъ.—И я знаю только одно средство избавиться отъ некрасивой жены — это бѣгство, что я и посовѣтую де-Навалю, — продолжалъ неисправимый грѣшникъ, убѣжавшій отъ своей жены... въ Бастилію.

Всѣ эти пересуды дошли до ушей маркиза, и онъ отплатилъ шутникамъ здоровыми ударами шпаги.

Но его самолюбію была нанесена тяжелая рана, которая не скоро залѣчивается. Онъ сталъ мраченъ, разсѣянъ, молчаливъ и почти пересталъ разговаривать со своей молодой женой.

Діана не жаловалась. Она была слишкомъ горда, чтобы выказать свои страданія, и слишкомъ упряма, чтобы уступить безъ борьбы. Достаточно умная, она скоро поняла причину своего безвыходнаго положенія и, рѣшившись на отчаянный поступокъ, пошла къ королю, разсказала ему въ чемъ дѣло; она настаивала на томъ, что изъ-за него потеряла свое счастье, и требовала, чтобы онъ же и помогъ ей вернуть его. Эта дерзость и смѣлость удивила и заинтересовала короля.

Хотя Діана была и некрасива, но имѣла очень пикантное личико, съ выразительными, очень тонкими и нѣжными чертами, живыми, искрящимися глазами и хитрой улыбкой; кромѣ всего этого она обладала и обаятельнымъ голосомъ.

Ко всему этому ея маленькая фигурка еще вмѣщала въ себѣ большую силу воли. Она упрямо шла къ тому, чего хотѣла добиться.

Король, съ присущей ему снисходительностью, выслушалъ ея смѣлыя обвиненія, скромно призналъ себя глубоко виноватымъ и предложилъ исправить свою вину, сдѣлавъ строгій выговоръ упрямому и неразумному мужу.

— Ваше величество такимъ образомъ не вернете мнѣ его, а заставите только меня возненавидѣть,—лицемѣрно вздохнула хитрая женщина.—Любовь не приходитъ по заказу, и даже всемогущество короля не въ состояніи помочь мнѣ вернуть сердце, которое похищено у меня его презрѣніемъ.

— А можетъ-быть, маркиза. Копье Ахилла вылѣчивало раны, которыя нано-

сило... и если бы вы захотѣли помочь мнѣ?..

И король начерталъ ей планъ дѣйствій; слушая его, маркиза краснѣла и опускала глаза.

— Но, ваше величество, я боюсь...

— За вашу репутацію?

— И за вашу, ваше величество; начнутъ сомнѣваться въ вашемъ вкусѣ.

— Вкусъ короля всегда внѣ сомнѣнія въ глазахъ его подданныхъ,—сказалъ монархъ съ чуть презрительной улыбкой.— Что касается меня—я боюсь другого...

— Чего, ваше величество? — наивно удивилась маркиза.

— Обжечь пальцы, играя съ огнемъ!

IV.

— У меня есть нѣчто очень пріятное, касающееся васъ, мой милый маркизъ.

— Я жду приказаній, ваше величество,—отвѣчалъ де-Наваль, который былъ позванъ къ королю, послѣ продолжительной аудіенціи его жены у короля.

И уже въ его воображеніи рисовалась Бастилія.

— Это тяжелая жертва для молодого мужа...

«Начинается»—подумалъ маркизъ.

— Да еще увлеченнаго, какимъ вы, несомнѣнно, должны быть,—невозмутимо продолжалъ король.

Роландъ состроилъ гримасу.

— Итакъ, супруга дофина выразила непремѣнное желаніе сдѣлать вашу жену своей статсъ-дамой, а я, какъ вы знаете, ни въ чемъ не могу отказать моей прелестной невѣсткѣ.

— Ваше величество, такая честь...

— Вы лишитесь общества вашей жены, маркизъ, но мы васъ вознаградимъ за это: первый вакантный полкъ... гдѣнибудь въ провинціи...

Роландъ вышелъ отъ короля болѣе озабоченнымъ, чѣмъ онъ хотѣлъ самъ себѣ въ этомъ сознаться. Видимая холодность короля не укрылась отъ него, неожиданныя милости, упавшія на голову его жены и его собственную, не особенно его радовали. И онъ шелъ, раздумывая надъ послѣдними словами монарха: «вознаградимъ».

За что?

Полкъ... въ провинціи...

Его хотятъ удалить?

Но почему?

Безумная мысль мелькнула въ его головѣ, но онъ тотчасъ же ее отогналъ.

«Діана?..

Можно ли допустить?

Никогда!!»

— Послушай, мой бѣдный Наваль,— взявъ маркиза подъ руку, заговорилъ одинъ изъ придворныхъ,—ты вышелъ отъ короля такимъ убитымъ; ужъ не заставляетъ ли тебя жена быть съ ней ласковымъ... и водворяетъ при помощи короля права супружества?

— Вовсе нѣтъ, мой милый,—отвѣтилъ съ напускнымъ равнодушіемъ маркизъ,— его величество назначаетъ мою жену статсъ-дамой къ ея высочеству, а мнѣ... мнѣ дали полкъ.

— Вотъ какъ!—вскричалъ пораженный царедворецъ, вдругъ особенно низко кланяясь.—Въ такомъ случаѣ прими мое сердечное поздравленіе. . ты должно-быть очень доволенъ?

— Я, въ восторгѣ,—замогильнымъ голосомъ отвѣтилъ Роландъ.

V.

У короля былъ интимный вечеръ, и всѣ замѣтили, что его величество оказываетъ особенное вниманіе новой статсъ-дамѣ.

Онъ не спускалъ съ нея глазъ, обращеніе его съ ней было довольно фамильярно, и онъ смѣялся и веселился какъ молодой человѣкъ.

Всѣ стали перешептываться и уже называть Діану фавориткой короля-солнца и въ то же время заискивать у нея.

Маршалъ Ришелье, который былъ такъ надмененъ и насмѣшливъ въ день представленія Діаны ко двору, теперь низко

сгибался передъ ней и осыпалъ ее своими цвѣтистыми мадригалами.

Мужчины открывали въ ней тысячи до сихъ поръ скрытыхъ достоинствъ, много очарованія и прелести.

Женщины находили у нея милліонъ недостатковъ, и ихъ поджатыя губы вѣрнѣе всего свидѣтельствовали о ея успѣхѣ.

Что же касается Роланда, то, озлобленный и раздраженный, онъ молча сдерживалъ свою досаду; напрасно старался онъ протискаться сквозь кружокъ придворныхъ, плотно обступавшихъ маркизу.

Между тѣмъ вѣдь это была его жена! По какому праву осмѣливались они похитить у него его сокровище? И у маркиза являлось бѣшеное желаніе увести свою жену отсюда, куда-нибудь далеко-далеко. Онъ совсѣмъ забылъ, что еще недавно относился къ ней съ презрительнымъ равнодушіемъ; теперь Діана въ его глазахъ,—какъ, впрочемъ, и въ глазахъ всего двора,—казалась очень миленькою и была ему очень дорога; и былая любовь вспыхнула снова, но еще съ большей силой и страстью. Между тѣмъ, онъ долженъ былъ удовольствоваться свирѣпыми взглядами, которые кидалъ на жену, непонятной мимикой, разрываніемъ кружевъ на своихъ манжетахъ и тому подобными безумствами.

Все это, видимо, радовало и забавляло Діану, но она дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и отвѣчала на ухаживанья короля непринужденно, но съ достоинствомъ.

Такъ продолжалось цѣлую недѣлю, и бѣдный маркизъ не имѣлъ возможности даже переговорить со своей молодой женой.

Онъ уже сталъ обвинять Діану въ измѣнѣ и честолюбіи, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ получилъ приказъ немедленно отправиться съ полкомъ въ Страсбургъ.

Разстроенный, удрученный сомнѣніями, де-Наваль принужденъ былъ дѣлать прощальные визиты, выслушивать любезности и, наконецъ, самому приносить сердечную благодарность королю за оказанное ему... «вознагражденіе» и... уѣхать, обмѣнявшись съ женой холоднымъ поклономъ и равнодушнымъ реверансомъ.

VI.

— Положительно, m-r де-Наваль не любитъ васъ такъ, какъ вы достойны быть любимы, маркиза,—сказалъ Діанѣ де-Наваль Людовикъ XV отеческимъ тономъ.

— Увы, ваше величество, я этого боюсь.

— А я... я на это надѣюсь!

— О, ваше величество!..

— Покориться такъ легко... отказаться безъ сожалѣнія отъ такого сердца, какъ ваше... это значитъ не цѣнить, не понимать...

— Но что же могъ онъ сдѣлать, ваше величество? Развѣ онъ могъ ослушаться приказа государя...

— Позвольте, маркиза! Человѣкъ, дѣйствительно влюбленный, рѣшится для любимаго человѣка на все. И на мѣстѣ де-Наваля *я* бы на первой же станціи перемѣнилъ лошадь и вернулся назадъ, въ Версаль.

— И... въ такомъ случаѣ ваше величество простите его?

— Онъ никогда не осмѣлится!..

— Я не говорю этого, но... если бы... все-таки...

— Какъ честный человѣкъ, маркиза, я не знаю... Искушеніе было бы слишкомъ велико.

— Вы смѣетесь, ваше величество!

— Нимало, сударыня, я говорю такъ же серьезно, какъ и искренно.

— Но, государь, вспомните ваше первое впечатлѣніе: оно было вѣрно!..

— Я ничего другого не хочу помнить, кромѣ того, что вы обворожительны и я обожаю...

— Государь! Все это не что иное, какъ любезная шутка... вы мнѣ обѣщали...

— Возвратить васъ вашему мужу, по первому его требованію? Но онъ не требуетъ, маркиза, онъ уѣзжаетъ безъ огляд-

ки, безъ возраженія, безъ строчки письма... Воспользуемся же этимъ...

Діана теперь увидала, что сама опрометчиво кинулась въ пасть волка, но, будучи ловкой и рѣшительной, она скрыла свой испугъ подъ очаровательной улыбкой и проговорила, опустивъ глазки и чуть краснѣя:

— Я васъ прошу, ваше величество, позволить мнѣ подождать моего мужа, столько *дней*, сколько *лѣтъ* ждала Пенелопа своего Улисса.

— Но если онъ, по прошествіи этого срока... не вернется?..

— Тогда, ваше величество, можете убѣдиться...

— Вы прелестны!

— Только, государь, будемъ играть въ открытую, не правда ли? И, если онъ вернется... вы его не наградите... Бастиліей?

— Даю вамъ мое слово,—отвѣтилъ Людовикъ XV, и, послѣ минутнаго раздумья, про себя прибавилъ:

«Онъ не осмѣлится!»

VII.

Но маркизъ осмѣлился.

Вернувшись потихоньку и спрятавшись въ окрестностяхъ Версаля, онъ послалъ своей женѣ записку, прося у нея, ради ея чести и его любви, назначить ему свиданіе.

И вотъ, на колѣняхъ у ногъ своей жены, цѣлуя ея руки и осыпая ее страстными ласками, Роландъ умоляетъ ее бѣжать отъ опасной любви короля.

— Но, мой милый другъ, вы съ ума сошли!—смѣется Діана.—Любовь короля! Я, такая дурнушка, такой уродъ? Я, которая даже сомнѣвалась въ вашей любви, могу понравиться королю?..

— Не сомнѣвайтесь, Діана, я васъ люблю; ради васъ не побоялся я Бастиліи, и не боюсь ни изгнанія, ни даже смерти. Я васъ люблю!—искренно говорилъ Роландъ.

Діана слушала его, счастливая, исподтишка смѣясь мужской измѣнчивости и суетѣ людской; вскорѣ между мужемъ и женой водворились миръ и согласіе.

. . . .

На другой день король, проснувшись, нашелъ записку, очень ловко составленную, въ которой описывалось все случившееся и напоминалось обѣщаніе не преслѣдовать виновнаго; записка была подписана «Пенелопа».

— Ахъ, маленькая плутовка!—вскричалъ Людовикъ, прочтя эту записку.—Она обошла насъ обоихъ!

Но такъ какъ это былъ очень ужъ добрый король, то онъ и простилъ «хорошенькую дурнушку».

Что же касается Роланда де-Наваль, то онъ никогда не узналъ правды.

* * *

Въ кудряхъ каштановыхъ моихъ
Есть много прядей золотистыхъ,—
Видѣній дѣвственныхъ и чистыхъ
Въ моихъ мечтаньяхъ огневыхъ.

Слилось во мнѣ сіянье дня
Со мракомъ ночи безпросвѣтной,
Мнѣ милъ и солнца лучъ привѣтный,
И шорохъ тайнъ манитъ меня.

И суждено мнѣ до конца
Стремиться вверхъ, скользя надъ бездной,
Въ туманѣ свѣтъ провидя звѣздный
Изъ звѣздъ сплетеннаго вѣнца.

М. Лохвицкая.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки **Р. И. Сементковскаго.**

Есть беллетристическія произведенія, художественная несостоятельность которыхъ бросается въ глаза и которыя, тѣмъ не менѣе, васъ привлекають. Вы видите, какъ плохо авторъ справляется съ своею задачею, какъ тускло очерчены его герои, какъ элементарны его художественные пріемы, и, тѣмъ не менѣе, вы читаете его произведеніе до конца. Мало того, оно васъ мѣстами захватываетъ, мѣстами даже, можетъ-быть, умиляетъ. Какъ это объяснить? Объясняется это очень просто. То, что пережилъ авторъ, пережили и вы; то, что имъ такъ неумѣло набросано, затрогиваетъ въ васъ струны, нѣкогда сильно звучавшія, а можетъ-быть и звучащія до сихъ поръ. Тутъ одного бѣглаго намека, безыскусственно брошенной мысли иногда достаточно, чтобы воскресить въ вашей памяти много дорогихъ или мучительныхъ воспоминаній, оживить умершее, покрыть зеленѣющею листвою засохшее уже дерево...

Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ повѣсть г-жи Николаевой *Молодые всходы старой полосы* (*Русс. Бог.*, №№ 1 и 2). Авторъ, правда, владѣетъ перомъ, но не болѣе, чѣмъ всякій литературный труженикъ, много писавшій на своемъ вѣку; художникомъ его назвать нельзя. Мы даже сомнѣваемся, чтобы онъ вообще могъ «творить»; онъ можетъ только вспоминать или описывать то, что самъ пережилъ или видѣлъ. Какъ художникъ, онъ дѣлаетъ элементарные промахи. Люди у него по цѣлымъ часамъ сидятъ на одномъ мѣстѣ и размышляютъ; прежде чѣмъ сказать какую-нибудь незначительную фразу, они предаются безконечнымъ воспоминаніямъ; захотятъ ли они дѣйствовать—получается новый рядъ воспоминаній; гдѣ бы они ни были, что бы ни говорили или ни дѣлали, они все предаются воспоминаніямъ. Прошедшее и настоящее вслѣдствіе этого до того сливаются, что вся повѣсть производитъ впечатлѣніе чего-то двойственнаго, и то, что можно было разсказать на двухъ страницахъ, разсказывается на десяти. Характеристики шаблонны или мучительно однообразны. Такъ, напримѣръ, у всѣхъ дѣтей, выведенныхъ въ повѣсти,—симпатичны они или не симпатичны, сочувствуетъ ли имъ авторъ или не сочувствуетъ, — и взглядъ, и улыбка, и слезы, и мысли, и походка, и задумчивость,—все это «не дѣтское»: и говорятъ они, и смѣются, и плачутъ, и думаютъ «не по-дѣтски». Такое впечатлѣніе производятъ на самого автора его дѣти; зато его взрослые производятъ на читателя иногда впечатлѣніе дѣтей. Понятно, что все это расхолаживаетъ читателя; тѣмъ не менѣе, повѣсть читается съ интересомъ.

Можетъ-быть, мы слишкомъ обобщаемъ. Найдутся читатели, которые пробѣгутъ ее равнодушно, но мы убѣждены, что это будутъ не такіе читатели, которые сами пережили время, описываемое авторомъ. Правда, ряды этихъ читателей быстро рѣдѣютъ, потому что повѣсть г-жи Николаевой относится къ давно минувшему времени, къ концу 50-хъ, началу 60-хъ годовъ. Какъ далеко уже то время, но какъ оно въ то же время близко сердцу всѣхъ людей, переживішихъ его вмѣстѣ съ авторомъ, или по своему умственному складу подходящихъ къ той эпохѣ,—эпохѣ пылкихъ порывовъ, свѣтлыхъ ожиданій, розовыхъ надеждъ, бурнаго натиска. Она до сихъ поръ соблазняетъ умы, но какъ сильно воспоминаніе о ней должно волновать тѣхъ, кто тогда уже жилъ болѣе или менѣе сознательною жизнью!

Главный герой повѣсти — старый русскій морякъ, закаленный въ бою, честный до мозга костей, рыцарь безъ страха и упрека. Онъ ведетъ дѣятельную борьбу съ хищеніями и злоупотребленіями, столь распространенными въ его время; онъ кривить душою не умѣетъ, въ сдѣлки съ совѣстью не вступаетъ, подчиненные ему дороже начальства, интересы «матросиковъ» онъ оберегаетъ больше своихъ собственныхъ. У этого стараго, симпатичнаго морского волка есть сынъ, тоже морякъ. Это—его сынъ не только по крови, но и по духу. Но отецъ жилъ въ одно время, сынъ — въ другое. Юность послѣдняго совпала съ зарею новой жизни. На «старой полосѣ» неизбѣжно должны были появиться «новые всходы», новая жизнь — возникнуть на развалинахъ старой, говоря словами Гёте. Значитъ, автора занимаетъ вопросъ о преемственности между старой и новой жизнью, а вмѣстѣ съ тѣмъ повѣсть

его пріобрѣтаетъ и нѣкоторое значеніе для тѣхъ, кого съ далекимъ прошлымъ не связываютъ воспоминанія, но кто желаетъ себѣ уяснить, какъ произошелъ этотъ, повидимому столь рѣзкій скачокъ русскаго общества изъ «желѣзнаго вѣка» въ «вѣкъ освободительный».

Къ сожалѣнію, эта сторона вопроса довольно слабо освѣщена въ повѣсти г-жи Николаевой: авторъ менѣе размышляетъ или анализируетъ, чѣмъ вспоминаетъ. Но насколько простыя личныя воспоминанія могутъ разъяснить вопросъ, повѣсть кое-что выясняетъ. Подчеркнемъ одно особенно характерное въ этомъ отношеніи мѣсто. «Молодого Палицына (сына стараго моряка) не тянуло къ ученой карьерѣ. Университетъ его соблазнялъ вслѣдствіе наивной и пылкой надежды узнать всю — не менѣе, какъ всю — истину жизни... Вотъ оно самое мучительное, — не знать, гдѣ правда, какъ жить... Какъ быть гражданиномъ, не зная, въ чемъ правда?.. Наука отвѣтитъ ему на все. Она укажетъ, какъ этотъ проклятый хаосъ пересоздать въ человѣческую жизнь. Наука!.. Студенты смѣются надъ иными жрецами ея, зовутъ авгурами отъ науки. Или накопить денегъ и съѣздить въ Лондонъ къ Искандеру? Юноша слышалъ о немъ самые фантастическіе отзывы и прочелъ кое-что изъ его статей въ нелѣпо искаженныхъ спискахъ. Ночи напролетъ просиживалъ онъ, перечитывая то Искандера, то Аксакова и Хомякова, сличая, сравнивая. Въ головѣ поднялся хаосъ. Юношѣ казалось, что мозгъ его рвутъ на двѣ части... Онъ не видѣлъ выхода изъ лабиринта перекрещивавшихся мыслей, противорѣчивыхъ аргументовъ... Отъ словъ Искандера по тѣлу юноши пробѣгалъ трепетъ и, несмотря на ужасъ, юноша чуялъ въ немъ силу, которая влекла его неодолимо. Что это за человѣкъ? Можетъ-быть, онъ скажетъ слово, разрѣшающее всѣ муки сомнѣнія, слово, яркимъ свѣтомъ освѣщающее пути жизни»...

Отецъ Искандеромъ не соблазнялся и въ университетскую науку плохо вѣрилъ. Его жизненнымъ правиломъ, святая святыхъ его души было—твердо стоять на своемъ посту и добиваться, не щадя собственнаго живота, правды въ рамкахъ созданныхъ вѣками условій, постепенно ихъ измѣняя и совершенствуя. Онъ былъ убѣжденъ, что, если бы побольше такихъ людей, какъ онъ, жизнь сдѣлалась бы неузнаваема; невластный надъ другими, онъ, по крайней мѣрѣ, самъ не уклонялся ни на шагъ отъ своего общественнаго долга.

Сынъ же его рѣшилъ вступить на другую дорогу. Пренебрегая «ближайшими причинами» безотрадной, на его взглядъ, дѣйствительности, онъ хотѣлъ искать спасенія у Искандера или въ наукѣ, истинное значеніе которой онъ себѣ не уяснялъ, отождествляя ее съ какимъ-то «спасительнымъ словомъ», которое сразу должно «разсѣять всѣ муки сомнѣнія». Такимъ образомъ, преемственность между отцомъ и сыномъ была порвана. Два міровоззрѣнія столкнулись; они до сихъ поръ ведутъ между собою борьбу,— и спрашивается, которое изъ нихъ окончательно восторжествуетъ?

Теперь, на разстояніи сорока лѣтъ, вѣра въ какія-то спасительныя слова, яркимъ свѣточемъ освѣщающія пути жизни, сильно поколеблена. Сколько у насъ было уже пророковъ, но всѣ они обманули возлагавшіяся на нихъ надежды, да и не могли не обмануть, потому что ни одинъ мыслитель, какъ ни обширенъ его умъ, не въ состояніи обнять всю сложность жизненныхъ явленій: онъ можетъ только помочь до извѣстной степени въ нихъ разобраться, но произнести «спасительное слово» онъ не можетъ, потому что смертному истины знать не дано, какъ не дано ее и знать совокупности мыслителей, т.-е. наукѣ. Всякій человѣкъ самъ долженъ избрать себѣ жизненный путь, и благо ему, если онъ не пренебрегаетъ въ этомъ дѣлѣ указаніями науки, обнимающей собою опытъ и мысль всѣхъ временъ и народовъ; но никогда ему не слѣдуетъ забывать, что жизнь представляетъ безконечное разнообразіе, постоянно измѣняется, идетъ впередъ и что безъ самостоятельной дѣятельности, безъ самостоятельнаго мышленія, направленныхъ къ тому, чтобы разобраться въ жизненныхъ явленіяхъ даннаго времени и мѣста, спасенія нѣтъ. По рецепту, кѣмъ бы онъ ни былъ прописанъ, жить нельзя. Всякое время имѣетъ свою злобу, всякая страна имѣетъ свои несовершенства, свои задачи, и только общество, которое самостоятельно ихъ разрѣшаетъ, которое состоитъ изъ людей, умѣющихъ самостоятельно дѣйствовать и мыслить, можетъ съ успѣхомъ разрѣшать спеціальныя задачи времени и мѣста и этимъ содѣйствовать общему разрѣшенію культурныхъ задачъ всего человѣчества.

Теперь это многіе у насъ поняли; но въ то переходное время отъ «желѣзнаго вѣка» къ «освободительной эпохѣ» молодежь искренно вѣрила, что «пророки», разрѣшающіе всѣ жизненныя сомнѣнія—возможны. Спросъ на нихъ былъ великъ, и они нарождались въ большомъ числѣ.

Остановимся, для примѣра, на одномъ изъ этихъ пророковъ, пользуясь интересною статьею *М. А. Бакунинъ въ Италіи въ 1864 г.* (*Истор. Вѣстн.*, № 3). Это —

воспоминанія отца нашего извѣстнаго ученаго г. Мечникова, Л. И. Мечникова. Онъ также искалъ «спасительнаго слова» и надѣялся его найти у Бакунина. И, замѣтимъ кстати, авторъ воспоминаній, очевидно, такъ и разстался съ Бакунинымъ, сохраняя высокое мнѣніе о немъ. Но вотъ что онъ, между прочимъ, разсказываетъ. Засталъ онъ Бакунина во Флоренціи. Вокругъ него всего «тѣснѣе группировались люди, у которыхъ своего дѣла было мало, которыхъ влекло къ нему любопытство, если не грязненькое желаніе поудить рыбу въ той водѣ, которую Бакунинъ сильно возмущалъ всюду, гдѣ только ни появлялся. Это были отставные гарибальдійцы, сомнительные адвокаты, вообще люди безъ дѣла, безъ убѣжденій, замѣняющіе все это одними только, не совсѣмъ понятными имъ самимъ, но очень радикальными вожделѣніями и стремленіями». Они не знали иностранныхъ языковъ, а Бакунинъ только къ концу своихъ дней научился съ грѣхомъ пополамъ говорить по-итальянски.» «Я и тогда,—продолжаетъ авторъ:—недоумѣвалъ и недоумѣваю теперь, что̀ могло казаться Бакунину хоть признакомъ дѣла въ этой своеобразной и чуждой намъ средѣ? Учить ихъ агитаціи и конспираціи значило—ковшомъ лить воду въ море, такъ какъ самый наивный изъ нихъ могъ смѣло заткнуть за поясъ Михаила Александровича со всѣмъ его штабомъ и причтомъ. На его вечерахъ рѣдко удавалось два раза сряду видѣть одно и то же лицо. Бакунинъ самъ косился на своихъ гостей и предупреждалъ, что ему необходимо видать ихъ и якшаться съ ними ради успѣха какого-то загадочнаго конспираціоннаго предпріятія. На слѣдующей недѣлѣ о прежнемъ корифеѣ не было уже и помину. Хорошо, если онъ исчезалъ безслѣдно, но часто случалось, что исчезновенію предшествовалъ болѣе или менѣе крупный скандалъ». Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ и другія лица, кромѣ автора, являвшіяся къ Бакунину, чтобы услышать «спасительное слово», уѣзжали изъ Флоренціи глубоко разочарованныя. Они выносили убѣжденіе, что Бакунинъ любитъ революцію изъ-за революціи, что онъ, въ сущности, не преслѣдуетъ никакихъ ясныхъ цѣлей, что онъ всецѣло подчиняется своей страсти мутить воду, и что было бы совершенно напрасно искать у него какихъ бы то ни было опредѣленныхъ идеаловъ.

Но издали все это представлялось въ совершенно иномъ свѣтѣ, и Бакунинъ создалъ школу людей, протестовавшихъ изъ-за любви къ протесту: маленькихъ Бакуниныхъ развилось у насъ видимо-невидимо, какъ и людей, выдвигавшихъ ту или другую отвлеченную теорію безъ всякаго точнаго приложенія къ жизни. Обратимся теперь къ другимъ воспоминаніямъ. Это уже воспоминанія человѣка, прямо аттестующаго себя человѣкомъ «увлекающимся», и хотя они и написаны въ формѣ беллетристическаго произведенія, но, въ сущности, вѣроятно, тутъ въ общемъ вымысла мало. Мы говоримъ объ очеркѣ г. Сторожевскаго *Охрименко* (*Нов. Слово*, № 5). Вкратцѣ сюжетъ его таковъ. Перенесемся опять въ эпоху бурнаго натиска, когда гимназисты увлекались Писаревымъ. Партія ихъ, обучавшаяся въ провинціальной гимназіи, ѣдетъ въ столицу, въ университетъ, чтобы выработать изъ себя «мыслящихъ реалистовъ». Средствъ у нихъ никакихъ, и по дорогѣ даже оказывается, между горячими, шумными спорами объ Адамѣ Смитѣ, Бёрне, Лассалѣ, Мальтусѣ, что и доѣхать до столицы не на что. Тутъ Охрименко, одинъ изъ бывшихъ гимназистовъ, проявляетъ недюжинныя практическія способности и устраиваетъ въ провинціальномъ городкѣ спектакль, который даетъ всей компаніи необходимыя денежныя средства. Все это разсказано очень недурно, съ тѣмъ юморомъ, съ какимъ добродушные люди вспоминаютъ объ юношескихъ своихъ проказахъ.

Но вотъ проходитъ двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ. Бывшую компанію разметала и разбросала жизнь: многихъ прямо выбросила изъ колеи, другихъ уложила въ тѣсныя рамки, третьихъ поманила призраками. Самому разсказчику суждено было сдѣлаться чиновникомъ съ достиженіемъ даже «степеней извѣстныхъ». Какъ-то онъ получаетъ служебную командировку въ Астрахань и, попавъ туда, онъ узнаетъ, что на какомъ-то безымянномъ островкѣ, образуемомъ мелкими волжскими рукавами, отличная охота. Такъ какъ разсказчикъ — самъ страстный охотникъ, то онъ и отправляется на островъ, и тутъ, спасаясь отъ жары, попадаетъ въ благоустроенный домикъ, среди благоустроеннаго же хозяйства, и къ великому его изумленію, хозяиномъ оказывается давно потерянный имъ изъ виду Охрименко. Что же онъ тутъ дѣлаетъ? Какъ его забросила сюда судьба? Путемъ какихъ превращеній бывшій «мыслящій реалистъ» преобразился въ своеобразнаго помѣщика на безыменномъ островѣ, вдали отъ всѣхъ благъ цивилизованнаго міра?

Между бывшими товарищами завязывается разговоръ, который все это разъясняетъ. Метался Охрименко много и по бакунинскому, и по другимъ рецептамъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что онъ «истерзался, надломилъ силы, измочалилъ душу». Ему страстно захотѣлось опять «стать человѣкомъ», жить и работать

разумно, спокойно и, главное, безъ людей, отдѣльно отъ нихъ, но такъ, чтобы «каждая жилка твоя трепетала въ сознаніи, что и ты не лишній, что и ты своимъ трудомъ, и мускульнымъ, и нервнымъ, вносишь долю пользы въ общее міровое дѣло». Далѣе оказывается, что онъ — врагъ всякихъ теорій, отвлеченностей, построенныхъ на схоластическихъ «правдахъ», «кривдахъ», «непротивленіяхъ злу» и проч. Все это ему представляется мистикой, сознаніемъ своего безсилія; не вѣритъ онъ и въ опрощеніе, въ полезность труда «баричей, набаловавшихся въ свое время въ волю и придумавшихъ себѣ новую блажь». Это—только подражаніе, и притомъ всегда подражаніе безтолковое. Ненавидитъ онъ и наше интеллигентное общество или, по крайней мѣрѣ, не чувствуетъ къ нему никакого влеченія. Въ самомъ дѣлѣ, если имѣть свое міросозерцаніе, свой взглядъ на вещи, если внутри человѣка есть нѣчто свое собственное, то зачѣмъ ему интеллигентное общество, которое смотритъ на вещи «чужими глазами»; зачѣмъ эта стая живыхъ существъ, «повторяющая безъ толку и смыслу заученные или полученные извнѣ *циркуляры?*»

Такимъ образомъ, вполнѣ разочаровавшись во всѣхъ этихъ циркулярахъ бакунинскаго или иного происхожденія, которыми живетъ русское интеллигентное общество, разочаровавшись и въ самомъ этомъ обществѣ, Охрименко удалился въ глушь, обучаетъ тамъ небольшую кучку рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ разнымъ мастерствамъ и грамотѣ, увеличивающимъ ихъ матеріальное благосостояніе и духовное благополучіе, и на вопросъ: счастливъ ли онъ, — отвѣчаетъ: «Да, я счастливъ, если подъ счастьемъ понимать такое состояніе человѣка, когда онъ имѣетъ свой внутренній мірокъ, доволенъ своею дѣятельностью, трудится съ любовью и глубоко сознаетъ, что его трудъ осмысленъ, полезенъ и не пропадаетъ безслѣдно».

И такъ, Охрименко выбросилъ за бортъ всѣхъ «пророковъ», отрекся отъ всякихъ «циркуляровъ», т. е. заученныхъ или полученныхъ извнѣ теорій, и живетъ самостоятельно, удовлетворяя ближайшимъ и непосредственнымъ требованіямъ жизни. Что же это такое? Да вѣдь это возвращеніе къ идеалу стараго моряка въ повѣсти г-жи Николаевой, съ тою только разницею, что тотъ не уединялся на какомъ-то безыменномъ островѣ, не окружалъ себя фантастическою обстановкою, не чуждался общества, не чувствовалъ себя безсильнымъ предъ нимъ, а жилъ, какъ всѣ, среди людей и смѣло вступалъ съ ними въ борьбу, защищая общественную правду, исполняя свой общественный долгъ.

Но какъ бы то ни было, разобранный нами очеркъ довольно мѣтко указываетъ на одинъ изъ дальнѣйшихъ фазисовъ нашего міросозерцанія, наступившій послѣ фазиса увлеченія отвлеченностями, построенными на схоластическихъ «правдахъ» и «кривдахъ», на разныхъ заученныхъ и полученныхъ извнѣ «циркулярахъ».

Обратимся теперь къ третьему фазису, на который не менѣе мѣтко указываетъ намъ г. Боборыкинъ въ своей повѣсти *Милліоны* (*Русская Мысль*, № 2). Герой этой повѣсти — купеческій сынъ, Захаръ Кузьмичъ Фокинъ. Онъ—представитель милліоннаго наслѣдства: отецъ его владѣетъ въ Москвѣ и подъ Москвою амбарами, домами, фабриками и, кромѣ того, имѣетъ значительный капиталъ. Дни его сочтены. Онъ дѣйствительно умираетъ, и Захаръ Кузьмичъ становится собственникомъ громаднаго состоянія. Но душа его къ нему не лежитъ, и онъ уже готовъ отказаться отъ наслѣдства, сохранивъ за собою лишь ничтожную часть его, какъ вдругъ обстоятельства складываются такъ, что онъ не только отъ него не отказывается, но спѣшитъ вступить въ права полновластнаго хозяина.

Вотъ эти-то обстоятельства, при которыхъ происходитъ переломъ въ душѣ Захара Кузьмича, и придаютъ особенный интересъ новѣйшему произведенію г. Боборыкина.

Почему же Захаръ Кузьмичъ хотѣлъ отказаться отъ милліоннаго своего наслѣдства, и почему онъ въ рѣшительный моментъ, когда отецъ его умеръ, одумался? Повѣсть г. Боборыкина находится въ тѣсной идейной связи съ разобранной нами въ прошломъ нашемъ очеркѣ драмою Вл. Немировича-Данченко *Цѣна жизни*. Онѣ сливаются въ общемъ вопросѣ, неоднократно и нами затронутомъ, о взаимномъ воздѣйствіи народа и интеллигенціи въ той средѣ, гдѣ они ближе всего сталкиваются, какъ свободные, ничѣмъ не связанные элементы. Я имѣю въ виду среду купеческую, постепенно перерождающееся подъ вліяніемъ просвѣщенія «темное царство». Демуринъ, въ драмѣ г. Немировича-Данченко, образованія особеннаго не получилъ, но братъ его — интеллигентный человѣкъ, и женился Демуринъ на интеллигентной дѣвушкѣ. Какъ помнятъ читатели, вслѣдствіе внутренняго перерожденія самого Демурина и его жены Анны, единеніе между купечествомъ и интеллигенціею въ концѣ концовъ даетъ очень благой результатъ. Громадная фабрика «Евдокіи Демуриной съ сыновьями» перестаетъ управляться при помощи архаическихъ пріемовъ, разсчитанныхъ на эксплоатацію рабочаго

люда и потребителя. Г. Боборыкину принадлежитъ заслуга и честь возбужденія этого важнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ купечества и интеллигенціи въ его капитальномъ романѣ *Китай-городъ*, теперь хорошо извѣстномъ и читателямъ *Нивы*. Въ этомъ смыслѣ онъ прямо продолжаетъ дѣло, начатое великимъ нашимъ драматургомъ Островскимъ. Сильно видоизмѣнилась среда, изображенная кистью незабвеннаго художника: измѣнилось купечество, но измѣнилась и интеллигенція. Надо было выяснить, въ чемъ выразились эти измѣненія, и г. Боборыкинъ сдѣлалъ это въ очень яркихъ образахъ, подавъ своимъ романомъ сигналъ къ цѣлому ряду работъ въ этомъ направленіи, каковы работы болѣе молодыхъ беллетристовъ: гг. Чехова, Вас. и Вл. Немировича-Данченко и др. Кто хочетъ уяснить себѣ взаимныя отношенія между народными элементами и интеллигенціею въ этой сферѣ свободнаго ихъ общенія, и кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, хочетъ составить себѣ ясное представленіе объ этой важной сторонѣ русской дѣйствительности, тотъ долженъ съ большимъ вниманіемъ относиться къ подобнымъ произведеніямъ г. Боборыкина.

Въ его повѣсти *Милліоны* выведенъ сынъ богатой московской купеческой семьи, рѣшительно и, повидимому, окончательно примкнувшій къ интеллигенціи. Захаръ Кузьмичъ Фокинъ до такой степени проникся интеллигентными злобами, что не только матеріальное, но и духовное наслѣдіе его родителей и предковъ сдѣлалось для него совершенно чуждымъ. Но это — натура болѣе глубокая, которая не можетъ довольствоваться внѣшними сторонами интеллигентной жизни: его душа жаждетъ сознательной жизненной цѣли. Благодаря полученному имъ тщательному образованію, онъ порываетъ со средою, въ которой родился, и все болѣе и болѣе начинаетъ интересоваться наукою. Его прельщаютъ главнымъ образомъ историческія знанія, и онъ всецѣло предается «наукѣ для науки». Авторъ насъ знакомитъ съ своимъ героемъ въ тотъ моментъ, когда онъ заходитъ въ Сорбонну, чтобы встрѣтиться тамъ съ своимъ пріятелемъ. Публика, собравшаяся послушать моднаго профессора, вызываетъ въ немъ чувство брезгливости,—такъ далеко онъ ушелъ отъ лженаучныхъ знаній, такъ сильно пристрастился къ настоящей наукѣ. Не только общедоступныя лекціи, но и болѣе серьезные курсы его уже не удовлетворяютъ. Онъ изучаетъ науку по первоисточникамъ, аскетически служитъ тому, что жалкіе дилетанты называютъ «архивною пылью». «Онъ работаетъ самъ и по своему плану, не спѣша, не забѣгая ни къ кому, не выставляясь», работаетъ, «какъ монахи-бенедиктинцы, извѣстные великіе труженики, хоронившіе себя въ кельяхъ». И эта работа вызываетъ въ немъ «горделивыя и сладкія мысли». «Купеческій сынъ» чувствуетъ свое родство съ величайшими умами.

Такимъ образомъ, нашъ герой нашелъ себѣ высокую жизненную цѣль: для нея онъ живетъ, ею дышитъ; все остальное кажется ему ничтожнымъ, мелкимъ, пошлымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ читатель уясняетъ себѣ, какая глубокая пропасть раздѣляетъ его отъ среды, въ которой онъ родился. Что общаго между Титомъ Титычемъ, его сыновьями: фабрикантами, купцами-эксплоататорами и этимъ позднѣйшимъ ихъ отпрыскомъ, презирающимъ купеческую среду и возносящимся на вершины человѣческой мысли, знанія. Но вотъ «купеческій сынъ» постепенно начинаетъ сомнѣваться въ вѣрности избранной имъ жизненной цѣли, и съ высотъ, на которыя онъ забрался, спускается опять въ низину, изъ которой вышелъ. Что же его отшатнуло отъ науки, почему онъ разочаровался въ ней? Или, можетъ-быть, онъ въ ней не разочаровался, а другое, болѣе сильное чувство, заставило его отказаться отъ «архивныхъ» научныхъ занятій?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны разсказать о его встрѣчахъ съ разными людьми въ Парижѣ, прежде всего съ «парчевымъ Ванечкой», коллегой, т. е. такимъ же купеческимъ сынкомъ, у родителей котораго были парчевыя и шелковыя фабрики подъ Москвою. Чѣмъ бредитъ этотъ молодой человѣкъ съ хорошенькимъ, женоподобнымъ лицомъ, въ соломенной шляпѣ съ трехцвѣтной лентой? Фокинъ увлекается наукой, а «парчевой Ванечка»—эстетикой, Оскаромъ Уайльдомъ и пишетъ книгу о Беато-Анжелико да-Фьезоле. Фокинъ относится къ Ванечкѣ, за котораго другіе справляютъ всю черновую работу, съ чувствомъ недоброжелательства, почти что враждебно. Ванечка представляется ему «безстыднымъ узурпаторомъ чужого труда, дурного тона франтомъ, тѣшащимъ свою тщеславную душонку». Въ сущности, онъ былъ, на его взглядъ, тѣмъ же Разлюляевымъ изъ комедіи Островскаго, только пошедшимъ въ эстеты, вмѣсто того, чтобы въ лисьей шубѣ на-отлетѣ, въ поддевкѣ и съ сапогами на выпускъ тренкать на гармоніи и приставать къ посадскимъ дѣвушкамъ съ куплетомъ:

Какъ гусара не любить,
Эфто не годится.

Тайное нерасположеніе, которое питаетъ Фокинъ къ «парчевому Ванечкѣ», очень характерно. Онъ внутренно старается убѣдить себя, что не имѣетъ ничего общаго съ

этимъ юношей. О, конечно, разница между ними громадная: тотъ только тѣшится искусствомъ, какъ забавой, а онъ серьезно любитъ науку. Но внутреннее чувство, очевидно, ему подсказываетъ, что разница уже не такъ велика: общность происхожденія и того пути, по которому они шли, слишкомъ бросаются въ глаза; разница заключается только въ искренности, съ какою они относятся—тотъ къ искусству, а онъ къ наукѣ. Но почемъ знать, можетъ-быть, и Ванечка болѣе или менѣе серьезно увлеченъ искусствомъ? А между тѣмъ онъ такъ смѣшонъ, такъ сильно напоминаетъ Разлюляевыхъ, несмотря на модный свой парижскій костюмъ, парижское произношеніе и видимую ученость. Неужели и онъ, Фокинъ, напоминаетъ этого Ванечку?

Вторая встрѣча его еще болѣе характерна. Онъ посѣщаетъ іезуита, о. Феликса, къ которому часто обращался для ученыхъ справокъ. И на этотъ разъ онъ заходитъ къ нему съ тою же цѣлью. Но о. Феликсъ незамѣтно переводитъ вопросъ на новую энциклику святѣйшаго отца, въ которой глава католической церкви призываетъ паству «къ чувству братской связи съ міромъ обездоленныхъ, изнывающихъ въ свалкѣ за кусокъ хлѣба, гдѣ царитъ лютое себялюбіе и черствость сердца сытыхъ и высокомѣрныхъ». И, точно что-то вспомнивъ, о. Феликсъ спрашиваетъ. «Вы сами, если не ошибаюсь, сынъ очень крупнаго фабриканта?.. Вамъ предстоитъ, вѣроятно, сдѣлаться патрономъ (хозяиномъ)?» Фокинъ глухо отвѣчаетъ: «Да, предстоитъ». Іезуитъ продолжаетъ допрашивать: «А сколько у вашего отца рабочихъ?» Фокинъ отвѣчаетъ, все нехотя: «На двухъ фабрикахъ до десяти тысячъ человѣкъ».—«Десять тысячъ!» — восклицаетъ іезуитъ. Фокинъ уже въ чемъ-то какъ будто оправдывается. «Для меня это будетъ немалымъ бременемъ... Я не человѣкъ дѣла и боюсь жизни». Іезуитъ на это замѣчаетъ: «Безъ жизни, мой другъ, нѣтъ и знанія. Никто теперь не уйдетъ отъ того, что надвигается на современное человѣчество, никто... Завидная доля тѣхъ, кто, какъ вы, просвѣтляя свой разумъ, готовятся этимъ и къ дѣлу любви и солидарности со всѣми нуждающимися и обремененными».

Какъ же дѣйствуютъ эти слова на Фокина? Онъ не понимаетъ ихъ глубокаго смысла. Въ него только закрадывается подозрѣніе, что іезуитъ хочетъ пріобщить его къ лону римской церкви, привлекая его соціальною проповѣдью. Но, тѣмъ не менѣе, предъ нимъ вдругъ впервые встаетъ вопросъ: какъ же онъ будетъ чувствовать, думать и поступать, когда станетъ хозяиномъ двухъ мануфактуръ, вершителемъ судьбы нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ?

Независимо отъ этихъ двухъ встрѣчъ, на Фокина сильно дѣйствуетъ еще третья, повидимому, не имѣющая никакой связи съ внутреннимъ его перерожденіемъ. Въ одномъ изъ кафе, куда онъ иногда заходитъ, чтобы освѣжиться, онъ видитъ дѣвушку, прислуживающую въ этомъ заведеніи, которая производитъ на него довольно сильное впечатлѣніе. Она умна, даже очень умна, образована, по-нашему, гимназистка съ дипломомъ, и вдругъ занимаетъ сомнительную во всѣхъ отношеніяхъ должность, «только чтобы жить получше фабричной поденщицы». Отецъ ея былъ чиновникъ; онъ лишалъ себя всего, чтобы дать дочери образованіе, но родители умерли, и для нея начались безконечныя мытарства—исканіе мѣста, уроковъ, вообще какихъ-нибудь занятій. Но всѣ ея усилія не привели ни къ чему. А тутъ случилась несчастная любовь, а за нею слѣдовала бы вѣрная гибель, если бы не подвернулось мѣсто въ кафе. Ни образованіе, ни способности ее не спасли. При лучшемъ желаніи она не могла проложить себѣ дороги къ жизни. Не говорила ли исторія этой дѣвушки о томъ, до какой бездушной розни дошло общество, именующее себя цивилизованнымъ. «Въ этомъ Парижѣ 2½ милліона жителей копошатся въ ежедневной дикой свалкѣ аппетитовъ и поползновеній. Благотворительность превратилась въ чиновничью рутину, въ забаву свѣтскихъ франтовъ или въ орудіе клерикальныхъ интригъ». И вотъ эта молодая дѣвушка, хорошей фамиліи, съ дипломомъ, умная и способная, кончаетъ такою службою. И она ли одна? Онъ случайно попадаетъ на собраніе анархистовъ, слышитъ проповѣдника «всеобщей ликвидаціи», затѣмъ начинаются пренія, но какія пренія! Если человѣкъ осмѣливается говорить противъ того, что фанатики признаютъ святою истиною, то ему кричатъ, что онъ шпіонъ, защитникъ гнусной тираніи, буржуазнаго общества. Это какіе-то варвары. Въ немъ крѣпнетъ мысль, что на цивилизованный міръ надвигается дикая орда, и что съ нею надо бороться. Онъ начинаетъ чувствовать, что это — исторія, настоящая, трепетная, многообразная, что жизнь схватитъ его и стряхнетъ съ его лица «архивную пыль», что онъ не уйдетъ отъ нея, если въ немъ книги еще не выѣли души. Слишкомъ, слишкомъ много живого дѣла на каждомъ шагу; слишкомъ велика отвѣтственность тѣхъ, кто бездѣйствуетъ!..

А тутъ новая встрѣча,—съ однимъ французомъ, который жилъ въ Россіи и пишетъ докторскую диссертацію на франко-русскую

тему. И что же оказывается? Онъ, Фокинъ, коренной русакъ, сынъ московскаго купца-милліонера, внукъ ярославскихъ мужиковъ, не находитъ въ себѣ и сотой доли того интереса къ народно-бытовой жизни русскаго люда, какъ этотъ французъ. Онъ не понимаетъ, какъ Фокинъ можетъ бросить такое огромное живое дѣло. «Будь это во Франціи,—продолжаетъ онъ:—я и самъ на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ же. Здѣсь рабочій испорченъ и обозленъ; но вашъ народъ такой славный, такой безобидный... Получи я такое дѣло, какъ вы, о! я бы бросилъ свою профессію... *всю душу отдалъ бы такому народу*... Нельзя покидать свой постъ».

Постыдно быть *дезертиромъ*,—это чувство охватило Фокина. И не дѣло само по себѣ, не мануфактуры, не штука миткаля, не тѣ свободные капиталы, которые лежатъ у отца въ банкахъ, не нажива или хозяйское тщеславное чувство силы или почета влекли его съ неудержимою силою на родину. Заниматься дѣломъ онъ конечно не сталъ бы, но онъ почувствовалъ всѣми фибрами своего существа, что на немъ лежитъ *долгъ* передъ родиною, передъ тѣми десятью тысячами рабочихъ, которыхъ онъ хотѣлъ безсовѣстно покинуть...

Долгъ,—вотъ то слово, которое предстало предъ нимъ съ неотразимою силою и заставило его бросить вдругъ опостылѣвшій ему Парижъ, и увлекавшую его до сихъ поръ науку, и всѣ свои привычки, и «горделивыя мысли».

Къ такому выводу пришелъ внукъ Кита Китыча. Этотъ фактъ невольно заставляетъ насъ призадуматься, спросить себя, не опередилъ ли этотъ человѣкъ, первый получившій образованіе въ своемъ родѣ, сынъ невѣжественнаго купца, многихъ интеллигентныхъ людей, отцы и дѣды которыхъ уже пользовались всѣми благами просвѣщенія. Не стоитъ ли большинство послѣднихъ на той ступени, на которой стоялъ Фокинъ, когда увлекался своими «горделивыми мыслями». Пріѣзжая въ Парижъ, видятъ ли эти люди то, что увидѣлъ въ немъ внукъ Кита Китыча? Если присмотрѣться къ жизни нашей интеллигенціи, то чѣмъ только не увлекается она, что только она не заимствуетъ изъ Парижа: и моды, и разныя крайнія ученія, и послѣднія новоиспеченныя теоріи, эстетическія или научныя, и импрессіонизмъ, и символизмъ, и декадентство,—все, что угодно. И все это служитъ для нея забавою, все это удовлетворяетъ ея вкусамъ или желанію щегольнуть новизною, все это ее забавляетъ, тѣшитъ и порождаетъ въ ней подобіе жизни, какія-то искусственныя стремленія, какіе-то мимолетные интересы. Одному только Парижъ ее не учитъ, одно только она у него не заимствуетъ, это—сознаніе долга. Да и нужно ли за этимъ ѣздить въ Парижъ? Если бы наше отношеніе къ жизни было иное, если бы мы любили ближняго и родину болѣе, чѣмъ себя, то чувство долга окрѣпло бы въ насъ и безъ всякихъ поѣздокъ за границу. И какая глубокая, скрытая иронія сквозитъ въ разобранной нами повѣсти, въ той мысли автора, что чувство истиннаго патріотизма возбуждаютъ въ его героѣ, купеческомъ сынѣ Фокинѣ, не его интеллигентные соотечественники, а іезуитъ, прислужница въ кафе, французъ, побывавшій въ Россіи...

Мы не можемъ не отмѣтить по этому поводу одной иностранной книги, на-дняхъ появившейся въ русскомъ переводѣ. Книга эта озаглавлена: *Организація свободы и общественный долгъ*. Авторъ ея, А. Прэнсъ—извѣстный бельгійскій ученый, профессоръ, юристъ, публицистъ и сынъ одной изъ самыхъ свободныхъ странъ Европы. Въ чемъ же онъ полагаетъ главную гарантію свободы? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ заглавіе его книги. Онъ усматриваетъ ее въ добросовѣстномъ, любовномъ исполненіи своихъ общественныхъ обязанностей. Разбирая въ другомъ мѣстѣ эту интересную книгу (*Историческій Вѣстникъ*, *№ 3*), мы обратились къ читателю съ слѣдующимъ вопросомъ: исполняетъ ли свои общественныя обязанности мужъ, легкомысленно относящійся къ браку; отецъ, небрежно воспитывающій своихъ дѣтей; земледѣлецъ, пропивающій скудный свой заработокъ; помѣщикъ, кредитующійся безъ конца, чтобы удовлетворять своимъ прихотямъ; чиновникъ, отбывающій свою службу, какъ тяжелую повинность, или злоупотребляющій своимъ положеніемъ для незаконныхъ поборовъ; учитель и профессоръ, не сознающіе своей отвѣтственности предъ подрастающимъ поколѣніемъ, а угождающіе начальству или ищущіе дешевой популярности среди молодежи; писатель, торгующій своимъ словомъ или спекулирующій на дурные инстинкты, легкомысліе или невѣжество толпы; житель провинціи, имѣющій полную возможность служить родинѣ на мѣстѣ и бѣгущій въ столицы для удовлетворенія тамъ своего тщеславія или своей жажды удовольствій и развлеченій,—исполняютъ ли всѣ эти люди свои общественныя обязанности? Но если такихъ людей у насъ много, то кто тутъ виноватъ,—сами ли эти люди или окружающія ихъ условія? Конечно, условія,—отвѣтятъ намъ. Но вѣдь въ Бельгіи условія совершенно иныя, почему

же въ такомъ случаѣ и бельгійскій свободолюбивый ученый призываетъ своихъ соотечественниковъ къ болѣе сознательному и добросовѣстному исполненію общественнаго долга. Очевидно, дѣло не въ однихъ условіяхъ.

По этому поводу *Русская Мысль* (*Библіографическій отдѣлъ*, № 1) вступаетъ въ желчную полемику съ крупнѣйшими русскими писателями. *Взбаламученное море*, *Бѣсы*, *Обрывъ*, *Новь*, *Некуда*,—«все это достойныя прискорбія памятники того, что авторы этихъ романовъ невнимательно или недоброжелательно отнеслись къ людямъ, дерзавшимъ разно отъ нихъ мыслить». Они не понимали элементарныхъ истинъ. «Что бы ни говорили очень большіе писатели—Лѣсковъ и гр. Л. Толстой,—общество не перестанетъ вѣрить тому, что благопріятныя условія родятъ хорошихъ людей, воспитываютъ добрыя чувства, сдерживаютъ дурные инстинкты, помогаютъ самимъ праведникамъ (т. е. людямъ, исполняющимъ свой общественный долгъ) проявлять свою дѣятельность въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это возможно при условіяхъ неблагопріятныхъ, устранить которыя слѣдовательно желательно, необходимо и никакъ нельзя безъ мѣропріятій». Вотъ эту элементарную истину не понимали-де большіе русскіе писатели: они, очевидно, не имѣли никакого понятія о старомъ спорѣ на тему men or means (люди или мѣропріятія), они руководствовались только «недоброжелательствомъ». И не приходитъ же въ голову рецензентамъ, творящимъ такой поспѣшный судъ надъ большими русскими писателями, спросить себя, чѣмъ же вызвано это чувство недоброжелательства? Неужели только личными мотивами, а не любовью къ родинѣ? Мы имѣемъ предъ собою цѣлую широкую полосу въ русской литературѣ, представителями которой являются такіе выдающіеся писатели, какъ Писемскій, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Толстой, Лѣсковъ, и этотъ хоръ могучихъ голосовъ пытаются заглушить пискливымъ крикомъ о «невнимательности или недоброжелательствѣ». Стоитъ только немного вдуматься въ дѣло, чтобы понять, какъ несостоятельны эти крики. Никто не станетъ оспаривать, что существованіе большого числа народныхъ школъ составляетъ одно изъ общихъ условій, благопріятствующихъ нарожденію хорошихъ людей, воспитанію добрыхъ чувствъ и т. д. Столь же несомнѣнно, что многія земства воодушевлены горячимъ желаніемъ создать возможно больше школъ. Но они наталкиваются на очень серьезныя препятствія, преимущественно на недостатокъ денежныхъ средствъ. Земскія кассы пусты, населеніе бѣдствуетъ. Опять-таки тутъ виноваты-де общія условія. Но, представимъ себѣ, что помѣщики не покидали бы своихъ усадебъ, а добросовѣстно занимались сельскимъ хозяйствомъ (что это возможно—подтверждается очень многими примѣрами); предположимъ далѣе, что крестьяне пропивали бы меньше, хотя бы только на 50 к. съ души въ годъ (и этому бываютъ примѣры). Не совершенно ли очевидно, что въ такомъ случаѣ и земство располагало бы болѣе значительными денежными средствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и школъ было бы больше. Такимъ образомъ, заботиться объ измѣненіи общихъ условій, конечно, необходимо, и это очень ясно сознавали большіе наши писатели. Но столь же необходимо направить вниманіе общества на надлежащую дѣятельность единичныхъ лицъ, и, можетъ-быть, окажется, что если вниманіе его направится именно въ эту сторону, то измѣнить и общія условія будетъ гораздо легче. Создайте какія угодно благопріятныя условія, но если не окажется людей, которые могли бы ими воспользоваться, то они ни къ чему не приведутъ. Представьте себѣ страну, состоящую преимущественно изъ пропойцевъ, взяточниковъ, людей, ставящихъ личные свои интересы выше общественныхъ, дорожащихъ своими удобствами или выгодами больше, чѣмъ общественнымъ благомъ,—и никакія общія условія не помогутъ этой странѣ: она неизбѣжно будетъ клониться къ упадку или, во всякомъ случаѣ, культурные успѣхи будутъ развиваться въ ней черепашьимъ шагомъ. Общія условія или политическія формы не спасали ни одного народа, если онъ не былъ воодушевленъ сознаніемъ общественнаго долга и не проявлялъ этого сознанія во всѣхъ сферахъ личной, хозяйственной, общественной и государственной жизни. Это хорошо понимали всѣ наши великіе писатели прошлаго и истекающаго столѣтій, и поэтому главное ихъ вниманіе было направлено на то, чтобы представить обществу яркую картину его внутренней несостоятельности. Начиная съ сатиръ Кантемира, комедій Фонвизина и кончая произведеніями Салтыкова или Лѣскова, мы вездѣ видимъ это основное стремленіе большихъ русскихъ писателей, и не можетъ быть сомнительно, кто принесъ больше пользы нашему отечеству—великіе ли наши писатели своимъ изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ нашего общества, изумительною по правдивости и рельефности галлереею портретовъ Митрофанушекъ, Скотининыхъ, Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Фамусовыхъ, Чацкихъ, Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Помпадуровъ, Овцебыковъ и Шерамуровъ, или

люди, проповѣдующіе, что обществу нечего заботиться о своемъ совершенствованіи, а что все вниманіе должно быть направлено на измѣненіе общихъ условій. Вѣдь очевидно, условія не могутъ быть измѣнены помимо людей? Это тоже элементарная истина, и большіе наши писатели уяснили себѣ ее въ такой же мѣрѣ, какъ и ту элементарную истину, въ забвеніи которой ихъ упрекаютъ. Условія несомнѣнно содѣйствуютъ нарожденію людей, но и люди родятъ условія. Если принять во вниманіе, что всякое общество болѣе или менѣе склонно винить другихъ, а не себя въ постигающихъ его бѣдствіяхъ или въ своихъ несовершенствахъ, если взвѣсить, что чѣмъ меньше просвѣщенія въ странѣ, тѣмъ сильнѣе эта склонность, если вспомнить, что наша публицистика, отражающая мнѣнія общества, постоянно старалась увѣрить себя и читателей, что вся сила въ условіяхъ и что отдѣльная личность ничего сдѣлать не можетъ, потворствуя этимъ и безъ того сильной склонности русскаго человѣка винить во всемъ другихъ и самому бездѣйствовать, отдѣлываться громкой фразой тамъ, гдѣ требуется живое дѣло, мечтать о великомъ и пренебрегать малымъ, думать объ отдаленномъ и забывать о близкомъ, предаваться русской халатности, безпечности, дряблости,—то мы поймемъ всю глубину мысли и все мужество большихъ русскихъ писателей, казнившихъ наше общество, выставлявшихъ напоказъ его внутреннія несовершенства, навлекая этимъ на себя недружелюбіе, и злобу, и клевету, подвергаясь иногда гнуснымъ упрекамъ, жертвуя своею популярностью, своимъ личнымъ благосостояніемъ и довольствуясь однимъ только сознаніемъ, что они, по крайней мѣрѣ, исполнили свой общественный долгъ и сказали обществу правду въ лицо.

Впрочемъ, сама *Русская Мысль* это отчасти сознаетъ. Подводя въ другомъ мѣстѣ итоги судьбѣ нашего разночинца, т. е. того же русскаго интеллигентнаго человѣка, журналъ говоритъ, что «у него не хватило самостоятельныхъ личныхъ, такъ сказать, силъ, не хватило ни рѣшимости, ни умственной энергіи, чтобы проявить свою собственную человѣческую личность, чтобы создать свои собственныя формы культурнаго развитія. Онъ, такъ сказать, сѣлъ между двухъ стульевъ. Съ одной стороны, всѣ свои силы—понесъ на служеніе меньшому брату, а съ другой—его жажда къ свѣту и блеску жизни, законное стремленіе къ наслажденію и счастью заставляли его примыкать къ единственной существующей въ странѣ старой культурѣ, *барско-бюрократической*, и проникаться ею». Въ концѣ концовъ онъ «изнемогъ въ борьбѣ съ самимъ собою скорѣе, чѣмъ съ внѣшними условіями, какъ-то выцвѣлъ и обезличился». Мало того, *Русская Мысль* признаетъ, что второе изъ указанныхъ стремленій одержало окончательно побѣду надъ первымъ, т. е. что «барско-бюрократическая культура» рѣшительно подавила въ разночинцѣ или, иначе говоря, въ русской интеллигенціи стремленіе служить меньшому брату. Какое ужасное признаніе, какой жестокій приговоръ надъ русскою интеллигенціею, и въ то же время какое изумительное противорѣчіе! Мы только что видѣли, что, по мнѣнію *Русской Мысли*, все дѣло въ общихъ условіяхъ, а теперь оказывается, что русскій интеллигентный человѣкъ изнемогъ въ борьбѣ не съ ними, а съ самимъ собою. Значитъ, причина не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ самомъ интеллигентномъ человѣкѣ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же сваливать все на условія, и не правы ли были большіе русскіе писатели, когда казнили интеллигенцію за ея неспособность дѣйствовать въ жизни, создавать желательныя условія, когда они упрекали ее въ томъ, что она предается утопіямъ, что, несмотря на благіе порывы, она къ живому дѣлу не способна. Не правъ ли былъ и Писемскій, и Гончаровъ, и Тургеневъ, и Лѣсковъ, и имѣетъ ли *Русская Мысль* основаніе обрушиваться на хранителей завѣтовъ этихъ писателей, высмѣивать, напримѣръ, *Вѣстникъ Европы* и его публицистовъ?

Но пора подвести итогъ и нашимъ соображеніямъ. Разобранныя нами беллетристическія произведенія ясно указываютъ на преемственную связь между отдѣльными фазисами развитія русскаго общественнаго самосознанія во второй половинѣ истекающаго вѣка. На зарѣ этого періода господствовали сильный подъемъ духа, благіе порывы, стремленіе къ возвышеннымъ, но смутнымъ идеаламъ, къ громкимъ подвигамъ, безусловная увѣренность въ возможность чуть ли не сразу водворить на землѣ рай при помощи той или другой общей теоріи. Люди, въ родѣ стараго моряка Палицына въ повѣсти г-жи Николаевой, представлялись какимъ-то остаткомъ отживающей старины. Начались усиленные поиски за «спасительнымъ словомъ», и русское общество прислушивалось къ голосамъ «пророковъ». Въ общемъ получилось горькое разочарованіе, пророки оказались лже-пророками и спасительныя слова—лишь пустымъ звукомъ. Этотъ второй фазисъ нашего общественнаго самосознанія ясно отмѣченъ въ очеркѣ г. Сторожевскаго. «Увлекающійся» человѣкъ Охрименко произноситъ окончательный судъ надъ всякими отвлеченностя-

ми, построенными на схоластическихъ «правдахъ», «кривдахъ», «непротивленіяхъ» и т. д., надъ заученными или полученными извнѣ «циркулярами». Это—періодъ сознанія, что идеаловъ слѣдуетъ искать не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ, а въ самой жизни, что дѣятельность наша должна опредѣляться желаніемъ удовлетворять не личнымъ нашимъ потребностямъ, а требованіямъ окружающей насъ среды, того русскаго народа, которому мы всѣ такъ глубоко преданы... по крайней мѣрѣ въ идеѣ, на словахъ.

Но Охрименкѣ нужна еще какая-то исключительная обстановка для дѣятельности въ самой жизни; онъ не просто трудится, какъ всѣ, а священнодѣйствуетъ, совершаетъ какой-то подвигъ, безотчетно любуется собою, мнитъ себя новаторомъ, героемъ, романическія бредни и ему не чужды, какъ не были онѣ чужды Палицыну-сыну. Онъ еще не въ состояніи вернуться къ простому міросозерцанію Палицына-отца, сказать себѣ, что наше время во многомъ уже разнится отъ того времени, что теперь благомыслящихъ людей несравненно больше, и что наше спасеніе въ тѣсномъ союзѣ людей, воодушевленныхъ желаніемъ не совершать какіе-то подвиги, а просто работать въ жизни и ни на шагъ не отступать отъ общественнаго долга. Къ этому выводу приходитъ «купеческій сынъ» Фокинъ въ повѣсти г. Боборыкина, которая указываетъ на третій и послѣдній фазисъ нашего общественнаго самосознанія, на фазисъ упорной, трезвой работы въ отличіе отъ прежняго исканія подвиговъ и увлеченія красивыми, но отрѣшенными отъ жизни идеалами. Повѣсть эта намъ говоритъ: надо работать въ сѣрой обстановкѣ, въ которой мы родились и въ которой намъ суждено жить или, какъ выразился великій кёнигсбергскій философъ, глубокимъ изреченіемъ котораго мы лучше всего закончимъ нашъ очеркъ: «я спалъ, и мнѣ снилось, что жизнь — красота; я проснулся, и увидѣлъ, что она—долгъ».

Библіографія.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Изданіе О. Н. Поповой. СПБ. 1897. Цѣна 1 р. 50 к.

Волчья сыть, это «видите ли, когда на лѣто господа наѣдутъ въ деревню—съ ними до пропасти псовъ этихъ самыхъ. Ну, на легкомъ воздухѣ собачки-то еще пуще и расплодятся. Къ зимѣ господа назадъ, а потомство отъ барскихъ трезорокъ на произволъ судьбы остается... Стаями округъ деревни бѣгаетъ до ноября. Въ ноябрѣ новые господа жалуютъ—волки, и въ мѣсяцъ все очистятъ: ни одной собачки отъ городского приплода не уцѣлѣетъ. Оттого и имя ему волчья сыть». Такой волчьей сытью оказался цѣлый городъ,—хотя и небольшой, въ одномъ изъ южно-русскихъ захолустій,—для дикаго и необузданнаго кулака Вакулы Матвѣевича Безмѣнова, сокращенно прозваннаго Акулой. Было время, когда Акула «у солдатки паршивымъ байструкомъ по слободкѣ бѣгалъ», а съ годами, годами крупнаго и мелкаго грабежа, беззастѣнчиваго хищничества и ростовщичества, у него всѣ оказались въ кулакѣ: «и чиновникъ, и свой братъ купецъ, и мѣщанинъ, и мужикъ». Въ городѣ банкъ завели для общественной пользы, онъ и банкъ, «подъ собственную державу привлекъ. Одинъ и кредитуется. Заберетъ деньги оттуда за семь процентовъ годовыхъ, а самъ по пяти да по восьми въ мѣсяцъ раздаетъ». Но и этого ему мало было, захотѣлъ онъ весь банкъ забрать въ свои руки, и вотъ для этого посадилъ онъ туда директоромъ отставного николаевскаго генерала Сергія Сергіевича Узорнаго — отживающій типъ стараго помѣщика, не могущаго еще забыть «красныхъ дней» крѣпостничества и являющаго своей фигурой живой протестъ противъ современныхъ новшествъ. Фигура генерала Узорнаго написана ярко, черезчуръ даже ярко, и не безъ нѣкоторой авторской симпатіи къ нему. Его наивность, его неумѣнье и нежеланье приспособиться къ новымъ условіямъ практической жизни, его святая вѣра въ торжество правды дѣлаютъ его чуть ли не самымъ благороднымъ лицомъ въ романѣ, затмевая и его «битье по мордамъ» своихъ крестьянъ, и его распутство и безразсудную расточительность. Особенно рельефно вырисовывается фигура Узорнаго въ тюрьмѣ и на судѣ, куда онъ попалъ за расхищеніе банка, устроенное «Акулой», но за подписью и подъ надежнымъ прикрытіемъ благороднаго генерала. Понятно, форма жизни была противъ него, и несчастный генералъ, разоренный и опозоренный обвинительнымъ приговоромъ, потерявъ послѣднюю надежду, кончаетъ съ собою тутъ же, въ залѣ судебнаго засѣданія. Вторая жертва Акулы, долго бившаяся въ его сѣтяхъ и все-таки обезсилѣвшая, энергичная вдова-помѣщица Анна Степа-

новна Козельская, «не то усовершенствованная Коробочка, не то акклиматизировавшійся у насъ Лассаль въ юбкѣ». Типъ новый, недавно народившійся. Надо имѣть въ виду, что дѣйствіе романа происходитъ въ послѣдніе годы, съ 1885 г. по 1893 г., и захватываетъ такимъ образомъ тяжелую годину голода. Козельская—молодая вдова, изъ знатной богатой фамиліи, убѣжавшая изъ родительскаго дома, побывавшая въ акушеркахъ и земскихъ фельдшерицахъ, схоронившая чахоточнаго мужа, земскаго врача-идеалиста, «сѣвшая затѣмъ на землю», ставшая сельской хозяйкой, помогавшая мужику, но и себя не забывавшая, преслѣдовавшая самыя благія задачи, и въ то же время кулакъ-баба, единственная кость, хоть на время ставшая поперекъ горла Акулѣ. Въ общемъ — сама себѣ владыка. Типъ очень интересный, и нарисованъ онъ съ большимъ талантомъ, очень мѣтко и выпукло, во весь ростъ. Кончаетъ Козельская тѣмъ, что разоряется до тла въ голодный годъ, кормя окружныхъ крестьянъ, пріѣзжаетъ въ столицу зарабатывать себѣ пропитаніе полистной перепиской бумагъ, и наконецъ обрѣтаетъ себѣ пристанище на хорошемъ и святомъ дѣлѣ—«заправляетъ большимъ пріютомъ брошенныхъ дѣтей, около Москвы». Есть въ романѣ еще четвертый, тоже крупный типъ, нарисованный, впрочемъ, не живымъ лицомъ, а скорѣе силуэтомъ, широко, размашисто. Это—семинаристъ Игнатій Елисейскій, «посвятившійся въ таинства литературной бухгалтеріи», «тупорылый, бодливый, толстолобый, съ локтями фертомъ, самой природой уготованными побольше растолкать народа... Истинная овощь отъ креслъ консисторскихъ...» Это тоже своего рода волкъ, не чище Акулы, всѣ «дѣла» котораго онъ сначала исподтишка, скромнымъ корреспондентомъ, расписывалъ въ газетахъ, а потомъ, когда «обернулся всероссійскимъ газетнымъ громилой», обернулъ свою тактику и сталъ кадить Акулѣ ѳиміамы въ надеждѣ на обѣщанныя ему тѣмъ тридцать тысячъ на основаніе газеты... Но воръ у вора дубинку укралъ. «Громила» опростоволосился и остался ни съ чѣмъ, не избѣгнувъ участи другихъ жертвъ «волчьей сыти». Всѣ очутились въ волчьей пасти. Но и на волка нашелся посильнѣе волкъ, въ лицѣ его же отродья, родныхъ его дѣтокъ — Семена да Юрки, волковъ уже новаго сорта, кулаковъ не менѣе хищныхъ, но цивилизованныхъ, «задирающихъ» по-утонченному. Боясь судебнаго разбирательства по поводу хищеній въ банкѣ, Акула передалъ «для видимости», на всякій случай, всѣ свои награбленные капиталы дѣтямъ. Старшій сынъ, Семенъ, весь въ отца пошелъ, даже превзошелъ въ хищничествѣ и жадности своего родного учителя. Младшій, Юрка, пошелъ по ученой линіи, въ студенты,—въ студенты-бѣлоподкладочники, только позорящіе студенчество, извращающіе самое понятіе его. Это типъ, явно обреченный на вырожденіе. Не таковъ «Сенька». Ему отецъ уже слишкомъ мягкимъ показался, и боясь, чтобъ Акула не размякъ, чего добраго, и какъ-нибудь ненарокомъ не далъ бы голоднымъ крестьянамъ мѣшочка муки, Сенька рѣшилъ не отдавать назадъ отцу капиталовъ, затѣваетъ съ нимъ тяжбу и въ концѣ концовъ задумываетъ упрятать его въ монастырь. Возмущенный поступкомъ Сеньки, Акула, въ порывѣ злобы, раскрываетъ свои хлѣбные магазины и раздаетъ народу даромъ муку на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а въ концѣ концовъ спивается, нищаетъ и бьетъ каменьями стекла въ своемъ домѣ, изъ котораго выгналъ его собственный сынъ, наконецъ, даже поджигаетъ домъ и попадаетъ за это въ острогъ, въ тотъ самый острогъ, который онъ самъ же выстроилъ и за это былъ въ свое время награжденъ золотой медалью. Сгинулъ Акула, а на смѣну ему сталъ Семенъ Вуколовичъ. Онъ ужъ полютѣе родителя; у того нѣтъ-нѣтъ да прорывалась жалость, а у этого, кулака новой формаціи, — линія прямая, «скорѣе у кирпича добьешься чего-нибудь», чѣмъ у него. Этой безотрадной картиной заканчивается романъ. Эти Сеньки и Юрки—вотъ тѣ новые люди, вотъ то хищное отродье, что «надвигается на насъ отовсюду густой громадной тучей, съ жадно раскрытыми пастями, воспитавшееся въ безмѣновскихъ школахъ, не вѣрующее ни во что, и только одному обучившееся — хватать каждаго за горло и душить такъ, чтобы тотъ и не пикнулъ». Въ ихъ сильномъ тѣлѣ живетъ подлый духъ, поражающій и презирающій все, что есть добраго у человѣчества,—вѣру, любовь, идеалы, великодушіе, радости... Такова жизнь, такою ее во всей наготѣ и неприглядности смѣло нарисовалъ талантливый писатель. Жизнь, суровая жизнь, съ ея идеей необходимости,—вотъ истинный герой этого романа. Эта грозная идея царитъ въ романѣ надъ всѣмъ, надъ волей всѣхъ его дѣйствующихъ лицъ, и получается тяжелая картина, не дающая ни отрады, ни отдохновенія. Это суровый жизненный романъ-хроника, романъ глубоко-соціальный, облеченный въ блестящую форму, изложенный легко, съ присущими автору яркостью и сочностью красокъ. Это романъ безъ любви, но полный любви къ человѣчеству

и тяжелаго раздумья надъ его грядущею судьбою.

Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. СПБ. 1897.

Характеристики эти посвящены исключительно иностраннымъ писателямъ и одному, иностранному же, художнику, живописцу XVI вѣку, Ботичелли. Какъ бы случайно попалъ въ эти литературныя характеристики знаменитый основатель францисканскаго монашескаго ордена, Францискъ Ассизскій. На самомъ дѣлѣ, однако, случайности тутъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію автора, послѣдняго «нужно всегда разсматривать въ связи съ художниками, изображавшими въ краскахъ его жизнь, и, главнымъ образомъ, съ Джіотто, творцомъ удивительныхъ фресокъ, которыя украшаютъ соборъ въ Ассизахъ и церковь Св. Креста во Флоренціи и рисуютъ эпизоды изъ жизни святого». Слѣдовательно, Францискъ Ассизскій имѣетъ непосредственное отношеніе къ средневѣковымъ художникамъ, и, можно подумать, что литературныя характеристики г-жи Венгеровой обнимаютъ собою и художественныя произведенія отдаленныхъ эпохъ. Но и это предположеніе не оправдывается. Художниками она дѣйствительно занимается въ своихъ литературныхъ характеристикахъ. Это подтверждается и тѣмъ, что она посвящаетъ обширный этюдъ прерафаэлитскому движенію въ Англіи. Но этотъ этюдъ разъяснитъ читателю, въ чемъ собственно дѣло. За прерафаэлитами-художниками слѣдуютъ: Россети, Моррисъ, Уайльдъ, Мередитъ, Броунингъ, англійскій символистъ Блэкъ, французскіе символисты: Верлэнъ, Гюисмансъ, наконецъ, Гауптманъ и Ибсенъ. Всѣмъ этимъ писателямъ авторъ посвящаетъ отдѣльные этюды, и такимъ образомъ его книга собственно посвящена современному литературному движенію на Западѣ, а Ботичелли, Францискъ Ассизскій и отчасти Данте включены въ книгу только потому, что они имѣютъ прямое отношеніе къ этому движенію въ смыслѣ нарожденія символизма.

Книга г-жи Венгеровой является первымъ трудомъ въ нашей литературѣ, въ которомъ обстоятельно разсмотрѣны произведенія главныхъ представителей современнаго литературнаго движенія на Западѣ. Въ этомъ отношеніи книга представляетъ несомнѣнный интересъ. Написана она живо, вполнѣ литературно и съ большою любовью къ дѣлу. Но слабая ея сторона заключается въ томъ, что любовь эта часто граничитъ съ пристрастіемъ. Новизна слишкомъ соблазняетъ автора и въ то же время лишаетъ его мысль трезвости. До какихъ странныхъ выводовъ онъ додумывается въ этомъ отношеніи, видно, напримѣръ, изъ того факта, что онъ сопоставляетъ литературу и искусство послѣднихъ десятилѣтій въ Западной Европѣ съ движеніемъ умовъ, извѣстнымъ подъ названіемъ возрожденія или, точнѣе, гуманизма, характеризуя послѣдній, какъ «разладъ между жаждой вѣры и унаслѣдованнымъ пессимизмомъ». Можетъ-быть, эта характеристика и вѣрна по отношенію къ современному литературному движенію, но она не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ движеніемъ, которое мы называемъ гуманизмомъ и которое состояло, какъ разъ наоборотъ, въ освобожденіи личности отъ слѣпой вѣры и человѣческой мысли отъ унаслѣдованныхъ суевѣрій, а не отъ пессимизма. Точно такъ же несостоятельна мысль, будто бы прерафаэлиты, декаденты и символисты имѣютъ что-нибудь общее съ освободительнымъ движеніемъ рабочаго класса. Одинъ примѣръ Морриса ничего тутъ не доказываетъ, потому что по существу своему современный символизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ, наоборотъ, стремится освободить насъ отъ путъ окружающей насъ дѣйствительности, перенести насъ въ область чистой красоты или крайне отвлеченной человѣческой мысли. Еще рѣзче обозначается пристрастіе автора въ его характеристикѣ творчества Ибсена. Онъ ставитъ норвежскому драматургу въ особенную заслугу, что тотъ «началъ походъ противъ условной нравственности во имя болѣе глубокаго этическаго отношенія къ жизни». Интересно было бы узнать отъ автора,—можетъ ли онъ вообще назвать какого бы то ни было выдающагося писателя, который въ своихъ произведеніяхъ не возставалъ бы противъ условной нравственности во имя болѣе глубокихъ этическихъ законовъ?

Но все это не мѣшаетъ книгѣ г-жи Венгеровой быть очень интересной: надо только относиться весьма осторожно къ ея выводамъ и похваламъ.

В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. СПБ. 1897.

Книга эта хотя, повидимому, представляетъ интересъ только для спеціалистовъ, имѣетъ однако и общее значеніе. Мы всѣ привыкли считать русскую культуру, русскую государственность и отчасти русское право въ значительной степени наслѣдіемъ Византійской имперіи, хотя, въ то же время, какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ, «слово: византизмъ или византійщина однимъ своимъ звукомъ приводитъ насъ въ содроганіе». Но знаемъ ли мы, что такое византизмъ? Оказывается, что научныя данныя по этому вопросу еще очень мало разработаны и слѣ-

довательно недостаточны. Мало того, по изслѣдованіямъ новѣйшихъ византологовъ, «Россія въ своихъ установленіяхъ сохранила болѣе относительной самостоятельности, нежели Западная Европа, за исключеніемъ Англіи, цѣликомъ подпавшая дѣйствію сперва насильно прививаемаго, а потомъ и добровольно усвоиваемаго римскаго права». Калачовъ выяснилъ, что въ русскомъ уголовномъ правѣ «византійскія начала взяли окончательный перевѣсъ только въ Уложеніи, до того времени постоянно уступая первое мѣсто народному правовоззрѣнію». Далѣе мы видимъ, что мысль профессоровъ Иконникова и Дьяконова о заимствованіи идеи русской самодержавной власти изъ Византіи не подтверждается новѣйшими изслѣдованіями, между которыми труды проф. Сергѣевича занимаютъ первое мѣсто. Словомъ, вопросъ о византійскомъ вліяніи на русскую государственную и юридическую жизнь пока еще не можетъ быть рѣшенъ такъ категорически, какъ его рѣшаютъ нѣкоторые ученые и большинство публицистовъ. Установивъ общія начала политической жизни, отношенія романизма и эллинизма и главные моменты исторіи Византійскаго государства, авторъ подробно изучаетъ населеніе этого государства въ его составныхъ частяхъ, затѣмъ выясняетъ культурное единство византійскаго населенія, анализируетъ теоріи византійскаго и римскаго имперіализма и, наконецъ, старается въ точности опредѣлить взаимныя отношенія между народомъ и властью. Съ общей точки зрѣнія, главы, посвященныя послѣднему вопросу, наиболѣе интересны. Оказывается, что «однимъ изъ основныхъ началъ государственной жизни Восточно-Греческой имперіи должно признать то положеніе, что суверенитетъ въ ней принадлежалъ прежде всего народу и только отъ него, при помощи общаго соглашенія всѣхъ гражданъ, передавался государямъ на правѣ пользованія... Византія представляетъ собою какъ бы типъ вѣчевой монархіи... Нѣкоторые изъ императоровъ начали даже сами себя отдавать въ сомнительныхъ случаяхъ на судъ народный, какъ, напримѣръ, дѣлали это Алексѣй и Мануилъ Комнины; другіе, уступая давленію обстоятельствъ, просто измѣняли свой образъ дѣйствій, согласно предъявляемымъ требованіямъ». Андроникъ Комнинъ никогда не подписывалъ смертныхъ приговоровъ, и когда подвергся допросу со стороны разсвирѣпѣвшаго народа, смиренно отвѣчалъ, что былъ только исполнителемъ рѣшеній сената и суда. Столь же несамостоятельны были императоры въ дѣлѣ обложенія народа новыми налогами.

Мы привели нѣкоторыя отрывочныя данныя изъ изслѣдованія г. Грибовскаго, чтобы указать на его значеніе для болѣе широкаго круга читателей. Оно насъ убѣждаетъ, что ссылка на византійское право, какъ на одинъ изъ главныхъ первоисточниковъ русскаго правосознанія, подлежитъ еще тщательной провѣркѣ.

В. П. Вахтеровъ. Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки. Книжные склады. Воскресныя школы и повторительные классы. М. 1896. 372 стр. 1 р.

За послѣдніе два-три года наша печать особенно усердно дебатировала тему о народномъ образованіи: было даже одно время, когда едва не въ каждой газетѣ можно было ежедневно читать то или другое по этому въ высшей степени важному вопросу. Это— очевидный признакъ того, что наше общество сознаетъ, наконецъ, что пропасть между высшими классами и народомъ—пропасть, обусловливающая взаимное отчужденіе и непониманіе, пропасть, обусловливаемая безграмотностью народа,—все растетъ и можетъ привести къ печальнымъ послѣдствіямъ, если во-время не обратить самаго серьезнаго вниманія на указанный процессъ расхожденія въ разныя стороны двухъ частей одного народа. Никто, въ принципѣ, и не высказывается противъ этого, — всѣ признаютъ необходимость возможно скорѣйшаго введенія всеобщаго обученія, и если возникаетъ разногласіе, то не о необходимости всеобщаго обученія, а о качествѣ и количествѣ тѣхъ знаній, которыя необходимо дать народу. Говоря широко, желательно, чтобы въ народъ проникло возможно большее количество знаній; количественно же послѣднія должны быть таковы, чтобы могли вызывать или будить въ народѣ иногда лишь дремлющую мысль, развивать въ немъ любознательность, расширять его умственный кругозоръ, мало-по-малу освобождать его отъ той косности, того невѣжества, прямыми результатами которыхъ являются холерные безпорядки, чумные бунты, секты, по своему изувѣрству невозможныя среди скольконибудь образованнаго народа, сожженія вѣдьмъ и колдуній, прогрессивный упадокъ крестьянскаго хозяйства и т. д., и т. д.; знанія должны быть таковы, чтобы могли заложить въ душѣ народа задатки общественности, должны оказывать общеобразовательное, воспитывающее вліяніе. Но если это и самая важная, то все-таки не единственная сторона народнаго образованія. Не нужно забывать и стороны практической. въ очень многихъ случаяхъ народъ ищетъ въ школѣ и книгахъ именно прикладныхъ свѣдѣній, сельско-хозяйственныхъ напри-

мѣръ. Вотъ почему такъ важно знать жизнь и потребности учащихся, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о качественной сторонѣ знаній, необходимыхъ народу; вотъ почему важно подвести теперь, а также подводить время отъ времени и въ будущемъ итоги всему тому, что уже сдѣлано, выяснять дѣйствительность тѣхъ путей, которыми въ народъ проникаютъ знанія,—и измѣнять эти пути, одни уничтожать, другіе усиливать, или вводить новые. Названная книжка г. Вахтерова именно и занимается этими вопросами и даетъ на нихъ отвѣты на основаніи богатаго, хорошо изученнаго матеріала. Авторъ не касается школъ: въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ лишь мимоходомъ съ похвалой отзывается о существующихъ земскихъ школахъ,—все же вниманіе его поглощено сельскими школьными и народными библіотеками, книжными складами, воскресными школами и повторительными классами, и отчасти народными чтеніями, которымъ г. Вахтеровъ обѣщаетъ посвятить особую книжку. «Только совокупность всѣхъ этихъ мѣропріятій,—читаемъ мы у него,—можетъ повести къ удовлетворительному разрѣшенію важнѣйшей задачи нашего времени—широкому распространенію образованія среди народныхъ массъ. Между всѣми перечисленными учрежденіями существуетъ самая тѣсная связь». Народныя чтенія могутъ убѣдить и убѣждаютъ безграмотнаго крестьянина въ пользѣ книги, заставляютъ его полюбить грамоту и школу. А гдѣ есть школа, тамъ, само собою разумѣется, должна существовать и библіотека, потому что, по словамъ самого народа, не зачѣмъ и грамотѣ учиться, если нечего читать. «Книга, полученная въ библіотекѣ крестьяниномъ, можетъ оказаться для него необходимой, какъ настольная книга; онъ захочетъ купить ее, а для этого нуженъ книжный складъ, задача котораго, между прочимъ,—вытѣснить съ рынка лубочную литературу, приносящую, по глубокому убѣжденію всѣхъ компетентныхъ людей, огромный вредъ народу, такъ какъ развиваетъ въ послѣднемъ страсти къ грубымъ и кровавымъ сценамъ и увеличиваетъ суевѣрія, не говоря уже о другихъ, менѣе вредныхъ сторонахъ ея. Съ другой стороны, понравившаяся книга въ складѣ можетъ оказаться слишкомъ дорогою для крестьянина, и онъ можетъ прочесть ее только въ безплатной библіотекѣ». Наконецъ, и книжный складъ, и библіотека застраховываютъ отъ повторенія нерѣдкихъ въ настоящее время случаевъ рецидива безграмотности. Мало того: «безграмотный крестьянинъ, глядя на своихъ дѣтей, слушая ихъ чтеніе, пожелаетъ самъ научиться грамотѣ; а для этого нужна воскресная или вечерняя школа». Необходимы и повторительные классы, такъ какъ курсъ начальной школы слишкомъ ограниченъ; но онъ достаточенъ все-таки для того, чтобы разбудить въ учащихся любознательность, стремленіе къ дальнѣйшему образованію, что требуетъ расширенной программы преподаванія въ повторительныхъ классахъ.

Къ концу книги приложено нѣсколько страницъ, разъясняющихъ процедуру открытія библіотекъ, книжныхъ складовъ и т. п. Значеніе работы г. Вахтерова таково, что мы съ полнымъ правомъ могли бы поставить ее на ряду съ другой единственной въ своемъ родѣ книгой «Что читать народу?» и вмѣстѣ съ послѣднею считать ее книгою настольною для всякаго человѣка, занимающагося или даже только интересующагося вопросами просвѣщенія народныхъ массъ.

Тепловъ, В. И. Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ. СПБ. 1897. Изд. Геруца. Цѣна 1 р.

Г. Тепловъ поставилъ себѣ, повидимому, цѣлью ознакомить читающую публику съ различными сторонами исторической и общественной жизни Турціи и, по преимуществу, Константинополя; каждое изъ его многочисленныхъ сочиненій соприкасается прямо или косвенно съ этимъ предметомъ. Недавно вышедшая въ свѣтъ новая его книга переноситъ насъ къ 1876 г., къ эпохѣ знаменательной и для Турціи, и для Россіи, такъ какъ она явилась подготовительнымъ періодомъ для всѣхъ послѣдующихъ событій, изъ которыхъ главнѣйшимъ была русско-турецкая война, приведшая къ коренному измѣненію условій существованія оттоманской имперіи.

Авторъ прекрасно изображаетъ тогдашнее запутанное до невозможности положеніе Турціи, борьбу вліяній русскаго и англійскаго, взаимное соперничество турецкихъ министровъ, своекорыстные происки нѣкоторыхъ честолюбцевъ, прикрывавшихся конституціонными идеями, чтобы добиться только власти; вообще же, нельзя не замѣтить удивительной аналогіи той эпохи съ тревожнымъ временемъ, переживаемымъ Константинополемъ нынѣ; это придаетъ книгѣ интересъ современности.

Очень любопытенъ разсказъ о низверженіи Абдулъ-Азиса и объ убійствѣ его, впервые появляющійся въ печати и опровергающій англійскую версію о знаменитыхъ ножницахъ, прекратившихъ жизнь низложеннаго султана.

Предъ читателемъ проходитъ рядъ эпизодовъ драматическаго характера: сумасшествіе султана Мурада; звѣрское убійство

консуловъ въ Солуни, а затѣмъ турецкихъ министровъ, павшихъ отъ руки черкеса Хасана; попытки возстановленія на престолѣ Мурада; смерть главнаго руководителя бунта Али; Суави; процессъ убійцъ Абдулъ-Азиза. Тутъ же авторъ даетъ много свѣдѣній объ организаціи сословія улемовъ, о чинахъ, введенныхъ въ Турціи въ подражаніе нашей табели о рангахъ, о пресловутой Мидхадовской конституціи и о партіи «младо-турокъ», о которыхъ такъ много говорятъ въ настоящее время.

Издана книга изящно; къ ней приложено 24 рисунка, — портретовъ разныхъ турецкихъ дѣятелей и видовъ Константинополя.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе въ 10 томахъ. Съ портретомъ и біографіей Чарльза Диккенса. Изданіе **Ф. Павленкова.** Томъ десятый. СПБ. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Сочиненія Диккенса въ изданіи г. Павленкова, 10 большихъ томовъ, напечатаны въ два столбца и очень убористымъ шрифтомъ, и цѣна, назначенная за нихъ издателемъ, крайне умѣренна. Переводъ хорошъ, и вообще это изданіе положительно является весьма желаннымъ на нашемъ книжномъ рынкѣ. Жаль только, что біографія Диккенса, предпосланная 10-му тому его сочиненій, крайне тоща: кромѣ чисто-біографическихъ данныхъ, очень сухо изложенныхъ, въ ней ничего нѣтъ,—а между тѣмъ и самая жизнь романиста представляетъ хорошій матеріалъ для біографіи, да и слава его вполнѣ заслуживаетъ хорошей критической статьи о немъ.

Волшебный фонарь. (Проекціонный аппаратъ). Туманныя картины и научная проекція. Практическое руководство **Г. Фуртье.** Переводъ съ французскаго со многими дополненіями и рисунками въ текстѣ **А. Д. Мина** и **Н. Н. Топальскаго.** Съ приложеніемъ статьи, составленной по «Scientific American» А. Д. Миномъ: «Проекція живыхъ фотографій». СПБ. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Волшебный или проекціонный фонарь, съ году на годъ получающій все бо́льшее и бо́льшее примѣненіе, давно уже пересталъ быть дѣтскою игрушкой; важнѣйшая его задача—иллюстрировать публичныя чтенія, и для этой цѣли примѣненіе его особенно развито у насъ, въ Россіи, но должно найти еще большее распространеніе въ будущемъ, когда проекціонные аппараты займутъ принадлежащее имъ мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ низшихъ школъ и кончая университетами, гдѣ, въ соединеніи съ микроскопомъ, они должны значительно облегчить и упростить демонстрацію читаемыхъ лекцій. Поэтому понятно, какъ важно имѣть хорошее руководство къ уходу за этими аппаратами и примѣненію ихъ. Такихъ руководствъ на русскомъ языкѣ почти совсѣмъ нѣтъ, и потому переводъ книги Фуртье пополняетъ весьма существенный пробѣлъ. Въ этомъ руководствѣ, подробно остановившись на описаніи всѣхъ существующихъ нынѣ проекціонныхъ аппаратовъ, авторъ обстоятельно толкуетъ объ источникахъ свѣта, необходимаго для нихъ, описываетъ производство разныхъ родовъ освѣщенія и ухода за лампами, горѣлками и пр. Не менѣе подробно указываетъ онъ и пріемы рисованія картинъ для фонаря, равно какъ и о самомъ произведеніи увеличенныхъ изображеній. Далѣе рѣчь идетъ о научномъ примѣненіи проекцій, объ увеличеніи изображеній и о микрофотографіи. Въ заключеніе указывается способъ производства китайскихъ тѣней и сценическихъ эффектовъ, а въ приложенной къ книжкѣ статьѣ «Проекція живыхъ фотографій» рѣчь идетъ главнымъ образомъ о текущей «злобѣ дня» въ области фотографіи,—именно о кинетоскопѣ Эдиссона и кинематографѣ (невѣдомо почему, неправильно именуемомъ у насъ «синематографомъ») Люмьера.

„Новое manuale pharmaceuticum“, изданное при участіи д-ра E. Bosetti, **Eugen Dieterich'омъ.** Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія, подъ редакціей д-ра **Н. П. Иванова.** Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1896.

Manuale pharmaceuticum является новымъ руководствомъ для аптекарей и фармацевтовъ для приготовленія лѣкарствъ. Громадное разрастаніе лѣкарственныхъ средствъ, усовершенствованіе способовъ приготовленія ихъ, заставляютъ офиціальныя фармакопеи всегда отставать на нѣсколько лѣтъ отъ быстраго хода науки. Настоящая книга значительно пополняетъ этотъ пробѣлъ, и появленіе ея на русскомъ языкѣ можно только привѣтствовать. Переводъ сдѣланъ хорошо, многочисленные рисунки новыхъ аппаратовъ, дополненіе изъ россійской фармакопеи, дѣлаетъ ее вполнѣ пригоднымъ руководствомъ для нашихъ фармацевтовъ.

Списокъ книгъ, доставленныхъ въ редакцію для отзыва:

Абрамовъ, Я. В. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. Попул.-юридич. библіотека, изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 25 к.

Айзлеръ, д-ръ. Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Перев. съ нѣм. **Н. Ремизовъ.** Изд. Н. Лейненберга. Одесса. 1897. Ц. 30 к.

Алексѣевъ, В. Лучшія луковичныя и шишковатыя растенія для комнатной культуры. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Бертенсонъ, В. А. Виноградарство на песчаныхъ почвахъ. Съ рис. въ текстѣ. Одесса. 1897. Ц. 60 к.

Борнсъ, Робертъ. Стихотворенія въ перев. русскихъ поэтовъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1897. Ц. 40 к.
Брайтвинъ, Элиза. Дружба съ природой. Разсказы въ изложеніи **Дм. Кайгородова.** Со мног. рис. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 50 к.
Бутми. Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи. Перев. съ франц. **М. Карова.** Изд. М. В. Клюкина. М. 1897. Ц. 60 к.
Васильевъ, М. Въ лѣсу и въ полѣ. Разск. и сказки для дѣтей. Съ рис. въ текстѣ. М. 1897. Ц. 30 к.
Васильевъ, М. Гурьбой. Разск. и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ рис. въ текстѣ. М. 1897. Ц. 30 к.
Васильевъ, М. Изъ дѣтства. Воспомин. и разсказы для дѣтей. Съ рис. М. 1897. Ц. 30 к.
Галанинъ, М. И., д-ръ. Бубонная чума, ея историко-географич. распространеніе, этіологія, симптоматологія и профилактика. Изд. Н. П. Петрова. СПБ. 1897. Ц. 2 р. 25 к.
Гагманъ, Н. Ѳ. Мячъ. Игры и упражненія съ нимъ, какъ пособіе физическаго воспитанія. М. 1897.
Гаркави, А. Я. Іегуда Галеви. Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности. Второе изданіе. СПБ. 1896. Ц. 25 к.
Глинскій, Б. Русское судебное краснорѣчіе. СПБ. 1897. Ц. 60 к.
Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Съ измѣнен. и дополн. примѣнит. къ Россіи, подъ ред. **А. Ѳ. Баталина.** Изд. А. Ф. Девріена. Вып. 9 и 10.
Дружининъ, К. Юридическое положеніе крестьянъ. Изд. юрид. кн. маг. Н. Мартынова. СПБ. 1897. Ц. 2 р.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. Изд. ред. журн. „Русск. Богатство". СПБ. 1897. Ц. 1 р.
Кацъ, В., д-ръ мед. Очки, ихъ польза и вредъ. Съ 7 рис. СПБ. 1897. Ц. 50 к.
Келлеръ, К., проф. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Перев. **П. Шмидта.** Вып. 9 и 10. Изд. А. Ф. Девріена. СПБ. 1897.
Коншинъ, В. В. Стихотворенія. Томъ I. СПБ. 1897. Ц. 2 р.
Крафтъ-Эбингъ, д-ръ. Учебникъ психіатріи. Перев. **А. Черемшанскій,** дирекоръ больницъ „Всѣхъ Скорбящихъ" въ СПБ. 3-е русск. изданіе съ примѣч. и дополн. переводчика. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1897. Ц. 5 р.
Крыловъ, И. А. Басни. СПБ. 1897.
Кузнецовъ, А. И. Повторительный курсъ всеобщей и русской исторіи. Новочеркаскъ. 1896. Ц. 40 к.
Лёббокъ, сэръ Джонъ. Какъ надо жить. Перев. съ англ. **Д. А. Коропчевскаго.** Изд. журн. „Дѣтскаго Чтенія" для взрослыхъ. М. 1897. Ц. 75 к.
Литвинова, Е. Ѳ. Правители и мыслители. Біографич. очерки. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 1 р.
М. М. Стихотворенія. СПБ. 1897. Ц. 40 к.
Мартыновъ, Н. Справочная книга для опекуновъ и попечителей. Изд. юрид. кн. маг. Н. Мартынова. СПБ. 1897. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
Маслянниковъ, К. И. За десять лѣтъ (1886—1895). СПБ. 1897. Ц. 1 р.
Небольсинъ, А. Г. Организація курсовъ для взрослыхъ рабочихъ. Изд. журн. „Технич. Образованіе". СПБ. 1897.
Невѣжинъ, П. М. Жестокая воля. Повѣсть. М. 1897. Ц. 1 р.
Неймайръ, М., проф. Исторія земли. Перев. подъ ред. проф. **А. А. Иностранцева.** Вып. I. Изд. тов-ва „Просвѣщеніе". СПБ. 1897. Ц. 1 вып. 50 к., за всѣ 30 вып. по подп. 11 р. безъ перес.
Орловъ, Е. Сократъ, его жизнь и философская дѣятельность. Біографич. библіот., изд. Ф. Павленкова. 1897. Ц. 25 к.
Покровская, М. И., ж.-врачъ. Санитарный надзоръ за жилищами и санитарная организація въ различныхъ государствахъ. СПБ. 1897. Ц. 1 р.
Прэнсъ, Ад. Организація свободы и общественный долгъ. Перев. подъ ред. **Р. И. Сементковскаго.** Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 80 к.
Сементковскій, Р. И. (И. В. Антаровъ). Евреи и жиды. Повѣсть. Изданіе 2-е. СПБ. 1897. Ц. 60 к.
Сементковскій, Р. И. (И. В. Антаровъ). Дѣвичьи сны. Повѣсть. Изданіе 2-е. СПБ. 1897. Ц. 60 к.
Стороженко, Олекса. Украинськи оповидання. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. 2 р.
Трачевскій, А., проф. Средняя исторія. 2-е изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1897. Ц. 4 р.
Хвольсонъ, О. Д. Курсъ физики. Т. I. Съ 377 рис. въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1897. Ц. 5 р.
Шопенгауэръ, А. Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. **Черниговца.** Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. 2 р.
Штейнъ, фонъ-, С. Ф. Описаніе плана и устройства клиники болѣзней уха, носа и горла, имени Ю. И. Базановой. М. 1896.
Штейнъ, С. Ѳ., фонъ-. Сборникъ, изданный ко дню открытія клиники болѣзней уха, носа и горла, имени Ю. И. Базановой. М. 1896.
Щербатова, О. А., княг. Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на Явѣ 1893 г. СПБ. 1897.
Энгельгардтъ, А. Н. Изъ деревни. 12 писемъ. 1872—1887. Изд. 3, А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. 2 р. 50 к.
Эсхилъ. Орестія. Трилогія. Вып. I. Агамемнонъ. Трагедія. Вып. II. Хоэфоры. Трагедія. Перев. **В. Алексѣевъ.** Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. кажд. вып. 15 к.
Журналъ международнаго и государств. права. Изд. прив.-доц. спб. универс. Э. Симсонъ. № 1—январь-февраль. СПБ. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 50 к.
Призывъ. Литературный сборникъ. Въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ. Издатель Д. Гаринъ-Виндингъ. Москва. 1897. Ц. 3 р. 50 к.
Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Львовымъ. Напѣвы записалъ и гармонизовалъ **Иванъ Прачъ.** Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. 3 р.

СМѢСЬ.

«Совѣстный фондъ» сѣверо-американскаго государственнаго казначейства — учрежденіе довольно старое, но о немъ начали чаще упоминать только со времени междоусобной войны. Этотъ фондъ не имѣетъ ничего общаго съ совѣстью «дяди Сама», такъ какъ подобные богачи не могутъ имѣть нечистой совѣсти; свое названіе онъ получилъ отъ маленькихъ анонимныхъ взносовъ тѣхъ лицъ, которыя когда-либо обманули или обокрали правительство и которыхъ угрызенія совѣсти побуждаютъ загладить свою вину. Первый такой взносъ былъ сдѣланъ очень давно, въ первое время существованія союзнаго государства, но лишь съ 1811 года правительство открыло совѣсти, пожелавшей увеличивать его доходы, спеціальный счетъ; съ тѣхъ поръ въ союзное казначейство поступило такимъ образомъ 271,448 долларовъ. Взносы являются большею частью въ видѣ совсѣмъ маленькихъ суммъ, но иногда простираются до нѣсколькихъ сотъ и даже тысячъ долларовъ. Религія играетъ большую, если не главную, роль въ такомъ неожиданномъ пробужденіи совѣсти. Какая-нибудь модница, положимъ, возвращается изъ путешествія по Европѣ и провозитъ контрабандой метръ кружевъ или дюжину

перчатокъ; впослѣдствіи она выходитъ замужъ за стараго Креза, который не даетъ ей наслаждаться жизнью, какъ бы ей хотѣлось, и вотъ она дѣлается набожной, думаетъ о своихъ грѣхахъ и... «дядя Самъ» получаетъ удержанную когда-то у него таможенную пошлину. Случалось даже, что въ казначейство поступалъ отъ «нечистой совѣсти» взносъ въ три цента отъ какой-нибудь доброй души, нѣкогда рѣшившейся употребить въ дѣло плохо заштемпелеванную старую почтовую марку. Трогательный случай такого рода былъ съ однимъ ветераномъ междоусобной войны, награжденнымъ за храбрость медалью. Съ войны онъ вернулся бѣднякомъ; она, все время его ждавшая, была также бѣдна, но она рѣшила ждать его еще дольше. Бравый ветеранъ работалъ и копилъ, но ничто ему не удавалось; въ концѣ концовъ дамѣ его сердца ожиданіе надоѣло, и она вышла за богатаго мясника изъ Цинциннати. Съ того самаго времени ветерану повезло, онъ получилъ значительное наслѣдство и большое единовременное пособіе, въ видѣ пенсіи за службу, но онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы снова влюбиться, и богатый старый холостякъ примкнулъ къ «арміи спасенія», аккомпанируя дробью на барабанѣ благочестивымъ гимнамъ дѣвицъ. Барабанъ разбудилъ его совѣсть, онъ углубился въ себя и пришелъ къ убѣжденію, что онъ не правъ, принимая отъ правительства денежное пособіе; и вотъ, онъ послалъ деньги въ «совѣстный фондъ». Большинство мучимыхъ совѣстью грѣшниковъ посылаетъ деньги анонимно, другіе поручаютъ отсылку своимъ духовникамъ, и только очень немногіе относятъ деньги самолично. Они съ невиннымъ видомъ стараются какъ бы невзначай узнать, гдѣ помѣщается бюро фонда, но сторожа настолько проницательны, что сразу узнаютъ жертвъ угрызеній совѣсти.

Образцовый оберъ-гофмейстеръ. Герцогъ де-Монтозье, оберъ - гофмейстеръ дофина Франціи въ царствованіе Людовика XIV, никогда не разрѣшалъ своему воспитаннику чтеніе обращенныхъ къ нему диѳирамбовъ. Однажды онъ все-таки засталъ дофина читающимъ одно изъ такихъ стихотвореній и наслаждающимся запрещеннымъ плодомъ. Вмѣсто того, чтобы отнять стихотвореніе, умный герцогъ заставилъ своего питомца читать стихи вслухъ, прерывая его въ концѣ каждаго періода саркастическими замѣчаніями: «Развѣ вы не видите, ваше высочество, что эти люди безнаказанно потѣшаются надъ вами? Не можете же вы, въ самомъ дѣлѣ, воображать, что обладаете всѣми необыкновенными качествами и способностями, какія вамъ приписываютъ? Съ какой досадой вы должны читать грубую лесть, которую не посмѣли бы вамъ преподнести, еслибъ не были самаго плохого мнѣнія о вашемъ умѣ!» Какимъ кладомъ для всѣхъ молодыхъ принцевъ былъ бы такой честный воспитатель!

Языкъ птицъ во многихъ случаяхъ можетъ считаться органомъ, прекрасно приспособленнымъ къ особенностямъ питанія каждаго отдѣльнаго вида пернатыхъ; чтобы оцѣнить цѣлесообразность этого приспособленія, достаточно вспомнить языкъ колибри и дятла, вытягивающійся подобно спиральной пружинѣ, когда нужно достать пищу изъ-подъ древесной коры. Въ журналѣ *Zoologischer Garten* Шенклинъ-Прево приводитъ рядъ интересныхъ наблюденій, изъ которыхъ мы заимствуемъ слѣдующія подробности. Кое-гдѣ еще сохранилось старое мнѣніе, что дятелъ прокалываетъ насѣкомыхъ своимъ сильно заостреннымъ языкомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ языкъ дятла напоминаетъ устройствомъ намазанный клеемъ прутъ, употребляемый для ловли птицъ, — онъ обильно покрытъ клейкимъ выдѣленіемъ, къ которому и прилипаетъ добыча дятла. Форма языка обыкновенно соотвѣтствуетъ формѣ клюва, но бываютъ исключенія изъ этого правила: такъ, напримѣръ, удодъ, въ противоположность длинному клюву, имѣетъ маленькій жесткій языкъ; у пеликановъ языкъ даже недоразвитъ. У большинства птицъ, кормъ которыхъ состоитъ изъ сѣмянъ, языкъ имѣетъ форму кинжала или шила, у другихъ онъ похожъ на лопату. Въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у совы, которая глотаетъ свою добычу цѣликомъ, языкъ въ видѣ лопаты служитъ для подкладыванія пищи. У славокъ, орѣховокъ, бекасовъ и др. языкъ на концѣ раздвоенный; иногда кончикъ языка у этихъ птицъ даже трехдольный. Языкъ колибри расколотъ на-двое почти до основанія, какъ бы спеціально для схватыванія маленькихъ насѣкомыхъ, которыми живутъ эти блестящія птички. Въ семействѣ попугаевъ Trichoglossidae кончикъ языка усаженъ особыми придатками наподобіе волосъ, числомъ отъ 250 до 300. У другихъ попугаевъ языкъ вообще свободенъ отъ жесткихъ придатковъ и сосочковъ, онъ толстъ, мясистъ и видимо служитъ органомъ осязанія. Толстый языкъ попугая очень напоминаетъ своимъ видомъ языкъ человѣка; вѣроятно, въ связи съ этимъ и способность попугая произносить звуки человѣческой рѣчи явственнѣе, чѣмъ у всякой другой птицы.

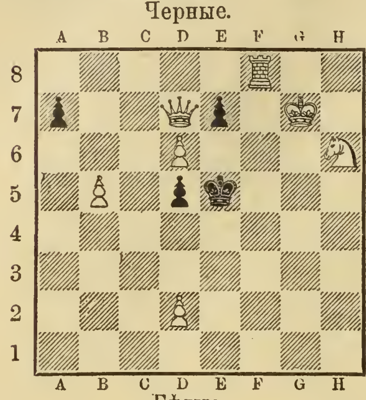
ШАХМАТЫ

подъ редакц. Э. С. Шифферса.

Задача №. 23.

Янъ Смутный (Богемія).

Черные.



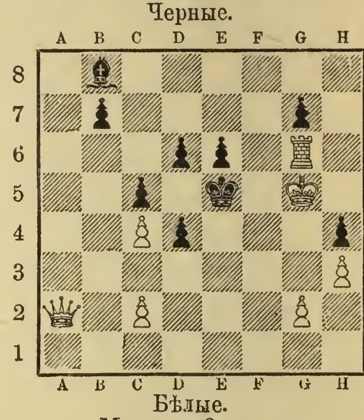
Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача №. 24.

И. Поспишиль (Прага).

Черные.



Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 25. **Aliquis (Прага).**

Бѣлые: ♔ a6 ♕ h6 ♘ e6, e5 ♙ b2, e2, f3.
Черные: ♚ d5 ♞ d6 ♟ c5.
Мать въ 2 хода.

Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

Курсъ концовъ партій.

(Продолженіе.)

§ 6. Проходная незащищенная пѣшка.

Въ практической партіи важно во-время опредѣлить, догоняется ли проходная пѣшка королемъ противника или нѣтъ. Если догоняется, то пѣшка пропадаетъ; если же не догоняется, то она проходитъ въ ферзя.

1.

Черные.

8
7
6
5
4
3
2
1
A B C D E F G H

Бѣлые.

Если въ данномъ положеніи бѣлые переходятъ къ упрощенному концу игры слѣдующимъ образомъ:

1.	Л. b7 : b6+	Ф. d4 : b6
2.	Ф. g5 : f6+	Кр. d6 — c5

то игра ничья, мѣняются ли бѣлые ферзями или нѣтъ; если же бѣлые правильно приводятъ къ упрощенному концу:

1.	Ф. g5 : f6+	Ф. d4 : f6
2.	Л. b7 : b6+	Кр. d6 — e5 (e7)
3.	Л. b6 : f6	Кр : f6

4. b5 — b6, то партія выиграна, такъ какъ пѣшка проходитъ въ ферзя.

Чтобы во всякое время скоро и вѣрно опредѣлить, можетъ ли пѣшка быть задержана королемъ противника, слѣдуетъ вообразить себѣ квадратъ, котораго стороны равны разстоянію отъ мѣста стоянки пѣшки (пѣшка, стоящая на g2, изъ-за двойного хода предполагается стоящею на g3) до поля, на которомъ она превращается въ фигуру. **Если король противника стоитъ внутри квадрата или при своемъ ходѣ можетъ вступить въ этотъ квадратъ, то пѣшка догоняется.**

(Продолженіе будетъ.)

Ради курьеза даемъ слѣдующую, недавно игранную въ Гастингсѣ, консультаціонную партійку.

ГАМБИТЪ ФРОМА.

Бёрдъ и Добелль.	Гунсбергъ и Лококъ.
Бѣлые.	Черные.
1. f2 — f4	e7 — e5
2. f4 : e5	d7 — d6
3. e5 : d6	С. f8 : d6
4. К. g1 — f3	g7 — g5
5. c2 — c3	g5 — g4
6. Ф. d1 — a4+	К. b8 — c6
7. К. f3 — d4	Ф. d8 — h4+
8. Кр. e1 — d1	g4 — g3
9. b2 — b3?	Ф. h4 : h2
Сдались.	

На 9. Л : h2 очевидно gh и затѣмъ h1 Ф.

Въ „pendant“ даемъ слѣдующую партію по перепискѣ.

ДЕБЮТЪ АЛАПИНА.

NN.	Б. Янковичъ.
(въ Х.)	(въ Ростовѣ.)
Бѣлые.	Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. К. g1 — e2	С. f8 — c5
3. f2 — f4	Ф. d8 — f6
4. c2 — c3	К. b8 — c6
5. g2 — g3	К. g8 — h6
6. С. f1 — g2	К. h6 — g4
7. Л. h1 — f1	К. g4 : h2
8. f4 : e5	Ф. f6 : f1+
9. С. g2 : f1	К. h2 — f3╪

Эти двѣ партіи, повидимому, кратчайшія изъ всѣхъ „серьезныхъ“ партій.

На первенство въ Америкѣ происходитъ матчъ между Пильсбери и Шовальтеромъ до 7 выигранныхъ партій однимъ изъ игроковъ. Ставка 1000 долларовъ.

Въ Петерб. Шахм. Общ. 8-го марта начался матчъ до 7 выигранныхъ партій, между М. Чигоринымъ и Э. Шифферсомъ. Матчъ устроенъ по иниціативѣ Н. С. Терещенко. Тамъ же происходитъ годовой турниръ гандикапъ. Въ Общ. Поощренія шахматной игры состоялось нѣсколько партій по консультаціи, въ которыхъ принимали участіе: С. Алапинъ, Э. Шифферсъ, Н. А. Сабуровъ, Н. С. Терещенко, С. И. Полнеръ и г. Маня. Вскорѣ предполагается начать турниръ - гандикапъ. Кромѣ того нѣсколько любителей этого общества играютъ матчъ по перепискѣ съ Кишиневскимъ шахматнымъ клубомъ.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ № 2 Литературн. прилож. „Нивы“ за Февраль 1897 г.

Задача № 7. **Янъ Котрчъ (Прага).** Матъ въ 3 хода.

1. Ф. g3—f2, Кр. e5; 2. Ф. f6+ и 3. Ф., п. ╪.
1. . . ., Кр. c5; 2. Л. a3+ и 3. Ф., С╪.
1. . .,∞; 2. Л. f3+, ∞. 3. Ф., С╪.

Задача № 8. **Л. К. Истоминъ (Харьковъ).** Матъ въ 3 хода.

1. С. h4—f2, Л. h5; 2. Ф. b8+, Кр. f5; 3. С. e3╪.
1. . . ., С∞; 2. Ф : f4+, Кр : f4; 3. С. d4╪.
1. . . ., d4; 2. Ф. c5+, Кр. f4; 3. С. e4╪.

Остальные варіанты понятны.

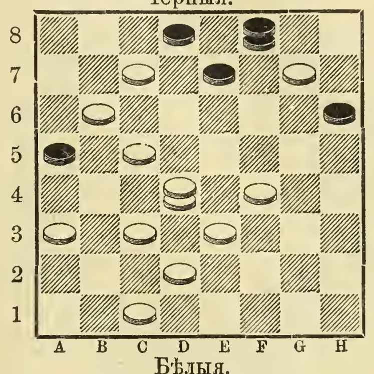
Правильныя рѣшенія прислали: обѣихъ задачъ: **К. Неліусъ** (Штриккенъ); **С. В. Трембицкій** (Смол. губ.); **Гудинецкій** (Бендеры); **Н. С. Даржанъ**, **Подписчикъ съ Охты** (СПБ.); **А. И. Богородицкій** (Старобѣльскъ); **А. А. Монети** (Таганрогъ); **Г. Утробинъ** (Вятка); **Г. Томанъ** (Уфа); **Б. Цымдынъ** (Мемзаль); **А. П. Адріановскій** (Саратовъ); **Г. Розенталь** (Штриккенъ); **Ш. И. Гитисъ** (ст. Бровки); **А. Д. Колпиковъ** (Казань); **Н. И. Лавровъ** (Москва); **А. В. Чижевскій** (Вязьма). (№ 8) **Г. К.** (Иваново, Гродн. г.); **В. Л. Дейбнеръ** (СПБ.); **Д. И. Сиротинъ** (Смоленскъ). (№ 7).

ШАШКИ.

Задача №. 26.

С. Е. Орловъ (сл. Журавка, Ворон. г.).

Черныя.



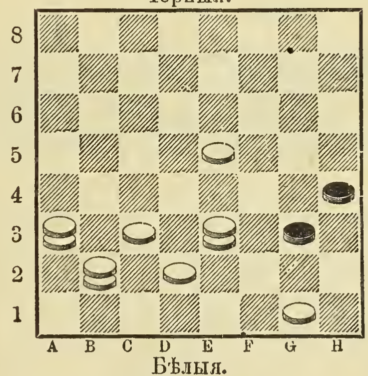
Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Задача №. 27.

А. И. Шошинъ (СПБ.).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку.

Рѣшеніе шашечной задачи № 9. А. К. Мишина (Б. Верейка), помѣщ. въ № 2 Литер. Прил. „Нивы“ за Февраль 1897 г. Запереть дамку и двѣ простыхъ.

1. a7—b8; 2. e5—f4; 3. f4—e3; 4. e1—f2; 5. f6 : c7; 6. a1 : g7; 7. c7—a5; 8. h6—g5; 9. b8—g3; 10. a5 : a1.

Правильныя рѣшенія прислали: **А. Я. Вагонъ**, **П. Харьковскій** (Орелъ); **К. И. Фанталовъ** (Муромъ); **С. И. Карасевъ** (Саратовъ); **И. Конопелкинъ** (Кіевъ); **И. И. Труневъ**, **А. Михальскій** (Гродно); **А. И. Маркинъ** (Москва); **К. И. Сотниковъ** (Харьковъ).

„Шахматный Журналъ“ (7-й годъ изданія), изданіе А. К. Макарова, подъ редакціей Э. С. Шифферса. Задачный отдѣлъ: ред. Н. И. Максимовъ. Шашечный отдѣлъ: ред. В. И. Шошинъ. Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Литейный просп., 46. Цѣна 6 р. въ годъ за 12 №№.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

подъ редакціей **Ю. Ѳ. Г.**

Пасхальная задача №. 28.

Требуется измѣнить порядокъ яицъ, но такъ, чтобы буквы трехъ концентрическихъ рядовъ дали привѣтствіе.

Задача №. 29.

Составить изъ данныхъ кусковъ плиту такъ, чтобы получилась надпись, находящаяся у Желѣзныхъ Воротъ на Дунаѣ.

Алгебраическая задача №. 30.

Командиру отряда понадобилось выстроить своихъ солдатъ въ квадратъ. Попробовалъ разъ—88 человѣкъ оказываются лишними; прибавилъ въ каждый рядъ по одному солдату—оказалось, что 57 человѣкъ не хватаетъ. Сколько солдатъ было въ его отрядѣ?

Рѣшеніе задачи №. 11

(помѣщ. въ „Лит. прил." за февраль 1897 г.)

Первый нищій имѣлъ при первомъ переходѣ черезъ мостъ 3 р. 50 к.; второй не выигралъ и не проигралъ, онъ имѣлъ 1 рубль.

Рѣшеніе задачи №. 12

(помѣщ. въ „Лит. прил." за февраль 1897 г.),

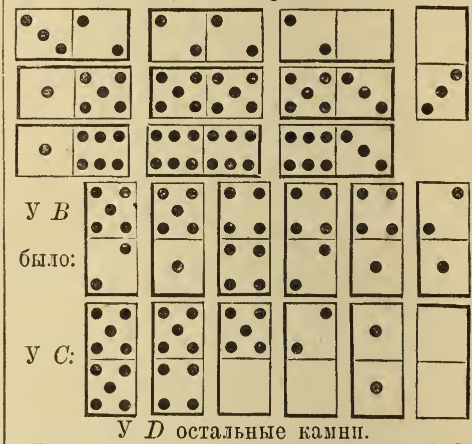
У погонщика въ табунѣ было 36 головъ.

Рѣшеніе задачи игры въ домино №. 10

(помѣщ. въ „Литер. прилож." за февраль).

Талонъ:

Ходъ игры:



У *D* остальные камни.

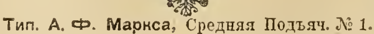
Правильныя рѣшенія этой задачи доставили: **И. В. Запоровъ** (СПБ.), **М. А. Пишчевичъ** (ст. Павлышъ), **В. В. Лубенскій** (Ростовъ-на-Дону), **И. П. Григорьевъ** и **Н. В. Ганьшинъ** (Харьковъ), **П. П. Булыгинъ** (Юрьевъ Польскій), **П. Е. Андреевъ** (Москва).

Рѣшеніе задачи №. 13.

Гарріэтъ Бичеръ-Стоу.
Хижина дяди Тома.

Правильныя рѣшенія этой задачи доставили: **С. П. Романовъ** (СПБ.), **Е. Д.** (Бѣжецкъ), **Д. С. Александровскій** (Бѣлгородъ), **М. Г. Фарбергъ** (Воронежъ), **М. Оршанскій** (Городокъ), **З. П. Голева** (Данковъ), **Г. Я. Модель** (Двинскъ), **Х. Е. Топаловъ** (Екатеринодаръ), **А. Д. Рославлева** (Изюмъ), **А. А. Чернявскій** (Казань), **Е. Стамсъ** (Клевань), **Ю. Грушецкій** (Кряжимъ), Женя и Сережа (Минскъ), **А. Панфилова** (сл. Михайловка), **А. Г-в-о** (Нижній-Новгородъ), **А. О. Сперанская** (Новые Чурасы), **М. А. Пишчевичъ** (ст. Павлышъ), **В. М. Жилкинъ** (Порѣчье), **А. Кузнецовъ**, **В. Г. Сефферъ** (Радомъ), **В. В. Лубенскій** (Ростовъ-на-Дону.), **Е. Тарнопольская** (Тирасполь), **А. Леманъ** (Тетюши), **Б. М. Яхнисъ** (Умань), **А. И. Садовниковъ** (Уфа), **И. П. Григорьевъ** (Харьковъ), **И. Н. Р—нъ** (Царицынъ), **А. Г—манъ** и **П. Деряба**.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. За редактора **А. Ф. Марксъ**.



Тип. А. Ф. Маркса, Средняя Подъяч. № 1.

Дозволено цензурою. СПБ. 3 апрѣля 1897 г.

Нирвана.

Повѣсть **В. М. Михеева.**

(Продолженіе.)

V.

Когда лодка начала приближаться къ тому мѣсту, гдѣ болѣе часа тому назадъ Нина Андреевна и Бодровъ сѣли въ нее, ихъ глазамъ предстала необыкновенно оживленная картина.

Негри выбралъ для пристани своего отеля и для своихъ купальныхъ домиковъ, которыхъ у него было два, самое удобное для купанья мѣсто. Поэтому бѣдныя соррентинки — мѣстныя мѣщанки - ремесленницы — около этого времени являлись съ кучей ребятъ на этотъ берегъ купаться и купать дѣтей. Полиція строго наблюдала только за тѣмъ, чтобы взрослые люди купались въ костюмахъ по крайней мѣрѣ,—женщины—въ рубашкахъ, мужчины—въ панталонахъ. Въ остальномъ соррентинцы пользовались полнымъ раздольемъ. Мужья этихъ растрепанныхъ синьоръ и отцы этихъ черныхъ, какъ арабчата, дѣтей днемъ были на службѣ или на работѣ; жены же, справившіяся по хозяйству, и дѣти неукоснительно посѣщали берегъ, чтобы поплескаться въ водѣ и поглазѣть на купающихся иностранцевъ изъ отеля.

Когда лодка была уже близъ берега, яркое солнце колоритно бросало блики и тѣни на лазуревую воду, на сѣро-лиловые утесы, на женщинъ, въ лѣнивой болтовнѣ сидѣвшихъ на берегу, на подростковъ-дѣвочекъ и дѣтей, барахтавшихся въ мокромъ пескѣ или плававшихъ въ болѣе мелкой прибрежной водѣ. Смуглыя, точно бронзовыя, фигурки дѣтей, во всей ихъ наивной наготѣ, нисколько не смущавшей мало-стыдливыхъ итальянцевъ и постепенно привыкающихъ къ этому чужеземцевъ, мелькали тамъ и тутъ. То черная, кудрявая головка высовывалась изъ воды, то смуглыя, крѣпкія ножки вдругъ вскидывались вверхъ и круглое тѣльце вертѣлось, снесенное и перевернутое волной. Обыкновенно братъ или сестра-подростокъ спѣшили въ этомъ случаѣ на помощь: тоненькія, изящно сложенныя тѣла ихъ облѣпляли—у дѣвочекъ—мокрыя, длинныя рубашки, у мальчиковъ—только короткіе панталоны. Часто пара такихъ подростковъ—дѣвочка и мальчикъ—уплывали рука объ руку довольно далеко, счастливые и довольные въ своей родной стихіи, среди глади моря, восторженно заглядывая въ черные, какъ агатъ, глазки другъ другу. Когда дѣвушка уставала раньше, мальчикъ,

полуобнявъ ее, придерживалъ на водѣ, чтобы она отдохнула. И утомленная головка прилегала къ голому бронзовому плечу товарища. Иногда совсѣмъ взрослая дѣвушка, съ вполнѣ сформировавшимся станомъ, плыла одиноко и стыдливо не подпускала къ себѣ ребятъ-подростковъ, и грудь ея, обрисованная мокрой рубашкой, какъ грудь наяды, выглядывала при взмахахъ рукъ изъ воды. Иногда, утомившись долгимъ плаваніемъ и достигши одинокаго камня среди моря, дѣвушка вылѣзала на него отдохнуть, и вся ея стройная фигура, облитая яркимъ солнцемъ, рисовалась на сѣромъ фонѣ утеса.

Такими фигурами дѣтей, подростковъ, дѣвушекъ кишѣли лазурныя волны на далекое пространство, и трудно было рѣшить, что красивѣе—море или эти юные купальщики, дышащіе здоровьемъ и счастьемъ.

Нѣкоторые жители отелей тоже пришли купаться. Подъ прикрытіемъ купальныхъ домиковъ они переодѣвались въ свои купальные костюмы и выплывали оттуда—то полосатые, какъ змѣи, то синіе, то красные.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Нина Андреевна, любовавшаяся этой картиной. — Вѣдь это Бошары! Да, они!

Дѣйствительно, далеко въ морѣ плыли двѣ фигуры плечо-о̀-плечо. Они были въ свѣтло-сиреневыхъ съ красными полосами одеждахъ въ обтяжку, и тонкая, темная, обнаженная рука синьоры Бошаръ охватывала шею мужа судорожно и крѣпко. Глаза ея были закрыты, губы полураскрылись, такъ что стиснутые зубы были ясно видны. Держась за мужа, она усиленно работала другой рукой и ногами, а онъ, и въ водѣ все тотъ же солидный коммерсантъ, плылъ увѣренно, хотя и нѣсколько тяжело.

— Вотъ барыня,—невольно сорвалось у Нины Андреевны, — которая, кажется, и въ купаньи цѣнитъ брачныя узы!

— О, это только оттого,—улыбнулся Бодровъ,—что мужъ не пускаетъ ее купаться одну. Боится, какъ бы не накуролесила. Эта барыня совершенная жрица любви. Они здѣсь въ отелѣ почти столько же времени, какъ я. Ухажибателей у нея бездна, и нѣтъ, кажется, угла, гдѣ бы она хоть на минуту не пряталась съ молодымъ человѣкомъ. Мужъ часто уѣзжаетъ по дѣламъ въ Неаполь. Тогда только ходи, да и оглядывайся, чтобъ неожиданно не спугнуть гдѣ-нибудь синьору Бошаръ и ея чичисбея.

— Фи, зачѣмъ сплетничать! Она, кажется, милая дама. И такая пикантная, хорошенькая!

— Да я не въ осужденіе, — засмѣялся Бодровъ.—Она, дѣйствительно, внимательная жена и хорошая мать. У нея премилый мальчикъ. Меня просто поражаетъ эта необыкновенная жизненность и жажда наслажденья... Она такой контрастъ...

— Кому? — быстро, съ любопытствомъ перебила Нина Андреевна.

— Да хоть бы мнѣ съ моей нирваной!—горько усмѣхнулся онъ.

— Опять эта нирвана!—досадливо воскликнула Нина Андреевна, но тутъ же, сейчасъ же, закатилась громкимъ смѣхомъ.—Посмотрите, посмотрите!—кричала она. — Джорджъ! Джорджъ! Ахъ, онъ злодѣй!.. И Дрейгель, Дрейгель за нимъ... Ха-ха-ха...

Бодровъ посмотрѣлъ туда, куда она указывала.

Въ волнахъ виднѣлись двѣ головы, одна впереди, другая — позади. Точно левъ, борющійся со стихіей, могучими движеніями мускулистыхъ рукъ быстро и легко плылъ впереди Гайришъ. Его большіе мокрые бакенбарды, какъ водоросли, колыхались на волнахъ, глаза сверкали весело и ожи-

вленно надъ уровнемъ воды. За нимъ виднѣлась некрасивая голова проблематическаго дипломата. Онъ былъ блѣденъ, испуганъ, мокрые волосы комично облѣпили его лобъ, онъ съ трудомъ и изо всѣхъ силъ старался догнать Гайриша.

— Плывите, плывите! — спокойно говорилъ Гайришъ, которому, очевидно, работа груди во время плаванія нисколько не мѣшала свободно дышать.—Никакихъ тутъ акулъ нѣтъ. А если бы какая-нибудь звѣрина и схватила васъ, — я ее пришибу! Будьте спокойны!

— Ну, да, какъ же!—едва находя силы говорить, очевидно, задыхаясь, сипѣлъ Дрейгель. — Она и васъ слопаетъ. А чортъ знаетъ, можетъ-быть, онѣ и есть тутъ... А-а-ой!—вдругъ неистово заревѣлъ Дрейгель.

— Что съ вами?—круто повернулся къ нему въ водѣ Гайришъ.

— Меня кто-то за ногу ухватилъ. Ей-Богу, ухватилъ! — вопіялъ Дрейгель, страшно блѣднѣя и барахтаясь въ водѣ.

Гайришъ молча подплылъ къ нему, полунырнулъ и вытащилъ цѣлую косму густыхъ блѣдно-зеленыхъ водорослей.

— Видите, какая это акула!—почти гнѣвно крикнулъ онъ, обматывая водоросли вокругъ руки.

— Хорошо вамъ!—жалобно просипѣлъ Дрейгель.—Нѣтъ, я поплыву къ берегу, тамъ лучше.

— Плывите, а то еще съ вами судорога отъ страха сдѣлается. Все равно потонете,—сказалъ спокойно-насмѣшливо Гайришъ и поплылъ снова впередъ.

Настоящій ужасъ исказилъ физіономію дипломата, и онъ принялся быстро улепетывать къ берегу. Во время этого-то разговора и увидала ихъ Нина Андреевна и расхохоталась минѣ Дрейгеля. Мужъ услыхалъ ея смѣхъ и повернулъ голову по направленію къ лодкѣ, гдѣ она сидѣла. Увидавъ ее, онъ въ нѣсколько сильныхъ взмаховъ былъ у борта лодки, и, не успѣли Бодровъ и Нина Андреевна опомниться, съ ловкостью гимнаста впрыгнулъ въ лодку, едва коснувшись борта рукой. Лодка сильно закачалась, Нина Андреевна закричала, но Гайришъ уже стоялъ посреди лодки, весь обтянутый купальнымъ костюмомъ, мокрый, съ обвернутой объ руку косматой водорослью.

— Джорджъ! Джорджъ! Не подходи, забрызгаешь! — кричала Нина Андреевна.

— Однако, братъ, мускулатура у тебя!—невольно восхитился Бодровъ.—Совершенно Геркулесъ, побѣдившій лернейскую гидру! А трава на рукѣ точно шкура несчастной гидры! Зачѣмъ ты ее намоталъ?

Но Гайришъ, стараясь движеніями длинныхъ, сильныхъ ногъ уравновѣсить качку лодки, смотрѣлъ въ море и весело кричалъ чуть не на весь заливъ:

— Мосье Дрейгель! Акула! Акула.

Дрейгель даже не повернулъ головы. Онъ утекалъ къ берегу.

— Зачѣмъ ты его пугаешь? Здѣсь вѣдь довольно глубоко, у него, въ самомъ дѣлѣ, можетъ судорога сдѣлаться. Вдругъ устанетъ, — упрекнула мужа Нина Андреевна.

— Туда и дорога! Беретъ за границей верхнимъ чутьемъ!—спокойно сказалъ Гайришъ.—А что касается травы, amice,—обратился онъ къ Бодрову,—знаешь, какая это трава? Чуешь, чѣмъ пахнетъ?—И онъ протянулъ руку, обмотанную травой, старому товарищу. Отъ травы шелъ ѣдкій запахъ.—Вѣдь это, батенька, іодъ, іодъ! Вѣдь это здоровье! Прелесть, что такое!—И онъ принялся усиленно нюхать траву сильно раздувающимися ноздрями крупнаго носа.—Эхъ, други мои! — воскликнулъ онъ. — Вотъ она

жизнь-то! Въ настоящемъ, такъ сказать, біологическомъ ея смыслѣ! Посмотрите на это солнце, на это море, которыя, кажется, вступили въ бѣшеный споръ. «Спалю!»—говоритъ солнце.—«Увлажу!»—говоритъ море.—И пускаютъ въ ходъ всѣ свои средства. И пускай жаритъ солнце! Накаляетъ тѣло, дѣлаетъ его бронзовымъ! Море, съ его солью, съ его травами, вольетъ только больше крови въ тѣло, море, испаряемое имъ же, солнцемъ! Посмотрите на этихъ черномазыхъ соррентинцевъ, обнюхайте меня, если это вамъ не противно, понюхайте-ка какъ я пахну солью, іодомъ, моремъ! Вотъ она жизнь!

Гайришъ говорилъ это, стоя въ удалой позѣ посреди лодки, статный и сильный. Мускулы такъ и выпирали подъ растяжимой матеріей купальнаго костюма. Солнце сверкало на влагѣ, оставшейся на его бородѣ и усахъ, голосъ его звучалъ свѣжо и сильно. Жена залюбовалась имъ. Бодровъ это замѣтилъ. Онъ странно поблѣднѣлъ.

— Вотъ, Нина Андреевна, вы упрекали его въ томъ, что онъ красиво говорить не умѣетъ. Чего же вамъ? Совсѣмъ поэтъ! — пожалъ онъ плечами.

— Кто, я не умѣю красиво говорить?—подхватилъ Гайришъ.—Милые вы мои! Что такое красота? Или возвышенное страданье, возвышенная болѣзнь, или идеальное, всестороннее здоровье! У кого къ чему даръ. Ты, пріятель,—повернулся онъ къ Бодрову,—въ своихъ статьяхъ весьма поэтично говоришь объ общественныхъ и психическихъ недугахъ. И еще бы красивѣе говорилъ, если бы тебя не рѣзали. Не даромъ у тебя физіономія часто зеленая! Ну, а я... давайте мнѣ здоровье, жизнь, да не здоровье борова въ лужѣ, а здоровье лебедя въ поднебесьи,—такъ ли я еще заговорю. Ну, женушка-лебедушка,—повернулся онъ къ Нинѣ Андреевнѣ.—Видѣла ты Бошаровъ? Вонъ они плывутъ.

И онъ указалъ на двѣ головы, которыя подплывали теперь къ одному изъ купальныхъ домиковъ.

— Видѣла. Они ужасно далеко, Джорджъ, плавали! — сказала Нина Андреевна.

— Далеко! пффъ! — презрительно засвистѣлъ Гайришъ.—Вотъ какъ ты начнешь купаться, мы съ ними, такъ сказать, супружескія гонки затѣемъ! Я не даромъ англичанинъ по крови, да и ты за себя постоишь: ты у меня крѣпенькая — ничего себѣ!—съ гордостью посмотрѣлъ онъ на жену, которая покраснѣла.—А ты, пріятель, плаваешь?—обратился онъ къ Бодрову.

— Какъ всѣ четвероногіе!—усмѣхнулся Бодровъ. — Но не безпокойся. Въ вашихъ супружескихъ гонкахъ я участія не приму. Предоставлю это Донайо и Венлино.

— Ну... не угонятся!—расхохотался Гайришъ самоувѣренно.

— Какъ знать!—усмѣхнулся Бодровъ. Ему вдругъ захотѣлось подразнить черезчуръ самодовольнаго пріятеля.—Они тоже природные моряки-соррентинцы.

Гайришъ снова засвисталъ сильнымъ свистомъ.

— Южане—моряки! Настоящіе моряки, голубчикъ, сѣверяне! Напримѣръ, мои прапрадѣды - норманны! Слыхалъ ты слово берсеркъ?

— Какъ не слыхать, — отозвался Бодровъ,—исторіей-то, кажись, занимался.

— Ну, такъ вотъ эти берсерки были моряки. Это среднее между великимъ героемъ пѣсни о Нибелунгахъ и неудержимымъ быкомъ испанскаго ипподрома. Вотъ это сила, вотъ это здоровье!—восклицалъ Гайришъ.

— Что же, ты себя что ли берсеркомъ считаешь?—прищурился на него Бодровъ.—Помилуй: полковникъ рус-

ской службы—и берсеркъ! Да и полковникъ-то, такъ сказать, гражданскій—врачъ! И вдругъ—берсеркъ!

— Анатолій Ильичъ! Анатолій Ильичъ! не обижайте мужа!—вступилась Нина Андреевна, чувствуя въ словахъ пріятеля мужа иронію.

— Вотъ такъ жена! Въ обиду не дастъ мужа!—весело засмѣялся Гайришъ.—Ну, къ чорту берсерковъ!—добродушно махнулъ онъ рукой.— Вотъ и къ берегу пристаемъ. Вы выходите на берегъ, а я нырну въ купальню одѣться.

И онъ вдругъ, взвившись какъ стрѣла, съ вытянутыми руками сперва вверхъ, потомъ внизъ, скрылся въ довольно глубокой водѣ и вынырнулъ уже далеко, почти у купальнаго домика, въ которомъ и исчезъ.

— Анатолій Ильичъ! дайте мнѣ слово не обижать мужа!—сказала Нина Андреевна, заискивающе-кокетливо и все-таки слегка сердито заглядывая въ глаза Бодрова.—Онъ, право, не заслуживаетъ ироніи. Онъ просто человѣкъ сильный, которому все удавалось, потому онъ говоритъ иногда нѣсколько смѣло и заносчиво. Вотъ и все...

— Помилуйте, голубушка, если я и позволяю себѣ иронію, то вѣдь совершенно простодушную, вполнѣ пріятельскую! Если хотите, я, конечно, не буду... Тѣмъ болѣе, что онъ такъ милъ, что и не отзывается на мои злостныя слова,—сказалъ добродушно Бодровъ.

— Ну, вотъ видите!—обрадовалась Нина Андреевна. — А пріятельская иронія, повѣрьте мнѣ, самая несимпатичная,—слегка уколола она.

— А вы знаете, вы сказали одно вѣщее слово,—медленно отозвался Бодровъ, не обративъ вниманія на ея замѣчаніе.—Человѣкъ, которому всегда все удавалось! Вѣдь это пожалуй и дѣйствительно берсеркомъ сдѣлаешься!

— Опять!—сердито застучала зонтикомъ о бортъ лодки Нина Андреевна.

— Да я же не иронизирую больше,—взмолился Бодровъ, — я только хочу сказать, что это счастье необыкновенное! Повѣрьте, я радъ и за васъ, и за него! Правда, завидую немножко, но зависть нашего брата, пришибленнаго мудреца, не опасна. Это не то, что зависть берсерка. Позавидовалъ—непремѣнно отниметъ. Потому, субъектъ сильный и въ себѣ не сомнѣвающійся!

Бодровъ говорилъ это безъ всякаго видимаго раздраженія. Онъ точно размышлялъ вслухъ.

— Да замолчите же вы, противный!—закричала Нина Андреевна.— А то я съ вами поссорюсь...

— Не поссоритесь, — улыбнулся онъ. — Съ человѣкомъ, готовымъ къ нирванѣ, трудно поссориться.

— Опять эта гадкая нирвана! — снова застучала зонтикомъ Нина Андреевна.

Но лодка въ это время пристала къ берегу. Они быстро вышли на берегъ. Тамъ уже стоялъ Дрейгель, одѣтый и дрожащій,—вѣроятно, не столько отъ холода, сколько отъ пережитыхъ во время купанья волненій.

— А Георгій Николаевичъ? — изумился онъ, не видя Гайриша въ лодкѣ.—Я видѣлъ, какъ онъ прыгнулъ къ вамъ въ лодку.

— Онъ не попалъ въ лодку. Въ ту самую минуту, какъ онъ хотѣлъ въ нее вскочить, его схватила за ногу акула—и онъ погибъ!—весело засмѣялась Нина Андреевна.

— Ай, злая, злая!—погрозилъ ей пальцемъ съ свойственной ему неожиданной фамильярностью Дрейгель.— Конечно, слѣдуетъ бояться. Кто его знаетъ, что̀ тамъ на днѣ! А эти проклятыя акулы, говорятъ, разинутъ пасть... и человѣка нѣтъ!

— Мосье Дрейгель! да вы живы?—

раздался веселый голосъ Гайриша, который въ это время выходилъ изъ купальнаго домика, одѣтый въ лѣтній бѣлый костюмъ изъ шевіота.—Я, честное слово, видѣлъ, какъ за вами гналась огромнѣйшая акула!

— Ахъ, довольно объ этихъ акулахъ!—разсердился Дрейгель.—Я опасаюсь, что monsieur Венлино ждетъ теперь, съ своимъ Тассо, madame!—ядовито напомнилъ онъ, посмотрѣвъ на свои карманные часы.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, кажется, скоро два! Я его пригласила. Надо бѣжать. Напою его кофе... Надо сказать, чтобъ приготовили...—заторопилась Нина Андреевна.

Дрейгель при словахъ о кофе ждалъ, что его пригласятъ. Простая вѣжливость требовала этого. Онъ и не подозрѣвалъ, что Нина Андреевна единственно затѣмъ и помянула о кофе, чтобы, не пригласивъ дипломата, уколоть его за ядъ напоминанія о Венлино. Видя, что приглашенія не послѣдовало, Дрейгель скорчилъ кислую гримасу. Но онъ былъ назойливъ и неотвязчивъ.

— Вы позволите, madame, предложить вамъ мою руку до отеля... Здѣсь подъемъ очень крутой,—сказалъ онъ, готовясь согнуть руку.

— Merçi, monsieur Дрейгель! У меня, какъ видите, есть кавалеры,—указала Нина Андреевна на Бодрова и мужа.—Вотъ лучше предложите руку madame Бошаръ. Они оба—и онъ, и она,—вѣроятно, устали. Они далеко плавали. Я видѣла.

Бошары въ это время выходили изъ другого купальнаго домика, одѣтые оба шикарно, съ нѣкоторой изысканностью костюма, свойственной итальянцамъ. Она была въ какомъ-то блѣдно-красномъ платьѣ, съ ярко-краснымъ зонтикомъ, безъ шляпки. А на мужѣ были свѣтло-сѣрые панталоны и синій пиджакъ, жилета не было. Ярко-голубой атласный кушакъ и такой же необыкновенно длинный галстукъ полуприкрывали его бѣлоснѣжную крахмальную рубашку; маленькая круглая шапочка изъ темной соломы сидѣла на самомъ затылкѣ.

— Нѣтъ, благодарю покорно,—по-русски отвѣтилъ на слова Нины Андреевны Дрейгель. — Пожалуй, посѣтивъ васъ, и къ madame Бошаръ зайдетъ синьоръ Венлино. Зачѣмъ же мѣшать!

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ рука Гайриша тяжело легла на его плечо.

— Уважаемый мой господинъ Дрейгель! — вѣско заговорилъ онъ. — Вы держитесь весьма благоразумнаго обычая: не мѣшать порядочнымъ людямъ посѣщать дамъ съ незапятнанной репутаціей.

Онъ говорилъ спокойно, но сдѣлалъ такое удареніе на словѣ «порядочнымъ» и такъ сдавилъ пальцами плечо Дрейгеля, что несчастный дипломатъ поблѣднѣлъ.

— О, синьоръ Венлино, несомнѣнно, очень порядочный человѣкъ, — почти прошипѣлъ онъ.

— Венлино—да, — продолжалъ давить его плечо Гайришъ, — что́ очень пріятно, ибо въ такихъ караван-сараяхъ, какъ Сорренто, можно встрѣтить очень непорядочныхъ людей...

— Конечно, конечно!—вдругъ искусственно добродушно заговорилъ Дрейгель, пытаясь освободить свое плечо изъ желѣзныхъ пальцевъ Гайриша.

Гайришъ посмотрѣлъ на него, пренебрежительно разсмѣялся и отвелъ руку отъ его плеча.

— Нина! Иди же. Венлино, дѣйствительно, можетъ-быть, ждетъ. Только насъ съ Анатоліемъ, голубушка, отпусти. Я хочу потащить его пройтись по городу. Я люблю пошляться послѣ купанья. Да притомъ мы съ нимъ заглянемъ въ какой-нибудь мѣст-

ный кабаре, выпьемъ вермуту или капри, покалякаемъ по-товарищески... Хочешь, Анатолій?

— Пойдемъ,—согласился Бодровъ.

Нина Андреевна, смотрѣвшая во время сцены съ Дрейгелемъ съ гордостью, почти съ восхищеніемъ на мужа, крѣпко пожала ему руку и весело сказала:

— Ступайте, ступайте! Только не закутите! Къ табльдоту придете? Приходите непремѣнно!

Ей было, очевидно, крайне пріятно всякое свидѣтельство дружбы и пріязни между ея мужемъ и ея старымъ пріятелемъ.

— Да, разсѣй ты его, Джорджъ! Онъ непростительно мраченъ!—крикнула она, уже взбѣгая на лѣстницу къ отелю.

И черезъ мгновеніе ея высокая цвѣтущая фигура скрылась за утесомъ, служащимъ парапетомъ этой натуральной лѣстницы. Гайришъ взялъ подъ руку Бодрова. Они пошли по узкой полоскѣ берега между утесами съ одной стороны и моремъ—съ другой, къ подъему на одну изъ площадей города. Дрейгель, которому никто изъ трехъ, расходясь, даже не поклонился, остался одинъ. Бошаровъ онъ тоже упустилъ. Они, не дойдя до подъема въ отель Негри, повернули на узкую лѣсенку въ чей-то частный домъ, вѣроятно къ знакомымъ. Проблематическій дипломатъ молча, въ очень дурномъ настроеніи, какъ будто не зная, что дѣлать, стоялъ на берегу.

— Не акулъ, а вотъ этакихъ субъектовъ надо теперь опасаться, — сказалъ онъ, наконецъ, громко по-нѣмецки.—Ишь лапы-то! До сихъ поръ плечу неловко!..

И онъ вяло поплелся къ себѣ.

VI.

Когда Гайришъ и Бодровъ по широкому подъему, идущему отъ берега къ городу зигзагами, поднялись на главную площадь Сорренто, они увидали, что это небольшое пространство, окруженное невзрачными каменными домами, было уставлено какими-то высокими рѣшетками, крестами, звѣздами изъ тонкихъ деревянныхъ палокъ.

— Э! да тутъ готовятъ фейерверкъ! — весело воскликнулъ Гайришъ. — Надо будетъ посмотрѣть. Я слышалъ, что итальянцы—великіе мастера въ пиротехникѣ! Только по какому случаю?

— А вѣроятно, просто праздникъ какого-нибудь святого въ одномъ изъ мѣстныхъ храмовъ. У нихъ духовенство постоянно потѣшаетъ на свой счетъ народъ. Нѣчто въ родѣ древнеримскихъ ludi sacri!—отозвался Бодровъ.

Они съ Гайришемъ шли въ это время по узкой улицѣ, обсаженной деревьями, которая была совершенно пуста. Маленькій прибрежный городокъ, куда съѣздъ иноземцевъ едва начался, жилъ своей жизнью — тихой и незамѣтной. Подъ вечеръ улицы его оживали. Семьи располагались у входа домовъ, начиналась громкая, шумливая болтовня. Въ эти же жаркіе полуденные часы все или работало, или пряталось. Только необыкновенно сытый аббатъ въ черной рясѣ и смѣшной шляпѣ, съ узкими и длинными полями, медленно шелъ по аллеѣ, читая на ходу книгу въ кожаномъ переплетѣ. Когда Бодровъ и Гайришъ поровнялись съ нимъ, черные, жесткіе и необыкновенно зоркіе глазки внимательно посмотрѣли на нихъ съ его оплывшаго, жирнаго лица, тщательно выбритаго.

— Не находишь ты, что у Дрейгеля есть что-то общее съ этимъ іезуитскимъ жирно-постнымъ попомъ?—спросилъ неожиданно Гайришъ.

— Однако, Дрейгель тебя не на

шутку разозлилъ? — усмѣхнулся Бодровъ.

— Еслибъ ты зналъ, съ какой охотой вкатилъ бы я ему плюху! — горячо воскликнулъ Гайришъ.—Я понимаю — отбей у меня жену... За счастье, даже просто за свой успѣхъ бороться всякій въ правѣ. Но, чувствуя свое безсиліе, язвить, грязнить женщину... Возмущаетъ это меня! До сихъ поръ я золъ! Зайдемъ, выпьемъ! Вонъ, видишь, надпись: Liquorista! значитъ, злачное мѣсто со всякими амброзіями.

И Гайришъ, точно не желая больше вспоминать о Дрейгелѣ, повернулъ въ дверь магазина, въ окнахъ котораго виднѣлись фрукты, конфеты и бутылки съ винами. Бодровъ послѣдовалъ за нимъ.

Магазинъ былъ довольно просторенъ. За длиннымъ прилавкомъ съ мраморной доской, на которомъ стояли большіе вѣсы, возвышались безконечныя полки, уставленныя самыми разнообразными бутылками, сосудами, флаконами. Вся радуга цвѣтовъ, начиная отъ ярко-зеленаго шартреза и кончая ярко-оранжевымъ абрикотиномъ, переливалась въ стеклѣ этихъ хранилищъ вина и сладкихъ напитковъ. По задней стѣнѣ, окна которой выходили въ довольно скудный садъ, стояло нѣсколько мраморныхъ столиковъ и легкихъ металлическихъ стульевъ. У прилавка на табуретѣ дремала великолѣпная бѣлая кошка.

За прилавкомъ стояла молодая женщина съ томнымъ, усталымъ лицомъ, блѣдная и задумчивая. Маркизы оконъ были спущены, и глубокая тѣнь охватывала и ярко-цвѣтные блики напитковъ, и пушистую бѣлоснѣжную шерсть кошки, и неподвижно - мечтательную фигуру продавщицы. Вслѣдствіе тѣни было прохладно въ пустомъ и обширномъ каменномъ помѣщеніи. Пахло фруктами, мятой, ликерами, и этотъ сладковато-пряный запахъ дѣйствовалъ разнѣживая.

Тишина была полная. Когда Гайришъ и Бодровъ вошли, даже шаговъ ихъ не было слышно: каменный полъ былъ густо усыпанъ отрубями.

— Messieurs!—обратилась къ нимъ продавщица томнымъ, ласкающимъ голосомъ, и большіе черные глаза ея остановились на нихъ съ какой-то покорной мольбой.

— Бутылку хорошаго вермута, мадамъ, но хорошаго, туринскаго, настоящаго, вотъ на тотъ столикъ! — сказалъ по-французски Гайришъ, показывая на самый отдаленный столикъ у одного изъ оконъ.

— S'il vous plait, messieurs!—еще съ большей томной жалобой указала имъ на этотъ столикъ продавщица, приглашая занять мѣсто, и потомъ музыкальной нотой точно пропѣла:

— Альфредо!

Какъ гномъ изъ-подъ земли, появился откуда-то сзади малый въ сѣрой курткѣ, бѣломъ фартукѣ и туфляхъ изъ морской травы.

Не успѣли Гайришъ и Бодровъ сѣсть къ столику, снять шляпы, отереть потъ со лба, какъ Альфредо, двигаясь совершенно безшумно, подалъ имъ нѣсколько бутылокъ и двѣ узкія рюмки (наподобіе миніатюрныхъ бокаловъ) изъ блѣдно - розоваго венеціанскаго стекла съ еще болѣе блѣднымъ, тонкимъ золотымъ узоромъ.

Гайришъ молча выбралъ бутылку, которую Альфредо безшумно и почти мгновенно откупорилъ. Густая, прозрачно-золотого цвѣта, темнаго оттѣнка, влага полилась изъ горлышка бутылки въ изящныя рюмочки. Альфредо, исполнивъ свое дѣло, поставилъ бутылку на столъ и скрылся такъ же неслышно.

— Messieurs! Des bisquits! — раздался томный вздохъ продавщицы изъза прилавка.

Гайришъ посмотрѣлъ на Бодрова, тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Oh, non, madame, merçi! — поклонился въ сторону продавщицы Гайришъ.

Тогда она вынула изъ наполненной водою вазы, стоявшей на окнѣ, въ которой былъ букетъ розъ, двѣ блѣдноалыхъ розы и, безшумно, томно приблизившись къ ихъ столику, при чемъ ея тонкій станъ откидывался назадъ въ какомъ-то кокетливомъ изнеможеніи, положила розы передъ ними. Когда они встали, благодаря ее и предлагая ей вермуту, она слегка прикоснулась къ одной рюмочкѣ губами, заглянула въ ихъ глаза кокетливо и ласково и отошла. Она была довольно красива, и глаза ея, умные и проницательные, какъ будто говорили: я знаю и понимаю, какъ вамъ здѣсь хорошо! Затѣмъ она сѣла за прилавкомъ, углубившись въ книгу. Кошка мягко спрыгнула съ табурета и терлась с ноги Гайриша, мелодично мурлыкая. Изъ окна, у котораго сидѣли старые товарищи, пахло магноліями; розы, которыя они вдѣли себѣ въ петлицы, также сильно благоухали; тонкій ароматъ шелъ и отъ вина.

— Хорошо, дружище! — вырвалось у Гайриша, когда онъ медленными глотками тянулъ довольно крѣпкую, слегка вяжущую влагу вермута, откидывая голову назадъ и наклоняя надъ ртомъ рюмку.—Здѣсь даже кабачокъ— и тотъ изященъ! Вотъ именно въ такой обстановкѣ тишины и красивой предупредительности надо пить вино, среди запаха цвѣтовъ, посмотрѣвъ въ красивые женскіе глаза... и не въ глаза женщины, въ которую влюбленъ, а именно въ новые для тебя глаза, къ которымъ ты равнодушенъ, но изящная ласка которыхъ скользнетъ по тебѣ, какъ лучъ солнца сквозь жалюзи... И даже эта кошка необходима. Какъ мягко она мурлычитъ...

— Не нужно ли тебѣ, чтобы кто-нибудь еще пятки чесалъ въ это время?—усмѣхнулся Бодровъ.

— Ахъ, Анатолій! Зачѣмъ портить хорошее мгновеніе ненужной ироніей, да еще въ видѣ грубой картины азіатскихъ привычекъ! Умѣй наслаждаться! Будь здоровъ!.. Что это ты такъ глубокомысленно уставился въ рюмку? Пей!

Бодровъ, дѣйствительно, странно поблѣднѣвъ, сосредоточенно смотрѣлъ на вино... Онъ поднялъ глаза, взглянулъ на Гайриша, потомъ сказалъ совершенно спокойно:

— А видишь ли, при взглядѣ на вино, мнѣ вспомнилась одна психофизіологическая проблема, одно мое наблюденіе, которое ты, какъ медикъ, можетъ-быть, отчасти разъяснишь.

— Что такое? — заинтересовался Гайришъ.

— Видишь ли, приходится прибѣгнуть къ воспоминаніямъ,—началъ, медленно отхлебывая вермутъ, Бодровъ. — Помнишь ты самоубійство нашего товарища Борзикова на 3-мъ курсѣ. Помнишь, сколько оно надѣлало переполоха среди насъ?

— Еще бы! — горячо воскликнулъ Гайришъ.—Я помню, какъ мы съ тобой ломали копья въ спорахъ съ нашими пессимистами, утверждавшими, что самоубійство не совсѣмъ заслуживаетъ порицанія. Ты всѣхъ горячѣе поддерживалъ меня въ борьбѣ съ этими защитниками самаго глубокаго и позорнаго малодушія, какимъ я и теперь считаю самоубійство, если только оно не сумасшествіе, или не результатъ буквальнаго голода, что почти одно и то же, принимая въ расчетъ душевное состояніе голоднаго.

— А какъ ты полагаешь, отчего я такъ горячился тогда, поддерживая

тебя? — тихо спросилъ Бодровъ, постукивая рюмкой о мраморъ стола.

— Отчего? — заволновался Гайришъ. — Понятно отчего. Такой головастый парень, какъ ты, не могъ не понять, что я правъ!

— Не совсѣмъ такъ, — улыбнулся Бодровъ. — Теперь я тебѣ сознаюсь. Оттого, что я передъ тѣмъ самъ соблазнялся покончить съ собой!—медленно отчеканилъ онъ.

Гайришъ вытаращилъ глаза.

— Ты?—крикнулъ онъ, точно выстрѣлилъ, такъ что кошка прыгнула прочь и скрылась подъ табуретъ.

— Я, — спокойно отвѣтилъ Бодровъ. — Причина была — несчастная любовь... Помнишь ты молоденькую танцовщицу изъ кордебалета, жившую со мной рядомъ въ номерахъ?

— Козочку, какъ мы ее звали? Хорошенькій была чертенокъ, хотя нѣсколько тоща. Какъ же, помню!—улыбнулся весело Гайришъ.

— Ну, такъ я на этой козочкѣ чуть не женился. Втюрился я въ нее по уши. И любопытно, что всѣ ея недостатки сознавалъ — легкомысліе, необразованность и т. п. Сколько разъ дѣло было на ниточкѣ. Сопротивлялась *она*. Чувствовала, что мы не пара... И я было совсѣмъ убѣдилъ ее... да...

Бодровъ нѣсколько нахмурился и замолчалъ.

— Ну что же? Вѣдь, мнѣ помнится, она къ кому-то на содержаніе попала,— осторожно сказалъ Гайришъ.

— Вотъ именно,—продолжалъ спокойно Бодровъ.—Ну, а я цѣлый годъ ходилъ какъ въ воду опущенный и подумывалъ — не пустить ли пулю въ лобъ. А потомъ захворалъ жесточайшей нервной лихорадкой.

— Помню, помню,—оживленно закричалъ Гайришъ, — я же съ тобой возился. И форма болѣзни была курьезная!

— Ну, вотъ именно, — задумчиво смотря передъ собой въ пространство, говорилъ Бодровъ.—Помнишь, конечно, что на второмъ курсѣ я и ничего не дѣлалъ, и покучивалъ часто.

— Ха-ха-ха! да я всѣ пять курсовъ и въ университетѣ, и потомъ, въ академіи, ничего не дѣлалъ и кутилъ, кромѣ времени экзаменовъ, а всѣ профессора были увѣрены, что буду знающій врачъ! Мнѣ кажется, я никогда не забуду физіономій этихъ ученыхъ индюковъ, когда, бывало, они твердятъ на каѳедрѣ свои зады, а у тебя голова съ похмелья готова треснуть! Великолѣпное было время! Ну, дружище, за alma mater, — хотя потомъ она тебѣ дала по шеѣ, а я самъ удралъ отъ этой операціи!

И хохотъ Гайриша, который чокнулся рюмкой съ Бодровымъ, заставилъ вздрогнуть томную продавщицу. Кошка спряталась подъ ея платье.

— Ну, такъ вотъ, въ это самое великолѣпное время я собирался пустить себѣ пулю въ лобъ, — продолжалъ спокойно, отпивъ вина въ честь alma mater, Бодровъ.—Но ты, конечно, также помнишь, что я во всемъ былъ большой рефлектёръ. И вотъ, сообразно этому, внутренно сознавая, что вопросъ отправленія моего ad patres есть только вопросъ времени,—я наблюдалъ, такъ сказать, въ какой обстановкѣ лучше совершить это отправленіе.

— То-есть?—удивился Гайришъ.

— То-есть—я, напримѣръ, уходилъ весной въ поля за Ходынку и думалъ, какъ это выйдетъ на лонѣ природы. Или запирался у себя въ номерѣ и соображалъ, не хорошо ли свершиться этому въ ночной тишинѣ, за запертой дверью. Или уходилъ на галерку въ театръ и испытывалъ, не кувырнуться ли среди публики съ 5-го яруса, внизъ головой.

— Однако ты изучалъ вопросъ основательно!—захохоталъ Гайришъ.

— Полагаю,—невозмутимо продолжалъ Бодровъ. — И вотъ тутъ-то открылъ, что самое подходящее покончить съ собой—за стаканомъ вина.

— Какъ древніе эпикурейцы? — перебилъ его Гайришъ.

— Нѣтъ, тутъ не эпикуреизмъ, — возразилъ серьезно Бодровъ, — тутъ, такъ сказать, натурфилософія. Видишь ли, на вино я былъ всегда крѣпокъ. Чтобъ окончательно одурѣть отъ него—мнѣ надо было пить часами. Но передъ опьянѣніемъ у меня всегда наставалъ одинъ моментъ, — моментъ и возбужденія, и поразительнаго равновѣсія духа. Помнишь — нѣчто подобное происходитъ, если вѣрить Достоевскому, незадолго передъ припадкомъ падучей. Чувствуешь себя необыкновенно хорошо, и въ то же время ко всему удивительно равнодушно. Точно будто исполнилъ въ жизни все, что слѣдовало, достигъ всего, что хотѣлъ, узналъ ощущеніе такого психофизическаго здоровья, что будетъ жаль, если вернешься снова къ прежнимъ несовершеннымъ ощущеніямъ. Остается одно — исчезнуть, исчезнуть мгновенно, самому не замѣчая того!

Бодровъ говорилъ все это какъ-то тихо, затаенно, глаза его были неподвижны, голосъ былъ все глуше, лицо блѣднѣло.

— Отчего-жъ ты не... исчезъ тогда?—тихо спросилъ Гайришъ, зорко присматриваясь къ нему.

Бодровъ точно встряхнулся.

— Просто оттого, — сказалъ онъ почти небрежно,—что я былъ всегда остороженъ. И изучая всѣ благопріятныя условія для самоубійства, никогда не держалъ близко въ эти минуты орудій его—отъ револьвера до спичекъ включительно.

И онъ даже разсмѣялся. Лицо Гайриша, на которомъ появилось нѣкоторое безпокойство, разомъ просвѣтлѣло.

— Вѣдь вотъ,—весело воскликнулъ онъ, — что̀ значитъ здоровая голова! Даже въ психозѣ смѣтку сберегъ.

— Ужъ будто это былъ психозъ?—иронически скривилъ губы Бодровъ.

— А ты думаешь какъ? — загорячился снова Гайришъ.—То-есть, я психозомъ называю твое тогдашнее стремленіе къ самоубійству, а то, что ты сказалъ насчетъ вина... это тоже понятная штука.

— Что же это такое?—жадно впился въ глаза пріятеля Бодровъ.

— А вотъ что,—началъ обстоятельно объяснять Гайришъ.—Испытывалъ ты нѣчто подобное... ну, буду говорить прямо... ну... въ счастливомъ сожительствѣ съ женщиной?

— Д-да...—нерѣшительно протянулъ Бодровъ.

— Но тогда, конечно, о самоубійствѣ и не думалось,—улыбнулся Гайришъ.—Это очень понятно. Но источникъ ощущеній одинъ. Видишь,—природа создала человѣческую машину такимъ образомъ, что если всѣ ея винты, ремни, шестерни, пружины и токи — въ полномъ порядкѣ, она, то-есть, эта машина, чувствуетъ себя превосходно, въ полномъ довольствѣ. Но нужно, чтобы это было такъ, — иначе она чувствуетъ себя или скверно, или, что называется, такъ себѣ, — что въ сущности также довольно скверновато. Жизнь ставитъ эту машину въ связь съ другими ей подобными машинами. Связь эта, по бо̀льшей части, неудовлетворительная. Поэтому вся вселенная, эта безграничная и плохая фабрика счастья органическихъ существъ — скрипитъ, дымитъ и воняетъ. Тогда является всесмазывающій элементъ, такъ сказать, масло жизни; этотъ элементъ по бо̀льшей части является въ трехъ видахъ: во-первыхъ, въ видѣ вдохновенія въ любимой работѣ. Ты, вѣроятно, и въ этомъ случаѣ иногда

испытывалъ нѣчто подобное тому, о чемъ ты разсказалъ...

— Да, правда, и это случалось, — задумчиво вставилъ Бодровъ.

— Ну, вотъ видишь. И такъ, вдохновеніе въ любимой работѣ—primum; secundum:—соединеніе двухъ особей разныхъ половъ при условіи полнаго психофизическаго соотвѣтствія (вещи въ нашихъ связяхъ и бракахъ крайне рѣдкой) и, наконецъ, tertium: — horribile dictu — въ выпивкѣ до извѣстнаго предѣла... Первые два случая, такъ сказать, законнѣйшіе, желательные. Но сцѣпленіе органическихъ машинъ природы столь скверно, что болѣзнь, пауперизмъ, рутина, случай и т. п. прелести отнимаютъ у большинства изъ насъ и любимую работу, и нужную намъ женщину. Зато почти у каждаго хоть разъ въ жизни найдется пятакъ на лишній шкаликъ. И вотъ, шкаликъ выпитъ, нервы подняты, органическая машина счастлива, и ей не страшно исчезнуть, ибо она хоть на мгновеніе достигла кульминаціоннаго пункта своего призванія: полноты и равновѣсія ощущеній. Во всякомъ случаѣ, такое ощущеніе при выпивкѣ говоритъ объ одномъ: — физическій организмъ выпивающаго совершенно здоровъ; если онъ попорченъ,—въ немъ бы не было даже въ выпивкѣ такого равновѣсія ощущенія... Вотъ почему надо пить и не быть пьяницей, ибо пьянство разрушаетъ физику, а разумная выпивка порой можетъ служить суррогатомъ счастья... Ergo bibamus и pereat — слѣпая мораль трезвенниковъ!.. — съ веселымъ смѣхомъ поднялъ рюмку Гайришъ, окончивъ свою длинную, оживленную рѣчь.

Бодровъ слушалъ его внимательно, полузакрывъ глаза.

— Ты отлично это объяснилъ! — сказалъ онъ вдругъ неожиданно горячо и пожалъ руку стараго товарища.

— Штука простая, милый мой!— присматриваясь къ нему, сказалъ Гайришъ.—Надо только человѣчеству добиваться, чтобы въ руки каждаго попадало настоящее дѣло и настоящая женщина, то-есть для него, для каждаго индивидуума—настоящая,—по закону нужныхъ контрастовъ и соотвѣтствій. Почему слѣдуетъ искоренять бѣдность—иначе рабство, и рутину—иначе трусость!.. Да,—неожиданно перешелъ въ другой тонъ Гайришъ, зорко присматриваясь къ старому товарищу, который сталъ странно задумчивъ. — Теперь... у тебя... нѣтъ... никакой... этакой... *ненастоящей*... балерины?

Бодровъ вдругъ весело разсмѣялся,

— Нѣтъ, успокойся. Я теперь человѣкъ женатый,—сказалъ онъ вѣско.

— Ну, то-то, — покосился на него Гайришъ.—Однако, пойдемъ. Скоро и время табльдота. Жена моя всегда такъ держитъ свои обѣщанія, что было бы стыдно не уважить ея просьбу... Да и бутылкѣ конецъ.

И онъ весело перевернулъ бутылку горлышкомъ внизъ.

Распростившись съ томной продавщицей, которой Гайришъ наговорилъ комплиментовъ, на что она только улыбалась, давъ pourboire Альфредо и весело шикнувъ на кошку, которая на этотъ разъ прыгнула за прилавокъ,—Гайришъ пошелъ изъ тихаго пріюта. Бодровъ шелъ за нимъ въ странной задумчивости.

— Да, тряхнешь прошлымъ—задумаешься,—соображалъ по поводу этого Гайришъ, торопясь къ табльдоту.

VII.

Табльдотъ прошелъ такъ же оживленно, какъ и въ прошлый разъ. Лица присутствовали тѣ же, за исключеніемъ Дрейгеля, который не явился. Гайришъ и Бодровъ пришли уже тогда, когда всѣ размѣстились за столомъ.

Старушка - генеральша сѣла попрежнему во главѣ стола, Берта, дочь ея, съ ней рядомъ, потомъ Бошары. Но Донайо на этотъ разъ втиснулся между Бертой и синьорой Бошаръ. Онъ имѣлъ особенно томный и разочарованный видъ. Обѣ его сосѣдки старались его развлекать, обращаясь съ нимъ, какъ съ капризнымъ больнымъ ребенкомъ. На полномъ лицѣ Берты было разлито довольство тѣмъ, что Донайо, сидя съ ней рядомъ, какъ бы принадлежитъ ей. Синьора Бошаръ была также довольна: Донайо, несмотря на разочарованный видъ, усиленно пожималъ ей ножку подъ столомъ.

Причина разочарованія музыканта была ясна: Венлино, довольный, хотя особенно сдержанный, сидѣлъ рядомъ съ Ниной Андреевной и почти вполголоса, не умолкая, красиво тонируя и слегка грассируя, говорилъ ей объ итальянской литературѣ, которой онъ оказался положительнымъ знатокомъ. Поклонникъ Леопарди, онъ то и дѣло, наклоняясь къ Нинѣ Андреевнѣ, читалъ по-итальянски, сейчасъ же, впрочемъ, переводя на французскій, цитаты—изъ поэта-пессимиста. Итальянскіе стихи звучали въ устахъ его очень красиво, и, при чтеніи ихъ, въ глазахъ Венлино останавливался какой-то мечтательный туманъ. На Нину Андреевну странно-упоительно дѣйствовалъ этотъ разговоръ итальянца о поэтахъ. Въ Россіи она не привыкла къ такимъ темамъ и къ такому воодушевленному поклоненію поэзіи. Она слушала Венлино внимательно, вся насторожась. Одно ее смущало: Венлино такъ смотрѣлъ ей въ глаза, что, казалось, сейчасъ признается ей въ любви. Но онъ былъ въ то же время почтителенъ и деликатенъ.

Гайришъ, войдя, посмотрѣлъ зорко, но спокойно на него и жену и самъ сѣлъ напротивъ, посадивъ на свое мѣсто, рядомъ съ Ниной Андреевной, Бодрова, который также внимательно сталъ слушать полную тонкихъ замѣчаній рѣчь Венлино. Гайришъ же принялся усиленно шутить со старушкой - генеральшей, которая объявила ему торжественно, что со вчерашняго дня она въ него влюблена.

Бодровъ и Гайришъ замѣтили, что какъ дамы, такъ и мужчины, были сегодня особенно тщательно одѣты. Это вскорѣ объяснилось. Любезный Венлино, въ качествѣ одного изъ старшинъ мѣстнаго клуба—circolo—какъ онъ назвалъ, пригласилъ все общество смотрѣть съ балкона этого клуба иллюминацію, которую устраивала одна изъ соррентинскихъ церквей въ честь своего святого.

Когда табльдотъ уже подходилъ къ концу и были поданы апельсины, винныя ягоды и орѣхи, въ тишинѣ вечера раздалась стрѣльба.

— А, началось!—воскликнулъ Венлино, вскакивая изъ-за стола и предлагая руку m-me Гайришъ.

Донайо, къ великому огорченію Берты, повелъ синьору Бошаръ, такъ-что флегматической, но чувствительной барышнѣ пришлось опереться на твердую, но не любезную руку прозаическаго неаполитанскаго коммерсанта. Гайришъ предупредительно повелъ генеральшу. Ричарди, жена котораго чувствовала себя не совсѣмъ хорошо, ухаживалъ за нею во все время табльдота и поддерживалъ ее теперь подъ руку, въ явномъ намѣреніи, выразившемся въ плотно сжатыхъ губахъ сангвиническаго старичка, оберегать жену отъ толчковъ толпы. Бодровъ, которому Венлино также предложилъ оказать своимъ посѣщеніемъ честь ихъ скромному «circolo», поблагодарилъ. Онъ сказалъ, что, любя въ такихъ случаяхъ наблюдать толпу, пойдетъ на площадь, въ народъ.

Когда все общество вышло изъ ограды отеля «Негри», было уже совершенно темно. Идя по узкому переулку отъ отеля къ площади, можно было слышать приближающійся гулъ толпы, крики, трескъ ракетъ и звуки оркестра.

Когда, наконецъ, достигли мѣста торжества, Бодрову показалось, что его охватилъ, закружилъ, оглушилъ какой-то вихрь огней, шума, человѣческихъ тѣлъ, криковъ. Небольшая площадь была переполнена народомъ. Плечо къ плечу, голова къ головѣ тѣснилась толпа и двигалась всей массой, если кому-нибудь одному приходилось перемѣнить положеніе.

Донайо и Венлино стоило громаднаго труда провести благополучно дамъ къ circolo, выходившему балкономъ на площадь. Ричарди обратился въ совершеннаго звѣря, ограждая свою аристократическую болѣзненную жену отъ толпы. И всѣ они едва ли бы достигли благополучно двери клуба, если бы не Гайришъ, котораго сильная фигура сразу проложила дорогу.

Бодрова толпа скоро оттѣснила отъ нихъ, и онъ уже черезъ нѣсколько мгновеній издали, снизу, увидѣлъ ихъ на ярко освѣщенномъ просторномъ балконѣ, среди другихъ разряженныхъ дамъ и кавалеровъ. Но они мелькнули передъ нимъ какъ видѣніе, какъ нѣчто чуждое, изъ иного міра. Настолько иной видъ имѣла окружающая его толпа.

Плохо одѣтая, часто растрепанная и грязная, потная, благодаря толкотнѣ, несмотря на свѣжесть ночи,—эта толпа была полна почти оборванцами, но непремѣнно украшенными ради праздника или яркимъ шарфомъ, или просто цвѣткомъ въ петлицѣ куртки,—она шумѣла, какъ родное ей, затихшее въ эту безвѣтренную ночь, море. У многихъ женщинъ на рукахъ были дѣти; подростки и совсѣмъ мелюзга, какъ ящерицы или змѣи, скользили между ногъ, моля взрослыхъ своими веселыми агатовыми глазками пропустить, не давить. Иногда какой-нибудь темный великанъ, съ ярко блистающими глазами и жесткими усами, добродушный весельчакъ, схватывалъ мальчишку въ свои руки, высоко вскидывалъ надъ толпой и кричалъ, держа его такъ, почти на всю площадь:

— Guarda, guarda, bambino!

А ребенокъ, восторженно блестя глазками, точно хвастаясь своей высокой позиціей, взвизгивалъ тоненькимъ голоскомъ:

— Eccolo, eccolo!

Женщины, бо̀льшею частью растрепанныя, хотя въ яркихъ праздничныхъ платкахъ на груди и корсажахъ, трещали своимъ быстрымъ говоромъ, восторженно мѣняясь впечатлѣніями, щелкая орѣхи, раздирая сильными блестящими зубами между темныхъ чувственныхъ губъ свѣжіе нѣжно-оранжевые апельсины. Корки этихъ плодовъ то и дѣло летѣли надъ толпой, кидаемыя пріятелями и пріятельницами другъ въ друга. Будучи оттѣснены другъ отъ друга толпой, живые итальянцы хоть этимъ путемъ выражали радость, видя вдали знакомыя, дружескія лица. Иногда когонибудь притискивали. Тогда раздавались отчаянные вопли и ожесточенная брань. Несмотря на тѣсноту, сорректинцы ухитрялись дѣлать такую массу жестовъ и движеній руками, что надъ толпой, какъ разноцвѣтныя змѣи, втиснутыя въ одно мѣсто, извивались, двигались, вытягивались и скрючивались цѣлыя группы рукавовъ, обнаженныхъ локтей, пальцевъ... Фантастическій и смутный видъ этому придавалъ дымъ, шедшій цѣлыми волнами отъ огненныхъ транспарантовъ, ракетъ, бураковъ, вертящихся звѣздъ, бенгальскихъ огней.

чада, какъ густое, полное копоти и Онъ, облако отдѣлялъ эту стиснутую, волнующуюся, радостно кричавшую толпу отъ ясной атмосферы темносиняго бархатнаго неба, полнаго крупныхъ и яркихъ звѣздъ.

Надъ этимъ ревущимъ, восторженнымъ людскимъ стадомъ и надъ этимъ чаднымъ опускающимся облакомъ дыма, вздымаясь къ недоступнымъ тихимъ свѣтиламъ, треща, вертясь, стрѣляя, на высокихъ палкахъ и рамахъ, вздымалась роскошная иллюминація, сдѣланная съ большимъ вкусомъ и искусствомъ. Яркіе огоньки шкаликовъ, зеленые, голубые, малиновые, были гармонично перемѣшаны съ матовыми шарами, которые горѣли на фонѣ неба, какъ огромныя жемчужины на темносинемъ бархатѣ. Цѣлой вакханаліей искръ вертѣлись на большой рамѣ прибитые въ видѣ фантастическихъ фигуръ бураки, шипя, пугая толпу, развѣваясь въ темнотѣ длинными огненными хвостами. Иногда вдали, съ сосѣднихъ горъ, взвивалась ракета и гасла, высоко разсыпаясь послѣ выстрѣла тысячью изумрудныхъ, сафирныхъ, рубиновыхъ огоньковъ. Каждый удачный номеръ иллюминаціи опьяняюще дѣйствовалъ на толпу; она, какъ спертый потокъ, образовавшій внезапно промоину, кидалась налѣзающими волнами въ его сторону. Крики возрастали до изступленнаго рева. И всколыхнутое движеніемъ толпы облако дыма раскачивалось надъ нею, разрывалось, расходилось и снова сходилось бѣловатыми лѣнивыми волокнами.

На эстрадѣ, посреди площади, гремѣлъ оркестръ, какъ большинство даже небольшихъ итальянскихъ оркестровъ, стройный и музыкальный. Онъ игралъ попурри изъ оперъ, оперетокъ, маршей, танцевъ. Звуки серебряныхъ трубъ неслись ясно и гулко. Чуткая на ухо итальянская толпа подхватывала бо̀льшею частію давно знакомые мотивы. Иногда отдѣльные голоса, иногда цѣлые хоры отвѣчали оркестру изъ толпы гармонично и весело. Иногда кучки молодыхъ людей ограничивались хоровымъ подсвистываньемъ оркестру, и свистъ нѣсколькихъ сильныхъ грудей врѣзывался въ музыку ясно и подзадоривающе.

Продавцы воды, плодовъ, конфетъ— оригинальныхъ итальянскихъ конфетъ, небрежно закрученныхъ въ сусальное золото и яркія бумажки, протискивались со своими кувшинами и ящиками на ремняхъ черезъ плечо. И изступленное выкрикиванье ими своихъ товаровъ порой почти заглушало музыку и походило своей неожиданностью на выстрѣлы ракетъ.

Бодровъ давно уже стоялъ въ этомъ хаосѣ звуковъ, огней, чада,—онъ былъ блѣденъ и страшно сосредоточенъ. Онъ точно чувствовалъ грудью, стиснутой другими человѣческими существами, какъ струя неудержимаго, почти стихійнаго одушевленія проникаетъ въ него, вопреки тому ледяному оцѣпенѣнію, которое удалось ему вкоренить въ свою душу за послѣднее время. Эта южная, впечатлительная, почти нищая, умственно ограниченная толпа, точно прообразъ водоворота жизни, несмотря ни на что производящей вихрь аппетитовъ и ощущеній,—напирала на него отовсюду, осаждала его, не давала ему выхода. А тамъ, на балконѣ «circolo», который, благодаря волнамъ дыма, казался парящимъ отдѣльно отъ зданія, въ морѣ блеска отъ звѣздъ изъ матовыхъ шаровъ, какими былъ уставленъ и увѣшанъ весь балконъ, высоко надъ толпой Бодровъ видѣлъ, среди другихъ оживленныхъ лицъ, высокія, стройныя фигуры Гайришей.

Его старый товарищъ стоялъ у самой баллюстрады балкона, заложивъ

пальцы въ прорѣзы жилета, широко распахнувъ свой сьютъ, выпятивъ могучую грудь, высоко поднявъ голову и озирая толпу взглядомъ понимающаго ее и сочувствующаго ей повелителя. Нѣсколько отступя вглубь балкона, въ мягкомъ креслѣ откинулась Нина Андреевна, въ пышномъ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, съ розами на груди и въ волосахъ; слегка блѣдная и томная, вѣроятно отъ духоты и чада, она казалась воплощенной нѣгой и упоеніемъ. Къ ней наклонялась красивая голова Венлино. Блѣдный, какъ снѣгъ, съ горящими глазами, онъ что-то усиленно нашептывалъ ей.

«Въ сущности, и этотъ поклонникъ Шопенгауэра и Леопарди, — вдругъ подумалось Бодрову, — ищетъ лишь жизни и наслажденія, онъ только умѣло поливаетъ ихъ сладостно-ѣдкимъ уксусомъ меланхоліи. А Джорджу съ женой даже не надобно этого уксуса. Они прямая родня этой живучей толпѣ. Въ нихъ воплотилась логическая тріада Гегеля. Переходя отъ нищей, тупой, но жизнерадостной толпы черезъ меланхолію тонкоразвитого Венлино и холодно-мрачное сознаніе такихъ полумертвецовъ, какъ я, въ Гайришей — образованныхъ, обезпеченныхъ, съ настоящимъ дѣломъ, съ настоящей особью другого пола подъ бокомъ, — вспомнилъ Бодровъ слова товарища, — жизнь достигла своей первичной бодрости и жизнерадостности, той, съ которой она зародилась въ этой грубой, нищей толпѣ!»

И вдругъ Бодрову сдѣлалось такъ одиноко, такъ холодно въ груди, что онъ стиснулъ зубы отъ внезапной, давно неиспытанной внутренней боли... И онъ былъ отъ души радъ, что его отвлекло отъ всякихъ мыслей и тайныхъ ощущеній что-то непонятное, что̀ началось у эстрады музыкантовъ.

Когда оркестръ, проигравъ одну изъ своихъ пьесъ, пріостановился, изъ толпы вдругъ раздались сперва отдѣльные голоса, которые потомъ слились въ общій крикъ:

— Inno nationale! Inno nationale! — загудѣло по площади настойчиво и требовательно.

Капельмейстеръ, низенькій, коренастый человѣкъ, меланхолически посмотрѣлъ на толпу, потомъ спокойно крикнулъ музыкантамъ:

— Вильгельмъ Телль! Маршъ!

Когда ноты оперы Россини были водворены на пюпитры и красивый маршъ грянулъ съ эстрады, изъ толпы, совершенно заглушая музыку, раздался изступленный ревъ:

— In-n-o n-na-tio-n-a-le!

Но флегматикъ-капельмейстеръ спокойно помахивалъ палочкой, настойчиво дирижируя пьесу Россини, и, въ промежуткахъ гвалта, стройные звуки ея какими-то клочками доносились до Бодрова. Онъ легко понялъ, въ чемъ дѣло. Восторженная толпа требовала національнаго гимна, а клиръ церкви, дававшей праздникъ, воспретилъ музыкантамъ играть его, какъ свидѣтельство торжества свѣтской власти надъ папой.

— In-no na-t-i-o-n-a-l-e! In-n-o nat-io-na-a-le!—выкрикивала между тѣмъ все настойчивѣе толпа.

Что-то угрожающее послышалось въ тонѣ ея восклидовъ, которые вскорѣ перешли въ мѣрное хоровое пѣніе, неумолимо заглушавшее музыку:

— In-no n-na-tio-n-a-ale! In-no n-nat-io-nale!—гудѣло какъ-то гнѣвно это пѣніе, мѣрно и тяжело, какъ нарастающая волна.

Свистки, хрюканье, брань по адресу музыкантовъ сопровождали его. Флегматикъ-капельмейстеръ началъ безпокойно оглядываться. Свирѣпыя, ожесточенныя лица, съ ревущими ртами, лѣзли со всѣхъ сторонъ на эстраду.

Вдругъ корки апельсиновъ, орѣховая шелуха, даже камни, градомъ посыпались на несчастный оркестръ. И наконецъ, явившаяся откуда-то легкая соломенная табуретка, взвившись надъ толпой, грохнула среди эстрады. Толпа совершенно озвѣрѣла.

— Maledizione! Infami! — ревѣла она въ изступленіи.

Музыканты повскакали съ мѣстъ, и красивая музыка Россини замерла въ нестройныхъ оборвавшихся звукахъ.

— Inno nationale! — грянула какъ громъ въ наставшей тишинѣ толпа, какъ одинъ человѣкъ.

Капельмейстеръ съ прискорбіемъ посмотрѣлъ на нее, пожалъ плечами, точно снимая съ себя отвѣтственность, и съ отчаяніемъ махнулъ рукой. Національный гимнъ грянулъ—и долгій стонъ ликованія прокатился волной надъ толпою, откликнулся эхомъ гдѣ-то въ горахъ и, точно перекликаясь, пошелъ по всей площади.

Бодровъ оглянулся на балконъ «circolo». Венлино, Донайо, Ричарди, совсѣмъ перегнувшись черезъ перила и заслонивъ другихъ, изступленно рукоплескали.

И вдругъ Бодровъ почти физически почувствовалъ энтузіазмъ этой націи, въ прошломъ которой еще вчера скитались въ изгнаніи Мадзини, гибли въ казематахъ Сильвіо Пеллико и ликовали, наконецъ, побѣду Гарибальди. Вотъ чѣмъ былъ для нихъ этотъ Inno nationale—результатъ этого великаго, святого «вчера». Въ любви къ нему сливались и эти грубые facchino, швырявшіе табуретками, и эти утонченные Венлино. И опять болѣзненное чувство, нѣчто похожее на зависть, смѣшанную съ глубокой безнадежностью, шевельнулось въ его омертвѣвшемъ, какъ онъ думалъ, сердцѣ.

Но взглядъ его невольно упалъ на женскую фигуру, которая стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на мѣстѣ, очистившемся вслѣдствіе того, что толпа стѣснилась у самой эстрады оркестра. Ему показалось что-то знакомое въ очертаніяхъ этой фигуры. Въ легкомъ свѣтло-сѣромъ пальто, бѣдноватомъ, но изящно сшитомъ, стройная фигура, средняго роста, старалась подняться какъ можно выше наноскахъ. Она тоже изступленно рукоплескала. Бодровъ видѣлъ затылокъ женщины. Какъ смоль черные, густые волосы были замотаны въ большой небрежный узелъ. Плохая соломенная шляпка, къ которой были приколоты настоящіе цвѣты, въ видѣ растрепаннаго букета, покрывала эту голову. И этотъ узелъ волосъ какъ будто былъ знакомъ Бодрову. Онъ пристально смотрѣлъ на эту фигуру. Точно магнетически подтолкнутая взглядомъ его, женщина вдругъ обернулась.

Румяное овальное лицо, съ большими, какъ вишни, темно-карими ласковыми глазами и необыкновенно нѣжной улыбкой, какъ будто всегда присущей довольно крупнымъ, сочнымъ и алымъ губамъ, поразили Бодрова сходствомъ съ кѣмъ-то... съ кѣмъ? онъ еще не могъ рѣшить. Но пока онъ догадывался—эти вишни-глаза, болѣе жгучіе, чѣмъ умные, расширились и улыбающійся ротъ раскрылся, а лицо, и безъ того румяное, зардѣлось яркой краской. И не успѣлъ онъ сдѣлать движеніе, — женщина стремительно бросилась къ нему въ какомъ-то почти самозабвеніи, схватила его за обѣ руки и почти съ дѣтской радостью залепетала:

— Dio! Dio! Signor Anatolio! Signor Anatolio!

— Розина! Розина! — воскликнулъ, наконецъ, пожимая ея руки, Бодровъ.

— Io, io! — почти задыхалась отъ

радости итальянка. — Rosina! Rosina Gualtieri! Vostra Rosinetta! — лепетала она и улыбалась, улыбалась безъ конца.

На щекахъ и на подбородкѣ ея появились ямочки; все лицо дышало необыкновенно - добродушной ласковостью, а глаза почти физически жгли своимъ пламеннымъ взглядомъ,—большіе, черные, впившіеся въ лицо Бодрова. На мгновеніе Бодровъ смутился, но потомъ, не выпуская рукъ дѣвушки, спросилъ по-французски:

— Вы здѣсь! Давно? Надолго?

Она пожала красивыми круглыми плечами съ какой-то безпечной удалью.

— Недавно! Надолго ли—не знаю,— отвѣтила она бойко по-французски, хотя съ нѣсколько дурнымъ, протяжнымъ выговоромъ. — А вы? Одни вы здѣсь?—быстро спросила она, оглядывая его съ ногъ до головы, горячо тряся его руки и все продолжая улыбаться. Грудь ея, довольно высокая, взволнованно вздымалась подъ сѣрымъ глухимъ пальто.

— Да, я одинъ!—медленно проговорилъ Бодровъ.—Пойдемте куда-нибудь, побесѣдуемъ,—сказалъ онъ.

— Пойдемте въ альберго... Тутъ близко... я знаю, гдѣ никто намъ не помѣшаетъ. Вспомнимъ Миланъ,—говорила торопливо Розина, обрадованная желаніемъ Бодрова покинуть шумную толпу, чтобъ вспомнить съ ней наединѣ прошлое.

И вдругъ смутилась и оробѣла. Во всемъ лицѣ ея мелькнуло что-то жалобное, боязливое, трогательное. Бодровъ смотрѣлъ на это лицо и не выпускалъ ея маленькихъ рукъ. Что-то теплое кралось, противъ его воли, въ его грудь, давно одинокую, замкнувшуюся въ себя. Этотъ радостный привѣтъ, этотъ восторженный порывъ бѣдной Розины къ нему повѣяли на него чѣмъ-то давно неиспытаннымъ, въ чемъ, казалось ему, душа его уже не нуждалась, но вдругъ совершенно неожиданно нашла источникъ всеохватывающей отрады.

Пять лѣтъ онъ не видалъ этой дѣвушки. И тогда-то, въ Миланѣ, во время его поѣздки съ научной цѣлью въ Сѣверную Италію, — онъ провелъ съ нею не больше двухъ мѣсяцевъ. Его познакомилъ съ нею пріятель, русскій художникъ, которому она, иногда, служила моделью. Тогда еще и не думавшій жениться, Бодровъ завязалъ съ ней мимолетную интрижку празднаго туриста съ легкомысленной итальянкой. Правда, у нихъ вышло нѣчто похожее даже на любовь, особенно съ ея стороны; но онъ скоро уѣхалъ въ Россію и забылъ все это. И вотъ она, черезъ пять лѣтъ, съ такой несомнѣнной радостью, съ такимъ тепломъ, встрѣчаетъ его. Тутъ не корысть. Тогда, въ Миланѣ, онъ не былъ ни богатъ, ни щедръ. Его— такъ смертельно одинокаго теперь!

Что-то задрожало въ груди Бодрова.

— Да, Розина, я пойду съ вами!— точно неожиданно для самого себя, сказалъ онъ, крѣпко и долго пожавъ ея руки.

— Dio! Dio! вы все такой же добрый, все такой же милый!—восклицала она то по-французски, то по-итальянски.

По лицу ея бѣгали точно искорки радости, то вспыхивая въ глазахъ, то въ углахъ губъ, то въ ямочкахъ щекъ. И съ безцеремонной, свойственной ей быстротой, она просунула руку подъ его локоть и повлекла его за собой.

— Пойдемте подальше, — сказалъ Бодровъ, — пойдемте туда, гдѣ нѣтъ никого, гдѣ бы мы могли поговорить одни...

— Хорошо, хорошо.—отвѣчала Розина,—я знаю.

Національный гимнъ гудѣлъ имъ вслѣдъ, толпа шумѣла, иллюминація сверкала. Венлино на балконѣ съ изящнымъ азартомъ объяснялъ очаровательной русской синьорѣ, почему музыканты не хотѣли играть гимна. Донайо, искоса смотря на нихъ, трубилъ, выпятивъ губы, мотивъ гимна, какъ будто весь уйдя въ это занятіе, но почему-то жестоко фальшивилъ, что̀ было совершенно невозможно при его слухѣ итальянца, да еще музыканта. Гайришъ пошелъ въ толпу искать Бодрова, но вернулся, не найдя.

Когда обитатели отеля Негри пришли домой—Бодрова и тамъ не было.

— Пошелъ шляться!—рѣшилъ Гайришъ.—Ишь, какая ночь-то! Прелесть! Что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ благоразумнымъ людямъ во̀-время лечь спать!—заключилъ онъ съ веселымъ смѣхомъ, къ великому огорченію Венлино, провожавшаго Нину Андреевну въ отель.

(Окончаніе будетъ.)

ЖЕГУЛИ.

Волга пышная теряется
Въ голубой своей дали...
А съ боковъ-то надвигаются
Великаны—Жегули.

Красота необычайная!
Что ни мигъ—то новый видъ.
И какой-то силой тайною
Взоры къ тѣмъ горамъ манитъ.

Ихъ вершины величавыя
Вдоль нагорной стороны,
Словно головы курчавыя,
Мощной гордости полны.

Знать, еще хранятъ преданія
Твердой памятью онѣ
И станичныя сказанія
О привольной старинѣ.

Ихъ обрывы неприступные
Красятъ кленъ, ольха и ель,
Точно головы преступныя
Окрутилъ веселый хмель.

Красота необычайная!
Что ни мигъ—то новый видъ:
Вдругъ селеніе случайное
Предъ тобою пробѣжитъ;

Тутъ и поле золотистое,
Рядъ копёнъ и ручеекъ;
Тутъ и облачко росистое,
И отъ мирныхъ хатъ дымокъ.

Тутъ и пѣсня залихватская
Пронесется въ тишинѣ;
Тутъ и лодочка рыбацкая,
Какъ скорлупка на волнѣ...

А сейчасъ опять утесами
Замѣнился тихій долъ,
И опять къ волнамъ откосами
Каменистый скатъ пошелъ.

Другъ за другомъ появляются
И растутъ богатыри,
Будто ратью ополчаются
Въ бранной прихоти цари.

И глядишь—не налюбуешься!..
Безъ конца бы все глядѣлъ!
Тутъ о горѣ не стоскуешься,
Тутъ заботамъ всѣмъ предѣлъ.

Какъ здѣсь полной грудью дышится!
Къ сердцу рвется силъ приливъ,
А въ груди растетъ-колышется
Къ жизни радостный призывъ.

Мысль мечтою вдаль уносится,
Въ сердцѣ мощь и благодать!
Такъ оно впередъ и просится
Жить, бороться, побѣждать!

Н. Позняковъ.

На Дальній Востокъ и обратно.

Путевые очерки **А. Т. Снарскаго.**

(Продолженіе.)

III.

Отъ Константинополя до Портъ-Саида трое сутокъ пути. Все такъ же бездѣйствуютъ пассажиры; но къ чести ихъ должно сказать, что винтъ совершенно не привился; попробовали раза 2 и бросили: ужъ очень зазорно сидѣть и шлепать картами среди такой воды, подъ такимъ небомъ.

На утро 4-го дня показалась вдали узкая желтая полоса, едва-едва выходящая изъ воды — низкій, пустынный берегъ перешейка; нигдѣ ни холма, ни деревца. Впрочемъ, чуть ли не раньше берега показался самый городъ, такъ какъ, кромѣ маяка, его дома — самые высокіе предметы окружающей мѣстности. Это—Портъ-Саидъ. Далеко въ море выдается мысъ; правѣе его—зеленыя волны, одна за другою, бѣгутъ на плоскій песчаный берегъ; на берегу лишь нѣсколько купаленъ; за ними—обширная песчаная площадь, и лишь вдали тянется рядъ бѣлыхъ, мизернаго вида, домовъ. Лѣвѣе мола, гдѣ мы идемъ, тихо и очень мелко, такъ что пароходъ своимъ винтомъ поднимаетъ всю грязь со дна и оставляетъ за собою широкій, грязно-желтый слѣдъ. Вдоль бортовъ плывутъ во множествѣ голубыя красивыя медузы, шевеля въ водѣ прозрачной бахромой своихъ студенистыхъ конечностей, и казаки съ удивленіемъ показываютъ: «гляди, гляди, камни плывутъ!» Молъ начинается отъ набережной, вдоль которой за жиденькимъ бульваромъ изъ акацій стоятъ лучшіе городскіе дома; дома 2—3-этажные, съ плоскими кровлями и обнесенные во всѣхъ этажахъ верандами. На всѣхъ домахъ, конечно, вывѣски разныхъ торговыхъ компаній, пароходныхъ агентствъ и т. д. Становимся на якорь въ двухъ шагахъ отъ берега. Со всѣхъ сторонъ пароходъ облѣпляютъ черные мальчуганы, которые, какъ рыбы, плаваютъ, барахтаются, кувыркаются въ водѣ и все время кричатъ: «à la mer, à la mer, à la mer; бакшишъ à la mer!»

Умѣютъ и по-русски: «деньга, бросай деньга!» Бросаешь имъ мелкую серебряную монету; цѣлая стая разомъ ныряетъ— и ни одна монета не пропадетъ: навѣрное, черезъ нѣсколько мгновеній, одна изъ черномазыхъ головъ вынырнетъ и покажетъ зажатую въ пальцахъ монету. За нѣсколько саженъ ѣзды до берега берутъ полфранка съ человѣка. Отъ набережной въ глубину идетъ нѣсколько улицъ, обстроенныхъ довольно большими домами съ верандами, которыя сплошь задернуты цыновками; весь домъ поэтому имѣетъ видъ какого-то слѣпого; внизу— магазины, скорѣе лавки, и ходить здѣсь поистинѣ невыносимо: цѣлыя тучи лавочниковъ выбѣгаютъ навстрѣчу и чуть не ловятъ васъ за фалды, и зазываютъ къ себѣ. Зайдешь купить что-нибудь — цѣны запрашиваютъ ни съ чѣмъ несообразныя и продадутъ разъ въ 5 дешевле, чѣмъ заламываютъ.

Два-три европейскихъ квартала — и городу конецъ. Дальше вытянулись вдоль линіи конки мизерные домики феллаховъ, кое-какъ сколоченные изъ досокъ; все это имѣетъ видъ лагеря, кое-какъ рас-

планированнаго, на скорую руку построеннаго, готоваго во всякую минуту сняться. Однѣ лишь мечети хорошо отстроены. Здѣсь нечего, конечно, искать такихъ арабовъ, какими ихъ обыкновенно себѣ представляешь: высокихъ, стройныхъ, въ бѣлыхъ бурнусахъ; словомъ — арабовъ, сыновъ пустыни; тѣ, которые здѣсь поселились, живутъ насчетъ проѣзжихъ, обступаютъ васъ, пристаютъ, предлагаютъ свои услуги и отравляютъ вамъ каждый вашъ шагъ; берете, наконецъ, осла за франкъ въ часъ, взбираетесь на него и ѣдете за городъ, такъ какъ въ городѣ дѣлать рѣшительно нечего. Проводникъ бѣжитъ, конечно, сзади и подгоняетъ осла палкой. Въ наивности своей мы вообразили, что стоитъ только выѣхать за городъ, какъ сразу начинается пустыня; та нѣмая пустыня, въ которой, какъ говорятъ, становится жутко отъ безнадежной пустоты вокругъ; и вотъ мы отправились въ погоню за этимъ ощущеніемъ. Сначала, слѣва отъ шоссе, стоятъ еще тѣ же мизерные домики, сидятъ у пороговъ и попадаются навстрѣчу женщины, сплошь закутанныя въ черныя хламиды: видны лишь глаза, да еще кусокъ мѣди, въ палецъ толщиною, который крайне уродливо пересѣкаетъ лобъ, отъ переносья вверхъ; къ этому мѣдному обрубку прикрѣпляется и головной уборъ, и занавѣска для лица. Справа отъ шоссе—песчаная площадь, на которой лежатъ кое-гдѣ верблюды и копошатся среди отбросовъ собаки. Дальше шоссе подходитъ къ берегу моря и тянется вдоль него. Въ верстѣ отъ города, за низкой каменной оградой, кладбище: сначала христіанское, затѣмъ магометанское; дальше конка ужъ не идетъ, но шоссе еще продолжается; усердно вглядываемся мы впередъ—гдѣ же пустыня; но, насколько глазомъ можно окинуть, видна лишь узкая полоса земли, скорѣе дамба, по которой мы двигаемся; справа — море, слѣва—широко разлилась лагуна; на ней кое-гдѣ виденъ парусъ—и только. Ѣдемъ дальше, натыкаемся на ассенизаціонное поле, отлично, впрочемъ, дезодорированное; а впереди все та же дамба, и никакой пустыни. Шоссе тянулось до этого поля; дальше мы ѣдемъ уже по песку, вдоль берега моря; волна бѣжитъ за волною, обдаетъ пѣной, съ шумомъ растекается по отлогому берегу, оставляя зеленыя гирлянды морской травы. Лѣвѣе, на нѣсколько верстъ въ длину, узкой полосою разсаженъ рядами камышъ и правильными же рядами разставлены силки для перепелокъ; оказывается, что около двухъ мѣсяцевъ въ году здѣсь происходитъ ловля перепелокъ въ огромныхъ размѣрахъ; сюда, очевидно, садятся онѣ отдохнуть, перелетѣвши море, и здѣсь погибаютъ. Мы сдѣлали верстъ 5, ослы ужъ стали уставать, впереди все было то же, солнце изрядно палило, голова, несмотря на пробковый шлемъ, начинала болѣть,—и мы повернули назадъ.

Вода лагуны, совсѣмъ синяя, точно замерла; легкая дымка паровъ подымалась надъ нею и застилала городъ; и жалкія его лачужки, столпившись надъ водою и отражаясь въ ней, казались отсюда чрезвычайно красивыми; казалось, что весь городъ, со своими высокими домами и башнями на заднемъ планѣ, стоитъ не на землѣ, а какъ-то брошенъ надъ водою въ воздухѣ, повисъ въ туманной дали, расплылся своими контурами и — таковъ обманъ зрѣнія — точно колеблется въ пропитанномъ парами и пронизанномъ свѣтомъ пространствѣ.

Вотъ и все, что мы видѣли; оказывается, что до пустыни нужно ѣхать 9—10 миль, а что лагуны эти сдѣланы искусственно для поддержанія уровня въ каналѣ. Мы потолкались еще по улицамъ Портъ-Саида, гдѣ слышится рѣчь на всевозможныхъ языкахъ, гдѣ мѣнялы, сидящіе на каждомъ шагу, размѣняютъ вамъ какую угодно монету, гдѣ моряки и пассажиры всѣхъ націй проходятъ именно такъ, какъ проходятъ ворота: останавливаться нѣтъ смысла — нужно

только пройти. И памятникъ Лессепсу точно такъ же мало останавливаетъ на себѣ вниманіе этой пестрой толпы; впрочемъ, памятникъ настолько скромный, что его, дѣйствительно, легко и проглядѣть: это просто бюстъ на мраморномъ постаментѣ, поставленный въ маленькомъ скверѣ изъ тощихъ деревцовъ.

Весь день нашъ пароходъ заваленъ былъ слоями угольной пыли, такъ какъ брали запасъ чуть не въ 1,000 тоннъ, чтобы хватило до Сингапура; ночью взяли лоцмана, зажгли на носу парохода громадный электрическій фонарь и двинулись въ путь по каналу.

Со словомъ «каналъ» соединяешь обыкновенно представленіе о шлюзахъ, воротахъ и тому подобныхъ приспособленіяхъ. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ. Совершенно гладко и непрерывно идемъ мы по узкой полосѣ воды, межъ низкихъ песчаныхъ береговъ; каналъ настолько узокъ, что расходиться могутъ суда лишь на станціяхъ: мѣстами фарватеръ канала проложенъ по озерамъ, расширенъ, и здѣсь-то, соблюдая порядокъ и очередь, суда расходятся: одни становятся на якорь, другія проходятъ.

Кстати сказать, за право пройти по каналу судно уплачиваетъ 30—40 тыс. франковъ, въ зависимости отъ нагрузки. Длина канала—80 миль; по правиламъ, идетъ пароходъ медленно, всего лишь 5 миль въ часъ, да остановки въ пути, такъ что въ общемъ идемъ каналомъ часовъ 18; и на другой день долго еще все видишь желтые пески вокругъ, кое-гдѣ поросшіе чахлымъ кустарникомъ, солончаки, да мальчугановъ, которые цѣлыя версты бѣгутъ на ряду съ пароходомъ, чтобы поднять брошенный кусокъ хлѣба или яблоко. Довольно часто на берегу построены нарядные каменные домики и рядомъ съ ними мачты для сигналовъ, а немного поодаль виднѣется и полотно желѣзной дороги изъ Александріи въ Суэцъ.

Часа въ четыре дня приходимъ въ Суэцъ или, лучше сказать, выходимъ изъ канала и бросаемъ якорь въ виду Суэца. Самый городъ построенъ «въ Африкѣ», довольно далеко отъ канала, а вдоль канала, кромѣ ряда каменныхъ дамбъ и всякихъ портовыхъ сооруженій, тянется довольно пышный, сравнительно, бульваръ и рядъ хорошенькихъ каменныхъ домиковъ; бо̀льшею частью эти дома принадлежатъ французской миссіи, у которой здѣсь церковь, школы для мальчиковъ и дѣвочекъ и общежитіе. Здѣсь же и памятникъ Лессепсу, тоже бюстъ, но болѣе внушительныхъ размѣровъ и лучше поставленный; на памятникѣ изображенъ планъ канала и подпись подъ нимъ, что это «проектъ сумасшедшаго»; таково было мнѣніе общества и инженеровъ-критиковъ. Здѣсь же станція желѣзной дороги, путь которой проложенъ по узкой дамбѣ межъ лагунъ и сообщаетъ съ городомъ; ѣзды до города всего минутъ 10, но смотрѣть тамъ рѣшительно нечего, тотъ же Портъ-Саидъ, но только еще хуже. Ночью мы снялись уже съ якоря и пошли вдоль Синайскаго полуострова. Днемъ мы проходили на высотѣ Синая, но его не было видно: онъ вдали и его можно видѣть лишь въ самые ясные дни. Иногда пароходъ идетъ близко отъ берега, то азіатскаго, то африканскаго. Оба они — рядъ дикихъ, желтыхъ, раскаленныхъ скалъ. А часовъ черезъ 10 мы оставляемъ заливъ и входимъ въ самое Красное море.

Начался томительный переходъ по Красному морю. Начало іюня; солнце палитъ нещадно; вѣтра почти что нѣтъ, совершенно изнемогаешь отъ жары, невозможно сидѣть въ каютѣ, а между тѣмъ почти невозможно и чувствовать на себѣ какую-либо, хотя бы самую легкую одежду; пока одѣнешь сорочку — она ужъ совершенно мокрая, сейчасъ же прилипаетъ къ тѣлу и раздражаетъ. И отъ этого обилія пота, отъ этой постоянной и прямо непосильной работы кожи начинается чуть не повально у всѣхъ—у взрослыхъ, а у дѣтей особенно—это несчастіе плаваній въ здѣш-

нихъ широтахъ—тропическая сыпь. Сначала все ваше тѣло покрывается мелкими-мелкими и частыми красными пятнышками и точечками; шея, грудь, руки на внутренней поверхности, всѣ тѣ мѣста, гдѣ кожа нѣжнѣе, а дальше и животъ и бедра—все начинаетъ горѣть; и зудитъ, и чешется, и допекаетъ васъ день и ночь. А дальше очень часто эти красныя пятнышки обращаются прямо въ пустулы, въ гнойники, и у дѣтишекъ все тѣло иной разъ покрыто точно чечевицей, гдѣ, подъ вздувшейся кожицею, наливается гной; вскроютъ или прорвется этотъ верхній, вялый слой кожицы, и получается язвочка величиною съ гривенникъ, а иногда и больше. И такъ по всему тѣлу. А иногда все тѣло покрывается неисчислимыми угрями, иной разъ просто не узнаешь физіономіи, такъ покрыта она огромными красными шишками, въ которыхъ тоже назрѣваетъ гной. Всѣмъ дѣтямъ особо выдается прѣсная вода для обмываній, для купаній; у всѣхъ физіономіи размазаны желтыми пятнами сѣрной мази. На палубѣ, подъ тентами пущены души, и изъ-за брезентовъ слышенъ плескъ воды и довольное фырканье людей, ибо вода теперь единственное наслажденье среди дня. Всѣ разварены, всѣ раскисли, дамы ходятъ въ широчайшихъ капотахъ, на скорую руку сметанныхъ изъ какихъ-то полупрозрачныхъ матерій, а мужчины упрощаютъ свои костюмы до невозможности: уже не носятъ даже сорочекъ, а надѣваютъ просто легкія сѣточки и пиджаковъ не застегиваютъ; на иностранныхъ пароходахъ являться къ обѣду во фракѣ—совершенно обязательно, а у насъ ужъ и дамъ пріучили смотрѣть сквозь пальцы на то, что кавалеры «безъ галстуковъ». Можно жить только ночью: не такъ душно въ воздухѣ; великолѣпно сіяетъ луна, свѣтится море, а съ полупути по Красному морю, за тропикомъ, ужъ показался и Южный Крестъ. Нужно сказать, однако, что Южный Крестъ далеко не такъ красивъ, какъ нашъ Оріонъ, а море свѣтится вовсе не сплошь, не остается даже блестящаго слѣда за кормой, а просто вдоль бортовъ, по взбудораженной водѣ, плывутъ и погасаютъ отдѣльныя блестящія звѣздочки, очень красивыя и очень яркія, правда. Вообще, обстановка самая подходящая, и подъ звуки Мендельсоновыхъ «Lieder ohne Worte» на полуютѣ завязываются романы; и въ то время, какъ однѣ дамы долго-долго остаются наверху, гдѣ слышатся то разговоры, то смѣхъ, то шопотъ, — другія рано спускаются въ душныя свои каюты, а остальное время проводятъ въ обильныхъ и злостныхъ подчасъ сплетняхъ.

Пароходъ отъ Суэца до Адена идетъ 5 сутокъ съ лишнимъ; изрѣдка попадаются на пути небольшіе скалистые островки, черныя скалы правильной конической формы — видимо, бывшіе вулканы. Красное море далеко не всегда такъ спокойно и такъ лѣниво, какъ на нашемъ пути; иной разъ съ береговъ Африки дуетъ сюда сухой и жгучій хамсинъ, и мало того, что кожа трескается тогда отъ раскаленнаго его дыханія, что люди чуть не задыхаются отъ полнаго почти отсутствія влаги въ воздухѣ, но онъ несетъ съ собою такія тучи мелкой пыли, что все кругомъ погружается въ безпросвѣтную мутную мглу; ничего не видно, какъ въ самый густой туманъ, и идти тогда очень опасно. Иногда разыгрываются и бури, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и остовъ какого-то судна, который торчитъ изъ воды подъ берегомъ у одного изъ островов. Но мы шли спокойно, и утромъ, на шестой день пути отъ Суэца, мы подошли къ Адену.

IV.

Мы подходили къ Адену часовъ въ 10 утра. Налѣво тянулся вдали берегъ Аравіи, то низкій, желтый и раскаленный, то окаймленный рядами каменныхъ холмовъ; а впереди, слѣва и справа, изъ воды выдвигалось по черной массивной скалѣ; входъ въ заливъ — межъ этихъ двухъ скалъ; лѣвая остается сзади, впереди заливъ замыкается низкой полосой песковъ;

а справа громоздятся другъ на друга и прихотливыми зубцами рисуются вверху на синемъ небѣ сплошь каменныя горы, и на самой возвышенной точкѣ едва примѣтенъ вдали флагштокъ британскаго флага. Этотъ рядъ горъ и образуетъ полуостровъ, на которомъ построенъ Аденъ; но Боже, Боже, что это за мѣсто! Едва ли есть подобное и въ Дантовомъ Аду!

Представьте себѣ, что изъ воды выходитъ рядъ не особенно высокихъ холмовъ; но эти холмы изъ темнаго, совсѣмъ почти чернаго камня, на которомъ не только нѣтъ, но и представить себѣ невозможно какой бы то ни было зелени; кое-гдѣ по склону зигзагомъ вьется тропинка, высѣченная въ камнѣ, и идетъ до верху, а вершина холма сглажена, выровнена, имѣетъ правильную форму: очевидно, тамъ стоитъ батарея. А внизу и на склонахъ, и на каменныхъ площадкахъ на полугорѣ поставлены ряды казармъ и кое-гдѣ небольшіе бѣлые домики съ плоской кровлей. Есть, впрочемъ, нѣсколько домовъ побольше, архитектуры болѣе изящной, и при одномъ изъ нихъ на холмѣ стоитъ высокая башня маяка изъ того же дикаго, почти что чернаго камня. И надъ всѣмъ этимъ — раскаленное аравійское солнце; мало того, за ближайшими къ морю холмами тянутся на югѣ массивныя, высокія, такія же черныя горы, какъ будто для того, чтобы загородить малѣйшій доступъ воздуха съ открытаго моря, чтобы, наоборотъ, впитать въ себя самые жгучіе лучи, какіе посылаетъ здѣшнее полуденное солнце, и потомъ отразить ихъ, направить на это жалкое поселеніе; солнце и горы точно хотятъ зажарить смѣльчаковъ, которые здѣсь поселились; а они все же поселились и, повидимому, живутъ! Воздухъ совсѣмъ не шевелится, вѣтерка ни малѣйшаго, и жара стоитъ нестерпимая. И здѣсь также пароходъ обступаютъ черные бѣсенята въ лодочкахъ-скорлупкахъ и ныряютъ за монетами; опрокинется его ладья, зачерпнетъ воды чуть не вровень съ бортами—ему и горя мало: онъ все же влѣзетъ въ нее и начнетъ выплескивать воду, вмѣсто ковша, прямо ногою; у многихъ на головахъ копна совершенно рыжихъ, всклоченныхъ волосъ, зубы блестящіе, кожа черная, глянцевитая, тѣла длинныя, движенья проворныя—сущія амфибіи!

Съѣзжаемъ на берегъ; къ удивленію, подкатываютъ къ пристани довольно нарядные экипажи, запряженные маленькими бойкими лошадками: какъ-то не ожидалъ встрѣтить лошадь на этой дикой скалѣ. Экипажи открыты съ боковъ, но съ навѣсомъ на стойкахъ; черный возница въ легкой бѣлой курточкѣ и бѣлой же чалмѣ. За холмами протянулась вглубь довольно широкая площадь; на ней — рядъ лавокъ въ каменномъ корпусѣ, нѣсколько гостиницъ и другихъ домовъ. Самое замѣчательное въ Аденѣ—это цистерны для воды. Полисменъ весьма предупредительно усаживаетъ васъ въ экипажъ и сообщаетъ, что за поѣздку на цистерны нужно платить 2 рупіи (рупія — 60 коп.). Впрочемъ, дамы и здѣсь отправляются въ магазины, и только въ магазины. За площадью дорога идетъ налѣво вдоль залива; налѣво—вода, направо, совсѣмъ близко, подымаются черныя каменныя громады; жарко, даже вода не плещетъ, а совсѣмъ тихо и лѣниво лежитъ. На рейдѣ стоитъ англійскій крейсеръ и канонерская лодка, блистая своими бѣлыми корпусами; вяло свѣсились внизъ ихъ длинные вымпела; стоитъ еще нѣсколько торговыхъ пароходовъ, но и на нихъ не слышно жизни; все замерло въ этотъ жаркій полуденный часъ. Только желѣзо и паръ сохраняютъ свою обычную энергію, и по заливу время отъ времени бойко пройдетъ паровой катеръ, таща за собою большую баржу съ водою или каменнымъ углемъ. Мѣстами горы немного отступаютъ, тогда вправо отъ дороги остается усѣянное каменьями поле, а на немъ кое-гдѣ подымается приземистый уродливый кустарникъ, въ родѣ кактусовъ. Дорога великолѣпно шоссирована; почти нигдѣ нѣтъ никакихъ по-

строекъ, лишь изрѣдка стоитъ при дорогѣ хатенка, гдѣ подъ навѣсомъ сидитъ туземецъ въ чалмѣ: вѣроятно, полицейскій, ибо встаетъ и отдаетъ вамъ честь повоенному; муштруютъ ихъ, видимо. Оказывается, что ѣзды до цистернъ мили три; лошадка все же довольно рѣзво подвигается, и удивляешься, какъ можетъ она выдерживать подобный жаръ. Довольно часто навстрѣчу попадаются верблюды— небольшіе, тонкіе и совершенно безъ шерсти; на нихъ навьючены вязанки корявыхъ, тонкихъ прутьевъ, а сверху сидитъ черномазый погонщикъ—сверкаетъ глазами и зубами. Довольно часты также ослы съ парой кожаныхъ мѣшковъ на вьюкѣ; изрѣдка на ослѣ ѣдетъ женщина, закутанная въ бѣлое, а черный мужчина ее сопровождаетъ пѣшкомъ. Всѣ мужчины съ обнаженными торсами и, нужно сказать, красивы эти смуглыя тѣла, иногда бронзовыя, иногда кофейно-черныя, ихъ сильныя руки, выпуклыя мышцы.

Дорога, наконецъ, развѣтвляется: одна идетъ по берегу залива налѣво и внизъ, другая — направо и подымается кверху; горный кряжъ полукругомъ отходитъ въ глубину, дорога идетъ зигзагами, а вдали видна щель, разсѣлина межъ горъ, куда мы и ѣдемъ. Но, къ изумленію, вы видите еще, что далеко вверху, по хребтамъ этихъ каменныхъ горъ, па такихъ скалахъ, куда и взобраться, кажется, невозможно,—непрерывно тянутся и рѣзкими линіями зачерчиваются на небѣ массивныя стѣны. Крѣпостныя стѣны съ бойницами! Лучше сказать, одна стѣна, которая то тянется внизъ, то взбирается вверхъ, лѣпясь по крутизнѣ, слѣдя за всѣми изгибами хребта. И скоро вы въѣзжаете въ ущелье, гдѣ справа и слѣва высятся отвѣсныя скалы; мало того, здѣсь стоятъ еще ворота, видны еще сооруженія для обороны, а верхняя стѣна, не желая прерываться, сводомъ перекинута надъ этой тѣсниной, и также смотрятъ на васъ сверху бойницы. Представить себѣ только, что эти черныя, обожженныя, базальтовыя глыбы, уже и сами по себѣ точно проклятыя Богомъ, будутъ облиты еще кровью! И какими руками все это строилось? Сколько жизней сюда уже ухлопано! Наконецъ, вы проѣхали сквозь ущелье, за нимъ оказывается довольно большая котловина, со всѣхъ сторонъ обставленная такими же горами; впереди цѣпь вершинъ еще болѣе дикихъ, если это только возможно; сзади — горы и на нихъ стѣна; настоящій капканъ!

Въ котловинѣ лежитъ городокъ; бѣлые домики съ плоскими кровлями, узкія, но правильно распланированныя улицы; ряды лавчонокъ, гдѣ толпится черный народъ; лишь нѣсколько домовъ европейскаго типа — и тѣ поодаль. Это и есть Аденъ. Нужно проѣхать его насквозь, добраться до противоположныхъ скалъ, и тамъ возница вашъ останавливается. Виденъ кранъ, откуда льется вода; стоятъ ослы; кожаные мѣшки на вьюкахъ оказываются ведрами; разбитъ даже скверъ, гдѣ виденъ рядъ довольно чахлыхъ деревцовъ, а громадныя доски при входѣ гласятъ, что возбраняется наистрожайше портить деревья и рвать цвѣты. Кромѣ сквера и черныхъ скалъ за нимъ вы ничего сначала не видите; идете вглубь и вдругъ останавливаетесь: передъ вами громадный водоемъ, углубленный на 6—7 саженъ, каменныя стѣны котораго блестятъ цементомъ; обходите этотъ 1-й бассейнъ по широкой каменной дорогѣ и въ глубинѣ находите 2-й, еще бо̀льшій бассейнъ, отдѣленный отъ перваго широкой стѣною; они имѣютъ 15—20 саженъ въ длину и сажень 30 въ ширину; за ними 3-й и еще дальше 4-й бассейнъ; но такъ какъ каменныя громады все сходятся здѣсь съ двухъ сторонъ къ вершинѣ угла, то надъ послѣднимъ бассейномъ нѣтъ ужъ дороги по закраинѣ скалы, а просто скалы на глубину 7—8 саженъ облиты цементомъ. Бассейны всѣ пусты; широкія ступени, высѣченныя въ камнѣ, идутъ до дна; въ послѣднемъ бассейнѣ, широко шагая, спускаетесь внизъ; здѣсь стѣны уже не вы-

биты правильными линіями, здѣсь онѣ просто основанія скалъ, и водоемъ слѣдитъ здѣсь за каждымъ изгибомъ, за каждой трещиной скалы. Внизу даже прохладно. Нужно сильно запрокинуть голову, чтобы увидѣть зубчатыя верхушки скалъ. Это какой-то хаосъ, гдѣ каменныя глыбы громоздятся одна на другую; стѣна то блеститъ совершенно гладкой поверхностью, какъ будто расплавленная масса была отлита въ форму; то угловатый утесъ выступаетъ впередъ и свѣшивается надъ нижними камнями; то бокъ горы какъ будто разсѣченъ ударомъ страшной силы, и глубокая трещина, извиваясь и развѣтвляясь, ползетъ между камней. Все смотритъ мрачно, но грандіозно и внушительно. Взбираетесь опять наверхъ и продолжаете обходъ; кое-гдѣ изъ узкихъ разсѣлинъ сдѣланы колодцы, откуда кожанымъ ведромъ вамъ извлекаютъ при помощи блока и предлагаютъ попробовать воды; мѣстами въ такихъ разсѣлинахъ какимъ-то чудомъ укрѣпились и разрослись деревья съ зеленой пышной кроной. По одной изъ стѣнъ между бассейнами вы переходите на другую сторону, и тамъ, межъ новыхъ разсѣлинъ, еще находите нѣсколько, хотя и меньшихъ, водоемовъ. И опять вы спускаетесь по прихотливо изсѣченнымъ въ скалѣ ступенькамъ, опять подымаетесь для того, чтобы попасть въ слѣдующій бассейнъ, и часто попадаете въ глубокія трещины, или даже пещеры, надъ которыми нависли скалы, и лишь узкая полоска неба видна надъ головою. Всѣхъ водоемовъ 11 или 12; всѣ они точно вымѣрены и надъ каждымъ обозначено на дощечкѣ, что онъ содержитъ 2—3 и больше милліоновъ галлоновъ воды. Конечно, эти разсѣлины и котловины межъ скалъ и самою природою ужъ предназначены для стока воды; и все же это великолѣпное сооруженіе, единственное, быть-можетъ, въ своемъ родѣ, внушающее глубокое почтеніе. Изъ разспросовъ оказывается, что цистерны эти существуютъ вовсе не для дождевой воды, какъ представляется съ перваго взгляда, ибо дождей въ Аденѣ всего выпадаетъ разъ, много два за весь годъ; а служатъ они резервуарами для опрѣсненной воды. Обратно опять поѣхали черезъ городъ, но, не доѣзжая до тѣснины и воротъ, возница мой направился другой дорогой—вправо, и черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ мы очутились въ длинномъ, тускло освѣщенномъ тоннелѣ; тоннель шаговъ 300 длиною, просверленъ въ гранитной скалѣ; за нимъ вы попадаете на обширную площадь, примкнувшую къ морю, а съ 3-хъ сторонъ полукругомъ обставленную горами. Видны зданія казарменнаго типа, а моря не видно, такъ какъ вдоль берега тянется высокая стѣна; а на хребтахъ горъ справа и слѣва опять вы видите стѣну съ бойницами, которыя, точно множество глазъ, неустанно слѣдятъ за вами.

Дорога направляется прямо къ подошвѣ горы, которая обрывается въ море и примыкаетъ къ стѣнѣ; оказывается, что и эта гора пробита тоннелемъ, и здѣсь, такимъ образомъ, устроенъ внутри плацдармъ, въ которомъ атакующій можетъ развѣ заморить противника, но никакими силами не выбить его. За тоннелемъ дорога выходитъ вновь на берегъ залива и скоро присоединяется къ той общей, по которой мы уже ѣхали, пока не повернули направо.

Все такъ же палитъ солнце, все такъ же лѣниво нѣжится въ заливѣ вода, а мѣстами, несмотря на зной, нагіе черные люди таскаютъ съ берега на баржи кули или же длинными вереницами тянутся съ корзинами угля; сухой каменный уголь даетъ цѣлыя тучи пыли, которая клубится въ накаленномъ воздухѣ, и такъ и кажется, что это вереница грѣшниковъ, осужденныхъ на муки чистилища. Таковъ Аденъ. Все время удивляешься, какъ растяжима природа человѣка, какъ можетъ онъ приспособиться ко всякой, къ подобной даже обстановкѣ, и жаждешь—поскорѣе отсюда убраться. Здѣсь есть опрѣсненная вода и искусственный ледъ, а все остальное при-

возятъ, конечно. Купить здѣсь можно хорошаго кофе, яко бы настоящаго мокка; привозятъ на пароходахъ еще страусовы яйца и перья и красивые рога антилопъ.

Вечеромъ мы съ величайшимъ удовольствіемъ снимались съ якоря и уходили изъ этого раскаленнаго мѣста. Но съ особеннымъ, конечно, облегченіемъ вздохнули кочегары и вообще машинная команда: въ кочегаркѣ 38° R., духота нестерпимая, и ни глотка свѣжаго воздуха, ибо тѣ трубы, что выходятъ наружу и во время хода проводятъ въ глубину свѣжій воздухъ,—теперь ничѣмъ не могутъ помочь, а между тѣмъ на стоянкахъ машинная команда усиленно работаетъ:—всегда есть какая-либо починка и чистка, которыя можно исполнить лишь при стоящей машинѣ; немудрено, поэтому, что если какой-либо не совсѣмъ твердый человѣкъ изъ машинной команды урвется на берегъ, то ужъ напьется такъ, что разъискать и водворить его можно лишь при помощи консула и полиціи.

V.

Мы вышли изъ Адена вечеромъ, обогнули его скалистый полуостровъ и направились черезъ Аденскій заливъ, держа путь на востокъ, сѣвернѣе острова Сокотры. Всѣ знали, что какъ только выйдемъ за Сокотру, такъ въ океанѣ насъ сейчасъ же подхватитъ муссонъ и знатно покачаетъ. Извѣстно, что въ Индійскомъ океанѣ въ опредѣленное время дуютъ опредѣленные вѣтры: съ апрѣля по сентябрь — муссонъ юго-западный; въ сентябрѣ—передышка, а съ октября по мартъ или апрѣль—муссонъ сѣверо-восточный, въ обратномъ направленіи. Мы ѣдемъ въ іюнѣ; значитъ—избѣгнуть его невозможно; весь вопросъ только въ томъ, какой онъ силы; курсъ нашъ отъ Сокотры на Коломбо—на юго-востокъ, т. е. вѣтеръ придется намъ прямо въ бокъ, въ самомъ невыгодномъ направленіи. Всю ночь и слѣдующій день мы шли спокойно; во второй вечеръ небо ужъ нахмурилось; справа, порывами, сталъ налетать ужъ свѣжій вѣтеръ; пошла ужъ зыбь; но здѣсь мы были все же подъ защитой сначала мелкихъ островов, разсѣянныхъ впереди мыса Гвардафуй; потомъ—Сокотры, и съ вечера всѣ улеглись еще благодушно настроенными, подъ впечатлѣніемъ того, что до сихъ поръ мы плывемъ «какъ будто въ Павловскѣ по озеру».

Рано утромъ разбудило меня какое-то странное чувство: кажется, будто кто-то тянетъ тебя сначала за ноги, а потомъ за голову и втискиваетъ ее въ подушки. Открываю глаза, вижу сквозь иллюминаторъ сѣрую мглу вмѣсто привычнаго синяго неба и чувствую, что дѣйствительно ѣздишь по койкѣ: то сначала на собственныхъ салазкахъ летишь вслѣдъ за своими ногами, то потомъ придешь на нѣсколько мгновеній въ горизонтальное положеніе, подтянешь себя при помощи рукъ на прежнее насиженное мѣсто—не тутъ-то было: чувствуешь вдругъ, что голова становится все тяжелѣе, тяжелѣе, какъ будто кто ее свинцомъ наливаетъ; наконецъ, страшно тяжелая, она куда-то проваливается и тянетъ за собою неудержимо плечи, руки, спину, все, что слѣдуетъ далѣе вплоть до пятокъ, которыя вдругъ оказываются высоко надъ головою. И эта бѣдная голова такъ глубоко куда-то провалилась, что нѣтъ силъ даже выкарабкаться, пока какая-то посторонняя сила не уложитъ снова на минуту по ватерпасу и не пошлетъ опять въ погоню за собственными же ногами. Впечатлѣніе такое, какъ будто подвѣсили васъ за поясъ къ потолку и затѣмъ равномѣрно раскачиваютъ, какъ маятникъ; нѣтъ никакой охоты продѣлывать этотъ давно и хорошо уже извѣстный опытъ, и потому рѣшаюсь встать, тѣмъ болѣе, что когда летишь ногами внизъ, то сорочка изъ-подъ спины закатывается жгутомъ и на обратномъ пути впивается вамъ въ тѣло; простыня точно такъ же сбилась комкомъ; по столу тревожно ходитъ чернильница и угрожаетъ

все залить; а наконецъ—и это самое главное—иллюминаторъ нáглухо «задрàенъ», и въ каютѣ стоитъ нестерпимая духота. Надо встать, одѣться и выйти; но все это гораздо легче подумать, чѣмъ осуществить. По обыкновенію, бѣлье и платье лежатъ на стулѣ—тяжеломъ стулѣ, единственномъ въ каютѣ; и вотъ приподнимаешься и начинаешь тянуться; но въ это время и стулъ, влекомый той же силой, начинаетъ уходить въ глубину, а съ нимъ и все, что на немъ, и когда, наконецъ, улучивши моментъ, одну изъ принадлежностей ухватишь,—то стулъ, покачнувшись, такъ неожиданно и рьяно на васъ устремляется, какъ будто хочетъ раздробить вамъ ногу, которая неосторожно свѣсилась съ постели. А потомъ оказывается, что впопыхахъ обронилъ на полъ свои носки, и приходится за ними отправляться подъ угрозой, что тотъ же стулъ хватитъ васъ по плечу. Но кое-какъ все это улаживается, и вы взбираетесь на верхнюю палубу. Всегда до сихъ поръ было, что вода—спокойная и гладкая, лежитъ гдѣ-то внизу, и на нее можно смотрѣть съ высоты; не то теперь: холодный, рѣзкій вѣтеръ взволновалъ, взбудоражилъ всю поверхность и, сколько глазъ вашъ можетъ охватить, высокіе валы бѣгутъ одинъ за другимъ, покрытые пѣной, а бѣлые ихъ гребни всѣ бѣгутъ вровень съ вами и выше васъ. Вѣтеръ дуетъ упорно, ровно, безостановочно, низко гонитъ тяжелыя свинцовыя тучи, срываетъ всѣ гребни валовъ, бросаетъ въ воздухъ и гонитъ впередъ себя новыя тучи—изъ мельчайшихъ брызговъ, и эти 2 слоя паровъ—верхній и нижній — несутся такъ близко одинъ отъ другого, что глазу совсѣмъ не остается простора: свинцовая сѣрая мгла виситъ надъ вами, со всѣхъ сторонъ обступаетъ, придавливаетъ; чувствуешь себя какъ будто бы захлопнутымъ межъ низкихъ створокъ раковины, куда не проникаетъ лучъ солнца, гдѣ свищетъ лишь вѣтеръ, гудитъ по вантамъ и снастямъ и обдаетъ васъ брызгами, насквозь пропитывая соленой водой. Корабль нашъ то взбирается на валъ, то зарывается носомъ между валами; насъ сильно кренитъ. Волна идетъ справа; иной разъ громадный валъ на васъ надвигается, а пароходъ въ это время, кончая свой предъидущій размахъ, летитъ своимъ бортомъ все ниже и ниже, и нѣсколько мгновеній кажется, что вотъ-вотъ правый бортъ парохода станетъ вровень съ подошвою вала, что вотъ-вотъ этотъ валъ вкатится на палубу всей своей массой, зальетъ и опрокинетъ корабль на свою сторону. Но ничуть не бывало, конечно: основаніе вала идетъ подъ судно, а самый валъ со всего размаха грянется о корпусъ, и лишь верхушка его—бѣлый, пѣнистый гребень—вдругъ хлынетъ черезъ бортъ, разольется по палубѣ цѣлымъ потокомъ воды и обдастъ все и вся облакомъ пѣны и брызговъ. А пароходъ въ это время ужъ выпрямился и, подъ ударомъ того же вала, полетѣлъ налѣво еще глубже, еще продолжительнѣе. Размахи парохода съ боку на бокъ 28, 30 до 35 даже градусовъ, и, тѣмъ не менѣе, это не штормъ, не ураганъ, а просто свѣжій муссонъ, который оцѣниваютъ балловъ въ 9. Ни у кого, конечно, нѣтъ чувства страха, ибо «судно моря не боится», а скалъ или рифовъ здѣсь нѣтъ нигдѣ. Однако, идти по старому курсу и подвергать переселенцевъ сильнѣйшей качкѣ, бросать ихъ изъ стороны въ сторону много дней подъ рядъ—неудобно, и то они пластомъ лежатъ всѣ въ трюмахъ, «травятъ» и чуть не читаютъ себѣ отходную, особенно женщины. Рѣшаются, поэтому, измѣнить курсъ—держать прямо на югъ, чтобы идти въ разрѣзъ волны. Дѣло въ томъ, что муссонъ дуетъ полосою; всего сильнѣе тѣ порывы, которые идутъ отъ мыса Расъ-Гафуна (почти 100 миль южнѣе Гвардафуя), и если пройти параллель Расъ-Гафуна, то тамъ ужъ полоса затишья, тогда ужъ можно повернуть на востокъ, и вѣтеръ окажется даже попутнымъ. На этомъ планѣ и остановились: пошли на югъ; до-

садно, конечно, идти подъ прямымъ угломъ къ своему настоящему курсу, идти вдобавокъ уменьшеннымъ ходомъ, такъ какъ иначе корабль ужъ очень сильно зарывался бы носомъ, и двое сутокъ топтаться чуть не на мѣстѣ,—но ничего не подѣлаешь: разъ повернули въ разрѣзъ волнѣ—лечь на курсъ параллельно ей уже опасно: въ моментъ поворота можетъ и опрокинуть; надо, поэтому, ждать меньшей волны. Итакъ, два дня и двѣ ночи ныряли мы среди разбушевавшейся стихіи. Все такъ же дулъ вѣтеръ, ходили волны, съ разбѣга вкатывались на палубу и все обдавали солеными брызгами. Разъ както сильная волна оборвала трапъ съ палубы на полуютъ; въ другой разъ волна черезъ плохо затворенную дверь вкатилась въ коридоръ пассажирскихъ каютъ, и бѣдная пассажирка, лежавшая почти безъ чувствъ—такъ сильно повліяла качка на ея больное сердце,—въ ужасѣ выскочила чуть не въ одной сорочкѣ, вообразивши, что мы погибаемъ. Нѣсколько солдатъ, пытавшихся ходить по палубѣ, сильно расшибли себѣ головы о желѣзныя части, и судовому врачу пришлось накладывать швы, въ обстановкѣ довольно рѣдкой, безъ сомнѣнія; все ходитъ ходуномъ: больной, и врачъ, и фельдшеръ, и инструменты — все летитъ въ разныя стороны; одна изъ сестеръ милосердія, собравъ остатокъ силъ—такъ ее укачало—пришла все же на помощь, но еле-еле стоитъ на ногахъ и еле-еле «воздерживается»; и смѣхъ, и горе, однимъ словомъ; но ничего — все обошлось благополучно: носы и лбы исправно зажили.

И правда, ходить ужасно трудно сначала: заносишь ногу и думаешь сдѣлать шагъ впередъ, а въ это время палубу кренитъ и неудержимо влечетъ тебя вмѣстѣ съ нею въ ту же сторону; оказывается, Богъ вѣсть куда занесло, и хорошо, если поблизости нѣтъ остраго угла; потомъ опять та же исторія, но ужъ въ обратномъ направленіи; и досадно сначала смотрѣть, какъ черезъ весь спардекъ и полуютъ ловко бѣжитъ на корму съ вахты «ученикъ» смотрѣть на лагъ (инструментъ, отмѣчающій, сколько миль прошли въ часъ); а ларчикъ простъ: нельзя идти прямо: нужно идти, наклоняя весь корпусъ то вправо, то влѣво—къ тому борту, который въ данный моментъ выше, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ этому можно научиться. Даже сойти по трапу—и то не легко: все кажется, что кто-то нарочно выдергиваетъ изъ-подъ ногъ именно ту ступеньку, на которую хочешь ступить, такъ и кажется, что занесъ ногу, а ступишь куда-то мимо и полетишь. А когда всходишь, трапъ кажется ужасно крутымъ: всѣ ступеньки суются подъ ноги и точно норовятъ ударить васъ по голени. Лично я «ходилъ» ужъ раньше по Черному и по Каспійскому морю, гдѣ нѣтъ такой ровной широкой волны, а есть мелкая и злая толчея (сказать: «ѣздилъ по морю»—это цѣлый криминалъ по морской терминологіи), и потому я приспособился довольно скоро: научился ходить, пилъ, ѣлъ и спалъ; но пассажиры, чуть не всѣ, имѣли крайне плачевный видъ: желто-зеленыя лица, большіе круги подъ глазами, тихіе стоны и постоянныя поѣздки «въ Ригу»—тяжелыя, мучительныя, выворачивающія все нутро... Кое-кто изъ офицеровъ все порывался раньше видѣть бурю; теперь они лежали въ своихъ койкахъ съ томными лицами и горько сѣтовали на свое легкомысліе. Одна изъ дамъ вела себя молодцомъ; ѣхала она съ тремя малыми дѣтьми; послѣдняго сама даже кормила; няньку ея въ лоскъ укачало,—а она все время держалась на ногахъ, все время возилась съ ребятами — откуда только силы брались!

За обѣдомъ, конечно, лишь моряки, да рѣдкіе охотники изъ вновь окрещенныхъ. Несмотря на «скрипки» съ гнѣздами, все летитъ со стола, супъ льется черезъ край на скатерть, соусъ оказывается на колѣняхъ,—обѣдъ не въ обѣдъ

однимъ словомъ; и усердно подливается въ кофе коньякъ—для лучшаго настроенія духа.

А утомительно все же долго качаться: въ каютѣ нестерпимо душно — болитъ голова; лежать въ креслѣ на палубѣ — совсѣмъ неудобно: во-первыхъ, самое кресло нужно къ чему-нибудь «принайтовить» (привязать), а во-вторыхъ, и васъ на немъ качаетъ съ-боку-на-бокъ— нужно все время держаться; ходить— тяжело; стоять—и то надо крѣпко держаться; въ концѣ концовъ, совсѣмъ разбитымъ чувствуешь себя: болитъ спина, болятъ ноги, руки; всѣ кости, всѣ мышцы наболѣли. Прекраснѣйшій рессурсъ — это теплая ванна; ложишься въ нее и съ наслажденіемъ потягиваешься и чувствуешь, какъ члены вновь становятся гибкими, какъ теплая вода снимаетъ съ нихъ усталость; долго-долго нѣжишься въ ваннѣ, но нужно, наконецъ, выходить и одѣться. И тутъ опять цѣлый рядъ приключеній. Въ каютѣ одна лишь небольшая табуретка; садишься и начинаешь облачаться; сначала все идетъ сносно; но вотъ, наконецъ, надо одѣть носки; по старой привычкѣ, внушенной еще съ дѣтства, засовываешь руку въ носокъ, хватаешь за пятку и выворачиваешь; все готово—остается только надѣть; не тутъ-то было: едва успѣлъ надѣть его не дальше пальцевъ, какъ табуретка и я вмѣстѣ съ нею, съ шумомъ, летимъ въ узкій проходъ между ванной и стѣнкой; судорожно цѣпляюсь за что попало, кое-какъ возвращаюсь на прежнее мѣсто и снова принимаюсь за дѣло— какъ новый размахъ, и опять стремглавъ я лечу уже къ двери. Очевидно, одной рукой нужно за что-нибудь держаться; начинаешь свободной рукою тянуть этотъ несчастный носокъ на влажную ногу, подергивая его то справа, то слѣва; онъ туго подвигается; но вдругъ опять сильнѣйшій размахъ—и, совсѣмъ невольно, ногу въ носкѣ ставишь на полъ, чтобъ поддержать себя, а въ это время вода изъ ванны, сильно раскачавшись, выплескиваетъ, съ шумомъ раскатывается по всему полу—и весь носокъ мокръ. Чортъ знаетъ, что такое! Ничего не остается, какъ надѣть туфли на мокрый носокъ; впрочемъ, вода все равно частенько гуляетъ по ногамъ, да и все платье совсѣмъ отсырѣло.

Сѣрый и мутный день быстро погасъ; на палубѣ никого нѣтъ; безъ обычной общей молитвы забились всѣ въ трюмы, люки которыхъ наглухо «задраены» досками и брезентами (ходъ оставленъ лишь съ подвѣтренной стороны); кругомъ глубокая тьма, и лишь бѣлые гребни валовъ бѣгутъ навстрѣчу, точно безконечная вереница сѣдыхъ и гнѣвныхъ привидѣній. Какъ и всегда, съ полубака, съ носовой части, посылаютъ свои лучи зеленый и красный огни; и время отъ времени бѣлый пѣнистый валъ, налетѣвши на носъ парохода, вдругъ закипитъ, взметнется огромнымъ снопомъ — и въ тотъ же мигъ цвѣтные лучи фонаря пронижутъ его насквозь; весь этотъ снопъ загорится, заискрится, и хлынетъ потомъ на бортъ; и, кажется, будто какое-то чудовище съ зеленымъ глазомъ кидается на нашъ корабль и хочетъ его поглотить и затянуть въ пучину.

Давно когда-то видѣлъ я гравюру съ картины Шпехта: «Борьба удава съ тигромъ»; это была великолѣпная картина, полная силы и энергіи: громадная змѣя охватила тѣло противника своими кольцами, а тигръ, съ размозженными ребрами, съ мордой, полной боли и бѣшенства, клыками и когтями впился въ змѣю, разрываетъ ей кожу и страшныя мышцы. И странно: глядя съ палубы, среди ночи, на бушующій океанъ, на эти валы, все новые и новые, которые яростно кидались на нашъ корабль,— я все вспоминалъ эту картину. Иной разъ винтъ выскакивалъ изъ воды, и тогда весь корпусъ парохода стоналъ и содрогался, и будто безпомощно барахтался, точно змѣя-волна его подхва-

тила и вотъ-вотъ раздавитъ; но нѣтъ—опять въ водѣ винтъ, нашелъ пароходъ свою точку опоры и съ новой силой бросился впередъ, и бороздитъ волну, и разрываетъ ее на части. Бѣгутъ вдоль бортовъ бѣлые пѣнистые гребни, и среди шума волнъ, свиста вѣтра и грохота машины чудится, будто въ этой борьбѣ двухъ чудовищъ льется кровь—холодная, блѣдная, змѣиная кровь.

Не знаю, кто долженъ остаться побѣдителемъ на картинѣ, но здѣсь—мы побѣдили. Съ одной стороны — холодная, могучая стихія, съ другой — желѣзо и огонь; но это не тотъ огонь, что накаляетъ топки и держитъ паръ; не тотъ огонь, который разводятъ въ своемъ глубокомъ и жаркомъ отдѣленіи полураздѣтые кочегары, подкидывая уголь и скользя отъ качки; нѣтъ—здѣсь состязается съ стихіей тотъ священный огонь, который Прометей похитилъ у небесъ для человѣка; тотъ геній, который создалъ машину, все разсчиталъ, все предусмотрѣлъ и смѣло идетъ на борьбу. Правда, это не былъ ураганъ, и море, конечно, гораздо сильнѣе; но на этотъ разъ чувство довѣрія къ своему судну, которое такъ славно отстаивается на волнѣ, ни на минуту никого не покидало. Напротивъ, чувствуешь нѣжность къ этому сильному корпусу, который взялъ васъ подъ свою охрану, и точно дружба завязывается между вами и мертвой массой желѣза.

На второй день вѣтеръ немного утихъ; стало проглядывать солнце; но такъ же бѣжали валы и такъ же пѣна ихъ гребней, отставая отъ самой волны, тысячью змѣекъ растекалась по ихъ спинѣ, точно бѣлая грива. Лишь на третій день волненіе утихло. Мы повернули налѣво, поставили даже паруса и пошли по надлежащему курсу, держа на попутный маякъ на о-вѣ Миникой.

Всѣ разомъ ободрились, высыпали наверхъ, стали сушиться на солнышкѣ; послышался смѣхъ, остроты и шутки, а вечеромъ особенно торжественно звучалъ на молитвѣ хоръ сотенъ голосовъ, и чувствовалось, что эти люди взволнованы, что они горячо благодарятъ Творца за то, что опять они внѣ всякой опасности, внѣ всякихъ сомнѣній.

Весь остальной переходъ мы сдѣлали уже при легкомъ попутномъ вѣтеркѣ; за сутки до Коломбо съ радостью привѣтствовали маякъ на о-вѣ Миникой; это низкій коралловый островокъ, весь поросшій пальмами, — самый сѣверный изъ группы Мальдивскихъ острововъ, которые длинной полосой тянутся на югъ, начиная съ 9-й параллели и до экватора. И, наконецъ, пройдя отъ Адена девять сутокъ, вмѣсто 7-ми, часа въ 2 ночи, замѣтили мы па горизонтѣ маякъ Коломбо, а на разсвѣтѣ стояли ужъ въ гавани.

Ночью пришли мы въ Коломбо; извѣстно, что завтра простоимъ весь день и, слѣдовательно, можно съѣздить въ Кенди (Kandi). Кенди — городокъ миляхъ въ 70-ти отъ Коломбо по желѣзной дорогѣ, въ необыкновенно красивой мѣстности. Поѣздъ отходитъ въ $7^1/_2$ ч. утра, поэтому встаемъ пораньше. Уже видъ съ палубы очень-очень красивъ. Къ востоку и къ югу отлогой дугой идетъ низкій берегъ; на западѣ, у бухты, нѣтъ естественной преграды; вмѣсто нея, отъ южной оконечности берега, прямо впередъ, на сѣверъ, прорѣзалъ море волнорѣзъ съ маякомъ на концѣ; молъ капитально построенъ изъ гранитныхъ, обтесанныхъ глыбъ, и океанская волна съ разбѣга бьетъ прямо въ него, и каждую минуту можно видѣть, какъ волна грянетъ о камни, вдругъ закипитъ, взметнется кверху цѣлымъ облакомъ брызговъ и пѣны, а затѣмъ, укрощенная, перевалившн черезъ камень, стекаетъ внизъ широкимъ каскадомъ воды, глухо и гнѣвно рокочущимъ. На югѣ, вдоль набережной, тянутся склады, амбары, видны желѣзные краны, горы каменнаго угля, а дальше виденъ рядъ высокихъ красивыхъ зда-

ній — отелей. Вдоль восточнаго берега также разсѣяны зданія; но всѣ они ужъ отступили отъ воды и укрылись въ тѣни пальмъ, и, сколько можно глазомъ охватить, всюду вдоль берега тянутся пальмы, всюду узорчатый рисунокъ ихъ верхушекъ брошенъ на фонѣ голубого неба. И, наконецъ, вдали, на сѣверо-востокѣ, все это тонетъ въ серебряной мглѣ отъ брызгъ прибоя.

На рейдѣ большое оживленіе, у нашего трапа ужъ цѣлыя полчища лодокъ съ мѣнялами и всевозможными торговцами; шныряютъ лодки курьезнаго вида, и мы, не безъ труда, въ одну изъ нихъ садимся. Представьте себѣ ладью сажени 3 длиною и до того узкую, что когда вставишь одну ногу, то едва можно просунуть другую, а ужъ дама, со своими юбками, едва-едва можетъ себя помѣстить; ладья довольно высокая и очень мало углублена въ воду, такъ мало, что сама по себѣ лодка не можетъ держаться, а потому, рядомъ съ нею, шагахъ въ 3—4, плыветъ бревно, которое съ нею связано 2-мя кривыми жердями. Гребутъ на одну сторону, а рулевой весломъ же держитъ курсъ, и вся эта курьезная система довольно неуклюже скользитъ по водѣ. А мальчуганы, что ныряютъ за монетами, плывутъ или въ легонькихъ, выдолбленныхъ скорлупкахъ, или же это просто три бревна: одно посрединѣ, а два другія по сторонамъ и нѣсколько выше, на манеръ бортовъ; сидитъ проворный черномазый гномъ въ такомъ кораблѣ, поджавши подъ себя ноги, и ловко управляетъ маленькой лодочкой весломъ. Или же они сидятъ компаніями, потомъ встаютъ и, въ 3—4 рѣзкихъ голоса, начинаютъ распѣвать: «та-а-ра-ра-бумбія, тарарабумбія...» и при этомъ въ тактъ шлепаютъ себя ладонями и самыми руками, согнутыми въ локтяхъ.

(Продолженіе будетъ.)

---

* * *

Мы молчали. За насъ говорила
Этой ночи пророческой тишь.
Намъ луна такъ понятно свѣтила,
Такъ любовно шепталъ намъ камышъ,

Такъ дышали намъ ландыши страстно,
Такъ роса окропляла траву,
Что дремавшее въ сердцѣ неясно,
Намъ являлося сномъ на-яву.

И, взволнованный вешнею дрожью,
Старый садъ на обрывѣ рѣки
Сыпалъ съ яблонь, какъ снѣгъ, намъ къ подножью
Серебристыхъ цвѣтовъ лепестки.

А. Өедоровъ.

Ночь въ амфитеатрѣ Флавіевъ.

Разсказъ **Вильгельма Бергзё.**

(Съ датскаго.)

Единство—дѣло рѣдкое. Но оно также и не легкое дѣло, какъ дома, такъ и на чужбинѣ, почему и нельзя не отмѣтить какъ замѣчательный фактъ, что въ 1863 году въ Римѣ было всего только два скандинавскихъ общества, которыя даже и не враждовали между собою.

Одно изъ нихъ было вліятельное, заслуженное «скандинавское общество», поддерживаемое правительствомъ, управляемое консуломъ и посѣщаемое—по крайней мѣрѣ по субботамъ—всею пріѣзжею знатью. Тамъ занимались музыкой, танцовали, играли въ вистъ и пили ad libitum плохенькое вино, пока таковое имѣлось въ запасѣ.

Это былъ не то салонъ, не то клубъ, что и чувствовалось нѣкоторыми отдѣльными посѣтителями. Вотъ эти-то отдѣльные и соединились въ тѣсный дружескій кружокъ, въ которомъ посмѣивались надъ филистерами и «франтами» въ палаццо Корса и предпочитали попивать въ «Буйволѣ» неподдѣльное фраскати, даже рискуя быть причисленными къ буйволамъ. Большое, аристократическое общество, конечно, смотрѣло нѣсколько свысока на этихъ отдѣльныхъ партикуляристовъ, которые не хотѣли примкнуть къ общему скандинавскому конгломерату; а такъ какъ въ ихъ простой жизни и въ скромной остеріи, въ которой они сходились, видѣли что-то смѣшное, или такое, чего не могли понять, то этихъ чудаковъ и окрестили именемъ «союзъ добродѣтели», не подозрѣвая, что этимъ самымъ придали имъ почетный титулъ.

Другая партія была умнѣе. Она безъ дальнѣйшаго разсужденія приняла это наименованіе и обратилась, такимъ образомъ, въ дѣйствительное общество, которое шло въ разрѣзъ со всякою утонченностью, важностью, этикетомъ и кулинарною роскошью, а сходилось по вечерамъ для мирнаго, благодушнаго разговора за добрымъ стаканомъ вина въ старомъ закопченомъ отъ табачнаго дыма «Буйволѣ».

Я самъ не былъ членомъ «союза добродѣтели». Можетъ-быть я былъ для того еще слишкомъ молодъ, можетъ-быть мои привычки еще не достаточно согласовались съ правилами Катона—я какъ-то разъ спросилъ, есть ли въ Римѣ спаржа; но хотя я и не былъ «дѣйствительнымъ членомъ», однако, мнѣ не возбранялось по временамъ появляться въ «Буйволѣ» и скромно усаживаться возлѣ большой колонны, а старый художникъ, бывшій душою общества, окончивъ свой ужинъ и получивъ свою экстренную фальетту, никогда не отказывался отъ одной изъ тѣхъ немногихъ гаванскихъ сигаръ, которыя у меня еще хранились въ потаенномъ отдѣленіи моего дорожнаго сундука.

Тогда онъ, бывало, сотретъ рукою — чего-либо въ родѣ салфетокъ союзъ добродѣтели не зналъ — капли вина со своей роскошной сѣдой бороды и начнетъ разсказывать: то про свою прежнюю жизнь въ Копенгагенѣ, то про Торвальдсена, то про Римъ, какой видъ онъ имѣлъ тогда, когда этотъ великій мастеръ проживалъ въ немъ.

Съ какимъ благоговѣніемъ прислушивался я къ этимъ разсказамъ, которые въ своей новизнѣ и плѣнительной прелести чего-то необычайнаго сіяли для меня золотымъ блескомъ римской жизни! Съ какою вѣрою слѣдилъ я за этими эпизодами прошлой жизни художниковъ, то носившими отпечатокъ дѣйствительности, то принимавшими характеръ легкихъ фантастическихъ арабесокъ, съ тѣмъ или другимъ дѣйствительнымъ событіемъ въ основѣ! Нѣкоторые изъ нихъ сохранились у меня въ памяти, и нижеслѣдующій можетъ служить образчикомъ того, какъ разсказывалъ старикъ.

«Это было во дни Григорія,—началъ онъ, — Григорія Длинноносаго, какъ въ сердцахъ называли его римляне. Тогдашній Римъ нисколько не походилъ на нынѣшній, то-есть тогдашній Римъ былъ просто Римомъ, а не обращался въ огромную гостиницу. Тогда еще здѣшняя жизнь была романтична; не было той скуки и безопасности, какъ нынче, когда приходится ѣхать до Остіи, если хочешь встрѣтить порядочнаго разбойника.

«Особенно дурною репутаціею былъ извѣстенъ Колизей, какъ притонъ всякихъ бандитовъ и бродягъ, которые скрывались тамъ въ развалившихся, полузадѣланныхъ ходахъ, и едва-ли какой римлянинъ отважился бы пройти послѣ захода солнца подъ аркою Тита, какъ въ наше цивилизованное время.

«Полиція была безсильна, а духовенство поэтому сочиняло разныя нелѣпости о томъ, какъ нечистый является по вечерамъ въ развалинахъ, и что уберечься отъ него можно только, если сядешь подъ большимъ желѣзнымъ крестомъ на одну изъ освященныхъ ступеней.

«Разъ вечеромъ я былъ въ гостяхъ у одного римскаго семейства, гдѣ два сына были священники и гдѣ все время только и было разговору, что объ этой чепухѣ, а такъ какъ, наконецъ, мнѣ это надоѣло, то я и вызвался провести цѣлую ночь въ Колизеѣ, если только мнѣ дадутъ испанскій плащъ да здоровую палку.

«Со всѣхъ сторонъ раздались протесты; слово за слово, и все-таки наконецъ сговорились, что я выиграю боченокъ добраго фраскати, если войду въ Колизей и пробуду въ немъ до тѣхъ поръ, пока на башнѣ монастырской церкви Santa Francesca Romana не пробьетъ полночь.

«Вечеръ былъ ясный, лунный и холодный, и дулъ сильный трамонтано, такъ что съ меня чуть не сорвало шляпу и плащъ, когда я вышелъ.

«Всѣ мужчины послѣдовали за мною и обѣщали ходить тѣсною толпою до полуночи вокругъ Колизея, чтобы я могъ встрѣтить ихъ затѣмъ около Meta sudans. Однако —какая характеристичная черта—они заранѣе отказались отъ всякой помощи, если бы со мною случилось что-нибудь внутри Колизея и если бы я сталъ звать на помощь. «Эхъ вы, настоящіе .....»—подумалъ я про себя, простившись съ ними и войдя въ одинъ изъ боковыхъ коридоровъ на арену; я чувствовалъ тогда, что нашъ братъ, датчанинъ, норвежецъ или шведъ, совсѣмъ иной человѣкъ, чѣмъ эти молодцы, вскормленные своими легендами и монашескими небылицами.

«Я усѣлся возлѣ креста посреди арены—не потому, чтобы чувствовалъ себя тамъ безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на другомъ мѣстѣ, но потому, что имѣлъ тамъ передъ собою всю, освѣщенную луною, площадь и могъ уже издали замѣтить всякаго, кто вздумалъ бы подойти ко мнѣ. У меня былъ при себѣ и карманный пистолетъ. Я вынулъ его, осмотрѣлъ затравку, насадилъ свѣжій пистонъ, закурилъ сигару и чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ будто бы сидѣлъ дома въ своей комнатѣ.

«Какъ я уже замѣтилъ, вечеръ былъ прекрасный. Руина была такъ ярко освѣщена, какъ среди бѣлаго дня, и тѣни отъ арокъ и сводовъ мѣнялись только отъ времени до времени, когда какая-нибудь

серебристая тучка на нѣсколько мгновеній закрывала полный мѣсяцъ. Мало-помалу тучки стали появляться чаще и чаще, воздухъ сталъ значительно теплѣе, камни начали сырѣть, и я по всему заключилъ, что трамонтано начинаетъ переходить въ сирокко, что уже нельзя было назвать пріятностью, такъ какъ сирокко часто сопровождается ливнемъ.

«Тучи неслись, одна гуще другой, вѣтеръ крѣпчалъ, туманы поднимались съ Кампаньи, и, наконецъ, разыгралась такая яростная буря, какой я никогда не видалъ въ Римѣ. На аренѣ становилось какъ-то жутко. Мутно-желтый дискъ луны едва проглядывалъ сквозь темно-сѣрыя тучи; вѣтеръ жалобно завывалъ по темнымъ коридорамъ и какъ бы въ доказательство своей силы отъ времени до времени срывалъ съ вершины стѣнъ огромные камни, которые при своемъ паденіи съ грохотомъ разбивались, разбрасывая осколки по всѣмъ сторонамъ. Въ сводчатыя окна врывался туманъ, обычный спутникъ сирокко, то ложась полосами, подобно изорваннымъ облакамъ, то катясь огромными клубами, то сливаясь въ фантастическія фигуры, которыя опять расплывались и исчезали, когда вѣтеръ вдругъ врывался въ аркады, со свистомъ разгонялъ туманъ и уносилъ его вверхъ.

«Порой мнѣ слышались посреди воя и свиста бури странные, шепчущіе голоса, глухой топотъ шаговъ, а то и внезапный крикъ страха, по временамъ раздававшійся точно у моихъ ногъ. Но такъ какъ я зналъ, что въ руинѣ водится безчисленное множество галокъ и воронъ, не говоря уже о совахъ, ястребахъ и летучихъ мышахъ, то я и успокоился при мысли, что, вѣрно, эти ночные гости, испуганные бурею, кричатъ, отыскивая себѣ болѣе безопасныя убѣжища.

«Однако, не совсѣмъ хорошо было у меня на душѣ; мракъ мало-по-малу такъ густо разстилался по огромной аренѣ, что я уже не могъ ничего разглядѣть въ десяти шагахъ передъ собою, а въ этомъ мракѣ слышался попрежнему ревъ, вой, стонъ, свистъ и вопль, такъ-что я не разъ раскаивался въ своей опрометчивости и желалъ лежать въ своей теплой постели, дома на Piazza Barberini. Боялся я, однако, кажется, только одного, какъ бы какой-нибудь подлецъ, видѣвшій меня при свѣтѣ мѣсяца, не подкрался бы теперь въ темнотѣ, да не пырнулъ бы меня ножомъ въ затылокъ.

«Сидя съ такими назидательными мыслями, я вдругъ слышу за собою вздохъ,— вздохъ, такой глубокій и ужасающій, человѣческій вздохъ, полный такой боли и такого страшнаго отчаянія, что я оборачиваюсь съ быстротою молніи, чувствуя, что вся кровь застыла у меня въ жилахъ. Ничего не видно. Все вокругъ меня было пусто, но я уже никакъ не могъ обратиться спиною къ той сторонѣ, откуда послышался этотъ страшный звукъ.

«Я глубже надвинулъ шляпу, закутался плотнѣе въ свой плащъ и пересѣлъ на другую сторону отъ креста, все занятый тайною, ужасающею мыслью, что снова послышится этотъ страшный вздохъ, однако, твердо рѣшившись выждать до послѣдней минуты; по монастырскимъ часамъ было уже безъ четверти двѣнадцать.

«Но я чувствовалъ, какъ бьются жилы у меня на вискахъ. Меня кидало то въ жаръ, то въ холодъ, и только каждый разъ, когда сирокко завывалъ съ новою силой, у меня становилось спокойнѣе на душѣ, ибо я думалъ, что не услышу того жалобнаго звука, если бы онъ повторился.

«Вдругъ—и какъ разъ въ ту минуту, когда я прислонился затылкомъ къ холодному желѣзному кресту—вздохъ раздался снова. На этотъ разъ мнѣ почудилось, что онъ исходитъ сверху, съ трехъ копій, украшающихъ крестъ, и какъ будто онъ съ электрическою силой проходитъ по желѣзу, чтобы затѣмъ поразить мой мозгъ.

«Я вскочилъ съ крикомъ, который страшно отозвался отъ сводчатыхъ стѣнъ

арены; но замѣтить я не могъ ровно ничего: такимъ глубокимъ мракомъ и густымъ туманомъ было наполнено все пространство. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва былъ въ силахъ вытащить изъ кармана часы, чтобы съ большимъ трудомъ убѣдиться, что до назначеннаго срока осталось еще пять минутъ. Сердце мое сильно билось, я былъ готовъ кинуться, сломя голову, вонъ съ арены, и только мысль, какъ меня могутъ осмѣять, если я выйду двумя минутами раньше, удерживала меня на мѣстѣ.

«Но возлѣ креста я уже не рѣшался сѣсть. Одна мысль, что я опять могу услышать этотъ леденящій, необъяснимый вздохъ, просто могла довести меня до помѣшательства; и такъ я, съ пистолетомъ въ рукѣ, началъ расхаживать вокругъ креста, съ твердымъ намѣреніемъ выстрѣлить въ ту сторону, откуда раздался бы звукъ. Но не успѣлъ я раза три обойти вокругъ креста, какъ я вдругъ, къ своему удивленію, замѣтилъ, что черные концы его, возвышавшіеся въ воздухѣ, исчезли въ туманѣ. Я хотѣлъ подойти къ нему, но оказалось даже невозможнымъ найти его. Я началъ кидаться то сюда, то туда, спотыкался о капители и разбитыя колонны, но никакъ не могъ найти крестъ, и въ то же время мнѣ чудилось, что пространство вокругъ меня расширяется, что я хожу точно по огромной степи,—степи, покрытой сѣрыми туманами, проникнуть сквозь которые нѣтъ возможности. Я началъ искать выхода—всѣ выходы исчезли; старался добраться до коридоровъ — ихъ какъ не бывало; я опять обратился къ кресту посрединѣ арены, но я точно описывалъ большой неопредѣленный кругъ, точно находился посреди какого-то лабиринта тумановъ и облаковъ. Наконецъ, мнѣ уже стало казаться, что я брожу просто наудачу, что весь амфитеатръ точно перевернулся, и, среди этой безсмысленной бѣготни взадъ и впередъ, я услышалъ въ третій разъ, непосредственно за собою, тотъ страшный вздохъ.

«Съ отчаянною рѣшимостью я оборотился и выстрѣлилъ: въ красноватой полосѣ свѣта, показавшейся вслѣдъ за выстрѣломъ, я увидѣлъ, что пуля попала въ одинъ изъ маленькихъ алтарей, на передней сторонѣ котораго была написана фигура какого-то монаха съ сіяніемъ вокругъ головы. Выстрѣлъ грянулъ съ неестественною силою, и многократное эхо отозвалось ему въ отвѣтъ отъ полуразрушенныхъ аркадъ и сводовъ и эллиптическихъ стѣнъ амфитеатра.

«Стая птицъ, испуганныхъ выстрѣломъ, поднялась на воздухъ и закружилась съ хриплымъ крикомъ надъ моею головою, а двѣ огромныя летучія мыши пронеслись такъ близко около меня, что я могъ бы схватить ихъ руками.

«Въ ту же минуту раздался первый ударъ звучныхъ колоколовъ въ Santa Francesca Romana, и мнѣ какъ будто послышались снаружи голоса, звавшіе меня по имени. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось, что ударъ и блескъ выстрѣла пробудили меня изъ того полусоннаго, полупомѣшаннаго состоянія, въ которомъ я находился. Я явственно разглядѣлъ выходъ, и, радуясь, что отдѣлался такъ благополучно, кинулся къ нему, навстрѣчу римскимъ друзьямъ, меня ожидавшимъ.

«Но едва я добѣжалъ до перваго коридора, какъ со мною опять случилось нѣчто такое, что наполнило душу мою новымъ ужасомъ. Мнѣ послышался уже не ревъ бури, не порывъ вѣтра, завывающаго подъ сводами проходовъ, — нѣтъ, это былъ какой-то тихій, шепчущій шелестъ и ропотъ, какое-то бормотаніе и жужжаніе, точно я былъ окруженъ несмѣтными надвигающимися толпами,—толпами, которыхъ я не могъ видѣть, хотя чувствовалъ совершенно отчетливо, что меня давятъ, поднимаютъ, сбиваютъ съ ногъ. Это была толкотня и давка точь-въ-точь какъ въ Пасху въ соборѣ св. Петра.

«Но здѣсь ничего не было видно, и все-жъ-таки я былъ увлеченъ волнующеюся незримою толпою, такъ что только

въ одномъ изъ коридоровъ внизу почувствовалъ себя опять свободнымъ, какъ разъ когда мнѣ уже-было почудилось, что меня тѣснятъ по какой-то невидимой лѣстницѣ къ одному изъ верхнихъ этажей.

«Обезумѣвъ отъ испуга, я выскочилъ на арену. Она лежала предо мною въ какомъ-то неопредѣленномъ сумракѣ. Но четырнадцать алтарей, стоявшихъ на ней, исчезли, исчезъ и крестъ, и на мѣстѣ его стояла полузапекшаяся, вонючая лужа крови. Я оглянулся. Изъ вомиторіевъ точно катились бѣлые клубы тумана и потомъ широкими кругами подымались и располагались по террасамъ амфитеатра.

«Я хотѣлъ броситься къ другому выходу. Но едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ — почти на томъ самомъ мѣстѣ, куда выстрѣлилъ—высокаго, блѣднаго и худощаваго капуцина; скрестивъ руки на груди, онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ своеобразно-пытливымъ взглядомъ.

«— Вы позабыли кое-что, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ. — Вотъ, возьмите обратно!

«Съ этими словами онъ вынулъ изъ-за пазухи и положилъ мнѣ на руку что-то тяжелое, сплющенное; это была пуля изъ моего пистолета, на которой еще замѣтны были слѣды штукатурки, сбитой ею со стѣны.

«Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Я готовъ былъ принять его за образъ, сошедшій вдругъ какимъ-то чудомъ съ алтаря.

«— Вы ранены?—спросилъ я съ подавленнымъ волненіемъ.

«— Тѣлесныя раны мнѣ ни почемъ!— отвѣтилъ онъ тѣмъ же глухимъ, гробовымъ голосомъ.—Я ношу на своихъ смертныхъ членахъ пять святыхъ язвъ Господа нашего, а вамъ охотно прощаю то, что вы совершили подъ вліяніемъ ослѣпляющихъ силъ мрака.

«Какой-то чудный огонь фанатизма сверкалъ въ его впалыхъ глазахъ, осѣненныхъ густыми бровями, и съ чувствомъ тревожнаго и страшнаго ожиданія я спросилъ:

«— Кто вы?

«— Служитель Господа, — возразилъ онъ,—который пришелъ вырвать кровавые плоды язычества изъ священнаго сердца Рима. Имя мое Телемакъ-Сиріянинъ. Я пришелъ пѣшкомъ изъ Антіохіи, чтобы видѣть императора Гонорія, говорить съ которымъ духъ Господень велитъ мнѣ.

«Мнѣ показалось, что я начинаю понимать, съ кѣмъ встрѣтился. Это исхудалое лицо, съ рѣзкими чертами, этотъ горящій взоръ, сверкавшій фосфорическимъ блескомъ изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ, эта длинная, всклоченная, нечесанная борода и худощавыя, жилистыя руки, — все это, въ связи съ его рѣчами, заставило меня предполагать, что я здѣсь, въ ночной темнотѣ, наткнулся на сумасшедшаго, который, можетъ-быть, выбралъ себѣ убѣжищемъ одну изъ сырыхъ келій этой мрачной руины.

«Я хотѣлъ уйти отъ него. Но онъ ухватился за мой плащъ и сказалъ голосомъ, дрожавшимъ отъ фанатическаго рвенія:

«— Не знаете ли вы, пріѣхалъ ли этотъ сынъ грѣха, этотъ Стилихонъ, съ императоромъ въ Римъ изъ медіоланскаго лагеря? Онъ, именно онъ, побуждаетъ нашего юнаго императора держаться языческихъ нравовъ; именно онъ даетъ это кровавое зрѣлище, на которое теперь народъ стекается со всѣхъ сторонъ. Я легко могу простить васъ, что ваша пуля пронзила мнѣ грудь; но кровь, которая сегодня потечетъ здѣсь, возопіетъ къ небу. Какъ вы полагаете, осквернитъ ли Гонорій этими языческими играми крестъ Господень?

«— Я не понимаю васъ, святой отецъ,— сказалъ я, стараясь освободиться отъ него. — Императоръ Гонорій, о которомъ вы говорите, умеръ уже много сотъ лѣтъ

тому назадъ; что же касается Стилихона, то я даже и имени его не знаю. Не понимаю я также, о какомъ кровавомъ зрѣлищѣ вы говорите. Эта древняя руина пуста и заброшена; развѣ что на Пасхѣ здѣсь будетъ иллюминація, при которой можетъ погибнуть нѣсколько дикихъ голубей. Пустите меня, ужъ поздно, и мнѣ давно пора домой.

«Онъ еще крѣпче ухватился за мой плащъ и воскликнулъ:

«— Ослѣпленный! Развѣ ты не слышишь, какъ стекается народъ? Развѣ ты не видишь, какъ онъ врывается въ тѣсные вомиторіи, подобно стаямъ хищныхъ коршуновъ? Развѣ ты не видишь, какъ классіаріи растягиваютъ наметъ? Развѣ не слышишь звуковъ трубы, которые сзываютъ гладіаторовъ изъ большой и мамертинской школы? Развѣ ты не видѣлъ колесницъ, которыя тѣснымъ строемъ тянулись по форуму, и развѣ ты не знаешь, что сегодня пращники и бойцы съ сѣтями будутъ сражаться по-старинному?— Все по совѣту и намѣреніямъ Стилихона, на погибель народу!

«— Нѣтъ, я ничего не вижу и не слышу, кромѣ завыванія бури и крика совъ,—отвѣчалъ я, еще болѣе ужаснувшись при оживленныхъ жестахъ монаха.

«— Такъ прозри, ослѣпленный человѣкъ!—воскликнулъ онъ, поднялъ руку и провелъ ею передъ моими глазами.

«Я отшатнулся; мнѣ показалось, точно смерть коснулась меня. Въ ушахъ у меня зашумѣло и зазвенѣло, въ глазахъ засверкало, огромные клубы тумана начали сливаться, принимать опредѣленный видъ, и не успѣлъ я опомниться, какъ арена открылась предо мною во всемъ своемъ величіи и блескѣ. Башнями возвышались исполинскія стѣны амфитеатра, и на той сторонѣ, гдѣ солнце сіяло въ полномъ блескѣ на темноголубомъ небѣ, раскинулся пурпуровый наметъ, тихо колеблемый вѣтромъ, точно утреннія облака, растянувшіяся полосою подъ солнцемъ.

«Вдоль всей арены тянулась великолѣпная, выложенная драгоцѣннѣйшими камнями мраморная балюстрада, а надъ нею возвышалась позолоченная бронзовая рѣшётка, столбы которой были изъ ослѣпительно бѣлаго мрамора. Посреди этой балюстрады виднѣлся императорскій «пульвинаръ», украшенный статуями изъ массивнаго серебра и колоссальными позолоченными орлами изъ бронзы, которые поддерживали когтями шелковый пологъ надъ императорскою ложею. Мягкія парчевыя подушки были разложены по бѣломраморнымъ сидѣньямъ, и въ глубинѣ ложи я замѣтилъ толпу центуріоновъ, оружіе которыхъ сверкало въ лучахъ солнца.

«Напротивъ виднѣлась подобная же ложа, но не такъ роскошно отдѣланная, а часть балюстрады, тянувшаяся между обѣими ложами, была занята сенаторами въ бѣлыхъ тогахъ съ пурпурными коймами. Далѣе слѣдовалъ рядъ ступеней, съ которыхъ глядѣли загорѣлыя, мрачныя, важныя лица,—это были римскіе всадники, которые размѣщались здѣсь, привѣтствуя другъ друга и обмѣниваясь немногими словами, прежде чѣмъ сѣсть на мраморныя лавки.

«Надъ ними виднѣлась пестрая, нестройная толпа, наряда и вида которой я уже не могъ разглядѣть на этой вышинѣ; а еще выше тянулся новый рядъ ступеней, занятыхъ густою массою народа, копошившагося точно муравьи, а самый верхній край пространства заканчивался огромнымъ портикомъ, за гранитными колоннами котораго скрывался рядъ фигуръ подъ покрывалами.

«Все сверкало мраморомъ и бронзою; нагіе, коротко-остриженные рабы съ низенькими лбами и широкими бронзовыми ошейниками равняли бѣлый песокъ на аренѣ, и по временамъ слышался дикій ревъ, показывавшій, что львы и тигры дерутся въ виваріумѣ, и каждый разъ, когда раздавался этотъ ревъ, между зрителями поднимался гамъ и крикъ, раздавались радостные возгласы и рукоплесканія,

оглушавшіе все, кромѣ пронзительнаго, зычнаго голоса слоновъ. Это было необозримое море народу, посреди котораго я находился! Голова возлѣ головы, и какъ мухи, слетающіяся въ лѣтній зной на падаль, такъ эти темныя фигуры наверху тѣснились сотнями въ узкихъ вомиторіяхъ, расходились по мраморнымъ ступенямъ и заняли ихъ, наконецъ, такою сплошною массою, что уже не видно было ни одного бѣлаго пятнышка. Все жужжало, гудѣло и шумѣло, какъ въ огромномъ ульѣ, а отъ времени до времени слышался стукъ оружія и мѣрные шаги легіонеровъ, разставлявшихъ сторожевые посты у входовъ. Но, несмотря на то, что мы стояли въ самой серединѣ арены и суетившіеся рабы насъ чуть не сбивали съ ногъ, насъ какъ будто никто не замѣчалъ, точно мы были невидимы для міра, видимаго нами самими.

«Внезапно мы услышали звуки трубъ и оглушительные крики. «Императоръ идетъ!»—разнеслось по всей многоголовой толпѣ, и въ роскошную ложу вошелъ юноша болѣзненнаго вида, въ зубчатой коронѣ и съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто онъ совсѣмъ не привыкъ къ шумнымъ восторгамъ народной массы.

«За нимъ слѣдовалъ мужчина высокаго роста съ воинственной осанкой, въ золотыхъ доспѣхахъ и съ видомъ упорной энергіи въ лицѣ, очевидно, болѣе привыкшій властвовать и повелѣвать, чѣмъ тотъ слабый юноша, который теперь удобно разсѣлся на мягкихъ подушкахъ, разложенныхъ усердными рабами.

«— Вотъ Гонорій,—шепнулъ мнѣ мой спутникъ; а за нимъ стоитъ тотъ искуситель,—гордый Стилихонъ. Горе имъ обоимъ, если они не послушаютъ моихъ словъ! Я искореню эти безбожныя зрѣлища и наставлю народъ на путь Господень. Онъ воздастъ за все, я же только орудіе въ Его рукѣ; если же я погибну, имя мое будетъ внесено въ книгу святыхъ мучениковъ.

«Глаза его сверкнули при этихъ словахъ; онъ схватилъ меня за руку и увлекъ за собою къ выходу съ арены, гдѣ мы остановились подъ выдающимся карнизомъ подіума. Онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и прошепталъ:

«— Господи, въ руки Твои предаю духъ мой! Укрѣпи раба Твоего для совершенія Твоей воли!

«Въ эту минуту нѣсколько сѣрыхъ колоссовъ ринулось въ открытую бронзовую ограду на арену, съ ревомъ, отъ котораго дрогнули стѣны, и дико размахивая длинными, жилистыми хоботами и потряхивая огромными ушами, понеслись тяжелою рысью вдоль мраморнаго края арены.

«Это были африканскіе слоны, всѣ огромнаго роста и страшной дикости, достигшей своего крайняго выраженія при тысячеголосныхъ радостныхъ крикахъ толпы, привѣтствовавшей этихъ первыхъ актеровъ на сценѣ, которая вскорѣ должна была залиться кровью. Какъ странно! Эти слоны нѣкогда смяли побѣдоносные легіоны римлянъ при Тразименскомъ озерѣ, при Требіи и при Каннахъ. Эти самые слоны нѣкогда грозили большею бѣдою для римской республики, чѣмъ Бреннъ, бросившій свой мечъ на вѣсы,—и вотъ теперь они сдѣлались игрушкою, забавою для народа, господствовавшаго надъ міромъ. На каждомъ слонѣ сидѣлъ нагой силачъ-нубіецъ съ копьемъ, сверкавшимъ на солнцѣ, и, несмотря на неистовый крикъ толпы, имъ съ большою ловкостью удалось построиться въ рядъ передъ императорскимъ пульвинаромъ.

«Настала мертвая тишина. Глаза всѣхъ были обращены въ одну сторону, на эту сѣрую стѣну, которая сдерживалась жилистыми кулаками нѣсколькихъ африканцевъ.

«Но вотъ раздался новый сигналъ, рѣзкій, пронзительный и воинственный. Головы всѣхъ наклонились впередъ, глаза всѣхъ засверкали, всѣ притаили дыханіе,—вдругъ послышался дикій, оглушительный

ревъ, со звономъ упала желѣзная рѣшетка, и на арену влетѣли огромными прыжками шесть индійскихъ тигровъ и столько же львовъ.

«Мгновенно сѣрая стѣна разлетѣлась во всѣ стороны. Умныя животныя, хорошо знакомыя съ опасностью, повидимому, старались занять въ одиночку выгодное боевое положеніе. Одинъ тигръ прыгнулъ-было впередъ, но еще на воздухѣ былъ пораженъ хоботомъ своего противника,— послышался точно ударъ дубиною, глухой и тяжкій, и съ переломленнымъ хребтомъ тигръ покатился по песку арены, оглашая воздухъ ревомъ, отъ котораго у меня похолодѣло на сердцѣ.

«Это внезапное пораженіе какъ будто совершенно озадачило остальныхъ. Опустивъ головы и подтянувъ хвосты, они побѣжали назадъ къ виваріуму. Но рѣшетка была уже поднята, и венаторы погнали ихъ копьями обратно на арену. Слоны опять сомкнулись и, тряся головами и размахивая хоботами, ждали новаго нападенія.

«Но бой не завязывался; даже львы забрались подъ край подіума и только ворча скалили зубы, когда какой-нибудь изъ тигровъ приближался къ нимъ. Глухой ропотъ послышался въ толпѣ зрителей; подобно первому порыву бури, онъ пронесся отъ сенаторовъ къ всадникамъ, а отъ нихъ къ плебсу, который криками и насмѣшливыми замѣчаніями сталъ выражать свое недовольство.

«Самъ Гонорій лѣниво приподнялся на локтѣ и кивнулъ Стилихону; тотъ съ видомъ досады шепнулъ что-то ближайшему центуріону. Черезъ нѣсколько мгновеній на край подіума вспрыгнуло десятка два человѣкъ съ коротенькими вилами и съ смоляными кольцами въ рукахъ.

«То здѣсь, то тамъ начали вспыхивать огоньки, горящія кольца полетѣли съ вилъ на арену, попадали на бѣдныхъ животныхъ, и въ одно мгновеніе все смѣшалось въ яростной свалкѣ, и весь амфитеатръ загудѣлъ отъ рева и криковъ одобренія. Все закружилось въ дыму, въ пыли и въ крови; нѣсколько слоновъ грохнулись на землю, опять поднялись и уже безъ своихъ погонщиковъ бросились, какъ бѣшеные, въ остервенѣлую толпу; львы и тигры, сцѣпившись, катались по песку; гдѣ куча была тѣснѣе, туда и летѣли горящія кольца; удары гудѣли, точно желѣзныя палицы объ огромныя бочки, и наконецъ все превратилось въ полный хаосъ, въ отчаянный бой — ужъ не между слонами и врагами ихъ, а между всѣми остервенѣлыми звѣрями, которые, уже ничего не понимая отъ бѣшенства, били, терзали и топтали все, что имъ ни попадалось. Наконецъ, шумъ началъ стихать. Изъ гордыхъ царей пустыни и горъ не осталось ни одного; изъ слоновъ четыре валялись въ крови, а изъ нубійцевъ только одинъ уцѣлѣлъ и удержался на своемъ мѣстѣ,—и его привѣтствовали громомъ рукоплесканій, когда онъ, весь въ крови и въ пыли, высоко поднялъ свое копье въ знакъ того, что онъ побѣдитель и герой дня. Рѣшетка опять, звеня, опустилась. Раненыхъ и окровавленныхъ слоновъ прогнали копьями съ арены, между тѣмъ какъ толпа рабовъ потащила желѣзными крючьями трупы львовъ и тигровъ обратно въ виваріумъ.

«Я оглянулся на моего спутника. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, глаза его были закрыты, губы тихо шевелились, вѣрно въ молитвѣ. Вдругъ онъ взглянулъ на меня проницательнымъ взглядомъ и сказалъ:

«— Пришло мое время! Готовъ ли ты?

«— Къ чему? — спросилъ я тихо съ тайнымъ ужасомъ.

«— Каждый, кто пойдетъ за мною, умретъ! — шепнулъ онъ.—Готовъ ли ты умереть за Господа?

«Я не успѣлъ отвѣтить, какъ раздался звукъ трубы и тысячеголосный крикъ, которымъ народъ встрѣтилъ бойцовъ, выступившихъ теперь ровнымъ строемъ на арену. Нѣкоторые изъ нихъ были голы

и ихъ члены лоснились отъ масла. Въ правой рукѣ у нихъ была сѣть, а въ лѣвой—острый трезубецъ.

«Строемъ прошли они мимо ложи императора, котораго привѣтствовали громкими восклицаніями, размахивая при этомъ своими трезубцами, а затѣмъ построились на противоположной сторонѣ арены. За ними вышла другая толпа гладіаторовъ, со щитами и мечами, въ нагрудникахъ, сверкавшихъ на солнцѣ своею позолотою.

«— Идя на смерть, привѣтствуемъ тебя, цезарь! — раздалось хоромъ, и какъ эхо повторили этотъ возгласъ нагіе ретіаріи, уже мѣряя глазами своихъ тяжело-вооруженныхъ противниковъ.

«Народъ отвѣчалъ одобрительнымъ шопотомъ. Императоръ привсталъ; на его блѣдномъ лицѣ теперь вспыхнулъ лихорадочный румянецъ. Едва онъ протянулъ руку къ аренѣ, какъ трубы подали сигналъ, и бойцы устремились другъ на друга съ обнаженными мечами и поднятыми трезубцами.

«Вдругъ я услышалъ голосъ, который, заглушая дикій шумъ боя, заставилъ меня затрепетать всѣмъ тѣломъ.

«— Гоноріи! Безумный императоръ! Или ты забылъ твое собственное запрещеніе? Забылъ Великаго Константина, при которомъ впервые возсіяло надъ всѣмъ народомъ солнце христіанства? Останови этотъ безумный бой! Не давай Риму сдѣлаться подобнымъ вавилонской блудницѣ, чтобы не пала его глава подъ мечомъ и члены не были бы разбросаны по вѣтру! Во имя Господа, повелѣваю вамъ, братья: бросьте оружіе и оставьте это мѣсто, залитое кровью, уже довольно оскверненное злодѣяніями язычниковъ!

«Мертвая тишина наступила послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ съ такою силою, что, кажется, дрогнули стѣны. Всѣ зрители поднялись съ мѣстъ, бойцы опустили свое оружіе и въ недоумѣніи смотрѣли на блѣднаго, босоногого монаха, который, высоко поднявъ крестъ въ правой рукѣ, стоялъ уже передъ самою императорскою ложею.

«Всталъ самъ Гоноріи. Лицо его было страшно блѣдно. Онъ хотѣлъ что-то сказать; но, казалось, величественная осанка и угрожающій видъ монаха смутили его: онъ пробормоталъ невнятно нѣсколько словъ и безсильно опустился на свои пурпуровыя подушки.

«Вдругъ Стилихонъ выпрямился во весь ростъ. Не обращая вниманія на императора, онъ подошелъ къ краю ложи, протянулъ руку и крикнулъ:

«— Гладіаторы! Схватите этого сумасшедшаго, который дерзнулъ поносить нашего великаго императора и весь римскій народъ. Поймайте его сѣтью, какъ бѣшенаго пса, и передайте его ликторамъ для бичеванія, пока онъ не забудетъ свою сумасбродную рѣчь! Вонъ его! А вы, гладіаторы, продолжайте биться!

«Какъ громъ прогремѣли слова Стилихона. Но молнія, которая должна была ударить, потеряла свою силу. Одинъ изъ ретіаріевъ приблизился-было къ отважному монаху; но, увидя крестъ, въ нерѣшительности опустилъ уже поднятую сѣть. Въ мгновеніе ока монахъ вырвалъ у него изъ руки трезубецъ и, размахивая имъ по воздуху, воскликнулъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія:

«— Да будетъ проклятъ всякій, кто дерзнетъ поднять руку на брата, который носитъ на своемъ тѣлѣ святыя язвы Господни! Да будетъ проклятъ всякій, кто внушаетъ нашему юному императору духъ язычества! Трикраты да будетъ проклятъ Стилихонъ, который старается воскресить въ Римѣ нравы и обычаи язычества! Господь отвратилъ отъ него Свое лицо, Господь отвергнулъ его отъ Себя! Онъ падетъ отъ руки евнуха!

«При этихъ словахъ мой спутникъ взмахнулъ трезубцемъ и, точно подкрѣпленный чудесною силою, погналъ испуганныхъ гладіаторовъ по аренѣ какъ стадо барановъ. Всюду поднялось волненіе и смятеніе; послышались проклятія и

угрожающіе крики, и Гонорій, поддерживаемый рабами, вышелъ, шатаясь, изъ ложи. Но Стилихонъ снова вскочилъ съ мѣста и крикнулъ, въ изступленіи, грозя кулакомъ на арену:

«— Римляне! Хотя тѣ мерзавцы и бѣгутъ, неужели вы допустите, чтобы сумасшедшій монахъ помѣшалъ вашей забавѣ? Развѣ я не устроилъ эти игры съ необычайной пышностью? Вѣдь за ареной ждутъ еще самниты и крупелларіи! Вызваны мною и ѳракійцы, и андабатовъ увидите вы, сражающихся съ закрытыми шлемомъ глазами, какъ бывало въ лучшіе дни отцовъ нашихъ! Неужели вы всѣ стали такими жалкими трусами, что какой-нибудь нищій-монахъ можетъ вырвать мечъ изъ вашихъ рукъ и можетъ поносить того, кого императоръ избралъ себѣ въ совѣтники? Отмстите, если хотите и можете; если же нѣтъ, то идите по домамъ и разскажите женамъ и дѣтямъ, что какой-то безумный монахъ выгналъ васъ изъ амфитеатра Флавіевъ!

«Точно буря разразилась на верхнихъ рядахъ амфитеатра послѣ этихъ словъ, брошенныхъ съ ядовитою насмѣшкою въ массу народа. Толпа заколыхалась; послышались проклятія и дикія восклицанія, еще болѣе усилившіяся, когда послѣдній изъ гладіаторовъ, бросивъ оружіе, убѣжалъ съ арены; сильный шумъ и ропотъ поднялся на самомъ верху, въ портикѣ, и вдругъ цѣлое мраморное сидѣнье, брошенное точно сверхъестественною силою, упало на арену и разбилось на тысячу осколковъ.

«— Онъ поноситъ императора! Убьемъ его!—раздалось со всѣхъ сторонъ, и мгновенно сотни большихъ камней полетѣли на арену. Еще съ минуту стоялъ монахъ, подымая крестъ въ правой рукѣ и смѣлымъ взоромъ глядя на эти тысячи палачей, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ.

«Я хотѣлъ броситься къ нему на помощь, но въ воздухѣ засвистѣло, градъ камней посыпался на насъ, я увидѣлъ, какъ онъ упалъ, обливаясь кровью, почувствовалъ, что и въ меня попалъ тяжелый камень—стѣны, своды и колонны точно обрушились на насъ и погребли насъ въ своемъ страшномъ паденіи...

«Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ въ госпиталѣ di Santo Spirito, и привѣтливый старичокъ-капуцинъ стоялъ у моей постели. Меня нашли около выхода Колизея, гдѣ въ ту бурную ночь упавшій камень пробилъ мнѣ голову, такъ что я съ недѣлю пролежалъ безъ памяти. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока я совершенно поправился; но съ той поры я ужъ никогда больше не бился объ закладъ, что пробуду ночь въ амфитеатрѣ Флавіевъ».

* * *

Опять весна. Сегодня въ ночь за рощей
Пѣлъ соловей такъ сладко, такъ тепло.
Въ цвѣту сирень, въ цвѣту кустарникъ тощій,
Румянцемъ дня ночь небо обожгло.

Всю ночь сидѣлъ я въ грезахъ безразсудныхъ
Передъ окномъ, смотря въ ночную даль,
Гдѣ сонмы силъ невидимыхъ и чудныхъ
Несли душѣ знакомую печаль.

Печаль безъ слезъ, разлуку безъ страданья,
Разлуку съ тѣмъ, что дорого въ быломъ.
И мнилось мнѣ, что близокъ часъ свиданья
Съ невѣдомымъ, но милымъ божествомъ...

К. Фофановъ.

Въ Канадѣ.

Новелла **Роберта Барра.**

(Съ англійскаго.)

(Окончаніе.)

VI.

Миссъ Ева Сомертонъ и мистеръ Джонъ Трентонъ стояли другъ противъ друга по обѣ стороны ярко пылающаго костра. На губахъ художника играла чуть замѣтная улыбка. Лицо же миссъ Сомертонъ было очень серьезно.

Она заговорила первая.

— Мнѣ кажется,—начала она медленно,—что дѣло сильно смахиваетъ на мистификацію.

— Съ моей стороны, миссъ Сомертонъ?

— Понятно, съ вашей. Вы давно должны были знать, что особа, писавшая вамъ письмо и пославшая вамъ эскизы, не кто иная, какъ я. Вы обязаны были сказать это немедленно.

— Въ такомъ случаѣ, вы несправедливо относитесь къ моей честности, которая вызвала меня на это признаніе. Если бы я не желалъ быть вполнѣ откровеннымъ, то мнѣ не зачѣмъ было признаваться вамъ и теперь.

— Да, это несомнѣнно говоритъ въ вашу пользу.

— Надѣюсь, что даже очень. Потому что, какъ видите, мы уже старые друзья, миссъ Сомертонъ.

— Старые враги, хотѣли вы сказать?

— Нѣтъ, нѣтъ, я желалъ бы лучше считаться вашимъ другомъ.

— Но письмо, которое вы написали мнѣ, было далеко не дружеское.

— Это еще вопросъ открытый. Вы сами знаете, что на этотъ счетъ мы еще расходимся во мнѣніяхъ.

— Мнѣ кажется, что мы во многихъ пунктахъ расходимся во мнѣніяхъ.

— Нѣтъ, опять-таки не могу согласиться съ вами. Во всякомъ случаѣ, я предпочелъ бы лучше быть вашимъ врагомъ, нежели...

— Нежели другомъ? — перебила его миссъ Сомертонъ.

— Нѣтъ, нежели ничего для васъ не значить.

— Право, мистеръ Трентонъ, не находите ли вы, что наше знакомство замѣчательно быстро идетъ впередъ? — спросила молодая особа, стараясь не глядѣть на него.

— Очень радъ, что могу хоть въ этомъ согласиться съ вами, миссъ Сомертонъ. Какъ я уже раньше имѣлъ честь замѣтить вамъ, случай, подобный нашему, гораздо скорѣе можетъ вызвать дружбу или...

Молодой человѣкъ остановился и не докончилъ фразы.

— Такъ какъ же, — продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы,—какъ прикажете сказать: дружбу или вражду?

— Предоставляю рѣшеніе вопроса на ваше благоусмотрѣніе.

— Въ такомъ случаѣ, скажемъ—дружбу! Позвольте мнѣ подкрѣпить это слово пожатіемъ руки.

Она привѣтливо протянула ему руку, и онъ обошелъ вокругъ костра, чтобы подойти къ ней. Когда онъ крѣпко пожи-

малъ протянутую руку, онъ, точно слѣдуя какому-то невольному влеченію, притянулъ дѣвушку къ себѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Какъ вы осмѣлились?—воскликнула миссъ Сомертонъ, гнѣвно оттолкнувъ его.—Или вы принимаете меня за авантюристку, которая, послѣ столь краткаго знакомства, была бы польщена поцѣлуемъ великаго художника?

— Краткаго знакомства, миссъ Сомертонъ? Полноте! Мы знакомы уже годъ, два, нѣтъ—десять лѣтъ! Мнѣ вообще кажется, что я давно, давно знаю васъ.

— Вы, дѣйствительно, ведете себя такъ, какъ будто мы знакомы съ дѣтства. Еще недавно я считала васъ джентльменомъ, а вы злоупотребили моею безпомощностью.

— Миссъ Сомертонъ, разрѣшите мнѣ униженно просить вашего прощенія.

— Нѣтъ, я не принимаю никакого извиненія! Такіе поступки не прощаются. Я должна васъ просить не заговаривать со мною до пріѣзда мистера Масона. Вы можете считать себя счастливымъ, если я не разскажу мистеру Масону, какъ дерзко вы со мной поступили.

Джонъ Трентонъ ничего не отвѣтилъ и только подбросилъ въ костеръ новую охапку топлива.

Миссъ Сомертонъ, печально опустивъ голову, сидѣла около горячей золы.

Въ продолженіе цѣлаго получаса никто изъ обоихъ не проговорилъ ни слова. Вдругъ Трентонъ вскочилъ и напряженно прислушался.

— Что̀ такое?—спросила миссъ Сомертонъ, также вскочивъ.

— Нѣтъ!—сказалъ Трентонъ.—Такъ нельзя! Если я не смѣю говорить съ вами, то и вы не должны задавать мнѣ вопросовъ.

— Извините!—коротко отвѣтила миссъ Сомертонъ.

— Но я серьезно хотѣлъ сказать что-то и ждалъ только, когда вы начнете говорить первая. Мнѣ именно теперь пришла въ голову одна мысль.

— Если вамъ пришла мысль, которая поможетъ вамъ выйти изъ этого положенія, то буду очень рада узнать ее.

— Не думаю, чтобы мое предложеніе освободило насъ изъ нашего положенія, но, тѣмъ не менѣе, оно можетъ облегчить его. Вы знаете, что у меня была съ собою камера, и я спасъ ее отъ погибели.

Миссъ Сомертонъ не отвѣчала; повидимому, камера Трентона совершенно не интересовала ее.

— Футляръ моей камеры непромокаемъ. Это поистинѣ прекрасная выдумка, и, несмотря на то, вы даже не удостоиваете ее взглядомъ.

Отвѣта снова не послѣдовало.

— Отлично; въ ящикѣ находится, прежде всего, камера, затѣмъ негативы, а ужъ потомъ то, что̀ въ эту минуту кажется мнѣ важнѣе всего,—два или три готовыхъ бутерброда, сдѣланныхъ ручками мистриссъ Масонъ. Что̀ вы скажете на мое предложеніе поужинать?

Миссъ Сомертонъ невольно улыбнулась; принимая это за знакъ согласія, Трентонъ, быстро разобравъ свой ящикъ, досталъ изъ него, завернутые въ чистую салфетку, бутерброды.

— А затѣмъ,—продолжалъ онъ,—у меня есть еще походная бутылочка съ хересомъ и стаканчикъ. Господи, до чего я разсѣянъ! Вамъ слѣдовало глотнуть хересу, какъ только мы вышли на берегъ. Впрочемъ, нужно вамъ замѣтить, что я только потому такъ энергично потребовалъ вашего содѣйствія поискать топлива, чтобы вы не простудились, сидя на мѣстѣ, безъ движенія, а вовсе не потому, что я нуждался въ вашей помощи.

— Вы очень любезны! — замѣтила миссъ Сомертонъ.

— Зачѣмъ вы не сказали, что проголодались? Да скушали ли вы хоть что-нибудь въ продолженіе этого дня?

— Къ стыду своему, признаюсь, что,—да!—возразила она.—Я взяла съ собою завтракъ и съѣла его въ лодкѣ. Поэтому-то я такъ и безпокоилась о васъ, предпо-

лагая, что вы ничего не ѣли во весь день. Я хотѣла было предложить вамъ что-нибудь, но не могла на это рѣшиться. Кромѣ того, я полагала, что мы скоро пріѣдемъ къ мистеру Масону. Очень рада, что у васъ оказывается что-нибудь съѣдомое.

— Какъ плохо, однако, американцы знаютъ нашу британскую націю. У англичанина практичность всегда на первомъ планѣ.

Послѣ небольшой паузы, Трентонъ снова продолжалъ:

— Что̀ вы скажете на то, миссъ Сомертонъ, если мы, несмотря на всѣ случившіяся недоразумѣнія, снова примемся за нашъ давнишній споръ? Я бы желалъ извиниться передъ вами за...—онъ замѣтно смѣшался, но затѣмъ прибавилъ:—за письмо, которое нѣкогда написалъ вамъ.

— Мы и такъ въ избыткѣ обмѣнялись извиненіями,—отвѣчала миссъ Сомертонъ.—Съ этихъ поръ я больше не приму ихъ, и сама извиняться не стану.

— Это очень благоразумно! — возразилъ Трентонъ.—Но, по-настоящему, вамъ слѣдуетъ обходиться со мною поласковѣе, такъ какъ я здѣсь по вашей винѣ.

— Вотъ одинъ изъ пунктовъ, за который я уже нѣсколько разъ просила прощенія. Однако, вы злопамятны, какъ вижу.

— О, вы совсѣмъ не такъ поняли меня. Я говорю о своемъ пребываніи въ Америкѣ. Ваши эскизы и описанія Шавенеганскихъ водопадовъ заставили меня поѣхать въ Америку, а, кромѣ того, я разсчитывалъ познакомиться съ вами.

— Познакомиться со мною?

— Именно. Вы, можетъ-быть, даже совсѣмъ не знаете, что я былъ въ вашемъ домѣ въ Beacon-Street, и что тамъ сообщили мнѣ, что миссъ Сомертонъ уѣхала съ друзьями въ Канаду. Въ оправданіе свое долженъ прибавить, что снабженъ рекомендаціею лицъ, не ниже васъ по происхожденію, хотя, къ сожалѣнію, не бостонцевъ. Я видѣлъ вашъ домъ въ Бостонѣ, поэтому прекрасно знаю, что вы—не какая-нибудь авантюристка, какъ вы изволили выразиться.

— Я просила бы васъ поменьше вспоминать прошлое.

— Хорошо. Теперь позвольте обратиться къ вамъ съ вопросомъ, то-есть, лучше сказать, съ просьбой; позволите ли вы мнѣ высказать ее?

— Это зависитъ отъ того, въ чемъ она заключается.

— Объ этомъ, конечно, трудно судить раньше, чѣмъ она будетъ высказана. Какъ бы то ни было, рѣшусь, но прежде прошу васъ не забывать, что за вами ужинъ. Миссъ Сомертонъ, дайте мнѣ немного табаку!

Миссъ Сомертонъ окаменѣла отъ удивленія.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ художникъ,—что я потерялъ свой табакъ во время нашего кораблекрушенія, но трубка, по счастью, осталась у меня въ карманѣ. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что мѣстность здѣсь дивная, но жаль, что мы не можемъ ее видѣть; такъ какъ вокругъ—темно, несмотря на лунный свѣтъ, то едва ли будетъ профанаціей, если я выкурю трубочку, тѣмъ болѣе, что я заранѣе убѣжденъ, что вашъ табакъ—превосходный. Вы не согласны исполнить мою просьбу, миссъ Сомертонъ?

Сперва казалось, будто дерзость этой просьбы разсердила миссъ Сомертонъ; затѣмъ лицо ея озарилось улыбкой, и она инстинктивно взялась за карманъ.

— Нѣтъ!—воскликнулъ художникъ.—Не скрывайте, что у васъ есть табакъ. Вѣдь я говорилъ вамъ, что умѣю читать чужія мысли. Кромѣ того, я не разъ слышалъ, что молодыя особы въ Америкѣ нерѣдко носятъ съ собою эту благородную траву, къ тому же еще и лучшаго достоинства.

Положеніе миссъ Сомертонъ было слишкомъ комично для того, чтобы она еще долѣе разыгрывала оскорбленную. Она опустила руку въ карманъ, достала табакъ и подала его художнику.

— Покорно васъ благодарю! Позаимствую у васъ на трубочку, а остальное отдамъ. Вы никогда не пробовали англійской марки birds eye? Превосходный табакъ, могу васъ увѣрить.

— Я предполагаю,—сказала миссъ Сомерсонъ,—что гребцы разсказали вамъ, что я имъ всегда привожу табакъ?

— Ахъ! вижу, что вы сомнѣваетесь въ моей способности угадывать чужія мысли. Ну, буду честенъ и сознаюсь, что узналъ это отъ нихъ. Скажите по совѣсти, не изъ-за каприза ли вы такъ возмущались противъ куренія? Если вы его дѣйствительно не выносите, то я, понятно, курить не стану.

— Я отличнѣйшимъ образомъ выношу табакъ и даже очень жалѣю, что не могу вамъ предложить хорошей сигары.

— Вы очень любезны. Но этотъ табакъ прекрасенъ. Мы и въ Англіи рѣдко куримъ этотъ сортъ; я дѣйствительно нахожу его превосходнымъ.

— Признаться, я очень мало интересуюсь этимъ предметомъ. Но почему же здѣсь не быть хорошему табаку? Вѣдь растетъ же онъ здѣсь?

— Совершенно справедливо! — возразилъ художникъ.

Онъ сидѣлъ, прислонясь спиною къ стволу дерева, и задумчиво курилъ, изучая отблескъ огня на лицѣ своей спутницы, которая, въ свою очередь, повидимому, сосредоточила все вниманіе на пылающемъ кострѣ.

— Миссъ Сомертонъ, — снова началъ Трентонъ, — прошу позволенія обратиться къ вамъ со вторымъ вопросомъ.

— Охотно даю вамъ его, — возразила молодая особа, не глядя на него.—Но, во избѣжаніе разочарованія, должна немедленно предупредить васъ, что тутъ весь табакъ, который я имѣла при себѣ. Остальной былъ въ байдаркѣ.

— Постараюсь по возможности утѣшиться въ этомъ разочарованіи. Но мой вопросъ совершенно иного рода. Не знаю, какъ бы лучше выразиться. Вы, вѣроятно, замѣтили, что я ужасно затрудняюсь во̀время сказать, что̀ слѣдуетъ. Я страшно неловкій человѣкъ.

— Есть люди,—строго замѣтила миссъ Сомертонъ, — которые кичатся своею неловкостью. Они стараются, оправдываясь ею, высказать всевозможныя грубости. Вы, конечно, слышали о примѣтѣ, что честность и грубость всегда идутъ рука объ руку?

— Это не особенно одобрительно. Между тѣмъ, я вовсе не думаю кичиться своею неловкостью, напротивъ, хотѣлъ только упомянуть о ней, какъ о фактѣ, но не думалъ рисоваться ею. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, надѣюсь доказать вамъ, что честность связана съ неловкостью. Я хотѣлъ приблизительно спросить у васъ слѣдующее. Предположимъ, что я представилъ вамъ свои рекомендательныя письма, что мы знакомы уже нѣсколько времени, что все обошлось согласно правиламъ приличія; предположивъ все это, нашли ли бы вы то, что̀ я сдѣлалъ недавно, такъ же непростительнымъ, какъ вы находите это теперь?

— Вѣдь вы рѣшили больше не возвращаться къ вопросу о куреніи!

— Я о немъ и не говорю. Я говорю о поцѣлуѣ.

— Милостивый государь! — возразила миссъ Сомертонъ, закрывая лицо руками,—вѣдь вы же меня совсѣмъ не знаете.

— Вы уклоняетесь отъ отвѣта.

— Ну, я васъ совсѣмъ не знаю.

— Вы опять уклоняетесь. Предположимъ, что мы оба немного знали другъ друга.

— Я думаю, дѣло зависитъ вполнѣ отъ того, какъ подвинувшееся впередъ знакомство обставитъ положеніе. Вѣдь случай этотъ—только предположеніе, такъ что я не могу отвѣтить на вашъ вопросъ. Полагаю, что вамъ не безызвѣстна пословица, которая говоритъ, что нельзя перейти моста, раньше чѣмъ къ нему не подойдешь.

— Я боялся, что недостаточно ясно

выразилъ свой вопросъ. Позвольте же мнѣ снова идти напроломъ и спросить васъ, помолвлены ли вы?

— Нѣтъ, пожалуйста, не спрашивайте! Я уже напередъ отвѣчу вамъ—нѣтъ. Говорю вамъ это съ условіемъ, что вопросъ этотъ будетъ послѣднимъ.

— Развѣ можетъ второй вопросъ быть послѣднимъ? Каждое правило прочитывается три раза; аукціонистъ восклицаетъ въ третій и послѣдній разъ, выкличка передъ свадьбой тоже дѣлается три раза. Слѣдовательно, вы видите, что я имѣю право еще на третій вопросъ.

— Хорошо; но можно имѣть право на что-нибудь и все-таки поступить безразсудно, воспользовавшись имъ.

— Принимаю ваше предостереженіе,—возразилъ художникъ,—и сохраню право на третій вопросъ за собою.

Послѣ небольшого молчанія, миссъ Сомертонъ спросила:

— А который можетъ быть теперь часъ?

— И представить себѣ не могу—мои часы остановились.

— Не правда ли, если гребцы спаслись, то могли бы теперь уже пріѣхать за нами?..

— Право, не знаю. Даже не имѣю понятія о разстояніи этой мѣстности отъ дома Масона. Можетъ-быть, они увѣрены въ нашей погибели и вовсе не пріѣдутъ за нами.

— Вы раньше говорили другое! Лишь только мистеръ Масонъ узнаетъ о нашемъ крушеніи, онъ съ людьми бросится искать насъ, чтобы найти живыми или мертвыми.

— Можетъ-быть, вы и правы. Попробую влѣзть на этотъ обсерваціонный пунктъ; луна какъ разъ свѣтитъ надъ рѣкой, и если они не очень далеко, то я увижу ихъ съ холма.

Художникъ полѣзъ на скользкій холмъ, выдававшійся изъ воды. Миссъ Сомертонъ тревожнымъ взглядомъ слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Онъ медленно карабкался, держась за свѣшивающіяся вѣтви.

— Пожалуйста, мистеръ Трентонъ, будьте осторожны!—воскликнула молодая особа. — Не забудьте, что вы стоите надъ страшной глубиною!

— Скала дѣйствительно очень скользкая,—отвѣчалъ Трентонъ, — но у меня крѣпкія подошвы.

— Пожалуйста, берегитесь; несмотря на то, что вы нестерпимы, я все-таки не желаю остаться здѣсь одной.

— Благодарю васъ, миссъ Сомертонъ.

Трентонъ остановился на самомъ краю утеса и, держась за вѣтку, вытянулся впередъ, чтобы лучше обозрѣть рѣку.

— О, мистеръ Трентонъ, остановитесь, ради Бога! — кричала молодая особа. — Сойдите, сойдите поскорѣе!

— Скажите «Джонъ», тогда я сойду,—отвѣчалъ художникъ.

— О, мистеръ Трентонъ, перестаньте!—умоляла миссъ Сомертонъ, видя, что онъ еще сильнѣе наклоняется впередъ, и что вѣтка еле сдерживаетъ его.

— Скажите—Джонъ!

— Мистеръ Трентонъ, ради Бога!

— Джонъ!

Вѣтка затрещала, а Трентонъ все еще стоялъ, не измѣняя положенія.

— Джонъ!—рѣзко крикнула молодая особа,—сію же минуту сойдите оттуда!

Трентонъ немедленно повиновался и большимъ прыжкомъ соскочилъ на землю. Миссъ Сомертонъ, возмущенная, отступила отъ него на нѣсколько шаговъ, но Трентонъ, заложивъ руки въ карманы брюкъ, послѣдовалъ за нею и сказалъ:

— Да, Ева, я потому только и сошелъ, что вы позвали меня.

— Вы меня заставили! — возразила она.—Мы, американцы, такихъ средствъ не признаемъ.

— И я также, Ева; теперь я рѣшаюсь сдѣлать вамъ третій и послѣдній вопросъ, и при этомъ ощущаю больше страха, нежели когда-либо въ жизни. Вопросъ мой состоитъ въ слѣдующемъ: Ева, хотите вы...

— Славу Богу! Вотъ вы гдѣ! Еще никогда я не испытывалъ такой радости при

встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь, какъ теперь съ вами!—раздался вдругъ привѣтливый голосъ Эда Масона, пробиравшагося черезъ кустарникъ.

Трентонъ обернулся. Онъ, повидимому, далеко не раздѣлялъ радости Масона.

— Откуда, чортъ возьми, вы сюда попали?—спросилъ онъ.—Я вытянулъ себѣ всю шею, высматривая васъ.

— Да, но, видите ли, мы держались ближе къ берегу; развѣ вы не слышали, какъ мы васъ окликали?

— Нѣтъ, мы ничего не слыхали! Не правда ли, миссъ Сомертонъ? Мы не слыхали, чтобы насъ кто-нибудь окликнулъ?

— Нѣтъ,—возразила молодая дѣвушка, пристально глядя на огонь, который, угасая, бросалъ на ея лицо розоватый оттѣнокъ.

— А знаете что̀,—сказалъ Масонъ,—вѣдь похоже на то, что вы между собою поссорились. Кажется, я поспѣлъ какъ разъ во̀-время.

— Вы всегда являетесь во̀-время, мистеръ Масонъ, — сказала миссъ Сомертонъ, — мы дѣйствительно поспорили, а именно о томъ, кто изъ насъ сегодня настоящій владѣлецъ байдарки.

Масонъ отъ души разсмѣялся, за что получилъ отъ миссъ Сомертонъ крайне немилостивый взглядъ.

— Стало-быть, вы догадались о моей хитрости? Я такъ и думалъ, что вы еще сегодня доберетесь до истины. Мнѣ рѣдко приходилось имѣть дѣло съ двумя такими щепетильными людьми, какъ вы оба; но теперь нечего больше спорить о томъ, кто владѣлецъ байдарки; я дарю ее тому, кто ее отыщетъ.

— О, мистеръ Масонъ, — испуганно воскликнула миссъ Сомертонъ,—а спаслись ли люди, которые были при ней?

— Само собой разумѣется! Я ихъ только что выгналъ за то, что они бросили васъ на произволъ судьбы. Конечно, берега здѣсь слишкомъ крутые, чтобы по нимъ вскарабкаться, а лѣса трудно проходимы; они сочли за лучшее, прежде всего, извѣстить о случившемся меня, и вотъ мы пріѣхали за вами съ двумя байдарками.

— Знаетъ ли мистриссъ Масонъ о нашемъ несчастіи?

— Нѣтъ, но она сильно безпокоится и понять не можетъ, отчего вы такъ запоздали.

— Она и не повѣритъ, — замѣтилъ Трентонъ,—какую притягательную силу имѣютъ Шавенеганскіе водопады для людей, способныхъ понимать красоты природы.

— Идемте скорѣе! — торопилъ Масонъ.—Не будемъ тратить время на лишніе разговоры. Я полагаю, вы сильно озябли!

Онъ позвалъ одного изъ гребцовъ и велѣлъ ему затушить огонь.

— Что̀ вы хлопочете,—сказалъ Трентонъ,—огонь и такъ скоро потухнетъ.

— О, понятно! — отвѣчалъ Эдъ Масонъ.—Но, представьте, что вдругъ подымется вѣтерокъ! Прощай тогда мой чудный сосновый лѣсъ! Нѣтъ, Боже упаси отъ лѣсного пожара!

Прибѣжавшій дикарь бросилъ еще горѣвшій хворостъ въ воду, а остальное затопталъ ногами. Затѣмъ всѣ размѣстились по байдаркамъ и, послѣ хорошей, быстрой ѣзды, подъѣхали къ пристани противъ дома Масона. Трентонъ выскочилъ первый и подалъ руку миссъ Сомертонъ, которая приняла ее съ очаровательной улыбкой.

— Миссъ Сомертонъ, — шепнулъ ей художникъ, — я имѣю намѣреніе сѣсть завтра на пароходъ, чтобы ѣхать въ Европу; вы должны рѣшить, ѣхать ли мнѣ или остаться.

— Вы не уѣдете!—поспѣшно отвѣтила дѣвушка.

— О, благодарю васъ! Вы не знаете, какъ я счастливъ, слыша это.

— Почему же?

— Развѣ вы не догадываетесь о томъ, что я заключаю изъ вашихъ словъ?

— Милостивый государь, я сказала:—

вы не поѣдете, такъ какъ па это есть слѣдующія причины: чтобы во-время поспѣть па корабль, вамъ нужно сѣсть на ночной поѣздъ въ Монреаль и уже оттуда ѣхать въ Нью-Іоркъ. Поѣздъ въ Монреаль уже отошелъ, вы все равно опоздали. Впрочемъ, никогда еще чье-либо опаздываніе не доставляло мнѣ столько удовольствія, какъ сегодня—ваше! Покойной ночи, мистеръ Трентонъ, покойной ночи, мистеръ Масонъ! — сказала она и вошла въ домъ.

— Кажется, вы оба въ очень дружескихъ отношеніяхъ,—замѣтилъ Эдъ, входя съ художникомъ въ домъ вслѣдъ за нею.

— Да, кажется! Но утверждать это не берусь. Наружность обманчива. Въ настоящее время я и самъ не могу сказать—друзья мы или враги.

— Ну, ужъ навѣрное не враги! Миссъ Ева славная дѣвушка, нужно только понять ее, какъ слѣдуетъ.

— А вы понимаете ее?

— Нѣтъ, утверждать это я не смѣю. Я даже увѣренъ, что ее никто не понимаетъ.

— Слѣдовательно, весьма возможно, что она вовсе не славная дѣвушка?

— Надѣюсь, вы когда-нибудь перемѣните свое мнѣніе о ней, то-есть, когда поближе познакомитесь съ нею,—сказалъ мистеръ Масонъ, крѣпко пожимая руку Трентону.—Такъ какъ вы прозѣвали поѣздъ, то совѣтую вамъ хорошенько выспаться. Покойной ночи, милый Джонъ!

VII.

На слѣдующее утро, когда Трентонъ проснулся, онъ спокойно обдумалъ положеніе дѣла и рѣшился еще сегодня высказать роковой третій вопросъ.

Въ столовой онъ засталъ одного Эда Масона.

— Не подождать ли намъ нашихъ дамъ?—спросилъ Трентонъ.

— Лучше не ждать, потому что это было бы слишкомъ долго. Когда вернется сюда миссъ Сомертонъ—мнѣ совсѣмъ неизвѣстно, а мистриссъ Масонъ также раньше, какъ черезъ недѣлю, здѣсь не будетъ. Помилуйте,—онѣ теперь уже проѣхали полдороги въ Three Rivers.

— Праведное небо!—воскликнулъ Трентонъ, испугавшись.—Зачѣмъ же вы не позвали меня? Я охотно проводилъ бы дамъ.

— О, онѣ вовсе не желали, чтобы васъ тревожили, и, кромѣ того, наши американскія женщины привыкли сами провожать себя, мистеръ Трентонъ. Я уже давно убѣдился въ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ, пусть кучеръ немедленно заложитъ мою колясочку и отвезетъ меня въ Three Rivers.

— Вашего кучера я давно уже отослалъ обратно, — отвѣчалъ король лѣсопромышленниковъ. — Я самъ свезу васъ сегодня въ Three Rivers въ своемъ новомъ охотничьемъ экипажѣ.

— Слѣдовательно, догнать дамъ нѣтъ возможности?

— Никакой. Жену мою мы, пожалуй, еще застанемъ, но миссъ Сомертонъ, вѣроятно, уже будетъ въ Квебекѣ или Монреалѣ,—въ которомъ изъ этихъ городовъ—сказать навѣрное не берусь. Однако, вы сильно заинтересовались молодой особой. Конечно, это интересъ артиста къ артисткѣ, не такъ ли? Должно-быть, вы удачно воспользовались случаемъ. Давно ли, въ сущности, вы знакомы другъ съ другомъ? Цѣлыя сутки, не правда ли?

— Немного ошибаетесь мистеръ Масонъ. Уже болѣе полутора!

— Такъ давно? Неужели? Ну, не желаю обезкураживать васъ, но считаю своимъ долгомъ посовѣтовать вамъ не быть слишкомъ увѣреннымъ въ успѣхѣ.

— Увѣреннымъ въ успѣхѣ? Сохрани Богъ!

— Прекрасно! Такъ и слѣдуетъ. Иначе вы поступили бы неправильно. Вы не первый, который желалъ бы добиться благосклонности гордой Евы Сомертонъ изъ Бостона.

— Ахъ, Бостонъ такой хорошенькій городъ!—замѣтилъ Трентонъ совершенно невинно,—хотя въ немъ нѣтъ достоинствъ

Three Rivers'a, но во многихъ отношеніяхъ онъ ему не уступитъ въ привлекательности.

— Во многихъ отношеніяхъ, да! — подтвердилъ холодно Эдъ Масонъ.

Два дня спустя послѣ этого разговора, Трентонъ, въ визитное время, позвонилъ у дома въ Beacon Street.

— Миссъ Сомертонъ нѣтъ дома!—доложилъ ему слуга,—она уѣхала въ Канаду.

Трентонъ вернулся въ свой отель и рѣшился остаться въ Бостонѣ до тѣхъ поръ, пока миссъ Сомертонъ вернется; тогда она должна будетъ отвѣтить на его третій, столь важный для него, вопросъ. Онъ не хотѣлъ никуда представлять своихъ рекомендательныхъ писемъ и предпочелъ жить совершенно уединенно. Когда онъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ Бостонъ, то намѣревался познакомиться съ его обществомъ, произведеніями искусства и населеніемъ. Не будучи нигдѣ представленнымъ, онъ прожилъ въ бостонскомъ «обществѣ» незамѣченнымъ. Онъ полагалъ, что и на этотъ разъ будетъ то же самое. Однако, во время его отсутствія, въ Бостонѣ, должно-быть, догадались, что въ стѣнахъ его находился одинъ изъ знаменитыхъ художниковъ, и что еще не сдѣлано ни одного шага, чтобы доказать пріѣзжему изъ-за океана, что столица міра — не Лондонъ, а Бостонъ. Эту ошибку нужно было исправить теперь во что бы то ни стало, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Въ первый же день по возвращеніи художника въ Бостонъ, его посѣтилъ молодой человѣкъ, представившійся ему репортеромъ одной изъ популярнѣйшихъ газетъ Бостона.

— Вы мистеръ Трентонъ, знаменитый англійскій художникъ?

— Моя фамилія Трентонъ, я художникъ по призванію, но вовсе не претендую на прилагательное «знаменитый».

— Отлично. Вы именно тотъ, кого мнѣ нужно. Я желалъ бы знать, что̀ вы думаете о настоящемъ положеніи искусства въ Америкѣ?

— Я только недавно пріѣхалъ въ Америку и не имѣлъ еще времени посѣтить ни выставки, ни студій здѣшнихъ художниковъ, поэтому и не могъ еще составить себѣ никакого понятія о немъ.

— Познакомились съ американскими художниками,—да?

— Въ Европѣ,—да! И встрѣтилъ между ними весьма выдающихся.

— Европу, конечно, вы ставите выше Америки по искусству?

— Я не совсѣмъ понимаю вашъ вопросъ. Вы хотите сказать, въ Европѣ больше произведеній искусства, чѣмъ въ Америкѣ?

— Нѣтъ, я говорю вообще.

— Да, но, видите, я уже сказалъ вамъ, что ничего не осмотрѣлъ здѣсь и не могу позволить себѣ судить о чемъ бы то ни было. Но нигдѣ я не видалъ столько красотъ природы, какъ здѣсь.

— Были въ Скалистыхъ?

— Что̀ это Скалистыя? Гдѣ это?

— Въ Скалистыхъ горахъ?

— О, нѣтъ! Я исключительно посвятилъ свое время Канадѣ.

— Къ какой школѣ живописи принадлежите вы?

— Школѣ? Не думаю, чтобы я принадлежалъ къ какой-либо спеціально. А позвольте спросить, знатокъ ли вы въ живописи? Вы, вѣроятно, критикъ по художественному отдѣлу вашей газеты?

— Избави Богъ! Я и понятія не имѣю объ искусствѣ, потому-то именно меня къ вамъ и послали.

— Полагаю, что если бы вашъ редакторъ желалъ напечатать нѣчто интересное по этому предмету, то ему слѣдовало бы прислать личность болѣе компетентную въ дѣлѣ искусства.

— Полноте! Такимъ образомъ никогда не написать сенсаціонной статьи. Возьмите, напримѣръ, знатока: у того обяза-

тельно найдутся какія-нибудь предубѣжденія. Одну школу онъ считаетъ лучшею, другую—худшею, однимъ словомъ, у него есть собственное убѣжденіе. Если онъ любитъ французскую школу и терпѣть не можетъ англійской, нѣмецкой, итальянской, или какой бы то ни было, а вы стояли бы за одну изъ нихъ, то онъ, разумѣется, прошелся бы на вашъ счетъ и нашелъ бы, что вы вообще ничего въ искусствѣ не смыслите. Нашъ братъ, напротивъ, безъ всякаго предубѣжденія. Я хочу написать хорошую, интересную статью, столбца въ два, такъ не все ли мнѣ равно, какая школа лучшая изъ всѣхъ?

— А! вижу, что вы дѣйствительно безъ предубѣжденій.

— Еще бы! Итакъ, скажите, кто лучшій художникъ въ Англіи?

— По какому отдѣлу?

— По всякому. Кто первый? Кто предводитель? Кто извѣстнѣе всѣхъ? Кто Рафаэль?

— Къ сожалѣнію, не могу вамъ ничего сказать про это. Вообще, всѣ ваши вопросы требуютъ нѣкотораго размышленія.

— О, это слишкомъ затянуло бы время! Изъ того, что̀ вы мнѣ сейчасъ сказали, я и безъ того могу составить два столбца.

— Два столбца? Неужели? Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ быть осторожнымъ. Вы легко можете ввести публику въ заблужденіе.

— О, публика на это не обращаетъ вниманія! Все, что̀ она требуетъ, — это, чтобы статья только была остроумно и интересно написана. Вотъ какая наша публика.

Репортеръ откланялся, а на слѣдующій день Трентонъ прочелъ въ газетѣ поразительное сообщеніе о своемъ собственномъ взглядѣ на искусство. Авторъ явно высказывалъ свое глубокое уваженіе къ художнику. Что послѣдній избралъ Бостонъ, а не Нью-Іоркъ своимъ мѣстопребываніемъ, доказывало, что онъ человѣкъ со вкусомъ, — въ глазахъ репортера, по крайней мѣрѣ,—и замѣчательно благоразумный.

Не прошло и недѣли, какъ Трентонъ, къ своему немалому изумленію, оказался введеннымъ почти во всѣ клубы города Бостона и сдѣлался, къ великому своему смущенію, львомъ настоящаго сезона въ бостонскомъ хорошемъ обществѣ.

Великолѣпіе данныхъ въ честь его празднествъ превышало даже роскошь лондонскихъ празднествъ. На одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ, хозяйка дома, молодая, красивая женщина, обратилась къ художнику со слѣдующими словами:

— Мистеръ Трентонъ, я желала бы представить васъ одной изъ нашихъ любительницъ искусства, знакомство съ которой вамъ навѣрное доставитъ удовольствіе. Я знаю, что художники не очень долюбливаютъ дилетантовъ, но надѣюсь, что на этотъ разъ вы сдѣлаете исключеніе. Я прошу васъ объ этомъ. Мы очень цѣнимъ такихъ дилетантовъ и радуемся, что и чужіе авторитеты признаютъ ихъ.

— Не подразумѣваете ли вы меня подъ «чужимъ авторитетомъ»?

— Вы угадали, мистеръ Трентонъ.

— Это очень не любезно съ вашей стороны, мистриссъ Леноксъ, въ особенности послѣ того, какъ я начинаю чувствовать себя здѣсь, какъ дома, въ Лондонѣ. Увѣряю васъ, что вы напрасно называете меня чужимъ.

— Какъ мило вы сказали это, мистеръ Трентонъ. Надѣюсь, что вы скажете молодой особѣ, которой я васъ сейчасъ представлю, также какую-нибудь любезность въ этомъ родѣ; она—прелестная дѣвушка и навѣрно понравится вамъ. Замѣчу мимоходомъ, что она, какъ и всѣ мы, ярая поклонница вашего таланта.

При этихъ словахъ она подвела Трентона къ молодой особѣ.

— Миссъ Сомертонъ, позвольте представить вамъ мистера Трентона.

Миссъ Сомертонъ поднялась и съ граціозной небрежностью протянула художнику руку.

— Очень рада познакомиться съ вами, мистеръ Трентонъ. Давно ли вы въ Бостонѣ?

— Недавно. Я только нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ изъ Канады.

— Вотъ какъ!

Хозяйка, замѣтивъ, что между молодыми людьми разговоръ завязался, воскликнула:

— Простите, что принуждена оставить васъ на минутку. Познакомьтесь тѣмъ временемъ поближе. Не забудьте, мистеръ Трентонъ, что сегодня вечеромъ вы будете центромъ общества.

— Вы вѣрите этому?—спросилъ художникъ миссъ Сомертонъ.

— Если это говоритъ мистриссъ Леноксъ, то, конечно, да! Надѣюсь, вы не сомнѣваетесь въ словахъ нашей хозяйки?

— Боже упаси! Я подразумѣвалъ совсѣмъ другое.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, мистеръ Трентонъ; à propos, вы сказали, что пріѣхали изъ Канады,—не находите ли вы, что страна эта прекрасна?

— Прекрасна — выраженіе не вполнѣ подходящее, скажите лучше—райская!

— А! вы говорите такъ потому только, что Канада принадлежитъ Англіи. Я согласна съ вами, что эта страна чудесная, но въ Америкѣ есть и другія, такія же прекрасныя, мѣстности. Кажется, вы имѣете особенную слабость къ монархическому образу правленія.

— О! развѣ Канада настолько монархична?

— Какъ бы то ни было, она—колонія, и это мнѣ не нравится. Представьте только себѣ: такая превосходная страна, въ сотню, нѣтъ, въ тысячу километровъ, съ прекраснѣйшими горами и рѣками,—и вдругъ въ зависимости отъ маленькаго островка, находящагося тамъ, гдѣ-то далеко, за Атлантическимъ океаномъ и Сѣвернымъ моремъ, окутаннымъ неизмѣннымъ туманомъ или дождемъ. Зависѣть отъ такого могущественнаго государства, какъ, напримѣръ, Россія,—это я понимаю, но отъ ничтожнаго островного королевства!.. Какъ только я объ этомъ подумаю, я теряю всякое уваженіе къ Канадѣ.

—Гм! Но Соединенные Штаты также были когда-то зависимы!

— Какое неудачное сравненіе, мистеръ Трентонъ! Вѣдь въ тотъ моментъ, когда колонія достигла совершеннолѣтія, она стрясла съ себя ярмо опеки и сдѣлалась самостоятельной. Не забывайте, что вы— въ Бостонѣ, и что гавань не далеко отсюда.

— Не желаете ли вы, чтобы я принялъ это къ свѣдѣнію и сѣлъ на пароходъ, чтобы отправиться во-свояси?

— О, нѣтъ! Неужели же вы подозрѣваете меня въ такой невѣжливости, мистеръ Трентонъ? Вы, вѣроятно, не знаете подробностей нашей борьбы съ Англіей? Развѣ вы не помните, что именно въ гавани начались первыя ея дѣйствія, и что американцы потопили тутъ англійскіе корабли, пришедшіе съ грузомъ чая?

— Припоминаю нѣчто. Стало-быть, все вышло изъ-за чаю?

— Совершенно вѣрно.

— Такъ какъ мы вспомнили о чаѣ, миссъ Сомертонъ, то не позволите ли повести васъ въ зимній садъ и предложить вамъ чашку чаю?

— А если бы я вмѣсто чая попросила мороженаго?

— О! съ удовольствіемъ.

Когда они вошли въ зимній садъ, миссъ Сомертонъ сказала:

— Однако, мы съ вами очень мило ведемъ себя. Я лишаю общество героя дня, а послѣдній забываетъ свои обязанности въ отношеніи хозяйки и остальныхъ гостей.

— Не бѣда! Мнѣ хотѣлось бы обстоятельно узнать ваше мнѣніе... насчетъ... Что вы думаете о различныхъ родахъ

зависимости? Я въ этомъ пунктѣ совершенно расхожусь съ вами. Я нахожу, что побѣжденная страна обязательно должна сдѣлаться зависимой отъ побѣдившей. Я признаю право завоевателя.

— Повидимому, у васъ очень опредѣленные взгляды на этотъ предметъ, мистеръ Трентонъ?

— Это вѣрно, миссъ Сомертонъ. Говорятъ, англичанинъ не знаетъ пораженія, но я нахожу это очень ошибочнымъ. Никто такъ скоро не покоряется, какъ англичанинъ.

— А! вѣроятно, и васъ успѣли покорить, мистеръ Трентонъ. Позвольте же пожелать вамъ счастья.

— Подождите немного, миссъ Сомертонъ. Я еще не увѣренъ въ своемъ правѣ принять ваше поздравленіе.

— Отъ всего сердца желаю, чтобы вы поскорѣе увѣрились въ немъ.

— Вы говорите это серьезно?

Миссъ Сомертонъ спокойно и рѣшительно посмотрѣла ему въ глаза.

— Развѣ вы думаете, что я имѣю привычку говорить то, въ чемъ я не увѣрена?

— Да, думаю.

— Однако, вы ничуть не сдѣлались вѣжливѣе.. чѣмъ тогда въ...

— Вы хотите сказать, чѣмъ на берегу Св. Маврикія?

— А! вы посѣщали рѣку Св. Маврикія? Неправда ли, отсюда очень далеко до Св. Маврикія?

— Безъ сомнѣнія! Разстояніе изрядное, миссъ Сомертонъ. Но все-таки оно наполовину короче, нежели тотъ окольный путь, которымъ мы съ вами обходимъ прямую дорогу. Миссъ Сомертонъ, я здѣсь, въ Бостонѣ, ожидалъ вашего пріѣзда. Я хочу быть зависимымъ... я признаю себя побѣжденнымъ. Я намѣренъ поклясться въ вѣрности миссъ Евѣ Сомертонъ изъ Бостона, и теперь спрашиваю васъ, согласны ли вы на заключеніе этого договора?

Миссъ Сомертонъ медлила отвѣтомъ, а лишь только она открыла ротъ, чтобы высказать свое рѣшеніе, какъ вошла мистриссъ Леноксъ, шурша платьемъ.

— О, мистеръ Трентонъ! Я васъ вездѣ-вездѣ ищу! Въ залѣ, по крайней мѣрѣ, сотня людей, желающихъ вамъ представиться. Позвольте мнѣ увести его, миссъ Сомертонъ?

— Но, мистриссъ Леноксъ, если я отвѣчу «да», то этимъ пріобрѣтаю на него право.

Трентонъ вступился.

— Я привелъ сюда миссъ Сомертонъ,— сказалъ онъ, сильно упирая на слова,— чтобы предложить ей... порцію мороженаго, что̀ мнѣ, однако, до сихъ поръ еще не удалось исполнить. Желаете ли вы теперь принять отъ меня... мороженое, миссъ Сомертонъ?

Молодая особа покраснѣла и пристально посмотрѣла на художника.

— Да!—проговорила она чуть слышно.

— Что̀ это, Ева! — воскликнула мистриссъ Леноксъ, когда Трентонъ бросился за мороженымъ, — вы такъ торжественно говорите «да», какъ будто даете согласіе на сдѣланное предложеніе.

Говорятъ, на такое замѣчаніе мистриссъ Леноксъ, Ева Сомертонъ только загадочно улыбнулась.

Чудеса небеснаго свода.

Д-ра I. Клейна.

(Съ нѣмецкаго.)

Въ промежутокъ времени съ 1892 по 1896 г. профессоръ Максъ Вольфъ, въ Гейдельбергѣ, открылъ до 36 новыхъ планетъ, новыхъ сестеръ нашей земли въ солнечной системѣ, такъ какъ онѣ, подобно земному шару, тоже свершаютъ свой круговой путь около солнца. «Правда,— добавляетъ гейдельбергскій профессоръ,— я самъ не видалъ ни одной изъ этихъ планетъ». И въ самомъ дѣлѣ, открыватель этихъ небесныхъ тѣлъ никогда не видалъ ихъ воочію на сводѣ небеспомъ, а нашелъ ихъ на фотографическихъ снимкахъ звѣзднаго неба, которые были имъ сдѣланы. Онъ открылъ новыя планеты у себя на столѣ! Такъ далеко двинулись въ наше время успѣхи астрономической науки. Теперь мы можемъ созерцать чудеса звѣзднаго неба, недоступныя нашему глазу, даже вооруженному сильнѣйшимъ телескопомъ; нѣтъ надобности смотрѣть на небо, достаточно внимательно всмотрѣться въ фотографическій снимокъ неба. Лучи свѣта, посылаемые къ намъ на землю невидимыми свѣтилами, умираютъ въ необъятномъ пространствѣ вселенной, слабнутъ, тонутъ въ этой безднѣ разстояній, не успѣвая сохранить за весь пройденный путь столько силы, чтобы, пробѣжавъ по вселенной тысячи, быть-можетъ, и милліоны лѣтъ, попасть въ нашъ глазъ и произвести въ немъ ощутимое впечатлѣніе. Но фотографическая пластинка куда чувствительнѣе глаза; она ощущаетъ лучъ свѣта и запечатлѣваетъ его въ своемъ чуткомъ къ свѣту броможелатинномъ слоѣ. На пластинкѣ остается явственный, видимый слѣдъ, изображеніе, и по этому изображенію глазъ ученаго убѣждается въ существованіи невѣдомыхъ тѣлъ въ далекомъ пространствѣ; эти изображенія развертываютъ передъ нами цѣлый міръ солнцъ, источающихъ силу, свѣтъ, тепло, неизвѣстно куда и для какихъ цѣлей направленныя. Но этого мало. Фотографическій телескопъ не только показываетъ намъ въ видѣ точекъ отдаленнѣйшія солнца, онъ, въ сочетаніи со спектроскопомъ, показываетъ намъ, что̀ именно происходитъ на этихъ солнцахъ, какое вещество тамъ свѣтится, по какому направленію и съ какою скоростью свѣтило движется, иногда даже даетъ картину столкновенія какихъ-то неимовѣрныхъ массъ, о которыхъ всякая фантазія отказывается составить представленіе, сшибку и гибель цѣлыхъ солнечныхъ системъ. Вѣчный миръ и нерушимый покой, которые, по мечтаніямъ поэтовъ, будто бы царятъ въ надзвѣздныхъ пространствахъ, только въ мірѣ поэтическихъ грёзъ и существуютъ, но вовсе не на небѣ, не во вселенной. Напротивъ, тутъ идетъ вѣчный бой, борьба за существованіе, о которомъ человѣчество доселѣ ничего не знало, просто-напросто потому, что не могло ничего этого видѣть и жизни его не хватаетъ, чтобы за этимъ услѣдить. Мошка-поденка считаетъ дерево вѣчнымъ, потому что она живетъ одинъ день, а дерево—сотни лѣтъ; такъ и человѣчество, живущее всего лишь какихъ-нибудь нѣсколько тысячелѣтій, невольно склонно считать вѣчнымъ видимый звѣздный міръ, существующій милліоны лѣтъ,

и только свое, земное,—преходящимъ. Точная наука скоро положитъ конецъ этому заблужденію.

Ничто въ лучшей мѣрѣ не убѣждаетъ насъ въ высокомъ развитіи современной науки, какъ разсмотрѣніе тѣхъ средствъ и способовъ, которыми добываются эти удивительныя познанія относительно отдаленнѣйшихъ межзвѣздныхъ пространствъ и кишащихъ среди нихъ свѣтилъ. Для того, чтобы сдѣлать этотъ поучительный обзоръ, перенесемся мысленно въ Кембриджъ, городокъ, лежащій противъ Бостона, въ Сѣверной Америкѣ. Въ Кембриджѣ существуетъ университетъ, одинъ изъ лучшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а при университетѣ астрономическая обсерваторія, такъ-называемая Харвардовская, славящаяся во всемъ мірѣ. Въ рабочемъ кабинетѣ этой обсерваторіи мы встрѣтимъ даму, мистриссъ Флемингъ, занимающуюся разсматриваніемъ на свѣтъ фотографическихъ пластинокъ. Передъ ней тысячи этихъ пластинокъ, тщательно подобранныхъ и переномерованныхъ. Если всмотрѣться внимательно въ одну изъ нихъ, то можно видѣть, что это негативъ, т. е. такой фотографическій снимокъ, на которомъ свѣтлыя мѣста снятаго предмета представляются черными и наоборотъ. Вся пластинка покрыта черными точками, раскиданными безъ всякаго порядка и симметріи; притомъ, при болѣе внимательномъ осмотрѣ, можно убѣдиться, что эти точки не круглы, а представляются въ видѣ коротких черточекъ. Какъ уже упомянуто, подъ сводами Харвардовской обсерваторіи хранятся тысячи этихъ негативовъ, съ милліонами запечатлѣвшихся на нихъ черточекъ и точекъ, и къ прежнимъ негативамъ продолжаютъ присоединяться все новые. Эти пластинки, выражаясь кратко, являются инвентаремъ звѣзднаго неба; этотъ инвентарь двойной; на однѣхъ пластинкахъ помѣстившаяся на нихъ часть неба представлена въ точкахъ, на другихъ—въ черточкахъ. Отдѣльные снимки были сдѣланы въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, частью въ Кембриджѣ, частью въ другой знаменитой обсерваторіи, выстроенной на высокой горѣ, близъ г. Арекипы, въ Перу, въ Южной Америкѣ; здѣсь дѣлались снимки южнаго полушарія звѣзднаго неба, а такъ какъ въ Арекипѣ воздухъ особенно чистъ и прозраченъ, то здѣсь удалось получить на пластинкахъ изображенія звѣздъ, столь слабо свѣтящихъ, что въ другихъ мѣстахъ, при другомъ, болѣе тускломъ воздухѣ, онѣ не оставляли никакого слѣда на фотографической пластинкѣ. Оба рода снимковъ, т. е. тѣ, на которыхъ звѣзды представляются въ видѣ точекъ, и тѣ, гдѣ онѣ представлены черточками, имѣютъ каждый особое значеніе и служатъ для особыхъ цѣлей; на первыхъ показано *все, что есть* на сводѣ небесномъ, на вторыхъ обозначено *состояніе* каждаго свѣтила. Въ самомъ дѣлѣ, эти фигурки, черточки или четырехугольнички указываютъ на свойство свѣтила, они говорятъ намъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ, съ неподвижною ли звѣздою или съ туманностью, находится ли свѣтило въ раскаленномъ состояніи, или уже до извѣстной степени остыло, наконецъ, какое именно вещество свѣтитъ на данной звѣздѣ. Эти штришки и четырехугольники не что иное, какъ крошечные сфотографированные спектры свѣтилъ. Въ высшей степени важно переснять и переизслѣдовать спектры всѣхъ свѣтилъ, одного за другимъ; этою работою пересмотра спектровъ и занята въ Кембриджской обсерваторіи мистриссъ Флемингъ уже много лѣтъ подъ-рядъ; она изслѣдуетъ всѣ эти крошечные снимки спектровъ подъ микроскопомъ. На фотографическомъ снимкѣ этихъ спектровъ можно разсмотрѣть нѣкоторыя свѣтлыя линіи, и эти линіи характеризуютъ естественныя свойства соотвѣтствующаго свѣтила. Каждому образованному человѣку извѣстно, что солнечный свѣтъ, если его пропустить черезъ призму, раздробляется въ цвѣтной пучокъ, который весь исчерченъ множествомъ поперечныхъ темныхъ

линій; число и положеніе этихъ линій указываетъ на присутствіе въ раскаленной атмосферѣ солнца извѣстныхъ тѣлъ, пары которыхъ даютъ, въ свою очередь, спектры, характеризующіеся опредѣленнымъ числомъ и положеніемъ темныхъ линій. Равнымъ образомъ, по линіямъ спектровъ на фотографическихъ снимкахъ свѣтилъ можно заключить о присутствіи въ атмосферѣ этихъ свѣтилъ тѣхъ тѣлъ, которыя этими линіями характеризуются.

Многочисленными изслѣдованіями такихъ спектровъ, полученныхъ отъ милліоновъ свѣтилъ, удалось установить, что всѣ вообще небесныя тѣла можно раздѣлить на три группы, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной стадіи развитія свѣтила, т. е. указываютъ на его вѣкъ, на его возрастъ. Это одно изъ величайшихъ открытій въ области астрономіи за послѣднее время; наука обязана этимъ открытіемъ директору астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ, профессору Фогелю. Къ первой группѣ свѣтилъ относятся, изъ числа крупнѣйшихъ звѣздъ, напр., Сиріусъ и Вега, и множество другихъ, мелкихъ; въ ихъ спектрѣ сильно выдѣляется голубая и фіолетовая полосы, и спектры испещрены множествомъ темныхъ поперечныхъ линій, тонкихъ, широкихъ и перѣзко очерченныхъ. Эти свѣтила обладаютъ высшею, сравнительно съ другими, температурою, и надъ ихъ раскаленною свѣтящеюся оболочкою лежитъ значительный слой атмосферы, состоящей главнымъ образомъ изъ водороднаго газа. Свѣтила второй группы имѣютъ преобладающій желтоватый оттѣнокъ; ихъ спектръ очень близокъ къ спектру нашего солнца. Къ этому классу и принадлежитъ, прежде всего, наше солнце, а изъ крупныхъ звѣздъ—Капелла. Температура этихъ свѣтилъ значительно ниже, чѣмъ звѣздъ перваго типа, но все еще необычайно высока, настолько высока, что самые тугоплавкіе металлы находятся на этихъ свѣтилахъ въ состояніи раскаленнаго пара. Третья группа содержитъ свѣтила красноватаго свѣта, въ спектрѣ которыхъ присутствуетъ множество расплывшихся, широкихъ линій, какъ бы тѣней. Этотъ спектръ указываетъ, что температура свѣтила уже значительно понизилась, именно въ такой мѣрѣ, что тамъ простыя тѣла, напр. металлы, уже могутъ входить между собою въ химическія соединенія, такъ какъ окружающая температура не можетъ разрушить эти соединенія и воспрепятствовать ихъ образованію. Тутъ мы, очевидно, имѣемъ дѣло со свѣтилами, которыя уже излучили въ пространство бо̀льшую часть своей теплоты, ослабли, отжили эпоху расцвѣта своей жизненной энергіи и готовы скоро потухнуть. Нѣкоторыя единичныя свѣтила имѣютъ въ своихъ спектрахъ рядомъ съ темными также и свѣтлыя линіи; они занимаютъ среди другихъ свѣтилъ совсѣмъ особое, исключительное мѣсто. Наконецъ, такъ-называемыя туманности, эти бѣловатыя пятна на небѣ, часто являютъ спектръ, который обладаетъ всего лишь только двумя или тремя свѣтлыми линіями, и это свидѣтельствуетъ, что они состоятъ изъ газообразныхъ массъ, свѣтимость которыхъ можетъ зависѣть либо отъ возвышенной температуры, либо отъ громаднаго электрическаго ихъ напряженія. Теперь, давъ понятіе о родахъ и видахъ звѣздныхъ спектровъ, мы вновь возвращаемся къ фотографическимъ негативамъ, которые нынѣ изслѣдуются съ такою усидчивостью въ Кембриджскомъ университетѣ.

При тщательномъ изученіи микроскопически малыхъ звѣздныхъ спектровъ, на одномъ изъ такихъ негативовъ мистриссъ Флемингъ явственно различила свѣтлыя и темныя линіи; это было въ октябрѣ 1893 года. Изслѣдовательница убѣдилась, что она имѣетъ тутъ дѣло съ какою-то особенною, странною звѣздою, которую надлежитъ разслѣдовать какъ можно тщательнѣе. По справкѣ оказалось, что снимокъ сдѣланъ 10 іюля 1893 года, въ Арекипѣ, и что эта крошечная, тусклая звѣздочка находится въ южномъ полушаріи. Тотъ

же участокъ неба былъ снятъ раньше, 21 іюня; на пунктѣ, занятомъ загадочною звѣздою, оказался на этомъ первомъ снимкѣ (21 іюня) спектръ звѣздочки 10-й величины, но въ этомъ спектрѣ не было ничего особеннаго. На фотографическихъ картахъ неба, снятыхъ въ 1889, 1890 и 1891 гг. на той же Арекипской обсерваторіи, опять-таки не удалось найти этой особенной звѣзды. Когда это было съ точностью установлено, столь заинтриговавшая астрономовъ звѣзда была найдена и ея спектръ многократно фотографированъ въ промежутокъ времени съ октября 1893 по февраль 1894 года. Тогда оказалось, что звѣзда становится день-ото-дня слабѣе, какъ бы тухнетъ, и ея спектръ все болѣе и болѣе упрощается, такъ что, наконецъ, въ немъ осталась уже только одна свѣтлая линія, подобно тому, какъ въ спектрѣ туманности. Таковы результаты наблюденій, изъ которыхъ можно было вывести слѣдующее заключеніе. Въ южной полусферѣ небеснаго свода, за время съ 21 іюня по 10 іюля 1893 года, т. е. въ теченіе 19 дней, въ такомъ пунктѣ, гдѣ раньше не было никакой звѣзды, ясно обозначилось новое свѣтило. Какою силою свѣта оно обладало раньше — мы не знаемъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что за эти 19 дней его свѣтъ усилился не менѣе какъ во сто разъ, хотя оно все же оставалось столь слабымъ, что безъ помощи фотографированія его присутствія не удалось бы обнаружить. Послѣ того, какъ эта звѣздочка достигла своего наивысшаго свѣтового напряженія, ея свѣтъ вновь началъ тухнуть, и это потуханіе было прослѣжено до февраля 1894 года.

Все это явленіе происходило въ совершенно недосягаемыхъ для человѣческаго глаза глубяхъ пространства; но что осталось недоступно для глаза, то громко говоритъ человѣческому разуму. Чтобы уразумѣть все значеніе этого явленія, поставимъ себѣ вопросъ:—что произошло бы, если бы наше солнце въ нѣсколько дней сдѣлалось ярче и жарче во сто разъ, чѣмъ теперь? Отвѣтъ легко предугадать:—всѣ океаны испарились бы, вся поверхность земли была бы выжжена, вся жизнь исчезла бы съ лица земли. Такой же отвѣтъ, слово-въ-слово, приходится дать и въ отношеніи всякой планеты, которая обращается, подобно землѣ, вокругъ одного изъ безчисленныхъ солнцъ вселенной. Итакъ, если упомянутая звѣзда, до тѣхъ поръ темная, начала съ 21 іюня издавать свѣтъ, то ясно, что она обратилась въ самостоятельное свѣтило—въ солнце. Значитъ, въ этомъ случаѣ мы очутились лицомъ къ лицу съ какою-то катастрофою, съ цѣлымъ мірокрушеніемъ, которое, однакоже, по причинѣ неимовѣрнаго отдаленія отъ насъ мѣста происшествія, могло остаться внѣ нашихъ подозрѣній, если бы не фотографическая пластинка, запечатлѣвшая его. Если бы это случилось за 20—30 милліоновъ миль отъ земли, то наша планета несомнѣнно погибла бы, на ней исчезла бы всякая органическая жизнь. Изъ этого примѣра ясно видно, какую важную роль играетъ фотографія въ разгадкѣ явленій, совершающихся въ отдаленнѣйшихъ сферахъ вселенной. Послѣ описаннаго случая со звѣздою, было констатировано уже два подобныхъ же случая внезапно возникшей свѣтимости небесныхъ тѣлъ и послѣдовавшаго затѣмъ ихъ потуханія, и все тѣмъ же фотографическимъ способомъ; въ обоихъ случаяхъ дѣло касалось весьма мелкихъ, т. е. слабомерцающихъ свѣтилъ, число которыхъ на сводѣ небесномъ достигаетъ нѣсколькихъ милліоновъ и которыя могутъ быть открыты только фотографическимъ аппаратомъ, этимъ новымъ окомъ астронома, ничего не пропускающимъ, все видящимъ и замѣчающимъ.

Отсюда мы можемъ съ полною достовѣрностью заключить, что вселенная, такъ сказать, кишитъ самыми невѣроятными катастрофами, во время которыхъ разрушаются цѣлыя солнца съ ихъ системами, и что мы, ничтожные жители земли, остаемся въ полномъ невѣдѣніи этихъ

ужасовъ, потому что они часто такъ удалены отъ насъ, что завѣса безконечнаго пространства навсегда скрываетъ ихъ отъ нашихъ глазъ. Но тутъ же является и другое заключеніе, именно, что одна изъ такихъ міровыхъ катастрофъ могла бы произойти и въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ нашею солнечною системою, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ отношеніи разныя части вселенной несутъ совершенно одинаковый рискъ. Что случилось за милліонъ вѣковъ до нашего времени и за билліонъ билліоновъ миль отъ насъ, почему бы не могло повториться завтра и притомъ на разстояніи всего лишь ста милліоновъ верстъ отъ земли? Для наилучшаго уразумѣнія всего значенія этого рокового вопроса, напомнимъ, прежде всего, что ближайшая къ намъ неподвижная звѣзда находится на разстояніи 4 тысячъ милліардовъ миль отъ земли. Представимъ себѣ нашу землю въ видѣ шарика, имѣющаго 1 миллиметръ въ поперечникѣ; чтобы получить теперь понятіе о разстояніи до ближайшей звѣзды и о размѣрахъ этой послѣдней, мы должны были бы взять пушечное ядро и положить его за 300 миль отъ нашего шарика въ миллиметръ; такая установка и выразила бы истинное соотношеніе между земнымъ шаромъ и ближайшею къ нему неподвижною звѣздою. Это мы говоримъ о ближайшей звѣздѣ, а другія удалены на разстоянія въ 10, 100, 1,000 разъ бо́льшія. Значитъ, катастрофы, подобныя упомянутымъ выше, могутъ происходить въ сравнительно близкомъ сосѣдствѣ съ нами, какъ ни странно звучитъ это наше земное слово *близкій* въ приложеніи къ небеснымъ пространствамъ; и въ самомъ дѣлѣ, нѣчто подобное было наблюдаемо съ земли въ разное время. Такъ, въ китайскихъ лѣтописяхъ упоминается о новыхъ, внезапно возсіявшихъ звѣздахъ; одна изъ нихъ появилась въ іюлѣ 134 года (до Р. Х.) въ созвѣздіи Скорпіона, другая въ 173 году (по Р. Х.); онѣ сіяли необычайнымъ блескомъ, но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ исчезли. Самая знаменитая изъ «новыхъ» звѣздъ, это—появившаяся въ созвѣздіи Кассіопеи, 11 ноября 1572 года; ее было видно даже въ полдень. Астрономъ Тихо де-Браге увидѣлъ ее и былъ такъ пораженъ этимъ новымъ, внезапно появившимся и чрезвычайно ярко горѣвшимъ свѣтиломъ, что не повѣрилъ собственнымъ глазамъ и созвалъ людей, чтобы ихъ глазами провѣрить собственные, убѣдиться, что онъ не бредитъ. Послѣ того онъ все время непрерывно наблюдалъ за этою звѣздою, замѣтилъ, что она оставалась совершенно неподвижною, начала постепенно терять яркость, черезъ два мѣсяца сдѣлалась желтоватою, потомъ красноватою и потомъ постепенно растаяла вовсе, исчезла. Знаменитый Ньютонъ высказалъ догадку, что эти «новыя» небесныя тѣла, вовсе не новыя, а только бывшія раньше невидимыми съ земли, а потомъ столкнувшіяся съ кометою, которая причинила на нихъ всесокрушающій пожаръ, поднявшій въ нѣсколько сотъ разъ ихъ самосвѣтимость; подобную катастрофу Ньютонъ предсказалъ, какъ вполнѣ возможную случайность, и для нашего солнца, и для земного шара. Новое свѣтило появлялось еще въ 1604 году. Послѣ того долго не замѣчалось ничего подобнаго, вплоть до 1866 года; но 12—13 мая этого года вновь внезапно засверкала загадочная звѣзда въ созвѣздіи Короны. На этотъ разъ наука уже была вооружена важнымъ средствомъ, спектральнымъ анализомъ, котораго не было въ распоряженіи ни у Ньютона, ни у Тихо де-Браге, тѣмъ менѣе у китайцевъ до Рождества Христова. За «новую» звѣзду тогда принялись съ величайшимъ жаромъ. Спектроскопъ показалъ, какія именно тѣла свѣтятся въ раскаленной оболочкѣ новоявленной звѣзды; она, впрочемъ, весьма быстро ослабла и пропала. Къ великому изумленію астрономовъ, эта новая звѣзда давала два, какъ бы наложенныхъ одинъ на другой, спектра: одинъ съ темными,

а другой со свѣтлыми линіями. Звѣзда представлялась въ такомъ же видѣ, какъ наше солнце, только была окружена оболочкою изъ горящаго водорода, которая чрезвычайно ярко свѣтилась. Ничего подобнаго даже не замѣчалось ни на какомъ свѣтилѣ, такъ что новая звѣзда своимъ видомъ свидѣтельствовала о какой-то ужасной катастрофѣ, въ родѣ неимовѣрнаго пожара, охватившаго все свѣтило. Но какъ возникъ этотъ пожаръ? Объ этомъ было трудно сдѣлать вѣрное заключеніе. Спектроскописты склонялись къ тому мнѣнію, что ранѣе эта звѣзда представляла собою довольно слабо свѣтившее, уже потухавшее солнце, но изъ его внутренности внезапно вырвалась масса водороднаго газа, тотчасъ вспыхнувшаго и окружившаго свѣтило яркою оболочкою. Другіе астрономы предпочли предположеніе, что причиною катастрофы было паденіе на свѣтило одной изъ планетъ, его спутниковъ; отъ его столкновенія съ массою солнца произошло чрезвычайное повышеніе температуры, при которомъ обѣ массы и обратились въ раскаленный паръ; единства взгляда на катастрофу такъ и не установилось. Между тѣмъ, въ 1876 году, загорѣлась опять новая звѣзда въ созвѣздіи Лебедя, и вновь на нее устремились спектроскопическія трубы со всѣхъ обсерваторій сѣвернаго полушарія. Это свѣтило дало тотъ же двойной спектръ, что и звѣзда 1866 года, и опять-таки возникло мнѣніе, что причиною катастрофы — взрывъ свѣтила, изверженіе изъ его внутренности раскаленныхъ массъ. Но тутъ удалось еще запримѣтить, что при наступившемъ потускнѣніи свѣтила его спектръ началъ измѣняться, упрощаться и, въ концѣ концовъ, превратился въ спектръ туманности. Надо было заключить, что бывшее солнце претерпѣло цѣлое перерожденіе, изъ твердаго свѣтила превратилось въ газовое облако.

Тѣмъ временемъ спектроскопъ все болѣе и болѣе совершенствовался. Удалось, наконецъ, получить фотографическіе снимки спектровъ; начали постепенно, методически снимать на пластинки весь сводъ небесный и составлять по этимъ снимкамъ полнѣйшую карту звѣзднаго неба, при чемъ важнѣйшее участіе въ этой работѣ пало на долю вышеупомянутой Кембриджской обсерваторіи и недавно основанной обсерваторіи въ Арекипѣ. Тогда-то вдругъ появилось телеграфное извѣщеніе, всполошившее ученый міръ, что въ созвѣздіи Возничаго загорѣлось новое свѣтило, хотя и не особенно яркое, но все же различаемое даже невооруженнымъ глазомъ. Телескопы и спектральные приборы неотступно слѣдили за новою звѣздою, которая дала все тотъ же двойной спектръ, какъ и звѣзды 1866 и 1876 гг. Но за послѣдніе годы далеко шагнула впередъ астрономическая фотографія, и она-то пришла на помощь къ прежнимъ способамъ изслѣдованія. По фотографическому снимку было ясно замѣтно, что значительное число линій на спсктрѣ—двойныя, повторяющіяся, и что тутъ передъ глазами наблюдателя не одинъ, а очевидно два разныхъ спектра. Два спектра указывали явно не на одно, а на два небесныхъ тѣла; сочетаніе спектровъ этихъ двухъ тѣлъ можно было логически объяснить только тѣмъ, что оба тѣла встрѣтились и сшиблись, и что этому столкновенію и надлежитъ приписать все явленіе. Раздвоеніе спектра было явно засвидѣтельствовано почти въ одно время на обсерваторіяхъ въ Кембриджѣ и въ Потсдамѣ. Такимъ образомъ, эта грандіозная тайна возникновенія «новыхъ» свѣтилъ была, наконецъ, разъяснена; внезапно вспыхивающій свѣтъ небесныхъ тѣлъ, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ столкновенію этихъ тѣлъ съ другими, которое, конечно, сопровождается неимовѣрнымъ повышеніемъ температуры, превращающимъ обѣ столкнувшіяся массы въ раскаленный паръ. Мы имѣемъ полную возможность опредѣлить даже ту скорость

движенія, съ которою двѣ небесныя массы налетаютъ одна на другую; она, приблизительно, въ среднемъ, равняется 100 милямъ въ секунду. Профессоръ Фогель, въ Потсдамѣ, великій знатокъ звѣзднаго міра, представляетъ себѣ возникновеніе «новаго» (для насъ) свѣтила именно такъ, какъ мы только что сейчасъ объяснили. Какое-нибудь небесное тѣло, все равно темное или самосвѣтящееся, налетаетъ, со скоростью сотни миль въ секунду, на первую встрѣчную солнечную систему и сталкивается съ однимъ, двумя, тремя членами этой системы; гигантская механическая сила столкновенія сопровождается столь же гигантскимъ повышеніемъ температуры; сбившаяся масса небесныхъ тѣлъ чуть не мгновенно вся цѣликомъ превращается въ раскаленный паръ, масса котораго, ярко горящая на фонѣ неба, представляется намъ, земнымъ жителямъ, удаленнымъ отъ мѣста сшибки на невыразимое и не охватываемое разумомъ разстояніе,—просто-напросто небольшою звѣздочкою. Раньше на этомъ мѣстѣ ничего не было видно, а потомъ (какъ, напр., въ послѣднемъ сдѣлавшемся извѣстнымъ случаѣ, въ маѣ 1892 г.) вдругъ, внезапно, на пустомъ дотолѣ мѣстѣ небеснаго свода, является новое свѣтило, превращающееся въ скоромъ времени въ туманность. Послѣднее превращеніе можно объяснить себѣ тѣмъ соображеніемъ, что при столкновеніи двухъ небесныхъ тѣлъ, особенно же двухъ самостоятельныхъ свѣтилъ, двухъ солнцъ, повышеніе температуры должно дойти до такого напряженія, что не только оба свѣтила превратятся въ паръ, но паръ этотъ вдобавокъ страшно разрѣдится, разсѣется, разбросится по окружающему пространству. Принимая въ расчетъ колоссальную массу вещества обоихъ столкнувшихся свѣтилъ, надо, разумѣется, допустить, что это разсѣяніе ихъ массы по пространству, сколь бы стремительно оно ни совершалось, все же требуетъ времени—нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Но вмѣстѣ съ разрѣженіемъ должно происходить и столь же быстрое остываніе; въ концѣ концовъ значительно остывшая масса паровъ можетъ, все еще удерживая температуру яркаго каленія, продержаться въ пространствѣ безконечное число столѣтій, представляясь земному наблюдателю въ видѣ крошечной тусклой туманной точки. Такихъ туманностей очень много попадается въ межзвѣздныхъ пространствахъ, и всѣ онѣ, быть-можетъ, не что иное, какъ бренные слѣды когда-то произошедшихъ столкновеній, сшибокъ небесныхъ тѣлъ. Несомнѣнно, что эти столкновенія играютъ видную роль въ жизни звѣздныхъ міровъ, что они всегда, съ незапамятныхъ временъ, происходятъ въ безконечныхъ пространствахъ вселенной непрерывно, происходятъ и въ наше время, быть-можетъ каждую минуту. Но намъ, земнымъ жителямъ, даже вооруженнымъ современными усовершенствованными орудіями наблюденія, удается видѣть лишь совершенно ничтожную часть этихъ вселенскихъ катастрофъ. Если бы не услуги фотографіи въ соединеніи со спектральнымъ анализомъ, мы и до сихъ поръ не имѣли бы о нихъ сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній. Мы даже не имѣемъ права думать, что эти столкновенія суть явленія случайныя, руководимыя какою-то слѣпою силою; напротивъ, должно скорѣе склониться къ предположенію, что вселенскія коллизіи совершаются по предвѣчнымъ и незыблемымъ законамъ, только пока еще вполнѣ для насъ неуловимымъ. Быть-можетъ, дойдетъ роковая очередь и до нашей земли, до нашего великолѣпнаго солнца, которое сгинетъ въ одно мгновеніе въ космическомъ пожарищѣ, какъ жалкая пылинка каменнаго угля въ печномъ жерлѣ. Вспомнимъ о нашемъ жалкомъ ничтожествѣ передъ лицомъ безконечной вселенной!

* * *

Свѣтлое солнышко, майское солнышко!
Снова ты намъ улыбаешься,
Каждое утро ты на небо синее
Вновь высоко поднимаешься...

Теплые дождички, майскіе проливни!
Грозы веселыя, краткія!
Вмѣстѣ съ цвѣтовъ ароматомъ вы по міру
Вѣете, запахи сладкіе...

Майскіе цвѣтики, яркіе цвѣтики!
Вы, что ни день, распускаетесь,
Просите дождика, ищете солнышка,
И, находя—улыбаетесь.

Б. Никоновъ.

Соланжъ-волчиха.

Разсказъ **Марселя Прево.**

(Съ французскаго.)

Съ палкой въ рукахъ и котомкой за плечами шли мы втроемъ по великолѣпному лѣсу Тронсэ, занимавшему добрую половину Сентъ-Амандскаго и половину Неверскаго округовъ. Мы шли безостановочно съ самаго полудня, имѣя цѣлью дневного перехода маленькую деревушку Винь, пріютившуюся на берегу Шера, въ разсѣлинѣ долины, раздѣляющей лѣсъ на двѣ части. Пообѣдавъ у стараго пріятеля, скромнаго деревенскаго врача, имѣющаго въ своемъ вѣдѣніи пять или шесть приходовъ въ окрестностяхъ Виня, мы усѣлись у порога его дверей, и, мечтая, покуривали черешневыя трубки.

Вокругъ насъ, по синѣющему на горизонтѣ лѣсу, медленно спускались тѣни. Стаи ласточекъ прорѣзывали воздухъ. Съ маленькой колокольни, выглядывавшей изъ-за крышъ, прозвонили къ angelus'у. Съ окрестныхъ фермъ послышался, въ перекличку, лай собакъ...

Какая-то женщина, еще молодая, одѣтая въ красную фланелевую юбку и бѣлый холщевый лифъ, вышла изъ сосѣдняго дома и стала спускаться къ рѣкѣ. Лѣвой рукой она прижимала къ груди спеленатаго ребенка; правой—вела за руку мальчика, который, въ свою очередь, велъ другого, поменьше. Придя на берегъ Шера, молодая женщина сѣла на большой камень, а оба мальчика, быстро раздѣвшись, вошли въ воду и принялись плескаться и обдавать другъ друга брызгами, со смѣхомъ и криками, между тѣмъ какъ мать разстегнула платье и стала грудью кормить ребенка.

Одинъ изъ насъ, по профессіи художникъ, замѣтилъ, обращаясь къ остальнымъ:

— Вотъ сюжетъ для картинки, которая могла бы имѣть хорошій успѣхъ въ Салонѣ. Обратите вниманіе на позу этой женщины, и какое сильное пятно дѣлаетъ ея красная юбка на синемъ фонѣ.

— Ага! Любуетесь на Соланжъ-вол-

чиху, молодые люди? — произнесъ чей-то голосъ.

Мы обернулись: за нами стоялъ нашъ любезный хозяинъ, только-что окончившій, у себя въ кабинетѣ, пріемъ больныхъ.

На вопросъ нашъ, кто эта Соланжъ-волчиха и откуда у нея такое странное прозвище, онъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«— Эта женщина, настоящее имя которой Соланжъ Турнье, а по мужу Грилье, была, лѣтъ десять тому назадъ, самой хорошенькой дѣвушкой въ цѣломъ околоткѣ. Теперь полевыя работы и пятеро ребятъ, конечно, измѣнили ее. Но и до сихъ поръ, несмотря на свои тридцать лѣтъ, она, какъ видите, еще красивая женщина.

«Когда случилось приключеніе, подавшее поводъ къ ея прозвищу, она жила у родителей, мелкихъ фермеровъ въ Рень-дю-Буа, километрахъ въ пятнадцати отсюда, близъ Люрси-Леви. Несмотря на свою бѣдность, Соланжъ не имѣла недостатка въ женихахъ; за ней увивались даже и богатые парни. Но она не принимала ничьихъ ухаживаній, за исключеніемъ одного Лорана Грилье, котораго избрала еще будучи дѣвочкой, когда они вмѣстѣ пасли стада въ Рень-дю-Буа.

«Лоранъ Грилье былъ пріемышъ; онъ не имѣлъ ничего, кромѣ своихъ рукъ. Отецъ и мать Соланжъ не соглашались поженить двухъ бѣдняковъ, тѣмъ болѣе, что за Соланжъ сватались и зажиточные женихи. Родители запретили дѣвушкѣ видѣться со своимъ возлюбленнымъ. Но она, само собою, продолжала бѣгать на свиданіе съ нимъ. Живя въ одномъ и томъ же приходѣ, имѣя въ двухъ шагахъ лѣсъ, они находили множество случаевъ видѣться. Старики Турнье, видя, что ни брань, ни побои не помогаютъ, прибѣгли къ рѣшительному средству: они отправили дочь на мѣсто, въ Винь, на образцовую ферму г. Роже-Дюфло.

«Вы думаете, что это помѣшало влюбленнымъ видѣться? Ничуть. Но они стали встрѣчаться по ночамъ, лишая себя сна. Какъ только темнѣло, каждый выходилъ изъ фермы, на которой работалъ, и шелъ навстрѣчу другому по кратчайшей лѣсной тропинкѣ. Они встрѣчались въ условленномъ пунктѣ и коротали время до зари, подъ дружескимъ покровомъ лѣса.

«Это было въ 1879 году. Прошло лѣто, потомъ осень. Наступила зима,—зима суровая. По Шеру шелъ ледъ, и, наконецъ, рѣка стала. Деревья въ лѣсу сгибались подъ массой выпавшаго снѣга. Лѣсныя дорожки стали непроходимыми; лѣсъ опустѣлъ. А такъ какъ человѣкъ пересталъ ходить въ лѣсъ, имъ завладѣли звѣри. Появились волки, которыхъ не было видно со времени «страшнаго года».

«Да, молодые люди, волки. Они безпокоили одиноко стоявшія фермы, встрѣчались даже на улицахъ деревушки Сенъ-Боне-ле-Дезеръ, затерянной въ лѣсу, на берегу пруда. Чтобы уничтожить ихъ, устраивали облавы; голова волка была оцѣнена въ пятьдесятъ франковъ. Я самъ лично видѣлъ трехъ, и двухъ изъ нихъ очень крупной величины, бродившихъ по тому берегу Шера, однажды утромъ, когда я отправлялся въ своей одноколкѣ въ Сентъ-Амандъ.

«Ни зимняя стужа, ни волки не мѣшали Лорану и Соланжъ видѣться попрежнему.

«Они продолжали свои ночныя экскурсіи, несмотря на тысячу опасностей. Стояла мертвая для крестьянина пора, та пора, когда нѣтъ никакихъ работъ. Каждый вечеръ Лоранъ, съ ружьемъ за плечами, уходилъ изъ Люрси-Леви и бодрымъ шагомъ направлялся въ лѣсъ, чернѣвшій подъ бѣлымъ снѣгомъ. Соланжъ, съ своей стороны, выходила въ девять часовъ изъ Виня, и молодые люди встрѣчались въ трехъ километрахъ отсюда, у прогалины, чрезъ которую проходитъ лѣсная дорога.

«Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Лоранъ Грилье, придя на свиданіе, поскользнулся на затвердѣвшемъ снѣгу и упалъ такъ

несчастливо, что сломалъ себѣ правую ногу и вывихнулъ правую руку. Соланжъ попробовала было поднять его, но не смогла. Ей удалось только дотащить своего возлюбленнаго до большого вяза и усадить подъ нимъ, укрывъ своимъ собственнымъ капюшономъ.

«— Посиди тутъ, Лоранъ, — сказала она, — покуда я сбѣгаю въ Винь, къ доктору. Онъ заберетъ тебя въ свою одноколку.

«Соланжъ уже скрылась за поворотомъ дороги, какъ вдругъ услышала ружейный выстрѣлъ и крики:

«— Сюда! Сюда!

«Дѣвушка бѣгомъ вернулась на прежнее мѣсто и нашла своего возлюбленнаго дрожащимъ отъ боли и страха: рука его судорожно сжимала лежавшее рядомъ, на землѣ, ружье.

«— Что съ тобой, Лоранъ? Ты это стрѣлялъ, что ли?

«— Я, я, тутъ былъ какой-то звѣрь ростомъ съ собаку, глаза красные. Должно полагать, волкъ.

«— И ты попалъ въ него?

«— Какое!.. Вѣдь мнѣ не поднять ружья, изъ-за руки-то! Такъ, съ земли выстрѣлилъ, только чтобъ попугать. А только онъ все-таки убѣжалъ.

«Соланжъ подумала съ минуту.

«— А вѣдь, пожалуй, придетъ назадъ, — сказала она.

«— Чего добраго, — отвѣчалъ парень, — ты лучше оставайся, Саланжъ, а то онъ меня съѣстъ живьемъ, волкъ-то.

«— Ну что-жъ!.. Я останусь, — отвѣчала дѣвушка. — Давай мнѣ ружье.

«Она взяла ружье, зарядила его, и они стали ждать, что̀ будетъ.

«Прошелъ часъ или два, а можетъ-быть, и больше. Луна, еще невидимая, уже поднялась за горизонтомъ, и небо отражало неясный свѣтъ, становившійся съ минуты на минуту ярче. У Лорана сдѣлалась лихорадка: онъ дрожалъ и стоналъ. Соланжъ, коченѣя отъ холода, все стояла, прислонившись къ стволу дерева. Дремота начала одолѣвать ее.

«И вдругъ ее разбудилъ не то лай, не то вой запертой на ночь собаки. Въ неясномъ свѣтѣ ночи она увидѣла два устремленныхъ на нее красныхъ глаза. Это былъ волкъ.

«Лоранъ попытался встать, взяться за ружье, но страшная боль заставила его со стономъ упасть на мѣсто.

«— Приготовь ружье, Соланжъ, — сказалъ онъ. — Не торопись стрѣлять и цѣлься прямо промежъ глазъ.

«Дѣвушка приложилась, прицѣлилась, выстрѣлила. Но ружье отдало и уклонилось въ сторону. Пуля не попала. Тѣмъ не менѣе волкъ повернулъ назадъ и побѣжалъ вдоль дороги... Черезъ нѣсколько времени послышался его вой уже вдали. Ему отвѣчали другіе голоса.

«Луна поднималась все выше. Вотъ она выплыла изъ - за верхушекъ деревьевъ и вдругъ освѣтила весь лѣсъ, какъ бенгальскій огонь освѣщаетъ декорацію. И при свѣтѣ ея Лоранъ и Соланжъ, къ ужасу своему, увидѣли, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, цѣлыхъ пять волковъ. Они сидѣли, какъ собаки, поперекъ дороги, а шестой, похрабрѣе, медленно двигался къ молодымъ людямъ.

«— Слушай, — сказалъ Лоранъ. — Цѣлься вотъ въ этого, что идетъ сюда. Если попадешь, — остальные кинутся рвать его и оставятъ насъ пока въ покоѣ.

«Волкъ продолжалъ медленно подходить ближе. Можно было уже различить его налитые кровью глаза, торчащія на спинѣ кости, тусклую бурую шерсть и открытую пасть, съ вывѣсившимся языкомъ.

«— Прижми прикладъ хорошенько въ плечо, — сказалъ Лоранъ. — Ну, стрѣляй!..

«Раздался выстрѣлъ. Волкъ сдѣлалъ скачокъ въ сторону и повалился, какъ снопъ. Вся стая снялась съ мѣста и галопомъ пустилась въ лѣсъ.

«— Бѣги скорѣе, Соланжъ! — воскликнулъ Лоранъ. — Оттащи его подальше на

дорогу, какъ только можешь. Теперь не бойся ничего. Тѣ придутъ не скоро.

«Дѣвушка побѣжала исполнять порученіе; но Лоранъ позвалъ ее еще разъ.

«— Надо бы отрѣзать голову, — сказалъ онъ. — Вѣдь пятьдесятъ франковъ!

«— У тебя есть ножъ?

«— Да... За поясомъ.

«Ножъ былъ охотничій, съ широкимъ лезвеемъ и короткой рукояткой.

«Соланжъ достала его изъ-за пояса товарища и побѣжала къ убитому звѣрю. Она смѣло перерѣзала волку горло и, несмотря на горячую кровь, хлынувшую ей на руки, на платье, даже на лицо, отдѣлила голову отъ трепетавшаго еще судорожно тѣла. Потомъ оттащила его за ногу, насколько могла дальше, по скользкому снѣгу и вернулась, держа въ рукахъ окровавленную волчью голову.

«Какъ Лоранъ предполагалъ, такъ и случилось. Волки, испуганные въ первую минуту смертью товарища, вернулись на запахъ крови. Они явились всѣ пятеро. И при свѣтѣ луны, феерично отражаемой снѣгомъ, молодые люди ясно могли различить ихъ страшную группу, столпившуюся надъ свѣжей добычей. Ссорясь, оттѣсняя другъ друга хребтами, рвали они на куски своего погибшаго товарища, пока отъ него не осталось ничего—ни кости, ни клочка шерсти.

«Между тѣмъ, сломанная нога причиняла Лорану невыносимую боль. Соланжъ, нервы которой отходили послѣ страшнаго напряженія, тщетно боролась со сномъ. Ружье два раза выпало у нея изъ рукъ... Волки, окончивъ трапезу, опять стали подходить ближе. Молодая дѣвушка выпустила одну пулю, потомъ еще двѣ въ кучу волковъ... Но окоченѣвшіе пальцы ея дрожали, и она не попала ни разу. При каждомъ выстрѣлѣ, вся стая поворачивала тылъ, отбѣгала рысцой на сотню метровъ, потомъ останавливалась и возвращалась снова...

«Бѣдняжки поняли, что все кончено, что пришла смерть... Соланжъ выронила изъ рукъ ружье. Но ни на одну минуту она не подумала убѣжать и покинуть раненаго. Она легла рядомъ съ нимъ, подъ однимъ и тѣмъ же плащомъ, обняла его обѣими руками, прижавшись головой къ его щекѣ, и оба, коченѣя отъ холода, принялись ждать смерти. Предъ ихъ воспаленными глазами являлись странныя галлюцинаціи. То имъ казалось, что вернулись теплыя лѣтнія ночи, когда лѣсъ, одѣтый въ свой іюньскій уборъ, укрывалъ ихъ мирныя свиданія. Потомъ вдругъ деревья и кустарники обнажались, освѣщались бѣлымъ, снѣжнымъ свѣтомъ, населялись движущимися фигурами, съ огненными зрачками, оскаленными зубами. Ихъ становилось все больше, больше, и онѣ подходили все ближе, готовясь растерзать влюбленную пару.

«Но ни Соланжъ, ни Лорану, къ счастью, не было суждено погибнуть столь ужасной смертью. Провидѣнію угодно было,—я вѣрю въ него, молодые люди,—чтобы я возвращался въ это утро, въ своей одноколкѣ, изъ Сенъ-Бонне-ле-Дезеръ, отъ родильницы. Я правилъ, а человѣкъ мой держалъ наготовѣ ружье и осматривалъ дорогу. Вѣроятно, наши бубенчики испугали волковъ, потому что мы не встрѣтили ни одного. Но передъ вязомъ, у котораго лежали молодые люди, лошадь моя слегка бросилась въ сторону и тѣмъ привлекла наше вниманіе. Я соскочилъ съ телѣжки. При помощи моего человѣка, я поднялъ бѣдную парочку, окоченѣвшую, безчувственную. Мы помѣстили обоихъ какъ могли, завернувъ во всѣ имѣвшіеся у насъ пледы и одѣяла. Захватили и окровавленную волчью голову.

«Было около семи часовъ утра, когда мы вернулись въ Винь. Солнце всходило надъ картиной изъ литого стекла и бѣлаго бархата. Рабочіе съ фермы Роже-Дюфло и половина деревенскихъ жителей, обезпокоенные исчезновеніемъ Соланжъ, вышли къ намъ навстрѣчу. И вотъ, въ этой самой кухнѣ, гдѣ мы сегодня обѣ-

дали, передъ пылающими буковыми дровами, Лоранъ и его возлюбленная, оттаявъ наконецъ понемногу, разсказали намъ, какъ они провели свою ужасную ночь».

— А что-жъ потомъ, докторъ, они поженились? — спросилъ кто-то изъ насъ.

— Да,—продолжалъ докторъ.—Событія иногда указываютъ на волю Провидѣнія съ такой очевидностью, что самые недальновидные убѣждаются. Послѣ приключенія съ волкомъ, родители Соланжъ согласились выдать дочь за Лорана Грилье. Свадьбу сыграли весной, а пятьдесятъ франковъ преміи пошли на подвѣнечное платье невѣстѣ.

Разсказчикъ умолкъ. Ночь совсѣмъ наступила. Бирюзово-голубое небо отражало въ рѣкѣ первыя звѣзды. Неподвижныя массы темнаго лѣса казались на горизонтѣ чернѣющими горами. Мы видѣли, какъ Соланжъ одѣла своихъ двухъ мальчугановъ и возвращалась домой, неся на рукахъ спящаго ребенка. Она прошла мимо насъ и, мимоходомъ, улыбнулась нашему хозяину.

— Здравствуй, Соланжъ!—сказалъ ей докторъ...

Изъ прошлаго Мингреліи.

К. А. Бороздина.

I.

Октябрь—самая лучшая пора въ Закавказьи, прибрежномъ къ Черному морю. Листъ въ это время начинаетъ спадать съ деревьевъ; страна, утопающая большую часть года въ зелени, обнажается; разбросанныя по всѣмъ направленіямъ жилища мѣстнаго населенія, о существованіи которыхъ нельзя было прежде и подозрѣвать, выступаютъ со всѣми своими оригинальными и живописными контурами; поблизости къ нимъ показываются слѣды оголенныхъ пашенъ, изобильно снабдившихъ земледѣльца запасомъ кукурузы, гоми, пшеницы. Небо безоблачно, воздухъ до того прозраченъ, что глазъ можетъ видѣть на самомъ далекомъ разстояніи снѣговыя вершины горъ и разглядывать на нихъ свѣтъ и тѣни; въ воздухѣ чувствуется что-то освѣжающее, благодатное, температура умѣренна, и только въ полдень солнце какъ бы вскользь, палящимъ, быстролетнымъ своимъ лучомъ напоминаетъ минувшее удушье лѣтнихъ жаровъ.

И вотъ въ эту-то пору, много лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1852 году, можно было видѣть на обширной равнинѣ мингрельской, носящей названіе Одиши, между рѣками Тихуромъ и Абашой, двухъ всадниковъ, остановившихся одинъ противъ другого и бесѣдовавшихъ на гортанномъ, звучномъ мѣстномъ нарѣчіи.

— Ну, любезный Коста, я больше, признаться, ожидалъ отъ этого Мусташа. Выходитъ, что французъ насъ надулъ. Какъ же не поймать было зайца? Бѣжалъ онъ такъ, что я, кажется, руками бы его поймалъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, гдѣ же французской собакѣ угнаться за нашимъ зайцемъ? Я вамъ и прежде объ этомъ докладывалъ.

— А божился-то какъ, что подобной его собакѣ не найдешь въ цѣломъ свѣтѣ.

— То-есть такой дряни! Ха-ха-ха! Вотъ изволите сами увидѣть, ваше сіятельство, что надѣлаетъ наша Мерцхала, когда мы ее спустимъ: на французскаго мерзавца и глядѣть не станете.

Начавшій этотъ діалогъ всадникъ былъ уже лѣтъ пятидесяти, тучный, довольно высокаго роста, съ крупными чертами

лица. Большіе черные глаза, носъ съ горбиной, длинные усы съ просѣдью, на лбу нѣсколько морщинъ, — все это вмѣстѣ придавало ему выраженіе спокойствія, важности, добродушія.

Головной уборъ его состоялъ изъ бѣлой войлочной шляпы съ широкими полями, которая, когда онъ снялъ ее, чтобы обтереть лобъ, обнаружила большую лысину, окаймленную волосами тоже съ просѣдью. На немъ былъ полукафтанъ темно-фіолетоваго бархата, подбитый куницей и перепоясанный ремнемъ, а на ремнѣ висѣлъ кинжалъ, обдѣланный въ кожу и серебро съ чернью. Поверхъ полукафтана надѣта была изъ чернаго сукна чуха съ патронами, изъ бѣлыхъ костяныхъ наконечниковъ которыхъ торчали хлопки краснаго цвѣта; штиблеты, покрытые рядомъ мѣдныхъ пуговокъ, обхватывали шаровары, а къ штиблетамъ пристегнуты были шпоры съ зазубренными и вертящимися кружками.

Всадникъ этотъ былъ князь Беко Сабатаръ, прямой потомокъ того самаго Сабатара, котораго гостепріимство описывалъ двѣсти лѣтъ тому назадъ знаменитый путешественникъ по востоку Шарденъ. Онъ сидѣлъ на кровномъ карабахскомъ жеребцѣ золотисто-рыжей масти. Въ правой рукѣ князь держалъ двѣ тросточки, связанныя выше середины ремешкомъ. То была сошка для ружья, съ которою онъ никогда не разставался, она же служила ему вмѣсто хлыста и трости.

Другой всадникъ, лѣтъ тридцати, бѣлокурый, съ чрезвычайно подвижной физіономіей, одѣтъ былъ въ чуху изъ толстаго коричневаго сукна. На головѣ его, покрытой цѣлымъ лѣсомъ длинныхъ вьющихся волосъ, подстриженныхъ въ кружокъ, наложенъ былъ особаго рода головной уборъ, въ видѣ блина, державшагося шнуркомъ, подвязаннымъ подъ подбородокъ. Папанака, какъ зовутъ эту накладку, — только намекъ на шапочку и мыслима лишь при тѣхъ роскошныхъ волосахъ, которыми природа украсила южнаго человѣка.

На бѣлокуромъ всадникѣ нагроможденъ былъ цѣлый арсеналъ. Кромѣ кинжала и шашки, за спиной у него висѣло два ружья въ мѣховыхъ чехлахъ и на правомъ боку, къ поясу, привязанъ былъ пистолетъ; съ лѣваго же бока торчалъ длинный кисетъ, а изъ него выглядывалъ чубукъ. Ясно было, что тутъ навьючено и господское, и свое добро. Всадникъ былъ вассаломъ князя Беко, звали его Костою. Онъ сидѣлъ на маленькой, шустрой лошаденкѣ чалой масти, въ правой рукѣ держалъ на сворѣ двухъ борзыхъ—французскую, Мусташа, и доморощенную, Мерцхалу.

Всадники не долго оставались одни: вокругъ нихъ стала собираться, высыпавшая изъ кустовъ, толпа охотниковъ. Костюмы ихъ были самыхъ рѣзкихъ, яркихъ цвѣтовъ: желтаго, сѣраго, бѣлаго, кирпичнаго, по покрою почти не отличавшіеся отъ костюма Косты. Нѣкоторые держали собакъ на сворахъ, другіе—затравленныхъ зайцевъ. Верховые перемѣшивались съ пѣшими, старики съ молодыми.

Мальчишка, державшій послѣдняго изъ затравленныхъ зайцевъ, съ торжествующей физіономіей положилъ его къ ногамъ лошади князя Беко.

— Молодецъ, Пеху, — замѣтилъ ему князь.—И все это твоя Пріяла?

— Точно такъ, ваше сіятельство, вотъ, спросите всѣхъ, какъ она выскочила ему наперекоски; онъ взялъ налѣво, да уже было поздно... нѣсколько скачковъ—и она его сшибла...

— Молодецъ, молодецъ! Видно, наши-то собаки и въ самомъ дѣлѣ...

Но не успѣлъ онъ договорить своей фразы, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него раздался звонкій голосъ другого мальчика, издававшаго дикіе, односложные звуки, оказавшіеся, впрочемъ, понятными охотникамъ.

Поднятъ былъ новый заяцъ.

Интересно было взглянуть въ эту ми-

нуту на сборище. Всѣхъ охватило какое-то безотчетное чувство; у охотниковъ, не исключая и самого князя, заблистали глаза, и они вдругъ, позабывъ все, кинулись куда-то впередъ безъ удержу; собаки и люди, — все понеслось за несчастнымъ зайцемъ. Окрестность огласилась отчаянными, раздирающими криками, сливавшимися въ одно охотничье междометіе: «арика-у! арика-у! арика-у!» соотвѣтствующее нашему: «ату-его, ату-его!»

Поляна прилегала къ селенію, зайца загнали туда, тамъ все поднялось на ноги: старъ и малъ,—все заголосило, все пустилось преслѣдовать бѣглеца! Суматоха продолжалась довольно долго, такъ какъ въ садахъ зайцу было удобно скрываться и не легко его тамъ отыскивать; но, наконецъ, Коста остался побѣдителемъ, и на этотъ разъ дѣйствительно отличилась его Мерцхала.

Люди, лошади, собаки нуждались въ отдыхѣ; князь сѣлъ на камень подъ огромнымъ, развѣсистымъ орѣхомъ, еще не вполнѣ сбросившимъ свои листья; всѣ сгруппировались вокругъ него, шумно толкуя о только что пойманномъ зайцѣ. Въ это время сюда же подъѣхало еще нѣсколько новыхъ всадниковъ, не принимавшихъ участія въ охотѣ.

Впереди ихъ былъ священникъ въ рясѣ зеленаго цвѣта, съ сѣдою окладистою бородою, карими, умными глазами и черными еще бровями. За священникомъ слѣдовалъ маленькій, невзрачный человѣчекъ, лѣтъ двадцати пяти, въ костюмѣ, представлявшемъ смѣсь одежды туземца съ одеждою русскаго чиновника: фуражка съ бархатнымъ околышемъ, кокарда, галстукъ съ полисонами и чуха, обшитая серебрянымъ галуномъ. Изъ пріѣхавшихъ, первый былъ духовникомъ, а второй—секретаремъ князя. За ними слѣдовали другіе придворные и прислуга, а въ числѣ ея кто-то держалъ въ рукѣ большого серебристаго ястреба, пріученнаго ловить фазановъ.

Пріѣхавшіе остановились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дерева, подъ которымъ сидѣлъ князь, слѣзли съ лошадей и подошли къ нему съ почтительными поклонами. Онъ отвѣтилъ имъ привѣтливымъ кивкомъ.

— Вижу, князь, что вы съ полемъ,—началъ священникъ,—значитъ, не даромъ потрудились.

— Какъ же, какъ же. А вы догнали насъ очень кстати. Пора уже двигаться и дальше; не мало еще пути до ночлега. Который теперь часъ?—обратился онъ къ секретарю.

Тотъ вынулъ изъ-за пазухи часы-луковицу, съ турецкимъ циферблатомъ и турецкимъ исчисленіемъ, и объяснилъ, что до заката солнца осталось всего два часа.

— Ай-ай-ай, какъ мы запоздали. Пожалуй и ночь насъ захватитъ. Пора, пора, собирайтесь!

При этихъ словахъ все поднялось съ мѣстъ, и, черезъ нѣсколько минутъ, можно было увидать по одной изъ сельскихъ проселочныхъ дорогъ или, лучше сказать, тропинокъ, цѣлый поѣздъ, состоящій человѣкъ изъ тридцати знакомыхъ намъ охотниковъ.

II.

Князь Беко Сабатаръ, владѣлецъ значительнаго числа дымовъ азнауровъ (дворянъ) и крестьянъ, человѣкъ вліятельный въ своей сторонѣ, отъ рожденія до сѣдины остался вѣренъ обычаю своихъ предковъ. Какъ только появился онъ на Божій свѣтъ, отдали его кормилицѣ, а та увезла его къ себѣ, въ Абхазію. Три года питался онъ ея грудью и до пяти лѣтъ оставался въ ея домѣ, а потомъ посадили его верхомъ на лошадь, въ особое, дѣтское сѣдло, изъ котораго нельзя выпасть, такъ какъ поверхъ него устроена клѣтка, обхватывающая ноги и весь торсъ ребенка, и въ сопровожденіи кормилицы, а съ нею цѣлой толпы ея родственниковъ и свойственниковъ, привезли снова

въ домъ родительскій. Отецъ его, за выкормленіе грудью и первоначальное воспитаніе, пожаловалъ кормилицѣ пятнадцать лошадей, тридцать коровъ и два дыма моджалабовъ (самый низшій разрядъ крѣпостныхъ людей); все это стадо, съ моджалабами во главѣ, отправилось съ кормилицей въ Абхазію, а для питомца ея начался второй періодъ воспитанія.

Почти съ полгода былъ онъ въ родительскомъ домѣ волченкомъ. Надо было отвыкнуть отъ кормилицы, ея игрушекъ и привыкнуть къ матери и отцу; отъ шипящаго и свистящаго діалекта абхазскаго перейти къ болѣе благозвучному мингрельскому. Все, впрочемъ, обошлось благополучно, и семи уже лѣтъ поступилъ онъ подъ начало домашняго секретаря, педагога изъ азнауровъ, будущаго своего, а теперь отцовскаго вассала.

Берука Джукія,—такъ звали этого секретаря, — со смышленымъ, выразительнымъ лицомъ, былъ уже наполовину сѣдой; наука рано его состарила; наизусть зналъ онъ все Священное Писаніе, уставъ церковный, Четьи-Минеи; изъ свѣтскихъ произведеній «Барсову шкуру», поэму XIII столѣтія, писанную знаменитымъ Шота Руставели, современникомъ царицы Тамары, учившимся въ Аѳинахъ; прочиталъ сочиненія Чохрахадзе, отличающіяся глубокими философскими мыслями, географію и исторію своей родины, Вахумта и Вахтанга, и въ рукописныхъ переводахъ выдержки изъ Геродота, Аристотеля и Платона. Наклонность его къ философскимъ и ученымъ занятіямъ, какъ это нерѣдко случается, обусловливалась его неприглядной внѣшностью. Давно уже извѣстно, что ученымъ людямъ вообще не везетъ по части красоты тѣлесной, и гоголевскій городничій не безъ увѣренности говорилъ, что ученый всегда «или горькая пьяница, или такая у него рожа, что со святыми выноси», а потому и уродство Беруки Джукія, при его учености, никому не могло казаться за диковину. Съ малолѣтства бѣдняга не иначе могъ ходить, какъ на четверенькахъ, съ помощью какихъ-то деревяжекъ въ рукахъ, въ видѣ утюговъ. И этотъ-то физическій недостатокъ, оторвавъ его отъ людей съ нимъ живущихъ и незнающихъ иного, какъ подвижного, бродячаго образа жизни, привязалъ его къ книгѣ. Въ домѣ своего господина онъ былъ секретаремъ, строгимъ блюстителемъ всѣхъ религіозныхъ службъ, обрядовъ, постовъ и оракулъ въ семейныхъ совѣтахъ.

Ученіе Беко началось съ громкаго и несноснаго зазубриванія грузинскаго алфавита: анъ, банъ, ганъ, данъ и т. д.; лѣтомъ уроки давались подъ тѣнью раскидистаго каштана или орѣха, а зимой—возлѣ ярко растопленнаго камина. За алфавитомъ пошло пискливое чтеніе и зазубриваніе псалмовъ Давида, и кончилось лишь, когда книга эта не обратилась въ подобіе древняго манускрипта, пролежавшаго въ монастырскомъ подвалѣ полстолѣтія и поѣденнаго мышами.

Года шли; ученье подвигалось впередъ, и когда четырнадцатилѣтній Беко прошелъ уже чуть ли не половину энциклопедіи своего наставника и твердо зналъ, что солнце обращается вокругъ земли, а не земля вокругъ солнца, — къ огорченію Беруки Джукія, старикъ Сабаръ объявилъ, что сыну довольно учиться.

Беко былъ уже красивый, почти сложившійся юноша; отлично сидѣлъ въ сѣдлѣ, скакалъ и на неосѣдланныхъ бѣшеныхъ жеребцахъ; сажалъ изъ винтовки, на пятнадцати шагахъ, на ножъ пулю, на тридцати—колотилъ яйца, попадалъ на лету пулею же въ коршуна; травилъ оленя, русака, лисицу; ловилъ ястребомъ перепелокъ, пѣлъ съ домочадцами всѣ мингрельскія хоровыя и плясовыя пѣсни, танцовалъ абхазури и лекури (лезгинку) и даже какъ-то необыкновенно граціозно и застѣнчиво опускалъ глаза и краснѣлъ при взглядѣ на красавицу, вытаптывавшую вмѣстѣ съ нимъ страстную пляску. Сразу, рѣшительно покончивъ съ ученіемъ Беко, отецъ его, такъ же не-

ожиданно, безъ всякаго предварительнаго о томъ съ нимъ совѣщанія, взялъ да и женилъ его. Въ жены сыну старикъ выбралъ дочь одного его знатнаго друга, единственную наслѣдницу всего родительскаго имѣнія. Засидѣлась она въ дѣвушкахъ до 25 лѣтъ не потому, чтобы была некрасива, но единственно оттого, что родители не находили ей жениха, соотвѣтствующаго ей по знатности рода; вся молодежь изъ знати, отъ Ингура до Сурама, была ей или двоюродными, или внучатными братьями; въ жилахъ ея текла кровь царская—по бабушкѣ и владѣтельская—по прабабушкѣ; Сабатары же стали князьями только триста лѣтъ тому назадъ, при Дадіанахъ Липаритахъ, а потому родители, выдавая за одного изъ нихъ свою дочь, смотрѣли на этотъ бракъ какъ на неравный, и мирились только съ той мыслью, что нельзя же было навсегда остаться ихъ дочери въ дѣвкахъ.

Пять лѣтъ еще послѣ замужества прожила Марта (такъ звали молодую княгиню Сабатаръ) въ домѣ своихъ родителей и только временами видѣла своего мужа, пріѣзжавшаго къ ней въ качествѣ гостя, на нѣсколько дней, а въ это время копилось ея приданое и должно было непремѣнно достигнуть тѣхъ размѣровъ, которые родители ея опредѣлили въ рядной записи. Они были не тороваты, но маскировали истинную причину медленности своей привязанностью къ дочери, нежеланіемъ съ нею разстаться. На шестой годъ, однакоже, Беко перевезъ свою жену къ себѣ съ величайшею торжественностью, начался пиръ на весь міръ.

Послѣ этого въ жизни князя Беко случилось еще два важныхъ событія: въ тридцатыхъ годахъ онъ участвовалъ въ экспедиціи на джигитовъ и водилъ туда сотню мингрельской милиціи, а въ сороковыхъ—схоронилъ и мать, и отца. Князь Беко зажилъ самостоятельно.

Вассалы всѣ знали свои обязанности, установленныя обычаемъ, и не отступали отъ ихъ выполненія. Азнауры составляли почетную свиту, были домоправителями, ключниками, завѣдывали конюшнею, погребами и т. д.; крестьяне доставляли разные продукты: вино, хлѣбъ, барановъ, коровъ и пр.; каждый дымъ зналъ свое обложеніе и несъ службу; но заставить его сдѣлать что-нибудь сверхъ того было немыслимо. Такъ, одинъ дымъ былъ обязанъ носить на господскій дворъ дрова на спинѣ, Беко хотѣлъ его облегчить и далъ ему арбу, но тотъ рѣшительно отказался отъ облегченія, въ принципѣ нарушающаго обычай. «Сначала помѣщикъ дастъ мнѣ арбу — такъ разсуждалъ онъ — для возки дровъ, потомъ заставитъ возить ихъ на своей, а подъ конецъ на той же арбѣ прикажетъ возить вмѣсто дровъ кукурузу, это обратится въ обычай, и у меня явится новое обложеніе — возка на арбѣ. Дрова же тогда опять вспомнятъ и заставятъ носить попрежнему на спинѣ».

Такъ подозрительно отнесся дымъ къ облегченію князя Беко и продолжалъ носить дрова на спинѣ до своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости.

Князь не принуждалъ, потому что послѣдствія будутъ хуже; «дымъ» бѣжалъ бы въ Абхазію.

Бо́льшая часть крестьянъ была обязана содержать по нѣскольку дней въ году своего господина, и при раскинутости имѣній Сабатара ему приходилось постоянно переѣзжать изъ одного конца Мингреліи въ другой. Въ началѣ нашего разсказа мы застали его именно на одномъ изъ такихъ переѣздовъ: изъ горной части своей родины, называемой Лечгумомъ, онъ спустился въ Одиши и направлялся къ одному изъ своихъ селеній, расположенныхъ на равнинѣ, гдѣ ожидало обязательное угощеніе его самого и всего его дома. На пути отдавался онъ любимому удовольствію—охотѣ, а семейство его слѣдовало сзади и должно было присоединиться къ нему дня черезъ два. Оно состояло изъ княгини Марты, пятнадцатилѣтней дочери-красавицы Сабеды и двухъ

сыновей—Арчила, лѣтъ десяти, и Баты—лѣтъ восьми.

III.

На дворѣ уже было темно, когда князь Беко съ своею многочисленною свитою сталъ подъѣзжать къ деревнѣ. Путь все время шелъ по тропинкамъ, среди лѣса, обвитаго виноградными лозами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ протянутыя отъ одного къ другому дереву, на разстояніи двухъ-трехъ саженъ, онѣ преграждали дорогу, и ихъ приходилось подымать надъ своею головою или подъ нихъ нагибаться. Горе непривычному всаднику отъ этой сѣти виноградныхъ лозъ, съ трудомъ различаемыхъ глазомъ въ темнотѣ: жестоко пострадаетъ отъ нихъ его шея или лицо, не разъ собьютъ онѣ ему съ головы шапку, которую «поди сыщи въ темнотѣ». Много рытвинъ, ручьевъ и одну довольно большую рѣку въ бродъ переѣхали путники; если бы между ними былъ кто-нибудь, пріѣхавшій въ первый разъ въ ихъ сторону, на пути этомъ онъ ничего бы не замѣтилъ, кромѣ одниxъ деревьевъ да кустовъ, и въ этомъ однообразномъ и густомъ царствѣ растительности никогда не отыскалъ бы возврата къ тому мѣсту, откуда выѣхалъ, и, предоставленный самъ себѣ, тотчасъ же заблудился бы. Но знакомые намъ путники ѣхали безъ малѣйшаго затрудненія, безъ малѣйшей остановки, и каждый изъ нихъ зналъ, сколько еще остается впереди до цѣли его поѣздки.

Когда въѣхали въ деревню, то тутъ еще легче стало сбиться съ толку: сакля отъ сакли стояла въ значительномъ разстояніи, вокругъ каждой разстилался дворъ, обнесенный плетнемъ изъ колючки, плюща и ежевики; между дворами тянулись кривыя, узенькія и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайно грязныя тропинки, но и тутъ путники, гуськомъ, ѣхали какъ бы среди бѣла дня и съ совершенною точностью поворачивали то направо, то налѣво. Приходилось иногда лошадямъ перескакивать черезъ колоды и рытвины, и препятствія эти были имъ ни по чемъ. На деревнѣ тишина изрѣдка нарушалась протяжными и пронзительными криками разговаривающихъ между собою поселянъ. Одинъ кричалъ другому:

— Иванія-у-у-у!—и послѣ нѣсколькихъ протяжныхъ повтореній этого воззванія получалъ отвѣтъ:

— Петрея-у-у-у!

И тогда начинался между ними разговоръ, все на тотъ же протяжный, пронзительно громкій ладъ. Секретовъ у нихъ не было ни для кого.

Иногда же на деревнѣ подымался лай: тявкала гдѣ-нибудь одна дворняжка, ей отзывалась другая, той третья, и собачій концертъ охватывалъ всю деревню. Лаяли сначала съ остервенѣніемъ, потомъ слабѣе, и наконецъ звуки эти терялись въ отдаленіи и затихали одинъ за другимъ. Изъ полурастворенныхъ сакель виднѣлся иногда яркій огонь очага, освѣщавшій силуэты людей, сидѣвшихъ вокругъ него.

Послѣ получасового блужданья, то вправо, то влѣво, передовой остановился близъ одного изъ заборовъ и, соскочивъ съ лошади, сталъ разбирать перекладины забора, обозначавшія ворота. Со двора послышался шумъ, залаяли собаки, отворилась дверь ярко освѣщенной сакли, и изъ нея показалось нѣсколько человѣкъ, впереди которыхъ бѣжалъ одинъ съ горѣвшимъ полѣномъ въ рукахъ, вмѣсто фонаря, чтобы освѣтить дорогу.

— Сюда, сюда, князь!—кричалъ онъ:—Богъ помочь тебѣ, князь! вотъ сюда, сюда, здѣсь лучше слѣзть съ лошади... А мы-то тебя ждали, ждали... думали, что сегодня ужъ не будешь...

Князь слѣзъ съ лошади близъ самой сакли, лошадь принялъ у него стремянной его Коста, а державшій зажжённое полѣно хозяинъ сакли бросилъ его и кинулся цѣловать колѣно своего господина. То же сдѣлали и всѣ его домашніе, стоявшіе передъ саклей.

— Здравствуй, Баху, здравствуй, Петрея,

здравствуйте, здравствуйте,—говорилъ Сабатаръ цѣловавшимъ его колѣна и руки и дружелюбно клалъ руку свою на голову каждаго.

Послѣ этого обмѣна привѣтствій, онъ вошелъ въ саклю. Она была просторна и освѣщалась разложеннымъ посреди нея костромъ изъ сухихъ, мелкихъ дровъ. По обѣимъ ея сторонамъ тянулись длинныя и широкія нары (тахты), а на одной изъ нихъ, покрытой ковромъ, лежали двѣ круглыя подушки (мутаки); тутъ усѣлся князь, и стремянный принялся отстегивать ему шпоры и штиблеты. Хозяинъ принялъ отъ него оружіе: эта честь составляла его привилегію.

Священникъ, секретарь и остальная свита вошли тоже въ саклю и почтительно стояли у дверей, пока князь не приказалъ имъ сѣсть.

Разговоръ объ охотѣ на тура, какъ видно завязавшійся еще на пути и прерванный лишь на время, снова возобновился. Эта охота была любимою князя, и онъ слушалъ съ удовольствіемъ всѣ разсказы бывавшихъ на ней; дорогой ему разсказали двое охотниковъ свои воспоминанія, а теперь, закуривъ длинную и тоненькую трубку, поданную ему Костою, онъ самъ вернулся къ той же темѣ.

— Нѣтъ, ужъ теперь нѣтъ такой охоты, — началъ онъ, — какъ была прежде, при покойномъ владѣтелѣ Леванѣ.

— Да и звѣрь-то, говорятъ, переводится,—замѣтилъ священникъ.

— Какъ еще переводится. Вотъ теперь на Сакеріи (гора въ 9.000 футовъ) его уже почти нѣтъ, а давно ли, кажется, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, тамъ было, что называется, самое гнѣздо туриное.

При послѣднихъ словахъ князя, въ саклю вошелъ старикъ лѣтъ семидесяти, весь сѣдой, согнувшійся отъ лѣтъ и при всемъ томъ замѣчательно высокаго роста; черные глаза его, осѣненные густыми, побѣлѣвшими бровями, еще не потеряли блеска; самою же выдающеюся особенностью его лица были длинные, спускавшіеся на грудь усы, выкрашенные въ оранжевый цвѣтъ и по концамъ сѣдые. Когда увидалъ его князь, то совсѣмъ просіялъ, полуприподнялся на тахтѣ и съ улыбкой обратился къ нему:

— Старый Гогія! тебя ли вижу, помоги тебѣ Богъ, здравствуй, старина!

Гогія подошелъ къ Сабатару, схватилъ его руку и поцѣловалъ, а тотъ поцѣловалъ его въ голову.

— Узналъ, что ты сегодня пріѣдешь сюда, вотъ и приплелся на тебя поглядѣть.

— Спасибо, спасибо. Садись, мой любезный... а ты все еще молодецъ попрежнему. Ей-ей. Садись, садись...

Гогія усѣлся и покрылъ свою голову широкою, стариковскою папанакою, похожею уже не на блинъ, а на огромный лопухъ.

— Ну, какъ же ты поживаешь, дѣдъ?

— Какая же теперь жизнь-то моя, князь; шляюсь изъ угла въ уголъ деньденьской, вотъ тебѣ и вся недолга. Милостями молодого владѣтеля да твоими только и живу...

— А дали тебѣ ту землю, которую обѣщали въ прошломъ году?

— Дать-то дали, да только не ту. Сахлтхуцесъ (управитель имѣніями владѣтеля), чтобы онъ провалился, и тутъ обидѣлъ, отвелъ однѣ скалы да камни. Собираюсь идти жаловаться на него къ владѣтелю. Гогію теперь всякій обижаетъ, на него и смотрѣть не хотятъ...—Старикъ понурился и секунду спустя прибавилъ:—То-ли было при покойномъ Леванѣ.

— Передъ твоимъ только приходомъ вспоминалъ я его... дай Богъ ему царствіе небесное. Говорили мы объ охотахъ на Сакеріи.

При этомъ и князь, и Гогія смолкли и задумались. Видно было, что у обоихъ воскресли дорогія для нихъ воспоминанія; лицо Гогіи стало особенно грустно, онъ глубоко вздохнулъ, вынулъ изъ своего

кисета коротенькую, тоненькую трубочку, медленно набилъ ее, закурилъ у горящаго костра, оперся на свою палку и опять задумался.

— Скажи мнѣ, милый Гогія,—началъ опять князь Беко, какъ бы выходя изъ забытья, въ которое погрузили его воспоминанія о минувшемъ,—былъ ли ты на той охотѣ съ Леваномъ на Сакеріи, когда у него заблудился тамъ одинъ изъ охотниковъ?

— Еще бы не быть, вѣдь я всю свою жизнь провелъ возлѣ Левана.

Старикъ выпустилъ нѣсколько клубовъ дыму, выбилъ трубку, снова набилъ, закурилъ и, помолчавъ немного, какъ бы для того, чтобы собраться съ мыслями, началъ.

IV.

«Вотъ видишь ли, князь, это случилось въ тотъ самый годъ, какъ дедонали (владѣтельница) Марта навсегда поселилась въ новомъ домѣ, въ Мури. Грѣха теперь вѣдь не утаишь—жилъ Леванъ съ нею неладно, и, прогостивъ у нея съ недѣлю, онъ перебрался въ Кульбаки, чтобы быть поближе къ Сакеріи.

«Охотиться начали мы передъ Успеніемъ и рѣдкую недѣлю не бывали по два, по три раза на Сакеріи. Съ разсвѣтомъ выѣдемъ изъ Кульбакъ, къ полудню на горѣ; возьмемъ поле, переночуемъ въ охотничьемъ домикѣ, утромъ рано возьмемъ и другое поле, а къ вечеру опять въ Кульбакахъ.

«Такъ проохотились мы до самаго сентября; на горѣ выпадалъ уже одинъ разъ снѣжокъ, да пролежалъ нѣсколько часовъ и сошелъ. Пора бы и кончить охоту, звѣрь все взбирался выше въ гору, въ мѣста совсѣмъ неприступныя, да Леванъ, вишь, страшно разогрѣлся охотничьимъ сердцемъ и никакъ не хотѣлъ разстаться съ Сакеріей. Если ты бывалъ на ней, то, вѣроятно, знаешь ту ея сторону, которую зовутъ Гвелисъ-тави (Змѣиная голова)... налѣво отъ охотничьяго домика. Мѣсто неприступное, а звѣрь туда попрятался. Леванъ рѣшилъ попытать тамъ счастья.

«Насъ было съ нимъ человѣкъ сорокъ, всѣ мы знали гору вдоль и поперекъ, но на Гвелисъ-тави бывали изъ насъ немногіе. Влѣзали туда Сосико Косой, что утонулъ послѣ въ Ингурѣ, Батаія Орбельскій, что теперь въ Мартвили (монастырь) ключаремъ, да Окропиръ, мой своякъ; кромѣ нихъ никто тамъ не бывалъ. Но Леванъ приказалъ, и всѣ полѣзли съ Сосикой впереди. Добрались мы до перваго гребня; съ нами же былъ и Леванъ. Облака висѣли ниже насъ, и когда мы переглянули черезъ гребень, нѣтъ ли за нимъ, въ первой котловинѣ, звѣря, то увидали, что ее всю заволокло облаками, пришлось поэтому намъ остановиться тутъ и ждать, пока они отсюда не отлетятъ. Ждали мы не долго: пахнулъ вѣтеръ, снесъ ихъ, котловина открылась передъ нашими глазами, и въ глубинѣ ея, на зеленой лужайкѣ, вѣнчающей одинъ изъ холмовъ, увидали мы цѣлое стадо туровъ.

«Ознобъ прохватываетъ меня и теперь отъ одного воспоминанія объ увидѣнномъ нами тогда. Мы затрепетали отъ несказаннаго чувства радости.

«Но вдругъ снова пахнулъ вѣтеръ и пригналъ откуда-то въ котловину новое облако, опять заволокнувшее отъ нашихъ глазъ стадо!

«Леванъ шепнулъ намъ тогда: «братцы, перелѣземъ черезъ гребень и впередъ». Мигомъ исполнили мы его приказъ и стали спускаться въ котловину, какъ кошки, безъ малѣйшаго шуму; намъ нужно было воспользоваться облакомъ, закрывавшимъ насъ отъ туровъ, чтобы подойти къ нимъ ближе. Облако продержалось довольно долго, такъ что мы сползли низко; но когда снова спахнулъ его вѣтеръ, передъ нами открылась знакомая уже лужайка совсѣмъ пустою: туровъ на ней не осталось ни одного. Какъ мы осторожно ни ползли, а все-таки они насъ почуяли и скрылись. Только двухъ

изъ нихъ мы увидали вдалекѣ, налѣво, взбирались они на крутой утесъ, стадо, значитъ, перекочевало туда, и этого было достаточно намъ, чтобы направиться туда же. Сосико полѣзъ опять же первый, а за нимъ, къ общему удивленію, увязался молодой еще совсѣмъ парень Каркалаія. Кто-то изъ старыхъ охотниковъ промолвилъ еще при этомъ: «эй, ты, молокососъ, куда взбираешься, смотри, не оборвись». Но Каркалаія не послушался, полѣзъ и вскорѣ скрылся за Сосикой.

«Ужъ намучились же мы въ этотъ день, лазая, да ползая, а звѣрь все намъ не давался. Выстрѣлилъ владѣтель только одинъ разъ и ранилъ серну, да и ту насилу могли достать съ утеса, куда она успѣла взобраться уже раненая. И догадались-то мы, что она тамъ, только потому, что два орла, откуда ни возьмись, стали дѣлать надъ этимъ мѣстомъ круги. Усталъ и Леванъ, приказалъ трубить сборъ и готовить обѣдъ; спустились мы съ вершинъ, выбрали у подножья одной изъ нихъ площадку и расположились на ней. Покуда готовился обѣдъ, охотники сходились, и когда всѣ уже были въ сборѣ и стали мы пересчитывать другъ друга, одного не могли досчитаться, а тутъ кто-то и вспомнилъ про Каркалаію — его-то и не оказалось. Спросили Сосико. Тотъ отвѣчалъ, что съ нимъ разстался на Гвелисъ-тави: онъ самъ поползъ направо, по карнизу, а тотъ сталъ взбираться кверху... Дальше Сосико его уже не видалъ.

«Тутъ кто-то и сказалъ: «не бойтесь, придетъ, куда ему пропасть.»

«Но владѣтель, какъ ни былъ утомленъ, когда узналъ въ чемъ дѣло, всталъ съ бурки, на которой сидѣлъ, и сильно встревоженный, съ озабоченнымъ видомъ, объявилъ, чтобы сейчасъ бросились отыскивать Каркалаію, и что онъ, Леванъ, не возьметъ въ ротъ куска хлѣба до тѣхъ поръ, пока не разыщутъ парня.

«Дѣлать было нечего, какъ ни были измучены охотники, по воли владѣтельской ослушаться не приходило никому въ голову, и человѣкъ двадцать полѣзли опять на Гвелисъ-тави. Остальныхъ оставилъ Леванъ при себѣ, въ томъ числѣ и меня.

«Признаться, стрѣлять я умѣлъ недурно, а лазать тамъ, куда забирались Сосико и Окропиръ, былъ не мастеръ.

«Вскорѣ услыхали мы оклики охотниковъ, которыми даютъ они другъ другу знать, гдѣ кто находится; оклики доносились все слабѣе, и, наконецъ, сдѣлались едва слышными. Владѣтель прислушивался къ каждому и спрашивалъ насъ, не слышимъ ли мы чего. И вотъ голоса опять послышались явственнѣе, стало похоже на то, какъ бы нѣсколько охотниковъ сошлись вмѣстѣ и призывали къ себѣ другихъ. Леванъ не усидѣлъ, сдѣлалъ намъ знакъ рукою слѣдовать за нимъ и поспѣшилъ къ тому мѣсту, откуда неслись голоса. Когда мы вскарабкались, совсѣмъ запыхавшіеся, и добрались до перекликавшихся охотниковъ, они показали намъ на отвѣсную скалу, и, къ ужасу своему, на карнизѣ ея, гдѣ еле-еле могъ только помѣститься человѣкъ, мы увидали Каркалаію.

«Вышина была страшная, съ трудомъ можно было разслышать оттуда голосъ несчастнаго, и стало понятнымъ, что парень, сгоряча забравшись туда и доползши до площадки, съ которой вернуться назадъ не былъ въ состояніи, прилегъ на ней. Какъ же теперь достать его оттуда? А тутъ опять новое горе. Положимъ, полѣзъ бы за нимъ не одинъ охотникъ, да въ это время стало вечерѣть: ночь застанетъ, тогда и самъ пропадешь попусту, и ему не поможешь. Какъ быть то? Леванъ былъ страшно опечаленъ, въ глазахъ его блестѣли слезы, ужасно было ему досадно за парня, жалко было несчастнаго, и хотѣлось его непремѣнно выручить изъ бѣды.

«— Сынъ мой любезный!—закричалъ онъ изо всей силы Каркалаію,—если ты

Бога любишь, если ты любишь своего Левана, лежи и не шевелись. Клянусь тебѣ моей головой, головой моихъ дѣтей, что завтра утромъ я оттуда сниму тебя невредимаго, только лежи, не шевелись, не отчаивайся и отвѣчай на наши оклики, какъ можешь.

«Голосъ у Левана звучалъ, какъ труба, онъ долетѣлъ до несчастнаго, и тотъ слабо на него отозвался, значитъ все разслышалъ. Послѣ того владѣтель приказалъ развести костеръ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ мы тогда стояли, и объявилъ, что тутъ же онъ будетъ и ночевать съ охотниками.

«Развели костеръ, принесли и обѣдъ, уже готовый. Владѣтель отказался отъ пищи, а намъ приказалъ подкрѣпить себя хорошенько на предстоящую намъ завтра утромъ работу.

«Наступила ночь.

«Никогда ея не забуду. Подулъ горный, холодный, рѣжущій лицо вѣтеръ, а за нимъ повалилъ снѣгъ. Костеръ съ трудомъ поддерживали; каждую минуту окликали Каркалаію; но по мѣрѣ того, какъ стужа становилась сильнѣе, откликъ его дѣлался слабѣе, рѣже и, наконецъ, совершенно затихъ.

«Леванъ не смыкалъ глазъ. Около него былъ любимый его родственникъ, Батонишвили, старавшійся всячески успокоить его тревогу, развлечь его разговоромъ, но ничто не помогало, волненія Левана не унимались. Костеръ потухъ, какъ ни старались его поддерживать, и мы остались въ темнотѣ. Каркалаія давно уже смолкъ, и въ тишинѣ ночной слышалась только отчетливая молитва, которую громко творилъ владѣтель.

«Страшно долго тянулась ночь, казалось, ей никогда не будетъ конца; но вотъ сталъ брезжить свѣтъ, а съ нимъ утихать и вѣтеръ; мы коченѣли отъ холода и принялись снова разводить костеръ, какъ только снѣгъ пересталъ падать мокрыми хлопьями. Когда же явственно обозначились контуры окружающихъ насъ вершинъ, мы увидали на мѣстѣ, гдѣ лежалъ Каркалаія, сугробъ снѣга, изъ-подъ котораго что-то торчало, какъ будто его мѣховая мохнатая шапка. Сердце у насъ такъ и захолонуло, и у каждаго блеснула мысль: «бѣдняга, вѣрно, умеръ»; — но никто не посмѣлъ высказать это громко передъ Леваномъ.

«Долго стояли мы въ недоумѣніи, что намъ дѣлать. Пробовали окликами пошевелить Каркалаія, конечно, обманывая тѣмъ самихъ себя — и только. Шепнулъ кто-то, что тутъ и дѣлать уже нечего, ничѣмъ не поможешь; одно остается: послать за попомъ, отслужить панихиду по Каркалаіѣ и предоставить его самого орламъ да коршунамъ. Вывелъ насъ изъ раздумья Леванъ.

«— Дѣти мои, — сказалъ онъ намъ, — вчера я поклялся этому парню головой своею и своихъ дѣтей, что достану его оттуда; достаньте его, а если не достанете, самъ полѣзу и достану, если не живого, то мертваго.

«Всякія послѣ такихъ словъ возраженія дѣлались излишними, мы хорошо знали, что владѣтель словъ своихъ на вѣтеръ не пускаетъ.

«Вышелъ впередъ Окропиръ. Скала была отвѣсна, и по ней можно было цѣпляться только за выступавшіе камни. Окропиръ потребовалъ веревокъ. У насъ ихъ было вдоволь: у каждаго за поясомъ оказалось по толстому жгуту, да и во вьюкахъ отыскалось не мало; мы связали ихъ вмѣстѣ и отдали ему. Онъ полѣзъ съ веревкой. Гдѣ только можно было, обвязывалъ ею камни и дѣлалъ петли, одну отъ другой въ такомъ разстояніи, что нога могла переступать изъ одной петли въ другую. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось ему обрывать каменья рукою или обшибать ихъ другими каменьями, чтобы крѣпче привязывать петли. Долго работалъ Окропиръ и двигался впередъ вѣрнымъ шагомъ, забирался все выше и выше; одолѣлъ уже болѣе половины утеса, и вдругъ остановился. Мы

глядѣли на него, затаивъ дыханіе. Онъ обернулся къ намъ и едва внятно сказалъ, что болѣе не въ силахъ карабкаться выше. Владѣтель закричалъ ему спускаться внизъ. Медленно спускался Окропиръ, безпрестанно останавливаясь и вынскивая петли, понадѣланныя имъ на утесѣ, а спустившись до низу—упалъ въ изнеможеніи.

«Тогда, взявъ у него оставшійся конецъ веревки и перекрестившись, полѣзъ Сосико по петлямъ, уже подѣланнымъ. Быстро, какъ туръ, взобрался онъ до того мѣста, гдѣ остановился Окропиръ и сталъ продолжать ту же работу петлями. Наконецъ, онъ добрался до карниза, на которомъ лежалъ Каркалаія.

«Сбросивъ съ бѣдняка снѣгъ, Сосико долго его ощупывалъ и закричалъ намъ, во сколько у него было голосу, что онъ живъ. Затѣмъ, спустя минуту, опять закричалъ, чтобы кто-нибудь влѣзъ къ нему. Полѣзъ Батаія Орбельскій. Ему легко было шагать по готовому, онъ взобрался живо, и тогда, вдвоемъ съ Сосикой, они благополучно снесли совсѣмъ окоченѣвшаго отъ стужи Каркалаія.

— Ну, и ожилъ? — перебилъ этимъ вопросомъ разсказчика Сабатаръ.

— Чудо, право, ожилъ. Оттерли его, и вино помогло.

— Вотъ ужъ видно, что кому не суждено еще умирать, тотъ и черезъ сто смертей пройдетъ,—замѣтилъ кто-то изъ слушавшихъ.

— То-то Леванъ былъ радъ, что все такъ благополучно кончилось, — замѣтилъ князь.

— Какъ еще радъ и счастливъ. Каркалаіѣ, за то, что отъ послушался его и лежалъ не шевелясь, подарилъ пару быковъ; Сосику и Батаію сдѣлалъ со всѣмъ потомствомъ азатами (вольными) и подарилъ по ружью; а Окропиру далъ такую землю, что тотъ съ того времени и поправился. Леванъ вѣдь былъ ангелъ душою.

— Правда твоя, Гогія,—присовокупилъ князь,—у него все было нараспашку; что получалъ, то и отдавалъ...

Видя, что разсказъ Гогіи конченъ, хозяинъ съ подобострастнымъ лицомъ предсталъ передъ своимъ господиномъ, спросилъ его, не пора ли подавать ужинъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, исчезъ.

V.

Не прошло минуты, какъ онъ снова появился съ кувшиномъ въ рукахъ, за нимъ слѣдовалъ другой человѣкъ съ тазомъ и третій съ полотенцемъ. Войдя въ саклю, они стали въ рядъ, ожидая приказаній, и когда Сабатаръ кивнулъ имъ головой, то державшій тазъ сталъ передъ нимъ на колѣна. Баху изъ кувшина подалъ ему умыть руки, что и заключилось утираніемъ ихъ полотенцемъ.

Всѣ присутствующіе, каждый по очереди, повторили это умываніе, послѣ чего въ саклѣ появилось нѣсколько новыхъ лицъ, внесшихъ длинные и узкіе столы, скорѣе похожіе на скамьи, и поставили ихъ передъ сидѣвшими на тахтахъ. Усѣлись же всѣ по чинамъ. Возлѣ князя помѣстился священникъ, дальше секретарь, потомъ Коста и другіе; по другой сторонѣ сакли сѣли за столъ Гогія и другіе домочадцы, безъ различія. Не садился только хозяинъ и его домашніе.

Когда столы были уставлены, слуги исчезли на минуту и снова появились съ большимъ котломъ, изъ котораго широкими и коротенькими лопаточками было выложено передъ каждымъ изъ сидящихъ по два комка горячаго и дымящагося гоми; въ то же время передъ каждымъ явился стаканъ, а передъ княземъ стаканъ его дорожный, серебряный. Затѣмъ снова прислуга исчезла и появилась съ огромнымъ лоткомъ, на которомъ было нарѣзано множество кусковъ вареной курицы. Князю Беко всѣ кушанья подавались на особыхъ маленькихъ тарелочкахъ, а остальнымъ клались они прямо на столъ, на длинныя лаваши (сухія хлѣбныя лепешки).

Когда подано было всѣмъ первое кушанье, поднялся священникъ, за нимъ поднялись и всѣ; онъ прочиталъ «Отче нашъ», благословилъ трапезу, и всѣ за нее принялись.

Прислуга дѣйствовала съ необыкновенной быстротой и ловкостью. Принесено было ею нѣсколько кувшиновъ вина, заткнутыхъ виноградными листьями. Вино налили въ стаканы, но никто до него не прикасался, пока князь не взялся за свой стаканъ; онъ снялъ при этомъ шляпу, какъ и при чтеніи молитвы священникомъ, перекрестился и сказалъ: «Слава Тебѣ, Господи! Пошли намъ, Господи, побѣду». Затѣмъ кивнулъ онъ головой всѣмъ присутствующимъ, надѣлъ шляпу и осушилъ свой стаканъ. Въ то же время всѣ сидящіе отвѣчали ему: «да пошлетъ тебѣ Господь Богъ побѣду!»—и каждый взялся за свой стаканъ. Съ этой священной фразой, остаткомъ былой боевой старины, соединяется и теперь за трапезой мингрельской, гурійской и имеретинской осушеніе перваго стакана вина.

Первое блюдо смѣнилось другими; появилась курица, вареная въ кисломъ соусѣ, потомъ индюшка въ соусѣ изъ орѣховъ и уксуса, послѣ поданъ былъ вареный барашекъ, за нимъ пошла вареная говядина или такъ-называемая бечи,—чрезвычайно вкусное и любимое блюдо мингрельцевъ.

Всѣ ѣли руками; каждый рѣзалъ свое кушанье узенькимъ, довольно длиннымъ ножомъ, который вкладывался въ исподнюю часть кинжала. Не проходило ни одного блюда, чтобы князь не отдѣлялъ отъ своей части нѣсколько лакомыхъ кусковъ и не посылалъ бы ихъ тѣмъ изъ своихъ собесѣдниковъ, которымъ хотѣлъ выразить особое свое расположеніе. Получившій вставалъ, снималъ папанаку и кланялся.

Когда выпито было уже не малое количество вина, подливаемаго усердно хозяиномъ и его помощниками, — всталъ Коста и, снявъ папанаку, почтительно попросилъ у князя позволенія спѣть пѣсню. Тотъ весело кивнулъ головой, и черезъ минуту пѣсня полилась звучно и согласно. Бо́льшая часть изъ ужинавшихъ приняла въ ней участіе.

Пѣсня тянулась бы безконечно, если бы князь не далъ знакъ прекратить ее. Онъ сильно утомился за день и чувствовалъ потребность въ отдыхѣ.

Свита князя стала рѣдѣть. Каждый потихоньку уходилъ изъ сакли: остались секретарь, священникъ и Гогія; но и тѣ, низко поклонившись князю и пожелавъ ему покойной ночи, отправились въ другія сосѣднія сакли, находившіяся на томъ же дворѣ. Коста вмѣстѣ съ хозяиномъ дома внесъ постель для князя и устроилъ ее на тахтѣ, а князь сталъ творить вечернюю молитву. Молитва была продолжительна и усердна, длилась съ полчаса и заключилась большимъ рядомъ земныхъ поклоновъ: школа Беруки Джукія твердо запечатлѣлась въ душѣ его воспитанника. Въ саклѣ стояли только Коста и Баху, не смѣвшіе, казалось, дохнуть, чтобы не потревожить созерцанія молящагося. Затѣмъ князь раздѣлся и улегся въ постель; Коста поклонился и ушелъ. Остался одинъ Баху.

Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ дровамъ, тлѣвшимъ посерединѣ сакли, и, подбросивъ къ нимъ охапку новыхъ прутьевъ, сталъ раздувать огонь. На лицѣ его, сморщенномъ отъ дыма и жару, выражалось какое-то затаенное желаніе: онъ то глядѣлъ на огонь, то взглядывалъ на князя; видно было, что ему чего-то очень хотѣлось. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и кашлянулъ. Князь повернулся къ нему и открылъ глаза; тогда лицо Баху приняло совершенно подобострастное и плутовское выраженіе.

— А! Это ты!—сказалъ ему князь.— Ну, что, все-ли у тебя благополучно?

— Твоею милостію, благодаря Бога, живемъ, князь,—отвѣчалъ Баху съ разстановкой,—и все бы было хорошо, да...

Баху замялся.

— Да что же?

— Э! ничего, князь, лишь бы ты былъ только здоровъ.

— Какъ ничего? Говори, коли что есть.

— Что говорить-то. Мы только о тебѣ и молимся, лишь бы ты былъ здоровъ; а то если тамъ какой-нибудь дурной человѣкъ и привяжется къ намъ, мы тебя не станемъ безпокоить.

— Кто же къ тебѣ привязывается?

— Да все мдванбегъ!

— Какъ такъ?

— Сильно сталъ тѣснить, обѣщается посадить на цѣпь. Ты, говоритъ, не смѣй воровать.

— А ты что же?

— Что же. Извѣстно, чѣмъ же мнѣ жить-то; и дѣдъ, и отецъ мои тѣмъ же промышляли, да только этому одному и учили меня. Я, говоритъ, не посмотрю на то, чей ты; я, говоритъ, тебя вездѣ сыщу, никуда ты отъ меня не спрячешься, со двора князя твоего возьму тебя и скручу.

— Ну, это еще пусть онъ попробуетъ, каналья!—сказалъ князь Беко и при этомъ круто повернулся на тюфякѣ.

— Я, говоритъ, не посмотрю, — продолжалъ Баху, — что онъ князь, такъ-таки во дворъ его и приду за тобой.

— Пусть пожалуетъ отвѣдать моихъ нагаекъ!

— Защити, князь,—пропищалъ Баху и бросился цѣловать его ноги.—Такой принесу тебѣ гостинецъ, что лучшаго нельзя.

— Ладно, ладно, ступай, потолкуемъ еще завтра, а теперь спать пора.—Вишь чего, каналья, захотѣлъ... со двора у меня брать людей, — пробормоталъ съ досадой князь и перевернулся на другой бокъ.

Баху еще разъ поправилъ костеръ и вышелъ изъ сакли какъ тѣнь.

Вскорѣ все затихло и погрузилось въ глубокій сонъ. Не спали лишь однѣ чекалки. Ихъ рѣзкій, жалобный крикъ до того однако привыченъ былъ обитателямъ описываемой нами страны, что не могъ нарушить ихъ сна.

Этотъ бытовой очеркъ изъ недавняго еще прошлаго Мингреліи покажется невѣроятнымъ читателю, если онъ посѣтитъ эту страну теперь. Какая перемѣна, но и сколько пережилъ край за эти 45 лѣтъ!

Во время Крымской войны хозяйничалъ въ ней Омеръ-паша въ теченіе шести мѣсяцевъ. Въ 1857 году введено русское, вмѣсто владѣтельскаго, управленіе; въ 1866 году владѣтель, князь Николай Дадіанъ, достигнувъ совершеннолѣтія, отказался добровольно отъ своихъ владѣтельныхъ правъ, и Мингрелія присоединена къ Кутаисской губерніи окончательно. Въ 1869 г. совершилось тутъ освобожденіе крестьянъ, затѣмъ введены судебные уставы.

Рядомъ со всѣмъ этимъ, въ краѣ прокладывались шоссейныя дороги, вдоль него прошелъ и желѣзный путь, соединяющій Черное море съ Каспійскимъ; благосостояніе населенія видимо росло; сакли исчезли, и ихъ замѣнили дома, культура дошла до такихъ размѣровъ, что отсюда мѣстные продукты вывозятся на милліоны рублей за границу и въ русскіе порты. Вездѣ устроены сельскія школы для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Исчезли, конечно, навсегда такіе типы, какъ Сабатаръ и его люди; феодализмъ уступилъ мѣсто иному, русскому, строю, и мѣстное населеніе приняло свободное участіе въ общемъ дѣлѣ преуспѣянія края.

Нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ животныхъ бѣломорскаго побережья.

Скопа, китъ-бѣлуха, тюлень.

Очеркъ **В. Э. Иверсена.**

При устьѣ Сѣверной Двины, недалеко отъ Соломбальской гавани, находится заштатная Новодвинская крѣпость. Видъ ея не особенно заманчивъ для обыкновеннаго проѣзжаго по заливу: груды наваленныхъ крупныхъ кругляковъ вдоль берега вперемежку съ наклонившимися деревянными сваями, полуразвалившееся зданіе крѣпости, нѣсколько едва замѣтныхъ издали небогатыхъ избъ малочисленныхъ обитателей и темный хвойный лѣсъ на заднемъ планѣ,—вотъ все, что увидѣлъ я, причаливая къ берегу на разсвѣтѣ туманнаго утра, когда солнце еще не успѣло поднять съ гнѣздъ тысячи чаекъ, крачекъ и другихъ изящныхъ летуновъ, гнѣздящихся между камнями и въ непосредственной отъ нихъ близости. Мы вышли на берегъ и пошли искать себѣ пристанища. Таковое было найдено у бывшаго служителя крѣпости, слѣпого старика, потерявшаго зрѣніе отъ дыма, происходящаго вслѣдствіе обильно сожигаемаго здѣсь на жаровняхъ, при входѣ въ постройки, можжевельника, ради защиты отъ несноснѣйшихъ надоѣдливыхъ мельчайшихъ комариковъ (москитовъ).

Мы усѣлись за чайнымъ столомъ и могли видѣть чрезъ окно, какъ сходилъ туманъ и какъ замѣтно свѣтлѣло въ воздухѣ. Не успѣвъ выпить и стакана чаю, одинъ изъ моихъ проводниковъ—страстный и умѣлый охотникъ на морскую птицу и на тюленя, — схватилъ ружье и хотѣлъ бѣжать къ берегу.

— Что тамъ такое?—спросилъ я его.

— Да, баринъ, очень ужъ занятная крупная птица летаетъ по камнямъ и сваямъ; *скопой* зовемъ мы ее; рыбу хорошо ловитъ, я изъ-за тумана-то подкрадусь къ ней...

— Нѣтъ, погоди. Дай мнѣ прослѣдить ее хорошенько, а потомъ уже постараемся добыть ее себѣ.

Мы допили чай, когда стало свѣтло настолько, что можно было ясно разсмотрѣть все окружающее, и отправились къ берегу наблюдать скопу (Pandion Haliaetus L.). Пройдя шаговъ двѣсти, я, по указанію своего охотника, увидѣлъ скопу сидящею на вершинѣ сваи и внимательно слѣдившую за тѣмъ, что дѣлается въ водѣ. Она отъ времени до времени вытягивала шею, сворачивая голову на-бокъ, и, видимо, вниманіе ея было сосредоточено больше на водѣ, чѣмъ на приближавшихся охотникахъ. Однакожъ, приближеніе наше, хотя мы и двигались ползкомъ, вспугнуло птицу, и она спустилась на высокую кучу камней на болѣе значительномъ отъ насъ разстояніи и продолжала внимательно слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ глубинѣ рѣки, не упуская уже изъ виду и насъ, что было замѣтно по ея нерѣдкимъ перемѣщеніямъ, по мѣрѣ нашего приближенія.

И вотъ, вдругъ наша птица поднялась высоко въ воздухъ, долго парила тамъ, внимательно всматриваясь въ воду, плавно спустилась къ поверхности рѣки, снова поднялась выше въ воздухъ, покружилась и остановилась, трепеща крыльями, на одномъ мѣстѣ. Затѣмъ кинулась въ косвенномъ направленіи внизъ, исчезла на нѣсколько секундъ подъ водой, и, вынырнувъ съ довольно крупной рыбой въ когтяхъ, сдѣлала нѣсколько сильныхъ взмаховъ крыльями и направилась къ лѣсу.

Охоту скопы на рыбу я наблюдалъ затѣмъ неоднократно и убѣдился, что охота эта не всегда бываетъ одинаково удачна; случалось, что птица ныряла по два, по три раза и оказывалась безъ добычи, а иногда, какъ разсказываютъ, случается и то, что скопа, не будучи въ силахъ одолѣть крупную щуку, волочитъ ее въ когтяхъ съ большимъ трудомъ до берега, гдѣ и распоряжается съ нею съ проявленіемъ всѣхъ признаковъ своей хищности и оставляя на полѣ брани только часть хвоста, головы и внутренностей своей жертвы. Молодыя птицы нерѣдко погибаютъ, благодаря своей жадности: онѣ погибаютъ, вцѣпившись въ слишкомъ крупную для нихъ рыбу, и, не будучи въ состояніи во-время высвободить когти, увлекаются рыбою въ глубину, гдѣ и погибаютъ.

По своей величинѣ, скопа занимаетъ средину между орломъ и коршуномъ, съ которыми вмѣстѣ принадлежитъ къ отряду птицъ хищныхъ. Питается она рыбою, почему селится по берегамъ рѣкъ и озеръ, прилетая къ намъ на сѣверъ только на лѣто, и улетаетъ съ замерзаніемъ водъ.

Скопа никогда не собирается въ общества, а селится отдѣльными парами, такъ какъ, при ея способѣ добыванія пищи, обществами охотиться неудобно. Пара скопъ старается завладѣть извѣстнымъ участкомъ береговой линіи и уже не допускаетъ сюда соперниковъ.

Намъ удалось разыскать и гнѣздо парочки скопъ, охотившихся ежедневно на нашихъ глазахъ. Гнѣздо помѣщалось на очень высокомъ деревѣ, близъ вершины его, и было свито изъ крѣпкихъ вѣтвей, мха и лишайника. Въ маѣ въ гнѣздѣ можно найти не болѣе трехъ сѣровато-бѣлыхъ, усѣянныхъ кирпично-красными пятнами яицъ, а въ началѣ іюня голыхъ, слѣпыхъ и очень слабыхъ дѣтенышей. Во время насиживанія самецъ и самка оставляютъ гнѣздо и вылетаютъ на добычу поочередно; добычу свою они несутъ прямо въ гнѣздо. Сами дѣтеныши начинаютъ ловить рыбу только съ конца іюля.

Скопа живетъ въ ладу съ чайками, утками и другими береговыми птицами, для которыхъ она безвредна, несмотря на свою силу, на свой прекрасно приспособленный для раздиранія добычи клювъ, на свои сильные, острые и закорюченные когти и на свои длинныя крылья, которыя даютъ ей возможность ловко, высоко и долго летать. Для поимки добычи она пользуется своимъ клювомъ, когтями и сильнымъ развитіемъ двухъ надхвостныхъ железокъ, которыя выдѣляютъ жиръ, служащій для смазыванія перьевъ съ помощью клюва; это предохраняетъ перья отъ порчи вслѣдствіе поперемѣннаго вліянія на нихъ воды и воздуха.

Мелкія птицы, какъ стрижи и ласточки, знаютъ также, что скопа неопасна для нихъ, но интересно видѣть, какъ яростно преслѣдуютъ онѣ скопу, извиваясь и крича вокругъ нея, когда она вылетаетъ на добычу и волею-неволею должна переносить всѣ злыя насмѣшки этой мелкоты. Страдаетъ скопа также отъ *коршуна-паразита*, который умѣетъ заставить ее на лету выпустить изъ когтей добытую ею рыбу, чтобы самому воспользоваться чужой добычей.

Скопа окрашена не особенно пестро и ярко, но и не совершенно мрачно: голова у нея почти бѣлая, съ темными полосками, спинная сторона тѣла бурая, хвостъ та-

кого же цвѣта, но съ черными полосами; нижняя часть тѣла бѣловатая, глаза ярко-желтые, ноги сѣрыя, клювъ и когти блестящіе, черные.

Когда настало время покинуть Новодвинскую крѣпость и установилась хорошая погода, я направился вдоль восточнаго, Зимняго берега Двинской губы на сѣверъ, къ устью одной изъ небольшихъ рѣкъ, текущихъ въ Двинскую губу верстъ на 60 сѣвернѣе крѣпости. Стояло чудное, безвѣтренное утро, туманъ мало-помалу разсѣвался, и постепенно становилось возможно яснѣе и яснѣе наблюдать то, что происходило на берегу, около него и въ воздухѣ надъ нами. На низменныхъ мѣстахъ берега сновало и копошилось безчисленное множество разной водяной птицы, около берега, на камняхъ, виднѣлись грѣвшіеся тюлени, по отмелямъ—игравшіе на солнцѣ киты-бѣлухи, высоко въ воздухѣ—тысячи чаекъ и крачекъ, сопровождавшихъ насъ неумолкаемымъ крикомъ, а вокругъ нашего карбаса — тучи комариковъ, мѣшавшихъ до ночи или до дождя курить, пить и ѣсть, потому что стоило на секунду снять сѣтчатую маску и перчатки, чтобы лицо и руки были моментально искусаны, а уши, носъ и ротъ чуть не переполнены этими назойливыми и больно жалящими насѣкомыми. Только къ вечеру, когда сойдетъ на землю туманъ, москиты остаются неподвижны въ травѣ до восхода солнца, которое пробуждаетъ ихъ, обсушиваетъ и даетъ имъ силу къ продолженію своей убійственно-назойливой и болѣзненной для человѣка дѣятельности. Они намного умаляютъ удовольствіе путешествія.

Но, какъ бы то ни было, а желаніе ѣхать къ намѣченному мѣсту взяло верхъ надъ всѣми неудобствами путешествія. Путешествіе въ открытый Ледовитый океанъ, въ царство бѣлыхъ медвѣдей, моржей и громаднѣйшихъ китовъ, не входило въ мой маршрутъ; но не повидаться въ Бѣломъ морѣ съ самыми крупными его обитателями — *китомъ-бѣлухой* (Delphinapterus leucas) и *тюленемъ* (Phoca vitulina) — было бы неловко. А тутъ я узналъ, что по Зимнему берегу есть очень мелкій заливъ—Сухое море и рядомъ съ нимъ отмель Сухая Кашка, гдѣ происходитъ ловъ бѣлухи—самаго мелкаго изъ китовъ, но, какъ уже сказано, самаго крупнаго изъ бѣломорскихъ животныхъ.

Переѣздъ отъ Двинской крѣпости до Сухого моря не представлялъ для меня ничего новаго и интереснаго, за исключеніемъ развѣ того, что на протяженіи 60 верстъ тутъ нѣтъ вблизи берега ни одной торговли виномъ, и мои двое проводниковъ не имѣли повода упрашивать меня причалить къ берегу ранѣе достиженія опредѣленнаго мѣста и всячески откладывать отъѣздъ въ дальнѣйшій путь, ссылаясь то на приливъ, то на отливъ, то на вѣтеръ и т. п.

Въ ясное и тихое утро я увидѣлъ по дорогѣ къ намѣченному мѣсту бѣлуху, подошедшую цѣлымъ обществомъ, штукъ въ шесть, къ берегу, валявшуюся на отмели въ береговомъ пескѣ и показывавшую бѣлую, блестѣвшую на солнцѣ нижнюю сторону своего тѣла. Я былъ въ восторгѣ отъ такого зрѣлища, но восхищаться имъ пришлось не долго: подулъ вѣтерокъ, зарябило море—и киты исчезли.

Благодаря попутному вѣтерку, съ помощью паруса, достиженіе цѣли поѣздки оказалось возможнымъ ускорить, и на утро, когда море уже совершенно успокоилось, я присутствовалъ при поимкѣ не особенно крупной бѣлухи.

Способъ лова бѣлухи очень незамысловатъ. Съ плота, укрѣпленнаго на прочныхъ сваяхъ, спускаютъ и ставятъ по направленію къ глуби, по прямой линіи, нѣсколько большихъ крупноячеистыхъ сѣтей съ грузилами и поплавками. Когда вода, послѣ нѣкотораго волненія, замутится, бѣлуха, стремясь къ отмели на солнце, запутывается въ сѣть и скоро задыхается, если не въ силахъ прорвать прочную бечеву, изъ которой связана

сѣть; бѣлуха, какъ извѣстно, подобно всѣмъ китамъ, дышитъ атмосфернымъ воздухомъ, безъ котораго подъ водой не можетъ оставаться долѣе нѣсколькихъ минутъ. Попавшуюся въ моемъ присутствіи въ сѣть бѣлуху стоявшіе насторожѣ бойцы успѣли убить острогами въ самой сѣти раньше, чѣмъ она успѣла задохнуться.

Пойманную и убитую бѣлуху, съ помощью веревокъ, вытащили на плотъ. Она вѣсила съ небольшимъ десять пудовъ и имѣла въ длину около 4 аршинъ. У нея круглая голова съ тупой мордой. По гладкой кожѣ, по строенію плавниковъ и хвоста, по дыханію легкими, по цвѣту и температурѣ крови, а также по рожденію дѣтенышей живыми и кормленію ихъ молокомъ, бѣлуха сходна съ другими китами, но отъ *настоящихъ китовъ* отличается отсутствіемъ въ верхней челюсти роговыхъ пластинокъ (китовый усъ), которыя замѣнены у нея острыми зубами, такими же, какъ и въ ея нижней челюсти.

Какъ мнѣ сообщали, ростъ бѣлухъ достигаетъ не болѣе трехъ саженъ, при окружности не болѣе 1 сажени и 2 аршинъ. Но и такіе экземпляры теперь уже рѣдки. Цвѣтъ молодыхъ бѣлухъ голубовато-сѣрый, старыхъ—бѣлый съ красноватымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ. Къ старости бѣлуха теряетъ зубы.

При вскрытіи пойманной молодой бѣлухи въ желудкѣ ея оказались небольшія камбалы, мелкая треска, семга и другія рыбы и морскія животныя. Ловъ ея совершается ради ея съѣдобнаго мяса, сала и прочной кожи, но, какъ сообщаютъ промышленники, въ иные годы бываетъ убыточенъ, благодаря дороговизнѣ снастей и плохому улову.

Бѣлуха является единственнымъ изъ всѣхъ китообразныхъ животныхъ, которое, въ поискахъ и въ погонѣ за добычей, входитъ иногда даже въ устья рѣкъ, но, попавъ на мель при отливѣ, является животнымъ вполнѣ беззащитнымъ, несмотря на быстроту, силу и ловкость своихъ движеній въ водѣ. Въ другомъ мѣстѣ бѣломорскаго побережья я видѣлъ, какъ мальчики безъ труда убили палками двухъ молодыхъ бѣлухъ, пуда по два вѣсомъ, застрявшихъ на отмели между самымъ берегомъ и грудами камней вблизи его, обнажившимися во время отлива.

Мѣрное кукованье кукушекъ въ отдаленномъ лѣсу и веселая пѣснь жаворонковъ, которыхъ очень много въ этихъ мѣстахъ, сопровождали нашъ отъѣздъ изъ мѣста нашего пребыванія на Зимнемъ берегу снова къ берегу Лѣтнему, минуя уже островъ Галецъ. Далѣе насъ сопровождалъ на взморьѣ крикъ тысячъ чаекъ и крачекъ. Но вдругъ береговыя птицы какъ-то внезапно смолкли. Послышался хохотъ и плачъ гагаръ, какъ-то судорожно закружились въ вышинѣ чайки, вереницы утокъ и нырцовъ потянулись съ моря къ рѣкамъ и тундрамъ. Предвидѣлась близкая буря, и мы, пользуясь попутнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, поспѣшили добраться до Никольскаго монастыря, золотыя вершины котораго, освѣщенныя лучами заходящаго и просвѣчивавшаго по временамъ сквозь тучи солнца, далеко виднѣлись изъ-за отдѣлявшаго ихъ отъ насъ лѣса.

Буря разыгралась не на шутку и не унималась пять дней. Море совсѣмъ побѣлѣло отъ пѣны; цѣлыми грудами валились на берегъ водоросли и всякіе обломки; громъ разбивавшихся о берегъ волнъ и завываніе вѣтра, сливаясь въ общій гулъ, наводили невольный ужасъ. Не виднѣлось вдали ни одного паруса, и только мѣрно взлетавшія и опускавшіяся къ водѣ чайки и буревѣстники оживляли затуманившуюся нескончаемую морскую даль... Мокрые и голодные, отогрѣвались мы у костра...

Монастырь находится въ весьма живописной холмистой и лѣсистой мѣстности. Самые же морскіе берега впереди его покрыты карликовою, ползущею по направленію господствующаго сѣверо-восточ-

наго вѣтра березою, рябиною, ивою, можжевельникомъ, шиповникомъ, брусникой, поляникой, верескомъ и сѣрыми лишаями, которые въ изобиліи покрываютъ здѣсь и всѣ лѣсныя деревья. Вообще, низменные берега, смѣняющіеся высокими, крутыми береговыми обрывами съ нависшими къ морю тундрами, какъ и холмистыя мѣстечки, покрытыя лѣсомъ, въ пасмурную погоду чрезвычайно мрачны, и темный колоритъ берега оживляется только кустами обильно цвѣтущаго шиповника, да яркимъ красноватымъ цвѣтомъ берегового песка. Такой характеръ сохраняетъ весь Лѣтній берегъ до поворота въ Онежскую губу, котораго мы съ разными, не совсѣмъ пріятными приключеніями достигли лишь черезъ двѣ недѣли по отплытіи отъ Новодвинской крѣпости. Натерпѣлись мы вдоволь отъ холода и сырости, а бури лишили насъ съѣстныхъ припасовъ, такъ что приходилось по нѣскольку дней питаться вареными чайками, навагой, камбалой, корюшкой и другими мелкими рыбами, которыхъ мы доставали изъ чужихъ мережъ, разставленныхъ у берега, или получали отъ монаховъ прибережныхъ монастырей. Но все это, по прибытіи въ селеніе, легко забывалось, и новыя картины природы, новыя впечатлѣнія опять влекли въ даль, подстрекая любознательность, желаніе увидѣть что-либо новое.

Выждавъ тихое утро и время трезваго состоянія моихъ спутниковъ, я двинулся изъ села Дураково на островокъ Жигжинскъ. Ѣхали на веслахъ и не торопились, такъ какъ видимое на глубину 3—4 саженъ морское дно представляетъ своего рода чудные лѣса и горы, населенные весьма своеобразными животными, преимущественно морскими звѣздами и морскими раками; безчисленныя стаи морскихъ птицъ поражали здѣсь меня какъ своею численностью, такъ и разнообразіемъ формъ, а игравшіе позади насъ тюлени доставляли не мало удовольствія своими быстрыми и изворотливыми движеніями, своею довѣрчивостью и любопытствомъ. По тюленямъ, однако, мы не стрѣляли, такъ какъ, убитые на глубокомъ мѣстѣ, они тонутъ и пропадаютъ для охотника.

Островокъ Жигжинскъ представляетъ собою груду кругляковъ, какъ бы выдвинутыхъ съ морского дна. На вершинѣ этой груды возвышается маякъ и нѣсколько построекъ для смотрителя маяка и шести матросовъ. Это все населеніе островка.

Природа Жигжинска замѣчательна въ томъ отношеніи, что тутъ вся зелень сочнѣе, свѣжѣе, чѣмъ на побережьи, а морскія птицы являются сюда большими массами, такъ какъ здѣсь ихъ рѣдко тревожатъ.

Однимъ изъ главныхъ моихъ занятій во время полутoранедѣльнаго моего пребыванія на островѣ Жигжинскѣ являлась охота на птицъ и на тюленей, которыхъ здѣсь, на каменистыхъ отмеляхъ, ловятъ въ хорошую погоду въ сѣти или же бьютъ изъ винтовокъ, когда они лежатъ и грѣются на камняхъ. Здѣсь мнѣ удалось убить въ числѣ другихъ того крупнаго тюленя, чучело котораго находится въ зоологическомъ кабинетѣ с.-петербургскаго университета. Прострѣленный на вылетъ, онъ утонулъ около камней, но былъ найденъ во время отлива.

Самый крупный изъ убитыхъ нами тюленей имѣетъ въ длину 5 футовъ; онъ весь сѣраго цвѣта съ буроватыми крапинами, снизу свѣтлѣе. Онъ извѣстенъ въ наукѣ подъ именемъ *европейскаго*, а по бѣломорскому побережью его зовутъ *нерпой*. Держится этотъ тюлень преимущественно около берега, вблизи каменистыхъ отмелей, которыя только во время отлива выставляются изъ-подъ воды. Онъ прекрасно плаваетъ и ныряетъ, пользуясь при этомъ подвижными складками кожи въ ушахъ и въ ноздряхъ; этими складками онъ закрываетъ при нырянія слуховыя отверстія и ноздри. Въ водѣ всякое положеніе и движеніе для

тюленя одинаково удобно и легко. Дышитъ онъ атмосфернымъ воздухомъ, а потому подъ водою можетъ оставаться не долѣе нѣсколькихъ минутъ и, попавъ въ мережу или въ бѣлуховую сѣть, погибаетъ, задыхаясь. Монахи Пертоминскаго монастыря, занимающіеся рыбной ловлей на Лѣтнемъ берегу, при мнѣ неоднократно вынимали мережи съ мертвыми тюленями. Питается тюлень рыбою и другими водяными животными, хватая ихъ подъ водою и глотая, выставивъ изъ воды конецъ морды и открывъ ноздри.

Очень интересенъ тюлень, когда онъ, взобравшись на камень, чтобы погрѣться на солнцѣ, или чтобы покормить грудью дѣтеныша, ложится на спину и выдѣлываетъ разныя движенія, или же уходитъ въ воду и на поверхности ея вертится, кружится, извивается, кувыркается, то ныряя, то снова появляясь на поверхности, и, сопя, съ жадностью вдыхаетъ воздухъ. По землѣ онъ движется змѣеобразно и весьма быстро, такъ что догнать его не легко. Впрочемъ, лѣтомъ самецъ очень рѣдко выходитъ на сушу, но на камняхъ грѣется на солнцѣ чуть не цѣлыми часами, лежа неподвижно, пока его не потревожитъ приближеніе человѣка. Самка же выходитъ лѣтомъ на сушу гораздо чаще, такъ какъ исключительно здѣсь она кормитъ первое время своего дѣтеныша, котораго очень любитъ, отчаянно защищаетъ, и, въ случаѣ тревоги, перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто, держа его между однимъ изъ переднихъ ластовъ и грудью.

Тюлень далеко не глупъ, всѣ внѣшнія чувства у него развиты очень хорошо; онъ прекрасно знаетъ все, что для него полезно и вредно. Съ береговыми птицами, напримѣръ, онъ очень друженъ, но больше всего боится злѣйшаго своего врага—человѣка, который стрѣляетъ, бьетъ и ловитъ тюленей сѣтями, ради ихъ жира и шкуры.

Зная чуткость и осторожность тюленя, мѣстные промышленники придумали особеннымъ способомъ обманывать его, но способъ этотъ не всегда удается, какъ это и случалось на моихъ глазахъ съ моимъ охотникомъ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что охотникъ, одѣтый въ костюмъ, похожій по цвѣту на окраску тюленя, во время отлива кладетъ на кучу нанесенныхъ на берегъ водорослей небольшую доску, ложится на нее съ винтовкой въ рукахъ и начинаетъ подражать лаю и ворчанію тюленя, а ногами вскидываетъ вверхъ, изображая этимъ движеніе заднихъ ластовъ тюленя, которые, подобно сапогамъ, окрашены почти въ черный цвѣтъ. Одинъ только разъ молодой тюлень поддался обману и подплылъ на выстрѣлъ къ мнимому своему собрату, за что, конечно, и поплатился жизнью.

По условію съ моими двумя спутниками, въ ихъ пользу поступали всѣ части тѣла убитыхъ нами тюленей, я же оставлялъ въ свою пользу только шкуру и черепъ животнаго. Поэтому, работники мои разрѣзывали трупы убитыхъ нами трехъ тюленей, вынимали изъ шкуры все мясо и внутренніе органы, затѣмъ снимали со шкуры слой жиру, толщина котораго доходила до $1^1/_2$ вершковъ, и укладывали его въ бочку.

Гигіеническія бесѣды.

Проф. **Ф. Ф. Эрисмана.**

(Продолженіе.)

12. Непосредственный солнечный лучъ и разсѣянный дневной свѣтъ.—Желательное направленіе улицъ и главныхъ фасадовъ домовъ по отношенію къ странамъ свѣта.—Отношеніе между высотой домовъ и шириной улицъ.—Дневное освѣщеніе классныхъ комнатъ.—Искусственное освѣщеніе, какъ источникъ порчи воздуха.—Вліяніе его на температуру.—Лучистая теплота лампъ.—Вліяніе искусственнаго освѣщенія на глаза.—Равномѣрное распредѣленіе свѣта въ классныхъ комнатахъ.

Дневной свѣтъ попадаетъ въ замкнутыя помѣщенія, черезъ окна или открытыя двери, либо въ видѣ *непосредственныхъ солнечныхъ лучей*, либо въ видѣ *«разсѣяннаго»* свѣта, которымъ мы пользуемся и тогда, когда солнце закрыто облаками. Непосредственный солнечный лучъ проникаетъ только въ такія помѣщенія, которыя имѣютъ окна или двери въ одномъ изъ тѣхъ направленій, откуда свѣтитъ солнце въ какое-нибудь время дня; разсѣянный же дневной свѣтъ получается повсюду, независимо отъ направленія помѣщеній по отношенію къ странамъ свѣта. Въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ, освѣщеніе помѣщеній разсѣяннымъ дневнымъ свѣтомъ не только считается достаточнымъ, но даже предпочитается освѣщенію солнечными лучами; въ общемъ же, и особенно для жилыхъ помѣщеній, въ интересахъ общественнаго здоровья должно признать необходимымъ, *чтобы всякое замкнутое пространство, всякая комната, служащая для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія человѣка, была, хотя бы въ теченіе извѣстнаго времени, доступна для солнечныхъ лучей.* Съ этой точки зрѣнія получаетъ большое значеніе вопросъ *о направленіи домовъ и отдѣльныхъ квартиръ по отношенію къ странамъ свѣта.*

Если домъ стоитъ отдѣльно, если каждый этажъ его предназначенъ только для одной семьи, то въ большинствѣ случаевъ будетъ не трудно устроиться такъ, чтобы именно тѣ помѣщенія, въ которыхъ всего чаще находятся люди, были болѣе или менѣе доступны для солнечныхъ лучей—даже тогда, когда фасадъ дома, соотвѣтственно расположенію даннаго участка или направленію улицы, приходится на сѣверъ. Другое дѣло, если домъ представляетъ изъ себя «казарму» со множествомъ квартиръ, или если онъ стоитъ на какой-нибудь центральной улицѣ, тѣсно примыкая, съ обѣихъ сторонъ, къ другимъ строеніямъ. Здѣсь бываетъ трудно или невозможно доставить непосредственный солнечный свѣтъ, даже въ ограниченныхъ размѣрахъ, всѣмъ тѣмъ помѣщеніямъ, которыя, по своему назначенію, въ немъ нуждаются, и многія комнаты, а нерѣдко и цѣлыя квартиры, совершенно лишаются солнца или потому, что онѣ, по необходимости, выходятъ окнами на сѣверъ, или потому, что солнце отнимается у нихъ другими зданіями, черезчуръ высокими или стоящими черезчуръ близко. При такихъ условіяхъ, чаще всего встрѣчаемыхъ въ центральныхъ частяхъ большихъ городовъ, пріобрѣтаютъ особенное значеніе вопросы *о направленіи улицъ по отношенію къ странамъ свѣта, о минимальной ширинѣ улицъ, о предѣльной высотѣ домовъ, о предѣльныхъ размѣрахъ дворовъ и тому подобное.*

Было высказано мнѣніе, что въ санитарномъ отношеніи направленіе городскихъ улицъ съ сѣвера на югъ заслуживаетъ предпочтенія передъ восточно-западнымъ направленіемъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ фасады домовъ обращены къ востоку и къ западу, во второмъ же—къ югу и къ сѣверу. Мнѣніе это основывается на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ, показавшихъ, что въ умѣренномъ климатѣ стѣны домовъ, обращенныя на югъ, получаютъ въ лѣтнее время значительно меньше теплоты отъ непосредственныхъ лучей солнца, а, стало-быть, и меньше прямого солнечнаго свѣта, нежели стѣны, обращенныя къ востоку или къ западу. Но этотъ

фактъ не допускаетъ широкаго обобщенія. Нельзя ожидать, чтобы при планировкѣ новыхъ городовъ или частей таковыхъ всѣ главныя улицы получали направленіе съ сѣвера на югъ, тѣмъ болѣе, что, по дальнѣйшимъ наблюденіямъ, въ теченіе холодной половины года, стѣны, обращенныя къ югу, получаютъ больше солнечной теплоты, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и больше солнечнаго свѣта, нежели стѣны, обращенныя къ востоку или къ западу. Поэтому направленіе собственно *улицъ* не можетъ подлежать, съ санитарной точки зрѣнія, какой-нибудь общей регламентаціи, ибо всякое направленіе ихъ будетъ имѣть и свои преимущества, и свои недостатки. Что же касается *отдѣльныхъ зданій*, то расположеніе ихъ главныхъ фасадовъ, по отношенію къ странамъ свѣта, можетъ имѣть большое значеніе, при чемъ то направленіе, которому въ каждомъ данномъ случаѣ должно быть отдаваемо преимущество, опредѣляется назначеніемъ самого зданія и характеромъ его, а, отчасти, и географическимъ положеніемъ мѣстности.

Представимъ себѣ казарменное зданіе, которое предназначено для неимущаго класса населенія, напримѣръ, для фабричныхъ рабочихъ, и въ которомъ каждый этажъ центральнымъ коридоромъ раздѣленъ на двѣ половины, такъ что часть жильцовъ помѣщается по одну, остальная — по другую сторону коридора. Если такое зданіе поставить главными фасадами на югъ и на сѣверъ, то, за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда солнце раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ заглядываетъ въ квартиры и съ сѣверной стороны, непосредственнымъ солнечнымъ свѣтомъ будутъ пользоваться лишь счастливые обыватели южной половины зданія. Въ ихъ каморкахъ и зимой будетъ весело и свѣтло, тогда какъ обыватели сѣверной половины именно въ это время года, когда жилыя помѣщенія всего больше нуждаются въ солнечномъ лучѣ, будутъ лишены его совершенно, и такъ какъ зимой и сила разсѣяннаго дневного свѣта понижена, то квартиры или комнаты, выходящія окнами исключительно на сѣверъ, будутъ въ зимнее время мрачны и непривѣтливы. Стало-быть, казармы для войскъ и для рабочихъ, ночлежные дома и тому подобныя зданія, если только жилыя помѣщенія въ нихъ расположены по обоимъ главнымъ фасадамъ, *должны быть поставлены такъ, чтобы они этими фасадами выходили на востокъ и на западъ*; въ этомъ случаѣ всѣ обыватели ихъ, въ то или другое время дня, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ будутъ пользоваться солнечнымъ свѣтомъ. Здѣсь, слѣдовательно, въ общихъ интересахъ жильцовъ мы отказываемся, до извѣстной степени, отъ зимняго солнца, которымъ и при другомъ расположеніи фасадовъ все же могла бы пользоваться лишь половина обывателей.

Съ другой стороны есть зданія, обращеніе главнаго фасада которыхъ къ *югу* крайне желательно. Сюда относятся, прежде всего, *больницы*—все равно, строятся ли онѣ по системѣ бокового коридора, съ обращеніемъ палатъ въ одну сторону, или по павильонной или барачной системѣ, съ большими палатами, получающими свѣтъ съ двухъ сторонъ. Въ томъ и другомъ случаѣ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе обращенію палатъ къ югу (а гдѣ это, по мѣстнымъ условіямъ, невозможно—къ юго-востоку или юго-западу), потому что при такомъ расположеніи палаты будутъ освѣщаться солнцемъ именно тогда, когда это наиболѣе желательно, то-есть зимою.

Нѣсколько болѣе сложнымъ является вопросъ о томъ, къ какимъ странамъ свѣта слѣдуетъ обращать главные фасады *школьныхъ зданій*. Въ классной комнатѣ требуется не только достаточное количество свѣта, но и возможное отсутствіе колебаній его, *равномѣрность* освѣщенія. На классномъ столѣ солнечный лучъ является не желаннымъ гостемъ, а *врагомъ*, и частые переходы отъ яркаго солнечнаго свѣта къ болѣе слабому разсѣянному свѣту бываютъ не только весьма непріятны, но отзываются прямо вредно на глазахъ учащихся. Кромѣ того, жгучее весеннее солнце, освѣщая классную комнату своими косо-падающими лучами, чрезмѣрно повышаетъ температуру комнатнаго воздуха, и такъ какъ климатическія условія не всегда позволяютъ, вмѣстѣ съ солнечнымъ лучомъ, впускать въ классное помѣщеніе и наружный воздухъ, то въ комнатѣ становится невыносимо душно, и это обстоятельство, съ своей стороны, весьма вредно отзывается и на здоровьѣ, и на занятіяхъ учащихся. Если, къ тому же, принять во вниманіе, что всѣ предложенныя до сихъ поръ средства для защиты отъ солнечныхъ лучей (разныя шторы, маркизы, ставни и проч.) по той или другой причинѣ или вовсе не примѣнимы въ школахъ, или не достигаютъ цѣли, то невольно приходишь къ заключенію, что сдѣланное еще много лѣтъ тому назадъ предложеніе Реклама—располагать классныя комнаты учебныхъ заведеній преимущественно по *сѣверному* фасаду зданій—представляется во многихъ отношеніяхъ вполнѣ основательнымъ. *Только обращеніе къ сѣверу обезпечиваетъ классной комнатѣ всегда равномѣрный разсѣянный свѣтъ*—самый пріятный и самый полезный для глазъ во время занятій.

На первый взглядъ такое предложеніе противорѣчитъ сказанному нами о животворномъ значеніи непосредственнаго солнечнаго свѣта; но для классныхъ комнатъ требованіе равномѣрности освѣщенія является *первостепеннымъ* и настолько существеннымъ, что ему нельзя не подчиняться, и такъ какъ сѣверный свѣтъ, въ зимнее время и въ мрачные дни, можетъ быть иногда весьма слабымъ, то является необходимость обезпечить классной комнатѣ надлежащее количество свѣта *большими размѣрами* и *цѣлесообразнымъ расположеніемъ оконъ*. Точно такъ же необходимо вознаградить подобныя помѣщенія за отсутствіе солнечнаго луча устройствомъ хорошаго отопленія и обильной вентиляціи. Указывая на важныя преимущества сѣвернаго направленія для классныхъ комнатъ, мы вовсе не намѣрены во что бы то ни стало проповѣдывать, что классы всегда и при всякихъ условіяхъ должны быть обращены къ сѣверу. Мы хорошо понимаемъ, что при рѣшеніи этого вопроса необходимо принимать во вниманіе и мѣстоположеніе учебнаго заведенія, и климатическія условія, а также и распредѣленіе учебныхъ занятій по временамъ года и по часамъ дня. Поэтому мы вполнѣ допускаемъ, что нерѣдко (въ особенности на крайнемъ Сѣверѣ, съ его длинной зимой и короткими, подчасъ темными днями въ теченіе значительной части учебнаго времени) гигіенистъ справедливо выскажется за обращеніе классныхъ комнатъ къ югу, юго-востоку или юго-западу; но *нормальнымъ*, въ интересахъ цѣлесообразнаго дневного освѣщенія, мы все же должны признать обращеніе этихъ помѣщеній къ сѣверу. Особенное значеніе вопросъ этотъ имѣетъ для такихъ помѣщеній, въ которыхъ происходитъ черченіе, рисованіе и тому подобныя занятія, такъ какъ здѣсь равномѣрность освѣщенія, отсутствіе отблесковъ и контрастовъ представляется настоятельно необходимымъ. На томъ же основаніи мастерскія художниковъ всегда бываютъ обращены къ сѣверу. Въ *частныхъ квартирахъ* жилыя комнаты лучше всего располагать на *югъ*, *юго-востокъ* или *юго-западъ*, въ особенности въ средней полосѣ и на сѣверѣ; западное направленіе повсюду, а тѣмъ болѣе на югѣ, является непріятнымъ, вслѣдствіе черезчуръ сильнаго нагрѣванія помѣщеній. Извѣстно, что стѣны домовъ, обращенныя къ западу, нагрѣваются лѣтомъ значительно сильнѣе, чѣмъ южныя стѣны; кромѣ того, западныя стѣны достигаютъ максимума своей температуры лишь поздней ночью и даже къ утру, такъ что сильное нагрѣваніе такихъ стѣнъ солнцемъ лишаетъ обывателей помѣщеній, обращенныхъ къ западу, необходимой прохлады именно въ то время, когда паденіе внѣшней температуры дѣлаетъ ее возможной.

Серьезно препятствуютъ доступу солнечнаго свѣта въ жилыя помѣщенія, и вообще надлежащему ихъ освѣщенію *недостаточная ширина улицъ и переулковъ, чрезмѣрная высота домовъ и ограниченность свободнаго пространства на дворахъ*. Самыя выгодныя условія въ отношеніи той страны свѣта, къ которой обращены окна квартиры, могутъ быть совершенно парализованы, если въ близкомъ разстояніи находится высокое зданіе, заслоняющее доступъ солнечныхъ лучей и даже разсѣяннаго дневного свѣта. Узкія улицы, высокіе дома и тѣсные дворы— это больное мѣсто старинныхъ западно-европейскихъ городовъ, а равно и центральныхъ частей многихъ изъ крупныхъ городовъ Россіи. Еще лѣтъ 50 тому назадъ одинъ берлинскій писатель сравнивалъ дворы въ домахъ Берлина съ голенищами высокихъ сапоговъ, а по свидѣтельству современныхъ берлинскихъ гигіенистовъ, съ тѣхъ поръ измѣнилось только то, что «голенища» стали еще выше, вслѣдствіе безпрестанной надстройки новыхъ этажей на старыхъ домахъ. Правда, въ строительныхъ уставахъ многихъ странъ и городовъ, изданныхъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, встрѣчаются кое-какія указанія относительно минимальной ширины улицъ, предѣльныхъ размѣровъ домовъ и отношенія между шириной улицъ и высотой расположенныхъ по нимъ зданій; но подобныя требованія закона или обязательныхъ постановленій могутъ относиться, конечно, только къ вновь прокладываемымъ улицамъ. Въ общемъ требованія, высказанныя съ различныхъ сторонъ относительно высоты домовъ при извѣстной ширинѣ улицы или площади двора, сходятся въ томъ, *что высота домовъ не должна превышать ширины улицы или двора*. Это требованіе основано на томъ, что при подобномъ отношеніи между шириной улицы и высотой домовъ солнечные лучи достигаютъ нижней части обращенныхъ къ югу фасадовъ еще и въ томъ случаѣ, если солнце стоитъ подъ угломъ 45 градусовъ надъ горизонтомъ. Однако, простой расчетъ показываетъ, что при такихъ отношеніяхъ, то-есть когда высота домовъ равняется ширинѣ улицы, нижніе этажи домовъ на огромномъ пространствѣ земной поверхности, и въ теченіе значительной части года, будутъ совершенно лишены солнечнаго свѣта или будутъ пользоваться имъ лишь черезчуръ короткое время, такъ какъ даже въ средней полосѣ солнце только лѣтомъ поднимается, на продолжительное время, выше 45 градусовъ надъ горизонтомъ,

а при всякомъ, болѣе низкомъ положеніи его, на южный фасадъ домовъ обязательно падаетъ болѣе или менѣе значительная тѣнь отъ противоположныхъ домовъ.

Доступъ свѣта въ замкнутыя помѣщенія облегчается большими окнами, и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ пользоваться лучшимъ освѣщеніемъ та комната, въ которой оконная поверхность занимаетъ бо̀льшее пространство. Поэтому, для приблизительной оцѣнки дневного освѣщенія различныхъ помѣщеній, можно пользоваться *отношеніемъ свѣтовой поверхности оконъ къ площади пола*. Въ общемъ, если передъ окнами нѣтъ предметовъ, отнимающихъ много свѣта, освѣщеніе жилыхъ помѣщеній считается достаточнымъ, когда оконная поверхность, за исключеніемъ рамъ и переплета, относится къ площади пола, какъ 1 : 8 или 1 . 10. Для такихъ же помѣщеній, которыя нуждаются въ исключительно хорошемъ освѣщеніи, каковы, напримѣръ, классныя комнаты учебныхъ заведеній, аудиторій и т. под., требуется не менѣе 1 квадр. метра свѣтовой поверхности оконъ на 5—6 квадр. метровъ площади пола. Вообще школы, въ отношеніи дневного освѣщенія, занимаютъ исключительное положеніе, и вопросъ о наилучшемъ способѣ устройства и расположенія оконъ въ учебныхъ заведеніяхъ составляетъ понынѣ предметъ оживленнаго спора среди гигіенистовъ, офталмологовъ и представителей учебной части. На первый взглядъ могло бы казаться, что наилучше обставлена та классная комната, которая имѣетъ наибольшее количество оконъ, и притомъ окна, по возможности, со всѣхъ сторонъ. Дѣло, однако, въ томъ, что въ классѣ, получающемъ дневной свѣтъ съ различныхъ сторонъ, на ученическихъ тетрадяхъ, во время писанія, часто являются тѣни—то отъ руки пишущаго ученика, то отъ головы его, то отъ туловища сосѣдей. Тѣни эти происходятъ отъ того, что при разностороннемъ освѣщеніи всегда свѣтъ съ одной какой-нибудь стороны будетъ сильнѣе, чѣмъ съ другихъ; *онѣ вполнѣ отсутствуютъ только въ такомъ случаѣ, если свѣтъ падаетъ на парты исключительно съ одной стороны, и притомъ съ лѣвой*. Поэтому окна съ *правой* стороны учащихся само собой исключаются; они могутъ быть допустимы развѣ только въ очень широкихъ классныхъ комнатахъ, въ которыхъ одновременно занимаются два отдѣленія, при чемъ, однако, учащіеся каждаго отдѣленія должны сидѣть такъ, чтобы получать свѣтъ съ лѣвой стороны. Но и въ этомъ случаѣ сидящія ближе къ серединѣ комнаты дѣти будутъ, при письменныхъ занятіяхъ, замѣтно страдать отъ появленія на ихъ тетрадяхъ тѣней. Свѣтъ *спереди* въ классной комнатѣ не можетъ быть допущенъ, потому что онъ прямо падаетъ въ глаза учащимся. Свѣтъ *сзади* неудобенъ для учителя и безполезенъ для дѣтей. Такимъ образомъ, освѣщеніе съ лѣвой стороны, и притомъ исключительно съ лѣвой, представляется самымъ выгоднымъ и единственно правильнымъ для классныхъ комнатъ. Ничего нельзя возражать, съ санитарной точки зрѣнія, противъ освѣщенія классныхъ комнатъ *сверху*, съ потолка; но устройство такого освѣщенія возможно только въ одноэтажныхъ постройкахъ или въ верхнемъ этажѣ многоэтажныхъ зданій, и, слѣдовательно, имѣетъ во всякомъ случаѣ лишь ограниченное примѣненіе. Но если классная комната весь дневной свѣтъ получаетъ только съ одной стороны, то, для доставленія ей надлежащаго количества свѣта, необходимо заботиться о томъ, чтобы число и размѣры оконъ, а въ особенности высота ихъ, были удовлетворительны и чтобы они были цѣлесообразно сгруппированы, то-есть *чтобы простѣнки отнимали по возможности мало свѣта* и дѣлались не шире, чѣмъ это нужно въ интересахъ прочности зданія; болѣе широкіе простѣнки допускаются только въ переднемъ и заднемъ концѣ классной комнаты. Сообразно съ этими требованіями на Западѣ уже выработана особая школьная архитектура, позволяющая отличать школьныя зданія издали по характерной группировкѣ оконъ.

Для смягченія яркаго солнечнаго свѣта часто употребляются разныя *занавѣси* и *шторы* изъ бумажной матеріи, полотна или дерева (въ видѣ тонкихъ раздвижныхъ планокъ). Для классныхъ комнатъ или другихъ помѣщеній, въ которыхъ происходятъ письменныя занятія, всѣ подобныя приспособленія мало пригодны, такъ какъ они задерживаютъ огромное количество свѣта (50—99 и больше процентовъ) и дѣлаютъ освѣщеніе классныхъ столовъ недостаточнымъ. Въ крайнемъ случаѣ можно допустить шторы изъ бѣлой и желтоватой бумажной матеріи.

Всякому извѣстно, что темные обои или темная окраска стѣнъ, потолковъ, дверей дѣлаютъ комнату мрачной, и что, наоборотъ, помѣщеніе съ свѣтлыми стѣнами, потолкомъ, мебелью и т. д. производитъ веселое впечатлѣніе. Эта разница обусловливается тѣмъ, что темные предметы поглощаютъ гораздо больше свѣта, чѣмъ бѣлые. Особеннаго вниманія это обстоятельство заслуживаетъ по отношенію къ школьнымъ помѣщеніямъ, стѣны и потолки которыхъ,

поэтому, всегда должны быть окрашиваемы въ бѣлую, свѣтло-желтую или свѣтло-голубую краску. Наблюденіе показываетъ, *что, благодаря отраженію свѣта отъ бѣлыхъ стѣнъ, даже такія мѣста, на которыя падаетъ черезъ окно очень немного прямого свѣта, могутъ быть освѣщаемы вполнѣ удовлетворительно.* На этомъ основаніи, въ классныхъ комнатахъ не должны быть терпимы темныя высокія панели, которыя, къ сожалѣнію, въ учебныхъ заведеніяхъ встрѣчаются довольно часто.

Искусственное освѣщеніе жилыхъ помѣщеній и общественныхъ зданій интересуетъ насъ, съ санитарной точки зрѣнія, главнымъ образомъ *какъ источникъ порчи окружающаго насъ воздуха и по своему вліянію на наши глаза.* Среди публики, въ этомъ отношеніи, встрѣчаются самые разнообразные и часто разнорѣчивые взгляды на различные способы искусственнаго освѣщенія, основанные больше на субъективныхъ ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ, чѣмъ на результатахъ научныхъ изслѣдованій: одинъ предпочитаетъ заниматься при свѣчахъ, «потому что отъ керосиновой лампы глаза болятъ»; другой отдаетъ преимущество свѣтильному газу, «такъ какъ ему, дескать, нужно много свѣта»; третій работаетъ при керосиновой лампѣ, «потому что газъ и свѣчи портятъ воздухъ», и т. д.

Всѣ матеріалы, служащіе для освѣщенія (мы исключаемъ пока электричество), *поглощаютъ изъ воздуха кислородъ и передаютъ ему углекислоту и водяной паръ*—единственные продукты, которые отъ нихъ получаются при полномъ сгораніи. Чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о томъ, насколько искусственное освѣщеніе можетъ повліять на составъ воздуха замкнутыхъ помѣщеній, скажемъ, что при горѣніи 12 стеариновыхъ свѣчей, равняющихся, по силѣ свѣта, обыкновенной керосиновой или газовой лампѣ, поглощается изъ воздуха кислорода и выдѣляется углекислоты приблизительно столько, сколько могли бы поглощать кислорода и выдѣлять углекислоты въ то же время 7—8 взрослыхъ людей; количество же водяного пара, выдѣляемаго свѣчами, равняется тому количеству его, которое получалось бы отъ присутствія 4-хъ человѣкъ. Керосиновая или газовая лампа, при той же силѣ свѣта, измѣняетъ составъ воздуха значительно меньше, чѣмъ стеариновыя свѣчи. Уже отсюда можно заключить, *что поглощеніе кислорода при горѣніи освѣтительныхъ матеріаловъ, какъ слишкомъ ничтожное и легко вознаградимое самымъ минимальнымъ и вездѣ существующимъ естественнымъ воздухообмѣномъ, не можетъ имѣть никакого санитарнаго значенія.* Что же касается количествъ, выдѣляемыхъ приборами искусственнаго освѣщенія *водяного пара и углекислоты, то они довольно значительны и могутъ, при отсутствіи вентиляціи, замѣтно измѣнять составъ комнатнаго воздуха,* хотя, сами по себѣ, не придаютъ послѣднему никакихъ вредныхъ въ санитарномъ отношеніи свойствъ.

Вообще порча воздуха тутъ обусловливается не столько полнымъ сгораніемъ освѣтительныхъ матеріаловъ, сколько *тѣми веществами, которыя образуются при неполномъ сгораніи ихъ.* Совершенное сгораніе освѣтительныхъ матеріаловъ происходитъ только при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, т. е. когда само пламя имѣетъ надлежащую температуру и когда существуетъ обильный, но не чрезмѣрный (черезчуръ охлаждающій пламя) притокъ воздуха; тамъ же, гдѣ эти условія почему-либо не даны въ должной степени, образуются распространяющіе дурной запахъ продукты несовершеннаго сгоранія. Всякому извѣстно, что, если въ комнатѣ продолжительное время горитъ нѣсколько стеариновыхъ свѣчей, комнатный воздухъ пріобрѣтаетъ замѣтный, весьма непріятный запахъ. Онъ вызывается тѣмъ, что, при обыкновенныхъ условіяхъ, температура пламени стеариновой (а тѣмъ болѣе сальной) свѣчи не достаточна для превращенія всего матеріала въ углекислоту и воду, и чрезвычайно усиливается при небрежномъ тушеніи свѣчи, когда свѣтильня еще тлѣетъ и, вслѣдствіе этого, въ теченіе нѣкотораго времени еще происходитъ неполное сгораніе оставшагося въ ней матеріала. Пламя керосиновой лампы, пока оно не покрыто стекломъ, горитъ тускло, даетъ большую копоть и распространяетъ весьма дурной запахъ, потому что при этихъ условіяхъ оно имѣетъ черезчуръ низкую температуру и матеріалъ сгораетъ далеко не полно. Стеклянный же цилиндръ сразу измѣняетъ картину — пламя становится свѣтлымъ, получаетъ болѣе бѣлый цвѣтъ и не издаетъ никакого дурного запаха. Этотъ результатъ достигается регулированіемъ притока воздуха и повышеніемъ температуры пламени при помощи стекла. Вообще изобрѣтеніе ламповаго стекла было большимъ шагомъ впередъ. Теперь мы и понимаемъ, почему масляная или керосиновая лампа пахнетъ дурно, если мы черезчуръ уменьшаемъ или, съ другой стороны, чрезмѣрно увеличиваемъ пламя: въ томъ и въ другомъ случаѣ нарушается благопріятное для полнаго сгоранія масла или керосина соотношеніе между количествомъ сгорающаго ма-

теріала, температурой пламени и притокомъ воздуха, благодаря чему получается много продуктовъ несовершеннаго сгоранія.

Непріятныя или вредныя свойства сообщаются комнатному воздуху при искусственномъ освѣщеніи и вслѣдствіе того, *что освѣтительные матеріалы не всегда обладаютъ надлежащей чистотой.* Минеральное масло, изъ котораго, путемъ перегонки, получается керосинъ, нерѣдко содержитъ красящія, смолистыя, дурно-пахнущія вещества или сѣрнистыя соединенія, которыя при нагрѣваніи масла даютъ не только весьма непріятныя, но даже опасныя испаренія. Эти примѣси могутъ быть удаляемы изъ керосина лишь путемъ обработки его сѣрной кислотой и натронной щелочью, съ послѣдовательной промывкой водой. Если же керосинъ недостаточно промывается, то при горѣніи въ лампахъ изъ него выдѣляются пары *сѣрнистой кислоты*, оказывающіе весьма вредное вліяніе на комнатныя растенія, на мебель и на людей. На животный организмъ сѣрнистая кислота дѣйствуетъ какъ ядъ; кролики и морскія свинки умираютъ черезъ нѣсколько часовъ, если воздухъ содержитъ ничтожныя количества (0,27°) сѣрнистой кислоты. Недостаточно чистый свѣтильный газъ также содержитъ сѣрнистыя соединенія. При употребленіи такого свѣтильнаго газа (а также и плохо очищеннаго керосина) ламповые цилиндры, оконныя стекла и металлическіе предметы въ скоромъ времени покрываются бѣлымъ налетомъ, состоящимъ изъ сѣрнокислаго аммонія. Надлежащее очищеніе свѣтильнаго газа является, слѣдовательно, настоятельной необходимостью съ санитарной точки зрѣнія. Если свѣтильный газъ вступаетъ въ жилое помѣщеніе изъ незакрытаго крана или изъ какой-нибудь трещины въ домовомъ газопроводѣ, то характерный запахъ его немедленно заставляетъ обывателей отыскивать мѣсто истеченія газа и принимать соотвѣтственныя мѣры. Если же газъ выходитъ изъ случайно лопнувшей подземной трубы и проникаетъ въ жилое помѣщеніе черезъ почву, то онъ, на своемъ пути, отъ прикосновенія съ землей, лишается тѣхъ составныхъ частей, которыми обусловливается характерный запахъ его, тогда какъ ядовитыя свойства его не теряются. Такимъ образомъ могутъ происходить совершенно загадочныя на первый взглядъ отравленія свѣтильнымъ газомъ даже въ такихъ домахъ, гдѣ не существуетъ никакого газопровода, а потому понятно, что неоднократно подобныя отравленія принимались не только окружающими больного лицами, но и врачами, за тифозныя заболѣванія.

Электрическій свѣтъ, въ отношеніи порчи воздуха, имѣетъ значительное преимущество передъ другими способами искусственнаго освѣщенія. Въ большихъ электрическихъ фонаряхъ, вслѣдствіе постепеннаго сгоранія угольныхъ электродовъ, образуется небольшое количество углекислоты, другихъ же продуктовъ, могущихъ портить воздухъ, свѣтовая дуга не даетъ. Что же касается лампочекъ накаливанія Свана или Эдисона, въ которыхъ свѣтъ получается отъ накаливанія электрическимъ токомъ заключеннаго въ безвоздушное пространство (стеклянный шарикъ или колпачокъ) нитеобразнаго уголька (хлопчатая бумага, бамбукъ), то здѣсь выдѣленіе свѣтящимся приборомъ какихъ-либо постороннихъ веществъ вообще немыслимо. Понятно, поэтому, что въ освѣщаемыхъ электричествомъ театрахъ, концертныхъ залахъ и тому подобныхъ помѣщеніяхъ воздухъ содержитъ значительно меньше углекислоты и водяныхъ паровъ, чѣмъ при газовомъ освѣщеніи.

Искусственное освѣщеніе измѣняетъ не только химическій составъ воздуха (въ указанныхъ выше предѣлахъ), но оказываетъ извѣстное вліяніе и на *температуру* его. Это обстоятельство заслуживаетъ нѣкотораго вниманія съ санитарной точки зрѣнія, въ особенности когда рѣчь идетъ о выборѣ способа освѣщенія для такихъ помѣщеній, въ которыхъ производятся письменныя или другія подобныя же работы, или гдѣ временно собирается много публики, которая уже сама по себѣ содѣйствуетъ повышенію температуры. Всякому приходилось испытать на себѣ непріятныя послѣдствія сильнаго нагрѣванія головы находящеюся на близкомъ разстояніи керосиновой или газовой лампой; они выражаются въ субъективномъ ощущеніи полнокровія въ глазахъ—тяжести вѣкъ, сухости ихъ и т. д. Если такое раздраженіе долго продолжается или часто повторяется, то оно можетъ дать поводъ къ развитію воспалительнаго состоянія вѣкъ; кромѣ того сильное нагрѣваніе головы вызываетъ головныя боли, нерѣдко достигающія такой степени, что занятія приходится на время прекратить. Всѣ эти явленія происходятъ, съ одной стороны, отъ *повышенія температуры комнатнаго воздуха*, въ особенности въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лампой, а съ другой—отъ испускаемой пламенемъ *лучистой теплоты*, при чемъ главная часть тѣхъ непріятныхъ ощущеній, которыя намъ причиняются находящимися на близкомъ разстояніи сильными источниками свѣта, приходится на долю именно лучистой теплоты. Увеличеніе разстоянія между головой работающаго и источникомъ свѣта,

стеклянные контръ-абажуры, двойные ламповые цилиндры до извѣстной степени устраняютъ неудобства, обусловливаемыя лучистой теплотой. Но лучше всего чрезмѣрное повышенiе температуры и сильное теплоизлученiе устраняются *замѣной другихъ источниковъ искусственнаго освѣщенiя электричествомъ.* Если въ настоящее время мы сравнительно свободно дышимъ въ театрахъ и концертныхъ залахъ, продолжительное пребыванiе въ которыхъ прежде бывало подчасъ невыносимо, то мы этимъ обязаны, въ значительной степени, электрическому освѣщенiю этихъ помѣщенiй (на ряду съ улучшенiемъ ихъ вентиляцiи): и если мы на томъ же разстоянiи отъ нашей головы, на которомъ прежде находилась надоѣдающая намъ своей теплотой керосиновая или газовая лампа, поставимъ электрическую лампочку накаливанiя, то мы значительно уменьшимъ доходящую до насъ лучистую теплоту и будемъ въ состоянiи заниматься безъ всякихъ мучительныхъ ощущенiй.

Слишкомъ яркое искусственное освѣщенiе можетъ быть *вредно для глазъ*, въ особенности въ такомъ случаѣ, если по той или другой причинѣ часто приходится смотрѣть въ самый источникъ свѣта. У древнихъ народовъ существовалъ, между прочимъ, такой способъ ослѣпленiя, при которомъ передъ глазами устанавливался раскаленный металлическiй тазъ. У лицъ, пристально слѣдившихъ за затменiями солнца безъ чернаго стекла, неоднократно наблюдались значительныя болѣзненныя измѣненiя въ глазахъ, съ пониженiемъ остроты зрѣнiя. По наблюденiямъ на животныхъ, подъ влiянiемъ непосредственнаго солнечнаго свѣта происходитъ разрушенiе воспринимающихъ свѣтъ элементовъ въ сѣтчатой оболочкѣ глаза. Особенная тупость этихъ элементовъ развивается иногда у людей, которымъ приходится долго смотрѣть на блестящiя поверхности (снѣжныя поля, ледники и проч.), или прямо въ огонь, или на раскаленные предметы (при извѣстныхъ профессiональныхъ занятiяхъ—истопники, рабочiе на желѣзодѣлательныхъ заводахъ и рабочiе, выдувающiе стекла). Вообще, такъ-называемый «блескъ» сильно освѣщенныхъ или раскаленныхъ предметовъ или пламени, т. е. то количество свѣта, которое получается съ единицы плоскости свѣтящагося предмета, въ значительной степени опредѣляетъ вредъ, наносимый глазамъ яркимъ свѣтомъ, и такъ какъ электрическiя лампы, даже лампочки накаливанiя, обладаютъ гораздо большимъ блескомъ, чѣмъ всѣ другiе источники свѣта (такъ какъ здѣсь небольшая поверхность издаетъ огромное количество свѣта), то понятно, что электрическiй свѣтъ сильно ослѣпляетъ, и что тамъ, гдѣ источникъ свѣта находится на близкомъ разстоянiи отъ глазъ, необходимо смягчать и ослаблять свѣтъ стеклами или контръ-абажурами изъ матоваго или молочнаго стекла, задерживающими, смотря по качеству и конструкцiи, 25—60 процентовъ свѣта. Даже при сильныхъ керосиновыхъ или газовыхъ лампахъ требуется извѣстная защита для глазъ, и для этой цѣли съ удобствомъ можно пользоваться синеватыми или, еще лучше, желтоватыми стеклянными цилиндрами, замѣняя ими обыкновенные цилиндры изъ безцвѣтнаго стекла.

Весьма непрiятное дѣйствiе на глаза производитъ всякое *мерцанiе* пламени, потому что при этомъ часто и быстро измѣняется напряженность свѣта и являются сильные контрасты, по отношенiю къ которымъ наши глаза весьма чувствительны. Всякое открытое пламя мерцаетъ, а потому приборы искусственнаго освѣщенiя всѣхъ помѣщенiй, въ которыхъ производятся работы, требующiя равномѣрнаго, спокойнаго свѣта, *должны быть снабжены горѣлками со стеклянными цилиндрами.* Встрѣчаемое иногда еще и до сихъ поръ освѣщенiе классныхъ комнатъ газовыми горѣлками безъ стекла должно признать чрезвычайно вреднымъ для глазъ учащихся; въ этомъ отношенiи банкирскiя и другiя промышленныя конторы далеко опередили школу, потому что тамъ уже давно нигдѣ не встрѣчается газовыхъ рожковъ безъ цилиндровъ.

Весьма важное значенiе при искусственномъ освѣщенiи извѣстныхъ помѣщенiй — школъ, мастерскихъ и т. под.—имѣетъ *правильное распредѣленiе свѣта.* Не трудно представить себѣ такiя условiя, при которыхъ помѣщенiе, само по себѣ, можетъ быть освѣщено очень хорошо и пользоваться массой свѣта, а между тѣмъ мелкiя работы въ немъ становятся подчасъ затруднительными, потому что какъ разъ на то мѣсто, гдѣ онѣ должны происходить, ложится болѣе или менѣе густая тѣнь отъ той или другой части тѣла работающаго или отъ какихъ-нибудь постороннихъ предметовъ. Эти условiя встрѣчаются, между прочимъ, *въ школѣ*, тамъ, гдѣ дѣти, при искусственномъ освѣщенiи, занимаются письменными работами. Выше мы видѣли, что правильное дневное освѣщенiе классныхъ комнатъ достигается только въ такомъ случаѣ, если свѣтъ падаетъ на парты исключительно слѣва (или сверху). При искусственномъ освѣщенiи установить такое распредѣленiе свѣта нельзя и нѣтъ возможности—какъ бы ни развѣшивались лампы—устроить такъ, чтобы каждый ученикъ, во

время письма, получалъ свѣтъ исключительно съ лѣвой стороны. Въ силу этого обстоятельства, на тетрадяхъ являются весьма непріятныя тѣни, бросаемыя то правой рукой пишущаго ученика, то его головой, то туловищемъ сосѣда. Другими словами, и въ хорошо и даже ярко освѣщенной классной комнатѣ является *относительный* недостатокъ свѣта на тетрадяхъ пишущихъ учениковъ, при чемъ именно то мѣсто тетради, гдѣ они должны писать, сильно затемняется (на 70—80 процентовъ и больше). Вслѣдствіе этого, дѣти оказываются вынужденными сильно нагибать голову впередъ для того, чтобы приближать глаза къ тетради, и это обстоятельство даетъ поводъ, съ одной стороны, къ развитію близорукости, а съ другой—къ неестественному, кривому положенію тѣла при письмѣ, со всѣми его дурными послѣдствіями для дѣтскаго организма. Единственное средство для устраненія этихъ тѣней заключается въ томъ, *что каждому ученику даютъ отдѣльную лампочку*, укрѣпляя ее съ лѣвой стороны учащагося и спереди и снабжая ее конусообразнымъ абажуромъ, бросающимъ свѣтъ только на парту и именно на ученическую тетрадь. Но этотъ способъ, конечно, возможенъ только при электрическомъ освѣщеніи и обходится дорого, такъ что можетъ имѣть лишь очень ограниченное примѣненіе. Другое средство для избѣжанія тѣней при письмѣ въ учебныхъ заведеніяхъ состоитъ въ замѣнѣ обычнаго способа ихъ освѣщенія «прямымъ» свѣтомъ, такъ-называемымъ, *разсѣяннымъ* свѣтомъ. Такой свѣтъ получается, если при помощи большихъ *непрозрачныхъ* контръ-абажуровъ, расположенныхъ подъ лампами, и поднятіемъ послѣднихъ на значительную высоту надъ партами, скрыть отъ глазъ учащихся источники свѣта. При этомъ весь свѣтъ бросается рефлекторами кверху, и если потолокъ и верхняя часть стѣнъ окрашены въ бѣлый, матовый цвѣтъ, то получается неправильно отраженный, разсѣянный свѣтъ, распространяющійся равномѣрно по всему помѣщенію. Опытъ показываетъ, что при такихъ условіяхъ, если только число лампъ достаточно, можно получить вполнѣ удовлетворительное освѣщеніе при почти совершенномъ отсутствіи тѣней. Вообще этотъ разсѣянный свѣтъ отличается чрезвычайной мягкостью и отсутствіемъ рѣзкихъ контрастовъ и потому для глазъ очень пріятенъ. Правда, этотъ способъ освѣщенія сопряженъ съ значительной потерей свѣта (40—50 процентовъ), и потому требуется довольно большое количество лампъ. Но если принять во вниманіе, что здѣсь получается результатъ, почти недостижимый при освѣщеніи прямымъ свѣтомъ, то окажется, что расходъ на нѣсколько лампъ сторицей окупается той выгодой, которая взамѣнъ его получается для здоровья дѣтей. Во избѣжаніе большой потери свѣта при совершенно непрозрачныхъ контръ-абажурахъ, была сдѣлана попытка замѣнить послѣдніе рефлекторами изъ *полупрозрачнаго* стекла, при чемъ получается смѣсь прямого свѣта съ разсѣяннымъ; но такое сочетаніе едва ли можетъ быть признано удобнымъ, такъ какъ при немъ немедленно же обнаруживаются недостатки прямого свѣта, т. е. образованіе тѣней. Пожелаемъ же всѣмъ учащимся, глаза которыхъ въ настоящее время страдаютъ отъ неудовлетворительности дневного и искусственнаго освѣщенія классныхъ помѣщеній, чтобы этотъ вопросъ не только въ теоріи, но и на практикѣ былъ по возможности скорѣе рѣшенъ согласно разумнымъ требованіямъ школьной гигіены.

(Продолженіе будетъ.)

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки **Р. И. Сементковскаго.**

Что̀ за поэтическое произведеніе этотъ *Потонувшій колоколъ* молодого нѣмецкаго драматурга, г. Гауптмана! Нельзя не поблагодарить г. Буренина, что онъ, въ прекрасномъ переводѣ, познакомилъ съ нимъ русскую читающую публику (*Новое Время*, №№ 7491—7560).

Какъ и *Ганнеле* того же автора, *Потонувшій колоколъ*—сказка-драма. И дѣйствительно, въ ней много сказочнаго и фантастическаго... Мѣсто дѣйствія—гдѣ-то въ горахъ, между небомъ и землею; дѣйствующія лица—фея, вѣдьма, лѣшій, водяной, гномы, эльфы, словомъ,—сказочныя существа. Но въ этотъ міръ надземный врываются и простые смертные: литейщикъ-художникъ, его жена и дѣти, пасторъ, школьный учитель, даже цырюльникъ. Такимъ образомъ, уже изъ перечня дѣйствующихъ лицъ и мѣста дѣйствія драмы (одинъ изъ пяти ея актовъ происходитъ въ долинѣ, на землѣ) мы можемъ вывести заключеніе, что не все въ

ней фантастично,—другими словами, что основная идея драмы касается области, гдѣ сталкиваются и соприкасаются небесное и земное, идеальное и матеріальное.

Но остановимся сперва, для ясности, на сюжетѣ драмы. Литейщикъ Генрихъ отлилъ прекрасный колоколъ, который въ надгорной вышинѣ долженъ призывать людей къ молитвѣ и возвѣщать славу Божію. Но прекрасный колоколъ не удалось водворить на высотѣ. «Лѣшій попуталъ» не только въ фигуральномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ. При перевозкѣ колоколъ съ крутого обрыва повалился въ глубокое горное озеро и навсегда потонулъ въ немъ. Лѣшій разсказываетъ, что онъ сыгралъ эту шутку, чтобы подлое человѣческое отродье своимъ звономъ не нарушало тишины на высотѣ, гдѣ издавна царятъ духи. Между тѣмъ, Генрихъ такъ долго трудился надъ колоколомъ, онъ такъ жаждалъ, чтобы «колокола мѣдь звучала голосомъ небеснымъ

И сочеталась съ золотомъ лучей
Въ воскресный день сіяющаго солнца!
Достичь такого совершенства я
Не могъ, не могъ... и плакалъ я слезами
Кровавыми"...

Но не только созданію его рукъ не суждено было красоваться на высокой колокольнѣ и возвѣщать славу Божію, — самъ мастеръ, самъ художникъ при перевозкѣ колокола упалъ съ крутого утеса и лежитъ, не зная, живъ ли онъ или уже мертвъ. Его надежды не сбылись: погибъ колоколъ, погибло то, что его воодушевляло, къ чему онъ стремился, чѣмъ жилъ.

И когда онъ такъ лежитъ и молитъ судьбу, чтобы она любящею рукою освободила его отъ «этой жизни, отъ земли суровой, гдѣ пригвожденъ онъ будто на крестѣ», вдругъ появляется фея во образѣ прелестной дѣвушки, которую зовутъ Раутенделейнъ.

Не знаю, откуда пришла я,
И выросла, гдѣ я,
Не знаю, я—птичка лѣсная
Иль фея.
Но развѣ кто знаетъ,
Откуда цвѣтокъ, что кругомъ
Во мракѣ лѣсномъ
Ароматъ разливаетъ?

Жаль только, что это прелестное созданіе носитъ такое непоэтичное для русскаго уха имя, ничего не говорящее ни уму, ни сердцу. Вина тутъ не автора, а переводчика. По-нѣмецки Раутенделейнъ совмѣщаетъ въ себѣ и ароматъ полей и лѣсовъ (пахучей травы—Raute, нерѣдко воспѣваемой народной пѣснью), и образъ граціозной невинной дѣвушки (Mägdelein). По-русски же Раутенделейнъ ничего не выражаетъ. Это имя даже лишено звукоподражательнаго значенія, какъ великолѣпный возгласъ водяного дѣдушки: «кваракс, брекекекексъ», напоминающій и кваканье лягушки, и беззвучный, сухой плескъ разбивающейся о стѣнки колодца воды и представляющій по своей прозаичности такую рѣзкую противоположность съ сказкою г. Гауптмана. Переводъ г. Буренина въ общемъ такъ поэтиченъ и хорошъ, что чувствуется и малѣйшая задоринка. Если переводчикъ ввелъ уже въ свой переводъ чисто-русскіе образы, въ родѣ водяного, лѣшаго, если онъ часто прибѣгаетъ къ чисто-народнымъ русскимъ выраженіямъ, включительно до слова «али» вмѣсто «или», если онъ измѣряетъ пространство въ надземной вышинѣ, тамъ, гдѣ царятъ феи, гномы, эльфы, чисто-русскою мѣрою—верстами и саженями, то для художественнаго впечатлѣнія, мнѣ кажется, лучше было бы избѣжать ничего не говорящихъ русскому уму и чувству названій.

Вернемся, однако, къ изложенію сюжета драмы. Тщательнымъ уходомъ, а еще болѣе своимъ поэтическимъ обликомъ Раутенделейнъ воскрешаетъ полумертваго художника. Одно можетъ его только спасти:

Чтобъ жизнью жить—онъ долженъ возродиться
И вновь созрѣть, какъ зрѣетъ плодъ вторичный
Въ волшебной черной чашечкѣ цвѣтка;
Онъ долженъ вновь въ душѣ почуять силу
И мощь въ рукахъ, и къ творчеству порывъ
Неодолимый и безумный.

Этотъ порывъ внушаетъ ему Раутенделейнъ. Она обѣщаетъ ему угадывать, «гдѣ скрыты въ подземныхъ копяхъ яхонтъ и алмазъ, топазы, изумруды, аметисты». Она заявляетъ ему, что, когда она цѣлуетъ кому глаза, то тотъ ихъ открываетъ и видитъ «даль небесъ». И дѣйствительно, когда Раутенделейнъ цѣлуетъ ему глаза, онъ убѣждается, что былъ до сихъ поръ слѣпъ.

...Теперь я вижу свѣтъ.
Чѣмъ больше я тобою упиваюсь,
Тѣмъ больше постигаю я твой міръ,
Загадочное, чудное созданье.

И художникъ дѣйствительно снова видитъ, какъ «солнце льется къ нему въ окно и золотитъ его»; онъ вновь готовъ возстать для жизни

И снова въ путь идти, готовъ желать,
Надѣяться, стремиться и опять
Творить, творить...

Такимъ образомъ, художникъ возрождается для новой жизни, для новаго творчества. Кто же это загадочное созданіе, которое совершаетъ это чудо возрожденія, кто эта маленькая прелестная фея, которая то зла, то добра, какъ вздумается, которая манитъ его въ горы, обѣщая смотрѣть ему въ глаза

и предупреждать всѣ его желанія? Въ самомъ ли дѣлѣ это сказочное существо или нѣчто болѣе осязательное, реальное? Какая сила вдохновляетъ художника, придаетъ ему бодрость, заставляетъ его творить даже тогда, когда тѣло его немощно, и постоянно возрождаетъ его къ новой жизни? Отвѣтить на этотъ вопросъ—значитъ и прибрать истинное названіе для сказочной Раутенделейнъ. Эта сила—фантазія и сопутствующее ей вдохновеніе. И дѣйствительно, весь дальнѣйшій сюжетъ драматизированной сказки г. Гауптмана убѣдитъ насъ, что его сказочная фея не что иное, какъ фантазія. Стоило художнику прикоснуться къ этой силѣ, какъ въ немъ зародился новый художественный замыселъ, на этотъ разъ несравненно грандіознѣе перваго. Онъ отольетъ дивный колоколъ, какого доселѣ еще не отливалъ никто. Этотъ колоколъ будетъ обладать мощной силой звона, гудящаго, какъ громъ небесъ весной,

Когда онъ яростно гремитъ и нивы,
И села потрясаетъ. Будто гулъ
Трубы архангела заставитъ смолкнуть
Онъ всѣхъ церквей колокола, и вѣсть
Онъ принесетъ ликующую міру
О новой свѣтлой жизни на землѣ.

Художникъ вѣритъ, что «настанетъ день' когда изъ мраморныхъ чертоговъ храма' имъ созданнаго, благовѣстъ святой раздастся съ высоты, и разорвется завѣса тучъ, висѣвшая надъ нами всю зиму долгую». Колоколъ запоетъ забытый, дивный гимнъ, «пѣснь родины, пѣснь золотого дѣтства, пѣснь сладкую любви», «знакомую пѣснь и все жъ еще не слыханную въ мірѣ». Когда раздастся эта пѣснь, у всѣхъ въ груди растаетъ ледъ и ярости, и горя, и ненависти, и безумныхъ мукъ... И всѣ тогда съ слезами ликованья преклонятся передъ крестомъ, и Онъ,

Христосъ распятый, вознесенный вновь
Освобождающею силой солнца,
Въ его лучахъ небесныхъ засіяетъ,
Улыбкой Божьей озаряя землю.

Вотъ какою смѣлою мечтою задался художникъ, полюбивъ Раутенделейнъ и пользуясь ея взаимностью. Закипѣла работа въ горахъ, художникъ создаетъ на страшной высотѣ «храмъ изъ мраморныхъ чертоговъ». Всѣ духи, по приказанію волшебницы-феи, служатъ ему безпрекословно, и сооруженіе храма быстро двигается впередъ. Только старый водяной изъ глубины колодца повторяетъ свое прозаическое: «кваракcъ, брекекекексъ». Онъ подсмѣивается надъ людьми.

...Ихъ корень
Въ землѣ растетъ, а между тѣмъ они
Его оттуда сами вырываютъ
И къ небу тянутся, а неба свѣтъ
Не могутъ вынести и увядаютъ.

Брекекекексъ! Этотъ зловѣщій возгласъ, раздающійся изъ глубины колодца, оказывается пророческимъ. Художникъ, при помощи волшебницы-феи и послушныхъ ей духовъ, съ лихорадочною поспѣшностью воздвигаетъ свой величественный храмъ, съ высоты котораго колоколъ долженъ возвѣстить новый день, разрывающій завѣсу тучъ, висѣвшую надъ человѣчествомъ цѣлые вѣка. Остается только водворить на мѣсто дивный колоколъ, и это чудо художественнаго творчества возвѣститъ людямъ, что пришелъ каменщикъ, который разрушилъ «крѣпкую плотину, загораживающую ихъ отъ волнъ живыхъ и благодатныхъ райскаго потока».

Но тутъ происходитъ нѣчто необычайное: еще новый дивный колоколъ не водворенъ на мѣсто, какъ вдругъ въ глубинѣ озера прозвенѣлъ старый потонувшій колоколъ

и гулъ его громовый
Раздался, будто львицы грозный ревъ,
И, оглашая горы и ущелья,
Взывалъ онъ къ мастеру. Я видѣлъ ликъ
Утопленицы, страшный, съ волосами,
Прилипшими на черепѣ. Когда
Костлявые ея касались пальцы
Къ дрожащему металлу,—онъ гудѣлъ
Съ двойною силою. Я старъ годами,
Видалъ я много на своемъ вѣку,
Но волосы мои сѣдые дыбомъ
Отъ страха поднялись.

Кто же эта страшная утопленица, которая заставила заговорить старый потонувшій колоколъ и наполнила душу художника ужасомъ? Онъ разстался съ нею, когда его соблазнила своею дивною красотою фея Раутенделейнъ. Для этой феи онъ забылъ о землѣ и о томъ, что̀ его связывало съ нею неразрывными узами. Когда онъ возгордился своимъ твореніемъ, когда оно уже почти было окончено, къ нему явились его покинутыя дѣти съ поклономъ отъ матери. А мать вслѣдъ затѣмъ, съ отчаянія, наложила на себя руки и уже лежала въ глубинѣ озера. Она-то и ударила въ потонувшій колоколъ.

Раскаяніе овладѣло художникомъ. Онъ уходитъ отъ феи, бросаетъ ее, чтобы вернуться на землю, но тамъ семьи его уже нѣтъ, тамъ люди его встрѣчаютъ проклятіями и грозятъ его убить; тамъ ему уже мѣста нѣтъ. Онъ возвращается въ горы къ Раутенделейнъ. Но что̀ фантазія, что̀ воодушевленіе, когда уже нѣтъ творящаго художника: Раутенделейнъ сдѣлалась жертвою водяного съ его зловѣщимъ: «брекекекексъ». А что̀ художникъ безъ творческой фантазіи! Онъ обреченъ на вѣрную гибель, онъ болѣе не живетъ, онъ—трупъ. И Раутенделейнъ оказываетъ ему послѣднюю услугу: послѣднимъ поцѣлуемъ даетъ ему смерть. Заря

занимается, солнце восходитъ, но для художника наступаетъ «долгая ночь». Онъ слишкомъ возгордился: онъ пожелалъ, какъ говоритъ водяной, властвовать надъ Богомъ и надъ людьми, но тотъ, кто «взлетѣлъ въ горнюю область свѣта и упалъ, тотъ долженъ разбиться», слишкомъ тяжело то, что тянетъ людей къ землѣ, и люди слишкомъ сильны,— вѣщаетъ старая вѣдьма, и авторъ своимъ произведеніемъ краснорѣчиво подтверждаетъ ея слова.

Глубокою грустью, безнадежнымъ чувствомъ, почти отчаяніемъ проникнуто новѣйшее произведеніе талантливаго нѣмецкаго драматурга. Все въ его сказкѣ символично. Вся она, съ начала до конца—аллегорія. Но эта аллегорія, эти символы не имѣютъ ничего общаго съ тою символическою поэзіею, родиною которой является падкая на все модное Франція. Символизмъ г. Гауптмана напоминаетъ намъ символизмъ великихъ художниковъ слова, напоминаетъ намъ Шиллера съ его *Колоколомъ*. Мнѣ даже кажется, что тотъ колоколъ, который потонулъ въ глубинѣ горнаго озера, есть именно колоколъ Шиллера.

Спрашивается, однако, почему современный поэтъ счелъ нужнымъ потопить твореніе своего геніальнаго предшественника? Почти столѣтіе раздѣляетъ эти два художественныя произведенія. *Колоколъ* Шиллера появился въ исходѣ прошлаго столѣтія; *Потонувшій колоколъ* г. Гауптмана — въ исходѣ переживаемаго нами. Тогда, сто лѣтъ тому назадъ, люди вѣрили, надѣялись; теперь преобладающею нотою въ поэзіи является пессимизмъ, отчаяніе; тогда на колоколѣ красовалась гордая надпись: «живущихъ призываю, мертвыхъ оплакиваю, надъ молніей властвую», и съ высоты, соприкасаясь съ міромъ звѣздъ и съ громомъ, колеблясь въ небесной выси надъ низменною земною жизнью, онъ возвѣщалъ людямъ радость и миръ; теперь онъ покоится глубоко подъ водою, и только погибшіе ударяютъ въ него, чтобы напомнить, что человѣкъ не долженъ возноситься, надѣяться, вѣрить, что онъ прикованъ къ земной жизни и не въ состояніи отрѣшиться отъ ея тяготы. Во времена Шиллера поэтъ не страшился вдохновенія, онъ пѣлъ радостные гимны фантазіи; теперь фантазія окрыляетъ поэта, только чтобы его погубить. Водяной правъ, говоря, что «люди къ небу тянутся, а неба свѣтъ не могутъ вынести и увядаютъ». Миновала, повидимому, поэзія Гёте, который умѣлъ возвысить землю до небесъ, миновала и поэзія Шиллера, который умѣлъ освѣтить землю сіяніемъ, заимствованнымъ съ неба. Теперь поэты не въ состояніи примирить земное и небесное: земная жизнь представляется имъ чѣмъ-то безотраднымъ, и они чувствуютъ полное свое безсиліе приблизить ее къ небу или освѣтить ее небеснымъ свѣтомъ.

Намъ не зачѣмъ подчеркивать это печальное явленіе; оно общеизвѣстно. Г. Гауптманъ является только однимъ изъ яркихъ и богато одаренныхъ представителей давно уже господствующей поэзіи пессимизма, и онъ отличается отъ другихъ поэтовъ міровой скорби только тѣмъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ своихъ произведеніяхъ рѣзко указалъ на соціальный вопросъ, какъ на источникъ овладѣвшаго поэтами безнадежнаго чувства, граничащаго съ отчаяніемъ. Но въ отличіе отъ прежнихъ своихъ произведеній: *Ткачей*, *Ганнеле*, онъ въ *Потонувшемъ колоколѣ* какъ бы покидаетъ избранную имъ почву, и основною причиною пессимизма выставляетъ уже не соціальный вопросъ, не бѣдствія одного общественнаго класса, а условія, въ которыя поставленъ человѣкъ вообще. Жизнь для высшихъ благъ, любви, красоты невозможна, потому что мы скованы цѣпями земного существованія: нельзя вознестись къ небу, въ царство красоты, потому что земное приковываетъ насъ къ низменнымъ интересамъ, потому что у человѣка, при нынѣшнихъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, нѣтъ возможности жить для высшихъ благъ.

Чтобы полнѣе оцѣнить основную мысль г. Гауптмана, перенесемъ весь вопросъ на русскую почву. Это тѣмъ болѣе удобно, что г. Боборыкинъ въ новѣйшемъ своемъ произведеніи, романѣ: *По-другому* (*Вѣстн. Евр.*, № 1—4), развиваетъ буквально ту же мысль, которая лежитъ и въ основаніи *Потонувшаго колокола* нѣмецкаго драматурга. Главная героиня этого романа, г-жа Студенцова,— представительница новаго теченія въ искусствѣ и жизни. Она хочетъ жить по-другому, не такъ, какъ до сихъ поръ жили русскіе люди: новы ея идеалы, новы ея стремленія. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы одна г-жа Студенцова въ романѣ нашего беллетриста хотѣла жить по-другому: другіе герои романа также новые люди, въ томъ числѣ Шемадуровъ, русскій неомарксистъ, представитель новѣйшей школы экономическаго матеріализма, человѣкъ, какъ всѣ неомарксисты, возводящій въ теорію и подкрѣпляющій мнимо-научными аргументами краткій принципъ Лѣсковскаго Шерамура: «жрать». Можетъ-быть, г. Боборыкинъ поэтому и назвалъ этого своего героя Шемадуровымъ, именемъ, очень напоминающимъ по созвучію Шерамура. Другой новый человѣкъ, желающій жить по-другому, это—Анемоновъ, пред-

ставитель символизма и декадентства, модный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ: и по своимъ литературнымъ вкусамъ, и по своимъ манерамъ, и по костюму. Однако, какъ и Шемадуровъ, умѣющій отлично устраиваться въ жизни, Анемоновъ—искатель чистой красоты въ современномъ вкусѣ, практикъ и дѣлецъ. По-другому хочетъ, повидимому, жить и Шпандинъ—прямая противоположность Анемонова въ теоретическомъ отношеніи, потому что онъ полагаетъ весь смыслъ жизни въ физической сторонѣ нашего существованія, хотя и принадлежитъ къ совершенно другому типу, чѣмъ Шемадуровъ. Въ отличіе отъ послѣдняго, онъ теоріею нисколько не интересуется: онъ живетъ исключительно для тѣла, развиваетъ свою мускульную силу до того, что успѣшно можетъ помѣряться силами съ профессіональными борцами, и всячески заботится о своемъ обогащеніи, хотя бы при помощи биржевой игры, чтобы доставить себѣ въ жизни возможно больше физическихъ наслажденій.

Но ко всѣмъ этимъ новымъ людямъ авторъ относится несомнѣнно иронически: онъ отмѣчаетъ ихъ нарожденіе, очевидно не вѣря въ искренность ихъ убѣжденій или считая ихъ слишкомъ ничтожными, чтобы много ими заниматься. Совершенно другое приходится сказать о главной героинѣ романа, Евгеніи Андреевнѣ Студенцовой. Она составляетъ центральную фигуру, которую авторъ рисуетъ намъ любовно, и, при свойственномъ ему мастерствѣ, получается личность очень рельефная, можетъ-быть, не столько въ психологическомъ, сколько въ идейномъ отношеніи, потому что авторъ освѣщаетъ преимущественно свою героиню съ этой стороны и выводитъ другихъ главныхъ своихъ героевъ съ очевиднымъ намѣреніемъ полнѣе очертить именно умственную жизнь, идеалы, взгляды Студенцовой. Таковъ извѣстный беллетристъ шестидесятыхъ годовъ Токаревъ и тоже не безызвѣстный писатель семидесятыхъ годовъ Разсудинъ. Авторъ раскрываетъ намъ ихъ душу, чтобы лучше оттѣнить различіе между старыми идеалами и новыми, насколько послѣдніе проявляются въ такихъ несомнѣнно цѣльныхъ и убѣжденныхъ натурахъ, какова его главная героиня.

Вопросъ, затронутый г. Боборыкинымъ, заслуживаетъ въ высокой мѣрѣ вниманія. Героиня его романа почти буквально проповѣдуетъ, и не только проповѣдуетъ, но старается осуществить съ полною послѣдовательностью въ жизни ту основную идею, которою проникнуто новѣйшее произведеніе г. Гауптмана. Такимъ образомъ, оцѣнивая міросозерцаніе новой русской женщины, Евгеніи Андреевны Студенцовой, мы въ то же время составимъ себѣ болѣе ясное представленіе и о томъ, что хочетъ намъ сказать своимъ «потонувшимъ колоколомъ» даровитый нѣмецкій драматургъ. Тутъ рѣчь идетъ уже не о модномъ вѣяніи, какъ его ни назвать—символизмомъ или декадентствомъ, а о цѣломъ новомъ міросозерцаніи. Быть-можетъ, на повѣрку окажется, что какъ все человѣческое, оно, по существу, далеко не ново, но, по крайней мѣрѣ, выражается теперь въ новой формѣ.

Чѣмъ до сихъ поръ жили лучшіе русскіе люди, въ какое положеніе ихъ ни ставила судьба или собственный выборъ? Что ихъ, воодушевляло, къ чему они стремились находясь на государственной или общественной службѣ, служа родинѣ на поляхъ битвы, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ кабинетѣ ученаго или писателя? Они, можетъ-быть, часто, по слабости, свойственной человѣку. руководствовались эгоистическими мотивами, но не къ удовлетворенію своей личности рвалась ихъ душа: они хотѣли приносить пользу ближнему, родинѣ, отечеству. Основной принципъ ихъ помысловъ и дѣйствій былъ въ высокой мѣрѣ альтруистическій, и никогда еще лучшіе русскіе люди не рѣшались признать безъ фразъ, оговорокъ, прямодушно и откровенно, что они живутъ исключительно для себя. Послушаемъ теперь, что говоритъ новая русская женщина, человѣкъ несомнѣнно хорошій и имѣющій смѣлость называть вещи ихъ настоящимъ именемъ. Мы приведемъ подлинныя ея слова изъ разныхъ мѣстъ романа, чтобы составить себѣ ясное представленіе объ ея міросозерцаніи: «Не того жаждутъ теперь самые чуткіе люди—мужчины и женщины—и вездѣ, вездѣ. Нужды нѣтъ, что нѣкоторые ударились въ разныя крайности и —на иной взглядъ—юродствуютъ или озорничаютъ. Нужды нѣтъ. Подо всѣмъ этимъ кроется голодъ души. Хочется взлетѣть какъ можно выше. (Буквально то же говоритъ и Генрихъ у г. Гауптмана). Хочется схватывать въ жизни природы, въ своемъ сердцѣ, въ мозгу, въ страсти, даже въ нервахъ, въ преступленіи, во всемъ, во всемъ то, что даетъ трепетъ и восторгъ, еще не испытанный доселѣ... Мнѣ никогда не бываетъ такъ хорошо, какъ въ минуты, правда, очень рѣдкихъ галлюцинацій»... «Все, что изящно, только терпится. Подъ всѣмъ вы чувствуете что-то «нудное». Разговоры вертятся около всякаго дѣлового или тщеславнаго вздора, или въ нихъ звучитъ нота вины передъ «народомъ». Народъ, народъ! Какъ будто нѣтъ нигдѣ въ остальной Европѣ мужиковъ, мастеровыхъ, солдатъ, матросовъ, поденщи-

ковъ. Но и тамъ одни бьются изъ-за заработной платы, а другіе уходятъ въ науку, ищутъ красоты, поэзіи, радуются, дышатъ полною грудью. Не стыдятся того, что они выше всего ставятъ чисто духовную жизнь, безсмертную и вѣчную, жизнь мыслителей и вдохновенныхъ творцовъ». Когда ей указываютъ на хорошую русскую женщину въ старомъ вкусѣ, Студенцова говоритъ: «Она ужасно русская—это правда. На брата она молится. Она хранитъ завѣты его поколѣнія. Все это такъ. Но сколько же есть вещей для меня драгоцѣнныхъ, которыя для нея—только дилетантство, эгоизмъ, презрѣнное барство, измѣна дѣлу, тому дѣлу, изъ-за котораго ея братъ, не добившись ничего, превратился въ неврастеника?» (Рѣчь идетъ о представителѣ 70-хъ годовъ, писателѣ Разсудинѣ, сосланномъ за политическую неблагонадежность). «Свое счастье я не промѣняю ни на что. Мнѣ жалки всѣ тѣ барыньки и бабенки, которыя полагаютъ его... вы знаете сами — въ чемъ. У меня его никто и никогда не отниметъ. Для него надо только немножко здоровья и хоть какой-нибудь достатокъ». На вопросъ же: а когда этого достатка нѣтъ,—Студенцова отвѣчаетъ: «Когда его нѣтъ, тогда... тогда надо ставить другой вопросъ: стòитъ ли жить въ рабствѣ передъ всѣмъ, что само по себѣ не стòитъ жизни». Приведемъ еще нѣсколько афоризмовъ Студенцовой: «Какъ бы ни было тяжело на свѣтѣ, но потерю свободы, самой безусловной и безпредѣльной, не можетъ, по-моему, выкупить никакое блаженство, ни чувственное, ни духовное... Повѣрьте, если бы мнѣ грозила нищета, и тогда я бы не схватилась за якорь спасенія всѣхъ женщинъ — за бракъ, за обезпеченную жизнь на чужой счетъ... Никакихъ счетовъ ни съ кѣмъ. Какъ это славно! Ни къ людямъ, ни къ жизни не предъявлять никакихъ претензій—въ родѣ векселей къ уплатѣ... Я уразумѣла, какой морали училъ Аристотель... Оказалось, что этотъ мудрецъ думалъ почти по-моему. Ха-ха! Онъ признавалъ *высшимъ счастьемъ—созерцать міръ* и стоять выше всего случайнаго; для него то было хорошо, что̀ *прекрасно*».

Вотъ какъ характеризуетъ сама Студенцова свое міросозерцаніе. Писатель же Разсудинъ дѣлаетъ ей слѣдующую характеристику: «Что для нея всякое святое дѣло:—судьба народа, свобода совѣсти, паденіе всѣхъ видовъ зла, насилія и мрака? Она только воздѣлываетъ свое эстетическое «я», смакуетъ красоту чего угодно, и все это одинаково, съ тѣмъ же «охотницкимъ» чувствомъ. Пускай тамъ внизу копошится человѣчество, кричитъ отъ боли, голодаетъ, гніетъ нравственно и физически. Если это можетъ доставить красивый образъ поэту, романисту, музыканту, живописцу — она будетъ восхищаться и тонко разбирать. Но и только». Такъ характеризуетъ себя сама Студенцова и человѣкъ, ей очень близкій, Разсудинъ. Но, можетъ-быть, лучше всякихъ словъ характеризуютъ человѣка его дѣйствія? Поэтому мы должны остановиться еще на жизни Студенцовой, присмотрѣться, какъ ея міросозерцаніе воплощается въ дѣлѣ?

Евгенія Андреевна выросла въ богатой семьѣ и уже съ дѣтства зачитывалась стихами. Когда ей попадались печальные стихи, она уже двѣнадцати лѣтъ отъ роду мечтала о томъ, какъ бы «красиво умереть». Борьба съ безобразіемъ во всѣхъ его проявленіяхъ составляла внутренній мотивъ ея помысловъ и дѣйствій. Другимъ мотивомъ была любознательность, «голодъ души», заставлявшій ее искать все новыхъ ощущеній, впечатлѣній. Но такъ какъ ее прельщала преимущественно красота, то эта любознательность, этотъ голодъ души направлялись главнымъ образомъ на исканіе красоты. Однако, проявленія красоты бываютъ чрезвычайно разнообразны. Ее можно найти во всемъ, и, слѣдовательно, чтобы уяснить себѣ обликъ Студенцовой, мы должны прежде всего отвѣтить себѣ на вопросъ, — въ чемъ же она искала красоты? И вотъ тутъ-то оказывается, что она въ сущности искала ее по очень проторенным дорожкамъ. Будучи богатой и независимой, имѣя полную возможность располагать своею судьбою по собственному усмотрѣнію, она, съ одной стороны, много читаетъ, преимущественно, конечно, новѣйшія, самыя модныя книги, потому что она вѣдь ищетъ *новой* красоты, а съ другой стороны, много путешествуетъ, исключительно, конечно, за границею, такъ какъ не разсчитываетъ, вѣроятно, встрѣтить въ Россіи проявленія новой красоты. Результатъ, конечно, получается тотъ, что она прекрасно знакома съ новѣйшею иностранною литературою и совершенно незнакома съ Россіею. Парижъ она изучила до тонкости, начиная съ его музеевъ и кончая послѣднимъ кабачкомъ, и чувствуетъ себя въ Парижѣ какъ дома. Но что касается до Россіи, то тутъ она по своимъ знаніямъ — совершенный ребенокъ. Такъ, напримѣръ, она состоитъ пайщицею въ золотыхъ пріискахъ и не имѣетъ ровно никакого понятія о томъ, какъ получаются тѣ деньги, которыя ей даютъ возможность беззаботно изучать Парижъ и новѣйшихъ модныхъ писателей. Она, напримѣръ, не знаетъ, что исправники и урядники часто состоятъ на жалованіи у добывателей золота, и что рабочіе на пріискахъ, въ томъ числѣ иногда

и интеллигентные люди, въ родѣ писателя Разсудина, могутъ быть подвергнуты тяжелому наказанію, какъ говорится, «здорово живешь». Она, въ сущности, даже Петербурга совершенно не знаетъ, и когда послѣ долгихъ заграничныхъ экскурсій проводитъ на двадцать пятомъ году жизни одну зиму въ Петербургѣ, все ее тутъ поражаетъ новизною, но такою новизною, которая не даетъ никакой пищи ея эстетическому вкусу. Поэтому она выноситъ только чувство утомленія, скуки, тоски. Въ Петербургѣ въ нее влюбляются двое: писатель Разсудинъ и милліонеръ князь Дашевъ. Чрезвычайно дорожа, какъ мы видѣли, своею свободою, независимостью, опасаясь, какъ огня, всякаго «приниженія своей личности», она, понятно, для семейной жизни не создана; да и умъ у нея слишкомъ критическій, разлагающій, чтобы подчиниться страсти или даже душевной привязанности. Что ее можетъ прельстить въ неврастеникѣ Разсудинѣ, который ведетъ борьбу за дѣло, не имѣющее ничего общаго съ красотою? Единственно ее привлекаетъ въ этомъ человѣкѣ то, что онъ, будучи поставленъ въ ужасныя условія, находясь въ ссылкѣ въ болѣе чѣмъ непривѣтливыхъ мѣстностяхъ, не подчинился гнету жизни и сохранилъ настолько ясности ума и чувства, что могъ написать нѣсколько страницъ, въ художественномъ отношеніи очень красивыхъ. О князѣ Дашевѣ и говорить нечего: онъ весь ушелъ въ военную службу, въ дѣло обученія солдатъ, дѣло весьма прозаичное, и если полюбилъ Студенцову за ея красоту, за тонкій эстетическій вкусъ, то самъ не обладалъ всѣмъ этимъ и поэтому прельстить Студенцову уже ни въ какомъ случаѣ не могъ. Что же касается до его богатства, то оно, конечно, не могло повліять на дѣвушку съ такимъ возвышеннымъ душевнымъ строемъ, какъ Студенцова.

Но вотъ тутъ-то мы и подходимъ къ центральному факту романа, т. е. къ обстоятельству, составляющему какъ бы пробный камень всего міросозерцанія людей въ родѣ Студенцовой. Доходы съ золотого пріиска вполнѣ ее обезпечивали въ матеріальномъ отношеніи; она могла совершенно беззаботно предаваться своимъ эстетическимъ наклонностямъ. Но эти доходы вдругъ прекращаются. Родственникъ, которому она довѣрила веденіе своихъ дѣлъ, оказывается банкротомъ, и Студенцова лишается всякихъ средствъ къ существованію. Какъ ударъ потонувшаго колокола въ сказкѣ г. Гауптмана, такъ это банкротство родственника въ романѣ г. Боборыкина напоминаютъ людямъ, ушедшимъ въ небеса, о земномъ, напоминаютъ имъ о всей тяжести земныхъ путъ, о томъ, что нельзя думать только о небесномъ, о вѣчной красотѣ, жить только для нихъ, но что и земная жизнь предъявляетъ свои права всѣмъ смертнымъ,—права, подчасъ неумолимыя, жестокія. Мы видѣли, чѣмъ кончаетъ художникъ въ сказкѣ г. Гауптмана: онъ мечется между землею и небомъ, лишается способности наслаждаться красотою, утрачиваетъ возможность жить на землѣ и гибнетъ. Чѣмъ же, спрашивается, кончаетъ Студенцова? Потерявъ все свое состояніе, она должна выбрать одно изъ двухъ: либо выйти замужъ, искать покровителя, либо же начать трудовую жизнь. Но что для нея значитъ выйти замужъ? Значитъ, утратить свободу, допустить «приниженіе своей личности», а это для нея хуже смерти. Начать жить трудовою жизнью? Но—какъ она выражается—всякій мундиръ, всякая профессіональная дѣятельность, все, что называется дѣломъ, внушаетъ ей непреодолимое отвращеніе. Она, какъ нашъ знаменитый поэтъ, гр. А. Толстой, крайне интересная переписка котораго по временамъ печатается въ *Вѣстникѣ Европы* (№ 4), спрашиваетъ себя, можно ли жить для красоты, когда слышишь со всѣхъ сторонъ слова: «служба, чинъ, вицмундиръ, начальство и т. п.»? Студенцова, какъ и художникъ въ сказкѣ г. Гауптмана, могутъ о себѣ сказать то, что сказалъ тотъ же поэтъ въ извѣстномъ «Портретѣ»:

Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась безпрерывно,
Все, что зовутъ: серьезныя дѣла,—
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.

Студенцова перебираетъ въ умѣ всѣ доступныя ей профессіи: переводчицы, гувернантки, конторщицы и т. д., — и приходитъ къ выводу, что избрать одну изъ этихъ профессій значило бы уничтожить свою личность, отказаться отъ того, что ей дороже всего въ жизни.

И такъ, Студенцова попала въ глухой переулокъ: изъ него есть только одинъ логическій выходъ—смерть. Авторъ оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ, чѣмъ собственно кончаетъ его героиня. Да это несущественно: можетъ-быть, она, по слабости, изберетъ бракъ; вѣроятнѣе, что она кончитъ жизнь самоубійствомъ, потому что она несомнѣнно натура сильная и послѣдовательная. Существеннымъ же намъ кажется тотъ выводъ автора, что жить для небеснаго, пренебрегая земнымъ, невозможно, что, если мы не хотимъ жить на землѣ, удовлетворять ея требованіямъ, то намъ остается только переселиться въ другой міръ. Это намъ подсказывается элементарною логи-

кою, и можно только удивляться, какъ люди умные не понимаютъ этого неумолимаго силлогизма. Конечно, если ничтожная часть человѣчества, вслѣдствіе матеріальной обезпеченности, и можетъ жить исключительно собственною жизнью, удовлетворяя одному чувству красоты или другимъ своимъ душевнымъ влеченіямъ, то вопросъ этимъ лишь затемняется, но по существу онъ остается тѣмъ же.

Тутъ мы должны коснуться другого вывода, рѣзко отмѣченнаго и въ сказкѣ г. Гауптмана, и въ романѣ г. Боборыкина. Вѣдь кромѣ красоты, такъ сказать, чисто-эстетической, есть и красота нравственная. Студенцова съ дѣтства мечтала о томъ, какъ бы красиво умереть, безъ всякихъ признаковъ страха или страданія, на «непомятой постели», въ платьѣ, образующемъ живописныя складки. Но, представимъ себѣ, что мать, спасая своего ребенка, тонущаго въ рѣкѣ, съ искаженнымъ отъ внутреннихъ мукъ лицомъ, бросается въ воду, дико барахтается въ ней, сама тонетъ и затѣмъ лежитъ предъ нами утопленицею, полураздѣтою, въ безобразномъ видѣ. Неужели тутъ нѣтъ красоты, и неужели эта красота не должна быть признана неизмѣримо выше, чѣмъ красота дамы или барышни, покончившей съ собою, потому что не могла вкушать больше эстетическихъ удовольствій, лежащей передъ нами въ модномъ нарядѣ съ живописными складками, о которыхъ она сама передъ смертью позаботилась, чтобы не оскорбить эстетическаго вкуса тѣхъ, кто ее увидитъ мертвою? Вспомнимъ поэтическій образъ Гретхенъ, вспомнимъ первую ея встрѣчу съ Фаустомъ, ея объясненіе въ любви. Да, это—высокая поэзія, такая, которую превзойти трудно. Но неужели Гретхенъ, распѣвающая циническую пѣснь въ грязной тюрьмѣ, когда она въ рубищѣ лежитъ на соломѣ, когда она не владѣетъ ни своими словами, ни своими движеніями,—неужели и въ этомъ ея образѣ нѣтъ красоты? Что такое Собакевичъ, Чичиковъ, Ноздревъ, Плюшкинъ, какъ не уроды? А между тѣмъ какою безсмертною красотою вѣетъ отъ творенія Гоголя,—красотою не только пластическаго изображенія, но красотою глубоко возмущеннаго нравственнаго и гражданскаго чувства. Ошибка искателей новой красоты, глубокая ихъ фальшь заключается въ томъ, что они ищутъ красоты узкой, односторонней, чисто-условной, не видятъ той красоты, которая всюду таится въ мірѣ, и не признаютъ, что высшая красота, доступная нашему пониманію, это—красота нравственная, безъ которой всѣ остальные виды красоты теряютъ свой смыслъ, свое значеніе для человѣка. Какая молитва болѣе всего умиляла величайшаго русскаго представителя красоты и освѣжала его душу невѣдомой силой? Не кончается ли она словами:

> И духъ смиренія, терпѣнія, любви
> И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Какова была его завѣтная мечта въ молодости?

> Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
> И рабство, падшее по манію царя,
> И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
> Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Въ чемъ онъ незадолго до смерти полагалъ свою заслугу предъ родиной, свое право на вѣчную память потомства?

> И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
> Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ...

И не называлъ ли Пушкинъ природу съ ея вѣчной красотою «равнодушной»? Не признавалъ ли онъ, такимъ образомъ, нравственную красоту единственно животворящей?

Студенцова мнитъ о себѣ, что она выше добра и зла, какъ ихъ понимаютъ люди. Литейщикъ Генрихъ воодушевленъ почти тѣмъ же чувствомъ: онъ мечтаетъ о томъ, чтобы дать міру обновленнаго Христа, чтобы заглушить звономъ своего колокола всѣ прежніе колокола. На это прозаичный пасторъ ему не безъ ѣдкой ироніи отвѣчаетъ:

> Полетъ вашъ черезчуръ высокъ, поймите.
> Я—человѣкъ простой, я на землѣ
> Жить обреченъ, и мало разумѣю
> Я въ выспреннихъ вещахъ. Но все же мнѣ
> Одно вполнѣ понятно. Вы забыли—
> Что правда, что неправда, что есть зло,
> И что добро...

Для Студенцовой верховный законъ и весь смыслъ существованія заключается въ исканіи новой красоты. Она, какъ мы видѣли, страшится всякаго «принииженія своей личности». Но что же она сама дѣлаетъ? Разсудину грозитъ новая бѣда; Студенцова, чтобы предотвратить ее, идетъ къ вліятельному лицу, котораго соблазняетъ ея миловидность, ея красота, и позволяетъ этому старику изъ семинаристовъ, пошлому, безманерному, флиртовать съ собою. Такъ поступаетъ та же Студенцова, которая отказываетъ въ любви молодому и богатому князю Дашеву, изнывающему отъ серьезнаго чувства къ ней. Тутъ она не соглашается «принизить свою личность». Но когда она, хотя мимолетно, посвящаетъ себя служенію старой красотѣ, когда она, какъ человѣкъ, приходитъ, чѣмъ можетъ, на помощь другому страждущему человѣку, она испытываетъ счастье, какого не даютъ ей всѣ поиски новой красоты. Можно ли представить болѣе убѣдительное доказатель-

ство величія христіанской заповѣди о любви и ничтожества тѣхъ стремленій, которыя въ логическомъ своемъ выводѣ неизбѣжно должны приводить людей къ самоубійству? Вѣдь только совершенно ничтожное меньшинство поставлено, благодаря своему достатку, въ возможность предаваться этимъ стремленіямъ. Подавляющее же большинство вынуждено посвящать себя трудовой жизни, зарабатывать насущный хлѣбъ. Время, когда, какъ въ классической древности, рабы, а впослѣдствіи крѣпостные, являлись пѣстунами людей, беззаботно предававшихся культивированію или созерцанію эллинской или иной чистой красоты, безвозвратно миновало. Студенцова испытала это на себѣ; испытаетъ это и всякій другой человѣкъ, который, не будучи профессіональнымъ художникомъ и лишенный средствъ къ существованію, вздумаетъ посвятить себя культу чистой красоты. Что же касается до художниковъ, то и тутъ весьма сомнительно, чтобы этотъ культъ, если онъ не составляетъ въ данное время моднаго теченія, могъ обезпечить человѣка въ матеріальномъ отношеніи и дать ему высшее удовлетвореніе, какого художникъ ищетъ въ творчествѣ. Даже тогда, когда ничтожное меньшинство могло жить на счетъ громаднаго большинства, красота не имѣла того условнаго значенія, какое стараются придать ей теперь. Да, художникъ долженъ быть свободенъ въ своемъ творчествѣ, искать красоту тамъ, куда его влечетъ свободная душа. Но развѣ красота не встрѣчается всюду, развѣ она не находится въ тѣсной зависимости отъ понятій и стремленій людей даннаго времени, развѣ самыя высокія произведенія искусства древнихъ грековъ не возвеличивали воинственнаго духа и физической любви, развѣ величайшіе художники слова, рѣзца и кисти не подчинялись вліянію своего времени, не воплощали въ чудныхъ образахъ лучшихъ его стремленій? Какъ же, въ такомъ случаѣ, объяснить себѣ, что Шиллеръ написалъ *Разбойниковъ* или *Донъ-Карлоса*, Гёте—своего *Фауста*, Пушкинъ — *Евгенія Онѣгина*, Гоголь—*Мертвыя души*, Достоевскій—*Преступленіе и наказаніе*, и что именно *эти* ихъ произведенія оставили самый глубокій слѣдъ въ литературѣ?

Но вернемся къ нашимъ героямъ. Если внимательно присмотрѣться къ Студенцовой, то окажется, что, въ сущности, она живетъ только для себя, что благо другихъ людей въ ея міросозерцаніи не играетъ никакой роли, что, какъ бы она ни изощряла свой вкусъ, какъ бы совершенны ни были ея понятія о красотѣ, она, въ сущности, только эгоистка, живетъ только для самоуслажденія, хотя бы и въ очень возвышенной области человѣческаго духа. Въ этомъ отношеніи Студенцова представляется намъ типомъ въ значительной степени чуждымъ русскому общественному самосознанію, въ основѣ котораго всегда лежали благо ближняго, наиболѣе несчастнаго и обездоленнаго, и благо родины. Мы даже смѣло рѣшаемся утверждать, что нѣмецъ Генрихъ въ сказкѣ г. Гауптмана гораздо родственнѣе, ближе русской душѣ, чѣмъ Евгенія Андреевна Студенцова. Правда, и нѣмецкій литейщикъ-художникъ мечтаетъ о совершенномъ художественномъ произведеніи, и онъ влюбляется въ фантазію, въ красоту. Но для чего ему нужно это совершенное произведеніе, этотъ колоколъ, въ которомъ бы воплощалось самое возвышенное его представленіе о красотѣ? Онъ ему нуженъ, къ нему рвется его душа всѣми силами восторженной страсти, чтобы возвѣстить міру великую побѣду, наступленіе дня, когда туманъ разсѣется, когда ненависть, зло, насиліе исчезнутъ изъ міра, когда обновленное человѣчество начнетъ жить новою, счастливою жизнью, когда всѣ предразсудки исчезнутъ, братъ не будетъ болѣе возставать на брата, и все мелкое, ничтожное подчинится великому закону любви. Онъ думаетъ не только объ удовлетвореніи своей жажды красоты, но увѣренъ, что, осуществивъ свой идеалъ, онъ облагодѣтельствуетъ родъ человѣческій, произнесетъ спасительное слово, сниметъ у человѣчества съ глазъ вѣковую завѣсу, мѣшавшую ему жить истинно-человѣческою жизнью. Гулъ его колокола покроетъ, заглушитъ гудѣніе всѣхъ старыхъ колоколовъ. Это смѣлая, безумная мечта,—мечта человѣка, слишкомъ вознесшагося; но въ основѣ ея несомнѣнно лежитъ сильное альтруистическое чувство. Нѣмецкій литейщикъ Генрихъ напоминаетъ тѣхъ безчисленныхъ русскихъ пророковъ и подвижниковъ, которые однимъ словомъ, однимъ дѣйствіемъ думали исцѣлить родину отъ вѣковыхъ недуговъ и вызвать общее перерожденіе людей. Онъ кончаетъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ кончаетъ Студенцова: послѣ колебанія между небеснымъ и земнымъ, онъ убѣждается, что ему на землѣ мѣста нѣтъ. Но вдумаемся въ значеніе его колокола или, лучше сказать, сопоставимъ еще разъ его колоколъ съ *Колоколомъ* Шиллера. Можетъ ли дѣйствительно колоколъ Генриха покрыть и упразднить всѣ колокола, отлитые въ духѣ колокола великаго нѣмецкаго поэта. Колоколъ Шиллера не возвѣщалъ міру новаго спасительнаго слова. Его задача была гораздо скромнѣе: онъ поучалъ людей, что все земное тлѣнно, но въ то же время онъ своимъ звономъ сопутствовалъ

людямъ во всѣхъ ихъ горестяхъ и радостяхъ, онъ возвѣщалъ нарожденіе новаго гражданина, онъ привѣтствовалъ и освящалъ первую любовь человѣка и его семейное счастье, онъ предупреждалъ о наступившемъ бѣдствіи, онъ утѣшалъ людей, когда они теряли близкаго, и всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, радостныхъ и печальныхъ, онъ возносилъ душу человѣка къ небу, къ тѣмъ высшимъ идеаламъ, которые побуждаютъ человѣка постоянно стремиться къ лучшему, отрѣшаться отъ дурныхъ сторонъ человѣческой природы, взглянуть глубже на жизнь, хранить въ своей душѣ небесный огонь. Колоколъ Шиллера не отрывалъ людей отъ земли, но, возвышаясь самъ надъ нею, вносилъ въ ихъ жизнь свѣтъ и тепло. Бездушный металлъ своимъ звономъ пробуждалъ въ людяхъ добрыя чувства, пробуждалъ ихъ тамъ, куда не достигали ни слова поэта, ни слова современныхъ пророковъ, въ средѣ темной, обездоленной, лишенной того, что намъ часто дано въ избыткѣ. Безчисленные колокола исполняютъ въ теченіе вѣковъ эту великую задачу, будятъ въ невѣжественныхъ людяхъ добрыя чувства, вносятъ свѣтъ въ ихъ безотрадную жизнь, дѣлаютъ ихъ благороднѣе, чище, лучше, и никто не далъ этому назначенію колокола болѣе возвышеннаго, краснорѣчиваго истолкованія, какъ Шиллеръ въ своемъ безсмертномъ произведеніи. И вотъ является мастеръ Генрихъ, задумавшій отлить новый колоколъ, который заглушитъ звонъ всѣхъ старыхъ, испытанныхъ колоколовъ. Одинъ изъ нихъ, отлитый тѣмъ же Генрихомъ въ духѣ Шиллера, лежалъ глубоко на днѣ озера, былъ приведенъ, казалось, къ вѣчному молчанію. Но этотъ потонувшій колоколъ заговорилъ и тамъ, на днѣ глубокаго озера, и напомнилъ художнику, что работать ему нужно не въ надзвѣздной выси, а на землѣ и для земли, что человѣку не дано безнаказанно отрѣшаться отъ земного, что онъ несетъ по отношенію къ нему долгъ, и что если его взоръ и обращенъ къ небу, то для того, чтобы черпать оттуда силу и вдохновеніе, въ которыхъ такъ нуждается наша бѣдная земля. Безумная мечта овладѣла душою Генриха; онъ поплатился за нее гибелью семьи, собственнымъ счастьемъ и жизнью,—и никому пользы не принесъ. Литейщикъ-художникъ сдѣлалъ для человѣчества меньше, чѣмъ самый заурядный мастеръ: колоколъ послѣдняго пробуждаетъ въ людяхъ добрыя чувства, а изъ двухъ великолѣпныхъ колоколовъ Генриха,—одинъ лежитъ на днѣ озера, а другой остался неоконченнымъ...

Я старался разъяснить основную идею двухъ наиболѣе значительныхъ произведеній данной минуты. Оба они въ сущности бьютъ въ одну точку и оба призываютъ насъ къ упорному труду среди окружающихъ насъ условій: сказка *Потонувшій колоколъ* говоритъ намъ, какъ безплодно требовать отъ художника «спасительнаго слова»; романъ *По-другому* уясняетъ намъ всю тщету современнаго исканія «новой красоты», а оба произведенія краснорѣчиво подтверждаютъ старую истину, что внѣ работы для людей среди людей, чему бы она ни была посвящена, не можетъ быть ни истиннаго счастья, ни прогресса.

Библіографія.

В. П. Авенаріусъ. Гоголь-гимназистъ, первая повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». СПБ. 1897.

Настоящая книга представляетъ собою начало большого труда; это первая біографическая повѣсть изъ трехъ, связанныхъ между собою единствомъ темы и личностью героя. За ней должны слѣдовать другія повѣсти трилогіи: «Гоголь-студентъ», напечатанная въ *Родникѣ* и ожидающая отдѣльнаго изданія, и «Гоголь въ школѣ жизни», безъ сомнѣнія, имѣющая цѣлью изобразить его въ порѣ мучительныхъ заботъ о выясненіи своего призванія и выборѣ поприща дѣятельности. Задача, взятая на себя авторомъ, не изъ легкихъ, тѣмъ болѣе, что художественное воспроизведеніе раннихъ лѣтъ жизни Гоголя не только требуетъ обстоятельнаго изученія фактическихъ данныхъ, но даже невыполнима безъ яркаго и вѣрнаго изображенія всей окружающей будущаго писателя обстановки во время его дѣтства и многихъ лицъ, оставшихся почти неизвѣстными для потомства. Въ виду этого, по словамъ автора, «даже вполнѣ компетентные судьи въ дѣлѣ составленія біографій высказывали сомнѣніе о возможности написать цѣлую повѣсть изъ молодости Гоголя».

Чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ, однако, авторъ справился съ своей далеко не легкой задачей, посмотримъ, во-первыхъ, какъ онъ отнесся къ изученію фактической стороны дѣла, и, во-вторыхъ, насколько искусно преодолѣлъ затрудненія, которыя ста-

витъ въ данномъ случаѣ сама задача. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, какъ сейчасъ увидимъ, слѣдуетъ отдать полную справедливость автору.

Въ основу своей работы онъ беретъ существующія біографическія изслѣдованія, дополняя ихъ личными впечатлѣніями, вынесенными изъ нарочно для того предпринятой поѣздки въ Малороссію, гдѣ онъ посѣтилъ деревню Васильевку, въ которой будущій великій писатель проводилъ въ юности въ кругу семьи каникулярные досуги, и Нѣжинъ, особенно зданіе, принадлежавшее прежде гимназіи высшихъ наукъ, въ которой учился Гоголь, и прилегающій къ ней тѣнистый садъ, гдѣ онъ гулялъ и рѣзвился съ товарищами, наконецъ, предмѣстье Магерки и проч.

Затѣмъ оставалась самая трудная часть дѣла — изъ собраннаго матеріала создать увлекательный, живой и связный разсказъ. Такой разсказъ дѣйствительно и даетъ читателямъ г. Авенаріусъ.

Въ отношеніи расположенія матеріала, книгу можно раздѣлить на три отдѣла: Гоголь въ школѣ, дома на лѣтнемъ отдыхѣ и снова въ школѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ вниманіе читателей, прикованное къ оригинальной личности подростка, героя разсказа, успѣваетъ съ интересомъ слѣдить и за другими лицами: передъ ними проходятъ ярко очерченныя личности педагоговъ, гуманныхъ и бездушныхъ, стоящихъ на высотѣ призванія и отсталыхъ, даровитаго и исполненнаго такта директора Орлая и забавнаго надзирателя изъ нѣмцевъ Зёльднера,—и всѣ эти лица живутъ передъ нами, они изображены въ дѣйствіи, среди суетливой школьной обстановки, въ борьбѣ съ коварными продѣлками молодежи или въ живомъ, мирномъ общеніи съ нею. Особенную занимательность придаетъ разсказу разнообразіе характеровъ изображаемыхъ лицъ и мѣста дѣйствія. Живой, обаятельный своей веселостью и любезностью, умный профессоръ-французъ уступаетъ на каѳедрѣ мѣсто сухому и придирчивому педагогу совершенно иного типа. Дѣйствіе изъ многолюдныхъ классныхъ комнатъ и шумныхъ столовыхъ переносится въ скудно освѣщенные дортуары и уединенный лазаретъ, откуда читатель снова попадаетъ на праздничный обѣдъ въ домѣ директора или на исполненный треволненій школьный спектакль. Среди крупныхъ лицъ или, по крайней мѣрѣ, занимающихъ вниманіе автора подростковъ-школьниковъ изрѣдка промелькнетъ просто и живо изображенная фигура какого-нибудь пансіоннаго фельдшера, дядьки и вмѣстѣ повара Симона и проч. Здѣсь же на глазахъ читателей происходитъ метаморфоза въ отношеніяхъ къ гимназисту Гоголю студента Высоцкаго, сначала обращающагося съ нимъ сдержанно и немного свысока, потомъ безусловно дружески и т. под. За матеріаломъ для обрисовки мало извѣстныхъ должностныхъ лицъ гимназіи авторъ обращался преимущественно къ «Лицею князя Безбородко», откуда почерпнулъ характеристики директора и профессоровъ и вообще относящіяся къ нимъ свѣдѣнія. Но, разумѣется, невозможно ожидать и требовать, чтобы всѣ эти лица явились вѣрными копіями своихъ оригиналовъ, такъ какъ автору пришлось возсоздавать ихъ по отрывочнымъ намекамъ; несомнѣнно, однако, что въ предѣлѣ возможнаго авторъ старался ни въ чемъ не отступать отъ дѣйствительности, строго слѣдуя дошедшимъ до насъ ихъ характеристикамъ. Самыми лучшими по живости воспроизведенія считаемъ въ этомъ отдѣлѣ тѣ двѣ главы, гдѣ описываются обѣдъ и вечеръ у директора Орлая, и переходную главу ко второму отдѣлу, заключающую въ себѣ описаніе веселаго возвращенія школьниковъ въ родныя деревни, а особенно изображеніе ихъ добродушнаго взрослаго спутника Щербака.

Во второмъ отдѣлѣ намъ кажутся лучшими тѣ главы, гдѣ изображенъ домашній праздникъ въ домѣ Трощинскаго и вообще бытъ этого вельможи. Автору особенно даются тѣ мѣста въ разсказѣ, гдѣ онъ рисуетъ сложныя сцены со множествомъ дѣйствующихъ лицъ, что̀ и понятно, и неизбѣжно, потому что діалоги самого Гоголя и его родителей, при всемъ искусствѣ повѣствователя, притомъ не малоросса по происхожденію, непремѣнно должны отзываться дѣланностью, какъ бы тщательно онъ ни изучилъ всю относящуюся къ нимъ литературу. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ двухъ главъ, послѣдняя, въ которой превосходно обрисована свѣтлая личность Орлая и нравственное потрясеніе Гоголя при извѣстіи о смерти отца, прекрасно заканчиваетъ собою книгу. Желаемъ столь же удачнаго исполненія остальной части задуманной авторомъ программы.

Д-ръ П. С. Алексѣевъ. О пьянствѣ. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное. Съ предисловіемъ **Льва Толстого: „Для чего люди одурманиваются“.** Изданіе «Посредника» (для интеллигентныхъ читателей). Москва. Цѣна 60 коп.

Вопросъ о пьянствѣ—вопросъ старый, но до сихъ поръ живо интересующій умы лучшихъ людей. Пьянство, безусловно, бичъ современнаго человѣчества, которое потребляетъ спиртъ въ количествахъ, постоянно

возрастающихъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что литература о пьянствѣ чрезвычайно обширна. Алкоголизму посвящено множество сочиненій, какъ строго научныхъ, такъ и популярныхъ, написанныхъ и для образованнаго, и для полуграмотнаго читателя. Къ сожалѣнію, надо признаться, что книга никогда не излѣчивала пьяницу. Но книга д-ра Алексѣева — все-таки очень хорошая книга. Только въ самомъ началѣ, на первыхъ же страницахъ первой главы, авторъ грѣшитъ, увѣряя, что пьянство — «грѣхъ, порокъ и болѣзнь». Эта формула не обладаетъ должною послѣдовательностью: если пьянство грѣхъ, то оно, разумѣется, будетъ и порокомъ; но если пьянство — болѣзнь, то зачѣмъ говорить о его грѣховности? Впрочемъ, оставимъ мелкіе промахи автора и обратимся къ основному содержанію его книги.

Прекрасно составленный очеркъ химическихъ и физическихъ свойствъ алкоголей и ихъ дѣйствія на человѣческій организмъ,— очеркъ, появляющійся во 2-мъ изданіи впервые, слѣдуетъ въ книгѣ за описаніемъ степеней опьянѣнія и формъ пьянства; далѣе приводятся нѣкоторыя историческія данныя относительно спиртныхъ напитковъ и пьянства. Упомянувъ вкратцѣ о причинахъ пьянства, авторъ переходитъ къ описанію причиняемаго имъ зла, рисуя ужасную картину вызываемыхъ имъ страданій организма и наносимаго имъ обществу вреда. Но важнѣйшая, по нашему мнѣнію, часть книги— вторая ея половина, посвященная вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ, о тѣхъ средствахъ, какія для этого примѣняются, и о достигнутыхъ ими успѣхахъ. Примѣръ личнаго воздержанія и пропаганда отреченія отъ спиртныхъ напитковъ — вотъ тѣ средства, которыя авторъ считаетъ самыми дѣйствительными. Средствамъ борьбы съ пьянствомъ общественнаго, а не личнаго характера, д-ръ Алексѣевъ отводитъ второстепенное и лишь временное значеніе, — но въ этомъ онъ едва ли правъ. Путемъ законодательнымъ, путемъ введенія закона о воспрещеніи изготовленія, ввоза и продажи спиртныхъ напитковъ нѣкоторые штаты великой сѣвероамериканской республики положили конецъ страшно распространившемуся въ нихъ пьянству, и примѣръ штата Мэнъ, теперь процвѣтающаго благодаря господствующему въ немъ воздержанію отъ спиртныхъ напитковъ,—примѣръ, приводимый самимъ авторомъ, — явился лишь результатомъ установленія тамъ, 35 лѣтъ тому назадъ, именно такого закона. Разумѣется, никто не будетъ отрицать важнаго значенія личнаго воздержанія, — онъ, вмѣстѣ съ разумнымъ воспитаніемъ юношества, долженъ дать самые благотворные плоды, — но законодательныя мѣры не лишни.

Предпосланная книжкѣ, въ видѣ предисловія, статья графа Толстого «Для чего люди одурманиваются?»—касается больше куренія табака, чѣмъ пьянства. Не будемъ останавливаться на этой статьѣ, которая, должно-быть, извѣстна большинству нашихъ читателей, такъ какъ она была выпущена отдѣльною брошюрой въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Авторъ остался въ ней вѣренъ своему направленію за послѣднее десятилѣтіе.

К. Скальковскій. Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. СПБ. 1897.

Авторъ этого обширнаго труда какъ бы придерживается девиза, что всѣ роды литературы хороши, за исключеніемъ скучнаго. Начавъ съ цѣлаго ряда путевыхъ впечатлѣній, онъ писалъ и о Суэзскомъ каналѣ, и о русской торговлѣ, и о нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, въ томъ числѣ и о нашихъ министрахъ финансовъ, и о балетѣ, и о женщинахъ. Въ настоящее время онъ посвящаетъ толстый томъ внѣшней политикѣ Россіи. Методъ у него вездѣ одинъ и тотъ же: пользоваться хорошимъ, гдѣ онъ только его находитъ, выискивать все эффектное, остроумное и строго избѣгать скучнаго. Поэтому никто не станетъ искать въ книгахъ нашего автора провѣренныхъ выводовъ, самостоятельныхъ взглядовъ. Но это нисколько не мѣшаетъ его книгамъ быть поучительными: въ каждой изъ нихъ, вмѣсто самого автора, съ нами говорятъ, насъ поучаютъ сотни выдающихся мыслителей или дѣятелей, и поэтому мы у автора всегда найдемъ много цѣнныхъ изреченій, замѣчаній, указаній,—не найдемъ мы только одного, именно сколько-нибудь состоятельнаго объединенія всѣхъ этихъ отрывочныхъ, разбросанныхъ мыслей.

Все это въ полной мѣрѣ приложимо и къ разбираемому здѣсь труду. Какъ легко убѣдиться, онъ возникъ слѣдующимъ образомъ: изъ разныхъ книгъ и преимущественно газетъ авторъ добросовѣстно собралъ все, что касается современной внѣшней политики Россіи и современнаго положенія государствъ пяти частей свѣта, начиная съ великихъ державъ и кончая африканскими государствами. Такимъ образомъ, читатели газетъ, не слѣдившіе внимательно за такъ-называемыми внѣшними событіями и желающіе ознакомиться съ положеніемъ того или другого вопроса, найдутъ въ книгѣ г. Скальковскаго очень полезное руководство. Допустимъ, что читатель недостаточно внима-

тельно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ Абессиніи и за отношеніями этого африканскаго государства къ Россіи, или что онъ почему-либо заинтересовался корейскимъ вопросомъ. Стоитъ ему заглянуть въ книгу г. Скальковскаго, и онъ вкратцѣ узнаетъ, что писали объ этихъ вопросахъ за послѣдніе годы газеты, и такимъ образомъ почерпнетъ не мало для себя полезныхъ указаній. Но этимъ и исчерпывается все значеніе книги нашего автора. О внѣшней политикѣ Россіи читатель узнаетъ въ сущности весьма мало. Центръ тяжести этой политики заключается теперь въ союзѣ съ Франціей. Чѣмъ обусловливается или вызванъ этотъ союзъ,—авторъ, очевидно, себѣ не уяснилъ и рѣшаетъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «До тѣхъ поръ, пока императоръ Александръ III не выслушалъ марсельезу стоя, наша дипломатія относилась весьма скептически къ вопросу о возможности союза между Франціей и Россіей». Выходитъ, слѣдовательно, что союзъ этотъ возникъ какъ-то сразу, во время кронштадтскихъ празднествъ, и что до тѣхъ поръ наша дипломатія о немъ и не помышляла. Очевидно, г. Скальковскій упускаетъ изъ виду, что если не дипломаты, то русскіе публицисты, болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до кронштадтскихъ празднествъ, настойчиво указывали на неизбѣжность франко-русскаго союза. Впрочемъ, этотъ промахъ со стороны автора довольно понятенъ: дипломаты его, конечно, не посвящали въ свою тайну, а изъ русскихъ публицистовъ онъ, повидимому, признаетъ только покойнаго Каткова и г. Татищева, которые оба присоединились къ мысли о франко-русскомъ союзѣ, только когда она достаточно была выяснена въ печати. Отрицать заслуги дипломатіи авторъ имѣетъ еще особое основаніе: онъ вообще дипломатовъ очень недолюбливаетъ. Оказывается, напр., что Франція обязана утратою Эльзаса и Лотарингіи не прусскимъ побѣдамъ, а «бездарности Жюля Фавра», что Россія обязана своими неудачами на берлинскомъ конгрессѣ не враждебной политикѣ Германіи, а «составу нашей дипломатіи». Дѣятельность извѣстнаго нашего канцлера Нессельроде онъ резюмируетъ въ словахъ, что Нессельроде былъ «еврейскаго происхожденія», очень любилъ гастрономическія удовольствія и «заботился о своихъ родственникахъ». Князь Горчаковъ также «очень заботился о своихъ родственникахъ и оставилъ имъ еще большее состояніе, отличаясь чрезвычайною скупостью». Гирсъ, при которомъ окрѣпло франко-русское единеніе, былъ «всю жизнь свою только генеральнымъ консуломъ» и т. д. Впрочемъ, авторъ относится съ такимъ же пренебреженіемъ не только къ дипломатамъ, но и къ цѣлымъ государствамъ. Такъ, напримѣръ, по его понятіямъ, «французы никакъ не могутъ обойтись безъ кумира», современные французскіе государственные люди — «политическія ничтожества». Надъ Австро-Венгріей онъ произноситъ слѣдующій приговоръ: «Австро-Венгрія вступила уже на тотъ путь, на которомъ находилась Рѣчь Посполитая въ началѣ прошлаго столѣтія, а Турція съ начала нынѣшняго». Извѣстнаго итальянскаго государственнаго дѣятеля Криспи онъ называетъ «старымъ полишинелемъ» и т. д. Вообще онъ самъ сознается, что относится «кисло» ко всѣмъ народностямъ на свѣтѣ. Съ нѣкоторою симпатіею онъ относится только къ южнымъ славянамъ, и самъ объясняетъ это тѣмъ, что «мать его была сербка».

Такимъ образомъ, легкій и занимательный жанръ беретъ рѣшительно верхъ надъ серьезностью мысли. Но если отрѣшиться отъ требованія продуманности выводовъ, то, повторяемъ, читатель найдетъ въ книгѣ г. Скальковскаго много интересныхъ и поучительныхъ указаній и въ общемъ обстоятельное руководство для болѣе осмысленнаго чтенія газетныхъ извѣстій и разсужденій по внѣшней политикѣ.

Самуилъ Ганеманъ. Очеркъ его дѣятельности и жизни. Д-ра медицины **Л. Е. Бразоля.** СПБ. 1896.

Опытъ новаго принципа для нахожденія цѣлительныхъ свойствъ лѣкарственныхъ веществъ Самуила Ганемана. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра медицины **Л. Е. Бразоля.** СПБ. 1896.

Публичныя лекціи о гомеопатіи. Д-ра медицины **Л. Е. Бразоля,** съ приложеніемъ стенографическихъ отчетовъ, преній и т. д. СПБ. 1896. Изд. II.

Гомеопатическая литература за прошлый годъ обогатилась тремя вышеуказанными брошюрками, изъ которыхъ двѣ первыя изданы с.-петербургскимъ обществомъ врачей-гомеопатовъ, а послѣдняя самимъ авторомъ. Всѣ три книжки принадлежатъ перу д-ра Бразоля, главнаго дѣятеля и наиболѣе талантливаго борца гомеопатіи въ С.-Петербургѣ. Первая брошюрка посвящена описанію жизни и дѣятельности отца гомеопатіи Ганемана, человѣка безспорно выдающагося среди своихъ современниковъ и достойнаго занять мѣсто въ исторіи медицины и помимо введеннаго имъ въ лѣченіе гомеопатическаго принципа и безконечно малыхъ дозъ лѣкарствъ. Среди того младенческаго состоянія, въ которомъ находилась въ его время научная медицина, забывшая, подъ вліяніемъ средневѣковой схоластики, тѣ здоровыя осно-

вы, которыя были преподаны выдающимися врачами древности, свѣтлый умъ Ганемана раньше другихъ понялъ необходимость коренной реформы. Онъ одинъ изъ первыхъ возсталъ противъ увлеченія кровопусканіями, противъ обычая прописывать лѣкарства изъ смѣси цѣлебныхъ средствъ, почти не изученныхъ, и обратилъ главное вниманіе не на лѣкарства, а на гигіеническое содержаніе больного и на разумное питаніе, положенное имъ въ основу лѣченія. Эти его заслуги признаются всѣми врачами безъ исключенія. Данная брошюра рисуетъ его идеальнымъ человѣкомъ, типомъ добросовѣстнаго ученаго, почти умалчивая объ одной чертѣ его характера, имѣвшей важное вліяніе на всю его дѣятельность,—это объ его стремленіи къ наживѣ. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, мы должны признать, что созданное имъ ученіе о гомеопатіи, съ ея лѣченіемъ больного безъ всякаго изслѣдованія его, съ ея своеобразной формой лѣкарствъ, которыя якобы не могутъ быть приготовлены въ обычныхъ аптекахъ, а только или ими самими—врачами-гомеопатами,—или ими лично содержимыми аптеками, вполнѣ отвѣчаетъ вышеуказанной цѣли. И цѣль была успѣшно достигнута, что̀ доказывается не только громадностью оставленнаго имъ состоянія, но и тѣмъ фактомъ, что его вторая жена, на которой онъ женился, будучи уже 80-ти лѣтъ отъ роду, послѣ его смерти продолжала его медицинскую практику съ неменьшимъ успѣхомъ.

Вторая брошюрка составляетъ переводъ сочиненія Ганемана и содержитъ въ себѣ всю основу гомеопатіи, которая изложена въ слѣдующемъ основномъ правилѣ: «нужно примѣнять противъ болѣзни, подлежащей излѣченію, такое лѣкарственное вещество, которое у здороваго человѣка въ состояніи вызвать другую, наивозможно сходную, искусственную болѣзнь, и первая будетъ излѣчена: similia similibus (подобное подобнымъ)». Такимъ образомъ, только то лѣкарство можетъ помочь противъ данной болѣзни, которое у здороваго человѣка вызываетъ подобную же болѣзнь. Для опредѣленія лѣчебныхъ свойствъ каждаго лѣкарственнаго вещества служитъ или случайный опытъ, или опытъ искусственный, т. е. здоровому человѣку даютъ извѣстное лѣкарство и наблюдаютъ въ теченіе извѣстнаго времени за происходящими въ немъ явленіями и разспрашиваютъ о замѣчаемыхъ имъ ощущеніяхъ. Такъ какъ испытуемыя лѣкарства даются въ небольшихъ дозахъ, то, конечно, послѣднимъ, субъективнымъ ощущеніямъ отдается преимущество. Отмѣченныя однородныя ощущенія у нѣсколькихъ субъектовъ при пріемахъ какого-нибудь лѣкарства служатъ уже достаточнымъ основаніемъ для назначенія этого лѣкарства при болѣзни, сопровождаемой подобными же симптомами. Подобныя наблюденія лежатъ въ основѣ гомеопатической фармакологіи, долженствующей замѣнить фармакологію аллопатовъ, основанной на точномъ изученіи дѣйствія лѣкарственныхъ средствъ на животныхъ и въ клиникѣ. Масса субъективныхъ ощущеній, записанныхъ изслѣдователями, сдѣлали то, что противъ каждаго симптома прописывается масса средствъ, и опытному гомеопату приходится выбирать изъ нихъ такое, которое соотвѣтствуетъ большему числу симптомовъ. Для примѣра разнообразія симптомовъ, получаемыхъ отъ лѣкарствъ, позволимъ себѣ указать на Veratrum album (бѣлая чемерица), дающее въ прямомъ дѣйствіи 16 разнообразныхъ симптомовъ и въ косвенномъ дѣйствіи еще 16. Вотъ почему Veratrum album прописывается при дизентерической лихорадкѣ, водобоязни, столбнякѣ, судорожномъ суженіи пищевода, при хроническихъ кожныхъ сыпяхъ (неужели при всякихъ?), при нервныхъ страданіяхъ, различнаго рода маніяхъ, при истерическихъ и ипохондрическихъ заболѣваніяхъ и, наконецъ, при воспаленіи легкихъ.

Наибольшій интересъ представляетъ третья брошюра, содержащая 3-е изданіе публичныхъ лекцій д-ра Бразоля о гомеопатіи, прочитанныхъ имъ въ педагогическомъ музеѣ въ 1887 году съ стенографическимъ отчетомъ послѣдовавшихъ преній. Лекціи составлены очень талантливо и на мало подготовленную публику должны были произвести сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ преніяхъ врачи почти не принимали участія, и только проф. Тархановъ и Гольдштейнъ сдѣлали нѣсколько существенныхъ возраженій. Всѣ дебаты въ печатанномъ отчетѣ снабжены особыми примѣчаніями д-ра Бразоля, какъ редактора,—пріемъ, пожалуй, не особенно тактичный при печатаніи стенографическаго отчета и разсчитанный на особое впечатлѣніе на читателей, лишенныхъ возможности слышать контръ-возраженія. Первая лекція посвящена выясненію закона подобія, вторая—гомеопатической фармакологіи и третья—гомеопатическимъ дозамъ лѣкарствъ. Мы не будемъ входить здѣсь въ разборъ этихъ лекцій, ибо это потребовало бы написанія цѣлой брошюры, и ограничимся только приведеніемъ одного мѣста изъ третьей лекціи, дающей понятіе о силѣ гомеопатическихъ дозъ, гдѣ почтенный авторъ признается, что если здоровый человѣкъ возьмется проглотить цѣлую гомеопатическую аптеку, то

жизнь его останется внѣ всякой опасности, ибо эти лѣкарства въ малыхъ дозахъ дѣйствуютъ только на больной организмъ. Самъ отецъ гомеопатіи Ганеманъ даетъ отчасти ключъ къ объясненію этого факта, совѣтуя обращать особое вниманіе на психику паціента и выбирать для лѣченія только тѣ средства, которыя соотвѣтствовали бы психикѣ больного. Вотъ почему и вдова Ганемана, и всѣ неврачи, будто бы, такъ успѣшно лѣчатъ гомеопатіею.

Популярныя рѣчи проф. Г. Гельмгольца. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. Часть I. Изданіе К. Л. Риккера. СПБ. 1896. Ц. 1 р.

Русская научная литература обязана издательской фирмѣ К. Л. Риккера уже многими цѣнными изданіями, и въ ихъ числѣ «Популярныя рѣчи проф. Гельмгольца» займутъ видное мѣсто. Здѣсь мы имѣемъ четыре рѣчи знаменитаго натуралиста; всѣ онѣ полны самаго захватывающаго интереса. Въ первой—«О взаимодѣйствіи силъ природы»—авторъ въ блестящей формѣ указываетъ на связь, существующую между различными силами природы, и на основаніи ея вкратцѣ рисуетъ какъ давно прошедшее исторіи вселенной, такъ и ея будущее. Вторая рѣчь—«О сохраненіи силы»—посвящена выясненію важнѣйшаго открытія нашего вѣка въ области естествовѣдѣнія—закона сохраненія силы и механическаго эквивалента теплоты. Третья рѣчь касается вопроса «О цѣли и объ успѣхахъ естествознанія». Указавъ на то, что наука о природѣ въ теченіе нынѣшняго вѣка значительно подвинулась впередъ, лекторъ объясняетъ это тѣмъ, что естествознаніе опирается нынѣ все на тотъ же законъ сохраненія силы, и вообще стремленіе наше понять явленія природы, т. е. управляющіе ими законы, сводитъ къ отысканію силъ, служащихъ причиною явленій. Наконецъ, четвертая рѣчь излагаетъ развитіе взглядовъ на электричество, — основателя современной теоріи электрическихъ и магнитныхъ явленій, Фарадея. Изложенныя простымъ, и въ то же время мастерскимъ языкомъ, присущимъ маститому нѣмецкому ученому, и прекрасно переведенныя, эти четыре рѣчи читаются легко и могутъ быть смѣло рекомендованы каждому, кто желалъ бы ознакомиться съ нынѣшнимъ положеніемъ и взглядами механики.

В. Фонвіелль. Южный полюсъ. («Полезная библіотека»). Переводъ Е. Костко. Изданіе П. П. Сойкина. СПБ. Ц. 50 к.

Авторъ этой книжки пользуется во Франціи нѣкоторою извѣстностью, какъ популяризаторъ естественно-научныхъ свѣдѣній, и его «Южный полюсъ» обладаетъ всѣми тѣми достоинствами, которыя отличаютъ прочія его произведенія: легкостью и общедоступностью изложенія, красивымъ языкомъ и пр. Къ числу слабыхъ сторонъ книжки надо отнести разбросанность изложенія, частыя повторенія, иногда черезчуръ далекія уклоненія отъ предмета. Въ общемъ, авторъ вполнѣ удовлетворительно справляется со своею задачей, — дать хотя и краткій, но болѣе или менѣе полный очеркъ всѣхъ данныхъ о южномъ полюсѣ и исторіи попытокъ проникнуть въ эту таинственную область, гораздо менѣе изслѣдованную, чѣмъ сѣверный полюсъ. Переводъ также удовлетворителенъ, хотя мѣстами — и притомъ нерѣдко—ясно чувствуется, что переводчикъ не вполнѣ владѣетъ научной терминологіей, что, разумѣется, отражается на ясности перевода.

Аркадій Прессъ. Сказки и разсказы. СПБ. 1897. Ц. 50 к.

Въ небольшой книжечкѣ г. Пресса собраны 33 произведенія—сказки и разсказы,—изъ которыхъ каждое занимаетъ не болѣе 5 страничекъ восьмидольнаго формата. Сказки, какъ и полагается, коротки и въ образной формѣ выражаютъ какую-нибудь философскую мысль. Не слѣдуетъ, однако, думать, что это сказки для дѣтей. Онѣ предназначаются для взрослыхъ и въ основѣ своей имѣютъ, по большей части, любовь. Разсказы г. Пресса—миніатюры, частью историческія, частью изъ современной жизни. Какъ извѣстно, для того, чтобы писать такія миніатюры, нужно обладать большимъ беллетристическимъ талантомъ. Г. Прессъ, впервые выступающій на литературное поприще, рѣшилъ въ этомъ краткомъ и въ то же время очень сложномъ родѣ литературы слѣдовать образцамъ Андерсена, и нѣкоторые разсказики вышли у него довольно ярки и характерны. Но бѣда въ томъ, что такія миніатюры, какъ и въ живописи, должны быть безукоризненны въ отношеніи формы, языка, стиля,—въ этомъ весь ихъ смыслъ, такъ сказать, ихъ право на существованіе, и потому малѣйшее искаженіе или несоотвѣтствіе языка или стиля рѣжетъ глазъ и губитъ все произведеніе. Къ сожалѣнію, такихъ шероховатостей не мало въ миніатюрахъ г. Пресса, но если принять во вниманіе, что это его первый опытъ, то многое можно ему простить. Въ заслугу автору однако слѣдуетъ поставить содержательность разсказовъ, — многіе изъ нихъ интересны и оставляютъ впечатлѣніе.

Списокъ книгъ, доставленныхъ въ редакцію для отзыва:

Алексѣевъ, В. Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Томъ I. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897. Ц. 2 р.

Бакуринскій, К. О ремонтѣ шоссе. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Вальдо, Ф. Современная метеорологія. Очеркъ ея прошлаго и настоящаго. Перев. подъ ред. проф. Б. И. Срезневскаго. Изд. А. Ф. Девріена. СПБ. 1897. Ц. 2 р. 75 к.

Веберъ, Н. К., инж.-техн. Земледѣльческія машины и орудія (для уборки урожаевъ). Пособіе для хозяевъ при выборѣ земледѣльч. машинъ и орудій и при работѣ съ ними. Съ атласомъ въ 37 таблицъ. Изд. А. Ф. Девріена. СПБ. 1897. Цѣна съ атласомъ 3 р. 50 к.

Гусевъ, А. Н. Уставъ строительный, измѣненный и дополненный по продолженіямъ 1886 и 1887 г.г. Изд. неофиціальное, Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1897. Ц. 1 р.

Езіоранскій. I. Монетная реформа въ Россіи. Варшава. 1897.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры. Перев. подъ ред. А. А. Рейнгольда. Вып. III. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ. 1897. Цѣна за всѣ 8 вып. 2 р. 50.

Красновъ, А. Н., проф. Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. Съ 101 рис. и 2 карт. Вып. I. **Японія.** СПБ. 1897. Ц. 2 р.

Лермонтовъ, М. Ю. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Рис. С. С. Соломко. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1897.

Любомудровъ, И. Введеніе въ философію Герберта Спенсера. Краткое изложеніе. Самара. 1897 Ц. 40 к.

Потѣхинъ, Л. А. Переходъ къ рамочнымъ ульямъ. Устройство пасѣки на разумныхъ началахъ. Съ 11 рис. Изд. А. Ф. Девріена. СПБ. 1897. Ц. 30 к.

Потѣхинъ, Л. А. Пчелы и уходъ за ними въ неразборныхъ ульяхъ. Съ 11 рис. Изд. А. Ф. Девріена. СПБ. 1897. Ц. 10 к.

Потѣхинъ, Л. А. Учебникъ пчеловодства. Изд. А. Ф. Девріена. СПБ. 1897. Ц. 60 к.

Пытлясинскій, В. А. Французская борьба. Руководство для упражненій. Съ 60 цинкографіями. СПБ. 1897. Ц. 2 р. 50 коп.

Сементковскій, Р. И. (И. В. Антаровъ). Дѣвичьи сны. Повѣсть. СПБ. 1897. Ц. 60 к.

Сементковскій, Р. И. (И. В. Антаровъ). Евреи и жиды. Повѣсть. СПБ. 1897. Ц. 60 к.

Степовичъ, А. I. Е. В. Галаганъ. 23 января 1826 г.—1 ноября 1896 г. Кіевъ 1897.

Фаулеръ, Т. Прогрессивная нравственность. Опытъ этики. Перев. съ англійскаго. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ. 1897. Ц. 15 к.

Чеховъ, Александръ (А. Сѣдой). I. Призрѣніе душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. II. Алкоголизмъ и возможная съ нимъ борьба. Изд. А. С. Суворина. СПБ. Ц. 1 р.

Эберштейнъ. Честь и ложныя понятія о чести. Перев. съ нѣмецк. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ. 1897. Ц. 15 к.

Матеріалы для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ. Потомство новгородск. бояръ Савеловыхъ. Томъ II. Острогожскъ. 1896. Ц. 2 р.

Общество вспомоществованія студентамъ Имп. СПБ. университета. Отчетъ за 1896 г. СПБ. 1897.

Отчетъ комиссіи по народному образованію за 1896 годъ. С.-Петербургскія начальныя училища. СПБ. 1897.

СМѢСЬ.

Новый методъ искусственнаго дыханія. Въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ замѣчается немалый интересъ къ мѣрамъ поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ,—врачи читаютъ публичныя лекціи, публика ихъ посѣщаетъ, и въ столицахъ уже проектируются станціи, наподобіе берлинскихъ, для подаванія помощи пострадавшимъ до прибытія врача; нашимъ читателямъ, понятно, небезызвѣстно, что для спасенія мнимоумершихъ (утопленниковъ, повѣшенныхъ, угорѣвшихъ или замерзшихъ) прибѣгаютъ прежде всего къ возстановленію дыханія посредствомъ тѣхъ или другихъ пріемовъ искусственнаго дыханія. До сихъ поръ существовало три рода искусственнаго дыханія. Первый состоитъ въ томъ, чтобы, положивъ ладони на нижнюю часть грудной клѣтки мнимоумершаго, надавливать на его

Рис. 1. Искусственное возстановленіе дыханія путемъ равномѣрнаго потягиванія за языкъ.

нижнія ребра къ спинѣ и нѣсколько вверхъ, при чемъ слышно, какъ воздухъ выходитъ изъ легкихъ. Равномѣрно нажимая и отпуская ребра, эту процедуру повторяютъ разъ десять въ минуту, пока не вернется дыханіе. При второмъ методѣ берутъ мнимоумершаго за руки у локтей, сильнымъ движеніемъ поднимаютъ руки кверху и такъ же сильно опускаютъ ихъ внизъ, къ грудной клѣткѣ. Въ промежуткахъ между движеніями медленно считаютъ до трехъ. Третій способъ, примѣняемый главнымъ образомъ, къ

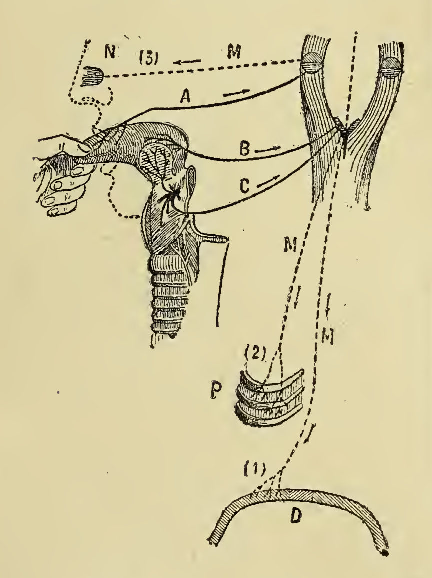


Рис. 2. Механизмъ искусственнаго дыханія при помощи равномѣрнаго потягиванія за языкъ.

оживленію дѣтей, состоитъ въ томъ, что мнимоумершему зажимаютъ носъ и, приложивъ ротъ къ его рту, съ силой вдуваютъ въ него воздухъ; потомъ, переведя дыханіе, надавливаютъ, какъ сказано выше, на нижнюю часть грудной клѣтки паціента и снова повторяютъ вдуваніе воздуха.

Французскій врачъ Лабордъ нашелъ теперь новый методъ искусственнаго дыханія, методъ, болѣе раціональный и вѣрнѣе достигающій цѣли. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы равномѣрно и съ одинаковымъ напряженіемъ силы потягивать мнимоумершаго за языкъ (см. рис. 1). Прежде всего, разумѣется, нужно возможно шире раздвинуть его челюсти, для чего между ними кладется палка или рукоятка ножа, или, наконецъ, что въ данное время окажется подъ рукой; затѣмъ немедленно приступаютъ къ дѣлу. Языкъ зажимаютъ между большимъ и указательнымъ пальцами сквозь носовой платокъ, чтобы онъ не выскользнулъ, и начинаютъ сильно и равномѣрно потягивать его отъ пятнадцати до двадцати разъ въ минуту. Тянуть за языкъ не должно слишкомъ слабо, такъ какъ это дѣйствіе направлено на его основаніе.

На прилагаемомъ схематическомъ рисункѣ 2 видно съ перваго взгляда, что основаніе языка непосредственно соединено съ чувствительными нервами *A*, *B*, *C*, приводящими въ дѣйствіе двигающія мышцы *M*, изъ которыхъ одна дѣйствуетъ на діафрагму *D*, другая—на грудь *P* и третья—на носъ *N*. Въ томъ состояніи, въ какомъ находится паціентъ, боль не чувствуется; поэтому рекомендуемую д-ромъ Лабордомъ процедуру можно совершать довольно долго, безъ опасенія причинить боль. Не должно также слишкомъ скоро терять надежду на успѣхъ, такъ какъ бывали случаи, когда естественное дыханіе возвращалось лишь спустя два часа послѣ начала эксперимента. Такъ долго, разумѣется, одно и то же лицо не можетъ продолжать рекомендуемую процедуру оживленія, поэтому желательно, чтобы черезъ каждую четверть часа была смѣна. Методъ Лаборда часто оказывалъ дѣйствіе тамъ, гдѣ вкратцѣ описанные выше способы не давали никакихъ результатовъ; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывается безрезультатнымъ и онъ, можно почти съ увѣренностью утверждать, что смерть уже не мнимая, а настоящая.

Польза снѣга на войнѣ. — Во время зимнихъ кампаній, быть-можетъ, недалекаго будущаго, брустверы изъ снѣга будутъ представлять надежную защиту отъ убійственнаго дѣйствія теперешнихъ малокалиберныхъ ружей пѣхоты. Во Франціи недавно производились по этому поводу офицерами Орильякскаго гарнизона чрезвычайно интересные опыты. Выстрѣлы изъ Лебелевскаго ружья были направлены на снѣжныя стѣны, толщиной отъ одного до двухъ съ половиной метровъ, при чемъ оказалось, что на разстояніи пятидесяти метровъ пуля пробивала толщу снѣга только до одного метра шестидесяти пяти сантиметровъ, но дальше не шла. Такимъ образомъ можно сказать, что снѣжная стѣна, толщиною въ одинъ метръ и семьдесятъ пять сантиметровъ, представитъ вполнѣ достаточную защиту отъ выстрѣловъ новѣйшихъ малокалиберныхъ ружей, такую же защиту, какъ земляной валъ. Пули съ стальной оболочкой изъ нѣмецкаго ружья М/88, напримѣръ, пробиваютъ на разстояніи ста метровъ свѣженабросанный песокъ только на

0,9 метра; вмѣсто песчаной стѣны, толщиной въ одинъ метръ, тѣ же услуги во время зимнихъ походовъ можетъ оказать брустверъ изъ снѣга приблизительно въ два раза толще.

Муравьи-бурдюки. — Уже нѣсколько лѣтъ, какъ сдѣлались извѣстны тѣ виды американскихъ и австралійскихъ муравьевъ, которые имѣютъ странное обыкновеніе наполнять нѣкоторыя особи своей породы медомъ до такой степени, что тѣло упитываемыхъ разбухаетъ въ шарообразный бурдючокъ, величиной съ горошину и даже болѣе. Эти живые сосуды съ медомъ, по словамъ Prometheus'а, подвѣшиваются муравьями къ потолку ихъ коридоровъ и, въ случаѣ недостатка пищи, спасаютъ населеніе муравейника отъ голода. Въ Мексикѣ такихъ муравьевъ продаютъ на рынкѣ, какъ лакомство. Теперь Гутчинсонъ открылъ медовыхъ муравьевъ и въ Африкѣ, въ Наталѣ; но эта порода отличается какъ отъ американскихъ Myrmecocystus, такъ и отъ австралійскихъ Camponotus. Замѣчательно, что, несмотря на различія породъ, одинъ и тотъ же инстинктъ совершенно одинаково развился у муравьевъ въ трехъ различныхъ частяхъ свѣта.

Свѣтящіяся растенія. Въ темную душную лѣтнюю ночь иногда случается видѣть слабый свѣтъ на старыхъ древесныхъ пняхъ. Говорятъ, этотъ фосфорическій свѣтъ издаетъ старое полусгнившее дерево. Это не вѣрно: свойство свѣтиться въ темнотѣ, наподобіе фосфора, присуще не самому гніющему дереву, но одному грибку, который въ немъ размножается. Онъ пускаетъ свои мицеліи (органы питанія, наподобіе древесныхъ корней) въ древесину и не мало способствуетъ разрушенію дерева. Во время образованія новыхъ мицелій и происходитъ процессъ свѣченія грибка подъ вліяніемъ теплаго влажнаго воздуха. Этотъ процессъ начинается уже при 10 градусахъ тепла, при 18—20° онъ усиливается; при 25—30°— свѣтъ всего ярче. При еще болѣе высокихъ температурахъ свойство свѣтиться въ темнотѣ утрачивается. Въ нашихъ широтахъ этимъ свойствомъ обладаютъ нѣкоторые виды Agaricus melleus, Polyporus igniarius, Trametes pini и т. д. Они сообщаютъ гніющему дереву бѣловатый и, при надлежащей температурѣ, очень продолжительный свѣтъ. Еще красивѣе свѣтъ, развиваемый оливковымъ грибкомъ, который размножается осенью на засыхающихъ оливковыхъ деревьяхъ Прованса. Если потереть одинъ кусокъ прогнившаго и проточеннаго мицеліями оливковаго дерева о другой, то свѣтъ дѣлается настолько сильнымъ, что при немъ можно разобрать время на карманныхъ часахъ. У этого интереснаго грибка красивый золотисто-желтый цвѣтъ. Свѣтящіяся растенія тропическихъ странъ, конечно, отличаются болѣе значительной силой свѣта. Такъ, въ 1840 году въ Австраліи однимъ англійскимъ ученымъ найденъ грибокъ, при свѣтѣ котораго можно читать газету, для чего достаточно положить снятый съ дерева грибной наростъ на середину газеты. Въ Бразиліи есть грибокъ, распространяющій ночью на далекое разстояніе волшебный зеленоватый свѣтъ. Онъ размножается на сухихъ листьяхъ карликовой пальмы, почему туземцы-ботокуды и называютъ его «пальмовымъ свѣтомъ». Въ юго-восточной Азіи есть свой «пальмовый свѣтъ», но онъ не одинаковаго происхожденія съ бразильскимъ, а вызывается особымъ свойствомъ панданововой пальмы, цвѣточные початки которой, висящіе подобно еловымъ шишкамъ на стройномъ деревѣ, съ его длинными листьями и воздушными корнями, испускаютъ ночью довольно сильный зеленоватый свѣтъ. Это такъ-называемые «факелы духовъ» малайцевъ. Нѣкоторыя изъ цвѣтущихъ растеній нашихъ широтъ также обладаютъ свойствомъ немного свѣтиться въ темнотѣ. Такъ, у *ненастоящей ромашки* (Chrysanthemum inodorum) можно видѣть блѣдный свѣтъ, настоящей ромашкѣ несвойственный, чѣмъ одинъ цвѣтокъ и отличается отъ другого. *Капуцинъ* (Tropaeolum majus) изъ семейства гераніевыхъ, съ ярко-оранжевыми крупными, красивыми цвѣтами испускаетъ слабый свѣтъ, впервые замѣченный однимъ французскимъ ученымъ въ 1880 году. Кромѣ того, свѣтятся и туберозы.

Упомянемъ еще о ясенцѣ (Dictamnus albus), кустарниковомъ растеніи средней Европы и Азіи, разводимомъ иногда въ садахъ. Стебли, преимущественно же волосистыя цвѣточныя ножки этого растенія, снабжены железками, содержащими эѳирное масло въ такомъ количествѣ, что въ теплые сухіе лѣтніе вечера оно образуетъ настоящее облачко тумана вокругъ большихъ цвѣточныхъ кистей, сидящихъ на вершинѣ стебля. Если поднести зажженную спичку къ этому туманному кольцу, особенно густому подъ цвѣторасположеніемъ, то спичка разгорается яркимъ пламенемъ, при чемъ горящее масло даетъ пріятный ароматическій запахъ.

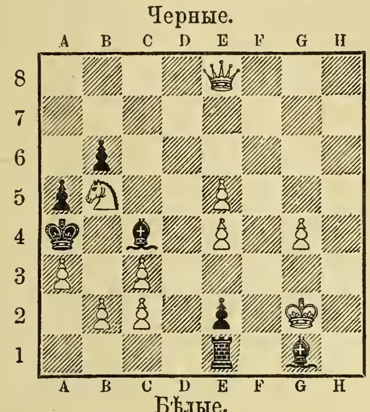
ШАХМАТЫ

подъ редакц. Э. С. Шифферса.

Задача №. 31.

W. A. Shinkman (Grand-Rapids).

Черные.



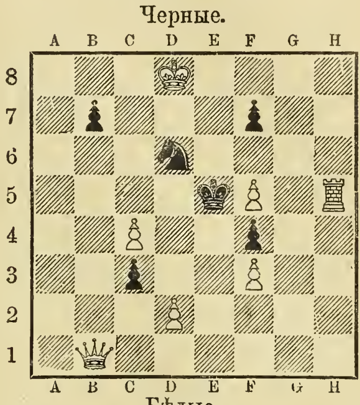
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача №. 32.

I. Pospisil (Прага).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

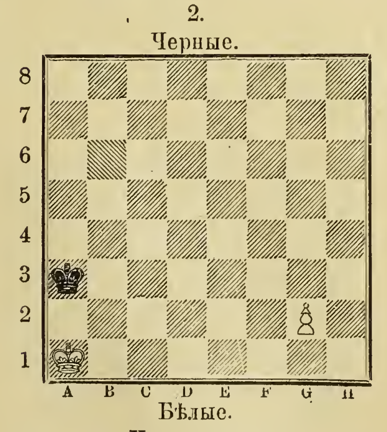
Курсъ концовъ партій.

§ 6. Проходная незащищенная пѣшка.

(Продолженіе.)

2.

Черные.



Бѣлые.

a. Ходъ черныхъ.

1.	. . .	**Кр. a3 — b3**
2.	**g2 — g4**	**Кр. b3 — c4**
3.	**g4 — g5**	**Кр. c4 — d5**
4.	**g5 — g6**	**Кр. d5 — e6**
5.	**g6 — g7**	**Кр. e6 — f7**

и выигрыв. пѣшку; или

2.	**Кр. a1 — b1**	**Кр. b3 — c3**
3.	**Кр. b1 — c1**	**Кр. c3 — d3**

Если 3. g2—g4, то Кр. c3—d4.

4.	**Кр. c1 — d1**	**Кр. d3 — e3**
5.	**Кр. d1 — e1**	. . .

и черные послѣ Кр. e3—f3 выигрываютъ пѣшку, если пѣшка стоитъ на третьемъ полѣ, или же они иначе достигаютъ положенія ничьей.

b. Ходъ бѣлыхъ.

1.	**g2 — g4**	**Кр. a3 — b4**
2.	**g4 — g5**	**Кр. b4 — c5**
3.	**g5 — g6**	**Кр. c5 — d6**
4.	**g6 — g7**	**Кр. d6 — e7**
5.	**g7 — g8 Ф.**	и матъ черезъ 9 ходовъ.

Такъ какъ въ № 1 (см. № 4 Апрѣль с. г.) черный король послѣ мѣны фигуръ стоитъ внѣ квадрата b5—b8—e8—e5, то партія для него проиграна.

Можно также счетомъ ходовъ опредѣлить исходъ игры. Если король противника по діагонали или по прямой линіи стоитъ на одно поле далѣе отъ поля, куда проходитъ пѣшка, то онъ ее не догонитъ, если ея ходъ.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ, сочиненныхъ К. Янишемъ, бѣлые должны обращать пройденную пѣшку въ слона или коня, чтобы избѣжать пата.

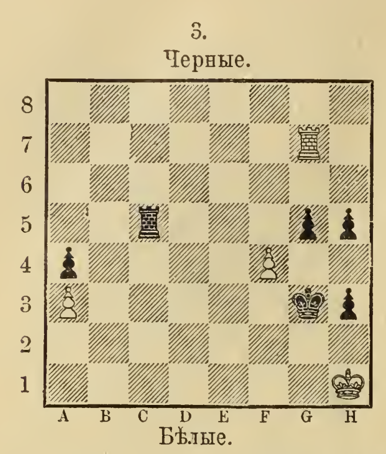
1.	**Л. g7 : g5+**	**Л. c5 : g5**
2.	**f4 : g5**	**h3 — h2**
3.	**g5 — g6**	**Кр. g3 — h3**
4.	**g6 — g7**	**h5 — h4**
5.	**g7 — g8 С.**	. . .

Очевидно, нельзя было поставить ферзя или ладью.

5.	. . .	**Кр. h3 — g3**

3.

Черные.



Бѣлые.

6. С. g8 — e6 Кр. g3 — f3 или h5—h4.

7. С. e6 — d7 . . .

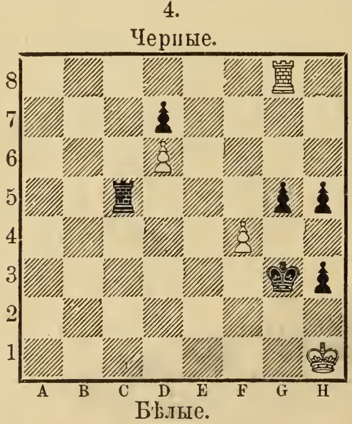
Бѣлые берутъ пѣшку a4, продвигаютъ пѣшку на a4 и затѣмъ, взявши обѣ пѣшки h, подходятъ королемъ къ своей пѣшкѣ и проводятъ ее въ ферзя.

Если бы бѣлые поставили коня на g8, то игра была бы также выиграна:

5. g7—g8 К., Кр. g3; 6. К. f6, Кр. f2; 7. К. e4+; Кр. e2; 8. К. c3+, Кр. d2; 9. К : a4, Кр. c2!; 10. К. b2 и т. д. (10. К. c5 или b6; 11. К. c3 или b3; пѣшка защищена сверху, а потому пѣшка пропадаетъ.

4.

Черные.



Бѣлые.

Въ данномъ положенiи бѣлые вынуждаются поставить коня:

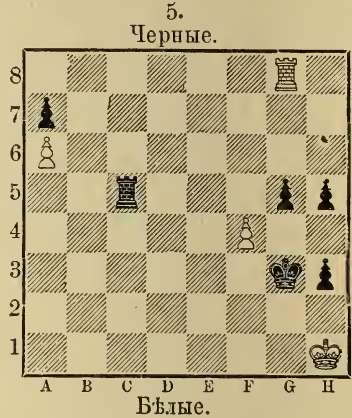
До 5 хода, какъ въ предыдущей игрѣ.

5. g7 — g8 К Кр. h3 — g4
6. К. g8 — f6+ Кр. g4 — f5
7. К. f6 — e8! Кр. f5 — e6
8. Кр. h1 : h2 Кр. e6 — f7
9. К. e8 — c7 К. f7 — f6
10. Кр. h2 — h3 Кр. f6 — g5
11. К. c7 — e8 Кр. g5 — g6
12. Кр. h3 : h4 Кр. g6 — f7
13. К. e8 — c7 . . .

Бѣлый король отгоняетъ чернаго съ линiй f и e, занимаетъ поле e7, и пѣшка d7 завоевывается. Если бы 5. g7—g8 С., то Кр. h3—g4; 6. С. e6+, Кр. f4 и Кр. e5! и ничья.

5.

Черные.



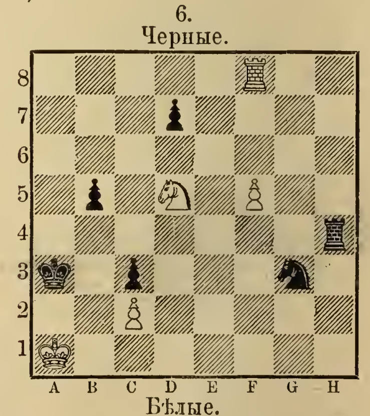
Бѣлые.

Въ данномъ положенiи выигрышъ вообще невозможенъ. Черный король отправляется на a8 и тамъ невозможно его заматовать, напр.:

5. g7—g8 К., Кр. g3; 6. К. e7, Кр. f4; 7. К. c6, Кр. e4; 8. К : a7, Кр. d5; 9. К. b5, Кр. c6; 10. Кр : h2, Кр. b6; 11. a7, Кр. b7;=.

6.

Черные.



Бѣлые.

Въ данномъ положенiи послѣ 1 Л. a8,+ Л. a4; 2. Л : a4, ba!; 3. f6. К. e4; 4. f7, К. d6; слѣдуетъ на f8 поставить ладью. 5. f8 Л. и затѣмъ играть 6. Л. f3, выигрывая легко; если же 5. f8 Ф. (или 5. f8 С.), то былъ бы патъ; а послѣ 5. f8 К.,

К. e4; 6. К : d7, К. c5; 7. К. b6, К. b3+; 8. Кр. b1, К. d2+; 9. Кр. c1, К. e4, и т. д., выигрышъ невозможенъ.

(Продолженіе будетъ).

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПАРТІЯ.

Третья партія матча.

	Пильсбери. Бѣлые.	**Шовальтеръ.** Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
3.	С. f1 — c4	С. f8 — c5
4.	К. b1 — c3	d7 — d6
5.	d2 — d3	a7 — a6?
6.	С. c1 — e3	С. c5 : e3
7.	f2 : e3	К. c6 — a5
8.	С. c4 — b3	К. a5 : b3
9.	a2 : b3	К. g8 — h6
10.	0 — 0	c7 — c6 [1])
11.	d3 — d4	Ф. d8 — e7
12.	Ф. d1 — e1	0 — 0
13.	Ф. e1 — g3	f7 — f6 [2])
14.	h2 — h3	С. c8 — e6
15.	Л. f1 — f2	Л. a8 — e8
16.	Л. a1 — f1	С. e6 — c8
17.	К. f3 — h4	Кр. g8 — h8
18.	d4 — d5	c6 — c5
19.	К. h4 — f5	С. c8 : f5
20.	e4 : f5	Л. e8 — c8?
21.	Ф. g3 — h4	Ф. e7 — f7?
22.	g2 — g4	Ф. f7 — e7
23.	К. c3 — e4	К. h6 — f7
24.	Ф. h4 — h5	Кр. h8 — g8
25.	h3 — h4	h7 — h6
26.	Л. f2 — g2 [3])	Л. c8 — c7
27.	Кр. g1 — h1	c5 — c4
28.	Л. f1 — g1	c4 : b3
29.	c2 : b3	Л. f8 — c8
30.	g4 — g5	h6 : g5
31.	h4 : g5	К. f7 : g5
32.	Л. g2 : g5! [4])	f6 : g5
33.	К. e4 : g5	g7 — g6
34.	Ф. h5 : g6+	Ф. e7 — g7
35.	Ф. g6 — e6+	Кр. g8 — h8
36.	Л. g1 — g3	Л. c7 — c1+
37.	Кр. h1 — g2	Л. c8 — c2+
38.	Кр. g2 — f3	Л. c1 — f1+
39.	Кр. f3 — e4	Л. f1 — h1
40.	Ф. e6 — e8+	сдался.

Примѣчанія.

[1]) Слѣдовало играть 10. . . . f7—f5; 11. d4 (11. ef, К : f5 и 0—0), ed; 12. ed, 0—0.

[2]) Безполезно. Слѣдовало играть 20. . . . Л. g8; 21. К. e4 (Ф. h4, К. f7; 22. К. e4, К. g5 и т. д.), g5; 22. fg, f5 и Л : g6.

[3]) Атака бѣлыхъ теперь неотразима.

[4]) Красивая жертва, рѣшающая партію.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ № 3 Литер. прилож. „Нивы" за мартъ 1897 г.

№ 14. **К. Эрлина.** Матъ въ 3 хода. (**Съ черной пѣшкой на d7**).

1. **Ф. h6—h2**, Кр : d5; 2. Л. d4+ и 3. Ф‡.
1. . . . ., b6; 2. Л. b5+ и 3. Ф‡.
1. . . . ., Л. a6; 2. Л. c4+ и 3. Ф‡.

Остальное понятно.

№ 15. **A. v. Spóner.** Матъ въ 3 хода.

1. **Кр. c4—c5**, f6—f5; 2. Л. e3+ и 3. f3‡.
1. . . . ., e5; 2. Кр. c4, ∾; 3. К. c5‡.

№ 16. **М. Морозенскаго.** Матъ въ 2 хода.

1. **С. e8—f7**, ∾; 2. Матъ различными способами.

Правильныя рѣшенія прислали: всѣхъ задачъ: **В. Л. Дейбнеръ, Н. С. Даржанъ, Подписчикъ съ Охты** (СПБ.); **С. В. Трембицкій** (Смол. губ.); **К. Неліусъ** (Штриккенъ); **А. Марцинковская** (С. Грудъ, Сѣдл. г.); **Э. И. К.** (Гатчино); **С. П. Соколовъ** (Калуга); (№№ 15 и 16) **Н. Ф. Бончковскій** (Москва); **А. П. Адріановскій** (Саратовъ); **А. И. Богородицкій** (Старобѣльскъ); **Подписч. № 90007** (Симб. г.); **М. Розенцвайгъ** и **А. Сухотинъ** (Могил. г.); **И. И. Любомірскій** (Шлиссельбургъ): (№ 16) **Н. И. Лавровъ** (Москва); **В. В. Яковлевъ** (Воронежъ); (№ 14) **А. В. Аксовичъ** (СПБ.); (15, 16) **А. В. Чижевскій** (Вязьма); (16) **Филимоновъ** (Рыльскъ); **А. Померанецъ** (Пружаны); (15, 17) **С. Алексѣевъ** (Нижній-Новгородъ).

Корреспонденція.

Е. М. въ Одессѣ. Въ настоящее время существуютъ перев. нѣм. руков. Ж. Дюфреня и перев. руков. Порціуса. Можно выписать черезъ Александра Константиновича Макарова, издат. **„Шахм. Журн."** СПБ., Обуховскій заводъ.

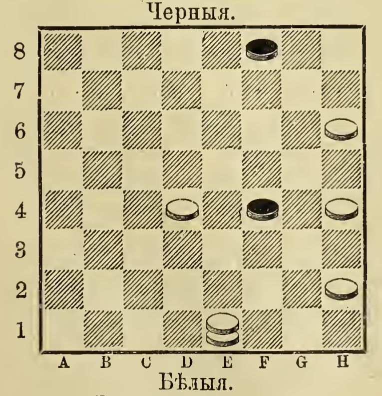
К—у (Одесса). Годныя задачи будутъ со временемъ помѣщены.

ШАШКИ.

Задача №. 33.

С. Е. Орловъ (сл. Журавка, Ворон. г.).

Черныя.



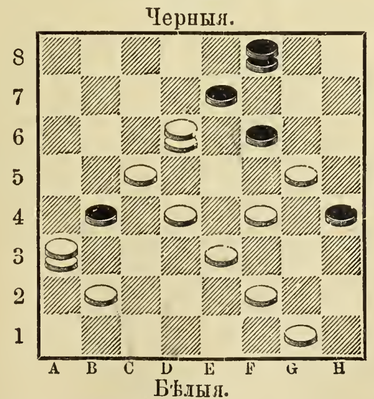
Бѣлыя.

Запереть простую.

Задача №. 34.

Его-же.

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и 2 простыхъ.

Задачи № 64. **Ф. И. Уткина** (Дек. 1896).

Рѣшеніе задачи № 64. **Ф. И. Уткина.**

1. f6—d8, h4 : f6 (a); 2. d8 : a5, a7, b6 (b, c); 3. g7 : e5; 4. h6—g5; 5. e3—d4; 6. c1—f4; 7. f4—e5; 8. d4—c5; 9. e5—d4; 10. a5—b4; 11. d4—f2; 12. e1—f2; 13. b4—d2 и 14. d2—e1. (c) 2. . . . f6—g5; 3. h6 : f4; 4. f4—g5; 5. c5—b6; 6. e3—d4; 7. e1—d2; 8. d2—e3; 9. c1—e3 и 10. a5—e1. (b) 2. . . . f6—e5; 3. a5—c3; 4.

c5—b6: 5. e3—d4; 6. h6—g5 и 7. c3 : h8. (a) 1. . . h8 : f6; 2. d8 : a5, a7—b6 (d); 3. c5 : a7; 4. a5—b4; 5. e3—d4; 6. c1—g5; 7. a7—b8; 8. b8—f4; 9. f4—d2; 10. d2—a5, b2—a1 (b2—c1; 11. e1—d2; 12. a5—b4 и 13. b4—e1); 11. f2—e3; 12. a5—c3 и 13. h6—c1. (d) 2. . . f6—e5 сводится къ варіанту b.

Рѣшеніе задачи № 65. **М. А. Аносова.**

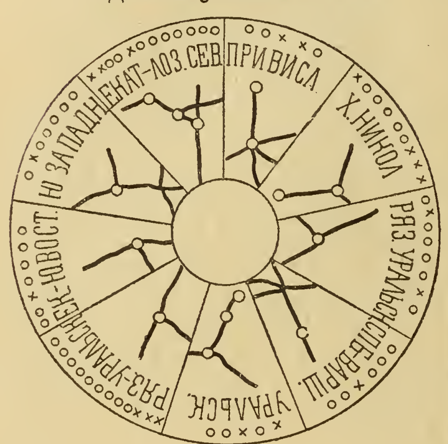
1. **d8—b6**, d4—e3 (a, b, c); 2. f4 : d2, a3—b2 (d): 3. c1 : c5; 4. b6—a7, b2—c1 (e); 5. d2—g5; 6. g3—f4; 7. h6 : f4; 8. f4—h6; 9. h6—g5; 10. f2—e3; 11. g1—f2; 12. a7—b8 и 13. b8—h2. (e) 4. . ., b8—a1; 5. a7—b8; 6. g3—e5; 7. g1—h2; 8. h6—e3; 9. e1—f2; 10. b8—g3 и 11. d2—e1. (d) 2. . . . c3—b2; 3. d2 : a5; 4. e1—d2; 5. b6—d4; 6. c1—d2; 7. a5 : e1; 8. g1—h2 и т. д. (c) 1. . . a3—b2; 2. b6 : e3, b2—a1 (f, g5); 3. e3—d2, a1—b2 (h, i); 4. c1 : e5; 5. d2—c1; 6. e1—d2; 7. c1—b2; 8. d2—e3; 9. g1—h2 и т. д. (i) 3. . . c3—b2; 4. d2—a5. (h) 3. . . b4—a3; 4. d2 : b4; 5. g1—h2; 6. f4—e5 и 7. h6—f8. (g) 2. . . b4—a3; 3. e3—d2; 4. d2 : b4 и какъ въ вар. h. (f) 2. . . c3—d2; 3. e1 : a5; 4. e3—b6; 5. f4—e5; 6. g1—h2 и т. д. (b) 1. . . c3—d2; 2. c1 : c5; 3 f4 : b8; 4. g1—h2, b2—c1 (к); 5. e1—d2 и т. д. (к) 4. . . b2—a1; 5. b6—a5; 6. b8—e5; 7. e1—d2; 8. d2—e3; 9. h6—e3 и 10. a5—e1. (a) 1. . . c3—b2; 2. b6 : e3, b2—a1 (b4—c3 см. вар. h); 3. e3—b6; 4. f4—e5; 5. g1—h2 и 6. h6—d2.

Обстоятельныя рѣшенія этихъ двухъ задачъ никѣмъ не были присланы.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

подъ редакціей **Ю. О. Г.**

Задача буквъ №. 35.



Изъ названій узловыхъ и конечныхъ станцій данныхъ желѣзныхъ дорогъ составить народную пословицу, отбросивъ предварительно буквы, соотвѣтствующія кружкамъ.

Задачка №. 36.

Пассажирскій пароходъ, идя вверхъ по теченію рѣки, проходитъ разстояніе между городами А и В въ $4^1/_2$ часа, а обратно— въ 3 часа. Во сколько времени при тѣхъ же условіяхъ проплыветъ то-же разстояніе боченокъ, брошенный въ теченіе рѣки въ мѣстѣ В?

Рѣшеніе алгебраической задачи №. 22

(помѣщ. въ „Литер. прил.“ № 3).

1) a = 3 = в	a + b = c + z
2) b = 4 = г	b : 2z = a : y
3) c = 1 = a	x = b + y
4) x = 13 = л	y — c = 2b
5) y = 9 = и	b — c = $\frac{z}{2}$
6) z = 6 = e	

Шестое условіе рѣшается отдѣльно.

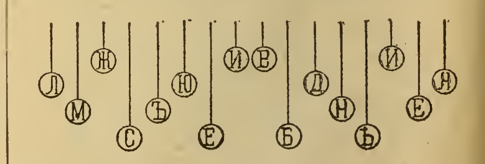
Галеви.

Правильныя рѣшенія доставили: **А. Пулло** (ст. Бобринская), **Р. М. Ундринцевъ** (Казань), **I. I. Сѣверскій** (Москва), **М. С. Зеленецкая** (Новоградъ-Волынскъ), **А. М. Кузнецовъ** (Радомъ).

Рѣшеніе задачи „созвѣздіе“ №. 19 (помѣщ. въ „Литер. прил.“ № 3).

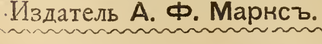
„Телецъ“.

Рѣшеніе задачи блоковъ №. 20 (помѣщен. въ „Литер. прилож.“ № 3).

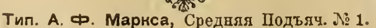


„Живи людямъ, не себѣ“.

Правильныя рѣшенія доставили: **А. Пулло** (ст. Бобринская), **С. Доленга-Семеновская** (Корсунь), **С. Мордашовъ** (Литижъ), **А. Н. Деминъ** (Москва), **В. В. Блонскій** (Одесса), **В. М. Жилкинъ** и **Р. И. Симоновъ** (Порѣчье).


Издатель **А. Ф. Марксъ.**

За редактора **А. Ф. Марксъ.**


Тип. **А. Ф. Маркса**, Средняя Подъяч. № 1.

Дозволено цензурою. СПБ. 10 мая 1897 г.

Взятка.

(Изъ разсказовъ стараго студента.)

И. Н. Потапенко.

Числа около пятнадцатаго августа къ университетскому подъѣзду съ улицы подкатила изящная коляска, запряженная парой сѣрыхъ рысаковъ. Ливрейный лакей ловко соскочилъ съ своего мѣста и помогъ выйти изъ коляски сѣдоку.

А сѣдокъ былъ совсѣмъ еще юный человѣкъ. На видъ ему нельзя было дать болѣе двадцати лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, тонкій, стройный, лицо у него было смуглое, съ начисто выбритыми щеками, подбородкомъ и верхней губой. Когда онъ шелъ отъ коляски къ двери, то можно было замѣтить, что онъ слегка прихрамываетъ. Очевидно, у него отъ природы ноги были неодинаковой длины. Но отъ этого наружность его нисколько не теряла въ изяществѣ. Онъ и прихрамывалъ очень граціозно, и это ему шло. Казалось, что, если бы у него не было этого недостатка, то было бы не такъ красиво. Есть люди, которымъ идутъ извѣстные недостатки.

Онъ вошелъ въ вестибюль, и тотчасъ же сама собою ярко подчеркнулась разница между его внѣшностью и внѣшностью тѣхъ молодыхъ людей, которые здѣсь были раньше. Поношенность и обтрепанность ихъ костюмовъ, небрежность причесокъ, неуклюжесть походки, отсутствіе какихъ бы то ни было манеръ, иногда и очень нерѣдко — умышленное, все это выступало гораздо рельефнѣе, когда среди нихъ появился юноша, одѣтый по модѣ и притомъ такъ, что во всякой складкѣ его пальто, въ каждой линіи его модной шляпы сквозило богатство. Взглянувъ на него, сейчасъ же можно было сказать, что этотъ человѣкъ не стѣсняется въ средствахъ и не знаетъ, что̀ значитъ стѣсняться въ нихъ.

На него, разумѣется, тотчасъ обратили вниманіе. Тѣ, кто попарно ходили изъ одного конца въ другой, остановились; тѣ, кто были въ дальнихъ углахъ, приблизились. А онъ шелъ сперва твердо, но затѣмъ нерѣшительно остановился, потому что, очевидно, не зналъ, куда надо идти дальше.

Потомъ онъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ небрежнымъ взглядомъ, немного свысока, и какъ бы мимоходомъ спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь принимаютъ бумаги?

Ему никто не отвѣтилъ, но всѣ съ любопытствомъ придвинулись. Кто-то слегка выступилъ изъ толпы и, подойдя, сколько было возможно близко, сталъ безцеремонно разсматривать его костюмъ.

— Какія это бумаги? — спросилъ онъ нѣсколько высокомѣрнымъ тономъ, какъ бы отвѣчая этимъ на его небрежный тонъ.

— Я говорю о документахъ... Гдѣ принимаютъ документы?

— Въ канцеляріи. Разумѣется, въ канцеляріи.

— А гдѣ же эта канцелярія?

И онъ началъ присматриваться къ окружившимъ его людямъ. Можетъ-быть, онъ замѣтилъ, что его появленіе вызвало особенное любопытство. А можетъ-быть, онъ и ничего не замѣтилъ, потому что эти люди его не интересовали.

Но странно было, что никто не захотѣлъ опредѣленно отвѣтить ему на его простой вопросъ. Канцелярія, въ которой принимали бумаги отъ молодыхъ людей, вступающихъ въ университетъ, была въ двухъ шагахъ отсюда, и всѣ это знали. И всѣ отлично понимали, что̀ ему собственно надо. Но именно тогда, когда надо было отвѣтить ему, всѣ какъ-то начали отступать и расходиться, точно каждый боялся, что ему-то именно и придется оказать новоприбывшему эту простую услугу. Въ особенности странно было видѣть, какъ тотъ молодой человѣкъ, который выдвинулся изъ толпы и заговорилъ съ нимъ, презрительно окатилъ его взглядомъ и демонстративно отошелъ прочь.

Было мгновеніе, когда пріѣзжій оказался въ безпомощномъ положеніи: среди такого множества людей онъ не могъ добиться самой простой вещи — узнать, гдѣ отъ него могутъ принять бумаги.

Но въ эту-то именно минуту изъ дальняго угла, гдѣ стоялъ небольшой столикъ, около котораго обыкновенно находился университетскій швейцаръ, Иванъ Прохоровичъ,—человѣкъ чрезвычайно уважаемый не только студентами, но и профессорами, которые даже подавали ему руку,—изъ этого угла стремительно помчался къ нему крупный, плотно сложенный человѣкъ, съ почтенной, уже сѣдой, бородой и столь же почтенной широкой лысиной. Подбѣжавъ къ пріѣзжему, онъ какъ-то расшаркался и остановился.

— Вамъ канцелярію? Неугодно ли пожаловать? Это вотъ здѣсь.

— Ага, вотъ здѣсь? — машинально переспросилъ пріѣзжій и тотчасъ же, повидимому, забывъ и обо всѣхъ присутствующихъ, и о выразительной сценѣ, которую ему сейчасъ устроили, пошелъ вслѣдъ за своимъ спасителемъ, Иваномъ Прохоровичемъ.

Дойдя до двери канцеляріи и убѣдившись по надписи, которая была на двери, что это именно то, что ему было надо, онъ остановился, пошарилъ въ карманѣ брюкъ, нашелъ тамъ нѣсколько двугривенныхъ и отдалъ ихъ Ивану Прохоровичу. Тотъ поблагодарилъ и возвратился къ своему неизмѣнному столику. А молодой человѣкъ вошелъ въ канцелярію.

Въ канцеляріи онъ былъ недолго. По бумагамъ онъ имѣлъ всѣ права на поступленіе въ университетъ, и нѣкоторыя пустыя формальности заняли не болѣе четверти часа. Скоро онъ прошелъ тѣмъ же путемъ черезъ вестибюль обратно. Студенты уже не собирались около него, а вполнѣ презрительно оставили его безъ вниманія. Когда онъ приблизился къ выходной двери, его лакей, съ улицы сквозь стеклянную дверь внимательно слѣдившій за всѣмъ, что происходило внутри, и поджидавшій его, торжественно растворилъ передъ нимъ дверь, помогъ ему сойти съ трехъ ступенекъ подъѣзда, осторожно подсадилъ его въ коляску и затѣмъ сѣлъ на свое мѣсто. Молодой человѣкъ уѣхалъ на своихъ чудныхъ сѣрыхъ рысакахъ.

Между тѣмъ въ вестибюлѣ и въ примыкавшихъ къ нему коридорахъ

образовались группы и въ нихъ происходило дѣятельное обсужденіе только что промелькнувшаго явленія.

Такое явленіе, какъ шикарно одѣтый молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ богатой коляскѣ, запряженной дорогими рысаками, съ ливрейнымъ лакеемъ, съ цѣлью сдѣлаться студентомъ, то-есть присоединиться къ этому, съ виду разрозненному, но въ дѣйствительности крѣпко сплоченному незримой, духовной связью обществу, не могло не остановить на себѣ вниманія, какъ чрезвычайно рѣдкое.

— Что это за птица?—спрашивали студенты другъ у друга, — знаетъ его кто-нибудь?—и тутъ же по пути высказывались впечатлѣнія.

Трудно было объяснить, почему этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ приличный молодой человѣкъ произвелъ на всѣхъ такое неблагопріятное впечатлѣніе. У него было очень симпатичное лицо, красивые темные глаза, большой лобъ; въ манерѣ держаться въ сущности не было ничего отталкивающаго, кромѣ развѣ нѣкоторой небрежности, которая была, быть-можетъ, просто привычкой. А между тѣмъ общее мнѣніе о немъ было отрицательнаго свойства.

— Что за противная морда! — говорили про него, — трудно придумать что-нибудь болѣе непріятное. Откуда онъ появился? Можетъ-быть, это принцъ какой-нибудь?

— Нѣтъ, это не принцъ, господа, я его знаю! — откликнулся, наконецъ, одинъ изъ товарищей, кажется, самый молодой, только что сдѣлавшійся студентомъ. Но странно, что у него, несмотря на то, что онъ нѣсколько лишь дней тому назадъ снялъ гимназическій мундиръ, пиджакъ былъ такой поношенный, какъ будто онъ таскалъ его уже года три.—Я его знаю, господа, мы съ нимъ были въ одной гимназіи.

— Кто же онъ?

— Его фамилія Галати.

— Галати? Это сынъ извѣстнаго богача?

— Ну, да. У его отца семь милліоновъ.

— Семь милліоновъ! — воскликнуло нѣсколько голосовъ. — Это безсовѣстно — обладать семью милліонами.

— Да, въ особенности, если принять во вниманіе, что мы съ тобой не обладаемъ оба вмѣстѣ семью рублями...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, господа, вѣдь это безсовѣстно! Вѣдь семь милліоновъ заработать нельзя.

— У него хлѣбная контора,—продолжалъ пояснять товарищъ Галати.— Онъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ держитъ агентовъ, которые скупаютъ хлѣбъ по дешевымъ цѣнамъ, и потомъ онъ большими партіями, цѣлыми кораблями, отправляетъ его за границу и наживаетъ страшныя деньги.

— То-то у него такая противная рожа!

— Онъ, должно-быть, изъ грековъ!—предположилъ кто-то.

— Да, по происхожденію; но въ немъ ужъ теперь ничего нѣтъ греческаго, они давно обрусѣли, эти Галати.

— Не понимаю, зачѣмъ онъ въ университетъ поступаетъ. Вѣдь, все равно, на лекціи ходить не будетъ; зачѣмъ ему наука?

— Конечно, не будетъ ходить, потому что онъ можетъ ѣздить! — сострилъ кто-то.

— Онъ, должно-быть, думаетъ,— продолжалъ товарищъ Галати: — что въ университетѣ можно такъ же ловко устроиться, какъ въ гимназіи. Тамъ онъ ничего не дѣлалъ, но зато бралъ уроки у всѣхъ учителей и дорого платилъ. Вотъ его и переводили изъ класса въ классъ. Но тутъ съ этимъ далеко не уйдешь.

— О, еще бы! Пусть-ка попробуетъ сунуться...

Словомъ, сразу и, повидимому, безъ всякихъ поводовъ со стороны Галати, всѣ, кто присутствовалъ при его появленіи, настроились противъ него враждебно. Потомъ это чувство передалось и другимъ, тѣмъ, кого здѣсь не было. Трудно сказать, отчего это произошло. Можно было подумать, что у плохо одѣтыхъ молодыхъ людей зашевелилась зависть къ этому счастливцу, еще такому молодому и уже ѣздящему въ собственной коляскѣ, на чудныхъ рысакахъ, имѣющему возможность такъ изящно одѣваться. Но это была бы неправда. Эти молодые люди искренно презирали матеріальныя блага жизни. Во все время, что они были студентами, они тѣшились и даже наслаждались бѣдностью, которая была тѣмъ пріятнѣе, что была общимъ явленіемъ. Среди нихъ не было богатыхъ, всѣ нуждались, всѣ давали уроки, кое-какъ перебивались, добивались стипендіи, и никто не жаловался на судьбу. Притомъ же чувство зависти просто-таки было несвойственно ихъ молодымъ душамъ. Но тутъ, по всей вѣроятности, сама собой сказалась разность положеній. Появленіе шикарно одѣтаго молодого человѣка въ этихъ стѣнахъ, привыкшихъ къ обтрепаннымъ пиджакамъ и ситцевымъ косоворотымъ рубашкамъ, какъ бы оскорбляло ихъ.

Это былъ первый узелъ въ отношеніяхъ Галати къ товарищамъ, завязанный помимо его участія, но имѣвшій огромное вліяніе на всѣ его будущія университетскія отношенія.

Потомъ въ теченіе учебнаго года онъ перезнакомился со всѣми товарищами по курсу (онъ былъ юристомъ) и съ нѣсколькими другими. Онъ нисколько не измѣнилъ своихъ привычекъ. Онъ какъ будто не замѣчалъ этой страшной разницы между его привычками и тѣми обычаями, которые господствовали здѣсь, въ этомъ кругу. Попрежнему онъ пріѣзжалъ въ университетъ въ коляскѣ, съ своимъ лакеемъ; иногда, какъ бы для разнообразія, онъ подкатывалъ къ университетскому подъѣзду въ одноколкѣ. Рысаки у него часто мѣнялись и были рѣшительно одинъ лучше другого. Его отецъ былъ любителемъ лошадей, платилъ за нихъ огромныя деньги, и его конюшня считалась первой въ городѣ. Всегда одѣтый по послѣдней модѣ, тщательно выбритый, искусно причесанный, онъ среди этой небрежно и подчасъ грязно одѣтой толпы производилъ впечатлѣніе человѣка, по ошибкѣ попавшаго въ нее, но самъ не замѣчалъ этого контраста. Онъ слишкомъ привыкъ къ себѣ самому, къ своему счастливому положенію, и слишкомъ мало обращалъ вниманія на другихъ.

Никто по совѣсти не могъ бы сказать про него ничего дурного; онъ никому не сдѣлалъ зла. Онъ былъ со всѣми любезенъ и предупредителенъ, даже ласковъ. Нѣкоторая небрежность въ его тонѣ была не больше, какъ манерой, и къ ней скоро всѣ привыкли и перестали замѣчать ее. По отношенію къ товарищамъ, когда выпадалъ случай, онъ былъ щедръ. Никто лично къ нему не обращался за помощью, поэтому онъ и не могъ доказать свою щедрость; но когда случался какой-нибудь спектакль или концертъ въ пользу студентовъ, всѣхъ или какой-нибудь группы, онъ больше всѣхъ бралъ билетовъ и платилъ за нихъ щедро. Точно такъ же, когда ему случалось увидѣть, что между товарищами составлялась подписка въ пользу какого-нибудь бѣдняка, онъ, хотя къ нему и не обращались, самъ шелъ навстрѣчу и подписывалъ крупную сумму.

И тѣмъ не менѣе всѣ къ нему относились холодно, сдержанно и даже слегка сторонились его. И все это

шло отъ того перваго узелка, который былъ завязанъ еще въ вестибюлѣ, при его первомъ появленіи въ университетѣ.

Онъ не особенно усердно посѣщалъ лекціи. Онъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей. Его баловали и предоставляли ему вести разсѣянную жизнь. Эта жизнь мѣшала ему быть хорошимъ студентомъ. Наука его не интересовала, онъ поступилъ въ университетъ единственно для того, чтобъ получить впослѣдствіи право называться человѣкомъ съ высшимъ образованіемъ. Онъ не хотѣлъ быть недоучкой. Судьба дала ему все: и богатство, и хорошее здоровье, и достаточно ума, и положеніе въ свѣтѣ,—зачѣмъ же ему было отказываться еще отъ одного немаловажнаго украшенія въ жизни? И онъ изрѣдка пріѣзжалъ въ университетъ, посвящая ему лишь то время, которое оставалось отъ легкихъ кутежей въ обществѣ такихъ же богатыхъ людей, какъ и онъ самъ. То, что онъ слушалъ въ аудиторіи, очень слабо проникало въ его голову и не надолго оставалось тамъ. Въ сущность лекцій онъ не вникалъ, слушалъ ихъ поверхностно и разсчитывалъ на случай, а можетъ-быть, и еще на что-нибудь. Вѣрнѣе же, что онъ, по своей молодости и полной неопытности человѣка, который никогда ни надъ чѣмъ не задумывался, ни на что не разсчитывалъ и ни надъ чѣмъ не ломалъ головы, просто наслаждался благами жизни, которыми такъ щедро одарила его судьба!

Но не онъ одинъ такъ относился къ лекціямъ. У другихъ, можетъ-быть, были другія причины,—одни увлекались книгами, посвящая имъ все свое время, котораго, благодаря этому, на лекціи оставалось слишкомъ мало. Другіе, борясь съ бѣдностью, отдавали все свое время добыванію средствъ, бѣгали по урокамъ, занимались перепиской, а въ университетъ только забѣгали, чтобъ узнать, не случилось ли чего-нибудь интереснаго. Третьи, почувствовавъ волю послѣ восьмилѣтняго томленія въ гимназіи, увлеклись веселой кружковой жизнью и откладывали ученье на послѣ. Однако, результатъ получался одинаковый: всѣ они плохо знали университетскіе предметы, но бо̀льшею частью на экзаменахъ оказывались счастливыми. Галати въ этомъ отношеніи былъ не самымъ слабымъ, были студенты гораздо слабѣе его.

Держать экзаменъ, это—особое искусство. Это—предразсудокъ, что надо непремѣнно обладать знаніями для того, чтобы получить хорошую отмѣтку. Надо только умѣть обойтись съ профессоромъ. Надо знать, какія слова слѣдуетъ говорить въ томъ или другомъ случаѣ, а Галати умѣлъ говорить лучше, чѣмъ другіе. Ему помогало въ этомъ воспитаніе, дававшее ему развязность и привычку не стѣсняться въ обществѣ.

И когда наступила пора экзаменовъ, Галати хотя и былъ очень слабо подготовленъ къ нимъ, но такъ же, какъ и другіе, выдерживалъ ихъ благополучно. Только съ однимъ профессоромъ у него дѣло не сладилось. И странно было то, что произошло это именно съ профессоромъ гражданскаго права, фамилія котораго была Марченко. Всѣ были изумлены результатомъ, который получился на экзаменѣ у этого профессора для Галати.

Трудно было представить себѣ болѣе добродушнаго и мягкаго человѣка, чѣмъ Марченко. Казалось, этотъ человѣкъ искренно страдалъ, когда студентъ, отвѣчая ему, затруднялся, и начиналъ всѣми силами помогать ему, какъ будто хотѣлъ обмануть самого себя и увѣрить другихъ въ томъ, что знаетъ предметъ не онъ самъ, а именно студентъ.

— Ну, вотъ, вотъ,—говорилъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда студентъ точно повторялъ его слова: — вы же знаете, вы только спутались, правда вѣдь? Ну, вотъ, это самое, это самое...

И кажется, за всю свою долголѣтнюю профессорскую дѣятельность Марченко не поставилъ ни одной двойки.

И вотъ начался у него экзаменъ. Галати сидѣлъ вмѣстѣ съ другими и вслушивался. Выходили одинъ за другимъ люди, знавшіе гражданское право только по наслышкѣ, и начинали на вопросы профессора говорить несообразныя вещи. Но терпѣливый до послѣдней степени Марченко выручалъ всѣхъ и ставилъ тройки. Рѣдко попадался студентъ, порядочно знавшій предметъ; за этого Марченко хватался обѣими руками, высказывалъ ему тысячу похвалъ и спѣшилъ прервать его отвѣтъ и поскорѣе поставить ему пятерку, какъ бы боясь, что и этотъ рѣдкій экземпляръ вдругъ начнетъ городить околесину.

И Галати былъ совершенно спокоенъ, въ полной увѣренности, что его небольшихъ знаній, которыхъ, однакоже, было все-таки больше, чѣмъ у многихъ, уже благополучно выдержавшихъ экзаменъ, будетъ вполнѣ достаточно. Онъ выдержалъ уже всѣ экзамены для перехода на второй курсъ и считалъ себя мысленно уже второкурсникомъ.

Пришла и его очередь. Онъ вышелъ къ столу и взялъ билетъ. Въ то время, когда другой студентъ еще отвѣчалъ и у Галати было нѣкоторое время, чтобы подготовиться и обсудить отвѣтъ, Марченко посмотрѣлъ на него и какъ-то криво усмѣхнулся. Такой усмѣшки еще никто не видѣлъ на его губахъ. Но Галати этого не замѣтилъ. Погруженный въ свой билетъ, онъ ждалъ, когда наступитъ время отвѣчать.

Но вотъ отвѣтившій студентъ ушелъ, благополучно получивъ тройку; Марченко обратился къ нему:

— Вашъ билетъ?

Галати передалъ ему свой билетъ.

— Ага! Ну, хорошо, говорите.

Галати началъ сперва нерѣшительно, но потомъ, овладѣвъ собой, сталъ довольно смѣло говорить слова, бòльшею частью ненужныя, но такъ или иначе идущія къ дѣлу, то-есть началъ примѣнять обычное искусство отвѣчать гладко и безъ запинки, съ малымъ знаніемъ предмета.

— Ага, такъ, такъ...—промолвилъ Марченко. — Только это не то, это совсѣмъ не то...

— Какъ не то?—тихо спросилъ Галати, нѣсколько огорошенный этимъ необычнымъ отрицаніемъ.

— Такъ, совсѣмъ не то... Ну, хорошо, говорите дальше...

Галати продолжалъ, но уже не съ такою увѣренностью, какъ прежде. Слова у него какъ-то перепутывались, и изъ нихъ не получалось никакого толку.

— Ну, такъ это-жъ все фразы... Вы говорите дѣло... Ага... Ага... Такъ, такъ. Только это никуда не годится... Ага... Я принужденъ поставить вамъ единицу...

Вся аудиторія съ изумленіемъ вытянула головы и не понимала, чтò все это значитъ.

— Но, господинъ профессоръ...— началъ, было, Галати, а Марченко перебилъ его:

— Я ставлю вамъ единицу! Я больше не могу вамъ поставить.

— Но позвольте, господинъ профессоръ...—уже нѣсколько болѣе возвышая голосъ, промолвилъ Галати.

— Нѣтъ, это лишнее. Я ставлю вамъ то, что вы заслуживаете. Я не могу вамъ поставить больше единицы.

Галати вспыхнулъ. На него смотрѣла вся аудиторія. И вѣдь онъ зналъ, что въ сущности отвѣчалъ очень пло-

хо, что имѣлъ очень слабое представленіе о предметѣ, но онъ видѣлъ, что другіе отвѣчали еще хуже и получили четверки.

— Господинъ профессоръ!—дрожащимъ и вызывающимъ голосомъ промолвилъ Галати.—Я не говорю, что хорошо знаю предметъ, но я знаю его не хуже другихъ, которымъ вы поставили...

— Ага... Я поставилъ? Это—мое дѣло. А надо знать предметъ безотносительно къ другимъ. Просто надо хорошо знать, тогда можно требовать хорошей отмѣтки. Я больше ничего не имѣю вамъ сказать...

Галати, совершенно огорошенный, съ минуту потоптался на мѣстѣ, какъ бы колеблясь и не зная, на что ему рѣшиться, а затѣмъ круто повернулся и пошелъ, но не на скамью, гдѣ онъ прежде сидѣлъ, а вонъ изъ аудиторіи. Дверь съ шумомъ захлопнулась вслѣдъ за нимъ, свидѣтельствуя о его бурномъ настроеніи.

Студенты были подавлены. Они ровно ничего не понимали, какимъ образомъ могла произойти такая перемѣна съ добродушнымъ Марченко? У нѣкоторыхъ явилась мысль, что у стараго профессора были какіе-нибудь личные счеты съ Галати; иные шли даже дальше и рѣшались предположить, что поведеніе Марченко было здѣсь не безкорыстно, что онъ ожидалъ отъ Галати, какъ отъ очень богатаго человѣка, какихъ - нибудь выгодъ, но не получилъ ихъ и за это мстилъ. Эти предположенія были ужасны. Они только показывали, какъ непрочны бываютъ хорошія репутаціи. У Марченко въ теченіе многихъ лѣтъ его профессорской дѣятельности была репутація неподкупно - честнаго человѣка.

Но извиненіе можно было отыскать развѣ въ томъ, что слишкомъ ужъ крутъ былъ поворотъ, и никто не могъ ожидать ничего подобнаго отъ Марченко.

А старый профессоръ продолжалъ экзаменъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Студенты выходили къ столу, брали билеты, отвѣчали очень плохо, онъ по обыкновенію подсказывалъ имъ, заставлялъ повторять его слова и ставилъ имъ тройки и четверки. Какъ только Галати вышелъ изъ класса, къ профессору тотчасъ же вернулись его всегдашнее добродушіе и снисходительность.

Галати уѣхалъ домой, оскорбленный придирками профессора... Но онъ скоро остылъ и чрезъ полчаса вернулся въ университетъ. Отмѣтка по гражданскому праву все-таки была ему необходима. Перспектива держать экзаменъ осенью ему не нравилась. У него былъ заманчивый планъ провести лѣто за границей въ веселомъ обществѣ, и думать въ это время о предстоящей переэкзаменовкѣ значило испортить себѣ все лѣто.

Онъ пріѣхалъ, но не вошелъ въ аудиторію. Ему было неловко тамъ говорить съ профессоромъ. Онъ поджидалъ его въ коридорѣ—и не въ томъ, который примыкалъ къ аудиторіи, гдѣ происходилъ экзаменъ, а въ болѣе отдаленномъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, Марченко навѣрно будетъ проходить.

И скоро Марченко кончилъ экзаменъ и появился въ томъ мѣстѣ, гдѣ поджидалъ его Галати. Галати остановилъ профессора.

— Господинъ профессоръ! Я все-таки хотѣлъ бы попросить у васъ объясненія.

— Объясненія?—спросилъ Марченко.—Развѣ вы увѣрены, что дѣйствительно отвѣчали мнѣ удовлетворительно.

— Господинъ профессоръ, я, конечно, не стану утверждать этого, но согласитесь сами, что я отвѣчалъ не хуже всѣхъ...

— О, право же, это не относится къ дѣлу. Если я ставлю хорошую отмѣтку за плохой отвѣтъ, то это я, по своимъ соображеніямъ, беру на свою совѣсть... Но я имѣю право ставить дурную отмѣтку за плохой отвѣтъ... Впрочемъ,—прибавилъ спокойно Марченко:—если вамъ угодно, хотя такого обычая и нѣтъ, я сейчасъ же готовъ вторично сдѣлать вамъ экзаменъ; но предупреждаю, что вы должны знать предметъ, если хотите получить удовлетворительную отмѣтку.

Галати опять вспылилъ, но удержался отъ какой бы то ни было рѣзкости, а только посмотрѣлъ на Марченко пылающими глазами. Онъ отказался отъ переэкзаменовки сейчасъ и отложилъ ее на осень.

Благодаря этому, ему пришлось перемѣнить планъ своего лѣта. Онъ не поѣхалъ за границу, а остался въ своей деревнѣ, неподалеку отъ города, и усердно готовился. Самолюбіе его было сильно задѣто, поэтому онъ дѣйствительно обратилъ серьезное вниманіе на предметъ. Онъ рѣшилъ явиться въ августѣ къ Марченко съ дѣйствительнымъ знаніемъ.

И вотъ наступилъ августъ. Явились студенты для переэкзаменовокъ.

Никогда не видали въ это время въ университетѣ стараго профессора Марченко. У него была небольшая дача подъ городомъ, на которую онъ забирался тотчасъ послѣ весеннихъ экзаменовъ и проводилъ тамъ все лѣто. Такъ какъ у него на экзаменахъ никогда не ставилось меньше тройки, то и не было переэкзаменовокъ, и онъ могъ спокойно сидѣть на своей дачѣ до начала лекцій, то-есть до сентября.

На этотъ разъ Марченко появился Очевидно, онъ очень твердо помнилъ эпизодъ съ Галати и не заставилъ напоминать себѣ. Галати былъ единственный студентъ, ради котораго Марченко оставилъ дачу и пріѣхалъ въ университетъ.

И странный видъ представляла аудиторія, въ которую вошелъ старый профессоръ. Въ ней не было ни души; только одинъ изящный, расфранченный Галати, ходившій до сихъ поръ по коридору, около двери, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

Марченко занялъ свое мѣсто за столомъ и поднялъ глаза.

— Ну-съ,—сказалъ онъ:—не угодно ли вамъ?

Галати подошелъ къ столу и по обыкновенію взялъ стулъ и придвинулъ его.

— Садитесь,—промолвилъ Марченко:—приготовились?

— Да, я готовился все лѣто! — мрачно отвѣтилъ Галати.

— Ну, такъ вотъ не угодно ли вамъ сказать мнѣ...

И Марченко задалъ ему вопросъ.

Галати подумалъ, потомъ началъ отвѣчать. Онъ отвѣтилъ дѣльно; профессоръ утвердительно кивнулъ головой.

— Ага, это вы знаете.

Потомъ онъ задалъ ему другой вопросъ и третій; на все это Галати давалъ удовлетворительные отвѣты. Видно было, что онъ все лѣто занимался добросовѣстно.

— Теперь я не имѣю права сказать, что вы не знаете,—промолвилъ Марченко:—и если бы я поставилъ вамъ неудовлетворительный баллъ, то вы имѣли бы право возражать, а тогда вы этого права не имѣли... Я поставлю вамъ четыре.

— Господинъ профессоръ, вы ставите четверки людямъ, которые почти ничего не знаютъ!—мягко возразилъ Галати, но въ то же время глаза его смотрѣли сурово.—А я добросовѣстно цѣлое лѣто изучалъ предметъ...

— Но что же я вамъ поставлю? Вѣдь пять, это—высшая отмѣтка, а

вы же не можете сказать, что знаете предметъ отлично и что нѣтъ такого пункта, надъ которымъ вы не задумались бы.

— Конечно, не могу.

— Ну, вотъ, значитъ, вамъ больше не слѣдуетъ... Я ставлю вамъ четыре...

Галати испыталъ уже разъ на себѣ твердость Марченко и больше не возражалъ. Ему было очень досадно, что онъ, несмотря на усердіе, какое проявилъ въ изученіи предмета, усердіе, сопряженное съ жертвой, такъ какъ онъ не поѣхалъ за границу,—все-таки не получилъ высшаго балла, который могъ бы ему при окончаніи курса пригодиться для полученія кандидатства. Но онъ больше не возражалъ. Онъ поднялся, холодно посмотрѣлъ на профессора и вышелъ.

Когда товарищи съѣхались, то, первымъ дѣломъ, всѣ очень заинтересовались исходомъ экзамена у Галати. Нѣкоторые разспрашивали его. И онъ объяснялъ:

— Я не хотѣлъ съ нимъ спорить,—съ нѣкоторою чрезмѣрною самоувѣренностью говорилъ онъ:—но я бы могъ потребовать контрольную комиссію, потому что дѣйствительно изучилъ предметъ... Если онъ за тѣ отвѣты, какіе были весной, ставилъ пять, то мнѣ слѣдовало поставить десять.

— Чѣмъ же вы объясняете такую несправедливость?—спросили его.

— Я не могу объяснить этого. Я думалъ, что въ университетѣ вообще не можетъ быть лицепріятія и пристрастія...

— А у васъ раньше не было никакихъ столкновеній съ Марченко?

— Я никогда не встрѣчался съ нимъ.

— Но, можетъ-быть, вашъ отецъ...

— Онъ никогда не слышалъ его имени.

— Но это странно, потому что имя Марченко довольно извѣстно въ наукѣ, и его, какъ стараго профессора, знаютъ всѣ въ городѣ.

— Это не обязываетъ моего отца также знать его. У нихъ разные круги знакомствъ.

— Но скажите, можетъ-быть, Марченко чего-нибудь хотѣлъ отъ васъ... Вѣдь въ гимназіи, я слышалъ, вы платили большія деньги учителямъ за уроки...

— Я, право, не знаю, въ какой формѣ я могъ бы предложить профессору такого рода плату!—довольно грубо отвѣтилъ Галати.

Онъ не говорилъ откровенно, но въ сущности онъ самъ склонялся къ тому мнѣнію, что Марченко просто-напросто хотѣлъ выудить изъ него крупную взятку. Такъ какъ никто не могъ найти сколько-нибудь подходящаго объясненія для образа дѣйствій стараго профессора, то и многіе другіе присоединялись къ этому мнѣнію. Что изъ того, что Марченко до сихъ поръ былъ добродушенъ и уступчивъ и ставилъ студентамъ хорошія отмѣтки за плохіе отвѣты? Но до сихъ поръ въ университетѣ, за очень немногими исключеніями, была все бѣднота, а тутъ вдругъ явился милліонеръ.

Время шло. Галати перешелъ на второй курсъ. Марченко продолжалъ чтеніе лекцій, такъ какъ курсъ его растягивался на два года. Во время года никакихъ особенныхъ сношеній съ нимъ не было. Онъ приходилъ, просиживалъ за каѳедрой свой часъ и удалялся.

Галати велъ прежній образъ жизни, мало отдавая времени наукѣ. Повидимому, жизнь его шла еще пріятнѣй прежняго. Онъ еще рѣже появлялся на лекціяхъ. А появлялся онъ, какъ и прежде, подкатывая къ университетскому подъѣзду въ своей коляскѣ, запряженной рысаками. У него явилась еще одна новая черта,—отъ него теперь несло тонкими духами, а при-

ческа сдѣлалась еще щепетильнѣй, чѣмъ прежде. Повидимому, онъ уже не самъ чесался, а прибѣгалъ къ услугамъ парикмахера. Студенты, всегда расположенные найти въ немъ что-нибудь смѣшное, говорили, что Галати влюбленъ и оттого сталъ больше заниматься своею наружностью.

Самъ онъ не замѣчалъ тѣхъ улыбокъ, которыми сопровождалось его появленіе въ университетскихъ коридорахъ. Онъ слишкомъ былъ погруженъ въ свой собственный міръ и не придавалъ никакого значенія всѣмъ этимъ бѣднымъ молодымъ людямъ, ходившимъ въ обтрепанныхъ пиджакахъ. На нихъ онъ смотрѣлъ, какъ на случайныхъ спутниковъ жизни.

Но лекціи Марченко онъ посѣщалъ сравнительно довольно усердно. Онъ пропускалъ не мало этихъ лекцій, но все же могъ до извѣстной степени судить о предметѣ. Кромѣ того, онъ кое-что подчитывалъ по книжкамъ. Вообще, казалось, онъ твердо рѣшилъ на предстоящемъ экзаменѣ у Марченко избѣжать прошлогодняго скандала.

И вотъ и этотъ годъ прошелъ, и опять наступили экзамены. Опять, какъ и въ прошломъ году, Галати повезло на другихъ экзаменахъ, и когда онъ вышелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ Марченко, то видъ у него былъ сравнительно увѣренный, и онъ началъ отвѣчать. Казалось, онъ говорилъ дѣло, хотя и недостаточно твердо, но во всякомъ случаѣ, если бы безпристрастный судья сравнилъ его отвѣтъ съ отвѣтами другихъ, то нашелъ бы его геніальнымъ. Марченко смотрѣлъ, однако, на Галати съ той кривой усмѣшкой, которую въ первый разъ замѣтили на его лицѣ весной прошлаго года. Больше ни разу не видѣли на его губахъ этой усмѣшки; она вызывалась только появленіемъ передъ нимъ Галати.

Но вотъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой и остановилъ говорившаго. Потомъ задалъ ему вопросъ, на который Галати сразу не могъ отвѣтить. Онъ отвѣтилъ бы, если бы ему дали подумать, но Марченко тотчасъ же прибавилъ:

— Вы этого не знаете? Ага, такъ отвѣтьте мнѣ вотъ на что...

И задалъ ему другой вопросъ, еще болѣе сложный, и тотчасъ же рѣшилъ:

— Ну, вы и этого не знаете. Ага, ну, что-жъ, я не могу поставить вамъ три...

— Профессоръ, вы, очевидно, не хотите, — съ удареніемъ произнесъ Галати.

У Марченко лицо сдѣлалось крайне суровымъ и строгимъ, онъ прямо посмотрѣлъ въ глаза студенту и промолвилъ:

— Да-съ, именно-съ, не хочу и ставлю вамъ двойку...

Галати по обыкновенію вспыхнулъ и хотѣлъ что-то возразить, но Марченко въ это время перенесъ глаза на другого студента, стоявшаго тутъ же съ билетомъ, и сказалъ ему:

— Отвѣчайте вашъ билетъ...

Галати, на этотъ разъ еще болѣе огорошенный, чѣмъ въ прошломъ году, потому что онъ сознавалъ себя до извѣстной степени подготовленнымъ, вышелъ.

Онъ долго ходилъ по коридору, въ крайнемъ волненіи, обдумывая свое положеніе. Для него уже было очевидно, что Марченко рѣшился дѣлать ему всевозможныя затрудненія. И, обдумывая это, онъ уже ни минуты не сомнѣвался насчетъ истинной причины этихъ затрудненій. Марченко знаетъ, какъ онъ богатъ, и не хочетъ упустить случая получить крупную взятку. Правда, онъ никогда не допускалъ мысли, чтобы въ университетѣ могли отыскаться такіе люди. Но

фактъ налицо. Съ Марченко ни у него, ни у его родныхъ не было никогда никакихъ столкновеній. Этотъ человѣкъ въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ слылъ за самаго снисходительнаго профессора. И вдругъ только для него, именно для него, обладающаго милліонами, у него нашлись строгость, придирчивость и способность ставить двойки.

Онъ поѣхалъ домой и тамъ переговорилъ съ отцомъ. Отецъ, какъ человѣкъ опытный и привыкшій все на свѣтѣ объяснять съ точки зрѣнія денегъ, просто разсмѣялся ему въ лицо.

— Ну, конечно, конечно, дѣло ясное! Поѣзжай къ нему на домъ и поговори... Только, разумѣется, захвати съ собой порядочную сумму... Вѣдь онъ ординарный профессоръ, къ нему нельзя ѣхать съ какими-нибудь пустяками... И ты увидишь, что завтра у тебя будетъ стоять пятерка...

Галати при другихъ обстоятельствахъ не рѣшился бы сдѣлать это самъ. Онъ навѣрно попросилъ бы отца за него исполнить это непріятное дѣло. Но теперь онъ былъ золъ, и ему хотѣлось непремѣнно самому видѣть, какъ этотъ человѣкъ, слывущій за добраго и справедливаго, подъ вліяніемъ хорошей взятки, будетъ передъ нимъ мѣняться. Ему хотѣлось самому быть свидѣтелемъ своего торжества.

Онъ переждалъ часовъ до четырехъ, когда уже былъ увѣренъ въ томъ, что всѣ экзамены въ университетѣ кончились, и поѣхалъ. Около четырехъ часовъ его коляска подкатила къ небольшому одноэтажному домику, въ которомъ жилъ профессоръ Марченко. Лакей съ особенной торжественностью соскочилъ съ козелъ и помогъ своему молодому господину выйти изъ коляски, а затѣмъ раскрылъ передъ нимъ дверь.

Галати позвонилъ. Вышла горничная. Онъ спросилъ:

— Можно видѣть профессора?

— Они сейчасъ обѣдаютъ... Я спрошу!—отвѣтила горничная.

— Спросите. И вотъ передайте мою карточку.

Горничная ушла, а минуты черезъ двѣ вернулась и сказала:

— Они просятъ васъ подождать у нихъ въ кабинетѣ.

Галати вошелъ, снялъ пальто и отправился вслѣдъ за горничной въ кабинетъ.

Проходя черезъ нѣсколько комнатъ квартиры Марченко, онъ могъ убѣдиться, что старый профессоръ живетъ не важно. Обстановка у него была старомодная и потертая. «По всей вѣроятности, все это досталось ему въ приданое за женой,—подумалъ не безъ ироніи Галати:—да такъ съ тѣхъ поръ и не перемѣнялось».

Кабинетъ представлялъ собой небольшую комнату, стѣны которой всѣ сплошь были уставлены книжными шкапами. Тяжелый письменный столъ былъ заваленъ бумагами и книгами, и вообще все свидѣтельствовало о томъ, что человѣкъ, живущій въ этой комнатѣ, книжникъ.

Галати пришлось прождать минутъ двадцать. Это начинало раздражать его. Онъ не привыкъ вообще, чтобъ его заставляли ждать. Кромѣ того, у него являлось нехорошее чувство. Очутившись здѣсь, въ этомъ ученомъ кабинетѣ, онъ уже не ощущалъ той увѣренности, съ которой выѣхалъ изъ дому, и когда думалъ о томъ, что ему придется говорить о деньгахъ, то не находилъ для этого готовыхъ словъ. Тамъ, дома, окруженный роскошною обстановкою, онъ чувствовалъ себя сильнымъ, тамъ каждая вещь говорила ему о его могуществѣ, а здѣсь онъ какъ бы попалъ въ чужое, совершенно незнакомое и враждебное общество и чувствовалъ себя безпомощнымъ. Эти

двадцать минутъ были очень непріятными минутами въ его жизни.

Послышались шаги, и вошелъ Марченко. Онъ успѣлъ уже перемѣнить одежду и явился въ широкомъ домашнемъ пиджакѣ, въ мягкихъ некрахмаленныхъ воротничкахъ, повязанныхъ широкимъ старомоднымъ галстукомъ.

— Ага,—сказалъ Марченко, войдя въ кабинетъ:—пріѣхалъ господинъ Галати! Да, да, я видѣлъ изъ столовой вашихъ рысаковъ. У васъ удивительные рысаки, господинъ Галати; нашъ университетъ никогда еще не видѣлъ такихъ. И я думаю, что всякій разъ, когда вы подъѣзжаете къ нему, его скромныя стѣны испытываютъ смущеніе.

При этомъ на губахъ его играла тонкая усмѣшка. Но что всего болѣе поразило Галати, это то̀, что профессоръ не протянулъ ему руки, а просто жестомъ указалъ ему на стулъ и прибавилъ:

— Садитесь!

Послѣ этого онъ и самъ сѣлъ.

— Зачѣмъ же вы ко мнѣ пріѣхали?

— Я пріѣхалъ по дѣлу, профессоръ... Вы догадываетесь, по какому?

— Зачѣмъ же мнѣ догадываться, когда вы можете просто объяснить?.. Вы, вѣроятно, по поводу отмѣтки? Вотъ видите, я, чтобы быть вполнѣ любезнымъ, догадываюсь!

Тутъ онъ взглянулъ въ окно на улицу и прибавилъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, какая у васъ красивая коляска! И лакей въ какой удивительной ливреѣ!.. По всей вѣроятности, все это доставляетъ большое удовлетвореніе вашей гордости! Не правда ли, господинъ Галати?

Галати еще больше прежняго смутился; онъ никакъ не могъ уловить главнаго оттѣнка въ тонѣ Марченко. Смѣется ли онъ надъ нимъ или балагуритъ? Не могъ разобрать онъ этого. А Марченко между тѣмъ продолжалъ:

— Скажите, вѣдь у вашего отца огромное состояніе? Около...

— Около семи милліоновъ, господинъ профессоръ!—отвѣтилъ Галати.

— Вотъ какъ! Да, при такомъ состояніи можно держать голову высоко... Ну-съ, перейдемте же къ дѣлу. Вы вѣдь привезли мнѣ взятку, не такъ ли?

Вопросъ этотъ былъ предложенъ такъ прямо и неожиданно, что Галати даже отшатнулся отъ стола и какъ-то совсѣмъ по-дѣтски пролепеталъ:

— Помилуйте, господинъ профессоръ, какъ я могъ осмѣлиться...

— Ну-съ, а сколько же вы хотѣли мнѣ предложить? А? Тысячу? Пять тысячъ? Пятьдесятъ тысячъ? Нѣтъ, мало, мало... Знаете, я даже думаю, что и милліонъ было бы мало. У вашего отца семь милліоновъ. Ну, такъ вотъ, половины, пожалуй, было бы довольно, а то какъ же?.. Позвольте, вы думали, что мое мнѣніе можно купить за пятьдесятъ тысячъ? Дешево, дешево, молодой человѣкъ, слишкомъ дешево... По всей вѣроятности, вамъ случалось покупать чужія мнѣнія и дешевле, о, гораздо дешевле, я знаю; но мое сто̀итъ дороже, господинъ Галати...

Галати, однако, все-таки не могъ еще понять, въ какомъ смыслѣ профессоръ все это говоритъ. И онъ промолвилъ довольно неопредѣленно:

— Но, профессоръ, какъ я могъ подумать?.. Какъ вы могли предположить?..

— Какъ? Развѣ это неправда?.. А зачѣмъ же вы пріѣхали ко мнѣ на квартиру? Если вы хотѣли сказать мнѣ что-нибудь честное, вы могли бы сдѣлать это и въ университетѣ, при всѣхъ. Мы съ вами не знакомы, господинъ Галати, я не имѣлъ чести быть представленнымъ ни вамъ, ни

вашему батюшкѣ. Почему же вы сдѣлали мнѣ честь и посѣтили меня? При вашей гордости и самомнѣніи это, конечно, слишкомъ большая честь. Вы говорите, не осмѣлились?.. Да, и хорошо, что вы не осмѣлились, господинъ Галати, а то было бы худо, очень худо...

Молодой человѣкъ былъ совершенно подавленъ этими рѣчами и чуть не плакалъ. Ужъ теперь онъ глубоко сожалѣлъ о томъ, что рѣшился пріѣхать къ Марченко. Если бы это было возможно, онъ съ удовольствіемъ схватилъ бы шапку и выскочилъ бы вонъ изъ дому.

И онъ промолвилъ разбитымъ, дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышались уже слезы:

— Господинъ профессоръ! Но за что же, за что вы меня преслѣдуете?

— Я васъ преслѣдую? Нисколько. Я ставлю плохой баллъ за плохой отвѣтъ. Но это не только мое право, но даже обязанность. Развѣ я не поставилъ вамъ четыре на переэкзаменовкѣ, когда вы знали предметъ? Если бы я дѣйствительно преслѣдовалъ васъ во что бы то ни стало, то что̀ мѣшало мнѣ и тогда быть несправедливымъ и поставить вамъ двойку?

— Но вы дѣлаете такое различіе между мной и другими... Это всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, бросается въ глаза.

— О, да, различіе... Это вѣрно, я этого не скрываю. Я дѣлаю различіе. Но есть различіе и въ вашихъ положеніяхъ. Они всѣ бѣдняки, они три четверти своего свободнаго времени должны отдавать на заработки хлѣба. Иной, можетъ-быть, еле-еле урветъ четверть часа, чтобъ заглянуть въ тетрадку или книжку, можетъ-быть, онъ и жаждетъ почитать да поучиться, да некогда ему или онъ усталъ отъ работы. Можетъ-быть, его тянетъ въ аудиторію, а межъ тѣмъ надо бѣжать на окраину города и давать за два рубля урокъ. А вы, вы—счастливчикъ. У васъ все есть, вамъ ничего не надо добывать; вы можете комфортабельно обставить себя книгами въ самыхъ красивыхъ переплетахъ и, лежа на мягкомъ диванѣ, набираться мудрости... Что такое двойка для нихъ? Для нихъ двойка, можетъ-быть, лишній годъ труда и лишеній, а для васъ... Вы вѣдь все равно, съ двойкой и безъ двойки, будете наслаждаться жизнью... Раньше годомъ или позже окончить курсъ, то-есть получить дипломъ, который вамъ не нуженъ,— развѣ это для васъ не все равно? Нѣтъ, если я къ кому-нибудь былъ несправедливъ, такъ это къ нимъ, а не къ вамъ, потому что я имъ ставилъ хорошіе баллы за плохіе отвѣты, но, какъ я уже вамъ сказалъ когда-то, эту несправедливость я беру на свою совѣсть; но я не хочу быть несправедливымъ къ вамъ... Несправедливости по отношенію къ вамъ я не хочу брать на свою совѣсть; у меня для этого нѣтъ никакихъ побужденій...

— Но, профессоръ, согласитесь, что помимо всего этого у васъ есть ко мнѣ какое-то пристрастіе...

— О, да, есть, я признаюсь: я къ вамъ пристрастенъ, у меня къ вамъ враждебное чувство, я говорю вамъ прямо.

— Враждебное? — повторилъ Галати.

— Да, да, враждебное; чему вы удивляетесь? Развѣ я не могу свободно питать симпатіи и антипатіи? Помилуйте, ваши товарищи бѣдны, они ходятъ въ обтрепанныхъ сюртучишкахъ, въ продранныхъ сапогахъ. Они, быть-можетъ, голодаютъ. А вы являетесь въ ихъ среду на шикарныхъ рысакахъ, въ богатой коляскѣ, разодѣтый, сытый. Сытость такъ и брызжетъ изъ васъ... Что же вы дѣлаете? Вы подчеркиваете этимъ ихъ

бѣдность. Когда вы появляетесь въ ихъ средѣ, они кажутся себѣ еще бѣднѣе, ихъ костюмъ еще жалче, голодъ еще чувствительнѣе. Вы, пожалуй, могли бы возбуждать въ нихъ зависть; если бы они не были такъ молоды, наивны и правдивы, если бы у нихъ не было еще вѣрнаго благороднаго инстинкта молодости, вы могли бы вызвать у нихъ самыя скверныя чувства. То, что вы дѣлаете, не деликатно, не благородно, не великодушно, наконецъ...

— Но я же не виноватъ, профессоръ, что мой отецъ богатъ и обладаетъ всѣми благами, которыми я пользуюсь. Не могу же я добровольно отказаться отъ всего этого...

— Зачѣмъ? Отказываться не надо. Вамъ даны эти преимущества. Не будемъ разбирать, справедливо это или нѣтъ, они вамъ даны — пользуйтесь ими. Но не надо оскорблять ими другихъ. Вы своимъ торжествующимъ видомъ оскорбляете всю эту бѣдноту. Вы съ высокомѣрно поднятой головой врываетесь въ этотъ кругъ, въ эту тѣсную дружную семью, вы не можете слиться съ ними, потому что вы такъ подчеркиваете то, чѣмъ отличаетесь отъ нихъ. А почему вы такъ высоко подымаете голову? Развѣ вы лучше ихъ? Развѣ вы достойнѣе ихъ, благороднѣе, умнѣе, развитѣе? Нисколько. Вы счастливѣе ихъ, счастливый случай поставилъ васъ въ лучшее положеніе,—вотъ и все. Оставайтесь при своемъ богатствѣ, но не щеголяйте имъ въ кругу товарищей. Когда я увидѣлъ васъ въ вашей коляскѣ, съ ливрейнымъ лакеемъ, когда вы подкатили къ университетскому подъѣзду, я васъ возненавидѣлъ. Говорю это прямо. И это правда, я къ вамъ пристрастенъ, я весь противъ васъ, весь, всѣмъ своимъ существомъ. Университетъ — это товарищество, дружество. Всякій, вступающій въ него, долженъ умѣть прежде всего быть товарищемъ, слиться съ товарищами; если онъ не умѣетъ этого, если онъ чувствуетъ себя почему-либо инымъ, сдѣланнымъ изъ другого тѣста,—онъ не долженъ вступать... Это *для васъ* честь, что вы находитесь въ этомъ кругу, они дѣлаютъ вамъ честь, а не вы имъ. И такъ, если вы можете быть товарищемъ, оставайтесь, но тогда къ чорту всѣ внѣшніе признаки вашего сомнительнаго превосходства, — коляски, рысаки, ливрейные лакеи, модная одежда. Все это оскорбляетъ насъ, тружениковъ. Мы десятки лѣтъ работаемъ безъ устали, корпимъ надъ наукой, а все же не заработали ни колясокъ, ни рысаковъ, ни лакеевъ. Для насъ все это не признакъ превосходства, мы гордимся совсѣмъ другими вещами и совсѣмъ другія вещи уважаемъ. А если вы не можете быть товарищемъ—уходите. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Вашу безумную мысль о взяткѣ я вамъ прощаю. Я понимаю, что она вытекаетъ изъ всего вашего денежнаго міросозерцанія. Это ничего не прибавило къ моему чувству къ вамъ.

Галати сидѣлъ молча и глядѣлъ внизъ. Онъ съ каждымъ новымъ словомъ профессора чувствовалъ, что тотъ говоритъ правду. Эти слова нашли откликъ гдѣ-то въ глубинѣ его души; ему только, можетъ-быть, неловко было сознаться въ этомъ.

Но вдругъ онъ поднялся, выпрямился и порывисто протянулъ руку.

— Благодарю васъ, дорогой профессоръ! Благодарю васъ!.. Не знаю, какъ благодарить. Если бъ вы знали, какъ много вы сдѣлали для меня вашими словами... И простите мнѣ мою безумную мысль... Да, да, спасибо за то, что вы мнѣ ее простили... Я этого прощенія не заслужилъ.

— Ага... это хорошо!.. Съ этимъ я васъ поздравляю! Ну, вотъ и отлично,

отлично! Я совершенно мирюсь съ вами. Если вы почувствовали, такъ я мирюсь... Вотъ и прекрасно!

И Марченко съ волненіемъ протянулъ впередъ обѣ руки и пожалъ ими руку Галати.

Галати скоро вышелъ отъ него. По обыкновенію, лакей растворилъ передъ нимъ настежь дверь и хотѣлъ уже, было, помочь ему влѣзть въ экипажъ, но Галати какъ-то инстинктивно отстранилъ его. Ему почему-то вдругъ стало неловко пользоваться услугами лакея.

И съ отвратительнымъ чувствомъ садился онъ въ экипажъ; ему казалось это излишнимъ. Какъ просто было пройтись нѣсколько сотенъ шаговъ! Вѣдь онъ жилъ очень близко. Онъ уѣхалъ чрезвычайно взволнованный. И когда дома отецъ встрѣтилъ его веселымъ вопросомъ:

— Ну, что? Уладилъ дѣло съ профессоромъ?

Онъ не отвѣтилъ ни слова и мрачно прошелъ къ себѣ въ комнату.

Съ тѣхъ поръ Галати совсѣмъ перемѣнился. Онъ вдругъ бросилъ свои прежнія привычки, пересталъ пріѣзжать въ университетъ въ экипажѣ и являлся очень просто одѣтый. Да и самъ онъ совсѣмъ уже былъ не тотъ. Онъ сталъ серьезнѣе; дѣятельнѣе искалъ сближенія съ товарищами и сливался съ ними. Онъ нашелъ среди нихъ не мало друзей и очень скоро совсѣмъ бросилъ прежній кругъ знакомыхъ, найдя его пустымъ и неинтереснымъ.

Наступило время, когда Галати до такой степени былъ признанъ всѣми, что домъ его сдѣлался любимымъ мѣстомъ, куда запросто ходили товарищи.

А Марченко навсегда примирился съ нимъ и даже въ душѣ гордился своимъ ученикомъ, который оказывалъ особенное предпочтеніе его предмету.

РОЗЫ СВ. ЕЛИЗАВЕТЫ.

Стихотвореніе **П. Порфирова.**

Слыхали-ль вы про жизнь святой Елизаветы,
Жены Людовика Тюрингскаго?—
Не разъ
Благоухающій, плѣнительный разсказъ
Я слышалъ про нее въ Тюрингіи. Согрѣты
Всѣ, всѣ ея дѣла огнемъ любви святой,—
И образъ возстаетъ смиренный и простой.
Однажды,—говоритъ народное преданье,—
Господь послалъ странѣ неурожайный годъ,
И голодъ наступилъ, и умиралъ народъ...
Спокоенъ былъ ландграфъ Людовикъ: состраданье
Не мучило его. Но Божье испытанье
Елизавета въ томъ провидѣла одна.
Ей больно, стыдно ей смотрѣть на людъ голодный:
Вотъ дѣти, женщины съ мольбой—увы!—безплодной:
Смерть, медленная смерть на лицахъ ихъ видна.
И, блеска устыдясь, всѣ цѣнные каменья,

Одежды пышныя, всю эту мишуру,—
Все отдала она и, полная смиренья,
Носила бѣднымъ хлѣбъ, чтобъ утолить мученья...
Но—въ мірѣ есть всегда противники добру!—
Провѣдалъ все ландграфъ отъ челяди придворной,
Призвалъ къ себѣ жену и—гнѣвъ его душилъ—
Ей «дѣлать глупости и плакать» запретилъ.
Но, кроткая, она осталась непокорной...
И разъ уѣхалъ онъ... Безмолвна и грустна,
Изъ оконъ замковыхъ глядѣла внизъ она:
Внизу, какъ муравьи, кишитъ народъ голодный...
Вотъ дѣти, женщины съ мольбой—увы!—безплодной:
Смерть, медленная смерть на лицахъ ихъ видна.
Она рѣшилася... Съ служанкою любимой
Дворецъ покинула. Въ дали необозримой
Заря вечерняя такъ дивно-хороша...
Но некогда теперь имъ любоваться небомъ:
Подъ складками одеждъ кошницы съ чернымъ хлѣбомъ
Несутъ онѣ, таясь, волнуясь и спѣша.
Какъ вдругъ навстрѣчу онъ... И бѣдная супруга
Затрепетала вся отъ страшнаго испуга.
—«Куда? — онъ загремѣлъ:—ослушница, куда?»
Вся блѣдная, дрожа отъ боли и стыда,
Она молчитъ...—«Куда?»...—Она въ отвѣтъ ни слова.
Онъ къ ней. Она молчитъ. Тогда онъ самъ сурово
Вдругъ ношу выхватилъ... Но что же это—сонъ?
Не хлѣбъ въ кошницѣ—нѣтъ! Но, свѣжестью сверкая,
Тамъ розы бѣлыя лежатъ, благоухая...
Людовикъ на жену взглянулъ и—обмеръ онъ:
Потупясь, кроткая стоитъ Елизавета,
А надъ челомъ ея, надъ золотомъ кудрей,
Блистательнѣй вѣнца державныхъ королей,
Явился крестъ Христовъ въ сіяніи лучей,
Въ сіяньѣ неземномъ божественнаго свѣта...
Угасъ безумный гнѣвъ... Графъ взялъ одну изъ розъ,
Поцѣловалъ жену и тихо произнесъ:
—«Прости меня... прости мой гнѣвъ и подозрѣнье...
Иди, твори добро»...
И вотъ она сошла
Въ долину, гдѣ толпа голодная ждала,
Глядитъ—и вмѣсто розъ, что были за мгновенье,
Въ кошницѣ черный хлѣбъ... А бѣлые цвѣты?
Что это? Чудный сонъ? Видѣніе? Мечты?..

Такъ вотъ что о святой я слышалъ ландграфинѣ...

Нирвана.

Повѣсть **В. М. Михеева.**

(Окончаніе.)

VIII.

Когда Бодровъ и Розина, быстро идя между толпой гуляющихъ, свернули съ площадки въ узкую улицу, ихъ охватила темнота. Улица, одна изъ самыхъ узкихъ въ Сорренто, прилегающая къ подъему въ горы, скудно освѣщалась газомъ и, послѣ залитой блескомъ площади, казалась особенно темной. Миновавъ эту улицу, Розина, за которой послушно слѣдовалъ Бодровъ, повернула въ какой-то изогнутый колѣномъ переулокъ, гдѣ совсѣмъ не было огня. Только на изгибѣ переулка, на металлическомъ кронштейнѣ, висѣлъ большой фонарь, тускло горѣвшій палевымъ огнемъ оливковаго масла. Переулокъ былъ довольно грязный, съ неровной, идущей въ гору мостовой. Старые темные дома съ маленькими окнами, крытые позеленѣвшей черепицей, угрюмо рисовались на темно - синемъ небѣ. Въ переулкѣ пахло перегнившими овощами и какъ будто пролитымъ керосиномъ.

Бодровъ запинался за неровные камни мостовой и оступался въ какія-то выбоины.

«Зачѣмъ онъ идетъ съ ней?»—вдругъ задалъ онъ себѣ этотъ вопросъ.

Но Розина точно угадала, о чемъ онъ думалъ.

— Здѣсь грязно, синьоръ Анатоліо, но что дѣлать! Зато тутъ намъ никто не помѣшаетъ!—пожавъ капризно плечомъ, безпечно сказала она на своемъ бойкомъ, но неправильномъ французскомъ языкѣ.

— Зачѣмъ вы въ Сорренто, Розина? Давно вы здѣсь? — спросилъ Бодровъ.

— Per che?—усмѣхнулась она.— Я пріѣхала сюда съ однимъ англичаниномъ, но онъ уже уѣхалъ, а я еще не собралась. Я прожила почти всѣ деньги.

— И ждешь другого англичанина? — непріятно усмѣхнулся Бодровъ.

Она его шутя ударила по плечу.

— Злой, не смѣйтесь надъ Розиной! Англичанинъ былъ красивый и молодой!

— Розина его любила?—шутливо спросилъ Бодровъ.

— Немножко!—плутовски вздохнула она.

— Какъ меня пять лѣтъ назадъ?— тихо спросилъ онъ.

— No, no, no!—неожиданно громко пропѣла она такъ, что эхо звонко откликнулось въ тихомъ и пустомъ переулкѣ.—Розина теперь другая,— прибавила она грустно и серьезно.— Розина теперь гадкая, старая, дурная! Тогда я была хорошая, молодая, тогда... тогда я любила!—неожиданно серьезно и значительно закончила она.

— Неужели Розина, серьезно?— спросилъ онъ недовѣрчиво.

— Еще какъ серьезно, синьоръ Анатоліо!—вздохнула она.—Развѣ вы не помните, какъ я плакала?

Бодрову вдругъ вспомнился вокзалъ въ Миланѣ, солнечный день, это же женское лицо въ слезахъ, но съ шутками и смѣхомъ на губахъ.

— Я помню, Розина, ты и тогда смѣялась!—сказалъ онъ.

— О, Розина всегда смѣется!—съ странной серьезностью подхватила она. — Еслибъ бѣдная Розина не смѣялась, она бы давно повѣсилась! И она грустно умолкла.

— Бѣдняжка! тебѣ дурно живется?— взялъ ее за руку Бодровъ.

— Синьоръ Анатоліо!—горячо воскликнула она и даже топнула ногой,—я вовсе не хочу говорить съ вами о томъ, какъ мнѣ живется! Я хочу говорить о васъ. Я хочу знать, что вы счастливы, довольны, богаты, знамениты. Я хочу знать, что вы написали тамъ, въ Россіи, много книгъ, и ихъ читаютъ и васъ хвалятъ! Помните, вы еще тогда, въ Миланѣ, собирались много-много книгъ написать?

— Я могу тебѣ сообщить только одно,—съ странной дрожью въ голосѣ сказалъ Бодровъ,—твой синьоръ Анатоліо...

Но въ это время Розина остановилась у едва освѣщеннаго низенькаго дома.

— Вотъ мы и пришли, синьоръ!— объявила она торжественно, не давъ договорить ему фразы.

Они вошли въ небольшую, низкую комнату, въ которой стояло нѣсколько деревянныхъ столовъ, выкрашенныхъ въ черную краску и окруженныхъ табуретами съ соломенными сидѣньями. Сѣдой старикъ, въ бархатномъ потертомъ жилетѣ и пестромъ шерстяномъ колпакѣ на головѣ, заискивающе улыбаясь, заговорилъ быстро по-итальянски. Бодровъ понялъ, что это хозяинъ альберго. Старикъ былъ обрадованъ неожиданными посѣтителями. Его альберго въ этотъ часъ было совершенно пусто: всѣ жители Сорренто были на иллюминаціи.

Бодровъ спросилъ фьяску хорошаго капри. Старикъ суетливо пошелъ доставать ее.

— Ну, мы еще успѣемъ наговориться, пока онъ спустится въ погребъ и выползетъ оттуда,—нервно смѣясь и сверкая глазами, сказала Розина.

При свѣтѣ керосиновой лампы, висѣвшей посреди потолка, Бодровъ разглядѣлъ стѣны со старыми, полуоблупившимися изразцами.

Она быстро сбросила съ себя шерстяной платокъ и, оставшись въ темномъ шерстяномъ платьѣ, сѣла къ черному деревянному столу на одну изъ двухъ соломенныхъ табуретокъ, бывшихъ въ комнатѣ. Опустившись на другую табуретку противъ нея, Бодровъ разглядывалъ ее. Она также внимательно всматривалась въ его черты. Ни для нея, ни для него пять лѣтъ не прошли даромъ. Онъ слегка сгорбился, отяжелѣлъ, взглядъ былъ тусклѣе, цвѣтъ лица, когда-то нѣжно-розовый, былъ теперь теменъ и землистъ. Небольшая темная борода, которую нѣкогда такъ любила трепать Розина, отросла, стала гораздо длиннѣе и висѣла теперь унылыми, безпорядочными прядями. Розина же похудѣла въ лицѣ, глаза ея окружились темнымъ ободкомъ, около нихъ и у губъ уже намѣтились морщинки. Но

все ея лицо попрежнему было полно жизненностью, огнемъ, лаской. Бѣдный узкій костюмъ обнаруживалъ изящное, сильное сложеніе женщины съ умѣренной грудью, широкими бедрами и кругло-покатыми плечами. Пріятель-художникъ, нѣкогда познакомившій Бодрова съ Розиной, говорилъ, что такъ должна быть сложена Геба, обносящая небожителей амброзіей.

— Ну, что же случилось съ моимъ добрымъ, ласковымъ синьоромъ Анатоліо? — сказала, наконецъ, Розина, долго и мягко посмотрѣвъ своими горячими глазами въ его глаза.

Въ голосѣ ея слышалось какое-то робкое, трепетное состраданіе, которымъ какъ будто наполнило все ея существо созерцаніе ея стараго друга.

— Ахъ, да, ты мнѣ не дала договорить,—глухо произнесъ, отводя глаза отъ ея взгляда, Бодровъ.—Твой синьоръ Анатоліо женатъ!

Розина вдругъ вскочила, схватила полосатый платокъ, который сняла съ плечъ, и почему-то начала его мять. Потомъ бросила этимъ платкомъ въ Бодрова. И, когда снова сѣла, тихая и сосредоточенная, на табуретъ, Бодровъ увидѣлъ съ изумленіемъ въ ея глазахъ слезы.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы этого не сказали мнѣ раньше! — съ упрекомъ вырвалось у ней. — Я бы не повела васъ за собой! У васъ вѣрно хорошая, милая жена. Она васъ должна очень, очень любить. Можетъ-быть, у васъ уже есть и бамбини,—сказала она съ странной дрожью въ голосѣ по-итальянски это слово.—Зачѣмъ, зачѣмъ вы обманули меня, сказали, что вы одни!

И она сердито отвернулась къ стѣнѣ, точно желая скрыть слезы, которыя такъ и набѣгали на ея черные глаза.

— Голубушка! да я тебя вовсе не обманулъ, — взволновался Бодровъ.—Жена моя въ Россіи. Здѣсь я одинъ. Дѣтей у насъ нѣтъ...

Она вдругъ повернулась къ нему и долго пристально смотрѣла на него полными слезъ глазами.

— Синьоръ бросилъ жену?—съ какой-то странной строгостью спросила она.

— Нѣтъ, Розина. Я ее не бросалъ. Она меня—тоже. Просто я на лѣто поѣхалъ сюда отдохнуть, — странно дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ это слово.—Она же... по Россіи... концерты давать... она піанистка...

Розина продолжала пристально смотрѣть на него... Слезы такъ к стояли въ ея глазахъ.

— О чемъ ты плачешь, глупая?— спросилъ онъ участливо...

— О чемъ? Развѣ я знаю?—сказала она тихо и подавленно. — Синьоръ Анатоліо, я думала, вы... ахъ, да нѣтъ, зачѣмъ! Но, синьоръ Анатоліо, вѣдь вы счастливы... да?.. Вѣдь вы любите вашу жену? Вѣдь она красивая, умная? И вы не совсѣмъ разъѣхались съ ней? Вѣдь вы вернетесь къ ней? — вдругъ засыпала она его цѣлымъ ураганомъ страстныхъ вопросовъ, на которые она какъ будто непремѣнно хотѣла утвердительныхъ отвѣтовъ.

Лицо Бодрова точно застыло.

— Да, я счастливъ. Жена моя красива, умна, молода. Мы съ нею большіе друзья, — началъ онъ медленно, какъ бы съ нѣкоторымъ трудомъ.

Но Розина вдругъ, какъ кошка, прыгнула къ нему. Въ одно мгновеніе она очутилась у его ногъ на колѣняхъ. Цѣпляясь горячими пальцами за его руки, стараясь наклонить его къ себѣ, глядя снизу вверхъ пылающими глазами въ его глаза, она почти простонала:

— Анатоліо! Анатоліо! Она тебя не любитъ... не любитъ, скажи?

— Мы съ ней друзья... — съ воз-

растающей дрожью въ голосѣ тянулъ Бодровъ.

Розина вдругъ обвилась руками вокругъ его шеи, вскочила къ нему на колѣни и впилась бурнымъ, горячимъ поцѣлуемъ въ его губы... Бодровъ покачнулся. У него голова закружилась отъ этого поцѣлуя, отъ объятія почти обезумѣвшей дѣвушки. Кровь отхлынула отъ его лица, и ему нужно было громадное усиліе, чтобы вырваться изъ цѣпкихъ рукъ итальянки. Когда ему это удалось, онъ отступилъ отъ нея на нѣсколько шаговъ съ сильно бьющимся сердцемъ, съ туманомъ въ глазахъ. А Розина вскочила и какъ раненая львица заметалась по комнатѣ.

— Да, да, да! Я хочу тебя опять цѣловать, любить! — кричала она то по-французски, то по-итальянски.— Она, навѣрное, важная, умная дама. Она не несчастная дѣвушка, попавшая съ голоду въ модели! О, и она не любитъ! И ты, мой Анатоліо, одинокій, несчастный! Еслибъ она тебя любила... о, я бы скрылась... я бы убѣжала... я была бы недостойна! Но теперь... я хочу тебя любить! слышишь... Я не хочу, чтобъ у тебя было это страшное, каменное лицо... Я не хочу, чтобы ты такъ смотрѣлъ... Я хочу, чтобы ты ожилъ... Помнишь, ты мнѣ говорилъ— ни одна женщина не дѣлала тебя такимъ счастливымъ, какъ эта бѣдная модель, эта легкомысленная Розина!

И она, опять опустившись на колѣни, ползала передъ нимъ, протягивала къ нему руки, обнимала его ноги, прижималась къ нимъ головой, отчего ея волосы расплелись и космами висѣли по плечамъ.

Онъ стоялъ, пораженный этимъ бурнымъ взрывомъ страсти.

— Розина! Милая! Успокойся! — шепталъ онъ надорваннымъ голосомъ, стараясь ее поднять.

Наконецъ, это удалось ему. Но когда его руки обняли ея талію, чтобы посадить ее на табуретъ, она вдругъ точно разомъ ослабѣла, повисла въ безсиліи на его рукахъ и зарыдала, захлебываясь, съ истерическими спазмами. Теперь она была покорна, почти неподвижна. Онъ усадилъ ее къ столу, напоилъ водой изъ кружки, стоявшей у постели. Она повиновалась, пила воду—и плакала, плакала...

— Простите, простите!—вдругъ залепетала она, ловя его руки, цѣлуя ихъ и обливая слезами.

— Розина, не лучше ли мнѣ уйти?— сказалъ онъ нерѣшительно, вырывая у ней руки.

— Да, идите, идите!—все еще захлебываясь слезами, шептала она. — Лучше не надо, лучше не надо, чтобы я васъ видѣла!

Бодровъ вдругъ почувствовалъ, что ему стало невыносимо тяжело слышать этотъ плачъ, эти слова... Онъ взялъ ея голову въ обѣ руки, крѣпко прижалъ губы къ ея склоненному затылку, — при чемъ она въ какомъ-то безмолвномъ порывѣ припала губами къ его плечу, — и, черезъ мгновеніе, онъ уже былъ на улицѣ...

Изумленное восклицаніе хозяина альберго, только что доставшаго вино для позднихъ посѣтителей, въ тишинѣ пустого переулка раздалось вслѣдъ Бодрову, когда онъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Бодровъ сунулъ ему въ руку нѣсколько серебряныхъ монетъ. Уже приближался разсвѣтъ. Пріятная свѣжесть охватила воспаленную голову Бодрова. Онъ осмотрѣлся.

Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ ясно были видны оливковыя деревья, повисшія пыльной зеленью черезъ каменную ограду иныхъ домовъ. За этими домами и дворами виднѣлись горы, по уступамъ которыхъ, между ярко-зеленой орѣховой зарослью, вились обложенныя низкимъ каменнымъ па-

рапетомъ дороги. Онѣ, точно змѣи, терялись все выше и выше. Между двумя старыми домами, въ тѣни ихъ высокихъ, сѣрыхъ и частью заплѣснѣвѣлыхъ стѣнъ, Бодровъ увидѣлъ узкій и темный, вѣроятно, никогда не видящій солнца проходъ; отъ него вилась одна изъ горныхъ тропинокъ. Бодровъ повернулъ на эту тропинку и быстрыми шагами, перепрыгивая черезъ нападавшіе на тропинку камни, пошелъ въ гору. Сердце его сильно и раздѣльно стучало—отъ быстраго ли подъема, или отъ пережитого волненія—онъ самъ не зналъ. Онъ не замѣтилъ, какъ, двигаясь между камнями, утесами, орѣшникомъ, связками горнаго валежника, которыя лежали тутъ и тамъ, онъ очутился на значительной высотѣ.

Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ становилось свѣтлѣе. И когда онъ остановился на совсѣмъ пологомъ откосѣ горы, закруглявшейся на вершинѣ какъ древне-греческій куполъ, онъ вдругъ увидѣлъ у ногъ своихъ Сорренто, виноградники, сады и, наконецъ, далекое море, надъ которымъ густымъ облакомъ стлался бѣловатый, клубящійся туманъ.

Сады, дворы, виноградники казались сверху квадратами, ромбами, трапеціями, очерченными ихъ невысокими оградами. Оливы, лимоны, апельсины казались неподвижными зеленокудрявыми куполами. На углу одной изъ узкихъ улицъ, которыя отсюда, съ горы, казались сѣрыми полосками, онъ увидѣлъ фіакръ ночного извозчика. Кучеръ, вѣроятно, спалъ внутри: и лошади, и каретка отсюда казались такими небольшими, что были какъ будто игрушками, необыкновенно натурально сдѣланными.

Бодровъ опустился на большой, коегдѣ покрытый землею и порастающій травою камень. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ. Сумерки все становились свѣтлѣе. Но Бодровъ теперь почти ничего не видѣлъ. Онъ углубился въ себя.

Что это за сцену пережилъ онъ сейчасъ съ Розиной? Онъ отлично понималъ бѣдную дѣвушку. Она, очевидно, его любила, и такъ любила, какъ онъ и не предполагалъ, покидая ее пять лѣтъ назадъ въ Миланѣ. Тогда она была молода, свѣжа. Онъ помнитъ — она говорила: онъ былъ вторымъ, кого она любила. Первымъ былъ итальянецъ-художникъ, убитый въ Неаполѣ на улицѣ во время одной изъ схватокъ стачечниковъ-рабочихъ съ полиціей. Этотъ художникъ былъ уже человѣкъ не молодой, но еще красивый и горячій. Онъ помнилъ Мадзини и почти ребенкомъ жилъ въ Женевѣ изгнанникомъ. Онъ полюбилъ ее, сироту, безъ родныхъ, уже начавшую свой промыселъ натурщицы, полюбилъ какъ мужъ и отецъ. Она привязалась къ нему больше, чѣмъ можетъ привязаться дочь. Перваго Бодрова, — увѣряла тогда Розина, — она любила. Она знала, что онъ скоро ѣдетъ въ Россію и не торговалась, не искала долгой и вѣрной любви. Она въ это короткое время точно закрыла глаза на все. Она любила его до полнаго забвенія всего, до какого-то изнеможенія. Онъ тогда полагалъ, что это свойство вообще итальянки, южанки... Но сегодняшняя сцена открыла ему глаза. Когда черезъ пять лѣтъ воспоминанія короткой совмѣстной жизни бьютъ такимъ безумнымъ хмелемъ страданія и страсти въ голову женщины, правда, измученной жизнью безъ семьи, безъ очага, мимолетными, чуть не продажными связями, бѣдностью и безпорядочностью жрицы художественной богемы,—все-таки, несомнѣнно, въ корнѣ этихъ воспоминаній лежитъ истинная, горячая любовь... Дѣйствительно, прощаясь тогда, въ Миланѣ, она смѣялась, хотя и сквозь слезы, но... Бод-

ровъ вдругъ вспомнилъ ея тогдашній взглядъ. То былъ взглядъ женщины въ горячкѣ, смѣющейся картинамъ бреда. А онъ? Любилъ ли онъ ее? Любилъ! Умственно она была неразвита, въ привычкахъ грубовата, частью цинична, какъ дочь итальянской улицы; сходясь съ ней, онъ зналъ, что скоро и легко разойдется... Но, уѣхавъ, онъ долго тосковалъ—и вдали она долго преслѣдовала его, какъ призракъ добраго, наивнаго, но страстнаго и привязчиваго ребенка. И притомъ... ни съ одной женщиной онъ не зналъ того равновѣсія ощущеній, полноты существованія въ минуты страсти, о какомъ говорилъ Гайришъ, какъ съ этой случайной подругой... Ни одна такъ не опьяняла его тѣла, не насыщала его сердца... Онъ этого тогда не замѣчалъ, какъ не замѣчаютъ здоровья, не испытавъ болѣзней...

Бодровъ все это ярко, мучительно ярко вспомнилъ, сидя на горѣ, въ свѣжемъ воздухѣ утра.

Злую шутку сыграла съ нимъ судьба... Образы трехъ женщинъ стояли передъ нимъ: его теперь далекая жена, въ которую, когда она была невѣстой, онъ былъ несомнѣнно влюбленъ; Нина Андреевна, въ которую въ Петербургѣ онъ, казалось, готовъ былъ влюбиться, и эта наивная Розинета,—его любовная потѣха нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Миланѣ. Внѣшность всѣхъ трехъ, каждой въ своемъ родѣ, была по вкусу ему. Умъ жены и Нины, ихъ даровитость, нервное богатство ихъ натуръ плѣняли его. Быть-можетъ, и умнѣе, и даровитѣе всѣхъ была его жена. Она сдѣлалась его подругой жизни. И вотъ, насталъ моментъ, она была дальше для него, чѣмъ эти двѣ: чужая жена и бездомная натурщица. Ни онъ не измѣнялъ женѣ, ни она ему, они были друзья; они попрежнему цѣнили достоинства другъ друга, любили даже дорогу другъ друга: она — его писательство, онъ — ея музыку... И вотъ, настало такое время, что не только порывы страсти, даже духовный обмѣнъ между ними какъ-то замеръ. И онъ шелъ за духовнымъ обмѣномъ къ Нинѣ Андреевнѣ, — онъ жилъ почти аскетомъ, чтобъ вдругъ, теперь, съ глубокой тоской вспомнить объятія натурщицы въ Миланѣ. Въ каждой изъ этихъ женщинъ было по одному слагаемому для той summa summarum личнаго счастья, о какомъ говорилъ Гайришъ. Въ каждой была инерція центростремительной къ нему силы, но въ одной было только тѣло и сердце, въ другой—темпераментъ и умъ, въ третьей, женѣ, — интеллектъ со всею его впечатлительностью и, кромѣ того, еще центробѣжная сила, увлекавшая ее отъ мужа,—сила таланта, отдававшая ее почти всецѣло эгоистическимъ стремленіямъ къ славѣ, толпѣ, выставкѣ напоказъ... И вотъ, одна брошена, какъ выпитый кубокъ, другая отдалилась, благодаря этой центробѣжной силѣ, третья... третья явилась тогда, когда уже было поздно: теперь она въ рукахъ другого, который говоритъ, что она-то и есть summa summarum супружескаго счастья. И почти охладѣвъ къ этой послѣдней, какъ мы охладѣваемъ зимой къ ягодамъ, зная, что ихъ нѣтъ; сейчасъ убѣжавъ отъ болѣзненнаго рецидива страсти погибшей нравственно дѣвушки; наконецъ, подъ предлогомъ морскихъ купаній, уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ можно дальше уѣхавъ отъ среды, гдѣ его жена окружена атмосферой концертнаго зала, Бодровъ сидитъ на этой вершинѣ чужеземной горы, холодный и равнодушный, какъ камень ея утесовъ, безжалостно разсѣкая анализомъ отчаянія свою прошлую жизнь, какъ наемный чиновникъ-врачъ разсѣкаетъ на слѣдствіи мертвое тѣло...

Да, онъ, въ сущности, давно уже мертвецъ. Развѣ при встрѣчахъ еще въ Петербургѣ съ Ниной Андреевной, тогда свободной дѣвушкой, не ощущалъ онъ какое-то половинчатое чувство, — развѣ не легко и спокойно отошелъ онъ отъ нея, уже чуждый настоящей жизнерадостной страсти? Развѣ не съ покорной безропотностью философа переносилъ онъ отдаленіе жены? Развѣ почти не съ ледянымъ равнодушіемъ оттолкнулъ онъ сегодня эти объятія, одно воспоминаніе о которыхъ должно было охмелить его? Нѣтъ у него этой summa summarum личнаго счастья, да нѣтъ уже и жажды къ нему... Ибо другую summa summarum вырвала у него жизнь,—summa summarum дѣятельности, сообразно дарованіямъ, убѣжденіямъ и сознанію приносимой имъ пользы... Каменная стѣна соціальной организаціи родины, болота ея культурнаго настоящаго такъ несоразмѣрно съ его надорванными силами крѣпки и глубоки, что его дарованія, его убѣжденія—почти мертвый капиталъ; а что же, въ сущности, этотъ мертвый капиталъ его души, какъ не онъ самъ—мертвецъ, мертвецъ, мертвецъ, — трижды мертвецъ!

Чего же онъ ждетъ? Что его удерживаетъ отъ того, ради чего онъ бѣжалъ отъ всего, связаннаго съ нимъ кровно, въ эту прелестную, но чужую ему страну,—въ эту «нирвану» природы, гдѣ, какъ онъ думаетъ до сихъ поръ, всего легче для него погрузиться въ нирвану небытія...

Неужели встрѣча съ Гайришами, съ Розиной перемѣнятъ что-либо въ его рѣшеніи?

IX.

Вдругъ Бодровъ почувствовалъ, что его глазамъ больно. Онъ сидѣлъ, полузакрывъ ихъ. Онъ широко раскрылъ вѣки. Онъ понялъ, что то былъ блескъ солнца, поднимавшагося изъ-за туманной линіи дальнихъ невидимыхъ береговъ моря,—блескъ, рѣзнувшій острой полосой свѣта, отраженнаго гладью воды, по глазамъ Бодрова. Сперва тонкой блестящей точкой, блѣдной, почти бѣлой, блеснула даль, потомъ эта точка заалѣла и все болѣе выясняющимся пламеннымъ полукругомъ поплыла по небу, выходя изъ волнъ. Туманъ надъ моремъ точно дрогнулъ. Онъ закачался длинными, рѣдкими волокнами, пронизанными розовыми отблесками восхода. Ясная лазурь тихаго моря вдругъ выглянула подъ этимъ блѣдно-розовымъ флеромъ, медленно волнующаяся, какъ блѣдно-голубой атласъ, осторожно разстилаемый ласковой рукой. По мѣрѣ того, какъ дискъ солнца выяснялся, его алый цвѣтъ переходилъ въ блескъ золота, это золото, проникаясь сіяніемъ, лило потоки серебрянаго ослѣпительнаго свѣта. Атласъ моря тронулся блестками, искрами—и тамъ, откуда выходило солнце, роскошный золотой столбъ заколыхался по морю. Туманъ, какъ ночная завѣса, разодрался и легкими, зыбкими клочьями хватался за прибрежные утесы. И море, безконечное, все открытое взору, тающей въ блескѣ гладью уходило къ дальнимъ причудливо-тонкимъ очертаніямъ острововъ.

Ближе моря, у ногъ Бодрова, дремалъ красивый городокъ, точно пріютившись между моремъ и зеленокудрявыми горами, этими высокими, застывшими волнами зелени виноградниковъ, орѣшниковъ, оливковыхъ, лимонныхъ и апельсинныхъ садовъ.

Бодровъ всталъ. Онъ жадно смотрѣлъ въ даль моря... Руки его невольно вытянулись, глаза увлажились, и точно восклицаніе: «Къ тебѣ, къ тебѣ!»—просилось съ его полураскрывшихся губъ...

И вдругъ, въ какомъ-то непонят-

номъ порывѣ, онъ, почти бѣгомъ, пошелъ съ горы... Съ плотно сжатыми губами, съ полуопущенными глазами, въ странномъ самоуглубленіи, онъ сошелъ въ городъ, миновалъ мрачные дома, пріютившіеся въ кривомъ переулкѣ, подъ утесомъ, и прошелъ черезъ площадь, на которой еще дымились кое-гдѣ обгорѣвшіе столбы иллюминаціи. Послѣ вчерашняго оживленія въ городѣ его поражала пустота. Онъ очутился передъ воротами виллы Негри.

У самыхъ этихъ небольшихъ воротъ стоялъ длинный и низкій сарай. Дверь его была полуоткрыта. Сильный, сладкій запахъ только что снятыхъ съ вѣтвей апельсиновъ несся оттуда.

Этотъ запахъ поразилъ Бодрова. Онъ остановился. Онъ точно хотѣлъ надышаться этимъ запахомъ. Онъ зналъ, что тамъ обвертываютъ въ тонкую бумагу и укладываютъ въ ящики, для оптовой продажи, апельсины. Вдругъ страстный итальянскій шопотъ, легкая возня и вздохи, затѣмъ задавленный смѣхъ и звучный поцѣлуй раздались въ сараѣ.

— Letta, Letta!—долетѣла до него нѣжная мольба.

Онъ узналъ голосъ. Это былъ лакей Пеппо, шустрый туринецъ, бывшій берсальеръ, большой политикъ и pensiero libro въ религіи, какъ онъ самъ рекомендовалъ себя. Леттой—уменьшительное отъ Віолетта—звали въ отелѣ горничную, полную, почти толстую и темножелтую уроженку Капри. «Io sono nera capritana!»—не безъ гордости заявляла она, ворочая огромными черными глазами и выпячивая темныя губы. Вся ея молодая, изобильная фигура дышала здоровьемъ, наивностью и чувственностью. Гаиришъ прозвалъ ее въ холостой компаніи рогомъ изобилія... Очевидно, libro pensiero и nera capritana пользовались пустотой сарая и всеобщимъ сномъ въ отелѣ.

Бодровъ прислушался къ звукамъ ихъ довольно шумныхъ нѣжностей, среди которыхъ не послѣднюю роль играли весьма звонкіе шлепки по спинѣ, и, стараясь, чтобы не было слышно его шаговъ, пошелъ дальше. На губахъ его блуждала странная улыбка. Она какъ будто говорила: «любите, будьте счастливы. Я вамъ не завидую, не порицаю васъ... Будьте только счастливы...»

Онъ неслышно, съ ловкостью звѣря, хорошо знающаго, гдѣ лежитъ добыча, прокрался по лѣстницѣ и по коридору отеля въ свою комнату.

Скромная желѣзная кровать, комодъ, столъ, два стула и въ углу дорожный сундукъ, полный книгъ, составляли всю обстановку его жилья. Вмѣсто окна была дверь на угловой балконъ, поломъ котораго служила плоская крыша выступающаго нижняго этажа отеля.

Бодровъ широко открылъ эту дверь и вышелъ на балконъ. Палисадникъ внизу былъ совершенно пустъ. Солнце уже поднялось высоко, и море, Везувій, дальніе острова, тихіе, блѣдные, въ какомъ-то маревѣ блеска, — были точно нарисованы на неподвижной картинѣ. Чуть слышный ласковый, зовущій плескъ моря, какъ монотонные звуки необъятной колыбельной пѣсни, доносился снизу. Море какъ будто кого-то убаюкивало, все проникнутое тихой, матерински-нѣжной, полной сіянія улыбкой.

Бодровъ, смертельно блѣдный, конвульсивно выпрямился и стоялъ съ расширенными, блестящими глазами. И руки его снова сдѣлали жестъ, точно протягиваясь къ чему-то или призывая что-то въ объятія. Грудь его высоко, но мѣрно и почти спокойно поднималась отъ усиленнаго дыханія. Смѣшанный солоновато-сладкій запахъ моря и гіацинтовъ, росшихъ

въ палисадникѣ, раздулъ его ноздри страстнымъ порывомъ надышаться этимъ запахомъ. Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ такъ, точно замирая въ бодромъ, свѣжемъ самочувствіи, которое послалъ ему восходъ солнца, созерцаемый передъ лицомъ моря въ горахъ. Потомъ онъ вернулся съ балкона въ комнату. Подойдя къ сундуку съ книгами, который былъ открытъ, онъ взялъ блѣдною, слегка дрожащею рукою первый попавшійся томъ. То были «Былое и думы». Онъ раскрылъ томикъ, прочелъ въ срединѣ страницы нѣсколько строкъ и положилъ книгу снова въ сундукъ.

«Ты бы понялъ меня! — точно непроизвольно прошептали его губы, — ты, умѣвшій проникать чутьемъ поэта и анализомъ мыслителя во всѣ проявленія жизни и мысли, ты—широкій почти какъ сама жизнь! У меня нѣтъ ни твоего здоровья, ни твоего богатства, ни твоей семьи, ни твоихъ знаній языковъ, чтобы ограничиться только эмиграціей... но многое, что болѣло въ твоей груди, что летѣло стономъ изъ Лондона на Русь, — болитъ и во мнѣ... Ты бы понялъ меня!»

И ему вспомнилась металлическая статуя, тоже надъ южнымъ моремъ, — статуя этого собрата-земляка!

На почтовомъ листкѣ онъ набросалъ небольшое письмо. Это письмо онъ вложилъ въ конвертъ и, надписавъ: «Г. Н. Гайришу», запечаталъ. Бросивъ письмо на столъ, онъ вынулъ изъ выдвижного ящика стола нѣсколько готовыхъ писемъ въ незапечатанныхъ конвертахъ. На одномъ большомъ пакетѣ значилось: «Документы». Онъ вынулъ, тщательно пересмотрѣлъ ихъ. На другомъ была надпись: «Деньги (300 лиръ)». Онъ вынулъ и пересчиталъ деньги.

— Хватитъ на все, — сказалъ онъ спокойно.

Потомъ, доставъ, очевидно, давно написанное письмо изъ небольшого конверта, онъ пробѣжалъ его съ нѣжной улыбкой, послѣ чего приписалъ внизу:

«Ради Бога, не вини себя. Никто не виноватъ. Эволюція жизни — вотъ и все. Порадуйся за меня, что любовь къ природѣ, вѣра въ неизбѣжность соціальнаго прогресса и ясность мысли вообще, какъ ангелы, вѣютъ своими невидимыми крыльями надъ моей обреченной головой. Я почти не страдаю. Будь счастлива. Топи въ своей музыкѣ и топи въ ней толпы несчастливцевъ. Мы разстаемся друзьями; это великое мнѣ утѣшеніе.

Твой А.»

И это письмо онъ запечаталъ и положилъ на столъ.

Подъ письмами въ столѣ лежала фотографія старушки гордаго вида. Онъ долго и пристально посмотрѣлъ на нее.

«Хорошо, что ты умерла! — подумалъ онъ.—Ты бы меня не поняла, и я не рѣшился бы причинить тебѣ слѣпое, безвыходное материнское страданіе».

И задвинувъ столъ, онъ осмотрѣлъ адресы остальныхъ писемъ.

— Ну, къ этимъ прибавлять нечего—распоряженія и вѣжливости!

Онъ положилъ письма на столъ.

Подойдя къ комоду, онъ выдвинулъ верхній небольшой ящикъ, досталъ изъ него нѣсколько мелко исписанныхъ тетрадокъ, долго читалъ то одну, то другую строчку, и вдругъ подобіе слезъ увлажило его глаза.

— Прощай, часть души моей! Живи, если поживется тебѣ!—И онъ положилъ тетради снова въ комодъ. — Однако, я краснорѣчивъ, какъ Неронъ передъ смертью,—добродушно усмѣхнулся онъ.

Онъ посмотрѣлся въ зеркало, стоящее на комодѣ. Онъ былъ блѣденъ,

но оживленъ. Лицо его показалось ему помолодѣвшимъ, почти красивымъ.

— Бѣдняжка Розина когда-то увѣряла, что у меня buoni occhi!

Онъ снова усмѣхнулся.

— Ну-съ, а есть ли у насъ суррогатъ, — шутливо сказалъ онъ себѣ, вспоминая слова Гайриша. — Есть, есть! — воскликнулъ онъ весело и искусственно громко, увидавъ за зеркаломъ на комодѣ оплетенную соломой фьяску. Она была полна краснаго вина.—Молодецъ Пеппо! Каждый вечеръ аккуратно исполняетъ мое приказаніе, несмотря на легкомысленное увлеченіе Леттой. И вино хорошее. Доброе, не весьма молодое кіанти. У Негри порядочный погребъ, хотя, вѣроятно, сдеретъ онъ съ моихъ душеприказчиковъ. Ну, да денегъ хватитъ!

Бодровъ все это говорилъ вслухъ, нюхая вино. Ему какъ будто жадно хотѣлось слышать свой собственный голосъ.

— Ну-съ, а теперь,—сказалъ онъ, странно выпрямляясь и расправляя плечи,—сосредоточимся. Не надо ли чего еще?

Онъ сѣлъ на стулъ и задумался.

— Ба!—ударилъ онъ себя по лбу.— Это забыть было бы непростительно. Гайришу написалъ, а карточки не приготовилъ.

Онъ вынулъ изъ небольшого альбома свою карточку, на которой онъ былъ моложе. На оборотѣ карточки была надпись: «Милой мамѣ отъ Анатолія. Миланъ 18... г.»—«Маленькой моей Розинѣ. Благодарю за любовь. Прости меня, если можешь. Анатоліо»,—написалъ онъ подъ этой надписью по-французски. Потомъ вложилъ карточку въ пакетъ и, запечатавъ, написалъ на пакетѣ: «Г. Н. Гайришу (вскрыть только послѣ прочтенія письма въ другомъ пакетѣ)».

— Ну, теперь, кажется, все,—потянулся онъ, точно уставъ отъ тяжелой работы.

Онъ взялъ въ одну руку фьяску съ кіанти, въ другую стаканъ, вынесъ все это на балконъ, поставилъ на металлическій столъ, который стоялъ тамъ, и опустился у стола на стулъ.

— Провѣримъ еще разъ,—сказалъ онъ тихо, закрывая глаза и опуская руку въ глубокій боковой карманъ пиджака.

Точно убѣдившись, что въ карманѣ есть то, что ему надо, — онъ вынулъ оттуда руку и налилъ себѣ вина. Кіанти было, дѣйствительно, довольно старое и хорошее. Темно-малиновое, бархатное, примѣшивая свой сильный ароматъ къ свѣжему утреннему воздуху, оно вьющейся струйкой упадало изъ легкой фьяски въ стаканъ. Наливъ стаканъ, Бодровъ отпилъ медленно, задумчиво смакуя вино.

— Какъ это говоритъ Джорджъ,— усмѣхнулся онъ.—«Пей, но не пьянствуй!» Я и не буду пьянствовать. А многіе изъ собратьевъ избирали и эту «нирвану». Она какъ-то больше къ лицу у насъ на Руси! Что-жъ, и то хорошо. Въ промежуткахъ между delirium все же работаютъ... Жалкая работа, жалкое существованіе... но... все же не бѣгство отъ обязанностей... я знаю, что бѣгу, грѣхъ беру на душу, но... моя, въ сущности, разбитая тряпкадуша, пожалуй, только на это и годится. Бѣда моя... слишкомъ я художникъ. Не риторъ, не проповѣдникъ... Мысль еще можно подгонять подъ условія... или, вѣрнѣе, слово... но образы... образы... Нѣтъ, я не могу, слишкомъ больно, слишкомъ... Однако, философствуя-то я, пожалуй, осажу... Не нужно забывать суррогатъ!

И онъ, снова и снова подливая вина, пилъ его по глоткамъ, но довольно быстро.

— Желалъ бы я знать, куда бы отклассифицировалъ мое теперешнее со-

стояніе другъ Морзелли. Не нашелъ ли бы онъ, что мнѣ слѣдуетъ отправиться посидѣть къ нему въ Мачерату, въ его Manicomio. Во всякомъ случаѣ, если я переживаю манію, то одну изъ самыхъ плодотворныхъ. Уничтоженіе страха смерти! Это, кажется, было задачей древнихъ стоиковъ. Великолѣпно, если это дѣлается открытіемъ новѣйшихъ сумасшедшихъ. А Морзелли!? — окликнулъ онъ и, наклонившись, досталъ изъ-подъ стола какъ будто нарочно лежащую тамъ книгу. Онъ съ странной улыбкой посмотрѣлъ на заглавіе: «Il suicidio. Saggio di statistica morale comparata del prof. E. Morselli, Direttore del Manicomio di Macerata. 1879. Milano.»

— Прости, пріятель, что я тебя держу подъ столомъ, — усмѣхнулся Бодровъ,—поближе, подъ рукой. Однако, благодаря этой книжицѣ и словарю, я почти научился читать по-итальянски!—сообразилъ онъ самодовольно и еще отпилъ вина.

Онъ все чаще наполнялъ свой стаканъ и выпивалъ его. Лицо его начало покрываться нѣжно-розовымъ румянцемъ, глаза сильно заблестѣли, потомъ подернулись туманомъ. Мысли въ его головѣ блуждали какъ-то пассивно, почти противъ воли, клочками, отрывками...

— Мнѣ могутъ сдѣлать упрекъ, что въ пьяномъ видѣ,—лѣниво пробормоталъ онъ.—Унизительно... но еслибъ я терялъ сознаніе... Наоборотъ, оно проясняется... Я, напримѣръ, прекрасно понимаю, что я сейчасъ эгоистиченъ до отвращенія, но... какъ посторонній... равнодушно... это-то и хорошо... А право на то, что я дѣлаю?.. Отчего же нѣтъ? Вонъ въ старину, я читалъ, въ Марсели даже ядъ содержали для желающихъ... содержали на общественный счетъ. Докажи судьямъ, что у тебя taedium vitae по достаточнымъ причинамъ, получай скляночку и дѣйствуй! Умное, широкое воззрѣніе!..

И онъ снова пилъ кіанти. Полфьяски уже опустѣло. Глаза Бодрова подернулись совершеннымъ туманомъ.

«Прекрасное вино!—подумалъ онъ. —Легкое и крѣпкое. Въ головѣ никакой тяжести, а кровь побѣжала уже усиленнѣе, и между пальцами какъ будто полоски бархата... Ну, другъ Морзелли! Ты не предусмотрѣлъ такого случая... а?—и отпивая вино, онъ другой рукой перелистывалъ итальянскую книгу.—Ты молодчина,—бормоталъ онъ,—ты не считаешь всѣхъ насъ сумасшедшими, ты знаешь, что современная цивилизація даетъ и разумнымъ иногда достаточныя причины... Помнишь, полковникъ Рюстовъ, другъ Лассаля... А, впрочемъ, пускай себѣ эта цивилизація идетъ... она валитъ черезъ пень колоду, многихъ давитъ и мнетъ, но... пусть, пусть! Она на вѣрномъ пути... я вѣрю въ нее... да, вѣрю... я вижу почти...»

И выронивъ изъ рукъ книгу Морзелли, Бодровъ со стаканомъ вина въ рукѣ, откинувшись на спинку стула, какъ будто замечтался. Точно какая-то необыкновенно величественная, давно желанная картина вставала въ небываломъ блескѣ передъ его очами. Онъ закрылъ глаза. Войдя на балконъ, можно было принять его за внезапно уснувшаго за столомъ въ этой позѣ и видящаго счастливый сонъ. Но онъ не спалъ. Съ закрытыми глазами, все еще точно видя очаровательную картину будущаго человѣчества, онъ сталъ прислушиваться.

Тихій, нѣжный плескъ моря доносился снизу. Высоко поднявшееся солнце начало грѣть довольно сильно. Бодрову,—у котораго отъ вина горѣли щеки и кровь все быстрѣе пробѣгала по разогрѣвшемуся тѣлу, при чемъ ощущеніе бархата между пальцевъ все усиливалось,—казалось, что кто-то гладитъ его по головѣ горячей, нѣжной рукой.

— Баюкаетъ, баюкаетъ!—прошепталъ онъ неожиданно, прислушиваясь къ плеску моря.

Ему почудилось, что кто-то нѣжно шепчетъ около него. Онъ раскрылъ глаза и обернулся. Никого не было. Онъ сидѣлъ передъ фьяской кіанти, котораго оставалось уже менѣе трети въ стеклянномъ узкогорломъ кувшинѣ. Но ему упорно казалось, что у него подъ ушами кто-то нѣжно шепчетъ.

— Ба! да это кровь приливаетъ къ ушамъ!—почти весело догадался онъ.

Сознаніе его было поразительно ясно.

— А хорошо!—шепталъ онъ самъ тихо и осторожно,—точно шопотъ Розины въ Миланѣ... Какъ она, бывало, въ темнотѣ ночи шепталась тихо-тихо, увѣряя, что ей всегда кажется, что въ темнотѣ кто-то огромный слушаетъ ее внимательно и строго...

Но вмѣсто Розины другой женскій образъ возникъ поразительно ярко передъ Бодровымъ. Ему казалось, что онъ сидитъ у молодой дѣвушки въ Петербургѣ, поздніе часы вечера уже переходятъ въ ночь, и они тихо бесѣдуютъ. Лицо ея, красивое, цвѣтущее, почти дѣтское лицо, наклоняется къ нему; станъ ея, пышный станъ вполнѣ развившейся женщины, мягко изгибается въ домашнемъ темномъ костюмѣ, и въ полутьмѣ, между подушками мягкаго дивана изъ широкаго рукава виднѣется бѣлая, полная силы и нѣжности рука... Онъ горячо разсказываетъ ей о Генри Джорджѣ, Лассалѣ, мадамъ Энгельсъ, дочери Маркса... И она таращитъ хорошенькіе глазки *и*, точно робѣя, шепчетъ: «ахъ, я ничего не знала объ этой сторонѣ жизни»... Но... но то уже не Нина Андреевна... То болѣе живое, болѣе пожилое, съ темными глазами лицо... его жены... Зины... Окруженная цѣлой толпой слушателей, она, усиленно жестикулируя руками, говоритъ объ искусствѣ, объ обществѣ... Чувствуется, что всѣ стороны мысли и жизни хоть немного знакомы ей... чувствуется, что она увлекается... горитъ въ своей рѣчи... Но то опять иное женское лицо... впрочемъ, онъ не видитъ лица. Это, вѣроятно, та недостижимая, призрачная summa summarum личнаго счастья... О, какъ хорошо ему рядомъ съ ней, рука объ руку!.. Онъ не можетъ разобрать, что̀ она ему нашептываетъ, но шопотъ этотъ сладостенъ—въ немъ и наивная страстность Розины, и робко-красивыя рѣчи Нины Андреевны, и смѣлый огонь рѣчей Зины... Но вѣдь это же только шумъ моря и шумъ крови, приливающей къ ушамъ! Онъ это прекрасно знаетъ. Никакой summa summarum нѣтъ, а есть суррогатъ или суррогаты, какъ это объяснилъ Гайришъ.

И Бодровъ снова раскрылъ глаза. Фьяска передъ нимъ была почти пуста. Онъ уже не былъ красенъ. Онъ былъ блѣденъ, и лицо покрылось по̀томъ. Ощущеніе бархата, мягко охватившаго его, чувствовалось теперь на всемъ тѣлѣ.

— Хорошо!—прошепталъ онъ и заломилъ руки за голову.

Онъ во всѣ глаза смотрѣлъ передъ собой.

— Есть одна только summa summarum—Великій Панъ древнихъ,—точно вихремъ пронеслось въ его головѣ, которая была окунута точно въ какіе-то ароматные, влажные пары, теплые и нѣжащіе.

Вдругъ рука его опустилась въ жилетный карманъ, потомъ поднялась къ виску. Онъ улыбнулся полублаженной, полуиронической улыбкой и, вперивъ расширенные глаза въ чуть-чуть курившійся Везувій, прислушиваясь къ баюкающему морю, еще разъ прошепталъ: «хорошо!» и что-то дернулъ рукой...

Это что-то страшно легко подалось подъ его пальцами... Везувій вдругъ точно перевернулся и дымъ его исчезъ... Исчезъ и Бодровъ.

Онъ погрузился въ нирвану.

X.

Хотя Гайришъ, уходя вчера съ женой въ свое помѣщеніе, и объявилъ огорченному Венлино, что и въ прелестную ночь благоразумнымъ людямъ слѣдуетъ идти спать, но онъ и Нина Андреевна не спали всю ночь. Вчерашній фейерверкъ, запахъ моря и собственное восторженное состояніе людей, переживающихъ первое время любви и брака, такъ возбуждающе подѣйствовали на нихъ въ эту ночь, что они провели ее безъ сна, въ горячихъ ласкахъ и безконечныхъ разговорахъ. Такъ что восходъ солнца засталъ ихъ не спящими.

Когда лучи его брызнули полосами въ ихъ спальню сквозь опущенныя зеленыя гардины изъ тонкихъ деревянныхъ дранокъ, Нина Андреевна вскочила съ постели, быстро накинула бѣлый пеньюаръ и объявила мужу, что она и не будетъ спать, потому что не чувствуетъ никакого утомленія и хочетъ сейчасъ же идти на воздухъ. Гайришъ, тоже облекшійся въ халатъ, лежалъ на кушеткѣ, куря сигару и самодовольно улыбаясь. Онъ раскинулся, какъ отдыхающій великанъ, съ открытой волосатой грудью, и лѣниво ловилъ ногами туфли, которыя время отъ времени подбрасывалъ носками вверхъ.

— Неужели ты нисколько не устала?—спрашивалъ онъ, любуясь женой, которая, въ изящныхъ бархатныхъ туфелькахъ на босу ногу, стояла у балкона ихъ гостиной и смотрѣла на восходъ солнца.

— Развѣ ты усталъ?—съ кокетливымъ презрѣніемъ повернулась она къ нему.

— Однако, мы проболтали и продурачились всю ночь!—лукаво усмѣхнулся онъ.—Бѣдный Венлино этого не подозрѣваетъ.

— Оставь ты, пожалуйста, Венлино. Онъ преинтересный, пречитанный и прелюбезный человѣкъ,—сказала она и, какъ будто сердясь, топнула ножкой, при чемъ миніатюрная туфля соскочила и отлетѣла въ сторону.

Поджавъ ногу, чтобы не ступить ею на каменный полъ, Нина вприпрыжку, какъ маленькая дѣвочка, на одной ногѣ побѣжала за туфлей. Гайришъ, лежа, жадными глазами смотрѣлъ на эту большую, цвѣтущую женщину въ разстегнутомъ пеньюарѣ, прыгавшую какъ дитя. И когда она была уже возлѣ туфли, онъ вдругъ опрокинулся съ кушетки, схватилъ своей длинной рукой ея туфлю и притянулъ къ себѣ.

— Попрыгунья-стрекоза
Лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла...

запѣлъ онъ, фальшивя и хохоча и пряча тюфлю въ складкахъ халата.

— Ты хочешь, чтобъ я простудилась; ты хочешь, чтобъ я стала голой ногой на каменный полъ!—закричала его жена, комически прыгая на одной ногѣ.

— Попробуй! я тебя накажу. Не позволю оставаться tête-à-tête съ Венлино. Скачи сюда. Отними у меня туфлю!..

Она подскакала къ его кушеткѣ, высматривая, гдѣ въ халатѣ онъ спряталъ туфлю. Но едва она приблизилась къ нему, онъ схватилъ ее, привлекъ и, сжавъ желѣзной рукой, не выпускалъ, держа въ другой рукѣ высоко поднятую туфлю.

— Ты думаешь — не вырвусь?— прошептала она, тяжело дыша, и вдругъ, быстро изогнувшись, вывернулась, схватила туфлю и скрылась моментально въ спальню.

Гайришъ, блѣдный, взволнованный, вскочилъ, чтобы бѣжать за ней. Но онъ остановился. блаженно потянулся и разсмѣялся.

— Воображаю Венлино, какъ твоего поклонника; да ты ему шею свернешь!—громко воскликнулъ онъ.

— Будто? — раздалось иронически изъ-за ширмъ въ спальнѣ.—Ты, кажется, полагаешь, что мнѣ только и милы такіе центавры. какъ ты... А знаешь, по-моему, правило женской любви?

— Какое это?—любопытно отозвался Гайришъ, вдѣвая запонки въ крахмальную рубашку.

— Женщина съ сильнымъ должна быть сильнѣе его, съ слабымъ—слабѣе его, — вотъ тайна, чтобы насъ долго любили!—раздалось сентенціозно изъ-за ширмъ, послѣ чего послышались всплески умыванія.

— Ого! да ты психологъ!—воскликнулъ Гайришъ и пошелъ въ свой кабинетъ, гдѣ также принялся за утренній туалетъ.

Очевидно, они безмолвно согласились не спать въ эту ночь совсѣмъ, несмотря на очень ранній утренній часъ. Когда, нѣкоторое время спустя, они снова сошлись въ промежуточной комнатѣ-гостиной, — какъ они называли,—оба тщательно вымытые, причесанные, одѣтые, они смотрѣли такими свѣжими и бодрыми, что, дѣйствительно, во снѣ не нуждались вовсе.

— Джорджи! — сказала Нина Андреевна, оправляя завитки на лбу.

— Что, Ниня?—отозвался Гайришъ, расправляя свои роскошные бакенбарды.

— Мы кофе пить подождемъ. Пусть Віолетта уберетъ комнаты, если только она проснулась. Сойдемъ въ палисадникъ. Тамъ теперь никого. Всѣ еще, вѣроятно, спятъ. Понимаешь... мы... вдвоемъ, вдвоемъ... никого, кромѣ моря, Везувія и насъ. Только, пожалуйста, безъ шума и шалостей. Довольно глупостей. Будемъ тихи и мечтательны. Слышишь? Хочешь?—сказала нѣжно Нина Андреевна и, подойдя къ нему, подняла пальцами его подбородокъ.

И осторожно, мягко она поцѣловала его въ пробритое между бакенбардами мѣсто.

Руки его также мягко легли около ея таліи, одѣтой теперь въ корсетъ и легкій лѣтній корсажъ. Глаза его теплились шаловливой лаской.

— Хочу, Нини! — сказалъ онъ, ловя губами ея пальцы, которыми она теперь разглаживала его усы.

— Ну, такъ вашу руку, синьоръ, и тихонько, тихонько.

Гайришъ взялъ ее подъ руку и съ лукавой улыбкой шалуновъ, знающихъ, что надзиратели спятъ, они, ступая тихо и высоко на цыпочкахъ, вышли изъ своихъ комнатъ, прошли по коридору, спустились по лѣстницѣ и, миновавъ салонъ, вышли въ палисадникъ.

Когда они очутились тамъ, они невольно расхохотались, но сейчасъ же зажали другъ другу ротъ. Весь домъ, дѣйствительно, спалъ. Пеппо и Летта скрылись въ отдаленный сарай, а хозяйственный синьоръ Негри только что принялся въ своей каморкѣ за бритье, сидя безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ, передъ зеркальцемъ. Когда, выбрившись, онъ появлялся во дворѣ, тогда обыкновенно начиналась жизнь въ отелѣ. Пеппо и Летта къ этому времени, чуя верхнимъ чутьемъ роковой часъ хозяйскаго появленія, уже были всегда за своимъ дѣломъ. Но теперь онъ еще брился, они еще любезничали въ сараѣ, и Гайриши, подойдя къ парапету палисадника, смотря на море и на вулканъ, сіявшіе во всей ихъ утренней красѣ,—чувствовали себя совершенно одинокими.

— Нини, губки!—шопотомъ потребовалъ Гайришъ.

— На, Джорджи! только тихонько, тихонько!—такъ же отозвалась она и вытянула свои полныя, круглыя губы, отведя руки за спину, точно въ знакъ того, что не будетъ сопротивляться.

Они слились въ долгомъ, беззвучномъ поцѣлуѣ.

— Смотри, Везувій, никому не сказывай! — погрозила шаловливо Нина Андреевна вулкану пальчикомъ.—Ахъ, Джорджъ!—вздохнула она вдругъ всей своей высокой грудью,—какъ хорошо, какъ безконечно хорошо!

И она мечтательно умолкла.

Но вдругъ и она, и мужъ ея вздрогнули.

Сотрясая воздухъ и гулко отдавшись по глади моря, раздался выстрѣлъ, и выстрѣлъ очень близкій.

Гайриши смертельно поблѣднѣли. Глаза Нины Андреевны страшно расширились.

— Джорджъ, это онъ, это онъ!—воплемъ вырвалось изъ ея груди.

Мгновенная догадка, точно молнія, ужасной увѣренностью озарила ея голову.

Гайришъ, блѣдный, молча стиснувъ губы, въ два прыжка очутился передъ балкономъ Бодрова, бывшимъ на другомъ концѣ дома... Онъ увидѣлъ издали, снизу, распростертое на балконѣ тѣло. Сомнѣній не оставалось. Онъ бросился къ женѣ.

— Нина, — заговорилъ онъ искусственно спокойно, — пойдемъ. Я отведу тебя въ твою комнату. Пожалуйста, не волнуйся! Пойдемъ!

И онъ повлекъ ее изъ палисадника. Она покорно повиновалась, блѣдная и трепещущая. Въ комнатѣ она упала на кушетку, закрывъ глаза, лицомъ внизъ. Лихорадочная дрожь сильно била ее. «Нирвана, нирвана», — безпорядочно бормотали ея губы... Гайришъ скрылся.

Долго ли она такъ лежала, закрывъ глаза и дрожа, она не помнила. Для нея какъ будто не существовало сомнѣнія, что *это онъ*. Но, чувствуя это, она какъ можно далѣе хотѣла не знать этого навѣрное... Временами она вставала и пила воду, при чемъ ея зубы колотились о стекло стакана. Глаза ея блуждали, дикіе и полные невыразимой жалости... Она прислушивалась. Въ отелѣ поднялась возня, бѣготня. Наконецъ, вернулся Гайришъ, блѣдный, съ нахмуренными бровями; въ лицѣ его скорбь странно смѣшивалась со злобой. Ей нечего было спрашивать. Но точно для проформы она спросила, смотря въ злобно-холодные глаза мужа полными слезъ глазами:

— Онъ?

— Онъ, въ високъ, наповалъ, — глухо и коротко отвѣтилъ Гайришъ.

Она разомъ, всей грудью, зарыдала. Гайришъ подалъ ей воду. Онъ, молча, съ каменнымъ лицомъ, ждалъ, когда ея рыданія стихнутъ. Потомъ онъ подсѣлъ къ ней, сжалъ ея руки и началъ говорить беззвучнымъ, глухимъ голосомъ:

— Жалкіе мы психологи... Онъ еще вчера намекалъ мнѣ. Но я ничего не понялъ. Онъ оставилъ мнѣ письмо. Проситъ распорядиться. Отослать письмо женѣ и прочимъ. Похоронить въ Неаполѣ на лютеранскомъ кладбищѣ. Оставилъ деньги, документы, нѣсколько тетрадей сочиненій. Совершенно не цензурныхъ, какъ пишетъ. Проситъ издать за границей, если найду возможнымъ, а тебѣ... вотъ... оставилъ...

И Гайришъ, вынувъ изъ кармана, протянулъ женѣ почтовый листокъ. Дрожа и подавляя всхлипыванья, она стала читать:

«Дорогая Нина Андреевна: Я погрузился, наконецъ, вполнѣ въ нирвану. Продолжайте любить меня—въ

природѣ, съ которой я слился, въ людяхъ, во всемъ хорошемъ въ жизни,— все это буду я; въ работѣ людей, въ «любви» — мысль моя, душа моя въ природѣ — великая вѣчная метемпсихоза моего тѣла, если можно только такъ выразиться. Я не терзался передъ смертью. Я умеръ не безъ тайной грусти, конечно, но спокойно, хорошо. Не всегда,—какъ говоритъ Некрасовъ, — умирать тяжело, хорошо умереть. Безъ всякой рисовки мнѣ и умирать было недурно. Джорджъ когда-нибудь объяснитъ вамъ, почему. Итакъ прощайте и будьте веселы. Если встрѣтите жену—подружитесь: вы оба славныя существа».

Прочтя этотъ листокъ, съ широко раскрытыми глазами, съ глубокой, неожиданной думой на заплаканномъ лицѣ, Нина Андреевна молча подала его мужу. Онъ почти злобно отбросилъ его на столъ. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на мужа.

— Смерть—трусость, смерть—бѣгство! — вдругъ странно загорячился Гайришъ.

Онъ какъ будто не столько обвинялъ Бодрова въ самоубійствѣ, сколько защищалъ въ чемъ-то себя.

— Милый! — вдругъ тихо сказала Нина Андреевна со слезами въ голосѣ,—не суди...

Она не договорила. Слезы переполнили ея глаза... Она молча махнула рукой. Гайришъ посмотрѣлъ на нее, поцѣловалъ и сказалъ:

— Пожалуй, ты права! Пойду хлопотать о бѣднягѣ.

И онъ быстро ушелъ.

Нина Андреевна долго сидѣла и перечитывала листокъ, оставленный ей Бодровымъ... Странная, тихая дума затаилась въ ея впавшихъ, точно остановившихся на одной точкѣ глазахъ... Точно все еще непонятная ей нирвана и смерть, какъ медленно летящія издали зловѣщія птицы, повѣяли на нее взмахами своихъ темныхъ крылъ... Точно уже и ей угрожали онѣ своимъ неслышнымъ полетомъ.

Гайришъ сдѣлалъ все, о чемъ просилъ его старый товарищъ. Бодрова похоронили. Только карточку для Розины, которую Гайришъ скрылъ отъ жены, пришлось уничтожить. Ибо дѣвушка, которой просилъ передать ее Бодровъ, въ случаѣ если она явится къ его погребенію и обнаружитъ особое страданіе, не явилась. Бодровъ и не подозрѣвалъ, что почти въ тотъ часъ, когда онъ дѣлалъ надпись на карточкѣ, Розина уѣзжала съ раннимъ поѣздомъ въ Неаполь, чтобъ изъ него скрыться въ Миланъ. Она бѣжала оттуда, гдѣ былъ теперь ея синьоръ Анатоліо, туда, гдѣ она когда-то была счастлива съ нимъ.

Общество въ виллѣ Негри было поражено происшествіемъ. Но, собственно, о Бодровѣ только посплетничали. Настоящимъ образомъ огорчились отъѣзду очаровательныхъ синьора и синьоры Гайришъ, которые, похоронивъ друга, уѣхали въ Беладжіо: имъ было грустно оставаться на мѣстѣ, гдѣ погибъ Бодровъ.

При этомъ особенно огорченъ былъ Венлино: онъ, по его мнѣнію, только что началъ успѣвать у прелестной русской синьоры. Дрейгель, напротивъ, радовался, что это чудовище-Гайришъ, наконецъ, убрался изъ отеля, который онъ любилъ посѣщать.

Одинъ синьоръ Донайо не зналъ — радоваться или грустить; онъ злорадно смотрѣлъ на Венлино и впалъ въ полный пессимизмъ: Шопенгауэръ и нирвана не сходили теперь съ его устъ.

На Дальній Востокъ и обратно.

Путевые очерки **А. Т. Снарскаго.**

(Продолженіе.)

VI.

Коломбо самъ по себѣ уже прелестный городокъ, въ которомъ европейскій комфортъ соединяется съ тропическою пышностью. Великолѣпно шоссированныя улицы, усыпанныя крупнымъ краснымъ пескомъ, электрическое освѣщеніе, красивые дома, банки, отели, конторы,—и все это среди кокосовыхъ пальмъ, банановъ и множества другихъ породъ деревьевъ, часто усыпанныхъ великолѣпными цвѣтами. Вы ѣдете въ удобномъ и нарядномъ экипажѣ: легкая четырехмѣстная коляска въ одну лошадь, съ англійской упряжью, крытая лишь навѣсомъ на стойкахъ; навстрѣчу постоянно попадаются одномѣстныя колясочки, въ которыхъ смуглый и стройный туземецъ рысцою тащитъ на себѣ длиннаго англичанина, углубленнаго въ свою газету. Немного дальше отъ набережной, улицы состоятъ уже изъ ряда коттэджей, поставленныхъ въ глубинѣ дворовъ и садовъ; на воротахъ читаешь вывѣски докторовъ, агентовъ, различныхъ мастеровъ, и поневолѣ завидуешь этому д-ру Томасу или какому-либо портному, который не долженъ взбираться къ себѣ домой по темной и вонючей лѣстницѣ многоэтажнаго дома, а можетъ сидѣть на верандѣ, подъ тѣнью пальмъ, можетъ вырастить чай или кофе въ своемъ палисадникѣ, которому достаточно протянуть руку, чтобы сорвать себѣ бананъ или вырѣзать себѣ тросточку изъ коричнаго или камфарнаго дерева, и все это гораздо легче, чѣмъ нашему горожанину вырѣзать себѣ орѣшину.

Еще подальше — и выѣзжаешь на берегъ озера, берега и островки котораго покрыты цѣлымъ лѣсомъ пальмъ, а подъ ними стоятъ хижины съ тростниковыми крышами и копошатся темные люди совершенно такъ, какъ я привыкъ это видѣть на иллюстраціяхъ путешествій.

Тянутся арбы, крытыя длинными тростниковыми будками, запряженныя малорослыми буйволами, а рядомъ летитъ уже поѣздъ желѣзной дороги, останавливаясь на частыхъ разъѣздахъ. Вы подъѣзжаете къ вокзалу, платите рупію (60 коп.) своему возницѣ и немедленно попадаете въ руки черномазаго чичероне, который ведетъ васъ къ кассѣ, провожаетъ въ вагонъ, вертится, ухаживаетъ и ясно одержимъ желаніемъ получить съ васъ нѣсколько центовъ. Нѣсколько вагоновъ всѣхъ 3-хъ классовъ; вы берете билетъ 2-го класса туда и обратно за 6 рупій (3 р. 60 к.); за 70 миль въ конецъ это не дорого. Диваны купэ обтянуты желтой кожей; стеколъ нѣтъ, вмѣсто нихъ жалюзи, съ широкими рѣдкими дощечками; если онѣ подняты, то видъ на окрестности нисколько не закрывается. Вагоны 3-го класса биткомъ набиты бронзовыми, а часто и совсѣмъ темными, но очень симпатичными лицами туземцевъ. Бросается въ глаза та странность, что мужчины носятъ здѣсь женскую прическу — длинные волосы, скрученные сзади; мало того, именно мужчины носятъ и черепаховые гребни; впрочемъ,

не такъ, какъ наши дѣвочки,—отъ уха до уха,—а концами впередъ, ко лбу, и зубьями внизъ.

Лица мужчинъ очень правильны и выразительны. Торсы всегда открыты, и весь костюмъ состоитъ лишь изъ куска матеріи, который ниспадаетъ отъ пояса на манеръ юбки. Какія прекрасныя тѣла, плечи, руки; какую стройность походки, какую свободу и грацію движеній вырабатываетъ эта вѣковая привычка держать свое тѣло открытымъ; рѣшительно здѣсь не увидишь ни косолапыхъ, неуклюжихъ, точно спутанныхъ движеній; не увидишь заботы о томъ, куда дѣвать свои руки (тутъ вѣдь въ костюмѣ нѣтъ спасительныхъ кармановъ), какъ не увидишь манеръ жеманныхъ, приторныхъ, заученно прилизанныхъ; стоитъ, идетъ или лежитъ здѣсь человѣкъ—все равно его движенія поражаютъ той граціей, которую даетъ лишь полная непринужденность. Женщины здѣсь уже испорчены костюмомъ; кромѣ такой же юбки изъ куска матеріи, довольно узкаго и безъ всякихъ складокъ, онѣ носятъ еще коротенькія бѣлыя кофточки только до таліи; кофточка тоже узка, некрасиво прилипаетъ къ тѣлу и, хотя спереди вырѣзана à la coeur, но все же красивѣйшія линіи, т. е. плечи и руки, совершенно пропадаютъ для глаза; а если женщина подыметъ руки, то между краемъ кофточки и поясомъ дряблой полосой обнаруживается животъ. Все это вовсе некрасиво. Нельзя понять, почему и лица женщинъ гораздо грубѣе—съ толстыми, вздернутыми носами, почему и ростомъ онѣ меньше, и движенія ихъ менѣе изящны, такъ что, рѣшительно, прекрасный полъ здѣсь мужчины. Въ 7¹/₃ часовъ утра поѣздъ трогается. Утро пасмурное, небо облачное, дождь виситъ въ воздухѣ, и все освѣщено лишь вполовину. Поѣздъ летитъ сначала по широкой равнинѣ, и мы переѣзжаемъ нѣсколько рѣчекъ, довольно широкихъ, по которымъ идетъ сплавъ плотовъ; великолѣпные лѣса стоятъ по берегамъ; нельзя, впрочемъ, сказать, что пальмы смотрятъ въ воду, ибо вода течетъ мутная, желтая и совершенно непрозрачная. Очевидно, вмѣстѣ съ муссономъ пролились сильнѣйшіе дожди,—все кругомъ насыщено, пропитано, затоплено водою. Широкія канавы вдоль полотна дороги полны водою; поля подъ водою, и лишь межи едва обозначаются; вода повсюду собралась въ широкія озера, окружила всѣ пригорки, подобралась подъ всѣ кусты, подъ всѣ деревья, легла повсюду широкими зеркалами и теперь всасывается внизъ, испарятся вверхъ. И надъ всей этой широкой равниной легла тяжелая, удушающая мгла; дышится трудно; чувствуется, что влага, которую хочешь выдохнуть изъ своихъ легкихъ, возвращается обратно, тѣснитъ и дышитъ угрозой злѣйшей лихорадки. Хочется вырваться скорѣе, вдохнуть хоть глотокъ сухого свѣжаго воздуха; хочется, чтобы скорѣе летѣлъ поѣздъ. И поѣздъ летитъ,—летитъ порывисто, то замедляя, то вдругъ съ новой силой подхватывая; а кругомъ все то же и то же. Мало того: васъ обступаетъ и точно хочетъ преградить дорогу иной еще врагъ—это растительность.

Боже, какіе лѣса, какая растительность! Это уже не праздникъ, не пиръ—это цѣлая оргія природы! Кажется, будто эта тучная, богато одаренная земля, опьяненная влагой, распаленная солнцемъ, начала творить въ какомъ-то пьяномъ, безумномъ порывѣ; и каждый малѣйшій клочокъ земли, подстрекаемый жгучимъ соревнованіемъ, ни въ чемъ не хочетъ уступить сосѣду, и ни одинъ не хочетъ быть простымъ и скромнымъ; о, нѣтъ: всѣ формы пышны, роскошны, преувеличены; здѣсь нѣтъ нашихъ простыхъ корявыхъ сѣрыхъ стволовъ: они или стройно взбѣгаютъ кверху, прямые, тонкіе и блестящіе, какъ алебастровыя колонны, или раздаются въ ширь и впиваются въ землю корнями, которые ползутъ по землѣ во всѣ стороны, точно хотятъ захватить возможно большой кусокъ, не пустить сосѣда, и для себя, для своей широкой велико-

лѣпной кроны взять все, что только возможно. Природа не хочетъ здѣсь маленькихъ скромныхъ листовъ; она дѣлаетъ ихъ громадными, вытягиваетъ ихъ въ длину, въ ширину, снабжаетъ ихъ причудливыми выемками, иглами на концахъ, на тысячу ладовъ ихъ разсѣкаетъ, дѣлаетъ ихъ лапчатыми, перистыми, причудливо сложными, и эти кожистые, тяжелые листья, пропитанные влагой изнутри, охваченные влагой снаружи, висятъ неподвижно, потемнѣвшіе, изнеможенные, покрытые каплями влаги, которой имъ некуда выдохнуть. Мало того: вся эта пышная зелень не хочетъ здѣсь только питаться, только извлекать соки изъ земли и превращать ихъ въ полезные и вкусные плоды; нѣтъ, она хочетъ еще быть нарядной, блистательной, богато разубранной, и она не стѣсняется красками. Какъ великій поэтъ, начертивъ въ своей фантазіи планъ, обрисовавъ характеры и положенія, созидаетъ въ порывѣ вдохновенья стихи нѣжные, прелестные и звучные,— такъ природа въ своемъ безумномъ творческомъ порывѣ хватаетъ всѣ краски, какія есть у нея, и осыпаетъ себя цвѣтами всѣхъ формъ, всѣхъ красокъ, всѣхъ оттѣнковъ. Это какой-то праздникъ цвѣтовъ; они разсыпаны направо и налѣво пригоршнями, безъ счета; природа расточаетъ ихъ щедро, неудержимо, увѣренная, что не изсякнетъ избытокъ ея силъ, избытокъ вдохновенія. Мало того, что деревья сами усыпаны цвѣтами, сплошь и рядомъ по ихъ стволамъ ползутъ еще чужеядныя, взбираются по сучьямъ, свѣшиваются гирляндами, прибавляютъ къ кронѣ еще свою зелень, а къ цвѣтамъ еще свои цвѣты совсѣмъ иной окраски, формы, оттѣнка. На быстромъ ходу кажется, будто ни одинъ кустъ, ни одна былинка не остаются неукрашенными; даже скромная зелень, которая растетъ по окраинамъ полотна и выбивается чуть ли не изъ-подъ рельсъ, — и та усыпана красными съ желтымъ цвѣточками, заткана, точно коверъ. И наконецъ, вся эта пышность утомляетъ, глаза устаютъ смотрѣть, а голова—работать, воспринимать; не знаешь, куда смотрѣть, чего не пропустить; хотѣлось бы чего-нибудь простого, сѣраго, прямолинейнаго; ищешь, на чемъ бы отдохнуть; а между тѣмъ природа все также ярко и, я сказалъ бы, крикливо прекрасна. Она точно хочетъ сказать: «ты видишь, какъ я богата и прекрасна; восхищайся же мною; люби меня, если хочешь; но знай, что ты не можешь равняться со мною богатствомъ и щедростью; что ты мнѣ не ровня».

И въ самомъ дѣлѣ ясно видишь, что эту природу человѣкъ можетъ развѣ только подстричь, подчистить, лишить ее дѣвственной дикости, но ужъ никакъ не украсить. И здѣсь, конечно, люди и пашутъ, и насаждаютъ; но здѣсь природа не ждетъ труда человѣка, не жаждетъ его заботливости, не поселяетъ въ его сердце сомнѣній, страха за неудачу. Все выростаетъ здѣсь пышно, сторицею; кажется, что если бы нарочно люди выдергивали, жгли, топтали эту зелень, то она все же росла бы, пробивалась бы наперекоръ, вопреки волѣ человѣка. И я не знаю, можно ли здѣсь смотрѣть съ такою же нѣжностью на дерево, на поле, на цвѣтокъ, какъ въ нашихъ краяхъ, гдѣ все такъ трудно дается, гдѣ каждое зерно нужно выращивать, беречь, ограждать отъ всякихъ невзгодъ; гдѣ любишь свой клочокъ земли, какъ дѣтище, какъ дѣло рукъ своихъ; гдѣ каждый стебель говоритъ о заботахъ; но гдѣ эти же заботы и укрѣпляютъ тысячью нитей ту связь, ту обоюдную привязанность, которая сама для себя служитъ и цѣлью, и отрадой, даетъ намъ силы на новый трудъ, на новыя заботы. А здѣсь—это какой-то неравный бракъ, гдѣ гордая красавица никакъ не можетъ забыть своего знатнаго происхожденія, а бѣдный маленькій человѣкъ никакъ не можетъ придумать, что бы сдѣлать достойнаго его пышной царицы.

Нѣсколько разъ поѣздъ останавливается на нѣсколько минутъ на маленькихъ стан-

ціяхъ; близъ нихъ видны поселки: нехитрой постройки хижины съ навѣсомъ впереди, безъ оконъ, подъ тростниковыми или черепичными крышами; впрочемъ, хижины эти или обмазаны глиною, или даже побѣлены и выглядятъ опрятно и красиво. Повсюду развѣшены гроздья банановъ, пучки кокосовъ, лежатъ на солнцѣ большіе зеленые плоды хлѣбнаго дерева, видны какія-то лавочки, мастерскія; люди идутъ и ѣдутъ, но никакой суеты, никакого шума, ни крика; никто никуда не торопится, мужчины расхаживаютъ своей изящной и нѣсколько лѣнивой походкой; женщины съ грудными ребятишками глазѣютъ на васъ; мальчишки и дѣвочки бѣгаютъ по перрону и предлагаютъ спички, кокосы, бананы, и опять поражаешься стройностью тѣлъ, изяществомъ движеній, точно впервые здѣсь открываешь тѣло человѣка и впервые замѣчаешь, какъ могутъ быть красивы его линіи. Совсѣмъ не видишь тѣлъ безобразныхъ, дряблыхъ или носящихъ на себѣ слѣды непосильнаго труда болѣзней и порока; фигуры тонки, плечи широки, головы прекрасно поставлены, точно и тѣло само чувствуетъ постоянный контроль чужого глаза и не даетъ костямъ уродливо гнуться, а кожѣ—изнашиваться. И женщины здѣсь лучше одѣты: кофты виднѣются рѣже, а костюмомъ служитъ одинъ кусокъ матеріи, драпирующій женщину и перекинутый однимъ концомъ черезъ плечо; грудь остается закрытой, но плечи и руки обнажены, а къ ногамъ матерія ниспадаетъ красивыми складками. Но кто поистинѣ очарователенъ—это дѣтишки. Грудныхъ ребятъ матери носятъ здѣсь у себя на боку: весь корпусъ откинетъ вправо, напримѣръ, а мальчугана посадитъ верхомъ на лѣвомъ боку, лицомъ къ себѣ; спину ему она поддерживаетъ рукою, и малышъ, толстенькій, крѣпкій и такой плотный, что видимо его не ущипнешь нигдѣ, сидитъ, откинувшись назадъ, часто задравши ноги кверху, и все это такъ ловко какъ-то пригнано, такъ непринужденно, малышъ такъ славно брыкается, сверкаетъ глазами и зубенками, у матери такой счастливый видъ, что залюбуешься и глазъ не хочешь оторвать.

Вообще у нихъ лица крайне привѣтливыя и добродушныя; видимо, имъ такъ мало нужно, потребности ихъ такъ скромны, такъ не хитро ихъ удовлетворять, что нѣтъ и въ помнѣ жажды вырвать кусокъ у сосѣда, нѣтъ и надобности смотрѣть на него такъ, будто хочешь или къ нему забраться въ карманъ, или же свой получше оберечь. И рядомъ съ мѣстными жителями—смуглыми, часто почти черными, мало одѣтыми, но красивыми въ своей безыскусственности,—длинныя и надменныя лица англичанъ, монокли кавалеровъ (здѣсь очень въ модѣ монокли!), чопорныя фигуры дамъ съ молочно-блѣдными глазами кажутся какими-то противно полинявшими пятнами. Невольно приходитъ въ голову, какъ мало артистическаго чутья обнаруживаютъ англичане: владѣютъ громадными землями, гдѣ на каждомъ шагу видишь великолѣпное тѣло, позу, жестъ, гдѣ можно изучить тѣло человѣка въ такой же мѣрѣ, быть-можетъ, какъ изучили его древніе греки, гдѣ статуи, картины такъ и напрашиваются—и нѣтъ ни картинъ, ни статуй, ни школы, ни творчества.

Наконецъ поѣздъ начинаетъ подыматься изъ равнины, горы подходятъ ближе, долина суживается, ходъ замедляется немного. Дышать становится легче, пейзажъ становится разнообразнѣе. Внизу, въ долинѣ течетъ рѣчка между холмовъ, густо поросшихъ лѣсомъ. То вдоль рѣки, то по полугорѣ вьется дорога, прекрасно шоссированная и такъ же усыпанная крупнымъ, краснымъ пескомъ, какъ и въ городѣ; довольно часты склоны, гдѣ лѣсъ ужъ, видимо, вырубленъ, а мѣсто его заняли поля риса, прекрасно обработанныя. Рисовое поле не тянется полосою по склону, сверху внизъ; нѣтъ—оно спускается террасами, узкія грядки приноравливаются ко всѣмъ

изгибамъ, ко всѣмъ выемкамъ склона, каждая такая грядка отлично нивеллирована на одномъ какомъ-либо уровнѣ, а по внѣшнему краю ея тянется закраина, невысокій зеленый валикъ, назначеніе котораго—задерживать на грядкѣ воду. Чѣмъ круче склонъ, тѣмъ грядки уже; часто это имѣетъ видъ какой-то безконечной лѣстницы со ступеньками изогнутыми, неровными, но однако очень тщательно отдѣланными. Внизу, въ долинѣ, поля становятся шире, имѣютъ видъ вѣеровъ, и отъ узкаго верхняго края, какъ пальцы, идутъ во всѣ стороны длинныя канавки для воды. Весь этотъ амфитеатръ полей орошается сверху; всѣ ручейки воды утилизированы, направлены на верхнія ступеньки, гдѣ вода расплывается, подымается до извѣстнаго уровня, а затѣмъ, въ опредѣленныхъ мѣстахъ стекаетъ внизъ, опять и опять затопляетъ поля и сливается, и такъ вплоть донизу. И когда солнце освѣтитъ какой-либо склонъ и заискрится въ водѣ на каждой грядкѣ снизу и доверху,—то кажется, что всѣ эти блестящія ступеньки сдѣланы изъ слюды или изъ хрусталя.

Горы подымаются все выше и выше; весь остовъ ихъ снизу и доверху состоитъ изъ гранита. И поѣздъ также взбирается все выше и выше; мѣстами горы сближаются вплотную, каменная громада совсѣмъ загородила вамъ дорогу—и тогда поѣздъ съ грохотомъ врывается внутрь горы, летитъ по туннелю, и чувствуешь лишь духоту и копоть каменнаго угля. Потомъ свѣтъ сначала забрезжитъ, затѣмъ хлынетъ — и вдругъ горизонтъ широко открывается; путь проложенъ по гранитному карнизу; внизу, въ головокружительной глубинѣ лежитъ долина, вьется рѣчка; по склонамъ то безчисленныя ступени рисовыхъ полей, то плантаціи чая, банановъ, то великолѣпныя рощи, въ которыхъ видишь только кроны деревьевъ, какъ съ птичьяго полета; а дальше горы причудливыхъ формъ уходятъ все дальше и дальше, изрѣзываютъ горизонтъ своими гранитными вершинами въ формѣ то башенъ, то куполовъ, то какихъ-то гигантскихъ, изломанныхъ дубовъ. Панорамы одна другой роскошнѣе смѣняются на каждомъ шагу; а растительность все такъ же пышно покрываетъ склоны, все такъ же сыплетъ цвѣты, одѣваетъ даже гранитъ. На каждомъ выступѣ, въ каждой разсѣлинѣ камня прилѣпилась какая-нибудь травка, ползучій стебель и непремѣнно украшенный цвѣткомъ. Рѣшительно, природа не терпитъ здѣсь тоновъ суровыхъ и мрачныхъ; она такъ полна жизни и счастья жизни, что хочетъ сгладить всѣ морщины, хочетъ заставить все улыбаться и разсѣваетъ всюду цвѣты, какъ улыбки. Мы перешли въ вагонъ-столовую, и отсюда, за завтракомъ, любовались панорамами, о которыхъ, право, никакая феерія, никакое воображеніе не могутъ дать понятія.

Наконецъ, въ 11¼ пріѣзжаемъ въ Кенди—этотъ рай земной, по сказаніямъ индусовъ, куда Брама сходитъ отдыхать отъ дѣлъ своихъ. Кенди, когда-то столица цейлонскихъ царей, теперь небольшой городокъ, лежитъ на высотѣ 1,600 футовъ надъ уровнемъ моря. Но все же онъ расположенъ въ широкой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами. На днѣ котловины — небольшое озеро, вокругъ котораго разросся прекрасный паркъ, взбѣгающій на всѣ сосѣдніе склоны. Все та же великолѣпная растительность, лишь съ тою разницею, что тамъ мѣстами нѣтъ, кажется, возможности просунуть даже кулакъ въ непроходимую чащу, а здѣсь повсюду пріютились уютныя хорошенькія виллы, все подчищено, распланировано, а на стволахъ деревьевъ наклеены даже афиши. Афиши въ раю — это ужъ портитъ впечатлѣніе! Здѣсь же, недалеко отъ озера, стоитъ и храмъ Зуба—невысокое, массивное зданіе, длинный корпусъ съ невысокой башенкой на концѣ. Нужно взойти по лѣстницѣ, и внутри зданія видишь нѣсколько галлерей съ тяжелыми сводами.

Тутъ есть и нѣчто въ родѣ алтаря, убраннаго парчею; есть и грубыя изображенія Будды по стѣнамъ, а въ общемъ—ничего особенно интереснаго, ибо самый «Зубъ» — зубъ самого Будды — великая святыня индусовъ, хранится въ башнѣ, тщательно завернутый, и показывается лишь очень рѣдко самымъ высокопоставленнымъ гостямъ. На другой день, впрочемъ, въ музеѣ Коломбо мы видѣли копію съ этого зуба: это цѣлый огромный клыкъ въ полпальца длины и толщины, который былъ бы въ пору любому хищнику. Черезъ дорогу, внутри ограды—еще остатки какого-то храма и «дерево Будды» (мангу). Теперь подъ деревомъ Будды расположился фокусникъ съ коброй и весьма примитивными фокусами; гвоздь его искусства—это дерево мангу, которое на вашихъ глазахъ, но подъ платкомъ, конечно, выростаетъ изъ сѣмени.

Въ нѣсколькихъ шагахъ высится прекрасный домъ губернатора провинціи, а немного подальше проѣзжаешь мимо памятника одному изъ прежнихъ администраторовъ. Здѣсь же, надъ берегомъ озера, происходила въ древности безобразно жестокая церемонія: ежегодно избиралась красивѣйшая дѣвушка и приносилась въ жертву демону Байрава; это должно было на цѣлый годъ избавить городъ и окрестность отъ чумы, а дальше демонъ требовалъ ужъ новой жертвы. Хорошо еще, что демонъ былъ довольно скромный и требовалъ одной лишь красавицы въ годъ.

Наконецъ, вы объѣхали озеро и ѣдете по самому городку, который тянется вдоль шоссе. Сначала идутъ отели, магазины, гостиный дворъ; все это въ миніатюрѣ, но чисто и довольно нарядно, а дальше, подъ ковромъ все тѣхъ же кокосовыхъ пальмъ и банановъ, тянутся жилища сингалезовъ. Небольшіе бѣлые домики, впереди непремѣнно веранда, между столбами которой натянуты цыновки. Ни рамъ, ни стеколъ въ окнахъ нѣтъ, но есть ставни; дверей нѣтъ точно такъ же, а вмѣсто нихъ передъ входомъ поставленъ высокій экранъ, черезъ который, однако, съ экипажа можно видѣть внутренность комнаты, крайне скромно меблированной низкими плетеными диванами и цыновками; видимо, здѣсь не боятся воровъ. И вообще вѣетъ миромъ, спокойствіемъ отъ этихъ скромныхъ домиковъ, потонувшихъ въ зелени, отъ спокойныхъ, нѣсколько лѣнивыхъ фигуръ, сидящихъ у своихъ пороговъ, отъ буйволовъ, отпряженныхъ и дремлющихъ вблизи своихъ арбъ, и отъ всей этой идиллической обстановки. Одни только неугомонныя дѣтишки то опрометью кидаются за вашимъ экипажемъ, то, пріодѣтыя въ европейскія бѣлыя платьица, чинно идутъ съ книгами въ рукахъ, очевидно, изъ школы. Невольно улыбаешься, глядя на черномазую рожицу, которой уже внушено, что по улицамъ нужно ходить прилично. Время отъ времени проѣзжаемъ мимо часовни; при ней непремѣнно и школа. Оригинально и чрезвычайно остроумно построены здѣсь школы: посрединѣ двора, въ глубинѣ, поставленъ просто-на-просто длинный навѣсъ на каменныхъ столбахъ, промежутки между столбами внизу забраны невысокой выбѣленной стѣнкой; мальчики сидятъ въ одномъ, дѣвочки—въ другомъ концѣ; вѣтеръ свободно гуляетъ надъ головами и освѣжаетъ ихъ. Просто, дешево и практично. Мы проѣзжаемъ мили 4 по прекрасно шоссированной дорогѣ и, наконецъ, достигаемъ цѣли нашей поѣздки — королевскаго ботаническаго сада. Вписываемъ наши имена и національность въ книгу для посѣтителей и слѣдуемъ за проводникомъ. Здѣсь ужъ можно разсмотрѣть воочію всѣ тѣ породы деревъ, которыя до сихъ поръ мелькали лишь передъ глазами: всевозможныя пальмы, бананы, дерево мангу, хлѣбное дерево, магноліи; можно понюхать, сорвавши вѣточку, острый запахъ камфарнаго дерева и тонкій ароматъ коричнаго куста; можно поднять съ земли мускатный орѣхъ и плодъ гвоздичнаго дерева; можно сорвать и пожевать листокъ

куста кока (откуда—кокаинъ), catechu и другихъ лѣкарственныхъ растеній. Наконецъ, выходимъ на большую поляну—и поневолѣ ахнешь отъ изумленія. Посрединѣ высится гигантское дерево; оно подымается цѣлой толпой стволовъ, объемистыхъ, сѣрыхъ, неправильно изогнутыхъ; впивается въ землю громадными извилистыми корнями, которые ползутъ по землѣ; высоко надъ землею отходятъ въ стороны массивныя вѣтви, а отъ нихъ во многихъ мѣстахъ идутъ внизъ, соединяются съ корнями толстые стволы-подпорки, и не поймешь, корни ли это дали отростки вверхъ и дотянулись до сучьевъ, или же вѣтви связали себя съ корнями, чтобы какъ можно больше и прямѣе получать соки: природа здѣсь можетъ капризничать и дѣлать все такъ, какъ ей вздумается. А надъ этой толпою сѣрыхъ колоннъ, на высотѣ десятка саженъ, широко раскинулась крона изъ мелкихъ темно-зеленыхъ листьевъ, это—каучуковое дерево. Великолѣпны также кусты бамбука. Садъ примыкаетъ къ рѣкѣ, и по берегу можно видѣть цѣлый рядъ этихъ кустовъ. Обыкновенно, стволы бамбука блестящаго желтаго цвѣта (есть и темнозеленые); колѣнчатые стебли, толщиною въ руку, а внизу даже толще, тѣсно сидятъ одинъ близъ другого внутри круга сажени двѣ въ діаметрѣ; центральные стебли идутъ прямо кверху, а всѣ наружные отлогой, красивой дугой отогнуты наружу; листья тоненькіе, блестящіе, ланцетовидные,—и все это вмѣстѣ образуетъ громадный снопъ или букетъ, который занимаетъ мѣсто въ добрую рощу. Въ Коломбо я видѣлъ большіе двухъэтажные дома, которые были одѣты лѣсами изъ бамбука. Одинъ такой стебель идетъ снизу доверху, и лѣса имѣютъ удивительно легкій и стройный видъ.

Замѣчательно, однако, что даже здѣсь, въ ботаническомъ саду, очень мало цвѣтовъ на клумбахъ; совсѣмъ не видно нашихъ милыхъ цвѣтковъ на травянистыхъ стебляхъ; здѣсь все деревья или, по меньшей мѣрѣ, большіе кусты, точно природа въ неудержимой своей пышности не можетъ ужъ создать ничего миніатюрнаго, скромнаго. Поражаетъ и то, что наши розы имѣютъ здѣсь видъ очень мизерный, ихъ мало, онѣ выращиваются, видимо, съ большими заботами, но задыхаются въ здѣшней жарѣ, не пахнутъ и далеко не такъ роскошны, какъ у насъ. Здѣсь есть и нѣсколько павильоновъ, гдѣ собраны растенія, особенно цѣнныя; есть, напримѣръ, коллекція орхидей, но здѣшняя оранжерея — это просто бесѣдка съ открытыми стѣнами: ничего похожаго на наши застекляненныя, жарко натопленныя галлереи.

Полюбовавшись садомъ, мы отправились ужъ по другой дорогѣ къ ближайшей станціи желѣзной дороги—предпослѣдней, ибо она ближе, чѣмъ Кенди. Около нея большая чайная плантація и мануфактура, гдѣ можно видѣть все, что дѣлается съ чаемъ отъ момента, когда его срываютъ съ куста и до закупорки въ ящики.

Въ $2^1/_4$ часа поѣздъ идетъ ужъ обратно, и опять передъ нашими глазами промелькнули чудныя панорамы, горы, глубокія долины съ амфитеатромъ рисовыхъ полей, станціи желѣзной дороги, толпы красивыхъ жителей и ихъ прелестныя дѣтишки. Потомъ опять та же знойная и влажная долина, и въ 6 час. вечера мы опять въ Коломбо. Къ вечеру небо разъяснилось, мѣстами изъ-за горы склонившееся солнце вдругъ посылало широкіе снопы лучей, и тогда все загоралось, все стояло раззолоченное, блистающее, еще болѣе яркое, чѣмъ утромъ. На поляхъ большая часть воды уже всосалась, изъ-подъ нея проступила яркая зелень риса, и казалось, что все это заново выросло съ сегодняшняго утра. Мы всѣ устали отъ непривычнаго обилія впечатлѣній и,—не странно ли?—намъ было все же неуютно, немного грустно среди всей этой роскоши. Природа здѣсь пышна и изобильна. Человѣкъ готовъ глубоко преклониться передъ творческой силой, которая такъ мощно,

ярко, такъ черезъ край бьетъ на каждомъ шагу. Вполнѣ понятнымъ становится, что никакая иная религія, какъ только широкій пантеизмъ индусовъ, и не могла здѣсь возникнуть; дѣйствительно, все кругомъ не только поетъ гимнъ Верховному Существу, но точно жаждетъ оформить, воплотить, выразить собою ту часть великой жизненной силы, которая досталась на долю каждому зерну для того, чтобы развить ее во внѣшнемъ мірѣ, и первобытный человѣкъ долженъ былъ видѣть Божество, долженъ былъ чувствовать его присутствіе въ каждомъ растеніи, въ каждой формѣ природы, долженъ былъ ей поклоняться, ее одухотворять, ей созидать алтари.

Но я — я не хочу поклоненія, я привыкъ любить нашу природу; привыкъ думать, что она замираетъ и возрождается, что для нея есть расцвѣтъ и праздникъ, но есть ненастья и невзгоды; что она всегда нуждается въ моемъ вниманіи, сочувствіи, содѣйствіи, что она жаждетъ быть мною любимой. Тамъ мы равны, какъ два существа, которымъ одинаково понятны радости и печали, удачи и невзгоды. А здѣсь, начнется муссонъ — будетъ дождь, пройдетъ муссонъ — будетъ сухо; морозъ не хватитъ никогда, вотъ развѣ пронесется ураганъ, но и тогда все выраститъ еще пышнѣе, еще лучше. Ей удивляешься, этой богатой и пышной природѣ, но любишь вѣдь того, у кого есть минуты слабости, кому нужна твоя помощь участіе. Здѣсь нѣтъ зимы, но нѣтъ зато и весны, а я люблю весну, когда деревья стоятъ едва одѣтые молоденькими листиками, еще такими маленькими, что дерево кажется совсѣмъ прозрачнымъ; оно похоже тогда на дѣвушку, совсѣмъ еще юную, съ худенькими плечами и тоненькими ручками, и съ такимъ яснымъ лицомъ, что каждое движеніе ея души, каждое впечатлѣніе можно видѣть насквозь. Здѣсь всегда лѣто, и не то лѣто, которое боится зимы, и въ порѣ увяданія создаетъ себѣ нарядъ не скромный, но раззолоченный и блестящій; а лѣто въ порѣ расцвѣта, въ тяжеломъ уборѣ изъ потемнѣвшихъ и толстыхъ листьевъ, лѣниво висящихъ въ сознаніи своей красоты. И однако красивы лишь молодыя пальмы, на старыхъ слишкомъ много листьевъ пожелтѣвшихъ и грубыхъ, и тѣ же вырѣзы листьевъ, которые въ молодыхъ пальмахъ выглядятъ какъ складки милой улыбки, похожи въ старыхъ на глубокія морщины.

На другой день мы также имѣли все утро въ своемъ распоряженіи. Мы побродили по городу, а затѣмъ отправились въ музей.

Ѣхать сначала нужно по берегу моря. Вдоль берега тянется обширная площадь, на ней видны лишь казармы; во дворѣ солдаты въ своихъ желтоватыхъ костюмахъ и бѣлыхъ шлемахъ играютъ въ мячъ. Вдоль берега тянется дорога, великолѣпно шоссированная, а еще ближе къ водѣ дорожка для пѣшеходовъ, по которой время отъ времени проѣдетъ всюду неизбѣжный велосипедистъ. Берегъ отлогій и низкій, волны одна за другою бѣгутъ и, остановленныя тѣми, которыя идутъ уже вспять, точно ломаются внизу, перегибаются бѣлымъ гребнемъ впередъ и шумно бросаютъ на берегъ пѣну и брызги, а дальше слѣдуетъ покойный просторъ океана. Совсѣмъ не жарко, съ моря дуетъ легкій вѣтерокъ. Ѣдемъ въ удобномъ экипажѣ и скоро въѣзжаемъ въ улицу, гдѣ ужъ не слышно городского шума, гдѣ справа и слѣва тянутся длинныя ограды домовъ, каменныя стѣнки, черезъ которыя свѣшиваются пышные кусты, усыпанные цвѣтами. Дальше пальмы, иногда фонтанъ, а въ глубинѣ бѣлый домикъ съ верандой. И такой видъ имѣютъ здѣсь всѣ зданія: и госпиталь, и полиція, и судъ, и, вѣроятно, тюрьма, — однимъ словомъ, всѣ учрежденія, которыя мы привыкли видѣть угрюмыми. Чѣмъ дальше, тѣмъ домовъ становится меньше, тянутся живыя изгороди, а за ними плантаціи чайнаго или коричнаго куста. Наконецъ, подъѣзжаемъ къ боль-

шому двухъэтажному бѣлому зданію, красиво обнесенному верандами; стоитъ оно въ глубинѣ обширнаго двора, а впереди—газонъ, посрединѣ котораго поставлена бронзовая статуя-памятникъ. Зданіе это—музей, а памятникъ, вѣроятно, его основателю. Въ нижнихъ залахъ музея собрано все, что касается этнографіи и культуры острова. Въ верхнемъ громадномъ залѣ — флора и фауна острова и окружающаго моря. Громадныя чучела акулъ, кашалота, гигантскихъ морскихъ рыбъ, необыкновенныхъ размѣровъ змѣи и черепахи, изъ которыхъ одна жила болѣе ста лѣтъ; дальше слоны, хищники, однимъ словомъ, представители всѣхъ царствъ природы. Очень разнообразна, богата и интересна коллекція бабочекъ всевозможныхъ величинъ, цвѣтовъ, рисунковъ. Отдѣлъ минералогіи довольно жидокъ; но удивительно, что ни здѣсь въ коллекціи, ни въ городѣ не увидишь жемчужинъ, точно ихъ здѣсь никогда и не собирали (раковины, впрочемъ, въ коллекціи есть). Въ общемъ, музей составленъ очень интересно и, повидимому, довольно полно рисуетъ природу острова.

Времени у насъ было всего до 2 часовъ дня, поэтому мы торопились: хотѣлось еще проѣхать въ хваленое мѣсто загородныхъ прогулокъ Monte Lavinia, а до него 7 миль. Ѣхать пришлось цѣлый часъ по такой же прелестной дорогѣ среди хорошенькихъ виллъ, или же мимо скромныхъ хижинъ, пріютившихся подъ пальмами. Дорога идетъ вдоль берега, и постоянно вы видите сквозь зелень то голубыя волны океана, то бѣлую пѣну прибоя. Monte Lavinia, въ сущности, вовсе не гора, а просто холмъ, на вершинѣ котораго построенъ ресторанъ. Вправо и влѣво вдоль берега, покрытаго пальмами, тянутся гряды камней, о которыя разбиваются волны, и все вокругъ точно подернуто прозрачной пеленой изъ мелкихъ брызгъ и водяныхъ паровъ. Мы позавтракали и тою же дорогой поѣхали обратно. Что развлекаетъ по дорогѣ — это дѣти. Десятки черныхъ бѣсенятъ выскакиваютъ и со всѣхъ ногъ бѣгутъ за вами, суютъ вамъ то цвѣтокъ, то трость, то ракушку, то даже ничего не предлагаютъ, но непремѣнно просятъ «топсу»; это немного назойливо, правда, но рожицы у нихъ такія славныя, веселыя, съ блестящими живыми глазами, что если есть у васъ нѣсколько центовъ, вы непремѣнно имъ дадите, и тогда радости нѣтъ конца; они посылаютъ вамъ поцѣлуи и говорятъ вамъ: «good papa», и удираютъ обратно вприскочку, точно жеребята, и оглашаютъ воздухъ криками. Къ 2 часамъ мы были уже въ городѣ, этомъ нарядномъ, безупречно чистомъ и живописномъ городкѣ, а къ вечеру снялись ужъ съ якоря, чтобы обогнуть островъ съ юга и идти на Сингапуръ.

VII.

Отъ Коломбо до Сингапура мы шли 5 сутокъ. Погода стояла прекрасная; муссонъ хотя и дулъ въ Бенгальскомъ заливѣ, но уже слабый, измѣнившій свое направленіе и приносившій лишь прохладу. На 4-й день пути утромъ мы вошли въ Малаккскій проливъ. Всѣ говорили раньше, что здѣсь то же Красное море, что здѣсь стоитъ нестерпимый жаръ, прерываемый частыми грозами съ тропическими ливнями. Говорили о томъ, какого громаднаго напряженія достигаетъ здѣсь атмосферное электричество, о томъ, что здѣсь нерѣдки грозные болиды и т. д. Сначала мы идемъ вдоль береговъ Суматры, горы которой рисуются вдали, и вечеромъ, во время обѣда, любуемся великолѣпными закатами солнца и тѣми нѣжными, разнообразными оттѣнками, то розовыми и лиловыми, то дымчато-синими, которые его лучи бросаютъ на склоны горъ и разливаютъ въ воздухѣ. Дальше мы переходимъ къ берегамъ Малакки, тоже гористымъ, и издали видимъ городъ Малакку, разбросанный по холмамъ и утонувшій въ зелени. Къ удивленію, все время вовсе не жарко, а къ вечеру

подымается легкій береговой бризъ, и тогда становится совсѣмъ прохладно и пріятно. Дѣло, впрочемъ, въ томъ, что теперь мы очень близки къ экватору— Сингапуръ лежитъ въ $1^1/_{2}{}^0$ къ сѣверу отъ него, и теперь, въ іюнѣ мѣсяцѣ, здѣсь зима; лучше сказать — одна изъ двухъ зимъ, ибо солнце ушло теперь къ сѣверному тропику. Одно было скверно на этомъ переходѣ — эпидеміи между дѣтьми. Корь давно завелась, и человѣкъ 20 дѣтей ею уже переболѣли; но раньше она переносилась хорошо, а теперь, послѣ мѣсяца пути, послѣ жары, и качки, дѣти устали, истомились; корь стала осложняться воспаленіями легкихъ, и нѣсколько дѣтей уже умерло. Но самое скверное— это дифтеритъ на пароходѣ; тогда тревога охватываетъ всѣхъ матерей; ни докторъ, ни сестры милосердія не появляются на полуютѣ среди пассажировъ 1-го класса, гдѣ также есть дѣти; изъ трюмовъ всѣ вещи выносятся на палубу, а въ трюмахъ рѣкою льются растворы сулемы. Несмотря на сыворотку, двое дѣтей умерли; но, по счастью, этимъ дифтеритъ и ограничился.

Рано утромъ на 6-й день мы подошли къ Сингапуру. Сингапуръ расположенъ на островѣ, который лишь узкимъ протокомъ отдѣленъ отъ полуострова Малакки, а передъ нимъ, въ свою очередь, разсѣяно множество мелкихъ острововъ, между которыми и надо проходить. Всѣ они довольно высоки и сплошь покрыты густою пышною зеленью, а вдоль берега надъ водою пріютились мѣстами малайскія хижины на сваяхъ. Наконецъ, мы входимъ на рейдъ — широкую водную площадь, которая съ одной стороны вдается отлогой дугой въ городской берегъ, а съ другой — замкнута цѣлою цѣпью отдѣльныхъ зеленѣющихъ островковъ.

Точно передъ вами широкое блюдо голубой эмали, по полямъ котораго вставлены еще отдѣльные медальоны изъ дорогихъ камней. Красивъ этотъ рейдъ удивительно и оживленъ онъ въ высшей степени. Подходимъ мы прямо къ набережной— деревянной набережной на сваяхъ, вдоль которой тянутся безконечные пакгаузы. Въ первый разъ мы еще сходимъ на берегъ по трапу, и въ первый разъ всѣ наши переселенцы будутъ спущены на берегъ и переночуютъ въ сараяхъ, для этого панятыхъ; счастливы они этимъ чрезвычайно, ибо давно уже они истомились и жаждали «хоть травку зелененькую посмотрѣть». По тѣмъ же трапамъ врываются къ намъ на судно и цѣлыя толпы продавцовъ, портныхъ, прачекъ и проч., предлагающихъ свои услуги; и сразу чувствуется, что попалъ на тотъ дальній востокъ, который кишитъ китайцами; сюда ужъ, видимо, выбрасываютъ они свои излишки населенія и затопляютъ собою туземцевъ-малайцевъ.

Повсюду видишь косые, узкіе глаза, широкія скулы, желтыя лица — ничего похожаго на смуглыхъ, красивыхъ сингалезовъ Цейлона. Увы! я слишкомъ скоро поплатился за любопытство, съ которымъ всматривался въ толпу этихъ проворныхъ и юркихъ желтыхъ людей: только что сошелъ я на берегъ, сдѣлалъ 2—3 сотни шаговъ по набережной, какъ часовъ моихъ — прекрасныхъ золотыхъ часовъ—ужъ не было въ карманѣ; бросился обратно, на пароходъ, но и въ каютѣ ихъ не оказалось; да я и помнилъ отчетливо, что взялъ ихъ съ собою. Мало того, я сунулъ ихъ въ карманъ, какъ и всегда, на модной висячей цѣпочкѣ и, очевидно, соблазнилъ китайца. Скоро пріѣхалъ нашъ консулъ и обѣщалъ поставить на ноги полицію; но, конечно, не обнадеживалъ. Все это было такъ нелѣпо и такъ досадно, что не понравились мнѣ и мангустаны за завтракомъ, и весь Сингапуръ я видѣлъ потомъ сквозь дымку досады.

Отъ пристани шоссе идетъ сначала по пустырю вдоль берега моря, а дальше широко раскинулся и самый городъ. Городъ очень большой; есть прекрасныя зда-

нія, памятники, отели, магазины, хорошія мостовыя; мѣстами—красивая зелень; но, въ общемъ, жарко, пыльно и душно, совсѣмъ не то, что въ Коломбо. Тамъ на каждомъ шагу врывается въ городъ нарядная, свѣжая, зеленая природа, а здѣсь она совсѣмъ ужъ вытѣснена, запылена, заставлена стѣнами. Видишь просто большой каменный городъ, но нѣтъ того колорита, той южной пышности, которая дала бы городу свою физіономію. Ѣдемъ въ музей и ботаническій садъ. Музей въ прекрасномъ зданіи и составленъ довольно тщательно, какъ и въ Коломбо; фауна здѣсь гораздо разнообразнѣе: громадные быки, тапиры, орангутанги; но особенно поражаютъ исполинскіе пифоны, сажени въ 3 длиною, растянутые во всю стѣну залы. Ботаническій садъ уже за городомъ; онъ занимаетъ большое мѣсто и очень богатъ древесными породами, но ботаническій садъ въ Кенди выглядитъ старше; деревья стоятъ тамъ ближе другъ къ другу, сошлись своими вершинами, и потому тамъ тѣнь и прохлада, а здѣсь деревья стоятъ рѣдко-рѣдко среди обширныхъ полянъ; между ними—широкія дороги, и всюду палитъ зной, всюду вѣетъ горячій вѣтеръ. Здѣсь же въ саду находится и небольшой звѣринецъ, гдѣ можно видѣть бѣлыхъ попугаевъ, макакъ, дикобраза и симпатичнаго малайскаго медвѣжонка. Есть и тигръ, и орлы, и нѣсколько оригинальныхъ голенастыхъ; но, въ общемъ, звѣринецъ здѣсь могъ бы быть гораздо больше и интереснѣе.

Интересно еще поѣхать на главныя цистерны городского водопровода; до нихъ нѣсколько миль превосходной дороги, вдоль которой все время тянутся живыя изгороди богатыхъ виллъ; встрѣчаешь то монументальныя ворота съ какими-нибудь птицами на колоннахъ, то аллеи изъ пальмъ, ведущія далеко въ глубину—къ подъѣзду; кое-гдѣ малайскія плетеныя избушки на курьихъ ножкахъ, гдѣ продается лимонадъ, или же брадобрей усердно брѣетъ голову своему желтому кліенту. Жарко, и пони труситъ мелкою рысцою. Цистерны нимало не похожи на аденскія: это просто длинный и неширокій прудъ, который красиво легъ между холмовъ, покрытыхъ зеленью; берега выложены камнемъ, устроены шлюзы, и все вообще въ большомъ порядкѣ. Тутъ же, на смежныхъ холмахъ, вы можете пройтись и по тропическому огороду; производятъ впечатлѣніе обширныя поля ананасовъ, которые правильными рядами раскинули свои узкіе листья и краснѣютъ подъ жгучими лучами солнца своими аппетитными головками.

Изъ диковинокъ есть въ городѣ еще индусскій храмъ; на фотографіи онъ очень оригиналенъ по своей архитектурѣ,—и вотъ вы опять забираетесь въ длинныя, грязныя улицы, кишащія китайцами, и наконецъ останавливаетесь передъ воротами, пробитыми въ высокой башнѣ. Но, рѣшительно, на фотографіи эта башня и выше, и красивѣе, и чище; на самомъ дѣлѣ она имѣетъ довольно неряшливый и полинявшій видъ. Внутри, среди двора, храмъ—низкое зданіе, наполненное отвратительными, грубо-размалеванными, одѣтыми въ цвѣтныя тряпки идолами со множествомъ рукъ; у иныхъ въ каждой парѣ рукъ—по ребенку съ разорваннымъ животомъ; скорѣе прочь отъ этихъ безобразныхъ чурбановъ.

Въ 5 час. вечера всѣ европейскіе магазины здѣсь закрываются; къ этому времени жаръ уже спалъ, и всѣ европейцы высыпаютъ на улицу; щегольскіе экипажи несутся во всѣ стороны; часто высокія, сухія леди, въ высокихъ кэбахъ, сами правятъ рослыми лошадьми; это—часы предобѣденной прогулки; на бульварѣ, на берегу моря множество людей—старыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ — играютъ въ крокетъ и лаунъ-теннисъ. Здѣсь же впрочемъ можно видѣть и другія картинки: ѣдетъ на парѣ англичанинъ весьма солидной наружности; самъ правитъ и нагоняетъ малайца, который смирно идетъ по краю той же

дороги; и вдругъ вы видите, какъ взвился бичъ, свистнулъ въ воздухѣ, и англичанинъ, со всего размаха, пагнувшись даже корпусомъ, вытянулъ малайца по самой спинѣ; за что—неизвѣстно; тотъ, бѣдняга, только посмотрѣлъ, криво какъ-то усмѣхнулся, весь съежился, но, кажется, не удивился даже: здѣсь это въ нравахъ, очевидно.

Вечеромъ я былъ въ числѣ приглашенныхъ на обѣдъ къ нашему консулу; представляло не малый интересъ посмотрѣть, какъ люди живутъ здѣсь, чуть не на экваторѣ, подъ этимъ вѣчно раскаленнымъ солнцемъ, которое круглый годъ не даетъ вамъ ни минуты передышки.

Нѣсколько дальше отъ берега, въ глубинѣ острова, начинается рядъ холмовъ, и тамъ, вдоль длинныхъ, превосходно шоссированныхъ улицъ, тянутся частныя жилища. Все время ѣдешь среди живыхъ изгородей, подъ тѣнью раскидистыхъ деревъ, а всѣ дома, обыкновенно двухъэтажные, съ обширными верандами и балконами, стоятъ въ глубинѣ среди зелени и пальмъ. Было уже темно, и справа и слѣва сквозь зелень пробивались широкія полосы свѣта изъ оконъ и верандъ.

Въ подъѣздѣ консульскаго дома встрѣчаетъ васъ смуглый слуга, одѣтый въ бѣлое европейское платье, но въ красной огромной чалмѣ изъ легкой матеріи, и это пріятно поражаетъ глазъ, привыкшій къ жирнымъ физіономіямъ и позументамъ петербургскихъ швейцаровъ. Залъ и гостиная наверху; лѣстница деревянная и не уставлена она тропическими растеніями въ горшкахъ, но зато вдоль нея стѣны убраны цвѣтными тканями причудливыхъ восточныхъ рисунковъ, оригинальными вышивками китайской работы; на выступѣ стѣны разложены во множествѣ разнообразнѣйшія раковины, которыми такъ богато здѣсь море; все это пестро, нарядно и далеко не ординарно. Еще красивѣе, конечно, залъ—обширная, высокая комната, къ которой примыкаетъ веранда гостиная. Мягкой мебели очень мало, да ее здѣсь и смысла нѣтъ держать: сидѣть на ней слишкомъ жарко, а матерія отъ солнца выгораетъ; но чрезвычайно удобна и покойна плетеная, гнутая мебель всевозможныхъ фасоновъ, размѣровъ и рисунковъ. Полъ устланъ превосходными цыновками; стѣны украшены богатыми китайскими золототкаными вышивками, рѣзными по дереву панно изящной японской работы; столы и этажерки заставлены вазами и бездѣлушками всевозможныхъ размѣровъ и странныхъ формъ съ изображенными на нихъ драконами, птицами, химерами и всякими причудами восточной фантазіи. Все вмѣстѣ —это цѣлый музей, гдѣ каждую вещицу хочется взять въ руки и со всѣхъ сторонъ осмотрѣть. Нашъ консулъ въ Сингапурѣ—въ высшей степени любезный и обязательный человѣкъ и радушнѣйшій хозяинъ, и чрезвычайно пріятно, проѣхавъ столько тысячъ верстъ, попавъ въ эту экзотическую обстановку, услышать русскую рѣчь, бесѣдовать съ русскимъ интеллигентомъ, пользоваться его гостепріимствомъ.

Впервые пришлось мнѣ обѣдать подъ колебанія панкера. Панкеръ — это большой вѣеръ, или, скорѣе, кусокъ матеріи въ рамѣ во всю ширину стола, приводимый въ движеніе китайцемъ; но, избалованные нервы европейца хотятъ лишь пользоваться работой, но не видѣть ея, не быть ея свидѣтелемъ, и потому китаецъ сидитъ въ другой комнатѣ, а шнуры продернуты сквозь стѣну.

Столъ украшенъ ковромъ цвѣтовъ; но здѣшніе цвѣты не пахнутъ, какъ не имѣютъ аромата и здѣшніе фрукты (за исключеніемъ ананаса, конечно). И столь прославленные мангустаны вполнѣ оправдываютъ пословицу, что «славны бубны за горами». Передъ вами плодъ величиною съ небольшое яблоко или мандаринъ; онъ некрасивъ на видъ, потому что покрытъ темно-бурой, почти черной жест-

кой кожурой. Любопытство ваше возбуждено: что-то кроется подъ этой жесткой невзрачной кожей? Берете ножикъ и начинаете чистить, хотя дѣлать этого, въ сущности, вовсе не надо: кожа легко подается и трескается, если нажмешь пальцами. Внутри, среди темно-малиновой корки, лежитъ бѣлый плодъ, величиною съ грецкій орѣхъ или немного больше; во всякомъ случаѣ, его цѣликомъ можно отправить въ ротъ. Состоитъ онъ изъ отдѣльныхъ секторовъ, какъ апельсинъ, но косточка одна лишь, въ большомъ секторѣ. Онъ очень нѣженъ, правда, этотъ плодъ; онъ весь тотчасъ же таетъ, расплывается во рту и освѣжаетъ его, но никакого опредѣленнаго вкуса и запаха рѣшительно нѣтъ, или, лучше, они ужъ очень слабо выражены, ни съ чѣмъ сравнить ихъ нельзя: проглотишь, а впечатлѣнія не остается. Очевидно, славятся они лишь потому, что почти не выносятъ перевозки, что ѣхать нужно за ними за тридевять земель, но репутаціи своей они не оправдываютъ. Оригинально, между прочимъ, то, что ножъ, почернѣвшій отъ кожуры, ничѣмъ такъ хорошо не чистится, какъ косточкой изъ тѣхъ же мангустановъ, и точно такъ же, если разстроишь себѣ желудокъ, то ими же и лѣчишься: стòитъ только выпить настойки краснаго вина на кожѣ мангустана, такъ какъ въ ней очень много дубильныхъ кислотъ.

Распростившись съ любезнымъ нашимъ хозяиномъ, мы отправились домой цѣлой процессіей: 5 или 6 рикшей одинъ за другимъ, и каждый съ бумажнымъ фонаремъ на одной изъ своихъ оглобель: таковъ здѣсь порядокъ; на фонарѣ же крупными цифрами отпечатанъ и номеръ дженерикши. А на слѣдующее утро, послѣ сильнаго дождя, мы снялись съ якоря и пошли дальше, обмѣнявшись горячими привѣтствіями и криками «ура» съ французскимъ судномъ, стоявшимъ на рейдѣ.

Миль 30 мы еще шли въ виду береговъ, затѣмъ миновали маякъ поставленный на грядѣ камней, едва-едва выдающихся надъ водою, и опять — прощай земля! И если моряки вообще не любятъ, когда ихъ спрашиваютъ, сколько дней осталось идти до порта, то здѣсь особенно не кстати объ этомъ спрашивать, ибо въ Китайскомъ морѣ, начиная съ 4 — 5-й параллели къ сѣверу, настигаетъ иной разъ тайфунъ. Существуетъ цѣлая литература о тайфунахъ; обсерваторіи въ Маниллѣ, Шанхаѣ и другихъ городахъ усердно слѣдятъ за показаніями барометра и телеграммами сообщаютъ о зарожденіи тайфуна, о томъ, какое принялъ онъ направленіе. Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ тайфуны всего чаще; зарождаются они, обыкновенно, среди Филиппинскихъ острововъ, а затѣмъ центръ урагана идетъ по параболѣ, проходя въ сутки миль 600 и въ то же время вращаясь вихреобразно. Попасть въ центръ такого циклона— это значитъ погибнуть; но въ обѣ стороны отъ центра широко идетъ полоса, гдѣ такъ же сильно падаетъ барометръ, куда со страшной силой врывается вѣтеръ, разводитъ огромное волненіе, гдѣ разражается гроза, льетъ ливень, воцаряется мгла, и часто отказывается служить компасъ. И вся задача въ томъ, чтобы, опредѣливши по разнымъ даннымъ линію центра циклона, уйти отъ нея какъ можно подальше. Чаще всего линія эта идетъ отъ Маниллы на Гонконгъ, или въ Формозскій проливъ и дальше къ сѣверу, держа на Корею; или же — вправо отъ Формозы, на Японію. И каждый вечеръ и капитанъ, и офицеры усердно вглядываются въ облака и въ атмосферу — не слишкомъ ли красенъ закатъ, не затянутъ ли мглою горизонтъ, не слишкомъ ли ярко блестятъ ночью звѣзды. Существуютъ тысячи примѣтъ, догадокъ, соображеній, изъ которыхъ ни одна, повидимому, не рѣшаетъ вопроса и лишь смущаетъ умы. Какъ оказалось потомъ, слѣдовавшій за нами въ 3-хъ дняхъ пути пароходъ Добровольнаго флота попалъ-таки въ тайфунъ — между

Формозой и Нагасаки, и хотя поврежденій особенныхъ не потерпѣлъ, но все же потерялъ одну шлюпку, сильно помяло у него другую, а пассажиры натерпѣлись страху. Самопишущій же барометръ зарисовалъ совсѣмъ такую линію, какъ рисуютъ птицу въ винтѣ: такъ глубоко падаетъ атмосферное давленіе. Но у насъ барометръ все время стоялъ хорошо, и переходъ мы сдѣлали вполнѣ благополучно, хотя и удлинили себѣ путь: не рискнули пойти правѣе Формозы, а повернули въ проливъ: на этомъ пути можно было въ случаѣ тревоги отстояться въ Гонконгѣ, да и Формоза защищаетъ своими горами, если тайфунъ идетъ правѣе. Горы Формозы еле-еле рисуются иной разъ вдали, и лишь на утро десятаго дня мы были опять у береговъ: мы подходили къ Нагасаки.

(Продолженіе будетъ.)

ВОЛЯ.

Слышишь, гдѣ-то далеко
Плачетъ колоколъ?
Какъ душѣ моей легко
Въ одиночествѣ!
По невѣдомой тропѣ,
Въ блѣдныхъ сумеркахъ,
Ухожу къ нѣмой толпѣ
Скалъ нахмуренныхъ
Отъ враговъ и отъ друзей.
Въ тихой пропасти,—
Только тамъ, гдѣ нѣтъ людей,
Легче дышится...
Въ счастьи друга не зови:
Молча, радуйся.
Сердцу сладостнѣй любви—
Воля дикая.

Д. Мережковскій.

Месть.

Разсказъ **Кармэнъ Сильва.**

(Переводъ съ румынскаго.)

I.

Небо усѣяно звѣздами. Рѣка шумитъ и стонетъ въ скалистыхъ берегахъ. Холодный вѣтеръ воетъ въ ущельяхъ, гдѣ сталкиваются горные потоки, несущіе къ рѣкѣ свои пѣнистыя волны.

По одному изъ такихъ ущелій крадется чья-то высокая фигура. Въ темнотѣ она кажется громадной. Тихо восходитъ луна. Бросая на землю большой снопъ лучей, она еще больше сгущаетъ тѣни, и гигантская фигура исчезаетъ въ нихъ совершенно.

Луна подымается выше, заливая своимъ свѣтомъ и деревни, погруженныя въ сонъ, и лѣса, и поля съ дремлющими стадами...

Таинственная фигура теперь уже въ полѣ. Это высокій мужчина, одѣтый въ короткую бурую куртку. За поясомъ блеститъ оружіе. Бѣлыя шерстяныя шаровары запрятаны въ сапоги. Длинные волосы прикрыты войлочной шляпой, украшенной букетомъ цвѣтовъ. Лобъ низкій, брови широкія, изъ-подъ нихъ сверкаютъ глаза, точно раскаленные уголья. Маленькой нервной рукой онъ крутитъ усы. Вотъ онъ вытаскиваетъ изъ-за пояса веревку, вынимаетъ ножъ и быстрыми, безшумными шагами приближается къ одной изъ коровъ. Его зубы сверкаютъ изъ-подъ

усовъ, контуръ носа обозначается рѣзче; онъ шепчетъ:

— Погоди, голубушка! Дай мнѣ вырѣзать двѣ подошвы изъ твоей кожи!

И въ мгновеніе ока онъ опутываетъ веревкой ноги животнаго. Широкій ножъ скользитъ блестящей полосой по атласистой шерсти. Кровь чернымъ потокомъ льетъ изъ ранъ на траву. Несчастная жертва хрипитъ во время пытки, а палачъ смѣется надъ ея страданіями.

Сполоснувъ въ ручьѣ кожаные лоскуты, онъ свертываетъ ихъ и исчезаетъ поглощенный темнотой.

Луна, между тѣмъ, продолжаетъ свой путь, настигаетъ между черныхъ утесовъ рѣку Ольту и осыпаетъ волны серебряными искрами.

Незнакомецъ уже дома. Онъ тихонько поднимаетъ щеколду и неслышно входитъ въ избушку. Его молодая жена, съ зажженной пасхальной свѣчой въ рукѣ, смотритъ большими глазами на мужа, на его окровавленныя руки.

— Не бойся!—смѣется онъ.—Онъ еще цѣлъ пока! Теперь поплатилась его корова частью своей шкуры!

Онъ гаситъ свѣчу и растягивается на лавкѣ.

Въ ту же минуту сильный порывъ вѣтра рванулъ крышу, завылъ въ щели ставень и, опрокинувъ цвѣты на балконѣ, разбудилъ ребенка въ люлькѣ.

Внезапный ураганъ разбудилъ также молодую дѣвушку, спавшую въ кухнѣ на скамейкѣ. Она вскочила, подошла къ печкѣ, собрала тлѣвшіе уголья, разбросанные вѣтромъ, и стала раздувать ихъ. Вспыхнувшее пламя освѣтило молодое лицо, похожее на недавно вернувшагося человѣка: тотъ же орлиный носъ, тѣ же глубокіе черные глаза, тотъ же низкій лобъ съ вьющимися черными волосами, которые сзади свѣсились двумя тяжелыми косами до самыхъ колѣнъ. Когда она встала во весь ростъ, ея голова почти касалась потолка. Услышавъ дѣтскій плачъ, она подошла къ двери и спросила:

— Не надо ли тебѣ молока, невѣстка?

— Да, Санда, если оно не скисло отъ грозы.

Молодая дѣвушка попробовала молоко, поставила его на огонь, а сама подошла къ окну и немного пріотворила ставни— посмотрѣть, что дѣлается на дворѣ. Мрачныя облака мелькали передъ луной... Въ пріотворенную ставню вѣтеръ пахнулъ пылью и сильнымъ запахомъ отъ цвѣтовъ... Потомъ все стихло... И вдругъ молнія прорѣзала небо, и грянулъ громъ прямо надъ головой Санды. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и затворивъ ставню, она вернулась къ печкѣ, гдѣ уже кипѣло молоко. Ребенокъ за стѣной началъ плакать сильнѣе, но громъ и дождь заглушали его крики. Санда, нахмуривъ свои черныя брови, спѣшила ложкой остудить молоко и, когда вошла съ нимъ въ комнату невѣстки, тамъ уже горѣла пасхальная свѣча. Молодая мать безуспѣшно убаюкивала дитя, прижимая его къ своей груди.

— Если бы я не пугалась такъ всего, — говорила она жалобно: — у меня было бы очень много молока! А теперь— ни капли! Пресвятая Дѣва, какая молнія!

Молодая дѣвушка презрительно повела плечами.

— Зачѣмъ же быть такой трусихой?— замѣтила она.

— Я отомщу ему и за твой страхъ, Анкуза!—насмѣшливо обратился мужъ къ женѣ.

— Это не вернетъ мнѣ молока. Только сердце заболитъ сильнѣе... Господи, какой громъ!

Мать и ребенокъ—оба были бѣлокуры, съ голубыми глазами, опушенными длинными рѣсницами.

Санда взяла ребенка изъ дрожавшихъ рукъ матери и стала поить его молокомъ. Мимоходомъ взглянувъ на брата и замѣтивъ его окровавленныя руки, она равнодушно спросила:

— Ты убилъ его?

Онъ покатился со смѣху.

— Анкуза, а вѣдь Санда не такая трусиха, какъ ты!

— Но если ты убилъ его, — продолжала Санда: — тебѣ надо бѣжать за̀-горы. Осѣдлать тебѣ лошадь?

— Не надо! Онъ еще живъ. Я немного позабавился, пустивъ кровь его коровѣ, чтобы она потеряла молоко, такъ же, какъ и тогда Анкуза, во время пожара, когда онъ поджогъ нашу ригу.

— Что теперь онъ сдѣлаетъ съ нами?— простонала Анкуза.

— И за все мы воздадимъ ему съ лихвой! Не правда ли, Драгомiръ?—спросила Санда.

Ребенокъ уже заснулъ у нея на рукахъ. Она тихонько положила его въ колыбель, провела рукой по волосамъ невѣстки въ видѣ ласки и вернулась въ кухню. Тамъ она погасила угли въ печкѣ и, бросившись на постель, заснула крѣпкимъ сномъ.

А буря уже пронеслась, и луна снова заливала голубымъ свѣтомъ каждый мокрый листокъ, каждую былинку.

II.

Вражда между семьями Драгоміра и школьнаго учителя Парву длилась давно: нѣсколько поколѣній пережили ее, и въ деревнѣ сложились цѣлыя легенды о разныхъ проявленіяхъ этой вражды.

Наканунѣ Парву легъ спать пьяный. Проснулся онъ поздно и еще позже появился въ низкой и тѣсной школѣ. Лѣтомъ у него учились только маленькія и слабыя дѣти, неспособныя къ полевымъ работамъ.

Парву одѣвался по-крестьянски, хотя прежде жилъ въ городѣ, и когда сдавалъ экзамены въ Краёвѣ, то получилъ первыя награды. Это былъ высокій мускулистый человѣкъ, съ сѣрыми, сверкающими глазами, густой черной шевелюрой. Онъ умѣлъ говорить. Въ деревнѣ у него было много поклонниковъ.

— Книжный человѣкъ! Понимаетъ толкъ въ книгахъ!—говорили крестьяне съ какой-то боязливой почтительностью.

Дѣти страшно боялись своего учителя и, какъ попугаи, заучивали наизусть цѣлыя страницы, усердно подгоняемыя учительской палкой.

Сегодня Парву былъ не въ духѣ, и ученики въ смертельномъ страхѣ жались другъ къ другу, ожидая перваго вопроса.

— Флорика!—позвалъ учитель.

Болѣзненная на видъ дѣвочка поднялась со скамейки. Спутанные волосы падали ей на глаза и закрывали желтое, безъ всякаго румянца, лицо. Она со страхомъ подняла на Парву свои черные глаза, потомъ тяжелыя вѣки опустились, и малютка, водя пальчикомъ по строчкамъ, съ трудомъ прочитала басню, ровно ничего въ ней не понимая.

Парву ея не слушалъ.

— Читай безъ остановки! — шепнулъ Флорикѣ мальчикъ, сидѣвшій сзади.

И ребенокъ, руководясь инстинктомъ самосохраненія, продолжалъ читать, не останавливаясь ни на точкахъ, ни на запятыхъ. Остальныя дѣти зорко слѣдили за лицомъ своего мучителя.

А Парву погрузился въ размышленія. У него былъ братъ; онъ любилъ его больше всего на свѣтѣ. Нѣсколько недѣль тому назадъ его брата убили. Лицо убитаго съ тѣхъ поръ преслѣдуетъ Парву, какъ онъ ни отгоняетъ отъ себя ужасное зрѣлище. Чтобы забыться, онъ сталъ пить; но едва приходилъ въ себя послѣ пьянства, вся сцена убійства вставала передъ нимъ.

Въ тотъ страшный день Парву возвращался изъ города, купивъ въ подарокъ своему любимцу пачку табаку. Начинало вечерѣть и скалы бросали длинныя тѣни на дорогу. Вдругъ онъ увидѣлъ вдали, что кто-то сидѣлъ на камнѣ, прислонившись головой къ скалѣ. Когда

онъ подошелъ ближе, ему фигура показалась знакомой. Да, это братъ! Но отчего онъ такъ странно неподвиженъ?

— Моисей! — крикнулъ онъ еще издали.

Фигура не пошевельнулась. Тяжелое предчувствіе охватило его сердце... Онъ бросился къ утесу, дотронулся до брата... Члены юноши были холодны, какъ ледъ... Широко раскрытые глаза—неподвижны... Съ громкимъ стономъ Парву сталъ трясти его, тереть, звалъ по имени то тихо, то громко, пока не замѣтилъ на тѣлѣ глубокой раны. Тогда только онъ понялъ, что Моисей никогда больше не отзовется на его голосъ... Онъ бросился на землю, рвалъ на себѣ волосы и горько рыдалъ, но мысль о мести мгновенно осушила его слезы.

«Это сдѣлалъ Драгоміръ!.. Отмстить Драгоміру!..»

Дѣвочка между тѣмъ продолжала читать монотоннымъ голосомъ, и на этотъ разъ отрывокъ изъ отечественной исторіи...

На лбу у Парву выступилъ потъ: до сихъ поръ онъ чувствуетъ на плечѣ тяжесть трупа... Тогда же онъ поклялся отмстить убійцѣ, но еще не сдержалъ клятвы. Правда, онъ поджогъ ригу Драгоміра, гдѣ хранилась вся жатва,—часть, предназначенная для продажи, и оставленная на сѣмена, и для себя. Онъ видѣлъ, какъ пламя съѣло весь хлѣбъ, пустивъ по міру семью Драгоміра... Но развѣ это месть?.. Развѣ жизнь брата не стоила дороже?

Моисей, правда, незадолго до своей смерти, оскорбилъ Санду, когда она пришла танцовать на кругъ, оскорбилъ грубымъ словомъ такъ, что ей пришлось уйти домой...

Парву ударилъ себя по лбу:

«Неужели это Санда убила Моисея? Нѣтъ! Не можетъ быть, Моисей былъ выше и сильнѣе ея и не позволилъ бы женщинѣ ударить себя».

При одной мысли объ этомъ у Парву закружилась голова, и онъ совсѣмъ забылъ о дѣвочкѣ, которая читала теперь о непослушномъ ягненкѣ и его судьбѣ. Монотонный голосъ ребенка незамѣтно сливался съ шумомъ потока, стремительно бѣжавшаго черезъ деревню по направленію къ рѣкѣ.

Парву вдругъ вспомнилъ о своемъ отцѣ. Онъ когда-то былъ священникомъ въ той же деревнѣ, гдѣ жилъ отецъ Драгоміра.

Священникъ за что-то (за что—этого Парву не зналъ) возненавидѣлъ крестьянина. Однажды онъ возвращался верхомъ изъ сосѣдняго городка. Проѣзжая мимо рѣки, онъ увидѣлъ своего безоружнаго врага, мывшаго овецъ. Онъ вынулъ пистолетъ; но бѣдняга, замѣтивъ оружіе, бросился бѣжать. Быстрый какъ вѣтеръ, дѣлая скачки вправо и влѣво, летѣлъ онъ, преслѣдуемый всадникомъ, и въ страхѣ спрятался въ церкви. Бѣшеный попъ въѣхалъ на лошади въ самый храмъ и тамъ убилъ несчастнаго, обагривъ его кровью алтарь.

Въ наказаніе за злодѣйство его лишили духовнаго сана и заключили въ монастырь... Парву остался на свѣтѣ одинъ, съ маленькимъ братомъ на рукахъ...

Ученики не теряли даромъ времени. Поглядывая на страннаго учителя, они развлекались какъ могли: рисовали на аспидныхъ доскахъ, плевали и стирали рисунки, вырѣзывали ножомъ фигуры на пюпитрахъ... нѣкоторые зѣвали. По грязнымъ стекламъ ползали и жужжали мухи... Воздухъ въ комнатѣ стоялъ душный.

Но вотъ дверь отворилась, и въ школу ворвался мальчишка въ рубашкѣ и шапкѣ.

— Учитель! — проговорилъ онъ, заикаясь. — Учитель! Ваша корова...

Парву очнулся.

— Ну, что такое случилось съ моей коровой?

— Ваша корова!.. — пробормоталъ мальчикъ. — Подите, посмотрите сами!

Дѣти, въ восторгѣ, что могли оставить душный классъ и быть свидѣтелями интереснаго зрѣлища, бросились къ двери и съ криками разсыпались по лугу. Скоро половина деревни собралась вокругъ раненаго животнаго. Съ ревомъ рыло оно землю, поднимая рогами громадные куски дерна и отталкивая отъ себя теленка, который жалобнымъ мычаніемъ просилъ у матери молока. Большіе глаза коровы съ укоромъ смотрѣли на толпу и хозяина, пока онъ прикладывалъ мокрые листья къ воспаленнымъ ранамъ.

Женщины съ грудными младенцами на рукахъ стояли тутъ же, въ бѣлыхъ покрывалахъ, точно римскія матроны. Дѣти, прячась другъ за друга, образовали отдѣльную группу. Ихъ глаза съ любопытствомъ и страхомъ переходили отъ окровавленнаго животнаго на его хозяина. Высокая красивая дѣвушка обмокнула свои пальцы въ ведро съ молокомъ и дала ихъ лизать голодному теленку. Она громко смѣялась, когда его нѣжная мордочка щекотала ей руки, а молодой парень, слѣдя блестящими глазами за всѣми движеніями дѣвушки, что-то шутливо замѣтилъ ей на ухо. Но скоро всеобщее вниманіе было отвлечено новой фигурой: по дорогѣ шла Санда. На головѣ она несла глиняный кувшинъ, въ рукахъ держала веретено, а къ поясу прикрѣпила пряжу. Красная юбка, стянутая у таліи мѣднымъ кушакомъ, была нѣсколько приподнята спереди и, падая съ боковъ крупными складками, обнаружила край бѣлой сорочки и хорошенькія босыя ножки. Рукава и плечи рубашки были богато расшиты. Широкій воротъ открывалъ прелестную шею, едва прикрытую янтарнымъ ожерельемъ. Головка была повязана желтой косынкой, кончики которой не совсѣмъ закрывали густые завитки на шеѣ подъ длинными косами красавицы. Золотистая, загорѣлая отъ солнца кожа, густыя длинныя брови, странная серьезность лица придавали всему ея облику что-то величественное и вмѣстѣ суровое.

Деревенская молодежь боялась Санды. Она не терпѣла грубыхъ шутокъ, и рѣзкіе отвѣты ея звучали въ ушахъ слушателей громче пощечины.

Санда остановилась неподвижно передъ коровой, невольно слѣдя за движеніями Парву. Но вотъ кто-то произнесъ имя ея брата, ее мгновенно окружили и засыпали вопросами.

Парву протѣснился черезъ толпу и гнѣвными, негодующими глазами оба, молча, смотрѣли другъ на друга.

— Это дѣло Драгоміра? а?—произнесъ Парву, скрежеща зубами.

Санда молчала.

— Говори же, или я тебя поколочу.

Санда смѣрила его гордымъ взглядомъ и сказала громко:

— Ты слишкомъ слабъ для этого, книжникъ! Твое дѣло—поджигать по ночамъ дома!

Жестомъ она проложила себѣ дорогу въ толпѣ и прошла, ни на кого не глядя.

Парву позеленѣлъ отъ бѣшенства.

— Ты мнѣ заплатишь за все!—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Слушай-ка!—обратился къ нему какой-то старикъ.—Покончи ты съ этой враждой! Женись на Сандѣ. Она будетъ работящей женой!

— Жениться на ней? На этой змѣѣ; да скорѣе я брошусь въ Ольту... О, я отомщу ей! Всю жизнь будетъ помнить!

Молодыя дѣвушки переглянулись; парни улыбались; мужчины вытащили кисеты и стали свертывать папироски; женщины разошлись по домамъ. Мальчишки, увидѣвъ себя наединѣ съ грознымъ учителемъ, бросились бѣжать кто куда, и Парву остался съ коровой одинъ, освѣжая водой языкъ и ноздри животнаго и раздумывая—не лучше ли будетъ ее убить.

Санда направилась къ колодцу и, почерпнувъ ведромъ воды, наполнила кувшинъ. Она и не подозрѣвала, какъ была красива въ этотъ моментъ въ своемъ живописномъ костюмѣ! Сколько силы и граціи было въ каждомъ ея дви-

женіи! Въ груди дѣвушки клокотала ненависть къ учителю и желаніе уязвить его еще больнѣе. Послѣ пожара, уничтожившаго все ихъ имущество, они никому не проронили ни слова о несчастіи... А онъ?—Изъ-за ничтожной коровы своими криками и жалобами собралъ всю деревню... Книжникъ презрѣнный! Брови Санды сдвинулись, лицо обострилось. Да, всѣ въ деревнѣ сердились на нихъ за гордое молчаніе послѣ пожара и болѣе чѣмъ когда-либо считали убійцами Моисея. Народъ, вообще, понимаетъ только крикливое горе: молчаніе внушаетъ ему недовѣріе. И Анкузу не любили: бѣлокурая, голубоглазая красавица осталось чужой для этой деревни.

Также не прощали Драгоміру его женитьбы на дѣвушкѣ изъ другого селенія. Развѣ въ его деревнѣ было мало красивыхъ невѣстъ? Или сама Санда не нашла никого по своему вкусу? Непріязненное настроеніе народа было ей хорошо извѣстно. Не даромъ у нея были глаза и уши! И потомъ всегда находилась добрая душа, чтобъ передать непріятную сплетню. «О тебѣ говорятъ то̀-то и то̀-то!»—слышала она, хотя свое мнѣніе никто не рѣшался ей высказать, зная ея острый языкъ, гнѣвный характеръ и желѣзную руку. Всѣ помнили, какъ она одна вытащила изъ трясины телѣгу. О ея силѣ сложилось много анекдотовъ, а храбрость ея вошла даже въ поговорку.

Драгоміръ часто говорилъ въ шутку, что не боится воровъ, когда Санда дома.

III.

— А, ты все плачешь, Анка!—сказала сурово Санда, войдя въ кухню съ полнымъ кувшиномъ воды.

— Нѣтъ, нѣтъ, Санда! Но всѣ говорятъ: Парву будетъ мстить за корову. Господи! Какъ я воспитаю своего сына среди такихъ дикихъ, злыхъ людей!

— Отдай мальчика мнѣ! Я сдѣлаю изъ него мужчину.

Вмѣсто отвѣта Анка залилась слезами.

— Ты его научишь мести, и конца не будетъ вашей враждѣ!

— Будетъ конецъ, когда одна изъ семей совсѣмъ вымретъ.

— Бѣдный мой сынокъ! Я хотѣла бы воспитать его добрымъ, незлобивымъ!

— А я сдѣлала бы его сильнымъ и крѣпкимъ, какъ дубъ.

— Въ такомъ случаѣ жизнь его сломаетъ?

— Онъ не поддастся бурѣ!

— Пусть лучше теперь умретъ и пойдетъ на небо!—говорила, всхлипывая, Анка.

Санда нетерпѣливо повела плечами и вышла изъ кухни. Черезъ минуту она вернулась съ охапкой молодыхъ вѣтокъ, бросила ихъ на земляной полъ и, разрубая топоромъ, стала ихъ кидать въ очагъ. Длинные языки пламени облизывали сучья, и огненныя искры взлетали до самаго потолка, почернѣвшаго отъ дыму.

— Дрова-то отсырѣли отъ дождя,—ворчала Санда.—Терпѣть не могу ни слезъ, ни дождя!

Анка сѣла съ ребенкомъ къ окну. Онъ неловкими ручонками тянулся къ герани, хваталъ листья и рвалъ ихъ. Она же, играя его кудрями, запѣла грустную монотонную пѣсню:

«Сижу я подъ ивой зеленой,
Сижу, и грущу, и страдаю!
Жила я у матушки милой,
Не знала ни горя, ни страха;
Съ утра и до ночи смѣялась,
Смѣялась, играла и пѣла...
Но я полюбила чужого,
Оставила мать и нашъ домикъ,
Утратила счастье дѣвичье,
Узнала нужду я и горе...
Теперь я здѣсь точно въ темницѣ!
Одна, безъ родныхъ, умираю...
О, мама, услышь свою дочку!
О, ивушка, скрой мои слезы!»

Лепетъ ребенка служилъ аккомпаниментомъ печальному напѣву. Лучъ солнца пробился черезъ густую листву, упавъ мягкимъ небеснымъ поцѣлуемъ на бѣлокурыя кудри мальчика.

Мимо избушки проѣзжалъ священникъ. Онъ остановился у окна:

— Не хорошо, Анка, поступилъ твой мужъ!—замѣтилъ онъ.

— Что онъ сдѣлалъ?—спросила Анка, побѣлѣвъ отъ страха.

— Ты сама отлично знаешь, какъ онъ испортилъ корову!

— Какую корову?

Молодая женщина вся дрожала. Ребенокъ откинулъ головку ей на грудь и теръ кулачками глаза, собираясь заплакать.

— Пожалуйста, не притворяйся невиннымъ ягненкомъ! Я насквозь вижу все ваше разбойничье отродье.

— Но другіе поступили съ нами еще хуже.

— А! Такъ Драгоміръ отомстилъ за пожаръ? Да?

Попъ усмѣхнулся себѣ въ бороду и насмѣшливо посмотрѣлъ на молодую женщину.

— Я вижу, твоему мужу смерть хочется попасть въ Окну съ бритой головой и въ кандалахъ: поработать тамъ въ копяхъ среди кромѣшной тьмы. Тамъ его скоро укротятъ!.. Повторяю тебѣ, Анка, если ты не принесешь мнѣ восковыхъ свѣчей и сладкихъ лепешекъ и не закажешь нѣсколькихъ обѣденъ, — дѣло кончится плохо!

— Обѣдни не помогутъ! — отозвалась печально Анка.

— А мы вознесемъ еще особыя моленія Господу о разореніи и смерти Парву!

— Но вѣдь ты отслужилъ уже двѣ обѣдни о разореніи и смерти моего мужа?

— Не все ли тебѣ равно! Поставь потолще свѣчу—и твои молитвы возьмутъ верхъ.

— Не могу! Мы совсѣмъ обѣднѣли.

— А-а! Тѣмъ хуже для тебя!—покачалъ головой священникъ.—Драгоміру теперь не миновать каторги. — И, бросивъ это привѣтствіе, священникъ удалился.

— О чемъ говорилъ съ тобой попъ, чтобъ чортъ его побралъ? — спросила Санда.

— Онъ все пугалъ, что мужа сошлютъ на каторгу, если...

— Если, что?

— Если мы не закажемъ обѣдни.

— Я такъ и думала... Ты что же отвѣтила?

— Я сказала—у меня нѣтъ денегъ, чтобы заплатить за обѣдню.

— Ты это сказала? Теперь онъ очернитъ насъ передъ всей деревней.

— О, Санда! Не сама ли ты сказала—не давать ему ни копейки.

— А ты бы отдала ему свои серьги для попадьи!

— Сейчасъ отнесу, Санда!

— Да не сейчасъ же! Погоди немного! Господи, какъ ты глупа!

— Санда! Попу извѣстна вся исторія съ коровою!

— Чему ты удивляешься? Парву поднялъ такой крикъ. Собралась вся деревня!

Разговаривая, онѣ и не замѣтили, какъ вошелъ кто-то въ избу въ круглыхъ очкахъ на длинномъ носу. Это былъ нотаріусъ. Женщины вздрогнули при видѣ чиновника.

— Я пришелъ поискать здѣсь тѣ куски кожи, которыя Драгоміръ вырѣзалъ у коровы,—произнесъ нотаріусъ.

— А гдѣ вы были, когда подожгли нашу ригу?—спросила Санда.

— Къ несчастію, уѣзжалъ въ городъ.

— Совѣтую вамъ и теперь вернуться туда, пока мой братъ не знаетъ, что вы сунули къ намъ носъ. Впрочемъ, если хотите, обыскивайте, — намъ все равно.

Она давно припрятала кожу и начала ее уже дубить.

— Хорошо! Кланяйся своему брату отъ меня! Не избѣжать ему суда!

— Мы сами справляемся, безъ вашего суда!—процѣдила сквозь зубы Санда.

IV.

Нѣсколько дней спустя ей надо было снести куръ на одну ферму. Связавъ ихъ за лапы и повѣсивъ на палку головой внизъ, она положила палку на плечо и

отправилась. Было очень жарко. Головы бѣдныхъ птицъ безжизненно мотались, точно увядшіе цвѣтки краснаго мака. Прежде Санда совершала свои экскурсіи верхомъ; но недавно изъ двухъ лошадей одну пришлось продать, а на другой ѣздилъ братъ.

Несмотря на жару, молодая дѣвушка шла легко и быстро. Подъ жгучими лучами ея рубашка сверкала бѣлизной, а темныя перья птицъ отливали золотомъ. Воздухъ былъ того желтоватаго оттѣнка, какой встрѣчается только на востокѣ. Въ травѣ оглушительно трещали кузнечики, въ рѣкѣ квакали лягушки. По крутому берегу Ольты тянулся лѣсъ; многія деревья повалились отъ старости и нѣжный мохъ покрылъ ихъ мягкимъ ковромъ. Санда спѣшила къ заманчивой тѣни, не замѣчая, что кто-то, притаивъ дыханіе, крадется за ней, осторожно ступая босыми ногами по мху. Вдругъ почувствовала она за собой тяжелое дыханіе и, не успѣла обернуться, какъ получила сильный ударъ по ногамъ. Санда упала ничкомъ въ траву, а Парву (это былъ онъ), ставъ колѣномъ ей на спину, вынулъ ножъ изъ-за пояса. Молодая дѣвушка, увидѣвъ блескъ стали, приготовилась къ смерти. Но Парву не убилъ ее: онъ отрѣзалъ только чудныя косы, двойной короной обвивавшія голову дѣвушки. Затѣмъ махнулъ ими по воздуху и ударилъ ими Санду по лицу. Онъ повторилъ ударъ еще и еще, пока рука не устала бить. Блѣдный отъ ярости Парву сначала не произносилъ ни слова.

— Что!—сказалъ онъ потомъ сдавленнымъ голосомъ. — Что! Я слишкомъ безсиленъ для мести? Позоръ тебѣ навсегда, злая чертовка! Увидимъ, какъ ты покажешься теперь въ деревнѣ, стриженая, безобразная!

Санда напрасно билась, стараясь вырваться изъ рукъ Парву. Наконецъ, онъ всталъ. Однимъ прыжкомъ вскочила и Санда. Парву спокойно ждалъ нападенія разъяренной львицы... Но она прислонилась къ дереву, прикрыла голову широкими рукавами сорочки и какъ-то подѣтски разразилась горькими рыданіями. Удивленный, пораженный Парву тупымъ, нерѣшительнымъ взглядомъ смотрѣлъ то на плачущую дѣвушку, то на косы, обвивавшія его руку, то на желтый платокъ, валявшійся на мху. Солнечный лучъ, пробившись сквозь дрожавшую листву, перебѣгалъ легкими тѣнями по платочку. Какая-то лѣсная птичка, прыгая, подошла къ курамъ и, склонивъ на бокъ головку, глядѣла на безжизненныя головы съ красными гребнями, покрытыми пылью.

А дѣвушка продолжала рыдать, точно у нея отняли силы и счастье. Парву не сводилъ съ нея глазъ. Онъ теперь только замѣтилъ, какъ она красива, и странная дрожь пробѣгала у него по рукѣ отъ прикосновенія къ тяжелымъ косамъ. Гнѣвъ прошелъ и ненависть исчезла. Онъ сознаѣлъ всю низость и грубость своего поступка, оскорбивъ этого ребенка. Вернуть ей волосы теперь не въ его силахъ, хотя за горькую обиду онъ готовъ отдать всѣхъ своихъ коровъ. Въ сущности, Парву никакъ не ожидалъ такой сцены, этихъ горькихъ слезъ, лишившихъ его самообладанія.

Санда утихла, наконецъ, — выпрямилась, подняла платокъ, прикрылась имъ до самыхъ бровей и, какъ молнія, исчезла въ лѣсу.

Парву нерѣшительно посмотрѣлъ на косы: что ему съ ними дѣлать? Оставить здѣсь? Бросить въ рѣку? Онъ свернулъ ихъ и положилъ за пазуху. Потомъ, съ равнодушнымъ видомъ, вернулся въ деревню. Но волосы лежали у сердца, и ему казалось—его ласкаетъ что-то нѣжное, молодое, красивое. Дома онъ открылъ сундукъ, спряталъ косы на самое дно и заперъ на ключъ, чего раньше никогда не дѣлалъ.

Ужъ наступилъ вечеръ и солнце готово было закатиться, когда Санда, скользя между деревьевъ, вернулась къ тому мѣсту, гдѣ валялись ея куры съ открытыми

клювами и полумертвыя отъ жажды. Она взяла листъ, намочила его въ ручьѣ и налила каждой въ ротъ по нѣскольку капель; потомъ взвалила на плечо оживившихъ птицъ и быстро пошла къ фермѣ, боязливо оглядываясь по сторонамъ.

На возвратномъ пути она вымыла себѣ лицо, руки и ноги. Свѣжая вода освѣжила воспаленныя вѣки и красные отъ слезъ глаза. Сандѣ стало легче. Когда она подошла къ мѣсту своего позора, она сѣла на упавшее дерево и невольно, до мельчайшихъ подробностей, вспомнила все. Парву, мужчина, ея смертельный врагъ, видѣлъ ея слезы. Кто другой можетъ этимъ похвалиться? Санда, которая была сильнѣе всѣхъ парней въ деревнѣ, проливала горькія слезы — и передъ кѣмъ! Щеки у нея пылали отъ стыда. Ей вдругъ стало душно, и она сорвала платокъ съ головы и развязала шнурокъ сорочки. Надо было задушить его, зарѣзать... Ей, дѣвушкѣ, Парву нанесъ самое гнусное изъ оскорбленій, отрѣзавъ косу, а она въ отвѣтъ не нашла ничего кромѣ слезъ и позорнаго бѣгства... Санда провела руками по безпорядочнымъ прядямъ, упавшимъ ей на глаза, и съ чувствомъ какого-то облегченія потрясла головой. Образъ Парву опять всталъ передъ ней. Вѣдь это единственный изъ мужчинъ осмѣлился грубо обойтись съ ней. Когда она бросилась бѣжать, она, хотя ни на что не смотрѣла, хорошо примѣтила его смущенный взглядъ... А что онъ сдѣлалъ съ ея косами? Навѣрно бросилъ въ рѣку... Почему это она не вырвала ему волосъ?... Санда оперлась локтемъ на колѣно и, запустивъ пальцы въ волосы, принялась размышлять.

Наступила ночь. Въ лѣсу стало темно и тихо. Санда вздрогнула, вспомнивъ желѣзные пальцы, схватившіе ее за косы. Она была совсѣмъ въ его власти... Почему онъ не зарѣзалъ ее какъ ягненка? Ахъ, смерть была въ тысячу разъ легче, чѣмъ это надругательство... И однако, какое счастье жить, дышать, слышать біеніе своего сердца, вмѣсто того, чтобы лежать теперь здѣсь неподвижно, съ окоченѣлыми членами! Вѣдь онъ, этотъ палачъ, отчасти подарилъ ей жизнь. Отчего онъ не хохоталъ надъ ней, отмстивъ такъ жестоко? И опять ей представилось растерянное лицо Парву, его большіе глаза...

Темнота увеличивалась; деревья слились въ черную массу, тропинки исчезли совсѣмъ. Надо было подождать разсвѣта. Время для нея летѣло очень быстро, хотя она думала объ одномъ и томъ же: о мести. Но чѣмъ и какъ отомстить? Точно невидимая сила связала ея волю и умъ, точно съ волосами у нея отняли свободу дѣйствій. Ужъ не наважденіе ли это? Санда снова заплакала, и долго въ ночной тишинѣ раздавался ея жалобный плачъ.

Но вотъ гдѣ-то далеко-далеко пропѣлъ пѣтухъ. Какъ? Ночь ужъ прошла? Санда вскочила, накинула на голову платокъ и быстро, насколько позволяла рѣдѣющая темнота, побѣжала въ деревню.

Пропѣли вторые пѣтухи. Холодная, блѣдная заря зажглась на ночномъ небѣ. Когда Санда пришла домой, ея братъ угрюмо спросилъ ее:

— Съ какого это времени ты стала бѣгать по ночамъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я не могу показываться днемъ! — жестко отвѣтила Санда, сорвавъ съ головы платокъ и потрясая короткими волосами.

Драгоміръ произнесъ проклятіе.

— Отмсти же за меня! — вскричала Санда, и, хлопнувъ дверью, ушла въ кухню.

V.

Драгоміру нечего было спрашивать, кто надругался надъ его сестрой. Онъ вышелъ на дворъ, чтобы не слыхать стоновъ Анки. Впрочемъ, Санда скоро положила имъ конецъ.

— Стонать ни къ чему не поведетъ.

Теперь я буду работать дома, а ты, Анка, возьмешься за мои дѣла.

И Санда принялась за работу съ такимъ жаромъ, какъ никогда. Она замѣнила невѣстку за ткацкимъ станкомъ, а та ходила за водой и дѣлала разныя покупки.

Драгоміръ, однако, замѣтилъ, что въ деревнѣ всѣ сторонятся его, отвѣчаютъ нехотя на его поклоны и никто первый не заговариваетъ съ нимъ.

Горечь наполнила сердце Драгоміра, и онъ во всемъ винилъ Парву.

— Не поджечь ли его домъ, Санда?

— Онъ купитъ другой: у него есть деньги.

— А если испортить ноги его коню?

— Пріобрѣтетъ другого: онъ богатый.

— Такъ застрѣлить его?

— Пойдешь въ каторгу за это.

Словомъ, никакая месть не могла удовлетворить Санды: ей было все мало, а сама она все-таки ничего не умѣла придумать.

Когда она увидѣла въ зеркалѣ свои стриженые волосы, она бросила его на полъ и растоптала... Часто она задумывалась посреди дѣла, потомъ вдругъ встряхивала головой и работала съ новымъ рвеніемъ.

— Анкуза! — обратился однажды къ женѣ Драгоміръ.—Парву слишкомъ вліятельный человѣкъ въ нашей деревнѣ... Мнѣ не найти здѣсь работы. Придется нѣкоторое время поработать на сторонѣ, пока забудется вся эта исторія.

— А мы?—спросила Анка.

— Вы останетесь здѣсь сторожить имущество.

Анка вздохнула. Запуганная, она совсѣмъ растерялась и рѣшительно не знала, что дѣлать. Въ печальной жизни этой женщины единственной утѣхой и радостью былъ ребенокъ. Она не спускала его съ рукъ и боялась, когда Драгоміръ слишкомъ порывисто ласкалъ мальчика.

Однажды Драгоміръ шелъ по деревнѣ. Вдругъ двери школы отворились, и толпа школьниковъ осыпала его цѣлымъ градомъ камней. Драгоміръ, не спѣша, подобралъ ихъ, прицѣлился въ шалуновъ и попалъ такъ ловко, что дѣти съ воемъ разбѣжались. У одного мальчика былъ вышибленъ глазъ, другой получилъ глубокую рану въ лобъ, третій былъ тяжело раненъ въ ногу. Родители потерпѣвшихъ обратились къ нотаріусу съ просьбой взыскать съ виновнаго. Драгоміру нечѣмъ было заплатить. Тогда конфисковали его имущество, а самого изгнали.

— Санда! — сказалъ онъ, уходя. — Ты сильнѣе многихъ мужчинъ, и я поручаю тебѣ жену и ребенка. Безъ меня вамъ будетъ легче жить. Но я все же отомщу за васъ... не теперь, конечно...

Санда кивнула, въ знакъ согласія, головой и взяла изъ его рукъ ребенка.

Парву съ улыбкой покручивалъ усы, узнавъ объ отъѣздѣ Драгоміра. Онъ часто теперь открывалъ сундукъ—полюбоваться и поласкать волосы Санды, и тогда опять видѣлъ передъ собой прекрасную дѣвушку, рыдавшую у дерева. Какъ ему хотѣлось взглянуть еще разъ на гордую красавицу, взять въ объятья и приласкать, какъ ласкаютъ ребенка послѣ строгаго наказанія.

Наступили лѣтнія каникулы. Большое наслажденіе для учителя и учениковъ быть на свободѣ въ лѣтнюю жару.

Давно никто не видалъ Санды. Она не показывалась ни на сѣнокосѣ, ни во время стрижки овецъ. Во всѣхъ работахъ замѣняла ее Анка. Молодая женщина просто выбилась изъ силъ: днемъ работала, а ночи всѣ напролетъ поджидала мужа. И онъ пріѣзжалъ иногда въ лунную ночь на неосѣдланномъ конѣ. Домой гнала его безумная ревность. Анка уже сколько разъ пробовала на своей спинѣ мужнинъ кнутъ и не была на это въ претензіи. Ея родная сестра хотѣла развестись съ красавцемъ-мужемъ только изъ-за того, что за всѣ три года онъ ни разу не прибилъ ее.

— Онъ меня не любитъ, не ревнуетъ.

разведите меня съ нимъ! — просила она епископа, на что епископъ отвѣчалъ, обратившись къ мужу:

— Возьми ее за косы и оттаскай хорошенько, если она этого желаетъ!

— Не могу, святой отецъ! Очень ужъ она красива! Жалко!

Анка въ этомъ отношеніи была вполнѣ удовлетворена.

Драгоміръ пріѣхалъ еще разъ, и опять въ лунную ночь. Чтобы точнѣе знать, что дѣлается дома, онъ заблаговременно слѣзъ съ лошади и спрятался въ кусты... Вдругъ онъ увидѣлъ—какой-то мужчина подкрадывался къ окну избы. Отъ ярости и гнѣва у Драгоміра захватило дыханіе. Съ сверкающими глазами онъ схватился за ножъ и сталъ всматриваться въ нежданнаго посѣтителя. Это былъ Парву! Зачѣмъ этотъ разбойникъ здѣсь? Не собирается ли поджечь домъ? А, можетъ-быть, хочетъ соблазнить жену?

Парву тихонько постучалъ въ окно.

— Санда!—произнесъ онъ.—Санда, выслушай меня!

Онъ остановился въ ожиданіи. Драгоміръ сдѣлалъ то же.

— Санда! Я не сдѣлаю тебѣ зла! Выслушай меня!

Окно быстро отворилось, и показалась голова Санды, вся залитая луной, съ покраснѣвшими щеками и спутанными прядями волосъ на лбу.

— Что тебѣ надо отъ меня?

Она хотѣла сказать это гордо, высокомѣрно, но грудь ея поднималась отъ волненія и голосъ дрожалъ.

— Прости меня, Санда!

Санда разразилась жесткимъ смѣхомъ.

— Съ какихъ это поръ ты сталъ употреблять жалкія слова?

— Санда! Я не знаю покоя. Твои волосы меня околдовали.

— Отдай мнѣ ихъ!

— Отдать тебѣ? Нѣтъ! Они мои по праву.

— Да! По праву грабителя.

— А тебѣ они зачѣмъ?

— Я оберну косами голову и пойду въ праздникъ танцовать на кругъ!

— Не дамъ! Я не хочу, чтобы ктонибудь тебя видѣлъ. Ты слишкомъ хороша. Нѣтъ, ты не пойдешь танцовать.

Драгоміръ прошепталъ съ дьявольской улыбкой:

— Теперь, братъ, ты у меня въ рукахъ!

Санда бросила на Парву быстрый, боязливый взглядъ.

— Съ которыхъ это поръ ты мнѣ смѣешь приказывать?—спросила она задорно.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я побѣдилъ тебя, теперь ты навсегда въ моей власти, Санда!

Она хотѣла закрыть окно, но онъ положилъ руку на подоконникъ.

— Я останусь здѣсь, сколько захочу!— сказалъ онъ твердо.

— Ахъ, если бы мой братъ тебя увидѣлъ здѣсь!

Парву засмѣялся.

— Ты думаешь, я боюсь его такъ же, какъ ты меня?

— Я? Боюсь тебя? Да ни чуточки.

— А отчего ты дрожишь? И отчего такъ бьется у тебя сердце?

— Отъ жажды мести.

Драгоміръ тихо смѣялся въ темнотѣ.

— Ты отомстишь ему, когда завлечешь его въ свои сѣти! — пробормоталъ онъ.

Парву сдѣлался серьезенъ и тихо сказалъ:

— Ты уже отомщена, хотя и сама не подозрѣваешь этого!

— Слушай! — прервала его Санда.— Слышишь этотъ шумъ?

— Сова или летучая мышь.

— Нѣтъ, я слышала смѣхъ и точно чье-то дыханіе.

— Ну, такъ, дикіе голуби. Санда! ты боишься. Съ какихъ поръ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я лишилась своихъ косъ.

— О! волосы отростутъ опять!

И онъ хотѣлъ дотронуться до черныхъ кудрей, но Санда отскочила.

— Ахъ, если бы я была мужчиной!

— Что бы ты сдѣлала?

— Заколола бы тебя кинжаломъ.

— Правда? Вотъ мой ножъ. Зарѣжь меня!

И онъ протянулъ ей широкое лезвіе.

Санда взглянула на блестящую сталь, потомъ на Парву... Онъ спокойно ждалъ, облокотившись на подоконникъ.

Она съ ожесточеніемъ оттолкнула ножъ, пробормотавъ:

— Къ сожалѣнію, я женщина.

— Санда! Санда! Гдѣ ты?—звала дѣвушку Анка.

Санда скрылась въ мгновеніе ока.

Парву остался, погруженный въ свои мысли. Онъ вздыхалъ, улыбался, не замѣчая сверкающихъ глазъ Драгоміра, весь въ созерцаніи молодой красавицы, влюбленный до сумасшествія.

Съ какимъ бы наслажденіемъ онъ принялъ отъ нея смерть... Почему она не убила его? Безумная радость охватила Парву: она въ его рукахъ... Тихо закрылъ онъ окно и медленно удалился.

Страшный сонъ приснился Анкѣ. Ее ничѣмъ нельзя было успокоить. Но мало-по-малу она утихла и наконецъ заснула. Санда вернулась въ кухню, отворила окно и, высунувъ голову, долго прислушивалась. Опершись щекой на руку, она задумалась. Отчего она не убила Парву?

Какъ облака по небу, неслись ея мысли одна вслѣдъ за другой. Наконецъ, ночная сырость охватила ее, она вздрогнула и закрыла окно.

Она легла, но не могла уснуть. Что-то душило, мучило ее. Она встала, вышла потихоньку изъ дому, спустилась къ рѣкѣ и сѣла на берегу.

Въ водѣ прыгали серебристыя форели... Пѣнистыя волны бѣжали къ берегу и разбивались объ утесъ. Санда мысленно сравнивала себя съ волной, а Парву съ утесомъ. Какъ она дрожитъ подъ его взглядомъ! Откуда эта робость? А тогда, у колодца, какъ презрительно она на него посмотрѣла и какъ больно уколола словомъ! Потомъ она вспомнила о коровѣ Парву. Пришлось убить бѣдное животное. Сандѣ вдругъ стало ее жалко. Теперь у нея явилось чувство состраданія, совсѣмъ незнакомое ей до сихъ поръ.

Ея мысли невольно вернулись къ Парву, когда онъ наткнулся въ лѣсу на убитаго брата. Что̀ съ нимъ было тогда? Что̀ онъ чувствовалъ? Кричалъ онъ? Звалъ брата по имени? Осыпалъ его поцѣлуями? Рвалъ волосы въ отчаяніи? На глазахъ Санды показались слезы... Какой жестокій Драгоміръ! Зачѣмъ онъ тогда убилъ юношу?

Чтобы избавиться отъ своихъ мыслей, Санда вскочила и пошла домой, но мысли бѣжали слѣдомъ, жгли и мучили ее...

VI.

— Э! Санда! Гусь общипанный! Безкрылый воробей!—привѣтствовали дѣвушку дѣти у колодца.

Краска залила ей лицо, но, набравъ воды, она продолжала идти своей дорогой, не удостоивая малышей взглядомъ. А между тѣмъ толпа ихъ все увеличивалась. Со всѣхъ сторонъ кричали:

— «Бритая!» «Общипанная!» «Овечка несчастная!» «Бѣдный ягненокъ, гдѣ твоя шерсть?»

И вдругъ все смолкло. Появился Парву. Точно ангелъ-мститель, влетѣлъ онъ въ толпу и вмигъ разогналъ палкой всѣхъ.

— Бѣдное дитя!—прошепталъ онъ.

Множество головъ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ вытянулись изъ-за стѣнъ и заборовъ. Преслѣдуя Санду, они думали доставить удовольствіе учителю, и что же? Ему это не понравилось!

Санда постепенно удалялась отъ колодца.

Парву догналъ ее.

— Проклятые мальчишки! — сказалъ онъ.

— Твоя вина!—замѣтила молодая дѣвушка.

— Позволь тебя проводить, чтобы они снова не вздумали дразнить тебя!

— Спасибо! Я лучше пойду одна! Пусть дразнятъ. Мнѣ все равно,—сказала она съ горечью.

Парву точно приросъ къ землѣ, глядя вслѣдъ уходившей дѣвушкѣ. Дѣти, разинувъ рты, слѣдили за обоими.

— Слышишь, онъ хотѣлъ проводить ее!—шепнула одна дѣвочка своей подругѣ.

— Этого она только и желала!—подтвердилъ мальчишка, шедшій сзади.

Дѣвчонки залились звонкимъ смѣхомъ.

Драгоміръ явился опять близъ своего дома. Была темная ночь. У окна стоялъ Парву и дожидался кого-то. Тихонько отворилась дверь и вышла Санда. Драгоміръ видѣлъ собственными глазами, какъ его сестра горячо отвѣчала на жаркія объятья учителя. Укусивъ себѣ до крови палецъ, чтобы заглушить бѣшеный крикъ, Драгоміръ сталъ прислушиваться къ бесѣдѣ влюбленныхъ. Они, тихо воркуя, прошли мимо и исчезли въ чащѣ. Драгоміръ уже занесъ-было ножъ, чтобы ударить имъ врага между плечъ... и снова спряталъ за поясъ. Вѣдь жертва теперь не уйдетъ.. Надо еще поиграть съ нею.

Санда стала задумчива и молчалива.

Погруженная въ свой внутренній міръ, полный чудныхъ видѣній, она ничего не замѣчала, что дѣлается вокругъ.

— Драгоміръ что-то не ѣдетъ!—приставала къ ней Анка.

— Скоро пріѣдетъ!—отвѣчала Санда нетерпѣливо.

— Санда!—спрашивала опять молодая женщина, и глаза ея выражали ужасъ,—а что если Парву убилъ мужа? Я этого не перенесу!

— Что же бы ты сдѣлала?—спросила Санда такимъ ледянымъ тономъ, что всѣ опасенія Анки ожили, и она, схвативъ дѣвушку за плечо, стала трясти ее.

— Санда! Драгоміръ умеръ? Скажи, умеръ?

— Нѣтъ! Не умеръ! И некому его убить.

— Ты въ этомъ увѣрена?

— Да!

Никакія просьбы Анки,—объясниться яснѣе,—ни къ чему не привели. Санда сдѣлалась непроницаемой и холодной. Она стала ко всему равнодушна: къ брату, сестрѣ, ребенку. Какая-то мысль грызла ее день и ночь, мѣшая работать, приковывая на цѣлые часы къ одному мѣсту. Анка урезонивала ее, угрожая голодомъ.

Тогда Санда вставала, садилась за ткацкій станокъ и съ тѣмъ же неподвижнымъ взглядомъ принималась ткать, не проронивъ ни слова. Бѣдная Анка стала побаиваться Санды и втихомолку плакала. Разъ она попробовала положить ей на колѣни своего сына; Санда вскочила и, съ отвращеніемъ оттолкнувъ мальчика, убѣжала въ лѣсъ.

За послѣднее время Санда страшно поблѣднѣла. Анка спросила, не больна ли она?

— Я, совершенно здорова.

— Отчего же ты такъ страшно блѣдна?

— Потому что не румянюсь, какъ другія.

Недѣли проходили... Драгоміръ точно замеръ въ ожиданіи... Однажды вечеромъ онъ выслѣдилъ влюбленныхъ и слышалъ, какъ его сестра, смѣлая, гордая Санда, прошептала со страхомъ:

— Парву, я боюсь!

— Милое дитя! Чего тебѣ бояться? Развѣ я не съ тобой?

— Я боюсь не за себя, а за тебя. Мой братъ слишкомъ притихъ... Никакихъ вѣстей не даетъ о себѣ... Что если онъ открылъ нашу тайну?..

— Лѣсъ великъ, и ночь темна...

— Онъ точно рысь: и ночью видитъ и прыжками мѣряетъ разстоянія.

— Со мной есть оружіе, и я не слабѣе его.

— Онъ выберетъ моментъ, когда ты будешь безъ оружія, и убьетъ тебя... Я изнываю отъ страха, отъ ожиданія бѣды. Сколько недѣль я совсѣмъ не смыкаю глазъ по ночамъ... А мнѣ такъ бы хотѣлось уснуть!

Она прижалась къ груди Парву. Драгоміръ притаилъ дыханіе.

— Убѣжимъ!—прошепталъ Парву.

— Да! Да! Убѣжимъ далеко, далеко отсюда! Туда, гдѣ насъ никто не знаетъ и никто не найдетъ!

Санда говорила съ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ, точно видѣла смерть передъ собой.

— Въ воскресенье вечеромъ я буду ждать тебя у колодца. Мы ускачемъ. Еще до пѣтуховъ достигнемъ горъ и на разсвѣтѣ переѣдемъ границу.

— Ахъ!—вздохнула съ облегченіемъ Санда.—Тогда мнѣ не будетъ страшно. Если-бъ ты зналъ, какое мучительное чувство страхъ! Это драконъ, чудовище! Оно схватываетъ тебя въ свои когти и держитъ до тѣхъ поръ, пока ты не посѣдѣешь; тогда оно тебя убиваетъ.

Парву улыбнулся.

— Не понимаю этого чувства! Я никогда ничего не боюсь!

А сзади сверкали глаза его смертельнаго врага.

Анка заболѣла и слегла въ постель. Санда день и ночь ходила за ней. При свиданіи она сообщила Парву, какъ ей жалко оставить больную невѣстку.

— А сосѣдки на что? Онѣ помогутъ. Да пусть ее умираетъ. Твой братъ лучшаго и не заслуживаетъ...

Санда пошла къ сосѣдкѣ.

— Невѣстка у меня захворала! Я много ночей не смыкала глазъ. Посиди съ ней эту ночь, а я въ твоей избѣ сосну немного!

— Хорошо! А что ты мнѣ дашь за это?

— Нашего козленка. А если нѣсколько ночей проведешь около Анки, получишь кусокъ полотна.

— Прибавь свой красный платокъ! Тогда всю недѣлю не отойду отъ твоей невѣстки!

Санда сняла съ шеи красный платочекъ, подарокъ Парвv и тутъ же отдала крестьянкѣ.

Сосѣдка была въ восторгѣ отъ выгодной сдѣлки, но она ничѣмъ не проявила своей радости и не выразила никакого удивленія, когда посмотрѣла на Санду, на ея поблѣднѣвшія щеки, черныя тѣни подъ глазами и распухшія вѣки.

Наступила теплая, темная ночь. Небо бороздили огненными полосами падающія звѣзды; трава искрилась свѣтящимися жучками. Повсюду была разлита тишина, но сколько въ этой тишинѣ жизни, радости, любви и смерти!

Парву стоялъ съ лошадью у колодца, когда послышались легкіе шаги Санды. Маленькій свѣтящійся жучокъ запутался у нея въ волосахъ и сверкалъ зеленымъ изумрудомъ надъ черными глазами. Несмотря на жару, она дрожала какъ въ лихорадкѣ, и руки у нея были совсѣмъ ледяныя.

— Тебѣ не хочется уѣзжать?—горячо спросилъ онъ ее, взявъ за руку.

— Нѣтъ! Напротивъ!.. Но я страшно боюсь! Видишь эти падающія звѣзды? Можетъ-быть, наша между ними! А какъ стонетъ Ольта, точно ждетъ жертвы себѣ!

— Сумасшедшая! Не разсказывай мнѣ о своихъ суевѣрныхъ страхахъ! Грамотные люди не знаютъ такихъ ужасовъ. Вонъ въ волосахъ у тебя свѣтится огонекъ!.. И сама ты похожа на сверкающую звѣзду.

— Огонь, ты говоришь? Онъ сожжетъ мнѣ мозгъ!

— Дитя!

Парву взялъ жучка, сжалъ между пальцевъ, и огонь погасъ.

— Видишь! Твой огонь не больше какъ бѣдное насѣкомое... Какая ты неразумная сегодня! Съ тобой говорить невозможно!—прибавилъ онъ сурово.

Санда провела рукой по глазамъ. Парву взялъ ее за талію и посадилъ на сѣдло. Съ перваго шага лошадь споткнулась и не хотѣла дальше идти.

— Видишь! Съ нами непремѣнно случится несчастіе!—вскричала Санда.

Парву съ гнѣвомъ ударилъ коня хлыстомъ. Онъ поднялся на дыбы и поскакалъ. Слѣдуя мѣстному обычаю, Санда сидѣла по-мужски и потому держалась крѣпко въ сѣдлѣ.

Они обогнули уснувшую деревню и поѣхали вдоль берега, часто оборачиваясь и безпокоясь, не скачетъ ли погоня.

На зарѣ они достигли горъ, окаймляющихъ Трансильванію, и, когда солнечный лучъ позолотилъ вершины, оба вздохнули свободнѣе: черезъ полчаса и граница. Въ первый разъ Санда съ улыбкой посмотрѣла на своего спутника, и въ ея глазахъ уже не было страха.

— Видишь,—сказалъ Парву,—ты понапрасну боялась!

Но едва онъ произнесъ эти слова, какъ съ утеса свѣсилось къ нимъ блѣдное лицо Драгоміра, искаженное яростью. Они думали, не привидѣніе ли это. Но Драгоміръ съ крикомъ: «Теперь ты мой!»—бросился на Парву, вонзилъ ему въ горло широкій ножъ и, когда тотъ свалился съ лошади съ предсмертнымъ хрипѣніемъ, онъ продолжалъ осыпать его ударами.

Санда спрыгнула съ лошади. Остолбенѣлая, она не отрывала глазъ отъ брата. Драгоміръ отрѣзалъ у своей еще живой жертвы уши, изрѣзалъ все тѣло, не трогая сердца, чтобы продолжить мученія.

Когда Парву обратился въ окровавленный кусокъ мяса, Драгоміръ, залитый чужой кровью, обратился къ Сандѣ:

— Спасибо за услугу! Мы съ нимъ теперь квиты. Ну же, смѣйся, Санда!

И ужасный, безконечный смѣхъ раскатился по горамъ. Страшный, безумный хохотъ испугалъ даже этого звѣря, Драгоміра. Онъ силой хотѣлъ заставить ее замолчать, но она съ отвращеніемъ увернулась отъ грубаго прикосновенія. Ея смѣхъ сливался вмѣстѣ съ крикомъ: «кровь! кровь!»

— Слушай!—закричалъ Драгоміръ.—Замолчи! Научи, что сдѣлать, чтобы меня не схватили и не послали въ Окну.

Глаза Санды перестали бѣгать, взглядъ сдѣлался неподвиженъ.

— Вымойся въ Ольтѣ! Смой кровь съ лица, рукъ и платья!

Она вскочила на лошадь и, не оглядываясь, поѣхала назадъ. Драгоміръ быстро, нагонялъ ее, не переставая осматриваться. Вдругъ онъ увидѣлъ орла, одного, двухъ. Громадныя птицы описывали въ воздухѣ широкіе круги, постепенно спускаясь къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ.

Онъ схватилъ лошадь Санды за поводъ.

— Посмотри, птицы живо уберутъ тѣло, подчистятъ почву... А тамъ ищи виноватаго!

Орлы спустились, и работа началась. Прилетѣли еще помощники... Собралась стая штукъ въ сорокъ, и скоро вмѣсто трупа лежало нѣсколько бѣлыхъ костей.

— А что мнѣ сдѣлать съ тобой?—спросилъ Драгоміръ, окидывая ненавистнымъ взглядомъ сестру.

Санда молча и равнодушно смотрѣла на брата.

— Э! да ты меня не боишься?

— Чего же мнѣ бояться?

— Наказанія!.. Я тебѣ приготовилъ лютую казнь, голубка!

— Иди, иди къ рѣкѣ! Вымойся! Иначе непремѣнно попадешь въ рудники.

— Куда дѣвался твой страхъ, Санда? Недавно ты вся дрожала... а теперь стала вдругъ покойна.

— Иди же, иди скорѣе! Вымойся отъ крови.

Они выступили изъ ущелья и поднялись на высокіе утесы, сжимающіе въ этомъ мѣстѣ Ольту. Рѣка прыгала и волновалась въ каменныхъ тискахъ.

— Здѣсь можно спуститься къ рѣкѣ?—спросила Санда.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Драгоміръ.

Онъ выпустилъ поводья и наклонился къ краю осмотрѣть крутой спускъ.

— Иди же мыться!

Эти слова просвистали у него надъ

ухомъ. Желѣзныя руки Санды сжали ему шею, толкнули въ пучину и, подпрыгивая на острыхъ выступахъ, онъ скатился въ пучину. Спустя мгновеніе, въ волнахъ мелькнула рука, потомъ все исчезло, и волны, поглотивъ добычу, опять съ шумомъ неслись къ долинѣ, точно ничего не случилось.

Послѣ бреда, продолжавшагося нѣсколько дней, Анка, наконецъ, пришла въ себя. Тогда сосѣдка вернулась къ своимъ работамъ, и больная осталась одна, съ пріятнымъ ощущеніемъ покоя во всемъ тѣлѣ. Вдругъ камень упалъ около ея постели. Съ трудомъ повернула она голову къ окну. Тамъ стояла Санда; волосы у нея спутались, глаза были широко открыты. Она улыбнулась Анкѣ и исчезла.

— Санда! Санда!—звала ее Анка слабымъ голосомъ.

Прошло нѣсколько дней. О Сандѣ ничего не было слышно. Лошадь Парву вернулась домой одна съ окровавленными поводьями. Драгоміра также нигдѣ не могли найти.

Разъ какъ-то дѣти прибѣжали сказать, что видѣли Санду. Она сидѣла въ дуплѣ старой сосны, вся въ цвѣтахъ, и пѣла. Санду потомъ часто видѣли на берегу рѣки, но когда хотѣли заговорить съ ней, она тотчасъ же убѣгала. Ей принесли въ дупло маисовой каши и, пока она ѣла, стали разспрашивать. На все она качала головой, отказываясь отвѣчать. Приходила къ ней и Анка, но также безъ всякаго успѣха.

«Санда сошла съ ума!»—«Лошадь вернулась одна съ окровавленнымъ поводомъ!»—«Что такое случилось?»

Другихъ вопросовъ не было въ деревнѣ.

Многіе приглашали Санду жить къ себѣ, потому что, по народному румынскому повѣрью, сумасшедшіе приносятъ дому счастье. Но невозможно было уговорить дѣвушку бросить дупло. Ея одежда скоро обратилась въ лохмотья. Передъ наступленіемъ зимы ей принесли новую, но и эта быстро истрепалась. Когда прошло время цвѣтовъ, она украшала себя желтыми и красными листьями и вѣтками терновника. Выпалъ снѣгъ. Санда точно не чувствовала холода. Всюду стали рыскать волки. Она ихъ не боялась. Она все пѣла, въ особенности—въ лунныя ночи. Укрывшись въ дуплѣ, она часто звала къ себѣ своего милаго:

— Приди же, милый, ко мнѣ! На голову надѣну вѣнокъ тебѣ! Ты отдохнешь на моей прекрасной, нѣжной груди! Приди! Мы пойдемъ къ рѣкѣ, смоемъ кровь съ твоей одежды! Потомъ поселимся въ лѣсу и будемъ счастливы, мой милый!

Однажды она куда-то скрылась. Долго ея не было видно. Когда она вернулась, у нея въ рукахъ былъ черепъ. Цѣлыми часами она держала его на колѣняхъ, цѣловала, убаюкивала, украшала цвѣтами, пѣла ему пѣсни.

Дѣтямъ велѣли теперь зорко слѣдить за ней.

Разъ пошли они за Сандой къ утесистому ущелью. Она долго искала чего-то на одномъ мѣстѣ. Наконецъ, ей удалось найти суставъ отъ пальца.

— Парву! Парву! — закричала она, прижала къ губамъ находку и убѣжала.

Дѣти стали искать въ свою очередь, и въ густой травѣ нашли кошелекъ Парву, полный денегъ. Всѣмъ стало ясно въ деревнѣ, что Парву погибъ жертвой мщенія, а не отъ руки разбойниковъ... Но что же сталось съ Драгоміромъ?

Однажды Санда вошла въ рѣку и пошла вбродъ. Каждую минуту боялись за ея жизнь. Но хотя нетвердыми шагами, а Санда пробиралась впередъ. Вотъ она наклонилась и вытащила изъ тины лоскутокъ матеріи, потомъ другой... Каждый разъ, погружаясь въ волны, она что-нибудь находила... Потомъ, съ яснымъ лицомъ, вернулась къ себѣ...

Обыскали баграми дно рѣки и выта-

щили разложившійся трупъ. Ножъ у пояса признали за собственность Драгоміра. Санду опять засыпали вопросами. Она захохотала въ отвѣтъ:

— Драгоміръ моется въ Ольтѣ! Смываетъ кровь съ себя! — и больше ничего не прибавила.

Ребенокъ Анки не могъ обойтись безъ материнскаго молока: сталъ чахнуть и скоро умеръ. Мать недолго его пережила.

Прошли годы. Молодые состарились, дѣти стали взрослыми. А Санда все еще жива, и на лицѣ ея еще до сихъ поръ видны слѣды замѣчательной красоты. Она попрежнему живетъ въ лѣсу и распѣваетъ нѣжныя пѣсни. При взглядѣ на ея кроткое, свѣтлое лицо, кто скажетъ, что ея рукой былъ нанесенъ послѣдній ударъ родовой мести?

У КОЛЫБЕЛИ.

Мать качаетъ колыбель,
Пѣсни напѣваетъ,
Въ пѣсняхъ дитятко свое
Всячески ласкаетъ:
«Спи, мой милый, дорогой,
Сизый голубочекъ,
Зорька, звѣздочка моя,
Полевой цвѣточекъ!»
Мать качаетъ и поетъ.
Мѣсяцъ съ неба свѣтитъ.
Чѣмъ-то ей на пѣсни сынъ
Въ будущемъ отвѣтитъ?..

А. Кругловъ.

Остяки-идолопоклонники.

Очеркъ **А. Брэма.**

(Съ 3 рисунками.)

I.

Легка и немногосложна борьба за существованіе, которую приходится вести жителю Сибири, обитающему въ ея южной полосѣ,—легка и немногосложна и, быть-можетъ, еще долго останется такою. Но не слишкомъ тяжела она и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя мы привыкли считать безплодной, непривѣтливой, ледяной пустыней. Положимъ, на крайнемъ сѣверѣ Западной Сибири климатъ суровъ; положимъ, навѣки застывшая земля отказывается питать человѣка; но и здѣсь природа щедро разсыпаетъ свои дары, и то, чего не можетъ дать земля, даетъ вода. Съ нашей точки зрѣнія, остякъ, живущій уже цѣлыя столѣтія въ этихъ широтахъ, и бѣденъ, и жалокъ; въ сущности же онъ—ни то, ни другое. Онъ, какъ и всякій другой человѣкъ, имѣетъ возможность удовлетворять своимъ потребностямъ; и онъ умѣетъ окружать себя доступными ему прелестями жизни, такъ какъ родина даетъ ему больше, чѣмъ нужно для его существованія.

Можетъ-быть, племя остяковъ, принадлежащее къ финской расѣ, было въ прежнее время многочисленнѣе, чѣмъ теперь; но народомъ, въ собственномъ смыслѣ слова, его никогда нельзя было назвать. Въ нѣкоторыхъ изъ мѣстностей, въ которыхъ живутъ или, по крайней мѣрѣ, кочуютъ остяки, число жителей, какъ утверждаютъ, постепенно уменьшается; въ другихъ, напротивъ того, въ небольшой степени увеличивается; но какъ приростъ, такъ и убыль, повидимому, незначительны. Общая численность всего остяцкаго народонаселенія не превыситъ и пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Всѣ остяки, живущіе по Иртышу и по верхнему, а отчасти и среднему теченію Оби, строятъ себѣ постоянныя весьма простыя хижины, похожія на русскія избы, и только изрѣдка среди этихъ жилищъ, свидѣтельствующихъ уже о болѣе высокой степени культуры, попадаются шатры изъ березовой коры, называемые *чумами*. На нижнемъ теченіи Оби, напротивъ того, чумъ преобладаетъ и составляетъ исключительное жилище кочующаго владѣльца оленьихъ стадъ. При этомъ почти всегда случается такъ, что остяки, которые селятся въ деревняхъ, принадлежатъ къ православному вѣроисповѣданію; тѣ же, которые живутъ въ чумахъ, придерживаются до сихъ поръ своихъ древнихъ вѣрованій. Вмѣстѣ съ христіанской вѣрой и типомъ жилищъ, остяки, обитающіе по среднему теченію Оби и нижнему—Иртыша, не только приняли до нѣкоторой степени одежду живущаго по сосѣдству съ ними русскаго рыбака, но и нѣкоторые изъ его нравовъ и обычаевъ. Въ то же время они утратили свои особенности, а отчасти и чистоту своего типа и сохранили лишь неотъемлемыя, отличительныя черты своего племени—языкъ и свойственныя всему народу ловкость, проворство и безобидное добродушіе. Въ нашемъ очеркѣ мы коснемся преимущественно тѣхъ остяковъ, которые сохранили свою старую вѣру и старые обычаи.

Трудно уловить одинъ общій, присущій всѣмъ остякамъ, типъ, а еще труднѣе описать его. Черты лица, цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ чрезвычайно разнообразны. Принадлежность къ монгольскому племени хотя сказывается, но далеко не рѣзко, и, если вамъ иногда покажется, что удалось установить нѣкоторыя общія всѣмъ остякамъ черты, то вы скоро убѣдитесь, что черты эти далеко не составляютъ общей безусловной принадлежности всего племени.

Остяки стройны, средняго роста; ноги, руки и всѣ члены ихъ, вообще говоря, пропорціональны. Черты лица составляютъ нѣчто, среднее между чертами другихъ монгольскихъ племенъ и индѣйцевъ Сѣверной Америки. Глаза маленькіе, каріе, съ замѣтнымъ косымъ прорѣзомъ; скулы широкія, но не особенно выдающіяся; подбородокъ всегда узкій, заостренный, что, вмѣстѣ съ рѣзко очерченными губами, придаетъ ему нѣсколько угловатый характеръ, а всему лицу, въ особенности у женщинъ и дѣтей, совершенно кошачій типъ, несмотря на то, что носъ, въ общемъ, мало приплюснутъ. Густые, невьющіеся, но и несовсѣмъ прямые волосы,—обыкновенно чернаго или темнокаштановаго цвѣта, рѣже русые, еще рѣже бѣлокурые; борода—рѣдкая, но не столько отъ природы, сколько вслѣдствіе обыкновенія молодыхъ щеголей вырывать ее; брови—широкія, иногда очень густыя. Цвѣтъ кожи мало разнится отъ цвѣта кожи тѣхъ изъ европейцевъ, которые проводятъ жизнь на открытомъ воздухѣ; желтизна же весьма мало замѣтна.

Относительно языка остяковъ мы не беремся высказать опредѣленнаго сужденія; скажемъ только, что онъ распадается на два нарѣчія, которыя легко различаетъ даже непосвященное ухо чужестранца. Нарѣчіе, господствующее на среднемъ теченіи Оби, очень благозвучно, хотя нѣсколько пѣвуче; тогда какъ употребительное въ нижней области Оби,—вѣроятно, вслѣдствіе склонности всѣхъ остяковъ къ болѣе мягкому языку самоѣдовъ, — отличается большей бѣглостью, хотя сохраняетъ еще ясное дѣленіе на слоги.

Въ то время какъ остяки-христіане, какъ было замѣчено выше, подражаютъ русскимъ въ одеждѣ, такъ что, напримѣръ, одежда женщинъ отличается отъ русской только обильными украшеніями изъ пестрыхъ стеклянныхъ бусъ,—языческая часть племени одѣвается исключительно въ шкуры и мѣхъ сѣвернаго оленя, употребляя мѣха другихъ животныхъ только въ видѣ особыхъ украшеній. Одежда состоитъ изъ узкаго мѣхового кафтана, доходящаго ниже колѣнъ, съ такимъ же капюшономъ,

иногда прикрѣпленнымъ къ нему, и съ пришитыми же кожаными рукавицами; изъ кожаныхъ штановъ, доходящихъ также ниже колѣнъ, и изъ кожаныхъ чучена широкой опушкой изъ собольяго мѣха, точно такъ же, какъ и шуба мужчины. Затѣмъ, слѣдуютъ капюшонъ изъ оленьей шкуры, такой же, какой носятъ

Рис. 1 Остяки.

локъ, прикрѣпляемыхъ повыше колѣна. Женская шуба украшена коймами изъ короткаго мѣха разныхъ животныхъ, тщательно сшитаго изъ маленькихъ четырехугольныхъ лоскуточковъ; снизу же оторомужчины, кожаные чулки изъ оленьихъ лапокъ, сшитые изъ множества разноцвѣтныхъ, со вкусомъ расположенныхъ полосъ, и грубые башмаки. Широкій, кожаный, съ металлическими пуговицами

поясъ, на которомъ виситъ ножъ, дополняетъ костюмъ мужчинъ, и пестрый, съ длинными бахромами платокъ, замѣняющій лѣтомъ мѣховой капюшонъ,—костюмъ женщинъ.

Желая украсить себя, остячка нанизываетъ на пальцы столько колецъ—большею частью простыхъ мѣдныхъ или, въ крайнемъ случаѣ, серебряныхъ,—сколько можетъ умѣстить ихъ до перваго сустава; на шею надѣваетъ болѣе или менѣе богатое ожерелье изъ стеклянныхъ бусъ, вдѣваетъ въ уши тяжелыя серьги въ формѣ кистей изъ бусъ, гнутой проволоки и металлическихъ пуговицъ, и, наконецъ заплетаетъ волосы въ двѣ косы. То же дѣлаютъ и остяки-щеголи, между тѣмъ какъ болѣе солидные носятъ свои длинные волосы не заплетенными.

Жилище остяка — названный выше чумъ—еще болѣе просто, по столь же цѣлесообразно, какъ и его одежда. Отъ двадцати до тридцати тонкихъ, гладкихъ, сверху и снизу заостренныхъ шестовъ, въ четыре-шесть метровъ длины, ставятся въ кружокъ и представляютъ остовъ хижины. Два изъ нихъ связываются сверху короткой бечевкой и служатъ поддержкой для остальныхъ. Наружную обшивку составляютъ конической формы пласты изъ березовой коры, которые сначала вывариваются для мягкости и затѣмъ соединяются вмѣстѣ небольшими кусками. Со стороны, защищенной отъ вѣтра, оставляется свободное отверстіе, которое образуетъ дверь и закрывается такимъ же пластомъ бересты; конусообразная вершина хижины всегда остается открытою, чтобы дать выходъ дыму. Отъ дверей до противоположной стѣны чума оставленъ свободный проходъ, въ серединѣ котораго разводится огонь; два привязанные надъ нимъ горизонтально шеста служатъ для сушки одежды, и на эти же шесты вѣшается котелокъ для варки пищи. Вправо и влѣво отъ прохода настланы доски или по крайней мѣрѣ цыновки, служащія въ тоже время подстилкой для постелей, которыя устраиваются головами къ стѣнѣ. Матрацъ замѣняютъ цыновки сплетенныя изъ травы, или мягкія оленьи шкуры; подушки набиваются оленьей шерстью или сухимъ мхомъ, а одѣяломъ служитъ шуба. Лѣтомъ раскидывается пологъ противъ комаровъ, подъ который залѣзаетъ вся семья; пологъ этотъ служитъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ крылатыхъ мучителей, чѣмъ постоянно дымящій у входа въ чумъ костеръ изъ ивовыхъ прутьевъ. Домашнюю утварь составляютъ: котелки для воды, для чая и для варки пищи, корыта, кожаные мѣшки для муки и чернаго хлѣба, очень круто выпеченнаго; небольшой сундукъ съ замкомъ для сохраненія наиболѣе цѣннаго имущества, въ томъ числѣ и чайной посуды; топоръ, буравъ, ножъ для скобленія кожъ, корытоподобный швейный ящичекъ, лукъ, самострѣлъ или ружье, лыжи и различныя принадлежности звѣриной и рыбной ловли; вмѣсто же образа, составляющаго непремѣнную принадлежность избы православнаго остяка, въ чумѣ всегда имѣется домашній идолъ.

Противъ зимняго вѣтра и стужи чумъ прикрываютъ снаружи кожанымъ пологомъ, сшитымъ изъ старыхъ, вытертыхъ шкуръ, или вторымъ слоемъ берестовыхъ пластовъ.

Если владѣлецъ чума рыбакъ, то снаружи виднѣются шесты для развѣшиванія сѣтей и вяленія рыбы, верши, необычайно легкія и весьма искусно и чисто сработанныя, нѣсколько маленькихъ челноковъ и другихъ принадлежностей рыбной ловли; если остякъ въ то же время и охотникъ, возлѣ чума расположены принадлежности звѣриной ловли: капканы, самострѣлы и т. д.; если онъ стадовладѣлецъ—нѣсколько тщательно сработанныхъ саней со сбруей и неизмѣнный челнокъ.

II.

Каждый остякъ занимается рыбной ловлей, почти каждый—охотой, но не каж-

дый владѣетъ олеными стадами. Олени стада означаютъ богатство, одна рыбная ловля—нищету. Въ нѣкоторыхъ остяцкихъ поселеніяхъ встрѣчаются также въ небольшомъ количествѣ лошади и рогатый скотъ, но лишь по среднему теченію рѣки; иногда можно встрѣтить овецъ и даже кошку; но настоящими домашними животными остяка являются сѣверный олень и собака. Безъ этихъ животныхъ, въ особенности безъ оленя, немыслима жизнь достаточнаго остяка. Все, что, по понятіямъ остяка, составляетъ радости жизни, даетъ ему олень.

Числомъ оленей опредѣляется имущество остяка; въ оленѣ онъ видитъ свое богатство, свое счастье. Поэтому, когда страшная моровая язва опустошаетъ олены стада, остякъ теряетъ все въ жизни, теряетъ свое состояніе, уваженіе единоплеменниковъ, увѣренность въ себѣ, чувство собственнаго достоинства, теряетъ свою вѣру, свои обычаи...

— Пока моровая язва не нападала на наши стада, — говорилъ намъ старшина Мамру, самый разсудительный изъ всѣхъ видѣнныхъ нами остяковъ: — мы жили счастливо и богато, а съ тѣхъ поръ, какъ лишились оленей, всѣ мы стали понемножку нищими-рыбаками; безъ оленя намъ не просуществовать, безъ оленя намъ не прожить!

Бѣдные остяки! — Въ этихъ словахъ заключается ихъ приговоръ. Уже въ настоящее время число сѣверныхъ оленей, доходившее когда-то до сотенъ тысячъ, упало до пятидесяти тысячъ, а страшный бичъ продолжаетъ попрежнему свирѣпствовать изъ-года-въ-годъ.

Сѣверо - азіатскій олень рѣзко отличается отъ лапландскаго; онъ не только больше ростомъ и красивѣе, но является настоящимъ домашнимъ животнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Лапландскій олень — непокорное, упрямое животное, вѣчно старающееся сбросить съ себя ярмо и вырваться на свободу; здѣсь же, въ Сибири, это—кроткое, послушное, довѣрчивое и привязанное къ человѣку существо. Правда, и остякъ умѣетъ обходиться съ нимъ. Положимъ, онъ не относится къ нему съ тою нѣжностью, какъ къ собакѣ, но, во всякомъ случаѣ, обращается ласково и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ — грубо или жестоко. Въ противоположность лопарю, остякъ не доитъ оленя, но зато гораздо чаще запрягаетъ его. У остяка олень долженъ зимою и лѣтомъ перевозить съ мѣста на мѣсто его чумъ, всю его семью, все имущество и всѣ тяжести, тогда какъ лапландецъ ѣздитъ на своемъ оленѣ только зимой. Мясо убитаго оленя идетъ въ пищу, кожа и рога — на изготовленіе различной утвари, жилы употребляются вмѣсто нитокъ, изъ шкуръ и кожи изготовляется самая одежда и различные хозяйственные предметы; даже копыта идутъ въ дѣло. На оленѣ остякъ ѣздитъ зимою и лѣтомъ въ своихъ легкихъ маленькихъ саночкахъ; на немъ онъ ѣдетъ и на смотрины невѣсты, и на праздникъ, и на охоту, и на похороны товарища; на немъ везетъ онъ своихъ умершихъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія; оленя же онъ закалываетъ, чтобы почтить торжественной трапезой память умершаго и угостить своихъ гостей; въ шкуру того же оленя онъ одѣвается самъ и одѣваетъ покойника. Воистину, ему не прожить, не просуществовать безъ оленя!

Почти такое же значеніе для остяка имѣетъ и его другое домашнее животное—собака. Собаку держитъ, раститъ и холитъ не одинъ пастухъ, но каждый остякъ, какъ рыбакъ, такъ и охотникъ, какъ кочевой, такъ и осѣдлый. Не знаемъ, показалась ли бы собака остяка красивой нашимъ любителямъ собакъ, но мы, съ своей стороны, уже потому не можемъ отказать ей въ красотѣ, что она, за исключеніемъ масти, сохранила всѣ отличительныя черты дикой собаки. Ближе всего она подходитъ къ нашему шпицу, но гораздо больше и стройнѣе его; величиною она почти равняется волку. Го-

лова у нея продолговатая, морда не очень длинная, шея короткая, корпусъ удлиненный, сложеніе стройное, хвостъ средней длины, глаза косо-прорѣзанные, грудь желтаго цвѣта; уши короткія, острыя, торчащія кверху; окраска шерсти, густой и волнистой, большею частью чисто-бѣлая или бѣлая, съ правильными черными пятнами по бокамъ головы и на ушахъ, и съ черными же отмѣтинами на спинѣ и на бокахъ; иногда свѣтло-сѣрая, мышиная или напоминающая шкуру волка, но не полосатая. Полумохнатый хвостъ или опущенъ книзу, или вытянутъ прямо, но ни въ какомъ случаѣ не свернутъ колечкомъ, что также значительно усиливаетъ сходство ея съ дикой собакой.

Постоянная близость и общеніе съ человѣкомъ сдѣлали собаку остяка необычайно добродушнымъ существомъ. Она бдительна, но не зла, мужественна, но не задорна, вѣрна и предана хозяину, но не питаетъ ненависти и къ чужимъ; встрѣчая чужого недовѣрчиво, хотя и не враждебно, она тотчасъ же дружелюбно приближается къ нему, какъ только онъ заговоритъ съ ея хозяиномъ или вступитъ въ его чумъ.

Далеко не избалованая, она безпрекословно покидаетъ свое мѣсто въ чумѣ, которое раздѣляетъ съ хозяиномъ или хозяйкой, обрекаетъ себя на вѣтеръ и стужу; не разсуждая и не колеблясь, бросается въ холодную воду, переплываетъ, какъ стрѣла, рукавъ рѣки и охотно бѣжитъ подъ санями, къ которымъ привязана, при переѣздахъ черезъ тундру. Идетъ ли путь черезъ болота и топи, черезъ воду или мелкій березнякъ, умное, сметливое животное вездѣ сумѣетъ найтись, сумѣетъ приноровиться ко всякому положенію. Въ чумѣ собака будетъ самоотверженно лежать возлѣ вкусной, соблазнительной пищи, не тронувъ ея; но внѣ жилища своего хозяина она превращается въ смѣлаго, наглаго вора; по березняку она бѣжитъ покорно подъ санями, но какъ только дорога идетъ по гладкому болоту или вообще по ровной дорогѣ, она становится всѣми четырьмя лапами на полозья, съ тѣмъ, чтобы ее везли. На охотѣ она сопровождаетъ хозяина въ качествѣ вѣрнаго и полезнаго помощника; но у чужого выхватываетъ добычу изъ-подъ носа и пожираетъ ее съ такимъ невозмутимымъ сознаніемъ своей правоты, что сердиться на нее нѣтъ возможности. Въ качествѣ сторожевой собаки пастуха, она выказываетъ полное знаніе всѣхъ хитростей и продѣлокъ оленя, но, тѣмъ не менѣе, на нее нельзя такъ положиться, какъ на нашу овчарку; она позволяетъ себѣ имѣть собственное сужденіе и только тогда оказываетъ свои услуги, когда считаетъ это безусловно необходимымъ.

Собака остяка не только служитъ ему товарищемъ игръ, охраняетъ его чумъ, стережетъ стада, ходитъ въ упряжи, но и послѣ смерти приноситъ еще пользу. Впрочемъ, ее запрягаютъ въ сани только зимой, но зато надѣваютъ такую неудобную сбрую, что собака черезъ нѣсколько лѣтъ уже едва двигается, съ вывихнутыми ледвеями, разбитая въ бедрахъ. Послѣ смерти она оставляетъ въ наслѣдіе превосходный мѣхъ, и многіе изъ остяковъ только для того и держатъ такое несоотвѣтственно большое количество собакъ, чтобы зимою имѣть во всякое время подъ рукою готовый мѣхъ.

Съ той же цѣлью вынимаетъ остякъ изъ гнѣздъ птицъ и ловитъ молодыхъ животныхъ, въ особенности лисицъ, медвѣжатъ, совъ, воронъ, журавлей, лебедей и пр., которыхъ онъ держитъ привязанными въ чумѣ или возлѣ него. Пока эти животныя молоды, съ ними обращаются ласково и заботливо, но какъ только выростутъ и обрастутъ хорошими перьями или мѣхомъ, ихъ убиваютъ, съѣдаютъ все съѣдобное, а шкурки употребляютъ въ дѣло или продаютъ, и иногда по изумительно высокимъ цѣнамъ.

Собака и здѣсь, какъ и вездѣ, подчи-

няется волѣ человѣка, но съ потребностями оленя человѣку надо строго сообразоваться. Этими потребностями, а отнюдь не желаніемъ или капризомъ хозяина, и обусловливаются передвиженія кочевого остяка, точно такъ же, какъ прибыль или убыль рыбы вліяетъ на образъ жизни его осѣдлаго единоплеменника. Передвиженія стадовладѣльца совершаются по той же причинѣ и почти въ томъ же направленіи, какъ и передвиженія киргиза. Когда начинаютъ таять снѣга, кочевой остякъ медленно подвигается въ горы. Съ началомъ комариной страды, онъ взбирается на ихъ откосы или, по крайней мѣрѣ, на гребни холмовъ, а съ окончаніемъ мучительной поры, которая, конечно, даетъ себя знать и на открытыхъ возвышенностяхъ, онъ снова возвращается въ свою низколежащую тундру, и здѣсь, по возможности въ сосѣдствѣ съ родной рѣкой, проводитъ зиму. Таковъ кругъ, совершаемый остякомъ изъ-года-въ-годъ, если только его не постигаетъ бѣда въ видѣ страшной моровой язвы.

Не успѣетъ короткое лѣто вступить въ свои права, не успѣютъ рѣка, ея притоки и безчисленныя тундровыя озера сбросить свой толстый ледяной покровъ, какъ олени уже даютъ приплодъ; а потому теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ позаботиться о хорошемъ пастбищѣ для оленицъ и молодыхъ пыжиковъ. Съ этой цѣлью пастухъ перекочевываетъ не въ низколежащую тундру, а, напротивъ, на возвышенности, съ которыхъ вѣтеръ успѣлъ смести побольше снѣгу. Здѣсь онъ разбиваетъ свой чумъ и остается на одномъ мѣстѣ въ продолженіе дней и недѣль, пока весь мохъ въ окрестности не будетъ съѣденъ и даже широкое копыто оленя, которымъ онъ разрываетъ снѣгъ, не въ состояніи будетъ ничего найти. Тогда остякъ снимается съ мѣста и переходитъ на другое, близлежащее, имѣющее тѣ же преимущества, какъ и первое. Когда и здѣсь окажется недостатокъ въ кормѣ, онъ идетъ дальше, потому что еще не настали крутыя времена. Стада пасутся тѣсно сплоченными массами; среди оленей, рога которыхъ только что начали давать отростки, царитъ самое мирное настроеніе, оленицы зорко присматриваютъ за своими пыжиками; стадо не разбредается по сторонамъ и, послѣ громкаго, созывного крика пастуха, при заходѣ солнца, остается уже вблизи чума. Правда, ночью бродитъ вокругъ оленей голодный волкъ, котораго зима выгнала изъ горъ въ тундру; но бдительные, самоотверженные псы не подпустятъ близко трусливаго хищника; а потому пастуха такъ же мало безпокоитъ приближеніе волка, какъ и самая зима, которую онъ считаетъ лучшимъ временемъ года. Къ тому же и день все становится длиннѣе, а ночь короче, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается опасность для его беззащитныхъ стадъ. Рѣка сбрасываетъ свой зимній покровъ. Вмѣстѣ съ согрѣтыми въ южныхъ степяхъ теченіями, врывается въ тундру теплый вѣтерокъ; одинъ холмъ за другимъ освобождается отъ снѣга, молодыя почки наливаются, и выносливыя животныя находятъ обильную пищу. Въ глазахъ остяка тундра становится земнымъ раемъ. Но блаженство его и его оленя длится недолго. Весеннее солнце, которое восходитъ все раньше и грѣетъ все сильнѣе и сильнѣе, успѣло заглянуть и въ глубину тундры; снѣгъ сталъ на ея поверхности, обширныя озера очистились отъ льда, и, вмѣстѣ съ желанными вѣстниками весны, появились несмѣтныя тучи комаровъ и мучителей-оводовъ. Пастухъ поспѣшно снимается съ мѣста и, короткими переходами, спѣшитъ въ горы.

III.

Какъ только успѣетъ обсохнуть ночная роса на мху, лишаяхъ, травѣ и мелкихъ кустарникахъ, женщины принимаются снимать чумъ, который вчера только наставили, и складывать сани. Между тѣмъ, пастухъ объѣзжаетъ стадо на своихъ легкихъ саночкахъ, запряженныхъ четвер-

кой сильныхъ оленей, и сгоняетъ успѣвшихъ разбрестись животныхъ къ тому мѣсту, гдѣ приготовилась къ выступленію вся его семья. Держа въ рукахъ тонкую бечевку, черезъ которую рѣдко отваживаются перепрыгнуть олени, домочадцы образуютъ кругъ, въ которомъ заключено стадо. Пастухъ, съ арканомъ въ правой рукѣ, вступаетъ въ его средину, ловкимъ движеніемъ набрасываетъ петлю на шею или рога намѣченныхъ имъ оленей, надѣваетъ имъ сбрую, запрягаетъ въ сани и, приказавъ выпустить остальныхъ, ѣдетъ впереди, указывая дорогу. Всѣ остальные члены семьи слѣдуютъ за нимъ длинной вереницей въ другихъ саняхъ; свободное стадо оленей движется позади, мыча, хрипя и постукивая на каждомъ шагу копытами, а собаки, не давая разбрестись животнымъ, съ непрерывнымъ лаемъ окружаютъ поѣздъ. Тѣмъ не менѣе, есть и отбившіеся, есть и отставшіе; стадо растягивается все болѣе и болѣе, усѣивая окрестные холмы отдѣльными живописными группами. То привлечетъ оленя особенно вкусная трава, то оленица, сдаваясь на настоянія своего дѣтеныша, остановится исполнить материнскій долгъ и, изъ угодливости къ пыжику, даже приляжетъ отдохнуть рядомъ съ нимъ, пока, наконецъ, орлиный взоръ пастуха не замѣтитъ весь этотъ безпорядокъ. Онъ тотчасъ отдѣлится отъ поѣзда, широкой дугой обогнетъ отставшихъ и властнымъ голосомъ, при помощи ретивыхъ собакъ, заставитъ отставшихъ присоединиться къ быстро бѣгущимъ впереди сотоварищамъ. Поднимается усиленное мычаніе, усиленный лай, и стадо волнуется по степи уже плотно-сомкнутой массой. Цѣлый лѣсъ вѣтвистыхъ роговъ тѣснится впередъ, и въ душѣ посторонняго наблюдателя невольно просыпается охотничья страсть.

Солнце склоняется къ западу. Упряжные олени стонутъ подъ ярмомъ, безпомощно высунувъ длинные языки. Пора дать имъ отдыхъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, у одного изъ безчисленныхъ озеръ, возвышается плоскій холмъ; къ нему направляется хозяинъ стада и на его вершинѣ останавливаетъ своихъ оленей. За нимъ слѣдуютъ остальныя сани и, наконецъ, все стадо, которое немедленно принимается пастись вмѣстѣ съ только что выпряженными оленями.

Женщины выбираютъ подходящее мѣсто для чума, разставляютъ въ кружокъ шесты и покрываютъ ихъ берестовой обшивкой. Хозяинъ между тѣмъ идетъ въ стадо, опытнымъ взглядомъ выбираетъ молодого, жирнаго оленя и набрасываетъ ему на шею петлю. Напрасно отбивается бѣдное животное; охотникъ подходитъ къ нему все ближе и тащитъ его къ разставленному уже чуму. Ударъ топора по затылку опрокидываетъ жертву на землю, а ударъ ножомъ въ сердце прекращаетъ его жизнь. Черезъ двѣ минуты шкура уже снята и олень выпотрошенъ; а еще черезъ минуту всѣ члены семьи уже макаютъ нарѣзанную длинными палочками печенку въ скопившуюся въ грудной полости кровь, и начинается «кровавая тризна». Усѣвшись на корточки вокругъ неостывшаго еще животнаго, каждый изъ пирующихъ отрѣзываетъ себѣ кто ребрышко, кто кусочекъ филея. Губы вымазаны кровью; капли крови текутъ по подбородку и падаютъ на грудь; руки, носъ, щеки перепачканы кровью, и постороннему странно смотрѣть на эти окровавленныя физіономіи. Грудной ребенокъ отрывается отъ груди матери, чтобы тоже принять участіе въ трапезѣ, и радостно взвизгиваетъ, когда заботливая мать, послѣ печенки, которою онъ успѣлъ перепачкаться съ головы до ногъ, дастъ ему еще пососать мозговую косточку. Собаки усаживаются въ кружокъ вокругъ пирующихъ и ловятъ обглоданныя кости, которыя бросаютъ имъ хозяева. Насытившіеся одинъ за другимъ поднимаются съ мѣста, вытираютъ объ мохъ окровавленныя руки, чистятъ тѣмъ же мохомъ свои ножи и отправляются въ чумъ на покой. Хозяйка

наливаетъ воды въ котелокъ, кладетъ туда, сколько войдетъ, оставшагося мяса и разводитъ огонь, чтобы готовить ужинъ. Хозяинъ между тѣмъ снимаетъ часть своей одежды и наскоро освобождаетъ ее отъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, приблизившись въ то же время къ очагу и подставивъ обнаженную спину пріятному дѣйствію огня. Онъ вполнѣ благодушествуетъ и мечтаетъ еще о новомъ наслажденіи. Какой-то чудакъ—нѣмецъ, должно-быть, а можетъ-быть и членъ общества по изслѣдованію Западной Сибири,—который вмѣстѣ съ хозяиномъ стада направлялся въ горы, подарилъ ему не только табаку,—хорошаго, забористаго табаку, но и цѣлый листъ газетной бумаги... Остякъ осторожно отрываетъ четвероугольный кло-

Рис. 2 Внутренность чума.

чокъ, свертываетъ изъ него крошечный фунтикъ, набиваетъ его табакомъ, сгибаетъ посрединѣ — и «сигарка» готова. Черезъ минуту она уже раскурена и издаетъ такой чудный запахъ, что у хозяйки ноздри раздуваются отъ вожделѣнія. Трубка переходитъ къ ней, затѣмъ къ другимъ, и каждый членъ семьи получаетъ свою долю наслажденія.

Между тѣмъ котелокъ кипитъ, ужинъ поспѣлъ, и всѣ руки протягиваются къ вкусной трапезѣ. Хозяинъ еще разъ выходитъ изъ чума, испускаетъ громкій, протяжный крикъ, которымъ собираетъ въ послѣдній разъ непокорное стадо, и, довольный, возвращается въ чумъ. Жена раскидываетъ пологъ отъ комаровъ и тщательно подсовываетъ края его подъ одѣяло; а хозяинъ, въ ожиданіи минуты, когда будетъ готово его ложе, беретъ на руки одну изъ собакъ и нянчитъ ее какъ малаго ребенка, что̀ собака съ своей стороны видимо считаетъ величайшею для себя честью. Затѣмъ полуголый хозяинъ подлѣзаетъ подъ пологъ; его пятнадцатилѣтній сынъ со своей маленькой, тринадцатилѣтней жёнкой слѣдуетъ его примѣру; заботливая мать помѣщаетъ туда же ребятъ до младшаго, въ колыбели, включительно, потомъ подкладываетъ топлива въ дымящійся у порога костеръ и присоединяется къ остальнымъ членамъ семьи. Вскорѣ громкій храпъ свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ успѣли забыться сномъ праведныхъ.

На утро повторяется то же самое, и такъ идетъ изо-дня-въ-день, пока не достигнуты вершины горъ, гдѣ возможны болѣе продолжительныя остановки и отдыхъ. Рано выпадающій на высотахъ снѣгъ уже въ августѣ напоминаетъ о томъ, что пора вернуться на зимнія квартиры, и снова начинается передвиженіе въ обратномъ порядкѣ внизъ, въ тундру, но уже медленнѣе и спокойнѣе.

Одновременно съ перекочевками наступаетъ и ловъ рыбы. Многіе рыбаки-остяки работаютъ по найму у русскихъ или въ компаніи съ русскими; другіе продаютъ русскимъ только излишекъ своего улова и работаютъ на собственный страхъ. Тотчасъ по окончаніи ледохода, они разставляютъ свои чумы рядомъ съ хижинами русскихъ рыбаковъ или послѣдніе переходятъ въ свои лѣтнія жилища, расположенныя у самой рѣки и представляющія собою простѣйшаго типа постройки. Тамъ, гдѣ въ рѣку впадаетъ притокъ, ставятъ запруду, оставляя свободнымъ только узкій проходъ. При болѣе глубокой водѣ разставляютъ верши и кладутъ самоловочныя удочки; въ остальное время ловятъ только неводомъ.

Хорошій уловъ вызываетъ самую оживленную дѣятельность. На живыхъ, колеблющихся изгородяхъ запруды лѣпятся подростки, скорѣе мальчики, чѣмъ взрослые, и зорко слѣдятъ, попадаетъ ли рыба въ разставленныя въ проходѣ сѣти. По временамъ они поднимаютъ сѣть и вытряхиваютъ попавшуюся рыбу въ маленькіе челноки. Взрослые ловятъ неводомъ на отмеляхъ или въ болѣе мелкихъ мѣстахъ рѣки. Къ вечеру рыбаки возвращаются домой и надѣляютъ каждое хозяйство извѣстной долей добычи. На утро начинается работа женщинъ. Вооружившись доской и острымъ ножомъ, онѣ разсаживаются на корточкахъ вокругъ рыбьихъ кучъ, чистятъ, потрошатъ, распластываютъ рыбу и надѣваютъ ее на длинныя, тонкія палочки, на которыхъ потомъ развѣшиваютъ ее для вяленья. Ловкимъ, увѣреннымъ движеніемъ онѣ распарываютъ брюшную полость рыбы и отдѣляютъ боковые мускулы отъ позвоночнаго столба; еще два-три удара ножомъ—и печенка, вмѣстѣ съ остальными внутренностями, отдѣлена отъ головы, костяка и болѣе цѣнныхъ боковыхъ частей. Одна печенка за другою такъ и отправляется въ ротъ и быстро проглатывается работницами, которыя еще ничего не ѣли съ утра и стараются заглушить голодъ этимъ вкуснымъ лакомствомъ. Если желудокъ, тѣмъ не менѣе, заявляетъ свои требованія, одну изъ рыбъ чистятъ, потрошатъ

и нарѣзываютъ длинными полосками. Конецъ такой полоски, вмѣсто приправы, обмакиваютъ въ рыбью кровь, берутъ его въ ротъ и затѣмъ быстро надрѣзываютъ снизу должной величины куски, проводя ножомъ передъ самымъ носомъ. Дѣти, окружающія работающихъ матерей, получаютъ, сообразно своему возрасту, или печенки, или полоски рыбы; четырехлѣтнія ребята работаютъ ножомъ не хуже взрослыхъ, которые всегда описаннымъ выше способомъ рѣжутъ и полоски оленьяго мяса. Вскорѣ лица дѣтей и матерей лоснятся отъ рыбьей крови и жира, а руки отъ приставшей рыбьей чешуи. Когда вся рыба вычищена, выпотрошена, распластана и развѣшана для сушки, получаютъ свою порцію и собаки, которыя все время терпѣливо сидѣли кругомъ. На нихъ долю выпадаетъ рыбья чешуя, которая сбрасывалась на вязанку травы. Теперь черныя морды собакъ съ жадностью зарываются въ эту вязанку.

Утренняя работа окончена, наступаетъ время краткаго отдыха. Матери берутъ на колѣни дѣтей и приступаютъ къ занятію, крайне необходимому для благополучія не только дѣтей, но и собственнаго: къ охотѣ на паразитовъ. Одинъ за другимъ кладутъ дѣти голову на колѣни матери, потомъ она кладетъ свою на колѣни старшей дочери или подруги, разсчитывающей на взаимную услугу,—и охота всегда оказывается успѣшной. Для естествоиспытателя, имѣвшаго случай наблюдать обезьянъ, не представляется ничего новаго въ томъ, что пойманная дичь, если и не съѣдается, то во всякомъ случаѣ берется въ ротъ и умерщвляется зубами; а тотъ, кто склоненъ видѣть въ ученіи Дарвина не однѣ только гипотезы, лишній разъ убѣдится, что явленія «атавизма» не могутъ считаться вопросомъ спорнымъ.

Солнце склоняется къ западу. Съ новой богатой добычей возвращаются домой остяки—взрослые, юноши и мальчики. Сырой рыбы они имѣли уже достаточно: теперь ихъ тянетъ къ горячей пищѣ. Имъ подаютъ дымящійся котелокъ съ вареной рыбой; хлѣбъ, напитанный рыбьимъ жиромъ, и въ заключеніе кирпичный чай, который заваривается холодной водой и долго кипитъ въ котелкѣ. Когда голодъ и жажда утолены, начинаетъ требовать пищи и духовная сторона человѣческой природы, а потому пѣвецъ и музыкантъ, съ музыкальными инструментами собственнаго издѣлія въ рукахъ, является желаннымъ гостемъ: онъ или наигрываетъ стародавнія, не поддающіяся никакому описанію, мѣстныя мелодіи или аккомпанируетъ пляскѣ женщинъ, которая состоитъ въ томъ, что пляшущія то приподнимаются, то присѣдаютъ, то вытягиваютъ одну руку, то другую, то снова прижимаютъ ее къ тѣлу. Веселіе это длится до тѣхъ поръ, пока не раскинутъ шатеръ отъ комаровъ, подъ складки котораго спѣшитъ укрыться и старъ, и младъ.

IV.

Лѣто прошло и, послѣ короткой осени, наступаетъ зима. Съ перелетомъ птицъ начинается новая дѣятельность, съ наступленіемъ зимы—опять новая, которая и составляетъ настоящую жизнь остяка. Отлетающимъ пернатымъ гостямъ разставляютъ предательскія сѣти; онѣ ставятся въ искусственно сдѣланныхъ просѣкахъ въ густомъ ивнякѣ, на берегу рѣки, на извѣстныхъ уже перелетныхъ мѣстахъ, между двумя большими водными пространствами. Въ такія сѣти попадаютъ не только утки, но и гуси, лебеди и журавли—желанная добыча, дающая и мясо и пухъ. Одновременно съ птицеловомъ выходитъ на промыселъ и кочевой пастухъ; онъ разставляетъ въ тундрѣ капканы для ловли песцовъ, лисицъ—красныхъ и чернобурыхъ,—волковъ, соболей и горностаевъ, бѣлокъ и россомахъ. Когда выпадетъ снѣгъ, остякъ подвязываетъ лыжи, надѣваетъ очки для прикрытія глазъ отъ

ослѣпительной бѣлизны снѣжной равнины и отправляется, въ сопровожденіи своихъ проворныхъ собакъ, въ лѣсъ, въ тундру, обложить медвѣдя въ его берлогѣ, выслѣдить рысь, погоняться за лосемъ или дикимъ оленемъ, тяжесть которыхъ не въ состояніи сдержать рыхлый, неокрѣпшій снѣгъ. Если остяку удалось убить медвѣдя,—онъ счастливый возвращается въ свое селеніе, въ свой чумъ, гдѣ его встрѣчаютъ друзья и сосѣди. Общее веселіе заражаетъ счастливаго охотника: онъ незамѣтно исчезаетъ, возвращается въ маскѣ, ряженый, и исполняетъ медвѣжій танецъ—своеобразныя тѣлодвиженія, которыя должны олицетворятъ медвѣдя въ различные моменты его жизни.

Вскорѣ хижина рыбака наполняется шкурами убитыхъ на охотѣ звѣрей, но еще больше переполненъ ими чумъ пастуха, такъ какъ здѣсь, къ добытымъ на охотѣ, присоединяются шкуры заколотыхъ въ теченіе года домашнихъ оленей. Теперь надо подумать о сбытѣ всего накопленнаго добра. Вездѣ идутъ сборы на ярмарку, которая бываетъ ежегодно, во второй половинѣ января, въ Обдорскѣ, крайнемъ русскомъ поселеніи на нижней Оби. Этотъ важный торговый пунктъ посѣщается какъ туземцами, такъ и иностранцами. Сюда же прибываютъ русскіе чиновники, которые собираютъ подати съ остяковъ и самоѣдовъ, улаживаютъ ссоры, чинятъ судъ и расправу.

Длинными вереницами тянутся со всѣхъ сторонъ запряженныя оленями санки, и вокругъ ярмарочной площади выростаетъ одинъ чумъ за другимъ, окруженный санями съ привезеннымъ на продажу товаромъ—годовой добычей остяка. Каждое утро хозяинъ чума отправляется въ лавки со своей разодѣтой по-праздничному любимой женой—продавать мѣха и дѣлать покупки. Прицѣниваются, торгуются, стараются обмануть другъ друга. Водка,—продажа которой какъ распивочно, такъ и на выносъ строго воспрещается правительствомъ, но которая, тѣмъ не менѣе, имѣется у каждаго торговца и почти въ каждомъ частномъ домѣ въ Обдорскѣ,—отуманиваетъ сознаніе, отнимаетъ разумъ у несчастныхъ остяковъ и самоѣдовъ и разоряетъ ихъ пуще моровой язвы. Водка пробуждаетъ всѣ страсти обыкновенно безотвѣтнаго, добродушнаго, миролюбиваго и безобиднаго остяка и превращаетъ его въ дикаго, необузданнаго звѣря. Водки жаждетъ мужъ, жаждетъ жена; водкой угощаетъ отецъ падкаго до нея мальчишку-сына, водку льетъ мать въ глотку своей дочери; за водку остякъ отдаетъ почти даромъ съ трудомъ пріобрѣтенный товаръ и все свое достояніе; за водку онъ нанимается въ рабство, за водку онъ продаетъ свою душу, отрекается отъ вѣры своихъ отцовъ. Благодаря водкѣ, недобросовѣстный покупатель пріобрѣтаетъ въ концѣ концовъ всѣ привезенные остякомъ мѣха. Ѣхавшій въ Обдорскъ съ такими радужными надеждами, остякъ возвращается въ свой чумъ съ пустыми руками, съ пустымъ кошелькомъ, съ пустотой въ головѣ; обманутый, чтобы не сказать ограбленный, онъ оплакиваетъ свою глупость и слабость, принимаетъ на будущее время самыя благоразумныя рѣшенія, на этомъ успокаивается и думаетъ только о томъ, какъ прекрасно онъ провелъ время со своими земляками. Сначала всѣ пили; потомъ мужчины цѣловались съ женщинами; потомъ мужья били своихъ женъ; потомъ дрались между собою мужчины, при чемъ пускался въ ходъ даже ножъ, но до кровопролитія дѣло не дошло. Въ концѣ концовъ всѣ помирились; отуманенныхъ водкою и побоями женщинъ бережно подняли, обмыли ихъ при помощи другихъ услужливыхъ остячекъ и, въ ознаменованіе мировой, пришли даже къ важному соглашенію, для дочери выбрали жениха, для сына—малолѣтнюю невѣсту; выдали даже вторично замужъ одну вдову и по этому случаю снова пили,—словомъ, прекрасно провели время. Правда, чиновникъ приказалъ въ концѣ концовъ всѣхъ

до безчувствія пьяныхъ запереть въ кутузку; правда, всѣ, всѣ деньги ухнули безвозвратно; но вѣдь двери кутузки когда-нибудь откроютъ, потеря денегъ забылась, и зато на весь годъ остались золотыя воспоминанія о пріятно проведенномъ времени, да въ результатѣ оказалось еще почетное для обѣихъ сторонъ сватовство.

Женихъ и невѣста также были на ярмаркѣ, также пили, не ударивъ лицомъ въ грязь; при этомъ имѣли случай узнать другъ друга, и женихъ согласился на предложеніе своихъ родителей взять въ жены выбранную ими дѣвушку, ибо остяцкій бракъ заключается по рѣшенію родителей, а не самихъ брачущихся. Желаніе жениха еще до нѣкоторой степени принимается въ расчетъ; мальчикъ имѣетъ право высмотрѣть себѣ невѣсту между дѣвушками своего племени, хотя сватовъ посылаютъ только въ томъ случаѣ, если матеріальное положеніе жениха соотвѣтствуетъ положенію родителей невѣсты. Дѣвушку же не спрашиваютъ, уже по той причинѣ, что она слишкомъ молода, чтобы могла сама рѣшить свою судьбу. Вѣдь ей всего двѣнадцать лѣтъ, а будущему мужу ея нѣтъ еще пятнадцати, когда уже посылаются сваты. Ярмарочное веселье значительно ускорило ходъ переговоровъ. Женихъ немедленно получилъ согласіе, и затѣмъ начались переговоры о выкупѣ, иногда очень продолжительные, но тутъ весьма быстро доведенные до конца при помощи всемогущей водки. Порѣшили на томъ, что женихъ внесетъ за свою юную невѣсту шестьдесятъ оленей, двадцать шкуръ бѣлой и десять—красной лисицы, кусокъ цвѣтного сукна и различныя бездѣлушки: кольца, пуговицы, стеклянныя бусы, головные платки и тому подобное. Это было очень немного, по сравненію съ тѣмъ, напримѣръ, что заплатилъ когда-то за свою супругу старшина Мамру, который былъ едва ли богаче нашего жениха. Его выкупъ составляли полтораста оленей, шестьдесятъ песцовыхъ и двадцать лисьихъ мѣховъ, кусокъ сукна, нѣсколько головныхъ платковъ и множество всевозможныхъ мелкихъ предметовъ. Но тогда, конечно, были другія времена, и Мамру могъ внести выкупъ, цѣною свыше тысячи рублей, за свою красивую, богатую невѣсту, взятую изъ знатной семьи.

Когда выкупъ внесенъ, совершается обрученіе молодыхъ людей. Въ чумѣ родителей невѣсты собираются всѣ родственники съ подарками для невѣсты и берутъ себѣ что-нибудь взамѣнъ изъ числа выставленныхъ на всеобщій осмотръ подарковъ жениха. Невѣсту одѣваютъ въ праздничныя одежды и всѣ ѣдутъ въ чумъ жениха, передъ отъѣздомъ плотно подкрѣпивъ себя мясомъ только что заколотаго оленя. Варятъ въ этотъ день только немного рыбы, пойманной въ проруби, мясо же ѣдятъ сырымъ и, когда оно начинаетъ остывать, убиваютъ новаго оленя. Невѣста плачетъ, какъ и подобаетъ всякой невѣстѣ, не хочетъ покинуть чумъ, въ которомъ протекло ея дѣтство, и даетъ убѣдить себя лишь послѣ долгихъ уговоровъ. Затѣмъ испрашивается благословеніе домашняго идола, небеснаго Орта, знаменіе котораго Сорнидутъ—по-нашему сѣверное сіяніе—не далѣе какъ вчера кроваво-краснымъ заревомъ появлялся на небѣ. Возлѣ невѣсты все время находится ея мать; она садится съ дочерью въ сани; всѣ приглашенные слѣдуютъ ихъ примѣру и при звонѣ бубенчиковъ, которыми украшена праздничная сбруя оленей, трогается съ мѣста свадебный поѣздъ.

Между тѣмъ женихъ, въ чумѣ своихъ родителей, ожидаетъ невѣсту, которая сегодня, какъ и всегда, стыдливо скрываетъ лицо подъ головнымъ платкомъ отъ взоровъ отца и братьевъ жениха. Начинается новый пиръ, и только поздно ночью разъѣзжаются гости, къ которымъ присоединяются на этотъ разъ и родные жениха. На слѣдующій день мать привозитъ новобрачную обратно въ чумъ ея отца; но, день спустя, родственники же-

ниха являются снова, чтобы вытребовать молодую къ ея мужу. Берестовыя стѣнки чума снова оглашаются веселымъ шумомъ; на этотъ разъ молодая окончательно прощается съ чумомъ своихъ родныхъ и уѣзжаетъ вдвоемъ съ мужемъ или вмѣстѣ съ его родителями, братьями и сестрами,—а, можетъ-быть, и съ первой его женой,—въ его чумъ.

Сыновья бѣдныхъ родителей вносятъ, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, по десяти оленей; сыновья рыбаковъ не могутъ внести и того, а даютъ только внутреннее убранство чума, который раздѣляютъ нерѣдко съ нѣсколькими другими семьями. Но и на бѣдной свадьбѣ пируютъ и веселятся на-славу.

Бѣдный остякъ беретъ только одну жену; богатый считаетъ себя въ правѣ имѣть двухъ или нѣсколькихъ женъ. Во всякомъ случаѣ первая жена сохраняетъ нѣкоторыя преимущества передъ остальными, которыя являются скорѣе ея служанками, чѣмъ равными съ нею по положенію. Исключенія бываютъ только тогда, когда она не имѣетъ дѣтей, ибо бездѣтность считается позоромъ для мужа, и бездѣтная жена занимаетъ въ чумѣ послѣднее мѣсто.

Родители гордятся своими дѣтьми и обращаются съ ними съ величайшей нѣжностью. Надо видѣть, какимъ счастьемъ сіяетъ взоръ молодой остячки-матери, когда она укладываетъ своего первороженнаго въ уютную, выложенную мохомъ колыбельку изъ березовой коры; какъ заботливо она закутываетъ его шкурами и прикрываетъ пологомъ отъ комаровъ; хотя надо сознаться, что чистоплотность заставляетъ желать многаго... Пока ребенокъ малъ и безпомощенъ, мать еще моетъ и чиститъ его, если находитъ это безусловно необходимымъ. Когда же онъ становится больше, она моетъ ему только разъ въ день лицо и руки,—при чемъ вмѣсто губки ей служитъ горсть ивовыхъ опилокъ, а вмѣсто полотенца—сухая ладонь другой руки,—и затѣмъ уже нисколько не возмущается, если ребенокъ грязенъ до послѣдней степени. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока молодой остякъ не получаетъ возможности самъ заботиться о себѣ; но и тутъ весьма немногіе считаютъ нужнымъ мыть руки каждый разъ послѣ принятія пищи, хотя бы она состояла изъ сырого, окровавленнаго мяса.

Дѣти, съ своей стороны, относятся не менѣе любовно и нѣжно къ своимъ родителямъ и замѣчательно послушны и покорны ихъ волѣ. Почитаніе родителей составляетъ первую и главнѣйшую заповѣдь для остяка, почитаніе божества—вторую. Когда мы посовѣтовали упомянутому выше старшинѣ Мамру обучать своихъ дѣтей русскому языку и грамотѣ, онъ возразилъ намъ, что хотя сознаетъ всю пользу такого обученія, но боится, что дѣти его перестанутъ чтить отца и мать и такимъ образомъ нарушать первѣйшую заповѣдь своей вѣры. Въ этомъ, можетъ-быть, и кроется причина того, что ни одинъ остякъ, придерживающійся вѣры своихъ отцовъ, не учится ничему и умѣетъ лишь изобразить на бумагѣ, деревѣ или оленьей шкурѣ каракулю, составляющую собственный его знакъ. А между тѣмъ, при своей ловкости и понятливости, онъ очень быстро и легко научается всему, чему его учатъ, и въ томъ раннемъ возрастѣ, въ которомъ его женятъ, уже отлично умѣетъ устроить свой домъ и хозяйство. Только въ дѣлахъ религіи онъ охотно отказывается отъ собственнаго мнѣнія и вполнѣ преклоняется передъ мнѣніемъ шамана, потому что тотъ дѣлаетъ видъ, что знаетъ гораздо больше его.

Мы, съ своей стороны, смѣло признаемъ въ шаманѣ, который у остяковъ и другихъ монгольскихъ народностей Сибири пользуется правами священника, не что иное, какъ обманщика. Единственный представитель этой почтенной корпораціи, съ которымъ намъ пришлось познакомиться, крещеный самоѣдъ, носилъ крестъ на шеѣ, но это нисколько не мѣшало ему отпра-

влять обязанности шамана у остяковъ-язычниковъ. Люди свѣдущіе говорили мнѣ, что онъ вовсе не является исключеніемъ, и дѣйствительно всѣ шаманы, которыхъ приходилось, напримѣръ, встрѣчать моему пріятелю, г. Миддендорфу, во время его долголѣтнихъ странствій по Сибири, были христіане. Выше я упомянулъ уже о предсказаніяхъ, сдѣланныхъ намъ шаманомъ, который былъ убѣжденъ, что мы вѣримъ въ его могущество; болѣе же подробное описаніе даннаго намъ представленія я приведу здѣсь, такъ какъ оно прямо входитъ въ рамки настоящаго очерка.

V.

Прежде всего шаманъ потребовалъ водки въ видѣ жертвеннаго приношенія, но потомъ удовольствовался обѣщаннымъ нами подаркомъ и удалился въ чумъ, сказавъ, что позоветъ насъ, когда окончены будутъ всѣ приготовленія. Къ послѣднимъ принадлежатъ, очевидно, и глухіе удары барабана, которые мы услышали черезъ нѣкоторое время; остальныхъ приготовленій намъ не было слышно. Наконецъ, на зовъ шамана, мы вошли въ чумъ.

Вся внутренность берестовой хижины полна посѣтителями, которые образуютъ кружокъ, по возможности плотно прижимаясь къ стѣнамъ. Среди остяковъ и самоѣдовъ, явившихся съ женами и дѣтьми, мы видимъ и русскихъ, пришедшихъ также съ чадами и домочадцами. Влѣво отъ входа, на возвышеніи, возсѣдаетъ шаманъ Видли; вправо отъ него, на полу, сидитъ на корточкахъ молодой остякъ, ученикъ шамана. Видли одѣтъ въ коричневый кафтанъ, а поверхъ него въ похожее на стихарь одѣяніе, когда-то бѣлое, но теперь очень грязное и обшитое золотыми галунами. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ маленькій барабанъ, въ родѣ бубна, который бросаетъ тѣнь на его лицо, а въ правой—палочку къ нему; голова шамана не покрыта, остриженные въ кружокъ волосы очевидно только что намазаны саломъ. Посрединѣ чума горитъ огонь и, по временамъ, ярко вспыхивая, бросаетъ полосы свѣта на пеструю компанію, среди которой усаживаемся и мы на оставленныя для насъ мѣста, и протяжный, троекратный крикъ, въ родѣ многоголоснаго пѣнія, сопровождаемый нѣсколькими ударами по барабану, привѣтствуетъ наше появленіе и означаетъ, что дѣйствіе началось.

— Чтобы вы знали, что я говорю правду, — начинаетъ рѣчь свою почтенный шаманъ: — я вызову заклинаніями дружественную тѣнь посланца небеснаго совѣта и спрошу у него, какъ рѣшили боги вашу судьбу. Вы сами увидите впослѣдствіи, правду ли я сказалъ или нѣтъ.

Послѣ этихъ словъ, переданныхъ намъ чрезъ посредство двухъ переводчиковъ, любимецъ боговъ начинаетъ быстро колотить по оленьей кожѣ своего барабана, соблюдая извѣстный тактъ, но не размѣряя количества ударовъ, и сопровождаетъ эту музыку речитативомъ, на самоѣдскій ладъ, въ точности повторяемый ученикомъ, который составляетъ нѣчто въ родѣ причетника. При этомъ учитель держитъ барабанъ такимъ образомъ, чтобы оставлять лицо свое въ тѣни, и закрываетъ глаза, дабы не развлекаться явленіями внѣшняго міра; ученикъ же, напротивъ того, продолжаетъ и во время пѣнія курить свою носогрѣйку и, для разнообразія, сплевывать въ сторону. Три медленныхъ, опредѣленныхъ удара заканчиваютъ барабанный бой и служатъ сигналомъ окончанія пѣнія.

— Я заклиналъ Ямауло, посланника боговъ, явиться среди насъ, — говоритъ шаманъ съ достоинствомъ:—но я не могу опредѣлить, какъ скоро онъ появится, не зная, гдѣ онъ находится въ настоящую минуту.

И онъ снова бьетъ въ барабанъ и поетъ заклинанія, которыя попрежнему оканчиваются тремя ударами барабана.

— Я вижу двухъ царей,—начинаетъ

рѣчь посланецъ боговъ устами шамана:— они пришлютъ вамъ грамоту.

Наконецъ, Ямаулъ исполнилъ желаніе своего любимца и появился въ чумѣ. Изреченія его слѣдуютъ одно за другимъ, послѣ предшествующихъ каждому заклинаній и барабаннаго боя:

«— Будущимъ лѣтомъ вы снова совершите тотъ же путь, какъ и теперь».

«—Тогда вы посѣтите вершины Урала, гдѣ берутъ начало рѣки Уна, Байдарата и Щучья».

«— На этомъ пути съ вами приключится нѣчто, но хорошее или дурное—я не могу сказать».

«— На Байдаратѣ ничего нельзя подѣлать, потому что тамъ нѣтъ ни лѣса, ни пастбищъ; но здѣсь можно достать кое-что».

«— Вы должны будете отдать отчетъ своему начальству; оно васъ провѣритъ и останется вами довольно».

«— Вамъ придется также дать отвѣтъ тремъ старѣйшинамъ изъ вашего племени; они тоже будутъ провѣрять ваши бумаги и отдадутъ приказъ о вашемъ новомъ путешествіи».

«— Дальнѣйшій вашъ путь пройдетъ безъ всякихъ злоключеній, и вы найдете дома своихъ родныхъ въ добромъ здравіи».

«— Если тѣ русскіе, которые и теперь еще путешествуютъ по Байдарату, скажутъ то же самое, что и вы, тогда васъ наградятъ два государя».

«— Больше я не вижу передъ собою никакого лица».

Представленіе окончилось. На горахъ Урала лежатъ полуночныя сумерки. Всѣ уходятъ изъ чума, и на лицахъ русскихъ выражается та же вѣра въ слова шамана, какъ и на лицахъ остяковъ и самоѣдовъ. Мы приглашаемъ учителя и ученика къ намъ въ лодку, развязываемъ имъ обоимъ языки при помощи водки, и производимъ перекрестный допросъ, предлагая въ томъ числѣ самые щекотливые вопросы. Шаманъ отвѣчаетъ на всѣ безъ исключенія, не медля, не смущаясь, не задумываясь, ясно, опредѣленно, коротко и вразумительно, такъ что мы еще болѣе убѣждаемся, что имѣемъ дѣло съ величайшимъ плутомъ и мошенникомъ.

Онъ разсказываетъ намъ, какъ на него, еще мальчика, снизошелъ духъ и мучилъ его, пока онъ не сдѣлался ученикомъ шамана; разсказываетъ, какъ онъ постепенно сдружился съ Ямауломъ, который является ему въ видѣ привѣтливаго человѣка, на быстрой лошади, съ жезломъ въ рукѣ; какъ Ямаулъ спѣшитъ ему на помощь и, въ случаѣ надобности, приводитъ съ собою небесныя силы, когда ему, шаману, приходится иногда по нѣсколько дней сряду бороться со злыми духами; какъ посланецъ боговъ обязанъ открывать ему сущую правду, потому что иначе всѣ удары, наносимые барабану, отразятся на немъ самомъ; какъ Ямаулъ и сегодня сидѣлъ въ чумѣ за его, шамана, спиной и шепталъ ему на ухо всѣ, произнесенныя имъ, слова; какъ онъ, шаманъ, при помощи своего искусства и милости боговъ,—милости, которая не поколеблена даже его переходомъ въ христіанство, можетъ найти сокрытое или украденное, распознавать болѣзни, предвидѣть выздоровленіе или смерть больного, изгонять тѣни умершихъ, можетъ дѣлать зло и предотвращать таковое, но какъ онъ дѣлаетъ одно только добро, изъ страха передъ небесными силами. Онъ набрасываетъ намъ ясную и подробную, хотя не совсѣмъ вѣрную картину остяцкой и самоѣдской вѣры; увѣряетъ, что какъ его единоплеменники, такъ и остяки, во всѣхъ нуждахъ обращаются къ нему, спрашиваютъ у него совѣта, узнаютъ отъ него будущее, довѣряютъ ему, вѣруютъ въ него.

Послѣднее не совсѣмъ такъ. Огромное большинство народа, можетъ-быть, видитъ въ шаманѣ знающаго въ дѣлахъ вѣры человѣка, можетъ-быть даже посредника между ними и божествомъ, можетъ-быть, даже приписываетъ ему таинственную

власть; но словамъ и дѣйствіямъ его многіе не придаютъ большой вѣры.

Вѣра остяковъ проста и наивна, гораздо проще, чѣмъ хотѣлось бы шаманамъ. На небѣ живетъ Ортъ, что означаетъ «Конецъ міра». Это—всемогущій духъ, который безсиленъ только противъ смерти; онъ покровительствуетъ человѣку, расточаетъ блага, ниспосылаетъ оленей, рыбъ и пушныхъ звѣрей; онъ—врагъ зла, караетъ ложь и неумолимъ только къ тѣмъ, кто не держитъ даннаго слова. Въ честь Орта устраиваются празднества, дѣлаются жертвоприношенія; ему молятся; къ нему обращаются, стоя передъ священнымъ изображеніемъ идола. Послѣднее, называемое «лонгъ», можетъ быть вырѣзано изъ дерева, можетъ быть просто кусокъ сукна, камень, шкура животнаго или другой какой-либо предметъ. Собственной силы оно не имѣетъ. Собираются ли передъ лонгомъ на молитву, приносятъ ли его къ чуму, ставятъ ли передъ нимъ чашку съ рыбой или олениной, или другими жертвенными дарами, кладутъ ли передъ нимъ цѣнные предметы или запихиваютъ ихъ въ его утробу, — всегда въ то же время обращаютъ взоры къ небу и думаютъ о божествѣ. Злые духи живутъ на небѣ и на землѣ; но Ортъ могущественнѣе ихъ всѣхъ; одна смерть сильнѣе его. Послѣ смерти нѣтъ ни вѣчной жизни, ни воскресенія мертвыхъ; но умершій продолжаетъ пребывать на землѣ въ видѣ тѣни и имѣетъ власть дѣлать добро и зло.

Земное существованіе умершаго въ видѣ тѣни наступаетъ тотчасъ послѣ его смерти; поэтому тѣло умершаго остяка безотлагательно предаютъ землѣ. Уже передъ кончиной собираются къ умирающему всѣ его друзья; какъ только онъ испуститъ духъ, въ чумѣ зажигаютъ огонь и поддерживаютъ его до тѣхъ поръ, пока покойника не отвезутъ на кладбище. Но сначала зовутъ шамана, чтобы узнать, гдѣ именно желаетъ быть похороненъ умершій. Съ этою цѣлью называютъ различныя мѣста и стараются приподнять голову покойника. Умершій позволяетъ поднять себѣ голову, если желаетъ выразить согласіе; въ противномъ случаѣ три человѣка не могутъ сдвинуть ея съ мѣста. Вопросъ повторяютъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ утвердительнаго отвѣта. Тогда посылаютъ свѣдущихъ людей приготовить могилу, ибо на это дѣло требуется иногда нѣсколько дней.

Кладбище помѣщается обыкновенно въ тундрѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, большею частью на хребтѣ продолговатаго холма; могила состоитъ изъ болѣе или менѣе искусно сдѣланнаго ящика, вставленнаго въ землю. За неимѣніемъ толстыхъ досокъ, распиливаютъ лодку и укладываютъ въ нее тѣло усопшаго; только очень бѣдные люди вырываютъ неглубокую яму и хоронятъ въ ней своихъ умершихъ.

Покойника не моютъ, но одѣваютъ въ праздничныя одежды, волосы его намазываютъ саломъ, а лицо покрываютъ платкомъ. Всю оставшуюся послѣ него одежду раздаютъ бѣднымъ. Чужія руки не должны прикасаться къ покойнику; его обряжаютъ ближайшіе родственники, которые, прощаясь, со слезами на глазахъ, цѣлуютъ похолодѣвшее лицо его.

Умершаго кладутъ въ сани, въ лодку, и, въ сопровожденіи всѣхъ собравшихся родственниковъ и знакомыхъ, везутъ на кладбище. Въ ящикѣ или въ могилѣ разстилаютъ оленью шкуру, на которой долженъ покоиться умершій; въ головахъ его и по обѣимъ сторонамъ кладутъ табакъ, трубку и различную домашнюю утварь, служившую ему при жизни; вокругъ ящика и подъ нимъ располагаются тѣ предметы, которые не помѣщаются въ самомъ ящикѣ; но ихъ предварительно ломаютъ, разбиваютъ и вообще дѣлаютъ негодными къ употребленію, то-есть, по остяцкому міросозерцанію, дѣлаютъ *тѣнью* того, чѣмъ они были.

Между тѣмъ, невдалекѣ отъ могилы успѣли развести огонь и заколоть одного или нѣсколькихъ оленей, мясо которыхъ

поѣдается тутъ же присутствующими, въ сыромъ или вареномъ видѣ. Послѣ поминальной трапезы натыкаютъ черепа убитыхъ оленей на шесты; развѣшиваютъ ронъ, и въ концѣ концовъ разбиваютъ самыя сани, опрокидываютъ ихъ па мо гилу, чѣмъ и закапчивается ся убранство. Затѣмъ всѣ разъѣзжаются по домамъ.

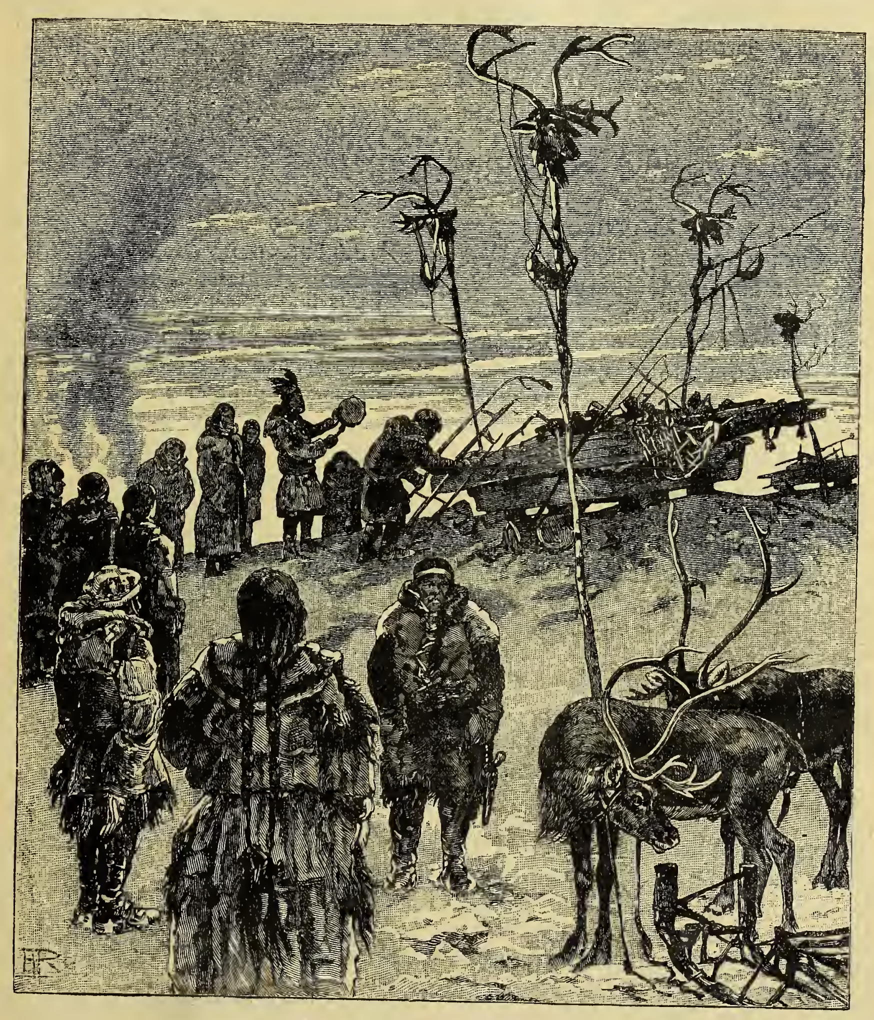


Рис. 3. Похороны остяка.

на нихъ же или па ближайшія деревья сбрую; привѣшиваютъ къ верхнему краю могильнаго ящика бубенчики, которые украшали сбрую въ торжественныхъ случаяхъ, въ томъ числѣ и въ день похо-

Плачъ умолкаетъ, и жизнь вступаетъ въ свои права.

Во мракѣ ночи тѣнь умершаго, вооружившись всѣми обращенными въ тѣни предметами, начинаетъ свое таинственное

странствованіе. То, чѣмъ занимался умершій при жизни, онъ продолжаетъ дѣлать и теперь. Невидимо для всѣхъ, онъ пасетъ своихъ оленей, несется на челнокѣ по волнамъ, надѣваетъ лыжи, стрѣляетъ изъ лука, разставляетъ сѣти, убиваетъ тѣни прежде существовавшихъ животныхъ, ловитъ тѣни существовавшихъ когда-то рыбъ... Во тьмѣ ночной онъ приходитъ въ чумъ своей семьи и наноситъ оставшимся въ живыхъ вредъ или приноситъ пользу. Награда его послѣ смерти состоитъ въ возможности дѣлать добро своимъ роднымъ; кара—въ необходимости причинять имъ постоянное зло.

ЖИВАЯ ВОДА.

Снова къ тебѣ прихожу я,
Волга—родная рѣка!
Съ новою радостью чую
Свѣжій порывъ вѣтерка...
Вотъ онъ пронесся... Взыграла
Свѣтлая, мощная гладь,
Вмигъ ожила она, стала
Пламенемъ солнца сверкать...
Пѣнью прибоя внимая,
Понялъ я сердцемъ тогда,
Что предо мною, сверкая,
Плещетъ живая вода...
Ужъ не она-ль воскрешала
Каплей одной мертвецовъ,
Раны собой заживляла
Ра́неныхъ на́-смерть бойцовъ?
Силы душевной не стало,
Грустенъ я нынѣ и хилъ:
Сердце любовь истерзала,
Въ думахъ я мозгъ изсушилъ...
Счастье разбито земное,
Сердца печаль глубока!
Вылѣчи сердце больное,
Волга—родная рѣка!..
Вылѣчи свѣтлымъ просторомъ,
Пѣснею вѣтра живой,
Волнъ набѣгающихъ хоромъ,
Свѣтлой, живою водой!..

Б. Никоновъ.

Новая утопія.

Разсказъ **Джеромъ-Джерома.**

(Съ англійскаго.)

На-дняхъ мнѣ пришлось провести чрезвычайно интересный вечеръ. Съ нѣсколькими изъ своихъ «передовыхъ» друзей я обѣдалъ въ «Національномъ соціалистическомъ клубѣ». Обѣдъ былъ превосходный: фазанъ, начиненный трюфелями, былъ идеаленъ, а шато-лафитъ 49 года стоилъ своихъ денегъ. Больше похвалить его, кажется, трудно.

Послѣ обѣда, съ сигарами въ зубахъ (долженъ сказать, что у нихъ, въ «Національномъ соціалистическомъ клубѣ», умѣютъ доставать хорошія сигары), мы завели рѣчь на весьма поучительную тему—о грядущемъ равенствѣ людей и національзаціи капитала.

Лично, я не принялъ особаго участія въ этомъ разговорѣ. Поставленный съ дѣтства въ необходимость зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, я не имѣлъ ни времени, ни случая для изученія подобныхъ вопросовъ.

Но съ тѣмъ большимъ вниманіемъ слушалъ я разсужденія моихъ друзей о томъ, какъ міръ, въ теченіе тысячелѣтій *до ихъ* появленія на свѣтъ, шелъ по ложному пути, и какъ теперь, въ ближайшемъ будущемъ, они думаютъ исправить эту ошибку въ нѣсколько лѣтъ.

Равенство всѣхъ людей было ихъ лозунгомъ. Абсолютное равенство во всемъ—равенство въ имуществѣ, равенство въ общественномъ положеніи и значеніи, равенство въ обязанностяхъ и, какъ результатъ — равенство въ счастьѣ и довольствѣ.

Міръ принадлежитъ въ равной мѣрѣ всѣмъ людямъ и долженъ быть поровну раздѣленъ между ними. Плодъ труда человѣка составляетъ не его личную собственность, но собственность государства, которое должно его кормить, одѣвать и заботиться не о собственномъ возвеличеніи, а о благоденствіи всего человѣческаго рода. Личное право собственности — соціальная цѣпь, которою меньшинство оковало народную массу, разбойничье оружіе, которымъ ничтожная шайка грабителей похищаетъ у общества плоды его трудовъ,—должно быть вырвано изъ ихъ рукъ.

Соціальныя отличія—преграды, которыми донынѣ стѣснялось и задерживалось человѣчество въ своемъ прогрессивномъ движеніи—должны быть навсегда разрушены. Человѣческая раса должна идти къ своей цѣли (какова бы она ни была) не разбросанной толпой, карабкаясь въ одиночку на зыбкой почвѣ неравенства по рожденію и состоянію, какъ это происходило до настоящаго времени, но стройной арміей, сомкнутыми рядами, по гладкой дорогѣ всеобщаго равенства.

Великое сердце нашей матери земли стремится питать всѣхъ своихъ дѣтей. Не надо ни голода, ни изобилія. Сильный не долженъ захватывать болѣе, чѣмъ слабый. Умный не долженъ помышлять о томъ, чтобы захватить болѣе, чѣмъ глупый. Произведенія земли должны быть подѣлены поровну. Равные передъ законами природы, мы должны быть равны и передъ законами человѣка.

Неравенство влечетъ за собой несчастія, преступленія, пороки, себялюбіе, гордость, лицемѣріе... Въ мірѣ, гдѣ неравенству не будетъ мѣста, зло исчезнетъ въ самомъ источникѣ, и врожденное намъ чувство добра само собою укрѣпится. Когда всѣ люди будутъ равны, земля станетъ раемъ.

Мы наполнили наши стаканы и выпили за *равенство*, святое *равенство*; затѣмъ приказали «человѣку» принести зеленаго шартрёзу и еще сигаръ.

Я вернулся домой задумчивый. Долго я не могъ заснуть и лежалъ, размышляя о новомъ мірѣ, представшемъ передо мною. Какъ хороша была бы жизнь, если бы проектъ моихъ друзей осуществился. Не было бы этой вѣчной борьбы, зависти, разочарованій, страха передъ нуждою. Обо всемъ будетъ заботиться государство. Оно будетъ давать намъ рѣшительно все необходимое, начиная съ колыбели и кончая гробомъ. Не придется уже вѣчно искать работы или дѣла. Да и самый трудъ не будетъ такъ утомителенъ. По нашимъ расчетамъ о томъ, что̀ государство можетъ требовать отъ каждаго полноправнаго гражданина, полагалось работать всего три часа въ день. Болѣе трудиться никому не дозволятъ (мнѣ лично этого дозволенія, клянусь, не потребуется). Гладко потечетъ наша жизнь, за насъ обдуманная и устроенная. Бѣдныхъ не придется жалѣть, богатымъ—завидовать. Не увидишь уже передъ собой ничьей напыщенной физіономіи. Самому тоже не придется никого третировать свысока (гм! это, пожалуй, не особенно пріятно). Думать будетъ совсѣмъ не о чемъ, и останется только погрузиться въ размышленіе о будущемъ (какое бы оно ни было) человѣчества.

На этомъ мысли мои спутались, и я заснулъ.

. . . .

Когда я проснулся, я увидѣлъ себя лежащимъ въ стеклянной витринѣ, въ высокой мрачной комнатѣ. Въ головахъ былъ прибитъ какой-то аншлагъ. Я поднялъ голову и прочиталъ слѣдующее:

«Спящій человѣкъ XIX столѣтія».

«Этотъ человѣкъ былъ найденъ спящимъ въ одномъ изъ домовъ Лондона, послѣ великой соціальной революціи въ

1899 году. Изъ показаній хозяйки дома выяснилось, что, до момента его открытія, субъектъ этотъ проспалъ уже десять лѣтъ (забыли разбудить). Въ интересахъ науки было рѣшено не тревожить его, чтобы испытать, сколько онъ можетъ проспать еще. Согласно такому постановленію субъектъ былъ перенесенъ и помѣщенъ въ «Музей рѣдкостей» въ февралѣ 1900 года. Посѣтителей про ятъ не лить воду въ отверстія для воздуха».

Интеллигентнаго вида пожилой господинъ, хлопотавшій около сосѣдней витрины, подошелъ ко мнѣ и отодвинулъ надо мной крышку.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.—Кто-нибудь васъ побезпокоилъ?

— Нѣтъ,—сказалъ я,—я всегда просыпаюсь самъ, когда чувствую, что поспалъ достаточно. Которое столѣтіе?

— Теперь,—отвѣчалъ онъ:—двадцать девятое. Вы спали ровно тысячу лѣтъ.

— Прекрасно. Чувствую, что за это время многое, если не все, измѣнилось, и навѣрное къ лучшему,—сказалъ я, слѣзая съ своей подставки.

— Я полагаю, теперь вы предпримете то, что обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ,—обратился ко мнѣ пожилой господинъ, въ то время, какъ я надѣвалъ свое платье, лежавшее около меня въ ящикѣ.—Вы непремѣнно захотите бродить вмѣстѣ со мной по городу, увидѣть всѣ перемѣны, ставить всевозможные вопросы и дѣлать глупыя замѣчанія?

— Да, — сказалъ я:—это какъ разъ то, что я думалъ.

— Я такъ и зналъ,—проворчалъ онъ.

— Ну, идемте, я къ вашимъ услугамъ,—и онъ пошелъ впередъ, указывая дорогу къ выходу.

Когда мы были на улицѣ, я обратился къ старцу:

— Дѣйствительно ли у васъ теперь все превосходно устроено?

— Что устроено?—спросилъ онъ.

— Міръ, — отвѣчалъ я. —Надо вамъ сказать, что, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ мнѣ заснуть, нѣсколько моихъ друзей затѣяли искрошить его въ куски, а затѣмъ устроить вновь надлежащимъ образомъ. Сдѣлано ли это въ настоящее время? Равны ли всѣ люди между собой? Уничтожены ли человѣческіе пороки, преступленія и тому подобныя прелести прежняго времени?

— О, да, — отвѣтилъ мой провожатый:—вы найдете теперь все правильно организованнымъ. Въ то время, какъ вы спали, мы довольно-таки потрудились. Однако въ настоящее время все уже закончено, и земля преобразована нами въ совершенствѣ. Дѣлать разныя глупости, преступленія теперь ужъ невозможно, а что касается до всеобщаго равенства, то лягушки ничто въ сравненіи съ нами.

Онъ выразился нѣсколько вульгарно; но неудобно было останавливать его.

Мы направились въ городъ. Все было очень чисто и тихо. Улицы, обозначенныя номерами и пересѣкавшіяся подъ одинаковыми углами, были удивительно однообразны. Экипажей и лошадей не было видно, электричество ихъ замѣнило. Попадавшіеся намъ навстрѣчу прохожіе имѣли всѣ важный и спокойный видъ и до того походили другъ на друга, что ихъ можно было принять за близкихъ родственниковъ. Одѣты они были, подобно моему спутнику, въ костюмъ изъ сѣрыхъ штановъ и куртки, наглухо застегнутой до горла и стянутой въ таліи поясомъ. Всѣ были чисто выбриты, съ черными волосами.

Я сказалъ:

— Всѣ эти люди,—близнецы, что ли?

— Близнецы? Слава Богу нѣтъ! — отвѣтилъ мой спутникъ.—Съ чего это вы взяли?

— Да, они всѣ на одно лицо, — отвѣтилъ я,—у всѣхъ черные волосы...

— О, это форменный цвѣтъ для волосъ, — замѣтилъ мой компаньонъ: — мы всѣ носимъ черные волосы. Если у кого-

нибудь шевелюра отъ природы другого цвѣта—ее красятъ.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? — повторилъ старецъ, нѣсколько раздраженнымъ тономъ.—Да развѣ вы не понимаете, что теперь всѣ люди равны. Хорошо было бы всеобщее равенство, если бы дозволено было разнымъ франтамъ и франтихамъ чваниться своими золотыми кудрями, въ то время, какъ другимъ пришлось бы довольствоваться мочалою. Въ наши счастливые дни люди сравнены не только въ правахъ и обязанностяхъ, но и во внѣшности, насколько, конечно, это возможно. Начисто брея всѣхъ мужчинъ, заставляя всѣхъ носить волосы опредѣленнаго цвѣта и длины, мы, до нѣкоторой степени, исправляемъ ошибки самой природы.

— Но почему именно черные волосы признаны форменными?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ, что хорошенько не знаетъ, но, что такъ было рѣшено.

— Кѣмъ же?

— *Большинствомъ*,—возразилъ мой спутникъ, обнажая голову и молитвенно опуская глаза.

Пройдя еще нѣсколько улицъ, я замѣтилъ:

— Что это, здѣсь женщинъ совсѣмъ нѣтъ?

— Женщинъ!—воскликнулъ мнѣ спутникъ. — Какъ нѣтъ! Мимо насъ прошли сотни.

— Кажется, я не лишился способности узнать женщину при встрѣчѣ,—замѣтилъ я: — но что-то не могу припомнить ни одной.

— Вотъ вамъ, идутъ двѣ, — сказалъ онъ, указывая на пару субъектовъ въ форменныхъ сѣрыхъ курткахъ и штанахъ, проходившихъ мимо.

— Но, какъ же вы ихъ узнаёте?— спросилъ я.

— Какъ? Видите вы металлическія цифры у нихъ на воротникахъ?

— Да, я замѣтилъ у всѣхъ какіе-то номера, и удивлялся—къ чему это.

— Ну, такъ четные номера обозначаютъ женщинъ, нечетные—мужчинъ.

— Довольно просто, — сказалъ я:— пожалуй, при нѣкоторой практикѣ, можно научиться угадывать полъ съ одного взгляда.

— О, да,—отвѣтилъ онъ:—когда надо.

Мы прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Зачѣмъ же понадобились эти номера?—спросилъ я.

— Чтобы отличать одного человѣка отъ другого,—отвѣтилъ мой товарищъ.

— Развѣ фамилій больше нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Почему?

— О, это было страшное неравенство. Кто-нибудь, съ фамиліей Монмоpанси, съ презрѣніемъ глядѣлъ на Смита. А Смитъ не желалъ быть въ обществѣ Джона. Чтобы избѣжать этого и рѣшено было уничтожить фамиліи совершенно, замѣнивъ ихъ номерами.

— А Монморанси и Смиты не протестовали?

— Протестовали, конечно, но Джоны были въ *большинствѣ*.

Передъ нашей прогулкой я не успѣлъ умыться. Неудобно было въ такомъ видѣ возвращаться въ музей, къ тому же было жарко. Я обратился къ своему провожатому:

— Нельзя ли здѣсь гдѣ-нибудь омыться?

— Нѣтъ. Намъ не разрѣшено мыться самимъ, — отвѣтилъ онъ: — подождите до половины пятаго. Тогда, передъ чаемъ, васъ вымоютъ.

— *Вымоютъ*, — вскрикнулъ я. — Кто же?

— Государство.

По словамъ моего спутника, люди пришли къ убѣжденію, что если позволить каждому умываться по своей волѣ, равенство будетъ нарушено. Одни моются три, четыре раза въ день, другіе не видятъ умывальника болѣе одного раза,—въ результатѣ возникли бы двѣ категоріи людей — *чистыхъ* и *грязныхъ*. Съ ними возродились бы всѣ старые предразсудки.

Чистоплотные презирали бы грязныхъ, послѣдніе ненавидѣли бы чистыхъ. Во избѣжаніе этого государство рѣшило взять мытье въ свои руки, и въ настоящее время каждый гражданинъ моется два раза въ день особыми чиновниками, содержимыми отъ казны. Самовольное же мытье строго воспрещается.

Идя далѣе, я наконецъ обратилъ вниманіе, что мы не видѣли настоящихъ домовъ; въ безконечной линіи тянулись передъ нами лишь сараеобразныя строенія, какіе-то обрубки, всѣ одного вида и размѣровъ. По временамъ, гдѣ-нибудь на углу, попадались небольшія зданія, съ вывѣсками «Музей», «Госпиталь», «Совѣщательное Собраніе», «Бани», «Гимназія», «Академія Наукъ», «Выставка промышленности», «Школа краснорѣчія» и т. п.; но нигдѣ не было видно отдѣльныхъ частныхъ домовъ.

— Развѣ изъ людей никто не живетъ въ городѣ?—спросилъ я.

— Вы рѣшили дѣлать глупыя замѣчанія, — отвѣчалъ мой спутникъ; — и дѣйствительно не отступаете отъ вашей программы! Гдѣ же, какъ вы полагаете, живутъ они?

— Вотъ объ этомъ-то я и думалъ. Гдѣ же они живутъ?—замѣтилъ я.—Я нигдѣ не видѣлъ частныхъ домовъ.

— Мы и не имѣемъ надобности въ такихъ домахъ. Всѣ мы нынѣ соціалисты. Мы живемъ всѣ вмѣстѣ въ братствѣ и равенствѣ. Въ этихъ зданіяхъ, которыя вы видите, мы и размѣщаемся. Каждый корпусъ вмѣщаетъ 1,000 гражданъ. Въ немъ находится: 1,000 постелей, по 100 въ каждой комнатѣ, затѣмъ ванныя, уборныя, столовыя и кухни. Въ 7 часовъ, каждое утро, раздается звонокъ; всѣ встаютъ и убираютъ свои постели. Въ 7½ час. граждане направляются въ уборныя, гдѣ ихъ моютъ, причесываютъ и бреютъ. Въ 8 часовъ—завтракъ въ общей столовой. Онъ состоитъ изъ пинты овсяной похлебки и полпинты теплаго молока на каждаго. Всѣ мы—строгіе вегетаріанцы. Въ теченіе минувшаго столѣтія число послѣдователей вегетаріанства колоссально увеличилось, и, благодаря своей превосходной организаціи, они пріобрѣли рѣшающее значеніе на всѣхъ выборахъ и голосованіяхъ. Затѣмъ въ 1 часъ опять звонокъ, и народъ возвращается домой къ обѣду, состоящему изъ бобовъ и вареныхъ овощей. Два раза въ недѣлю даютъ пуддингъ съ вареньемъ, а по субботамъ—съ изюмомъ. Въ 5 часовъ—чай, а затѣмъ всѣ огни тушатся, и граждане ложатся спать. Такою жизнью живемъ мы всѣ, равные между собою,—и писецъ, и мусорщикъ, и мѣдникъ, и аптекарь... Мужчины живутъ въ этой части города, женщины—въ томъ концѣ.

— А какъ же семейные?—спросилъ я.

— О, у насъ теперь супружества нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—Мы уничтожили бракъ уже около двухсотъ лѣтъ тому назадъ. Видите ли, семейная жизнь не подходила къ нашей системѣ. Въ своихъ основахъ эта жизнь рѣзко противорѣчитъ соціализму. Люди думаютъ гораздо болѣе о своихъ семьяхъ, чѣмъ о государствѣ. Они желаютъ скорѣе трудиться для благосостоянія своего возлюбленнаго домашняго уголка, чѣмъ для блага общества. Они болѣе заинтересованы будущимъ своихъ дѣтей, чѣмъ будущимъ государства. Узы крови и любви дробятъ людей на тѣсно-сплоченныя мелкія группы, вмѣсто того, чтобы объединять ихъ въ одну общую семью всего народа. Самые принципы всеобщаго равенства, при господствѣ семейныхъ началъ, не устойчивы. Мужья, влюбленные въ своихъ женъ, считаютъ ихъ какими-то высшими существами, по сравненію съ другими дамами, и не стѣсняются открыто высказывать это. Влюбленныя въ мужей жены находятъ ихъ и умнѣе, и мужественнѣе, и красивѣе другихъ представителей сильнаго пола. Мамаши тѣшатъ себя мыслью, что ихъ дѣти лучше другихъ дѣтей. Въ дѣтяхъ же зарождается отвратительная ересь, что ихъ

отецъ и мать — лучшіе люди въ мірѣ. Съ какой точки зрѣнія ни взгляните — семейное начало вездѣ является нашимъ врагомъ. Какой-нибудь счастливчикъ обладаетъ прехорошенькой женой и двумя здоровыми крѣпышами, въ то время, какъ его сосѣдъ влачитъ печальное существованіе въ обществѣ изсохшей супруги и одиннадцати капризныхъ, болѣзненныхъ чадъ. Гдѣ же здѣсь равенство? Подобныхъ вещей нельзя допускать. Любовь—нашъ вѣчный врагъ, вмѣстѣ съ ея дѣтищемъ—бракомъ. Любовь дѣлаетъ равенство немыслимымъ. Она неразлучна съ горемъ, радостью, блаженствомъ, страданіями и тому подобными вредными экстазами. Она смущаетъ наши души и влечетъ за собой гибель человѣчества... Вотъ почему мы все это уничтожили. Теперь у насъ нѣтъ ни браковъ, ни дрязгъ; нѣтъ наслажденій, нѣтъ и горя; нѣтъ любовныхъ восторговъ, нѣтъ и мукъ отвергнутой любви; нѣтъ поцѣлуевъ, нѣтъ и слезъ. Всѣ мы живемъ общею жизнью среди абсолютнаго равенства, не вѣдая ни радости, ни горя.

— Дѣйствительно, это должно быть очень покойно, — замѣтилъ я. — Одно только — спрашиваю исключительно въ интересахъ науки, — объясните мнѣ, откуда же вы берете вашихъ новыхъ гражданъ: мужчинъ и женщинъ?

— О, это мы устраиваемъ довольно просто,—отвѣчалъ онъ.—Приблизительно такъ, какъ въ ваше время разводили лошадей и коровъ. Къ веснѣ, согласно заблаговременному требованію государства, изготовляется извѣстное число младенцевъ, которые и появляются на свѣтъ, при самомъ тщательномъ медицинскомъ надзорѣ, согласно послѣднимъ указаніямъ науки. Какъ только они рождаются, ихъ сейчасъ же отбираютъ отъ матерей (которыя, иначе, могли бы къ нимъ привязаться) и помѣщаютъ въ общественные пріюты, а затѣмъ и въ школы. Здѣсь дѣти остаются до 14 лѣтъ. Въ 14-тилѣтнемъ возрастѣ ихъ осматриваютъ особые инспектора отъ правительства и опредѣляютъ ихъ «призваніе». Согласно этому они и получаютъ дальнѣйшую подготовку. Въ 20 лѣтъ всѣ считаются совершеннолѣтними и получаютъ право голоса. Между мужскими и женскими представителями молодого поколѣнія не дѣлается никакого различія. Оба пола у насъ пользуются равными правами.

— Какими же правами?—спросилъ я.

— Да тѣми,—отвѣтилъ онъ:—о которыхъ я вамъ, вотъ уже около полутора часовъ, все разсказываю.

Нѣсколько миль проблуждали мы еще по городу. Улицы вездѣ сохраняли свой казарменный и угрюмый видъ.

— Развѣ въ городѣ нѣтъ ни лавокъ, ни магазиновъ?—обратился я къ своему руководителю.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ. — Зачѣмъ намъ онѣ? Государство насъ кормитъ, одѣваетъ, даетъ намъ уголъ, лѣчитъ, моетъ, чешетъ насъ, заботится о нашихъ дѣтяхъ и, наконецъ, хоронитъ. Къ чему намъ лавки и магазины?

Мнѣ захотѣлось пить.

— Нельзя ли куда-нибудь зайти и чего-нибудь выпить?—спросилъ я.

— Выпить? Чего выпить? Вѣдь за обѣдомъ будетъ по полпинтѣ какао на каждаго. Подумали ли вы объ этомъ?

Объяснять ему законность моей не «соціалистской» жажды я чувствовалъ себя не въ силахъ, къ тому же это было бы совершенно безполезно, такъ какъ онъ все равно бы ничего не понялъ. Я кротко отвѣтилъ:

— Хорошо. Я подумаю.

Нѣсколько далѣе, намъ попался навстрѣчу человѣкъ, здороваго, сильнаго сложенія, но я замѣтилъ, что у него всего одна рука. И раньше намъ встрѣчались подобные же субъекты. Я спросилъ своего спутника, что̀ это значитъ?

— Въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо изъ нашихъ выдѣляется своей силой, ростомъ,—отвѣчалъ онъ:—для соблюденія всеобщаго равенства, ему отрѣзыва-

ютъ руку или ногу. Природа, знаете, является иногда слишкомъ отсталой, не сообразуется съ духомъ времени. Что можемъ—мы дѣлаемъ для ея исправленія.

— Смѣю думать, что вы не считаете, однако, возможнымъ уничтожить ее совсѣмъ?—замѣтилъ я.

— Совсѣмъ—нѣтъ,—отвѣтилъ почтенный старецъ:—мы желаемъ только возможнаго. Однако,—прибавилъ онъ, съ понятною гордостью: — мы сдѣлали довольно много.

— Ну, а какъ же вы поступаете въ томъ случаѣ, — спросилъ я: — если появится выдающійся своимъ умомъ человѣкъ?

— О! У насъ было много возни съ этимъ вопросомъ. Но теперь подобныхъ непріятностей, въ видѣ феноменальнаго развитія мозга у какого-нибудь субъекта, мы совсѣмъ не боимся. Надъ головой такого субъекта мы просто производимъ небольшую, нисколько не опасную, но спасительную операцію, при помощи которой его и облегчаютъ отъ излишней порціи мозга. Я много размышлялъ о томъ,—пробормоталъ мой спутникъ,—что весьма прискорбно для насъ вѣчно хлопотать объ уравненіи всѣхъ этихъ неправильностей и аномалій—результата *прошлаго*—вмѣсто того, чтобы заняться подобной задачей для *будущаго*. Но, конечно, это невозможно.

— И, вы думаете, что вы правы,— сказалъ я: — кромсая и уродуя такимъ образомъ народъ?

— Конечно, правы,—отвѣтилъ онъ.

— Однако, вы, кажется, немного самоувѣрены, — замѣтилъ я. — Почему же это: «конечно, правы»?

— Потому, что это рѣшено *большинствомъ*.

— Но почему же это рѣшеніе правильно?—настаивалъ я.

— *Большинство* не можетъ быть не право,—былъ отвѣтъ моего соціалиста.

— Ого! А что же думаютъ тѣ, которыхъ такъ безжалостно уродуютъ?

— Они?—переспросилъ онъ, очевидно удивленный этимъ вопросомъ.—Но вѣдь вы знаете — они въ меньшинствѣ.

— Да. Но вѣдь и меньшинство имѣетъ нѣкоторое право на собственныя руки, ноги, головы?

— У меньшинства нѣтъ правъ, — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Однако,—замѣтилъ я:—живя здѣсь, очень пріятно принадлежать къ большинству. Не правда ли?

— О, да! Почти всѣ такъ и дѣлаютъ. Кажется, они находятъ это болѣе удобнымъ.

Въ концѣ-концовъ унылый видъ города началъ нагонять на меня тоску, и я спросилъ, нельзя ли, для разнообразія, пройтись взглянуть на деревенскую жизнь.

— О, разумѣется, можно; не думаю, однако, чтобы это особенно заинтересовало васъ.

— Какъ? Но я помню, какъ чудно было въ деревнѣ прежде, — воскликнулъ я:—передъ тѣмъ, какъ мнѣ заснуть. Эти вѣковыя зеленѣющія деревья, колеблемая вѣтромъ трава, утопающіе въ розахъ коттэджи...

— Ну, у насъ все это перемѣнилось,—прервалъ онъ:—деревня наша представляетъ просто огромный огородъ, прорѣзанный правильными улицами и каналами. Ничего красиваго вы здѣсь не увидите. Мы упразднили красоту. Это противорѣчило нашему принципу всеобщаго равенства. Несправедливо было однимъ жить среди роскошнаго пейзажа, другимъ—среди безплодныхъ болотъ. Теперь все отлично уравновѣшено, и ни одна мѣстность нашего государства, по своимъ достоинствамъ, нисколько не лучше другой.

— Скажите, можно ли бѣжать кому-либо изъ вашей страны,—спросилъ я:—бѣжать, не разбирая уже куда именно, бѣжать *вообще*?

— О, конечно, сколько вамъ угодно,—отвѣтилъ мой спутникъ:—но къ чему бы

это послужило? Вездѣ вѣдь одно и то же. Весь свѣтъ представляетъ теперь собой одинъ народъ, у всѣхъ одинъ языкъ, одинъ законъ, одна жизнь.

— И вы ничѣмъ не разнообразите вашего унылаго житья? Что у васъ устроено для отдыха, развлеченія общества? Театры есть?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ спутникъ. — Комедіанты и шуты оказались положительно неспособными проникнуться принципами равенства. Каждый актеръ считалъ себя лучшимъ лицедѣемъ въ мірѣ, стоящимъ неизмѣримо выше остальныхъ. Не знаю, замѣчалось ли нѣчто подобное въ ваше время?

— Разумѣется,—отвѣтилъ я:—но мы не обращали на это вниманія.

— Ну, а мы обратили, — продолжалъ онъ:—и въ виду этого упразднили театры. Къ тому же «Попечительство Бѣлой Ленты» заявило, что всѣ увеселительныя заведенія суть мѣста грѣховныя и способствующія упадку нравственности. «Попечительство» это обладаетъ великолѣпной организаціей и энергичными руководителями. При помощи *большинства* оно добилось своего, и теперь у насъ не существуетъ никакихъ увеселеній.

— Ну, а книги читать разрѣшается?— полюбопытствовалъ я.

— Да, — отвѣчалъ онъ: — но теперь вообще мало пишутъ. Вы видѣли, насколько совершенно устроена наша жизнь. Въ ней нѣтъ мѣста для неправды, горя, радости, надежды, любви, неудовлетворенности и прочихъ душевныхъ движеній, смущавшихъ прежняго человѣка. О чемъ же теперь писать? Только о судьбахъ человѣчества?

— Правда, — сказалъ я. — Въ этомъ отношеніи я согласенъ съ вами. Но, какъ же старыя творенія, классики? У насъ былъ Шекспиръ, Скоттъ, Теккерей, да и мои двѣ-три вещицы были не плохо написаны. Съ ними-то какъ вы распорядились?

— О, все это сожжено, — заявилъ онъ.—Эти произведенія полны были старыхъ, еретическихъ воззрѣній стараго нечестиваго времени, когда люди были рабами и работали, какъ скоты.

По его словамъ всѣ картины и скульптурныя произведенія старыхъ временъ подверглись той же участи, частью, вслѣдствіе подобнаго же взгляда на нихъ, частью же потому, что «Попечительство Бѣлой Ленты» нашло ихъ недостаточно нравственными. Равнымъ образомъ запрещены и всякія новыя произведенія искусства и литературы въ духѣ прежняго времени. Они заставляли людей думать. Думающій человѣкъ дѣлается умнѣе того, который не видитъ въ этомъ надобности. Послѣднимъ, конечно, это не нравится, и такъ какъ они всегда составляютъ *большинство*, то и запретили всѣ подобныя занятія.

На основаніи такихъ же соображеній запрещены и всѣ роды спорта и игръ. Упражненія эти возбуждаютъ духъ соревнованія, соперничества и влекутъ за собой неравенство.

Я спросилъ:

— Сколько часовъ работаютъ граждане въ день?

— Три часа,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ,—затѣмъ они могутъ дѣлать, что имъ угодно.

— Ну, и что же вы дѣлаете съ собой остальное время?

— О, мы отдыхаемъ.

— Какъ, — 21 часъ?

— Да, отдыхаемъ, думаемъ, бесѣдуемъ.

— О чемъ же вы думаете и бесѣдуете?

— О томъ, какую дурную жизнь вели прежде люди, о томъ, какъ мы теперь счастливы и... и о будущемъ человѣчества.

— Не надоѣло вамъ вѣчно хлопотать объ этомъ будущемъ?

— Нѣтъ, не особенно.

— Но вѣдь вы не можете знать его. Что, напримѣръ, по-вашему сулитъ будущее человѣчеству?

— О! что?—То, что люди будутъ подобны намъ, только еще болѣе... Будетъ еще болѣе равенства, электричества и... каждый будетъ имѣть два голоса, вмѣсто одного, и...

— Благодарю васъ, я понимаю. Нѣтъ ли еще чего-нибудь замѣчательнаго въ вашемъ мірѣ? Религію-то вы оставили?

— О, да!

— И вы чтите Господа Бога?

— О, да!

— Какъ вы Его называете?

— *Большинствомъ.*

— Еще одинъ вопросъ... впрочемъ, не утомилъ ли я васъ своими разспросами?

— О, нѣтъ! Это занимаетъ какъ разъ время моей обязательной работы государству.

— Въ самомъ дѣлѣ? Весьма радъ, а то я опасался, что отнимаю у васъ часть вашего драгоцѣннаго отдыха. И такъ, я хотѣлъ спросить—часто случаются у васъ самоубійства?

— Нѣтъ. Подобныхъ вещей у насъ не бываетъ.

Я глядѣлъ на лица проходившихъ мужчинъ и женщинъ. У всѣхъ было необыкновенно спокойное выраженіе. Я сталъ вспоминать—гдѣ я видѣлъ это раньше? Что-то было необыкновенно знакомое въ ихъ лицахъ. Это было какъ разъ то спокойное, слегка удивленное выраженіе, которое я всегда наблюдалъ у лошадей и коровъ еще во времена стараго, «дореформеннаго» міра.

Нѣтъ. *Такіе* люди не думаютъ о самоубійствѣ.

. . . .

Странно! Какъ вдругъ потускнѣли и смѣшались всѣ лица вокругъ меня! Гдѣ же мой проводникъ?.. Почему я сижу на полу?.. Чу, да это голосъ мистрисъ Белглозъ, моей старой хозяйки. Развѣ *она* тоже проспала 1000 лѣтъ?.. Она говоритъ, что теперь 12 часовъ—только 12?.. И меня не мыли въ половинѣ пятаго?.. Мнѣ жарко, во рту пересохло, болитъ голова. Да что это! Я лежу на своей постели?.. Развѣ все это былъ только сонъ?.. И я опять вернулся въ XIX столѣтіе?

Въ открытое окно врывался шумъ и грохотъ старой жизненной борьбы. Люди попрежнему боролись, работали, завоевывая себѣ жизнь и счастье настойчивой волей. Люди попрежнему смѣялись, тосковали, любили, совершали дурныя и добрыя дѣла, падали, карабкались, помогали другъ другу... жили.

Я поработалъ сегодня значительно болѣе трехъ часовъ. Пожалуй, всѣ семь. Это вредно, и я никогда не буду на ночь курить столько крѣпкихъ сигаръ!

Гигіеническія бесѣды.

Проф. **Ф. Ф. Эрисмана.**

(Продолженіе.)

13. Водоснабженіе населенныхъ мѣстъ.—Значеніе воды для человѣка.—Требованія, предъявляемыя къ водѣ съ санитарной точки зрѣнія.—Роль питьевой воды въ распространеніи заразныхъ болѣзней.—Способы очищенія воды; устройство и дѣйствіе фильтровъ;—кипяченая вода.—Выборъ источниковъ для водоснабженія.—Необходимое количество воды.—Водопроводныя трубы.

Если жизнь на земной поверхности немыслима безъ воздуха, то она невозможна и безъ воды. Отъ присутствія воды, столько же, сколько и отъ воздуха, свѣта и теплоты, зависитъ плодородіе почвы, характеръ растительности и вообще вся та внѣшняя обстановка, которая необходима для жизни и процвѣтанія человѣческаго рода; отсутствіе воды дѣлаетъ природу мертвой. Затѣмъ вода играетъ весьма важную роль въ питаніи человѣка. Двѣ трети человѣческаго тѣла, по вѣсу, состоятъ изъ воды; въ мыш-

цахъ содержится 75 процентовъ воды, въ крови даже 83 процента. Извѣстное содержаніе воды въ организмѣ такъ же необходимо, какъ содержаніе въ немъ бѣлковъ. жира или минеральныхъ солей, и всѣ тѣ химическіе процессы, благодаря которымъ поддерживается питаніе и ростъ организма, совершаются только при наличности воды. Поэтому содержаніе воды въ органахъ не можетъ подвергаться большимъ измѣненіямъ безъ ущерба для здоровья человѣка.

Необходимую для питанія своего организма воду человѣкъ получаетъ въ достаточномъ количествѣ въ видѣ жидкой или полужидкой пищи, или въ видѣ горячаго питья (чай, кофе и проч.). Но вода, принимаемая человѣкомъ въ этой формѣ, такъ сказать, между прочимъ, несмотря на огромную роль, которую она играетъ въ питаніи организма, не вызываетъ никакихъ особенныхъ замѣчаній съ общественно - гигіенической точки зрѣнія. Все вниманіе гигіенистовъ обращено на ту воду, которая употребляется человѣкомъ въ *натуральномъ* видѣ для утоленія жажды. Ею же мы обыкновенно пользуемся для поддержанія чистоты какъ на тѣлѣ, такъ и въ квартирахъ, на улицахъ и т. д.; съ точки зрѣнія общественной гигіены, примѣненіе воды къ *этой* цѣли заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Сознавая всю важность хорошаго водоснабженія населенныхъ мѣстъ, человѣкъ почти всегда и повсюду обнаруживалъ стремленіе имѣть въ своемъ распоряженіи чистую и пріятную на вкусъ воду, и притомъ въ надлежащемъ количествѣ. Древніе культурные народы — египтяне, греки, римляне и проч.—всегда заботились о снабженіи своихъ поселеній доброкачественной водой въ большомъ количествѣ; остатки огромныхъ водопроводныхъ сооруженій, построенныхъ во многихъ мѣстахъ римлянами и почти безъ исключенія исчезнувшихъ съ упадкомъ римской культуры, свидѣтельствуютъ о томъ, что потребность въ хорошей водѣ была сильно развита у этого народа. Въ средніе вѣка и впослѣдствіи населеніе, хотя и всегда дорожило вкусной питьевой водой, все же относилось съ меньшей заботливостью къ вопросу о водоснабженіи. Стремленіе къ чистоплотности, соотвѣтственно средневѣковому состоянію культуры, было не особенно развито, и горожане пользовались водой преимущественно изъ ближайшихъ источниковъ—изъ рѣкъ и ручейковъ, протекающихъ черезъ города, или изъ колодцевъ, вырытыхъ въ городской почвѣ, на дворахъ и улицахъ. И лишь въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, вслѣдствіе огромнаго роста городского населенія, явились въ этомъ отношеніи новыя потребности, увеличился повсюду спросъ на воду и выступили на первый планъ въ городскомъ хозяйствѣ заботы о доставленіи обывателямъ большихъ количествъ чистой и пріятной на вкусъ воды. Этому стремленію въ значительной степени содѣйствовалъ тотъ фактъ, что прежніе источники водоснабженія, находившіеся почти повсюду въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ жильемъ, мало-по-малу становились негодными: рѣки загрязнялись благодаря усиленному притоку городскихъ нечистотъ и сточныхъ водъ, а колодезная вода портилась вслѣдствіе постепеннаго насыщенія почвы помоями и содержимымъ выгребныхъ ямъ. Къ этому присоединился еще постоянно увеличивающійся спросъ на воду какъ для общественныхъ цѣлей, такъ и со стороны отдѣльныхъ обывателей, вызванный все болѣе и болѣе распространяющимся убѣжденіемъ, что чистота тѣла, одежды и жилища, а равно и чистота воздуха и почвы, имѣетъ существенное вліяніе на здоровье народонаселенія. Въ настоящее время въ Западной Европѣ или въ Америкѣ едва ли можно найти болѣе или менѣе значительный городъ, который не имѣлъ бы своего водопровода; точно такъ же и у насъ въ Россіи вопросъ о водоснабженіи городовъ стоитъ на первой очереди тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ ихъ санитарномъ благоустройствѣ. Намъ извѣстно даже, что и наши земства отчасти начинаютъ серьезно заботиться о водоснабженіи деревень тамъ, гдѣ послѣднія, по мѣстнымъ почвеннымъ условіямъ, не имѣютъ хорошихъ колодцевъ, а вынуждены брать воду изъ мелкихъ и легко доступныхъ загрязненію прудовъ, или гдѣ фабрики портятъ рѣчную воду.

Прежде всего въ такихъ случаяхъ всегда является вопросъ *о тѣхъ качествахъ, которыми должна обладать доставляемая населенію вода;* затѣмъ возникаетъ вопросъ *о способахъ доставленія обывателямъ воды въ надлежащемъ количествѣ.*

Первое требованіе, предъявляемое водѣ, заключается въ томъ, чтобы она была *совершенно чиста*, *прозрачна, безцвѣтна*, *свѣжа*, *безъ всякаго запаха и не имѣла опредѣленнаго вкуса.* Необходимо, чтобы питьевая вода своимъ внѣшнимъ видомъ ласкала нашъ взоръ и чтобы намъ пріятно было ее пить. Вода, не обладающая этими качествами, не годится въ питье, хотя бы тысячу разъ было доказано, что она по своему химическому составу удовлетворительна и не содержитъ никакихъ вредныхъ примѣсей. Тотъ слабый, неопредѣленный вкусъ, который свойственъ хорошей питьевой водѣ, обусловливается присутствіемъ въ

ней умѣреннаго количества минеральныхъ солей и газовъ (преимущественно углекислоты); совершенно безвкусная вода кипяченая, дестиллированная—намъ непріятна или даже противна; но не менѣе противенъ намъ рѣзкій вкусъ воды, вызываемый слишкомъ большимъ содержаніемъ въ ней нѣкоторыхъ солей, напр., поваренной соли (морская вода). Слишкомъ теплая вода не нравится намъ, такъ какъ она не утоляетъ жажды и не освѣжаетъ; она можетъ даже произвести тошноту и рвоту. Употребленіе слишкомъ холодной воды, въ особенности при разгоряченномъ тѣлѣ, можетъ вызвать болѣзненныя явленія и даже, вслѣдствіе сильнаго дѣйствія на нервную систему, сдѣлаться причиной моментальной смерти. Крайнія колебанія температуры питьевой воды не должны превышать предѣловъ отъ 5—15 град. Цельсія (4—12 град. по Реомюру); пріятнѣе всего, когда температура воды, въ теченіе всего года, держится между 9 и 11 град. по Цельсію.

Такимъ образомъ вода, на видъ мутная, имѣющая при извѣстной толщинѣ слоя (30 сантиметровъ) опредѣленный цвѣтъ (напр., желтоватый), издающая какой-нибудь запахъ (напр., сѣроводорода) и имѣющая непріятный привкусъ, не годится въ питье. Конечно, бываютъ случаи, когда человѣка настолько мучитъ жажда, что онъ готовъ пить изо всякой лужи, лишь бы промочить горло; но такая крайность не можетъ быть принимаема въ расчетъ, когда рѣчь идетъ о правильномъ водоснабженіи,—да и даже въ такихъ случаяхъ можно воду предварительно болѣе или менѣе очистить отъ грязи и сдѣлать ее, если можно такъ выразиться, болѣе аппетитной.

Однако, не всякая, чистая на видъ и даже пріятная на вкусъ вода можетъ быть признана годной для водоснабженія населенныхъ мѣстъ. Иногда, при всей чистотѣ и прозрачности, вода содержитъ вещества, которыя заставляютъ насъ относиться къ ней подозрительно или же прямо признать ее вредной. Составъ воды тѣхъ естественныхъ источниковъ, которыми мы обыкновенно пользуемся для водоснабженія, въ значительной степени зависитъ отъ качествъ почвы, съ которою она приходитъ въ соприкосновеніе, протекая или по поверхности земли, или въ болѣе глубокихъ слояхъ ея. Изъ этой почвы вода, въ особенности при помощи углекислоты, воспринимаемой ею или изъ атмосфернаго, или изъ почвеннаго воздуха, извлекаетъ различныя соли. Иногда, мѣстами, она является на поверхность очень богатою минеральными солями (минеральные источники), и тогда она употребляется для лѣчебныхъ цѣлей; большей же частью соли находятся въ ней въ небольшомъ количествѣ. Самыми обыкновенными составными частями воды, какого бы происхожденія она ни была (за исключеніемъ дождевой воды), являются *известь* и *магнезія*, въ соединеніи съ различными кислотами — чаще всего съ *угольной* кислотой, но, кромѣ того, встрѣчаются и *сѣрная* и *азотная кислоты*, а равно и *хлоръ*; впрочемъ, послѣдній находится въ водѣ главнымъ образомъ въ видѣ хлористаго натрія (поваренной соли). Если почва, по которой протекаетъ вода, состоитъ не изъ однѣхъ минеральныхъ частей, а содержитъ и *органическія вещества*, то болѣе или менѣе значительныя количества послѣднихъ растворяются въ водѣ и увлекаются послѣдней; а если среди этихъ органическихъ веществъ находятся вещества животнаго происхожденія, обладающія способностью быстро разлагаться въ почвѣ (экскременты, кухонные отбросы и проч.), то въ водѣ появляются продукты этого разложенія—*аммiакъ* и *азотная кислота*.

Отсюда мы видимъ, что составъ воды естественныхъ источниковъ можетъ быть очень разнообразенъ, а вслѣдствіе этого самъ собой напрашивается вопросъ: при какомъ же составѣ вода должна быть признана наилучшей, наиболѣе пригодной для питья, приготовленія кушаній и другихъ, хозяйственныхъ или техническихъ, цѣлей? И при какихъ условіяхъ она должна быть признана неудовлетворительной или вредной?

Много и долго думали и спорили ученые объ этихъ вопросахъ; неоднократно пытались они установить въ отношеніи состава питьевой воды такъ-называемыя «*нормы*», то-есть указать тѣ предѣльныя величины отдѣльныхъ составныхъ частей воды, которыя могли бы быть допускаемы гигіеной. Много труда потрачено на выясненіе санитарнаго значенія той или другой составной части воды, и, тѣмъ не менѣе, мы до сихъ поръ нерѣдко находимся въ затрудненіи, и мнѣнія ученыхъ могутъ расходиться, когда приходится рѣшать вопросъ о пригодности какого-нибудь источника для водоснабженія населенныхъ мѣстъ или о степени вредности находимаго въ той или другой водѣ количества извѣстной составной части ея. *Очевидно, что этотъ вопросъ не поддается рѣшенію по разъ навсегда установленному шаблону*, а что въ каждомъ данномъ случаѣ — по крайней мѣрѣ, если вода не обладаетъ такимъ явнымъ недостаткомъ, что въ ея непригодности нельзя сомнѣваться — необходимо принимать во вниманіе всѣ обстоятельства, которыя могутъ говорить въ пользу воды или противъ нея. Во многихъ случаяхъ изслѣдованіе самой воды не даетъ даже достаточной точки опоры для санитарной

оцѣнки ея, и послѣдняя становится возможной только при ближайшемъ знакомствѣ съ мѣстными условіями, то-есть съ качествами почвы, съ которой вода приходитъ въ прикосновеніе, и съ возможностью засоренія воды грязными притоками съ поверхности земли.

Однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ и общеизвѣстныхъ признаковъ при санитарной оцѣнкѣ воды служитъ степень ея *«жесткости»*. Жесткость воды обусловливается содержаніемъ въ ней известковыхъ и магнезіальныхъ солей; степень ея выражается «градусами», и 1 градусъ жесткости обозначаетъ присутствіе 1 части извести (или соотвѣтственнаго по атомному вѣсу количества магнезіи) въ 100,000 частяхъ воды. Вода, въ которой немного извести или магнезіи, называется *«мягкой»*. Если жесткость не превышаетъ 8—10 градусовъ, то вода можетъ быть признана *мягкой*; при 10—15 градусахъ — *умѣренно-жесткой*; при 15 — 22 градусахъ—*жесткой*, а при еще большемъ содержаніи извести и магнезіи — *весьма жесткой*. Въ общемъ, для водоснабженія городовъ, мягкая вода предпочитается жесткой, хотя собственно для питья вода, обладающая жесткостью въ 10—20 градусовъ, пріятнѣе и вкуснѣе слишкомъ мягкой воды. Въ домашнемъ обиходѣ, дѣйствительно, жесткая вода представляетъ нѣкоторыя неудобства, такъ какъ въ ней мясо и овощи (въ особенности горохъ и бобы) развариваются плохо, а чай настаивается мутный и получаетъ непріятный привкусъ; кромѣ того, при стиркѣ бѣлья въ жесткой водѣ происходитъ болѣе или менѣе значительная (10—80%) потеря мыла. Для техническихъ цѣлей, въ общемъ, также предпочитаютъ мягкую воду. Въ общемъ вода, имѣющая болѣе 20—22 градусовъ жесткости, отвергается для водоснабженія городовъ. Но и эту величину нельзя признать абсолютной нормой, и было бы несправедливо забраковывать воду, единственный недостатокъ которой заключается въ такой жесткости, въ особенности, если принять въ соображеніе, что нерѣдко нахожденіе хорошей воды въ достаточномъ количествѣ оказывается весьма затруднительнымъ. Необходимо имѣть въ виду также, что при кипяченіи воды часть находящейся въ ней извести и магнезіи, а именно та, которая соединена съ углекислотой, выдѣляется въ видѣ бѣлой пленки, плавающей на поверхности воды, или въ видѣ накипи, пристающей ко дну и къ стѣнкамъ сосуда; вслѣдствіе этого, вода отъ кипяченія становится мягче, и притомъ тѣмъ мягче, чѣмъ больше она содержитъ углекислой извести или магнезіи. Сѣрнокислыя, азотнокислыя и хлористыя соединенія извести и магнезіи при обыкновенномъ кипяченіи воды, если послѣдняя не окончательно выпаривается, не отпадаютъ, и такъ какъ большія количества этихъ солей въ питьевой водѣ, повидимому, могутъ вызвать у потребителей разстройство пищеварительныхъ органовъ, то, при одинаковой жесткости, мы, съ санитарной точки зрѣнія, отдадимъ предпочтеніе той водѣ, въ которой преобладаютъ углекислыя соли извести и магнезіи надъ другими. Отъ прибавленія небольшого количества известковаго молока или соды, жесткая вода становится мягче; поэтому, при завариваніи чая на жесткой водѣ, къ послѣдней нерѣдко прибавляютъ соду.

Къ большому содержанію *хлора* въ водѣ нужно всегда относиться подозрительно, потому что оно указываетъ на то, что вода гдѣ-нибудь находилась въ соприкосновеніи съ почвой, загрязненной нечистотами, кухонными отбросами или помоями и т. под. Еще сильнѣе подозрѣніе становится тогда, если въ послѣдней встрѣчаются *амміакъ* и *азотистая кислота*. Эти примѣси въ чистой водѣ должны совершенно отсутствовать, *и потому вода, въ которой находится больше слѣдовъ этихъ веществъ и гдѣ присутствіе ихъ не зависитъ отъ какой-нибудь случайной, легко устранимой причины, не можетъ быть признана удовлетворительной съ санитарной точки зрѣнія.* Было бы, однако, ошибочно думать, что тѣ количества хлора, амміака или азотистой кислоты, которыя иногда встрѣчаются въ колодезной, прудовой или рѣчной водѣ, сами по себѣ представляютъ какую-нибудь опасность въ санитарномъ отношеніи; и если, тѣмъ не менѣе, мы забраковываемъ воду, содержащую хлоръ въ значительномъ количествѣ, а амміакъ или азотистую кислоту въ ничтожныхъ количествахъ, то мы пользуемся этими веществами лишь какъ *показателями загрязненія* воды разными нечистотами и продуктами ихъ гнилостнаго разложенія, присутствіе которыхъ въ питьевой водѣ не можетъ быть допущено.

Естественные водоемы почти всегда содержатъ извѣстное количество *органическихъ веществъ*; но эти вещества часто бываютъ растительнаго происхожденія и въ большинствѣ случаевъ совершенно безвредны для потребителя. Однако, они могутъ сдѣлаться подозрительными и опасными, если они встрѣчаются въ водѣ совмѣстно съ амміакомъ и азотистой кислотой, то-есть если они, хотя отчасти, происходятъ отъ примѣси къ водѣ различныхъ нечистотъ и отбросовъ. Кромѣ того, ихъ слѣдуетъ опасаться, по мнѣнію многихъ, потому, что они превращаютъ

воду въ удобную среду для размноженія микроорганизмовъ; поэтому справедливо требуютъ, *чтобы вода, служащая для питья или для различныхъ хозяйственныхъ цѣлей, не содержала больше извѣстнаго предѣльнаго количества органическихъ веществъ.*

Питьевая вода можетъ сдѣлаться вредной для потребителей, если она содержитъ *зародыши какихъ-либо болѣзней*, въ особенности если въ ней находятся болѣзнетворные микроорганизмы. Не всегда человѣкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи вполнѣ чистую отъ природы воду, такъ что приходится прибѣгнуть къ *искусственному очищенію* ея при помощи кипяченія, химической обработки или фильтраціи. При *кипяченіи* воды, дурно-пахнущіе или *вредные газы* (напримѣръ, сѣро-водородъ) *изъ нея удаляются*, разлагающіяся органическія вещества могутъ потерять свои опасныя для потребителя воды свойства, *микроорганизмы убиваются.*

Но если исключительное потребленіе кипяченой воды гдѣ-нибудь вводится обязательно, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо заботиться о безукоризненной чистотѣ ея, для того, чтобы не усугублять и безъ того отталкивающее впечатлѣніе, производимое этой водой. Съ другой стороны, необходимо принимать всевозможныя мѣры къ тому, *чтобы всѣ естественные водоемы, которые служатъ для водоснабженія населенныхъ мѣстъ, были абсолютно ограждены отъ такихъ веществъ и отбросовъ, въ которыхъ могли бы находиться заразныя начала въ той или другой формѣ.* Съ этой цѣлью слѣдуетъ лишь въ крайности пользоваться открытыми водоемами (рѣками, прудами, неглубокими колодцами, озерами), если не имѣется приспособленій для систематической, надлежащей очистки воды; всякое загрязненіе этихъ водоемовъ людьми или животными должно быть тщательно избѣгаемо. Вообще же слѣдуетъ отдавать предпочтеніе такимъ источникамъ водоснабженія, возможность загрязненія которыхъ устранена или самой природой, т. е. ихъ мѣстоположеніемъ (ключи, глубокіе и артезіанскіе колодцы), или искусственными мѣрами (раціональнымъ устройствомъ водосборныхъ сооруженій и самаго водопровода).

Для очищенія воды *химическимъ* путемъ къ ней прибавляютъ вещества, вызывающія появленіе осадка, который, опускаясь на дно посуды, увлекаетъ съ собой, если не всѣ, то значительную часть плавающихъ въ водѣ постороннихъ частицъ, не исключая микроорганизмовъ.

Чаще всего для этой цѣли употребляются *квасцы* и другія соли глинозема, при помощи которыхъ дѣйствительно можно получить надъ образовавшимся осадкомъ весьма чистую воду. Но количество прибавляемыхъ квасцовъ должно быть очень незначительно (всего нѣсколько десятыхъ грамма на 1 литръ воды), такъ какъ въ противномъ случаѣ вода получаетъ непріятный привкусъ и становится негодною для питья. Впрочемъ, обработка большихъ количествъ воды этимъ путемъ представляется хлопотливой и затруднительной, и потому этотъ пріемъ не можетъ получить широкаго примѣненія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о водоснабженіи цѣлыхъ городовъ или селеній. Въ этомъ случаѣ очистка воды, разъ она признается необходимой (рѣчная, озерная вода), производится лучше всего при помощи *фильтровъ.* Можно фильтровать въ *одномъ* мѣстѣ всю массу воды, назначенную для цѣлаго города, и тогда по улицамъ послѣдняго и по домамъ, при помощи водопроводныхъ трубъ, распредѣляется уже фильтрованная вода (такъ-называемая «*центральная*» фильтрація), или, при отсутствіи такого общаго фильтра, фильтрующія приспособленія устраиваются въ домахъ, при водопроводныхъ кранахъ («*домовые*» фильтры).

Городскіе фильтры, до послѣдняго времени, строились исключительно изъ песку—по примѣру Лондона, гдѣ первый такой фильтръ былъ устроенъ, для очищенія воды рѣки Темзы, еще въ 1839 году. Въ большихъ бассейнахъ, представляющихъ огромную поверхность, на дно кладется слой булыжника въ 60 сантиметровъ толщины; надъ нимъ помѣщается слой гравія, а надъ гравіемъ песокъ, сначала крупный, а потомъ мелкій; вся толщина фильтра равняется 1,5—1,8 метровъ. Подлежащая фильтраціи вода должна образовать надъ поверхностью песка слой 0,5—1 метръ толщины; при этихъ условіяхъ она медленно протекаетъ черезъ фильтръ, собирается на днѣ бассейна, а оттуда, черезъ каналъ, поступаетъ въ городской водопроводъ. *Скорость прохожденія воды должна быть очень не велика*—въ среднемъ не больше 15 сантиметровъ ($3^1/_2$ вершка) въ 1 часъ; если фильтруемая вода сравнительно чиста, то можно допустить нѣсколько бо̀льшую скорость (до 20—25 сантим.); при мутной же водѣ приходится уменьшить скорость до 8—10 сантим. въ 1 часъ. Это правило настолько важно, что при нарушеніи его результатъ фильтраціи можетъ быть весьма неудовлетворительный даже при вполнѣ хорошей конструкціи фильтровъ; въ этомъ случаѣ въ пескѣ легко образуются особые ходы, какъ бы русла, по которымъ вода проходитъ не фильтрованная, увлекая съ

собой даже довольно крупные предметы. Нерѣдко нареканія на неудовлетворительное дѣйствіе фильтровъ основываются именно на этомъ явленіи, вызываемомъ неправильной эксплоатаціей ихъ. На 1 квадр. метръ фильтрующей поверхности можно разсчитывать получить въ 24 часа, въ среднемъ, 2—3 куб. метра чистой воды. Послѣ наполненія фильтра водой, въ теченіе нѣкотораго времени, получается нѣсколько мутная вода, которой нельзя пользоваться. Это зависитъ, отчасти, отъ того, что сначала поры фильтрующаго слоя, даже если онъ состоитъ изъ самаго мелкаго песка, все же пропускаютъ извѣстное количество взвѣшенныхъ въ водѣ частицъ, отчасти же оно обусловливается тѣмъ, что вода увлекаетъ съ собой мельчайшія частицы этого слоя. Но скоро органическія вещества и бактеріи, осѣдающія на поверхность фильтра изъ воды, образуютъ тамъ нѣчто въ родѣ пленки или войлока, окутывающаго отдѣльныя песчинки и суживающаго поры между ними. Эта пленка, такимъ образомъ, является существенной частью фильтра, и нарушеніе ея неблагопріятно отзывается на результатѣ фильтраціи. Черезъ нѣкоторое время, впрочемъ, она становится черезчуръ толстой и плотной, вслѣдствіе чего слишкомъ усиливается сопротивленіе, оказываемое ею прохожденію воды. Тогда верхній слой песка, приблизительно на 1—3 сантиметра, снимается; раза 2 въ годъ снятый песокъ замѣщается свѣжимъ и первоначальная толщина фильтра возстановляется. Бывшій въ употребленіи песокъ промывается, сушится и затѣмъ идетъ снова въ дѣло.

Дѣйствіе фильтровъ на проходящую черезъ нихъ воду — главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, *механическое* и заключается въ задерживаніи взвѣшенныхъ въ водѣ постороннихъ частицъ. При правильномъ ходѣ фильтраціи вода получается на видъ абсолютно чистая; даже микроорганизмы почти совершенно задерживаются, такъ что въ фильтрованной водѣ они считаются лишь единицами или десятками въ каждомъ кубич. сантиметрѣ; если же количество ихъ въ 1 кубич. сантиметрѣ фильтрованной воды превышаетъ 100, то воду должно признать недостаточно очищенной. По отношенію къ растворенным составнымъ частямъ воды, фильтры не обнаруживаютъ значительнаго дѣйствія; находящіяся въ растворѣ органическія вещества ими не задерживаются вовсе или лишь въ слабой степени, и *вообще на улучшеніе химическаго состава воды посредствомъ фильтровъ разсчитывать невозможно;* исключеніе составляютъ лишь аммiакъ и сѣроводородъ, которые фильтрами почти цѣликомъ удаляются изъ воды. Вообще дѣйствіе городскихъ фильтровъ подлежитъ правильному химическому и бактеріологическому контролю. Главный недостатокъ центральныхъ песочныхъ фильтровъ заключается, съ одной стороны, въ томъ, что они занимаютъ очень много мѣста, а съ другой — въ сложности ухода за ними. Въ виду этого, въ новѣйшее время ихъ замѣняютъ иногда, въ особенности въ американскихъ городахъ, другими, болѣе компактными фильтрами, состоящими обыкновенно изъ цѣлой системы большихъ плитъ, сдѣланныхъ изъ искусственно приготовляемаго пористаго состава. По имѣющимся наблюденіямъ, эти фильтры могутъ дать воду хорошаго качества и притомъ въ бо́льшемъ количествѣ и при гораздо болѣе простомъ уходѣ, чѣмъ песочные фильтры; но вопросъ о желательности всеобщей замѣны послѣднихъ новыми фильтрами намъ кажется еще не окончательно выяснившимся.

Домовые фильтры употребляются тамъ, гдѣ, при водоснабженіи рѣчной или озерной водой, не существуетъ центральныхъ фильтровъ, или гдѣ вообще нѣтъ общаго водопровода, а, между тѣмъ, имѣющаяся въ распоряженіи вода нуждается въ очищеніи. Въ прежнее время для этой цѣли употреблялись главнымъ образомъ *порозные камни*, *уголь* въ той или другой формѣ (въ видѣ порошка или прессованнаго, такъ-называемаго «пластическаго» угля), *губчатое желѣзо*, *шерстяныя или хлопчатобумажныя ткани* (войлокъ), *губки* и т. п. Въ настоящее же время домовые фильтры сдѣлались предметомъ усиленной спекуляціи, ихъ предлагается множество, и выборъ между ними для потребителя бываетъ подчасъ очень затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ они обходятся очень дорого. При устройствѣ новѣйшихъ фильтровъ (Пастера-Чемберлэнда—изъ хорошо обожженой, мелкопористой фарфоровой глины, и Беркефельда—изъ инфузоріевой земли, асбестовые фильтры и друг.) изобрѣтатели имѣли главнымъ образомъ въ виду *способность ихъ задерживать микроорганизмы.* И дѣйствительно, при помощи этихъ фильтровъ удается въ теченіе 2—3 дней получать совершенно чистую и лишенную микробовъ воду, но затѣмъ, въ особенности въ теплое время года, бактеріи прорастаютъ черезъ поры фильтрующаго матеріала; кромѣ того, поверхность фильтровъ покрывается слоемъ грязи, и количество проходящей черезъ него воды быстро уменьшается. Поэтому подобные фильтры должны быть часто очищаемы, посредствомъ щетокъ, снаружи и затѣмъ обезпложены часовымъ пребыва-

ніемъ въ кипяткѣ. *Всѣ домовые фильтры, не допускающіе, по своему устройству, такой тщательной чистки, не должны быть употребляемы*, такъ какъ, вслѣдствіе накопленія въ ихъ порахъ грязи и развитія въ нихъ бактеріальной жизни, они очень скоро содѣйствуютъ не очисткѣ воды, а бо̀льшему загрязненію ея. Вообще, невозможность, въ большинствѣ случаевъ, строгаго контроля за состояніемъ и дѣйствіемъ домовыхъ фильтровъ составляетъ слабый пунктъ всѣхъ этихъ приборовъ и вызываетъ скептическое отношеніе къ нимъ со стороны гигіенистовъ. Къ нимъ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайности, и примѣненіе ихъ должно имѣть лишь значеніе временной мѣры; въ настоящее время, вслѣдствіе ложнаго пониманія той пользы, которой отъ нихъ можно ожидать, ими часто злоупотребляютъ. Самые лучшіе изъ новѣйшихъ фильтровъ примѣнимы, впрочемъ, только тамъ, гдѣ устроенъ водопроводъ, такъ какъ они могутъ работать лишь тогда, когда вода проходитъ черезъ нихъ подъ бо̀льшимъ или меньшимъ давленіемъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ водопровода, можно пользоваться песочными фильтрами весьма простой конструкціи; они обходятся недорого и сами легко доступны для чистки, что̀ составляетъ большое ихъ преимущество.

Когда рѣчь идетъ о водоснабженіи населенныхъ мѣстъ, то, кромѣ *качества* воды, необходимо имѣть въ виду *количество* ея, и заботиться о томъ, *чтобы повсюду—на улицахъ, въ домахъ, въ каждой квартирѣ,—населеніе могло пользоваться водой во всякое время, соотвѣтственно потребности*; между тѣмъ, нерѣдко случается, что вода, которая по всѣмъ своимъ качествамъ могла бы быть названа идеальной, имѣется въ далеко недостаточномъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей населенія количествѣ. Въ такихъ случаяхъ приходится иногда остановиться на выборѣ другого источника водоснабженія, который, хотя и представляетъ нѣкоторыя неудобства и даетъ воду менѣе идеальную, но зато доставляетъ ее въ обильномъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто ключевой воды, города̀, въ особенности многолюдные, нерѣдко бываютъ вынуждены прибѣгнуть къ рѣчной или почвенной водѣ. Иногда, при такихъ условіяхъ, устраивается двойной водопроводъ—одинъ, съ ключевой водой, для питья, а другой, съ рѣчной, озерной или грунтовой водой—для удовлетворенія всѣхъ остальныхъ потребностей. Такое двойное устройство обходится, конечно, очень дорого, и оно имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда ключевая или вообще назначенная для питья вода проводится въ *дома*, для того, чтобы населеніе могло пользоваться ею для всего домашняго обихода,—вода же изъ другого источника употребляется только для общественныхъ цѣлей—поливки улицъ и городскихъ скверовъ, питанія фонтановъ, тушенія пожаровъ и проч. При пользованіи рѣчной или озерной водой обязательно устроить центральные фильтры; грунтовая же вода, внѣ предѣловъ населенныхъ мѣстъ, бываетъ бо̀льшей частью настолько чиста, что не нуждается въ фильтраціи; иногда, впрочемъ, она богата *желѣзомъ*, которое придаетъ ей нѣсколько терпкій вкусъ, и, при стояніи воды въ графинѣ или другой посудѣ, выдѣляется изъ воды въ видѣ красноватыхъ хлопьевъ, дѣлающихъ ее совершенно мутной. Въ такомъ случаѣ необходимо воду, до впуска ея въ городскіе резервуары, при помощи особыхъ техническихъ приспособленій, привести въ прикосновеніе съ воздухомъ, при чемъ желѣзо выдѣляется въ формѣ нерастворимаго соединенія, такъ что при послѣдующей фильтраціи вода получается совершенно чистой и безъ всякаго привкуса.

Для устройства водопровода въ домахъ очень часто употребляются *свинцовыя* трубы, которымъ, благодаря ихъ гибкости, отдаютъ преимущество передъ чугунными. Между тѣмъ извѣстны случаи, когда, вслѣдствіе перехода свинца въ воду, у потребителей обнаруживались признаки свинцоваго отравленія, иногда со смертельнымъ исходомъ. Слѣдовательно, вода, при извѣстныхъ условіяхъ, растворяетъ свинецъ въ такихъ количествахъ, которыя могутъ сдѣлаться опасными для потребителей. Это происходитъ главнымъ образомъ тогда, когда въ водопроводныхъ трубахъ, по временамъ, вмѣсто воды, находится воздухъ, т. е. если трубы не всегда наполнены водой, и если въ домахъ находятся открытые резервуары (баки), выложенные свинцомъ. Тамъ же, гдѣ вода протекаетъ по совершенно закрытымъ и постоянно наполненнымъ ею трубамъ и гдѣ нѣтъ открытыхъ баковъ, гдѣ, слѣдовательно, доступъ воздуха къ водопроводу исключенъ, вода не растворяетъ свинецъ. Въ этомъ случаѣ безбоязненно можно употреблять для домашняго водопровода свинцовыя трубы, хотя, конечно, лучше замѣнить ихъ чугунными.

Количество воды, которое водопроводъ доставляетъ въ городъ, должно соотвѣтствовать не только существующей въ данное время потребности; необходимо имѣть извѣстный запасъ въ виду нарастанія городского населенія. Если бы вода требовалась только для домашнихъ надобностей — для питья, стряпни, стирки бѣлья и вообще для содер-

жанія дома въ чистотѣ,—то было бы достаточно имѣть 30—40 литровъ въ день на человѣка. Но домашній обиходъ поглощаетъ лишь половину общаго количества воды, въ которомъ нуждается городъ (или меньше), и дѣйствительный расходъ воды, даже тамъ, гдѣ надъ нимъ установленъ контроль въ видѣ водомѣровъ, доходитъ до 70—80 литровъ на человѣка въ день, а при отсутствіи контроля значительно превышаетъ эту цифру. При устройствѣ новыхъ водопроводовъ слѣдовало бы требовать, чтобы они доставляли въ сутки не менѣе 125—150 литровъ (10—12 ведеръ) на человѣка.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки **Р. И. Сементковскаго.**

Старое изреченіе, что книги имѣютъ свою судьбу, оправдывается вполнѣ и на беллетристическихъ произведеніяхъ. Г. Чеховъ—талантъ крупный, и все, что онъ пишетъ, читается съ интересомъ. Но нѣкоторыя его вещи если и не проходятъ незамѣченными, то не захватываютъ читателя, не обращаютъ на себя усиленнаго вниманія; другія же, наоборотъ, возбуждаютъ общіе толки, вызываютъ споры, подчасъ даже страстные, заставляютъ читателей глубоко призадуматься. Такъ было съ его разсказомъ: *Палата № 6*; то же можно сказать и объ его *Мужикахъ*, т. е. о новѣйшемъ его произведеніи (*Русск. Мысль, № 4*).

Талантъ г. Чехова остается величиною неизмѣнною, по крайней мѣрѣ за послѣдніе годы. Всякую свою вещь онъ болѣе или менѣе тщательно отдѣлываетъ и сравнительно съ нѣкоторыми другими современными беллетристами пишетъ мало. Значитъ, не въ художественныхъ достоинствахъ слѣдуетъ искать причины, почему нѣкоторыя его вещи производятъ особенно сильное впечатлѣніе. Но если дѣло не въ художественной законченности, то, очевидно, причину особеннаго интереса того или другого его произведенія слѣдуетъ искать въ затрогиваемой имъ темѣ, болѣе намъ близкой или жгучей. Каково же содержаніе его *Мужиковъ?*

Лакей въ московскомъ «Славянскомъ Базарѣ» заболѣлъ. Дальнѣйшая изнурительная служба въ гостиницѣ для него уже невозможна. Онъ ничего не скопилъ, и ему волею-неволею приходится вмѣстѣ съ женою и малолѣтнею дочерью ѣхать къ своимъ, въ деревню. Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представлялось ему свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ. Теперь же, по возвращеніи на родину, онъ, войдя въ избу, даже испугался: такъ въ ней было темно, тѣсно и нечисто. Но темно было не только въ избѣ. Темнота, нравственная и умственная, окружила его со всѣхъ сторонъ. Объ отдыхѣ и объ успокоеніи во время болѣзни нечего было и думать. Среди своихъ онъ былъ чужимъ, непрошенымъ гостемъ, и не потому, чтобы люди были злы, а потому, что всѣхъ заѣдали бѣдность, доходившая до нищеты, и страшное умственное и нравственное убожество. Лакей умираетъ, а жена его съ дочерью идутъ побираться. Жену давно тянуло къ божественному: высшее наслажденіе даетъ ей молитва. Она вѣритъ, что въ Москвѣ какъ-нибудь устроится, что для нея весь вопросъ заключается, чтобы добраться до столицы, и она уходитъ изъ деревни, останавливаясь подъ окнами болѣе зажиточныхъ мужиковъ, прося съ дочкою милостыни Христа-ради.

Вотъ основное содержаніе разсказа. Но не оно, конечно, представляетъ главный интересъ. Ужасны тѣ сцены народнаго невѣжества, народной безпомощности, которыя развертываются передъ читателемъ, тѣхъ униженій и оскорбленій, которыя терпятъ лакей съ женою и дочерью, того безпросвѣтнаго мрака, которымъ окружена вся деревня, той безпомощности во время бѣдствій, пожара или индивидуальнаго несчастья, которая составляетъ удѣлъ всѣхъ жителей деревни отъ мала до велика.

Все это изображено въ очень яркихъ краскахъ. Но сколько разъ уже эти печальныя явленія нашей деревенской жизни описывались и притомъ часто съ неменьшою, а иногда и съ большею силою. Почему же разсказы этого рода такъ сильно волнуютъ читателя? Отвѣтъ для всѣхъ очевиденъ. Они представляютъ собою грозное напоминаніе о томъ, чего забывать нельзя, если мы вообще дорожимъ будущностью нашей родины. Многое насъ занимаетъ, развлекаетъ, самые разнообразные интересы поглощаютъ нашъ умъ и чувства, всякій предается своей жизни, въ лучшемъ случаѣ отводя въ ней нѣкоторое мѣсто политикѣ, наукѣ, искусству. Сфера, въ которой мы ежедневно вращаемся, становится намъ привычною, и является расположеніе отождествлять съ нею жизнь

вообще. И вдругъ это напоминаніе, что по меньшей мѣрѣ 90% населенія Россіи живетъ совершенно другою жизнью, сравнительно съ которою наши заботы, наше горе могутъ быть признаны просто ничтожными, что эта жизнь, разыгрывающаяся въ сторонѣ отъ насъ, составляетъ жизнь почти всей Россіи, и что мы, стоящіе на высотѣ культуры, образованности, общественнаго вліянія, въ сущности дѣлаемъ такъ мало для изнывающаго отъ невѣжества и бѣдности народа!

Конечно, никто не станетъ отрицать, что подобнаго рода напоминаніе чрезвычайно полезно, и что мы вполнѣ заслужили заключающагося въ немъ упрека. Но вѣдь все это слова, не болѣе, какъ слова или, въ лучшемъ случаѣ, раскаяніе, порывъ придти на помощь, что-то сдѣлать. И дѣйствительно ли ужъ русское общество такъ мало сознаетъ свой долгъ передъ народомъ? Мы этого не думаемъ. Напротивъ, вся наша литература служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ сознанія этого долга. Но жизнь служитъ не менѣе краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ нашего неумѣнья или нашей неспособности должнымъ образомъ исполнить вполнѣ нами сознаваемыя обязанности. Происходитъ это отчасти вслѣдствіе присущей намъ неспособности къ практическому дѣлу, отчасти же вслѣдствіе нашего настроенія, вслѣдствіе туманности тѣхъ общественныхъ идеаловъ, которые насъ главнымъ образомъ прельщаютъ.

Спрашивается, гдѣ лежитъ тотъ путь, который выведетъ насъ изъ трясины безплодныхъ словъ и идеаловъ на твердую почву жизненнаго дѣла? И этотъ вопросъ усиленно занимаетъ нашихъ беллетристовъ. Для того, чтобы показать, какъ онъ ими рѣшается, мы остановимся на двухъ очень бойко написанныхъ произведеніяхъ: *Картинкахъ Волыни* г. Гарина *(Міръ Божій, № 2)* и глубоко задуманной повѣсти г. Михеева: *На Князь-озерѣ (Русс. Бог., №№ 3 и 4)*.

Оба произведенія переносятъ насъ въ болотистое Полѣсье. Основная мысль г. Гарина ясно выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Забрели нѣмцы: вѣжливые, тихіе, въ диковинныхъ платьяхъ. И много смѣялись тогда въ Полѣсьѣ... Но когда эти нѣмцы стали предлагать за болота, въ которыхъ только черти да лѣшіе водились, утаскивая въ эти болота пьяныхъ добродушныхъ полѣщуковъ, и стали давать за десятину этихъ болотъ 100—200 рублей, безумныя деньги, то отъ смѣха все Полѣсье задрожало. Продали нѣмцамъ и болота, и лѣса и съ интересомъ дикарей ждали, что будутъ дѣлать нѣмцы дальше.

«Это было давно, и теперь дѣло рукъ нѣмцевъ на виду: болота высушены, лѣса выкорчеваны, и желѣзнымъ кольцомъ охвачены разросшіеся въ своихъ деревняхъ полѣщуки. Тѣсно полѣщуку, задыхается онъ... въ желѣзномъ кольцѣ сильнаго своей культурой народа... Выбивается изъ силъ на своей нивѣ пахарь, выбивается изъ силъ его изнуренная кляча, безнадежно вытягиваясь за нѣмецкимъ плугомъ, шутя увлекаемымъ четверкой сытыхъ лошадей. У полѣщука земля старая, истощенная, пашня мелкая; у нѣмца—земля новая, чищобная, да еще навозомъ сдобренная. И бросаетъ полѣщукъ землю (какъ бросилъ ее и лакей въ разсказѣ г. Чехова).

«Но какъ же быть? Какъ возвратить полѣщуку его утерянный рай? Нѣтъ времени полѣщуку думать надъ этимъ: за лѣскомъ уже синѣетъ дымокъ—время обѣда кончилось, пора идти на заводъ. И онъ укладываетъ въ торбу свой недоѣденный кусокъ. Это дымъ изъ трубы желѣзнаго завода. Есть такія же трубы у стеклянныхъ, бумажныхъ и разныхъ другихъ фабрикъ. Есть сахарные заводы, рафинадные, и я, вашъ покорный слуга, уже дѣлаю изысканія для желѣзной дороги.

«Проклятіе, три проклятія! Что же дѣлать? Отнять у нѣмцевъ землю, уничтожить фабрики, не строить желѣзной дороги? Что дѣлать? Не признавать всей этой новой жизни или признать, что жизнь идетъ не потому или другому желанію, а по своимъ вѣчнымъ неумолимымъ, какъ сама природа, законамъ?»

Это, дѣйствительно, одинъ изъ наиболѣе назрѣвшихъ теперь «проклятыхъ» вопросовъ. Но у г. Гарина онъ остается нерѣшеннымъ. Авторъ *Картинокъ Волыни* его просто ставитъ, предоставляя самому читателю его рѣшить... Полѣщукъ задыхается въ желѣзномъ кольцѣ, которымъ окружаетъ его культура съ ея могучими орудіями прогресса. Внѣшній видъ Полѣсья измѣняется: исчезаютъ болота, лѣса. Благоустройство вездѣ увеличивается, производительность быстро возрастаетъ, возникаютъ фабрики, заводы, сооружаются желѣзныя дороги. Но что толку отъ всего этого полѣщуку? Онъ стоитъ въ сторонѣ отъ торжественнаго шествія культуры; она давитъ его, неподготовленнаго, безсильнаго, своимъ могучимъ колесомъ. Онъ цѣпляется за старину, хочетъ жить, какъ жили его отцы и дѣды, но борьба за существованіе становится для него все труднѣе; напрягая всѣ свои силы, онъ, отсталый въ культурномъ отношеніи, не въ состояніи заработать себѣ даже хлѣбъ насущный; плоды его труда, вслѣдствіе своей сравнительной недоброкачественности, не находятъ себѣ помѣщенія на рынкѣ, попытки присоеди-

ниться къ культурной работѣ, вслѣдствіе его неподготовленности и невѣжества, кончаются для него плачевно: онъ постепенно вымираетъ, гибнетъ, и ему даже не на кого жаловаться, потому что представители культуры, нѣмцы—народъ въ сущности хорошій. «Нѣмецъ—одно слово: маты съ батькой не надо. Съ нѣмцами хоть до смерти и то жить можно,—обычливый народъ, разумный народъ, онъ тебѣ своего не дастъ, и твоего ему не нужно, а въ каждомъ дѣлѣ совѣтъ да помощь».

Но вотъ этотъ-то «обычливый и разумный» народъ, мягкій, добрый, готовый придти на помощь полѣщуку и словомъ, и дѣломъ, оказывается для него враждебною силою. Полѣщуку сравнительно жилось хорошо и съ евреемъ, и съ полякомъ. «Та что жъ поляки?.. Хорошій народъ, гордый народъ, пышный народъ,—одно слово, великолѣпный народъ». Съ нимъ жить можно; можно жить и съ евреемъ, который счастливъ, если къ шабашу заработалъ фаршированную щуку. Правда, и великолѣпный панъ, и полунищій еврей какъ будто немного эксплоатируютъ полѣщука. Но все-таки при нихъ ему жилось сравнительно хорошо. А нѣмцу чужого не надо: онъ живетъ исключительно своимъ собственнымъ толковымъ и выдержаннымъ трудомъ. И тѣмъ не менѣе, появленіе нѣмца въ странѣ со всѣми благотворными послѣдствіями этого факта оказалось для полѣщука гибельнымъ. Конечно, тутъ не въ нѣмцѣ дѣло. Не нѣмцы поручили автору очерка дѣлать желѣзнодорожныя изысканія въ краѣ; не они одни строятъ фабрики и заводы, осушаютъ болота и вырубаютъ вѣковые полѣсскіе лѣса. Нѣмецъ является только однимъ изъ представителей той великой силы, которая давитъ полѣщука. Сила эта называется цивилизаціею, культурою, и она-то, хотя мы всѣ признаемъ ее благотворною, оказывается для него гибельною.

Но чтобы понять все значеніе этого вопроса, мы должны уяснить себѣ еще, что то, что происходитъ въ полѣсскихъ болотахъ, имѣетъ глубокую аналогію съ условіями, окружающими русскаго человѣка вообще. Болѣе совершенные хозяйственные пріемы, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, возникновеніе фабрикъ и заводовъ,—все это разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на крестьянское хозяйство и на вѣковую крестьянскую общину. Несостоятельность общиннаго хозяйства проявляется все рѣзче, благосостояніе крестьянъ, хозяйничающихъ по-старинѣ, подтачивается, богатѣютъ только тѣ, кто такъ или иначе прилаживается къ современнымъ хозяйственнымъ пріемамъ. Вездѣ мы видимъ одно и то же. Культурная работа какъ бы давитъ слабаго и доставляетъ успѣхъ только сильному, тѣмъ немногимъ, которые порываютъ съ традиціонною жизнью и съ опекою міра. Выходитъ, какъ будто культурные успѣхи, все это широкое развитіе техническихъ и хозяйственныхъ пріемовъ оказывается, хотя и въ менѣе сильной степени, столь же гибельнымъ для слабыхъ элементовъ въ составѣ русскаго крестьянства, какъ европейская цивилизація оказалась гибельною для индѣйцевъ въ Америкѣ. И для однихъ ли индѣйцевъ? Распространеніе европейской цивилизаціи на некультурные народы болѣе или менѣе вездѣ сопровождается доставленіемъ такихъ благъ, какъ «огненная вода» или водка, разныхъ дешевыхъ предметовъ роскоши, въ родѣ стеклышекъ, бусъ, шелковыхъ тканей, и одновременнымъ разрушеніемъ освященнаго вѣками строя, вызывающимъ тяжкія страданія, а иногда даже гибель, вымираніе...

II.

Указавъ на громадное значеніе этого вопроса для всей Россіи, мы можемъ теперь вернуться въ полѣсскія болота, въ сѣверную ихъ часть, на берега столь поэтично описаннаго г. Михеевымъ Князь-озера. Въ пятнадцати верстахъ отъ этого озера проходитъ желѣзная дорога, а на самомъ озерѣ находится, если вѣрить автору, имѣніе, владѣлецъ котораго является убѣжденнымъ и энергичнымъ представителемъ культурнаго начала. Онъ не нѣмецъ; нѣтъ, онъ чистокровный русскій, но врагъ всякихъ мечтаній и рьяный сторонникъ трезвой культурной работы среди гибнущихъ отъ бѣдности и нищеты полѣщуковъ. Въ хозяйственныя силы окружающаго его народа онъ не вѣритъ и, чтобы поставить свое хозяйство на надлежащую высоту, собирается призвать если не нѣмцевъ, то латышей. При ихъ помощи и при неустанномъ трудѣ собственномъ и всей своей семьи, онъ надѣется превратить свое полѣсское имѣніе въ высоко-культурный уголокъ. Такимъ образомъ, мы и тутъ наталкиваемся на тезисъ, рѣзко поставленный г. Гаринымъ.

Посмотримъ теперь, какъ развиваетъ этотъ тезисъ г. Михеевъ. У владѣльца полѣсскаго имѣнья, Осокорина, есть дочь, прелестная по своей миловидности и душевнымъ качествамъ Ольга. О какомъ бракѣ мечтаетъ отецъ для своей любимой дочери. Понятно, что ея мужъ долженъ примкнуть къ его идеалу, т. е. къ той работѣ, которой суждено превратить его полѣсское имѣнье въ высококультурный уголокъ. Соотвѣтственно онъ и избираетъ жениха. Не бѣда, что этотъ женихъ глуповатъ, даже смѣшонъ своимъ самодовольствомъ и потугами быть вполнѣ современнымъ человѣкомъ. Но онъ, повидимому,

искренно любитъ Ольгу и изъявляетъ полную готовность идти по стопамъ ея отца, иначе говоря, также сдѣлаться россійскимъ культуртрегеромъ. Это вполнѣ удовлетворяетъ Осокорина, удовлетворяетъ, повидимому, и его дочь.

Въ душѣ послѣдней, однако, какъ она ни любитъ отца и какъ она ни прониклась его взглядами, должно-быть, таятся какіе-то зародыши сомнѣнія, потому что, когда на сценѣ появляется разсказчикъ, т. е. писатель, какихъ на Руси много, мало знакомый съ жизнью, но съѣвшій собаку въ разныхъ модныхъ теоріяхъ и провозившійся съ ними весь свой вѣкъ, милая дѣвушка начинаетъ чувствовать сильное охлажденіе къ своему жениху и въ то же время тяготѣніе къ петербургскому писателю. Однако, несмотря на тяготѣніе къ послѣднему, она зорко его изучаетъ, внимательно прислушивается къ каждому его слову, очевидно сопоставляя теоріи, проповѣдуемыя писателемъ, съ идеаломъ жизни, внушеннымъ ей отцомъ. При этомъ сравненіи оказывается, что какъ будто свѣтозарный идеалъ отца для нея меркнетъ, но и теоріи писателя оказываются очень противорѣчивыми, да онѣ и не могутъ не быть противорѣчивыми, такъ какъ самъ писатель въ сущности не въ состояніи въ нихъ разобраться. «Парень я честный,—говоритъ онъ самъ о себѣ:—врать никогда не вру. Но достаточно ли разбираюсь въ томъ, что пишу, и достаточно ли ясныхъ, опредѣленныхъ мнѣній держусь? Едва ли. Нажита долгой газетной работой привычка жонглировать, конечно, съ возможной нравственной опрятностью, общественными и иными вопросами... И пишешь иногда искренно, горячо увлекшись въ данную минуту осѣнившей голову идеей; но связана ли эта идея со всѣмъ твоимъ умственно-нравственнымъ нутромъ,—даже и не задумаешься. Напѣвая свои идейныя аріи Олѣ, я сперва дѣйствовалъ въ томъ же родѣ... Но вотъ тутъ-то иногда говоришь-говоришь, смотришь въ эти впивающіяся въ тебя юныя очи — и вдругъ какъ-то станетъ неловко. Точно кто-то изъ этихъ очей на мгновеніе выглянетъ и шепнетъ тебѣ: да правда ли то, что ты говоришь? Кореннымъ-то образомъ убѣжденъ ли въ томъ, что говоришь? Не увлекся ли ты данной, случайно пришедшей въ голову идеей? Не поешь ли соловьемъ только потому, что трели красивы, а въ сущности... Что въ сущности? Вдругъ точно испугаешься этой сущности, которой толкомъ, можетъ-быть, и не сознаешь».

Однако, милая Оля, несмотря на противорѣчія въ теоретическихъ построеніяхъ писателя, все же его полюбила; полюбилъ ее и самъ писатель. Если они оба не разобрались въ теоріяхъ, то разобрались въ основномъ своемъ чувствѣ, а чувство это направлено къ добру. Оба они хорошіе люди, честныя натуры, оба ставятъ благо ближняго выше собственнаго блага. И это чувство связываетъ ихъ крѣпкими узами; связываетъ ихъ, быть-можетъ, и то, что, несмотря на всю любовь къ ближнему, они оба не знаютъ, какое ей дать практическое приложеніе въ жизни. Писатель извѣрился и въ свои теоріи, и даже въ свою дѣятельность, которую онъ называетъ «жонглированіемъ общественными и иными вопросами»; Ольга же начала сомнѣваться въ плодотворности идеаловъ своего отца. Эти сомнѣнія вызваны не столько пламенною проповѣдью писателя, сколько добрыми ея чувствами, состраданіемъ къ горю наиболѣе обездоленныхъ людей въ окружающей ее средѣ. Ахъ, какъ ужасна эта среда! И дѣйствительно, надо имѣть веревки вмѣсто нервовъ, чтобы безучастно относиться къ судьбѣ этого обездоленнаго народа. Приглядитесь къ деревнѣ полѣщуковъ. Только въ самомъ богатомъ домѣ вы найдете жестяную керосиновую лампу, которую, однако, хранятъ, какъ рѣдкость, потому что керосинъ не по карману. Неодолимая вѣковая бѣдность или животная алчность отупѣлыхъ въ своемъ грязномъ углу людей вдохновляетъ ихъ вѣчными жалобами; женщины мертвенно безучастны, дѣти большими свѣтлыми глазенками пугливо смотрятъ изъ угловъ, какъ безотвѣтныя жертвы этого мрачнаго царства. Недовѣріе мужиковъ къ панамъ безгранично, упорство во взглядахъ непоколебимо. Доказываешь имъ пользу школы. «На що?»—раздается неизмѣнный отвѣтъ. Убѣждаешь жить опрятно. «На що; було бъ тепло». Совѣтуешь добывать торфъ и продавать.—«На що; болото оно и болото—кому треба». Авторъ прибавляетъ: «Ничто не убѣждаетъ, ничто не внушаетъ вѣры. Видно, экономическая эволюція дѣйствительно изъ этихъ людей сдѣлала въ теченіе вѣковъ патентованное быдло». А дикость нравовъ? Отецъ поспорилъ съ сыномъ о землѣ, когда они дѣлились по случаю женитьбы послѣдняго; и вотъ, во время спора, озлобленный отецъ отсѣкаетъ сыну топоромъ палецъ, и сынъ считаетъ это какъ бы въ порядкѣ вещей. Эта дикость нравовъ вызывается страшнымъ невѣжествомъ, а невѣжество, въ свою очередь, идетъ рука объ руку съ нищетою. Вотъ что колеблетъ вѣру Ольги въ идеалъ ея отца.

«— Ахъ, папа, какіе это несчастные люди. Какъ много для нихъ надо сдѣлать!» — стономъ вырывается у нея. Гдѣ тутъ думать о культурной работѣ въ духѣ Осокорина! И Оля, въ то время, когда она сама пережи-

ваетъ тяжелую душевную драму, когда она, разочаровавшись въ своемъ женихѣ и въ идеалѣ своего отца, въ первый разъ въ жизни начинаетъ серьезно любить чистою, дѣвственною любовью случайно встрѣченнаго хорошаго человѣка, упомянутаго писателя, спѣшитъ уже на помощь къ обездоленному ближнему, помогаетъ деревнѣ чѣмъ можетъ, поучаетъ, утѣшаетъ, лѣчитъ, участвуетъ въ жизни деревни и дѣломъ, исходящимъ отъ полноты добраго чувства, и любвеобильнымъ словомъ. Къ ней всѣ относятся съ довѣріемъ, потому что въ ней сомнѣваться нельзя: раннимъ утромъ мы встрѣчаемъ ее уже въ обществѣ еврейскихъ дѣвчонокъ, заслушивающихся ея разсказовъ, и позднимъ вечеромъ мы видимъ, какъ она ходитъ по избамъ, и какъ ея появленіе согрѣваетъ сердца и утѣшаетъ людей въ горѣ, надъ устраненіемъ котораго надо такъ много трудиться.

Настаетъ рѣшительный моментъ: писателю надо объясниться. И въ его душѣ происходитъ борьба. Онъ уже не такъ молодъ. Лучшіе годы жизни прошли для него. И сознаетъ онъ, что въ немъ та же закваска, какъ у Берсеневыхъ, Рудиныхъ, что звонкихъ словъ у него много, но что на дѣло онъ неспособенъ, что онъ въ сущности только духовный бродяга, что нѣтъ въ немъ ни настоящей вѣры, ни настоящаго умѣнья придти на помощь людямъ. Если онъ на что-нибудь способенъ, то только на жонглированіе общественными вопросами и на «самоанализъ», который подрываетъ въ немъ всякую способность къ плодотворной дѣятельности. Онъ такъ свыкся съ этимъ духовнымъ «бродяжничествомъ», съ этимъ скитаніемъ въ области громкихъ фразъ, отвлеченныхъ вопросовъ, что оно стало для него непреодолимою потребностью. Въ деревнѣ онъ уже не уживется. Что же? Увезти Ольгу въ Питеръ, сдѣлать ее барынькой, болтающей, какъ сорока, о дѣлахъ мужа?.. Украсть ее у маленькихъ полѣщуковъ и у нея самой? Нѣтъ, это было бы подлостью, въ сравненіи съ которой погубленная на жонглированіе жизнь составляетъ ничтожное зло. Пусть эта жизнь всецѣло останется за нимъ; онъ не вовлечетъ въ нее Ольгу, не отниметъ ее у маленькихъ полѣщуковъ. И писатель обращается въ поспѣшное бѣгство.

Этимъ по существу и оканчивается повѣсть г. Михеева. Нельзя сомнѣваться, что Осокоринъ достигнетъ своей цѣли, т. е. что онъ превратитъ свое полѣсское имѣніе въ высоко-культурный уголокъ. Но чего достигнетъ Ольга? Въ этомъ весь вопросъ, или, говоря иначе, не служитъ ли намъ образъ Ольги указаніемъ на возможность примирить ту грозную альтернативу, которую такъ рѣзко подчеркиваетъ г. Гаринъ. Съ одной стороны мы имѣемъ торжественное, побѣдоносное шествіе культуры, съ другой—безпомощнаго, обездоленнаго крестьянина, полѣщука, котораго культура какъ будто уничтожаетъ. Неужели это двѣ такія враждебныя силы, неужели культура, къ которой мы всѣ стремимся, не только не составляетъ благодѣянія для слабыхъ элементовъ нашего крестьянства, а, наоборотъ, оказывается для нихъ гибельною? Мы, очевидно, наталкиваемся тутъ на какое-то странное недоразумѣніе. Почему всюду въ мірѣ культура признается благомъ, а извѣстная часть русской интеллигенціи видитъ въ ней какую-то опасность, боится за вѣковые устои крестьянской жизни, колеблемые современною культурою, опасается, что она можетъ ухудшить положеніе крестьянъ? Вспомнимъ яркія картинки крестьянской жизни, изображенныя намъ гг. Гл. Успенскимъ и Златовратскимъ: эти картины какъ бы являются приговоромъ надъ благодѣяніями культуры; вспомнимъ *Власть Тьмы* гр. Л. Толстого, мастерски изобразившаго намъ зловредное вліяніе города на деревню; вспомнимъ основное содержаніе самыхъ крупныхъ нашихъ беллетристическихъ произведеній; вспомнимъ, какъ къ нимъ отнеслись русскіе читатели и русская критика, какъ недружелюбно они взглянули на Костанжогло, Адуева, Штольца, Соломина и многихъ другихъ героевъ русскаго романа, которые именно были представителями культурнаго начала, и какъ, наоборотъ, душа и читателей, и критиковъ лежала къ героямъ иного рода, къ Онѣгинымъ, Печоринымъ, Лаврецкимъ, Рудинымъ и т. д.

III.

Предъ нами объемистый томъ извѣстнаго писателя и беллетриста г. Головина, озаглавленный: *Русскій романъ и Русское общество.* Въ краткой библіографической замѣткѣ *Нива* уже отмѣтила, что авторъ начинаетъ свое критическое изслѣдованіе собственно только съ Тургенева, проходя молчаніемъ старые наши романы и касаясь только вскользь такихъ произведеній, какъ *Бѣдная Лиза*, *Евгеній Онѣгинъ*, *Мертвыя Души* и т. д. Но съ точки зрѣнія затронутаго мною тутъ вопроса это не существенно. Чтобы выяснить его, для насъ важно установить, какъ относится г. Головинъ къ главному герою русскаго романа. Въ этомъ и заключается основное содержаніе книги г. Головина. Дѣйствительно, онъ по очереди, въ хронологическомъ порядкѣ, даетъ намъ характеристику главныхъ героевъ Тургенева, Писемскаго, Гончарова, Салтыкова,

Достоевскаго, вплоть до современныхъ беллетристовъ, при чемъ получается слѣдующій интересный выводъ: прежніе герои русскаго романа оказывались въ жизни совершенно несостоятельными, но ихъ окружало какое-то обаяніе, они были дѣйствительными героями; но чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ мельче становятся герои русскаго романа,—это уже не герои, а какіе-то людишки, лишенные всякаго обаянія и не возбуждающіе въ читателѣ никакой симпатіи. Чѣмъ-то буржуазнымъ, мѣщанскимъ вѣетъ отъ ихъ идеаловъ и дѣятельности. Можетъ-быть, они въ жизни чего-нибудь и достигаютъ, во всякомъ случаѣ достигаютъ больше, чѣмъ ихъ предшественники, но они не заставляютъ наше сердце усиленно биться, не возвышаютъ нашего духа, а напротивъ, какъ будто его принижаютъ. Г. Головинъ любовно рисуетъ намъ образы Рудиныхъ, Лаврецкихъ, Обломовыхъ, Раскольниковыхъ, Карамазовыхъ, видитъ въ этихъ герояхъ настоящихъ людей, способныхъ воодушевить читателя, и затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ приближается къ современности, имъ овладѣваетъ разочарованіе, въ его словахъ слышится горечь, ѣдкій сарказмъ, онъ все чаще говоритъ о мѣщанскихъ или буржуазныхъ идеалахъ, объ «умѣренности и аккуратности» и кончаетъ свое изслѣдованіе безнадежнымъ возгласомъ: «Мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ по плечу и мелкая литература». Такимъ образомъ надъ современностью произнесенъ презрительный приговоръ.

Приговоръ этотъ строгъ, но, спрашивается, —справедливъ ли онъ? Дѣло въ томъ, что г. Головину при изученіи русскаго романа пришлось и задолго до нашихъ дней встрѣчаться на ряду съ симпатичными ему героями и съ такими, которые вызывали съ его стороны ироническія замѣчанія о мѣщанскомъ настроеніи, объ идеалѣ «умѣренности и аккуратности», о приниженіи человѣческой личности, склонной къ великимъ дѣламъ и подвигамъ. На ряду съ Евгеніемъ Онѣгинымъ, вѣчно скучающимъ, не находящимъ твердой почвы подъ собою, не знающимъ, къ чему приложить свои способности и силы, онъ натолкнулся, и конечно не могъ не натолкнуться на дивный образъ Татьяны, которую Евгеній Онѣгинъ временно увлекъ, но которая, въ концѣ концовъ, вышла замужъ за генерала и которая сумѣла пожертвовать своею любовью къ Онѣгину для исполненія прозаическаго супружескаго долга.

Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Правда, г. Головинъ тутъ о мѣщанскихъ чувствахъ не упоминаетъ, но трудно понять—почему? Когда онъ, къ сожалѣнію, только мимоходомъ касается *Мертвыхъ душъ*, онъ, на ряду съ Чичиковыми, Маниловыми, Собакевичами, Плюшкиными наталкивается на Костанжогло, у котораго, когда вокругъ засуха, нѣтъ засухи, когда вокругъ неурожай, нѣтъ неурожая, избы все крѣпкія, улицы торныя, мужикъ уменъ, рогатый скотъ на отборъ, даже крестьянская свинья глядитъ дворяниномъ, у котораго именно и живутъ мужики, гребущіе, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Прельщаетъ ли г. Головина эта картина сельскаго благоустройства, довольства крестьянъ, благосостоянія помѣщика, высокой культуры? Нѣтъ, его эта картина такъ мало соблазняетъ, что онъ не считаетъ даже нужнымъ указать на нее, но зато преслѣдуетъ Костанжогло своими насмѣшками. Такимъ образомъ, тонъ данъ, и мы можемъ себѣ составить довольно ясное представленіе объ остальномъ содержаніи книги. Рядомъ съ Обломовымъ дѣйствуетъ Штольцъ, рядомъ съ полною практическою несостоятельностью, нравственною дряблостью, неумѣньемъ найтись въ жизни, мы видимъ умъ, энергію, направленные къ достиженію культурныхъ цѣлей. Трудно сомнѣваться, на чьей сторонѣ симпатіи автора Обломова—Гончарова. Но критикъ, не одобряя, конечно, Обломова за его лѣнь и полную практическую несостоятельность, однако зло подсмѣивается и надъ Штольцемъ за его мѣщанскіе идеалы. Относительно Инсарова, этого человѣка живого, энергическаго дѣла, г. Головинъ говоритъ, что подобныя личности въ Россіи невозможны. Но, конечно, Тургеневъ былъ ближе къ истинѣ, когда онъ въ Инсаровѣ изобразилъ намъ человѣка, въ какихъ Россія главнымъ образомъ нуждалась «наканунѣ» великихъ реформъ, потому что эти люди дѣйствительно нашлись и успѣшно содѣйствовали ихъ осуществленію. Но и къ Инсарову душа г. Головина не лежитъ. Стоитъ ли послѣ этого упоминать о Соломиныхъ? Г. Головинъ называетъ его «китайскою тѣнью» и находитъ, что, если «въ немъ есть живая струна, то она какъ разъ сводится къ умѣренности и аккуратности, т. е. къ чему-то очень похожему на кулачество». Въ другомъ мѣстѣ г. Головинъ называетъ Соломина «русскимъ оппортунистомъ». А Костанжогло, Штольцъ, Инсаровъ, Соломинъ,—все это герои сравнительно еще крупные. Что же сказать о современной мелюзгѣ, обо всѣхъ этихъ маленькихъ герояхъ теперешней беллетристики, поставившихъ себѣ узенькія цѣли и преслѣдующихъ ихъ узенькими средствами? Что сказать объ обществѣ, порождающемъ подобную литературу? Остается только воскли-

нуть: «мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ по плечу и мелкая литература!» Таковъ, по мнѣнію г. Головина, единственный правильный выводъ, который можетъ быть сдѣланъ изъ изученія русскаго романа въ его связи съ русскимъ обществомъ.

Допустимъ, что такъ; допустимъ, что потомство разныхъ Костанжогло, Штольцевъ, Инсаровыхъ, Соломиныхъ производитъ впечатлѣніе чего-то мелкаго, буржуазнаго. Но лучше ли потомство Онѣгиныхъ, Лаврецкихъ, Рудиныхъ? Оно очень многочисленно; мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ дѣтьми этихъ героевъ, прельщающихъ г. Головина. Возьмемъ для примѣра одного изъ этихъ многочисленныхъ потомковъ столь знаменитыхъ предковъ. Это—Маржецкій въ повѣсти г. Свѣтлова *Уголокъ Колхиды* (*Русская Мысль*, №№ 1—4). Маржецкій не хуже Онѣгина, Лаврецкаго, Рудина побѣждаетъ женскія сердца. Въ Петербургѣ въ него влюбляется хорошенькая балерина, въ провинціи, на Кавказѣ — жена губернатора и прелестная дѣвушка въ современномъ вкусѣ, Лиза. Онъ производитъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе, уловляетъ мужскія и женскія сердца. Но чѣмъ же кончается дѣло? Постепенно отъ него всѣ отвертываются, и приговоръ произносится надъ нимъ слѣдующій: это — «человѣкъ, который думаетъ только о своихъ душевныхъ удобствахъ... красивый орѣхъ, въ родѣ тѣхъ, какіе подвѣшиваютъ на рождественскія елки: золотые снаружи, они внутри часто оказываются пустыми... Куда они стремятся въ своемъ суетливомъ бѣгѣ? Вокругъ какого солнца вращаются, чему вѣрятъ, чему поклоняются, о чемъ жалѣютъ, чего желаютъ?— Они сами не могутъ отвѣтить на эти вопросы». И такихъ Маржецкихъ на Руси очень много, быть-можетъ, гораздо больше, чѣмъ представителей противоположнаго типа. Маржецкій, къ сожалѣнію, правъ, когда говоритъ, что всѣ окружающіе его Титовы и Миткины, сами не устоявшіе, не имѣютъ никакого права навязывать ему роль Прометея. Если онъ—Нарцисъ, если онъ—эгоистъ, то развѣ эгоизмъ не обуялъ всѣхъ, не внѣдрился глубоко во всѣ слои общества? А девизъ этого общества извѣстенъ: «каждый за себя; лишь бы мнѣ было хорошо, а затѣмъ моя изба съ краю». Развѣ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе относительно генеалогіи Маржецкаго, его происхожденія отъ Лаврецкихъ и Рудиныхъ? Столь же несомнѣнно, что приведенныя слова и разсужденія его глубоко вѣрны. Мы въ свое время зачитывались романами, въ которыхъ главными героями выступали Онѣгины, Лаврецкіе и Рудины, къ нимъ лежала наша душа, какъ лежитъ до сихъ поръ къ нимъ душа и г. Головина. Къ мѣщанскимъ идеаламъ мы всегда питали инстинктивное отвращеніе. Насъ воодушевляли болѣе высокіе идеалы, жажда громкихъ подвиговъ. Къ чему же мы пришли? Лаврецкіе и Рудины замѣнились Маржецкими, да и не могли не замѣниться, потому что предки этого печальнаго героя, по существу дѣла, были также только героями звонкихъ словъ, громкихъ фразъ, душевнаго бродяжничества, безъ опредѣленной цѣли въ жизни, безъ продуманныхъ средствъ ея осуществленія. Каково дерево, таковъ и плодъ. Лаврецкіе и Рудины не могли дать другого потомства, кромѣ Маржецкихъ, и печально только то, что насъ все еще прельщаетъ дерево, давшее такіе жалкіе плоды.

IV.

Теперь мы должны спросить себя, дѣйствительно ли такъ буржуазны, мелки и ничтожны идеалы того современнаго поколѣнія, которое произошло не отъ Онѣгиныхъ, Лаврецкихъ и Рудиныхъ, а отъ Костанжогло, Штольцевъ, Инсаровыхъ? Если Онѣгины, Лаврецкіе, Рудины были героями громкихъ фразъ и душевнаго бродяжничества, то Костанжогло, Соломины и Инсаровы были героями непосредственнаго энергическаго дѣла, совпадающаго съ успѣхами культуры. Усилія, направленныя къ достиженію этихъ успѣховъ, не пользуются, какъ это ни странно, особеннымъ сочувствіемъ нашего общества. Что такое сельскій учитель, обучающій крестьянскихъ ребятишекъ, деревенскій пастырь, совершающій требы въ своемъ приходѣ, помѣщикъ, заботящійся о благоустройствѣ своего хозяйства, мать, исполняющая свой долгъ по отношенію къ дѣтямъ, — какіе это ужъ герои или героини романа! Дѣйствительно, на первый взглядъ можетъ казаться, что тутъ поэзіи никакой нѣтъ, хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи, конечно, этотъ взглядъ окажется совершенно ложнымъ. Но одно несомнѣнно: если чѣмъ-нибудь держится культура, то только дѣятелями этого рода, а не героями громкихъ фразъ. Почему же душа большинства читателей лежитъ именно къ подобнымъ героямъ, почему они возбуждаютъ и симпатіи критиковъ, а простые труженики перваго рода, вмѣстѣ съ беллетристами, ихъ изображающими, подвергаются насмѣшкамъ? Почему Онѣгины, Лаврецкіе и Рудины были герои не мелкіе, ихъ страсти были не ничтожны, почему эпохѣ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей и Іудушекъ была по плечу крупная литература, а нашему времени по плечу только мелкая литература? Задуматься надъ этимъ вопросомъ необхо-

димо, и нельзя не быть благодарнымъ г. Головину, что онъ его рѣзко возбуждаетъ въ своей книгѣ. Книга его служитъ очень отчетливымъ выраженіемъ преобладающаго отчасти въ нашемъ обществѣ и главнымъ образомъ въ нашей критикѣ взгляда на вещи. Да, Онѣгины, Лаврецкіе и Рудины, съ ихъ потомствомъ, пользуются нашимъ расположеніемъ, несмотря на очевидную ихъ несостоятельность, а Костанжогло, Штольцы и Инсаровы не возбуждаютъ нашихъ симпатій, хотя мы не можемъ не признать, что въ практическомъ отношеніи они стоятъ неизмѣримо выше. Но именно въ томъ-то и грѣхъ ихъ, что они практичны, потому что практичность въ нашихъ глазахъ является синонимомъ если не прямо предосудительныхъ стремленій, то душевной черствости, сухости и, что намъ особенно ненавистно, буржуазнаго настроенія. Герой, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть практиченъ, онъ долженъ отрѣшаться отъ жизни съ ея требованіями, витать въ заоблачной выси, хватать звѣзды съ неба. Вотъ такого героя мы признаемъ, а герой, достигающій положительныхъ результатовъ въ жизни, это—уже не герой, и онъ не заслуживаетъ быть воспѣтымъ поэтами или беллетристами.

Мои слова звучатъ ироніею, а между тѣмъ въ нихъ заключается только правда, хотя правда очень горькая. Въ свое время русское общество не симпатизировало Костанжогло, Штольцамъ, Инсаровымъ, Соломинымъ, какъ оно сравнительно мало симпатизируетъ и теперь еще тѣмъ положительнымъ типамъ, которые изображаетъ намъ современная беллетристика. Истинные носители культуры такимъ образомъ, какъ прежде, такъ и теперь, не пользуются симпатіями русскаго общества. Мы всей душой желаемъ, чтобы Россія сравнялась въ культурномъ отношеніи съ Западомъ, чтобы наши пути сообщенія были удовлетворительны, чтобы народное пьянство и невѣжество исчезли, чтобы вездѣ были школы, чтобы народъ не изнывалъ отъ бѣдности и нищеты, а между тѣмъ тѣ дѣятели, которые посвящаютъ себя этой великой задачѣ, какъ будто не встрѣчаютъ нашего сочувствія, а дѣятели, пробавляющіеся громкими фразами, признаются нами истинными героями. Но это очевидное недоразумѣніе, это вопіющее противорѣчіе въ нашемъ міросозерцаніи имѣетъ же какую-нибудь причину? Чтобы уяснить себѣ ее, мы могли бы просто сказать, что романтическія бредни свойственны русскому уму, что мы привыкли отрѣшаться отъ жизни и витать въ области туманныхъ идей и образовъ. Но это объясненіе слишкомъ дешево; оно въ сущности мало что выясняетъ; оно только подтверждаетъ общеизвѣстный фактъ, что русская интеллигенція, благодаря крѣпостному праву и связанной съ нимъ матеріальной обезпеченности, могла всецѣло посвящать себя отвлеченнымъ интересамъ всякаго рода и развлеченіямъ, подчасъ очень низменнымъ, подчасъ возвышеннымъ. Въ послѣднемъ случаѣ она жила для науки, искусства и больше мечтала, чѣмъ дѣйствовала. Это несомнѣнно были лучшіе люди своего времени: они главнымъ образомъ создали и русскую литературу, и русское искусство, отчасти и русскую науку, дѣйствовали въ той области, которая требуетъ творческихъ силъ и отрѣшенія отъ практической жизни. Такимъ образомъ и сложился нашъ идеалъ истиннаго героя: онъ долженъ удалиться въ область высшихъ проявленій человѣческаго духа и отрѣшиться отъ прозы жизни. Стремленіе къ высшимъ идеаламъ, творческая работа въ этой области или, по крайней мѣрѣ, воодушевленная, пламенная проповѣдь въ этомъ направленіи,—вотъ истинная цѣль человѣка, и только тотъ, кто живетъ для этой цѣли, служитъ ей самоотверженно, достоинъ названія героя. Однако, при этомъ упускали изъ виду одно маленькое обстоятельство. Если мы всѣ будемъ создавать идеалы, творить въ этой области или же заниматься проповѣдью отвлеченныхъ истинъ и возвышенныхъ чувствъ, когда насъ не хватаетъ на творческую работу, то кто же будетъ осуществлять создаваемые или проповѣдуемые идеалы въ самой жизни? Практическое ихъ осуществленіе представляется намъ дѣломъ сравнительно мелкимъ, ничтожнымъ. Предполагается, что стоитъ только создавать и проповѣдывать идеалы, а остальное само приложится. Какое глубокое заблужденіе, какой поверхностный взглядъ на жизнь! Несомнѣнно, творчество въ области идеаловъ и ихъ проповѣдь—великое дѣло, но многіе ли къ этому призваны, многіе ли обладаютъ тѣми выдающимися способностями и тою широкою подготовкою, которыя для этого требуются? И далѣе, спросимъ мы,—можно ли ожидать благихъ результатовъ, если дѣло ограничится однимъ созданіемъ и проповѣдью идеаловъ и никто не приложитъ руки къ ихъ осуществленію? Мало того, задача подавляющаго большинства гражданъ можетъ заключаться только въ осуществленіи идеаловъ на практикѣ, а для этого требуется не только усвоеніе себѣ этихъ идеаловъ, но и способность уяснить себѣ окружающія насъ условія, ясно видѣть, при помощи какихъ средствъ идеалъ можетъ быть достигнутъ. И этого еще недостаточно: надо обладать тѣми нравственными качествами, тою выдержкою и послѣдовательностью, безъ

которыхъ никакая успѣшная практическая дѣятельность невозможна. Но вотъ эта-то сторона вопроса постоянно упускается нами изъ виду. Мы такъ ослѣплены въ этомъ отношеніи, что истиннымъ дѣятелемъ считаемъ только того, кто съ шумомъ и трескомъ проповѣдуетъ идеалы.

Каковы же, однако, эти идеалы? Г. Головинъ въ своей книгѣ представилъ намъ чрезвычайно наглядную картину прежнихъ идеаловъ русскаго общества, насколько они воплотились въ русскомъ романѣ. Картина эта написана съ большимъ знаніемъ дѣла и подчасъ съ несомнѣннымъ талантомъ. Онъ прекрасно анализируетъ и Лаврецкаго, и Рудина, и Рахметова, и героевъ Достоевскаго или гр. Л. Толстого. Онъ глубоко вникъ въ идеалы, воодушевляющіе этихъ героевъ. Но, повторяю, чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ поверхностнѣе становятся его характеристики, и по отношенію ко многимъ изъ современныхъ писателей онъ ограничивается фразою, что они сами не знаютъ, чего собственно хотятъ. Такъ ли это, и не слѣдуетъ ли скорѣе предположить, что критикъ ихъ не понялъ? Почему же свойственная ему проницательность покидаетъ его тутъ? Вѣдь если мы возьмемъ, напримѣръ, героя повѣсти г. Потапенко *На дѣйствительной службѣ*, отца Кирилла, блестяще окончившаго курсъ въ духовной академіи, имѣющаго всѣ права, чтобы занять видное мѣсто въ нашей духовной іерархіи, и вдругъ отказывающагося отъ предстоящей ему карьеры, чтобы всецѣло посвятить себя родной бѣднотѣ, меньшому брату, темному человѣку, словомъ, мужичку, то можно ли утверждать, что его идеалъ жизни низменнѣе тѣхъ идеаловъ, которые проповѣдывали Рудины? Нѣтъ, никто не рѣшится это утверждать. Наоборотъ, быть-можетъ, идеалъ о. Кирилла возвышеннѣе идеала Рудина и во всякомъ случаѣ онъ въ тысячу разъ жизненнѣе, какъ жизненнѣе вообще дѣло сравнительно съ словомъ. Если Рудинъ мечталъ о свободѣ, то, конечно, къ этому его побуждало печальное зрѣлище, представляемое родиною, ея темнотою и бѣдностью. Онъ видѣлъ въ свободѣ спасительный выходъ изъ окружающихъ его печальныхъ условій. Но развѣ свобода мыслима безъ просвѣщенія, развѣ сокрушеніе величайшаго врага Россіи, невѣжества, мыслимо безъ дѣятелей, которые приложили бы энергическую руку къ его искорененію? Такимъ дѣятелемъ не былъ Рудинъ, но такимъ дѣятелемъ является о. Кириллъ. Между идеалами перваго и второго нѣтъ разницы по существу, но есть большая разница въ смыслѣ способности дѣйствовать въ самой жизни, такая же разница, какая существуетъ между трутнемъ и пчелою. Всероссійскіе трутни сдѣлали свое дѣло: они въ достаточной степени оплодотворили русскую почву идеалами. Пора приступить къ дѣлу и пчеламъ, и если послѣднія убиваютъ трутней, то онѣ имѣютъ на это полное право, потому что и трутень, и пчела одинаково необходимы, но каждый въ свое время, и если бы существовали одни трутни, то меду никогда бы не было.

Ставъ на эту точку зрѣнія, мы поймемъ, что современность переросла прошлое. Но, чтобы это еще яснѣе понять, мы прежде всего должны отрѣшиться отъ предубѣжденія, будто бы практическая дѣятельность несовмѣстима съ идеальными стремленіями. Нельзя только вѣчно провозглашать идеалы, не прилагая руки къ ихъ осуществленію. Тотъ, кто въ жизни ихъ осуществляетъ, можетъ быть такимъ же героемъ, какъ и тотъ, кто ихъ проповѣдуетъ. Если дорожить не наружнымъ блескомъ, а внутреннимъ содержаніемъ, то мы затруднимся дать пальму первенства тому или другому. Оба они въ одинаковой мѣрѣ необходимы. Но наше общество долгое время соблазнялось однимъ наружнымъ блескомъ и относилось равнодушно ко внутреннему содержанію. Поэтому истинными героями признавались только тѣ, кто умѣлъ шумѣть, обращать на себя вниманіе трескучими фразами или сомнительными подвигами. Не бѣда, что фразы эти повторялись съ чужого голоса, а подвиги эти не только не приносили пользы, а причиняли иногда родинѣ неисчислимый вредъ. Вѣдь все дѣло заключалось въ томъ, чтобы шумѣть. Въ этомъ отношеніи наблюдается теперь нѣкоторый прогрессъ: мы «поумнѣли», но не въ томъ смыслѣ, какъ «поумнѣлъ» герой повѣсти г. Боборыкина того же названія, съ которою читатели *Нивы* вскорѣ познакомятся (отъ такого ума Боже насъ избави!), а «поумнѣли» въ томъ смыслѣ, что поняли наконецъ безплодность даже самыхъ возвышенныхъ идеаловъ, когда они не сопровождаются соотвѣтственною дѣятельностью. Практичность бываетъ двоякаго рода: одна направлена къ достиженію личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей, другая—къ достиженію общихъ цѣлей. Въ нравственномъ отношеніи практичность безразлична. Этическій смыслъ ей придаетъ та цѣль, къ которой она направлена. Безразличны въ нравственномъ отношеніи и всѣ орудія обращенія цѣнностей, въ родѣ, напримѣръ, желѣзныхъ дорогъ. Но можно ли было бы оказать дѣятельную помощь мѣстностямъ, пораженнымъ голодомъ въ 1891 г., если бы не существовало желѣзныхъ дорогъ? Онѣ послужили въ данномъ случаѣ орудіемъ исполненія высшей хри-

стіанской заповѣди: любви къ ближнему. И вотъ въ этомъ смыслѣ умѣнье удовлетворять практическимъ требованіямъ жизни является однимъ изъ неизбѣжныхъ условій осуществленія высшихъ идеаловъ, волнующихъ сердце человѣка. Осокоринъ въ повѣсти г. Михеева, этотъ горячій и энергичный сторонникъ культурныхъ успѣховъ, невольно возбуждаетъ къ себѣ жалость, потому что въ его дѣятельности отсутствуетъ этическій элементъ. Но если его дочь, Ольга, въ своемъ стремленіи придти на помощь обездоленному ближнему, вступитъ на надлежащій путь, то она, конечно, воспользуется всѣми средствами, какія только даетъ культура, для того, чтобы достигнуть своей высокой цѣли, и она будетъ стоять одинаково далеко и отъ своего практическаго отца, и отъ своего возлюбленнаго, этого отдаленнаго потомка Лаврецкихъ и Рудиныхъ: она будетъ истинною героинею, твердо хранящею въ умѣ и сердцѣ лучшіе завѣты нашего прошлаго, и въ то же время умѣющей пользоваться всѣми доступными ей средствами для осуществленія этихъ завѣтовъ въ самой жизни. И кто же рѣшится тогда утверждать, что такіе герои—мелкіе люди, что страсти ихъ ничтожны и что и литература, ихъ любовно намъ рисующая, заслуживаетъ названія мелкой?

Библіографія.

Аполлонъ Коринфскій. Тѣни жизни. Стихотворенія 1895—1896 гг. СПБ. 1897. Цѣна 1 руб.—**Вольная птица и другіе разсказы.** СПБ. 1897. Цѣна 1 руб.

Въ новый сборникъ стихотвореній талантливаго поэта вошли его произведенія послѣднихъ двухъ лѣтъ; изъ нихъ многія были помѣщены въ «Нивѣ». Мы не станемъ говорить о поэтическомъ дарованіи г. Коринфскаго,—среди современныхъ поэтовъ онъ завоевалъ себѣ видное мѣсто, завоевалъ очень быстро, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Изъ болѣе крупныхъ произведеній г. Коринфскаго въ новомъ сборникѣ стиховъ какъ по красотѣ стиха, такъ и по содержанію выдѣляются «Ключъ путей», «Изъ пѣсенъ о каменномъ городѣ», «Кровавая тропа» (изъ хроники XIV вѣка), «Микула» (новая пѣсня о старомъ богатырѣ), «Царевъ Курганъ» (изъ сказаній о камскихъ болгарахъ). Затѣмъ очень хороши «Изъ Волжскаго альбома», «На плотахъ» (изъ картинъ Поволжья), «Полонянкина коса» (изъ волжскихъ сказаній). Эти «картины Поволжья» и «Волжскія легенды»—украшеніе всего сборника. Каждая изъ нихъ въ красивой, изящной формѣ, легкимъ музыкальнымъ стихомъ передаетъ какую-нибудь интересную картину Поволжья или поэтическую волжскую легенду, подчасъ трогательную, подчасъ остроумную,—созданную воображеніемъ народнымъ для объясненія какой-нибудь мѣстной особенности, диковинки. На ряду съ ними, ничуть не уступая по красотѣ формы, заслуживаютъ вниманія и многія лирическія стихотворенія поэта, которыхъ собрано въ книжкѣ очень много («Изъ пѣсенъ о счастьи», «Изъ книги жизни»).

Прозаическія произведенія г. Коринфскаго, вышедшія теперь впервые отдѣльнымъ сборникомъ, подъ заглавіемъ «Вольная птица», уступаютъ въ значительной мѣрѣ его стихотворнымъ произведеніямъ. Лучшія изъ нихъ —тѣ, которыя представляютъ собою скорѣе «стихотворенія въ прозѣ». Въ нихъ сказывается поэтическій даръ автора, а прочія, чисто беллетристическія произведенія, не выдѣляются изъ уровня посредственности. Изданы обѣ книги очень изящно.

Врачебно-педагогическая гимнастика и дѣтскія игры. Доктора С. Я. Эйнгорна. СПБ. 1896 г. Цѣна 2 руб.

Въ области физическаго воспитанія дѣтей гимнастика должна была бы занимать очень важное мѣсто, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ похвалиться тѣмъ, что удѣляемъ ей въ нашихъ школахъ достаточно вниманія и времени. Въ Англіи и Германіи вы видите здоровыхъ, сильныхъ и ловкихъ дѣтей, у насъ же школьникъ поражаетъ васъ чаще всего своимъ болѣзненнымъ видомъ, своею вялостью и слабостью. А вліяніе школы иногда сохраняется на всю жизнь... Далѣе, гимнастика, кромѣ значенія воспитательнаго, имѣетъ и крупное врачебное значеніе, такъ какъ при ея помощи излѣчиваются многія страданія, происходящія отъ неправильнаго развитія организма. Въ виду этого-то важнаго значенія гимнастики для больныхъ и здоровыхъ, докторъ Эйнгорнъ и выпустилъ въ свѣтъ свою книжку, — плодъ десятилѣтняго своего опыта. Предпославъ книжкѣ краткую исторію гимнастики и очертивъ ея задачи, авторъ выясняетъ вліяніе гимнастики на отправленія организма, а затѣмъ переходитъ къ описанію гимнастическихъ пріемовъ, касаясь какъ врачебной гимнастики, съ ея активными и пассивными движеніями,

такъ и гимнастики педагогической, и, наконецъ, трактуетъ о гигіенѣ тѣлесныхъ упражненій, описываетъ вольныя движенія, упражненія съ палками, кольцами и разными снарядами. Въ заключеніе приводится краткое описаніе дѣтскихъ игръ. Изложеніе книги разсчитано на неподготовленнаго читателя.

Н. Я. Гротъ. Очеркъ философіи Платона. Изданіе «Посредника» (для интеллигентныхъ читателей). Москва. 1897 г. Цѣна 60 коп.

Издательская фирма «Посредникъ», поставившая себѣ задачею изданіе дешевыхъ и хорошихъ книгъ для народа, какъ извѣстно, расширила кругъ своей дѣятельности и начала выпускать въ продажу также и книги для интеллигентныхъ читателей. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ и «Очеркъ философіи Платона». Составленъ онъ профессоромъ Н. Я. Гротомъ изъ его курса лекцій о Платонѣ, прочитаннаго въ московскомъ университетѣ осенью 1891 года, и появляется въ печати вслѣдствіе того, что редакція «Посредника» рѣшила издать переводъ избранныхъ діалоговъ Платона, а безъ знакомства съ общими основаніями ученія Платона многое въ этихъ діалогахъ было бы не ясно для читателей. Наша литература далеко не богата популярными работами о философскихъ ученіяхъ стараго и новаго времени, а философія Платона въ свое время играла столь важную роль, да и до сихъ поръ до того еще жизненна, что трудъ проф. Грота является въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ нашу популярную литературу.

Исторія первобытнаго человѣчества. М. Гёрнеса. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ и примѣчаніями **Н. Березина.** Съ 45 рисунками. СПБ. 1896.

Исторія человѣческой культуры. I. Гонеггера. Переводъ съ нѣмецкаго **М. Чепинской.** СПБ. 1897. Изданіе редакціи журнала «Образованіе».

Ив. Семеновъ. Исторія культуры. («Общеполезная библіотека для самообразованія»). Москва. 1897. Ц. 75 к.

У насъ уже пятый годъ издается журналъ «Образованіе», въ задачи котораго, между прочимъ, входитъ «помогать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступно изложенныхъ статьяхъ и цѣлыхъ сочиненіяхъ съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ». Осуществляя этотъ пунктъ своей программы, журналъ выпускаетъ небольшія книжечки. Двѣ изъ этихъ книжекъ, подъ указанными выше заглавіями, лежатъ теперь передъ нами. Обѣ онѣ переводныя. Авторъ первой изъ нихъ—извѣстный германскій ученый Гёрнесъ. Исторія человѣчества, какъ ее обыкновенно понимаютъ, имѣетъ своими источниками либо устныя преданія, либо письменные памятники,—словомъ, такія или иныя свидѣтельства самого человѣчества о своемъ прошломъ. Но прежде чѣмъ человѣкъ настолько поднялся надъ окружающимъ животнымъ міромъ, что могъ оставить такія свидѣтельства, онъ очень долго, быть-можетъ цѣлыя тысячелѣтія, провелъ въ такомъ состояніи, въ которомъ границы, отдѣляющія его отъ другихъ животныхъ, намѣтились только въ зоологическомъ направленіи. Человѣкъ еще весьма мало заслуживалъ своего названія и, конечно, въ этомъ младенческомъ своемъ состояніи, не могъ оставить о себѣ никакихъ свидѣтельствъ, кромѣ, такъ сказать, чисто-механическихъ, невольныхъ и непреднамѣренныхъ. Ему, разумѣется, приходилось сооружать себѣ какой-нибудь кровъ, изготовлять одежду, оружіе, домашнюю утварь. Отъ всѣхъ этихъ предметовъ первобытнаго домашняго обихода остались развалины, черепки, осколки, остатки пищи, и вотъ по всему этому матеріалу и приходилось возстановлять первобытную культуру человѣчества. Любопытнѣйшая картина такой реставраціи давно угасшей жизни по ея жалкимъ остаткамъ и составляетъ предметъ той отрасли знаній, которая получила названіе первобытной исторіи и которая излагается въ сокращенномъ видѣ въ книжкѣ Гёрнеса.

Другая книжка — «Исторія человѣческой культуры» Гонеггера—представляетъ какъ бы прямое продолженіе книжки Гёрнеса. Здѣсь излагается исторія человѣчества, уже окончательно обособившагося отъ остального животнаго міра, выработавшаго языкъ, и съ этого момента вступившаго въ тотъ періодъ своего развитія, который можетъ быть названъ культурно-историческимъ. Короче сказать, книжка Гонеггера—это сокращенный курсъ всеобщей исторіи, въ которомъ главное вниманіе читателя сосредоточивается на постепенномъ развитіи и совершенствованіи человѣческаго типа во всѣхъ проявленіяхъ его внѣшней и внутренней жизни.

Совсѣмъ иного рода книга—«Исторія культуры» г. Семенова. Это—компилятивная работа. Вмѣсто того, чтобы «освѣщать основные вопросы человѣческаго знанія, выяснять «главныя идеи, составляющія содержаніе той или иной науки», авторъ сообщаетъ по своему предмету, съ извѣстной послѣдовательностью, рядъ свѣдѣній и фактовъ, которые могутъ заинтересовать неподгото-

вленнаго читателя и запечатлѣться въ его памяти. Начавъ съ исторіи матеріальной культуры, коснувшись по очереди орудій, огня, пищи, жилища и одежды первобытнаго человѣка, авторъ переходитъ къ исторіи духовной культуры человѣчества, описываетъ примитивную семью, затѣмъ бракъ, далѣе—племенную организацію и переходъ отъ нея къ государству, касается права и его развитія, экономическихъ отношеній, и заканчиваетъ главой о религіи и соединенныхъ съ нею нравственныхъ идеалахъ человѣчества. И въ результатѣ получается книжка, хотя и не имѣющая научнаго значенія, но содержащая не мало свѣдѣній о прошломъ человѣка и о развитіи человѣческой культуры.

К. Вентцель. Основныя задачи нравственнаго воспитанія. М. 1896. Ц. 25 к.

Идея сама по себѣ еще не много значитъ; она вызываетъ результаты лишь въ томъ случаѣ, если ее поддерживаетъ чувство. Этимъ нисколько не умаляется важное значеніе интеллектуальнаго момента въ жизни человѣка, даже не отрицается вліяніе его на чувство: мы указываемъ лишь на то, что идея должна гармонировать съ эмоціей, а не находиться съ ней въ антагонизмѣ, и что только при такомъ условіи можно быть увѣреннымъ въ силѣ идеи. Мысль эта не представляетъ изъ себя чего-либо новаго; въ научныхъ сочиненіяхъ она давно уже считается аксіомой, но въ обыденной жизни часто забывается. А между тѣмъ изъ нея вытекаютъ важныя слѣдствія, и наиболѣе важныя, быть-можетъ, въ области воспитанія. Послѣднее было бы прямо невозможно и не нужно, если бы дѣло обстояло иначе: воспитывать, вѣдь, значитъ вырабатывать извѣстныя потребности, извѣстныя стремленія и чувства. Авторъ названной нами книги какъ нельзя лучше сознаетъ эту мысль и на ней строитъ всю свою аргументацію, направленную на выясненіе понятія «нравственности» и на тѣ способы, которыми можно и должно выработать въ человѣкѣ нравственныя стремленія (именно стремленія, а не идеи только). Первая часть—теоретическая — служитъ фундаментомъ для второй — практической. Прежде всего онъ устанавливаетъ, что внѣ жизни не можетъ быть и рѣчи о нравственномъ законѣ или—что то же—о правдѣ, долгѣ, благѣ. Слѣдовательно, стремленіе увеличить общую сумму и напряженность *жизни* и въ себѣ, и въ другихъ составляетъ сущность нравственности. Жизнь же, въ концѣ концовъ, можно свести къ совокупности множества цѣлей: чѣмъ больше достиженіе цѣлей увеличиваетъ общую сумму и напряженность *жизни*, слѣдовательно, чѣмъ всѣ цѣли болѣе согласованы между собою, тѣмъ онѣ нравственнѣе. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ анализѣ высшая задача нравственности есть «установленіе гармоніи между двумя категоріями цѣлей — цѣлями индивидуальнаго характера, предметомъ которыхъ является само лицо, ставящее цѣль, и цѣлями соціальнаго характера, предметомъ которыхъ является совокупность индивидовъ, внѣ насъ находящихся,—или объединеніе себя съ остальнымъ человѣчествомъ въ одно цѣлое», т. е. «*міровая гармонія*». Понятно, что вопросъ о нравственномъ воспитаніи замѣняется такимъ образомъ вопросомъ, что «нужно дѣлать, чтобы воспитать въ ребенкѣ стремленіе къ установленію гармоніи вездѣ и всюду». Мы въ этой краткой замѣткѣ не можемъ послѣдовать за авторомъ, не можемъ передать его весьма цѣнной теоріи воспитанія; замѣтимъ только, что она находится въ полномъ соотвѣтствіи съ выставленнымъ идеаломъ, но если послѣдній пока еще не достижимъ, если его осуществленіе возможно только въ будущемъ и, быть-можетъ, лишь въ отдаленномъ будущемъ, то и его мысли о воспитаніи въ настоящее время еще не можетъ быть осуществлена въ полномъ объемѣ: нужна еще очень долгая работа всего человѣчества, чтобы эта идеальная педагогическая система стала реальнымъ фактомъ. Но, вѣдь, идеалъ тѣмъ иваженъ, что онъ—идеалъ, что онъ является цѣлью, къ достиженію которой мы стремимся, хотя и не надѣемся осуществить ее тотчасъ же, что мы видимъ въ немъ ту мѣрку, тотъ критерій, съ которымъ мы должны сообразоваться въ нашей жизни, если не хотимъ сдѣлаться игрушкой случайностей. Брошюра г. Вентцеля, несмотря на свой малый объемъ, содержитъ въ себѣ такъ много идей,—идей, глубоко продуманныхъ и прочувствованныхъ; въ ней такъ ясно и послѣдовательно развивается основная мысль, такъ полно и ярко освѣщается одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни, и все такъ сильно проникнуто вѣрою въ прогрессъ человѣчества и тою самою «міровою гармоніей», которую авторъ выставляетъ, какъ конечный идеалъ и отдѣльнаго индивида, и всей совокупности людей, что ей можно пожелать только самаго полнаго успѣха.

Списокъ книгъ, доставленныхъ въ редакцію для отзыва:

Аметистова, Н. Средство противъ переутомленія, или какъ надо работать, чтобы вмѣсто переутомленія получалась жизнерадостность. Харьковъ. 1897. Ц. 5 к.

Бертенсонъ, В. А. Польская пшеница. Докладъ общ-ву сельск.-хоз. Южной Россіи. Одесса. 1897. Ц. 20 к.

Бобровъ, Е., проф. Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ. 1897. Ц. 80 к.

Брусиловскій, Е. М., д-ръ. Одесскіе лиманы и ихъ лѣчебныя средства. Одесса. Ц. 75 к.

Гексли, Т. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Перев. съ англ. Н. Березина. Изд. ред. журн. „Образованіе“. СПБ. 1897. Ц. 60 к.

Гете. Фаустъ. Трагедія. Первая часть. Перев. А. И. Мамонтова. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Гетчинсонъ, Г. Н. Автобіографія земли. Общедоступный очеркъ исторической геологіи. Перев. М. А. Энгельгардта. Съ 63 рисунк. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 80 к.

Давидсонъ, М. Начало поселенія и эмансипаціи евреевъ въ Англіи. Изд. Я. Х. Шермана. Одесса. 1897. Ц. 15 к.

Данилло, С. Н., д-ръ. О роли врачей въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1897. Ц. 20 к.

Езерская, Л. О. Молочное дѣло и молочныя школы въ Финляндіи. Харьковъ. 1897.

Желиховская, В. П. Наши родичи. Изъ воспоминаній о славянскихъ земляхъ. „Полезная библіотека“, изд. П. Сойкина. СПБ. 1897. Ц. 50 к.

Карновичъ, Е. Русскіе чиновники въ быломъ и настоящее время. СПБ. 1897. Ц. 50 к.

Карышевъ, Николай. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ. „Образоват. Библіотека“, изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1897 г.

Каховскій, Борисъ. Стихотворенія. 1895—1896 г.

Лансонъ, Г. Исторія французской литературы. XIX вѣкъ. Перев. подъ ред. П. О. Морозова. Изд. ред. журн. „Образованіе“. СПБ. 1897 Ц. 1 р.

Лункевичъ, В. В. Популярная біологія. Съ 208 рис. въ текстѣ и одной хромо-литографіей. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 2 р.

Мало, Гекторъ. Безъ семьи. Перев. (въ сокращ.) А. Круковскаго Изд. О. Н. Поповой СПБ. Ц. 50 к.

Москвичъ, Григорій. Практическій путеводитель по Кавказу. 2-е иллюстр. изданіе. Одесса. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Москвичъ, Григорій. Практическій путеводитель по Крыму. 6-е иллюстр. изданіе. Одесса. 1897. Ц. 1 р.

Нансенъ, Фритьофъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Вып. 1-й, 2-й и 3-й. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1897. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Никольскій, Вл. Къ вопросу о недоразумѣніяхъ въ медицинѣ и о выходѣ изъ нихъ. Опытъ начальной критики медицинскихъ наукъ. Варшава. 1897.

Новикова-Зарина. Кавказскіе разсказы. Изд. кн. торг. Д. Наумова. СПБ. 1897. Ц. 75 к.

Поллокъ, Ф. Исторія политическихъ ученій. Перев. съ англ. А. М. Гердтъ. Изд. ред. журн. „Образованіе“. СПБ. 1897. Ц. 50 к.

Семеновъ, С. Т. Дичокъ. Разсказъ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1897. Ц. 3 к.

Сидоровъ, П. Золоченіе и серебреніе металлическихъ предметовъ. Руководство для любителей. Съ рисунками. СПБ. 1896. Ц. 40 к.

Тарабукинъ, А. Новая практическая грамматика. Этимологія и синтаксисъ. СПБ. 1896. Ц. 50 к.

Тютчевъ, Ѳ. Ѳ. Герои долга. Разсказъ изъ быта на границѣ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1896. Ц. 5 к.

Федченко, Б., и Флеровъ, А. Водяныя растенія Средней Россіи. Съ 32 фотоцинкографіями. М. 1897. Ц. 40 к.

Чемберсъ, Джорджъ. Повѣсть о звѣздахъ. Перев. съ англ. А. Николаевъ. „Образоват. библіотека“, изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1897.

Шиппель, М. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Перев. съ нѣм., подъ редакц. и съ предисловіемъ Петра Струве. Изд. ред. журн. „Образованіе“. СПБ. 1897. Ц. 50 к.

Штальбергъ, В. Гуманность въ исторіи человѣчества. Перев. съ нѣм. Н. Леонтьевой. Изд. ред. журн. „Образованіе“. СПБ. 1897. Ц. 80 к.

Кефиръ и его лѣчебное значеніе. Способъ домашн. приготовл. кефира, съ изложен. строенія и свойствъ кефирнаго грибка. Кіевъ. 1897. Ц. 30 к.

Мадьярскіе поэты. Изданы подъ редакц. Н. Новича. СПБ 1897. Ц. 45 к.

Новѣйшія химическія теоріи Этара. Перев. съ франц. Б. Билитъ. Съ 58 рис. въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 75 к.

СМѢСЬ.

Шведскій король, какъ воспитатель. Не такъ давно шведскій король Оскаръ обратился къ студентамъ Лундскаго университета съ рѣчью, высокій интересъ которой, какъ для характеристики короля, такъ и для знакомства съ постановкой дѣла воспитанія въ Швеціи, не подлежитъ сомнѣнію. По словамъ *Ежемѣсячника евангелической народной школы*, король произнесъ между прочимъ слѣдующее: «Я придаю наибольшее значеніе воспитанію въ человѣкѣ самодѣятельности. Подготовка къ самостоятельному мышленію и такимъ же научнымъ занятіямъ безконечно важнѣе сообщенія разнообразныхъ знаній, которыя механически затверживаются и необычайно быстро испаряются изъ головы. Дѣльный воспитатель навсегда оставляетъ по себѣ добрую память въ сердцѣ воспитанника, глупый и скучный педантъ встрѣчаетъ только ненависть и насмѣшки. Преподаваніе Закона Божія, сводящееся къ пониманію текстовъ катехизиса, не многимъ выше снабженія библіями негровъ, которымъ хотятъ преподать основы христіанскаго ученія. Законоучитель и школьный учитель, не идущіе дальше въ своихъ требованіяхъ, совершенно напрасно избрали карьеру просвѣтителей юношества: они воспитываютъ пустыхъ маріонетокъ, поверхностныхъ рутинеровъ, полуобразованныхъ выскочекъ». Далѣе, король переходитъ къ постановкѣ воспитательнаго дѣла въ Швеціи: «Если у насъ, въ Швеціи, — говоритъ онъ,—соціальный вопросъ не такъ обострился, какъ въ другихъ странахъ, если въ нашихъ газетахъ гораздо меньше жалобъ на огрубѣніе юношества и увеличеніе процента юношей-преступниковъ, то мы обязаны этимъ главнымъ образомъ прочно установившейся у насъ испытанной системѣ дружнаго воздѣйствія на юношество семьи и школы. Радуюсь также и тому, что студенты нашихъ университетовъ даютъ далеко не столько поводовъ къ жалобамъ на

нихъ со стороны газетъ и судебныхъ учрежденій, какъ въ другихъ странахъ. Воспитаніе, стремящееся къ развитію самостоятельнаго мышленія и самодѣятельности, одно только и создаетъ сложившійся и облагороженный характеръ; все другое—только выставка для экзаменовъ, внѣшній лоскъ, который скоро сотрется».

Соловей въ неволѣ. Какъ извѣстно, всѣ попытки пріучить соловья къ пѣнію въ теченіе всего лѣта—никогда еще не имѣли успѣха. Птенцовъ-соловьевъ сажали въ клѣтку и воспитывали вмѣстѣ съ другими птицами, поющими постоянно, напримѣръ съ чижами; но нѣкоторые изъ такихъ птенцовъ упорно оставались нѣмыми, другіе же если и начинали пѣть, то вовсе не по-соловьиному. Стали дѣлать опыты съ взрослыми соловьями; но и они оказывались неудачными. Большинство опытовъ кончалось тѣмъ, что лишенный свободы пѣвецъ рѣшительно переставалъ принимать пищу и такимъ образомъ самъ изводилъ себя. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу свидѣтель подобной птичьей трагедіи:

«У меня есть сосѣдъ, страстный любитель птицъ. Еще недавно въ его коллекціи былъ старый соловей, пойманный въ сентябрѣ прошлаго года. Въ теченіе зимы этотъ узникъ велъ себя вполнѣ покорно; но только что наступила весна, имъ, видимо, овладѣла тоска; онъ пересталъ даже заботиться о своей чистотѣ. А уходъ за нимъ, между тѣмъ, былъ самый тщательный: пища давалась ему обильная и отборная, вода—изъ лучшаго источника, дно и рѣшётки клѣтки были тщательно замаскированы мхомъ. Клѣтку его даже окружили густою зеленью, такъ какъ замѣтили, что лучи солнца, попадая къ нему и напоминая объ утраченной свободѣ, еще сильнѣе волнуютъ несчастнаго узника. Но всѣ эти усилія были напрасны: бѣдный соловей тосковалъ.

«И вотъ, недѣлю тому назадъ, замѣтивъ его волненіе, мы съ большимъ вниманіемъ стали за нимъ слѣдить. Ко всему окружающему онъ, видимо, относился совершенно равнодушно. Онъ весь увлекся какою-то мечтою. Быть-можетъ, онъ забылъ въ эту минуту даже о своей неволѣ. Вотъ онъ въ родимой рощѣ; онъ видитъ солнышко, цвѣтущіе кусты боярышника, вѣтвистыя деревья и свое гнѣздышко, и изъ груди маленькаго узника вырывается, словно вздохъ, нѣжный, мягкій звукъ.

«Сильный шумъ, внезапно раздавшійся съ улицы, разсѣялъ его очаровательный сонъ. Онъ широко открываетъ свои черные глазки, перья на головкѣ и на хвостѣ поднимаются, но онъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки вырваться изъ клѣтки; онъ знаетъ, что борьба для него безполезна. Зато изъ груди его вырывается пѣніе; дрожащія ноты этой пѣсни становятся все громче и громче: въ нихъ слышится отчаяніе и злоба. И вдругъ, съ послѣднею нотою соловей падаетъ мертвымъ: грудь его не выдержала.

«О, не дай Богъ никому услышать такіе раздирающіе душу вопли безнадежнаго отчаянія!

«Вы, любители птицъ, держащіе этихъ пѣвцовъ природы въ клѣткахъ, — заканчиваетъ авторъ свой разсказъ,—откройте имъ темницу, возвратите ихъ роднымъ рощамъ».

Высота температуры въ небесномъ пространствѣ. Изъ наблюденій воздухоплавателей давно ужъ всѣмъ извѣстно, что при постепенномъ удаленіи кверху отъ земной поверхности чувствуется значительное пониженіе температуры окружающаго аэростатъ воздуха; на высотѣ пяти километровъ (т. е. немного менѣе пяти верстъ) отъ земли и выше этого царитъ постоянная стужа. Въ послѣдніе годы стали съ большимъ успѣхомъ производить спуски воздушныхъ шаровъ безъ людей, но снабженныхъ особыми инструментами, автоматически записывающими высоту полета и различныя атмосферическія колебанія. Подобные шары могутъ подниматься гораздо выше, чѣмъ управляемые. И вотъ, изъ записей, полученныхъ послѣ нѣсколькихъ такихъ спусковъ, замѣчено, что температура воздуха понижается безостановочно, на какую бы высоту отъ земли ни поднялся шаръ. На высотѣ, превосходящей, напримѣръ, на нѣсколько километровъ вершину Гималайскихъ горъ, оказывалась температура отъ —50° до 60° по Цельсію, а пущенный въ 1894 году въ Германіи аэростатъ «Циррусъ», поднявшись на невѣроятную высоту 18,450 метровъ, показалъ тамъ стужу въ цѣлыхъ —67° по Ц. Очевидно, что, чѣмъ выше подниматься отъ земли, тѣмъ ниже падаетъ температура окружающей атмосферы. И вотъ невольно возникаетъ вопросъ: до какой же ужасной степени должна быть низка температура въ безпредѣльномъ пространствѣ вселенной, тамъ, среди міра этихъ отдаленныхъ планетъ и неподвижныхъ звѣздъ? Физики много разъ задумывались надъ этимъ вопросомъ, но отвѣтить на него положительно—довольно трудно. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что температура въ небесномъ пространствѣ должна быть ниже самой наименьшей температуры, какую мы только можемъ встрѣтить на поверхности нашего земного шара или надъ нею. Такая наименьшая температура равняется —67° по Ц. Но, съ другой стороны, физика учитъ, что низкая температура, т. е. то, что мы назы-

ваемъ холодомъ, не можетъ переходить извѣстной границы, и что граница эта лежитъ на —273° по Ц.; это и есть такъ-называемый *абсолютный нуль* температуры. Небесное пространство, не содержа въ себѣ, на извѣстномъ разстояніи отъ небесныхъ тѣлъ, никакой матеріи, не можетъ, въ силу этого, и имѣть никакой температуры; и если бы помѣстить туда термометръ, то онъ, уже представляя собою матерію, поднялся бы свыше —273° лишь настолько, насколько къ нему достигали бы лучи отдаленнаго солнца. Другими словами, если говорить о температурѣ небеснаго пространства, то подъ этимъ надо подразумѣвать ту температуру, которую имѣло бы тѣло, способное поглощать всѣ падающіе на него лучи, будучи помѣщено гдѣ-либо въ небесномъ пространствѣ. Если бы помѣстить такое тѣло въ одинаковомъ разстояніи отъ солнца, въ какомъ находится наша земля, то оно, если бы не согрѣвалось солнцемъ, охладилось бы до — 273° по Ц.; но подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей оно, какъ показываютъ опыты Ланглея, согрѣлось бы на 50°, т. е. температура его поднялась бы до —223° по Ц. Земля находится въ такомъ же положеніи по отношенію къ солнцу, а между тѣмъ на ней, даже въ полярныхъ странахъ, температура гораздо выше этого. Въ чемъ же тутъ причина? Причина въ томъ, что нашъ земной шаръ окруженъ густымъ слоемъ воздуха, а слой этотъ обладаетъ свойствомъ пропускать сквозь себя теплые лучи солнца къ земной поверхности, самъ не поглощая ихъ, и въ то же время этотъ же слой не даетъ большей части лучей возможности снова отразиться обратно отъ почвы. Воздушный слой удерживаетъ, такимъ образомъ, солнечную теплоту въ земной поверхности, а затѣмъ и самъ отъ этой поверхности нагрѣвается, этимъ еще болѣе задерживая отраженіе тѣла отъ земли. Вотъ поэтому-то воздухъ нашъ всегда теплѣе въ нижнихъ слояхъ, въ верхнихъ же очень холоденъ, такъ какъ проникающіе черезъ него лучи солнца не нагрѣваютъ его; нагрѣвается онъ, какъ уже сказано, отъ земли. Не будь вокругъ нашей земли этого воздушнаго слоя, температура на ея поверхности была бы страшно низка и въ полугодовую полярную ночь спускалась бы, вѣроятно, до —223° по Ц. Луна находится приблизительно въ такомъ положеніи, и несомнѣнно, что во время четырнадцатидневной лунной ночи температура на нашемъ спутникѣ сильно падаетъ, доходя, быть-можетъ, до —200° по Ц.

ШАХМАТЫ

подъ редакц. Э. С. Шифферса.

Задача №. 37.

E. Mazel (Прага).

Черные.

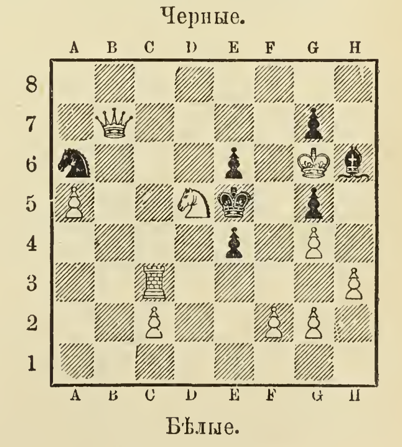
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача №. 38.

H. Keidanski (Берлинъ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

Курсъ дебютовъ.

ОТКАЗАННЫЙ КОРОЛЕВСКІЙ ГАМБИТЪ.

(Продолженіе.)

II.

1. e2—e4, e7—e5; 2. f2—f4, d7—d5.

Этотъ дебютъ распадается на два главныхъ варіанта:

А. 3. e4 : d5, e5—e4!

(Гамбитъ Фалькбеера) и В. 3. К. g1—f3.

А.

Гамбитъ Фалькбеера.

3.	e4 : d5	e5 — e4!

Если 3... Ф : d5, то 4. К. c3! (или 4. Ф. e2), Ф. e6; 5. К. f3 (или 5. fe, Ф : e5+; 6. С. e2, С. d6; 7. К. f3, Ф. e7; 8. d4, С. e6; 9. 0—0 и т. д.), ef+; 6. Кр. f2, Ф. b6+; 7. d4, К. f6; 8. С. b5+, c6; 9. Л. e1+, С. e7; 10. С. c4±).

4.	С. f1 — b5+(a. b. c)	c7 — c6!

На 4... С. d7, послѣдуетъ 5. Ф. e2!

5.	d5 : c6	К. b8 : c6!

Это сильнѣе, чѣмъ 5... b7 : c6; 6. С. c4!, К. f6; 7. d4! С. d6; 8. К. e2 и т. д.

6.	С. b5 : c6+	b7 : c6
7.	d2 — d4	С. c8 — a6
8.	К. b1 — c3	С. f8 — b4
9.	К. g1 — e2	К. g8 — f6
10.	0 — 0	0 — 0
11.	a2 — a3	. . .

Или 11. f5, c5! 12. dc, С : c3; или 12. С. g5, cd; 13. С : f6, Ф : f6; 14. К : e4, Ф. e7; 15. К. g3, Л. ad8, угрожая d3.

11.	. . .	С. b4 : c3
12.	b2 : c3	c6 — c5
	∞	+

a.

4.	d2 — d3	К. g8 — f6!

Или 4... Ф : d5; 5. К. c3 (4... С. f5; 5. Ф. e2).

5.	d3 : e4	К. f6 : e4
6.	С. c1 — e3	Ф. d8 — h4+
7.	g2 — g3	К. e4 : g3
8.	К. g1 — f3	Ф. h4 — h6
9.	Л. h1 — g1	. . .
	—	—

b.

4.	d2 — d4	Ф. d8 : d5
5.	c2 — c4	. . .

Если 5. К. c3, то С. b4.

5.	. . .	Ф. d5 — d8
6.	a2 — a3	f7 — f5
7.	К. b1 — c3	К. g8 — f6
8.	К. g1 — e2	b7 — b6
	—	—

c.

4.	К. b1 — c3	. . .

Ходъ Стейница.

4.	. . .	К. g8 — f6
5.	Ф. d1 — e2	С. f8 — d6

Мы предпочитаемъ С. f8—b4. На 5... С. c5 послѣдуетъ 6. К. f3, а не 6. Ф. b5+.

6.	d2 — d3	0 — 0
7.	d3 : e4	К. f6 : e4
8.	К. c3 : e4	Л. f8 — e8
9.	Ф. e2 — f3	f7 — f5

Игра черныхъ нѣсколько лучше, несмотря на лишнюю пѣшку бѣлыхъ.

В.

3.	К. g1 — f3	d5 : e4
4.	К. f3 : e5	С. f8 — d6(a. b.)
5.	С. f1 — c4	С. d6 : e5
6.	f4 : e5	К. b8 — c6!
	∞	+

a.

4.	. . .	С. c8 — g4
5.	С. f1 — e2	С. g4 : f3

или 5... de; 6. К : e5, С : e2; 7. Ф : e2 и т. д.

6.	С. e2 : f3	e5 : f4
7.	e4 : d5	Ф. d8 — h4+
8.	Кр. e1 — f1	С. f8 — d6
9.	d2 — d4	К. g8 — e7
10.	c2 — c4	∞
	+	

b.

4.	. .	К. b8 — c6
5.	С. f1 — b5	К. g8 — f6
6.	d2 — d4!	. . .

Если 6. К : c6, bc; 7. С : c6+, С. d7; 8. С : a8?, то 8... С. g4!

6.	. . .	e4 : d3
7.	К. e5 : c6	b7 : c6
8.	С. b5 : c6+	С. c8 — d7
9.	С. c6 : a8	Ф. d8 : a8

Игра приблизительно равна.

(Продолженіе будетъ).

Извѣстія изъ шахматнаго міра.

Матчъ между Пильсбери и Шовальтеромъ на первенство въ Америкѣ окончился побѣдой Пильсбери, выигравшаго 10 партій противъ 8-ми при 3-хъ ничьихъ.

Въ послѣднемъ матчѣ Чигорина съ Шифферсомъ побѣдилъ первый, выигравъ 7 партій противъ одной при 6 ничьихъ.

Въ Берлинѣ происходятъ дѣятельныя приготовленія по устройству большого международнаго турнира осенью 1897 г. или 1898 года.

Въ іюнѣ с. г. выйдетъ въ свѣтъ новая шахматная книга подъ заглавіемъ: **Жанъ Дюфрень**, руководство къ изученію шахматной игры (переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія) и **Эммануилъ Ласкеръ** „Здравый смыслъ въ шахматахъ“ (comman sense in chess), 12 лекцій, читанныхъ въ Лондонѣ (съ англійскаго). Переводъ Э. С. Шифферса. Изданіе М. М. Жеребцова. Цѣна книги 2 р. 50 к.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ № 4 Литер. Прилож. „Нивы“ за апрѣль 1897 г.

№ 23. **Янъ Смутн й.** Матъ въ 3 хода.

1. **Л. f8—f4**, Кр : f4, 2. Ф. g4+, Кр. e5; 3. К. f7‡. Остальное понятно. **Второе рѣшеніе:** 1. Ф : e7+, Кр. d4; 2. Л. c8,∞; 3. Ф. e3‡.

№ 24. **И. Поспишиль.** Матъ въ 3 хода.

1. Ф. **a2 - a8**, b7—b6 (b5); 2. Ф. e4+, Кр : e4; 3. Л : e6‡. Или 1 . . . С∾; Л : e6+ и 3. Ф. e8. Остальные варіанты понятны.

№ 25. **Aliquis** Матъ въ 2 хода (съ бѣлымъ конемъ на **c6**).

1. **К. e5—c4**, ∾; 2. Матъ различными способами.

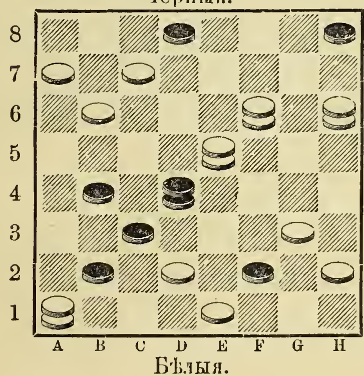
Правильныя рѣшенія прислали: **В. Л. Дейбнеръ, Г. Г. Шмыринъ** (СПБ.); **И. Любомірскій** (Шлиссельбургъ); **Б. Хотилянскій** (Толочокъ); **Гольцманъ** (Балта). **А. И. Богородицкій** (Старобѣльскъ); **Г. Томанъ** (Уфа); **К. Неліусъ** (Штриккенъ); **Г. К.** (Иваново, Гродн. г.); **А. П. Адріановскій** (Саратовъ); **П. Цымдынь** (Лифл. г.); **М. М. Фидлеръ** (Новогрудокъ); **А. Марцинковская** (Грудъ, Сѣдл. г.); **Н. И. Лавровъ** (Москва); **А. Д. Колпиковъ** (Казань) (всѣхъ трехъ задачъ).

ШАШКИ.

Задача №. 39.

А. К. Мишинъ (Б. Верейка).

Черныя.



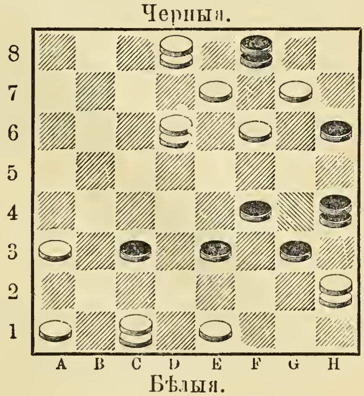
Бѣлыя.

Запереть дамку и 2 простыхъ.

Задача №. 40.

С. П. Соколовъ (Калуга).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ Литер. Прилож. „Нивы" № 3 и 4 за мартъ и апрѣль 1897 г.

№ 17. **А. С. Егоровъ.** Запереть дамку и простую (съ бѣлой дамкой на a1).

1. **c7 d8**; 2. d8 : g5; 3. d2—e3; 4. e3 : c5; 5. a1 : b8; 6. h8—c3; 7. c3 - e1; 7. b8 : h2.

№ 18 **А. И. Шошинъ.** Запереть дамку и простую.

1. **f8 - e7**, a5 - c7 (a, b, c); 2. e7 d8, c7 : d2 (если 2. . ., c7 : c1, то 3. c3 b2, c1 : g1; 4. b8 - a7 и 5. d8 : h4); 3. c3 - b2, d2 : a5; 4. d8 - c7, a5 : d8; 5. b8 c7, d8 : g1; 6. b2—c1, h4 : f2 и 7. c1 : h6 (Вар. a) 1. . ., a5 - b6; 2. e7—f6, g5 : a3: 3. c3 - b4, a3 : c5; 4. e3 - f4, c5 : g5 (если 4. . ., c5 : g1, то 5. b8 - a7 и т. д.); 5. b8—d6, b6 : g1; 6. d6 - e7 и 7. e7 : h4. (Вар. b) 1 . . ., a5—d8; 2. d6 - c5, d8 : f6; 3, e3—f4, g5 : g1; 4. b8—e5 и т. д. (Вар. c) 1 . . ., g5 - f4; 2. e3 : g5, h4 : d8; 3 b8--c7, d8 : b6 и 4. d6—c5.

№ 26. **С. Е. Орловъ.** Запереть дамку и простую. (На b3 бѣл. дамка).

1. **b6** - **a7**; 2. c5—d6; 3. a3—b4; 4. a7 : c5; 5. d4 - f6; 6. f8—e7; 7. e3—c5; 8. f4 : d6 и 9. c1 : a3.

№ 27. **А. И. Шошинъ.** Запереть дамку.

1. **b2—a1**, g3—h2 (a); 2. e5 - f6; 3. f6 - e7; 4. e3 - f4, f2—e1; 5. d2 - e3; 6. g1—f2, f8 - h6 (b); 7. a1—g7; 8. f4 - d6; ∾; 9. a3 : d6 и 10. d6—h2 (b) 6 . . ., h2 - g1; 7. f4 - h2, f8—h6 (если 7 . . . f8 - g7 или f8∾, то 8. a1 : h8 или a3 : f8); 8. a3 - c1; 9. c1 : e3 (a). 1 . . ., g3—f2; 2. e3 - g5: 3. g1 : e3 и 4. a1—b2.

Рѣшилъ **С. П. Соколовъ** (Калуга).

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

подъ редакціей **Ю. О. Г.**

Задача №. 41.

Нѣкій отецъ семейства, умирая, оставилъ послѣ себя капиталъ въ 30.000 рублей, который завѣщалъ распредѣлить между тремя сыновьями, двумя дочерьми и ихъ матерью. Но такъ какъ на воспитаніе сыновей было имъ еще при жизни истрачено гораздо больше, чѣмъ на дочерей, то онъ и распорядился такъ: каждая дочь должна получить вдвое больше сына, а мать—такую часть, которая на 2,000 руб. превосходила бы сумму частей одного сына и одной дочери. По скольку пришлось на долю каждаго?

Рѣшеніе задачи №. 29

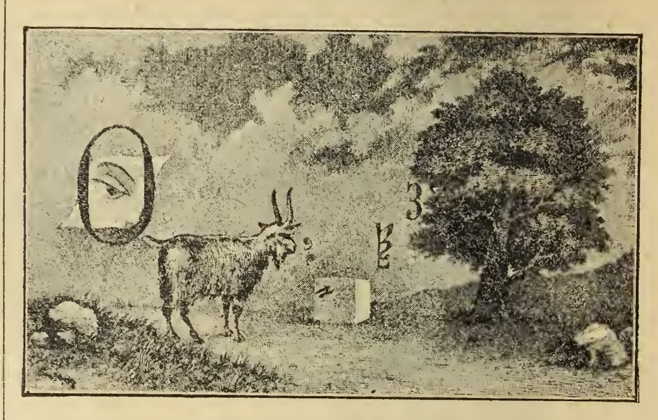
(помѣщен. въ „Литер. прил." № 4).

Правильныя рѣшенія этой задачи доставили: **Е. И. Мессарошъ, Д. Ф. Дворецкій** (ст. Барвенково): **И. И. Найденовъ** (Болградъ); **Е. Н. Бакановская** (Бѣлгородъ); **А. А. Чернявскій** (Казань); **Б. С. Софронѣевъ** (Кіевъ); **В. И. Севостьяновъ, Л. Волковъ, Зильберберъ** (Москва); **А. Г. Зинченко** (Одесса); **С. А. Фридманъ** (м. Погребище); **С. И. Бершидскій** (Прилуки); **М. Фрейденбергъ, Л. Сильганъ, П. Брейкшъ** (Рига); **О. Есаулова, О. Х. Тамбергъ, Н. Сиверсъ** (СПБ.); **М. Х. Баринбаумъ** (Умань).

Задача №. 42.

Въ 8 час. утра отъ желѣзнодорожной станціи *А* выѣзжаетъ по дорогѣ, идущей вдоль полотна, велосипедистъ. Какъ разъ въ это же время навстрѣчу ему отходитъ отъ станціи *Б* курьерскій поѣздъ. Въ половинѣ десятаго они встрѣчаются и продолжаютъ свой путь, каждый въ свою сторону. Остановившись на полчаса для обѣда, велосипедистъ пріѣзжаетъ на станцію *Б* ровно въ 7 час. веч. Спрашивается, въ которомъ часу поѣздъ пришелъ на станцію *А*?

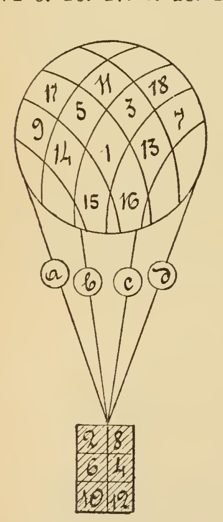
Ребусъ. Задача №. 44.



Задача „шаръ" №. 43.

Найти слѣдующихъ 6 словъ:

I 1. 0. 2. 0. 0. Крѣпость на Кавказѣ.
II 0. 3. 4. 5. Чудовищная рыба.
III 6. 7. 8. 0. 0. Племя негровъ.
IV 0. 0. 0. 9. 10. 11. Городъ въ Италіи.
V 12. 13. 14. 15 0. Мужское имя.
VI 0. 16. 17. 0. 18. Продуктъ пчелъ.



Буквы, соотвѣтствующія цифрамъ, поставить на занимаемыя ими въ фигурѣ мѣста (буквы, соотвѣтств. кружкамъ — выбросить); по перестановкѣ указанн. буквъ въ фигурѣ получится названіе одного острова, заинтересованной имъ одной державы и имя представителя этой державы.

II) Рѣшить уравненія.

$$a+b=c$$
$$\sqrt{c+d}=4$$
$$\frac{b+1}{c}=1$$
$$b-d=a$$

Полученныя переставленныя значенія a, b, c, d даютъ годъ.

Рѣшеніе задачи №. 21

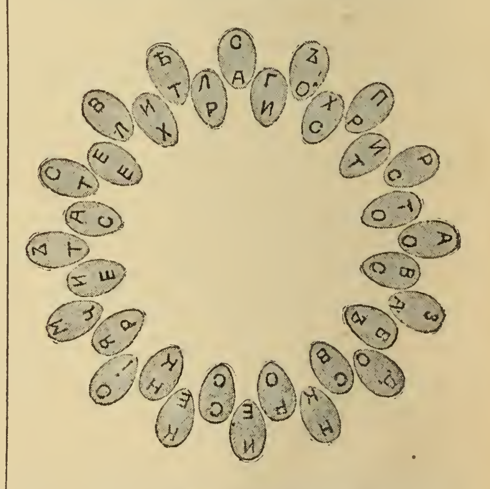
(помѣщ. въ „Литер. прил." № 3).

Каждыя $65^5/_{11}$ минуты, въ $5^5/_{11}$ мин. послѣ часу, въ $10^{10}/_{11}$ мин. послѣ 2-хъ час. и т. д. всего 11 разъ.

Правильныя рѣшенія доставили: М. С. Зеленецкая (Новоградъ-Волынскъ); Г. (Фатежъ); свящ. К. Стояновскій.

Рѣшеніе пасхальной задачи №. 28

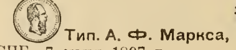
(помѣщ. въ „Литер. прилож." № 4).



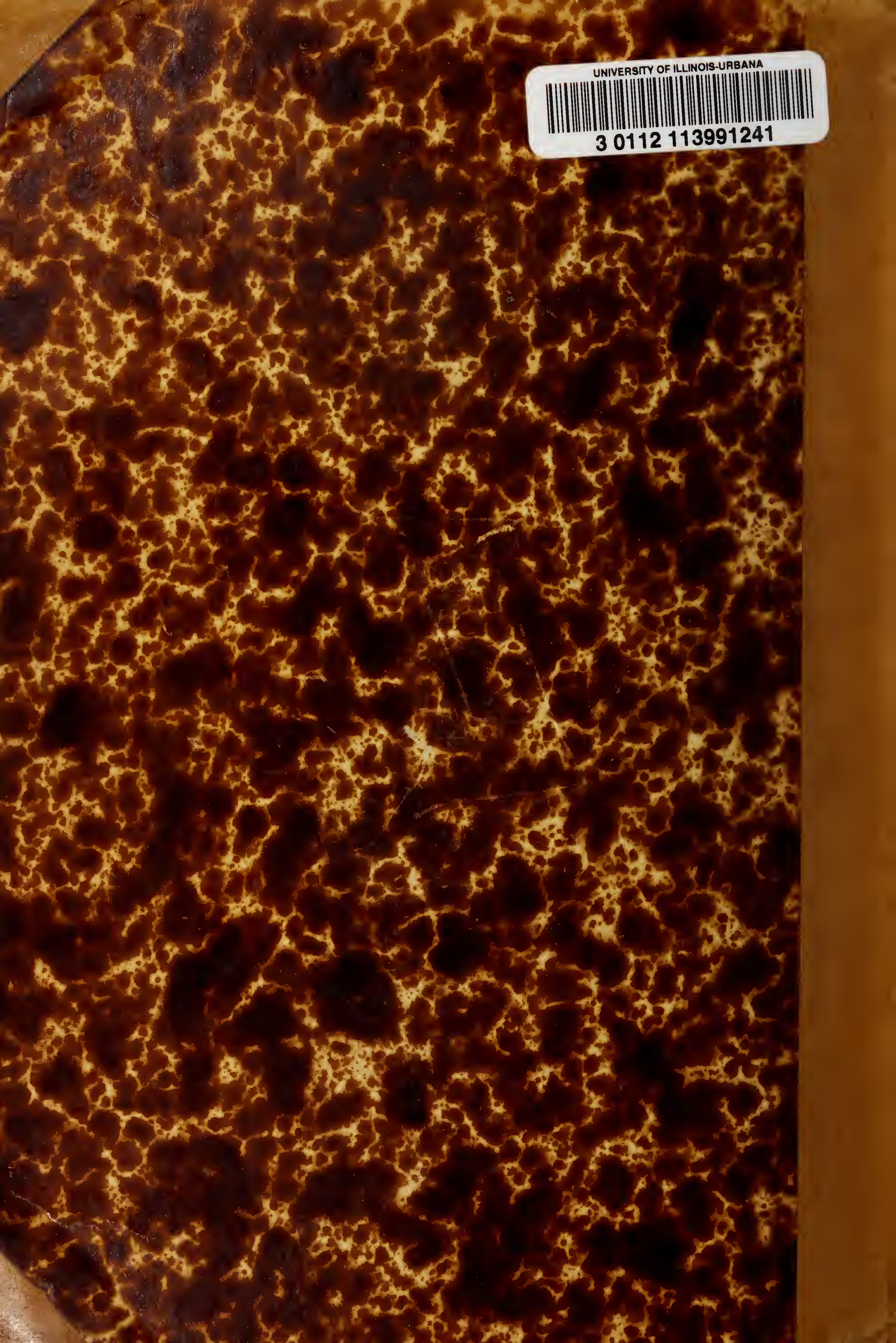
Съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, читатели, Христосъ воскресе.

Правильныя рѣшенія этой задачи доставили: И. Ф. Филипповъ (СПБ.); Б. М. Б. С. Софр нѣевъ (Кіевъ); Л. М. Кутлинск.й (хут. Николаевскій); М. А. Ганшинъ (Харьковъ).

Издатель А. Ф. Марксъ. За редактора А. Ф. Марксъ.



Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подъяч. № 1.
Дозволено цензурою. СПБ. 7 іюня 1897 г.


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 113991241